Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://chernyshevskynikolai.ru/ Приятного чтения!

Полное собрание сочинений в 15 т. Том III. Николай Гаврилович Чернышевский

ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Сочинения Николая Васильевича Гоголя. Четыре тома.
Издание второе. Москва. 1855.
Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его
Похождения Чичикова или Мертвые души.
Том второй (пять глав). Москва, 1855Л)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

В древности, о которой сохраняются ныне лишь темные, неправдоподобные, но дивные в своей невероятности воспоминания, как о времени мифическом, как об «Астрее», по выражению Гоголя 2, — в этой глубокой древности был обычай начинать критические статьи размышлениями о том, как быстро развивается русская литература. Подумайте (говорили нам) — еще Жуковский был в полном цвете сил, как уж явился Пушкин; еда а Пушкин совершил половину своего поэтического поприща, столь ,рано пресеченного смертью, как явился Г"оголь — и каждый из этих людей, столь быстро следовавших один за другим, вводил русскую литературу в новый период развития, несравненно высшего, нежели все, что дано было предыдущими периодами. Только двадцать пять лет разделяют «Сельское кладбище» от «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Светлану» от «Ревизора» 3, — и в этот краткий промежуток времени русская литература имела три эпохи, русское общество сделало три великие шага вперед по пути умственного и нравственного совершенствования. Так начинались критические статьи в древности.

Эта глубокая, едва памятная нмиенгаему поколению древность была не слишком давно, как можно предполагать из того, что в преданиях ее встречаются имена Пушкина и Гоголя. Но — хотя мы отделены от нее очень немногими годами, — она решительно устарела для нас, В том уверяют нас положительные свидетельства почти всех людей, пишущих ныне о русской литературе — как очевидную истину, повторяют они, что мы уже далеко ушли вперед от критических, эстетических и т. п. принци-ними и неосновательными, мнения — утрированными, несправед-5

а и в ы м и ; что мудрость той эпохи оказалась ныне суесловием, и что истинные принципы критики, истинно мудрые воззрения на русскую литературу — о которых не имели понятия люди той эпохи — найдены русскою критикою только с того временя, как в русских журналах критические статьи начали оставаться неразрезанными 4.

В справедли вости этих уверений еще можно сомне ваться, тем более, что они высказываются решительно без всяких доказательств; но то остается несомненным, что в самом деле наше время значительно разнится от незапамятной древности, о которой мы говорили. Попробуйте, например, начать ныне критическую статью, как начинали ее тогда, соображениями о быстром развитии (нашей литературы — и с первого же слова вы сами почувствуете, что дело не ладится. Сама собою представится вам мысль: правда, что за Жуковским явился Пушкин, за Пушкиным Гоголь, >и что каждый из этих людей вносил новый элемент в русскую литературу, расширял ее содержание, изменял ее направление; но что нового внесено в литературу после Гоголя?

И ответом будет: гоголевское направление до сих пар остается в нашей литературе единственным сильным и плодотворным. Если и можно припомнить несколько сносных, даже два или три прекрасных произведения, которые не были проникнуты идеею, сродною идее гоголевых созданий, то, несмотря на свои художественные достоинства, они остались без влияния на публику, почти без значения в истории литературы. Да, в нашей литературе до сих пор продолжается гоголевский тгеоиод — а ведь уж двадцать лет прошло со времени появления «Ревизора», двадцать пять лет с

появления «Вечеров на хуторе близ Диканьки» —'прежде в такой промежуток сменялись два-три направления. Ныне господствует одно и то же, и мы не знаем, скоро ли мы будем в состоянии сказать: «начался' для русской литературы новый период».

Из этого ясно видим, что в настоящее время нельзя начинать критических статей

так, как начинали их в глубокой древности, – размышлениями о том, что едва мы успеваем привыкнуть к имени писателя, делающего своими сочинениями новую эпоху в развитии нашей литературы, как уже является другой, с произведениями, которых содержание еще глубже, которых |форма еще самостоятельнее и совершеннее, – » этом отношении нельзя не согласиться, что настоящее не похоже на прошедшее. Чему же надойно приписать такое различие? Почему гоголевский период продолжается такое число лет, какого в прежнее время было достаточно для смены двух или трех периодов? Быть может, сфера гоголевских идей так глубока и обширна, что нужно слишком много времени для полной разработки их литературою, для усведдакя их обществом, – условия, от которых, конечно, за-вдсит щЛфйвивфщпрщтуряос развитие, потому что, только по -глотив и яереварида предложЛнную пищу, можно алкать новой, б

Только совершенно обеспечив себе пользование тем, что уже приобретено, должно искать новых приобретений, – быть может, наше самосознание еще вполне занято разработкою гоголевского содержания, не предчувствует ничего другого, не стремится ни к чему более полному и Глубокому? Или пора было бы явиться в нашей литературе новому направлению, но оно не является вследствие каких-нибудь посторонних обстоятельств? Предлагая последний вопрос, мы тем самым даем повод думать, что считаем справедливым отвечать на него утвердительно; а говоря: «да,

пора было бы начаться новому периоду в русской литературе», мы тем самым ставим себе два новые вопроса: в чем же должны состоять отличительные свойства нового направления, которое возникнет и отчасти, хотя еще слабо, нерешительно, уже возникает из гоголевского направления? и какие обстоятельства задерживают быстрое развитие этого нового направления? Последний вопрос, если хотите, можно решить коротко – хотя бы, например, и сожалением о том, что не является новый гениальный писатель. Но ведь опять можно спросить: почему же он не является так долго? Ведь прежде являлись же, да еще ка« быстро один за другим – Пушкин, Грибоедов, Кольцов, Лермонтов, Гоголь... пять человек, почти в одно и то же время – ' значит, не принадлежат же они к числу явлений, столь редких в истории народов, как Ньютон или Шекспир, которых ждет человечество по нескольку столетий. Пусть же теперь явился бы человек, равный хотя одному из этих пяти, он начал бы своими творениями новую эпоху в развитии нашего самосознания. Почему же нет ныне таких людей? Или они есть, но мы их не замечаем? Как хотите, а этого не следует оставлять без рассмотрения. Дело очень казусное.

А иной читатель, прочитав последние строки, скажет, качая головою: «не слишком-то мудрые вопросы; и где -то я читал совершенно подобные, да еще и с ответами, – где, дайте при-вошшть; ну, да, я читал их у Гоголя, и именно в следующем отрывке из подневных «Записок сумасшедшего»:

Декабря 5. Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании паследника. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен? На престоле должен быть король. «Да», говорят, «нет короля» – ие может статься, чтоб не было короля. Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь скрывается в неизвестности. Он, статься может, находится там же, но какие-нибудь или фамильные причины, или опасения со стороны соседственных держав, как -то: Франции и других земель, заставляют его скрываться, или есть какие-нибудь другие причины 5.

Читатель будет совершенно прав. Мы действительно пришли к тому же самому положению, в каком был Аксентий Иванович Поприщин. Дело только в том, чтобы объяснить это положение 7 .

на основании фактов, представляемых Гоголем и новейшими нашими писателями, и переложить выводы с диалекта, которым говорят; в Испании, на обыкновенный русский язык.

Критика вообще развивается на основании факте, представляемых литературою, произведения которой служат необходимыми данными для выводов критики. Так, вслед за Пушкиным с его поэмами в байроновском духе и «Евгением Онегиным», явилась критика «Телеграфа»; когда Гоголь приобрел господство над развитием нашего самосознания, явилась так называемая критика 1840-х годов... Таким образом, развитие новых критических убеждений каждый раз было следствием изменений в господствующем характере литературы. Понятно, что и наши критические воззрения

не могут иметь притязаний ни на особенную новизну, ни на удовлетворительную законченность. Они выведены из произведений, представляющих только некоторые предвестия, начатки нового направления в русской литературе, но еще не выказывающих его в полном развитии, и не могут содержать более того, что дано литературою. Она еще не далеко ушла от «Ревизора» и «Мертвых душ», и наши статьи не могут много отличаться по своему существенному содержанию от критических статей, явившихся на основании «Ревизора» и «Мертвых душ». По существенному содержанию, говорим мы, — достоинства развития зависят исключительно от нравственных сил пишущего « от обстоятельств; и если вообще должно сознаться, что наша литература в последнее время измельчала, то естественно предполагать, что и наши статьи не могут не носить того же характера, по сравнению с тем, что мы читали в старину. Но как бы то «и было, не совершенно же бесплодны были эти последние годы — наша литература приобрела несколько новых талантов, если и не создавших еще ничего столь великого, как «Евгений Онегин» или «Горе от ума», «Герой нашего времени» или «(Ревизор» и «Мертвые души», то все же успевших уже дать нам несколько прекрасных произведений, замечательных самостоятельными достоинствами в художественном отношении и живым содержанием, — произведений, в которых нельзя не видеть залогов будущего развития. И если в наших статьях отразится хоть сколько-нибудь начало движения, выразившееся в этих произведениях, они будут не совершенно лишены предчувствия о более полном и глубоком развитии русской литературы. Удастся ли нам это — решат читатели.

Но мы смело и положительно сами присудим своим статьям другое достоинство, очень важное; они порождены глубоким уважением и сочувствием к тому, что было благородного, справедливого и полезного в русской литературе и критике той глубокой древности, о которой говорили мы вначале, древности, которая, впрочем, только потому древность, что забыта отсутствием убеждений или кичливостью и в особенности мелоч-8

ностью чувств и понятий, — нам кажется, что необходимо обратиться к изучению высоких стремлений, одушевлявших критику прежнего времени; без того, пока мы не вспомним их, не проникнемся ими, от нашей 'критики нельзя ожидать никакого влияния на умственное движение общества, никакой пользы для публики и литературы; и не только не будет она приносить никакой пользы, «о и не будет возбуждать никакого сочувствия, даже никакого интереса, как не возбуждает его теперь. А критика должна играть важную роль в литературе, пора ей вспомнить об этом. Читатели могут заметить в наших словах отголосок бессильной нерешительности, овладевшей русскою литературою в последние годы. Они могут сказать: «вы хотите движения вперед, и откуда же предлагаете вы почерпнуть силы для этого движения? Не в настоящем, не в живом, а в прошедшем, в мертвом. Неободрительны те воззвания к новой деятельности, которые ставят идеалы себе в прошедшем, а не в будущем. Только сила отрицания от всего прошедшего есть сила, создающая нечто новое и лучшее». Читатели отчасти будут правы. Но и мы не совершенно неправы. Падающему всякая отора хороша, лишь бы подняться на ноги; и чго же делать, если наше время не выказывает себя способным держаться на ногах собственными силами? И что же делать, если этот падающий может опереться только на гробы? И надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежат в этих гробах? Не живьте ли люди похоронены в них? По крайней мере, не гораздо ли более жизни в этих покойниках, нежели во многих людях, называющихся живыми?

Ведь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества, это слово заключает в себе семена жизни, о«о никогда ке будет мертво. И разве много лет прошло с того1 времени, когда эти слова были высказаны? Нет; и в них еще столько свежести, они еще так хорошо приходятся к потребностям настоящего времени, что кажутся сказанными только вчера. Источник не иссякает оттого, что, лишившись людей, хранивших его в чистоте, мы по небрежности, по легкомыслию допустили завалить его хламом пустословия. Отбросим этот хлам, — и мы увидим, что в источнике еще живым ключом бьет струя правды, могущая, хотя отчасти, утолить нашу жажду. 'Или мы не чувствуем жажды? Нам хочется сказать «чувствуем», — ,но мы боимся, что придется прибавить: «чувствуем, только не слишком сильно».

Читатели могли видеть уже из того, что нами сказано, и увидят еще яснее из продолжения наших статей, что мы не считаем сочинения Гоголя безусловно удовлетворяющими всем современным потребностям русской публики, что даже в «Мертвых 9

душах» * мы находим стороны слабые, или, по крайней мере, недостаточно развитые,

что, наконец, в некоторых произведениях последующих писателей мы видим залоги более полного и удовлетворительного развития идей, которые Гоголь обнимал только с одной стороны, не сознавая вполне их сцепления, их причин и следствий. И однако же мы осмелимся сказать, что самые безусловные поклонники всего, что написано Гоголем, превозносящие до 'небес каждое его произведение,, каждую его строку, не сочувствуют так живо его произведениям, как сочувствуем мы, не приписывают его деятельности столь громадного значения в русской литературе, как приписываем мы. Мы называем Гоголя без всякого сравнения величайшим из русских писателей по значению. По (нашему мнению, он имел полное право сказать • Мы говорим здесь только о первом томе «Мертвых душ», как и везде, где не означено, что речь идет о втором. Кстати, надобно сказать хотя несколько слов о втором томе, пока придет нам очередь разбирать его подробно, при обзоре сочинении Гоголяб. Напечатанные ныне пять глав второго тома «Мертвых душ» уцелели только в черновой рукописи, и, без сомнения, в окончательной редакции имели совершенно не тот вид, в каком теперь мы читаем их — известно, что Гоголь работал туго, медленно и только после множества поправок и переделок успевал придать истинную форму своим произведениям. Это обстоятельство, значительно затрудняющее при решении вопроса: «ниже или выше первого тома «Мертвых душ» в художественном отношении было бы их продолжение, окончательно обработанное автором», не может еще заставить нас совершенно отказаться от суждения о том, потерял или сохранил Гоголь всю громадность своего таланта в эпоху нового настроения, выразившегося «Перепискою с друзьями». Но общий приговор о всем черновом эскизе, сохранившемся от второго тома, делается невозможным потому, что этот отрывок сам, в свою очередь, есть собрание множества отрывков, написанных в различное время, под влиянием различных настроений мысли, и, кажется, написанных по различным общим планам сочинения, наскоро перечерканных без пополнения вычеркнутых мест, — отрывков, разделенных пробелами, часто более значительными, нежели самые отрывки, наконец, потому, что многие из сохранившихся страниц были, как видно, отброшены самим Гоголем, как неудачные, и заменены другими, написанными совершенно вновь, из которых иные — быть может, в свою очередь также от-боошенные — дошли до нас, другие — и, вероятно, большее число — погибли. Все это заставляет нас рассматривать каждый отрывок порознь и произносить суждение не о «пяти главах «Мертвых душ», как цельном, хотя и черновом эскизе, а только о различной степени достоинств различных страниц, не связанных ни единством плана, ни единством настроения, ни одинаковостью довольства ими в авторе, ни даже единством эпохи их сочинения. Многие из этих отрывков решительно так же слабы и по выполнению и особенно по мысли, как слабейшие места «Переписки с друзьями»; таковы особенно отрывки, в которых изображаются идеалы самого автора, например, дивный воспитатель Тентетникова. многие страницы отрывка о Костан -

жогло, многие страницы отрывка о Муразове; но это еще ничего не доказывает. Изображение идеалов было всегда слабейшею стороною в сочинениях Гоголя и, вероятно, не столько по односторонности таланта, которой многие приписывают эту неудачность, сколько именно по силе его таланта, состоявшей в необыкновенно тесном родстве с действительностью: когда действительность представляла идеальные лица, они превосходно выходили у Гоголя, как, например, в «Тарасе Бульбе» или даже в «Невском проспекте» (лицо художника Пйскарева), Если же действительность не представляла Ю

сл ова, безмерная горд ост ь кот оры х смутил а в свое время самы х жарких его покл онников, и- кот оры х нел овкост ь понят на и нам:

«Русь! Чего ты хочешь от меня? К акая непост ижимая связь таится между нами? Чт о гл ядишь ты так, к зачем все, что ни есть в тебе, обратил о на меня пол ные ожи д ан и я оч и ?»

Он имел пол ное право сказат ь эт о, пот ому что как ни вы соко

ценим мы значение л итературы , но все еще не ценим его д ост а-

точно: она неизмеримо важнее почт и всего, чт о ст авит ся вышё

ее. Бай рон в ист ории чел овечества л ицо едва ли не бол ее важное,

нежели Напол еон, а вл ияние Бай рона на развит ие чел овечества

еще дал еко не так важно, как вл ияние многих других писателей ,

и давно уже не бы л о в мире писат ел я, который бы л бы т ак

важен для своего иарод а, как Гогол ь дл я Р осси и 9.

идеальных лиц или представляла в положениях, недоступных искусству —

что оставалось делать Гогол ю? Выдумывать hxi> Другие, привыкшие лгать,

делают это довольно искусно; но 1 оголь никогда не умел выдумывать, он

сам говорит «то в своей «Исповеди», и выдумки у него выходили всегда

неудачны. В числе отрывков второго тома «Мертвы х душ» много выдуман -

иых, и нельзя не видеть, что они произошл и от сознательного желания

Гоголя внести в свое произведение отрадный элемент, о недостатке которого

жали ему в уши. Но мы не знаем, суждено ли было бы этим отрывкам уцелеть в окончательной редакции «Мертвы х д уш» — художественный такт, которого так много было у Гогол я, верно сказал бы ему при просмотре сочи* нения, что эти места слабы; и мы не имеем права утверждать, что стремление разлить отрадный колорит по сочинению пересилило бы тогда художническую критику в авторе, который был и неумол имым к себе а проницательным критиком. Во многих сл учаях эта фал ьшивая идеализация происходит, повндимому, чисто от произвол а авт ора; но другие отрывки обязаны происхождением искреннему, непроизвол ьному, хот я и несправедливому убеждению. К числу таких мест относят ся по преимуществу монологи Костанжогл о, представляющие смесь правды и фальши, верных замечаний и узких, фантастических выдумок; эта смесь удивит своею странною пестротою каждого, кто не знаком корот ко с мнениями, которые часто встречались в некоторых из наших журнал ов и принадлежат людям, с которыми Гогол ь был в коротких отношениях. Чтобы охарактеризовать эти мнения каким- нибудь именем, мы, держась правила: nomina eimt odiosa *), назовем только покой ного Загоскина, — многие страницы второго тома «Мертвы х душ» кажутся проникнуты его духом. Мы не думаем, чтобы именно Загоскин имел хотя малей шее влияние на Гогол я, и даже не знаем, в каких отношениях они были между собою. Н о мнения, проникающие насквозь последние романы Загоскина и имеющие лучшим из своих многочисленных источников простодушную и недальновидную л юбовь к патриархальности, господствовали между многими ближай шими к Гогол ю людьми, из которых иные отличаются большим умом, а другие начитанностью или даже ученостью, которая могла обольстить Гогол я, справедливо жал ующегося, что не получил образования, соответственного его таланту, н, можно прибавить, великим силам его нравственного характера. Их- то мнениям, конечно. Подчинялся Гоголь, изображая своего Костанжогл о или рисуя следствия,' происшедшие от слабости Тентетникова (ст р.24 — 26). Подобные места, встречавшиеся в «Переписке с друзьями», более всего содей ствовали осуждению, которому подвергся за нее Гогол ь. Впоследствии мы постараемся рассмотреть, до какой степени его следует осуждать за то, что он поддался ') Имена ненавистные, — то есть не будем называть имен. — Ред.

11

Прежд е всего скажем, что Гогол я д ол жно считат ь отцом русской л розан ческой л ит ерат уры , как Пушкина — от.цвм русской поэзии. Спешим прибавит ь, что эт о мнение не вы думано нами, а т ол ько извл ечено из ст атьи «О русской повести и повестях г. Гог ол я», напечатанной ров но двадцать лет тому назад («Т е -л ескоп», 1835, част ь X X V I) и принадл ежащей авт ору «Статей о Пушкине» 10. Он доказы вает , что наша повесть, начавшаяся очень недавно, в двадцаты х годах ны нешнего стол етия, первым истинны м представителем своим имела Гогол я. Теперь, после т ого как явил ись «Рев изор» н «Мерт вы е души», над обно при -этому влиянию, от которого, с одной стороны, должен был предохранять его проницательный ум, но против кот орого, с другой стороны , не имел он достаточно твердой подпоры нн в прочном современном образовании, ни в предостережениях со стороны людей , прямо смотрящих на вещи — потому что, к сожал ению, судьба или гордость держал а Гогол я всегда далеко от таких людей 7. Сделав эти оговорки, внушенные не только глубоким уважением к великому писателю, но еще более чувством справедливого снисхождения к человеку, окруженному неблагоприятными для его развития отношениями, мы не можем, однако же, не сказать прямо, что понятия, внушившие Гогол ю многие страницы вт орого тома «Мертвы х душ» ведостой ны ни

его ума, ни его таланта, нн особенно его характера, в котором, несмотря на все противоречия, доныне остающиеся загадочными, должно признать основу благородную и прекрасную. Мы должны сказат ь, что на многих страницах второго тома, в противоречие с другими и лучшими страницами, Гоголь является адвокатом закоснел ости; впрочем, мы уверены, что он принимал эту закоснелость за что- то доброе, обол ьщаясь (Не которыми сторонами ее, с односто-

ронней точки зремия могущими представляться в поэтическом ила кротком виде и закры вать глубокие язвы, которы е так хорошо видел и добросовестно изобличал Гоголь в других сферах, более ему известных, и которы х не различил в сфере дей ствий Костанжогл о, ему не столь хорошо знакомой . В самом деле, второй том «Мертвы х душ» изображает быт, которого Гоголь почти не касал ся в прежних своих сочинениях. Прежде у него на первом плане постоянно были города н нх жители, преимущественно чиновники и их отношения; даже в первом томе «Мертвы х душ», где является так много помещиков, они изображают ся не в своих деревенских отношениях, а только как люди, входящие в сост ав так назывЖжого образованного общества, или чисто с психологической стороны . Коснуться не вскользь сельских отношений Го -голь вздумал только во втором томе «Мертвы х душ», и новость его на этом поприще может до некоторой степени объяснить его заблуждения. Быть может, при ближай шем изучении предмета многие из набросанны х им картин совершенно изменили бы свой кол орит в окончательной редакции. Так или нет, но во всяком случае мы имеем положительные основания утверждать, что каковы бы ни были некоторые эпизоды во втором томе «Мертвых душ», преобладающий характер в этой книге, когда б она была окончена, остался бы все- таки тот же самый , каким отличается н ее первый том н все предыдущие творения великого писателя. В этом ручаются нам первые же строки изданных ныне глав:

«Зачем же изображат ь бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкалывая людей из глуши, из отдаленных закоул ков государства? — Чт о ж делать, если уже таковы свой ства сочинителя, и, заболев собственным несовершенством, уже не может о-н изображат ь ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенства нашей жнзнн, выкалывая людей нз глуши, нз отдаленных закоул ков государст ва?..»

Очевидно, что вто место, сл ужащее программою второму тому, написано уже тогда, как Гоголь был сильно занят толками о мнимой односторонности,

бавить, что точно так же Гогол ь был от цом нашего 'романа (в прозе) и прозаических произведений в драматической форме, то есть вообще русской прозы (не над обно забы ват ь, что мы говорим искл ючител ьно об изящной л ит ерат уре). В самом деле, истинным начал ом каждой ст ороны народной жизни над обно считать т о время, когда эта ст орона раскры вает ся заметным образом , с некот орою энергиею, и прочны м образом ут верж-дает за собою место в жизни, — все предшествующие от ры воч-ные, исчезающие без сл еда эпизодические проявл ения дол жны быть считаемы тол ько поры вами к осущест вл ению себя, но его произведений ; когда он, считая эти толки справедливыми, уже объяснял свою мнимую односторонность собственными нравственными слабостями, — одним словом, оно принадлежит эпохе «Переписки с друзьями»; и однако же программою художника остается, как видим, прежняя программа «Ревизора» и первого тома «Мертвы х душ». Да, Гоголь - художник оставался всегда верен своему призванию, как бы ни должны мы были судить о переменах, происшедших с ним в других отношениях. И дей ствитель-но, каковы бы ни были его ошибки, когда он говорит о предметах для него новых, — но нельзя не признаться, перечитывая уцелевшие главы второго тома « Мертвых душ», что едва он переходит в близко знакомые ему сферы отношений , которые изображал в первом томе «Мертвы х душ», как талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней саоей силе и свежести. В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда- либо давал нам Гоголь, которые приводят в восторг своим художественным достоинством, и, что еще важнее, правдивостью и силою благородного негодования. Не перечисляем этих отрывков, потому что мх слишком много; укажем только некоторые: разговор Чичикова с Бетрищевым о том, что все требуют себе поощрения, даже воры, н анекдот, объясняющий выражение: «полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», описание мудрых учреждений Кашкарева, судопроизводство над Чичиковым и гениальные поступки опытного юрисконсульта: наконец, дивиое окончание отрывка — речь генерал- губернатора, ничего подобного которой мы не читали еще на русском языке, даже у Гогол я8. Эти места человека самого предубежденного против автора «Переписки с друзьями» убедят, что писатель, создавший «Ревизора» и первый том «Мертвы х душ», до конца

жизни остал ся верен себе как художник, несмотря на то, чго как мыслитель мм1 забл уждаться; убедят, что высокое благородство сердца, страстная любовь к правде if благу всегда горели в душе его, что страстною ненавистью ко всему низкому и злому до конца жизни кипел он. Чт о же касается чисто юмористической стороны его таланта, каждая страница, даже наименее удачная, представляет доказательства, что в этом отношении Гоголь всегда оставался прежним, великим Гоголем. Из больших отрывков, проникнутых юмором, всеми читателями второго тома «Мертвы х душ» были замечены удивительные разговоры Чичикова с Тентетнниковым, с генералом Бетрищевым, превосходно очерченные характеры Бетрищева, Петра Петровича Петуха и его детей , многие страницы из разговоров Чичикова с Пл а-тоновыми, Костанжогл о, Кашкаревым и Хлобуевы м, превосходные характеры Кашкарева и Хл обуева, прекрасный эпизод поездки Чичикова к Аеннцыну, и, наконец, множество эпизодов из последней главы, где Чичиков попадается под суд. Одним словом, в этом ряде черновых отрывков, которые нам остались от второго тома «Мертвых душ», есть слабые, которые, без сомнения, были бы переделаны нли уничтожены автором при окончательной отделке романа, но в большей части отрывков, несмотря на их неотделанность, великий талант Гогол я является с прежнею своею силою, свежестью, с бл агород-ством направления, врожденным его высокой натуре.

13

еще не дей ствительным сущест вованием. Так, превосходны е комедии Фонвизина, не имевшие вл ияния на развит ие нашей л итературы , сост авл яют тол ько блестящий эпизод, .предвещающий появл ение русской прозы и русской комедии. Повести К а-

рам зина имеют значение т ол ько для ист ории язы ка, но не для ист ории оригинал ьной русской л итературы , потому что русского в них нет ничего, «ром е язы ка. Прит ом же, и они ск оро были подавл ены наплы вом стихов. При появл ении Пушкина, русская л ит ерат ура сост оял а из одних ст ихов, не знал а прозы и продол жал а не знат ь ее до начал а тридцаты х годов. Тут — двумя или тремя годами раньше «Вечеров на хут оре», надел ал шума «Юрий Мил осл авский », — но над обно тол ько прочитат ь разбор эт ого романа, помещенный в «Лит ературной газете», и мы осязат ел ьно убедимся, что есл и «Юрий Мнл осл авский » нра-вил ся читателям, не сл ишком требовател ьны м относител ьно художественны х дост оинст в, т о дл я развит ия л итературы он и тогда не мог счит ат ься важны м явл ением11, — и дей ствительно, Заг оскин имел тол ько од ного подражат ел я — себя самого. Романы Лажечникова нмели бол ее дост оинст ва, — но не стол ько, чтобы утвердить право л ит ерат урного гражд анст ва за п розою.

Зат ем ост ают ся романы Нарежног о, в кот оры х нескол ько эпизод ов, имеющих несомненное дост оинст во, сл ужат тол ько к тому, чтобы ярче вы ставить неукл южесть рассказа и несообразност ь сюжет ов с русскою жизнью. Они, подобно Ягубу Скупал ову п , бол ее походят на л убочны е издел ия, нежели на произведения л итературы , принадлежащей образованном у обществу 13. Русская повесть в п розе имела бол ее даровит ы х деятелей , — между прочими Марл инского, Пол евого, Павл ова. Н о характ ерист ику их представл яет статья, о которой мы говорил и выше, а для нас довол ьно будет сказат ь, что повести Пол евого признавал ись самыми л учшими из всех, сущест вовавших до Гогол я, — кто забыл их и хочет составит ь себе понят ие о их отличительных качествах, тому советую прочест ь превосход ную пародию, помещенную некогда в «Отечественны х записках» (есл и не ошибаемся, 1843 г .) — «Необы кновенны й поединок»; а для тех, кому не сл учится иметь ее под руками, помещаем в вы носке ха-ракт ерист ику л учшего из бел л етристических произведений П о-л евого — «Аббад д онны ». Есл и т аково бы л о лучшее из прозаических произведений , т о м ожно себе вообразит ь, каково было дост оинст во всей прозаической от расл и тогдашней л итературы *.

* «Г. Полевой хотел выразить в своем романе идею противоречия поэ-ааи с прозою жизни. Дл я этого он представил молодого поэта в борьбе с сухих, эгоистическим и прозаическим обществом. Но... во- первых, его поэт, этот Рей хенбах, есть то, что немцы называют «прекрасная душа» (schone Seele). Сл ова «прекрасная душа» имели у немцев то благородное значение, которое имеют они до сих пор у нас. Но теперь они у немцев употребляются как выражение чего- то комического, смешного. Так точно, еще недавно слова U

Во всяком сл учае, повести были несравненно л учше романов, и если авт ор статьи, о которой мы упоминал и, п од робн о обозрев все сущест вовавшие до Гогол я повести, приходит к закл юче-нию, что, собст венно говоря, «у нас еще не

был о повест и» до появл ения «Вечеров на хут оре» <и «Мирг ород а», то еще несомненнее, что у нас не сущест вовал о романа. Был и тол ько попытки, доказы вавшие, что русская л итература гот овит ся иметь роман и повесть, обнаруживавшие в ней стремл ение к произведению романа и повести. От носит ел ьно драмат ических произведений нел ьзя сказат ь и эт ого: прозаические пьесы, дававшиеся на театре, были чужды всяких л итерат урны х качеств, «ак водевили, переделываемые ныне с франц узского.

«чувствительность» и «чувствительный » употреблялись у нас для отличия людей с чувством и душою от людей грубых, животных, лишенных души и чувства; а теперь употребляются для вы ражения сл абого, расплывающегося, растл енного и приторного чувства. Выражение «прекрасная душа» полу-

чило теперь у немцев значение чего- то доброго, теплого, но вместе с тем детского, бессильного, фразерского и смешного. Ренхенбах г. Пол евого есть полный представитель такой «прекрасной души», — и он тем смешнее, что почтенный сочинитель нисколько не думал издеваться над ним, но от чистого сердца убежден, что представил нам в своем Рей хенбахе истинного поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рей хенбах есть что - то уродливое, смешное, не образ к не фигура, а какая- то каракулька, начерченная на серой и толстой бумаге дурно очиненным пером. В нем нет ничего поэтического: он просто добрый малый , — и весьма недалекий малый , — а между тем, автор поставил его на весьма высокие ходу л я. Л ю т оскорбл яют его не истинными своими недостатками, а тем, что не мечтают, когда надо работать, и не восхищаются вечернею зарею, когда надо ужинать. Авт ор даже и не намекнул на истинные противоречия поэзии с прозою жизни, поэта с толпою. 1 '"'J

Ренхенбах любит Генриетту, простую девушку без образования, без эстетического чувства, но хорошенькую, добренькую и молоденькую. Кто не был мальчиком и не влюблялся таким образом и в кузину, и в соседку, и в подругу по детским играм? Но v кого же такая любовь и продол жалась за ту эпоху, когда воротнички а 1'enfant меняются на галстух? Ренхенбах думает об этом иначе и, во что бы то ни стало, дочет обожать Генриетту до гробовой доски. Она тоже не прочь от этого. Н о в их отношениях нет ничего поэтического, невыговариваемого автором, но понятного для читателей . Вся любовь их испаряется в словах, в дерзких поцелуях со стороны поэта и в «ах, что вы это?» со стороны хорошенькой мещаночки. Вдруг, Ренхенбаху предстает Леонора. Эт о актриса, — femme emancipee нашего времени, жрица искусства и любви. Любовница министра, дряхлого, развратного старичишки, она томится жаждою любви глубокой и возвышенной . В Рей хенбахе находит она свой идеал. И вот, вы думаете, что она перерождается, как баядера Гете , — ничегЬ не бывало! Она только говорит о перерождении, о восстании, о пламени любви своей . Вы думаете, что Рей хенбах оставляет для.этой сильной , пламенной и страстной души, столь обаятельной для юношей , — оставляет для нее свою ребяческую любовншку к добренькой кухарочке — ничего не бывало! Он только колеблется между тою и другою, и в этом колебании выказывается вся слабость его слабенькой натуры. Наконец, Генриетта решительно побеждает, особенно потому, что Леонора впадает в бешенство и неистовствует, как пьяная гетера, вместо того, чтоб представлять из себя плачущую слезами любви и раскаяния падшую пери. И чем же оканчивается любовь haraero великого поэта? а вот чем, послушай те: «Генриетта нн за что 15

Таким образом , проза в русской литературе занимал а очень мал о места, имела очень мал о значения. Она стремил ась существовать, но еще не сущест вовал а.

В ст рогом смысле сл ова, л ит ерат урная деятельность ограничивал ась искл ючител ьно ст ихами. Гогол ь был отцом русской прозы , и не тол ько был от цом ее, но бы ст ро доставил ей решительный перевес над поэзиею, перевес, сохраняемый ею до сих пор. Он не «мел яи предшественников, ни помощников в этом деле. Ему одному п роза обязана и своим существованием, и всеми своими успехами.

<яКак1 не имел предшественников или помощников? Разве можно забы ват ь о прозаических произведениях Пушкина)»

— Нел ьзя, но, во- первых, -они далеко не имеют того значения в ист ории л итературы , как его сочинения, писанны е стихами:

«Капит анская дочка» и «Дубровский » — повести в полном смысле сл ова превосходны е; но укажите, в чем от разил ось их вл ияние? где школ а писателей

, кот оры х был о бы можно назвать последовател ями Пушкина как прозаика? А л итератур-ные произведения бы вают одол жены значением не тол ько своему художественному дост оинст ву, но также (ил и даже еще более) своему вл иянию на развит ие общест ва или, по край ней

мере, л итературы. Н о гл авное – Гогол ь явил ся прежде Пушкина как прозаика. Первы ми из прозаических произведений Пушкина (если не считать незначител ьных от ры вков) были напечатаны «Повест и Бел кина» – в 1831 году; но все согл асят ся, н« хотела соглашаться с Вильгельмом, который уверял, что с этих пор он перестанет писать стихи. На усиленные просьбы Генриетты не оставлять стихов, он отвечал, смеясь, что готов писать но – только колыбельные песни для своих детей . Тут нескромному Вильгельму зажал и рот маленькою ручкою, краснели и не знали куда деваться, пока другие собеседники смеялись громко...» О, честное комгтанство до- брых мещан! О, великий поэт, вышедший из маленькой фантазии! Видите ли, как ложная, натянутая идеальность сходится наконец с пошлою прозою жизни, мирится с нею на конфектных страстишках, картофельных нежностях и плоских шутках?.. Это не то, что на человеческом языке называется «любить», а то, что на мещанском языке на* зывается «амуриться» ..

Вообще, многое в романе г. Пол евого может быть прочтено не без удовольствия, а иное и с удовольствием, но целое странно: теперь оно разве усыпит сладко, и уж никого не увлечет. Когда, рисуя смешное, автор знает, что он рисует смешное, – картина может быть великим созданием; но когда автор изображает нам Дон-Кихота., думая изображать Ал ександра Македонского или Юл ия Цезаря, картина вый дет суздальская, лубочная литография с изображением рай ской птицы и наивною подписью:

Рай ская птица Сирен,

Гл ас ее в пении зело силен:

Когда господа воспевает,

Сама себя позабывает...

Поэзия, поэт, любовь, женщина, жизнь, их взаимные отношения, – все это в «Аббаддонне» похоже на цветы, сделанные из старых тряпок...»

(«От еч(естпенные) чяп(иски) 1841, том XV, библ иограф(ическая) хроника.

что эти повести не имели] большого художест венного дост оинст ва. Зат ем , до 1836 года, бы л а напечат ана т ол ько «Пиковая дама»

(в 1834 год у) – никт о не сомневает ся в т ом, что эт а небол ьшая пьеса написана прекрасно, но т акже никт о не припишет ей особенной важност и. Межд у тем, Гогол ем бы л и напечатаны «Вечера на хут оре» (1831 – 1832), «Повест ь о том, как поссорил ся Иван Иванович с Иваном Никифоровичем » (1833), «Мирг ород » (1835) – то есть все, что впосл едствии сост авил о две первы е части его «Сочинений »; кроме т ого, в «Арабеск ах» (1835) –

«Порт рет », «Невский проспект », «Зап иски сумасшедшего».

В 1836 году Пушкин напечатал «К апит анскую д очку», – но в том же году явил ся «Рев изор» и, кроме т ого, «К ол яска», «Ут ро дел ового чел овека» и «Нос» Таким образом , бол ьшая част ь произведений Гогол я, .и в т ом числ е «Рев изор», бы л и уже и з-вестны публике, когда она знал а еще толь- ко «Пиковую д аму» и «Капит анскую дочку» («Арап Пет ра Вел икого», «Лет опись сел а Горохина», «Сцены из ры ц арских времен» были напечатаны уже в 1837 году, по смерт и Пушкина, а «Дубровский » тол ько в 1 8 4 1)– публ ика имела довол ьно времени проникнут ься п роиз-ведениями Гогол я прежде, нежел и познакомил ась с Пушкины м как прозаиком.

В общем теоретическом смы сл е, мы не думаем отдават ь предпочтение прозаической форме над поэт ическою, или наоборот – у каждой из них есть свои несомненны е преимущест ва; но что касается собст венно русской л ит ературы , то, см от ря на «ее с исторической точки зрения, нел ьзя не признат ь, что все преды -дущие периоды , когда преобл адал а поэт ическая форм а, дал еко уступает в значении и дл я искусст ва и дл я жизни посл еднему, гогол евскому периоду, периоду

господст ва поэмы . Чт о принесет

л итературе будущее, мы не знаем; мы не имеем оснований от называть нашей поэзии в великой будущност и; но дол жны сказать, что до наст оящего времени прозаическая форм а бы л а и продол жает бы т ь для нас 'горазд о пл одот ворнее стихотворной , что Гогол ь дал сущест вование этой важней шей дл я нас от расл и л итературы , и единственно он дост авил ей тот решительный перевес, который она сохраняет до наст оящего времени и, по всей веооят ност и, сохранит еще надол го.

Нел ьзя сказат ь, напрот ив, т ого, чтобы Гогол ь не имел предшественников в том направл ении сод ержания, кот орое назы -вают сат ирическим. Он о всегда сост авл ял о самую живую, или, лучше сказат ь, единственную живую ст орону нашей л итературы. Не будем делать распрост ранений на эту общ епризнан-ную истину, не будем говорит ь о Кант емире, Сум арокове, Фон в и -зине и Кры л ове, но дол жны упомянут ь о Грибоед ове. «Горе от ума» имеет недостатки в художест венном от ношении, но ост ает -ся до сих пор од ною из самы х л юбимы х книг, потому что' представляет ряд превосходны х сат ир, изл оженны х то а форме 2 Н. Г. Чернышевский, г. Ill 17

монол огов, т о в виде разг оворов . Почт и стол ь же важно бы л о вл ияние Пушкина как сат ирического писател я, каким он явил ся преимущественно в «Онегине», И од нако же, несмот ря на вы со-кие дост оинст ва и огромный успех комедии Грибоед ова и романа Пушкина, д ол жно приписат ь искл ючител ьно Гогол ю за-сл угу прочного введения в русскую изящ ную л итературу сат ири-ческог о— или, как справедл ивее будет назват ь его, крит иче-ског о направл ения *. Несм от ря на вост орг, возбужденны й его комедиею, Грибоед ов не имел последователей , и «Горе от ума» ост ал ось в нашей л ит ерат уре одиноким, от ры вочны м явлением, как прежде комедии Фон в и зин а и сат иры Каит емира, ост ал ось

без замет ного вл ияния на л ит ерат уру, как басни Кры л ова **.

Чт о бы л о т ому причиною? К онечно, господст во Пушкина и плеяды поэт ов, его окружавшей . «Горе от ума» бы л о произведением наст ол ько бл естящим и живы м, чт о не могл о не возбудит ь общего внимания; но гений Г рибоед ова не был так велик, чтобы одним произведением приобреет ь с первого же раза господст во над л ит ерат урою. Чт о же касает ся д о сат ирического направл ения в произвед ениях сам ог о Пушкина, т о оно закл ючал о в себе сл иш-ком мал о гл убины и пост оянст ва, чт обы производит ь заметное дей ствие на публ ику и л ит ерат уру. Он о почти совершенно пропадал о в общем впечатл ении чистой художест венност и, чуждой определ енного направл ения, — т акое впечатление производ ят не т ол ько все другие л учшие произведения Пушкина — «Каменный гост ь», «Борис Год унов», «Русал ка» и проч., но и самый «Оне-г и н »:— у кого есть сил ьное пред распол ожение к крит ическому взгл яду на явл ения жизни, т ол ько на т ого произведут вл ияние беглые и легкие сат ирические заметки, попад ающиеся в эт ом романе; — читат ел ями, не предраспол оженны ми к ним, они не * В новей шей науке критикою назы вается не только суждение о явлениях одной отрасл и народной жизни — искусства, литературы или науки, ио вообще суждение о явлениях жизни, произносимое на основании понятий , до которы х достигло человечество, и чувств, возбуждаемых этими явлениями при сличении их с требованиями оазума. Понимая сл ово «критика» в этом обширней шем смысле, говорят: «Критическое направление в изящной лнте -ратуое, в поэзии» — этим выражением обозначает ся направление, до некоторой степени сходное с «аналитическим направлением, анализом» в литературе, о котором так много говорили у нас. Но различие состоит в том, что «аналитическое направление» может изучать подробности житей ских явлений и воспроизводить их под влиянием самых разнородны х стремлений , даже без всякого стремления, без мысли н смысла; а «критическое направление», при подробном изучении и воспроизведении явлений жизни, проникнуто сознанием о соответствии или несоответствии изученных явлений с нормою разума и благородного чувства. Пот ому «критическое направление» в литературе есть одно из частных видоизменений «аналитического направления» вообще. Сатирическое направление отличается от критического, как его край -ность. не забот ящаяся об объективности картин и допускающая утрировку.

** Мы говорим о направлении литературы, о ее духе, стремлениях, а не о развитии литературного языка — в. последнем отношении, как уже тысячу раз было замечаемо в наших журнал ах. Крылов должен (шть считаем одним из предшественников Пушкина.

будут замечены, потому что дей ствительно сост авл яют тол ько второстепенный элемент в сод ержании романа.

Таким образом , несмотря на пробл ески сат иры в «Онегине» и бл естящие филиппики «Горя от ума», критический элемент играл в нашей л итературе до Гогол я второст епенную рол ь. Д а и не только (критического, но и почт и никакого другого определенного элемента нел ьзя бы л о оты скат ь в ее сод ержании, если смотреть на общее впечатление, производ имое всею м ассою сочинений , счит авшихся тогда хорошими или превосходны ми, а не останавл иват ься на немногих искл ючениях, кот оры е, явл яясь случай ными, одинокими, не производил и заметной перемены в общем духе л итературы . Ничего определ енного не бы л о в ее содержании, – сказал и мы, – пот ому, что в ней почти вовсе не было сод ержания. Перечит ы вая всех этих поэт ов – Язы кова,

Козл ова и проч., дивишься т ому, что на стол ь бедные темы, с таким скудным запасом чувств и мыслей , успели они написать стол ько страниц, – хот я и ст раниц написано ими очень немного – приходишь, наконец, к тому, что спрашиваешь себя: да о чем же они писал и? и писал и ли они хот я о чем- нибудь,

или прост о ни о чем? Многих не удовл етворяет сод ержание пушкинской поэзии, – но у Пушкина был о во ст о раз бол ьше содержания, нежели у его спод вижников, взяты х вместе, форм а была у них почти все, под форм ою не най дете у них почти ничего. Таким образом , за Гогол ем ост ает ся засл уга, чт о он первый дал русской л итературе решител ьное стремл ение к сод ержанию, и притом стремление в стол ь пл одот ворном направл ении, как критическое. Прибавим, что Гогол ю обязана наша л итература и самостоят ел ьностью. З а периодом чисты х подражаний и переделок, какими были почти все произведения нашей л итера-туры до Пушкина, следует эп оха т ворчест ва нескол ько более свободного. Н о произведения Пушкина все еще очень бл изко напоминают или Бай рона, или Шексп ира, или Вал ьт ера Скот т а.

Не говорим уже о бай роновских поэмах н «Онегине», кот орог о не-справедл иво назы вал и подражанием «Чай л ьд- Гарол ьду», но кот о-рый однако же дей ствительно не су ществовал бы без эт ого бай ро-новского романа; но точно так же «Борис Год унов» сл ишком заметно подчиняется историческим д рамам Шекспира, «Русал ка» – прямо возникл а из «К орол я Л и ра» и «Сна в л етнюю ночь»,

«Капит анская дочка» – из ром анов Вал ьт ера Скот т а. Не говорим уже о других писател ях той эпохи, – их зависимост ь от т ого или другого из европей ских поэтов сл ишком ярко бросает ся в гл аза.

Т о ли теперь? – повести г. Гончарова, г. Григоровича, Л . Н . Т., г. Тургенева, комедии г. Ост ровског о так же мало наводят вас на мысль о заимствовании, так же мало напоминают вам что-либо чужое, как роман Диккенса, Теккерея, Ж оржа- Сан да. Мы не думаем делать сравнения между этими писател ями по тал анту или значению в л итературе; но дело в том, что г. Гончаров пред-2 * 19

ст авл яет ся вам тол ько г. Гончаровы м , тол ько самим собою,

г. Григ орович т акже, каждый другой даровитый шли писатель т акже, – ничья л ит ерат урная л ичност ь не представл яется вам двой ником какого- нибудь д ругого писател я, ни у кого из л их не выглядывал из- за плеч другой человек, подсказы вающий ему,– ян о ком из них нел ьзя сказат ь «Северный Диккенс», или «Русский Ж орж- Са«д », или «Теккерей северной Пал ьмиры ». Тол ько Гогол ю мы обязаны эт ою самост оят ел ьност ью, тол ько его т во-рения своею вы сокою самобы т ност ью поднял и наших даровиты х писателей «а ту вы соту, где начинает ся самобы т ност ь.

Впрочем, как ни много почет ного и бл естящего в титуле «основат ел ь пл одотворней шего направл ения и самост оят ел ьно-сти в л итерат уре» – но этими сл овами еще не определ яется вся вел икость значения Гогол я дл я нашего общест ва и л итературы .

Он пробудил в нас сознание о иас самих – вот его ист инная за-сл уга, важност ь которой не зависит от т ого, первы м или десятым из наших великих писателей дол жны мы считать его в хро-нол огическом порядке. Рассм от рение значения Гогол я

в этом от ношении д ол жно бы ть гл авны м предметом наших статей , – дело очень важное, кот орое, бы т ь может , признал и бы мы превосход ящим наши сил ы , если бы бол ьшая часть этой задачи не был а уже испол нена, так что нам, при разборе сочинений сам ог о Гогол я, ост ает ся почт и т ол ько приводить в систему и развиват ь мысли, уже вы сказанны е крит икою, о которой мы говорил и в начал е ст ат ьи; – дополнений , собст венно нам при-надл ежащих, будет немного, пот ому чт о, хот я мысли, нами развиваемы е, были вы сказы ваемы от ры вочно, по разл ичны м поводам, од нако же, есл и свест и их вместе, т о не много ост анет ся пробел ов, кот оры е нужно допол нит ь, чтобы получить всест о-роннюю характ ерист ику произведений Гогол я. Н о чрезвы чай ное значение Гогол я дл я русской л иерат уры еще не совершенно определ яет ся оценкою его собст венны х творений : Гогол ь сажен не* т ол ько как гениальный писател ь, но вместе с тем и как гл ава школ ы – единственной школ ы , к от орою может гордит ься русская л ит ерат ура, – пот ому чт о ни Грибоед ов, ни Пушкин, ни Лерм онт ов, ни Кол ьцов не имели учемиков, кот оры х имена были бы важны для ист ории русской л итературы . Мы дол жны убедиться, что вся «аш а л ит ерат ура, н а с к о л ь к о она образовал ась под вл иянием нечужеземны х писателей , примы кает к Гогол ю, и т ол ько тогда предст авит ся «ам в пол ном размере все его значение дл я русской л ит ерат уры . Сдел ав эт от обзор всего сод ер-жания нашей л ит ературы в ее наст оящем развит ии, мы будем в сост оянии определ ить, чт о она уже сдел ал а и чего мы дол жны еще ожид ат ь от иее, – какие зал оги будущего представл яет она и чего еще недостает ей , – дел о интересное, потому что сост оя-нием л итерат уры определ яет ся сост ояние общест ва, от кот орого всегда она зависит .

20

Как ни справедл ивы мысли о значении Гогол я, вы сказанны е здесь, – мы можем, нискол ько не ст есняясь опасениями сам о-хвал ьства, назы ват ь их совершенно справедл ивы ми, потому что они вы сказаны в первый раз не нами, и мы тол ько усвоил и их, сл едовател ьно, самол юбие наше не может ими горд ит ься, оно ост ает ся совершенно в ст ороне, – как ни очевидна справедл и-вость этих мыслей , но най дутся л юди, кот оры м покажет ся, что мы сл ишком вы соко ставим Гогол я. Эт о пот ому, что д о сих пор еще ост ает ся много людей , восст ающих против Гогол я. Лит е-рат урная суд ьба его в этом от ношении совершенно разл ична от судьбы Пушкина. Пушкина д авно уже все признал и великим, неоспоримо великим писател ем; имя его – священный авторитет для кажд ого русского читателя и даже не читател я, как, например, Вал ьтер Скот т авторитет дл я кажд ого англ ичанина, Л а-мартин и Шат обоиан для франц уза, или, чтобы перей ти в более вы сокую обл аст ь, Гете дл я немца. Каждый русский есть почитатель Пушкина, и никто не находит неудобны м дл я себя при-знават ь его великим писателем, пот ому что покл онение Пушкину не обязы вает ни к чему, понимание его дост оинст в не обусл овл и-вается никакими особенны ми качествами характ ера, никакнм особенны м настроением ума. Гогол ь, напрот ив, принадл ежит к числу тех писателей , л юбовь к кот оры м требует од инакового с ними наст роения души, пот ому чт о их деятельность есть сл ужение определ енному направл ению нравственны х стремлений .

В отношении к таким писател ям, кате, например, к Жоржу- Саид у, Беранже, д аже Диккенсу и от част и Теккерею публ ика разд е-ляется на две пол овины : од на не сочувст вующая их стремл ениям, негодуег на них; но т а, кот орая сочувствует , до преданност и л юбит их как представителей ее собственной нравственной жизни, как адвокат ов ее собст венны х горячих желаний и зад у-шевней ших мыслей . От Гете никому не бы л о ни тепл о, ни хо-л одно; он равно приветл ив и ут онченно деликатен к кажд ому – к Гете может явл ят ься каждый , каковы бы ни были его права на нравст венное уважение – уступчивый , мягкий и в сущност и довол ьно равнодушный ко всему и ко всем, хозяин никого не оскорбит не тол ько явною суровост ью, д аже ни одним щекот -ливым намеком. Н о если речи Диккенса или Ж оржа- Санд а сл ужат утешением или подкрепл ением дл я одних, т о уши других находят в них много жест кого и в высшей степени Неприятного для себя. Эт и л юди живут т ол ько дл я друзей ; они не держат откры того ст ол а для кажд ого вст речного и поперечного! иной , если сядет за их стол , будет давит ься кажды м куском и смущаться от кажд ого сл ова, и, убежав из этой тяжелой беседы,

вечно будет он «поминат ь л ихом» суров ог о хозяина. Н о если у них есть враги, т о есть и многочисл енны е д рузья; и никогда «незлобивный поэт » не может иметь таких ст раст ны х почитателей , как тот, кто, подобно Гогол ю, «пит ая грудь ненавист ью» ко 21

всему низкому, пошл ому и пагубному, «вражд ебны м сл овом от -риц анья» прот ив всего гнусного «проповедует л юбовь» к д обру и правде К т о гладит по шерст и всех и всё, тот, кроме себя, не л юбит никого и ничего; кем довол ьны все, тот не делает ничего д оброг о, потому что д обро невозможно без оскорбл ения зл а. К ог о іінКТО не ненавидит, тому никт о ничем не обязан.

Гогол ю многим обязаны те, кот оры е нужд ают ся в защите; он ст ал во гл аве тех, кот оры е от рицают зл ое и пошл ое. Пот ому он имел сл аву возбуд ит ь во многих вражд у к себе. И тол ько тогда будут все единогл асны в похвал ах ему, когда исчезнет все пошл ое и низкое, прот ив чего он борол ся I Мы сказал и, что наши сл ова о значении произведений самого Гогол я будут т ол ько в немногих сл учаях допол нением, а п о бол ь-шей част и тол ько свод ам и развит ием воззрений , вы раженны х крит икою гогол евского период а л итерат уры , центром которой были «Отечественны е записки», главным деятелем тот критик, кот ором у принадл ежат «Ст ат ьи о Пушкине». Таким образом , эт а пол овина наших статей будет иметь по преимуществу ист о-рический характ ер. Н о ист орию «ад обн о начинать с начал а, — и прежд е, нежел и будем мы изл агат ь мнения, кот оры е принимаем, дол жны мы предст авит ь очерк мнений , вы сказанны х от -носител ьно Гогол я представит ел ями прежних л итературны х п ар-тий . Эт о тем бол ее необход имо, что крит ика гогол евского периода развивал а свое вл ияние на публ ику и л итературу в постоянной борьбе с этими парт иями, чт о от гол оски суждений о Гогол е, вы сказанны х этими парт иями, сл ы шат ся еще до сих пор, — и, наконец, пот ому, чт о этими суждениями от част и объ ясняют ся «Вы бранны е места из переписки с д рузьями» — эт ого стол ь за-мечат ел ьного и, повндимому, ст ранного факт а в деятел ьности Гогол я. Мы дол жны будем касат ься этих суждений , и нужно знат ь их происхожд ение, чтобы надл ежащим образом оценить степень их д обросовест ност и и справедл ивост и. Н о, чтобы не сл ишком раст янут ь наш обзор отношений к Гогол ю людей , лите-рат урны е мнения кот оры х неудовл етворител ьны , мы ограничимся изл ожением суждений т ол ько т рех журнал ов, бы вших предст а-вител ями важней ших «з второстепенны х направл ений в литературе.

Сильней шим и достой ней шим уважения из людей , восст ав-ших прот ив Гогол я, был Н . А . Пол евой . Все другие, когда не повт орял и его сл ова, напад ая на Гогол я, вы казы вал и е себе тол ько от сут ст вие вкуса, и пот ому не засл уживают бол ьшого внимания. Напрот ив т ого, есл и нападения Пол евого и бы ли резки, есл и иногда переходил и д аже границы л итературной критики и принимал и, как тогда вы ражал ись, «юридический харак-т ер» 15 — то всегда в них виден ум, и, как нам кажет ся, Н . А . П о-левой , не будучи прав, был од нако же добросовест ен, восст авая прот ив Гогол я не по низким расчет ам, не по внушениям сам о-22

л юбия или личной вражд ы , как многие другие, а по искреннему убеждению.

Посл едние годы деятельности Н . А . Пол евого нужд ают ся в оправдании. Ему не сужд ено бы л о счаст ие сой ти в могил у чистым от всякого упрека, от всяких подозрений , — но многим ли из людей , дол го принимавших участие в умственны х или других прениях, дост ает ся на дол ю это счаст ие? Сам Гогол ь т акже

нуждается в оправд аниях, и нам кажет ся, что Полевой может быть оправдан г оразд о легче, нежел и он.

Важней шим пят ном на памяти Н . А . Пол евого л ежит т о, что он, сначал а стол ь бод ро выступивший одним из предводителей в л итерат урном и умственном движении, — он, знаменитый редактор «Московског о т ел еграфа», стол ь сил ьно дей ствовавшего в пол ьзу просвещения, разрушившего ст ол ько л итературны х и других предубеждений , под конец жизни стал рат оват ь прот ив всего, что бы л о тогда зд оровог о и пл одот ворного в русской литературе, занял с своим «Русским вестником» 16 то самое пол о-жение в л итературе, к оторое некогда занимал «Вестник Европы », сдел ал ся защит ником неподвижност и, закоснел ост и, кот орую стол ь сил ьно поражал в л учшую эпоху своей деятельности.

Умст венная жизнь у нас начал ась еще т ак недавно, мы пережил и еще так мал о фазисов развит ия, чт о подобны е перемены в пол ожении людей кажут ся нам загадочны ми; между тем, в них нет ничего ст ранного, — напрот ив, очень естественно, что человек, сначал а стоявший .во гл аве движения, дел ается от ст алым и начинает восст ават ь прот ив движения, когда оно .неудержимо прод ол

жает ся далее границ, кот оры е он предвидел , далее цели, к которой он ст ремил ся. Не будем приводить примеров из всеобщей ист ории, хот я они скорее всего могли бы пояснит ь дело. И в ист ории умственного движения недавно был великий , поучител ьный п ример подобной сл абости чел овека, отстающег о от движения, гл авою кот орого он был — этот прискорбны й пример мы видели на Шел л инге, кот орого имя в посл еднее время бы л о в Германии символ ом обскурант изм а, между тем как некогда он придал могущественное движение философии; но Гегель повел фил осолию далее границ, кот оры х не могла переступить система Шел л инга, — и предшественник, друг, учитель

и т оварищ Гегеля стал его врагом. И если бы сам Гегель прожил нескол ько лет долее, он сдел ал ся бы прот ивником л учших и верней ших своих учеников, — и, бы ть может, его имя сдел ал ось бы также символ ом обскурант изма ,7.

Мы не без намерения упомянул и о Шел л инге и Гегеле, потому чт о для объ яснения перемены в пол ожении Н . А. Пол е-вого надобно припомнить его отношение к разны м системам философии. Н. А . Полевой был посл едовател ем К узена, кот орого считал разрешител ем всех «премудростей и величай шим фил о-софом в мире. Н а самом же деле философия Кузена была со-23

ставлена из довол ьно произвол ьного смешения научных понятий , заимствованны х отчасти у Кант а, еще бол ее у Шел л инга, от части у других немецких философов, с некоторыми обры вками из Декарт а, из Локка и других мыслителей , и весь этот разнородный набор был вдобавок переделан и пригл ажен так, чтобы не смущать никакою смел ою мыслью предрассудков франц уз-ской публ ики. Эт а кашица, назы вавшаяся «экл ектическою философ» ею», не могла иметь бол ьшого научного достоинства, но она была хороша тем, что легко переваривал ась людьми, еще не готовыми к принят ию ст рогих и резких систем немецкой фил о-софии, и, во всяком сл учае, бы л а пол езна как приготовление к переходу от прежней закоснел ост и и иезуитского обскурантизма к более здравы м воззрениям. В эт ом смысле пол езл а была она и в «Московском тел еграфе». Но само собой разумеется, что последователь Кузена не мог примирит ься с гегел овскою философиею, и когда гегелевская философия проникл а в русскую л итературу, — ученики Кузена оказал ись отсталыми людьми, — и ничего нравственно преступного с их ст ороны не был о в том, что они защищал и свои убеждения и назы вал и нелепым то, что

говорил и люди, опередившие их в умственном движении: нельзя обвинять чел овека за т о, что другие, одаренны е более свежими сил ами и бол ьшею решител ьностью, опередил и его, — они правы, потому что бл иже к истине, но и он не виноват, он только ошибается.

Нов ая крит ика опирал ась на идеях, принадл ежащих строгой и возвышенной системе гегелевской философии, — вот первая и едва ли не важней шая причина того, что Н. А. Полевой не понимал этой 1Н0В0Й критики и не мог не восстать против нее как человек, одаренный живы м и горячим характ ером. Чт о эт о не-согл асие в фил ософских воззрениях было существенны м основанием борьбы , видим из всего, что было писано и Н. А . Полевым и его молодым прот ивником 18, — мы могли бы привести сот ни примеров, но довол ьно будет и одного. Начиная свои критические статьи в «Русском вестнике», Н. А. Полевой предпосылает им profession de foi, в кот ором изл агает свои принципы и показы вает, чем будет отл ичат ься «Русский вестник» от д ру-гих журнал ов, и вот как он характ еризует направление журнал а, в кот ором господствовал и новые воззрения:

В одном из журнал ов наших предлагали нам жалкие, уродливые обломки гегелевской схол астики, изл агая ее языком, едва ли даже дл я самих издателей журнал а понятным. Все еще устремляясь уничтожать прежнее, вследствие спутанных и перебитых теорий своих, но, чувствуя необходимость каких- либо авторитетов, дико вопили о Шекспире, создавали себе крошечные идеаль -чижи и преклоняли колени перед детскою игрою бедной самодельщины, а вместо суждений употребляли брань, как будто брань доказательство *19.

* Прежде Полевой говорил, что разрушение старых аьторитетов было

его делом, и вообще ясно, что своего противника он считает своим учеником,

в ослеплении зашедшим далее границ, поставленных учителем.

Видит» лы, основны м пунктам обвинения была приверженность к «гегелевской схол

аст ике», и все остал ьны е грехи п ро-тивника вы ставл яются как сл едствия этого основного забл ужде-ния. Н о почему же Полевой считает гегел евскую фил ософию ошибочною? Пот ому что она для него непонятна, это> прям о говорит он сам. Точно так же и противник его основны м недостатком, гл авною причиною падения прежней романтической критики выставлял т о, что она опирал ась на шат кую систему К у-зена, не знал а и не понимал а Гегеля.

И дей ствительно, несогл асие в эстетических убеждениях было только следствием несогл асия в фил ософских основаниях всего образа мыслей , – этим от част и объ ясняет ся жест окост ь борь -бы – из- за одного разногл асия в чисто эстетических понят иях нельзя было бы так ожест очат ься, тем более, что в сущност и оба противника забот ил ись не ст ол ько о чисто эстетических вопросах, скол ько вообще о развит ии общест ва, и л итература была для них драгоценна преимущественно в том от ношении, что они понимали ее как могущественней шую из сил , дей ствующих на развитие нашей общественной жизни. Эстетические вопросы были для обоих по преимуществу тол ько полем битвы, а предметом борьбы бы л о вл ияние вообще на умственную жизнь.

Но что бы ни был о существенны м содержанием борьбы , поприщем ее были чаще всего эстетические вопросы , и нам д ол жно припомнить, хот я беглым образом , характ ер эстетических убеждений школ ы, представителем которой был Н . А . Полевой , и показат ь ее от ношения к новы м воззрениям.

Не будем, однако, сл ишком под робно говорит ь о романтизме, о котором' писано уже довол ьно много; скажем тол ько, что французский романт изм, поборниками кот орого были и Марл инский и Полевой , над обно отл ичать от немецкого, вл ияние кот орого на

нашу л итературу не был о так сил ьно. (Бал л ады Саут и, переведенные Жуковским, представл яют уже англий ское видоизменение немецкого романт изма.) Немецкий романт изм, главными источниками кот орого были – с одной ст ороны , фал ьшиво перетолкованные мысли Фихт е, с другой – ут рированное п ро-тиводей ствие вл иянию французской л итературы X V III вша, был ст ранною смесью стремлений к задушевност и, теплоте чувства, лежащей в основании немецкого характ ера, с так назы вае-мою тевтономaниею, прист раст ием к средним векам, с диким локлонением всему, чем средние века отл ичал ись от нового времени, – всему, что бы л о в них туманного, прот иворечащего ясному взгляду новой цивил изации, – поклонением всем предрассудкам и нелепостям средних веков. Эт от романт изм представляет очень много сходст ва с мнениями, которы ми одушевлены у нас люди, видящие идеал русског о чел овека в Любиме Т ооц ов е20. Еще страннее сдел ал ся романт изм, перешедши во Франц ию. В Германии дело шл о преимущественно о направле -25

Нии, духе л итературы : немцам бы л о не нужно много хлопотать о ниспровержении усл овны х псевдокл ассических форм , потому что Лессинг уже давно д оказал их нелепость, а Гете и Шил л ер представил и образц ы художественны х произведений , в кот оры х идея не втискивается насил ьно в усл овную, чуждую ей форму, а сама из себя рождает форм у, ей свой ственную. У франц узов эт ого еще не бы л о, – им еще нужно был о освободит ься от эпических поем с воззваниями к Музе, трагедий с тремя единствами, торжественны х од, избавит ься от хол одност и, чопорност и, усл ов-ной и от част и пошлой гл адкости в слоге, од нообразном и вял ом, – одним сл овом, романт изм заст ал у них почти то самое, что бы л о у нас до Жуковского и Пушкина. Пот ому борьба обрат ил ась преимущественно н а вопросы о свободе формы ; на самое сод ержание смотрел и франц узские романтики с формал и-стической точки зрения, ст араясь сдел ать все наперекор прежнему: у псевдокл ассиков лица раздел ял ись на героев и зл одеев,– противники их решил и, что зл одеи не зл одеи, а истинные герои; ст раст и изображал ись у кл ассиков с жеманной , холодной сд ер-жанност ью, – романтические герои начал и неистовствовать н руками, и особенно язы ком, беспощадно кричат ь всякую гиль и чепуху; кл ассики хл опотал и о щегол еватости, – противники их провозгл асил и, чт о всякая бл атовидность есть пошл ость, а ди-кост ь, безобразие – ист инная художест венност ь, и т. д.; одним сл овом, романт ики имели целью не природу и человека, а про-т иворечие кл ассикам; план произведения, характ еры и пол оже-ния дей ствующих лиц и самый язы к создавал ись у них не по свободному вдохновению, а сочинял ись, придумы вал ись по расчету, и по какому же мел очному расчет у?– тол ько дл я того, чтобы все эт о вы шл о решител ьно прот ив т ого, как бы л о у кл ассиков. Потому- то у них все вы ходил о так же искусственно и нат янут о, как и у кл ассиков, т ол ько искусственност ь и нат

яну-тость эта была другого род а: у кл ассиков – пригл аженная и прил изанная, у романт иков – преднамеренно раст репанная. Здравы й смысл был идол ом кл ассиков, не знавших о сущест во-вании фант азии; романтики сдел ал ись врагами зд равого смысл а и искусственно разд ражал и фант азию до бол езненного напряжения. Посл е эт ого очевидно, наскол ько у них могл о быть п ро-стоты , естественности, понимания дей ствительной жизни и художест венност и,– ровно никаких сл едов. Таковы были произведения Викт ора Гюго, предводител я романт иков. Таковы же были у нас произведения Марл инского и Пол евого, для которы х, особенно для Пол евого, Викт ор Гюг о был идеалом поэта и ром а-ниста. Кт о давно не перечиты вал их повестей и романов и не имеет охоты пе ресмотреть их, т от может составит ь себе дост а-точное понят ие о характ ере романт ических созданий , пробежав раэбор «Аббад д онны », приведенный нами выше. От куд а взял авт ор своего Рей хенбаха? Разве один из характерист ических ти-26

по в нашего тогдашнего общест ва составл ял и пылкие, великие поэты с гл убоко страстны ми нат урами? – вовсе нет, о таких людях не было у нас и сл уху, Ренхенбах прост о придуман автором; и разве основная тема ром ан а– борьба пламенной л юбви к двум женщинам – дана нравами нашего общест ва? разве мы походим на итальянцев, какими оии предстaвл яются в кровавы х мел одрамах? нет, на Руси с сам ог о призвания варягов до 1835 года, вероятно, не было ни одного сл учая, подобного тому, какой сочинил ся с Рей хвнбахом; и что для нас интересного, что для нас важного в изображении столкновений , решительно чуждых нашей жизни? – Эти вопросы о бл изком соотношении поэтических созданий к жизни общест ва не приходили и в гол ову романтическим сочинител ям, – они хлопотали тол ько о том, чтобы изображат ь бурны е ст раст и и раздират ельны е пол ожения неистово фразист ы м язы ком.

Мы вовсе не в укор романт изму припоминаем его характ е-ристику, а тол ько для вывода соображений о том, мог ли чел о-век, пропитавший ся насквозь подобны ми понятиями об искусстве, понимать истинную художественность, мог ли он восхищаться прост от ою, естественностью, верным изображением дей -ствительности. Мы не хотим смеят ься над романтиками, – напротив, помянем их добры м сл овом; они у нас были в свое время очень полезны; они восст ал и прот ив закоснел ости, неподвижной заилесневел ости; если б им удал ось повести л итературу по

дороге, кот орая им нравил ась, это было бы дурно, потому что дорога вела к вертепам фантастических злодеев с картонны ми кинжал ами, жил ищам фразеров, кот оры е тщесл авил ись выдуманными преступлениями и ст раст ями; «о это не сл учил ось, – романтики успели тол ько ©ывесть л итературу из неподвижного и пресного бол ота, и она пошл а своей дорогой , не сл ушаясь их возгл асов; следовательно, вреда ей они не успели сделать, а пол ьзу сделали, – за что же бранит ь их, и как же не помянуть добры м сл овом их усл уги?

Нам нужно знать их понят ия не для т ого, чтобы смеят ься над ними, – это беспол езно, посмеемся лучше над тем, что в нас остается еще нелепого и дикого, – а для того, чтобы понять искренность и добросовест ност ь их борьбы против тех, которы е явил ись после них, которы е были л учше их.

В самом деле, мог ли поклонник Викт ора Гюго, авт ор «Аббад-донны»,, понимать эстетическую т еорию, кот орая главными усл о-виями художественного созд ания ставил а простоту и одушевление вопросами дей ствительной жизни? Нет , и его нел ьзя обвинять за то, что он не понимал того, чего не понимал; дол жно только сказат ь, что были правы его противники, защищавшие учение более вы сокое и справедл ивое, нежели понятия, которы х он держал ся.

Мы не думаем принимать ст орону Н. А. Пол евого как п ро-27

тивника критики и л итературы гогол евского периода; напротив, он был совершенно неправ, его прот ивник совершенно прав, – мы утверждаем тол ько, что основны м побуждением к борьбе и у Н. А. Пол евого, как у его прот ивника, бы л о неподдельное, непритворное убеждение.

* Борьба была Жестока и, естественным образом , влекла за со-

бою бесчисленные оскорбл ения самол юбию парт изанов той или другой ст ороны , – в особенност и, ст ороны отсталой и слабей -шей , потому что победитель может прощат ь обиды осл абеваю-щему противнику, но самол юбие побеждаемого бывает

разд ра-жительно и непримиримо. Пото- му очень может быть, что жел ч-ность разл ичны х вы ходок Н . А . Пол евого усил ивал ась горьким чувством сознания в том, что другие занял и место впереди его, лишили его (и его убеждения, потому что он дорожил своими убеждениями) первенства, господст ва в критике, что л итература перестал а признават ь его своим верховны м судьею, сознания, что он не побеждает, как прежде, а побежден, – и болезненными криками гл убоко уязвл яемого сам ол юбия; но все это было тол ько второстепенны м элементом, развившимся в течение борьбы , – а истинными, гл азными причинами борьбы были убеждения, бес-коры стны е и чужды е низких расчет ов или мелочного тщеславия.

В свое время .нельзя был о не опровергат ь ошибочны х суждений писател я, имевшего стол ь сильный авторитет; но из- за ошибочного направл ения его деятельности нельзя было забы ват ь ни того, что в сущност и о» всегда ост авал ся человеком, достой ным уважения по характ еру, ни, в особенност и, того, что в прежнее время он оказал много усл уг русской л итературе и просвещению. Эт о было с обы чною прямот ою всегда признаваемо его прот ив-ником и с жаром вы сказано в брошюре «Никол ай Ал ексеевич Полевой » 21.

Жест окие нападения на Гогол я принадл ежат к числу важней -ших ошибок Н. А. Пол евого; они были од ною из главных причин нераспол ожения, кот орое питали к Пол евому публика и лучшие писатели прошедшего десятил етия. Но дол жно тол ько сообразит ь, что он никогда не мог вый ти из круга понятий , разра-ботанны х французскими романтиками, распрост раненны х у нас его первым журнал ом, «Московским тел еграфом», практически осущест вившихся в его повест ях и в «Аббад д онне», – и мы убедимся, что Полевой не мог понимать Гогол я, не мог понимать лучшей ст ороны его произведений , важней шего их значения для л итературы . Не мог понимать – и, сл едовател ьно, ему должен был казат ься несправедл ивы м вост орг, возбужденный в поздней -шей критике этими пооизведеииям'и; как человек, привыкший г орячо защищат ь свои мнения, он не мог не подать громкого гол оса в деле, кот орого важност ь была стол ь сил ьно указы ваема »і противником Пол евого, и жаркими толками в публике. Чт о это мнение, основанное на эклектической фил ософии и романтнче -2Я

ской эстетике, было в высшей степени небл агоприятно Гогол ю, нимало не удивительно, – напротив, иначе и быть не могло.

В самом деле, экл ектическая фил ософия всегда останавл ивал ась на середине пути, ст арал ась занят ь «зл ат ую средину», говоря «нет», прибавл ять и «д а», признавая принцип, не допускать его приложений , от вергая принцип, допускат ь его прил ожения. «Ревизор» и «Мертвы е души» были решител ьною прот ивопол ож-ностью этому правил у портить впечатление целого примесью ненужных н несправедливых ог оворок – они, как произведения художественные, ост авл яют эффект цельный , полный , определенный , не ослабляемый пост оронними и произвол ьны ми при -делками, чужды ми основной идее, – и потому для посл едовател я эклектической фил ософии они дол- жны были казат ься од ност о-ронними, утрированны ми, несправедл ивы ми по сод ержанию. По форме они были совершенною прот ивопол ожност ью л юбимым стремл ениям французских романт иков и их русского посл едова-теля: «Ревизор» и «Мерт вы е души» не имеют ни одного из тех качеств, за которы е Н . А . Полевой признавал великим созд а-нием искусства «Notre Dame de Paris » * Викт ора Гюго и которы е ст арал ся он придать своим собственны м произведениям: там хитрая завязка, кот орую можно придумат ь тол ько при высочай шей раздраженност и фант азии, характ еры придуманные, небывалые в свете, пол ожения искл ючительные, неправдоподобны е, и восторженный , горячечный тон; гут – завязка обиходный случай , известный каждому, характ еры – обыденные, вст речающиеся на каждом шагу, тон – также обыденный . Эт о вял о, пошл о, вульгарно по понятиям людей , восхищающихся «Notre Dame de P a-ris» 22. <Н. А. Полевой поступал совершенно посл едовател ьно, осужд ая Гогол я и как мыслитель, и как эстетик. Нет сомнения, что тон осуждения был бы не так резок, если бы другие не хвалили так Гогол я, и если б эти другие не были противниками Н. А. Пол евого, – но сущност ь суждения ост ал ась бы та же; она зависел а от фил ософских и эстетических суждений крит ика, а не от личных его отношений . (И нел ьзя ставить ему в вину резкости этого т она: когда хвалители говорят громко, и необходимо и справедл иво, чтобы л юди, не согл асны е с их мнением, высказывал и свои убеждения ст ол ько же громко, – на чьей бы ст ороне ни была правда, она вы играет от того, что прение ведется во всеуслышание: современники яснее будут понимать сущность вопроса, да и приверженцы правого дела ревностнее будут защищат ь его, когда поставл ены в необходимость вести борьбу с противниками, оспаривающими каждый шаг смело и по возможност и сил ьно. И когда

Смерть велит умолкнуть *лобе м.

* Собор Парижской богоматери. – Ред.

29

ист ория скажет , что если победители были правы и честны, то и некот оры е из побежденны х были честны; она признает даже

за этими честными побежденны ми ту засл угу, что их упорное сопротивл ение дал о возможност ь вполне вы сказат ься силе и правоте дела, против кот орого они борол ись. И если ист ория будет считать достой ным памяти время, в кот орое жил и мы и наши отцы, она скажет , что А . Н. Полевой был честен в деле о Гоголе. Взгл янем же бл иже на его мнения об этом писателе.

Некот оры е л юди, с гл азами более свежими и проницател ь-ными, увидели в «Вечерах на хут оре», «Мирг ород е» и повестях, помещенны х в «Арабесках», начал о нового периода для русской л итературы , в авт оре «Т араса Бул ьбы » и «Ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем » – преемника Пушкину. Авт ор статьи «О русской повести и повест ях г. Гогол я», напечатанной в 1835 году, когда еще не был известен «Ревизор», закл ючает свой обзор сл едующими сл овами, кот оры е могли бы сл ужить одним из бл естящих доказат ел ьств его критической (проницател ьности, если б доказат ел ьства ее нужны были л юдям, хот я скол ько- нибудь сл едившим за русскою л итерат урою:

Из современных писателей никого не можно назвать поэтом с большей уверенностью и нимало не задумываясь, как г. Гогол я... Отличительный характер повестей г. Гогол я составл яют: простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается а одном источнике: г. Гоголъ поэт, поэт жизни дей ствительной .

Г. Гоголь еще только начал свое поприще; следовательно, наше дело высказать свое мнение о его дебюте и о надеждах в будущем, которые подает этот дебют. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По край ней мере, в настоящее время он является главою литературы, главою поэтов.

Другие тогдашние крит ики не воображал и эт ого. «Вечера на хут оре» понравил ись всем весел остью рассказа; в авторе заме-

тили д аже некот орую способност ь довол ьно живо изображат ь лица и сцены из прост онарод ного мал ороссий ского бы та; более в ннх л и чего не заметили, и были правы . Н о неправы были ст ары е крит ики в том, чт о на Гогол я они до конца его деятель-ност и смотрел и, как на авт ора «Вечеров на хут оре», меряя все сл едующие его произведения аршином, который годен был т ол ько для этих первы х опы т ов, не понимая в «Ревизоре» и «Мерт вы х д ушах» ничего т акого, чего еще не было в «Вечерах на хут оре», и видя признаки падения тал анта во всем, что в по-сл едующих сочинениях Гогол я не бы л о похоже на «Вечера».

Т ак был о и с Н. А . Пол евы м. Тол ько первы е и слабей шие произведения Гогол я ост ал ись для него понятны и хороши, потому что в них еще не преобл адал о новое начал о, превы шавшее уровень его понятий . Он всегда продол жал находить прекрасными «Вечера на хут оре», «Н ос», «К ол яску»,–'Справедливо 30

видя в «их признаки бол ьшого д арования, хот я, т ак же сп ра-ведливо, и не видя в них произведений тениал ьных, кол оссал ь-ных. Н о вот явил ся «Ревизор»; л юди, понявшие это великое т во-рение, провозгл асил и Гогол я гениальны м писателем; Н . А . П о-левой , как и сл едовал о ожид ат ь, не понял и осудил «Ревизора» за т о, что он не похож на «ист орию о носе». Эт о очень л юбо-пытно, и было бы ст ранно, если б мы не видели, что фил ософско -эстетические убеждения крит ика бы л и сл ишком нерешительны и фантастичны для вмещения идеи, вы раженной «Ревизором », и понимания художественны х дост оинств эт ого вел икого п рои з-ведения. Вот какие мысли возбудил «Ревизор» в Н . А . Пол евом:

Сочинитель «Ревизора» представил нам собою печальный пример, какое зл о могут причинить человеку с дарованием дух партий и хвалебные вопли друзей , корыстных присл ужников, и той бессмысленной толпы, которая является окрест людей с

дарованием. Благодарить бога надобно скорее за неприязнь, нежели за дружбу того народа, о котором говорил Пушкин:

Уж эти мне друзья, друзья!

Никто не сомневается в даровании г. Гогол я и в том, что у него есть свой бесспорный участок в области поэтических созданий . Его участок — добродушная шутка, малороссий ский «жарт », похожий несколько на дарование г. Основьяненкн, но отдельный и самобытный , хотя также заключающий ся в свой ствах мал ороссиян. В шутке своего рода, в добродушном рассказе о Мал о-россии, в хитрой простоте взгляда на мир и люден г. Гоголь превосходен, неподражаем. Какая прелесть его описание ссоры Ивана Ивановича, его «Старосветские помещики», его изображение запорожского казацкого быта в «Тарасе Бульбе» (искл ючая те места, где запорожцы являются героями и смешат карикатурой на Дон- Кихота), его ист ория о носе, о продаже коляски!

Так и «Ревизор» его — фарс, который нравится именно тем, что в нем нет ни драмы, ни цели, ни завязки, нн развязки, ни определенных характеров. Язы к в нем неправильный , лица — уродливые гротески, а характеры — китай ские тени, происшествие — несбытное и нелепое, но все вместе уморительно смешно, как русская сказка о тяжбе ерша с лещом, как повесть о Дурне, как малороссий ская песня:

Танцовал а ры ба с раком,

А петрушка с пастернаком,

А цыбуля с чесноком...

Не подумай те, чтобы такие создания было легко писать, чтобы всякой мог писать их. Дл я них надобно дарование особенное, надобно родиться для них, и притом еще часто то, что вам кажется произведением досуга, делом минуты, следствием веселого распол ожения духа, бывает трудом тяжелым, долговременным, следствием грустного распол ожения души, борьбою резких противоположностей .

С «Ревизором» обошлись у нас весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, кот орая увлекается впечатлением общим, безотчетным и почти никогда в нем не ошибается; но несправедливы были все наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать «Ревизора» по правилам драмы, чопорно оскорбил ись его шутками и языком и сравняли его с грязью. Другие, напротив, мнимые друзья автора, увидели в «Ревизоре» что- то шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же история, какая была с Озеровы м. Досадно вспомнить, какие были притом побуждения к неумеренным похвалам. Но если они и были искренни, зато ошибочны; и посмотрите, какое зло они причинили, н, видя осуждение одних и похвалы 31

других, автор Почел себя нвувнаяным гением, не понял направления своего дарования, и вместо того, чтобы не браться ял то, что ему не дано, усилить деятельность в том направлении, которое приобрело ему общее уважение н славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай , к чему тебя влечет твоя природа, —

Лишь просвещение, писатель, дай уму,

начал писать историю, рассуждения о теории изящного, о художествах, принялся за фантастические, патетические предметы, точно так, как Лафонтен некогда доказывал, что он берет образцы у древних классиков. Разумеется, автор проиграл свою тяжбу. Все, что здесь сказано, не выдумка наша и сказано не наобум: прочтите приложенное при новом издании «Ревизора» письмо автора, которое можно сохранить, как любопытную историческую черту и как материал для истории человеческого сердца. Разве Шекспир только мог бы так писать о себе и о своих творениях и так говорить о характере своего Гамлета, как г. Гоголь говорит о характере Хлестакова, И с тем вместе письмо это дышит такою, добродушною, поэтическою грустью.

Но, скажут нам, следственно, чем же тут виноваты хвалители автора? —

Тем, что, не увлекли они самол юбия авторского в ошибку, осуждения могли благодетельно подей ствовать на автора и обратить его на прямой путь. Осуждения не погубят никогда, а восхваления часто и почти всегда губят нас.

Таков человек.

И как не иметь столько уважения к самим себе, что из мелкого расчета корысти не стыдиться показать себя надувателями мыльных пузырей ! Если же хваления происходят от безотчетного увлечения, как до такой степени не отдавать себе отчета в своих понятиях, не научиться из опытов прошедшего не повторять в каждом поколении одну и ту же докучную сказку! • Возм ожно ли обвинят ь человека за то, что он не может видеть в «Ревизоре» «ни драмы , ни цел и, ни завязки, ни развязки, ни определ енных характеров »? Эт о все равно, что обвинять почитателя «Русской сказки о т яжбе ерша с л ещом» за то, что он не понимает «Гамл ета» и не восхищает ся «Каменным гостем» Пушкина. Он не понимает этих произведений , и только; что ж прикажете с ним делать! Такова степень его эстетического развит ия. Можно и дол жно сказат ь, что он ошибает ся, если он сказал , что «Гамл ет» л уст, а «Каменный гость» скучен; можно прибавит ь, что он не суд ья этим произведениям; но видеть в его суждениях преднамеренное эстетическое преступление, желание ввести других в забл ужд ение— невозможно: они сл ишком наивны, сл ишком компрометируют ум произносящего их — их может произносит ь тол ько тот, кто в самом деле не видит достоинств осуждаемы х им произведений . Есл и б он понимал хоть сколько- нибудь, если б хотел преднамеренно вводить других, в забл уждение, поверьте, он не сказал бы так, поверьте, он нридумал бы хит рост ь нескол ько л учшую. Рецензия, нами выписанная, резка до грубост и, — но нел ьзя не видеть, что собственно прот ив Гогол я авт ор ее не имеет враждебного распол о-жения. Напрот ив, сквозь тон, резкий до оскорбител ьности, сл ы шно доброжел ат ел ьное стремл ение возвратит ь талантливое * «Русский вестник», 1842, № 1.

32

забл удшее овча на путь истинный . Наст авник ошибает ся, — тот,

кого он считает блудным сы ном, идет по прямому пути и не должен покидать его, — но ведь нел ьзя же осужд ат ь человека, если он возвы шает гол ос, чтоб он достиг до сл уха погибающего юноши, огл ушенного, по мнению советника, коварны ми льстецами. Чт о эти люди не льстецы, мы знаем; что они не имели — к сожал ению — особенного вл ияния на Гогол я, мы также знаем: иначе он не писал бы таких «писем к д рузьям» и не сжег бы вт орого тома «Мерт вы х душ». Н о ведь не назы вают же преступником врача, который отстал от современного движения науки, прописы вает замы сл оват ы е рецепты, заст авл яющие п о-жимать плечами от удивл ения, — о нем п рост о говорят , что он перестал быть хорошим врачом, и перест ают обращ ат ь внимание на его советы . — Н о вот вышли «Мерт вы е души» — и возбудил и вост орг, какому не было примеров на Руси, были восхвалены до небес, как колоссальней шее созд ание русской л итературы ; — с точки зрения, к которой п рирос Н . Л . Полевой , эт о стол ь превозносимое произведение дол жно бы л о показат ься еще хуже «Ревизора», и надобно бы л о еще возвы шат ь гол ос, чтобы он слышен был среди оглушител ьных хвал ебны х криков. И Полевой вы разил свое суждение о новом произведении погибающего тал антли-вого писателя обстоятел ьнее,— не гол осл овно, как другие, но с доказател ьствами подробны ми, хорош о изл ожеины ми, касающ и-мися не внешних мелочей , но важны х ст орон дела.

Мы сказали мнение наше о литературных достоинствах г. Гогол я, оце -няя в нем, что составляет его бесспорное достоинство. Повторим елова наши (выписана первая пол овина рецензии, приведенной выше). Осмеливаемся думать, что такого мнения не назовут мнением, которое внушило бы предубеждение, пристрастие, личность против автора. Тем откровеннее скажем мы, что «Похождения Чичикова, или Мертвые души», подтверждая наше мнение, показывают справедливость и того, что мы прибавили к мнению .на-

шему о даровании г. Гоголя (выписана другая пол овина рецензии). Похождения Чичикова также любопытная заметка для истории литературы и человеческого сердца. Здесь видим, до какой степени может увлечься с прямой дороги дарование и какие уродливости создает оно, идя путем превратным.

С чего начал «Ревизор», то кончил «Чичиков»...

Из всего, что пишет и что о самом себе говорит г. Гоголь, можно заключить, что он превратно смотрит на свое дарование. Покупая создания свои тяжким трудом, он не думает шутить, видит в них какие - то философи-ческо- гуцорическне творения, почитает себя фил ософом н дидактиком, со -ставляег'- себе какую- то л ожную теорию искусства, и очень понятно, что, почитая себя гением универсальным, он считает самый способ выражения, или язык свои, оригинальным и самобытным. Может быть, такое мнение о самом себе необходимо по природе его, но мы не перестанем, однакож, думать, что, при советЛьЛл агЬрааумних друзей , г. Гоголь мог бы убедиться в противном. Вопрос: производил ли бы он тогда или нет свои прекрасные создания, может быть решен положительно н отрицательно *.

* Из сравнения с Предыдущими выписками очевидно, что под «прекрасными» должно здесь понимать преимущественно «Вечера на хуторе» и слабей -шие, по нынешнему мнению публики, из следующих повестей .

3 Н. Г. Чернышевский, т. III 33

Легко моГло 6 быть, Что г\ Гоголь отверг бы тогда вей, что вредило ему, и так же легко могло бы случиться, что, разочарованный в высоком мнении о с.амом себе, он с горестью бросил бы перо свое, как орудие недо-стой ной . его величия шутки. Чело-век — загадка мудреная и сложная; но мы скорее склоняемся на первое из сих мнений , — сказать ли — даже лучше желали бы, чтоб г. Гоголь вовсе перестал писать, нежели, чтобы постепенно более и более он падал и забл уждался. По нашему мнению, он уже и теперь далеко устранился от истинного пути. Если сообразить все сочинения его, начиная с «Вечеров на хуторе бл из Диканьки» до «Похождений Чичикова».

что губит их, постепенно усиливается.

«Гогол я захвалил и, — говорит Пол евой :— ом возмечтал, что призван писать вы соко- фил ософские созд ания, вообразил , что даже прекрасен язы к, кот оры м он пишет, когда вдается в высоко* парны е мечтания, и посмот рите, к чему это привел о его — к произведениям, подобным от ры вку «Рим», недавно напечатанному.»

«Рим» — это «набор л ожны х выводов, детских наблюдений , смешных и ничтожны х замет ок, не проникнутых ни одною свет-л ою или гл убокою мы сл ью, изл оженны х язы ком изломанным, диким, нел епы м» — тут есть и «смол а вол ос», и «сияющий снег л ица», и «призрак пустоты, который видится во всем», и «женщины, которы е подобно зданиям — или дворцы , или л ачуж-к и »,— одним сл овом, «Рим» — это «гал иматья». В этом отзыве о «Риме» есть своя доля правды , и доля значител ьная. Мы дол жны будем еще обрат ит ься к «Риму», говоря о постепенном развит ии идей Гогол я, и тогда заметим, что опустил из виду Полевой , назы вая безусл овной галиматьею «Ри м »— этот от ры -вок, дей ствительно представляющий много дикого, не лишен поэзии. Не будем ост анавл иват ься и на замечаииях относительно язы ка, — с ними придется еще нам иметь дело. «Признаем ся,— продол жает Полевой , — что, прочитавши «письмо» при «Ревизоре» и «Рим», мы уже немногого ожидал и от «Мертвы х душ», предвозвещенных, как нечто великое и чудное. Подл инно чудное: «Мерт вы е души» прееэо- шли все наши ожидания».

Мы совсем не думаем осуждать г. Гоголя за то, что он назвал «Мертвые души» поэмою. Разумеется, что такое название — шутка. «Дл я чего запрещать шутку? Наше осуждение «Мертвы х душ» коснется более важного. Начнем с содержания— какая бедность! Не помним, читали или слышали мы, что кто- то назвал «Мергвы е души» старой погудкой на новый лсд. Дей ствительно: «Мертвые души» сколок с «Ревизора» — опять какой -то

мошенник приезжает в город, населенный плутами и дураками, мошенничает с ними, обманывает нх, боясь преследования, уезжает тихонько, — и «конец поэме»!— Надобно ли говорить, что шутка, другой раз повторенная, становится скучна, а еще более, если она растянута на 475 страниц? Но если мы к этому прибавим, что «Мертвые души», составляя грубую карикатуру, держатся на небывалых и несбыточных подробностях; что лица в них все до одного небывалые преувеличения, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки, — все до одного, повторяем; что подробности рассказа наполнены такими выражениями, что иногда бросаете книгу невольно: и наконец, что язык рассказа, как язык г. Гогол я в «Риме» и «Ревизоре», можно назвать 34

собранием ошибок против логики и грамматики, – спрашиваем, что сказать о таком создании? Не должно ли с грустным чувством видеть в нем упадок дарования прекрасного и пожалеть еще об одной и» утраченных надежд наших, пожалеть тем более, что падение автора умышленно и добровол ьно? – Карикатура, конечно, принадлежит к области искусства, но карикатура, не перешедшая за предел изящного. Русская повесть об Еремушке и повивальной бабушке, хах русская сказка о дьячке Савушке, романы Диккенса *, неистовые романы новей шей французской словесности исключаются из области изящного **, если и допустим в низший отдел искусства грубые фарсы, итальянские буффонады, эпические поэмы наизнанку (travesti), поэмы вроде «Ел исея» ***. Можно ли не пожалеть, что прекрасное дарование г. Гоголя тратится на подобные создания!

«Искусству нечего делать, не в чем рассчитываться с «Мертвыми душами»24.

Видите ли, Полевой отказы вает ся от мелочных придирок к загл авию «Мерт вы х душ» – уж за эт о од но он засл уживает отл ичия от других рецензентов, ост роумие кот оры х бесконечно потешал ось над тем, что «Похожд ения Чичикова» названы пой мою. Бедность сод ержания в «Мерт вы х душах» – опять одно из тех суждеиий , искренность кот оры х доказы вает ся их невообразим ою наивност ью, замечаний , которы е возбужд ают ж а-лость к сдел авшему их и совершенно обезоруживают несогл ас-ного с ним читателя. Н о заметьте, од нако же, что Полевой начинает с существенны х ст орон вопроса и достигает даже некоторой меткости упреков, замечая, что «Мерт вы е души» скол ок с «Ревизора» – это не придет в гол ову никому из понимающих разницу между существенны м содержанием «Ревизора» и «Мерт -вых душ»: пафос одного произведения составл яет взят очниче-ст во, разл ичны е беспорядки и т. д., одним сл овом, преимущественно официал ьная ст орона жизни, пафос другого – част ная жизнь, психол огическое изображение разл ичны х типов пустоты или одичал ост и. Н о Полевой , не замечая существенного разл и-чия, смотрел «а сюжеты обоих произведений с той чисто внешней точки зрения, с которой можно находить, что «Горе от ума» есть повторение «Гамл ета», потому что и здесь и там главное лицо – юноша с умом и прекрасны м сердцем, окруженный д ур-ными людьми, остающий ся чист среди их, негодующий , г оворя-щий много такого, что кажет ся нелепо его сл ушател ям, признаваемый , наконец, человеком сумасшедшим, опасны м и ме могущий жениться на девушке, кот орую л юбит. Сбл ижение сюжет ов «Ревизора» с «Мерт вы ми душами» так же нелепо, как и сбл и* Романы Диккенса исключаются из области изящного.

•* Здесь подразумеваются преимущественно романы Жорж- Санда –

©нн исключаются из области изящного!

*** Итак, романы Диккенса и Жорж- Санда ниже самых грубых фарсов и буффонад, ниже даже поэмы «Елисей , или раздраженный Вакх», ниже «Энеиды», вывороченной наизнанку Н. Осиповым и Л. Котельиицким,–

#то все еще принадлежит хотя «низшему отделу» искусства, а. произведения Диккенса и Жорж- Санда совершенно «исключаются из области изящного».

3 * 35

жение сюжет ов «Гамл ета» и «Горе от ума»; но Полевой умел выставить натянутые черты мнимого сходства довол ьно искус* ным образом . Не придумано ли это сбл ижение нарочно? Нет, искренность его опять доказы вает ся его наивностью, – только от искренней души может умный человек, какое, без сомнения, был Н. А. Полевой , говорит ь такие странны е вещи. Дал ее начинаются жал обы на ут ировку характ еров и положений , на неправдоподобность их и п роч. От л ожим разбор этих обвинений до того времени, когда будем рассматривать «Мертвы е души», а теперь ограничимся замечанием, что отношения романтической эстетики к новей шим произведениям искусства, сбросившим раст репанную изы сканность французских романтике®, к людям, выучившимся писать романы с лицами и пол ожениями, не по* хожими на «испол инские образы Викт ора Гюго и его «Notre Dame de Paris», достат очно определ яются тем, что Н. А. Пол евой исключает романы Диккенса и Жоржа- Саид а из обл асти искусства, ставит их «иже самы х пошлых фарсов, на одну стет пень с «Сказкою о дурне» – неужели против Диккенса и Жоржа*

Санд а Н. А. Полевой имел какие - нибудь л ичности? Неужел и к их осужд ал он не по убеждению, а «з каких - нибудь пост оронних видов? Кстати, о Лермонт ове он судит соверше нно так же, как о Гогол е. Вот подлинные его сл ова:

Вы говорите, что ошибка прежнего искусства состояла именно в том» что оно румянило природу и становило жизнь на ходули. Пусть так; но, Избирая из природы и жизни только темную сторону, выбирая из них грязь, наеоз, разврат и порок, не впадаете ли вы в другую край ность и изображаете лн верно природу н жизнь? Природа и жизнь, так, как они есть, представляют нам рядом жизнь и смерть, добро и зло, свет и тень, небо н землю. Избирая в картину свою только смерть, зло, тень, землю, верно ли списы-

ваете вы природу и жизнь? Вам скучны прежние герои искусства, — но покажите же нам человека и людей , да, человека, а не мерзавцев, не чудовище, люден, а не толпу мошенников н негодяев. Иначе лучше примемся мы за прежних героев, которые иногда скучны, но не возмущают, по край ней мере» нашей души, не оскорбл яют нашего чувства. Изобразить человека с его. Добром н злом, мыслью неба и жизнью земли, примирить для нас видимый -раздор дей ствительности изящною идеею искусства, постигшего тай ну жизни, — вот цель художника; но к ней лн устремлены «Герои нашего времени» и «Мертвые души»? Напрасно будете вы ссылаться на Шекспира, на Виктора Гюго, на Гете. Кроме того, что худое и у Шекспира худо,

Щекспир не тем велик, что Офел кя поет у «его неблагопристой ную песню, Фал ьстаф ругается и нянька Юл ии говорит двусмысленности, — но похожи ли ваши грязные карикатуры на создания высокого гумора Шекспирова, на исполинские образы Виктора Гюго (мы говорим об его Notre Dame de Paris), на многосторонние создания Гете?

Зачем мы приводим буквал ьно стллько отры вков из грубых рецензий Н . А . Пол евого? Зат ем , что они имеют одно несомненное достоинство: связност ь, логичность, последовательность в образе суждений . Над обно же нам видеть, с какими понятиями об искусстве необходимо связаны упреки Гогол ю в одноеторон~

ности направл ения, — упреки, кот оры е до сих п ор повт оряют ся л юдьми, не понимающими их значения, не понимающими, что кто назы вает Гогол я од ност оронним и сал ьны м, дол жен в такой же степени од ност оронним и сал ьны м назы ват ь и Лерм онт ова, находить, что «Герой нашего времени» произведение г рязное и гадкое, что романы Диккенса н Ж оржа- Саид а не т ол ько от в ра-тительны, но и сл абы в художест венном от ношении, сл абее по-сл еднего нелепей шего водевил я, уродл ивее посл еднего фарса, — при эт ом необходимо ст авит ь Викт ора Гюг о между Шекспиром

и Гете, немного «иже первого, г оразд о выше посл еднего. Кт о так думает о Викт оре Гюг о, Лерм онт ове, Диккенсе и Ж орже» Санде, тот дол жен упрекать Гогол я в од ност оронност и и сал ь-ност и,— но засл уживает ли опровержений , засл уживает ли внимания мнение т акого ценител я? Важн о иногда бывает знат ь происхождение мнения и первобытный , подлинный вид, в кот ором оно вы разил ось, — част о эт ого бы вает довол ьно, чтобы вполне оценить годност ь эт ого мнения для нашего времени, — част о оказы вает ся, что оно принадл ежит неразры вно к системе понятий , невозможны х в наше время. Сам ую жал кую фигуру представл яют не те л юди, кот оры е имеют ошибочны й образ мыслей , а те, кот оры е не имеют никакого определ енного, после - , довател ьного образа мыслей , кот оры х мнения — сбор бессвязны х обры вков, не кл еящихся между собою. Прочит ав рецензии П о-левого, мы убежд аемся, что все упреки, делаемые д о сих п ор иными л юдьми Гогол ю, заимст вованы из этих рецензий ; разниц а тол ько в том, что у Н. А . Пол евог о упреки имели смы сл , будучи л огическим вы водом из системы убеждений , хот я неудовл етво-рительной для нашего времени, но все - таки бывшей прекрасною и пол езною в свое время; между тем как в уст ах людей , повт о-ряющих ныне эти нападения, они л ишены всякого основания, всякого смы сл а. Предст авив множест во примеров «т ривиал ь-ного» и «неправд опод обного» в «Мерт вы х д ушах», множест во примеров т ого, что Гогол ь пишет неправил ьны м и низким язы -ком (тут вы ставл ено на вид « т о, чт о Чичиков не может с первого раза делать помещикам предл ожения о прод аже мертвы х душ, .и т о, что Нозд рев не может на бал е сесть на пол и л овить т анцующих за ноги, и Пет рушка с запахом жилой комнаты , и капл я, пад ающая в суп Фем ист окл юса, и т. д., и «глупей ший рассказ» о капитане Копей кине, и сл ова «тюрюн », «взбут ет е-

нить» и пр., — одним сл овом, все, что тол ько сл ужил о пищею

для посл едующих ост роумны х шут ок и бл агород ны х негод ова-ний на Гот ол я), Н . А . Полевой оканчивает свою рецензию так:

Не будем более говорить о слоге, об образе вы ражения, но скажем в заключение: каково понятие автора об искусстве и цели его, если он думает, что художник может быть уголовным судьей современного общества?. Д а еели к положим, что такова дей ствительно обязанност ь писателя, так разре выдумками на современное общество, разве небывалыми карикатурами ука-37

жет он яа зл о и предупредит его? Берем на себя кажущееся смешным автору название патриотов, даже «так называемых патриотов», пусть назовут нас Кифамл Мокиевнчами, — но мы спрашиваем его: почему в самом деле современность представляется ему в таком неприязненном виде, в каком изображает он ее в своих «Мертвы х душах» в своем «Ревизоре», — и для чего не спросить: почему думает ои. что каждый русский человек носит в глубине души своей зародыши Чичиковых и Хлестаковых? Предвидим негодование н оскорбл ение защитников автора: они представят нас поддельными патриотами, лицемерами, быть может, чем- нибудь еще хуже — ведь за такими безделками у многих дело не станет!.. Их воля, но мы скажем прямо и утвердительно, что, приписывая предубеждение автора доброму намерению, нельзя не заметить какого- то превратного взгляда его на многое. Вы скажете, что Чичиков и город, где он является, не изображения целой страны, но посмотрите на множество мест в «Мертвы х душах»: Чичиков, выехавши от Ноздрева, ругает его нехорошими сл овами — «что делать», прибавляет автор, «русский человек, да еще и в сердцах!» — Пьяный кучер Чичикова съехал ся с встречным экипажем и начинает ругаться — «русский человек», прибавляет автор, «не любит сознаваться перед другим, что он виноват!..» Изображает ся город- фризовая шинель (необходимая принадлежность города, по мнению авт ора) плетется по улице, «зная только одну (увы !) слишком протертую русским забубенным народом дорогу!» — Какие- то купцы позвали на пирушку других купцов — «пирушку на русскую ногу», и «пирушка (прибавляет авт ор), как водится, кончилась дракой »... Спрашиваем, так ли изображают , так ли гоаоряг о том, что мило и дорого сердцу? Квасной патриотизм! Милостивые государи, мы сами не терпим его, но позвольте сказать, что квасной патриотизм все же лучше космополитизма... какого бы?., да мы понимаем друг друга!

Не знаем, придет ся ли нам занят ься подробны м рассмот рением эт ого упрека, едва ли не самого сущест венного из всего, что бы л о говорено прот ив Гогол я. А пока напомним читател ю, что сам Гогол ь превосход но разъ яснил сущност ь вопроса анекдотом о К ифе Мокиевиче и сл едующим местом в «Разъ езд е иэ т еат ра» посл е представл ения «Рев изора»:

Господин П. Помилуй , братец, ну что это такое? Как же это в самом деле?

Господин Б. Чт о?

Г осподин П. Ну да как же выводить это?

Г осподин Б. Почему же нет?

Г осподин П.ЛНу да сам посуди ты: ну как же, право? Все пороки, да пороки; иу какой пример подается через зто зрителям?

Г осподин Б. Д а разве пороки хвал ятся? Ведь они же выведен» на осмеяние.

Господин В. Но позвольте, однако же, заметить, что все это, некоторым образом, есть уже оскорбление, которое более или менее распространяется на* всех.

Господин Я. Именно. Вот это я сам хотел ему заметить. Зт о именно -оскорбление, которое распрост раняется.

Господин В. Чем выставлять дурное, зачем же не выставлять хорошее,, достой ное подражания?

Г осподин Б. Зачем? Странный вопрос: «зачем». Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлении , а привел его в л азарет, где предстали перед ним во всем ужасе страшные следы беспорядочной жизни? Зачем он это сделал?

Господин В. Но позвольте вам заметить: это уже некоторым образом наши Общественные раны, которые надобно скрывать, а не показывать. 38

Господин П. Эт о правда. Я с атй М сблбршыНо согласен. У пае дурно* надо скрывать, а не - показывать. (Господин Б. уходит. Подходит князь N.) Послушай , князь!

Князь N. А что?

Господин П. Ну, однакож, скажи: как это представлять? На что это похоже?

Князь N. Почему ж не представлять?

Г осподин П. Ну да посуди сам, — ну да как же это вдруг на сцене плут, — ведь это все наши раны.

Князь N. Какие раны?

Г осподин П. Да, это наши раны, наши, так сказать, общественные раны. Князь N. Возьми их себе. Пусть они будут твои, а не мои раны!

Что ты мне их тычешь? (Уходит.)

Именно так! именно эт о «некот оры м образом наш» раны 1», именно «дурное у нас надо скры ват ь, а не показы ват ь!», именно это «оскорбл ение, кот орое распрост раняет ся!» Прав , ты сячу раз прав господин П.! Н о отчего же вы сами, гг. недовольны е Гог о-лем, находите господина П. смешным и нелепым? Есл и он нелеп, то и не повторяй те же его сл ов. Они имеют смысл тол ько на его языке.

В рецензии «Ревизора» нел ьзя не заметить, что Н. А. П о-левой еще не от чаивается в исправл ении Гогол я, приписы вая всю вину тол ько его «л ьстецам», еще не от казы вает ся от Гоголя; — посл е вы хода «Мерт вы х душ» он уже считает его человеком, безвозврат но погибшим для искусст ва, неисцел имо закос-

нелым в своей сумасбродной горд ост и — писать такие нелепые вещи, из кот оры х первою был «Ревизор». Вот посл едние ст роки разбора «Мерт вы х душ»;

Если бы мы осмелились взять на себя ответ автору от имени Руси, мы сказали бы ему: милостивый государь! Вы слишком много о себе ду> маете, — ваше самолюбие даже забавно, но мы сознаем, что у вас есть дарование, и только та беда, что вы немножко «сбились с панталыку!» Оставьте в покое вашу «вьюгу вдохновения», поучитесь русскому языку, да рассказывай те нам прежние ваши сказочки об Иване Ивановиче, о коляске и носе, и не пишите ни такой галиматьи, как ваш «Рим», ии такой чепухи, как ваши «Мертвые души»! Впрочем, вол я ваша!

Мы кончил и наши выписки из суждений Н. А . Пол евого о Гоголе. К некоторы м из мнений , вы сказанны х им в первый раз. мы еще дол жны будем возврат ит ься, говоря о мнениях, вы сказы -ваемых иными еще и теперь. Другие можно оставит ь без раэбора, потому что край няя наивность их делает изл ишним всякое оп ро-вержение. Н о здесь нам ост ает ся сдел ать два замечания, вы зы -ваемые приговорами Н . А . Пол евого.

В том, что Гогол ь возмечтал о себе не как о невинном шутнике, но как о вел иком писателе с гл убоко фил ософским направлением, Полевой обвиняет «л ьстецов» Гогол я. Смешно бы л о бы в наше время думать, что произведения, подобны е «Ревизору» и «Мерт вы м душам», могут быть обязаны своим происхождением 39

чьему бы то ни был о пост ороннему вл иянию, — созд ания, столь гл убоко прочувствованны е, бы вают плодом тол ько собственной глубокой нат уры самого авт ора, а не пост оронних наущений .

Кроме т ого, мы уже говорил и, что люди, кот оры е лучше других понимал и значение этих вы соких созданий искусства, не имели вл ияния на Гогол я. В следующей статье мы увидим, как мало

понимали «Мерт вы е души» другие люди, которы е, будучи по-кл онниками Гогол я, были в то же время и его друзьями — эти мудрые варяго- руссы , если и были в

чем- нибудь виноваты , то разве в «Переписке с д рузьям и». Прит ом же, они и не были знакомы с Гогол ем и не играл и в л итературе значительной роли в 1834 году, когда уж был написан «Ревизор» *. Пушкин знал Гогол я г оразд о раньше, имел некот орое вл ияние на начинавшего юношу и хвал ил его произведения, но невозможно, чтобы его считал Полевой «л ьстецом» Гогол я, — напротив, каждому известно, чт о Жуковский и Пушкин были покровител ями Гогол я, занимая в л итературе и в общест ве г оразд о почетней шее место, нежели он, безвестный юноша. А между тем, скн, будучи еще совершенно безвестным и ничтожны м молодым человеком, уже печатал фил ософские и вы сокопарны е статей ки, в кот оры х видит Полевой уже следствие лести, вскружившей ему гол ову. Некот о-рые из этих статеек перепечатаны в «Арабесках», некоторы е другие исчисл ены г. Геннади **. Вообще, над обно сказат ь, что в развитии своем Гогол ь был независимее от пост оронних влияний , нежели какой - либо другой и з наших первокл ассны х писателей . Всем, что вы сказано прекрасного в его произведениях, он обязан исключител ьно своей глубокой натуре. Эт о очевидно ныне для каждого, не чуждого понятий о русской л итературе. И если гордость Гогол я, вовл екал а его когда- нибудь в ошибки, т о, во всяком сл учае, над обио оказат ь, что источником этой гордост и было его собственное вы сокое понятие о себе, а не чужие похвалы. Нек о-торы е люди питают такое горд ое и вы сокое понятие о себе, что чужие похвал ы не могут уж иметь на них особенного вл ияния, — кто знавал подобны х людей , легко увидит из писем и авторской исповеди Гогол я, что он принадл ежал к числу их.

Другое наше замечание относится к самому Н. А . Пол евому.

По двум посл едним от ры вкам из его рецензии на «Мерт вы е души» иные, быть может, закл ючат , что он, как издатель «Русского вестника», сдел ал ся неверен собственны м мнениям, кот о-рые был и с т акою анергиею вы ражаемы в «Московском теле* См. письмо Гогол я к Максимовичу, от 14 августа. 1834 г., в «Опыте биографии Гогол я», г. Никол ая М., помещенном в «Современнике», 1854 г. ** См. список сочинении Гоголя, составленный г. Геннади в «Отечественных] аап[исках]» 1853 года. Из этих статей большая часть, как, например, «Скул ьптура, живопись и поэзия», «Об архитектуре», «Жизнь», принадлежат еще 1831 году и написаны, конечно, прежде, нежели фамилия Гогол я упоминалась печатным образом и.

графе»; эт о закл ючение бы л о бы несправедл иво. Мы не т о хотим сказат ь, чтобы решительно- о кажд ом отдел ьном вопросе Н. А . Полевой был гот ов повт орит ь в 1842 году т о самое, что оказал в 1825. Мнения чел овека мы сл ящего не бы вают никогда окаменел остями, — с течением времени он может в о многих предметах замечать ст ороны , кот оры е опускал из виду прежде, -потому что они еще не были довол ьно раскры т ы ист орическим движением. Н о дело в том, что человек с самостоят ел ьны м умом, достигнув умственной зрел ост и и вы работ ав себе известны е основные убеждения, обы кновенно ост ает ся навсегда проникнут - их существенны м сод ержанием, и эт а основа всех мнений ост ает ся у него уже навсегда од инаковою, как бы ни менял ись ок ружаю-щие его факты . И не над обно счит ат ь изменою убеждения, если, сообразно изменению окружающ их факт ов, такой чел овек, сначала заботивший ся преимущественно о том, чтобы выставить на вид одну их ст орону, впосл едствии- считал необходимы м сил ьнее выставлять другую. Он может сдел аться чел овеком отстал ы м, не перест авая быть верен себе. Т ак был о и с Н . А . Пол евы м.

Он рат овал против кл ассиков, к о пот ом, когда кл ассики были сбиты во всех пунктах, он увидел новы х людей , кот оры е, н« обращ ая внимания на кл ассицизм, уже совершенно обессил евший , борют ся прот ив романт изма. Их убеждения г оразд о более разнил ись от убеждений Н. А . Пол евого, нежел и убеждения Н. А . Пол евого от убеждений кл ассиков, — оба посл едние от -тенка принадл ежал и одной и той же сфере понятий , только различным образом изменяемы х — новы е л итературны е понят ия раздел ял ись от них цел ою безд ною. И Н . А . Полевой , нискол ько не изменяя своим романтическим убеждениям, мог сказат ь: «уж лучше пиитика Буал о, нежел и эстетика Гегел я. Лучше кл ассицизм, нежел и произведения новей шей л ит ературы ». И дей стви-тельно, Жанл ис бл иже к Викт ору Гюго, нежел и Диккенс или Жорж- Санд , «Бедная Ли за» имеет с «Аббад д онною» бол ее род -ства, нежели «Герой нашего времени» или «Мерт вы е души».

Жанл ис и Викт ор Гюг о, «Бед ная Л и за» и «Аббад д онна» сходны , хот я в том, что изображают людей вовсе не такими, каковы они на самом деле. А что у них общего с романами новой лите-рат уры ?

И этим- то объ ясняет ся странный , повидимому, факт , что человек с таким замечател ьны м умом, как Н . А . Полевой , не мог понимать произведений новой – не т ол ько русской , но и вообще всей европей ской л итературы , объ ясняет ся ст ранная до не-вероятност и смесь умны х и дельных крит ических приемов с наивными и решител ьно несправедл ивы ми вы водами в ст ат ьях «Русского вест ника» и других журнал ов, изд ававшихся им в п о-сл еднюю пол овину жизни. Он делал правил ьны е вы воды из принципов, сдел авшихся с течением времени неудовл етворител ь-ными, – и ни его ум, ни его д обросовест ност ь нимал о ие т еряют

в гл азах справедл ивого судьи от нел епости вы водов. Напрот ив, сильный ум обнаруживает ся в каждой ст роке этих до чрезвы -чай ности наивны х . статей , – а что касает ся их д обросовест но-ст и ,– мы в «ей нимал о не сомневаемся и думаем, что каждый беспристрастны й чел овек дой дет до т ого же убеждения, если вникнет в сущност ь дела, краткий обзор кот орог о мы представил и.

Посл ед няя пол овина л итературной деятел ьности Н. А . П о-л евого нужд ает ся в оправд ании, сказал и мы в начал е эт ого обзора; и, п о нашему мнению, он а может быть удовл етворител ьно оправд ана, – п ора снят ь пят но с памяти чел овека, который , дей -ст вуя в посл едние годы ошибочно, мог бы ть прот ивником лите-рат урного развит ия и подвергат ься за т о в свое время справедливым укоризнам , – но теперь миновал ась опасност ь, кот орую предст авл ял о т огда его вл ияние на л ит ературу, – и пот ому теперь д ол жно признат ься: он справедл иво говорил о себе, что всегда бы л чел овеком честны м и жел авшим д обра л итературе, и что за «им ост ают ся неотъемл емо важны е засл уги в ист ории нашей л итературы и развит ия, – признат ься, чт о он, изд авая собрание своих крит ических статей , нмел п раво сказат ь в пре-дисл овии:

Кладу руку на сердце и дерзаю сказать вслух, что никогда не увлекался я «и зл обою – чувством, для меня презрительным, ни завистью – чувством, которого не понимаю, – никогда то, что говорил и писал я, не разногл асил о с моим убеждением, и никогда сочувствие добра не оставл яло сердца моего: оно всегда сильно билось для всего великого, полезного и доброго. Смею прибавить, что такое постоянное стремление доставляло мне минуты прекрасные, усладительные, награждавшие меня за горести и страдания жизни моей . Скол ько раз слышал я искреннюю бл агодарность и привет юношей , говоривших, что мне одолжены они нравственным наслаждением н верою в добро!

Не скажет обо мне, кто примет на себя труд познакомиться с тем, что было мною писано, – не скажет, чтобы я чем- либо обесславил звание, которое всегда вы соко ценю и ценил – звание литератора. Мон слова не самохвальство, но искренний голос человека и литератора, который дорожит названием честного. Между тем, как человек, я платил горькую дань несовершенствам и сл абостям человека... Пусть вержет за то на меня камень тот, кто сам не испытал обмана и разочарования в окружающем его н – что еще грустнее – в самом себе! Есл и ты еще юн, собрат мой , ты не судья мне; дай пробиться седине на голове твоей , дай похолодеть сердцу твоему, дай утомиться силам твоим от труда и времени, и тогда говори и суди меня!..

Я не судья сам себе. Но никто не оспорит у меня чести, что первый я сделал из критики постоянную часть журнал а русского, первый обратил критику на все важней шие современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны, – скажут мне, – и последователи далеко меня обогнали в сущности и самом образе воззрения. Пусть так, да н стыдно было бы новому поколению не стать выше нас, поколения, уже преходящего, потому выше, что оно старше нас, после нас явилось, продолжает, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будут иметь для него цену историческую... Сам чувствую, перечитывая ныне, неполноту, несовершенство многого... Многое обновляет для меня в настоящем чувство утешительное.

Но еще больше внушает чувство грустное, сознание недостигнутой мечты, невыраженных идеалов. Такое чувство, думаю, естественно каждому, кто 42

жил сколько- нибудь и м ы сл и л . Т о л ь к о невежество, только т упост ь получила на сей земле (впрочем, не знаю, счастливую ли) участь самодовольства. Есть другая награда, более драгоценная, которою благословляет нас провидение; мысль, что если бог дал нам что- нибудь, сильно горевшее в душе нашей , сильно тревожившее нас в дни нашей юности еще бессознательным, темным ощущением, мы не погубили его потом в суете и бедствиях жизни, не зарыли таланта в землю... Пусть

мы не достигли искомых нами идеа-

л ов,— по край ней мере, порадуемся, что не бесплодно утраченная протекла жизнь наша... жизнь наша...

Скол ько бл агородст ва в этих сл овах, и какою правд ою веет от них! Кт о так говорит , тот не л жет, и дей ствительно, не бесплодно протекл а жизнь эт ого чел овека, и не с осуждением, а с признат ел ьностью дол жны мы вспоминать его.

СТ А Т ЬЯ ВТ ОР А Я

Обозревая мнения, вы сказанны е о Гогол е представител ями разл ичны х направлений , сущест вовавших ® русской крит ике, мы начал и с суждений , произнесенны х Н . А . Пол евы м. Гл авною мыслью нашей было показат ь зависимост ь этих суждений о частном вопросе, «ас теперь занимающем, от общего характ ера той системы понятий , замечательней шим посл едователем которой у нас был Н . А . Пол евой . И если приговоры его произведениям Гогол я дей ствительно бы ли тол ько сл едствием его общ их убеждений , т о уже ясно, что не стоит занимат ься подробны м оп ро-вержением этих ошибочны х нападений , — довол ьно бы л о ск а-зать: они — не бол ее и не менее, как логический вы вод из учений Викт ора Гюг о и К узена. Ны не кажд ому очевидно, что учения Гюго и К узена неудовл етворител ьны ; а кт о отвергает основания, тот не может согл асит ься и с вы водами.

Теперь мы дол жны говорит ь о мнениях крит иков, кот оры е играл и некот орую рол ь в л итерат уре посл едующих годов, до т ого времени, когда «Отечественны е записки» приобрел и решител ь-ное господст во. Крит иков этих бы л о два: писатель, называвший себя иногда Тют юнджи- Огл у, чаще бароном брам беусом , а под некоторы ми статьями подписывавший и свое наст оящее имя —

О. И. Сенкоеский *, и г. Шевы рев. Припом иная их сужд ения о Гогол е, мы будем д ержат ься прежнего правил а — ст арат ься показы вать отношение мнений т ого или другого крит ика об от -* О том, что барон Брамбеус и Тютюнджи- Оглу были псевдонимы г. Сенковского, есть много указаний . Мы приведем одно из статьи Гогол я «О движении журнальной литературы» («Современник», 1836, № 1, стр. 197): «Г. Сенковский является в своем журнале как критик, как повествователь, как ученый , как сатирик, как глашатай новостей и проч., и проч., является в виде Брамбеуса, Морозова, Тютюнджи- Оглу, А. Белкина, наконец, в собственном виде».

дельном вопросе к общему характ еру его критической деятель-ност и: этим чрезвы чай но обл егчает ся и уясняет ся дело. Ед ва ли нужно замечат ь, чт о в воспоминаниях о деятельности барона Брам беуса и г. Шевы рева в наст оящее время нел ьзя руководиться ничем иным, «ром е чист о ист орического инт ереса. Хот я оба эти писат ел я не покинул и л ит ерат урного поприща, но их вл ияние на л ит ерат уру и на публ ику принадл ежит времени, уже прошедшему, и л итературны е от ношения наст оящего уже не дол жны иметь вл ияния на сужд ения об эт их писател ях, потому что не имеют никакого соприкосновения ни с важны ми статьями г, Шевы рева, кот оры ми иные поучал ись лет пятнадцать, ни с легкими ст атьями барона Брам беуса, кот оры е в извест ном кл ассе публ ики производил и фурор лет двадцать тому назад. И самые журнал ы , бы вшие некогда органам и эт их крит иков, хот я суще-ст вуют доны не, «о уже совершенно изменил и свое направл ение, и, как нам кажет ся, к л учшему. «Москвит янин» в посл едние годы был органом г. А . Григ орьева, который , по нашему мнению, очень част о, или, чтобы говорит ь точнее, почти пост оянно под -дается ст ранны м обол ьщениям, но в самы х ст ранны х т ирадах кот орого виден ум живой , энергический и искреннее, горячее увл ечение тем, чт о предст авл яет ся ему ист иною 26. В нынешнем

журнал е «Библ иот ека для чт ения» крит ические статьи част о сод ержат мы сл и бол ее основател ьны е, нежел и прежние сужд е-ния. Таким образом , т о, что мы дол жны будем говорит ь о пи-сат ел ях, некогда господст вовавших в крит ическом отделе «Библиотеки для чт ения» и «Москвит янина», нимал о не от носит ся и не может бы ть применяемо к характ еру этих журнал ов в наст оящее время.

Посл е эт их ог оворок, нужны х т ол ько дл я немногих из читателей , пот ому что почти все и без объяснений пишущего чувствуют, как далеки л ит ерат урны е интересы наст оящего времени от всякого соот ношения с ст аринны ми ст ат ьями

прежнего «Москви-т янина» и прежней «Библ иот еки дл я чт ения»,– мы уже можем, не ст есняясь никакими пост оронним и соображениям и, перей ти к характ ерист ике той рол и, какую играл и некогда барон Брам-беус и г. Шевы рев. Начинаем с воспоминаний о бароне Брам-беусе, потому что бл естящая эпоха его крит ики от носит ся к более ранним годам, нежел и окончат ел ьное развит ие воззрений •г. Шевы рева.

Груст ны м, но поучител ьны м примером может сл ужит ь для русских писателей ист ория л итературной деятел ьности барона Брам беуса: иметь ст ол ько дарований – и раст рат ит ь их совершенно понапрасну, без всякой пол ьзы дл я л итературы , между тем как д аже наименее даровигы е писател и част о приносил и у нас некот орую пол ьзу, засл ужил и себе п раво на некот орую признат ел ьност ь, – эт о груст но; иметь ст ол ько силы – и не ока-зат ь решител ьно никакого вл ияния, между тем как писатели 44

с самым незначительным запасом сил имели у нас свою дол ю влияния, утвердили за собою место в ист ории л ит ерат уры ,–

это грустно, это покажет ся почти невероятно л юдям, которы е не

будут уже, подобно нашему покол ению, очевидцами явл ения столь ненатурал ьного.

Барон Брамбеус имел почти все качества, нужны е для того, чтобы играть важную и пл одот ворную рол ь в л итературе, особенно е журнал истике.

Од на из главных зад ач журнал ист а есть распрост ранение положительных знаний между своими читателями, ознакомл ение публики с фактами науки. В нашей л итературе, где еще так мал о дельных ученых книг, да и те находят ся в руках самой ничт ож-ной по числу части публ ики, – испол нят ь эту обязанност ь журналистам еще необходимее, нежели в других л итерат урах. Публика наша хочет иметь в журнал е не тол ько журнал , т о есть орган известного мнения, но и ученый сборник. Писател ь, известный под именем барона Брамбеуса, имел средст ва удовл етво-рять этой потребност и публ ики. Он обл адал обширною начитанностью по всем от расл ям знания, а опо многим и основател ьными познаниями. Мы не будем, для бол ее поразит ел ьного конт раст а между средствами и резул ьтатами, говорит ь о его учености © преувеличенных вы ражениях; нам всегда казал ось забавно мнение некоторы х простодушны х людей , будто бы свет никогда не производил т акого энцикл опедиста, как барон Брамбеус. Д аже в кружке наших л ит ерат оров, всегда стол ь мал очисл енном, были окол о того времени, когда явил ся Брамбеус, л юди, не уступавшие ему обширност ью познаний , например Н . А . Пол евки; были даже люди, дал еко превосходившие его, – например, г. Над еж-дин. Н о то справедл иво, что, не будучи ни единственным, ни лучшим нашим энцикл опедистом, эт от писател ь обл адал дей -ствительно замечател ьною начит анност ью. Во многих сл учаях его знания оказы вал ись почерпнуты ми из устарел ы х или пл охих источников, особенно по фил ософии, эстетике, политической экономии, некоторы м отдел ам всеобщей ист ории, наконец по индо-европей ской филол огии. Н о естественные науки он любил и знал основател ьно; а что касает ся Вост ока, он был в свое время одним из лучших ориентал истов в Европе.

Мы указал и недостаточность его знаний по многим важней -шим наукам; но ему не бы л о бы затруднит ел ьно воспол нит ь этот недостаток: ему ст оил о тол ько захотет ь, и он легко знакомил ся с резул ьтатами какой угодно науки; месяца был о ему дост ат очно на т о, для чего человеку с обы кновенны ми способност ями нужен был год. Одним из примеров этой способност и был перевод «Эй мундовой саги», в свое время поразивший многих 27: известно было, что г. Сенковский употребил тол ько пол т ора или два месяца для изучения исл андского наречия, кот орое было ему совершенно неизвестно. Изумит ел ьного в этом факте не было 45

ничего: кто знает по- немецки и по- англий ски, тому изучить третье видоизменение общего германского семей ства язы ков – исл андское наречие, так же л егко, как русскому, знающему по -мал ороссий ски, вы учиться переводить с пол ьского; дл я человека с хорошей памят ью это дело нескол ьких недель. Не надобно за-бы вать и т ого, что г. Сенковский , изучив уже много восточны х й европей ских язы ков, очень хорош о знал удобней шие методы для практ ического изучения язы ков. Над обно прибавит ь, что латинский перевод, приложенный к исл андскому тексту, значительно помогал т руду. Но, во всяком сл учае, не будучи фактом необычай ным, перевод «Эй мундовой саги» посл е двухмесячных занятий свидетельствует об острой памяти и быстрой сп особ-ности соображения в

переводчике. Другой подобный пример был менее замечен тогдашними л ит ерат орами, но, без сомнения, более замечателен. Г. Сенковский вы учил ся очень хорош о писать на

русском язы ке т акже в очень непродол жител ьное время. Правд а, л итературны е враги находил и в его язы ке много ошибок; но эти придирки бы л и почт и все несправедл ивы . Сл ог т. Сенковского мог иметь свои недостатки – это зависит от вкуса, а не от знаний в язы ке, – но русский язы к г. Сенковского был с самы х первы х его статей очень легок и чист. Чел овеку зрел ы х лет в год, в два года вы учиться хорош о вл адеть язы ком, на кот ором не привы к он говорит ь с мл аденчест ва,– вещь г оразд о бол ее редкая, нежели вы учиться в два месяца понимать писанны е на нем книги.

Мы упомянул и об этих двух факт ах для т ого, чтобы выставить их в истинном свете. Т от и другой част о понимают ся пре-врат но: изучение исл андского наречия в два месяца счит ают многие делом необычай ным, обнаруживая тем тол ько собст венное незнакомст во с делом, другие нападают на русский язы к г. Сенковского, не понимая т ого, что даровитый человек может владеть нескол ькими язы ками лучше, нежел и бездарный одним своим собственны м, и смешивая недостатки сл ога с неправил ь-ност ями язы ка, кот оры х беспристрастны й читатель не най дет у г. Сенковского. Н о мы вовсе не думаем, чтобы эти сл учаи были единственными или л учшими доказат ел ьствами бы строт ы и силы ума, кот оры м од арен эт от писатель. Не все его статьи удачны, – многие сл абы , как у всякого, кто пишет много и печатает все, что пишет; но в самы х неудачны х пост оянно видны очень замечательные пробл ески сил ьного ума, а в л учших этот ум блестит на каждой ст ранице. Мы и здесь не хотим ничего преувеличивать, чтобы сделать ярче прот ивопол ожност ь между д арова-ниями и их употребл ением: в ст ат ьях барона Брамбеуса нет такой силы ума, какая видна у л учших тогдашних журнал ист ов: Марл инского, Н . А. Пол евого, г. Над ежд ина; но, во всяком

сл учае, писатель этот – человек замечател ьного ума.

Не д ол жно смешивать ум с ост роумием. Об этом последнем 46

качестве, - которым в особенност и сл авил ся барон Брамбеус, надобно сказат ь нескол ько подробнее. Во время его сл авы л учшие тогдашние л итераторы , как Пушкин, Гогол ь, кн. Вяземский ,

Н. А. Полевой и проч., не были нимал о ослеплены насчет его ост роумия... Н о у них ост роумие упот ребл ял ось в дел о тол ько кстати, когда требовал того .предмет речи, как и д ол жно быть, подчиняясь другим, высшим чертам их л итературного характ ера. Напрот ив, барон Брамбеус избрал ост роумничанье своею спе-циал ьностью, ст арал ся ни одного сл ова не сказат ь без украшения остроумием. Искл ючител ьность всегда резче бросает ся в гл аза, нежели гармоническое равновесие дарований . Так, например, в течение некот орого времени Язы ков был более известен как «певец вина», а К озл ов как «певец груст и», нежели Пушкин, хотя у Пушкина и эти ст ороны жизни вы разил ись сил ьнее и полнее, нежели у Язы кова и К озл ова. Так в наше время изображения купеческого быта у г. Ост ровског о многих занимают бол ее, нежели сцены в «Ревизоре» и «Женитьбе», из того же бы та, хот я внимательное сравнение покажет , что у г. Ост ровског о (мы говорим, конечно, о достоинствах, а не о недостатках его комедий) очень немногое прибавл ено к тому, что уже указано Гог о-лем. Совершенно подобны м образам для бол ьшинства читателей ост роумие у барона Брамбеуса бы л о заметнее, нежели у Н . А . П о-левого или г. Над ежд ина, хот я у посл едних его было г оразд о бол ьше. У них внимание читател я, не ост анавл иваясь на форме, ост роумии, обращал ось к сущност и, мысли статей ; у барона Брамбеуса читатель ост анавл ивал ся искл ючител ьно на ост роумии, потому чт о кроме замы сл оватых фраз не на чем бы л о ост а-навл иваться. Эт а мысль дал еко не новая, как и все, что мы говорил и до сих пор, и потому едва ли нуждает ся в доказател ь-ствах; но кому вздумается ост ановит ься на ней , того мы попросим сравнить вы писки из рецензий барон а Брамбеуса, кот оры е мы приведем ниже, с от ры вками из разборов Н . А . Пол евого в предыдущей нашей статье. Есл и ост роумие сост оит в новости, непринужденности, разнообразии, неожиданност и, меткости сбл и-жений , в живости, едкости фразеол огии, то не может ост ават ься сомнения в огромном превосходстве на ст ороне Н. А . Пол евого.

Не знаем, ск оро ли нам представит ся случай говорить о «Тел е-скопе» и г. Надеждине, но каждый , кто помнит статьи «экс- студента Над оум ко», скажет ,

что кроме Пушкина некого из тогдашних писателей сравниват ь с ним. Не говорим уже об удивительном ост роумии самого Пушкина.

Почему же барон Брамбеус успел просл авит ься остроумием, далеко уступая многим из тогдашних журнал ист ов в этом от ношении? Од ну из причин мы уже видели — исключител ьное стремление его к ост роумию, мимо всяких других целей . Воей ков, разделявший с ним едва ли завидную выгоду забот ит ься преимущественно об ост роумии, так же легко достиг в свое время цели 47

и счит ал ся едва ли не первы м ост ряком , по край ней мере, в низших сл оях л ит ерат урного кружка. Н о в публике он дал еко не пол ьзовал ся т акою извест ност ью, как барон Брам беус: эт о пот ому, чт о ни од ин из т огдашних журнал ов не был так расп рост ранен, как «Библ иот ека дл я чт ения». В 1830– 1838 годах едва ли хот я один журнал расход ил ся в ты сяче экземпл яров *, а «Биб-л иотека дл я чт ения» в первы е годы расход ил ась в числ е от четы рех до пят и т ы сяч экземпл яров. Очень естественно, что она был а единст венною распрост ранит ел ьницею известности в массе

публ ики. Барон Брам беус бы л главным л ицом в эт ом журнал е, он единовл аст но управл ял его мнениями, все крит ические и биб-л иографические статьи приписы вал ись ему, и справедл иво, пот ому что он передел ывал и те немногие, кот оры е бы ли писаны не им; он сам говорил о своих засл угах русской л итературе, и до бол ьшинст ва публ ики не достигал ничей другой гол ос. Н о, быть может, не он обязан своей попул ярност ью «Библ иотеке для чтения», а самый эт от журнал обязан ею его управл ению? Есл и так, распрост ранение круга журнал ьны х читателей — ст ол ь важная усл уга общест венному образов анию, что над обно бы л о бы барона Брам беуса пост авит ь наряд у с Новиковы м , Карамзины м, Пушкины м, Гогол ем, как сил ьного двигател я нашего просвещения. Н о он сам нигде не приписы вает себе этой засл уги, хот я не забы вает част о объ яснят ь читател ям все свои права на высокое значение в л итературе; очевидно, ему даже не приходил о на мысль, что «Библ иот ека дл я чтения» расширил а круг русской читающей публ ики. Он о и дей ствительно бы л о так. Масса людей , не имевших прежд е привы чки читать, бы л а привл ечена к чтению произведениями Пушкина и его сподвижников. Д уш ою русской книжной т орговл и был почтенный А . Ф . Смирд ин. Доверие к имени См ирд ина бы л о так вел ико, л итерат урны е и коммерческие связи его т ак обширны , чт о издание, им предпринимаемое, всегда д ол жно бы л о иметь несравненно больший успех, нежел и подобное же предприят ие какого- нибудь д ругого л ица. Писат ел ь, который сдел ал ся д ушою «Библ иот еки дл я чт ения», понял эт о и очень основат ел ьно поступил , внушив А . Ф . Смирд ину мысль быть издател ем журнал а, им зад уманного. Все л учшие русские л ит ерат оры бы ли привл ечены Смирд ины м к участ ию в журнал е. Таким образом , ред акт ор «Библ иот еки дл я чт ения» умел вос-пол ьзоват ься обст оят ел ьст вами. Н о круг русских читателей был

* Пушкин, в 1832 году, говорил даже только о 500. «Одна газета, издаваемая двумя известными л итераторами, имея окол о 3 ООО подписчиков, естественно должна иметь бол ьшое влияние на читающую публику. Журналы литературные, вместо 3 ООО подписчиков, имеют едва ли и 500, — следственно, голос их вовсе не дей ствителен». Сочин[ения] Пушк[вна], изд[ание] П. В. Анненкова, том 1-й, стр. 358.

48

успехом участ ию Пушкина и почти всех других л итературны х знаменитостей и пол ожению своего издател я, Смирд ина, в книжной т орговл е, а не редакт ору. Напрот ив, дей ствия редакт ора были причиной падения журнал а. Все эт о вещи известны е, и выписки из статьи Гогол я «О движении журнал ьной л итературы за 1834 и 1835 годы », кот оры е будут нам нужны для объ яснения отношений Брамбеуса к Гогол ю, представят под робност и «последнего факт а.

Н о если вл ияние барона Брам беуса бы л о вредно для журнал а, то уж, конечно, не пот ому, чтобы редакт ор недост ат очно забот ил ся о сообщении журнал у тех качеств, кот оры е считал дл я него пол езны ми. Труд но най ти в ист ории новой русской журн а-листики другого ред акт ора, который т ак неутомимо забот ил ся бы о своем издании, упот ребл ял бы на него стол ько т рудов. Н е говорим уже о том, что барон Брам беус сам писал чрезвы чай но много, так что может поспорит ь своим добровол ьны м т руд ол ю-бием с невол ьною неусы пност ью самого прил ежного из так называемых журнал ьны х чернорабочих. Н о едва ли какой - нибудь редакт ор так неутомимо и прил ежно перерабат ы вал кажд ую статью своих сот

рудников: перечиты вая первы е годы «Библ ио-теки», вы решител ьно во всех неподписанны х ст ат ьях «К рит ики»,

одною рукою: так забот л иво исправл ены и передел аны они неутомимым редакт ором. В этом от ношении «Библ иот ека для чтения» доведена бы л а до совершенст ва почти идеал ьного, пот ому что единство в характ ере всех этих чисто журнал ьны х статей , без сомнения, д ол жно быть целью кажд ого журнал а. Есл и нел ьзя похвалить «Библ иот еку» ст ары х годов за ее характ ер, т о нел ьзя не похвал ить ее за т очную вы держанност ь характ ера. Н а ст ат ьях в отделе «Иност ранной сл овесност и» очень част о заметны т акже следы неутомимой передел ки; т о же самое част о, или, л учше ск азат ь, почти пост оянно, замет но д аже в подписанны х именами авт оров оригинал ьны х русских повест ях, пост оянно в неподпи-санны х, а иногда н в подписанны х своими авт орами ст ат ьях по отделу «Наук ». Од ним сл овом, этот человек нескол ько лет писал , быть может , по сту печатных л истов и внимател ьно пере-правл ял до самы х мелочны х подробностей почти все, чт о писал и другие для его журнал а, част о вст авл яя по нескол ьку ст раниц в чужие статьи. Невол ьно думаешь: как много пол езного п роиз-вела бы т акая неутомимая деятел ьность, есл и бы направл ена была к какой -нибудь важной цели!

Нел ьзя забы ват ь еще двух великих достоинств, кот оры ми от -л ичал ся барон 'Брамбеус: он был од арен способност ью писать очень легко и попул ярно и завидны м искусст вом изл агат ь свои мысли о самы х щекотливых предметах с д ост ат очною ясност ью. Способност ь писать легко и попул ярно доказы вают не те его 4 Н. Г. Черны шевский т. Ill 49

многочисленные статьи, в кот оры х он пародирует истины науки с целью быть забавны м и занимательны м — это искусство легкое, оно по плечу кажд ому — но те страницы , на которы х он изл агает свои собственны е т еории с искренним намерением убедить читателя. Сюд а от носят ся многие места из его статей об «Ил иаде» и «Од иссее», о ниневий ских памятниках, о разл ичны х вопросах из русской ист ории, например, о Несторовой летописи, о значении Литвы дл я русской народност и, об имени «сл авя-нин» и проч., о теории образования сл ов в язы ке и т. д. Эти мнения до такой степени оригинал ьны , что многие принимали их за шутку. Н о внимательное чтение всего, что написано бы л о их авт ором, убеждает в прот ивном: одну и ту же шутку, почти одними и теми же сл овами, нел ьзя продол жат ь двадцать лет.

Во- первых, нел ьзя вечно помнить ее; остроумный человек скоро забы вает свои ост рот ы , потому что прежние беспрест анно вытесняют ся из его ума новы ми; во- вторы х, такой умный человек, как уч-еный , о кот ором мы говорим, не сделал бы эт ого, чтобы не наскучить своим читателям. И дей ствительно, предметы своих шуток и пародий он беспрест анно изменяет и, говоря об одном, не ост ерегается противоречит ь мнениям, которы е вы сказы вал 'полгода или месяц назад, говоря о другом. Н о я этих сл учаях он беспрест анно повт оряет т о, чт о сказал однажды , повторяет кстати и некстати, и каждый раз с величай шими подробност ями. Нет сомнения, что эт о его 'Задушевные, любимые мысли, которы е Он хочет внушить читателям. Нел ьзя хвалить основател ьность этих мыслей , ио нел ьзя не хвал ить той удобопонят ности, с какою изл ожены они и их доказател ьства, по 'большей части заимствованные из самы х специал ьны х факт ов науки, совершенно незнакомы х читателю: тонкост и арабской фил ол огии, греческих диалектов изл агают ся ученым журнал ист ом с т акою попул яр-ност ью, что читатель, не зат руд няясь, понимает сущност ь и подробност и вопроса, потому с охот ою пробегает статью чрезвы -

чай но специал ьную: бл агод аря искусству изл ожения она кажет ся ему л егкою и занимат ел ьною. Нет 'надобности говорить, как важно эт о дост оинст во в журнал ист е, — и .за эт о мы отдаем пол ную честь г. Сенковскому.

Нел ьзя не отдать справедл ивости ему и за т о, что он гордо укл онял ся от всякой пол емики. На него от овсюду сы пал ись укоризны , част о несправедл ивые, част о грубы е до оскорбител ьно-сти. Он , при сл учае, не щадил своих прот ивников, «о никогда не принимал 'вы зовов на перебранку, что бы л о тогда в большой моде. Он от зы вал ся о своих противниках иногда очень жестко, но всегда так, что в сл овах его сл ы шал ся гол ос журнал ист а, вы сказы вающего свои мнения, а не разд раженного человека. Эт о прекрасное, и ныне редкое, а в те времена еще более редкое до-казател ьст во гл убокого сознания собственного достоинства и силы.

50

Скол ько зал огов пл одотворной деятел ьности! Ученост ь, п ро-ницательный и живой ум, ост роум ие, уменье верно понят ь об-стоятел ьства, подчинит ь их себе, приобрест ь огромны е сред ст ва дл я дей ствия на публ ику, т руд ол юбие, сознание собст венного дост оинст ва – все в высокой степени соед инял ось в эт ом писателе. Мы не думаем говорит ь, чт обы он бы л чел овеком не-обы кновенны м, дал еко превы шавшим всех своих соперников; напротив, не тол ько по упот ребл ению сил , но и п о самы м сил ам тал анта д ол жно некот оры х, например, iН. А . Пол евого и особенно г. Над ежд ина, поставит ь вы ше барон а Брам беуса. Н о, во всяком сл учае, этот чел овек был од арен от природ ы замечател ь-ными качест вами и многие из них успел развит ь до очень зн а-чительной сил ы . И од нако же, чт о он сдел ал дл я нашей лите-рат уры , дл я нашего просвещения или дл я науки? Посмот рит е:

л юди с г оразд о меньшими д арованиями имели в свое время не-

кот орое участие © развит ии нашей л итературы или просвещения – скоро мы будем говорит ь об од ном из т аких людей , именно о г. Шевы реве, – а барон Брам беус, который бы л гигант перед ними, – не сдел ал ничего, совершенно ничего, и в той жат ве, кот орая ныне зреет понемногу, нет ни од ного кол оса, который бы вы рос из семени, брошенног о его рукою.

Почему же т ак? Причина очень прост ая: он пренебрегал таким просты м делом, как посев хл еба, да пренебрегал и самы м хл ебом, как пищею не довол ьно п ряною и не довол ьно л егкою; он хотел собрат ь вокруг себя как м ожно бол ьше почитателей ; он вздумал , что детей бол ьше, нежел и взросл ы х людей ; чт о дети л учше л юбят л акомства, нежел и хл еб, и занял ся разд ачею л акомств, кот оры е таял и на язы ке, чем и кончал ось дело. Прибавит ь м ожно разве т о, что дети не сл ишком разборчивы на л акомст ва, пот ому он мал о забот ил ся о качест ве л акомств, л ишь бы тол ько разд ават ь их побол ьше; а дешевого м ожно разд ат ь бол ьше, нежел и д оро-гого, пот ому л акомст ва барона Брам беуса п о большей част и бы ли самые дешевые.

Смешно осужд ат ь самол юбие вообще: он о производ ит очень много хорошего, – но т ол ько т огда, когда, под вл иянием рассуд ка и л юбви, избирает себе возвы шенную цел ь; иначе оно, как всякая ст раст ь, заведет чел овека «а фал ьшивую д орогу, и он раст рат ит свои сил ы беспол езно дл я других, беспол езно и дл я собственной сл авы . Б арон Брам беус, до сам ог о т ого времени, как сдел ал ся русским писателем, не знал ни русской л итературы , ни русской публ ики, будучи уже очень хорош о знаком с богаты ми иност ранны ми л ит ерат урами, зн ая, как вы соко развит ы понят ия и знания в публ ике Западней 'Европы . Совершенно позвол ит ел ьно,– потому чт о очень естественно и справед л иво, – бы л о «му, узнав новую сферу, в которой пришл ось ему дей ствовать, вывесть, по сравнению, не очень вы сокое закл ючение об этой сфере. Очень естественно бы л о ему, имея вы сокое понят ие о себе,

4 * 51

почесть себя чел овеком, ст оящим г оразд о выше этой сферы , – и за эт о сл ишком вы сокое мнение о себе нел ьзя осудит ь его: в собст венном деле т руд но бы ть бесприст раст ны м судьею. Н о дол -жно заметить, что уже с эт ого пункта начинает ся ошибка: вообще г оворя, наша л ит ерат ура был а мелка, наша публ ика мало развит а; но между л ит ерат орами бы ли л юди, достой ные всякого уважения, а в публ ике бы л о стремл ение к развит ию. Н о что ж ост авал ось делать чел овеку, который думает, чт о все ок ружаю-щее ниже его? – Т ак ов о бы л о задушевное мнение многих наших л ит ерат оров, между прочим, и самого Гогол я. Гогол ь поставил цел ью своего самол юбия помочь окружающ им его л юдям воз-вы сит ься до него, – и это есть ист инное самол юбие, потому что тол ько похвал ы равны х могут быть лестными похвал ами. Н о помогать, ул учшат ь, развиват ь – дело медленное и т рудное; чтобы предат ься ему, необходимо быть уверену в том, что общест во, о кот ором идет дело, способно и готово к развит ию – рассуд и-тельный человек не станет хл опот ат ь понапрасну; над обно л to-бить ©то общест во, потому чт о никто «е захочет трудиться на пол ьзу тех, кого не л юбит.

Н о мы думаем, что он был неправ сам перед собою, из вы со-кого мнения о себе и

невы сокого мнения о нас сдел ав закл ючение, что ему над обно пот ешат ься над нами. Геркул ес мог п ора-жат ь пигмеев, хот я и в эт ом ему не бы л о особенной сл авы ; но миф не говорит , чт обы он т ерял время в пот ехах над ними. Наше мнение довол ьно ясно бы л о вы сказано прежде: барон Брамбеус не был Геркул есом; и между нами были л юди, которы е скорее

его могли иметь право на эт о имя; ио мы ст ановимся «а точку зрения чел овека, о дей ствиях кот орог о говорим. Скажит е, человек, считающий себя Геркул есом, а окружающ их его пигмеями, не сдел ал ся ли бы ничтожнее самы х пигмеев, если б всю деятель-ност ь св ою раст рат ил на потехи над некоторы ми из пигмеев для потехи других пигмеев? Од но тол ько был о сообразн о с его до-ст оинст вом: от вернут ься от пигмеев и занят ься другими подвигами, бол ее прил ичны ми сил ам, кот оры е он в себе предпол агает. Пуст ь этот чел овек занял ся бы борьбой с Гаммером, но не перед профанам и, в «Энцикл опедическом л ексиконе» П л ю ш ара28, с Кювье и Шампол ьй оном, но опят ь не перед профанами, в «Фан -т астических пут ешествиях» 29, а перед л ицом ученого света, хот я бы , например, в «Бюл л ет енях» С. - Петербургской Акад емии «аук или в «Journal des Savants». Тог д а и мы, пигмеи, посмотрел и бы, чем кончит ся борьба, и присоединил и бы наши единодушные похвал ы к похвал ам великих судей ученого мира.

Н о л ил ипутские забавы собл азнил и барона Брамбеуса: на них раст рат ил он все свои сил ы, забы в о всякой другой арене.

И з эт ого мы дол жны закл ючат ь, что л ил ипутская арена была для него совершенно удовл етворител ьна и что ошибал ся он, счи-т ая себя сл ишком многим выше лил ипутов. Заменяем сл ово 52

«пигмеи» лилипутами для ясност и: то мы говорил и с его точки зрения, теперь уже от себя. В той сфере, где он находил ся, были люди разл ичного рост а. Каких он вы брал своими т оварищами, своими судьями? самы х мал оросл ы х. К ого он хвал ил ? г. Тим о-феева, кот орого ставил соперником Пушкину, г. Масал ьского, кот орого назы вал талантливым и ост роумны м писателем, г. фан-Дима, г. Бернета, г. Очкина, г. В. Зот ов а и т. д., и т. д. Вы скажете, чт о это был а шутка? Н о как бы низко .ни думали мы о

людях, всегда над обно предпол агать, что есть между ними некоторые, не совершенно лишенные хот я небольшой частички зд ра-вого смы сл а: л еред ними нел ьзя шутить подобны х шуток, нел ьзя, для собственного развл ечения, ставить г. Тимофеева выше Пушкина. С подобными ре.чами можно обращ ат ься не к публике вообще, а тол ько к «избранной » публике. Труд но предпол агать, чтобы человек добровол ьно сделал подобный вы бор. Вероят нее всего, надобно объ яснят ь загадочную рол ь Брамбеуса следую* щим образом : от природы он получил довол ьно сил ьную накл он-ность блестеть остроумием и некот орую скл онност ь к парад оксам, что почти нераздел ьно одно с другим, — кроме того, бол ь-шую уверенность в собственны х сил ах. Уверенност ь эт а и счастливые обстоят ел ьства, в кот оры е он умел себя поставить, так что, наконец, сдел ал ся полным распорядит ел ем единственного сильного журнал а, внушили ему мысль, что он может вертеть этою л ит ерат урою и эт ою публ икою, как ему вздумает ся. Он вздумал, что, так как наша ист ория еще мал о разработ ана, наша л итература еще мало развит а, с иностранны ми л итературами мы еще мало знакомы , л итературные мнения еще шатки в бол ьшин-стве публики, кот орая мал о еще знакома и вообще с наукою, то он может сдел аться первы м нашим беллетристом, — недостаток повествовательного тал анта можно заменить заимствованиями у иностранны х писателей , — эт ого не от кроют читатели, очень мал о с ними знакомы е; может переделать всю нашу ист орию блестящими гипотезами — ведь она мал о разработ ана: кто же докажет неосновател ьность этих предпол ожений ? — может уверять публику во всем, что ему вздумается, — ведь ее л итературные мнеяия шатки, а знания сл абы . И он начал писать повести, переделывая и переводя Бал ьзака, Жюл я Жанена, Марриэт а,

Вол ьтера, Лесажа, Фил ьдинга, Рабл е, и т. д., и т. д. * Он решился доказы вать, что язы к Нест оровой летописи — польский , что литовцы — коренны е русские сл авяне, что «сл авянин» значит «чел овек», а «сл авяне» — «чел овеки», что китай ский язы к отл ичается от еврей ского тол ько интонациею, что «Ил иад а» и «Од иссея» писаны на бел орусском наречии, что К ир и его. персы * Пределы статьи заставляют нас ограничиться только указанием на статью «Брамбеус и юная словесность», помещенную в «Московском наблюдателе», 1835, том 2. Там приведены доказательства30.

говорил и наречием, очень бл изким к бел орусскому, так что персе -пол ьскне гвоздеобразны е «ад писи скорее всего можно прочитать «а бел орусском наречии, и т. д., и т. д. Н о оказал ось, что наша публ ика не так л егковерна, а л итерат оры и ученые наши не такие невежды, какими надл ежал о им быть для успеха в столь смелых предприят иях: заимст вования бы ли от ры т ы , неоснова-тел ьность гипотез обнаружил ась, и тогда самол юбие заставил о барона Брам беуса систематически и преднамеренно продол жат ь т о, что бы л о начат о, быть может , тол ько необдуманно, отчасти по излишней уверенности в собственны х дарованиях, отчасти по неосновател ьности знаний в тех науках, кот оры е он вздумал пересоздават ь. К ог о не удовл етворяет эт о объяснение, тот может прочитать другое, бол ее прост ое, в статье «Менцел ь»

(«Отечественны е записки», том V III, «Науки», на ст рани-цах 27– 29).

Мы самым кратким образом говорил и о повествовательной и ученой деятельности барона Брам беуса, но дол жны сказат ь не-скол ько подробнее о характ ере его крит ических статей и рецензий , с одной ст ороны потому, что на них преимущественно опирал ось мнение о нем, как об остроумней шем из русских писателей , некот орое время господст вовавшее в известном кл ассе пу-бл ики, с другой пот ому, что крит ическая его деятельность бл и-жай шим образом от носит ся к нашему предмету. Признаемся, мы прочиты вал и эти статьи со скукою, пот ому чт о ост роумие их очень од нообразно и вл ожено в них Почти всегда чисто механическим способом, который п о плечу каждому рецензенту, даже наименее ост роумному. Все искусст во сост оит обы кновенно в том, чтобы ловить неправил ьные фразы в разбираемой книге и потом повт орят ь их нескол ько раз; если загл авие книги <не совсем удачно, т о посмеят ься и над загл авием; если же можно, то прибрат ь какие- нибудь подобнозвучны е или подобнозначащие сл ова загл авию или фамил ии авт ора и, повт оряя их нескол ько раз, перемешивать, например, «Московског о набл юдател я» лназывать то «Московским надзират ел ем», то «Московским надират ел ем», то «Московским согл ядат аем», то «Московским подзират ел ем». Разби рая книжку, на которой авт ор, конечно, какой - нибудь Про-т опопов, выставил свою фамил ию так: Пр.т .п.в (невинная скром -ност ь, употребител ьная в те бл аженны е времена), раз двадцать повт орят ь: «говорит г. Пл .п .п .в,» «говорит г. П.р.р.р.р.в », «говорит г. П.п.п.р.р.р.в.», и т. д. Од ним сл овом, по этому очень незамы сл оват ому рецепту остроумный разбор «Мерт вы х душ» мог бы быть написан сл едующим образом . Вы писав загл авие книги; «Похожд ения Чичикова или Мерт вы е души», начинать прямо так: «Прохл ажд ения Чхи!чхи!кова – не подумай те, чит а-тель, чт о я чихнул , я тол ько произношу вам загл авие новой п о-емы г. Гогол я, который пишет так, что его может понять тол ько один Гегель... Я отдохнул и прод ол жаю: Чхи... Эт о грузинец:

у грузинцев ни одна фамил ия не обход ит ся без Чхи!чхи!.. Ит ак, «Прегражд ения Чичикова или Мерт вы е т уши...» «Не знаем, о тушинцах ли, сосед ях грузин, говорит авт ор, или о тушинском воре, или о бурой корозе, или о своих любимых, животны х, кот оры х так част о описы вает с достой ным их искусст вом», и т. д., и т. д. Лет двадцать тому назад находил ись читатели, которы м это казал ось остроумием. Тогд а могл и най тись даже читатели, которы е понял и бы тонкий кал амбур, скрытый в сл овах «п ро-хл аждения... пригвождения... прегражд ения Чхичхикова», и сказать: «Ай - да молодец! раскрит иковал ! Уж лподлинно, так п ро-хладил да пригвоздил , что прегradит писание таких нелепостей .

Верно, не раз чихнет авт ор от этой крит ики!» И читатель был д о-волен собою, сл едовател ьно, восхищен ловким крит иканом, д оставившим ему случай не т ол ько рассмеят ься, но и самому сказать ост рот у! О, бл агосл овенны е времена! К ак легко бы л о п ро-слыть тогда ост роумцем в извест ном кругу читателей , об одном из которы х упоминает несравненный лей тенант Жевакин: «У нас в эскад ре капитана Бол ды рева был л шчман Пет ухов, Ант он Ив а-нович; т оже этак был весел ого нрава. Бы вал о, ему ничего бол ь-ше, покажешь ат ак один палец – вдруг засмеется, ей - богу! и до самого вечера смеется. Ну, глядя на него, и самому сдел ается смешно, и смот ришь, наконец, и сам, т очно, смеешься». (Сочии [ения] Гогол я, 4 част ь, 308 ст р. нового изд ания). Мал о уже ныне Петуховы х, Ант онов Ивановичей ! Вол я ваша, скажешь с Гогол ем: «скучно на свете, г оспод а!», особенно скучно, когда по необходимости перечитываешь т о, над чем т ак

смеял ись Ант оны Ивановичи, лет за двадцать.

Эт о об ост роумии; что же касает ся сод ержания и смы сл а рецензий и критик барона Брамбеуса, мы (находим у Гогол я совершенно справедливый отзы в («О движении журнал ьной л итера-т уры », «Современник» 1836, № 1):

В разборах и критиках г. Сенковский никогда не говорил о внутреннем характере разбираемого сочинения, не определял верными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое- то странное ожесточение. Она состоял а в мелочах, ограничивалась выпискою двух- трех фраз и насмешкою. Ничего не было сказано о том, что предполагал себе целью автор разбираемого сочинения, как оное в ы п ол н и л и , если не выполнил, как должен был выполнить. Больше всего г. Сенковский занимался раэбором разного литературного сора, множеством всякого рода пустых книг: над ними шутил, трунил и показывал то остроумие, которое так нравится некоторым читателям; наконец, даже завязал целое дело о двух местоимениях, «сей » и «оный », которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском языке. Об этих местоимениях писаны были им целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения «сей » и «оный » совершенно неприличны. Эт о напоминало старый процесс Тредьяковского за букву ижицу и десятеричное і: книга, в которой встречались этн две частицы, была торжественно признаваема написанною дурным слогом.

55

К этим совершенно справедл ивы м сл овам над обно прибавить замечание о том, от куда взят был тон и сл ог эт их статей , — из л итерат урны х фел ьет онов Ж юл я Жанена, который тогда был в цвете мол одост и и на вершине своей сл авы . И вот мы пришл и к необходимост и вникнуть в предпол агаемы е некоторы ми засл уги барона Брам беуса перед русскою л ит ерат урою. Ник т о не скажет теперь, чтобы его повести бы л и особенно хорошим приобрет е-нием для нашей бел л етристики, никто не скажет , чтобы от его учены х статей хот я скол ько- нибудь вы играл а или наука, или пуб-л ика; но в ст ары е годы Ант оны Ивановичи Петуховы получили обы кновение повт орят ь его сл ова, что он ввел в русскую л итера-т уру легкий прозаический сл ог, первый начал писат ь у нас живы м

и светским язы ком. Чт обы говорит ь эт о, над обно не иметь понят ия о наших журнал ах 1825— 1833 годов. Полевой и его сот рудники писал и, когда то бы л о сообразн о с предметом, самым легким язы ком. Не говорим уже о том, что для присуждеиия барону Брамбеусу засл уг относит ел ьно язы ка над обно думать, что он был учителем Пушкина и его сподвижников. «Тел ераф»,

«Мол ва» и почт и все другие журнал ы показы вают , что окол о 1825— 1830 года искусст во писать легким язы ком не бы л о даже принадл ежност ью одной пушкинской школ ы , а решител ьно всех грамотны х и не безд арны х прозаиков. Ст ранная ошибка, в кот о-рую впал барон Брам беус, приписы вая себе засл угу введения у нас легкой , прозы , что бы л о уже сдел ано задол го д о него, происходит от т ого,' что ему самому единственным превосходней шим прозаическим язы ком казал ась жюл ь- жаменовская манера, кот о-рую дей ствительно ввел он у нас, как некогда иные вводили фон -тенел евскую манеру, другие ст ерновскую, третьи юнгштиллин -говскую или эккарт сгаузеновскую манеру. Дел о прост о в том, -что каждый подражат ел ь поддел ы вал ся под сл ог своего образц а. Б арон Брам беус смешал понят ия «язы к», который бывает в данную эпоху почти одинаков у всех грамотны х писателей , и «сл ог», то есть особенную манеру кажд ого писател я. Он был у нас первым подражат ел ем Жюл я Жанена и дей ствительно первый из. л ит ерат оров, игравших замет ную рол ь, начал поддел ываться под его сл ог; счит ая этот сл ог идеалом совершенст ва и не зная разл и-чия между язы ком и сл огом, он, по нашему мнению, совершенно д оброд ушно пришел к закл ючению, чт о он первый у нас начал писать превосходны м прозаическим язы ком, о чем для чел овека, хот я немного понимающего дело и читавшего хот я нескол ько ст раниц пушкинской прозы , не могл о быть и речи в 1834 или 1833 году. Н о может быть речь о том, хороша ли манера Жюл я

Жанена и не д ол жно ли считать засл угою барона Брамбеуса хотя т о, что он, п од ражая Жюл ю Жанену, писал хорошим сл огом, хот я хороший сл ог тогда уже не был новост ью. Вот до чего мы дошл и! Неужел и над обно серьезно говорит ь о таком писателе, как Жюл ь Жанен? Ужел и над обно доказы ват ь, что сл ог его

стянут, вы чурен, прит орен, что ни естественности, ни жизни, ничего, чем отл ичается сл от хороших писателей , в нем нет? Од ин фельетон пишет он, закл ючая кажд ую фразу восклицател ьны м знаком, – заметьте, буквал ьно кажд ую фразу, не пропуская ни одной ; другой – посл е кажды х двух - трех сл ов ст авя нескол ько точек; третий – начиная кажд ую фразу сл овами oh! que j'aime *; четвертый – сл овом helas! " и т. д,, и т. д.; но повсюду ост ает ся он верен двум правил ам: говорит ь как можно меньше о деле и как можно бол ьше о пуст яках, и раст яги ват ь фразы до бесконечности набором десяти, пятнадцати синонимов, бесконечного ряд а прил агател ьны х или гл агол ов, таким образом : «юный , свежий , розовый , цветущий , весенний , ароматный румянец ее щек прел ьщал нас так недавно, и – h e la s !– она увял а, поблекла, побл еднел а, уснул а, покинул а нас... не хочу сказат ь: умерл а – умереть значит пережить себя, бьгть забы т ы м, и т. д.» и т. д. А такое чудное, дивное, упоител ьное, восхитител ьное оча-рovател ьное и т. д. сущест во может ли быть когда- нибудь забы то? Oh, non ***, ты всегда будешь л учшим, прекрасней шим и т. д. воспоминанием», и т. д., и т. д. на пятнадцать ст ол бц ов,– и заметьте, что эт о говорит ся о смерти какой - нибудь сорокал ет -ней , неуклюжей танцовщицы , и заметьте, чт о она- вовсе не думал а умирать, а красноречивы й плач написан дл я т ого, чтобы завт ра публика, увидев ее имя на афише, т ол пою бросил ась в т еат р

рукопл ескать воскресшему «юному, дивному, прел естному, очаро-

вательному и т. д. сущест ву». Ил и переменим тему; над обно сказат ь: «я изумлен и обрад ован». Жюл ь- жаненовским сл огом говорит ся эт о так: «я пыхчу, я зад ы хаюсь, я вол нуюсь, я потею, я хол одею, я трепещу от вост орга, от удивл ения, от изумл ения, и т. д., и т. д.». Писат ь самому таким сл огом и рекомендоват ь его другим не составл яет особенной засл уги.

Повест и барона Брамбеуса, его критические ст атьи и рецензии пост оянно писаны в манере Ж юл я Жанена. О повест ях мы не будем говорит ь; но в крит ических ст ат ьях есть значител ьная разниц а между этими двумя рецензентами: несмот ря на всю ре -т орику, всю натянутость изл ожения и постоянны е усил ия выдать дурное за хорошее и наоборот , у Жюл я Жанена очень част о заметен эстетический вкус, – сл ишком утонченный , изысканный , но все- таки тонкий ; кроме т ого, его фельетоны, несмот ря на всю свою пустоту, бол ее или менее проникнуты од ною идеею, – т ою самой , лучшим представител ем которой сл ужит его газет а Journal des Debats. Эт а идея очень мелка, но все - таки она дает некоторый смы сл , некот орую внут реннюю ценность бол товне Жюл я Жанена: лучше что- нибудь, нежел и ничего. У барона Брам*

* OI как я люблю. – Ред.

** Увы! – Ред.

*** O, кет! – Ред.

57

беуса вместо этих качеств замет но более учености, нежели у по-верхност ного Жюл я Жанена; но вы решител ьно не .видите, чего хот ят его рецензии, и доходите д о убеждения, что рецензент лишен вкуса. Вы пост оянно видите, что дл я него не замет но разл и-чия между дурны м и хорошим е художественном отношении. Дл я него сам ог о незамет но – сказал и мы – потому что недостаточно объ яснят ь его ошибки преднамеренност ью, жел анием посмеяться,

ввести в забл уждение читателей или авт ора: всему есть свои пределы, например назы вать Тимофеева Пушкины м м ожно тол ько тогда, когда сам не замечаешь разл ичия между этими двумя писателями. Мы могли -бы привесть бесчисл енное множест во подобных примеров, но довол ьно будет и двух: один, самый известный , изумивший многих в свое время, есть разбор драматической фант азии г. Кукол ьника «Торк в ат о Т ассо»; этой статьей дебют иро-вала крит ика «Библ иот еки для чтения» (1834, № 1); другой прим е р– от зы в о лоэ<ме г. В. Зот ов а «Последний Хеак » 3| .

Разбор «Торкват о Т ассо» начинает ся тем, что драмат иче-ская фант азия г. Кукол ьника признает ся явлением стол ь же высокого дост оинст ва, как

«Последний день Помпеи». Повод ом к сравнению бы л о т о обст оят ел ьст во, что оба эти произведения сдел ал ись известны ми публике в один и тот же год.

Н о – прод ол жает крит ик, подписавший ся именем Тютюнд-жи- Огл у – публ ика наша, к сожал ению, встретила «Торкват о Т ассо» очень хол одно. Впрочем, эт о ничего не доказы вает : «первые т ворения музы Бай рона встретил и т очно т акую же хол од-ность в англий ской публ ике», л орд Брум, знаменитый в свое время ценитель л итерат урны х явлений , «советовал д аже ему никогда не писат ь ст ихов», и тол ько Вал ьт ер Скот т объяснил англ ичанам величие нового поэтического гения. «Я желал бы , чтобы Вал ьт ер Скот т воскрес из могилы и оказал другую подобную усл угу нам, русским: по скромной недоверчивости к собст -венным нашим сил ам, мы не смеем подумат ь, чтобы между нами возник необыкновенный поэтической тал ант] – молодой Кукол ь-ник». Рассказав сод ержание поэмы и вы писав из нее два или три «превосходны е от ры вка», крит ик доходит до видения бол ьного Т ассо в доме сумасшедших, этой «чудесной , единственной сцены, достой ной величай шего поэт ического гения, истинной , вы спрен-ней поэзии ужаса». Дл я тех, кт о позабы л этот удивительный от-ры вок, красот ы кот орого стол ь верно воспроизведены во втором отры вке, «Доменикино Фет и», драматической фант азии Новог о п оэт а32, скажем, что в этой сцене «Торкват о Т ассо» беспрест ан-но сверкает мол ния, при бл есках которой возникает «Черный дух с кры л ьями», Т ассо бросает ся обнимат ь его, «но упавшая за самы м окном с ужасны м т реском мол ния нескол ько моментов ярко освещает комнат у», дух исчезает , Т ассо «обнимает в оз-дух», «невол ьно падает на кол ени» и начинает изъяснят ь свое отчаяние вы сокопарны ми сл овами, потом «подъемлет гол ову, но, 58

увидев над собою золотой венец в сиянии, падает ниц». Пред -ставив читателям это нескладное, напы щенное подражание первым сценам «Фауст а», критик говорит : «Есл и эт о не поэзия, не самая вы сокая драматическая поэзия, то во мне нет души.

Этой сцены нельзя читать без трепета. Од ин Тал ьма был бы в состоянии представл ять ее: в его руках она произвел а бы такой же ужасный и горазд о высший эффект , как просл авл енная сцена лунатизма в Макбет е». Почт и так же прекрасно д рамат изиро-вана, на взгляд критика, смерть Лукреции, прикл ючившаяся та* ким манером:

Тасс подбегает и падает у ее кровати на колени. Лукреция хватается за г.ердце:

Л у к р е ц и я .

Ах, се рдце, се рдце!

(с пронзител ьным криком)

Га! разорвал ось! (Умирает.)

'Все эти удивительно поэтические места «приносят (по сл о-вам крит ика) величай шую честь поэтическим дарованиям юного нашего Гете, и «я так же громко воскл ицаю (говорит он): вел и-кий Кукол ьник! перед его видением Т асса и кончиною Лукреции, как воскл ицаю: великий Бай рон! перед многими местами т воре-ний Бай рона»,

Обы кновенно принимал и этот разбор за насмешку над публикою и авт ором. Смы сл эгой статьи может быть тол ько таков:, собственно говоря, «Манфред » Бай рона так же пл ох или хорош, как «Тассо» г. Кукол ьника, и я решител ьно не знаю, хорош или дурен «Манфред » – вы, публ ика, думаете, что он хорош – так вот вам другое произведение, кот орое не хуже его. – Вот отзы в того же крит ика о «Посл еднем Хеаке»:

«Не дол жно судить о даровании г. В. Зот ов а по этой поэме: она его первая поэма, а первая поэма бывает всегда сл аба, хот я бы, например, «Хад жи Абрек» Лермонт ова». «Мы уговаривал и даровитого Лермонт ова не печатать своей первой поэмы », уверяя его, что он будет писать хорошо впоследствии времени, а первая поэма его сл аба; но «юный поэт не от ст авал », и, «чтобы уд о-влетворить эту невинную мечту неопы тности», мы «напечатал и «Хад жи Абрека» в сокращении, с вы пуском главней ших длин -нот и страшней ших карт ин». – «Межд у «Абреком » я «Посл ед-ним Хеаком » мы видим бол ьшое сходст во. Зд есь т акже встречаются

очень скучны е длинноты, но, так же, как и в «Абреке», есть места, предвещающие решительный тал ант». Рецензент доказывает это длинными от ры вками из «Хеака», – отры вками, достоинство которы х читатели могут вообразит ь себе и без наших объяснений . «Посл е этих выписок (закл ючает рецензент) нам остается только пожел ать, чтобы ... невольное сбл ижение ««Последнего Хеака» с «Абреком » принесл о счастие юному поэту 59

и чтобы г. В. Зот ов , уже т оварищ Лермонт ову по первому поэтическому греху, т очно так же загл адил свою поэму истинными

успехами в искусстве и явил ся со временем т оварищем ему по тал анту и сл аве».

Зд есь опять т о же самое: вы, публ ика, говорите, что «Хад жи Абрек » в целом сл аб, но имеет места, предвещающие решительное дарование. Вы говорит е, что Лермонт ов великий поэт. Не знаю, так ли эт о; но «Последний Хеак », на мой взгл яд, ничем не отл ичается от «Хад жи Абрек а»; потому над обно предрекать, что со временем вы, публ ика, будете находить, что г. В. Зот ов «т оварищ Лермонт ову по тал анту и сл аве». Можно морочит ь публику от носител ьно Кювье и Шампол ьй она, пот ому что публика не читал а и не будет читать их; но Лермонт ова она прочл а,

Бай рона т акже знает довол ьно хорошо, и говорить о них такие странны е вещи можно тол ько 'Проговариваясь.

Невол ьны м сознанием перед собою в своей неспособност и оценивать достоинства и недостатки л итературны х произведений надобно объ яснят ь пост оянное правил о барона Брамбеуса: с од -ной ст ороны , о замечател ьны х явл ениях нашей сл овесности упоминать тол ько вскол ьзь, отдел ы ваясь от них несколькими общими фразам и, одной или двумя ст раничками, почти всегда повт оряя тол ько т о, что уже бы л о сказано другими, но, чтобы придать оригинал ьносхь заимствованны м суждениям, повт оряя их в ут риро-ванной форме; и, с другой ст ороны , распрост ранят ься о серобумажны х книжках, в кот оры х гл авное дело не художественные недостатки – к эстетике не имеют они никакого отношения – а прост о бессмы сл енность и безграмот ност ь. Дл я того, чтобы уметь осудит ь их, не впадая в промахи, довол ьно быть человеком грамотным и неглупым. Вначал е барон Брамбеус попробовал писать бол ьшие статьи о романах и драмах, которы е хотел расх валить или побранит ь: так, в первы х нумерах «Библ иот еки» помещены был и обширны е критические разборы «Торкват о Т ассо» и некоторы х других произведений г. Кукол ьника, «Мазепы » г. Бул гарина, «Черной женщины » г. Греча. Н о скоро он перестал пускаться в подобны е предприят ия, вероятно, сам, как человек умный , замет ив, что они ме в характ ере его способностей . Крит и-ческий отдел «Библ иотеки дл я чтения» стал напол няться почти искл ючител ьно разборам и учены х сочинений , а «Лит ерат урная л етопись» – длинными рецензиями о пусты х, не засл уживающих внимания книжках. Вот , например, загл авия л итературны х п ро-изведений , которы е удостоены очень длинных рецензий в посл ед-них нумерах «Библ иотеки дл я чтения» 1842 года.

«Сенсац ии и замечания госпожи Курдюковой за границей , дан л'эт ранже» 33, «К няжна Хаби ба, повесть в стихах Ал ексан-дры Фук с», «Мечты н звуки поэзии Иосифа Груэинова», «З а -ветные думы, Осенние цветы и Вечерние досуги, стихот ворения М. Демидова», «Последний Хеак , поэма В. Зот ов а», «Мат ь а 60

дочь, роман, сочинение Михай ла Чернявского», «Сердце женщины, роман М. Воскресенского» Etincelles et Cendres, polsies par mademoiselle E. Oulybyche ff *, Moscou, 1842», «Любовь музыканта, роман А , Яросл авц ева», «Повести для добры х моек* витян, сочинение Эммануил а Лтомина».

О каждой из этих книг говорит ся прел одробно, об иных на 15, об иных на 20 ст раницах. Зат о в стары х годах «Библ иот еки», начиная с 1838 года (в 1836 и 1837 гг. разборы для эт ого журнала доставлял Н . А. Полевой), напрасно стал и бы вы искат ь хот я таких статей , как разборы «Торкват о Т ассо» и «Черной женщины ». А между тем, журнал проникнут был сильной пот реб-ностью хвалить романист ов и поэт ов, к которы м благовол ил .

Он и хвалил их беспрест анно, н о тол ько общими фразам и, чувствуя, что подробны е разборы д аже посредственны х произведе-

нии ему не по силам.

Теперь нет надобност и нам распрост ранят ься о том, мог ли барон Брамбеус сказат ь о Гогол е что- нибудь в самом деле замечательное. Кт о не сказал ни о ком иичего, тот, конечно, ничего особенного не сказал и о Гогол е. Сначал а «Библ иотека для чтения» верно держал ась своего правил а: о «Миргород е» и «Арабесках» она сказал а тол ько п о нескол ьку сл ов, довол ьно бл аго-склонных, потому что все другие журнал ы отозвал ись об этих книгах выгодно 34. О «Вечерах на хут оре бл из Днканьки» было сказано («Библ иот ека дл я чтения», 1834, № 5), что «у авт ора есть бол ьшое дарование», и с обычной меткостью эстетических суждении барона Брамбеуса было прибавл ено, что «у него нет чувства», между тем, как на кажд ого читателя, не л ишенного вкуса, сильней шее впечатление производят «Вечера на хут оре» именно своею задушевност ью и тепл отою. О «Миргород е», в третьем нумере «Библ иотеки» 1836 года, было оказано:

В продолжение двух томов вы только и видите, что малороссий ских мужиков, казаков, дьячков, мастеровых. Публика г. Гоголя «утирает нос полою своего балахона» и жестоко пахнет дегтем, и все его повести, или правильнее, сказки, имеют одинаковую физиономию. Литература эта, конечно, невысока, вта публика еще одной степенью ниже знаменитой Публики поль- де - коковой ; однакож, книга читается с большим удовольствием, потому что она писана слогом плавным, приятным, исполненным непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматические ошибки. Самое замечательное качество манеры г. Гоголя — когда г. Гоголь не вдается в суждения об ученых предметах ~ есть то особенное малороссий ское забавничанье, та простодушная украинская насмешка, которыми он обладает в высшей степени и которые столь же различны с англий ским юмором, сколько с французскими тюрлюпннадами или с тем, что во Франции называют gogueoardise. Чт о это отнюдь в том нет никакого сомнения: а тем, которые принимали манеру автора «Вечеров rta хуторе» за humour, имеем честь доложить, со всем должным почтенней к их проницательности, что они, повидимому, не имеют ясного понятия об юморе. Мы настаиваем на атих различиях, которые не каждому * «Искры и пепел; стихотворения Е. Улыбышевой ».— Ред.

61

дано чувствовать в равной степени, и хотя, слава богу, не смешиваем мало* россий ской потехи с юмором Стерна, Лема иди Гогга, желали б, <? диакож. двух вещей : чтобы г. Гоголь не оставлял своей манеры, потому что она оригинальна, забавна и носит неподдельный отпечаток народности ума; и-чтобы другие не подражал и его манере, если они не родились в Мал ороссии, потому что она так же неподражаема и самобытна, как esprit и как юмор..

Дей ствующие лица этих сказок принадлежат к самым низким сословиям и говорят языком, приличным своему званию; при всем том язык этот не поражает читателя ни пошлыми оборотами беседы вприсядку, ни грубостью, Слишком верною черной природе. Как не полюбить этих молодых казачек, с такими круглыми бровями, с таким свежим и румяным лицом? Как не находить удовольствия в картине этих нравов, добродушных, простых, забав-ныхл Самая милая сказка — «Ночь перед Рождест вом»; она очень весела, очень drdle, — вернее мы не умеем выразить ее свой ства. Здесь часто попадается и остроумие, н вообще вы читаете ее с наслаждением и любопытством с начала до конца. «Иван Федорович Шпонька» есть единственная а целом сочинении повесть, в которой нет мужиков и казаков, и она именно стол ь за нимател ьна, скол ько нужно, чтоб пожалеть о том, что она не кончена.

Самый недоверчивый читатель согл асит ся, что эта рецензия написана 6 бл агоскл онном тоне. Н о не дальше, как через два месяц а, в пятом нумере «Библ иот еки» т ого же года, был помещен разбор «Ревизора» совершенно в другом роде. Мы возврат имся к некоторы м местам этой рецензии, а теперь заметим тол ько, что

Н . А . Полевой , не сл ишком церемонивший ся с Гогол ем, назы -вает ее «бранью» и считает нужны м откл онить от себя под озре-ние, чт о она писана им. Посл е т ого «Библ иот ека» в течение семнадцати или восемнадцати лет пост оянно нападал а «а Гогол я.

Бы л о бы сл ишком дол го припоминат ь все ее вы ходки против эт ого писател я; да это и не представл яет особенного интереса, пот ому что они сл ишком од нообразны : три- четыре кол кост и, показавшиеся рецензенту ост роумны ми, повт оряют ся бесконечное числ о раз: иная от правл яет сл ужбу бессменно целый год,

иная и нескол ько лет. Особенно дол говечны бы л а кал амбуры с сл о-вом «нос», как- то: «л учшее средст во достичь до бессмерт ия есть писат ь о носе», «хорош о описат ь нос есть верх ост роум ия», и т. д. Ост авл яя в ст ороне все эти бесчисл енны е нападения, статьи и статей ки по поводу разны х повестей Гогол я и особенно «Переписки с д рузьям и», по поводу упоминаний о Гогол е в других журнал ах и проч., мы приведем тол ько некот оры е факты ост ро-умия, порожд енны е первы м изданием «Мерт вы х душ» тол ько в двух мумерах «Библ иот еки» 1842 года: дост ат очно будет и этих примеров, чтобы судит ь о степени меткости и ост рот ы в нападениях на Гогол я, сост авл явших едва ли не единственную живую ст орону «Лит ерат урной л етописи» «Библ иот еки» до последнего времени.

«Лит ерат урная л етопись» т ого нумера «Библ иотеки для чтения», в кот ором помещен разбор «Мерт вы х душ», начинает ся статей кою о трех ст ихот ворны х брошюрках Ал ипанова, стихи кот орого своими качествами соответ ствовал и прозе Фед от а Куз -62

мичева, А. А Орл ова, Сигова и прочих. Вы писы вая загл авия этих книжонок, рецензент везде прибавл яет сл ово «поэма»:

1) Теофил . «Поэм а» Е. Ал ипанова, СПБ ,. 1642; 2) Военны е

песни. «Поэмы » Е. Ал ипанова, СП Б , 1842; 3) Досуги дл я детей . «Поэмы » Е. Ал ипанова, СП Б , 1842. Вдовол ь потешившись над нелепыми его виршами, вы писав из них множест во от ры в-ков т акого род а:

Как летни настали Прекрасны деньки,

В лесу вы оостала Младые грибки,

и т. д., рецензент говорит , что Ал ипанов сочиняет «чудесны е поэмы ». «Я не смею (прод ол жает он) провозгл ашат ь Ал ипанова величай шим из современны х поэт ов, потому что в нашей лите-рат уре есть уже другой величай ший из современны х поэт ов; но, по моему мнению, смело м ожно авт ору «Досуг ов для детей » и проч. дать первое место посл е величай шего». «Сам ая поэтическая поэма», в «Досуг ах дл я детей » — посл ание к шести летнему мал ьчику о том, как хорош о сдел ал «крест ьянин, друг людей », подав мил осты ню нищему. «В нынешнем пол ожении поэтических дел и при наст оящих понят иях о поэзии нел ьзя и жел ать прекрасней шей поэмы. Н о век наш обил ен чудесами. Я вокруг себя вижу одни тол ько поэмы , одна пленительнее другой . Чт о значит эта поэма (о крестьянине, друге людей) в сравнении с т ою, о которой я сей час буду иметь честь вам представит ь! Вот она:

«Похожд ения Чичиков а, или Мерт вы е души». Поэм а Н . Гогол я».

Вы видите меня в таком восторге, в каком еще никогда не видали.

Я пыхчу, трепещу, прыгаю от восхищения: объявляю вам о таком литературном чуде, какого еще не бывало ни в одной словесности. Поэма! Д а еще какая поэма! Одиссея, Неистовый Орл анд, Чай льд- Гарольд, Фауст , Онегин, с позволения сказать, дрянь в сравнении с этой поэмой . Поэт ! Д а еще какой поэт! поэт, перед которым Гомер, Ариост о, Пушкин, лорд Бай рон н Гете, с позволения сказать, то, чем Нозд рев называет Чичикова *. Это, может быть, превосходит все силы вашего соображения, но это дей ствительно так, как я вам докладываю. Никогда еще гений человеческий не.производил подобной поэмы. Никогда смертный род Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой не в шутку. Поэт провозглашен первым современным поэтом не в насмешку. Все это, уверяю вас, серьезно, н очень серьезно. Можно с ума сонтн от радости, если хоть немножко любишь искусство, русский язык и честь своей литературы.

Пот ом рецензент начинает разг ов ор с читателем. Читател ь спрашивает, возм ожно ли поэмы писат ь прозой , а не стихами; рецензент отвечает, что вещи «необъят ны е, как грезы тщесл авия в бреду», выше «всякого понят ия, всякой похвал ы , всякого порицания», что невозможно и разбират ь их, а можно тол ько знакомить с ними читателей посредст вом вы писок. Начинают ся вы* Далее выписано, что Ноздрев называет Чичикова свинтусом.

63

писки. Читател ь беспрест анно преры вает текст «Мерт вы х душ» замечаниями о неправил ьности выражений , жесткости слога, неприл ичии многих сл ов в л итературном языке. Замечания боль* шею част ью т акого достоинства: ветер и дым имеют в родитель* ном падеже ветру, дыму, а не ветра, дыма; сказат ь «хотя... но», неправил ьно; надобно говорит ь: «хот я... од нако»; нел ьзя сказат ь «совершенно никакого», дол жно говорить прост о «никакого»;

«сл уги возил ись окол о экипажа», «сл уга рассказы вал ему в ся-кий в зд ор» — вы ражения низкие, грязны е. Рецензент отвечает, что в этих вы ражениях именно и закл ючает ся истинная поэзия, высочай шее ост роумие; воскл ицает, что он «от вост орга ст ано-вится на колени перед первы м современны м поэт ом». Наконец читатель останавл ивает его и говорит , что «Мерт вы е души» то же самое, что романы Пол ь- де - Кока, с т ою тол ько разницею, что у Гогол я менее хорошего , и более грязного, нежели у Поль - де -

Кока.

Посл е того все остал ьны е книги, разбираемы е в «Лит ерат урной л етописи», назы вают ся «поэмами»: «Хол од ная вода, как всегдашнее л екарст во», сочинение докт ора медицины Вай герс-гей ма. «Эт а удивител ьная поэма описывает насморки, холодной водой докт ор Вай герсгей м. вылечивает всех людей от всех бол ез-ней , в том числе и посредственны х . романист ов от гордости и тщесл авия». — «Общ ая анат омия, сочинение докт ора медицины Ивана Бы ст рова», и «О распознавании и лечении аневризмов, сочинение И. Гил ьдебракда» — «две очень любопытные и пол ез-ны е поемы ». — «Практ ические упражнения в физике, перевод с франц узског о» — «поэма беспол езная и нел юбопы тная». «Древняя фл ора, или описание раст ущих в Россий ском государстве дерев и куст арников»— '«поэма, изданная книгопродавцем для известной ему цели».

И з многих продолжений эт ого ост роумия по поводу «Мертвы х душ» вы бираем тол ько один пример — ост роумие, повод к кот о-рому подал а брош юра г. К . Аксакова, написанная в вост оржен-ном тоне. Вот рецензия на эту книжку:

Нескол ько сл ов о поэме «Похождения Чичикова, или Мертвые души», сочинение Константина Аксакова, Москва, 1842. Эта брошюра имеет целью доказать, что автор поэмы «Похождения Чичикова» — Гомер, а сама поэма «Похождения Чичикова» — Ил иада; что в «Илиаде является Греция с своим миром», а « эпическом созерцании автора поэмы «Похождения Чичикова» является чорг янает что, но тоже с своим миром; что это эпическое его •созерцание и есть чистый древний впос, совершенно то же, что у Гомера. что это — «чудное, чудное явление!» и прочая, и прочая. Это плохо! Когда люди издают на свои деньги такие похвальные брошюры , вто очень плохо! Это показывает то, что поэма нехороша!» (Сл ова, напечатанные курсивом, так напечатаны в самой «Библиотеке для чтения».)

И, не давая испарит ься букету ост роумия, рецензент тотчас же переносит его в отзы в о романе Поль- де - Кока, поставленный вслед за от зы вом о брошюре г. К. Аксакова:

454

Парижская красавица. Роман Поль- де - Кока. СПБ. 1842. В подлинник? ета поэма называется La jolie Гше du faubourg *. Все поэмы Поль - де - Кока переводятся на русский язык. Это единственный из современных писателей , которого «создания» (курсив и язвительные « — » сохранены, как поставлены в «Библиотеке для чтения») удостаиваются у нас такой чести. Мы ие пропускаем ни одного его создания. Можно ли после этого сомневаться в нашем решительном вкусе к полъ~де-коковским поэмам? «Парижская красавица» довольно скучное «создание». Перевод довольно плох. Но вто не удержит читателей . Мы так любим Поль- де- Кока, что между его родом и Одиссеей уже не делаем никакого различия, уверяем, что это — совершенно одно и то же, и всякого, кто творит подобные романы, некоторые называют Гомером, не страшась нисколько, что если Европа услышит вто, то она подумает, что они — в белой горячке.

Зд есь для нас непонятно только одно: каким образом можно было сказать по поводу панегирика, написанного г. К. Аксаковым: «Когда л юди издают на свои деньги такие похвальные брошюры , это очень плохо! Эт о показывает, что поэма пл оха!»

Смысл этих выражений ясен: Гогол ь заказал г. К. Аксакову похвальную брошюру и

напечатал ее на свой счет. Можно не соглашаться с г. К. Аксаковы м, нет преступления и острить над ним, если угодно; но между русскими писателями едва ли был тогда или есть теперь хотя один, стол ь мало знакомый с общественным положением и личным характером г. К. Аксакова, чтобы незнание давало ему право делать предположение, будто бы г. К. Аксаков может писать панегирики по заказу и печатать их на чужой счет. Велика дол жна была быть досада рецензента,

если доводила его до столь несообразны х намеков. Довол ьно острот уже мы выписали. Есл и Гогол ь еще не убит ими во мнении читателя, то все остальные уже не нанесли бы ему новых ран, потому что они только вариации на малочисленные темы, которые достаточно истощены и выписанными у нас отрывками. Пора поговорить о том, отчего эти убий ственные нападения были так многочисленны.

Помещая длинные статьи о Гогол е, барон Брамбеус нарушал свое неизменное во всех других сл учаях правил о укл оняться от подробных разборов замечательных явлений нашей словесности. Это одно заставляет предполагать особенны е причины для объ яс-нения его исключительного внимания к Гогол ю: кто не считал нужным говорить с своими читателями о Пушкине, Лермонт ове, Кольцове, ие стал бы распрост ранят ься и о Гогол е, если б не имел на то своих частных побуждений . Притом же мы заметили, что тон его отзы вов слишком решительно изменился в течение короткого времени, отделявшего третий нумер «Библиотеки для чтения» 1836 года от пятой книжки того же года: в первых числах марта он говорил о Гогол е бл агоскл онно, в первых числах мая отзывал ся о нем уже так, что самому Н. А. Пол евому разбор этот казал ся неприличною «бранью». Эт а бы ст рая и резкая перемена совершенно объясняет ся тем, что в первых числах * Красивая девушка из предместья.— Ред.

апрел я вышел первый том пушкинского «Современника», закл ю-чавший в себе статью «О движении журнал ьной литературы», одну выписку из которой привели мы выше. Вот другой отры вок, объясняющий ист орию возникновения пушкинского журнал а и отношения его издател я и сот рудников к барону Брамбеусу. Сказав, что в 1833 году все прежние журнал ы наши «имели постный

вид» и тесный круг читателей , авт ор статьи продол жает:

В это время книгопродавец Смирдин, давно уже известный своею деятельностью и добросовестностью, решился издавать журнал обширный , энциклопедический , завоевать всех литераторов, сколько их ни есть в России, и заставить их участвовать в своем предприятии. В программе были выставлены имена почти всех наших писателей . Профессор арабской словесности, г. Сенковский , взял ся быть распорядителем журнала. К нему был присоединен редактор г. Греч. Никто тогда не заботился о весьма важном вопросе: должен ли журнал иметь один определенный тон, одно уполномоченное мнение, или быть складочным местом всех мнений и толков? Журнал на сей счет отозвался глухо, обыкновенным объявлением, что критика будет самая благонамеренная и беспристрастная, чуждая всякой личности и неприличности — обещание, которое дает всякий журналист. С выходом первой книжки публика ясно увидела, что в журнале господствуют той , мнения и мысли одного, что имена писателей , которых блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавного листка, взяты были только напрокат, для привлечения большего числа подписчиков. Главным деятелем и движущею пружиною всего журнал а был г. Сенковский . Имя г. Греча выставлено было только для формы. Но какая была цель редакции втого журнала, какую задачу предположила она решить? Здесь мы поневоле должны задуматься, чт6, без сомнения, сделает н читатель. В программе ничего не сказал г. Сенковский о том, какой начертал для себя путь, какую выбрал для себя цель; все увидели только, что он взошел незаметно в первый нумер, а в конце его развернулся как полный хозяин. Н о на что преимущественно было обращено внимание сего хозяина, были ли где заметны те неподвижные правила, без коих человек делается бесхарактерным, которые определяют его физиономию? Прочитав все помещенное нм в этом журнале, невольно остановимся в изумлении: что эго такое? что заставл яло писать этого человека? Последуем sa распорядителем во всех родах его сочинений .

Авт ор обзора пересматривает ученые статьи, критические

статьи и повести этого писател я и отзы вается о них справедливо, но вовсе не с похвал ою, замечая, как главный недостаток, что во всех этих повестях и статьях нет единства мысли, определенных убеждений , нет никакой цели. Мы выписали уже суждение автора обзора о содержании рецензий барона Брамбеуса. Нескол ькими

строками раньше, еще точнее определ яется общий характ ер его разборов: «В критике г. Сенковский показал отсутствие всякого мнения: в его рец ензиях нет ни пол ожител ьного, ни отрицател ьно-го вкуса, вовсе никакою. (Подчеркнут о в подлиннике.) Т о, что ему нравится сегодня, завт ра делается предметом его насмешек; у него рецензия не есть дело убеждения и чувства, а прост о следствие распол ожения духа и обстоятел ьств. Он никогда не заботится о том что говорит , и в - следующей статье уже не помнит вовсе «аписанного в предыдущей ». Вы бор статей для отдела оригинальной и переводной сл овесности «показы вал очень мало вкуса».

66

В «Библиотеке для чтения» случилось еще одно дотоле неслыханное на Руси явление. Распорядитель ее стал переправлять н переделывать все почти с т а т ь и , в ней печатаемые. Такой странной опеки до сих пор на Руси еще не бывало. Многие писатели начали отказы ваться от участия в издания сего журнала. Числ о сотрудников так умалилось, что на другой год издателя уже не выставили длинного списка имен и упомянули глухо, что участвуют лучшие литераторы, не означая, какие. Ст атьи заметно начали быть хуже. «Библиотеку» уже менее читали в столицах.

Другие журнал ы (продол жает ав т ор) были сл абы по объему и по числу подписчиков по сравнению с «Библ иотекой дл я чтения». Чт о же был о делать л ит ерат орам, которы е увидели себя в необходимости от казат ься от участ ия в «Библ иот еке дл я чтения»? * Некот оры е московские л ит ерат оры решил ись основат ь * Чтобы представить читателям хот я один пример того, каким образом переделывались в «Библиотеке для чтени"я» статьи самых известных литераторов, приведем объяснение Н. А. Полев- ого из «предисловия» к его «Очеркам русской литературы». Тут мы видим замечательный пример того, каким образом все литераторы, от участия которы х зависели достоинство и успех журнала, были привлечены к «Библиотеке для чтения» почтенным А. Ф. Смирдиным, и каким образом распорядител ь «Библиотеки» лишил этот журнал их полезного содей ствия. Мы еще помним, как, перечитывая в старые годы «Библиотеку», мы были поражены чрезвычай но резким улучшением ее критической части в 1836 году; тон статей оставался почти всегда прежний , но они подробно говорил и о замечательных литературных произведениях, чего не было прежде; содержание разборов было несравненно дельнее, а развитие мыслей гораздо основательнее и остроумнее прежнего. Через несколько времени попались нам в руки «Очерки литературы», и дело объяснилось:

«Не здесь место (говорит Н. А. Палевой) излагать мое мнение о ней («Библиотеке для чтения») или рассказы вать о моих отношениях к ее почтенному редактору. Скажу одно, что с самого начала сего журнал а я был решительно не согласен с его целью, планом, воззрением и отрекался от всякого постоянного в нем участия, хот я неоднократно был убедительно приглашаем к тому. В 1836 году, когда давно уже прекратился журнал , мною издававший ся, я приезжал в Петербург, и — для чего скрывать? о подобных поступках надобно говорить во всеуслышание — добрый , благородный издатель «Библиотеки для чтения» А. Ф. Смирдин оказал мне тогда бескорыстную и важную услугу в моих тогдашних стесне нных обстоятель-ст вах,— услугу, когда люди, назы вавшиеся моими друзьями, — люди, которым я имел, быть может, некогда случай быть полезным, отвергли меня, показали мне себя в самой темной краске бесчувственного эгоизма... Бог с ними, я давно простил им! тем с бол ьшею признательностью вспоминаю о немногих, тем благодарнее был и всегда буду я доброму, благородному А. Ф. Смирдину, который за услугу свою требовал участия моего в «Библ ио-

теке для чтения». Отказаться я не мог. Мы сошлись с редактором ее. После продолжительного с ним переговора, я взял на себя отделения критики и библиографии н начал доставлять из Москвы статьи по обоим отделениям.

С первого шага все условия моего сотрудничества были нарушены редактором. Не мое было дело отвечать за статьи самого редактора и других сотрудников: но, к изумлению моему, редактор наложил право нестерпимого ценсорства на все мои статьи, переделывал в них язык по своей методе, переправлял их, прибавлял к ним, убавлял и з них, и многое являлось в таком извращенном виде, что, читая «Библиотеку для чтения», иногда вовсе я не мог отличить, чт<5 такое хотел я сказать в той или другой статье... Возражения мои были тщетны, и, несмотря на все желание мое исполнить жела-5* G7

новый журнал : «он был нужен 1) для тех, которы е желали иметь приют для своих мнений , ибо «Библ иот ека дл я чтения» не принимала никаких критических статей , если не были они по вкусу гл авного распорядит ел я; 2) дл я тех, которы е видели с изумл е-нием, как на их собственны е сочинения нал ожена была рука рас-порядител я, ибо г. Сенковский начал уже переправл ять, безо всякого разбора лиц, все статьи, отдаваемые в «Библ иотеку для чтения». Таким образом явил ся «Московский набл юдатель».

Через нескол ько времени, по тем же самым причинам и побуждениям, основан был Пушкины м «Современник». – Очень понятно, с какими чувствами «Библ иот ека для чтения» и ее «распоряд и-тель» встретили оба эти журнал а. О вражд е прот ив « Московского набл юдател я» не будем говорит ь; но вот какие сл ова вырвал ись у распорядит ел я «Библ иотеки для чтения», когда он узнал о намерении Пушкина издавать журнал и прочитал программу этого издания:

«Африканский корол ь Ашант иев, говорят , объявил вой ну всякого участия в «Библиотеке для чтения»... Д о какой степени мысли мои были изменены, поверить трудно. Приведу три или четыре примера. Я послал редактору статью о комедии М. К . Загоскина «Недовольные», где говорил о комедии Грибоедова, изъявляя беспристрастно мнение мое и отдавая справедливость и прекрасному произведению М. Н. Загоскина, и превосходному произведению Грибоедова. Редактор прибавил брань на «Ревизора», комедию г. Гоголя, и придал словам моим о Грибоедове такой смысл, что ими оскорбил всех почитателей памяти Грибоедова и прежде всех – первого меня... (Следуют примеры искажения трех других статей .) Но всего забавнее было приключение с статьею о стихотворениях г. Соколовского, «Мироздание» и «Хеверь». Желая показать, что поэт совершенно превратно смотрит на предмет свои, я написал статью, где подробно изложил свои мысли о поэзии духовной и о сочинениях г. Сокол овского. Редактор « Библиотеки для чтения», каким- то непостижимым для меня образом, умел вырезать из статьи некоторые частицы и поместил их в «Библ иографии», а остальному дал название «О духовной поэзии» и в виде статьи отдельной напечатал в отделении «Прозы », с моим именем. В этой статье столько нашел я прибавок, урезок, изменении, что вовсе не понял и теперь не понимаю, о чем идет в ней речь. Статья начинается, например, небывалым анекдотом, будто Пушкин разговаривал некогда с Батюшковым о русских стихах. Но Батюшкова с 1817 года не было уже в Петербурге, когда Пушкин был еще учеником в Лицее, писал детские стихи, и не мог рассуждать о поэзии русском с одним из корифеев тогдашней русской поэзии. По край ней мере, я ничего подобного не слыхивал от Пушкина и ничего не писал о разговоре его с Батюшковым. Радуюсь, что теперь, печатая «Очерки», могу освободить себя от непринадлежащёго мне и непризнаваемого мною. Беру из «Библиотеки для чтения» те только мои статьи, которым (не имея у себя прежних оригинал ов) мог я памятью возвратить, по возможности, настоящий смысл их. От всего остал ьного,; что писано в «Библиотеке для чтения» 1836 t*

Нам понадобится это объяснение Н. А. Полевого, когда мы возвратимся к раэбору «Ревизора», помещенному в «Библиотеке для чтения* 1836 года и сод ерж&Лму такое внезапное объявление непримиримой дой ны Гоголю. 63

Англ ии и уже открыл кампанию. Ал ександ р Сергеевич Пушкин, в исходе весны, тоже вступает на пол е брани: он хочет издавать ал ьманах или журнал «Современник». Эт от журнал или ал ьма-нах учреждает ся нарочно прот ив «Библ иот еки для чтения», с явным и открытым намерением при помощи божией уничт ожить ее в прах!» «О вы, кот оры е читаете разны е русские журнал ы , скажит е нам по мил ости, который это уже журнал возникает с этим благим намерением? Четвертый , кажет ся? или пятый ? ?>

«Библ иотека для чтения» поставил а себе правил ом не вступать в полемику с другими журнал ами; она тол ько позвол яет себе уведомить публ ику о программе нового журнал а». «Но с появления первой его книжки вод воряет ся гл убокое и красноречивое молчание: ни сл ова об этом журнал е, особенно, если он плох и смеет еще бранит ься!» «Журнал Пушкина будет сод ержат ь в себе обозрения русской журнал ист ики. Эт ого не делают англий ские Rewiews и франц узские Revues, – следовател ьно, журнал Пушкина сам объявл яет, что будет принадл ежать к «журнал ьной черни», кот орая одна занимает ся л ит ерат урною пол емикою».

«Как горько, как прискорбно видеть, когда гений , каков Ал ек-сандра Сергеевича Пушкина, рожденный вить бессмертны е венки на вершине зел еного Гел икона, нарвав там горст ь кол ючих ост -рот, бежит стремглав по скату горы в объ ят ия собравшей ся на равнине толпы Виофян, кот орая обещает , за подарок, наградить

его грубы м хохот ом! Берегитесь, неосторожны й гений ! Посл ед-

ние слои горы обры вист ы , и у самого подножия Гел икона л ежит Михонское бол ото, – бездонное бол от о, напол ненное черною грязью! Эт а грязь – журнал ьная пол емика, самый низкий и от -вратительный род прозы , после рифмованны х пасквилей ». «Бы ть может, Ал ександ р Сергеевич надеется придать своему журнал у более занимател ьности вой ною с «Библ иот екою для чтения», «но он ошибает ся в расчете: «Библ иот ека для чтения» никогда не унизится до ответа другим журнал ам. И зачем вам отвечать, д рузья? Не лучший ли вам ответ – мол чание? Вообщ е, не беспол езно знать, что презрения у нас достанет для всех нападок, от кого бы они ни происходил и» («Библ иот ека для чтения»,

1836 г., апрел ьская книжка).

В тоне этих сл ов стол ько гнева и вражды , что они, без всякого сомнения, диктованы чувством оскорбл енного самол юбия. Тог о, что Пушкин обещал в своем журнал е помещать обозрения журнальной л итературы , был о бы недост ат очно для стол ь сил ьного разд ражения рецензента «Библ иот еки»; но ему, без сомнения, уже за нескол ько дней до появл ения первой книжки пушкинского журнал а, в то время, к ак писал он эту фил ипп ику, было известно, в какой степени небл агоприятны для барона Брамбеуса будут отзывы нового журнал а; да и могл о ли эт о быть неизвестно? Двадцать лет тому назад л итературны х сл ухов и тол ков в пишущем кружке было горазд о более, незкелц теперь; а еще и ныне 69

о каждом замечател ьном л итературном явлении каждому нечуждому л ит ерат урного кружка приход ит ся вол ею или неволею слышать задол го до вы хода книги в свет. Невозм ожно сомневаться в том, что барон Брамбеус знал вперед, какова будет в новом издании первая статья о журнал ист ике и что резкие выходки «Библ иотеки» писаны под вл иянием этих сл ухов. Когда явил ся первый том нового издания с статьею, отры вки из которой мы привели, писатель, прот ив кот орого она была направл ена, также не мог – вол ею или невол ею – не усл ы шать, кто такой был авт ором этой статьи. Люд и, чужды е л итературному кружку, могли приписы вать статью самому Пушкину; но в л итературном кружке не могл о быть тай ною, что писал ее Гогол ь; и скоро Пушкин печатным образом объ явил , что статья «О движении журнальной л итературы » принадл ежит не ему. Дл я людей , знающих нашу л итерат уру, все подобны е объ яснения совершенно изл ишни: они знают , что в нашей л итерат уре тай ны невозможны , и теперь у нас пишущих людей так мал о, что все псевдонимы и анонимы – пуст ая ипрушка, прозрачны й фл ёр, ничего не прикрывающий .

Хот я бы даже вовсе того не желал он, л итерат ору нет возм ож-ност и не знать истинного авт ора каждой анонимной статьи, возбуждающей некоторое внимание.

Таким образом , барон Брамбеус имел две основател ьные причины изменить тон своих суждений о Гогол е. Во- первы х, Гогол ь явил ся одним из главных участ ников пушкинского журнал а: в первой же книжке «Современника» были помещены два п роиз-ведения, подписанны е его именем: «К ол яска» и «Ут ро делового чел овека»; в одной из сл едующих – «Нос». Во- вторы х, что еще важнее, Гогол ь был авт ор неблагоприятной ему статьи «О движении журнал ьной л ит ерат уры ». Сам барон Брамбеус обнаружил третью причину своего нераспол ожения к авт ору «Ревизора»: он считал его, как юморист ического писател я, своим соперником. Вот предварител ьны е замечания из «брани на «Ревизора», вставленной распорядит ел ем «Библ иот еки для чтения» в статью Н. А . Пол евого о «Горе от ума» и «Недовол ьны х» Заг оскина, как мы видели из свидетельства самого Пол евого. Очевидно,

что в этом отры вке ост ал ись некоторы е вы ражения, написанные

Пол евы м. Н о читатель легко отл ичит фразы , которы е мог написать тол ько барон Брамбеус:

Перей дем к «Ревизору». Здесь прежде всего надобно приветствовать в его авторе нового комического писателя, с которым можно поздравить русскую словесность. Первый опыт г. Гогол я (т. е. первый опыт в комедии) вдруг обнаружил в нем необыкновенный дар комики, и еще такой комики, которая обещает поставить его между отличней шими в этом роде писателями. Мы с удовольствием предаемся этой приятной надежде, хотя один весьма умный человек сказал нам в ответ на подобное предсказание: «Ничего не будет! его захвал ят!» В самом деле, опасность,

кажется, угрожает автору с этой стороны, и если у него есть самолюбие, он не может употребить его с большею пользою для себя и для литературы, как поручни ему оберегать то

себя от яда необдуманных похвал. Кажется, что одна из котеркй , которая чрезвычай но нуждается в примечательном таланте для того, чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избрал а его своим героем и усл овилась превозносить до небес каждое его сочинение, скрывая от него н от публики их. несовершенства. Ежел и это правда, то нельзя не предостеречь г. Гоголя, что он стоит на пропасти, прикрытой цветами, и может упасть в нее со всею своею будущею славой . Что касается до нас, то мы никогда не были в состоянии усмотреть малей шего сходства между талантом г. Гогол я н таинственного барона и не понимаем., каким образом литературная досада могла ослепить котерню до того, чтоб она вздумала сделать нз автора «Вечеров на хуторе» и «Миргорода» соперника автору «Фант аст и-ческих путешествий » н «Похождений одной ревижской души». Есл и г. Гоголь приметит вто во- время, то его личное самолюбие поможет ему воспользоваться замечаниями тех, которые ничего столько не желают, как полного развития его таланта, не доверять умышленным панегирикам и усовершенствовать свое дарование.

«Кот ерия, нужд ающаяся в примечател ьном таланте для того,

чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избравшая Гогол я своим героем и усл овившаяся превозносит ь до небес каждое его сочинение, чтобы сделать его соперником таинственного барона», по смыслу сл ов и по тогдашним отношениям, могла означат ь тол ько Пушкина и его сподвижников. Н о где ж барон Брамбеус нашел доказател ьство эт ого намерения? В то время был издан тол ько один том пушкинского журнал а, а единственным местом, от носившимся в этом томе к Гогол ю, была небол ьшая рецензия вт орого издания «Вечеров на хут оре», кот орую мы вполне приводим в примечании *.

Читатели ©идят, что несовершенст ва произведений Гогол я вовсе не скры вают ся эт ою реценэиею, и она не закл ючает ни самого отдаленней шего намека на противопоставл ение Гогол я таинственному барону, если не видеть этого намека в подчеркну* том нами вы ражении «мы, не смеявшиеся со времен фон- Внзнна».

Над обно принимать одно из двух: или сл ова барона написаны по дошедшим до него сл ухам, что Пушкин в разг оворах ставит Гогол я выше барона Брамбеуса — и это сл ужил о бы новым под* «Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались ©тому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссий -ской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой . Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, — лих. не смеявшиеся со времен фон- Виаина! Мы были так благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправил ьность его сл ога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предо ставя сии недостатки на поживу критики. Авт ор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивал ся и совершенствовался. Он издал «Арабески», где находится его «Невский проспект», самое полное на его произведений . Вслед затем явился «Миргород», где с жадностью все прочли и «Старосветских

помещиков», эту шутливую трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы, грусти и умиления, и «Тараса Бульбу», коего начало достой но Вальтера Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале. На- днях будет представлена на здешнем театре его комедия «Ревизор».

71

тЬерждеНием нашему прежнему объяснению резкой выходки про* тив Пушкина] — или сл ова барона Брамбеуса вызваны неудовольствием на то, что Гогол ь поставлен прямы м наследником фон- Визина, без оговорки, что юмористические статьи барона Брамбеуса также превосходны , — и это посл ужил о бы новым подтверждением мнения о его щекотл ивости.

Как бы то ни был о, но факты , нами сведенные, не оставл яют сомнения, что в от зы вах барона Брамбеуса о Гогол е участвовал о оскорбл енное самол юбие. И чем дальше шл о время, тем сильнее дол жно было становит ься эт о побуждение, потому что удивление барону Брамбеусу, как «отличней шему юморист у», сначал а очень

сил ьное в известном кружке читателей , с кажды м годом бы ст ро осл абевал о, а сл ава Гогол я бы ст ро увел ичивалась. Тол ько этим личным отношением – мы слью барона Брамбеуса видеть в Гогол е своего прот ивника – можно объяснит ь факт, что барон в отзы вах о Гогол е отступал от пост оянного правил а своей критической деятел ьности: как можно менее говорить о замечател ь-ных явл ениях сл овесности, чтобы избежат ь промахов в деле, для кот орого нужен вкус. Еще разител ьнее его отступление от постоянной тактики в том, что он неизменно продол жал говорить о Гогол е лет пятнадцать то же самое, что сказал в 1836 году.

Обы кновенно, он поступал иначе; как скоро замечал он, что восхваленный им писатель уничтожен крит икою других журнал ов,

он тотчас же начинал повт орят ь мнения, вы сказанны е критиком -

победителем, не забот ясь о противоречии этих мнений с его прежними выспренними похвал ами; и наоборот , когда сл ава писателя ут верждал ась, он начинал т акже хвалить его вслед за другими журнал ами. Примеры посл еднего изл ишни: все наши талантливые писатели довол ьно долго сначал а не обращал и на себя никакого внимания барона Брамбеуса, как л юди, не обнаруживающие д аро-ваний , или даже были им осмеиваемы , не по зл ому умыслу, а прост о по неуменью его отл ичить, дей ствительно ли они талантливы; а потом всех их он хвал ил , когда другими критиками были объ яснены ему их достоинства. Чт о же касает ся примеров того, как он покидал своих прежних клиентов, когда сл ава их была разрушена другими, расскажем один случай . Мы привели отры вки из разбора «Торкват о Т ассо», где это произведение был о превознесено до небес; через два- три месяца с авт ора были сняты чин Бай рона и сан «вел икого», объ явл ено было даже, что барон Брамбеус, хвал я его, тол ько забавл ял ся: критику вздумал ось, говорил а «Библ иотека для чтения», сесть у окна и бросит ь венок сл авы на гол ову первому прохожему, прохожий , то есть г. Кукол ьник, не в меру возгорд ил ся, и надобно снять с него венок, данный по капризу, а не по засл уге Зб. Эт о объяснение, повидимому, стол ь от кровенное, возмутил о многих и наделало в свое время бол ьшого шума: «как! раздават ь и снимать венки бай роновской славы по одному капризу!» говорил и все с негодо-72

ванием. Но, разобрав дело бл иже, мы увидим, что негодовать на барона был о почти не за что: он, кажет ся, говорил о капризе тол ько для оправд ания своей переменчивости в обращении с г. Кукол ьником, а на самом деле пост упал по своему искреннему убеждению и край нему разумению- Ист ория возвы шения и низ-л ожения г. Кукол ьника в «Библ иотеке дл я чтения» произошл а сл едующим образом . Н . А . Полевой поместил в «Тел еграфе» краткий отзы в о «Торкват о Т ассо», в том смысле, что «юный автор подает надежды и уже вы казал бол ьшое д арование».– И з этого от зы ва и вы росл а вост орженная ст атья барона Брамбеуса. Пот ом Полевой поместил в «Тел еграфе» подробный разбор «Торкват о Т ассо», где, как обы кновенно бывает при под робном разборе, рядом с достоинствами указал и недостатки драмат иче-ской фант азии г. Кукол ьника, кстати и мимоходом заметив, что «Библ иотека для чтения» уже сл ишком дал еко зашл а в похвал ах этому произведению, и что ст ранно видеть в г. Кукол ьнике Бай -рона. Всл ед за этим и «Библ иот ека» перест ал а безусл овно восхищаться г. Кукол ьником, д аже почл а за нужное унизит ь его.

Видите ли, как прост о был о дело! Есл и каприз и участ вовал в увенчании и развенчании русског о юного Бай рона, то участ вовал очень мал о; и мы готовы д аже хвал ить барона Брам беуса за то, что он, взяв сл ишком вы сокую нот у с чужого гол оса, с таким послушанием понизил ее, как скоро наст авник заметил ему его промах. Т о же самое был о с его суждениями о Марл инском, З а -госкине и проч. Так бы вал о пост оянно. Пока никто еще не хвалил и не бранил писател я, барон Брам беус хвал ил или бранил его наудачу. Как скоро сильней шие гол оса в крит ике произносил и свое суждение, он повт орял их сл ова.

Относит ел ьно одного Гогол я не мог он, увлеченный личным чувством, пересил ить себя, и до конца повт оряХ свои первы е отзывы, сделанные с гол оса Н . А. Пол евого, хот я и видел, что сильней шие гол оса говорят противное. Не будем осужд ат ь этой ошибки: над обно же уступать чел овеку некот орую свобод у в чувствах, не всегда же м ожно т ребоват ь от человека, чт об он дей -ствовал тол ько по внушению бл агоразумного расчет а и хол одного рассуд ка. Ужел и вы изгоняете из мира поэзию? ведь увл е-

чение чувством и есть поэзия.

Таким- то образом , увлеченный до поэзии чувством своим, барон Брамбеус семнадцать лет повт орял то, что был о когда - то сказано о Гогол е Н. А . Пол евы м. Дей ствительно, сл ичив статьи того и другого крит ика, мы увидим, что все, решител ьно все суждения о Гогол е заимст вованы бароном Брамбеусом у Н. А. Пол евого, – даже знаменит ое сравнение Гогол я с Поль-де - Коком, даже замечания относител ьно разны х мелочей . Од но остается у него свое – ост роумны е насмешки над тем, что «Мерт -вые души», сочинение, написанное в прозе, названо поэмою.

Какого внимания они засл уживают , предоставл яем судить чита-73

телю. Мы знаем тол ько то, что на отзы вы барона Брамбеуса о Гогол е публ ика обращал а несравненно менее внимания, нежели наши журнал ы ; говоря по всей справедл ивости, надобно даже сказат ь, что суждения барона Брам беуса о Гогол е не произвел и на публ ику ровно никакого вл ияния.

И не тол ько едкие от зы вы барона Брамбеуса о Гогол е, но и вся его продол жит ел ьная, многост оронняя, неутомимая журнал ьная деятельность едва ли произвел а хот я малей шее дей ствие на публ ику или имела хот я сл абое вл ияние на развит ие л итера-туры , в пол езном или вредном смысле. Пот ому и ист ория литературы , если мал о будет говорит ь о его засл угах, то мало скажет и в осуждение ему. Он а тол ько пожал еет, как жал еем и мы, что этот человек раст рат ил свои д арования отчасти на предприятия, несвой ственные его тал анту и знаниям, – например, на поверхностны е гипотезы в науках, чужды х его специал ьности, на усил ия приобрест ь сл аву романист а и быть законодател ем в обл асти изящной сл овесност и, при недостатке эстетического вкуса, – отчасти на мелочи, кот оры ми также надеял ся ои при-

обрест и сл аву. К этим мел очам от носим мы желание отл ичаться оригинал ьност ью сл ога, приведшее его к вы чурности; стремление вы давать себя за преобразоват ел я русской прозы , кот орая не нуждал ась в преобразованиях, по край ней мере, подобны х тем мелочным нововведениям, какие он считал нужны ми и важны ми; стремление просл ы ть остроумней шим из русских писателей . Всю эту напрасную раст рат у сил над обно будет приписать тому, что он, вследствие ли своей нат уры , или вследствие своего фал ьши-вого пол ожения в нашей л итерат уре, не имел в своей деятельности ни одной из тех возвы шенны х целей , без стремл ения к которы м нел ьзя писателю достигнуть истинной славы. Но, с другой ст о-роны , ист ория л итературы скажет , что, не будучи ни гением, ни даже даровитей шим или ученей шим из современны х ему русских журнал ист ов, он обладал' замечател ьны ми сил ами: и знаниями, и проницател ьным умом, и ост роумием, и неутомимою жажд ою сл авы и деятельности. Он а прибавит также, что если самол юбие вовл екал о его в ошибки, то, по нравственному характ еру, его не-возм ожно сравниват ь с л юдьми, кот оры е достой ны «презрения» (чт обы вы разит ься его т ермином): у него бы ло много истинной гордости, ! – силы, искл ючител ьно и неотъемлемо принадлежащей л ичностям бл агородны м по своей натуре, каковы бы ни были обстоят ел ьства их деятельности. И если мы захотим вникнуть в отношения и интриги некот оры х л итературны х котерий (чт обы опять употребить его т ермин) того времени, когда он успел прочно занят ь стол ь важное дл я л итературы место распорядит ел я единственного журнал а, бы вшего тогда сильным, то мы должны будем сказат ь, что уменье его поставить себя на это видное место было, хот я отрицател ьны м образом , очень пол езно для русской л итературы : не зай ми он эт ого места, еще бог знает, кто захва-

tuA бы этй т стол ь важный пост, и, по всей вероят ност и, захватил бы его тот или другой из людей , с кот оры ми, как мы вы разил ись, невозможно его смешивать. Он не хотел делать ничего дурного, не сделал ничего вредного; некот оры е другие на его месте хотели бы дурного и успел и бы сделать много вредного. И наконец, чтобы назват ь пол ожител ьную засл угу его, скажем, что дей ствитель-но ему принадл ежит честь изгнания из русского л итературного язы ка, в самом деле вредны х его легкости местоимений «сей » и с оный ».

Внимательный читатель заметит, что вся наст оящая статья есть только развит ие от носящихся к барону Брамбеусу эпизодов из статьи Гогол я «О движении журнал ьной л итерат уры », а во многих местах дол жна быть названа тол ько п арафразом сл ов Гогол я. И если из нашей характ ерист ики следует, что барон Брам -беус г оразд о реже, чем думают многие, писал с намерением под* шутить над публ икою и

г оразд о чаще, нежел и думают, писал серьезно, не д урача никого, а изл агая свои наст оящие мнения, тол ько в форме нескол ько манерной , т о это опят ь мысль Гогол я, и мысль совершенно справедл ивая. И если она представляет лучшее оправдание для л итературной деятельности барона Брам -беуса, то нам опять прият но сказат ь, что именно с таким сознанием и вы ражает ся она у Гогол я, который , осужд ая многие из дей ствий своего прот ивника, пост оянно прибавл яет, что нравст -венный характ ер эт ого писател я вы ше подозрений и что он все делал не с другою какою- нибудь цел ью, но именно с т ою, чтобы сделать, как ему казал ось, лучше. Эт о, кажет ся, совершенно сп ра-ведливо.

СТ А Т ЬЯ Т Р Е Т ЬЯ

Представив характ ерист ику критической деятельности и отношений к Гогол ю Н . А . Пол евого и г. Сенковского, мы перей дем прямо к журнал ам и журнал ист ам, бы вшим на ст ороне Гогол я, не упоминая ни одним сл овом о некот оры х других журн а-листах, бранивших авт ора «Мерт вы х душ» 36. Не считаем также, с другой ст ороны , нужны м беспокоить некоторы х невинных ж ур-налистов припоминаниями о их прост одушны х сомнениях в Гогол е: добры е люди давно простил и им грех неведения, в кот ором они находил ись, а иные из них, быть может , еще н по сю пору находят ся, повт оряя разны е обвинения, вычитанны е из ст а-тей Н . А . Пол евого. Таким образом , мы можем, ост авив в ст о-роне разл ичны х мелких воителей , усил ивавшихся подвизаться против Гогол я, перей ти к изл ожению критической деятел ьности и мнений о Гогол е тех журнал ист ов, кот оры е считал и Гогол я великим писателем.

Есл и б кто, прид ерживаясь искл ючител ьно ст рого хронол о*

гического порядка, решил ся разры ват ь тесно связанны е между собой факты , при изл ожении разл ичны х мнений о Гогол е, ему пришл ось бы начать свой обзор свидетельством Пушкина о д ост оинст вах «Вечеров на хут оре», потому что Пушкин не только первый похвалил Гогол я, но и вообще был первым из всех, в каком бы то ни бы л о смы сл е заговорившим нашей публике о Гогол е. Пост авив себе целью дать не бессвязны й хронол огический перечень статей о Гогол е, а изл ожение распрост ранения в л итерат ур-ном мире и в публике понятий о значении Гогол я, мы дол жны были соединять в одну цел ьную характ ерист ику все, что было говорено о Гогол е с той или другой точки зрения, собл юдая по-ряд ок, в каком од но направл ение приобрел о первенство над д ру-гим в л итературе. Таким образом , над обно бы ло начать наш обзор суждениями журнал ист ов, бы вших представителями направлений , господст вовавших в нашей критике до того времени, когда приобрел и решител ьное преобл адание «Отечественные записки», кот оры м, в числ е других засл уг, принадл ежит и честь прочного ут верждения в публ ике справедл ивы х понятий о Г оголе. Сл едуя этому пл ану, нам д ол жно, прежде нежел и мы зай мемся изл ожением этих ныне господст вующих и совершенно раздел яе-мых нами мнений , представит ь обзор л итературны х воззрений «Москвит янина», который , в продол жение первы х двух или трех лет своего сущест вования, имел некот орую дол ю вл ияния на публику и л итературу, пока, от част и по причинам, л ежавшим в сущ-ност и его собст венного характ ера, отчасти по неудержимо в оз-раст ающему вл иянию «Отечественны х записок», совершенно осл а-бел. Эт о решител ьно обозначил ось в 1844, если еще не в 1843 году. Посл е того сущест вование «Москвит янина» бы л о едва заметно в л итерат уре до 1849 или 1850 года, когда «мол одая редакция» (т ермин, употребленный самим издател ем) обновил а его силы . Мы здесь говорим о мнениях, кот оры е сущест вовал и в русской л итературе до приобрет ения «Отечественны ми записками» совершенного преобл адания; потому искл ючител ьно говорим о «Москвит янине» первой редакции, — «Ст аром Москвит янине», если можно так вы разит ься, и (повт оряем сл ова, сказанные в начал е предыдущей ст ат ьи) выводы наши нимал о не от носят ся к обновл енному, или «новому» «Москвит янину». Н о кроме этой краткой оговорки необходима другая, т ребующая более обст оят ел ьного развит ия.

Старый «Москвит янин» иногда назы вал и журнал ом сл авяно-фил ьским. Повод ом к этому мнению бы л о то, что из всех сущест вовавших до ны нешнего года журнал ов он по преимуществу, или д аже он один, вы сказы вал относител ьно некот оры х вопросов понят ия довол ьно, повидимому, бл изкие к сл авянофил ьским. Но тол ько в «некот оры х вопросах» и тол ько «повидимому»; в сущ-ност и же старый «Москвит янин» был органом г. Погодина и г. Шевы рева, как новый «Москвит янин» — органом г. Погодина 78

и г. А . Григорьева. Иногд а помещал ись в этом журнал е и чисто сл авянофил ьские статьи; однажды (в 1845 год у) заведы вал им один из сл авянофил ов 37, но тол ько три или четыре нумера ж ур-нала в этом году бы ли замечател ьны , остал ьны е не представляли ничего интересного; а отдельные статьи, явл явшиеся изредка в другие годы, не имели вл ияния на общий характ ер журнал а.

Мы не знаем, много или мал о соответствия с своим образом мыслей находят сл авянофил ы в мнениях г. Погод ина; но, во всяком сл учае, это мнения отдел ьного чел овека, а не целой школ ы.

Чт о же касает ся мнений г. Шевы рева, не подл ежит сомнению, что гг. Аксаковы , Киреевские, Хом як ов не счит ают г. Шевы рева св о-им. И з этих сл ов очевидно, что мы не находим особенной бл изо-сти в характ ере понятий гг. Шевы рева и Погод ина, а еще менее возможны м считаем присоединят ь г. Шевы рева к сл авянофил ам, и что из нашей характ ерист ики образа понятий г. Шевы рева не дол жно выводить никаких суждений ни о г Погодине, ни тем более о сл авянофил ах.

Н о этого от рицател ьного указания бы л о бы недостаточно.

У многих понят ия о г. Шевы реве, о г. Погодине, о сл авянофил ь-стве так тесно связаны , что для предупреждения ошибочны х заключений необходимо точнее определ ить разл ичие в л итературном характ ере двух ред акт оров ст арог о «Москвит янина» и вы сказат ь определ ител ьное мнение о сл авянофил ьст ве.

Г. Погодин не принимал на себя рол и крит ика художественны х произведений , потому о нем здесь мы можем упомянуть тол ько эпизодически: его деятел ьность как журнал ист а, ограничивав-

шаяся статьями или чисто ученого, или публ ицистического сод ер-

жания, не входит в границы наших очерков; сод ержание его ст а-тен не касает ся нашего предмета. Мы обрат им внимание читателя тол ько на их изл ожение. Сл ог г. Погод ина богат ст ранност ями, которы е подавал и даже повод к забавны м парод иям 38. Н о невозможно не признат ься, что т очност ь, меткость, оригинал ьност ь, непринужденность, сжат ост ь, энергия, совершенная естественность сост авл яют неотъемлемые его качест ва. Нел ьзя т акже не прибавить, что набл юдател ьность, проницат ел ьност ь, отсутствие всякого педантства, ст рогая л огика в развит ии мыслей и вообще замечательная сил а зд равого смы сл а – неизменны е дост оинст ва всего, что был о написано господином Погодины м. Мы не принадлежим к числ у его покл онников, – но справедл ивост ь требует назват ь его ученым основат ел ьны м; и самы е противники его со-гл асятся, что он оказал своей специальной науке – русской ист ории – значител ьны е усл уги. Т а же справедл ивость требует сказат ь, что в его л юбви к науке нет ни жеманст ва, ни прит вор-ства, что он защитник просвещения и что как бы ни казал ись нам странны некот оры е его мнения, но никто не может и подумать назвать его обскурант ом. Эт ого д ост ат очно, чтобы вынудить у 77

каждого здравомы сл ящего чел овека сочувствие к нему во многих сл учаях и во всяком сл учае обеспечить ему право на уважение.

Мы никогда не раздел ял и и не чувствуем ни малей шего влечения раздел ят ь мнения сл авянофил ов *, но по всей справедливости дол жны сказат ь, что если понят ия их и надобно признат ь ошибочными, то нел ьзя не сочувст воват ь им как л юдям, проникнуты м сочувствием к просвещению. От част и в увлечении жаром полемики, еще более потому, что смешивал и истинных сл авянофил ов с людьми, кот оры е пустоту и кичл ивость своих мнений прикры вают

напыщенными родомонт адами на отры вочны е и непонятные мысли, заимствованны е напрокат у сл авянофил ов, эту школу обвинял и во вражд е к науке, в обскурант изме, в стремлении возвратить Россию «ко дням К ошихина» и т. д. Упреки эти делались не по слепой ненависти, не по жел анию взвести на противников предосудител ьную небы вал ьщину, а по искреннему убеждению в их справедл ивости; но они несправедливы , – по край -ней мере, относител ьно таких людей , как гг. Аксаковы , Кошел ев, Киреевские, Хом яков, решител ьно несправедливы . Горячая ревность к основному начал у всякого бл ага, просвещению, одушевляет их. Нет нужды л ично знать их, чтобы быть твердо убе -ждену, что они принадл ежат к числ у образованней ших, бл аго-родней ших и даровитей ших людей в русском

обществе; а эти качества дост ат очно ручают ся за чистоту и возвы шенность их намерений . Считаем изл ишним прибавл ят ь, что личный характ ер кажд ого из этих людей выше всякой укоризны . Кт о знаком с сл авянофил ами тол ько по полемике, кот орую некогда вели петербургские журнал ы против ст арого «Москвит янина», тот их не знает. Мы не возьмем на себя смелости от своего лица излагать перед читателями пол ную систему их убеждений , как мы их понимаем; система эта представл яется нам не во всех пунктах дост ат очно ясною, и мы не хотим подвергат ься опасност и ввести читателей в забл уждение; вернее будет, если мы представим извл е-чение из статьи г. И. Киреевского «О характ ере просвещения Европы и о его от ношении к просвещению России» **. Она пока ост ает ся едва ли не л учшим вы ражением сл авянофил ьства. Мы будем совершенно ст рого д ержат ься собственны х сл ов авт ора.

Еще не очень давно то время, когда вопрос об отношении русского просвещения к западному был почти невозможен или разрешал ся так легко, что не стоило труда его предлагать. Тому тридцать лет, едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного от Западной Европы. Общее мнение * Мы употребляем это имя, как наиболее всем известное; ио нам кажется, что, будучи придумано в то время, когда мнения лучших последователей школы были еще мало известны, око не имеет в настоящее время никакого внутреннего смысла. Мы готовы с удовольствием заменить его другим, какое будет нам указано самими последователями мнений , о которых идет речь.

** «Московский сборник», 1852 г., стр. 1–68.

было таково, что различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в духе или основных началах образованности. У нас (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается только с той минуты, как мы начали учиться у Европы . Оттого там учители, мы – ученики.

Но с тех пор в просвещении западном и в просвещении русском произошла перемена. Европей ское просвещение достигло той полноты развития, где' его особенное начало вы разилось с очевидною ясностью. Результатом этой полноты развития, ясности итогов было общее чувство недовольства. Правда, науки процветали, внешняя жизнь устраивал ась благоприятно. Но жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена вы сокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Анал из разрушил все основы, на которых стояло европей ское просвещение с самого начала своего развития,

И с тем вместе этот анализ, эта л огическая деятельность, этот отвлеченный разум дошел до сознания своей ограниченной односторонности. Он убедился, что высшие истины ума, его существенные убеждения лежат вне отвлеченного круга его диалектического процесса. Этот результат европей ской образованности выражен передовыми мыслителями Запада. Теперь западному человеку остается или ограничиться равнодушием ко всему, чтб выше чувственных интересов, – но это неестественно и унизительно, или возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, – но эти убеждения уже. разрушены. Потому- то почти каждый , чтоб избегнуть этой мучительной пустоты, начал изобретать в своей голове для всего мира новые общие начала жизни и истины, мешая старое с новым, возможное с невозможным.

У нас ббльшая часть людей , следивших за явлениями европей ской жизни, убедившись после этого в неудовлетворительности европей ской образованности, обратили внимание свое на те особенные начала просвещения, не оцененные европей ским умом, которыми прежде жнла Россия и которые теперь еще замечаются в ней помимо европей ского влияния. – Эти основные начала, которых мы не замечали прежде по пристрастию к западной образованности и безотчетному предубеждению против своей старины, представлявшей ся варварскою, совершенно отличны от тех элементов, из которы х составилось просвещение европей ских народов.

Основными элементами в развитии Западной Европы были: римская церковь, древне-римская образованность и государственность (общественное устрой ство), возникшая посредством завоевания и из борьбы побежденных с победителями. Все эти три элемента были совершенно чужды древней России. Она приняла христианство из

Византии, древне - языческая образованность переходила к ней уже сквозь учение христианское, русское государство основал ось и утвердилось самобы тно, не испытав завоевания.

Развитие элементов западной образованности обнаружил о их неудовлетворительность и односторонность. Потому нам нужно прилепиться к своим основным элементам образованности, исчисленным выше, гораздо полней шим и плодотворней шим. Тогда возможна будет в России наука, основанная на самобытных началах, отличных от тех, какие нам предлагает просвещение европей ское. Тогда возможно будет в России искусство, на самородном корне расцветающее. Тогда жизнь общественная в России утвердится в направлении, отличном от того, какое может ей сообщить образованность западная.

Однако же, говоря: «направление», я не излишним почитаю прибавить, что этим словом я резко ограничиваю весь смысл моего желания. Ибо, если когда- нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая- либо из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас и в прежнем виде своем вмешалась в настоящую жизнь нашу, то это видение не обрадовал о бы меня. Напротив, оно испугало бы меня.

Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее, было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устрон -70

ствй и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я... чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европей ским н не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие»

И з читателей , которы е не принадл ежат к числу записны х последователей сл авянофил ьства, очень немногим понравят ся эти выписанные нами места, если только они потрудятся внимательнее всмотреться в смысл основны х мыслей и подумать о выводах, до которы х могут и дол жны привести эти основания, будучи логически развиты . А тем, которы е читали самую статью г. И. Киреевского, она, без сомнения, понравил ась еще гораздо менее, нежели наше извлечение: в ней слишком ярко выставлены на первый план иные сл ишком сомнительные тезисы, которые мы почли удобней шим сделать едва заметными в нашем изл ожении, потому что у других сл авянофил ов они дей ствительно не играют особенно важной рол и; мы ст арал ись извлечь из статьи г. Киреевского общие всей школе пол ожения, а не принадл ежащие лично авт ору преувеличения тех или других мнений школы. Другие, может быть, сообщил и бы этим тезисам развитие более обол ьсти-тельное, и сам г. И. Киреевский в других сл учаях говорит гораздо завлекательнее. Чт обы дать пример этого, укажем на его статью «Обозрение современного сост ояния сл овесности». Специальный смысл ее, по нашему мнению, также существенно несправедлив, и многие факты также приведены или поняты ошибочно, — да иначе и быть не могло, иначе она была бы помещена не в «Москвит янине» 1845 года, иначе не явил ся бы и «Московский сборник» с статьею И. Киреевского; но дело не в том: мы указываем на «Обозрение современного сост ояния сл овесности» с целью выставить на вид, что в этой статье очень много есть мыслей верных и прекрасны х. Ее введение, представляемое нами в выноске, до-ст ат очно убедит в этом читателя *. А превосходное заключение * Было время, когда, говоря: «словесность», разумели обыкновенно изящную литературу: в наше время изящная литература составляет только незначительную часть словесности. Может быть, от самой эпохи так называемого возрождения наук в Европе, никогда изящная литература не играла такой жалкой роли, как теперь, особенно в последние годы нашего времени, хотя, может быть, никогда не писалось так много во всех родах и никогда не читалось так жадно все, чт<5 пишется. Еще XV III век был по преимуществу литературный ; еще в первой четверти X IX века чисто литературные интересы были одною из пружин умственного движения народов; великие поэты возбуждали великие сочувствия: различия литературных мнений производили страстные партии. Но теперь отношение изящной литературы к обществу изменилось', из великих всеувлекающих поэтов не осталось ни одного; при множестве стихов и, скажем еще, при множестве замечательных талантов, нет поэзии; не заметно даже ее потребности; литературные мнения повторяются без участия; иэ первой блистательной роли изящная словесность сошла на роль наперсницы других героинь нашего времени. Мы читаем много, читаем больше прежнего, читаем все, чтб попало, но все мимоходом, без участия, как чиновник прочитывает входящие и исходящие 80

статьи посл ужит для нас наил учшим закл ючением эпизод а о сл а-вянофил ьстве.

Но возврат имея к статье «Московског о сборника» и рассм о-трим главные пол ожения, из кот оры х развит а система воззрений , в ней изл оженная. Существенней шим основанием всему сл ужит в ней аксиома: западная цивил изация оказал ась неудовл етвори-тельною и одност ороннею. Анал из показал , что элементы, из ко-торы х она развивал ась, од ност оронни, и не дал новы х оснований для жизни и убеждений . Д а откуда же известно все эт о? Уж , конечно, не из творений тех «передовы х мыслителей », на кот оры х ссы л ается авт ор. Они говорят совершенно противное: анал из их показал новые основания для жизни и убеждений ; они вовсе не находят, чтобы запад ная цивил изация дошл а до своего «пол ного развит ия»; напротив, они ут верждают , что нравственны е науки еще тол ько начинают развиват ься, общественны е отношения т оже, прил ожения науки к жизни — т оже, и за чт о ни возьмись — то же самое: все от расл и знания (искл ючая чистую математику и аст рономию, которы е уже достигли очень высокой степени совер-шенст ва), все сферы жизни находят ся еще в первы х периодах развит ия, бы ст ро развивают ся и через сто, даже через пятьдесят бумаги, когда он их прочитывает. Читая, мы не наслаждаемся, еще менее можем забыться, но только принимаем к соображению, ищем извлечь при* менение, пользу; и тот живой , бескорыстный интерес к явлениям чисто - литературным, та отвлеченная любовь к прекрасным формам, то наслаждение строй ностью речи, то упоительное самозабвение в гармонии стиха, какое мы испытали в нашей молодости, наступающее поколение будет знать о нем разве только по преданию.

В наше время изящную словесность заменила словесность журнальная. — И не надобно думать, чтобы характер журнализма принадлежал одним периодическим изданиям: он распространяется на все формы словесности, с весьма немногими исключениями. В самом деле, куда ни оглянемся, везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, чувство приложено к интересам партии, форма приноровлена к требованиям минуты. Роман обратил ся в статистику нравов, поэзия в стихи на случай ; история, быв отголоском прошедшего, старается быть вместе и зеркалом настоящего или доказательством какого- нибудь общественного убеждения, цитатой в пользу какого-нибудь современного воззрения; фил ософия, при самых отвлеченных созерцаниях вечных истин, постоянно занята их отношением к текущей минуте; даже произведения богословские на Западе по большей части порождаются каким -нибудь посторонним обстоятел ьством внешней жизни.

Впрочем, это общее стремление умов к событиям дей ствительности, к интересам дня, имеет источником своим не одни личные выгоды или корыстные цели, как думают некоторые. Хот я выгоды частные и связаны с делами общественными, но общий интерес к последним происходит не из одного этого расчета. По большей части это просто интерес сочувствия. Ум разбужен и направлен в эту сторону. Мысль человека сросл ась с мыслию о человечестве, — это стремление любви, а не выгоды. Он хочет знать, что делается в мире, в судьбе ему подобных, часто без малей шего отношения к себе. Он хочет знать, чтобы только участвовать мыслию в общей жизни, сочувствовать ей извнутри своего ограниченного круга.

Несмотря на то, однако, кажется, не без основания, жалуются многие на это излишнее уважение к минуте, на этот всепоглощающий интерес к со -б Н. Г. Черны шевский , t j II!

81

лет дал еко уй дут вперед по пути развит ия. Одним сл овом, З а -пад — не человек прекл онны х лет, который говорит: «карьера моя уже сдел ана, и сдел ана неудовл етворител ьно: увы ! жизнь моя шл а по л ожному пути; а начинать новую жизнь мне уже не под силу... увы , увы !» Нет , — Зап ад юноша, и юноша еще очень молодой и свежий , который (уст ами своих «передовы х мыслителей ») говорит : «кое - что (и довол ьно много) я знаю; но очень

многому мне еще ост ается учит ься, я еще г орю жажд ою бол ьшего знания и учусь довол ьно успешно. Я не совершенно неопытен; но мне еще нужно приобрест ь г оразд о более опытности. Моя карьера тол ько что еще начинается, я едва еще тол ько начинаю отгадывать, что такое жизнь и как уст роит ся моя жизнь. Мне еще ост ает ся много трудиться, чтобы обеспечить себе прочное, безбедное сущест вование; но т рудит ься я готов: силы у меня довол ь-но, и, пожалуй ста, не отчаивай тесь за мою будущност ь: я уже имею некот оры е верные зал оги того, что моя будущность мало -помал у уст роит ся довол ьно хорош о». — Вот что говорит Зап ад устами своих «передовы х мыслителей ». Возьмит е французского, немецкого,

англий ского ученого, все равно, лишь бы тол ько он был человек умный и дельный : каждый из них скажет вам то же самое.

бытиям дня, к внешней , деловой стороне жизни. Такое направление, думают они, не обнимает жизни, но касается только ее наружной стороны, eft несущественной поверхности. Скорл упа, конечно, необходима, но только для сохранения зерна, без которого она свищ. Может быть, это состояние умов понятно как состояние переходное; но бессмыслица, как состояние высшего разряда. Крыльцо к дому хорошо, как крыльцо; но если мы распол ожимся яа нем жить, как будто оно весь дом, тогда нам оттого может быть и тесно и холодно.

Впрочем, заметим, что вопросы собственно политические, правительственные, которые так долго волновали умы на Западе, теперь уже начинают удаляться на второй план умственных движений , и хотя при поверхностном наблюдении может показаться, будто они еще в прежней силе, потому что попрежнему еще занимают большинство голосов, но й то большинство уже отсталое; оно уже не составляет выражения века; передовые мыслители решительно переступили в другую сферу – в об пасть вопросов общественных, где первое место занимает уже не внешняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, в ее дей ствительных, существенных отношениях.

Умственные движения на Западе совершаются теперь с меньшим шумом н блеском, но, очевидно, имеют больше глубины и общности. Вместо ограниченной сферы событий дня и внешних интересов, мысль устремляется к самому источнику всего внешнего – к человеку, как он есть, и к его жизни, как она должна быть. Западны е писатели начинают понимать, что под громким вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все, и потому в мысленной заботе своей стараются перей ти от явления к причине, от формальных внешних вопросов хотят возвыситься к тому объему идеи общества, где и минутные события дня, и вечные условия жизни, и политика, и фил ософия, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религия, и вместе с ними словесность народа, сливаются в одну необозримую задачу: усовершенствование человека и его жизненных отношений («Москвитянин», 1845 г., № 1).

82

От куда же взял ась у нас (д а и у некоторой части западной публ ики) мысль, или, лучше сказат ь, не мысль, а мел одрамати-ческая фраза о том, что Зап ад дряхлый ст арец, который извл ек из жизни уже все, что мог извл ечь, который ист ощил ся жизнью, и т. д.? Д а все из разны х западны х же пустеньких или тупоумненьких книжонок и статеек, потому что, нечего греха таить, и на Запад е много сочиняет ся пустых книжек и статеек, по край ней мере, по десяти на одну дельную, все равно, как и у нас, на одну умную статью г. И. Киреевского приходит ся, по край ней мере, десяток жал ких статей , написанны х на ту же, повидимому, тему, но написанны х педантами или людьми ограниченны ми. По преимуществу эти унылые книжки и статей ки пишутся на франц уз-ском диалекте; главные богадельни для этих беззубы х возды ха-ний – разл ичны е Revue des deux Monde s , Revue Contempo-raine, Revue de Paris и газеты с фел ьетонами. Пишут ся они от ча-

сти французскими Манил овы ми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что, опять нечего греха таить, во Франц ии, как и повсюду, есть свои Манил овы и Чичиковы , отчасти людьми плутоватыми, отчасти добродушны ми, но вообще людьми отсталыми. Основание для вздохов и охов о бедной европей ской циви-л изации, о погибающей Европе – то, что они по поверхностному простодушию не могут или по расчет у не хотят понять ст рогих, но благих идей современной науки, вы раженны х «передовыми мыслителями». Дл я низших слоев публ ики, упивающихся переводами дюмасовских романов, эти книжки и статей ки в огромном количестве переводятся и на немецкий язы к. Впрочем, и немецкие Манил овы фабрикуют подобны е книжки и статей ки в изряд -ном количестве и качестве, потому что Германия, довол ьно скудная Чичиковы ми, преизобил ует Манил овы ми. Переводят ся и переделываются они также и в Англ ии, но в меньшем количестве, потому что англичане мал о распол ожены к манил овщине, как народ сухой , а Чичиковы там заняты биржевы ми и фабричны ми проделками. Чит ая возды хания людей , поневоле впадешь в тоску об участи европей ской л итературы , науки, цивилизации и т. д., все равно, как, перечитывая в ст аром «Москвит янине» статьи г. М. Дмитриева, г. А. Студит ского, г. Шевы рева и т. д., мы впадали в совершенную тоску об участи русской науки, л итературы и т. д. Но мы извиняемся, по край ней мере, необходимост ью пересмотреть старый «Москвит янин» для дела, которы м теперь занимаемся; а кому какая необходимость читать произведения Сент- Бева, Фил арет а Шал я, Сен- Рене-

Тал ьяндье, Луи Ребо, Мишел я Шевал ье и т. д., и т. д.? Тут уж совершает ся чисто произвольный грех. Зат о и наказание за этот грех посы л ается тяжкое: оплакивать скоропост ижную дряхл ость и безнадежную погибель целой части света! Чт обы составить себе справедл ивое

понятие о современном сост оянии европей ской науки и цивилизации, надобно дей ствительно изучать его в произведениях «пере-6* S3

довы х мыслителей » Зап ад а. И кто пой мет значение их трудов, тому общий вопрос о Европе и об отношении России к Западной Европ е предст авит ся стол ь же просты м, как представл ял ся, по мнению авт ора, тридцат ь лет т ому назад . А в част ности он будет думать о старинной Руси т очно так же, как думал о ней Пет р Великий , который очень бл изко, кажет ся, знал ее по собст венному опыту. От носит ел ьно понятий о разл ичии основны х элементов старинной русской жизни от элементов жизни западной он т акже будет судить очень скром но, пот ому что современная европей ская наука хот я и не занимал ась специал ьною разработ кою русской ст арины , но дост ат очно уяснил а вопросы об исторической жизни многих других народ ов, кот оры е находил ись или нахо-д ят ся в пол ожении, очень похожем на сост ояние допетровской Руси, или имели на ст аринную нашу жизнь влияние. Резул ьтаты исследований наших собст венны х учены х о нашей ст арине совершенно подт верждают справедл ивост ь общих понятий современной науки о тех специал ьны х эл ементах, присутствие кот оры х в ст а-ринной Руси кажет ся авт ору стол ь важны м и оригинал ьны м.

Кст ат и, невозм ожно сомневат ься в том, что сл авянофил ы говорят об этих элементах без непосредст венного знакомст ва с объ ясне-ниями и взгл ядами л учших специал истов наших и европей ских.

П о всему очевидно, что они представл яют себе эти элементы не в том ист инном виде, как они изл агают ся в специальных сочинениях, а сообразн о своим личным понят иям, – понятиям дилетантов, не угл убл явшихся в тяжел ы е специальные сочинения, а узнавших о сод ержании этих сочинений из рецензий ,

писанны х л юдьми отсталы ми.

К роме главной мысли об од ност ороннost и западной цивилизации и неспособност и ее к дальней шему развит ию, – мысли, навеянной журнал ами в род е Revue des deux Mondes, есть еще д ругая основная мысль в системе сл авянофил ов – одност ороннее прист раст ие к своему. Чувст во л юбви к своему хорош о; но оно д ол жно быть проверяемо анал изом факт ов. Мы долго придумы -вал и, как бы объ яснит ь эт о удовл етворител ьны м образом , но вспомнил и, что очень удовл етворит ел ьно объ яснен этот вопрос в ст ихот ворении г. Хом як ов а («Московский сборник», 1852, стр. 141):

«Мы род избранны й »,– говорили Сиона дети в старину,

«Нам божьи громы осушили Морей волнистых глубину.

Дл я нас Синай оделся в пламя,

Дрожал а гор кремнистых грудь,

И дым и огнь, как божье знамя,

В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,

Дождил и манной небеса,

84

Дл я нас закон, у нас пророки,

В нас божьей силы чудеса».

Не терпит бог людской гордыни;

Не с теми он, кто говорит:

«Мы соль земли, мы столб святыни,

Мы божий меч, мы божий щнт1»

Не с теми он, кто звуки слова Лепечет рабским языком И, мертвенный сосуд жи во го,

Душою мертв и спит умом.

Он с тем, кто гордости лукавой В слова смиренья не рядил... и т. д .40.

Вообще дол жно сказат ь, что сл авянофил ьст во навеяно к нам с Зап ад а: нет ни одной существенной мысли в нем (решит ел ьно ни одной), кот орая не была бы заимст вована из некоторы х второстепенных французских и немецких писателей , преимущественно из писателей , недовольны х тем, что их разл ичны е от ст алые понятия или наивные ожид ания не подт верждают ся наукою.

Н о известно, что многое уже ненужное в одной ст ране еще может приносить некот орую пол ьзу в некот оры х других ст ранах. Мн о-гие понятия, сдел авшиеся в своем отечестве уже совершенно от -сталыми, нимал о не основател ьны ми, в других ст ранах еще могут получить дост оинст во относительной свежести и основател ь* ности, потому что прот ивопост авл яют ся мыслям, еще бол ее от ст алым, еще менее основател ьны м, могут иметь интерес живост и и новости и в этом качестве возбужд ат ь деятельность ума, направлять его к дальней шим успехам, — одним сл овом, приносить пол ьзу. Объ ясним ся примером. Дл я Германии уже устарел и системы Канта и Шел л инга, когда К узен переделал их для Фран -ции; но во Франц ии они были еще новост ью и, несмот ря на то, что искажены были в переделке, принесл и довол ьно значител ьную пользу. И наоборот , многие сочинения, уже устарелы е для Фран -ции, приносил и свою пол ьзу в Германии, будучи переводимы или переделываемы на немецкий язы к. Так надобно смотреть и на наше сл авянофил ьство. Он о основано на заимствовании мыслей , устаревших на их родине; но у нас эти мысли могут еще дл я очень многих иметь новизну, возбужд ат ь деятел ьность ума, приносить пользу. Не говорим уже о том, что они живител ьно дей ствуют на

развитие в нашей л итературе дей ствительно современны х мыслей , вызывая противодеи ствие.

Но мало сказат ь в оправдание сл авянофил ьства, что оно приносит относител ьную или отрицател ьную пол ьзу. Ест ь в нем некоторые ст ороны и безусл овно хорошие. Посредственны е франц уз-ские или немецкие писатели, кот оры ми оно навеяно, конечно, сами не могли бы придумать ничего особенно хорошего; зат о они мало и придумали своего: почти все у них взят о из писателей дей стви-85

тельНо хороших. Правд а, многие из книг, откуда они почерпали, слишком заплесневели от ветхости; но кое - что, и даже довольно многое (преимущественно крит ика всех пережитых современною наукою и жизнью ступеней развит ия), заимствовано из современных гениальных писателей . Правд а, они иногда порядочно искажают заимствуемые гениальные мысли, но все - таки не все живое стерли с них. Правд а, эти свежие мысли вплетены в систему, сущность которой довол ьно ветха; л о новые заплаты на ветхом платье тем ярче блещут свежестью своих красок, — они безобразят самое платье, но сами по себе еще бол ьше выигрывают от его безобразия. Есл и бы в посредственную повесть какого- нибудь дюжинного беллетриста была вставлена гл ава из «Мерт вы х душ», повесть в целом стала бы вдвое безобразнее, но прелесть отры вка из «Мерт -вых душ» была бы — хотя бы он был даже отчасти переделан к худшему — вдвое поразител ьнее в этой повести, нежели в самых «Мертвы х душах». И скажите, разве было бы беспол езно прочитать эту повесть человеку, который еще не имел (и, быть может, долго не будет иметь) сл учая прочитать «Мертвы е души»? И не бой тесь продол жител ьности его забл уждения: так или иначе, но он услышит, что отры вок, ем у понравивший ся, заимствован из Гогол я, и тогда никто его не удержит от чтения самого Гогол я.

Ест ь люди требовательные, неуступчивые, которы е говорят : «всё

или ничего, кл очки и обры вки никуда не годят ся»; но иногда самый требовательный чел оаек видит себя в необходимости с бл агоразумною

уступчивостью говорить: «лучше хлеб с мякиной , нежели совершенно ничего».

Эт о о пол ожител ьном сод ержании сл авянофил ьства. Чт о же касается его стремлений , нел ьзя не отдать ему полной справедливости. В извлечении статьи г. Киреевского: «О характере просвещения Европы », последние строки, отмечены у нас вносными знаками, выписаны нами без всяких перемен и составл яют закл ючение в самом подл иннике: истязуй те эти строки, как хотите, но вы не можете най ти в них вражды к просвещению; напротив, они внушены горячею ревностью к просвещению и к улучшению русской жизни. Можно и дол жно не согл ашаться с почтенным автором в средст вах к дост ижению, но нельзя не признат ься: цель его — цель всех бл агомы слящих людей .

Можно оты скать и много других хороших ст орон в сл авяно-фильстве; но мы боимся, что уже утомили читателей слишком длинным отступлением. Пот ому скажем только, что для развит ия той части русской публики, кот орая им увлекается, эти убеждения горазд о более пол езны, нежели вредны, сл ужа переходною ступенью от умстве нной дремоты , от и ндифе ре нтизма ил и даже В] ражды п роти в п росве щения к совершенно современному взгляду на вещи, к совершенному разры ву с нашей старинной бездей -ственностью и хол одностью в деле общем. Потому - то люди, ко-торы х в насмешку назы вал и «западниками», и славянофилы ,

8G

несмотря на жаркие споры между собою, были сподвижниками в одном общем стремлении, кот орое тем и другим был о в сущности д ороже всего остал ьного, чт о их раздел ял о. Чт о же ка

сается этих пунктов несогл асия, мы изл ожил и о них мнение, ко-

т орое кажет ся нам справедл иво, и можем прибавить тол ько, что довол ьно было бы выставить на вид основны е мысли, например, из приведенного нами в вы носке начал а статьи самого г. И. К и-реевского «Обозрение современного сост ояния сл овесност и»,— и эти его собственны е понят ия обл ичил и бы несправедл ивость его выводов относител ьно дряхл ост и западной цивил изации. Но к чему это? л учше будет окончит ь наш эпизод о сл авянофил ах превосходны м закл ючением, кот орое дал г. Киреевский своей статье о современном сост оянии сл овесности:

Мы думаем, что все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве история европей ской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать празднолюбие мыслящего человека. И что, в самом деле, аа польза нам отвергать или порочить то, что было или есть доброго в жизни Запада? Не есть ли она. напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное? Вследствие его господства над нами (то есть господства этого истинного начал а) все прекрасное, благородное, по необходимости нам свое, хотя бы оно было европей ское, хотя бы африканское. Гол ос истины не слабеет, но усиливается своим созвучней со всем, чтб является истинного, где бы то ни было («Москвитянин», 1845, № 2).

Теперь, хот я в общих черт ах определ ив наше понятие о сл а-вянофил ах, мы можем перей ти к характ ерист ике критической деятельности г. Шевы рева. Г. Шевы рев многими был считаем за сл авянофил а, и он сам отчасти подавал к тому повод, очень часто, или, лучше сказат ь, пост оянно, в каждой статье своей , развивая три или четыре темы, повидимому, сходны е с мыслями сл авянофил ов. Разл ичие бы л о, повидимому, тол ько в том, что г. Шевы рев вы ражал эти мнения г оразд о красноречивее, и так как красноречие сост оит в употребл ении разл ичны х фигур, как - то: усугубл ения, наращения, напряжения и тому подобны х, т о, по

необходимости, мысли эти вы ражал ись у него горазд о сильнее, нежели у г. Аксакова, г. Киреевского или г. Хом якова. Мы сказал и бы даже: вы ражение этих мыслей был о у него отчасти доведено до излишней ут ировки, есл и бы могло быть изл ише-ство в стол ь приятной вещи, как красноречие. И з этих трех, четырех тем самою л юбимою бы л о так назы ваемое на язы ке г. Шевы рева «гниение Зап ад а». Самы е ревностны е сл авянофил ы не вы ражал ись об этом предмете и в десятую дол ю так сил ьно и картинно, как г. Шевы рев. Привод им один тол ько пример:

В наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы имеем дело с человеком, носящим в себе злой , заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу

чувства – п не замечаем скрытого яда в беспечном 87

общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет. Он увлек нас роскошью своей образованности; он возит нас на своих окрыленных пароходах, катает по железным дорогам, угождает без нашего труда всем прихотям нашей чувственности, расточает перед -нами остроумие мысли, наслаждения искусства. Мы рады, что попали на пир к такому богатому хозяину. Мы упоены, нам весело так дешево вкусить то, что так дорого стоило. Но мы не замечаем, что в этих яствах таится сок, которого не вынесет свежая природа наша; мы не предвидим, что пресыщенный хозяин, обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше, что мы вый дем от него опьянелые не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной («Москвит янин», 1841, № 1, стр. 247 – 248.

«Взгляд русского на образование Европы »).

Ужасн ая карт ина! Вообразит е тол ько: «мы делим трапезу мысли и пьем чашу чувства с т рупом»! Есл и мы не ошибаемся, истинны е сл авянофил ы назовут эти вы ражения более поэтическими, нежели точны ми; вероят но, прибавят даже, что от подобного взгл яда на западную дивил изацию они стол ь же далеки, как и от безусл овного покл онения Зап ад у. Впрочем, если мы не имеем прямы х указаний на то, как думают сл авянофил ы о мнениях г. Шевы рева, зат о г. Шевы рев дост ат очно определил свои понят ия о сл авянофил ах, – например, хот я бы в сл едующих ст роках, заимст вованны х из его статьи об «Од иссее», переведенной Жуковским. В пояснение эт ого от ры вка предварител ьно заметим, что понят ия о преобл адании «м ира», общины над отдельною л ичност ью в древней Руси – одно из самы х дорогих убеждений для сл авянофил ов, и подчинение л ичного произвол а в отдельном человеке общественной воле – едва ли не существенней шая черта их идеала в будущем. Мы не подозреваем себя в пристраст ии сл авянофил ьскому образу мыслей , но дол жны сказат ь, что учение об от ношении л ичности к общест ву – зд оровая часть их системы и вообще достой но всякого уважения по своей справедл ивости.

Г. Шевы рев вы разил ся об этом предмете сл едующим образом , рассужд ая о цикл опах:

Главный источник их дикости (т. е. дикости цикл опов) – отсутствие веры в богов. Когда Одиссей вздумал убеждать циклопа именем Зевса, бога гостелюбца и заступника странников, тот отвечал ему:

Видно, что ты издалека, или вовсе безумен, пришелец,

Есл и мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.

Нам, циклопам, нет нужды нн в боге Зевесе, ни в прочих Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей .

Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит Вас пощадить: поступлю я, как мне самому то угодно.

Такое безверие соединено в циклопе с отсутствием всякого понятия о личности человеческой . Человек ему нипочем. Он считает его наравне с бараном. Такое безумие объясняет иам, почему циклоп, правда, пьяный , поверил тому, что человек может называться Никто и не иметь никакого

личного имени. Разумная хитрость Одиссея здесь вполне торжествует над грубою дикостью людоеда, не признающего личности человеческой . При в том кстати нельзя не вспомнить, что некоторые мнимые мыслители наши,

88

увлекшись немецкою философиею, вздумали было навязать такие циклопи* чес кие понятия об личности человеческой народу древней Руси, иные умышленно, с неуважением к ее значению, другие же с добродушным отсутствием всякого умысла, а принося от чистой русской ду ти бессознательную жертву русскою же непонятою ими народностию в пользу германского любомудрия, («Москвитянин», 1849, № 3. «Критика», стр. 109.)

Посл е этого, конечно, никто не будет смешивать г. Шевы рева с сл авянофил ами; а внимательное рассмотрение статей ученого авт ора приведет каждого к решительному убеждению, что если г. Шевы рев находит некоторы е отдельные их мысли полезными, но слишком недостаточно развиты ми и сл ишком сл або вы раженными у самих сл авянофил ов, и потому ст арает ся повторят ь атн мысли как можно чаще, в самых энергических вы ражениях, сообщая им самое всеобъемл ющее значение, прил агая их ко всякому данному предмету, – если, говорим мы, он делает это, то делает как мыслитель своеобразный . Определ ить его образ мыслей было бы очень затруднител ьно, потому мы и не беремся за это, предо-ставл яя каждому читателю выводить из фактов, представляемых нами на следующих страницах этой статьи, такие закл ючения, какие ему покажут ся естественными. Мы можем сказать только одно: г. Шевы рев мыслитель своеобразны й . Считаем также небесполезным заметить, что писатели, вступавшие в учено - литературные прения с г. Шевы ревы м, конечно, напрасно жал овал ись, будто он, в возражениях своим противникам, переступал иногда границы чисто ученого или л итературного прения, вовлекая в сферу спора предметы и понят ия, которы х у нас ни в какой полемике не дол жно касаться: что несправедливо утверждали также, будто бы иногда он увл екался даже в некоторы е опасения против просвещения. Несправедл ивост ь всех этих упреков до очевидности изобл ичается тем, что, разбирая сочинение князя Вяземского «Фон- Визин», ученый критик выписывает из этой книги следующие бл агородны е и прекрасны е ст роки:

Немного таких истин несомнительных, немного таких правил непреложных, коих святость должна пребыть несомненною и тогда, когда противоречат им последствия частные, случай ные и независимые от воли людей . Но, посвятив себя на служение одной нэ сия истин, должно пребыть ей верным без изъятия, применяя к себе рыцарское восклицание французских роялистов: Vive le roi quand memel Пол ьза просвещения есть одна из малого числа сих исключительных истин. Почитая его единым, прочным основанием благосостояния общего и частного, совестью правительств и лиц, простительно ли, например, пугаться малодушно некоторых прискорбных явлений , приписываемых просвещению, или, положим, и влекущихся за ним по неисповедимым законам провидения, которое отказало в совершенстве всему, что ни есть на земле? Писатель, который , по званию своему, обязан быть проповедником просвещения, а вместо того бывает доносчиком на него, подобен врачу, который , призван будучи к больному, пугает его иеверно -стию своей науки и раскрывает перед ним гибельные ошибки врачевания. Пусть каждый остается в духе своего звания. Довольно и без писателей най дется людей , которые готовы остерегать от властолюбивых посягаиин разума и даже клеветать на него при удобном случае.

89

И не тол ько выписывает г. Шевы рев бти ст роки, но и пол о-жительно назы вает «прекрасны ми» («Москвит янин», 1848, № 7, ст р. 18).

Будучи известен как один из наших почетней ших критиков, г. Шевы рев стол ько же известен как поэт и знаменит как ученый .

Зд есь нас занимает искл ючител ьно его крит ическая деятельность; поэтических и ученых его произведений мы дол жны коснуться тол ько мимоходом, наскол ько то нужно для допол нения общего понятия об ученом критике.

«Теория поэзии в ист орическом развит ии у древних и новых народ ов» до сих пор остается из ученых сочинений г. Шевы рева л учшим в научном отношении. Эт о – пол езная компил яция, в которой своеобразная мыслительность авт ора еще едва прогл яды -вает, но достаточно – и не во вред компил яции – обнаруживается поряд очная начитанность. «Ист ория поэзии у всех народов» начал ась и окончил ась первы м томом, «содержащим (как сказано в загл авии) ист орию поэзии индей цев и евреев, с при-совокупл ением двух вступительных чтений о характ ере образования и поэзии главных народ ов Западной Европы ». – Эт от единственный из многих предпол агавшихся томов был поводом к полемике, знаменитой в л етописях нашей журнал истики. Некот оры е эпизоды ее могли бы быть занимательны , но отвлекали бы нас от предмета. Лет через десять после того явил ись первые две части «Ист ории русской сл овесности, преимущественно древней ». Эт о самое ученое и самое важное сочинение г. Шевы рева. Хорош ую ст орону его составл яет то, что факты, от носящиеся к ист ории л итературы , собраны довол ьно пол но; сл абая ст о-рона – то, что они переплетены с гипотезами и мечтами, не вы держивающими самой снисходительной критики. Эт о было бы еще не очень вредно для книги, если

бы авт ор делал хот я какое -нибудь разл ичие между пол ожител ьными фактами и созданиями своего поэт ического воображения: почему же и не пофант азиро-вать? Н о ученое достоинство сочинения теряет оттого, что все ати гипотезы и фант азии вы сказаны догматически, что ничем не отличены они от достоверны х факт ов: авт ор совершенно одинаковым тоном говорит и о том, что Вл адимир Моном ах написал поучение своим детям, и о том, что гегелева фил ософия возникл а из мыслей , изл оженны х в посл ании Никифора к Мономаху; и о том, что «Сл ово о полку Иг о реве» проникнуто грустью о междоусобицах, и о том, что Москва возвы сил ась бл агодаря не другому кому, как именно Даниил у Пал омнику. К акая связь между Гегелем и Никифором , Даниил ом Пал омником и Москвою, этого уж мы не беремся объяснит ь: надобно было бы выписывать подлинные сл ова; а у нас и без того сл ишком много выписок,

О мелких ошибках в изл ожении факт ов мы не говорим, — не говорим и о том, справедл иво ли воззрение г. Шевы рева на ист орию русской л итературы: невол ьную ошибку легко извинить;

но произвол ьност ь фантазий , два примера кот оры х мы представили, дол жна быть очевидна каждому, каковы бы ни были его понятия о старинной русской л итературе. Нет сомнения, что все эти пылкие мечты дол жно объ яснят ь жел анием ученого авт ора сообщит ь своему сочинению художественны е достоинства: известно, что в художественном созд ании форм а, то есть красноречие, важна не менее сод ержания. Авт ор очень успешно достиг этой цели. Его сочинение отл ичается вдохновенны м красноречием; но как ученым пособием пол ьзоват ься им затруднител ьно. «Поезд ка в Кирилл о- Белозерский м онаст ы рь41» имеет в двух томах две интересные страницы : од на из них представляет не лишенную цены для науки выписку из «Паисиевского сборника» о язы ческих суевериях; д ругая ст раница содержит знаменитое размышление о том, что «не жаден русский человек, не завистл ив: летает вокруг его птица — он не бьет ее, плавает ры ба — он не ловит ее, и довол ьствуется скудною и неудобоваримою пищею», зная, что пища и питье — суета, забот ясь тол ько о неземных

благах. Все остал ьное в «Поезд ке» не имеет особенной важност и. Переходя к чисто- поэтическим созд аниям г. Шевы рева, мы не будем произносит ь суждения о их достоинстве: достоинства эти очевидны. Немногие из знамениты х крит иков писали стихи; но если кто из них писал , то стихи всегда бывали т акого род а, что доставлял и ему сл аву лучшего поэта своей эпохи. Иначе и быть не могло: критик дол жен быть одарен тонким вкусом и плохих стихов не почтет достой ными печати, хотя бы они были его собственные. Вспомним Буал о, Попе: будучи хорошими критиками, они были и лучшими поэтами своего времени. Т о же и у нас — вспомним К арамзина и Мерзл якова: судите, как хотите, о их поэтическом таланте, плохих ст ихов вы у них не най дете.

Из всего этого очевидно, что стихи г. Шевы рева дол жны также быть хороши. Эт о мнение некоторы м читателям может пока-зат ься довол ьно смело. Н о мы докажем его фактами. Жалеем, что недостаток места не позвол яет нам украсит ь этих ст раниц гармоническими октавами ученого поэта 42; ограничимся двумя другими, небольшими отры вками. По сл учаю начал а постро й ки Московской железной дороги г. Шевы рев написал стихотворение, из кот орого мы приводим тол ько одну ст рофу:

«Что- то будет? — православный Думу думает народ :—

Ал ь Москве перводержавной Позабыть свои семьсот?

Загудев колоколами Золотой своей главы,

Двинуть всеми сороками.

Да итти на брег Невы ?» <3

Этот энергический поры в мысли к дивным карт инам не есть в его таланте черта временная или случай ная: до последнего вре-

мени она сохранил ась во всей живост и. Так, например, одно из стихотворений , писанны х г. Шевы ревы м в 1853 году, начинается сл едующим образом :

Пушкин! встань, проснись иэ гробу!

Где твой гол ос и язык?

Поражай врагов и злобу,

Зачинай победный крик!

Но ты спишь; умолк Жуковский !

Мир наш нем, как стихший гром,

Будто колокол кремлевский С отлетевшим языком.

Если вестники к вам в гости Прилетают с наших стран, —

О! твои играют кости, ,

Словно радостный орган!., и т. д .44

Самы е завист ники поэта согл асят ся, что в этих смелых образах вы разил ась т итаническая сил а фант азии. Мы упоминал и о стихах г. Шевы рева собст венно потому, что уверены в их дост о-инстве: хороший крит ик может писать плохие стихи, но не будет печатать их, — по край ней мере, не будет печатать их в продол -жение тридцати лет.

Мы уже от казал ись от сл ишком трудной задачи пол ожител ь-ным образом определить мнения г. Шевы рева. Прист упая теперь к изл ожению его критической деятельности, сообразно своему решению, мы не будем оты скивать принципов его критики, вовсе даже не будем касат ься их. Пуст ь они будут справедл ивы , — тем лучше, пусть они будут неудовл етворител ьны , — это не помешает нам отдать пол ную честь верност и его суждений об отдельных факт ах, т онкост и и проницат ел ьности его вкуса. Ведь теоретиче-

ские принципы Буал о, Лаг арп а, Попе, К арам зина, Мерзл якова были неудовл етворител ьны в научном отношении, а между тем, эти критики, бл агодаря своему уму и вкусу, об отдельных произведениях л итературы судил и очень зд раво, хорошими назы вал и дей ствительно л учших писателей своего времени, восхищал ись именно тем, что бы л о у этих писателей л учшего. Возьмем примеры еще бл иже: Пушкин не был отличным теоретиком, а его суждения об отдельных писател ях и произведениях литературы удивительно верны и метки. Гогол ь был абсол ют но плохим теоретиком, а судил о л итературны х произведениях т оже с изумительною верност ью и проницател ьностью. Иначе и быть не могло, потому что у этих людей не бы л о недостатка ни в здравом уме, ни в эстетическом вкусе. Чт обы верно делать общие выводы или верно прил агать к фактам общие принципы , нужны и особенная привы чка и специал ьная способност ь к тому. Но, чтобы отличить г. Бенедиктова от Лермонт ова или Гогол я от Ариост а, вовсе не требует ся быть мыслителем.

Г. Шевы рев приобрел извест ность как критик задол го до основания «Москвит янина». Не говоря уже о «Московском вестнике» и «Тел ескопе» с «Мол вою», в которы х он еще не играл 92

первой рол и, упомянем тол ько, что при основании «Московског о набл юдателя» он явил ся главным л ицом в этом журнал е, первая книжка кот орого начинал ась ст ат ьею г. Шевы рева «Сл овесност ь и т орговл я», — статьею, кот орая в свое время подал а повод ко многим насмешкам, — потому мы оставим ее в покое; заметим только, что Гогол ь (в статье о движении журнал ьной л итературы) справедл иво удивл яется тому, как авт ору удал ось, заговорив об отношениях (денежны е отношения л ит ерат оров), пред-ставл яющих стол ь много ст орон, достой ных порицания, вы брать

для своих нападений как будто нарочно единственную хорошую ст орону этих отношений (именно т о, что литературный труд начал у нас в России хотя нескол ько вознагражд ат ься, как и всякий другой труд, в том числе и ученый). Не будем припоминать и д ру-гих его статей в «Московском набл юдател е», даже знаменитого в свое время разбора стихотворений г. Бенедиктова, в кот ором было д

оказано, что г. Бенедиктов есть «поэт мы сл и», и с ним в первый раз явл яется в русской л итературе мысль 45, – оставим все это в покое: в то время г. Шевы рев тол ько еще начинал развивать своеобразност ь своих понятий , и участие в «Московском наблюдателе» еще не было бл естящею эпохою его деятельности.

Мы хотим ограничит ься изучением его критики во времена полней шего ее развит ия: прочную извест ность г. Шевы рев как критик приобрел только уже тогда, когда «Москвит янин» сделался его органом. Зай мемся же изучением этих статей .

Общий взгл яд свой на всю русскую сл овесность г. Шевы рев выразил, или обещал вы разить, в статьях, под загл авием:

«Взгл яд на современное направл ение русской л итерат уры ». Из них первая, «Темная ст орона», явил ась в первой книжке «Моск -витянина» – за 1842 год. Он а очень замечател ьна, и мы должны дать подробный отчет в ее сод ержании.

Ст ат ья начинается размы шл ением об огромност и прост ран-ства, занимаемого Россиею, и о том, что все в ней имеет громадные размеры . – В рассуждении об этом авт ор доходит до поэтического предпол ожения, кот орое в свое время поразил о ужасом бедных итальянцев:

Разгульно текут многоводные наши реки; невольно подумаешь: что, если бы Волгу, Днепр да Урал скатить в три потока с Альпов на Италию, куда бы делись от них итал ьянцы? Разве спаслись бы на высотах апен

нинских.

И не тол ько итальянцы, даже русские были смущены этим ужасны м и новым предпол ожением, этим неслыханным бедствием, угрожающим целой стране. Д о 1842 года только однажды было вы сказано стол ь роковое опасение *. Н о, не ост анавл иваясь на уча* «Меня чрезвычай но огорчило событие, имеющее быть завтра. Завт ра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый англий ский химик Веллингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокой ство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны..,» и т. д. (Соч. Гоголя, ч. 3, стр. 348).

93

сти итал ьянцев, авт ор удивл яет ся особенно тому, что в России две стол ицы *, и под робно описы вает одну из них, Петербург.

О верности эт ого описания м ожно судить из т ого, что авт ор хвалит чистоту здешних канал ов. «Канал ы , как чистые реки, голубыми лентами переплели город ». Эт а черта замечена была до 1842 года опят ь тол ько одним Гогол ем, в описании Невского проспекта. Рано поут ру, говорит Гогол ь, на Невском видны тол ько рабочие л юди, например, «(русские мужики, спешащие на работ у, в сапогах, запачканны х извест ью, кот оры х и Екат еринин-ский канал , известный своею чист от ою, не в сост оянии был бы обмы ть». Посл е того авт ор советует читателю «посмот реть на чудо- город» – то есть Пет ербург – с вершины Ал ександровской кол онны , вероят но, предпол агая, что внутри ее существует витая л естница, -как в Трояновой кол онне – смешение неудивительное, потому что г. Шевы рев очень хорош о знает Ит ал ию. Когда вы взберет есь на вершину Ал ександровской кол онны и посмотрите вниз, то отгадай те, чтб предст авит ся вашим гл азам? Вероят но, величественные здания, окружающ ие пл ощадь, где поставлена кол онна? Нет ! «необы кновенная, безобразная куча, в роде муравьиной », в которой «безы менны е насекомы е работ ают над

ничт ожною кучею беспол езного сора». Эт а куча – петербургская журнал ьная л ит ература. «К ак могл а появит ься эта безобразная куча на том месте, где недавно работ ал плотник и зодчий ист ории государст ва россий ского», т о есть К арам зин? В ответ на это изл агает ся вся ист ория нашей л итературы , и резул ьтат обзора – важная ист ина, что труды Лом оносова, К арам зина и Пушкина пробудил и у нас охот у к чтению, и петербургские журнал ы удо-вл етворяют этой пробужденной потребност и. Повидимому, тут нет ничего ужасного. Н о авт ор приходит в негодование, кот орое изл ивается сл едующею ал л егориею:

Весело стоит на поле и тяжелым колосом гнется книзу поспелая нива: честные земледельцы положили в нее труд свой ; благосклонное небо ее поливало и грело;

осталось одно легкое, последнее дело – снять и потребить ее.

Но вот – смотрите – чтб это там за серая туча на небосклоне? Как будто из мелких точек вся соткана и летит быстро, жадно на чужой плод. Это саранча – настоящий потребитель приготовленной жатвы. Нагл о предоставляет она себе последнее, легкое дело, бросает ся на ниву и ест ее.

По прямому смы сл у ал л егории дол жно было бы казат ься, что саранчой , пот ребл яющею жат ву, г. Шевы рев назы вает читателей ; но он объ ясняет сам, что хочет разуметь не читателей , а тогдашних (1842) журнал ист ов. В т аком сл учае, 'ал л егория составл ена неправил ьно. Читател и извинят нас, если мы подвергнем «мертвящему анал изу рассудочной науки» поэтически- жнвую фил ип-пику ученого и почтенного авт ора по правил ам, предписываемым * Но ведь в Японии тоже две: Иеддо и Миако; в Великобритании с Ирл андиею даже три: Лондон, Эдинбург, Дублин.

94

Для аллегорий теориями красноречия и пиитики. УчеНоСть необходимо разбират ь ученым образом . Ит ак, первое правил о ал л егории, по учению пиитик: каждый избранны й символ дол жен сохра-

нять одно и т о же значение во все продол жение ал л егории. П ри -меним это правил о к филиппике ученого авт ора. В начал е приведенной нами тирады «спел ая жат ва» означает плоды наук, п ро-свещение; «пожат ь эту жат ву», значит посредст вом чтения сде-л аться просвещенны м человеком; л юди, для кот оры х она зреет, – читатели; сообразно тому – «саранча пожрал а жат ву», дол жно значить: «неразборчивы е читатели или зл онамеренны е читатели поглотили, с жадност ью прочл и все»; но г. Шевы рев хочет вы разить эт ою фразою: «Ны нешние (1842) журнал ист ы пол ьзуют ся тем, что приготовил и К арам зин и Пушкин, и порт ят вкус публики» – вол я ваша, ал л егория сост авл ена неправил ьно. Понят ь ее в смысле ученого авт ора, значит погрешить против реторики.

Но согл асимся понимать ее, как то угодно г. Шевы реву. Чт о же следует из нее и в этом сл учае? В чем обвинял г. Шевы рев петербургских журнал ист ов? По смысл у его собственной речи, в том, что в 1842 году в петербургских журнал ах не помещал и своих статей ни Лом оносов, ни К арам зин, ни Пушкин, – но что же делать, если эти великие писатели не дожил и до 1842 года? Ни журнал исты , ни г. Шевы рев не виноваты в этом. Вт орое правил о аллегорий : вы бирать символ ы , дей ствительно соот ветствующие по своему значению тем понят иям, о кот оры х дол жны напоминать. Есл и л итература, просвещение – жат ва, то саранча, ист ребл яющая жат ву, никак не может обозначат ь каких бы то ни был о читателей или л ит ерат оров, хот я бы самы х пл охих: саранча в этом сл учае может означат ь тол ько врагов л итературы и просвещения, обскурант ов. Вол я ваша, а ал л егория составл ена не по правил ам пиитики и рет орики. Впрочем, это не мешает нам восхищат ься ее вы соко л ирическим парением.

Кстати, заметим, что правил а, предписы ваемы е реторикой для аллегорий , никогда не собл юд ают ся ученым авт ором. Так, например, в другой своей капитальной статье о пол ожении нашей сл о-весности: «Очерки современной русской л итературы » («Моск в и -тянин», 1848, № 1), он дает следующий – конечно, прекрасный – совет нашим (т огдашним) мол оды м бел л етристам, особенно гг. Гончарову, Григоровичу и Тургеневу:

Наши писатели должны бы были помнить миф об Антее. Когда он борол ся с Геркулесом, то земля придавала ему силы, лишь только он касался ее. Чтобы обессилить его, Геркулес должен был отвлечь его от земли и задушить на воздухе. Таков и поэт и писатель вообще. Бол ьшая же часть наших писателей современных, развивающих свою личность в какой - то отвлеченной сфере, чуждой основным началам народной жизни, похожи на Антея, но в ту самую минуту, когда он поднят был Геркулесом, ногами на воздух, и там в отвлеченной пустоте дрягал ими, отчаявшись в возможности коснуться родной земли, которая дает силу (стр. 42).

95

Совет прекрасен; но ал л егорическая одежда для него сшита не по правил ам. Припомним, что символ ы дол жны соответствовать предметам, символ ами кот оры х сл ужат . Ведь Антей был гигант; а г. Шевы рев, во все продол жение своей

статьи, доказы вает , что вы шепоименованны е молодые писател и, которы м он дает совет, очень мелкий народ , – как же посл е этого начинать ал л егорию об Ант ее? И прит ом, каждый символ дол жен в ал л егории иметь определ енное значение. Спрашивает ся теперь, кто же этот Геркулес, который от ры вает Ант ея (т о есть ничт ожны х писателей , каковы гг. Гончаров, Григ орович, Тургенев) от матери- земли? Ре-шител ьно, не придумаем; кажет ся, никто никогда не думал советовать им писать повести не из русского бы та. И хот я на одной ст ранице какой бы то ни бы л о своей повести от ры вал ся ли хот я один из них от изображений род ного бы т а? Каким же образом и когда они «дрягал и ногами в отвлеченной пуст от е»? Вол я ваша,

ничего нел ьзя понять. А не отт ого непонятно, чтобы совет был нехорош: нет! прост о отт ого, что вы ражен он неудачно; да разве еще отт ого, что нимал о не прил агает ся к данному сл учаю: ведь согл аситесь, что гг. Гончарову, Григ оровичу и Тургеневу совершенно изл ишне читать назид ания о том, чтобы они верно изображал и русский быт: другого ничего никогда и не делали они.

Н ас очень занимают вопросы о рет орических красот ах ученого ав-т ора пот ому, что красноречие есть существенней шее достоинство его учены х и крит ических произведений . Н о возврат имся к статье о темной ст ороне русской л итературы .

Посл е притчи о жат ве и саранче г. Шевы рев довол ьно подробны ми чертами и самы ми темными красками рисует портреты петербургских журнал ист ов и рецензентов, людей , возбужд ающих его неудовол ьствие, – в этих карт инах опять восхитител ен пиитический кол орит ; но опят ь нас приводит в недоумение невы держан-ность характ еров; смешение нескол ьких физиономий в один порт -рет, разд робл ение одного л ица на нескол ько порт рет ов, так что в целом галл ерея порт рет ов представл яет страшный и смутный хаос. Ст рел ы , направл енны е прот ив одного, например, против «Русског о вест ника», летят в другого, кажут ся направленны ми, например, против «Библ иот еки», «Сы на отечества» 46 или «Эк о-нома» 47, и не попадают ни в кого. Вид но, что авт ор руководил ся бол ее пафосом, нежел и набл юдат ел ьност ью. Искл ючение ост ает ся за одним порт рет ом, который обработ ан с особенною под роб-ност ью: это «ры ц арь без имени, на щите кот орого громадны ми кривы ми буквами написано: «Убежд ение» 48. Тут уже нет смешения: все собранны е авт ором черты дол жны , по некот оры м внешним признакам, от носит ься к одному чел овеку, писавшему в «Отечественны х записках». Нел ьзя претендовать на чрезвычай -ную жест кост ь выражений в эт ом очерке: если в полемике сохра-

няется прямот а, она всегда жест ка, и, во всяком сл учае, прямота лучше косвенны х намеков; д урно тол ько то, когда жесткость 96

формы сопровожд ает ся разны ми намеками. Н о ст ранно то, как неудачно вы бран г. Шевы ревы м пункт нападений . Вообразит е, какой существенный порок изобл ичает он в «ры ц аре без им ени»?– переменчивость и отсутствие убеждений . Эт о решительно невероят но, эт ого никак невозм ожно был о бы ожидат ь.

Н о вот сл ова ученого авт ора:

Всякое странное мнение, всякая нелепость, сказанная решительно н громко, прикрываются всегда щитом и ярким его девизом, который бросается в глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлекающей ся благородным значением самого слова. Но если бы это убеждение было постоянно и верно, – будь оно убеждением хотя младенца или сонного человека, – еще можно было бы его уважить. А когда видишь, что оно так часто меняется и падает иногда на предметы, совершенно того недостой ные, что рыцарь сегодня скажет одно, а завтра другое, и все противоречия прикрывает одним и тем же щитом своим, то под конец еще более отвращаешься от такой маски, на которую употреблено чувство совести, чувство внутреннее и священное.

Rem acu te tigisti, как раз попал и вы в цель! Тол ько эт ою ученою фразою и можно вы разит ь удивление, возбужд аемое столь удачным вы бором слабой ст ороны в противнике. Обвинят ь его за изменчивость и отсутствие убеждений то же самое, что обвинять Пушкина за недостаток поэтического элемента в его стихах или г. Шевы рева за недостаток ученых цитат в его ученых статьях. «Но, – воскл ицает с негодованием г. Шевы рев, – мимо этих д рязг, от которы х от вращаем гл аза с чувством стесненны м!»

Взгл янем на светл ую ст орону русской л итературы , прот ивопо-л ожную характ еру петербургской журнал ист ики. Тут опят ь овл а-девает авт ором пафос:

Но что же сталось с теми писателями, которые не могут сочувствовать направлению современному? Где они? где наши таланты? Ужели ими оскудела Россия? О, нет! они есть! Но, смотрите, они там, укрылись в тени.

Чувствуя свое истинное призвание и питая уважение к делу литературы, они отошли в сторону от торжища, по невольному движению благородного стыда и приличия. Не сознавая в себе достаточных сил, чтобы противодей ствовать толпе, которая кричит, зажмуря глаза, аная, что наглость деятельна, они не выходят на сцену. Вид прежнего их поприща, занятого теперь рынком, наводит даже какое- то оцепенение на их производительность, которая прежде была живее. Словно боятся они имени л итератора, опасаются, чтобы не смешали их с теми, которых не презирать они не могут. Взгляните на их почти онемелые группы!..

Между тем, капиталы русского ума, воображения, сокровища мыслей , знаний , языка находятся в руках талантов по большей части бездей ственных. Довольствуясь мирными беседами приятельскими, расточая в них по мелочи игру живых способностей , более и более отвыкая от труда и частыми отказами отучая от себя вдохновение, они почти не пускают капитала своих дарований в оборот всенародный .

Грустно, грустно дой ти до такого заключения...

В самом деле, как груст но!

«– Где наши тал анты ?

– Смотрите, они там (где же это «там »?), укры л ись в т ени!»

7 Н. Г. Чернышевский , т. III 07

Прискорбны й разг овор! Н о если бы фразы г. Шевы рева были справедл ивы , не сл ишком вы годное закл ючение над обно бы вы -вести о силе дарований в эт их тал антл ивы х л юдях, «кот оры е не чувст вуют в себе д ост ат очно сил », чтобы «вый ти на сцену прежнего своего поприща», и в «бессил ии ст оят (где - то «там ») в тени

оцепенелыми, почти онемел ыми группами». Г. Шевы рев неост о-рожен в вы боре выражений : он более забот ит ся о их силе или карт инност и, нежел и о том, к каким закл ючениям подают они повод. Н о дело а том, что из его сл ов не над обно выводить никаких заключений : цель всех этих карт инны х изображений – в них самих; они – прекрасны е поэт ические украшения речи, имеющие своим назначением не вы ражение факт ов дей ствительности, а осу-ществл ение идеал ьных воззрений творческой фант азии поэт а.

В самом деле, ужел и окол о 1841– 1842 годов те писател и, кот оры х г. Шевы рев, под обно другим журнал ист ам, признавал л учшими нашими тал антами, ст оял и «вдал и от т оржищ а л итературы онемелыми группами?» Вовсе нет: Жуковский трудил ся над переводом «Од иссеи», переводил «Руст ем а и Зораба», Гогол ь напечатал «Рим », пригот овл ял к изд анию первый том «Мерт вы х душ» и четыре част и своих сочинений , – все эт о бы л о извест но г. Шевы -реву; г. Вел ьтман бы ст ро издавал один ром ан за другим; Заг ос-кин т оже, и в той самой книжке «Москвит янина», где вы ражена эта жал оба, помещен от ры вок из его «Мирош ева»; г. Хом яков писал новы х стихотворений , правд а, немного, но не менее, нежели когда- нибудь; г- жа Павл ова писал а более, нежел и когда- нибудь; г- жа Рост опчина т оже; казак Луганский т оже. А их г. Шевы рев признавал во второй своей статье хорошими писател ями. О петербургских мол оды х писател ях, кот оры х не признавал г. Шевы рев, мы не говорим. Неут омимо писал и и г. М. Дмит риев, и девица Зражев ск ая, в кот оры х ученый крит ик специал ьно признавал талант. Вся патетическая т ирад а, кот орою закл ючает ся первая его ст ат ья, скорее принадл ежит обл аст и поэзии, нежел и прозы .

Од ним сл овом, сожал ение о том, что в 1841– 1842 годах наши л учшие таланты ничего не писал и, и скорбь о печал ьном пол оже-нии нашей л итературы не могут быть, по своей основател ьности,

сравнены ни с чем ины м, как с сл едующею эл егиею г. М. Дми-т риева о груст ном

пол ожении русских девиц в том же 1842 году. Кст ат и, эта элегия с эпиграфом из К ол ьрид жа:

O, my brethren! I have told,

Most bitter, truth, but without bitterness *.

напечат ана т от час вслед за ст атьею г. Шевы рева, как бы сост ав-л яя продол жение ее. Пот ому считаем необходимост ью выписать первы е куплеты:

* О братья мои! горчай шую правду, но без горечи сказал я.

98

ЖАЛЬ МНЕ ВАС

Жаль мне вас, младые девы,

Что родились вы в наш век,

Как молчат любви напевы И туманен человек!

Ваши матери весною Дней безоблачных своих Для любви цвели красою И для песен золотых.

Вы цветете без привета:

В ваших плясках •– скуки след;

На любовь вам нет ответа.

На красу вам песен нет! и т. д.

Вот удивительное было время! Вообразит е себе: в 1842 году по Р. Х. молодые люди не вл юбл ял ись в девиц, даже не писали им сладеньких стихов («на красу вам песен нет »), даже не говорили им комплиментов («вы цветете без привет а»); а девицы с своей ст ороны не пели романсов («мол чат л юбви напевы ») и скучали танцами, не любили танцовать («в ваших пл ясках скуки сл ед»). Ст ранное было время в 1842 году, по сл овам г. Шевы рев а

и М. Дмитриева.

Начал о второй статьи г. Шевы рева («Свет л ая ст орона»,

«Моск[вит янин]», 1842, № 2) патетичностью т она соответствует окончанию первой:

Прочь, прочь, несносная плесень, кот орая под обманчивою личиною весенней зелени скрывала от нас ясный поток современной русской литературы! Прочь, прочь ее тяжкий наплыв! Сметем, счистим его в нашем воображении! Удалим прежнее неприятное впечатление и, освежившись очами, взглянем теперь на светлую, желанную сторону нашего предмета.

Светл ую, жел анную ст орону предмета ученый авт ор предполагал обозрет ь с нескол ьких разл ичны х точек зрения и описать, сообразно тому, в нескол ьких статьях: в первой он хотел «изобразит ь современное сост ояние русского язы ка и сл ога», во второй – «деятельность наших ст ихот ворцев», в третьей –

«картину наших прозаиков», в четвертой – «вл ияние иностранных л итератур на нашу отечественную», в пятой , наконец –

«общую картину образования русского развит ия науки в нашем отечестве и в особенност и познания России». – Испол нение этой «трудной задачи, кот орую он задавал себе», казал ось ему «необходимым и пол езны м» делом, казал ось даже «нравственны м подвигом». Од нако же, это «необходимое дело» не был о совершено, этот «нравственный подвиг» не был испол нен, – потому ли что охота совершат ь нравственны е подвиги может охл аждат ься, или потому, что иногда, поразмы сл ив, перестаешь считать полезным то, что показал ось на первый взгл яд необходимым. Почему бы то ни было, но из обещанны х многочисл енны х «карт ин»

была напечатана ученым авт ором тол ько одна, изображают, ая сост ояние 7* 99

язы ка и сл ога; ни «деятел ьность наших ст ихот ворцев», ни «кар -тина наших прозаиков», ни все дальней шие интересны е предметы не бьгли обсуждены ученым авт ором. К акая причина лишила рус

скую л итературу этих интересны х рассуждений , неизвестно нам, в чем мы уж и признал ись; можно пбручиться тол ько за одно: виною (установки не бы ло сомнение почтенного авт ора в собственных сил ах, — эт ого сомнения никогда не обнаруживал г. Шевы -рев. Впрочем, вообще мы дол жны заметить, что ученые занят ия, как уведомляет во многих местах «Москвит янина» сам почтенный авт ор, част о отры вал и его от журнальной работы . Этому скорее всего надобно приписат ь то, что вообще он не сделал для «Москвит янина» многого из т ого, что первоначал ьно предполагал сделать. Наприм ер, в одном вт ором нумере «Москвит янина» за первый год издания (1841) мы находим два подобны е предпол о-жения. В своей статье «Вмест о введения», служащей предисл о-вием к его критике, г. Шевы рев обещал «предл агать читателям теоретические статьи по эстетике1». Испол нением этого намерения можно считать тол ько небол ьшое рассуждение «О смешном», явившееся через двенадцать лет (в 1853 году). Н а странице 538-й той же второй книжки он говорит, что «дал обещание г. издател ю «Москвит янина» занимат ься в его журнал е разбором замечател ьны х произведений л итературы отечественной и иностранной » — ни одного разбора замечател ьных творений «иностранной л итературы » ученый авт ор, кажет ся, не поместил в «Москвит янине». — От част и уже и теперь могут судить читатели, не знакомы е с стары м «Москвит янином», а еще точнее увидят из всего продол жения нашей характ ерист ики, до какой степени оправдал ось исполнением предпол ожение ученого крит ика, вы раженное в сл едующих ст роках его «Вмест о введения»:

Мы вменим себе в особенную обязанность подмечать движение общественной жизни в нашей словесности, мы употребим все усилия, необходимые для разрешения вопроса жизненного: в какой степени словесность наша отражает жизнь нашего общества? Чт о берет она у жизни к что отдает ей ? какими вопросами с нею связана? — Разрешение всего этого может привести нас к некоторому сознанию настоящей минуты нашего отечественного быта, может указать нам на наши недостатки и достоинства, может определить наше положение в настоящем и надежды на будущее (стр. 509).

В свое время пет ербургские журнал ы чрезвычай но огорчал ись тем, что судьба не дает осущест вит ься в надл ежащем размере ни одному из интересных обещаний авт ора, и каждый из его т рак-татов, обещавших разъ яснит ь очень важны е и, по мнению г. Ше-вы рева, худо понимаемые другими журнал ами вопросы , всегда останавл ивается на введении, кот орое содержит тол ько некоторые обл ичения петербургским журнал ам да нескол ько замечаний о слоге, каррарском мраморе и галлерее Д ориа, с кот оры ми мы скоро встретимся. Мы упоминаем об этом потому, что раздел яем огорчение тогдашних пет ербургских журчэл о?; но «горем делу не 100

поможешь», и мы дол жны тем внимательнее изучат ь е х ordium'bi, которы е одни дано нам читать. Возврат им ся же к продол жению неоконченны х статей ученого авт ора.

Вместо любопытной характ ерист ики русской л итературы по ее духу и художественны м достоинст вам, господин Шевы рев дал своим читателям тол ько трактат из рет орики — «О язы ке и сл оге». Впрочем, рассужд ая об этом предмете, повидимому, исчерпанном и потерявшем интерес посл е т ракт ат а почтенного Шишкова «О ст аром и новом сл оге» 4Э, ученый авт ор вы сказал стол ько поразит ел ьно верны х суждений , что, при самом вы соком понятии об оригинал ьности воображения и взгл ядов гл убокомы с-ленного критика, трудно решить, могли ли бы его статьи о содержании и художественной форме в нашей л итературе быть интереснее его статьи о язы ке и слоге. Перечисл яя писателей , кот о-рые отл ичаются хорошим сл огом, авт ор сначал а хвал ит К арам -зина, Жуковского, князя Вяземского, Пушкина, Лермонт ова и не-которы х других. Тут нет еще ничего особенного; дол жно тол ько сказат ь, что он поступил справедл иво, начав свой перечень их именами; но в продол жении списка л учших л ит ерат оров вст реча-ются суждения более интересные. Т ак , например, о г. Ф. Гл инке ученый авт ор говорит, что «сл ог его осы пается яркими искрами», и желает, чтобы он бол ьше писал «своим пылким пером»; слог г. Греча прежде был очень хорош, но «испорт ил ся» от п од ража-ния слогу барона Брамбеуса. К числ у замечательней ших явлений нашей л итературы , вместе с господином Ф. Гл инкою, принадл ежат

госпожа Шишкина и девица Зражев ск ая: первая «придал а особенную прелесть вкуса прост онарод ному сл огу, какой он не имел до нее», а «резвое перо г- жи Зражевской отл ичается непринужденной разговорчивост ью». К замечательней шим писателям принадл ежат, между прочим, гг. Масал ьский и Каменский : слог первого «отл ичается какою- то бл агородною чист от ою», а в последнем гл авная черт а— «пы л кая живост ь». — Эт о все наши лучшие писатели; их произведения сост авл яют светл ую ст орону нашей л итературы. Напрот ив того, Полевой , барон Брамбеус и г. Кукол ьник очень пл охо владеют русским язы ком: они подвергаются подробны м вы говорам за то, что не умеют писать так хорошо, как г- жа Шишкина и девица Зражев ск ая, как гг. Масал ь-ский и Каменский . Н о все эти част ности незначительны в сравнении с гл авною, общею мы сл ью всей статьи: г. Шевы рев д оказывает, что все хорошие прозаики по 1842 год включительно писали «сл огом К арам зина»; даже Пушкин, Лермонт ов и Гогол ь не сообщил и своей прозаической речи оригинал ьного характ ера: все они писали «сл огом К арам зина». Ученый авт ор, вероят но, не признавал справедл ивым, что у кажд ого хорошего писател я бы -

вает свой собственный сл ог, или, может быть, это какая- нибудь аллегория.

От этих своеобразны х взгл ядов на темную и светл ую ст ороны 101

нашей л итературы перей дем к другой капитальной статье о русской л итературе вообще, именно к «Очеркам современной русской сл овесност и», помещенны м в первой книжке «Москвит янина» за 1848 год. Сущест венное сод ержание этик «очерков» — объ яс-нение того, что все молодые (т . е. бывшие тогда мол оды ми) беллетристы, кот оры х петербургские журнал ы , в особенност и «От ечест венны е] записки» и «Современник» назы вают талантливыми л юдьми, пишут очень пл охо. Пол ожим на минуту, что это мнение справедл иво: ведь мы уже сказал и, что не будем спорить с г. Шевы ревы м от носител ьно т ого, что худо, что хорошо, а будем тол ько изучат ь своеобразны й способ развит ия его воззрений и оригинал ьную методу его доказы ват ь справедл ивость своих понятий . Пол ожим , что все эти беллетристы писали дурно; но каким же способом доказы вает эт о ученый авт ор? Сл едующим: все л учшие петербургские мол оды е беллетристы сост авл яют одну школ у, кот орая тогда был а назы ваема нат урал ьною; глава этой школ ы — г. Никит енко. Докажем же, что г. Никит енко ошибает ся в своих т еориях, — и дело будет решено. Вследствие этого, бол ьшая пол овина «очерков» посвящена изобл ичению ошибочной теории г. Никит енко 50. Чт о сказат ь об этом умозакл ючении?

Ником у не запрещает ся искать ошибок у г. Никит енко, как и у всякого другого писател я; но какое дело г. Никит енко до всей петербургской бел л етристики? Когда он объявл ял себя или какой повод подавал он считать себя ее представител ем? Ведь каждому извест но, что г. Никит енко всегда стоял вне всяких партий и школ , в журнал ьны е прения не пускал ся и никогда не имел мысли

образоват ь вокруг себя какую бы то ни было школ у. С другой ст ороны , какое дело бел л етристам натуральной школы до справед-л ивости или несправедл ивост и теорий г. Никит енко? Разве они объявл ял и себя или кто- нибудь считал их учениками г. Никитенко? Ведь каждому, кто имел в руках хот я одну книжку «От ечест венны х] зап[исок]» или «Современника», был о в то время извест но, что т еория г. Никит енко и нат урал ьная школ а — предметы, нимал о друг от друга не зависимы е. Каким же образом можно бы л о вообразит ь, что, опровергая т еорию г. Никитенко, можно поразит ь нат урал ьную школ у, а для поражения натуральной школы необходимо нападать на т еорию г. Никитенко? «Д а. много т акого пишется на земле, друг Горац ио, чего не понять мудрецам», невол ьно скажешь, применяя к этому не-пост ижимому сл учаю сл ова Гамл ета. Н о вот, за длинными оп ро-вержениями теории г. Никит енко, следуют, в самом конце статьи, краткие вы говоры , уже прямо обращенны е к натуральной школе: она уничт ожена крит икою теории г. Никит енко, следовател ьно, много тол ковать с нею не для чего. — Дел о решено: искусство в России погибает от теории г. Никит енко. Ост ает ся тол ько указать признаки упадка. Признаки эти, оты сканны е преимущественно у г. Григоровича и г. Тургенева, сл едующие:

102

Укажем на признаки этого падения искусства в школе, которая всех деятельнее умствует в современной словесности. Первый признак—отсутствие художественной совести в большей части ее произведений . Редко заметите вы свободу личного

чувства, которое совершенно увлекалось бы искусством и служило бы ему по призванию. Редко коснется вас творчество вдохновения, редко повеет свежестью дара; все большею частью сочинения деланные, прошедшие иногда через скуку усилий , которая отзывается даже и в лучших произведениях школы.

Второй признак — эфемерность рождающихся талантов. Прежде у нас был мор на дарования. Какой - то таинственный рок их преследовал, — и мы оплакивали преждевременную их кончину. Теперь таланты умирают заживо. Первая повесть пробудит в вас надежду, вторая ослабит ее, третья приведет в отчаяние, а четвертой вы уже и не читаете.

Третий признак— какое- то совершенное отрицание коренных начал народной жизни, той основной сущности, той живой истины, которая глубоко лежит в народе... Всего более нападают на низшие слои народа и клевещут на его дей ствительность в дурную сторону, Народ наш, главными свой ствами своего большинства, конечно, не заслужил таких наветов со стороны литературы отечественной ... Какую же цель имеет наша литература, возбуждая в образованном обществе почти отвращение к народу своими литературными доносами? Иные, читая все это, пожалуй , подумают, что народ наш едва ли достоин какого- нибудь улучшения своей участи. Мы решительно не понимаем здесь цели наших писателей («Москвитянин», 1848, № 1, стр. 49).

Мы опять говорим: нас занлмает не то, хвалит или осуждает г. Шевы рев, а то, как и за что хвалит или осуждает он. Почему не искать недостатков и у лучших тогдашних (и нынешних) беллетристов? Н о ст ранно находить, что у них недостает именно того, чем они особенно богаты. Как понять первый признак упадка, мы не придумаем: кто заставл ял или что заставл ял о г. Григоровича и г. Тургенева насил овать дарование? Ужел и теория г. Никит енко? По ходу речи, дол жно быть, или он, или, скорее, тот загадочный Геркул ес, который , как мы выше видели, подымал их в отвлеченную пустоту, где они дрягал и ногами? Дол жно быть, он, потому что он выведен на сцену именно в этой статье.

Но кто он? этого не разрешил и бы ни Конфуций , ни Лао - дзы .

Как блистательно оправды вается второй признак — эфемерность талантов, мы пост оянно видим, было очень хорошо видно и в то время. Дей ствительно, г. Григорович после своей «Деревни», а

г. Тургенев после первого из «Рассказов охотника» — «Хорь и Кал ины ч» — не написали уже ничего сносного, и в наст оящее время имена их уже давно забыты публ икою. Мы готовы держать пари, что из тысячи читателей едва ли один припомнит теперь, что существовал и когда- то г. Григорович и г. Тургенев. Но удачнее всего вы бран третий признак. Можно говорить против писателей , нами названны х, что угодно; но упрекать их в недостатке л юбви к народу, упрекать в том, что их произведения возбужд а-ют отвращение к народу, — да ведь это все равно, что упрекать огонь в хол одности, Говард а в эгоизме, Вил ьберфорса в жест о-кости.

Кроме всех исчисленных причин, погибель русской литературы предстояла в наискорей шем времени от порчи язы ка в петербург-103

ских журнал ах неправил ьны ми и чудовищными вы ражениями.

Г. Шевы рев был так возмущен этой страшной опасност ью, что решил ся для спасения русского язы ка составл ять и печатать в «Москвит янине» сл оварь «барбаризм ов, сол ецизмов и прочих измов» 5| . Необходимое! ь и пол ьзу его он объясняет следующим образом : «С некоторы х пор русский язы к до того начал страдать от нововведений , что ст ановит ся и бол ьно и ст рашно за родное сл ово всякому, кто его л юбит и уважает ». Дл я противодей ствия этой погибели родного сл ова, он обещает ся «пост оянно выдавать сл оварь всех чудовищны х выражений , кот оры ми так особенно богата наша периодическая сл овесност ь». Эт от сл оварь принесет пол ьзу л итературе, «производ я в публике тот комический хохот, который будет весьма спасителен для русского сл ова». — Обещ а-ние «выдавать пост оянно» стол ь полезный труд, конечно, не со-ст оял ось: за первым, довол ьно бол ьшим отры вком явил ся в следующей книжке «Москвит янина» второй , г оразд о меньший от-ры вок сл оваря. Тем дело и кончил ось. Н о интересно познакомить читателя с несколькими образц ам и тех «чудовищны х выражений », которы е угрожал и погибел ью родному сл ову и которы е, по мнению

почтенного авт ора, дол жны были «произвест и в публике комический хохот ». Вот какого род а эти «чудовищны е вы ра-жения»:

Из- под сал фетки, покрывавшей стол , высовывал ась юл ова лягавой собаки.— Он начал подымать взоры. — Толстый , рослый мужчина, который , после прорезывания зубов, ни разу не был бол ен.— Миньятюрная старушка, с повисшими бровями и тоненькими бледными губами. — Люди хилые, разбитые парал ичом», и т. д., и т. д.

«Комический хохот » дол жны возбуждат ь преимущественно сл ова, напечатанные курсивом.

Читатели, быть может , еще помнят, что в этом благом деле ученый составител ь сл оваря имел столь же искусного, но более неутомимого преемника — г. И. Покровского, который , года два или три тому назад , пост оянно обогащал каждую книжку «Москвитянина» своим превосходны м «Памятны м листком ошибок против русского язы ка» 62. Прият но нам заметить, что г. Шевы рев имел и достой ного предшественника, именно извест ного нашего журнал ист а князя Шал икова, который украсил одну из книжек «Москвит янина» за 1841 год небол ьшою, но очень пол езною статьею под загл авием, стол ь же остроумны м, как заглавие, данное ученым авт ором своему сл оварю, — именно статьею —

«О л итературном размежевании». Вот небольшой отры вок из этого прекрасного т руда, посл ужившего образц ом для г. Ше-вырева:

Подражать в прозе Карамзину, а в стихах Пушкину значит избрать лучшие образцы . Повиноваться гве номофетам бездарным единственно потому, что размножил ось их число — смешная и жал кая слабость, которая, наконец,

моает аролилнуть во все суставы нашей литературы, ныл*, кажется, болев нежели когда- нибудь, похожей на внееву ладню, не управляемую рулем усердного, ревностного Пал ииура, низвергнутого коварным Морфеем в морские бездны, и бросаемую ао все стороны мятежными волнами, не подчиненными в лал иеах нашей литературы спасительному трезубцу Нептуна, за неимением сего божества. — Кто, например, оспорит нас, если скажем видимую истину, что к нам из младенчества русской словесности возвратились самые грубые галлицизмы, солецизмы, барбариэмы , изгнанные великим ее законодателем? И кому же она обязана сею пагубною амнистиею? Тем первокл ассным (как, очевидно, они думают о себе) современным писателям, которые заменили предлог о предлогом про и пишут про Рим, про бал, про родину, — нисколько вместо нимало, раз вм. однажды, надо вм. надобно, да вместо так... О, времена! Князь Шал иков. («Москвит янин», 1841, № 7, стр. 236—238).

Замет им, однако, что в одном пункте (т ол ько в од ном) мнения князя Шал икова и г. Шевы рева расходил ись. Издат ел ь «Д ам -ского журнал а» был, как извест но, ревностны м последователем Карамзина, а г. Шевы рев блистательным образом защищал понятия Шишкова. Ученый адмирал и ученый профессор одинаково утверждал и, что сл авянские сл ова чрезвычай но возвы шают и украшают русскую речь. Оба они были непреклонны в борьбе против людей , думавших, что по- русски над обно писать на русском, а не на сл авянском язы ке, и приводил и в пример нашим поэтам вы ражение:

Соблещет молния мечу * 53

Но г. Шевы рев шел горазд о далее Шишкова, который хотел только, чтобы в слоге подражал и Лом оносову, между тем как для г. Шевы рева учителем русского современного язы ка был Кирилл Туровский , живший за 600 лет до Лом оносова и совершенно чистый от гал л ицизмов. Г. Шевы рев советовал нашим

поэтам восст ановить употребление местоимения иже, яже, еже и дательного самостоят ел ьного падежа, именно писать таким образом: «вол нующемуся морю (т о есть при морском вол нении, от морского вол нения) корабл ь, иже входил в гавань, подвергал ся опасности, а л одка, яже была вы сл ана к нему навстречу, потонувшей (когда л одка, высл анная к нгму навстречу, п отонул а), гибель стала неизбежна». Жел ающие могут видеть примеры и доказател ьства красот ы такого сл ога в «Ист ории русской сл о-весности» г. Шевы рева и в его ответе на разбор этой книги, помещенный в «Сы не от ечества» 54. Шишков, кажет ся, не предполагал возможност и восст ановить дательный самостоятельный . Кстати, о слоге самого г. Шевы рева. Ученый критик писал , без сомнения, очень цветисто и

патетично; но, к сожал ению, слог его вообще растянут и напы щен, а язы к неточен и неправил ен. Никт о из русских журнал ист ов со времени Свиньина, просл а-вившегося дивным сл огом своего ром ана «Якуб Скупал ов», не владел язы ком так дурно, как г. Шевы рев. Мы , конечно, не * «Москвитянин», 1854 г., № 7, статья г. Шевырева о Фонвизине.

105

упомянул и бы об этом деле, если бы сам г. Шевы рев не толковал так много о язы ке и сл оге. Ошибки прот ив язы ка или логики режут гл аза почти в каждой его фразе, потому и не нужно приводить примеров: желающий най дет их десятки в каждой нашей вы писке из статей г. Шевы рева. Н а всякий случай , разберем хот я первую фразу в первом из помещенных у нас суждений его о Гогол е. Он о принадл ежит еще 1835 году; впоследствии г. Шевы рев писал г оразд о хуже, и мы нарочно указы ваем л учшую по сл огу из его статей . «Авт ор «Вечеров Диканьки» (то есть Вечеров на Диканьке, ил и на хуторе бл из Д икан ьки) имеет от природы чудный д ар схваты вать бессмы сл ицу в жизни человеческой и обращат ь ее (жи зн ь ил и бессмы сл иц у?) в неизм еняем ую (то есть неизъ яснимую) поэзию смеха». Н а двух ст роках две ошибки против язы ка и однл неточность. Т ак писал г. Шевы рев в «М о-сковском набл юдат ел е». В «Москвит янине» он писал еще неправильнее. О напы щенности и натянутости сл ога мы уж и не говорим.

Читател и, быть может , думают, что дост ат очно познакомил ись с критическими статьями г. Шевы рева? Нет , ты сячу раз нет!

Ведь определительнее всего характ еризует чел овек нравственную или умственную ст орону своей л ичности суждениями об отдельных факт ах: общие суждения, как бы ни были ярки, всегда бы -вают бесцветны в сравнении с приговорами об индивидуальных явл ениях. Скажем, например: вообще л итерат ура взд ор, побасенки, – эт о будет мысль удивител ьная; но есл и мы, в част -ност и, скажем: Шекспир писал взд ор, блеск эт ого суждения будет уже превы шать всякую меру изумител ьности. Возьмем другой пример: «Гогол ь есть Гом ер» – мысль довол ьно поразит ел ь-ная; но скажит е: «Чичиков есть Ахил л ес» – и мысль сделается еще в ты сячу раз поразит ел ьнее. Все это мы говорим тол ько к примеру, что способност ь кажд ого крит ика с наибол ьшим бл ес-ком вы казы вается именно в сужд ениях его об отдельных писателях и об отдельных произведениях л итературы .

Перей дем же к статьям г. Шевы рева об отдельных русских писател ях. Посмот рим, например, какие мысли вы сказаны им в крит ическом раэборе сочинений Пушкина («Москвит янин»,

1841, № 9).

Прежд е всего и бол ее всего занимает ученого крит ика вопрос о том, не ошибочно ли поступал Пушкин в том, что одни п роиз-ведения написал п розою, а другие – стихами. Ответ: он поступил хорош о. Удовл етворител ьно разрешив эту важней шую задачу, он уже совершенно испол нил все, что в праве ожидат ь читатель от критической оценки Пушкина. Ост ает ся тол ько сказат ь по не-скол ьку сл ов о разны х мел очах – отношении Пушкина к предшествовавшим ему поэтам и о значении его произведений . Первое обстоят ел ьст во изл агает ся так: до Пушкина были две школы в нашей поэзии – пл астическая и музы кал ьная; гл авою пласти-(06

ческой был Державин, – у него недост авал о мел одичности; корифеями музыкальной – Бат юшков и Жуковский ; у них мало был о пластики. Пушкин соединил оба эти направл ения. К ак же могл о сл учиться, что в стихе Бат юшкова оказал ось мал о пл астичност и? Ведь каждому известно, что он в особенност и знаменит этим качеством. Н о к чему наши вопросы ? Лучше посл ушаем, что сост ав-ляет существенную черту в поэзии Пушкина, что такое вообще произведения Пушкина. «Гл авная черта Пушкина – эскизност ь».

В «Москвит [янине]» это определ ение поэзии Пушкина указано только кратким намеком, потому что прежде уже был о под робно развит о в «Московском набл юдател е» (част ь X II, ст р. 316). «Пушкин, стол ько прилежный и рачительный в испол нении, почти всегда довол ьствовал ся одним эскизом в изобрет ении. Эскиз был стихиею неудержного Пушкина» и т. п. Примером эт ому сл ужит «Медный всадник», продол жает статья «Москвит янина». «Есл и взглянуть «мы сл ящим взором внутрь этого произведения», то мы най дем, что сюжет «Мед ного всадника»... вы думаете, знаменитое наводнение, вы думаете, апот еоз Пет ра Вел

икого как т ворца Пет ербурга? Нет , «соответствие между хаосом природы и между хаосом ума, пораженного ут рат ою. Зд есь, по нашему мнению, главная мысль, зерно и единство художественного создания.

Жал ь только, что этот основной мотив не довол ьно развит »; но его неразвит ост ью именно и доказы вает ся, что основная черта поэзии Пушкина — эскизност ь. Прекрасно! Теперь мы узнал и существенную черту поэзии Пушкина. Инт ересно узнат ь, что т а-кое «произведения Пушкина, рассмат риваемы е в их совокупности». Эт от вопрос предл ожен в самом конце статьи, и на него дан очень удовлетворительный ответ ст роками, исполненными высокой картинност и:

Произведения Пушкина, рассматриваемые в их совокупности — чудные массы, готовые колонны, илн стоящие на месте, или ждущие руки воздвигающей , доконченные архитравы, выделанные резцом украшения и при этом богатый запас готового дивного материала. Да, да, вся поэзия Пушкина представляет чудный , богатый эскиз недовершенного здания, которое русскому народу и многим векам его жизни предназначено долго, еще долго ст роить и славно докончить.

Точка. Конец. Мы нарочно напечатали эти сл ова мелким шрифтом, чтобы читатели видели, что мы не прибавил и и не уба» вили в них ни одной буквы . К роме этой прекрасной , в живопис* ном отношении, тирады , вы ничего не най дете в статье г. 1Пе -вырева о содержании поэзии Пушкина, ее значении в нашей лите» ратуре, ее от ношениях к общест ву. Зат о очень много говорит ся об Ит ал ии55. Наприм ер, скажет ли г. Шевы рев, что у Пушкина был «русский гл аз», тот час же прибавит: «под именем русского гл аза мы разумеем тот верный гл аз, который подмечает точно и подробно все образы внешнего мира. Он имеет много сходства с итал ьянским». Говорит ли он, что трудно писать та-107

кие прекрасны е ст ихи, какие писал Пушкин, т от час же пояснит дел о: «В Ит ал ии есть поговорка о Рафаэл е, что он унес с собою в могил у тай ну своих красок. У нас то же самое м ожно сказат ь о Пушкине, что он взял с собою тай ну своего ст иха». Через не-скол ько ст раниц еще бол ьше разъ яснен вопрос о резце Пушкина:

«Эт о резец К ановы или Тенерани, покоривший себе до конца всю звонкую твердост ь нашего м рам ора. Мы жел ал и бы расп о-л ожит ь сочинения Пушкина по эпохам стил я, как распол агают стиль Рафаэл я или Гвидо- Рени». Чт о т акое «наш звонкий м рам ор», д оскажет г. Шевы рев через нескол ько ст раниц. Вообщ е «русский язы к — каррарский м рам ор л учшего сорт а», а «русский стих у Пушкина достиг до прозрачност и ал ебаст ра вост очного, воздел анного резц ом фндиевы м». К ак «распол ожен стиль Рафаэл я», он вам разъ яснит в другом месте: «в Перуд жии есть зал а, кот орую можно назват ь пеленки и колыбел ь живописца Рафаэл я», и т. д. Н о об Ит ал ии довол ьно. Мног о другого интересного могли бы мы заимст воват ь из разбора сочинений Пушкина; но пора перей ти к мнениям г. Шевы рева о Лермонт ове: они еще интереснее. Замет им тол ько, что ученый крит ик, справед-л иво наход я, что издание Пушкина 1835— 1841 годов напол нено опечат ками, очень уд ачно поправл яет их. Межд у прочим, в одном из лицей ских стихотворений есть вы ражение:

Бранной аабавы Любит ь нельзя.

Пушкин- л ицеист не мог так написат ь, по мнению г. Шевы рева.

Г. Шевы рев не знает , как именно бы л а написана эта фраза в авт ографе Пушкина; но он «уверен», что ее надл ежит восст ано-вить сл едующим образом :

Браиной забавы Любит не я.

Не подумай те, что у нас вкрал ась опечатка. Нет , именно так: «Любит не я». «Этой поправки хвал ит не я» 56, и потому скорее «переходит мы » к разбору «Героя нашего времени» и «Ст ихо-творений Лерм онт ова». Кст ат и прибавим: неудивител ьно, если крит ик, стол ь проницат ел ьно отгады вающий ошибки и стол ь

верно понимающим усл овия грамматическом правил ьност и, нахо

дит, что язы к Лерм онт ова неправил ен и что этот поэт «вообще не умел совл адеть с граммат ическим смы сл ом», хот я каждому извест но, что решител ьно ни

од ин из наших поэт ов до 1841 года вкл ючител ьно (когд а бы л а написана эт а ст ат ья) не писал стихов таким безукоризненны м язы ком, как Лермонт ов; у самого Пушкина неправил ьны х и нат януты х оборот ов бол ее, нежели у Л е р-монт ова. Лермонт ов вообще не пол ьзовал ся особенною бл аго-скл онност ью со ст ороны г. Шевы рева, ут верждавшего, что он тол ько подавал хорошие надежды , но еще не оправдал их. Мы 108

не буДек ост анавл иват ься на ётоМ: нас интересует не сущност ь мнений г. Шевы рева, а их развит ие. Ит ак, что же говорит г. Ше * вы рев, например, о характ ерах, изображенны х в «Герое нашего времени»? Во- первы х, он жел ал бы , чтоб Лермонт ов сдел ал из княжны Мери и Бэл ы одно л ицо: тогда это был а бы хорош ая женщина или девица. «Есл и бы м ожно бы л о слить Бэл у и Мерн в одно л ицо, вот был бы идеал женщины !» Впрочем, характ ер княжны Мери заимст вован у какого- то русског о повест вова-теля, — у какого, мы не можем придумат ь. Н а всякий случай , вот подлинные сл ова ученого крит ика: «В княжне Мери есть черты , взяты е с другой княжны » — не отгадает ли кто этой загад ки? 57 Вера, характ ер которой очерчен Лермонт овы м с т акою нежною л юбовью, — «Вера есть л ицо непривл екател ьное ничем». В характ ере Печорина есть две важны е ошибки: во - первых, такой человек не может л юбить природ у. Ученому крит ику был о легко решить эт о, потому что ему неизвестно, что л юди, утомленные жизнью, скучающие с л юдьми, с двой ною сил ою привязы вают ся к природе. Во- вт оры х, г. Шевы рев «никак не думает, чтобы прошедшее сил ьно дей ствовало на Печорина», и потому неправдоподобно, чтобы он вел дневник. Д а ведь он скучает: почему ж от скуки не вести ему дневника? Наст оящ ее наводит на него тоску, будущее безот рад но: как же ему не возвращ ат ься мысл ью к п ро-шедшему? И ведь эгоизм силен в Печорине; а чем бол ее развит эгоизм в человеке, тем бол ьше думает он о своей л ичности и о всем, что до нее касает ся. К ажет ся, это очень прост о; да притом и сам Печорин объ ясняет это. Н о главный недостаток в характере Печорина: «он не имеет в себе ничего сущест венного от носи-тельно к чисто русской жизни, кот орая из своего прошедшего не могла извергнуть т акого характ ера»; пот ому он «п ризрак».

Посл е эт ого не нужно говорит ь, д о какой степени понятен для г. Шевы рева и до какой степени нравит ся ему «Герой нашего времени». Н о интересно заметить, чем бол ее всего занимает ся он в своей статье об этом романе — никак не угадаете... защит ою Москвы . Д а где же Лермонт ов нападает на Москву в своем романе? К ажет ся, нигде. Как нигде? Вы забы л и, что княгиня Л и -товская, кот орая л юбит поговорит ь, как и все почти пожил ы е женщины в России и во Франц ии, в Китае и в К аффрарии, жил а нескол ько лет в Москве: ведь эт о кровная, по мнению г, Шевы -рева, обида Москве. И на нескол ьких ст раницах он доказы вает, что напрасно Лермонт ов взвел т акую клевету на Москву. Вот эт о именно и значит , по вы ражению Гогол я, «как раз смекнуть, в чем д ел о»68. Замет им также, что по поводу К авказа опять явл яется на сцене Ит ал ия. Ещ е л юбопы тнее разбор «Ст ихот воре-ний » Лермонт ова. Знает е ли, какое отличител ьное свой ство в таланте Лермонт ова? «Прот еизм », бесхаракт ерност ь, от сутствие определенной физиономии. Помилуй те! м ожно бы л о бы назват ь ст ихотворения Лермонт ова монот онны ми, од нообразны ми; но 109

как же говорит ь, что они не имеют одного оригинал ьного харак-

т ера, резко обозначившегося на кажд ом — мало того, ст ихот воре-нии —. на каждом стихе? Скорее можно бы ло назват ь «протеем» кого угодно из наших поэт ов, тол ько — вол я ваша — никто, кроме г. Шевы рева, не мог бы заметить у Лермонт ова бесхарак-терност и или протеизма. Н о вы еще не знаете, что «в галлереях живописи отгады вают без кат ал ога, чья карт ина», а ст ихот воре-ния Лермонт ова не носят на себе таких характ ерны х примет; г. Шевы рев, не видев подписи имени на пьесе, отгадает стих Ж у-ковского, Бат юшкова, Пушкина, кн. Вяземского, г. Ф. Гл инки, а не может сказат ь эт ого о стихе Лермонт ова. Публ ика, скажете вы, говорит , что именно стих Лермонт ова угадать легче всего; но эт о она говорит тол ько по незнанию важного обстоят ел ьства: Лермонт ов бы л не более, как подражат ел ь Пушкина и Жуковского, и не тол ько этих двух великих поэтов, но также г. Бенедиктова. «К огд а вы внимател ьно присл ушивает есь к звукам новой л иры , вам сл ы шат ся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данил ова, то Бенедиктова, иногда мелькают оборот ы Барат ы нского, Дениса Давы д ова». Удивител ьно тонкий сл ух, изумител ьно зоркий гл аз! К ажд ому извест но, что некоторы е из наименее зрел ы х стихотворений Лермонт ова по внешней форм е— под ражания пьесам Пушкина, но тол ько по форме, а не по мысли; потому что идея и в них чисто л ермонт овская, самобы т -ная, вы

ходящая из круга пушкинских идей . Н о ведь таких пьес у Лермонт ова немного: он очень скоро совершенно освободил ся от внешнего подчинения Пушкину и сдел ал ся оригинальней шим из всех бы вших у нас до него поэт ов, не искл ючая и Пушкина. Ведь это извест но каждому. Н о дело не в том, подражател ь он или самобытный поэт: интересно знать, как развивает г. Шевы рев свою мысль. В каких пьесах, например, видно вл ияние Жуковского? Вы , быть может , ожидаете, что ученый критик укажет на

единственное из всех стихотворений Лермонт ова, хот я самым от -даленным образом напоминающее Жуковского, укажет на пьесу «Вет ка Пал ест ины », в которой можно видеть некот орое сходство с пьесою Жуковского:

Он был весной своей В земле Обетованной ...39

хот я, собст венно говоря, и «Вет ка Пал естины » под ражание не Жуковскому, а Пушкину («Цвет ок засохший , беэуханны й »). Нет , не то, вы недогадл ивы: Лермонт ов под ражал Жуковскому в «Русал ке» (!); «Ми, ы ри» т оже под ражание Жуковскому (!); «Три пальмы » т оже, хотя каждому извест но, что это чрезвычай но бл из-кое под ражание ст ихот ворению Пушкина «И путник усталый на бога ропт ал », откуда не тол ько разм ер, но едва ли не пол овина стихов почти целиком заимст вованы Лермонт овы м. Нужд ы нет, пусть будут «Т ри пальмы » подражанием Жуковскому, у кот орого 110

нет ничего похожего: ведь заимст вовал же у него Лермонт ов «Мц ы ри». Н о где под ражания Бенедикт ову? Ужел и вы не знает е ?– Мол итва («Я, матерь божия, ныне с мол ит вою») и Т учи до того от зы вают ся звуками, оборот ам и, вы ражением л иры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены в собрание его ст ихот во-рений . – Чит ая эти стихи, кто не припомнит Пол ярн ую звезд у и Незабв енную Бенед икт ова?» Дал ее уже не так инт ересно.

«Бород ино» – под ражание Денису Давы дову (!); «Не верь, не верь себе, мечтатель мол одой !» и «Печал ьно я гл яжу на наше покол енье» – под ражание Барат ы нском у(!); «Дем он» – под ражание Марл инскому; «К азачья кол ы бел ьная песня» – п од ражание Вал ьт еру Скот т у. Мы от себя можем прибавит ь тол ько, что стихи:

Есть речи, значенье

Темно иль ничтожно...60

дол жны быть под ражанием г. Шевы реву: т ол ько авт орская скромност ь помешал а ему это заметить. Н о д овол ьно о част но-стях. Бросим вместе с г. Шевы ревы м еще раз общий взгл яд на Лермонт ова. Хорош и ли грустны е ст ихот ворения Лерм онт ова?

И как вы думаете, был ли грустный тон этих пьес (т. е. решительно всех пьес, пот ому что пьес другого т она нет у него) существенной чертой поэзии Лерм онт ова? Нет , не был, по мнению г. Шевы рева: грустны е ст ихот ворения у Лерм онт ова «т ол ько мгновенные плоды какой - то мрачной хандры , посещающей по временам поэт а», и не прост о пл охи они: они не засл уживал и бы чести быть напечатанны ми – «л учше бы л о бы таить их п ро себя и не поверят ь взы скат ел ьному свет у». Правд а. Правд а. Правд а.

Н о ведь Лермонт ов, хот я и писал очень пл охо, все же засл у-живал некот орого сочувст вия, по своей , правда, жалкой ст раст и к сгихопл етению. Г. Шевы рев совет ует Лермонт ову писат ь не так, как он писал прежде; вот закл ючение его статьи:

Поэты русской лиры! если вы сознаете в себе высокое призвание, прозревай те же от бога данным вам предчувствием в великое будущее России; передавай те «ам видения ваши и созидай те мир русской мечты из всего того, что есть светлого и прекрасного в небе и природе, святого, великого и благородного в душе человеческой !

Ну, теперь вздохнем свободнее: ист ория о некоем ст ихо-кропател е Лермонт ове, который напрасно печатал свои ст ихот ворения, кончил ась. А т яжел о нам бы л о присут ст ват ь при его ист язании, т яжел о бы л о видеть, как од но за другим обры вают чужие перья с этой нарядившей ся в павл иньи перья вороны , т о

есть с Лермонт ова. Видим, что строгий крит ик справедл ив; но по чел о-вечеству жал ь, по чел овечеству! Кончил ась ист ория!.. К ак бы не так! По рассеянност и – прокл ят ая рассеянност ь! – мы едва не

забы л и чрезвы чай но т онкого замечания о характ ере тал анта Л е р-монтова. «Нет ли в нем, – замечает ученый крит ик, – признаков того, чт о Жан- Пол ь в своей эстетике так прекрасно назвал 111

женственны м гением?» Эт о предпол ожение, впрочем, едва ли принадл ежит самому г. Шевы реву. Т ак мы думаем, основы ваясь на сл овах Пнгасова (в повести г. Тургенева: «Руд ин»): «Муж -чина может ошибат ься. Н о, знает е ли, какая разниц а между ошибкою нашего брат а и ошибкою женщины ? Не знаете? Вот какая: мужчина может , например, сказат ь, что дважды- два не четы ре, а пять или т ри с пол овиною, а женщина скажет , что дважды - два – ст ариновая свечка». Поэт ому мы думаем, что г. Шевы рев заимст вовал иногда свои крит ические замечания из разг оворов с дамами.

Мног о других замечател ьны х суждений о г. Каменском, г. Вел ьтмане, Кол ьцове (песни кот орог о дал еко хуже русских песен Дел ьвига), Барат ы нском (кот орог о губил о отсутствие мы сл и) 61, г. Пав\ ове (которы й выдвинул все ящики в бюро женского серд ца и кот орого г. Шевы рев долго предпочитал Гог ол ю),

Язы кове, г. Хом якове, г. Май кове и вообще почти о кажд ом из русских писателей могли бы мы привести из крит ических статей г. Шевы рева; но если, как он сам вы разил ся:

Чт о в море купаться, что Данта читатьб2, то хотеть исчерпат ь все замечател ьное в крит ических статьях ученого авт ора – все равно, чт о хотеть вы черпать море: труд решител ьно невозможны й ; пот ому мы не возьмемся за дело, стол ь необозрим о великое.

Мы зат руд нял ись и теперь зат руд няемся вы сказат ь наше мнение о г. Шевы реве как крит ике, но не можем не сказат ь, что чтение его статей д ол жно дост авит ь вы сокое насл аждение каждому, кто способен следить за смелыми полетами мысли гл убоко-мы сл енного крит ика. Неожид анност ь вы водов и замечаний превы шает в них самы е смел ые надежды . Впечатл ение, кот орое производ ят они, когда перечиты ваешь их под ряд , можно сравнит ь т ол ько с тем, как если бы смот рет ь картины нескол ько расшатавшей ся в пружинах народной нашей панорамы , то есть так назы ваемого в прост оречии «рай ка». Прил ожишь гл аз к стеклу – видна широкая река, на берегу ст оят пирамиды – «вид итал ьян-ского город а Неап ол я»,– поясняет народный наш чичероне: по-верт ы вает ся ручка – явл яют ся Тюил ьри, Лув р, вдали Notre Dame de Paris – «Морск ая викт ория при Гангут е, од ержанная Пет ром Вел иким над шведами», – поясняет народный чичероне; опят ь поверт ы вает ся ручка – явл яет ся храм св. Пет ра в Риме – «вот эт о сам ая и есть Моск в а зл ат огл авая», – поясняет чичероне и т. д., и т. д. Вы недоумеваете, но не можете от орват ься от панорамы с интересней шими пояснениями чичероне. А он ст оит , серьезно погл аживая бород у, и думает: «погоди, еще не такие штуки покажем».

Мы сказал и, что от казы ваемся вы ражат ь свое мнение о том, ошибочны или справедл ивы мнения г. Шевы рева, но видели, что 112

ученый автор не дол жен быть причисл яем к сл авянвфил ам.

Теперь, познакомив читателя с некот оры ми фактами его учено* критической деятел ьности, мы полагаем делом, не подл ежащим спору, что г. Шевы рев дол жен быть считаем, как мыслитель в высочай шей степени своеобразны й , гл авою особенной школы в нашей л итературе. Важней шими из второстепенны х писателей этой школы над обно считать М . Дмит риева, г. А. Ст урд зу, г. Н. Иванчина- Писарева, г. А . Ст удит ского 63. Первы х трех читатели, без сомнения, знают ; но необходимо им познакомит ься

с г. А. Студитским, кот орого они, вероят но, не знают и который был деятельней шим сподвижником г. Шевы рева в ст аром «М о-сквитянине». Ег о суждения также отл ичал ись диктаторским т оном; он, подобно г. Шевы реву, обо всем мыслил совершенно своеобразно и, о каком бы предмете ни заговорил , ни в чем не раздел ял мнений суемудрст вующего Запад а. Он показал ничтож* ность санскрит ского язы ка, опроверг Боппа и Гримма, не говоря уже о всех наших фил ол огах от г. Вост

окова до г. Бусл аева, и пол ожил новые основания фил ол огии; он опроверг Кепл ера и Ньют она – уст упкою с его ст ороны дол жно считать, что он принимал систему Коперника, и то, конечно, тол ько в уважение его сл авянского происхождения – и пол ожил новые основания аст рономии (понимай те все это буквал ьно, без малей шего пре-увел ичения); он опроверг всех фил ософов от Кант а до Гегел я и пол ожил новые основания психол огии, метафизики и проч.; опроверг Либиха, Кювье, Гумбол ьдта и Араг о и пол ожил новые основания физиол огии, геологии, метеорол огии, химии, – дей ствительно, пол ожил , потому что это был ум по преимуществу т вор-ческий , не ограничивавший ся крит икою, но занимавший ся и воссозданием разрушенного. Девиз его был, подобно девизу г. Ш е -вы рева, «De s truam et aedificabo» – «раззорю и созижд у». Дл я убеждения читателей в том, что мы ничего не преувеличиваем, приводим в вы носке небольшой от ры вок из его критики на гипотезу Гумбол ьдта об аэрол ит ах *. К акая смелость, оригинал ьность * «Главная мысль Гумбольдта состоит в том, что аэрол иты– обломки малых небесных тел. блуждающих в пространстве и случай но попадающих в пределы нашей атмосферы. С первого взгляда на эту мысль видно, что она обязана своим происхождением не ученому сознанию, а недостатку ученого сознания. – «В пространстве, где нет ничего, плавают малые тела» – не правда ли, это очень замысловато? – «Эти тела, заблудившись, попадаются в пределы земной атмосферы» – еще замысловатее, – «Самые эти тела не падают, а падают только их обломки» – еще замысловатее. – Вообще говоря, мы не находим, чтобы:

1) Были достаточные причины для построения такой гипотезы.

2) Было достаточное оправдание ее в наблюдениях.

3) Не было возможности объяснить ее иначе и гораздо проще.

Нет никакого сомнения, что неорганическая химия в нашем столетни сделала огромные успехи; но чтобы она решила все, что ей дол жно решить, в этом мы не поверим ни Деви, ни Берцелиусу, ни Гумбольдту» н т. д. («Москвитянин», 1846, № 3, стр. 206).

8 Н. Г. Чернышевский , т. III.

и твердость мысли! Все это мы говорим, жел ая показать, что у г. Шевы рева были достой ные сподвижники и что его надобно считать гл авою совершенно особенной школы, кот орая принадл е-жал а искл ючител ьно Москве, но мнения которой имели бол ьшое родст во с учениями пет ербургского журнал а «Маяк».

Посл е всех факт ов, приведенны х выше, естественно родиться недоумению: каким же образом г. Шевы рев, стол ь своеобразно мысливший и о Лермонт ове, и о писател ях, бы вших учениками Гогол я, – г. Шевы рев, отвергавший всякий грустный тон в лите-рат уре, советовавший писателям занимат ься искл ючител ьно возведением к ул ы бающемуся идеалу светлых ст орон жизни, – каким образом мог он сочувст вовать «Мерт вы м душам»? Каким образом он мог быть покл онником Гогол я и как он мог понимать его, – он, стол ь гл убоко понимавший содержание и стол ь занимавший ся жизненны ми вопросами в произведениях каждого из наших писателей ? А ведь существует у многих воспоминание, что г. Шевы рев был покл онником Гогол я и понимал его. Изучение статей его о Гогол е разрешит все недоумения.

Вот существенны е места из его статьи о «Миргород е». Мы оставил и в ст ороне тол ько кол онны , фронт исписы , архит равы , резцы и картинны е галлереи, но не опустил и ни одной фразы , относящей ся к делу. Правд а, от этого из довол ьно большой статьи вышло в нашей выписке менее одной страницы , но, повторяем, остал ьны е страницы разбора напол нены архит равами.

Авт ор Вечеров Диканьки имеет от природы чудный дар схватывать бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее в неизъясняемую поэзию смеха. В этом даре его мы видим зародыш истинного комического таланта.

Но желательно бы было, чтоб он обратил свой наблюдательный взор и меткую кисть на общество, нас окружающее. Д о сих пор, за этим смехом он водил нас или в Миргород, или в лавку жестяных дел мастера Шиллера, или в сумасшедший дом. Мы охотно за ним следовали всюду, потому что везде и над всем приятно посмеяться.

Но столица уже довольно смеялась над про -винциею и деревенщиной , хотя иикто так не смешил ими, как автор «Миргорода»: высший и образованный класс общества всегда смеется над ннзигим: потому и немудрено рассмешить и жестяных дел мастером. Но как бы хотелось, чтобы автор, который , кажется каким- то магнитом притягивает к себе все смешное, рассмешил нас нам-и же самими, чтобы он открыл эту бессмыслицу в нашей собственной жизни, в кругу так называемом образованном, в нашей гостиной , среди модных фраков и галстухов, под модными головными уборами. Вот что ожидает его кисти! Как ни рисуй те нам верно провинцию, все она покажется карикатурой , потому что она не в наших нравах. Я уверен, что Иван Иванович и Иван Никифорович существовали. Так они живо написаны. Но общество наше не может поверить в их существование. Дл я него это или прошлое столетие, или смешная мечта автора. Конечно, автор начал свой дебют в комическом с того, что ярче нарезалось в его памяти с своих малороссий ских преданий ; но дол жно надеяться, что он соберет нам впечатления из той общественной жизни, в которой живет теперь, и разовьет блистательно свой комический талант в том высшем кругу, который есть средоточие русской образованности («Московский наблюдатель», т. I).

К ажет ся, в «Ст аросвет ских помещиках», в «Тарасе Бул ьбе», в «Повест и о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»

бсть нечто, кроме смешного и весел ого; кажет ся, что кажд ая из этих повестей , в своем целом, производит впечатление нимал о не водевильное: «Т арас Бул ьба» — чисто трагическое, остальные — гл убоко грустное. Ученый критик нимал о не заметил этого. Гогол ь в «Миргород е» — беззаботный весел ьчак, который для столичных светских людей рисует преуморител ьные карикат уры провинции, не имеющей понят ия о модных галстухах. Очень удовл етворител ь-ное понятие. Еще лучше мнение, что лица, изображенны е Гог о-лем, едва ли существуют в дей ствительности. Он о хорошо и тем, что крит ик откровенно вы сказы вает, чт о вовсе не знает провинциальной жизни. Н о всего лучше совет — перестать писать о провинции и описы вать высшее светское общество: этот совет восхитителен. Вот , если бы Гогол ь посл ушал ся — нечего сказатй , одол жил бы нас, людей в модных гал стухах! С т ою же меткостью, кот орая помогла критику откры ть у Лермонт ова заимст во-вания из Марл инского и Бенедиктова, он замечает, что Гогол ь — подражател ь Тика и Гофмана:

Нел ьзя не заметить, что в новых повестях, которые мы читаем в «Арабесках», этот юмор малороссий ский не устоял против западных искушений и покорился в своих фантастических созданиях влиянию Гофмана и Тика.

И мне это досадно. Ужели ничто оригинально русское не может устоять против немецкого? Может быть, это есть влияние Петербурга на автора.

Д а ведь нужно было бы спросит ь, слыхивал ли Гогол ь в 1835 году о Гофмане и Тике? О Гофмане — без сомнения, потому что в «Невском проспекте» сапожник, помогавший своему приятелю Шил л еру в совершении неучтивого поступка над пору-

чиком Пироговы м, назы вает ся Гофманом; и писатель Гофман был тогда уже нескол ько известен русской публике. Н о каким бы образом Гогол ь мог подчиниться вл иянию Тика, кот орого едва ли хоть сколько- нибудь знал ? Считаем ненужным замечать, что с Гофманом у Гогол я нет ни малей шего сходст ва: один сам придумывает, самостоятел ьно изобрет ает фантастические похождения из чисто немецкой жизни, другой буквал ьно пересказы вает мало -русские предания («Вий ») или общеизвестны е анекдоты («Н ос»): какое же тут сходст во? Уж после этого «Песня о Кал ашникове» не есть ли подражание «Гецу фон Берл ихингену»? ведь у Гете т оже изображено владычество «кул ачного права», Faustrecht.

С Тиком, этим праздны м фант азером, у Гогол я еще меньше сходства. Н о довол ьно дл я г. Шевы рева загл авия «фант аст и-ческая повесть» — и Лело решено, подражание откры то. Уд и-вительно! 64

Замет им еще, что критик и у Гогол я, как у Пушкина, гл авною чертою всех произведений нашел эскизност ь. Видите ли, слог Гогол я нехорош, как и сл едовал о ожидат ь: «Виною этому, кажется, скоропись, кот орою увл екается повествователь. Он сл иш-ком эскизует свои прекрасны е созд ания. Д аже самый «Т арас 8* 115

Бул ьба» от зы вает ся скорост ью эскиза». – «Мирг ород », как мы видели, собрание водевил ьны х повестей ; но проницательный критик заметил в нем один эпизод грустный – тол ько один небол ь-шой эпизод, – именно в «Ст аросвет ских помещиках)/ – теплое, ст раст ное размы шл ение о сил е привы чки (в новом издании ст р. 35– 36). Эт от эпизод принадл ежит к числ у самы х л учших, самы х гл убоко прочувст вованны х ст раниц, когда- л ибо написан* ных Гогол ем; г. Шевы рев ужасно им недовол ен и хочет вы черкнуть его, как советовал Лерм онт ову «скры ват ь от взы скател ь-ного света» свои ст ихот ворения: «Мне не нравит ся тут (в «Ст а-росвет ских] помещ[иках]») одна тол ько мысль – убий ственная мысль о привы чке, кот орая как будто разрушает нравственное впечатление целой картины . Я бы вы марал эти ст роки». Прекрасно! «Разруш ает впечатл ение целой карт ины ». А в этих ст роках и вы сказан существенный мотив всего рассказа.

От «Мирг ород а» перей дем прямо к «Мерт вы м душам», минуя «Рев изора»: мнение г. Шевы рева об этой комедии увидим после. Крит ическая статья о «Мерт вы х душах» помещена г. Шевы ревы м в V II и V III книжках «Москвит янина» за 1842 год.

В разборе «Мирг ород а» г. Шевы рев не делает ни малей шего намека на то, что можно считат ь Гогол я великим писателем; он кажет ся ему не более, как хорошим бел л етристом шутл ивого ха-ракт ера. Мы видели, что за «Мирг ород » и «Арабески» некоторый другой крит ик уже назвал Гогол я гл авою русских писателей , преемником Пушкина. Г. Шевы рев не тол ько не видит, но и не предчувствует эт ого: дл я него многие из тогдашних, ныне пол узабы ты х, бел л етристов прод ол жают стоять выше Гогол я,

В «Т арасе Бул ьбе», «Невском проспекте», «Ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем », как мы видели, г. Шевы рев находил еще тол ько «зарод ы ш т ал ант а». Возвы сил ся ли Гогол ь в гл азах его изданием «Рев изора», увидим после, но еще в «Моск -вит янине» 1841 года мы могли бы най ти доказат ел ьства, что г. Шевы рев прод ол жал ставит ь Гогол я ниже некот оры х из вт оро-степенных тогдашних писателей . Н о «Мерт вы е души» он уже разбирает как вы сокохудожест венное произведение; о значении Гогол я в русской л итературе он говорит , правда, очень укл он-чиво, о значении его для развит ия общест ва, о смысле «Мерт вы х душ» не говорит ровно ничего, но все- таки осмел ивается отчасти обнаруживат ь, что ставит Гогол я очень вы соко, хот я не дерзает!

решител ьно поставить на ряд у с Жуковским или Пушкины м и вообще смот рит на него еще свы сока, не ост авл яя его благими поучениями. Все- таки похвал ьно уж и то, что он считает «Мертвы е души» вы соким художественны м произведением. Разбор написан с точки зрения искл ючител ьно художественной . Мы сл ь, руковод ящая крит иком, та, что в художественном произведении все развит ие пл ана и все под робност и необходимо вытекают из общей идеи созд ания. Правд а, как ни вы соки художественны е до-116

стоинства «Мерт вы х душ», но видеть в Гогол е тол ько художественные достоинства значит вовсе не понимать Гогол я; но не будем подражат ь «взы скател ьному свет у», будем рады и тому, что хотя художественная ст орона, есл и не содержание «Мерт вы х душ», кажется ученому критику достой ною похвалы . И прежде всего нам очень прият но заметить сл едующее справедл ивое объ -яснение закона прогрессивное! и, по кот орому распол ожены различные главы «Мерт вы х душ»:

Взгляните на расстановку характеров: даром ли они выведены в такой перспективе? Сначала вы смеетесь над Маниловым, смеетесь над Коробочкою, несколько серьезнее взглянете ка Ноздрева и Собакевича; но, увидев Плюшкина. вы уже вовсе заду маетесь: вам будет грустно при виде этой развалины человека.

А герой поэмы? Много смешит он вас, отважно двигая вперед свой странный замысел и заводя всю эту кутерьму между помещиками и в городе; но когда вы прочли всю историю его жизни и воспитания, когда поэт разобл а-чил перед вами всю внутренность человека, не правда ли, что вы глубоко задумались?

Наконец представим себе весь город N, Здесь, кажется, уж донельзя разыгрался комический юмор поэта, как- будто к ковцу тома сосредоточив все свои силы... Но и тут даже, где смешное достигло своих край них пределов, где автор, увлеченный своим юмором, отрешил местами фантазию от существенной жизни и нарушил тем ее характер, – и здесь смех при конце сменяется задумчивостью, когда, среди этой

праздной суматохи, внезапно умирает прокурор, и всю тревогу заключают похороны. Невольно припоминаются слова автора о том, как в жизни веселое мигом обращается в печаль -вое.

Чт обы выставить на первый план все хорошее в статье г. Ш е -вырева о «Мерт вы х душах», приведем здесь и замечания его о том, что в двух или трех местах авт ор едва ли не нарушает ст ро-гой объективности своих лиц, заст авл яя их говорит ь вещи, кот о-рые удобнее мог бы сказат ь прям о от себя:

Комический демон шутки иногда увлекает до того фантазию поэта, что характеры иногда выходят из границ своей истины; правда, что это бывает очень редко. Так, например, неестественно нам кажется, чтобы Собакевич, человек положительный и солидный , стал выхваливать свои мертвые души и пустился в такую фантазию. Даже самое' красноречие, этот дар слова, который он внезапно по какому- то особенному наитию обнаружил в своем панегирике каретнику Михееву, плотнику Пробке и другим мертвым душам, кажутся противны его обыкновенному слову, которое кратко и все рубит топором, как его самого обрубила природа. Авт ор сам это чувствовал и оговорился словами: «откуда взялись рысь и дар слова в Собакевиче». — Т о же самое можно заметить о Чичикове: прекрасны его думы о мертвых душах, им купленных, но напрасно приписаны они самому Чичикову, которому, как человеку положительному, едва ли могли бы прий ти в голову такие чудные поэтические были о Степане Пробке, о Максиме Телятникове — сапожнике, и особенно о грамотее Попове беспашпортном, да об Фы ров« Абакуме, гуляющем с бурлаками. Мы не понимаем, почему все эти размышления поэт не предложил от себя. Неестественно также нам показалось, чтобы Чичиков уж до того напился пьян, что Селнфану велел сделать всем мертвым душам поголовную перекличку. Чичиков человек солидный и едва ли напьется до того, чтобы впасть в подобное мечтание.

117

Выть может, этим не нарушает ся объективность характ ера ни Чичикова, который л юбил пофант азироват ь в чувствительном роде, как все положител ьные и плутоватые л юди, и который , дей -ствительно, во многих местах поэмы фант азирует (например, при встрече на дороге с губернат орскою д очкою), ни Собакевича, который не л юбит говорит ь попусту, а для своих выгод не поскупится на сл ова — удивительно, в самом деле, как самые хол од-ные, дубовые люди оживл яют ся и дел аются красноречивы при прод аже и покупке, —] однако же, справедл иво или несправедл иво замечание г. Шевы рева об этих сл учаях, все - таки оно не закл ю-чает в себе ничего нелепого, скорее даже может быть названо ост роумны м; но, к сожал ению, тол ько и может быть най дено хорошего в его статьях. Вообщ е г оворя, критик сл ишком далеко заходит, жел ая решител ьно о каждой мелочи доказат ь, что она решительно необходима именно на том самом месте, где помещена Гогол ем: он совершенно упускает из виду, что, вы ражаясь ученым образом , «необходимост ь обл екается в искусстве форм ою случай -ност и», то есть, например, Чичиков мог бы встретить на дороге к Манил ову не одного, а двух или трех мужиков, деревня Мани -л ова могла бы л ежать нал ево, а не направо от большой дороги, Собакевич мог бы назват ь единственным порядочны м человеком в городе не п рокурора, а председател я гражданской палаты или вице- губернатора, и так далее, и художественное достоинство «Мерт вы х душ» нимал о не пот ерял о бы и не вы играл о бы от этого. А г. Шевы реву кажет ся, что все это решител ьно так же сущест венно неизменяемо, так же вытекает из идеи «Мертвы х душ», как, например, характ ер Чичикова или общ ая физиономия губернского г ород а N, где происходит дей ствие поэмы. Ог рани-

чимся одним примером: изл агая главу о К оробочке, критик говорит:

Вся птица, как заметно, уж так приучена заботливою хозяй кою, составляет с нею как будто одно семей ство и близко подходит к окнам ее дома: вот отчего у Коробочки только могла произой ти не совсем учтивая встреча между индей ским петухом и Чичиковым... Вы заметили, что мужики К оро-бочки отличаются от других помещичьих мужиков все какими- то необыкновенными прозвищами: знаете ли, почему это) Коробочка себе на уме: уж у ней что ее, то крепко ее, н мужики так же помечены особыми именами, как птица помечается у аккуратных хозяев, чтобы не сбежала. Вот почему так трудно было Чичикову уладить с нею дело: она хоть и любит продать и продает всякий продукт хозяй ственный , но зато и на мертвые души смотрит так же, как на свиное сало, на пеньку или на мед, полагая, что н они в хозяй стве могут спонадобнться.

Ужел и К оробочка не продает мертвых душ по расчетл ивости? напрот ив, прост о по гл упости: тупоумная ст аруха никак не может понят ь предложений Чичикова. И почему у нее именно крестьяне имеют длинные прозвища? Почему не имеют этих прозвищ крестьяне Собакевича, который занимает ся хозяй ством лучше К оро-бочки? Прост о, Гогол ю нужно было дать чьим- нибудь крест ья-н е

нам длинные прозвища, какие вст речают ся в иных окол от ках; а •лих именно крест ьян окрестить длинными именами, бы л о решительно все равно. И почему индюк мог закудахт ат ь тол ько под окном у К оробочки, а не у Собакевича или Нозд рева, или не под окном городской гостиницы ? Крит ик думает, что тол ько К оробочка, кормившая птицу из своих рук, могла приучить птицу бродить под окнами; но ведь домовитые хозяй ки бросают корм птице, не сидя под окном, а с кры льца. И з окна, чувствительно и романически, могли скорее кормит ь птицу Манил овы . Сору и крошек из

Одним сл овом, той необходимост и, кот орую видит критик, нет в незначительных мелочах «Мерт вы х душ», как и вообще не бывает в художественных произведениях. Об этом под робно и основательно говорит ся, например, в эстетике Гегеля (чтобы и нам бл ес-нуть ученост ью). Н о критик механически, а не по внушению собственного вкуса, развивая заимст вованную и не вполне понят ую мысль о необходимости выводить подробност и художественного произведения из его идеи, под робно излагает все содержание «Мертвы х душ», при каждой фразе без всякого разбора п о-вт оряя: «так! иначе и не мог л о бьггь!» Эт о изл ожение занимает бол ьшую пол овину его критики. Част ью держит ся он в нем сл ов самого Гогол я и тут, конечно, рисует характ еры и собы т ия без особенны х промахов: но иногда допол няет сл ова авт ора собст венными соображениями, и тут- то над обно подивиться своеобразности его взгл яда! Приведем один пример — понятие крит ика о главном дей ствующем лице, Чичикове:

Из всех приобретателей Чичиков отличался необыкновенным поэтическим даром в вымысле средства к приобретению, не правда ли, что в этом замысле (покупать мертвые души) есть какая- то гениальная бой кость, какая- то удаль плутовства, фантазия и ирония, соединенные вместе 1 Чичиков, в самом деле, герой между мошенниками, поэт своего дела: посмотрите, затевая свой подвиг, какою мыслью он увлекается: «А главное то хорошо, что предмет - то покажется всем невероятным — никто не поверит». Он веселится своему необычай ному изобретению, радуется будущему изумлению мира, который до него не мог выдумать такого дела, и почти ие заботится о последствиях, в порыве своей предприимчивости. Самопожертвование мошенничества доведено в нем до край ней степени: он закален в него, как Ахилл в свое бессмертие.

Изумител ьно! Д а ведь, кажет ся, ясно, что Чичиков восхищается необы кновенностью задуманного плутовства потому, что легко будет его испол нить: никто не догадается, не поверит. Он восхищен тем, что вперед уверен в. удаче. Чичиков— Ахил л сам о-пожерт вования! изумител ьно!

Но, конечно, не изумит читателей , что в разборе «Мерт вы х душ» Ит ал ия не сходит со сцены. Говорит ли критик о Пл юшки-не, он объясняет : «Пл юшкин так живо видится нам, как будто бы мы его припоминаем на картине Ал ьберт а Д юрера 65 в гал -119

л ерее Д орн а»; описы вает ли Гогол ь сероваты ми красками русскую д орогу — эт о от т ого, видите ли, чт о «пы шная Ит ал ия дивами своего искусст ва и природ ы затмил а все, чт о и могло бы на од нообразной дороге русской сказат ься сердцу поэт а»; сл учится ли Гогол ю поэтически очерчиват ь разл ичие русского язы ка от немецкого, англий ского, франц узског о,— опять- таки «замечат ел ьно, что поэт в числ е язы ков не отметил резким каранд ашом своим ит ал ьянского сл ова, хот я, конечно, имел все данные перед собою, чтобы судить о нем: это не пот ому ли, что русский народ в мет-кост и и живучест и сл ова сход ят ся с художником- итал ьянцем так, как и во многом другом, несмот ря на т о, что ж ар и м ороз разд е-лили оба народ а?»

Вы скажет е: да каким же образом и зачем тут Ит ал ия? а я скажу: да разве м ожно объ яснит ь, почему припоминаешь то или другое? Иногд а эт о бывает и совершенно без причины . Нап ри -мер, осудит е ли вы меня, есл и мне совершенно некстати припоминают ся сл ова Гогол я о начал ьнике Чичикова: «Начал ьник был т акого род а человек, кот орог о хот я и водил и за нос (впрочем, без его вед ома), но зат о уже, есл и в гол ову ему запад ал а какая-нибудь мысль, то она бы

л а там все равно, что железный гвоздь:

ничем нел ьзя бы л о ее оттуда вы теребить» («Мерт вы е души»,

3 изд., ст р. 445). Осуд ит е ли вы меня, если мне вздумается даже заменит ь тут сл ова: «кот орог о водил и за нос», сл овами: «который под носом у себя ничего не видел ?» – ведь это моя фант азия, а в фант азиях всякий волен.

Все эт о, как мы сказал и, не покажет ся читател ю удивител ьно; но удивител ьно покажет ся то, что на «Мерт вы х душах», по мнению крит ика, ярко от разил ись итал ьянские краски, что талант Гогол я воспит ан не русскою жизнью, а ит ал ьянскою природ ою и карт инами Рафаэл я, не беседою с русскими л юдьми, а обращением с итал ьянскими живописцами. Читай те и убеждай тесь:

Тол ько близорукий не заметит, что небо Итал ии, прозрачный ее воздух, ясность каждого оттенка и каждого очерка в предмете, картинные галлереи, мастерские художников и частое обращение с ними, наконец, поэзия Италии воспитали в Гоголе фантазию тою ст ороною, которою обращена она ко всему внешнему миру, и дали ей такое живописное направление, такую полноту и оконченность. – Говоря об этом, нельзя не обратить внимания на симпатию Гогол я к Италии, на душевное влечение его к стране изящного. Откуда объяснить это? Из того только, что он истинный художник, что искусство – его призвание. Есл и так, то какая же другая сфера могла удовлетворить ему, кроме Италии, и в самой Италии какой город мог он избрать, если не Рим, где минувшее величие, природа и искусство сочетались в одно и образовал и для всякого современного художника чудный приют, волшебное окружение? – Яркий отпечаток природы, живописи, поэзии изящного полудня Европы лежит на колорите «Мертвы х душ» и на всем, что составляет внешнюю сторону изображаемого в них мира. Содержание, разумеется, дано Россиею, и поэт всегда ему верен; но ясновидение и сила фантазии, с какими воссоздает он Далекий мир отчизны, воспитаны в Гоголе итальянским окружением. В одном месте видно даже, что Итал ия невольно бросил а несколько жарких красок sa самое содержание картины, а именно в описании сада Плюшкина, где

лены* облака я трепетолистные куполы деревьев, л ежащих на небесном горизонте, напоминают ландшафты юга. Говоря об этой полуденной стихии в поэме Г о гол я , как аабыть чудные сравнения, встречающиеся нередко а «Мертвых душах»! Их полную художественную красоту может постигнуть только тот, кто научал сравнения Гомера и итальянских эпнков, Ариост а я особенно Данта.

Тут следует очень под робное пояснение последней мысли, – именно, что сравнения у Гогол я заимст вованы у Гомера, Ариост а и Дант а. Эт а счаст л ивая мысль крит ика был а в свое время по достоинству превознесена петербургскими журнал ами, потому оставляем ее без объяснений ; да и вообще объ яснения на статьи г. Шевы рева писать г оразд о труднее, нежели комментарии на самого Дант а. Читаем далее:

Все, к чему ни прикасается волшебная кисть Гогол я, все живет в его ярком слове, н каждый предмет сквозит из него и выдается своим видом и цветом. И это свой ство своей фантазии русский поэт мог возвести на такую степень искусства только там, где творил Дант, где Ариост дружился с Рафаэлем и в его мастерской , созерцая бессмертную кисть, переносил живые ее краски в итальянское жаркое слово. Кто не понимает сочувствия Гоголя к Италии, тот не пой мет и всей красоты в пластическом внешнем элементе его фантазии. Мы объяснили внешнюю сторону ясновидящей фантазии поэта, показали ее воспитание (т. е. в Итал ии) и отношение к стороне внутренней ; перей дем теперь к сей последней . Под именем ее мы разумеем ясное созерцание всего внутреннего человека в различных его видах. В этом отношении Гоголь является достой ным учеником поэзии севера, и особенно Шекспира и Вальтера Скотта.

Пол ожим, что Гогол ь был ученик Шекспира, хот я в том смы с-ле, в каком и Лермонт ов, и г. Григ орович, и г. Гончаров, и г. Т у р-генев, и все хорошие писатели, наст оящие и будущие – ученики

этого великого человека: ведь особенного вл ияния Шекспира на Гогол я не заметно; пол ожим, что он ученик и Вал ьтера Скот т а, хот я он вовсе не был учеником его; но что ж из т ого? Как что1 разве вы не предчувствуете:

Закл ючим же: учители юга и севера, Италия и Шекспир, положили печать свою на

внешней и внутренней стороне фантазии поэта в отношении к ясновидению жизни. Такое сочетание двух элементов, заметное у нас и в других поэтах, особенно же в Пушкине, обещает в будущем для русской фантазии и для русского искусства развитие многостороннее и совершенно полное. О, если бы мы могли совместить в себе внешний юг с внутренним севером, изящную пластику и форму первого и глубокую идею второго, мы достигли бы идеала в искусстве. Приятно мечтать о том и еще приятнее видеть, что наша мечта начала осуществляться.

А ! вот к чему шл о дело! т. е. вот к чему: Дант писатель великим, но односторонний : у него мысль подавлена форм ою; Шек -спир тоже великий писатель, но опят ь односторонний : у него мысль подавил а форму. Иначе и быть не могл о: ведь Зап ад погрязает в од ност оронност ях. А вот у нас так будут, а отчасти уж и есть писатели пол учше ваших Шекспиров. Согл ашаемся, согл а-шаемся: ведь мы уже увидели себя вне возможност и возражат ь 121

ученому критику. Н о если «Мерт вы е души» внушают вам столь вы сокое ожидание и отчасти уже оправды вают его, то, по край ней мере, хорошая ли вещь эти «Мерт вы е души»? Мы хотим слышать о них от вас не комплименты и художественны е фразы ,– нет, нам нужен прямой ответ: правда или взд орная фант азия «Мерт вы е души», пустая выдумка празд ного воображения или картина дей -ствител ьного бы та? и, во всяком сл учае, хороша ли основная идея этого созд ания? – Увы ! по мнению г. Шевы рева: «нет !» Он говорит , что общест во, кот орое изображено в «Мертвы х душах», не

существует, не может сущест вовать ь на самом деле: созд авая город N. (куда явл яется Чичиков), «фант азия поэта разы грал ась ввол ю и почти отрешил ась от существенной жизни» (№ V II, ст р. 220). Эт а фраза повт оряет ся нескол ько раз. Н о «Лород N. придуман сообразно характ еру героя», стал о быть, и Чичиков лицо бол ее фантастическое, нежел и дей ствительное. – А каковы характеры других лиц? И хотя фантастическим образом , но удо-вл етворительно ли изображена жизнь общест ва, кот орое состоит из этих л иц? Нет , нет! и характ еры изображены неудовл етворительно, и жизнь также: всюду у Гогол я одност оронност ь:

Велик талант Гоголя в создании характеров; но мы искренно выскажем н тот недостаток, который замечаем в отношении к полноте их изображения нлн произведения в дей ствие. Комический юмор, под условием коего поэт созерцает все эти лица, и комизм самого события, куда они замешаны, препятствуют тому, чтобы они предстали всеми своими сторонами и раскрыли всю полноту жизни в своих дей ствиях. Мы догадываемся, что, кроме свой ств, в них теперь видимых, должны быть еще другие, добрые черты, которые раскрылись бы при иных обстоятельствах: так. например, Манилов, при всей своей пустой мечтательности, должен быть весьма добрым человеком, милостивым и кротким господином с своими людьми и честным в житей ском отношении; Коробочка, с виду крохоборка, погружена в одни материальные интересы своего хозяй ства, но она непременно будет набожна и милостива к нищим и т. д...

То, что сказали мы о характерах, должно повторить н о щэссоздании всей русской жизни в поэме Гогол я... И здесь будет та же самая оговорка со стороны нашей , что комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме. Это особенно ясно в тех ярких заметках о русском быте и русском человеке, которыми усеяна поэма. По большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, полобхвага, а не весь обхват русского мира.

Ит ак, характ еры и жизнь у Гогол я одност оронни, неверны, фантастичны . Тут уж не помогут художественны е совершенства плана и подробностей : ведь форм а без сод ержания ничтожна, форм а с фал ьшивым содержанием фал ьшива; следовательно, все похвал ы ей также обращ ают ся в ничтожест во и фал ьшь. Сравним эту посл еднюю и единственную существенную выписку – потому что она одна касает ся сущности дела, все предыдущие толкуют еще об архит равах и кол оннах, о резцах и картинны х галлереях – сравним ее с рецензиями Н. А . Пол евого: ведь она вся целиком как будт о взят а из них; .но Полевой имел твердость вы сказать 122

свое мнение [не обсахаривая его конфектны ми комплиментами] и, так как сод ержание «Мерт вы х душ» ему казал ось неправдою, имел прямот у сказат ь, что «Мерт вы е души» – произведение фал ьшивое. Почему же г. Шевы рев, в сущност и думая об и зобра-жении характ еров и жизни в «Мерт вы х душах» то же самое, что Н. А. Полевой , осыпает, однако же, похвал ами это произведение?

Причин много: из них первую объ ясняет сам же г. Шевы рев на первой же странице своей крит ики: видите ли, лишь тол ько явились «Мертвы е души», как тот час же

Из тесных рядов толкучего рынка литературы (мы знаем уже, что это прозвище дано был о петербургским журнал ам) выскочило наглое самохвальство в виде крикливого пигмея, с медным лбом и размашистою рукою (то есть выскочил рыцарь без имени, на щите которого кривыми буквами написан был девиз: «убеждение»); обрадовавшись случаю из- за похвалы Гоголю похвалить самого себя, оно, ставши перед произведением, пялит на нем свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потом показать вам и уверить вас, что точно оно вам его показал о, а без того вам бы его и не увидеть.

Вот это- то хвастл ивое невежество так громко кричал о о вы -соком значении «Мерт вы х душ», что, под опасением просл ы ть отсталым человеком, нел ьзя бы л о не сл ужить эхом хвастл ивому писателю. Д руг ая причина: Гогол ь сам незадол го перед изд а-нием «Мерт вы х душ» объ яснил значение своих произведений , в пьесе «Разъ езд »; третья причина: гол ос публики в пол ьзу Гогол я стал сл ишком громок; четвертая причина — надежды на исправление Гогол я, поданны е некот оры ми местами первого тома «Мерт вы х душ», где авт ор обещает ся представить добродет ел ь-ного русского человека и добродетел ьную русскую девицу, перед которы ми плохи покажут ся все добродетел ьны е люди всех других ст ран — «нагл ое невежество ры ц аря без имени» предвидело в этих обещаниях сил ьную опасност ь для тал анта Гогол я; а г. Ш е -вырев получил надежду, что за легкомысленным и пустым первым томом «Мерт вы х душ» посл едуют произведения бол ее уд о-влетворительные и серьезны е, и решил ся ради этих сл едующих благих дел похвал ить и начал о их: во второй части Гогол ь искупит одност ороннost ь первого тома, докажет , что талант его не-одност оронен:

Да не подумают читатели, чтоб мы признавали талант Гогол я односторонним, способным созерцать только отрицательную половину человеческой и русской души. О, конечно,, мы так не думаем. Если в первом томе его поэмы мы видим русскую жизнь и русского человека по большей - части отрицательною их стороною, то отсюда никак] не следует, чтобы фантазия Гоголя не могла вознестись до полного объема всех сторон русской жизни.

Он сам обещает нам далее представить «все несметное богатство русского духа», и мы уверены заранее, что он сл авно сдержит свое слово. К тому же и в этой части он чувствовал необходимость восполнить недостаток другой половины жизни, и потому в частых отступлениях, в ярких заметках, брошенных эпизодически, дал нам предчувствовать и другую сторону русской жизни, которую со временем раскроет во всей полноте ее.

Рад и этих немногих отступлений и преимущественно ради этого бл агого обещания, п рощ ают ся пуст ота и легкомыслие первого тома. — К ак, разве первый т ом «Мерт вы х душ» не тол ько одно-ст ороннее и фал ьшивое, но и пустое, л егкомысл енное произведение? — А вы думал и, нет? Вот вам доказат ел ьст во:

Взгляните на вихорь: в начале бури легко и низко проносится он сперва; взметает пыль и всякую дрянь с земли; перья, листья, лоскутки летят вверх и вьются, — и скоро весь воздух наполняется его своенравным кружением. Легок и незначителен кажется он сначал а; но в этом вихре скрываются слезы природы и страшная буря. Таков точно и комический юмор Гоголя. Но вот налетели тучи. Сверкнула молния. Гром раскатил ся по небу. Дождь хлынул потоками. Земл я и небо смешались вместе. Не такова ли будет вторая часть его поэмы, в которой обещает он нам л ирическое течение, горизонт раздающий ся н величавый гром других речей ?

К ажет ся, ясно, что первая част ь «Мерт вы х душ», где нет «л и-рического течения» — вихорь, который «легок и незначител ен», который сам по себе ничт ожен и будет засл уживат ь некот орого внимания т ол ько тогда, когд а «разд аст ся гром других речей », иначе сказат ь, пустота прощает ся первой части «Мерт вы х душ» тол ько с усл овием и тол ько в надежде, что вт орая часть не будет нимал о походить на первую.

«Прощ ает ся», сказал и мы, первый том Гогол ю рад и сл едую-щих... да, именно прощает ся, пот ому что он был дей ствительно преступл ением со ст ороны Гог ол я. Вам угодно доказат ел ьст во?

Он о в статье г. Шевы рева, написанной по поводу «Переписки с д рузьями». Цел ь

этой статьи – опровергнут ь упреки, со всех сторон разд авшиеся прот ив этой книги. Нам нет нужды говорить, как г. Шевы рев оправды вает Гогол я. Бол ее ст ранного оправдания никто никогда не читывал: все главней шие упреки повторяет он от

своего л ица и думает, что говорит похвал ы Гогол ю. А если вникнуть в сущност ь статьи, т о оказы вает ся, что дело в ней идет вовсе не о Гогол е, а собст венно о самом г. Шевы реве. Не обращ ая никакого внимания на истинный смы сл сл ов «Переписки», он ст а-рает ся тол ько доказат ь ею справедл ивост ь разл ичны х своих теорий , хот я и эт ого не достигает , потому что, каковы бы ни были мнения, запут авшие мысль Гог ол я в эпоху «Переписки с д рузья-ми», но, во всяком сл учае, они сущест венно разл ичны от мнений г. Шевы рева. Ведь очень сходны е сл ова имеют разл ичное значение, если произносят ся по разл ичны м побуждениям, если п роиз-носят ся л юдьми разл ичны х нат ур. «Я недовол ен прежнею своею жизнью | >, говорит Фауст . «И я недовол ен прежнею твоею жизнью» 66, говорит ему Вагнер. Согл асит есь, что Фауст говорит вовсе не о том, о чем говорит Вагнер. Од ин недовол ен собою потому, что не ст ол ько пол ьзы принес л юдям, скол ько хотел бы; другой недовол ен потому, что Фау ст думал прежде о таком взд оре, как грубая жизнь гл упого – то есть неученого – народ а. Но какое нам дело до Фауст а и Ваг нера? Мы хотели сказат ь, что нас 124

интересует не т о, что говорил г. Шевы рев о «Переписке с д рузья-ми», а те от кровенности насчет его мнений о прежних сочинениях Гогол я, на кот оры е дает ему от вагу «Переписка с д рузьями».

В разборе «Мерт вы х душ» правда засы пана комплиментами; в статье по поводу «Переписки» она вы сказана без обиняков. Там г. Шевы рев имел перед гл азами «нагл ое невежество», кот орому прот иворечит ь ст рашно, гол осу кот орого подчиняют ся иногда мнения самы х ученых людей ; здесь он был безопасен под щитом, на кот ором, – кривы ми или прямы ми буквами – не знаем, бы л о написано: «ведь сам Гогол ь осужд ает свои прежние сочинения». Посмот рим же, как он говорил в это счастл ивое для откровенност и

время. Вы писка длинна, но очень инт ересна и дол жна иметь для читателя ту прелесть, что она посл едняя выписка наша из статей г. Шевы рева. – Гогол ь дурно делал, что писал сочинения, под об-ные «Ревизору» и «Мерт вы м душам», говорит г. Шевы рев, и нельзя не считать их важны ми прост упками с его ст ороны :

Виноват ты, художник. Будь уверен, что мы сумеем оправдать тебя сами в твоем комизме и в твоем хохоте, насколько ты достоин и засл ужи-ваешь оправдания, насколько ты сам остаешься неволен в своем смехе и насколько в нем виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознай ся в том, что ты часто находил самоуслаждение в этом хохоте, через меру заливался своим смехом, в чем мы тебя и прежде попрекали, слишком тешился своим даром смешить других и забывал иногда о тех глубоких слезах, которые тяготели у тебя на душе, и забвение которых отнимало у твоего смеха глубину и силу, и отзывался он тогда чем- то пустым и даже приторным. Отчего же, чуя в себе другую, высшую сторону русского человека, не давал ты ей прост ора в широких пределах твоей фантазии? Отчего изменял другой , лучшей половине своей мысли? Мы не обвинили бы тебя, если бы ты сам не обвинил себя в этом своими же словами, которые невольно сорвал ись с пера твоего, как бы в собственное твое обличение: «мне хотел ось попробовать, говоришь ты, чтб скажет вообще русский человек, если его попотчуешь его же собственною пошлостью». В искусстве никогда не должно хотеться пробовать: искусство должно быть свободно от всяких преднамерений личности. Стало, ты не всегда смеялся свободно и искренно, по призыву вдохновения? И чем же захотелось тебе попотчевать русского человека? его же пошлостью! Хорошо потчеванье, хорошо гостеприимство художника! Дл я того, чтобы лучше это выполнить, ты стал свою собственную дрянь, как говоришь, наваливать на героев своих. Дл я тебя хорошо, если ты таким способом очистил душу свою, но хорошо ли для искусства, которое через твою дрянь могло впасть в односторонность, особливо лишенное комического дара, принадлежащего лицу твоему?..

Но продолжать ли нам свои обвинения? Художник наказан двояко за злоупотребление своего дара в одну сторону и за свои увлечения. Есл и от высокого до смешного один шаг, то, наоборот , от смешного до высокого нет пути: между ними бездна. Когда вся пошлость дей ствительной жизни поднята была хохотом в мир поэзии, тогда хохот одолел всё ; и *когда поэт захотел обратить глаза на другой мир, на

другую, высокую сторону жизни, ему показалось страшно: он побоял ся уже за своих исполинов, чтобы они не пали перед Собакевичами и Ноздревы ми, – и пепел второго тома «Мертвых душ» был первым ему же наказанием. Другое наказание 9 той школе, которую он произвел, сам. конечно, не воображая, что ока родится и выведет от него свою родосл овную. Смешно быть отцом детей , которых не знаешь и которые навязываются к тебе с нежным наименованием 125

папеньки... Гоголь сам испугался той школы, которую нехотя произвел, и в этом испуге объявил прежние создания свои бесполезными («Москвит[янин]», 1848 г., № 1, Критика, стр. 26– 29).

Вот , что правда, с тем нел ьзя не согл асит ься. Гогол ь напрасно говорил , что под его смехом скры вают ся горькие слезы: смех его был без всякой глубины, отзы вал ся чем- то пустым и приторны м. Он виноват не т ол ько перед русскою жизнью, но и перед искусством, с кот оры м обращ ал ся эгоистически, навал ивая на него свою дрянь. Зат о он и наказан: ему никогда не созд ат ь вы со-ких произведений искусства: «от смешного до вы сокого нет пути».

Вот это мы назы ваем прямот ою, верностью своим убеждениям, непрекл онная чистота кот оры х тол ько на время была возмущена вост оргом неученой толпы и криками «нагл ого невеже-ст ва», восторженны ми криками «ры ц аря без нмени». – «Переписка с д рузьями» дала г. Шевы реву силу вы сказать то, что он давно уж думал о Гогол е: а свидетельство о том, как он думал о Гогол е, сохранено в «Отечественны х записках». Од нажд ы «Мо-

сквитянин» намекнул о том, что «Московский набл юдател ь», в кот ором г. Шевы рев был главным крит иком и вообще главным лицом, первый оценил Гогол я, и что статья, оценившая Гогол я, была написана г. Шевы ревы м. На это «Отечественны е записки» отвечал и:

Из журналов первый оценил Гогол я «Телескоп» (в статье «О русской по вести и повестях г. Г оголя». как мы говорили в начале наших «Очерков»), а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять повесть Гогол я «Нос» по причине ее пошлости и тривиальности, и не тот именитый критик, который отказался писать о «Ревизоре», как опять о тривиальном и грязном произведении» («Отечественные записки», том XXV , Смесь, стр. 107).

Мы сделали обзор мнений тех журнал ов, кот оры е не хотели понимать Гогол я. Теперь переходим к мнениям людей , которы е понимал и и ценили его.

От рад но вспомнить, что первый оценил Гогол я, первый заговорил о нем печатно тот самый человек, который до Гогол я был величай шим из наших писателей . Радушны м приветом встретил, благосл овением своим напутствовал Пушкин двадцатилетнего одинокого юношу, который сдел ал ся преемником его славы. И не тол ько как писатель писател я встретил и ободрил сн его, и как человек для человека сделал он для него все, что мог. Радост но и тепло ст ановит ся душе при подобны х воспоминаниях.

Вот первая статья из всех явившихся о Гогол е в русских пе -риодических изданиях. Он а присл ана была Пушкины м в «Лит ера-турны е прибавл ения к «Русскому инвал иду» и напечатана в этой газете в 79 нумере 1831 года.

Сей час прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот на* стоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопор -

пости. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не 'образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел о типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Факт ор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравл яю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальней ших успехов.

«Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений , на дурной тон и проч. Пора, пора нам осмеять les precieuses ridicules нашей словесности, людей , толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора Тредьчковского».

Какою задушевною радост ью о новом необы кновенном таланте проникнута эта статья! И как в ней много сказано, несмот ря на ее крат кость! И как верно и метко все в ней сказанное! Не укры -лась от Пушкина и та грусть, кот орая после стал а существенней -шею чертою гоголевых созданий , но кот орая так немногими замечается в его первых, еще так ярко озаренны х радост ью жизни произведениях.

Другую статью о Гогол е, помещенную в первой книжке пушкинского «Современника», мы уже привели в предыдущей нашей статье.

По смерти Пушкина, д рузья его продол жал и быть и друзьями Гогол я как человека и почитателями его таланта. И з этих людей , двое, князь Вяземский и г. Плетнев, были журнал истами, и оба они очень верно понимали произведения Гогол я. Все написанное ими о нем принадл ежит к числу лучшего, что тол ько было написано о Гогол е.

Князь Вяземский занимает ныне такое вы сокое пол ожение, что мы отважил ись бы на характерист ику его критической деятельности только в таком сл учае, если б обязанност ь ист орика требовал а обнаружит ь в ней какие - нибудь ошибки. [Но дол гая и важная для л итературы деятельность этого крит ика не представляет материал ов для порицаний . Изл агая его суждения, нам оставал ось бы только вы ражат ь свое согл асие, — ведь нел ьзя же противоречить справедливому.] Читатели пой мут чувство, кот о-рое заставляет нас укл ониться от полной характеристики крит и-ческой деятельности этого писателя и ограничит ься замечанием, что он был достой ный сподвижник Пушкина, достой ный друг Жуковского, Пушкина и Гогол я 67.

Потому мы прост о, без всяких эпитетов представим только краткое извлечение из статьи кн. Вяземского о «Ревизоре». Она помещена в пушкинском «Современнике» 68. Д а и это мы делаем только потому, что статья князя Вяземского сл ишком важный факт в истории распрост ранения справедливых суждений о Гоголе.

Разбор этот начинается замечаниями о том, что в нашей 127

л итературе редки «собы т ия», редки книги, засл уживающие внимания, возбужд ающие интерес в публике. «Ревизор» — такое событие; это первая русская комедия, какая появил ась со вре -мени «Горя от ума». Блистательный успех его на сцене доказал это. В чтении комедия Гогол я доставляет едва ли не более на* сл аждения, нежели даже на сцене, как и всегда бывает, когда пьеса написана с умом и тал антом, с забот ою не столько о сце* нических эффектах, скол ько об истинном комизме. Н о как ни блистателен успех «Ревизора», эта комедия подверглась некоторым оговоркам и осуждениям. Они могут быть разделены на три раз-

ряд а: замечания литературные, нравственные и общественные.

Некоторые говорят, что «Ревизор» не комедия, а фарс. Дело не в названии: можно написать гениальный фарс и пошлую комедию. К тому же, в «Ревизоре» нет ни одной сцены в роде «Скапиновых обманов», «Доктора по неволе», «Пурсоньяка» и\ и расиновых Les Plaideurs; нет нигде вымышленной карикатуры, переодеваний . За исключением падения Бобчннского, нет ни одной минуты, сбивающей ся на фарс. В «Ревизоре» есть карикатурная природа, — это дело другое. В природе не все изящно; но в подражании природе неизящной может быть изящность в художественном отношении. Смотрите на картины Теньера, на корову Поль Потера * и спросите после: как могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы?.. Говорят, что язык (комедии Гоголя) низок. Высокое и низкое высоко и низко по сравнению н отношению: низкое, когда оно на месте, не низко — оно в пору и в меру... Ваши требования доказывают, что вы придерживаетесь традиций классического века... это в глазах наших не безделица, вопреки мнению тех, которые ставят ни во что аристократические традиции гостиных века Людовика XIV или Екатерины II. Но именно по сей же самой терпимости, которую мы исповедуем как закон истинной образованности... мы в искусстве любим простор. Мы полагаем, что где есть природа и истина, там везде может быть и изящное подражание оной . А там уже дело вкуса, или, правильнее, вкусов, избирать любое для подражания н в подражаниях. Между тем, не излишним будет заметить, что фон- Визнн читал своего «Бригадира» и своего «Недоросл я» при просвещенном и великолепном дворе Екатерины II. — «Так; но в этих комедиях встречаются Доброл юбовы , Стародумы, Милоны, а в «Ревизоре* нет ни одного Доброл юбова, хоть для примера». — Согласны, но вот маленькая оговорка: когда игра\ и «Недоросл я» при императрице,

то немилосердно сокращали благородные роли Стародума и Милона, потому что они скучны и неуместны: сохранял ись же в неотъемлемой целости низкие роли Скотиииина, Простаковых, Кутей кина. При одних добродетельных лицах своих, фон-Визин остался бы незамеченным писателем, не читал бы своих комедий Екатерине Великой и не был бы и поныне типом русской комической оригинальности. Вывезли его к бессмертию лица, которые не выражают ни одного благородного чувства, ни одной светлой мысли, ни одного в человеческом отношении отрадного слова. А не в отсутствии ли всего этого обвиняете вы лица, представленные г. Гоголем?

...Другие говорят... что коренная основа «Ревизора» неправдоподобна, что городничий не мог так легковерно вдаваться в обман, а должен был потребовать подорожную и проч. Конечно, так, — но автор в этом случае помнил более психологическую пословицу, чем полицей ский порядок и для * Критик говорит о знаменитой картнпе Пол я Потера «Vache qui pisse», составляющей одно из драгоценней ших украшений Эрмитажа.

комика, кажется, не ошибся. Он помнил, что у страха глава велики. К тому же, н минуя пословицу, в самой сущности дела нет ни малей шего насилия правдоподобию. Известно, что ревизор приедет инкогнито, следовательно, Может приехать под чужим именем. Извести* о пребывании в госги-нице неизвестного человека падает на городничего и сотоварищей его в критическую минуту панического страха, по прочтении рокового письма. Далее, почему не думать городничему, что у Хлестакова две подорожные, два вида, из коих настоящий будет предъявлен когда нужно? Тут нет никакой натяжки, все натурально... В одной нэ наших губерний был, дей ствительно, случай , подобный описанному в «Ревизоре»: по сходству фамилии, приняли одного молодого приезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку явл яться. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы. Все это в порядке вещей , не только в порядке комедии.

Некот оры е критики, — продол жает защитник Гогол я, — недовольны простонародност ью язы ка в «Ревизоре», не понимая, что

выведенные лица не могут говорить другим язы ком. Они находят у Гогол я сл ова, по их мнению, неупотребительные в высшем обществе. Эт о показывает только, что подобны е «жеманны е слово-ловы» ст арают ся показаться людьми хорошего тона, кот орого не знают: хороший тон состоит в непринужденности, натурал ьности, и лучшее общество доказы вает, что вовсе не оскорбл яет ся естественностью язы ка в «Ревизоре»: «лучшее общество сидит в л о-жах и кресл ах, когда его играют; брошюрка «Ревизора» лежит на модных стол иках работы Гамбса».

Говорят, что «Ревизор» — комедия безнравственная, потому что в ней выведены одни пороки и глупости людские, что уму и сердцу не на ком отдохнуть от негодования и отвращения: нет светлой стороны человечества для примирения зрителей с человечеством, для назидания их... Мы признаем безнравственным сочинением только то, которое вводит в соблазн и в искушение. Беспристрастное изложение самого собл азна не может быть безнравственно. Автор, следуя в атом случае провидению, допускает зло, предоставляя воле и совести читателя и зрителя пользоваться представленным уроком по своим чувствам и правилам. Не должно забывать, что есть литература взрослых людей и литература малолетних: конечно, между людьми взрослыми бывают и такие, которые любят до старости быть под указкою учителя; говорите им внятно: вот это делай те! а того не делай те, аа это скажут вам: «пай . дитя», погладят по головке и дадут сахарцу (за другое: «фи, дитя», выдерут за ухо и поставят в угол. Но как же требовать, чтобы каждый художник поспятил себя на должность школьного учителя или дядьки? На что вам чсстные люди в комедии, если они не входили в план комического писателя? живописец представил вам сцену разбой ников; вам этого недовольно: для нравственной симметрии, вы требуете, чтобы на первом же плане был изображен человек, который отдает полный кошелек свой нищему, иначе зрелище слишком прискорбно и тяжело дей ствует на нервы ваши. Вы и р театре не можете просидеть двух часов без того, чтобы не явился вам хотя один честный человек, один герой добродетели, — именно герой ; ибо в представлении просто доброго человека не было бы никакой цели: нет, нужна сопротивная сила для отгтора и сокрушения порочных, — одним словом, «барыня требует весь туалет/» Да помилуй те, в жизни и в свете не два часа просидишь иногда без благородного, утешительного сочувствия. Кто из зрителей «Ревизора»

пожелал бы быть Хлестаковым, Земляникою или даже и невинными Петрами в Н. Г. Чернышевский , т. III 129

Ивановичами Добчинским и Вэбчинским? Верно, никто) Следовательно, в дей ствии, производимом комедиею, нет ничего безнравственного, — может быть впечатление неприятное, как во всякой сатире, изображающей недуги общества, это дело другое. Но это неприятное дей ствие умерено смехом. Следовательно, условия искусства выдержаны, комик прав.

Сущность общественных замечаний сбивается во многом на вышеприведенные замечания. Говорят , что эта комедия поклеп на русское общество, перебирают в Зябл овском и Арсеньеве все уезды великороссий ских, мало -россий ских, западных и восточные губерний и заключают, что такого города нет в государстве. Да есть ли на белом свете люди, похожие на тех, которые выведены в комедии? Бесспорно, есть1 Довол ьно этого.

И возможно ли упрекат ь Гогол я в том, что он употребл яет сл ишком черные краски? В «Ябеде» Капнист а зл оупотребл ения изображают ся г оразд о беспощадней шим язы ком.

Все возможные сатурналии и вакханалии Фемиды во всей наготе, во всем бесчинстве своем раскрываются тут на сцене гласно и торжественно. Гра -жданская палата заседает, слушает и судит дела в той же комнате, где за несколько часов перед тем бушевала оргия; вчерашние бутылки валяются под присутственным столом, прикрытым красным сукном, которое, по мнению повытчика,

Множество привыкло прикрывать

И не таких грехов!

Деньги тут даются не в зай мы, а в явный подкуп. Председатель гражданской палаты, члены, прокурор поют хором:

Бери, — большой тут нет науки, —

Бери, что только можно взять!

На что ж привешены нам руки,

Как не на то, чтоб брать, брать, брать?

Конечно (прод ол жает крит ик), и тогда находил ись многие, назы вавшие комедию Капнист а клеветою на общест во, как ныне говорят то же о комедии Гогол я. Н о бл агородны е чувства поэта были оценены импера т ором Павл ом Петровичем, который разрешил посвятить пьесу Капнист а своему имени. Раэбор закл ючает ся прекрасны ми сл овами:

Конечно, чувство патриотической щекотливости благородно: народное достоинство есть святыня, оскорбл яющаяся малей шим прикосновением. Но при этих чувствах не должно быть односторонним в понятиях своих. При излишней щекотливости вы стесняете талант и искусство, стесняете самое нравственное дей ствие благонамеренной литературы. Комедия, сатира, роман нравов исключаются из нее при допущении подобного чувства в безусловное и непреложное правило. После того ни одно злоупотребление не может подлежать кисти или клей му писателя, ни одни писатель не может быть по мере сил споспешником общего блага, по выражению Капниста *. Личность, эва* Сл ова Капниста в посвящении «Ябеды » императору Павлу I:

Под Павловым щитом почию невредим,

Но, быв по мере сил споспешником твоим.

Сей слабый труд тебе я посвятить дерзаю,

Да именем твоим успех его венчаю.

130

нне, национальность, а наконец, н человечество будут ограждать злоупотре-бителей опасением нарушить уликою в злоупотребления уважение к тому, чтб под ним скрывается достой ного уважения и неприкосновенного. Но мир нравственный и мир гражданский имеют свои противоречия, свои прискорбные уклонения от законов общего благоустрой ства. Совершенство — цель недостижимая; но совершенствование есть, не менее того, обязанность и свой -ство природы человеческой . Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного умного человека; неправда: умен автор. Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного честного и благомыслящего лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребления, позволяет н таланту исправлять их оружием насмешки.

В 1783 году оно допустило представление «Недоросл я», в 1799—«Ябеды», а в 1836 — «Ревизора».

И. можно прибавить теперь, в 1842 году — печатание первой , а в 1855 году — второй части «Мерт вы х душ».

Бл агородна ли эта статья, справедл ива ли она, давно уже решено и публикою и признано лучшим нашим критиком [автором статей о Пушкине], который очень часто на нее ссы л ал ся.

Мы не будем также говорить подробно о критической деятельности г. Плетнева. Опят ь скажем тол ько, что его имя неразры вно связано с именами Жуковского, Пушкина и Гогол я. Припомним еще, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» изданы были по совету г. Плетнева, да и самое загл авие этой книги дано по его же совету. (Биография Пушкина, г. Анненкова, в I томе «Сочинений А. С. Пушкина», стр. 366.) Счит ая неловким говорить о г. Плетневе более, мы ограничимся тем, что представим — также без всяких эпитетов — извлечение из статьи о «Мертвы х душах», которую он, под псевдонимом С. Ш ., напечатал в X X V II томе издававшегося тогда им «Современника».

[Мы сказал и, что считаем неловким хвалить ее, но не можем не упомянуть, что критик «Отечественны х] записок» (авт ор статей о Пушкине) нескол ько раз возвращал ся к похвалам этому

Цель этого разбора, так же, как статьи князя Вяземского о «Ревизоре», — доказать нелепость обвинений и упреков против Гогол я. Критик сначал а объясняет, почему произведения Гогол я в художественном смысле неизмеримо выше всего остал ьного в тогдашней русской литературе: они — созд ания живого, гениального творчества. Сюжет «Мертвы х душ» немногосл ожен и превосходно развит . Жизнь и характеры изображены с поразител ь-ною живостью, с изумительною пол нотою, в высшей степени объективно. В самы х спокой ных сценах обнаруживает авт ор гениальную проницател ьность, знание жизни и человеческого сердца, обнаруживает без всяких усилий , самым непринужденным и естественным образом . Эт о доказы вает ся примерами, между про» чим разговором Чичикова с К оробочкою (эт а сцена, вовсе че бл истател ьная для пове рхностного читателя, де й ствител ьно при -вадлежит к числу самых гениальных в художественном отноше-9 * 13!

нии). Гогол ь не только не впадает в карикатуру или фарс: он даже не намерен ни одного сл ова сказать с тем. чтобы рассмешить вас. Он заботится тол ько о верности с жизнью, об истине; а если эта жизнь кажется вам нелепа и смешна, это уже ее качество, а не его намерение. И ошибочно было бы думать, что сильней шее впечатление, производимое «Мертвыми душами» — смех: напротив, это книга очень серьезная и грустная. Все лица в ней живые, все имеют глубокий смысл для того, кто хочет постичь нашу жизнь. При этом г. Плетнев, по нашему мнению, очень справедливо и тонко замечает, что типы Манил ова и Пл юшкина несколько уступают в значении для нашей жизни остальным лицам «Мертвы х душ», хотя и они очень важны.

Тесная связь с жизнью, серьезное значение для жизни — высо-чай шее качество художественного создания. В этом отношении нет в нашей литературе ничего равного «Мертвы м душам». Од -нако же, хотя и нет ничего им равного, «Мертвы е души» не совсем удовлетворяют критика в этом существенней шем смысле — мысль чрезвычай но замечательная; мы просим читателей обратить на нее особенное внимание, и, выписывая вполне все это место из разбора г. Плетнева, не можем желать лучшего, более верного и значительного закл ючения для нашей статьи:

При всех достоинствах, поэма, конечно, поразит каждого недостатком важным. В ней

нет того, чего мы еще не встречаем а нашей жизни – серьезного общественного интереса. Я не умел придумать другого названия тому качеству наших разговоров, мыслей и поступков, которое, не отнимая у них особенностей национальности, придает им ценность общую и вводит их в соприкосновение с интересами других народов. Самые поразительные места, от которых приходишь в восхищение, не выносят души на тот горизонт, откуда она обозревает подобные явления у иностранных писателей . Во всем чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не в состоянии трепетать от художественного мастерства автора, веч прелесть исчезает за недостатком жизнч более ценной и более общепонятной . Это все нисколько не говчрит против Гоголя, напротив, еще оправдывает его. Автор без такта, привыкнувший обманываться в своих ощущениях, легко подымающий ся на ходули, когда не на чем более показаться высоким, обыкновенно подделывается под какой -нибудь известный ему тон и. таким образом, все рисует ложно. Гоголь возвратил обществу то, что оно могло дать ему само. Как прежняя, так и нынешняя наша обшежительность хранит в своей истории любопытные доказательства в оправдание того, что и у всех, самых великих писателей русских," степень развития общественных интересов всегда была ниже, нежеич у писателей других народов («Современник», 1842 г., часть XXV II, стр. 55–56).

СТ АТ ЬЯ ЧЕТ ВЕРТ АЯ

В критических статьях, или, лучше сказать, замечаниях Пушкина (замечаниях, говорим мы, потому что его рецензии почти все очень невелики по объему и набросаны , кажется, наскоро, под влиянием первого впечатления) почти всегда блещет тонкий и верный вкус нашего великого поэта. Иначе и быть не могло: как
132

ни важно участие бессознател ьной творческой силы в созд ании поэтических произведений , как ни дост оверна всеми ныне признаваемая истина, что без этого элемента непосредственности, составляющей существенней шее качест во тал анта, невозможно быть не тол ько великим, но и порядочны м поэтом, – но равно дост оверно и то, что, при самом сил ьном даре бессознат ел ьного творчества, поэт не созд аст ничего вел икого, если не одарен т акже замечательным умом, сильным здравы м смы сл ом и тонким вкусом. Т о же самое, что о крит ических статьях Пушкина, над обно сказат ь и о журнал ьной деятел ьности людей , сост авл явших его л итературную парт ию. Все эти деятели нашей критики от л ича-л ись, подобно своему корифею, тонким вкусом, как и вообще походили на него многими прекрасны ми чертами своего л итера-т урного характ ера. – например, гот овност ью с нел ицеприятны м бл агородством отдавать кажд ому дол жное. Таким образом , Пуш -кин и его сподвижники обл адал и многими из качеств, необходимых для т ого, чтобы оказы ват ь сил ьное вл ияние на мнения читающей публики, – и, однако же, их мнения имели и на публику и на развит ие л итерат уры менее вл ияния, нежел и как дол жно был о бы ожидат ь: и бол ьшинст во читателей и новое поколение писателей поддавал ись преимущественно вл иянию д ру-гих л итературны х мнений . Каковы были эти мнения, мы ст ара-лись показать подробны ми характ ерист иками крит ических направлений , которы е преобл адал и в нашей л итерат уре до той эпо*и, когда приобрел а в ней решител ьное господст во крит ика «От ечест венны х] записок», или усил ивал ись борот ься против л итературны х мнений этого журнал а. Не может быть сомнения в том. что Пушкин и его сподвижники вы сказы вал и очень много верного и прекрасного. Почему ж их мнения не имели более значительного вл ияния на л итературу и массу публ ики? От вет готов у кажд ого читателя: журнал , бывший органом пушкинского на-правл ения крит ики, не проникал в массу публ ики, как не проникал а в публ ику и «Лит ерат урная газет а» Дел ьвига, предшествовавшая этому журнал у, «Современнику» 1836– 1846 годов. Под -робное объяснение этого явл ения, принадл ежащее ист ории пушкинского периода русской л итерат уры , л ежит вне предел ов нашей задачи. Пот ому из многих причин мал оизвестности крат ко укажем тол ько одну, специал ьно касающ уюся формал ьной ст ороны пушкинского направл ения крит ики: указы ват ь причины , л ежащие в самом сод ержании, в самом духе этой крит ики, мы не будем, потому что это завл екл о бы нас сл ишком далеко. Дл я распрост ранения в публике каких бы то ни бы л о, хот я бы самы х просты х и справедл ивы х мнений необходимо вы сказы вать их очень настой чиво, упорно, с энт узиазмом ст раст ного увл ечения, не ут омл яющегося скучны ми дл я самого крит ика, но нужны ми для массы повторениями, не пренебрегающего подробны м разбором книг и суждений , кот оры е важны тол ько по своему внешнему 133

значению – по вл иянию на публ ику, а не по внутреннему интересу дл я искусст ва, наконец, не от вращающегося, ради интересов публ ики, даже от споров с л

юдьми, вступать в споры с которы ми вовсе не прият но и не почетно. Одним сл овом, крит ическая дея-тел ьность. под обно всякой другой общественной деятельности,

имеет много ст орон, тем бол ее пол езны х для публики, чем неприятнее они для самого деятел я. Крит ик, который хочет говорит ь тол ько о том, о чем интересно говорить для него самого, который хочет сохранит ь в своей деятельности стол ько же гор* дого спокой ствия и дост оинст ва, скол ько сохраняет поэт или ученый ,– такой критик пишет дл я немногих. Пушкин и его лите-рат урны е д рузья знал и эт о; дей ствуя на поприще критики, они и не хотели подчиняться усл овиям, несовместимым с их понятиями о собст венном достоинстве; они знал и, что чрез это от казы вают ся от средств достичь господст ва над массою публики, – да они и не стремил ись к такому господст ву: они поставил и себе целью довол ьст воват ься спокой ным сочувствием немногих читателей , кот оры х считал и избранны ми, и горд о думали, что качества их слушателей вознагражд ают за кол ичество. Эт о было пол ожи-тельно ими вы сказы ваемо много раз. Ограничиваемся указанием эт ого принципа их критической деятел ьности, потому что и его бы л о бы дост ат очно для объ яснения незначител ьности ее влияния на публику, если бы даже не было других причин, еще более важны х, раэбор кот оры х завл ек бы нас сл ишком далеко за пределы кашей задачи.

Таким образом , несмот ря на многие несомненные достоинства критики пушкинского направл ения, она не имела обширного влияния. – от части, как мы сказал и, отт ого, что и не хотела иметь его. Кт о вздумал бы писать ист орию развит ия л итературны х мнений не в русском обществе, а в кругу дилетантов, довол ьст-вовавшемся замкнут ою для остальной массы публики жизнью, тот нашел бы много материал ов для светл ого изображения критической деятел ьности этого тесного избранного круга, – нашел бы. что многие истины, введение кот оры х в сознание бол ьшин-ства совершено (другими л юдьмиЛ тол ько пЛсле жестокой борь-

бы. всегда признавал ись школ ою Пушкина. Нас теперь занимает д ругая зад ача: собрат ь материал ы для ист ории распрост ранения справедл ивы х л итературны х идей в массе публ ики. Пот ому, ог ра-ничиваясь теми крат кими указаниями на характ ер критики пушкинского направл ения, кот оры е нашл и себе место в начал е sfofi и в конце предыдущей нашей статьи, мы дол жны обрат ит ь все наше в з и м а н и е на тот - журнал, который был распрост ранит ел ем господ-ст вующих ныне л итературны х понятий в огромном бол ьшинстве пзг&джки; и на его достой ны х предшественников.

Чит ат ел ям извест но, что эт а засл уга принадл ежит критике, которая, образовавшись в «Тел ескопе» и явившись совершенно самост оят ел ьного в «Московском набл юдател е» второй редакции | 34

(1838– 1839), достигл а пол ного своего развит ия в «Отечественных записках», бы вших ее органом в течение семи лет (1840–

1846), и потом окол о года одушевл ял а наш журнал . Ит ак, показав ее зароды ши в «Тел ескопе», предшественницами кот орого были статьи Над оумко (покой ного Н . И. Над ежд ина) в «Вестнике Европы », вт орую эпоху ее развит ия в «Московском набл юдате-ле», мы дол жны будем говорить преимущественно об «Отечественных записках». Читател ям извест но, что от ношения между «От е-чественными записками» и нашим журнал ом были не всегда д ру-жел юбны , или, вернее сказат ь, почти всегда недружел юбны ; они также знают , кот орому журнал у принадл ежал а пост оянно рол ь наступательная и кот орому оборонит ел ьная. Н о читатели, конечно, должны ожидать, что в том отделе «Очерков», к кот орому мы теперь приступаем, не най дут они ни малей шего от гол оска этих отношений . Мы пишем ист орию не журнальной полемики, а ли-тературны х мнений ; следовател ьно, совершенно неуместно обращать здесь внимание на то, что происходил о от причин чисто

внешних и случай ных. Прит ом же, мы не имеем не тол ько охоты , но и хронологической возможност и обращат ь здесь какое бы то ни было внимание на эту полемику, от носящуюся к поздней шему времени: мы ограничиваемся теперь, как сказал и, бл естящею эпохою «Отечественных записок», когда в этом журнал е дей ство-вали все те люди, которы е отделились от него при основании нашего журнал а. Посл е 1847 года русская крит ика вообще заметно осл абел а: она уже не шл а впереди общественного мнения, – она была счастл ива, если успевал а быть хот я поздним и хотя слабым отгол оском его; иногда и эт о счастие не дост авал ось ей

на дол ю; она не имела вл ияния, она сама подвергал ась вл иянию: оттого вовсе не имеет той важност и для ист ории л итературы , как предшествовавшая ей критика 1840– 1847 годов, кот орая одна доселе сохранил а свою жизненност ь. Вообще, в критике последних лет только то и было зд оровог о, что сохранил ось от прежней критики. Все остальные направл ения были тунеядными, пуст о-цветными растениями. Пот ому од на критика 1840– 1847 годов засл уживает нашего внимания, она одна достой на того, чтобы на-зы ваться «крит икою гогол евского периода нашей л итерат уры »: пусть же, за отсутствием собст венного имени, это название будет для нее собственны м именем.

Лит ературны е стремл ения, одушевл явшие критику 1840– 1847 годов, или, как мы согл асил ись назы вать, крит ику гогол евского периода, кажут ся нам, как и всем здравомы сл ящим л юдям настоящего времени, вполне справедл ивы ми; мы все привязаны к ней горячею л юбовью преданны х и бл агодарны х учеников. И если у каждого из нас есть предметы, стол ь бл изкие и дорогие сердцу, что, говоря о них, он ст арает ся нал ожит ь на себя хол одность и спокой ствие, ст арает ся избежат ь выражений , в которы х бы слышалась его сл ишком сил ьная л юбовь, наперед уверенный , что,

при соблюдении всей возможной для него холодности, речь его 'будет очень горяча, – если, говорим мы, у каждого из нас есть такие дорогие сердцу предметы, то критика гогол евского периода занимает между ними одно из первых мест, наравне с самим Гоголем. Каждый любящий свою литературу и следивший за ее рзвитием признает, что это «мы» от носится и к нему. Потому - то будем говорить о критике гоголевского периода как можно хол од-нее; в настоящем сл учае нам не нужны и противны громкие фразы : есть такая степень уважения и сочувствия, когда всякие похвалы отвергаются, как нечто не вы езжающее всей полноты чувства. Много было достоинств у критики гоголевского периода; но все они приобретал и жизнь, смысл и силу от одной одушевлявшей их страсти – от пламенного патриотизма. Как все высокие сл ова, как л юбовь, добродетель, сл ава, истина, сл ово патриотизм иногда употребляется во зл о непонимающими его людьми для обозначения вещей , не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом; потому, упот ребл яя священное сл ово «патриотизм», част о бывает необходимо определять, что именно мы хотим разуметь под ним. Дл я нас идеал патриота – Пет р Великий ; высо-чай ший патриотизм – ст растное, беспредельное желание блага родине, одушевл явшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого чел овека69. Понимая патриотизм в этом единственном истинном смысле, мы замечаем, что судьба России в отношении к задушевным чувствам, руководившим деятельностью людей , которы ми наша родина может гордиться, доселе отл ичал ась от того, что представляет ист ория многих других стран. Многие из великих людей Германии, Франц ии, Англии засл уживают свою славу, ст ремясь к целям, не имеющим прямой связи с благом их родины ; например (чтобы ограничиться сфе-

рою деятельности, доступной частным л юдям), многие из величай ших ученых, поэтов, художников имели в виду служение чистой науке или чистому искусству, а не каким- нибудь исключительным потребностям своей родины . Бэкон, Декарт , Галилей ,

Лей бниц, Ньют он, ныне Гумбол ьдт и Либих, Кювье и Фаред е трудились и трудятся, думая о пол ьзе науки вообще, а не о том, что в данное время нужно для блага известной страны , бывшей их родиною. Мы не знаем и не спрашиваем себя, любили ли они родину: так далеко их сл ава от связи с патриотическими засл у-гами. Они, как деятели умственного мира, космополиты. Т о же надобно сказат ь о многих великих поэтах Западной Европы . Укажем в пример на величай шего из них – Шекспира. Неизмеримо велики его засл уги для развит ия чистого искусства: по своему художественному совершенству и психол огическому глубокомыслию его произведения имели огромное и благодетельное дей ствие на судьбу искусства и, чрез то, косвенным образом , вообще на развит ие человечества – и в Англ ии, конечно, как в Германии, Франц ии, России. Н о что хотел он сделать специально для совре -136

менкой ему Англ ии? В каком от ношении был он к вопросам ее тогдашней исторической жизни? Он как поэт не думал об этом: он сл ужил искусству, а не родине, не патриотические стремления, а тол ько художественно- психол огические вопросы были двинуты вперед Макбет ом и Л и ром, Ромео и Отел л о. И з других великих поэтов о многих надобно сказат ь то же самое. Назовем Ариост о, Корнел я, Гете. О художественны х засл угах перед искусством, а не особенны х, преимущественных стремл ениях дей ствовать во бл аго родины , напоминают их

имена. У нас не то: ист орическое значение каждого русского великого человека измеряет ся его заслугами оодине. его человеческое достоинствл – сил ою его пат рио-тизма, Лом оносов, Державин, К арам зин, Пушкин справедл иво считаются великими писателями, – но почему? «Пот ому что оказал и великие услуги поосвеитению или эстетическому воспитанию своего народ а». Лом оносов ст раст но любил науку, но думал и забот ил ся искл ючител ьно о том, что нужно был о для бл ага его родины. Он хотел сл ужить не чистой науке, а тол ько отечеству. Державин даже считал себя имеющим право на уважение не стол ько за поэтическую деятельность, скол ько за благие свои стремления в государственной сл ужбе. Д а и в своей поэзии что ценил он? Сл ужение на пол ьзу общую. Т о же думал и Пушкин. Любопы т но в этом отношении сравнит ь, как они видоизменяют существенную мысль горациевой оды «Памят ник», вы ставл яя свои права на бессмертие. Гораций говорит : «я счит аю себя достой ным славы за то, что хорошо писал ст ихи»; Державин заменяет это другим: «я счит аю себя достой ным славы за то, что говорил правду и народ у и ц арям »; Пушкин – «за то, что я благодетельно дей ствовал на общест во н защищал ст радал ьцев»: Всяк будет помнить то,

Что первый я дерзнул...

О добродетелях Фелицы возгласить...

И истину царям с улыбкой говорить. (Д .)

И долго буду я народу тем любезен,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что прелестью живой стихов и был полезен И милость к падшим призывал. (П .)70.

Но ни в ком из наших великих писателей не вы ражал ось так живо и ясно сознание своего пат риот ического значения, как в Гоголе. Он- прямо себя считал человеком, призванны м сл ужить не искусству, а отечеству; он думал о себе:

Я не поэт, я гражданин 71.

Невозм ожно, чтобы наши великие поэты ошибал ись в этой мысли о своем призвании и деятельности, кот орая руководил а всеми ими. Невозм ожно, чтоб все отечество ошибал ось в течение слишком ст а лет, о каждом из своих замечател ьных писателей ,

137

учены х и поэт ов од инаково г оворя: «он велик пот ому, что дея-тел ьность его бы л а направл ена к общей пол ьзе». Дей ствительно, до сих пор дл я русског о чел овека единственная возм ожная засл у-га перед вы сокими идеями правды , и«ч<усства. HavKw – содей ствие распрост ранению их в его родине. Со временем будут и у нас, как у других народ ов, мыслители и художники, дей ствующие чист о тол ько в инт ересах науки или искусст ва: но, пока мы не ст а-нем по своему образов анию наравне с наибол ее успевшими нациями, есть у кажд ого из нас другое дело, белее бл изкое к серд -ц у – содей ствие, по мере сил , дальней шему развит ию т ого, что начат о Пет ром Вел иким. Эт о дело до сих пор требует и, вероят -но, еще дол го будет т ребоват ь всех умственны х и нравственны х сил , какими обл ад ают наибол ее одаренны е сыны нашей родины . Русский , у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем ины м, как пат риот ом, в смысле Пет ра Вел икого, – деятелем в великой задаче просвещения русской земл и. Все остал ьны е интересы его деятел ьности – сл ужение чистой науке, если он ученый , чист ому искусст ву, если он художник, д аже идее общечел овеческой правды , если он юрист – подчиняют ся у русског о ученого, худ ожника, юрист а великой идее сл ужения на пол ьзу своего отечества.

В эт ом смы сл е, немного най дется в нашей литературной ист о-рии явлений , вы званны х таким чисты м пат риот измом, как критика гогол евского периода. Любов ь к бл агу родины был а единственною ст раст ью, кот орая руковод ил а ею: каждый факт искусст ва ценил а она по мере т ого, какое значение он имеет дл я русской жизни. Эт а идея – пафос всей ее деятел ьности. В эт ом пафосе и тай на ее собст венного могущест ва.

Н о если деятел ьность чел овека беспл одна и ничт ожна, когда не одушевл ена вы сокою идеею, т о идея пол учает ценность в дей -ствител ьности т ол ько тогда, когд а в чел овеке, посвящающем себя сл ужению высокой идее, есть достат очны е силы для ее удовле-т ворит ел ьного осущест вл ения. Посм от рим же, какими сил ами рас-пол агал а крит ика гогол евского периода.

Чел овека, который был органом этой крит ики, невозм ожно не признат ь гениал ьны м. Мы не сл ишком щедры в употребл ении эт ого эпитета: гениальны х людей очень мал о. В л юдях с самы ми, повидимому, бл естящими сил ами ума оказы вают ся бол ьшею част ью признаки некоторой ограниченност и, не в том, так в д ру-гом от ношении. Искл ючений очень мал о, и в новой русской лит ерат уре их не бол ее двух: кром е указанного нами чел овека, Гоголь, – и тол ько. Бы ть может , Кол ьцов был бы третьим в этом ряд у, есл и бы прожил долее или обст оят ел ьст ва позвол ил и его уму развит ься ранее. Гениальный человек производ ит на вас впечатление совершенно особенного род а, какого не производ ят самые умные, самы е даровиты е из других людей : вы видите в нем такой ум, кот орому ясны самы е трудны е вопросы , который д аже не по-138

нимает, что в них т рудного; когда он говорит , и для вас ст ано-вится ясно и прост о все, •– вы дивитесь не тому, что он разрешил вопрос, а тол ько тому, что вы сами не разрешил и этого вопроса без всякого т руда: ведь ст оил о т ол ько взгл януть на дело просты ми, вовсе не мудры ми гл азами. Ведь камень летит к земле, – ясно, что земл я притягивает его к себе. Ведь поставить яй цо на ост ром конце – самая прост ая вещь, над которой и думать нечего. Ведь каждый глупец, кажет ся, мог бы знать не хуаje Напол еона, что решение вой ны зависит от сосред от очения всех сил в главном пункте. Ведь каждый глупец мог бы , кажет ся, д о-гадаться. что жизнь есть ряд перемен, что все в мире изменяет ся и что одна край ность влечет за собою другую; а в откры тии втих истин закл ючает ся едва ли не гл авная тай на гегелевской фил осо-фии. Необы чай ная прост от а, необы чай ная ясност ь – удивител ь-ней шее качество гениал ьного ума. Н о дело в том, что он берет ся за существенную ст орону вопроса, от решения которой все зависит, а из всех вопросов опять берет ся за существенней ший в деле, от решения кот орого зависит понимание остал ьны х вопросов, потому- то и ясен для него каждый вопрос, кажд ое дело. Удивител ь-но, подумаешь, как и мне и вам не сл учает ся каждый день делать гениальных открытий : ведь, кажет ся, будь каждый из нас на месте Кол умба, Ньют она или Напол еона, у кажд ого дост ал о бы ума догадат ься о том, о чем они догадал ись и за чтО назы вают их гениальными л юдьми? Прост о, они были люди не без зд ра-вого смы сл а.

И, если хотите, это так: гений – прост о человек, который говорит и дей ствует так, как д ол жно на его месте говорит ь и дей -ствовать человеку с здравы м смы сл ом; гений – ум. развивший ся совершенно здоровы м образом , как высочай шая красот а– форм а, развившаяся совершенно здоровы м образом . Есл и хотите, красот е и гению не нужно удивл яться; скорее надобно был о бы дивиться тол ько тому, что совершенная красот а и гений так редко ветре* чают ся между л юдьми: ведь для эт ого человеку нужно т ол ько развит ься, как бы ему всегда сл едовал о развиват ься. Непонят но и мудрено забл уждение и тупоумие, потому что они неестественны, а гений прост и понятен, как ист ина: ведь естественно чел о-

веку видеть вещи в их истинном виде.

Такое впечатление совершенной прост от ы и ясност и произво* дит крит ика гогол евского периода. Он а провел а в наше л итера-турное сознание самые просты е истины, ныне ясны е, как светлый день, для кажд ого здравомы сл ящего чел овека, значение кот оры х очень велико. Ит ак, мы дошл и до воп роса о системе л итературны х воззрений в критике гогол евского периода и пост араемся изл о-жит ь. по возможност и, ясно и т очно этот предмет, важней ший в ист ории нашей л итературы : тол ько Гогол ь равняет ся своим значением для общест ва ы л итературы значению авт ора статей о Пушкине.

139

Фак т , стол ь значительный , как крит ика гогол евского периода, не мог возникнуть внезапно, в одно прекрасное ут ро: так явл яют-ся тол ько л итературны е грибы ; не мог возраст и из ничего: так надувают ся собст венною пуст от ою тол ько л итературны е мыльные пузы ри, кот оры х мы видывал и довол ьно и которы е л опал ись в гл азах насмешл иво ул ы бающей ся публ ики, несмот ря на все крики своих записны х покл онников, кот оры е, впрочем, на другой же

день забы вал и о их эфемерном сущест вовании. Крит ика гоголевского периода росл а дол го, прежде нежел и достигл а своего полного развит ия: предшественником «Отечественны х записок» был «Тел ескоп», образоват ел ем авт ора статей о Пушкине – покой -ный Над ежд ин, один из замечательней ших людей в ист ории нашей л итературы , человек замечат ел ьного ума и учености.

Д о посл еднего времени не бы л о у нас от даваемо должной справедл ивости засл угам Над ежд ина в науке и л итературе. Вина эта равно падает и на журнал ы , по преимуществу называемые л итературны ми, и на специал истов. Специал исты сл ишком мало обращал и внимания на его труды по разл ичны м от расл ям науки; отчасти, быть может, пот ому, что они были рассеяны в разл ич-ных периодических изданиях, так что трудно было собрат ь и обозрет ь, как од но целое, его статьи, например, по русской ист о-рии или эт нографии, отчасти пот ому, что они в свое время едва ли могли быть поняты и прошл и мал о замеченными по тому самому, что были гл убокомы сл еннее, нежели того т ребовал ось двадцать лет назад . Тол ько те специал исты , кот оры е лично знал и Над ежд ина, всегда думал и о нем, как об ученом, у кот о-рог о каждый из них может учит ься, но тол ько думали, а не писал и. В журнал ах имя Над ежд ина упоминал ось очень редко да и то разве вскол ьзь, и всегда эти беглые отзы вы были не-бл агоприятны ему: его считал и каким- то зоил ом, бранившим дивные созд ания нашей поэзии, кот оры х не мог он ценить по своему безвкусию. В прошедшем году наш журнал заговорил о нем иначе. Изл аг ая ист орию развит ия понятий о значении Пушкина, мы объ яснял и основания, по кот оры м Над ежд ин, писавший в 1828– 1831 годах под псевдонимом экс- студента Нед оумко, произносил строгий приговор всей тогдашней нашей л итературе. Эт о был едва ли не первый гол ос в защит у энергического крит ика, многими забы т ого, всеми другими осужд ае-м ог о72. Тог д а мы не нашл и себе товарищей в деле восст ановл е-ния доброй сл авы эт ого имени. И когда, назад тому всего три месяца, во второй статье наших «Очерков», мы упоминал и о нем, наш гол ос попрежиему ост авал ся единственным, возвы шавшимся в его защит у. Теперь нет нужды защищат ь его: смерть явил ась печальной восстановительницей общего уважения к нему в нашей л итературе: все соединил ись в похвал ах умершему, кот орого не чтили при ж и зн и ;з. Прекрасная статья т. Савел ьева, напеча-т анная в № 5 «Русског о вест ника», встречена общим одобрением 140

и сочувствием. Жал ь только, что хвалы не проникают в

могилы.

Теперь не нужно защищать Надежд ина; но похвалы общими фразами недостаточны: надобно определить его значение в русской литературе, показать меру засл уг его науке и изящной словесности. Есл и бы здесь дол жно было представить полную оценку все й его ученой деятел ьности, м ы отказал ись бы от такой задачи, превышающей силы наши. По многим и разнородней шим отрасл ям науки, особенно касающимся России, он был первым нашим специалистом; по многим другим, общим нам с Запад ною Европою, равнял ся с лучшими немецкими и л и французскими специалистами. Все отрасл и нравственно- исторических наук, от фил ософии до этнографии, были так глубоко изучены им, как редкому специалисту удается изучить одну свою частную науку. Этим страшным запасом знаний распол агал ум необыкновенно сильный , светлый и проницательный , и потому, о чем бы он ни писал, он проливал новый свет на предмет, какой бы науки ни касал ся, двигал ее вперед. А писал он обо всем, от богосл овия до русской истории и этнографии, от фил ософии до археологии. Такой многосторонней ученой деятельности не может вполне оценить один человек. Когда исполнится вы сказанное многими желание, чтобы издано было пол ное собрание сочинений Н а-деждина, почти каждый из наших ученых, чем бы ни занимал ся он, най дет, что многие важные вопросы его специальной науки лучше, нежели кем- нибудь у нас, объяснены Надеждины м, и будет изучать его труды: тогда один ученый объяснит нам важность его услуг богосл овским наукам в России; другой оценит его важные труды по русской ист ории, третий – по археол огии, четвертый – по филологии, и из десяти – двадцати частных характеристик составится достой ный памятник его заслугам науке

в России.

Мы должны показать значение тол ько одной из разл ичны х сторон его ученой деятельности, рассмотреть, какое влияние имел он как критик на развитие у нас здравы х литературных понятий . Едва ли кому из критиков удавал ось начать свою л итератур-ную карьеру таким блестящим образом , как Надеждину. Первая его критическая статья, помещенная в № № 21- ми 22- м «Вестника Европы » 1828 года,

произвел а чрезвычай но сильное впечатление на весь тогдашний литературный мир. Эт о были знаменитые «Литературные опасения за будущий год». Все в ней было необычай но, все показал ось ст ранно н дико: н греческий эпиграф из Софокл а, и подпись: «Экс- студент Никодим Надоумко. Писано между студентства и поступления на сл ужбу. Ноября 22. 1828.

На Патриарших прудах», — и диал огическая форма: статья начинается довольно длинным вступлением в повествовательном роде, рассказом, как экс- студент Нико.яим Арист архович Над о-умко, в своей одинокой каморке, на Пат риарших прудах, раз-141

мышлял о наступающем Hoboin годе, как влетел в ату каморку его знакомец, записной поэт Тленский , осы пав его бры згами с опушенного снегом ворот ника шубы , и как завязал ся между Тл енским и экс- студентом разг овор о л итературе. Н а вопрос о зд оровья хозяин шутливо отвечал : «Сл ава Эскул апу!» — Чл ен-ский не знал , кто такой Эскул ап, и, узнав, что это «эпидаврский грек», начал упрекать экс- студента, что он все бредит греками, перетряхает ст аринную т руху, не обращ ая внимания «на новый мир дивных чудес нашей поэзии», на что хозяин отвечает, что эти чудеса ему кажут ся прост о «озорны ми чудищами», по вы ра-жению Тред ьяковского. Необы чай на был а и вся внешность статьи, наполненной л атинскими фразам и, л атинскими, немецкими и англий скими стихами, усеянной упоминаниями об известных и мал оизвестны х ист орических именах и фактах, проникнутой стремлением к неведомому тогда у нас юмору. Но нелепее всего показал ось самое направл ение статьи: в ней доказы вал ось, что бл ест ящая, повидимому, тогдашняя л итерат ура наша в сущности представляет очень мал о утешительного; что лучшие наши тогдашние поэты не вы держивают критики, потому что таланты их не развит ы ни образованием, ни жизнью, так что сами они не знают , как, что, зачем и почему они пишут; доказы вал ось, что их просл авл енные поэмы сост оят из бессвязны х, сшитых белыми нитками кл очков; что их содержание не прочувствовано, потому фал ьшиво и пусто; что поэты наши не понимают Бай рона, кот орому под ражают , урод уют заимствованны е из него мысли и характ еры , и т. д. Все это бы л о вы сказано чрезвычай но резко, с бесчисл енными, самыми ясны ми и очень дерзкими намеками на поэмы Пушкина и критические панегирики им в «Тел еграфе»

Пол евого.

Нам , привы кшим видеть в печати самые резкие отзы вы о наиболее уважаемы х нами писател ях, привы кшим хотя до некоторой степени к терпимости относител ьно мнений , несходны х с нашими, т рудно себе вообразит ь, как велик был скандал , наделанный эт ою статьею. Крики негодования раздал ись против нее от овсюду, она была осы пана бранью, еще более резкою, нежели сама статья. Никодим Над оум ко был не такой человек, кот орого легко было запутать или переспорить: на выходки против его статьи отвечал он в том же тоне и продол жал печатать в «Вестнике Европы » одну статью за д ругою: в первы х же книжках 1829 года явил ись раэборы поэмы Барат ы нского «Бал » н Пушкина «Граф Нул ин» и статья «Сонмище Нигил ист ов» 74 (Полевой , Пушкин и проч.), потом разбор поэмы Под ол инского «Борский », «Пол т авы » Пушкина, и ряд этих частны х нападений в 1829 году завершил ся

общею ат акою в статье «Всем сестрам по серьгам» 75. В 1830 году продол жал ась битва статьями «О настоящем зл оупотребл ении и искажении романтической поэзии», о русской ист ории Пол евого, о поэме Подол инского «Нищий », о V II главе «Евгения Оне-142

гина» *. Все они (кроме последней , писанной в защиту Пушкина от нелепых нападений со стороны прежних его л ьстецов), и по внешней форме, и по тону, и по духу, точно таковы же, как «Литературны е опасения». Надеждин, опираясь на эстетические начал а, ищет, есть ли высшие художественные достоинства в разбираемых им поэмах, и находит, что в них нет ни тени художественного единства, нет идеи, нет лиц, которы е были бы ясно поняты самим авт ором, нет вы держанны х характ еров, наконец, нет и дей ствия, — все бессвязно, наполнено промахами против природы и условий искусства, все вял о, бледно, натянуто и холодно, несмотря на кажущий ся блеск и жар: этот блеск и жар искусственный , поддельный и потому фал ьшив. Чт обы дать читателям понятие об этих замечательных статьях, от которы х, по вы ражению Надоумко, сыры- боры загорел ись в нашей лите-ратуое, приведем несколько отры вков из двух или трех.

Главные места из первой статьи Над оумко «Лит ературны е опасения» были уже

приведены в нашем журнал е («Сов рем ен -ник»!, 1855 г., № 7, «К рит ика»). Смы сл их мы представили выше; потому перей дем к следующим разборам знаменитых тогда поэм и, не жел ая без край ней необходимости касат ься нападений на Пушкина, уважаемого нами не менее, нежели кем бы то ни было, взглянем на оазборы поэм Барат ы нского «Бал » и Подол инского «Борский ». Первый начинается так:

Напрасно восклицают брюзгливые старики, что мир стареется. Они судят по себе я думают, что когда сами подвигаются вперед, то и все туда

же за ними движется. Ничего не бывало1 Мир идет совершенно обратною дорогою: чем долее он живет, тем более молодится. Оглянитесь хоть на маиутку напал: что вы там увидите? Седую древность, кое и старушечье чело изрыто глубокими браздами сурового размышления и строгой отчетливости.

Это страшилище, коим можно только пугать настоящее цветущее время детской шаловливости! У нас ныне живут, дей ствуют, абонируются на славу н бессмертие, не потея, по- старинному, в тяжелых и бесполезных трудах •*, а попросту, припеваючи. Оттого и произведения настоящего времени отличаются не стародавнею грубостью, прочностью и полновесностью, а эфирною легкостью и миниатюрностью. Посмотрите на 'настоящие явления книжного мира: это ие книги, а книжечки, или, лучше сказать, книжоночки, в собствен-• Кооме полемических, в «Вестнике Европы » есть еще чисто ученые статьи Надеждина «О Высоком» и «Платон». Мы называем только важней -шие и обширней шие статьи из помещенных Надеждиным в «Вестнике Европы», не упоминая о многих других, отчасти не отмеченных его подписью. Если бы кому- нибудь вздумалось напечатать полный список всего, что помещено было Надеждиным в этом и других журналах до 1831 года, когда начался «Телескоп», мы могли бы сообщить некоторые соображения относительно анонимных статей Надеждина. Что касается статей , п и сан н ы х и м д л я «Телескопа», сомнения, остающиеся у нас относительно многих рецензий , особенно в первых трех годах этого издания, вероятно, могли бы быть разрешены положительными указаниями лиц, бывших тогда близкими к атому журналу рли его издателю: из них назовем М. П. Погодина.

•* Т. t. яе трудясь над собственный образованием и не думая о том, что поэт должен глубоко изучать жизнь я людей .

ней шем смысле слова! Печать, чернила, бумага, обертка — загляденье! Формат уместится в самом маленьком дамском работном ящичке; толщина не утомит самых нежненьких, беленьких ручек; содержание — не затруднит ии одною мыслию само ?1 чегреной и резвой головки 1

Вст арину, продол жает Нед оумко, раэборы начинал ись определением, к какому роду от носит ся произведение. Эт о ныне было бы совершенно неуместным педантизмом: наши гении пустились в погоню за славой , как рьяный конь в басне Кры л ова, закусив узду,

Не взвидя света, ни дорог 76.

и смешно измерять циркулем бурный бег их. «Произведения подобны х гениев всегда бы вают из ряду вон». Так же смешно было б искать в них «идеи, кот орая составл ял а бы их эстетическую душу; это значил о бы искать порожнего места. Сотни Пигмал ионов самыми жарчай шими л обзаниями не могли бы п ро-будить малей шей жизненной искорки в этих разряженны х кукол -ках». Д а и к чему искать в наших поэмах идеи? «Ст ат очное ли дело нал агать на поэта т яжкую обязанност ь говорить о чем-нибудь? » — у нас говорят ни о чем. «У нас главный закон: пиши, пока пишется, не размы шл яя о том, что пишется. Чем менее хол одного смы сл а, тем огненнее поэзия». Можно вообразит ь, каково продол жение разбора, начинающегося подобны м образом . Язвител ьно восхищаясь в поэме всем, Над оум ко обнаруживает , что все в ней фал ьшиво, нат януто и неправдоподобно: и сцепление собы тии, и характ еры , и разговоры . Вот один пример: повесть сост оит в том, что княгиня Нина, женщина ст раст ная до нагл ости, до совершенного презрения к мнению света, с ул ы бкою меняющая своих л юбовников, которую поэт изображает так:

В ней жар упившей ся вакханки, л юбит Арсения, который , «нося на челе»

Следы мучительных страстей ,

Следы печальных размышлений ,

любит, в свою очередь, Ол иньку, кот орая описы вается им самим так: ...Жеманная девчонка,

Со сладкой глупостью в глазах.

Нина адски ревнует Арсения и отравл яет себя ядом, когда он женит ся на Ол иньке. Кт о не видит, какое широкое поле насмешке дается этим сцеплением неправдоподобны х событий и карикат ур-ных снимков с непонятых героев и героинь Бай рона?

Вот как рассказы вает Над оум ко содержание «Борског о». Н а-родны е сказки, созданны е простодушны ми нашими прадедами, – говорит он, – от л ичают ся в рассказе событий спокой ствием и обы кновенно кончают ся поговоркою: «Ст ал и жить да поживать, да д обра наживат ь». Ны нешние так назы ваемы е романтические поэмы не таковы :

144

Нет ни одной из них, кот орая бы не гремела проклятиями, не корчил ась судорожно, не заговаривал ась во сне и наяву, и кончилась бы не смертоубий -ством. Душегубство есть любимая тема нынешней поэзии, разы грываемая в бесчисленных вариациях: резанья, стреляиья, утопленничества, давки, замо -роженья. Самый изобретательнсй ший инквизитор века Фил иппа II подивился бы неистощимому разнообразию убий ств и самоубий ств, измышляемых настоящими гениями в услаждение и назидание наше. Сей поэтической кровожадности не чужд и «Борский ». Содержание его есть следующее: Владимир Борский любит Елену, происходящую из рода, враждебного и ненавистного Борским. Отец Вл адимиров не благословляет страсти сей , и несчастный три года скитается по Европе с безнадежно болящей душой . Воэврат ясь домой , он не застает в живых отца, но получает из рук священника, присутствовавшего при его кончине, завещание, закл ючающее в себе прощение Владимиру, если он не будет мыслить об Елене, и – проклятие, если последняя воля отца ие будет для него священна. Владимир не может противиться искушению любви, распаленной уверенностью в ненарушимой Елениной верности. Он женится: но в самый час венчания совесть пробуждается в груди

виновного. Он смущается, трепещет, с мрачным бесчувствием отвечает на первое лобзание юной супруги, и – Елена с первого дня брака разочарована. Она преследует своими подозрениями Владимира, и в омраченном сердце его на подозрения откликаются подозрения. В одну несчастную ночь, когда сон бежал от возмущенного ревностью Владимира, Елена ...вдруг встает,

Как призрак в сумраке проходит И тихо стала у окна.

Все видит Борский : он не сводит С нее дозорливык очей ,

Он притаился, он чуть ды шит,–

Вот слышит шопот – н ясней ;

Потом Елены гол ос слышит:

«Мой друг! постои! постой ! побудь Со мной еще одно мгновенье!

Позвол ь прижать уста и грудь В последний раз!.. Мое моленье Ты отвергаешь... ты молчишь!

Жестокий ! стой ! куда бежишь?

Я за тобой готова всюду;

Какая б ии была страна,

Тебя преследовать я буду!»

Владимир, исступленный , бросается на свою жертву. По несчастию, месяц осветил висящий над ним кинжал :

«Стой !» – грянул голос. – «Стой ! не дале!»

И вот сверкнул олеэвее,

И кровь Елены на кинжале,

И рана в сердце у нее!

Убий ца вторгается в хижину священника, прерывает его благочестивые

...Твоя жена

Невинна! знай : она была Лунатик!

Все, конечно, ахнут, все воскликнут вместе с Борским:

...Лунатик!

Ю Н, Г. Черны шевский , т. Ш 146

И мы должны будем, пожав плечами, повторить ответ священника:

...Знаем.

Уд ар жестокий совершаем;

Но мы не лжем – свидетель бог!

Мудрено ли после того, что Владимира нашли под снегом, замерзшего у могилы Елены?.. У кого не застынет и среди жаркого лета кровь в жилах при столь ужасной катастрофе? Зарезат ь добрую жену – ни за что, ни про что!.. Мы потому приводим сод ержание этих поэм, что ныне они забы ты : немногие ныне перечиты вают «Эд у», «Бал », «Нал ож-ницу», «Чернец а», «Нат ал ью Дол горукую», «Борског о», «Ни -щего» 77. Ав т ор статей о Пушкине, лет уж двенадцать тому назад , ут верждал , будто бы нет возможност и без край ней необходимости перечитать даже «Русл ана», «К авказского пленника» и проч. А , между тем, до сих п ор о Над оумке говорил и, как о скифе, как вандал е, без вкуса, без совест и, даже без таланта писать умно и взвал ивал и на него все эти обвинения за то, что не говорил с бл агоговением о художественны х коасот ах «Борског о»,

«Нищ ег о», «Нал ожниц ы » и т. д., и т. д. Посл е приведенных нами вы писок, бол ьшая часть из наших читателей , вероят но, не будет сомневат ься, что Над оум ко знал , за что и почему он осужд ает эти поэмы , знал , на какие ст ороны поэтического п роиз-ведения над обно обращат ь внимание, чтобы решить, вы держивает

ли оно эстетическую крит ику, понимал , в чем сост оит худо-жест венная красот а. Н а всякий случай помещаем в прил ожении существенны е места из статей о «Борском ». Нам пора хл адно-кровно судить о дел ах, от кот оры х мы отделены двадцатью семью годами, и о стол кновениях между л юдьми, мнения которы х давно примирены , споры давно кончены . Вел ичие Пушкина не в том, что он был равен Бай рону или похож на эт ого мизант ропа, ст рад ающего от л юбви к л юдям; мы знаем теперь, что Бай рон был бы у нас тогда невозможен и беспол езен, потому что не был бы понят ни публ икою, ни д аже даровитей шими л итераторами.

У Пушкина есть другие качест ва, другие великие засл уги. И, кажет ся, давно пора нам прекрат ит ь свое негодование на Над еж-дина за то, что он заметил решител ьное несходст во между этими великими поэтами, в самом деле нимал о не похожими друг на друга. Пора нам перестать негодовать на Над ежд ина и за то, что он разобл ачил бедность нашей тогдашней л итературы : во - первых, теперь л ит ерат ура у нас достигл а бол ьшего развит ия, отчасти бл агод аря его справедл ивы м указаниям на л живост ь того, чем так обол ьщ ал ись,– сл едоват ел ьно, нам нечего обижат ься его сл овами, которы е теперь уже не прил агают ся к нам вполне, как прил агал ись тогда; во- вторы х, и это всего важнее, в сущности вы сказы вал он правду. Гов оря прост о и корот ко. Над ежд ин сделал

от носител ьно пушкинского периода нашей л итературы то же, что критики романт ического направл ения, из кот оры х последним и важней шим был Пол евой , сделали относител ьно преды -146

Дущего периода; подверг его строгой крит ике и тем приготовил возможност ь дальней шего л ит ерат урного развит ия дл я нашей публ ики. Т о и другое дело были од инаково законны и необходимы; то и другое равно д ают право на нашу признат ел ь-ност ь тем л юдям, сил ами кот оры х были они совершены . Т о и другое од инаково возбудил и вопли негодования со ст ороны л ю-дей , которы е не могли возвы сит ься до понимания новы х идей .

Н о зачем Над оум ко говорил таким жест ким т оном? Разве не мог он вы сказать то же самое в мягких форм ах? Удивител ьное дело — наши л итературны е да и всякие другие понят ия. Вечно предл агаются вопросы , почему земледелец пашет пол е грубы м жел езны м плугом или сошником! Д а чем же иначе можно вспахать пл одородную, но т яжел ую на подъем почву? Ужел и м ожно не понимать, что без вой ны не решает ся ни один важный вопрос, а вой на ведется огнем и мечом, а не дипл оматическими фразам и, кот оры е уместны тол ько тогда, когда цель борьбы , веденной оружием, достигнута. Беззаконно нападать т ол ько на безоружного и беззащит ного, на ст арцев и кал ек; а поэты и л ит ерат оры , против кот оры х выступил Над ежд ин, были не таковы : они были люди сильные и умевшие владеть оружием. З а нападения ему запл атил и нападениями, по край ней мере, не менее жесткими. Пол емика, возбужд енная ст ат ьями Над оум ко, сост авл яет едва ли не важней ший эпизод эт ого род а в ист ории всего пушкинского периода. Все журнал ы , кроме «Ат енея» 78, не посещаемого никем, почти все ал ьманахи единодушно опол чил ись против «Вест ника Европы ». Все зат ронут ы е Надежд ины м л ит ерат оры соединил ись против его статей . «Московский тел еграф» и «Северные цветы» были главными дей ствователями в этой борьбе за собст венную честь и жизнь. Пушкин и Полевой были предводителями нападающих. Ост авл яя без внимания многих бой цов, не достой ных памяти, сосред от очим внимание на подвигах, совершенных этими главными и их сподвижниками.

Первы м, как и сл едовал о ожид ат ь, вышел на дерзкий вы зов Полевой . На него Над оум ко нападал с первого раза еще прямее и жесточе, нежели на Пушкина. Все насмешки над тем, что у нас не понимают пустоты и бедности нашей л итературы , напрот ив, назы вают наших поэт ов Бай ронами, от носил ись прям о к нему, главе тогдашней журнал ист ики. Он не замедл ил ответом: в первом же нумере «Тел еграфа», вы шедшем посл е той книжки «Вест -ника Европы », где находил ось начал о первой статьи Над ежд ина («Лит ерат урны е опасения за будущий г од »), он поместил очень хорош о и едко написанную т ираду, в которой , впрочем, г овори-л ось более о редакт оре «Вест ника Европ ы », Каченовском, нежели о статье Над оум ко или ее авт оре 79. Над ежд ин отвечал на его возражения т акже едко. Он мог отвечать, пот ому что сознавал свою силу. Н о Каченовский вздумал для своей защит ы прибегнуть не к обы кновенному л ит ерат урному оружи ю, а к ст ранному ю* 147

и вовсе не похвал ьному средст ву, и объ явил об этом в примечании к возражениям Над оум ки на статей ку «Т ел еграфа»80. Разумеется, дело кончил ось, к его собст венному сты ду, решител ьною неудачею. Тогда- то град ом посы пал ись на него, и справедл иво, насмешки и упреки со всех ст орон. Полевой напечатал дл инную ст ат ью «Лит ерат урны е опасения за кое - что», в которой была под робно просмот рена вся его л ит ерат урная и ученая деятель-ност ь, и д оказано, что его произведения, до той поры (1829) напечатанны е, ни числ ом своим, ни тем бол ее качест вами, вовсе не оправды вают громкой извест ност и, кот орою ои пол ьзуется.

Сам Пушкин поместил в «Северны х цветах» превосход но написанную ст ат ью, в которой изл ожил прикл ючение Каченовского в самом смешном виде. Так как эта ст ат ья не вошл а ни в издание Пушкина, сдел анное г. Анненковы м, ни в прежнее издание, то мы в прил ожении II сообщаем ее читател ям, окружив, для большей ясност и, другими от ры вками, касающ им ися эт ого сл учая. Эпиграммы , едкие статьи и статей ки сы пал ись на «Вест ник Европы » со всех ст орон, сначал а преимущест венно падая на ред акт ора, но вскоре еще в г оразд о бол ьшем кол ичестве и на авт ора статей , когда все увидел и, что Над оум ко не прост о присл ужник Каченов-ского, а самост оят ел ьное л ицо, кот орому нел ьзя зажат ь рот, нападая на Каченовского. Все знаменитей шие эпиграммы Пушкина написаны по эт ому сл учаю. И з них бол ьшая часть еще направлена на Каченовского и вообще на его журнал , прямо не касаясь экс- студента, пот ому что, когда другие обрат

ил и на него главное внимание, Пушкин уже перестал писать эпиграммы по поводу статей Над оум ки, увидев своего сильней шего защит ника в том, кого считал злей шим врагом. – По сл учаю статей Над оумки явил ось и «Собрание насекомы х», в кот ором стих:

Вот **** злой паук над обио читать:

Вот Каченовский , злой паук,

и «Лит ерат урное извест ие» (в самом загл авии показано от ношение к «Лит ерат урны м оп асениям »).

В Эл изии Васил и» Тредьяковский (Преострый муж, дсстой ный много хвал)

С усердием принял ся за журнал .

В сотрудники сам вызвался Поповский ,

Свои статьи Елагин обещал;

Курганов сам над критикой хлопочет:

Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет,

И, говорят, на- днях они начнут,

Благословись, сей преполезный т руд,–

И только ждет Василин Тредьяковский ,

Чт об подоспел Михаил е (Каченовский).

К нему от носит ся т акже эпиграмма, написанная по поводу

о предыдущих эпиграммах, как о «камешках, которы ми Пушкин бросает в людей , говорящих ему правду».

Как сатирой безымянной Лик Зоил а я пятнал,

Признаюсь, на вызов бранный Возражений я не ждал.

Справедливы ль эти слухи?

Отвечал он? Точно ль так?

В полученьи оплеухи Расписал ся мой дурак?

Кроме того, еще одна приведена нами в прил ожении И. К этим четырем, вошедшим в «Пол ное собрание сочинений Пушкина», прибавим пятую, не вошедшую в него, и уже приведенную нами в № 7 «Современника» прошедшего года: 81 Там, где древний Кочерговский Под Ролленом опочил,

Дней новей ших Тредьяковскнй Колдовал и ворожил :

Дурень, к солнцу став спиною,

Под холодный «Вестник» свой Пры скал мертвою водою,

Пры скал ижицу живой в2.

Читател ю известно, что Каченовский вздумал попробоват ь, нельзя ли русскую орфог рафию приучит ь к собл юдению в гре* ческих сл овах букв греческой орфог рафии, как собл юдает ся она в западны х язы ках; потому он писал в «Вестнике Европы »: енбуыасм, ЕУгений , пол Ыка и проч. Прот ив самого Над оумки написана «Прит ча»:

Картину раз высматривал сапожник, и т. д., – имеющая в рукописи, по замечанию г. Анненкова, эпиграф: «По всему видно, что он семинарист » (не приводим ее вполне,

потому что напечатана был а она уж много лет спустя посл е того, как написана), и другая:

Мальчишка Фебу гимн поднес.

«Охот а есть, да мало мозгу.

А сколько лет ему?» вопрос.

– Пятнадцать. «Только- то? Эй , розгу!*

За сим принес семинарист Тетрадь лакей ских диссертаций ,

И Фебу вслух прочел Гораций Кусая губы, первый лист.

Отяжелев, как от дурмана,

Сердито Феб его прервал И тотчас взросл ого болвана Поставить в палки приказал.

Гораций , а не кто другой , читает «лакей ские диссертации

бол вана- семинарнста» не дл я одной рифмы , а потому, что Над о'

умко очень част о цитовал Горац ия. А самая эпиграмма возникл а из известной эпиграммы Васил ья Львовича, дяди Пушкина:

Какой - то стихотвор (довольно их у нас), и проч. ва. по тому сл учаю, что в первой статье Над оумки о «Пол т аве» есть сл едующее место: фл югеровский (романт ик) говорит , что Пушкин – гений . Незнакомец- ст арик, в сл овах кот орого изл агают ся собственны е мысли авт ора, говорит , что признает Пушкина гением тогда, когда он созд аст что- нибудь истинно великое, а теперь в нем виден тол ько огромный талант. Над оум ко спрашивает его: неужел и же ошибает ся «Сы н отечества»:

...Там напечатано, п ом н и т ся , так: «Сомневаюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такие, которые бы не сознались, что он гений . Пушкин начал писать в таких летах, когда невозможно делать усилий , чтоб быгс стихотворцем». Что вы на зто скажете?

Незнакомец. Го, что сей набор слов едва ли понятен самому тому, с чьего пера он стек. Начать писать слишком рано – еще не признак гения.

В противном случае, пятнадцатилетний юноша, которого историю рассказал так забавно почтенней ший дядюшка обсуживаемого нами теперь поэта (в примечании прибавл ено: Незнакомец, вероятно, разумел прекрасную басню В. Л. Пушкина, в коей Апол лон вершит суд свой над одним пятнадцатилетним поэтом), был бы, по всем признакам – гений .

Эт о самая грубая из всех выходок Надоумки, от носящихся к Пушкину, и мы вовсе не хотим доказы вать, что она деликатна.

Мы хотим тол ько дать читател ю сравнит ь, в чьих сл овах бол ьше жесткости – в сл овах ли крит ика, иу\ в сл овах поэта. Но другой такой выходки на Пушкина мы не най дем у Надоумки, и едва ли можно сказат ь, чтобы в полемике своей прот ив Пушкина он, кроме этого сл учая, переступал границы , возлагаемы е – не говорим: тогдашними, но и ны нешними понятиями о л итературны х прил ичиях.

Все были душевно возмущены статьями Надоумки, как мы сказал и, и даже «почтенней ший дядюшка» Василий Львович почел своею обязанност ью написать, по сл учаю, о кот ором мы упоминал и, стихотворение, в оправдание себя от возведенного на него соумы шл енничества с Над оум кою и в защит у обижаемого пл емянника 84.

Посмотрим теперь, как восст авал прот ив Над ежд ина другой , сильней ший тогда посл е Пушкина человек, Н. А. Полевой , журнал кот орого был единственным, имевшим серьезное влияние на публику.

В прил ожении II у нас вполне приведены из статьи «Тел е-г рафа» по поводу «Лит ерат урны х опасений » все замечания, прямо от носящиеся к Надоумке. Он опроверг их совершенно, наговорив новы х колкостей и разобл ачив нескол ько промахов «Тел еграфа». «Тел еграф» обещал дать о «Лит ерат урны х опасениях за будущий год» особенную под робную ст ат ью; но она не явл ял ась. Тол ько во второй , подробней шей статье «Тел еграфа» против Каченов -150

ского, которой , в насмешку над статьею Над оумки, дано был о заглавие «Лит ерат урны е опасения за кое - что» (т о есть за ученую сл аву редакт ора «Вест ника Ев роп ы »), выведен был «Жел т як» (жител ь жел того дома, сумасшедший), который усил ивал ся защищать ученые труды Каченовского и говорил фразам и Над о-умки, но принужден был согл ашат ься, что Каченовский — самый плохой ученый . Греческий эпиграф к этой статье был также насмешкою над Надоумкой . Н о тем и ограничил ись опровержения, которы ми ему грозил и. Дол го после того, несмот ря на множество жестоких нападений от него на Пол евого, полемике против него не было посвящено и нескол ьких ст рок сряд у. Все в озраже-ния ему ограничивал ись тем, что довол ьно част о имя Над оумки презрител ьно упоминал ось кстати, когда дело шл о о каких - нибудь бездарны х писаках или оскорбит ел ях, кот оры е не достой ны ответа. Чему поипи.'ать такую скромност ь? Во- первых, скажем к великой чести Н. А. Пол евого, тому, что он не л юбил пол емики: он прибегал к ней тол ько в редких сл учаях и тол ько по необходимости.

Д руг ою причиною был о дей ствительное презрение к такому бес-сил ьному врагу, как «Вестник Европы »: этот журнал имел самую жал кую репутацию в публике и едва ли имел читателей на белом свете. Мы сделаем читателю вопрос, можно ли предпол агать еще третью причину того, что Полевой так долго не возражал Н а -

деждину, когда увидим характ ер возражений , сдел анных ему «Тел еграфом» впосл едствии времени. Бол ее пол угол а прошл о таким образом без ответа Над оумке. Наконец явил ось замечание о стихах, помещенных Надеждины м в « Р у с с к о м зрител е» *85 с полной подписью его имени. Кт о такой этот Н. И. Над ежд ин? — спрашивал а рецензия. Ником у не извест но, чтобы сущест вовал такой писатель. Мы спрашивал и о нем — никто не мог отвечать.

«Од ин л итератор утверждал , что имя Н. И. Над ежд ин дол жно быть псевдонимическое. и стихи, веооят но, заимствованы из ненапечатанных доныне бумаг покой ного п рофессора эл оквенции В. К. Тред ьяковского, а не сочинены в наше воемя. Кт о когда-л ибо, кроме Тред ьяковского, писал такие стихи? Кт о, особенно в наше время, станет писать такие ст ихи?» Пот ом опять вст ре-чаются тол ько беглые упоминания о жал ком зоил е Надоумке.

Еще через пол года был помещен довол ьно большой разбор отры вка из его готовившей ся к изд анию диссерт ации о романт и-ческой поэзии. Разбор носил загл авие «Лит ерат урны е прииски» и объявл ял , что все основны е мысли диссерт ации похищены у Аст а и Шт уцмана, что бы л о подт верждаемо обширною выпискою из последнего фил ософа. Наконец явил ась самая д иссер-тация (на л атинском язы ке), и Н. А . Полевой написал ее разбор,

* В первые два или три года своей литературной деятельности Надеждин печатал довольно много стихов. Направл ение в них было шиллеров -ское; художественная сторона, дей ствительно, слаба.

I5t

памятный в ист ории нашей пол емики по ост роумию и чрезвычай -ной резкост и 88. Лат инская диссерт ация Над ежд ина разбирает ся вместе с пол уграмот ною книжкою: «О трагедии греков, франц у-зов и романт иков. Сочинение бел ебеевского уездного земл емера Викт ора- Фомы Товарниц ког о», и начинается бл агодарност ью

Товарниц кому «за его шутку, весьма милую и ост рую», — Пол евой назы вает книжку Товарниц кого пародиею на сочинение Над ежд ина, кот орого считает защит ником кл ассицизма; но, говорит Полевой , в пародии ост роумного бел ебеевского земл емера упущена из виду отл ичител ьная черта русских кл ассиков: она сост оит в том, что «все прил ьнул о к ним снаружи, что их мнения, будучи не следствием внутреннего убеждения, не собственной (хот я неправил ьно развитой) мысли, представл яют нелепую смесь, разнород ную, ст ранную сл ожност ь противоречий , лишенную всякой формы и всяких приличий ».

Русский классик должен, во- первых, украсть что- нибудь у немцев, французов, англичан, переврать это и потом утверждать что - нибудь самое нелепое, самое пошлое, перед чем лагарповы, баттёвы, баур - лормиановы суждения казались бы солнцем светозарным; во- вторых, он должен цито-ваться особенно латинью (если же можно, по - гречески: это еще лучше), и засыпать свои доказательства фразами, нахватанными из Горация, Лукана, Буало, Бл ера и проч.; третье– и самое важней шее – он должен громко вопиять о развратe, о погибели вкуса, должен искусно соединять с этим мысль, что романтизм есть то же, что атеизм, шеллингиэм, либерализм, т ерроризм, чадо безверия и революции; должен сильно вопить о славе Державина, Ломоносова, Хераскова, Поповского, Кост рова, Петрова, Май -кова. К атому надобно с горестью прибавить, что ныне пишут разбой ничьи поэмы, а не гремят торжественными одами. Тут должно исчислить наши победы, в которых, разумеется, классик столько же участвовал душою и телом, сколько он понимает, что говорит. В закл ючение, четвертое, надобно как можно надутее заговорить о славе России вообще, о возвышении нашем над всеми народами, о величии предков, о просвещении России при Яросл аве и Мономахе, о Баяне, о Петре Могиле, «Сл ове о полку Игоревом», Сильвестре Кулябке, яко доводах нашей славы.

«Есл и бы г. уездный белебеевский землемер написал свою

пород ию по этой программе (прод ол жает Пол евой), она еще бл иже подходил а бы к нашим кл ассическим диссертациям.

И пусть не думают читатели, что на кл ассиков возводит ся небывал ьщина: диссерт ация Над ежд ина – свежее доказател ьство, что рассужд ения их дей ствительно таковы , как предписы вает эта программа. Опровергат ь Над ежд ина не стоит: что смешно, то неопасно».

Вот основание этой диссертации, годной в кунсткамеру литературных редкостей : г. Надеждин начитал где - то, что доныне поэзия бывала первобытная, классическая и романтическая: начитал он еще, что классическая поэзия кончилась с греками; узнал вдобавок, что поэзия, начавшаяся в новом мире средних времен, названа романтическою. Тут начал г, Надеждин мыслить – и чтб же вымыслил? что и романтическая поэзия решительно кончилась. Чтб же такое творения Гете, Бай ронов, Муров, Пушкиных?

Пол ожим, что вы правы; но чего же вы хотите? Признаемся, мы ничего не 163

поняли. Кажется, что г. Надеждин хочет какого - то соединения романтизма с классицизмом: но как. для чего– пусть это разгадывают другие. Видим, что мысль в основании нелепа; и о, за всем тем, лучше сознат ь я, что мы худо ее понимаем. Где нет ни логического, ни грамматичес .or j смысла, там ве стыдно сознаться в незнании. Од но только сесьма ясно заметно у г. Надеждина: следы школьной ферулы, и под эту ферулу хочется ему подвести всех. Неудачный опыт ее над г. Надеждины м едва ли может быть доказательством справедливости его слов.

«Изучение древности добывается не без кровавого пота». Ясно, что кровавый пот намекает на ферулу и скамей ку, вразумляющие бурсаков.

Но кто euje сомневается, пусть читает далее:

Сей флей тщик, песнями пленяющий собранье,

Учил ся и терпел старей ших наказанье.

непременно учиться». Очень рады и советуем; только надобно доучиться, а иначе будем походить на какого- нибудь недоумку, который , что сл ово скажет, то J* видно, что он в бурсе и не досечек и не доучен!

Стоит ли такое рассуждение опровержений ? – продолжает Полевой . –

Нет1 Пародия г. Товарницкого «померкает перед этим оригинал ом», который вполне осуществляет «представленный нами выше сего план для русской классической диссертации, ибо:

1) Основны е мысли в ней чужие, взятые у Штуцмана и Аст а (ссыл ка на «Литературные прииски». о которых говорил и мы выше). 2) Сии мысли не поняты г.

Надеждиным и вывод из них есть этому доказательство. 3) Ненужных разноязычны х цитат в диссертации конца нет. 4) Романтизм представляется исчадием безбожия и революции. 5) Говорено вкривь и вкось о всех европей цах, все обруганы, н указано на Россию, на упадок патриотизма в России, на Баяна. Петрова, Кост рова, Лом оносова, Румянцова. Этот приторный патриотизм есть венец теории г. Надеждина. И такое создание осмелился он представить на суд почтенных профессоров Московского университета! Из этого создания поместили отрывки два почтенные профессора в издаваемых ими журнал ах!.. Стыдимся за почтенных издателей «Вестника Европы » и «Атенея», и предоставляем диссертацию г. Надеждина ученикам латинского кл асса в уездных училищах.

Разбор этот был написан с бол ьшим умом, не тол ько с чрезвы -чай ною едкостью. Он убил диссерт ацию во мнении публ ики.

И, однако же, на каких основаниях идеи Над ежд ина были объ явлены нелепыми? Полевой сам объ яснил эт о; когда впоследствии между «Тел еграфом» и «Тел ескопом» велась жаркая пол емика,

Полевой напомнил публике о «нелепой » диссерт ации Над ежд ина следующим объявл ением:

В книжной лавке Амоса Курносова принимается подписка на новую

мкягу, под названием «Сорванная маска с философа- самозванца, или Кузен

рическо- иррнтабельно'сатирическое исследование, сочиненное Иваном Бело-омутовым, с эпиграфом из повести М. П. Погодина: «Где я? в вертепе нищих, воров, площадных мошенников! И вот какие происшествия, друг мой , не производят во мне никакого болезненного ощущения! Удивительное явление!» («Тел ескоп», 1832, № 7, стр. 362). В сем новом, достой ном особенного внимания творении г. Белоомутова доказывается явно, что Кузен есть шарлатан и обманщик, что он обокрал немецких фил ософов, не понял их, переврал и только гнусным красноречием своим заставил Европу думать, будто и он не 153

Последняя спица в колеснице современного мышления. ЯсНо также доказывается и подтверждается тут, что каждый русский студент смыслит философию больше Кузена * s7.

Ит ак, вот почему мысли Над ежд ина показал ись нелепы Пол е-вому: они были несогл асны с фил ософиею Кузена; а основная ошибка Над ежд ина, как видим, сост оял а, по мнению Пол евого, в том, что он предпочитал немецких фил ософов Кузену, фил ософию кот орого осмел ивал ся признават ь не засл уживающею внимания.

Посл е этого «Тел еграф» чаще прежнего упоминает о Надоумке и Над ежд ине, но попрежнему всегда тол ько в нескол ьких сл овах.

Когда Над ежд ин стал издават ь «Тел ескоп», Полевой мало - помалу вовлечен был в более обширную полемику с ним и иногда по нескол ьку месяцев не выпускал ни одной книжки «Тел еграфа)» без статей и статеек прот ив Над ежд ина. Над обно признат ься, что он был вы нуждаем к тому беспрест анны ми нападениями. Но, между тем, как нападения «Тел ескопа» очень част о касал ись предметов серьезны х, изобл ичал и важны е промахи в «Тел еграфе», чем отвечал на эт о «Тел еграф»? Он нападал на сл ог, на непонятность разл ичны х фил ософских терминов. Од нажд ы , когда в «Тел ескопе» бы ла напечатана статья Гул ьянова, переведенная с французского, с прил ожением к русскому переводу и франц узского текста,

Ул ики в незнании были т акого род а: вместо «овал ьны е рамки соприкасают ся» над обно бы л о перевести «продол говат ы е ободочки соединяют ся между собою», и т. п. Н о и в этом потерпел «Тел е-г раф» неудачу: оказал ось, что русский перевод статьи Гул ьянова был сдел ан самим же Гул ьяновы м. Пот ом, когда Надежд ин, в 1832 году, стал печатать оберт ку своего журнал а без знаков препинания в ст роках крупного шрифт а (как это и вошл о теперь в обы чай), «Тел еграф» стал смеят ься над «1832- ры м Тел еско-пом», д оказы вая, что «Тел ескоп» не знает правил об употребл е-нии точки: видите ли, граммат ика требует, чтобы был о напечатано так:

1832.

Т Е Л Е С К О П . а не прост о (без т очки):

* Белоомутов – потому, что под некоторыми статьями Надоумки выставлено, для обозначения места, откуда они присланы, «Белый омут» (имя села, в котором родил ся Надеждин). Эпиграф взят из повести г. Погодина, вероятно, потому, что одним из первых поводов к полемике была статья г. Погодина «О Московской выставке». Филологико - крнтико- и т. д. – пародия многосложного заглавия диссертации Надеждина: Dissertatio historico -critico- elenctica (историко- критнко- полемическое); но дело в том, что, по обычаю новых латинистов, подобная многосложность требуется для изящности латинского слога. Не нужно прибавлять, что «обокрал , переврал» и проч.– буквальное повторение выражений , употребленных Полевым в разборе диссертации Надеждина.

154

1832

Т Е Л Е С К О П

Когда «Тел ескоп» шутл иво отвечал на это, что «несчаст ная точка в заглавии есть пункт, на кот ором запнул ся «Тел еграф», журнал Пол евого, не понимая, что прот ивник в этом сл учае играет сл о-вами, серьезно начал доказы ват ь, что «Тел ескоп» не знает, что «т очка» и «пункт» – одно и то же сл ово, и не понимает смы сл а сл ова «пункт». В третий раз, по сл учаю того, что Надежд ин, в насмешку над романами одного тогдашнего писателя 88, стал иронически уверять, что произведения Ал ександ ра Анфимовича Орл ова лучше этих романов, и Пушкин, вздумав продол жит ь эту шутку, напечатал в «Тел ескопе» свои знаменитые статей ки, подписанные псевдонимом Феофил акт а Косичкина 89, «Тел еграф» серьезно начал уверять, что Над ежд ин хвалит А. А . Орл ова, и доказы вать тем безвкусие Над ежд ина. Не будем продол жат ь этого исчисл ения: нам нимал о не прият но говорит ь о неудачах «Тел еграфа», кот орому так много обязана русская л итература.

Мы не стали бы приводить и этих примеров, если бы уверены были, что без всяких доказател ьств читатели поверят основател ь-ности нашего мнения. Он о сост оит в том, что Н. А . Полевой мог играть только жал кую рол ь в спорах с своим противником. Впрочем, ошибся бы тот, кто вздумал бы выводить из этого следствия, небл агоприятны е именно для Н. А. Пол евого: не он один, а решительно никто в тогдашней нашей л итературе не мог быть достой ным противником Надежд ину. В этом согл асится каждый , кто знает нашу т огдашнюю л итературу. Мы избавл яем читателя от подробней ших доказател ьств, предпол агая, что они нужны разве для немногих. Мы боимся, что утомили читателя выписками, да и статья наша принял а уже объем более обш ирный , нежели мы того хотели бы.

Мы останавл ивал ись так долго на полемике, возбужденной статьями Надоумки. и сделанном Пол евым оазлоре л иссрг>тамии

Надежд ина потому, что эти факты имели решительное влияние на мнение огромного бол ьшинства публики и л итерат оров о Н а-дежд и не, как критике. Тогд а все ахнул и и возопил и: «зоил , педант, шарл ат ан!» и до последнего времени, не вникая в сущность дела, повторял и: «Над ежд ин был хулителем Пушкина – о, варвар без вкуса и сты да! Над ежд ин выдавал мысли, взяты е из Аст а и Шт уцмана, за свои собственны е – о, шарл ат ан! Надеждин говорил школ ьною л аты нью, шпиговал свои статьи греческими цитатами – о, педант!»

Н а самом деле так много горячит ься нам не из чего. Есл и Надеждин был чем неправ, то разве тем, что с жаром увл ечения заговорил о предметах, кот оры е не стоил и того, чтобы серьезно ими занимат ься. Он и сам очень хорош о понимал эт о: оттого у него част о среди горьких или пламенных тирад вы ры вается Невольная улыбка, – вдруг он вспомнит: «да над чем я хл опочу?

155

да стоит ли горячит ься? да не смешон ли я, говоря с л юбовью и гневом?» – и все- таки он не мог уд ержат ься: привязанност ь к своему, родному брал а верх над шопот ом рассуд ка: «не стоит об эт ом говорит ь!» – и он опят ь бил ся с жаром , достой ным более крупного предмета ст раст и, нежел и наша тогдашняя л

итература. Прост им ему увл ечение: ведь он тогда был мол од- притом же, и все другие, увл екавшиеся пот ом подобно ему, ошибал ись подобно ему: игра не стоил а свеч. Ну , что они вы играл и? Т о, что мы с вами, читатель, вспоминаем о них с признател ьност ью? Д а стоил о ли убиват ься дл я приобрет ения признател ьности той маленькой горст и людей , кот орая сост авл яет у нас так назы ваемую публику? Ну, какую пол ьзу принесл и они? Ту, что мы от них научил ись чему-нибудь д обром у? Д а многому ли мы научил ись? Многому, очень многому, нечего сказат ь! Ст оил о портить свою грудь, пренебрегать другими, л учшими карьерами для того, чтобы образовать ум и сердце пяти с половиной чел овек, которы е, к довершению счаст ия, забы л и почти все, о чем тол ковал и им с такою горячност ью! Нет . здравый рассуд ок говорит , что лучше было бы покачат ь головой и не поднимать гл аса вопиющего в пустыне.

Од нако ж. так как они уж сделали ту ошибку, что любили нас с вами, читатель, и хотел и нам д обра, то пост араемся же припомнить хот я часть того, чему они желали научить нас. Теперь речь зашл а у нас о Над ежд ине: посмот рим же, чего хотел он, как критик.

В то время, как он гот овил ся выступить на л итературное поприще, л итерат ура наша ст радал а чрезвы чай ною поверхност-ност ью. Лит ерат ору нет необходимост и быть особен н о ученым; но он не дол жен быть чел овеком легкомысленным и поверхностным. А тогда почти все л учшие люди были таковы . Сам Н. А . Полевой , серьезней ший из них. так пылко желал осуществл ения того, чего жел ал для русской л итературы , что воображаемое принимал уже за осуществл енное и раздел ял общее упоение нашими дивными подвигами в обл аст и л итературы . К чему вело это само-обол ьщение? ровно ни к чему хорошему. Никт о не понимал того, чем он восхищал ся; никто не понимал , что радоват ься, собственно г оворя, бы л о еще нечему. А все радовал ись и восхищал ись. Сами не могли в прозе написать ни о чем порядочной статей ки в двадцать страничек, не говорим: книги,– в поэзии имели тол ько не-скол ько л ирических пьес ист инно прекрасны х, а бол ьше ничего вы держивающего крит ику, – не имели ни одной сносной п розаи-ческой повести, не говорим уж: романа, – ни одной поэмы в стихах, кот орая была бы прочувст вована, а не пропета с чужого гол оса, – а уж воображал и, что постигли всю мудрость земную, что имеют довол ьно хорош ую л итературу; т о были невинные,

Зл аты е игры первых дней !9а

Юны е мечты, сл адкие мечты, как наивно прекрасны были вы!

156

Ест ь законная пора самообол ьщений . Н о всякое самообол ьще-ние д ол жно иметь свой срок, или оно станет вредны м. Срок этот прибл ижал ся. Нов ое покол ение под раст ал о, с новы ми требованиями, с бол ее гл убокими стремл ениями. Веневит инов был ранним провозвест ником эт ого покол ения; но он умер, едва сказав первое свое сл ово, еще ничего не успев совершит ь...

Все прод ол жал ось, повидимому, прежним поряд ком. И опять явил ся человек, все еще нескол ькими годами опередив покол ение, кот орое дол жно был о понят ь его. Он не погиб так рано, как Веневитинов, не успев подать руку новому покол ению; но когда он явил ся, никто еше не мог емл сочувст вовать ь, и долго он был предметом общего [глумления]. И сам он не мог еще указат ь ни на кого, кто был бы чел овеком, каких жел ал он. Все, чт о видел он вокруг себя, бы л о достой но т ол ько разруш ения и от риц ания. И он явил ся каким- то злым духом от риц ания и разрушения. Таков о был о пол ожение Над оум ки в нашей л итерат уре.

Он один тогда понимал вещи в их ист инном виде. Ег о не понял никто: и потому, чт о он вы сказы вал истину очень горькую для тех, кому говорил ее, и пот ому, что вы сказы вал ее горько, и, более всего, потому, что основания, на кот оры х опирал ись его приговоры , были незнакомы никому. Немецкая фил ософия, питомцем которой он был, неизвест на был а никому. Все видели тол ько, что он прот иворечит франц узским книжкам, из кот оры х была почерпнута вся наша т огд ашняя мудрост ь – и его объ явил и безумцем. Чего он хочет, не понимал никто, потому что у нас не был о ничего подобного тому, чего хотел он, – и всем показал ось, что пн тол ько хочет бранит ь и унижат ь нашу л итературу.

И, однако же, чем он был недовол ен в л ит ерат уре? Теми поэмами, над

сочинением кот оры х т рат ил ись все наши сил ы , восхищение которы ми от нимал о всякую мысль о возможност и чего -нибудь лучшего Ны не кто не н азы в ав этих поэм детскими п ро-изведениями? Он восст авал прот ив Пушкина; но извест ны ли были тогда созд ания Пушкина, перед кот оры ми мы теперь прекл о-няемся? «Бориса Год унова». «Каменного гост я». «Мед ного всад -ника», повестей в прозе, — ничего эт ого еще не бы л о. Был и тол ько поэмы в бай роновском род е, •нал кот оры ми потом смеял ся сам Пушкин, — поэмы не прочувст вованны е, ст ранны е п од ража-ния бай роновской форм е без всякого понимания бай роновского духа. И разве пот ому восст авал он прот ив этих поэм, что хотел унизить талант Пушкина? Нап оот ив, никто так резко не замечал безграничной разницы между Пушкины м и другими тогдашними знаменитостями; а ведь тогда никт о, кроме его, не замечал этой разницы . И разве он унижал в поэмах Пушкина то, что в них есть хорошего? Напрот ив, он безусл овно хвал ил в них отдельные картины природы и грац иозны е сцены из современного бы та, — единственное, что мы теперь находим в них прекрасны м. Он тдк хорошо понимал это, что «Графа Нул ина» ставил выше «Бахчи»

157

саранского фонт ана». Н о он все - таки осужд ал Пушкина? Од нако, за что же? за то, что предпол агал , будто Пушкин удовл етворяет-ся своими прежними произведениями и не думает о том. что еще не созд ал произведений , впол не достой ных своего великого тал ант а. Ведь это недовол ьство, кот орого ист очник— очень вы соко* мнение о таланте Пушкина. А когда Пушкин издал «Бориса Год у-нова», он один оценил это произведение, в последней статье, под» писанной именем Над оум к и 91. И, наконец, разве он восст авал именно прот ив Пушкина? Он доказы вал тол ько, что вся наша

т огдашняя л итература вовсе не так богата, как тогда все были уверены . И если мы вникнем в сущност ь его статей , мы увидим, что если никто не судил о нашей л итературе так ст рого, как он, то и никто не превозносил так Пушкина, как он. Он первый вы сказал о характ ере и сил ах его тал анта те понят ия, которы е господст вуют до сих пор. К ажет ся, эт ого довол ьно, чтобы не считать его зоил ом.

Ст ат ьи Над оумки были печал ьны — он ли виноват в том? Но они содей ствовали пригот овл ению лучшей будущности. Разве он от чаивал ся в лучшей бvл ушностм. разве нв поипмчал Поо -чтите хотя окончание его мрачной , желчной статьи: «Сонмище Нигил ист ов». На Васил ьев вечер, накануне того дня, когда солнце поворачивает на лето, в тот вечер, когда на Руси гадают о будущем. выходит Над оум ко из беспоряд очного сонмища, где все кричат , под хл опанье пробок, о тал антах друг друга, все упоены чадом взаимны х похвал своим дивным произведениям, все толкуют о пуст яках, все кричат о том, чего не понимают; он идет домой , груст но думая об общем ничтожест ве всей этой превозносимой л итературы . Нет ей вы хода из бессил ьного и шумного хаоса... «Как нет? вдруг спрашивает он себя: ужел и, в самом деле,нет?»

Неужел и для бедной нашей литературы не будет возврата с зимы на лето? неужели ей вечно мыкаться в мрачной поенсподней губительного ниги-л изма?— Нет, подумал я: нет, это невозможно:

...Как бы ночь

Ни длилася и неба ни темнила,

А все рассвета нам не миновать!

Будет время, когда слово, наилучшее произведение наилучшего создания божия, проливаться будет от избытка сердца чистого, растворенного святою л юбовью ко всему доброму, истинному- и прекрасному!

Ет е лежит на небе тень.

Еще далеко светлый день!

Но жив господь! Он знает срок!

Он вышлет утро на восток!

«Эт о будет, это будет, непоеменно!» – повторял я сам себг. взбираясь домой по высокой лестнице. – «Но, – прибавил я с горестным вздохом, отворяя двери передней,–

...Но когда ж тому случиться?»

Тут раздались из соседней комнаты звонкие голоса девушек, певщих подблюдные песни;

1$8

Кому вынется, тому сбудется,

Тому сбудется, не минуется!

«Дан бог, чтобы сбылось поскорее!» вскричал я, довершая остальное путешествие до своей каморки. – Между тем, дремать нечего! Может быть, если я раз- другой подам голос, –

И петухи начнут мне откликаться,

И воздух утренний начнет в лицо мне дуть!

Беспристрастный читатель, вероят но, согл асится с нами, что Над оумку нельзя считать зоил ом, бросавшим г рязью в знамени* тых людей из одного т щесл авного жел ания наделать шуму.

Ост ает ся сказат ь нескол ько сл ов о его диссертации.

К сожал ению, она у нас очень мал о извест на, потому что написана на л атинском язы ке. Ег о назы вал и за то педантом; но л а-тинской диссертации требовал и правил а д окт орского экзам ена,– следовательно, Над ежд ин не виноват в том, что написал свое рассуждение не по- русски. Зн ая, чт о латынь не най дет у нас много читателей , он перевел любопытней шие отры вки своего иссл едо-вания на русский язы к и поместил в журнал ах: чего же т ребо-вать бол ьше? Тол ько эти от ры вки и были прочитаны л юдьми,

которые так решительно судили о его диссерт ации. Эт о беда была, впрочем, не гл авная: хуже всего бы л о то, что ни Н. А . Полевой , ни другие противники Над ежд ина не знал и и не могли понять немецкой фил ософии. А если бы знал и, не пришл о бы им в гол ову говорить, что он выдал чужие мысл и за свои и исказил их. Осн ов -ная идея у Над ежд ина, конечно, т а же, что и во всей немецкой фил ософии, от Фихт е до нашего времени. И то правда, что бл и-жай шим образом он был посл едовател ем Шел л инга. Н о дело в том, что он пошел далее Шел \ инга и прибл изил ся, сил ою самостоятел ьного мышления, к Гегел ю, кот орого, как по всему видно, не изучал . Развиват ь эту мысль был о бы здесь неуместно.

Н о кто сличит диссерт ацию Над ежд ина с «Эст ет икою» Гегеля (изд анною через пять лет после диссерт ации Над ежд ина), тот увидит, как бл изко к нему подошел Надежд ин. Эт о факт. Узнав его, нечего говорить об Аст ах и Шт уц манах *. Надежд ин, тогда двадцатипятилетний юноша, ст оял уже выше этих людей , не очень значительных в ист ории фил ософии. Эт о был ум гл убо-кий – вот все, что мы можем сказат ь по его первому фил ософ-скому сочинению, оставшемуся единственным. И Полевой , думая сказат ь насмешку, сказал чистую правд у: этот «русский студент смыслил в фил ософии бол ьше К узена», и не тол ько Кузена, а многих мыслителей , кот оры е и в Германии успели приобрест ь * Впрочем, А с t и Штуцман сделаны в «Телеграфе» учителями Надеждина явно по незнанию. Эт о очевидно каждому имеющему понятие об истории новой философии. Доказывать это и не стоит. От улик в похищениях Надеждина из Аст а Полевой сам скоро отказал ся; а книги Штуцмана Надеждин и не видывал, потому что не считал его засл уживающим внимания в чем н не ошибался.

159

себе извест ность, как самостоят ел ьны е ученики того или другого великого фил ософа.

И вот этот человек, не т ол ько хорош о знакомый с немецкою эстетикою, но

имевший сил у двигать эту науку вперед, занял ся крит икою: мог ли он не произвест ь решител ьно новой эпохи в нашей критике, кот орая до него знал а тол ько поверхностны е франц узские приемы ? И дей ствительно, он заговорил о таких вещах, о кот оры х до него и не сл ы хивал и: об идее, как душе художест венного созд ания, о художест венност и, как сообразност и формы с идеею, и т. д., и т. д. Муд рост ь, несл ы ханная тогдашними нашими писател ями и непост ижимая для них. О, наивные времена, когда все эт о было новост ью! Все сл ушал и, соображал и, изумл ял ись, оскорбл ял ись, махнул и, наконец, рукою и решили, что все это нелепость, порожд енная педантизмом. Эт о было ист инное «Горе от ума».

Ст ат ьями Над оумки был а решена судьба Над ежд ина в лите-рат урном мире. Он восст ал против всей л итературы , — вся лите-рат ура восст ал а прот ив него. Он явил ся сл ишком рано и ост а-вал ся одинок, пока не вы ступил о на сцену новое покол ение, предшественником кот орого был он. Когда он стал издавать «Тел е-скоп», публ ика знал а его т ол ько по презрител ьны м отзы вам «Тел еграфа», «Сы на от ечества», «Северны х цветов» и всех остал ьны х журнал ов, газет и ал ьманахов. Очень естественно, что «Тел ескоп», лишенный всякой помощи со ст ороны л ит ерат оров, имел тол ько ограниченный успех. К рит ика его, прод ол жавшая развивать ь идеи, вы раженны е Надеждины м прежде, дол гое время не могла достичь до публ ики. Н о вот начал о выступать на сцену мол одое покол е-ние: Над ежд ин в нем нашел себе помощников. «Тел ескопу» пред-ст оял а, по всей вероят ност и, бл истател ьная будущность. Н о он перестал существоват ь.

Ед ва ли теперь над обно объ яснят ь, почему крит ика Над еж-

дина не имела, в свое время, особенного вл ияния на публику. Она явил ась сл ишком рано. Публ ика еще не была наст ол ько развит а, чтобы сочувст воват ь ей . И, прит ом, «Вест ник Европы », в кот ором Над ежд ин поместил значител ьны х статей г оразд о более, нежели потом в собст венном журнал е, был почти совершенно неизвестен публике. Он и засл уживал этой судьбы , потому что был очень плох. А если кому и попадал ась в руки книжка эт ого журнал а, едва ли из десяти читателей один мог без смеха читать ее ст ра-ницы, изукрашенны е, по замысловатой орфог рафии Каченовского, фитами и ижицами. Мы упоминал и об эпиграмме, написанной на Каченовского Барат ы нским, по сл учаю статей Надоумки. Вот она, с сохранением того правописания, кот орое придавал о ей сол ь в «Тел еграфе»:

УСТ ОРШЕСК АЯ ЕП1ГРАММА Хвал а, маститый наш Зо1л!

Когда- то Дм 1 Тр 1 евь б'Ьалъ 160

Тебя счастливым) струнам);

Б'Ьсй ль ЖукоааОЙ въ сл лд аа н!мг>;

Вот ь бъй тъ Пушк im>: какъ люб'мъ Ты дальновидным! СудьбамП Т рі покол'Ьшя п1>вщовъ Тебя, красой саоіs% вънцовъ,

В негодованье прЛводЫ:

Пекись о здрави своемъ,

Чтобы , подобно первымъ тремь Другие Т рі тебя б'ЕсШ92.

Многие ли могли без смеха взят ь в руки журнал , самая орфо -графия кот орого подает повод к подобны м парод иям?

Но вред Надежд ину оттого, чт о он первое и самое деятель-

ное время своей критики отдал «Вест нику Европы », сост оял не только в том, что статьи его ост ал ись почти никем не прочитаны или возбуждал и своею нелепою внешност ью ул ы бку в тех немногих, которы м попадал ись на гл аза: был нанесен ему участием в «Вестнике Европы » и другой вред, еще более важный . Эт от ж ур-нал считал ся защитником всего уст арел ого и безд арного в лите-рат уре, врагом всего современного и даровит ого. Стат ьи Над еж-дина, существенный смы сл которых, так трудно был о угадать неприготовленной публике, пол учал и самый невыгодный смы сл уж от одного того, что явл ял ись в таком журнал е. Д а и сам Надеждин подавал еще новый повод к недоразумениям: чтобы кольнуть тогдашних

писателей , он иногда иронически превозносил стары х писателей . Дл я нас ирония очень понят на, – в то время она многими не была понята.

Н о все это тол ько внешние причины неуспеха. Был и и внутренние. Од ну из них мы уже видели: Над ежд ин явил ся сл ишком рано для публики и л итературы . Теперь прибавим другую: он явил ся сл ишком рано и дл я себя. Образ мыслей его не совершенно еще уст ановил ся в то время, когда он начал свою лите-рат урную деятельность. Основны е воззрения его были тверды и справедл ивы ; но много ост ал ось еще в нем сл едов прежнего образования, и почти вся его посл едующая журнал ьная деятел ьность представл яется, как ист ория постепенного его освобожд ения от разл ичны х остат ков той «старой т рухи» (по его вы ражению), кот орая так связы вает движения мысли. Вначал е он част о, сам того не замечая, вы ражал понят ия, несообразны е с его истинным образом мыслей , с его основны ми идеями.

Эт о придавал о еще бол ьше двусмы сл енности многим ст ра-ницам его статей , и без того уже бы вшим сл ишком трудны ми для разумения тех наивны х людей , с кот оры ми он говорил . Н о если

это было вредно дл я его первы х статей , то мы видим новое д ока-зател ьство силы его в бы ст ром и неудержимом стремл ении вперед. Немногим, и тол ько самы м сильным из нас, возм ожно совершенно перевоспитать себя. Над ежд ину бы л о дано это. Сил ою мысли и знания достиг он того, чт о, быв в двадцать лет чело-11 Н. Г. Чернышевский , т. III 161

беком X V II века, в д в&д ц ал пять лет, При начал е своей лиТё -ратурной деятел ьности, бы в чел овеком X IX века в одежде X V II века, в тридцат ь лет ст ал впол не чел овеком X IX века. Кт о знает , как т рудно а то перерожд ение, тот пой мет, скол ько душевной силы нужно, чтобы прой ти этот путь и стать у цели свежим и бодры м, без подчинения прошедшему, с одним нераздел ьны м стремл ением к будущему.

Чт обы указат ь определ еннее на характ ер эт ого перевоспит а-ния, обрат им внимание хот я на внешность. Нел ьзя не согл а-сит ься, чт о мысл и Над ежд ина, по сущност и своей чужды е схо-л астики, вы ражал ись иногда в первы х его ст ат ьях под форм ою схол аст ической. В посл едних его ст ат ьях вы ие най дете никаких сл едов схол аст ики; а как т руд но достичь этого1 Скажит е, много ли най дется в ист ории л ит ерат уры людей , кот оры е успевал и бы совершенно сбросит ь с себя иго схол аст ики, если когда- нибудь носил и его?

В своем журнал е Над ежд ин помещал значител ьны е статьи г оразд о реже, нежел и прежд е, в «Вест нике Европы ». Конечно, тому мешал и мел очные труды по ред ижированию журнал а, занятия по званию п рофессора и, вероят но, разл ичны е случай ные обст оят ел ьст ва. Н о вообще он писал дл я журнал а много и /к ак видно по всему, энергия его ие осл абел а, – напрот ив, в посл ед-нее время, он и значител ьны х статей начал печатать бол ее, нежели

когда- нибудь. Вид но, что участ ие мол одого покол ения придал о новы е сил ы эт ому замечат ел ьному чел овеку, который , впрочем, и сам т ол ько еще вступал в период полней шего развит ия сил: в тридцать два года, дл я большей част и людей , тол ько еще начинает ся ист инная деятел ьность, дл я Над ежд ина – время л итера-турной деятел ьности кончил ось.

«Тел ескоп» не. пол ьзовал ся особенны м успехом, хот я и не был журнал ом совершенно без читателей ; он пол ьзовал ся некот оры м, но не очень значител ьны м, вл иянием на публ ику. Н о вл ияние Н а-деждина на литературный наш круг бы л о очень значител ьно. Все восст авал и прот ив него – и, од нако же, прот ив вол и, подчинял ись его мнению, на скол ько могли понимат ь его. Чт обы не обременят ь статьи нашей множест вом примеров, укажем тол ько на «Тел е-г раф», который , до самого конц а своего сущест вования, пол ьзовал ся предпочт ител ьною л юбов ью публ ики: через год или пол т ора посл е т ого, как Над ежд ин начал писат ь свои статьи, в журнал е Пол евого ст ал а ощутител ьна значит ел ьная перемена. Прежд е почти не бы вал о крит ических статей бол ьшого объема; о самы х значител ьны х писател ях, по сл учаю изд ания собрания их сочинений , вы сказы вал ось л ишь нескол ько крат ких замечаний ; теперь чаще и чаще начал и явл ят ься бол ьшие статьи о том или другом Писателе, и разборы значител ьны х книг не ограничивал ись, как прежде, двумя- тремя ст раниц ами. Развит ие крит ики «Тел еграфа» не ограничивал ось расширением объ ема: самы е приемы ее

л ались основател ьнее. Сам ое направл ение ее изменил ось: Пол евой , видимо, учил ся многому у своего прот ивника. Т ак , например,

«Тел еграф» начал говорит ь, что мы не романт ики и не кл ассики, что в наше время романт изм и кл ассицизм дол жны соединит ься, из их сл ияния д ол жна возникнут ь новая л ит ерат ура, и т. д. Все

эт о чист о мысли Над ежд ина. Исчезл о и прежнее самообол ьщение в богатстве нашей л ит ерат уры : начал ись тол ки о том, что она скудна. «Тел ег раф», прежде восхищавший ся «гигантскими шагами, кот оры е дел ают наш век и наша л ит ерат ура», начал под-смеиват ься над медленным и част о попятны м ход ом эт ого разв и-тия, бы ст рот ою кот орого еще недавно восхищал ся; начал от дават ь справедл ивость тому, что бы л о хорошего в старой л ит ературе; начал говорит ь, что л итературе нашей всего нужнее сол идное образование и привы чка к серьезному образу мыслей в писател ях, что ны нешние писател и не уд овл ет воряют этим усл овиям, пот ому, несмот ря на свои тал анты , не могут произвест ь ничего вел икого, и т. д., и т. д. – всего нел ьзя и перечесть – и все эти понят ия были навеяны Надежд ины м. Ед ва ли м ожно най ти хот я одну мысль его, кот орая не бы л а бы повт орена в «Тел еграфе». К ак любопытный пример, приводим в прил ожении III извл ечение из той статьи, кот орая сл ужит закл ючением «Нов ог о живописца общест ва и л ит ерат уры ». Пол евой , конечно, хотел завершит ь эти очерки изл ожением своих общих вы водов, своих сущест венны х понятий о л итературе, – и чт о же? он буквал ьно повт орил то, что за т ри или четыре года говорил Над оум ко. Н о, конечно, все эти навеянны е мысли ост ал ись в «Тел ег рафе» тол ько навеянны ми мысл ями. Сущност ь свою он изменить уже не мог, и под новою одеждою он ост ал ся ст ары м.

Впол не привил ись основны е идеи крит ики Над ежд ина т ол ько к деятелям нового покол ения, важней ший из кот оры х образов ал ся под его непосредственны м руковод ст вом и чрез «Отечественны е записки» влил новую жизнь в нашу л ит ерат уру и в нашу публику.

Есл и за Н . А , Пол евы м неоспоримо ост ает ся та засл уга, что он первый сделал крит ику сущест венною и важною част ью нашей

журнал ист ики, то Над ежд ину принадл ежит засл уга еще бол ее важная: он первый дал прочны е основания нашей крит ике. Д о него повт орял ись у нас непрочувст вованны е, непрожит ы е мысли, и повт орял ись с гол оса учителей очень поверхност ны х, кот оры е сами не понимал и хорошенько и себя, не тол ько других. Эт и учители были франц узские романт ики. Над ежд ин первый прочно ввел в нашу мысл ител ьность глубокий фил ософский взгл яд. Он дал нашей критике гл убокие, всеобъ емл ющие принципы , от кры -тые для эстетики немецкою наукою. Он первый объ яснил нашей критике, что т акое поэзия, чт о т акое художест венное произвед е-ние. От него узнал и у нас, что п оэзия есть вопл ощение идеи, что идея есть зерно, из кот орог о вы раст ает художест венное произве-11* 163

дение, есть душа, его оживл яющ ая; что красот а формы сост оит в соот ветствии ее с идеею. Он первый начал ст рог о и верно рас-смат ривать ь, понят а ли и прочувст вована ли идея, вы раженная в произведении, есть ли в нем художест венное единство, вы держаны ли и верны ли человеческой природ е, усл овиям времени и народ -ност и характ еры дей ствующих лиц, ист екают ли подробност и произведения из его идеи, естественно ли, по закону поэтической необходимост и, развивает ся весь ход событий , вопл ощающих идею авт ора, из данны х характ еров и положений , – сл овом, он первый дал русской крит ике все эстетические основания, на кот оры х д ол жна бы л а она развит ься, и показал примеры , как при-л агать эт и принципы к сужд ению о поэт ическом произведении.

Эт о первая, общ ая засл уга его крит ики. Вт орая, част ная, сост оит в том, что он подверг этой крит ике, которой научил нас, всю нашу л ит ерат уру тридцаты х годов, вы сказал свои выводы громко и, объ яснив, чем бы л а наша л ит ерат ура до появл ения Гогол я и других вел иких тал антов, ознаменовавших своим появлением

начал о гогол евского период а, пригот овил посл едующую критику

к справедливой оценке т ого развит ия, кот орое дано нашей лите-рат уре этими

новы ми писател ями.

Н о он дей ствовал в самое небл агоприят ное для нашей поэзии время – во время перехода от прежнего направл ения к новому.

Ем у д ано бы л о тол ько призы ват ь новое время, но не быть его дей ствователем. Ег о крит ическая деятел ьность прекрат ил ась в то самое время, когда гений Гогол я т ачал вы ражат ься произведениями, сост авившими эпоху в нашей л итературе, в то самое время, когда начинал ась деятел ьность Кол ьцова и Лермонт ова. Пот ому его крит ика произносил а почти искл ючител ьно приговоры тол ько отрицател ьны е. Он а д оказал а, что прежнее наше богатство л ожно; она не могл а еще воодушевит ь нашу публ ику указанием и объяснением новы х приобретений . Он явил ся сл ишком рано и потому не мог иметь непосредст венного вл ияния на мнения публики, еще не приготовленной к тому, чтобы сочувст вовать ь ему.

Он кончил тогда, когда тол ько еще начинал ась ист инная пора для крит ики того направл ения, кот орое ввел он в нее. Пот ому существенное значение его критической деятел ьности сост оит тол ько в том, что она бы л а пригот овит ел ьницею последующей крит ики,– и главней шая засл уга Надеждина- крит ика в нашей л итературе сост оит в том, что он был образоват ел ем авт ора ст а-тей о Пушкине. Вы ражаясь л юбимы м его язы ком классической поэзии, он незабвенен дл я нас, как Хрон , воспитател ь Ахил л еса93. Крит ика была тол ько одна из многих ст орон его разн ообраз-ной л итературной деятел ьности. Он а принесл а уже свой плод. Другие, быть может , еще значител ьней шие труды его по другим от расл ям науки до сих пор ост ают ся еще неоцененными. Прий дет время, будут оценены и они.

П р и л о ж е н и я I

Отры вок из статьи экс- студента Никод има Над оумки. К стр. 146.

Борский , сочинение А . П.одол инского, СПБ. 1829.

(Статья 2. «Вестник Европ ы », 1829, ЛФ 7, стр. 200–220).

Прежде всего заметим, что Подолинский возбуждал в то время самые блестящие ожидания. Многие думали, что в нем является достой ный соперник Пушкину. Потому - то Над оумко и обращает внимание на его поэму, кот орую превозносил и до небес.

Эпиграф разбора, взятый из горациевой «Науки ст ихот вор-ства»:

Nunc satis e « dixisse- . ego m ira poe mata pango – по обы кновению, опять закл ючает в себе двусмысленную кол -кость. Проще всего его надобно перевести: «Теперь довол ьст-вуются сл овами: я пишу удивительные поэмы »; но, по смыслу статей Над оумко, дол жно перевесть его так: «Прост о скажу: об удивительных поэмах пишу я», – то есть Над оумко. Эт о еще более язвительно, потому что от носит ся уже не к одному Подо -линскому, а ко всем тогдашним знаменитым поэтам. [Впрочем, второй смысл едва ли был понят кем- нибудь из них.]

Первая статья начинается общими размы шл ениями о тогдашней нашей поэзии и оканчивает ся, как мы видели, рассказом содержания поэмы Подол инского, после чего Над оумко начинает вторую статью так:

Спрашивается: что за удовольствие представлять подобные кровавые зрелища?.. Ужасные картины кровопролития и убий ств весьма редки в вещественной нашей жизни: как же могут они обратиться во всеобщую прихоть вкуса? Справедливее бы, кажется, можно было упрекнуть нас в недостатке вкуса, чем в подобном развращении оного. У нас доселе, несмотря на неослабно распространяющиеся успехи просвещения, господствует еще какая - то мудреная апатия к истинно изящным наслаждениям. Наши театры полны бывают только при представлениях Киарини (фокусника), и из наших периодических изданий больше всех расходятся «Московские ведомости». Не эта ли слишком заметная скудость чувствительности вынуждает наших поэтов прибегать к насильственным средствам для пробуждения в наших непросып -ньгх душах приветного отклика?.. Но отчего бы нашим поэтам не попытаться прибегнуть к другому, менее шумному, но более надежному средству возбуждать эстетическое участие?.. Отчего бы не допустить нм в поэтический механизм свой ,

кроме кинжала и яда, других пружин, меньше смертоносных, но не меньше дей ствительных?.. Не могло ли бы с избытком заменить всю эту романтическую стукотню и резню – существенное достоинство и величие изображаемых предметов, наставительная знаменательность драпировки, не ослепительная для умственного взора светлость мыслей , не удушительная теплота ощущений ?.. А этого- то, по несчастню, и недостает в наших новых поэтических произведениях! – Они обращаются окол о предметов совершенно ничтожных: одеваются в маскарадные костюмы, представляющие уродливое смешение этнографических и хронологических противоречий ; блестят пошлыми двуличневыми остротами: дышат чадными и нередко смрадными чувствами.

От двух первых обвинительных пунктов не оправдается и Борский . Что за 165

предмет для поэмы?.. Ревнивый муж убивает жену- лунатика и замерзает сам иа ее могиле... Чт о тут интересного?.. И в психологическом отношении – втЬ не великое дело, н в эстетическом – не весьма занимательное зрелище! Будь это событие историческое или по край ней мере основанное на народном предании, – тогда б оно могло иметь для нас важность истины или прелесть наследственной собственности – прелесть родного... Но сочинять нарочно такие истории значит изнурять воображение над пустяками!– Недостаток сей можно было бы, однако же, искупить счастливым выбором, живописною полнотою, изящною отделкой поэтического костюма. Мы разумеем здесь под костюмом все те многочисленные, многоразличные черты и картины, кои сообщают поэтическую индивидуал ьность повествованию, определяя место и время, к коим оно относится. Происшествие, само по себе ничтожное, может служить гению канвою для поэтического изображения целой эпохи, целой страны, целого народа: и тогда ничтожность его совершенно теряется из виду. Так ли поступлено в Борском?.. Вл адимир Борский и весь причт лиц. составляющих историческое бытие сеи поэмы, суть, как видно по именам и прозваниям, люди русские. Перемените сии имена и прозвания – кто узнает в них русских?.. Ни одной малей шей черты народного характера русского! Переименуй те Вл адимира в Адол ьфа – это будет француз во всех статьях! О прекрасной Ел ене и говорить нечего: она отлита в обыкновенной форме красавиц, заказываемых для исторических романов & 1a madame Genlis. А добрый деревенский священник!.. Его дружеское отношение к Вл адимиру у нас, на святой Руси, есть совершенный анахронизм, взятый из будущего, может быть, X X века! – Но пусть историческая живопись Борского слаба, неопределенна, бесцветна: не заменяет ли он ее живописью л андшафтной ?.. Кажись бы, так и следовало! Дей ствие совершается на цветущих берегах широкого Днепра, под благословенным малороссий ским небом. Какая богатая сцена! Какая неистощимая жатва для гения!.. Сколько поэтических красот могло бы представить живописное изображение величественного Днепра, носившего на зыблющемся хребте своем младенчествующую Русь в колыбели! Сии маститые холмы, на которых возлегает древняя матерь градов русских; сии сыпучие пески, расстилающиеся перловою бахромою вскрай вод днепровских, не освящены ли на каждом шагу воспоминаниями, драгоценней шими для каждого русского сердца?.. И что же?.. Величественного Днепра как будто б и не было. А мирная, идил л ическая жизнь добрых наших малороссиян, о ней и вовсе ни слуху, ни духу! – Так ли надобно поступать поэтам, провозглашающим себя поборниками романтизма? Романтизм, в чистей -шем своем анаменовании, тем преимущественно и отличается от кл ассицизма, что исчерпывает мощное лоно природы всеобъемл ющим оком, со всех точек, во всех направлениях. Посмотрите на творения чудного Бай рона!.. Его «Чай льд- Гарольд» есть богатей шая ткань идеализированной истории человечества, убранная драгоценней шими воспоминаниями, собранными из всех веков, под всеми земными поясами. Его «Джаур» дышит палящим зноем Востока; в его «Мазепе» кипит буй ная кровь сарматская; его «Каин» предстоит во всей суровой наготе первобытного мира. Отчего бы и Борскому не окостюмироваться равно полным, равно верным, равно занимательным образом?.. Это, право, сообщил о бы ему больше романтической прелести и произвело бы живей ший и прочней ший эффект, чем подобные эвменидистические сцены:

.....Исступленный

Он дале в бешенстве бежит:

То здесь, то там кинжал блестит В руке, луною озаренный –

Нет жертвы боле!

.....Он стоит.

Недвижен взор, ужасен вид –

В его руке окровавленной 166

Рука Ел ены, но otii Уже недвижна и хладна И костенеет постепенно...

Отчего бы... Но увы1 – это легко сказать, но легко ли сделать?.. Чтобы дать полную, определенную, выразительную физиономию поэтической картине, не довольно одного юного, свежего и мощного таланта: нужно еще – учение... проклятое учение/.. Без него не обогнать нн на шаг сильного, могучего богатыря «Ил ью Муромца»!.,

Искусство мыслить – ключ к искусству СОЧИНЯТЬ.

Так учивал в старину Гораций! А у нас теперь?

Не знавший грамоте стихи кропает смело!..

«И для чего не так?.. Я вольностью дышу!

Я знатен, я богат, я барин и... лишу!»

Повторим снова приведенный нами эпиграф:

Nunc satis est dixisse: «ego mira poemata pangol,.»

Мудрец наш мыслит так: «пред смелым награжденье!

Погибни всякий труд: могу и без него Казаться знатоком, не зная ничего!»

«Но, говорят, поэтический инстинкт может заменить для гення всю школьную пыль учености! – Природа- де познается не из книг и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, без указки профессорской ; посему живописцем природы, историографом сердца легко сделаться, не прошедши ни физики Страхова, ни истории Шрекка. Ведь Гомер и Шекспир не учились в университетах!»– Просим извинения, мм. гг.I Гомер учился всю жизнь свою: его «Илиада» и «Одиссея» написаны не по одним слухам, а с собственных долговременных наблюдении над обычаями различных стран и народов... Что до Шекспира, то пора бы также перестать ссылаться на него, как на образец гения- неуча. Шекспиру не совсем была чужда классическая древность, составлявшая издавна родовое наследие всех европей ских наций , и едва ли кому из наших автодидактических всезнаек удалось смести столько пыли со старинных отечественных летописей , как творцу Генриха IV и двух Ричардов. Г омер н Шекспир знали, следовательно, природу и сердце не по одному только инстинкту. Оттого- то их творения дышат поэтическою истиною и составляют наследственное богатство всего человечества. А наши молодые поэты? Они знают природу и сердце лишь по наслышке; вот почему и творения их представляют не историю природы и сердца, а различные истории о природе и о сердце. Неестественность и нелепость составляют их отличительное качество. Возьмемся за Борского: как неудачно состеганы кусочки, из которых сшита сия поэмка; рука художника не умела даже прикрыть швов, которые везде в глаза мечутся. Вл адимир есть единственный герой , или, лучше, единственное живое лицо- поэмы: ибо все прочие суть восковые фигуры. Его характер должен, следовательно, быть средоточием, из кото-

рого дол жна развиваться вся поэма. Спрашивается: что это за характер?.. Господь один знает. В первой главе первой частн Вл адимир представляется состарившимся юношею, по край ней мере, он так говорит сам о себе:

Едва доверчивую младость До половины отжил я,

Уж знаю тягость бытия,

И сердцу чуждо сл ово: радость!

Непонятно, отчего он так скоро состарил ся. Его любовь не была любоаь обманутая, разочарованная, безнадежная. Правда, он преследуем был гневом раздраженного отца; но сей гнев не разражал ся еще над ним в убий ствен-ном проклятии. Это доказывают собственные чувства его при вскрытии рокового письма, заключающего последнюю волю отца его:

167

.....долго он,

В волненьи страха переменном.

Не смеет робкою рукой Раскрыть бумаги роковой .

Отца таинственные строки Его тревожат и страшат:

Черты заветные хранят,

Быть может, горькие упреки!

Упреки! – слышите ли1 не более?.. Эт о все, что только мог он представить себе ужасней шего при виде таинственного завещания. До того – он и о них мало думал. Его тревожили только одни лгобовнические сомнения о верности Елены:

Не раз, сомненьям предана,

Моя душа изнемогала:

Теперь... опять... но нет, не знала Притворства хитрого она!..

опытных знатоков любви, не разрушают, а питают блаженство любящих сердец, могли «разоблачить до ужасной наготы всю жизнь» для Вл адимира?.. И если бы это была правда, если, по собственному сознанию Вл адимира, в крови его уже не было ...Жара первых впечатлений ,

то как бы он, угрожаемый проклятием скончавшегося отца, мог сказать в ту же пору:

Но если долго так она (Ел ена)

Обету пребыла верна,

Ее отвергнуть я не смею!

Я на преступную главу Проклятий новых не сэову!

Нет! это не история сердца! Как бы, однако, то ни было, при окончании первой част-и поэмы Вл адимир женится. – Заметим, что сия первая, седми-гл авая, часть есть не более, как длинные сени с переходами ко второй , пятиглавой , части, составляющей главный корпус всего поэтического здания Борского. И что же сия вторая часть? Те же противоречия, та же невероят* ность, та же невозможность!.. Брак для Ел ены есть источник несчастна: она не может изгнать из своей памяти того страшного мгновенья, когда ...озарен свечой венчальной ,

Ее супруг у алтаря,

Стоял недвижный , думы полный ,

И принял, бледный и безмолвный ,

Лобзанья жаркие ея.

Растерзанное сердце ее предается подозрениям ревности. Эт о очень естественно, Не невозможно также было и Вл адимиру, коего несчастная подозрительность уже известка, отозваться подобным чувством на неизъяснимую тоску Ел ены. Но естественно ли, вероятно, ли, возможно ли по законам самого необузданного поэтического своеволия, чтобы после дышащего истинным огнем страсти разговора Ел ены с Вл адимиром составляющего содержа-

.....В чем еще сомненье?

Я ей наскучил – мало ей И дружбы н любви моей !

Быть может, страстию позорной Давно душа ее горит,

168

Но мыслит; мужа усыпит Она любовию притворной ...

Да, это верно! мне она Недаром Рим напоминала!

Она мечтала — та страна Меня давно очаровал а И увлечет опять меня...

Ошибл ась!— Здесь останусь я!

Я вижу замысел коварный —

Еще открытие одно —

И пусть я гибну — все равно,—

Я не щажу неблагодарной !..

И это открытие.3.. Эт о открытие, от которого зависела жизнь или смерть — сколь ничтожно!.. Бред л унатика... бред бессвязный , бессмысленный , безжизненный — и..,

И вот сверкнулолезвее,

И кровь Ел ены на кинжале —

И рана в сердце у нее!

Не всяк ли видит, что поэту хотелось только довести Вл адимира до убий ства и до самоубий ства, во что бы то ни стал о!.. Он и успел в том! Но каким новым фактом, каким новым открытием может все это обогатить историю сердца?.. Как вам угодно, гг. романтики, а нам, слепым людям, кажется, что

II

К стр. 148

Первы е посл едствия первой статьи экс- студента Над оумко.

№ 21 «Вестник- а Европы » 1828 года, в кот ором было помещено начал о статьи «Лит ерат урны е опасения», вышел 14 ноября; первым вышедшим после того нумером «Тел еграфа» был 20-й , явивший ся 28 ноября, в один день с № 22 «Вест ника Европы », в кот ором было окончание статьи Над оум ко. Полевой спешил с первого же разу оборват ь вы скочку, решившегося заговорит ь так дерзко, и хотел внушить ему надлежащий ст рах, не ожид ая, как видим, окончания его «Опасений ».

Тирад а «Тел еграфа» сост авл ял а эпизод в общем обозрении журнал ов. Полевой не считал нужны м входить в подробны е объяснения с писателем, еще не имеющим известности, и, упомянув о нем крат ко и презрит ел ьно, главные свои нападения обратил на Каченовского, кот орого, как видно, считал и главным виновником «Лит ерат урны х опасений ». Каченовский , как извест но, был главным врагом романт иков, и Пол евому естественно было предполагать, что он подучил или заставил Над оум ко написать дерзкую статью. Вот т ирада «Тел еграфа», очень интересная по своей едкости:

(«Тел ераф» 182$ г. МЬ 20, стр. 490—493)

Известно, что с давнего времени «Вестник Европы » упадал, валился, и нынешний год, в куньих мордках и ученических исследованиях об истории 169

русской , все думали слышать последний вздох «Вестника Европы»... Но дух перемен грянул и над ни м, и 16 доля № 18 занята объявлением: «Желаю еще потрудиться, беру на свою ответственность составление и печатание»...

Все это возбуждает какое- то умилительное чувство при мысли, что гак говорит издатель журнала, 26 лет издающегося я — падающего. Издатель уверяет, что, в

неизмеримой области истории едва проложены тропьЛ «с другой стороны видим беспомощное состояние литературы, усилия партий водрузить свои знамена на земле, которая не была возделываема их трудами. Законы словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей ». Следуют обещания, какие всегда дает и яе исполняет издатель «Вестника Европы ». Но до обещании его дело читателям, а не нам. Мы напоминаем только «Вестнику Европы », что не так должно ему браться за законы словесности. Есл и бы он, старец по летам, признал ся в незнании своем, принял ся за дело скромно, поучился, бросил своя смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его.

Но что сделал до сих пор издатель «Вестника Европы »? где его права, и на какой возделанной его трудами земле он водрузит свои знамена? где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя «Вестника Европы », не виноваты, что они шли вперед, когда издатель «Вестника Европы » засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться лн, что теперь «Вестнику Европы » видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?-С 1805 года нынешний издатель «Вестника Европы » начал свое дело и — теперь только вздумал, что уже время трудиться самому. Оспаривая у других право литературного суда, он дает повод у него потребовать доказательств на его права: где они?

Журнальные статей ки, выходки на Карамзиных, Жуковских, Буле, Ка-лай довичей , полдюжины диссертации из чужих материалов, переделка статей Бауэе, перевод вздорного романа («Тереза и Фал ьдони»), перекроекие с польского «Хрестомат ии» Якобса, смешные споры, коими пестрился иногда «Вестник Европы », — вот все, чем устилал себе издатель «Вестника Европы» дорогу в храм литературного бессмертия в течение 25 лет! Ни одной книги, достой ной внимания, ни одной самобытной замечательной статьи в 25 лет — и г. издатель говорит о кимвалах бряцающих и меди звенящей !

Впрочем, посмотрим: может быть, и в самом деле «Вестник Европы» вдруг оживится, восстанет... Но нет! кажется, это уже невозможно. В № 21 сего года едва лн не начато преобразование, и — без смеха нельзя читать, испещренной греческими, латинскими, французскими, немецкими цитатами, статьи о литературе русской . В греческом эпиграфе в трех строках пять ошибок (сам издатель «Вестника Европы » знает по- гречески очень плохо: на это есть верные доказательства: а г. Надоумко, сочинитель статьи, как студент, разумеется, небольшой знаток греческих трагиков), и самое лучшее в статье есть то, что говорит сочинителю разговаривающее с ним лицо: «не стыдно лн тебе так далеко отстать от своего века и перетряхивать на безделье старинную труху!» Впрочем, эта драгоценная статья стоит особливого разбора.

Ст ат ья «Тел еграфа» подписана была псевдонимом «Бенигна».

Каченовский имел сл абост ь отвечать на нее следующим курьезным примечанием к статье Над оум ко «Откл ик с Пат риарших прудов»:

Здесь приличным почитаю объявить, что препираться с Бенигною я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики; а теперь не !?0

имею на to н права, предприняв другие меры к охранению своей личнй с+Н от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической , если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастие продолжать оную.

Р а й -

Через нескол ько времени после того, как жал кая попытка

Каченовского оградит ься тем, чем не следует и невозможно ограждаться в спорах чисто л итературных, пол учила решение, какого засл уживал а, Пушкин напечатал в «Северны х цветах» 1830 года свою превосходно написанную статью, кот орую приводим здесь вполне, с некоторыми пояснениями. Бог первая пол овина ее;

ОТ РЫВОК И З Л ИТ Е РАТ УРНЫ Х ЛЕТ ОПИСЕЙ

Распря между двумя известными журналистами наделала шуму. Постараемся изложить исторически все дело, sin a ira et studio,

В конце минувшего года редактор «Вестника Европы », желая в следую* щем 1829 году потрудиться еще и в качестве издател я, объявил о том публике, все еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности н скудости «Вестника Европы », сверх того, «движимый глубоким чувством сострадания, при виде беспомощного состояния литературы», он обещал «употребить, наконец, свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее». Он надеялся «отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее дей ствовать». Он собирал ся «пуститься в неизмеримую область бытописания», по которой Карамзин, как всем известно, «проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных». — «Предполагаю работать сам — говорил почтенный редактор — не отказывая, однако ж, и другим литераторам участвовать в трудах моих». Сии поздние, но тем не менее благие намерения [си я похвальная заботливость о русской литературе], сия великодушная снисходительность к сотрудникам тронули и обрадовали нас чрезвы-чай но. Приятно было бы нам приветствовать первые [труды, первые] успехи знаменитого редактора «Вестника Европы ». Его глубокие познания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышеупомянутые тундры области бытописаний , а законы словесности, «умолкшие при звуках журнальной полемики», заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе «Истории Государства Россий ского» или даже рассуждениями о куньих мордках, но верным взором обнимет, наконец, творение Карамзина, оценит истину его разысканий , укажет источники новых соображений , дополнит недосказанное. В критиках собственно литературных мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого- нибудь старого педанта, то непристой ных криков пьяного семинариста. Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усомнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэтическим слогом в газетном объявлении о подписке на «Вестник Европы ». Но г. Полевой , долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей - журиалистов, худо поверил новым обещаниям «Вестника». Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке «Московского телеграфа» прошедшего года статью, в которой сильно напал на почтенного редактора «Вестника 171

Европы». Дав заметить неприличие некоторых выражений , употребленных, вероятно, неумышленно, г. Каченовским, он говорит:

«Е с л и бы он («Вестник Европы »), старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его».

Странные требования! В летах «Вестника Европы » уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какого-нибудь уважения, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца без болезненного чувства стыда н сострадания?

«Но что сделал до сях пор издатель «Вестника Европы »?] — продолжает г. Полевой . — Где его права я на какой возделанной его трудами земле он водрузит свои знамена? где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя «Вестника Европы», не виноваты, что они шли вперед, когда издатель «Вестника Европы » засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь «Вестнику Европы» видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?»

На сие ответствуем:

Если г. Каченовский , не написав нн одной книги, достой ной некоторого внимания,

не напечатав, в течение 26 лет, ни одной замечательной статьи, снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от Иего, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 26 лет на одном месте, — согласен; но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке »4рст овского; но разве он виноват? Г. Каченовский перевел «Терезу и Фаль-дони» — ч т о эа беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой неправ, ибо обнаруживает какое - то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда ответствовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в № 24 «Вестника Европы » следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Над о-умки (одного из великих писателей , приносящих истинную честь и своему веку и журналу, в коем они участвуют);

(Выписано примечание Каченовского к ответу Надеждина на статью Бенигны, приведенное нами выше, на стр. 170).

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокой ство. Какие «меры к охранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны» предпринял почтенный редактор? Чтб значит «игривый произвол г. Бенигны»? что такое: «был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места?» (Впрочем, смысл последней фразы доныне остается темен, как в логическом, так н в грамматическом отношении).

Многочисленные почитатели «Вестника Европы» затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспощадные строки. Не смели вообразить, на что могло решиться рыцарское негодование Мй саила Троф 1 'мовича. К счастию, скоро все объяснилось...

К ак им обраэом объ яснил ось дело и в чем оно сост оял о, статья Пушкина не говорит . Полевой (в разборе «Северны х цветов») намекает, что в этом месте статьи есть довол ьно значительный пропуск. В чем сост оял а сущность дела, изл ожено 172

бы ло статей кою одной петербургской газеты о ссоре некоего кн* тай ского журнал ист а- мандарина с другим журнал ист ом, который не был мандарином. Статей ку эту перепечатал в свое время «Тел еграф» (1829 г., № 5). Ее сод ержание т аково: китай ский журнал ист Гай - Чан жал овал ся на д ругого китай ского же журн ал иста Чуна за т о, что Чун д оказал в своем* журнал е, что он,

Гай - Чан, «ничего не знает и ничего хорошег о не сочинил »; в до-казател ьст во своих знаний , Гай - Чан предст авил Хань- Линю, ученому собранию южной стол ицы Небесной Империи, членом кот орого он сл ужит, «зол отой шарик своей мандаринской шл япы , четыре жал ованны е ему павл иньи пера и двенадцать бол ьших пуговиц с изображением д ракона»; ученое собрание Хань - Линь убедил ось этими доказат ел ьст вами учености и решил о, что Чун своей критикой «обидел л ичную честь мандарина- журнал ист а Гай - Чана и дост оинст во его зол от ы х шариков, павл иньих перьев и бол ьших позол оченны х пуговиц, и тем нарушил правил а пяти, добродетелей , шести обязанност ей и семи прил ичий », потому ученое сосл овие Хань- Линь за оскорбл ение своего сочл ена Гай -Чан а жал овал ось пал ате ст ихов и прозы южной стол ицы ; но в пал ате стихов и прозы мнения об этом деле были разног л асии; потому пал ата ст ихов и п розы южной стол ицы предст авил а - затруднительный воп рос на разрешение палаты церемоний северной стол ицы ; пал ат а церемоний нашл а справедл ивы м суждение те* членов пал аты ст ихов и прозы , кот оры е пол агал и, что мнение ученого сосл овия Хань- Линя неосноват ел ьно, и чт о «м ожно быть набиты м невеждою, нося зол от ы е шарики не т ол ько на верхушке шл япы , но и на конце носа и на оконечност ях всех двадцати пальцев, и имея сверх т ого все тело покры т ое павлиньи*, ми перьями», и что журнал ист Чун , говоривший искл ючител ьно о л итерат урны х занят иях журнал ист а- манд арина Гай - Чана, ни-мал о не оскорбил ни личной его чести, ни его шариков, перьев и пуговиц, а пот ому и не подл ежит осужд ению. — К ороче и еще яснее дело изл ожено в знаменитой эпиграмме Пушкина, кот орая помещена была в «Тел еграфе» 1829 года:

Обиженный журнал ами жестоко,

Зоил Пахом печалился глубоко.

Вот подал он на ценсора донос;

Но ценсор прав. Нам смех; Зоил у нос.

Иная брань, конечно, неприличность.

Нел ьзя писать: такой - то де старик Козел в очках, плюгавый кл еветник.

И зол и подл — все это будет личность;

Но можете печатать, например,

Чт о «господин парнасский старовер (В своих статьях) бессмыслицы орат ор,

Отменно вял, отменно скучноват,

Тяжел оват и даже глуповат»:

Тут не лицо, а просто литератор. 173

Зоил ом назы вал ся Качеиовский собст венно потому, что осме-л ил ся говорит ь, будто бы «Ист ория Госуд арст ва Россий ского»

К арам зина не есть творение идеал ьного совершенст ва, а имеет, в ученом отношении, некот оры е недостатки. Дол го л ежал а за то на Качеиовском ученая опал а, как до сих пор лежит за то же на Пол евом, который через нескол ько лет решил ся сказат ь то самое, за чт о прежде укорял К ачеиовского. С Качеиовского теперь опал а эта снят а, бл агод аря прекрасному заступничеству последователей нового воззрения на русскую*' ист орию, развит ого гг. Сол овье-вым, Кавел ины м и другими. Засл уг и Качеиовского в русской ист ории признаны . Не п ора ли сказат ь, что и в «Ист ории русского народ а» Пол евого есть свои хорошие, и д аже очень хорошие ст ороны ? Эт ого т ребовал а бы справедл ивость. Зд есь, впрочем, дол жны мы о Качеиовском заметить, что его важней шие груды явил ись посл е того, как написана статья о нем в «Тел е-г рафе», и потому, признавая важност ь их, мы находим статью Пол евого в сущност и справедл ивою. Сдел ав эти замечания, казавшиеся нам нужны ми, помещаем вт орую пол овину статьи Пушкина.

Успокоившись насчет ужасного смысла вышеупомянутого примечания, мы сожалели о бесполезном дей ствии почтенного редактора. Все предвидели последствия оного. В статье г. Пол евого личная честь г. Качеиовского не была оскорбл ена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель «Московского телеграфа» не упомянул ни о его службе, ни о тай нах домашней жизни, ни о качествах его души.

Между тем ожесточенный издатель «Московского телеграфа» напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Качеиовского была разобрана по годам,

все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор.

Г. Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное сл ово, а доныне, кроме переводов с переводов, и кой - каких заимствованных где - то статеек, ничего не произвел. Скудость, более достой ная сожал ения, нежели укоризны ! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что МіхаНА Троф1мович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статей ках, что он упрекал издателя «Московского телеграфа» винным его заводом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству 1), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний — купец (другое, столь же ужасное обвинение!), и все сие в не-пристой ных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никт о, более нашего, ме уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в унрной республике наук какое нам дело до гербов н пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитории странствующий купец равны перед законами критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж, таково дей ствие долговременного уважения! И тут мы укорял и г. Пол евого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом. Утешительно для нас, по край ' ней мере, то, что сведения М1хаила Троф1мовича в греческой азбуке не подлежат уже никакому сомнению.

174

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец водворил ось спо-кой ствие в области словесности и прекратил ась междоусобная вой на миром, равно выгодным для победителей и побежденных...

К стр . 163

Извл ечение и з «Нов ог о жив оп исц а обществд и л итературы »

(п ри «Т ел ег рафе»).

{«Т ел ег раф», 1832 г., «Нов[ый \ живоп исец », № 24)

Закл ючит ел ьная ст ат ья «Нов ог о живописц а» сост оит из трех отделений : «Бесед а у ст арог о л ит ерат ора», «Бесед а у мол о-дого л ит ерат ора», «Разг ов ор посл е бесед с л ит ерат орами» («Н о-вый живописец», № № 17, 21 и 24). Сам ая форм а — совершенное под ражание статьям Над оум ки. Д в а друга, Леонид и Фил о -фей , от правл яют ся сначал а на л итературный вечер к Род осову, у кот орого собирают ся ст ары е л ит ерат оры . Там читают оды , посл ания, мадригал ы , говорят о л агарповы х правил ах и проч.,] — все это скучно, но совершенно прил ично и чинно, совершенно безвредно и отчасти д аже хорош о по своей усы пител ьности.

От т уд а д рузья идут к од ному из своих приятелей , мол одому л ит ерат ору Спл етнину. Они предпол агал и заст ат ь его дома одного; но у него т акже собрал ось общест во. Эт о повергает в ужас рассудит ел ьного Фил офея.

«Уй дем от сюд а н азад !» — говорит он, когда, едва вошедши в зал , усл ы шал шум гостей , собравш ихся в другой комнат е. — «К а-кой в зд ор!» — возражает добродушны й Леонид : — «ты сл ы шишь по гол осам, что здесь собрал ся сок лучшей мол одежи. Ведь здесь общест во не хуже Род осов а». — «Хуж е , — от вечает Фил офей : — там тол ько скучно, а здесь несносно; там т ол ько смеешься, а здесь невол ьно рассерд ишься». Н о вы ходит Спл етнин и начинает рассказы ват ь л итературны е сл ухи; вы ходят гост и, Тал ант ин и другие, кричат , что Пушкин вы ше Бай рона, что философия, эст е-тика и вообще наука взд ор, л ишняя тягость дл я поэт а, что поэт не подчинен в своем творчест ве никаким законам, кроме собст венной необузданной фант азии, назы вают Тал ант ина гением, и

т. д. — одним сл овом, повт оряют почти т о же самое, чт о у

Над оумки говорил и Тленский , Фл югеровский , Чадский ; тол -куют, что л юди прежних поколений ничто пред ними, л юдьми нового покол ения, что Д ержав ин писал д рянь, что л ит ерат ура наша громадны ми шагами бежит к высочай шему совершенст ву.

Все эти шумны е толки происход ят под звон ст аканов, под хл о-панье пробок шампанского. Вся эта беседа точней ший скол ок с «Сонм ищ а нигил истов» Над оум ки. Расст роенны е дикою бестол -ковост ью, буй ною пуст от ою мол оды х л ит ерат оров, д рузья в оз-175

вращают ся домой . Леонид в от чаянии от жал кого пол ожения нашей бедной л итерат уры : «Д а, это груст но, это нест ерпимо!» — с горечью воскл ицает он. — Фил офей ул ы бается и насмешл иво говорит:

Ф. Послушай , Леонид, не спросить ли у тебя:

Скажи, что сделалось с тобою?

Л. Право, твои шутки совсем не кстати, и вот, позволь мне сказать, одна из главных причин жал кого положения литературы русской : с нею всегда и все шутят.

Ф. Я готов доказывать противное. Мне кажется, главная беда в том, что на нее сл ишком важно смотрят.

Л. Но как же иначе? Литература — это важная часть общественной жизни, это голос общества, — и ты хочешь, чтобы мы не уважали литературы?

Ф. Пусть же это уважение походит на сознание собственных достоинств . какое всегда должно таиться в душе человека умного и образованного. Но чтб такое литература и литераторы в русской земле? Наши литераторы, как дети, ездят на палочках верхом и высоко задирают головы, думая, что они рыцари и великие паладины.

Л. Мне досадно слышать от тебя такую холодную насмешку насчет предмета собственных наших занятий . Можем ли мы надеяться создать что -нибудь хорошее, если не будем уважать предмета трудов своих? И можно ли с таким убий ственным хладнокровием говорить о том поприще, на котором являлись Державины , Ломоносовы , фон- Визины, Крыловы, Грибоедовы? Ф. Продолжай , не забудь еще кого- нибудь из этих залетных лебедей , по которым ты думаешь, что лето литературы нашей настало... Эти случай ности, эти преждевременные искры волкана, изредка вылетавшие нз могучей души русского народа и предвещающие нам, что будет некогда литература русская, почитаем мы уже страшным извержением... Какая тут литература? Все эти люди были ль следствия общего образования и стремления? Нет, это мимолетные явления людей , — гениальных, если угодно, но они не образуют собою литературы, а потому...

Л. Не хочешь ли ты сказать, что литературы русской нет?

Ф. Этого я не хочу сказать. В самом младенчестве народов, даже когда они не эиают грамоте, начала литератур у них уже существуют.

Л. Следственно, и у нас есть л итература!

Ф. Нет, есть начал о л итературы, опыты, а не полные явления.

Л. Чем ты докажешь это?

Ф. И обществом нашим, и самими литераторами, и так называемою русскою литературою... Тогда только назову я литературу голосом общества, когда литература будет необходимою потребностью общества. Нашему обществу... право, мало дела до литературы. Доныне книга для русского человека такая же вещь, как игрушки детские, или такое же занятие, как гулянье под Новинским. Так же хотят почитать, как покупают детям коньков и куколок, и ездят смотреть паяцов.

Д. Ну пусть так. Обрат имся к литераторам.

Ф. Д а где они? Я не вижу, не знаю литераторов. Я вижу ученых по званию, то есть учителей , в высшем иди низшем значении этого слова; светских людей , которые мимоходом пишут в альбомы и альманахи, как играют в вист; людей , добывающих писаньем деньгу, и которые охотно примутся за карты, за ножницы, если только это будет им прибыльнее пера; чиновников, военных и гражданских, которые от скуки, для забавы, для денег кое - что пописывают. Посл е этого, ты позволишь мне смеяться над литературною нашею спесью и над твоею литературною иеремиадою... Все идет своим чередом. Литературе у нас время еще не пришло.

Л. Время, время! Да время и никогда не придет...

СР. Какая нелепица! Придет оно, милый друг, и его ничто не остановит...

И оно идет, движется незаметно, беспрерывно движет и нас с собою. Посмотри на то, чтб сделано в литературе с 1732 по 1832 год... Все это мало, недостаточно; но начало сделано, и Дмитрий Донской стоит в таком же великом расстоянии от Семиры, в каком от него находится Борис Годднов; Грибоедов с своим Горе от ума так же выше фон- Визина с его Недоросл ем, как фон- Визин был выше Сумарокова с его Чудовищами.

Мы уже не доживем, милый друг, до того времени, когда в России литература зай мет важную степень между общественными отношениями, когда общество поставит литературу в число необходимостей жизни...

Теперь нам еще некогда и думать об этом. У нас столько других дел и занятий . Не смешно ли требовать литературы, когда мы едва грамоте знаем? или созданий великих, когда образование и просвещение не дают к тому средств? ...Взгляни на общество, определи степень нашего образования я просвещения. ожидай в будущем, делай сам, чтб можешь, в надежде: не мне. так внукам пригодится, а между тем не требуй , чтобы дитя в пеленках плясало менуэт. Я нимало не дивлюсь, замечая у нас мелкость литературную и находя повсюду бесцветность, холодность, подражательность. От этих ли пестрых кукол, от этих ли человечков на восковых ножках ждать высоких, сильных порывов души, глубокого восторга, самобытных созданий ! У них все детские пороки] Самохвальство, горделивость, подражательность, все это най дешь ты в литературе нашей , и ни одной добродетели, даже ни одного порока взросл ого человека... Д а чт б я заговорил таким языком? С литературою русскою надо шутить и смеяться, потому что на детей сердиться смешно и грешно. Пусть критика ставит иногда русских литераторов в угол, за шалости; пусть публика иногда дарит вниманием их стишки и твореньица, как дарят детей обновками к празднику – и только!

– Все это буквал ьное повторение того, что говорил ось в статьях Над оумко.

СТ А Т ЬЯ П ЯТ А Я

Крит икою «Тел ескопа» бы л о пол ожено основание критике гоголевского периода. Эт о внутреннее род ст во мысли вы разил ось и внешним образом в первоначал ьны х от ношениях людей , из кот оры х одному дост ал ось на дол ю начат ь, а другому – совершит ь дело водворения у нас справедл ивы х л итературны х понятий . Н о как впоследствии времени эти люди стал и чужды друг другу, так и мысль, через них вы ражавшаяся, достигнув пол ного развит ия в сл ове бывшего ученика, раскры л а в себе сод ержание, сущест венно разл ичное от того, что обнаруживал а в первы х, еще несовершенных своих проявл ениях у бы вшего учител я. Коренны е черты род -ства между этими двумя ее фазисам и указат ь очень легко: стоит только припомнить общую точку зрения крит ики Над ежд ина. Существенным основанием всех его воззрений сл ужил и идеи, вы ра-баты вавшиеся германскою философиею. Сообразн о духу этой фил ософии, он рассмат ривал л итературу, как одно из частны х проявлений общей народной жизни, в связи с другими ст оронами жизни; т ребовал , чтобы она сознал а свое назначение – быть не праздною игрою личной фант азии поэт а, а вы разител ьницею народного самосознания и од ною из могущественней ших сил , движущих народ по пути ист орического развит ия. Всл едствие таких 12 Н, Г. Чернышевский , т. 111 177 вы соких понятий о назначении л итературы, немецкая фил ософия

поставл ял а необходимост ью, чтобы в ее произведениях значительность идеи, без которой форм а пуста, соединял ась с художествен-ност ью формы , осуществляющей идею. От этих эстетических аксиом крит ика гогол евского периода никогда не отступала. Н а-против, чем более она развивал ась, тем гл убже, полнее и сильнее понимал а и вы ражал а эти идеи. Сходст во, как видим, закл юча-л ось в одинаковости общего начал а. Он о очень значител ьно; его можно назват ь наст оящим кровны м родством. Разл ичие было еще г оразд о более важно. Он о зависел о от степени развит ия этого общего начал а; оно сост оял о в глубине и целостности воззрения, в посл едовател ьности его приложений и в важност и выводов, какие давал о его применение к фактам, представляемым литературою. Чт обы видеть, какое огромное расст ояние, уже по необходимости, лежавшей в духе времени, не говоря о причинах разл ичия, зависевших от л ичного характ ера крит иков, отделяло критику гогол евского периода от критики «Тел ескопа», надобно сообразить, какому изменению подвергл ись в своем прогрессивном движении те элементы нашей умственной жизни, из взаимного проникновения кот оры х сл агает ся критика, с той поры , когда кончил ась журнал ьная деятельность Надежд ина (1834– 1836), до той эпохи, когда крит ика гогол евского периода достигл а (1844– 1847) край них пределов развит ия, пол оженны х ей не стол ько границами сил и сл ишком кратковременной жизни человека, бывшего главным ее представителем (сил ы эти были огромны и раскры вал ись перед нами далеко не во всей пол нот е), скол ько границами пот реб-ностей и требований нашей публики. Над обно припомнить ход постепенного развит ия у нас научны х понятий и литературы в этот период времени, очень непродолжительный , обнимающий всего каких- нибудь двенадцать лет, но ознаменованный в нашей умственной жизни многими очень важны

ми фактами.

Над ежд ин ввел в наше л итерат урное сознание идеи, вы рабо-танные н- емецкою фил ософнею ". Эт о засл уга очень важная. Но * Задол го до Надеждина, немецкая философия имела последователей между русскими учеными. Особенного внимания заслуживает то, что ею с любовью занимались в наших духовных академиях. По случаю издания « [Логики» Бахмана 8 русском переводе Надеждин говорит («Мол ва»,

1832, № 20), что в одной из Гнаших1 духовных академии давно уже переведены сочинения Канта, Шеллинга, Фихте, Якоби. Позднее, в Киевской духовной академии, история философии от Канта до Гегеля преподавалась по известному сочинению Мишелета (берлинского). Имена высокопреосвященного Фил арета, митрополита московского, и преосвященного Иннокентия одесского должны занимать в истории философии у нас такое же место, как и в истории богословия. Всем известны заслуги протоиерея Ф. А. Голубин -ского. Из светских ученых, до Надеждина, нельзя не вспомнить о Фесслере, Велланском и в особенности И. Я. Кронеберге и М. Г. Павлове. Последний имел даже значительное влияние на молодое поколение, воспитывавшееся в Московском университете, и ему, быть может, даже более, нежели Надеждину, принадлежит слава распространения любви к философии между молодыми
178

Надеждин был последователем Шел л инга, и если принадл ежал , как мы говорил и, к тем из учеников этого философа, которы е развивал и его понятия сообразно духу времени, то все, однако же, в сущности ост авал ся учеником Шел л инга. Н о система этого мыс* лителя сама по себе неудовлетворительна, и главное значение ее состоит тол ько в том, что она была зароды шем, из кот орого развилась система Гегеля. Эт ого философа Надежд ин, как по всему видно, никогда не признавал своим руководител ем, счит ая его не более, как даровитым последователем Шел л инга. Понят ь Гегеля, который дал истинный смы сл и наст оящую цену неопределенным и отрывочным мыслям Шел л инга, бы л о предоставл ено уже еле*

дующему покол ению, обрат ившемуся к изучению немецкой фил о-софии отчасти по самостоятел ьному стремл ению, отчасти, конечно, бл агодаря деятельности Надежд ина и Павл ова. Нескол ько времени эти юноши абсол ют ною ист иною считали учение Гегеля в таком виде, как изл агал его этот мыслитель. Н о скоро познакомились они с сочинениями учеников Гегеля, которы е, с ст рогою последовател ьностью развивая существенны е идеи учителя, от -вергли все, что в его системе противоречил о этим основны м принципам, и, наконец, преобразовал и его систему так, как прежде он преобразовал систему Шел л инга. Без всякого преувеличения, надобно сказат ь, что так назы ваемою школ ою Гегеля образовано бы л о совершенно новое фил ософское учение, кот орому система самого Гегеля сл ужил а не более, <как предшественницею, тол ько в этом учении пол учившею свой смысл и оправдание. Тем завершил ось развит ие немецкой фил ософии, кот орая, теперь в первый раз достигнув пол ожител ьны х решений , сбросил а свою прежнюю схол астическую форму метафизической трансцендентал ьности и, признав т ожество своих резул ьтатов с учением естественных наук, слил ась с общей теориею естествоведения и антропол огиею 95. Тогд а и увлечение системою Гегеля, кот орому на время совершенно подчинял ись молодые русские приверженцы немецкой фил ософии, уступило место новы м воззрениям, вы сказанны м его учениками. Предмет этот имеет вы сокую важност ь для ист ории нашей л итературы, потому что из тесного дружеского кружка, о кот ором мы говорим и душою кот орог о был Н . В. Станкевич 96. скончавший ся в первой поре мол одост и, вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечател ьны е люди, которы х имена сост авл яют честь нашей новой сл овесности, от Кол ьцова до г. Тургенева, Без сомнения, когда- нибудь этот благородней ший и чистей ший эпизод ист ории русской л итературы будет расска-

зан публике достой ным образом . В наст оящую минуту еще не пришл а пора для того.

литераторами, о которых мы будем говорить. Тем не менее, когда выступил Надеждин, немецкая философия не только для большинства публики, но и для большей части образованней ших писателей наших оставалась еще предметом неслыханным и непостижимым,4.

12* 179

Таким образом , в течение семи или восьми лет научные поднятия, на кот оры х дол жна основы ват ься крит ика, прошл и два великие фазиса развит ия и достигл и той окончательной ясности, пол ноты и посл едовател ьности, которой недоставал о им в системе самого Гегеля, не тол ько в системе Шел л инга, [содержавшей не более, как отры вочны е и неопределенные зароды ши того, что было вы сказы ваемо Гегелем]. И если Шел л инг в наст оящее время имеет значение тол ько как непосредственный учитель Гегеля, то и сам Гегель, в свою очередь, имеет значение тол ько как предшественник строй ного и пол ного учения, вы работ анного его школ ою из тех принципов, которы е в его системе вы сказы вал ись не более, ка(? в виде темных предчувствий , оставал ись без приложений и д аже были подавляемы прот иворечащими их существенному смы с-лу трансцендентал ьными понят иями, наследием одностороннего идеал изма. Тол ько трудами новей ших немецких мыслителей фил о-софия пол учила содержание, соответствующее требованиям точных наук, и основал ась, под обно естествоведению, на ст рогом анализе фактов.

Н о немецкая фил ософия занимал ась по преимуществу только самы ми общими и отвлеченными научными вопросами. Принципы общей системы воззрений на мир были, наконец, най дены ею и прил ожены к разъ яснению нравственны х и отчасти исторических вопросов; зат о другие части науки, не менее важны е, оставляемы были в Германии без особенного внимания, – преимущественно

дол жно сказат ь это о практических вопросах, порождаемы х материал ьною ст ороною человеческой жизни. Франц узских мыслителей занимал и всегда эти предметы более, нежели немецких, но очень долго не постигал ись ими во всей глубине и разрешал ись или поверхностны м, или фантастическим образом . Наконец, когда резул ьтаты немецкой фил ософии проникл и во Франц ию, а на-бл юдения, собранны е франц узами, в Германию, пришл о время искать положител ьны х и точны х решений . Тогд а одност оронност ь науки исчезл а; ее сод ержание было уяснено относител ьно всех ее существенны х задач. Мат ериал ьны е и нравственные усл овия человеческой жизни и экономические законы , управл яющие общественным бы том, были иссл едованы с целью определить степень их соответственности с т ребованиями человеческой природы и най ти выход из житей ских противоречий , встречаемых на каждом шагу, и получены довол ьно точны е решения важней ших вопросов жизни. Эт от новый элемент т акже вошел в наше умственное развитие; крит ика воспол ьзовал ась им, и ее основны е воззрения во многих сл учаях получили бол ьшую определенность и жизненность.

Таков был ход науки вообще. Мы , наскол ько то был о возможно, сл едовал и развит ию общечел овеческих понятий , которые под конец периода, здесь обозреваемого, нимало уже не походили на т о, что было нам известно в его начале. Те отрасл и 180

науки, которы е, имея предметом русский мир, дол жны быть обра* ботываемы сил ами русских учены х, т акже сделал и в этот проме-жут ок времени очень значител ьны е успехи, преимущественно русская ист ория, от истинны х понятий о которой так много зависит и справедл ивое понимание ист орического ход а нашей л итературы .

Окол о 1835 года, мы, подле безусл овного покл онения К арамзину, встречаем, с одной ст ороны ,скептическую школ у, засл уживающую великого уважения за то, что первая стал а хл опотать о разреш е-нии вопросов внутреннего бы та, но разрешавшую их без надл ежащей основател ьности; с другой – «вы сшие взгл яды » Пол евого на русскую ист орию, – через десять лет, ни о вы сших взгл ядах, ни о скептицизме нет уже и речи: вместо этих сл абы х и поверхностных попыток, мы встречаем ст рого ученый взгл яд новой исторической школ ы , главными представител ями которой были гг. Сол овьев и Кавел ин: тут в первый раз нам объ ясняет ся смысл событий и развит ие нашей государственной жизни. Окол о того же времени или нескол ько раньше подвергает ся основател ьному иссл едованию вопрос о значении важней шего явл ения нашей исто* рии – реформы Пет ра Вел икого, о которой до того времени повторял ись тол ько наивны е сужд ения Гол икова или К арам зина.

Нет надобност и объ яснят ь, как тесно связана с этим делом участь общего взгл яда на нашу л итературу. Изд ания Археографической комиссии дали кажд ому возможност ь изучат ь русскую ист орию по источникам. Самы е упорны е противники всего нового согл аша-ют ся, что изучеиие русской ист ории сдел ал о значител ьны е успехи в течение десяти или двенадцати лет, о кот оры х мы говорим.

Н о ближай ший предмет крит ики, русская л итерат ура, изменил ась еще значител ьнее. Пушкин явил ся в совершенно новом свете, когда по смерти его обнарод ованы были произведения, в худ о-жественном отношении превы шающие все, что бы л о им напечатано при жизни. Гогол ь напечатал «Ревизора». Явил ись Кол ьцов и Лермонт ов. Все прежние знаменитости померкл и перед этими новы ми. Явил ась новая школ а писателей , образовавшихся под влиянием Гогол я. Гогол ь издал «Мерт вы е души». Почт и в одно время явил ись «К т о виноват ?», «Бедны е л юди», «Зап иски охот -ника», «Обы кновенная ист ория», первы е повести г. Григ оровича. Переворот был совершенный . Лит ерат ура наша в 1847 году была так же мал о похожа на л итературу 1835 года, как эпоха Пушкина на эпоху К арам зина.

В л итературах Западной Европы т акже совершал ись великие перемены. Викт ора Гюг о, Лам арт ина и Шат обриана, кот оры х прежде считал и величай шими поэт ами нашего века, стал и находить сл ишком фал ьшивы ми, прит орны ми или натянуты ми, их не тол ько перестал и превозносит ь» перестал и д аже бранит ь. Вме-ст о их, первою сл авою французской л итературы явил ась Ж орж Санд , с которой начал ась совершенно новая эпоха. В англий ской л итературе, вместо ист орических романов Вал ьтера Скот т а, эт но-181

графических ром анов К упера и фешенебел ьны х изделий Вуль -вера, общее внимание привл екл и романы Диккей са. В немецкой л итературе не нашл ось преемников не тол ько Гете, но даже и Гофману. В тридцаты х годах сл аву немецкой поэзии отчасти поддерживал Гей не; но ск оро и он ок азал ся чел овеком отсталы м от своего времени; о немецкой бел л етристике в сороковы х годах не бы л о и сл ухов за границами немецкой земл и. Эт и факты дол жны были оказат ь сил ьное вл ияние на понят ия об искусстве: кто п ро-читал и умел оценить Диккенса и Ж орж а Санд а, тот не так будет понимат ь л ит ерат уру, как покл онник Вал ьт ера Скот т а и Купера, не г оворя уже о Лам арт ине и Викт оре Гюго.

Сл овом, все кругом совершенно переменил ось, и бол ее всего переменил ись именно те элементы нашей умственной жизни, от кот оры х непосредственно зависят характ ер и сод ержание критики: научны е понят ия, сл ужащие ей основанием, и отечественная лите-рат ура.

Усл овия, в кот оры х дей ствовала крит ика гогол евского перио-

д а, были, как видим, стол ь новы , что, по необходимост и, возл а-гаемой сам ою сущност ью дел а, она д ол жна бы л а раскры ват ь собою дл я нашего л ит ерат урного сознания совершенно новое содержание. Понят ия, на кот оры х она д ол жна был а опират ься, факты , о кот оры х д ол жна бы л а судит ь, до такой степени превы -шал и своею гл убиною и значит ел ьност ью все, о чем прежде мог-л а говорит ь русская крит ика, чт о все предшест вовавшие ей периоды нашей крит ики дол жны бы л и померкнуть в наших гл азах, как мал оважны е в сравнении с нею.

Гл авны м деятелем крит ики гогол евского периода был Бел ин-ский 97. Читател и, быть может , извинят нас, что в настоящей ст а-тье мы не даем ни биографических сведений об этом писателе, ни д аже его характ ерист ики, пот ому чт о сообщение биографических подробност ей не входит в пл ан наших «Очерк ов », ограничивающихся т ол ько рассмот рением произведений и не вд ающихся в ис-сл едования о частной жизни и л ичном характ ере писателей . Мы сами первы е чувствуем непол ноту и, так сказат ь, отвл еченность эт ого пл ана и ут ешаемся т ол ько тем, что и неполный и сухой разбор все- таки имеет некот орое, хот я временное, значение, пока не явл яют ся труды бол ее живы е и пол ные. — Впрочем, при из-л ожении развит ия и Смысла крит ики гогол евского периода, быть может , менее, нежел и в каком бы то ни бы л о другом сл учае, чувствуется пот ребност ь в биографических соображениях: в делах, имеющих ист инно важное значение, сущност ь не зависит от воли или характ ера, или житей ских обст оят ел ьст в дей ствующего л ица; их испол нение не обусл овл ивает ся даже ничьей л ичност ью. Ли ч-ност ь тут явл яет ся тол ько сл ужител ьницею времени и ист ориче-ской необходимост и.

Кт о вникнет в обст оят ел ьст ва, среди кот оры х д ол жна была дей ствовать крит ика гогол евского периода, ясно пой мет, что ха-

ракт ер ее совершенно зависел от ист орического нашего пол оже-ния; и есл и представител ем крит ики в эт о время был Белинский , то потому тол ько, что его л ичност ь бы л а именно т акова, какой т ребовал а ист ориеская необходимое! ь. Будь он не т аков, эта не-прекл онная ист ориеская необходимост ь нашл а бы

себе другого сл ужител я, с д ругою фамил иею, с другими чертами л ица, но не с другим характ ером: ист орическая пот ребност ь вы зы вает к дея-тел ьности людей и дает сил у их деятел ьности, а сам а не подчиняется никому, не изменяет ся никому в угоду. «Врем я требует сл уги своего», по гл убокому изречению од ного из т аких слуг.

Ит ак, ост авим в ст ороне л ичност ь Бел инского: он был тол ько сл угою исторической пот ребност и, и с нашей отвлеченной точки зрения нас интересует т ол ько развит ие сод ержания русской критики, во всем сущест венно важном с необходимост ью определ яв-шееся обст оят ел ьствами, созданны ми историек». И есл и мы будем иногда упоминать имя Бел инского, г оворя о той или другой идее, то вовсе не пот ому, чтобы собст венно от его л ичности зависел о вы ражение этой идеи: напрот ив, в т ом, что есть сущест венного в его крит ике, л ично ему, как отдел ьному чел овеку, принадл ежат тол ько те или другие сл ова, упот ребл ение т ого или д ругого оборот а речи, но вовсе не сам ая мы сл ь: мысль всецел о принадл ежит его времени; от его л ичност и зависел о т ол ько т о, удачно ли, сил ьно ли вы сказы вал ась мысль.

Белинский явил ся на л ит ерат урное поприще сот рудником Над ежд ина, как его ученик и продол жат ел ь. Начал он с того самого, на чем ост ановил ся Над ежд ин, – с чрезвы чай но резкого и горького от риц ания всей нашей л итерат уры , до самого Гогол я, который и сам тогда еще не д оказал , что его деятел ьность пол о-жит конец этому от рицанию. Перв ая значит ел ьная ст ат ья нового

крит ика – «Лит ерат урны е мечтания. Эл егия в п розе» – помещенная в «Мол ве» 1834 года, имеет самый мрачный и беспощад -ный тон. Уже загл авие указы вает на ее прямое происхожд ение от «Лит ерат урны х опасений » Над ежд ина, намекает, что наша так назы ваемая л ит ерат ура не бол ее, как мечта, и говорит , чт о думать о ней значит наводить на себя т оску. Ещ е резче вы сказы -вают общее направл ение ст ат ьи эпиграфы , выставл енные над нею.

Их два:

Я правду о тебе порасскажу такую,

Чт о хуже всякой лжи.

Грибоедов, «Горе от ума».

«Есть ли у вас хорошие книги?» – Нет; но у нас есть великие писатели.– «Так, по край ней мере, у вас есть сл овесност ь?»– Нет, у нас есть только книжная торговля.

Барон Брамбеус».

Ст ат ья, объ явл яющая о своем сод ержании таким загл авием и такими эпиграфами, закл ючает обзор всей ист ории нашей лите-183

рат уры от ее начал а до 1834 года. Нужн о ли говорит ь, что она совершенно уничт ожает ее? Вообщ е, тол ько четыре писател я, по мнению авт ора, имеют право назы ват ься русскими писател ями:

Д ержавин, Пушкин, Кры л ов и Грибоед ов. Д а и те – что такое успел и сдел ат ь? Державина спасл о от совершенной пустоты тол ь-ко его невежество, – а невежест во может ли созд ат ь что- нибудь хорошее? Пушкин показал , чт о у него есть великий талант, но не произвел ничего, достой ного своих сил , а теперь (1832– 1834) не печатает ничего хорошего: «т еперь он умер или, быть может, тол ько обмер на время, – суд я по «Анд жел о» и сказкам, умер».

Кры л ов хорош в баснях – важное богатст во для л итерат уры !

Грибоед ов написал одну комедию, в которой гл авное дост оин-

ст во – едкость, а не художест венност ь. Ит ак, у нас еще нет лите-рат уры . Могут ли четыре чел овека сост авл ят ь л ит ературу, особенно если явил ись, как то бы л о у нас, случай но, без предшественников и продол жател ей ? Лит ерат ура явит ся у нас тогда, когда просвещение укоренит ся на нашей почве; а теперь нам рано и думать о такой роскоши. «Теперь нам нужно учение! учение!

учение! а не л ит ерат ура». Тем же духом проникнут о и другое обозрение, явившееся в «Тел ескопе» через пол т ора года (1836). Сущест венная мысль его д ост ат очно вы ражает ся самы м загл а-вием: «Ничт о о ничем, или отчет г. издат ел ю «Тел ескопа» за последнее пол угодие (1835) русской л ит ерат уры ». Н о Гогол ь и Кол ьцов («Ми рг ород », «Арабеск и » и «Ст ихот ворения Кол ьцова» явил ись в 1835 год у) уже вы нужд ают у авт ора некот оры е уст уп-ки в пол ьзу надежды на бл изост ь лучшей будущност и. Обоих он привет ствовал с вост оргом, и с самого начал а, когда самы е прони-цател ьные из других ценителей еще не замечал и Кол ьцова и от -зы вал ись о Гогол е с бл агоскл онною снисходител ьност ью, как о человеке, который пишет очень - порядочно, он уже оценил их впол -не, увидел в их первы х произвед ениях начал о новой эпохи для русской л ит ерат уры и пред сказал , какое вы сокое место они зай -мут в ней . А между тем, Кол ьцов тогда напечатал тол ько маленькую тетрадку с восемнадцат ью пьесами, из числ а кот оры х разве шесть или семь были удачны , а Гогол ь издал тол ько «Мирг ород » и «Арабеск и», ни «Рев изора», ни большей пол овины его повестей , ни драмат ических сцен еще не бы л о, — и, однако же, молодой крит ик не усомнил ся и тогда назват ь его «гл авою нашей л итера-т уры ». Эт а проницат ел ьност ь, впрочем, покажет ся нам совершенно естественною, есл и мы захот им сообразит ь, что мол одому сотруднику Над ежд ина были даны п рирод ою силы сдел аться главою нашей крит ики в начинавшемся тогда новом периоде: само собою разумеет ся, что он т ол ько потому и исполнил свое назначение, что был гот ов к нему, чт о носил в своей душе идеал будущего, истол кователь ем кот орог о был, когда оно осущест вил ось: т рудно ли чел овеку, напол ненному предчувствием, узнат ь и оценить с первого же взгл яда то, чего он ждал , о чем мечтал ? Во-184

обще, человек очень легко понимает все сродное с его собственною натурою *.

В этом отношении уже решительны е признаки самостоятельности Белинского при самсм начал е его деятел ьности, когда он, повидимому, еще совершенно сл едовал вл иянию своего учителя. Н а Кол ьцова Над ежд ин не обратил внимания; а что ка-сает ся первых повестей Гогол я, он понимал , что «Вечера на ху-т оре» и «Мирг ород » — произведения прекрасны е, но всей важности этих явлений не замечал : находил их авт ора замечательным писателем, от кот орого над обно ожид ат ь много прекрасного, но и не предпол агал в нем корифея совершенно новой будущности.

Эт а разница объ ясняет ся тем, что один в душе совершенно был человеком нового периода, в уме другого стремл ение к будущему борол ось с привы чками прошедшего и есл и побеждал о их, т о после борьбы , помощью умозакл ючений и соображений , а не мгновенным инстинктивным влечением родственной нат уры .

* Вот существенные места из замечательной статьи «О русской повести и повестях г, Гогол я»: «Арабески и Миргород» («Тел ескоп», т. X X V II).

«Роман и повесть суть единственные роды, которые появились в нашей литературе не столько по духу подражательности, сколько вследствие потребности... Роман все поглотил, а повесть, пришедшая вместе с ним, изгладила даже и следы всего этого, и сам роман с почтением посторонил ся и дал ей дорогу впереди себя. В русской литературе повесть еще гостья, но гостья, которая вытесняет давнишних хозяев из их жилища...

У нас еще нет повести в собственном смысле этого слова... Первенство поэта-повествователя остается за г. Полевым. Но в его' повестях есть один важный недостаток: в них заметно большое участие ума, для которого самая фантазия есть как бы средство (т. е. они сочинены, а не созданы, в них нет поэтического творчества). Посмотрим, нет ли между нашими писателями такого, который был бы поэт по призванию... Мне кажется, что из современных писателей — я не включаю в это число Пушкина, который уже свершил круг своей *художнической деятельности (гак тогда думал и, потому что поеме «Бориса Годунова» Пушкин в течение пяти или четырех лет печатал мал о замечательного), никого не можно назвать поэтом с большею уверенностью и нимало не задумываясь, как г. Гоголя...

Способность творчества есть великий дар природы. Творчество бесцельно с целью, бессознательно с сознанием, свободно с зависимостью. Вот его основные законы. (Изл агается эстетическая теория немецкой фил ософии, введенная к нам Надеждиным.)

Очень нетрудно к этому приложить сочинения г. Гоголя, как факты к теории.

Скажите, какое впечатление прежде всего производит на вас повесть г. Гогол я? Не заставляет ли она вас говорить: «Как все это просто, обыкновенно, естественно и верно «, вместе, как оригинально и ново!»

Не удивляетесь ли вы и тому, что вам самим не пришла в голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этих же самых лиц, так обыкновенных, так знакомых вам, и окружить их этими самыми обстоятельствами, так повседневными? Вот первый признак истинно- художественного произведения. Потом, не знакомитесь ли вы с каждым персонажем его повести так коротко, как будто вы давно знали его, долго жили с ним вместе? Не верите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что все рассказанное автором есть чистая правда, без всякой примеси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти создания ознаменованы печатью истинного таланта. Эт а простота вымысла, эта нагота дей ствия — верные признаки творчества. Эт о поэзия

Сот руд ничест во с Над ежд ины м OfctafiHAo навсегда довол ьно резкий отпечаток на некот оры х привы чках крит ики гогол евского периода. Сам ою сущест венною из этих принят ы х по наследству особенностей бы л а беспощад ная и непреры вная пол емика против романт изма. У Над ежд ина она был а едва ли не сам ою гл авною зад ачею всей крит ики и, очевидно, проист екал а из самого пол о-жения нашей л итературы . С первого взгл яда может показат ься, что через десять лет в эт их непреры вны х Фил иппинах уже не бы ло настоящей над обност и. Ром ант изм, повндимому, уже перестал быть опасны м, его п ора бы л о бы ост авит ь в покое, и несправед-л иво бы л о бить л ежачего врага. Н о эт о закл ючение окажет ся ошибочно, есл и мы пристал ьнее вникнем в сущност ь дела. Во -первы х, романт изм сделал т ол ько наружны е уст упки, от казал ся от своего имени, не бол ее, но всвсе не исчез и очень долго ст арал ся оспариват ь победу у нового направл ения; он имел еще много последователей в л итературе и многих приверженцев в публике.

Чт обы указат ь на факт , от носящий ся уже к самому последнему времени крит ики гогол евского периода, припомним, какою оже-ст оченною и всеобщею в ражд ою вст речена бы л а от всех ж ур-нал ов (кром е «От ечест венны х зап исок» и пот ом «Соврем енника») нат урал ьная школ а, кот орая на самом деле, а не т ол ько на сл овах, от казал ась от романт ических п рикрас: все возмущал ись тем, что она описы вает дей ствительную жизнь в ее ист инном виде, а не повествует о небы вал ы х в мире зл одеях и героях и невиданны х красот ах природ ы , — все эти нападения проист екал и из привя-занност и к преданиям романт изма. Д а и до сих п ор романт изм еще живет во всех тех, кот оры е, по добродушной робост и или по л юбви к мишуре, не л юбят правды , высказы ваемой без прикрас, и находят , что как пол е красно рожь ю, так речь — л ожью, что от рицание беспл одно, что, впрочем, оно уж сдел ал о свое дело, что

реальная, поэзия жизни дей ствительной ... И возьмите почти все повести г. Гогол я: какой отличительный характер нх? Чт о почти каждая из его повестей ? Смешная комедия, кот орая начинается глупостями, продолжается глупостями н оканчивается сл езами, и кот орая, наконец, называется жианью. И таковы все его повестн: сначал а смешно, потом грустно. И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно! Скол ько тут поэзии, сколько фил ософии, сколько ИСТННЫ1

В художественных произведениях дол жно разл ичать характер творчества, общий всем изящным произведениям, и характер колорита, сообщенный индивидуальностью автора. Я уже сказал , что отличительные черты характера произведений г. Гогол я суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность, — все это черты общие, потом комическое одушевление, побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния — черта индивидуальная.

Комизм, илн юмор, г. Гогол я имеет свой особенный характер: »то

юмор чисто русский , спокой ный , простодушный , спокой ный в самом своем

негодовании, добродушный в самом своем лукавстве...

«Порт рет » есть неудачная попытка г. Гогол я в фантастическом роде.

Здесь его талант падает; но он и в самом падении остается талантом.

пора нам обрат ит ься к бол ее бл агоскл онному взгл яду на жизнь, и т. д., т. е. т оскуют по бл аженной поре Гремины х и Ларины х, с прочими аркадскими принадл ежност ями. Есл и вы хотите испы -тать, на самом ли деле много еще ост ал ось у нас романт иков, есть для т ого средст во очень л егкое: пробный камень дл я ром ант изма – крит ика гогол евского период а; кто не довол ен ее мнимою излишней суровост ью (разум еет ся, не по каким- нибудь личным расчет ам или л ицемерию– о подобны х л юдях нечего и говорит ь– а по искреннему убежд ению), в том не умер романт изм. А таких людей еще набирает ся довол ьно много. Ны не м ожно не обра-

щать на них внимания: дл я бол ьшинст ва публики их мнения забавны и тол ько, а никак не опасны . Пят надцат ь лет тому назад был о не то: мнения, кот оры е ныне сост авл яют л ишь забаву, ут ешающую отдельных людей , не имеющих вл ияния на публ ику, были очень сил ьны в л итературе. Ст оит припомнит ь, как один из тогдашних крит иков не хогел печатать повестей Гогол я в ж ур-нале, кот орому давал направл ение, и не хотел д аже писат ь разбора его комедии, счит ая эт у пьесу низким фарсом 98. Осн ов а-нием его наивны х понятий бы л и, конечно, романт ические т ребо-вания возвы шенны х страстей и идеал ьны х личностей в искусстве.

А этот крит ик в т о время счит ал ся представител ем современной науки. Каковы же были понят ия других л итературны х судей , д аже и не под озревавших в искусст ве ничего, кроме франц узских мело-драмат ических изделий ? «Отечественны е записки» одни .борол ись прот ив всех журнал ов, в этом сл учае прод ол жая дело «Тел е-скопа».

Н о борьба с романт измом, кот орая в крит ике гогол евского периода бол ее всего ост ал ьного могл а бы казат ься прост ы м п ро-дол жением мысли Над ежд ина, сохранил а т ол ько наружное сход -ство с его филнптшками, пол учив мало-помалу совершенно новое Вообще, надобно сказать, что фантастическое как- то не совсем дается г. Гоголю.

Какой же общий результат выведу я из всего сказанного мною? Есл и я сказал , что г. Гоголь поэт, я уже все сказал , я уже лишил себя гтрава делать ему судей ские приговоры. У нас много писателей , некоторые даже с дарованием, но нет поэтов. (Пушкина автор искл ючил , как мы видели, us числ а дей ствовавшх тогда писателей .) Поэт – высокое и святое сл ово: в нем заключается неумирающая сл ава!.. Зад ача критики: определить степень, занимаемую художником в кругу своих собратий . Но г. Гогол ь только еще дебюте и о надеждах в будущем, которы е подает этот дебют. Эти надежды великн, ибо г. Гоголь владеет талантом необыкновенным и высоким. По край ней мере, в настоящее время он явл яется главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным.

Поэты бывают двух родов: одни только доступны поэзии, у других дар поэзии есть нечто составл яющее нераздельную часть их бытия. Первые иногда один раз в целую жизнь выскажут какую - нибудь прекрасную поэтическую грезу н ослабевают в последующих своих произведениях. Другие с каждым новым произведением возвы шаются и крепнут. Г. Гоголь принадлежит к числу этих последних поэтов: этого довол ьно!»

187

содержание. Над ежд ин восст авал против романт изма с учено -литературной точки зрения, д оказы вая тол ько, что французский новей ший романт изм так же мал о похож на романт изм средних веков, как псев до- кл ассическая л итература на греческую, и потому, подобно ей , присвоивает себе л ожное имя, а собственно дол жен считат ься не более, как псевдо- романтизмом, жалкой подделкой под истинный романт изм, невозможный в наше время, и потому просл авл енны е псевдо-романтические произведения нелепы в эстетическом отношении. Эт ою отвл еченною точкбю зрения ограничивал ась его пол емика. Крит ика гогол евского периода смотрел а на вопрос шире: она восст авал а на романт изм как на вы ражение натянуты х, экзал ьт ированны х, л живы х понятий о жизни, как на извращение умственны х и нравственны х сил человека, ведущее к фант азерст ву и пошл ости, самообол ьщениям и кичл ивости. Над ежд ин и не предчувствовал , что сущность псевдо- романтизма закл ючает ся не в нарушении эстетических усл о-вий ; а в искаженном понятии об усл овиях человеческой жизни; он сам не был свободен в этом отношении от заблуждений , которы е ничем не отл ичал ись от основной

ошибки романтиков, считавших

тол ько кол оссал ьны е ст раст и и эффект ны е явл ения достой ными внимания поэта. Хорош о понимая мел очность того, что романтики воображал и себе титаническим, Над ежд ин сл ишком накл о-нен был искать поэзию в одном тол ько возвы шенном, далеко пре-вы шающем явл ения обыкновенной дей ствительности. Не нужно говорит ь о том, как мал о могли подходить под этот идеал писатели, подобны е Диккенсу или Гогол ю, изображают, ие повседневную жизнь, — да и не бы л о таких поэт ов во времена Над е-ждина. Все были тогда экзал ьт ированы или ст арал ись прикинуться экзал ьт ированны ми, — разочарованное! ь была только особенны м и едва ли не самы м натянутым родом экзал ьт ации, — никто не догады вал ся о л живост и экзал ьт ированного взгляда на жизнь. Потому- то и недовол ьство романт измом возбужд ал ось более формал ьны ми недостатками его произведений , нежели фал ьшивост ью основного его взгл яда на жизнь. Тол ько сл едую-щему покол ению, воспит анному более пол ожител ьною филосо -фиею и насл аждавшемуся бол ее здоровы ми созданиями искусства, предоставл ено был о восст ат ь против романтических фант а-зий не с одной литературной , но и с житей ской точки зрения.

Сл овом, Над ежд ин имел дело с романт измом, как противу - эстетическим явлением в л итературе; крит ика гогол евского п е р и од а , разд ел яя этот взгл яд, обращ ал а главное свое внимание на романтиков, как людей , губящих жал ким образом свои силы, как на людей , по забл уждению дел ающихся вредными для самих себя и смешными. Он а заклей мила осмеянны м именем романтизма всякую аффект ацию, нат янутость, бол езненную апатию, вел ичаю-щую себя горды м разочарованием , всякую пошл ость, прикры ваю-щую себя пышными фразам и, всякую рет орику в сл овах и делах,

188

в чувствах и поступках. Борьба с этим романтизмом дол жна быть вменена, в заслугу исключительно ей . В атом деле критика гого

левского периода не имела предшественников и своими едкими насмешками оказал а несомненную усл угу не тол ько л итературе, но и самой жизни; в нем доселе имеет она и долго будет иметь ревностным своим последователем кажд ого здравомы сл ящего писателя, потому что борьба против бол езненного романтического направления в жизни доселе необходима и будет еще необходима и тогда, когда совершенно забудется имя л итературного романтизма. Борьба эта продол жит ся до той поры , когда люди совершенно отвыкнут обол ьщат ься аффект ац иею'в жизни, когда они привыкнут смеяться над всем неестественным, как пошлым, какими бы выгодными фразами и формами ни прикры вал ась его внутренняя пошлость.

Мал осведущие или увлеченные горячност ью споров противники с диким негодованием вопиял и, что критика гоголевского периода святотатственно посягает на сл аву знаменитых людей нашей литературы, что она разрушает пьедесталы, на которы х стоят их величественные статуи, топчет в грязь все, чем дол жна гордиться наша прошедшая л итература, и т. д., и т. д. Есл и б эти крики были справедливы, мы имели бы другую точку очень бл из-кого сходства между деятельностью Надежд ина и его бывшего ученика. К сожал ению, они основаны тол ько на незнании или беспамятности. Дел о уничтожения л итературны х авторитетов вовсе нельзя причисл ять к новым и существенно- важны м целям, достигнуть которы х хотела критика гогол евского периода, и если она когда делала что- нибудь в этом роде, то разве относительно авторитетов, далеко не первостепенных и нимало не освященны х древностью лет, напр., относител ьно Марл инского и Пол евого. Конечно, для иных и это неприятно, но уж решительно никому не может казат ься важны м преступлением, по незначительности

самого предмета. Чт о же касается д о святотатственного, по мнению некоторы х, посягательства на Лом оносова, Державина и других дей ствительно первокл ассны х писателей , критика гоголевского периода совершенно лишена бы ла возможност и придумать что- нибудь в уменьшение их славы по очень простой причине: все, что можно было сказат ь в этом смысле, давно уж было вы сказано или Полевым, или Надеждины м. Обвинять в этом критику гоголевского периода значит приписы вать ей засл угу, вовсе не ей принадл ежащую *. Ей предстоял о дело совершенно другого рода: не увлекаясь ни старым отрицанием, ни еще более старыми пане* Вообще, надобно заметить, что отрицание, выражающееся печатным образом, принимает формы, гораздо менее жесткие, нежели те, которыми облекается оно в разговорах и частной

переписке. Литература и в этом случае, как и во многих д руг их, пролагает п ут ь к п рим ирению, как скоро дает простор выражению чувства, которое, оставаясь безвыходным, не знало бы Границ своей враждебности, Напрасно было бы воображать, что, например. 189

гириками, показать ист орическое значение разл ичны х периодов нашей л итературы и замечательней ших ее деятелей , дать нам ист орию нашей л итературы, чего еще не было сделано никем из предшествовавших критиков. Взгл яд на л итературу, предшествовавшую Пушкину, у критики гоголевского периода был умереннее и снисходительнее, нежели у критики романтического период а; а что касается Пушкина и его сподвижников, критика гоголевского периода почти пост оянно дол жна была противоречить резким приговорам Надежд ина. Сл овом, она не разрушал а, а, напротив, воссозидал а все, что в прошедшем засл уживал о уважения. Иначе и быть не могло: нападать на Ломоносова и Державина, на К арамзина и Пушкина уже было не нужно и неуместно; если когда- то их и превозносил и безотчетными пенегири-

ками, то это слепое покл онение в образованной части публики давно уже было уничт ожено «Тел еграфом» и «Тел ескопом», и когда явил ся Гогол ь, наступило время говорить о прошедшем с уважением, потому что развившееся из него настоящее стал о засл у-живать уважения. Так с уважением начинают говорить об отцах, когда потомки их засл ужат сл аву.

От куда же взял ось мнение, что одним из дел критики гого-л евского периода было уничтожение прежних авторитетов? Не будем говорить о побуждениях, проистекавших из самол юбия многих раздраженны х ею тогдашних писателей , которы е находили удобны м кричать: «вы не верьте, читатели, тому, ч т о говорит этот человек о моих сочинениях; он бранит не только меня, он бранит и Державина, и Лом оносова, он всех великих писателей (в том числе и меня) хочет унизить»; не будем также указывать других подобных расчетов, какие внушаемы были завистью или вражд ою: все эти жал кие факты на засл уживают того, чтобы вспоминать о них. Обрат им внимание только на законные, так сказать, причины , от которы х происходил о ошибоч -Полевой , разрушитель устаревших литературных авторитетов, ценил писателей , предшествовавших Пушкину, менее, нежели всякий другой из его современников, имевших хотя некоторое литературное образование и не лишенных вкуса. Напротив, надобно признаться, что каждый из них втихомолку выражался гораздо резче, нежели говорил Полевой . Вот как, например, думал о Державине еще в 1825 году сам Пушкин, великий поклонник старины:

«По твоем отъезде перечел я Державина всего. Вот мое окончательное мнение: этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка.

У Державина должно будет сохранить од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Жаль, что наш поэг слишком часто кричал петухом». (От -рывок иа письма к Дел ьвигу, изд. 1855 г., часть /, стр. 156.)

Кажется, резче этого трудно придумать что - нибудь, и, наверное, в «Телеграфе» не най дется ни одного выражения, которое бы хотя сколько -нибудь подходило к словам Пушкина своею жесткостью. А кто знает «Телеграф» и «Телескоп», тот знает, что критика гоголевского периода вообще отзывалась о прежних наших писателях с гораздо большею умеренностью, нежели Полевой н Надеждин.

190

Ное мнениеЛ будто уничтожение прежних л итературных авторитетов было одним из существенны х дел критики гогол евского периода. «Отечественные записки» имели горазд о более обширный круг читателей , нежели «Тел ескоп» или «Тел еграф»; потому даже кз стары х читателей многие, не знавшие прежних журнал ов, из «Отечественных записок» в первый pas вычитали суждения о нашей старой л итературе, непохожие на безотчетные и нелепые похвалы, какие долго повторял ись в разны х книжках, назы вав-ших себя историями русской сл овесности, пиитнками и т. п. Сюд а надобно причислить и бол ьшую част ь мол одого покол ения, не просматривавшего стары х журнал ов и видевшего, что из новы х только «Отечественные записки» говорят о Ломоносове и т. д. беспристрастно, между тем, как все остальные нападают за то на этот журнал . Мол одое поколение, конечно, не ставил о этого в вину «Отечественным запискам», — напротив; зат о иные сердечно негодовали на мол одое покол ение, восхищающееся «От е-чественными записками», и на «Отечественны е записки», посе-л яющие в молодых л юдях

непочтительность к Лом оносову и т. д.

Эти добряки дол жны были бы помнить, что во время их мол о-дости «Тел ераф» говорил о старой л итературе без под обост ра-стия, которого они требовал и, впрочем, сами не зная, чего требуют; они должны были бы помнить, что уничтожение авт ори-тетов, существовавших до Пушкина, был о делом «Тел ерафа», а

существовавших при Пушкине — делом Надеждина. Чт о однажды исполнено, того не было уже надобности, да и не могло быть охоты, делать во второй раз. Когда явил ись Гогол ь, Лермонт ов и писатели так называемой натуральной школы, возвы шать или унижать предшествовавших писателей было уже поздно: надобно было только показать ход постепенного развит ия русской литературы , в существовании которой д о того времени сомневал ись, и определить отношения между разл ичны ми ее периодами — вот что, дей ствительно, было делом новы м и необходимым. И оно было испол нено Белинским. Д о него сущест вовал а крит ика, но истории л итературы у нас еще не был о. Ему обязаны мы тем, что имеем о ней верные н точные понятия.

Н о русская л итература до Гогол я находил ась еще в первых периодах своего развит ия, из которы х каждый предыдущий имеет значение не стол ько по безусл овному совершенству ознаменовавших его явлений , скол ько по тому, чт о сл ужил приготовлением к следующему, более вы сокому развит ию *. Сущност ь понятий кри-* Чтобы не подать повода к недоразумению, будто мы без меры превозносим новое насчет старого, скажем здесь кстати, что и настоящий период русской литературы, несмотря на все свои неотъемлемые достоинства, имеет существенное значение, более всего только потому, что служит приготовлением к дальней шему, будущему развитию нашей словесности. Мы настолько верим в будущее лучшее, что даже о Гоголе не сомневаясь говорим: будут у нас писатели, которые станут на столько же выше его, на сколько выше 191

тики гоголевского периода об ист ории русской литературы со-ст оял а в проведении этого основного взгл яда чрез все факты .

Эт о посл ужил о для людей , не знавших резкого тона предыдущей критики, новою причиною предпол агать, будто бы критика гого-л евского периода уничт ожает прежние авторитеты: она, видите ли,

доказы вал а, что Державин имеет огромное ист орическое значе

ние, как представитель екат ерининского века в литературе и как один из предшественников и учителей Пушкина, а не говорил а — какое преступление! — что Державин имеет более эстетических достоинств, нежели Пушкин. Добры е люди, находившие такие сл ова дерзкими и унижающими Державина, не догадывались, что этим суждением возвращал ось Державину право на сл аву, кот о-рую прежняя критика совершенно отнимал а у него, потому что, от рицая эстетические достоинства его произведений , не замечал а и исторической их цены. Эт и добры е люди не знал и того, как судили о Державине писатели пушкинского периода. Тогд а без дал ьних рассуждений решал и, что Державин «кричал петухом», и потому его сочинения «дол жно сжечь». Посл е таких решений , критика, доказы вавшая, что Державин имеет бол ьшое историческое значение, уничт ожал а или восст ановл ял а его сл аву? Когда утверждал и, что она стремил ась уничтожить прежние авт ори-теты, ей приписывали чужую засл угу, — засл угу, говорим мы, потому что уничтожение сл епого покл онения кумирам (кумирами назы ваем стары е л итературные авторитеты не мы: это опять выражение Пушкина о Державине) всегда бывает великою засл угою для умственной жизни общества. Но у критики гоголевского периода так много своих собственны х прав на вы сокое место в ист ории л итературы, что она не нуждается в присвоении чужих. Кроме беспамятности или незнакомства с прежнею критикою, была, впрочем, еще причина считать Бел инского первым человеком, заговорившим у нас, что период Пушкина бесконечно выше предшествовавшей нашей л итературы : он излагал свой взгл яд на ист орию русской л итературы ясно, определительно и подкреплял его доказател ьствами, а романтическая критика ни о чем не могла говорить без громких фраз и доказател ьств не

представл ял а, а вместо того скрашивал а свои жестокие приговоры рассуждениями о брил ьянтах и изумрудах, о потомках Багрима и ярких искрах, вылетающих из могущественной груди русского волкана.

Ест ь также мнение, будто бы критика гогол евского периода простерл а свои от

рицания до того, что подвергла сомнению существование русской л итературы до Гогол я. Эт о опять было вовсе не ее дело. Извест но, что романтические критики прямо утвер-своих предшественников стал он. Вопрос только в том, скоро ли прий дет ато время. Хорош о было бы, если б нашему поколению суждено было дождаться этого лучшего будущего. Есл и мы будем говорить о школе Гоголя, то постараемся объяснить причины такого мнения подробнее.

192

ждал и, что русская л итература не существует. Эт о говорил , еще до появл ения «Тел еграфа», Марл инский . Позднее то же самое еще сильнее вы сказы вал Над ежд ин. Сл овом, это была общая тема всей нашей критики до самого того времени, когда русская л итература получила новое направл ение, бл агодаря деятельности Гогол я. Белинский сначал а раздел ял это мнение, потому что в нем было, дл я тридцатых годов, очень много справедл ивого.

Но засл уга ли или преступление изобрест ь мысль: «русская лите-рат ура доселе не существует», нимал о не принадл ежит это изобретение Бел инскому. Напрот ив, ему принадл ежит т а засл уга, что, когда через нескол ько лет пол ожение русской л итературы изменил ось, он первый понял важност ь этого изменения и сказал : до сих пор надобно был о сомневат ься в сущест вовании русской литературы; теперь дол жно пол ожител ьно сказат ь, что она существует. Ему, а не кому- нибудь другому достал ось на дол ю вы сказать это отрадное убеждение потому, что ему, из наших замечательных критиков, первому судьба назначил а дей ствовать в такое

время, когда безусл овное от рицание всего в нашей л итературе сделал ось уже несправедл иво. Вмест о обыкновенной фразы , что он был в нашей критике органом от рицания, над обно сказат ь, напротив, что он первый , сообразн о изменившемуся пол ожению нашей л итературы , пол ожил границы от рицанию, кот орое у Н а -деждина не имело границ.

Когда л итература наша в течение гогол евского периода начал а становиться тем, чем дол жна быть — вы ражением народ ного самосознания, и, таким образом , достигл а, хот я до некоторой степени, цели, к которой стремил ась, тогда и предыдущее развит ие ее получило смысл, кот орого нел ьзя бы л о заметить в нем прежде; только тогда можно было заметить, что одни явл ения сменял ись в ней другими не напрасно и не случай но, что она имеет свою ист орию. Крит ика гогол евского периода заметил а и вы сказал а это.

Она первая начал а утверждать, что наша л итература пост оянно развивал ась, что ее периоды имеют между собою связь, что Д ер-жавин и Пушкин явил ись не случай но, как то казал ось прежде, и, как мы заметили, Белинский был первы м ист ориком нашей литературы *. Нед аром его первая значител ьная статья, от рицая * Интересно проследить, по статьям Белинского, как изменяющееся положение нашей литературы постепенно приводило критику от надеждинского отрицания, справедливого в свое время (1834), к убеждению, сделавшемуся столь же справедливым через десять лет: «есть у нас, наконец, нечто достой нее называться литературою: она получила, наконец, значение, какого не имела прежде, и мы теперь можем видеть, к какому результату вели, какой смысл имели те литературные явления, которые прежде казались бесплодными и случай ными». Вот некоторые выписки, приблизительно обозначающие эпохи этого движения:

1834. (Д о Гогол я.) «У нас нет литературы». Литературные мечтания.

«Мол ва», 1834 г.. № 39, стр. 190.

1840. (Гогол ь издал свои повести и «Ревизора», но еще не имеет реши-

13 Н. Г, Чернышевский , т. lit

193

сущест вование русской л итературы , содержанием своим имела подробный обзор ее факт ов от Лом оносова до Пушкина.

Н о если мы говорим о том, что крит ика гогол евского периода пол ожил а границы от рицанию и дал а нам в первый раз ист орию русской л итературы , считавшей ся

до того времени не более, как случай ным, безжизненны м н почти всегда бессмысленным отражением разл ичны х явлений иноземны х л итератур, то мы говорим вто о поздней шей поре развит ия крит ики гогол евского периода, когда она достигл а уже полной самостоят ел ьности и когда пол о-жение русской л итературы сущест венно изменил ось влиянием Гогол я, деятел ьностью Лермонт ова и многочисл енны х писателей нового покол ения, воспитанны х отчасти Пушкины м и Лермонт о-вым, а бол ее всего творениями Гогол я и крит икою Бел инского.

Н о в 1834– 1836 гг. это будущее едва можно было неопределенным образом тол ько предвидеть, и почти все ост авал ось в наст оящем неподвижно. Не бы л о еще достаточны х причин существенным образом изменять мнений , представителем которы х был Над ежд ин, и авт ор статей о Пушкине начал , как мы заметили, почти тем же самы м, что говорил Над ежд ин. Как то всегда бывает, если человек мол одого покол ения принимает мысль, вы раженную его учителем, он придал этой мысли еще бол ьше определ ител ьности, нежели она имела у самого Над ежд ина.

Од нако, по исторической необходимое! и, это скоро дол жно бы л о измениться: новый период для русской л итературы уже начинал ся. Мы видели, как бы ст ро и верно предугадывал ученик Над ежд ина, по «Мирг ород у» и «Арабескам », какого писателя мы будем иметь в Г огол е; ск оро «Ревизор» дол жен был оправдать

тел ьного вл ияния на л итературу.) «У нас нет литературы в точном значении этого слова, как выражения духа и жизни народной , но у нас есть уже начало литературы». Русская л итература в 1840 году, «Отечественные отписки», 1841 г., том X IV , Критика, стр. 33.

1843. (Изданы «Мертвые души»; школ а Гогол я начинает занимать видное место.) «Несмот ря на бедность нашей литературы, в ней есть жизненное движение и органическое развитие; следственно, у нее есть история. Мы желаем хоть намекнуть на это развитие и проложить другим дорогу там, где еще не протоптано и тропинки». Первая статья о Пушкине, «Отечественные записки», 1843 г., том X X V III. стр. 24.

1847. (Вл ияние Гоюл я решител ьно торжествует.) «Было время, когда вопрос: есть ли у нас литература? не казал ся парадоксом и многими разрешен был в отрицательном смысле... Один из величай ших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы открыли, что у России была своя история. Т о же и в отношении к истории русской литературы... Литература наша дошла до такого пол ожения, что успехи ее в будущем, ее движение вперед зависят больше от объема и количества предметов, доступных ее й аведыванию, нежели от нее самой . Чем шире будут границы ее содержания, чем больше будет пищи для ее деятельности, тем быстрее и плодовитее будет ее развитие. Как бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрелости, то уже нашла, нащупала, так сказать, прямую дорогу к ней ; а это великий успех с ее стороны ». Взгл яд на русскую л итературу, «Современник»,

1847 г., № 1, Критика, стр. 4 и 28.

194

9TG предчувствие. Кол ьцов уже явил ся, Лермонт ов скоро должен был явит ься. Мы видели, какое существенное разл ичие между учителем и учеником вы сказал ось во взгляде на значение Гогол я а достоинства первых стихотворений Кол ьцова: один еще не замечал фактов, на которы х другой уже основы вал свои понят ия о русской л итературе.

Н о коренное разл ичие между понятиями ученика и учителя о русской л итературе закл ючал ось тогда (1835– 1836) не только в том, что один замечал необы кновенную важност ь новы х фактов, на которы е другой медлил обрат ит ь надл ежащее внимание: и те коренны е воззрения,, на основании кот оры х произносится суждение о факт ах, были уже не одинаковы . Сот рудник «Тел ескопа» сдел ал ся приверженцем Гегеля, между тем как издатель, не будучи враждебен этому новому фазису развит ия немецкой науки, ост авал ся, однако ж, в сущност и учеником Шел л инга. Биографические монографии, необходимост ь кот оры х в настоящее время чувствуется живее, нежели когда- нибудь, дол жны объяснить нам. когда и как начал ись тесные дружеские от ношения между Н . В. Станкевичем и Бел иниским " . Мы теперь можем пол ожител ьно сказат ь тол ько, что они начал ись очень рано; что первым распрост ранит ел ем энт узиазма к Гегелю между молодым поколением в

Москве был Ст анкевич; что он был другом Кол ь-цова; что когда Надежд ин, в 1835 году, уехал за границу и за-ведывание «Тел ескопом» поручил Бел инскому, тотчас поя вил ись в этом журнал е ст ихот ворения Кол ьцова, перед тем самым временем от ы сканного Станкевичем в Воронеже, и чаще прежнего стали явл яться упоминания о Гегеле, а скоро бы ло напечатано и обшионое изл ожение системы эт ого мыслителя. Наконец , самое содержание статей , писанны х в 1835– 1836 годах молодым сотрудником Над ежд ина, обнаруживает , что он тогда уже находился под сильным влиянием этой новой у нас фил ософии.

Вообще, нельзя не видеть, что, в эт о время, если сохранял ись еще в образе воззрений Бел инского многие черты непосредственного родства с понятиями, собст венно принадл ежащими Надежд ину, то еще горазд о более находил ось тождественного с теми идеями,

которы е потом с т акою пы л костью изл агал ись людьми мол одого

поколения в «Московском набл юдат ел е», и, во многих част ностях продол жая быть учеником Над ежд ина, его сотрудник совершенно принадл ежал всеми стремл ениями своими новы м идеям, тогда проникавшим в мол одое покол ение.

Разл ичие в характ ере книжек «Тел ескопа», изданны х в от -сутствие Над ежд ина его сот рудником, от преды дущих нумеров бросает ся в гл аза. Он о так резко, чт о если бы издатель был чел о-век неподвижный в умственной жизни, то, по возвращении, ост ал ся бы решительно недовол ен направл ением, приданны м его журнал у. Но, скол ько то видно из факт ов, представл яемы х самим журнал ом, этого не было. Напрот ив, оправды вая перед публ икою 13* 195

неисправност ь вы хода журнал а в свое отсутствие непредвиден* ными обстоят ел ьствами, Над ежд ин указы вал на достоинство сод ержания изданны х без него нумеров, как на доказател ьство того, что перед отъездом им были приняты все меры, чтобы читатели ничего не потерял и от его поездки за границу. Сот рудник, издавший эти нумера, сохранил свое пол ожение в журнал е, даже приобрел на его направл ение более вл ияния, нежели имел до поездки Над ежд ина. К рит ика, от носящаяся к произведениям изящной сл овесност и и л итературны м журнал ам, перешл а совершенно в руки Бел инского и пол учил а бол ьшее развит ие. Себе Над ежд ин ост авил тол ько критические разборы ученых сочинений . Все, что начат о бы л о Бел инским в отсутствие ред акт ора, продол -жал ось и при редакт оре, до конца «Тел ескопа». Мол оды е сот рудники, введенные в журнал Бел инским, продол жал и помещать свои статьи в нем и увл екали журнал вперед- Над ежд ин отдал ся мол одому покол ению. Разног л асия от л итературны х причин не был о и. скол ько можно судить по самому журнал у, не предвиде-

л ось *.

«Чт о был о бы, если бы не сл учил ось того, что сл учил ось?»

Чт о был о бы, есл и бы «Тел ескоп» не прекрат ил ся? Вопросы подобного род а не пол ьзуют ся репутациею особенного гл убоко-мы сл ия, и ответы на них не принимают ся в особенное уважение, хот я очень част о такие вопросы сами собой навязы вают ся воображению, и ответы на них иногда очень легко подсказы вают ся здравы м смы сл ом. Признаем ся, нам хотел ось бы, подобно Кифе Мокиевичу, «обрат ит ься к умозрительной ст ороне» и п ораз-мыслить о «фил ософическом», по его вы ражению, вопросе, кот о-рый нам представил ся. Н о мы вспомнил и одно из основны х пол о-жений гегелевой фил ософии, к которой приводит нас «Москов -ский набл юдат ел ь»: «все дей ствительное разум но и все разумное дей ствительно», и закл ючил и, что продол жение сущест вования «Тел ескопа» бы л о бы неразумно. Пот ому, ост авл яя умозрения, будем продол жат ь ист орию «разумной » дей ствительности, в «Московском набл юдател е» – редкий случай ! – являвшей ся на самом деле разумною.

В «Тел ескопе» мол одое покол ение пол ьзовал ось очень значительным вл иянием, пол учил о, наконец, решительный перевес, но * Эти выводы основываются на материалах, представляемых содержанием «Тел ескопа» и «Мол вы ». Мы очень хорошо понимаем, что один этот источник недостаточен и должен быть дополнен воспоминаниями лиц, бывших тогда близкими к «Тел ескопу»; н мы были бы очень рады, если бы такие воспоминания явились в печати, хотя бы и обнаружил ось ими, что в том или другом сл учае'мы ошиблись. Впрочем, каковы бы ни были отношения редактора «Тел ескопа» с его главным сотрудником и молодыми друзьями последнего,

литературная ст орона этих отношений , кот орая здесь нсклю-* уительно важна для нас, с удовлетворительною точностью характеризуется данными, находимыми в самом журнале, и выводы, представленные выше, едва ли могут быть существенно изменены биографическими воспоминаниями.

все еще не было и не могло быть полным хозяином. По прекращении этого журнал а, оно нескол ько времени не имело органа в л итературе, но в 1838 году пол учил о в пол ное свое расп оряже-ние «Московский набл юдател ь». Мат ериал ьны е средства этого журнал а были в то время совершенно истощены жал ким т рех-летним существованием. Мол од ое покол ение распол агал о богатым запасом энт узиазма и дарований , но не капитал ами; потому «Московский набл юдател ь» скоро прекрат ил ся. Н о его крат ко-временная жизнь при второй редакции была блистательна. Он был прекрасны м вы ражением стремлений мол одежи, пылкой и благородной . Главными сот рудниками Бел инского были в этом журнал е: г. К. Аксаков, г. Бот кин, г. Кат ков, Кл ючников (– в –), К расов и г. Кудрявцев. Невозм ожно отказат ь в уважении и сочувствии кружку, сост оявшему из таких людей . А мы еще пропустили некоторы е имена, еще более вы разител ьны е *. Душою их круга был Станкевич. Заведы вание журнал ом принадлежал о Бел инскому. Все эти люди были тогда еще юношами.

Все были исполнены веры в свои бл агородны е стремления, надежд на бл изость прекрасного будущего. Муд рост ь устами Гегеля, все разгадавшего, как им казал ось, все примирившего Гегеля, раскры л а перед ними тай ны, дотоле непостижимы е людям. Поэзиею упоены были их сердца; сл ава готовил а им венцы за бл агую весть, провозгл ашаемую от них л юдям, и, увлекаемые сил ою энт узиазма, стремил ись они вперед:

Как смело, с бодрою охотой ,

Мечты надеясь досягнуть.

Еще не связанный заботой ,

Пускал ся юноша в свой путь!

Как он легко вперед стремился!

Что для счастливца тяжело?

Какой воздушный рой теснился Вкруг светлого пути его!

Любовь с улыбкой благосклонной И счастье с золотым венцом,

И слава с звездною короной И в свете истина живом... **

Могучая сила В душе их кипит;

На бледных ланитах Румянец горит;

Их очи, как звезды По небу, блестят;

Их думы – как тучи;

Их речи горят.

И с неба, и с время Покровы сняты...

* Например, Кольцова 10˚.

** «Идеалы» Шиллера, перевод К. Аксакова, «Московский наблюдатель», т. XVI, стр. 543.

1 97

Шумна их беседа Разумно идет;

Роскошная младость Здоровьем цветет... *

И кто хочет перенестись на нескол ько минут в их бл агород-ное общест во, пусть перечитает в «Рудине» рассказ Лежнева о временах его мол одост и и удивительный эпилог повести г. Тургенева 101.

СТ А Т ЬЯ Ш Е СТ АЯ

«Московский набл юдател ь» был передан в распоряжение д ру-зей Ст анкевича уже тогда, когда материал ьны е средства к п ро-дол жению издания были совершенно истощены и тол ько беско-ры ст ная энергия новы х сот рудников могла продл ить еще на год сущест вование журнал а, доведенного до гибели прежнею редак -циею. Н о этот последний , сл ишком краткий , период жизни «М о-сковского набл юдат ел я» был т аков, что никогда еще ничего подобного, за искл ючением разве посл едних книжек «Тел ескопа», не бы вал о в русской журнал ист ике. Д аже «Тел еграф» в свое лучшее время не был так проникнут единством задушевной мысли, не был одушевлен таким пламенным стремл ением сл ужить истине и искусст ву; и если бывали у нас до того времени ал ьманахи и журналы, имевшие г оразд о бол ьшее числ о сот рудников, уже пол ьзо-вавшихся громкого знаменит ост ью, как, например, лБибл иотека для чтения» в 1834, пушкинский «Современник» в 1836 году, то никогда еще не соединял ось в русском журнал е стол ько истинно замечательных дарований , ст ол ько истинного знания и неподдельной поэзии, как в «Московском набл юдател е» второй редакции (томы X V I, X V II и X V III прежней нумерации и томы I и II новой). В 1838– 1839 год а» новы е сотрудники «Набл юдат ел я» были юношами, еще почти совершенно безвестными; но почти все они оказал ись людьми сил ьны ми и даровиты ми, почти каждому из них сужд ено был о сост авит ь себе прочную, бл агородную, безукоризненную извест ност ь в нашей л итературе, а некоторы м и приобрест и бл ест ящую сл аву; будущность принадл ежал а им, как и теперь наст оящее принадл ежит им и тем людям, которы е впосл едствии примкнул и к ним.

«Московский набл юдател ь» менее известен, нежели «Тел е-г раф» и «Тел ескоп»; потому не изл ишне будет, прежде нежели говорить под робно об его учено-критических воззрениях, сказат ь

два- три сл ова об общей физиономии посл едних томов журнал а, изданны х л юдьми нового покол ения, деятел ьность кот оры х теперь занимает нас.

Д о того времени, когда решител ьное вл ияние Гогол я на мол о* Из стихотворения Кольцова в память Станкевича.

дые таланты обрат ил о бол ьшинство даровиты х писателей к предпочтению прозаической формы рассказа, ст ихот ворения были блестящею ст ороною нашей изящной л итературы . «Московский наблюдатель» не имел между своими сот рудниками Пушкина, как альманахи 1823– 1833 годов или первы е годы «Библ иот еки» и (пушкинского) «Современника». Н о если взять поэтический отдел «Набл юд ат ел я» весь вместе и сравнит ь его с тем, что пред-ставл ял а наша поэзия в прежних стол ь знаменитых ею ал ьмана-хах и в самом пушкинском «Современнике» (не говоря уже о «Библ иотеке», дал еко уступавшей в этом отношении «Сов ре-меннику», «Северны м цветам» и п роч.), то нельзя не признат ь, что по отделу поэзии «Московский набл юдател ь» был г оразд о выше всех прежних наших журнал ов и ал ьманахов, где, кроме произведений Пушкина и переводов Жуковского, тол ько немногие ст ихотворения возвы шают ся над уровнем бесцветной и пустой посредственности, между тем, как в «Московском набл ю-дателе» мы почти не най дем стихотворений , кот оры х нел ьзя было бы с удовол ьствием прочит ат ь и ныне, а напрот ив, кроме дивных созданий Кол ьцова, многие другие пьесы ост ают ся до сих пор замечательны и прекрасны *.

* Кроме стихотворений Кольцова, в «Московском наблюдателе» помещались;

Переводы иа Гете и Шилл ера, г. К. С. Аксакова102, которого надобно назвать одним из лучших наших поэтов- переводчиков. Мнение, иногда высказываемое ньгне, будто стих этих переводов был тяжел, не совершенно основательно; нам кажется, напротив, что мало най дется таких прекрасных и поэтических переводов, как, например, следующая пьеса из Гете («Московский ! наблюдател ь»! XV I, 92):

НА ОЗЕР Е

Как освежается душа И кровь течет быстрей !

О, как природа хороша!

Я на груди у ней !

Качает наш челнок волна,

В лад с нею весла бьют.

И горы в мшистых пеленах Навстречу нам встают.

Что же, мой взор, опускаешься t wi >

Вы ли опять, золотые мечты?

О, прочь, мечтанье, хоть сладко оно!

Здесь осе так любовью и жизнью полно!

Светлою толпою Звезды в волнах глядятся.

Туманы грядою На дальних высях ложатся;

Ветер утра качает Деревья над зеркалом вод-199

Мал о того, что из многочисл енны х стихотворений , помещенных в «Московском набл юдател е» второй редакции, только разве немногие могут быть названы сл абыми — достоинство, которы м не мог похвал иться до того времени ни один из наших журналов, — есть в этой массе пьес другое качество, еще более новое для того времени: пустых стихотворений в ней не най дется реши-

тельно ни одного, кажд ая л ирическая пьеса дей ствительно проникнута чувством и мы сл ью, так что стихотворный отдел «Московског о набл юдател я» не может быть и сравниваем с тем, что встречаем в других тогдашних журнал ах.

Бел л етристикою журнал ы не могли тогда похвал иться: хороших повестей писал ось очень мало, потому что всего три- четыре чел овека умели тогда писать п розою так, что их произведения можно теперь перечитывать без улыбки. Н о и по отделу беллетристики «Московский набл юдател ь» был едва ли не выше всех остал ьны х своих собратий , печатая повести Нест роева (г. Кудрявцева), за кот оры ми дол жно ост ат ься одно из самы х пер-вых мест в ист ории возникновения нашей изящной прозаической л итера-туры . В настоящей статье не место оценивать талант Нест роева: это мы надеемся сделать впоследствии 104; но в том нет сомнения, что повести его по своему художественному достоинству дол жны были занят ь в ист ории русской прозы почетное место.

Нест роев — писатель с дарованием самостоятел ьны м и сильным, каких тогда был о очень немного, или, лучше сказат ь, почти вовсе не было, кроме таких кол оссал ьны х талантов, как Пушкин,

Гогол ь и Лермонт ов 10˚.

Таким образом , изящная сл овесность в «Московском набл ю-дателе» замечательна по художественному достоинству; но еще г оразд о интереснее она в том отношении, что сл ужит вообще верным и полным отражением принципов, одушевл явших обще-ст во мол одых людей , кот оры е собрал ись вокруг Станкевича. Д о того времени тол ько очень немногие из наших поэтов и нувелли -Тихо отражает Озеро спеющий плод.

Приводя это стихотворение, мы имеем целью не только представить доказательство, что не напрасно причисляем переводы г. К. Аксакова, в

«Московском] наблюдателе»] к произведениям, имеющим положительное достоинство: для нас «На озере» послужит поэтическим выражением самой характеристической особенности того миросозерцания, которое господствовало в «Московском наблюдателе».

Переводы г. Каткова из Гей не и отрывки из его прекрасного перевода «Ромео и

Джульетта» Шекспира.

Стихотворения Ключникова (–9 –) и нескольких других более или менее замечательных талантов.

Стихотворения Красова, который был едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова. Его пьссы давно надобно было бы собрать и издать: они очень заслуживают того, и напрасно мы забываем об этом замечательном поэте. 103 200

стов умели приводить смысл своих произведений в гармонию с идеями, которы е казал ись им справедл ивы : обы кновенно повести или стихотворения имели очень мало отношения с так называемым «миросозерцанием» авт ора, если тол ько авт ор имел какое- нибудь «миросозерцание». В пример, укажем на повести Марл инского, в которы х самый внимательный розы ск не откроет ни малей ших следов принципов, которы е, без сомнения, были дороги их авт ору, как человеку 10е. Обы кновенно жизнь и возбуждаемые ею убеждения были сами по себе, а поэзия сама по себе: связь между писателем и человеком была очень сл аба, и самые живые люди, когда принимал ись за перо в качестве лите-рат оров, часто заботил ись только о теориях изящного, а вовсе не о смысле своих произведений , не о том, чтобы «провести живую идею» в художественном созд ании (как л юбил а вы ра-жат ься критика гогол евского период а). Эт им недостатком – отсутствием связи между жизненны ми убеждениями авт ора и его произведениями – ст радал а вся наша л итература до того

времени, когда влияние Гогол я и Бел инского преобразовал о ее. Литературный отдел «Московског о набл юдател я» явл яется едва ли не первым зароды шем постоянной гармонии убеждений человека со смыслом его художественны х произведений , – той гармонии, кот орая ныне владычествует в нашей л итературе и придает ей силу и жизнь. Мол оды е поэты и беллетристы, участвовавшие в этом журнал е, писали именно о том, что их занимал о, а не о каких- нибудь сюжет ах, навеянны х другими поэтами, смысл которы х ост авал ся, бывало, совершенно непонятен для п од ража-телей , очень усердно копировавших внешнюю ст орону иност ранных произведений : они понимал и то, что писал и, – качество, кот орое очень редко замечается у прежних наших л итераторов.

И з этого общего правил а писать произведения, или не имеющие живого смы сла, или произведения, смысл которы х остается непостижимою тай ною для самого авт ора, исключений бывало очень мало, и «Московский набл юдател ь» – первый журнал , в кот ором мысль и поэзия гармонируют между собою, и в л итературном отделе кот орого пост оянно от ражают ся сознательны е стремл ения. Эт о первый в ряду таких журнал ов, какие имеем мы теперь, в которы х поэзия, бел л етристика и крит ика согл асно идут к одной цели, поддерживая друг друга. Гл убокая потребность истины и д обра с одной ст ороны , с другой – свежая и зд оровая готовность любить все, что дей ствительная жизнь представляет удовл етворительного, – предпочтение дей ствительной жизни отвлеченному фант азированию с одной ст ороны , с другой – чрезвы -чай ное сочувствие тому, что в стремл ениях фант азии явл яется здоровы м отражением истинной пот ребност и пол ного насл ажде-ния дей ствительною жизнью, – эти основны е черты критической мысли «Московского набл юдател я» сост авл яют существенный характер и л итературного отдела в этом журнал е. Стремл ения,

одушевл яющие его поэзию и белл етристику, видимо проникнуты фил ософскою мы слью, кот орая владычествует над всем.

Дей ствительно, фил ософское миросозерцание нераздел ьно влады чествовало над умами в том дружеском кружке, органом которого были последние томы «Московског о набл юдат ел я». Эти л юди решител ьно жил и тол ько фил ософиею, день и ночь тол ковали о ней , когда сходил ись вместе, на все смотрел и, все решал и с фил ософской точки зрения. Т о была первая пора знакомства нашего с Гегелем, и энт узиазм, возбужденный новыми й ля нас, гл убокими истинами, с изумител ьною сил ою диалектики развитыми в системе эт ого мыслителя, на некот орое время натурал ьно дол жен был взят ь верх над всеми остал ьны ми стремлениями людей мол одого покол ения, сознавших на себе обязанност ь быть провозвест никами неведомой у нас истины, все озаряющей , как им казал ось в пылу первого увл ечения, все примиряющей , дающей человеку и невозмутимый внутренний мир и бод рую силу для внешней деятельности. Гл авное значение «Московского набл юдател я» сост оит в том, что он был органом гегелевой фил о-софии.

Фил ософские стремл ения теперь почти забы ты нашею л итера-т урою и крит икою. Мы не хотим решать, наскол ько л итература и крит ика выиграл и от этой забы вчивости, – кажет ся, не выиграл и ровно ничего, пот еряв очень много; но как бы ни решал кто вопрос о значении фил ософского миросозерц ания для наст оя-щего времени, каждый согл асит ся, что господст во фил ософии над всею умственною нашею деятел ьностью в начал е наст оящего периода нашей л итературы есть замечательный исторический факт, засл уживающий внимател ьного изучения. «Московский набл юдател ь» представл яет первую эпоху этого владычества

фил ософии, когда непогрешительным истолкователем ее пред-ставл ял ся Гегель, когда кажд ое сл ово Гегеля явл ял ось несомненною ист иною и каждое изречение великого учителя принимал ось его новыми учениками в буквал ьном смысле, когда не было еще ни забот ы о поверке этих истин, ни предчувствия, что Гегель был непоследователен, прот иворечил сам себе на каждом шагу, что, принимая его принципы , посл едовател ьному мыслителю надобно притти к выводам, совершенно разл ичны м от выставленных им вы водов. Позд нее, когда это было замечено, фал ьши-вые выводы были отвергнуты лучшими из бы вших посл едовате-лей Гегеля у нас, и немецкая фил ософия явил ась совершенно в другом свете. Н о то была уже другая эпоха – эпоха «Отече-ственных записок», и мы будем говорит ь о ней в следующей статье, а теперь посмотрим, какою был а гегелева система, пламенным проповедником которой был «Московский наблюдатель».

Прог рам м ою журнал а был а первая статья его – предисловие к переводу «Гимназических речей Гегел я» («Московский] н[аблюдате ль»1. X V I, стр. 5– 20) ,07. Мы приводим в выноске ?02

существенные места из втого предисл овия, присоединяя к ним объяснение технических терминов гегелевского язы ка, которы е могли бы затруднит ь тех читателей , которы е не привыкли к этой терминол огии: они, надеемся, увидят, что дело бы л о очень прост о и понят но и что разл ичны е толки о мнимой темноте гегелевой фил ософии – чистый предрассудок: нужно тол ько знат ь смысл нескол ьких технических сл ов, и трансцендентал ьная фил ософия становится для людей нашего времени ясна и прост а *.

* Ум – только одна из способностей человека; знание – только одно из его стремлений ; потому одно умствование об отвлеченных вопросах не удовлетворяет человека: он хочет также любить и жить, не только знать, но

и наслаждаться, не только мыслить, но и дей ствовать. Ныне это понятно каждому – таков дух века, такова сила времени, все объясняющего. Но в XV II веке наука была делом кабинетных тружеников, которые знали только книги, думали только об ученых вопросах, чуждаясь жизни и не понимая житей ских дел. Когда жизнь, в XV III веке, предъявила свои права с такою силою, что пробудила даже немецких ученых, они увидели недостаточность прежней философской методы, основывавшей все на умозаключениях, принимавшей мерою всему отвлеченные понятия. Но не могли они одним шагом перей ти из пыльного кабинета на форум жизни; они были еще слишком далеки от мысли, что все естественные способности и стремления человека должны дей ствовать, должны помогать друг другу в разрешении вопросов науки и жизни. Им показал ось, что довольно будет изменить методу умо» заключений , оставляя попрежнему и сердце и тело человека без внимания. Они думали, что ум не обнимал живую истину во всей ее полноте не потому, что одной головы, без груди и рук, без сердца и осязания, недостаточно человеку; они вздумали попробовать, не удастся ли голове обой тись без помощи остальных членов живого организма, если только голова возьмется за дела, которые принадлежат сердцу, желудку и рукам, – и голова, дей ствительно, придумала «спекул ятивное мышление». Сущность этой попытки состоял а в том, что ум старался, отвергая отвлеченные понятия, мыслить по так называемым «конкретным» понятиям, – например, думая о человеке, основывать свои заключения не на прежней фразе: «человек есть существо, одаренное разумом», но на понятии о дей ствительном человеке, с руками и ногами, с сердцем и желудком. Это был большой шаг вперед. Гегель является последним и важней шим из мыслителей , остановившихся на атом первом фазисе превращения кабинетного ученого в живого человека. Конечно, система, основанная на этом способе заменения прежних отвлеченных понятий более живыми воззрениями, была гораздо свежее и полнее прежних, совершенно отвлеченных систем, занимавшихся не людьми, каковы люди в дей ствительности, а при

веке всякие способности и стремления, кроме ума, и из всех органов человеческого

существа признававшею достой ным своего внимания только мозг, Потому «трансцендентальное» или «спекулативное» мышление (стремящееся основывать свои умозаключения на понятии о дей ствительных предметах) справедливо гордилось тем, что оно гораздо живее прежней схоластической методы, и старинный метод основывать все на отвлеченных понятиях был заклей мен прозванием «призрачного мышления» принадлежащего «отвлеченному уму, или рассудку» (Verstand). Все понятия н выводы, составленные на основании этого «отвлеченноЛ, призрачного мышления», были опозорены именем «призрачных понятии», «призрачны х выводов», и ученики Гегеля с презрением говорили о всех тех фил ософах, которые строили свои системы не на основании «спекулативиого мышления»: эти люди, по мнению Гегеля и его последователей , не заслуживают даже имени фил ософов, а их системы — «призрачные построения»,] которых вместо живой истины даются «отжле-203

Содержание гегелевой фил ософии, в том виде, как изл ожена она у самого Гегеля, и как д о мельчай ших подробностей принималась за бесспорную истину друзьями Станкевича в 1838—

1839 годах, кажется совершенною прот ивопол ожностью тому образу мыслей , который с таким жаром и успехом излагался потом крит икою гогол евского периода в «Отечественных записках» (1840— 1846) и нашем журнал е (1847— 1848); оттого и статьи «Московского набл юдател я», написанные Белинским и его ченные призраки». Особенному негодованию подвергал ась французская философия, которая, совершив свое дело, перестала занимать сильные умы, стала занятием фантазеров и болтунов н, дей ствительно, жалким образом измельчала и опошлилась при Наполеоне и во время Реставрации. Тогда во Франции, дей ствительно, каждый под философнею понимал всякий вздор, какой только приходил в голову, и, по произволу перемешивая этот вздор с торопливо набранными чужими мыслями, провозглашал себя гением и творцом новой философской системы. Против атих - то фантазий , чуждых научного достоинства, преимущественно и направлено предисловие к речам Гегеля, служащее программою «Московскому наблюдателю». Вот существенные места из этой программы:

«Кто не воображает себя нынче философом, кто не говорит теперь с утвердительностью о том, что такое истина и в чем заключается истина?

Всякий хочет иметь свою собственную, партикулярную систему; кто не думает по-своему, по своему личному произволу, тот не имеет самостоятельного духа, тот бесцветный человек; кто не выдумал своей собственной идей ки, тот не гений , в том нет глубокомыслия, а нынче, куда вы не обернетесь, везде встречаете гениев. И что ж выдумали эти гении- самозванцы, какой плод их глубокомысленных идеек и взглядов, что двинули они вперед, что сделали они дей ствительного?

«Шумим, братец, шумим», — отвечает за них Репетилов в комедии Грибоедова. Да, шум, пустая болтовня — вот единственный результат этой ужасной , бессмысленной анархии умов, которая составляет главную болезнь нашего нового поколения, отвлеченного, призрачного, чуждого всякой действительности; и весь этот шум, вся эта болтовня происходит во имя философии. И мудрено ли, что умный , дей ствительный русский народ не позволяет ослеплять себя этим фей ерверочным огнем слов без содержания и мыслей без смысла? мудрено ли, что он не доверяет философии, представленной ему с такой невыгодной , призрачной стороны? До сих пор философия и отвлеченность, призрачность и отсутствие всякой дей ствительности были тождественны: кто занимается философнею, тот необходимо простился с действительностью и бродит в этом болезненном отчуждении от всякой естественной и духовной дей ствительности, в каких - то фантастических, произвольных, небывалых мирах, или вооружается против дей ствительного мира и мнит, что своими призрачными силами ок может разрушить его мощное существование, мнит, что в осуществлении конечных (ограниченных, односторонних) положений (суждений) его конечного (ограниченного, одностороннего, отвлеченного) рассудка и конечных целей его конечного произвола заключается все благо человечества, и не знает, бедный , что дей ствительный мир выше его жалкой и бессильной индивидуальности (л ичности)... Жизнь его есть ряд беспрестанных мучений , беспрестанных разочарований , борьба без выхода и конца, — и это внутреннее распадение, эта внутренняя разорванность есть необходимое следствие отвлеченности и призрачности конечного рассудка, для которого нет ничего конкретного и который превращает всякую жизнь а смерть. И еще раз повторяю: общая недоверчивость к философии весьма основательна, потому что то, что нам выдавали до сих пор за философию, разрушает человека, вместо того, чтобы оживлять его, вместо того, чтобы образовать из него полезного и дей ствительного

члена общества.

204

т оварищами по убеждениям под искл ючител ьны м вл иянием сочинений Гегел я, предст авл яют ся, на первый взгл яд, совершенно прот иворечащими статьям, кот оры е тот же самый Белинский писал через нескол ько лет. Эт о разноречие зависит , как мы сказал и, от двой ственности самой системы Гегел я, от разноречия между ее принципами и ее вы водами, духом и содержанием.

Принципы Гегел я были чрезвы чай но мощны и широки, вывод ы – узки и ничт ожны : несмот ря на всю кол оссал ьност ь его Начал о этого зла скрывается в реформации. Когда назначение папизма – заменить недостаток внутреннего центра внешним центром – кончилось... реформация потрясл а его авторитет... пробужденный ум, освободившись от пеленок авторитета, отделившись от дей ствительного мира и погрузившись в самого себя, захотел вывести все из самого себя, най ти начало и основу знания в самом себе... Но ум человеческий , только что пробудивший ся от долгого сна, не мог вдруг познать истину: дей ствительный мир истины был не по силам ему, он еще не дорос до него и должен был необходимо прой ти чрез долгий путь испытаний , борьбы и страданий , прежде чем достиг своей возмужал ости; истина не дается даром: нет! она есть плод тяжких страданий , долгого мучительного стремления... Результатом фил ософии рассудка было (в Германии, у Фихт е) разрушение всякой объективности, всякой дей ствительности и погружение отвлеченного пустого Я в самол юбивое эгоистическое самосозерцание, разрушение всякой любви, а следовательно и всякой жизни и всякой возможности блаженства... Но германский народ слишком силен, слишком дей ствителен для того, чтобы сделаться жертвою призрака... Система Гегеля венчала долгое стремление ума к дей ствительности: Чт о дей ствительно, то разумно; и Что разумно, то дей ствительно,] – вот основа фил ософии Гегеля.

Обрат имся теперь к Франц ии и посмотрим, каким образом проявил ось в ней это разъединение Я с дей ствительностью... Рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и свят ое таинство жизни, отвергнул все, что было ему недоступно; а ему недоступно все истинное н все дей ствительное.

Вся жизнь Франции есть не что иное, как сознание своей пустоты и мучительное стремление наполнить ее чем бы то ни было, и все средства, употребляемые ею для наполнения себя, призрачны и бесплодны... французы (когда принимаются фил ософствовать) превращают всякую истину в пустые, бессмысленные фразы , в произвол ьность и анархию мышления и в стряпание новых идеек...

Эта болезнь распрост ранил ась, к несчастию, и у нас... Пустота нашего воспитания есть главная причина призрачност и нашего нового поколения. Вместо того, чтобы разжигать в молодом человеке искру божию... вместо того, чтобы образовать в нем глубокое эстетическое чувство, кот орое спасает человека от всех грязны х ст орон жизни, – вместо всего этого, его наполняют пустыми, бессмысленными французскими фразами... Вместо того, чтобы приучать молодой ум к дей ствительному труду, вместо того, чтоб разжигать в нем л юбовь к знанию... его приучают к пренебрежению трудом... Вот источник нашей общей болезни, нашей призрачност и! Разверните какое вам угодно собрание русских стихотворений и посмотрите, что составляет пищу для ежедневного вдохновения наших самозванцев-поэтов...

Один объявляет, что он не верит в жизнь, что он разочарован; другой , что он не верит дружбе; третий , что он не верит любви...

Счастие не в призраке, не в отвлеченном сне, а в живой дей ствитель-ности; восставать против дей ствительности и убивать в себе всякий источннк жизни одно и то же; примирение с дей ствительностью во всех отношениях 205

гения, у великого мыслителя дост ал о силы только на то, чтобы вы сказать общие идеи, но недостал о уже силы неуклонно держат ься этих оснований и логически развит ь из них все необходимые следствия. Он провидел истину, но тол ько в самых общих, отвлеченных, вовсе неопределительных очерт аниях; увидеть ее лицом к лицу достал ось на дол ю только уже следующему поколению. И не только выводов из своих принципов не мог он сделать – самые принципы представл ял ись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Сл едующее поколение мыслителей сделало еще шаг вперед, и принципы, неопределенно, односторонне и отвлеченно вы

сказанны е Гегелем, явились во всей своей полноте и ясност и; тогда кол ебаниям не остал ось места, двой ственность исчезл а, фальшивые выводы, внесенные в науку непоследовател ьностью Гегеля в развит ии основных положений , были отстранены , и содержание приведено в гармонию с основны ми истинами. Таков был ход дела в Германии, таков же был он и у нас. Развит ие последовательных воззрений из двусмысленных и лишенных всякого применения намеков Гегеля совершил ось у нас отчасти влиянием немецких мыслителен, явившихся после Гегеля, отчасти — мы с гордостью можем сказат ь это — собственны ми сил ами. Тут в первый раз русский ум показал свою способност ь быть участником в развит ии общечеловеческой науки.

Пересмот рим же теперь те принципы гегелевой философии, которы е могуществом и истинностью своею увлекли людей «Московского набл юдател я» до такой степени, что, в пылу энт узиазма, возбужденного этими высокими стремлениями, были забыты на время все остальные требования разума и жизни, было принято все содержание системы, хвалившей ся тем, что она основана на этих гл убоких истинах.

Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарт а или Арист от ел я. Гегель ныне уже принадл ежит ист ории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видит недостатки гегелевой системы; но дол жно согл аситься, что принципы, выставленные Гегелем, дей ствительно, были очень бл изки к истине, н некоторы е ст ороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразит ел ьною сил ою. Из этих истин, открытие иных составл яет л ичную засл угу Гегеля; другие, хот я и при нади во всех сферах жизни есть главная задача нашего времени, и Гегель и Гете — главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь. Будем надеяться, что наше новое поколение также вый дет из призрачности, что оно оставит пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознает, что истинное знание и анархия умов и произвольность в мнениях совершенно противоположны; что в знании царствует строгая дисциплина, и что без этой дисциплины нет знания. Будем надеяться, что новое поколение сроднится, наконец, с нашею прекрасною русскою дей ствительностью, и что, оставив все пустые претензии иа гениальность, оно ощутит, наконец, в себе законную потребность быть дей ствительными русскими людьми.

206

л ежат не искл ючител ьно его системе, а всей немецкой философии со времен Кант а и Фихт е, но никем до Гегел я не были формул и-рованы так ясно и вы сказы ваемы так сил ьно, как в его системе.

Прежд е всего укажем на пл одотворней шее начал о всякого

прогресса, кот оры м стол ь резко и бл истател ьно от л ичает ся немецкая философия вообще, и в особенност и гегелева система, от тех лицемерны х и трусл ивы х воззрений , какие господст вовал и в те времена (начал о X IX века) у франц узов и англ ичан:

«ист ина — верховная цель мы шл ения; ищите истины , потому что в истине бл аго; какова бы ни был а ист ина, она л учше всего, что не истинно; первый долг мы сл ител я: не отступать ни перед какими резул ьтат ами; он дол жен быть готов жерт вовать ь истине самыми л юбимы ми своими мнениями. Забл ужд ение — источник всякой пагубы: истина — верховное бл аго и ист очник всех других бл аг». Чт обы оценить чрезвы чай ную важност ь эт ого т ребо-вания, общего всей немецкой философии со времени Кант а, но особенно энергически вы сказанного Гегелем, над обно вспомнить, какими странны ми и узкими усл овиями ограничивал и истину мыслители других тогдашних школ : они принимал ись философ-ствовать не иначе, как затем, чт обы «оправдат ь дорогие для них убеждения», т. е. искал и не истины , а поддержки своим предубеждениям; каждый брал и з истины тол ько т о, чт о ему нравил ось, а всякую неприятную дл я него истину отвергал , без церемонии признаваясь, что прият ное забл уждение кажет ся [ему г оразд о лучше беспристрастной правды . Эт у манеру забот ит ься не об истине, а о подтверждении п риятны х предубеждений немецкие философы (особенно Гегел ь) прозвал и «субъективны м мышл ением», философст вованием дл я л ичного удовол ьст вия, а не ради живой пот ребност и истины. Гегел ь жест око изобл ичал эту пустую и вредную забаву. К ак необход имое предохранител ьное средст во против попол зновений укл онит ься от истины в угождение личным жел аниям и пред рассуд кам, был выставлен Гегелем знаменитый «диалектический метод мы шл ения». Сущност ь его сост оит в том, что мыслитель не дол жен успокоиват ься ни на

каком пол ожител ьном выводе, а дол жен искать, нет ли в предмете, о кот ором он - мыслит, качест в и сил , прот ивопол ожны х тому, что представл яется этим предметом на первый взгл яд-таким образом , мыслитель был принужд ен обозреват ь предмет со всех ст орон, и ист ина явл ял ась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможны х прот ивопол ожны х мнений . Эт им способом, вместо прежних од ност оронних понятий о предмете, мало - помалу явл ял ось пол ное, всест ороннее иссл едование и сост авл ял ось живое понятие о всех дей ствительных «ачест вах предмета. Объ яснит ь дей ствительность стал о сущест венною обязанност ью фил ософ-ского мышл ения. От сюд а явил ось чрезвы чай ное внимание к дей -ствительности, над кот орою прежд е не задумы вал ись, без всякой Церемонии искажая ее в угод- ность собственны м одност оронним 307

предубеждениям. Таким образом , добросовест ное, неутомимое изы скание истины стал о на месте прежних произвол ьны х тол кований . Н о в дей ствительности все зависит от обстоятел ьств, от условий места и времени, — и потому Гегель признал , что прежние общие фразы , кот оры ми судил и о д обре и зле, не рассм ат ривая обстоят ел ьств и причин, по кот оры м возникал о данное явление, — что эти общие, отвлеченные изречения не удовл етвори-тельны: каждый предмет, кажд ое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем д ол жно по соображению той обстановки, среди которой оно сущест вует; эт о 'Правило вы ражал ось форм у-л ою: «отвлеченной истины нет; истина конкрет на», т. е. определительное суждение можно произносит ь тол ько об определенном фалсте, рассмот рев все обст оят ел ьст ва, от кот оры х он зависит *.

Сам о собою разумеет ся, что эт о беглое исчисл ение некоторы х принципов гегелевой фил ософии не может дать понят ия о пора-зител ьном впечатл ении, кот орое производ ят т ворения великого

фил ософа, который в свое врем я увлекал самы х недоверчивы х учеников необы кновенною сил ою и возвы шенност ью мысли, покоряющей своему вл ады честву все обл аст и бы тия, открывающей в каждой сфере жизни т ождест во - законов природы и ист ории с своим собственны м законом диал ектического развит ия, обнимающей все факты рел игии, искусст ва, точны х наук, госуд ар-ственного и част ного права, ист ории и психол огии сетью сист ема-тического единства, так что все явл яется объясненны м и прими-ренны м. Врем я той фил ософии, последним и величай шим представителем которой был Гегель, прошл о дл я Германии. При помощи резул ьтат ов, вы работ анны х ею, наука сделала, как мы сказал и, шаг вперед- но новая наука эта явил ась тол ько как дальней шее развит ие гегелевой системы, кот орая навсегда * Например: «благо или зло дождь?» — это вопрос отвлеченный - опре -делительно отвечать на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, приносит вред надобно спрашивать определительно: «после того как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, — полезен ли был он для хл еба?» — только тут ответ ясен и имеет смысл: «этот дождь был очень полезен». — «Но в то же лето, когда настала пора уборки хлеба, целую неделю шел проливной дождь, — хорошо ли было это для хл еба?» Ответ так же ясен и так же справедлив: «нет, этот дождь был вреден». Точно так же решаются в гегелевой философии все вопросы. «Пагубна или благотворна воина?» Вообще, нельзя отвечать на зто решительным образом: надобно знать, о какой вой не идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места. Дл я диких народов вред вой ны менее чувствителен, польза ощутительнее; для образованны х народов вой на приносит обыкновенно менее пользы и более вреда. Но, например, вой на 1812 года была спасительна для русского народа; марафонская битва была благодетельней шим событием в истории чел овечества0S. Таков смысл аксиомы: тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей (как представляет его отвлеченное мышление, суждения которого поэтому не имеют смысла для дей ствительной жизни). 208

сохранит историческое значение, как переход от отвлеченной науки к науке жизни.

Таково было значение гегелевой фил ософии у нас: она по-сл ужил а переходом от бесплодных схол астических умствований , граничивших с апатиею [и невежеством], к простому и светлому взгляду на литературу и жизнь, потому что в ее принципах закл ючал ись, как мы старал ись показать, зароды ши этого взгляда. Пылкие и решительные умы, как Белинский и некоторые другие, не могли долго удовл етворяться теми узкими выводами, которы ми ограничивал ось прил ожение этих принципов в системе самого Гегеля; скоро заметили они недостаточность и самых

принципов этого мыслителя. Тогд а, от казавшись от прежней безусловной веры в его систему, они пошли вперед, не ост а-навливаясь, как остановил ся Гегель, на половине дороги. Но навсегда сохранил и они уважение к его фил ософии, которой в самом деле были обязаны очень многим.

Но мы уже говорил и, что содержание системы Гегеля совершенно не соответствует тем принципам, которы е провозгл ашал ись ею, и которы е мы указал и. В пылу первого увлечения Белинский и его друзья не заметили этого внутреннего прот иворечия, и не-натурал ьно было бы, если б оно был о замечено ими с первого же раза: оно чрезвычай но хорошо прикры то необычай ною сил ою гегелевой диалектики, так что в самой Германии только самые зрелые и сильные умы и только после дол гого изучения заметили это внутреннее несогласие основны х идей Гегеля с его вы-

водами. Величай шие из современны х немецких мыслителей , не уступающие самому Гегелю гениальностью, долго были безусл ов-ными приверженцами всех его мнений , и много времени прошл о, пока они успели возврат ит ь себе самостоятел ьность и, открыв ошибки Гегеля, пол ожить основание новому направл ению в науке.

Так всегда бывает: сам Гегель дол го был безусл овным покл он-ником Шел л инга, Шел л инг – покл онником Фихт е, Фихт е –

Канта; Спиноза, далеко превосходивший гениальностью Декарт а, очень долго считал себя его верней шим учеником.

Мы все это говорим к тому, чтобы показать естественность и необходимость безусловной приверженности к Гегелю, на некоторое время овладевшей Белинским и его друзьями. Они в этом случае разделяли общую участь величай ших мыслителей нашего времени. И если потом Белинский негодовал на себя за прежнее безусл овное увлечение Гегелем, то и в этом случае имеет он т ова-рищей , не уст упающих сил ою ума ни ему, ни Гегелю *.

* Один из современных мыслителей говорит о своих прежних сочинениях, написанных в духе Гегеля: «этой путаницы теперь не могу я никак распутать; остается одно: или совершенно зачеркнуть ее, или оставить в прежнем виде – предпочитаю последнее: многие до сих пор еще считают мудростью то, что и мне казалось мудростью, когда я писал эти сочинения,– пусть же они, перечитывая их, видят путь, которым я дошел до своих 14; Н. Г. Чернышевский , т. ш 209

Все немецкие фил ософы , от Камта до Гегеля, страдают тем же самым недостатком, какой мы указал и в системе Гегеля: выводы, делаемые ими из полагаемых ими принципов, совершенно не со* ответствуют принципам. Общие идеи у них глубоки, плодо-т ворны , величественны, выводы мелки и отчасти даже пошл о-ваты. Н о ни у кого из них эта противопол ожность не доходит до такого кол оссал ьного противоречия, как у Гегеля, который , превосходя всех своих предшественников возвы шенностью начал, оказы вает ся, едва ли не сл абее всех в своих выводах. И в Германии, и у нас люди ограниченные и апатичные успокоил ись на выводах, забы вая о принципах; но и у нас, как в Германии, эти ученики, сл ишком верные букве и потому неверные духу, нашлись только между людьми второстепенными, лишенными сил на историческую деятельность и не могшими иметь никакого влияния.

Напрот ив, и у нас, как в Германии, все истинно даровитые и сильные люди, когда прошл о первое увлечение, отбросил и фал ь-шивые выводы, радостно жерт вуя ошибками учителя требованиям науки, и бод ро пошли вперед. Потому ошибки Гегеля, подобно ошибкам Канта, не имели важны х последствий , между тем, как зд оровая часть его учения дей ствовала очень пл одотворно.

Мы нарушил и бы закон исторической перспективы, если бы стали говорить о предмете, не имевшем исторической важности, каковы ошибки Гегеля, с такою же подробност ью, как о тех его идеях, которы е оказал и сил ьнол влияние на ход умственного развития. Но так как эти ошибки все - таки исторический факт, хотя и маловажный , то мы не можем совершенно умолчать о них.

Ниже читатели увидят в одной из приводимых нами выписок, в чем состоял а сущность этих ошибок. Зд есь мы должны только повторить, что д рузья Станкевича раздел яли заблуждение со всеми замечательней шими немецкими мыслителями современного им поколения: на некоторое время гениальная диалектика Гегеля ослепила всех, так что выводы, противоречившие принципам. настоящих убеждении –

по моим следам этим людям легче будет дой ти до истины» т . Точно так же и мы должны думать о статьях, писанных Белинским й 1838– 1839 годах: кто не в состоянии разделять зрелых и самостоятельных убеждений Белинского, какие выражал он в последнее время, тому принесет пользу чтение его статей в хронологическом порядке, начиная с тех, которыми сам Белинский впоследствии был недоволен: кто стоит еще слишком низко, тому необходимы лестницы, чтобы стать в уровень с своим веком.

Кстатя заметим, что в настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближай ших друзей Белинского,

Г. А., и потому ручаемся эа совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А – а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей , что тогда наши слова окажутся не более, как развитием его мыслей . За ту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искренней шую благодарность глубокоуважаемому нами г. А–у "".

210

всеми принимались ради «т их принципов, будто необходимое их следствие.

Нел ьзя не признаться, что и в Германии и у нас люди, принимавшие все содержание гегелевой системы за чистую истину, вовлекались этим авторитетом во многие и очень важные забл уж-дения. Нимал о не защищая того, что дей ствительно было дурного в этих ошибках, надобно, однако ж, заметить, что двадцать лет назад не все то было дей ствительно вредным забл уждением, что ныне было бы непростительным ослеплением: для многих мнений , которые в наше время были бы решительно несправедливыми предубеждениями, тогда еще существовал и дельные основания, – быть может, односторонние, быть может, несколько устаревшие, но все- таки закл ючавшие в себе много справедл ивого. Укажем один пример. Строгие приверженцы немецкой фил ософии со времен Канта, особенно строгие гегелианцы, презирал и и отчасти даже ненавидели все французское. Д рузья Станкевича раздел ял и

это отвращение, и «Московский набл юдатель» весь проникнут «французоедством» (Franzose nfre ss e re i), как вы ражал ись немцы. Французоедст ву посвящены многие страницы предисл овия к гегелевским речам, сл ужащего, как мы видели, программою журнал а. В примечании мы приводим одну из таких страниц *.

И нельзя не сказать, что «Московский наблюдатель», ревностно выполняя все другие пункты своей программы , не менее ревностно выполнял и этот пункт. Он пол ьзовал ся кажды м случаем, каждым предлогом, чтобы произнесть грозную филиппику или вставить презрител ьную выходку против французов. Говорит ли он, например, в раэборе «Современника» о статье Пушкина «Мил ь-тон», – главное внимание он обращает на те эпизоды , в которы х Пушкин подсмеивается над французами – тотчас же выписываются насмешки над Ал ьфредом де - Виньи и Викт ором Гюго, замечания о недостатках мол ьеровы х комедий , и т. д., – за то и л * «Французы никогда не выходили из области произвольных рассуждений , и все святое, великое и благородное в жизни упало под ударами слепого мертвого рассудка. Результатом французского философизма был материализм, торжество неодухотворенной плоти. Во французском народе исчезла последняя искра откровения. Христианство, это вечное и непреходящее доказательство любви творца к творению, сделалось предметом общих насмешек, общего презрения, и бедный рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и святое таинство жизни, отвергнул все, что тол ько было ему недоступно, а ему недоступно все истинное и все дей ствительное. Он требовал ясности. – но какой ясности) – не той , которая лежит в глубине предмета: нет, – а на поверхности его; он вздумал объяснить религию – и религия, недоступная для конечных усилий его, исчезла и унесла с собою счастие и спокой ствие Франции; он вздумал превратить святилище науки в общенародное знание – и таинственный смысл истинного знания скрылся, и остались одни пошлые, бесплодные, призрачные рассуждения,– и Жан- Жак Руссо объявил, что просвещенный человек есть развращенное животное, и революция была необходимым последствием этого духовного развращения. Где нет религии, там не может быть государства, и революция 14 *

211

прибавл яет «Московский набл юдат ел е», что у Пушкина «был верный взгл яд на искусст во и бесконечное эстетическое чувство». Разбирает ся ли другой том

«Современника», в кот ором есть от-ры вок из «Хроники русского в Париже» 1И, – (почти вся рецензия сост оит из выписок тех ст раниц «Хроники», которы е особенно небл агоприятны для франц узов. Разбирает ся ли роман г. Вельт-мана «Виргиния» – оказы вает ся, что этот роман можно похвалить тол ько за одно: «многие черты франц узского верхогл ядства схвачены в нем преверно»; говорит ся ли о «Сборнике на 1838 год» – в этом сборнике очень много стихов, и отчасти даже хороших стихов, но интереснее всего в нем перевод эпиграммы Шил л ера, в которой французы назы вают ся вандалами. Вы писав эт о стихот ворение и похвал ив за него Шил л ера, критик т орже-ственно воскл ицает, обращ аясь к читателям:

Французы вандал ы !I! – слышите ли?

Дл я большей знаменател ьности это восклицание напечатано даже отдел ьною ст рокою, чт о и собл юл и мы. Говорит ся ли о возвращении молодых п рофессоров наших из- за границы – прият -нее всего «Московском у набл юдат ел ю» то, что они слушали лекции в Берл ине, а не в Париже. Нечего и говорить, пользуется ли «Московский набл юдател ь» случаем изобл ичить французское фразерст во и легкомыслие, когда явл яется перевод «Ист ории Франц ии» Мишл е... тут фил иппика достигает страшной беспощадности: едва некоторы е специал ьные ученые пол учают за свои специальные труды прощение в том, что они французы , – но французские л итераторы , поэты , мыслители, все казнят ся без всякой милости, от девицы Скюд ери до Мишл е, от Ронсара до Лерминье. Общего приговора избегает тол ько Беранже, «гуляка праздный »: празд ная гул ьба – французское дело, об этом они умеют складывать веселенькие песенки, – лучшего у них не нужно и искать. Одним сл овом, о чем бы речь ни шл а, «Московский набл юдател ь» таки най дет предлог поразит ь или кольнуть была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленною толпою».

В «Последнем новосельи» Лермонтов буквально переложил эти слова в стихи:

Негодованию и чувству дав свободу Мне хочется сказать великому народу:

«Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок потому, что вера, слава, гений ,

Все, все великое, священное земли,

С насмешкой глупою ребяческих сомнений Тобой растоптано в пыли.

Из славы сделал ты игрушку лицемерья,

Из вольности – орудье палача,

И все заветные отцовские поверья Ты им рубил, рубил с плеча...»

212

франц узов, и общим вы водом из всей этой неутомимой полемики вы ставл яется закл ючение, что, между тем как «вл ияние немцев на нас бл агодетел ьно во многих от ношениях, – и со ст ороны науки, и со ст ороны искусст ва, и со ст ороны духовно - нравственной , с франц узам и мы наход имся в обрат ном от ношении: мы враждебно- прот ивопол ожны с ними по сущност и нашего национал ьного духа» («Московский] набл юд ат ел ь»] , том X V III, ст р. 200).

Ны не, когда л учшие из франц узов от казы вают ся от заносчи

вых претензий , от презрения к другим народ ам, когда вся нация оставл яет свое прежнее л егкомы сл ие, оставл яет д аже фразерст во, кот оры м так дол го жил а, когда национал ьная жизнь обрат ил ась к разрешению истинно- гл убоких воп росов, под обная вражд а п ро-тив франц узов был а бы совершенно неосновател ьна. Н о тогда наст роение умов во Франц ии бы л о совершенно не т аково. Т е на-правл ения мысли, кот оры е ныне приобрет ают Фран ц ии сочувствие серьезны х людей , едва т ол ько начинал и еще обнаружи-ват ься, и притом в стран- ных, еще не определ ившихся [фант аст и-ческих] формах, не оказы вал и еще никакого вл ияния на жизнь нации, напротив, были осмеиваемы л ит ерат урою, презираемы государст венною жизнью. Все, чем бл истал а Фран ц и я времен первой Империи и

Рест аврац ии, бы л о фал ьшиво и поверхност но или прот иворечил о истинны м пот ребност ям нравственной и общ е-ственной жизни; все основы вал ось на недоразумении с одной ст ороны , на обмане или насил ии– с другой . В л итерат уре, например, господст вовал и две школ ы , равно фал ьшивы е: одна, – в духе Шат обриана и Лам арт ина, накиды вал а на себя маску искусст венных вост оргов учениями, кот оры х не понимал а и о кот оры х в сущност и очень мал о забот ил ась; д ругая накиды вал а на себя маску утонченной развращ енност и и мел кого сат анинст ва (ecole s atanique) *. Те, кот оры е не бы л и л ицемерами идеал изма или цинизма, бол тал и о пуст яках. Тол ько Беранже сост авл ял искл ючение, но Беранже не понимал и, счит ая его не более, как певцом гризет ок. В науке понят ия ст рашно измел ьчал и, – ученые знаменитости тогдашнего времени были шарл ат аны и фразеры , хл опотавшие о примирении непримиримого, об оправдании наукою пред рассуд ков, о сочет ании научной истины с произвол ь-ными фант азиями 112. Врем я теперь обнаружил о, чт о за л юди были и чего хотели К узен, Гизо, Т ь ер; а они были еще самы ми лучшими из тогдашних знаменитостей .

Кстат и, припомним, чт о такое бы л знаменитый тогда «л ибе-рал изм», за который особенно просл авл ял ись эти знаменитости. Собы т ия обнаружил и пустоту и решител ьную беспол езност ь этого л иберал изма, хл опот авшего тол ько об отвлеченны х правах, а не о благе народ а, самое понят ие о кот ором ост авал ось ему чуждо.

* Сатанинская школа. – Ред.

213

У л учших проповедников его это был о легкомысленное забл ужде-ние относител ьно истинных потребностей нации; другие пол ьзо-вал ись этим так называемым л иберал измом, как приманкою для привл ечения нации на свою удочку,] – а для чего нужно было им привл ечь нацию, оказал ось потом, когда они успели захватить вл асть: они искал и власти дл я того, чтобы набить себе карманы . Таково был о пол ожение Франц ии и во время Рест аврации и в первые годы орл еанской династии. Повсюд у гремели фразы , лишенные смы сл а, во всем влады чествовал и легкомыслие и обман.

Н о более всего дол жны были возмущат ься люди с горячими убеждениями и вы сокими принципами тем, что у тогдашних франц узских знаменитостей не был о ни решительных принципов, ни строгой посл едовател ьности в образе мыслей : всему, чему они верил и, верили они тол ько напол овину, робко и церемонно, все, что от рицал и, от рицал и т акже тол ько напол овину, все это были люди вроде тех, кот оры х изображал у нас Пушкин в своих героях, – вроде тех, кот оры х Лермонт ов заставл яет говорить: Богаты мы, едва из колыбели Ошибками отцов и поздним их умой ...

К добру и элу постыдно равнодушны,

В начале поприща мы вянем без борьбы...

Тая завистливо от ближних и друзей Надежды лучшие и гол ос благородный Неверием осмеянных страстей .

Едва касались мы до чаши наслажденья,

Но юных сил мы тем не сберегли;

Из каждой радости, бояся пресыщенья,

Мы лучший сок- навеки извлекли...

И ненавидим мы и любим мы случай но,

Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,

И царствует в душе какой -то холод тай ный ...113 От этих бессил ьны х в своем узком и пресы щенном эгоизме людей , конечно, нел ьзя был о надеяться ничего хорошего; от этих вы родков, ост авшихся после великой внутренней борьбы , кот орая погл отила все благородней шие силы франц узского народ а 1м, конечно, нел ьзя было ожидат ь, чт об они влили новую жизнь в свой народ ; они не дол жны

были сл ужить идеалами для нас, чувствовавших в себе избы ток свежих, еще нетронуты х сил. К таким л ю-дям, конечно, не могло л ежать сердце пламенных юношей , готовых и л юбить до самоот вержения и ненавидеть смертел ьно, жаждавших деятел ьности и блага. Вражд а усил ивал ась особенно тем, что эти разочарованны е, бл азированны е, проеденные эгоизмом люди считал ись у нас оракул ами: все у нас кричал и о французах, все восхищал ись французами, — а ни для себя, ни тем более для нас французы т акого разбора не были ровно ни ыа что годны.

214

Нам нужен был энт узиазм, перед нами был о широкое поле деятельности: как же не возненавидет ь бы л о этих людей , кот оры е могли передать нам тол ько свое бессил ие, разочарование и без-дей ствие?

Нел юбовь, засл уженная франц узам и времен первой Империи и Рест аврации, незасл уженны м образом распрост ранял ась и на их предков, и стол ь же незасл уженны м образом подвергал ись общему осужд ению свежие направл ения мысли, возникавшие в мол одом покол ении мыслителей , не имевших ничего общего с прежними знаменитостями, людей с твердыми и возвы шенны ми убеждениями, со свежими сил ами. Виною этой несправедл ивости был отчасти недостаток знакомст ва с возникавшими во франц уз* ской л итерат уре новы ми ст ремл ениями, от части т акже и пред* убеждение, сост авившееся прот ив всех вообще франц узов, — а бол ее всего — безусл овное покл онение гегелевой системе, как верховной и единственной истине, вне которой ничто не засл ужи-вает внимания.

Покл онение Гегел ю в кругу друзей Ст анкевича доходил о, как мы сказал и, до край ности, в которой л юди талантл ивые, одарен* ные самостоятел ьны м умом и ст ремившиеся вперед не могли дол го ост ават ься. Признаки бессознат ел ьного недовол ьства сист емою, кот орою продол жал и восхищат ься, обнаружил ись в даровитей -ших членах д ружеского круга тем, что они говорил и в гегелевском смысле решительнее и беспощаднее, нежел и сам Гегел ь, сдел ал ись, как говорит ся, ревностней шими гегел иаицами, нежели сам Гегель. Особенно от л ичал ся этим Белинский , который вообще был не таков, чтобы от казы ват ься от л огических вы водов из боязни укл онит ься от точны х сл ов какого бы то ни бы л о авт о-ритета. Эт о свидетел ьство людей , знавших его л ично, подтверждает ся многими его ст раницами, написанны ми совершенно в духе Гегеля, но с т акою решит ел ьност ью, которой не од обрил бы сам Гегель И5. Д а и вообще Гегел ь, говорящий обо всем с бес-прист раст ием поседевшего мудреца, смотрящий на все искл ючи-тельно гл азами кабинетного ученого, чуждого вол нениям жизни,

не мог дол го удержат ь в безусл овной покорност и т акого пламенного, проникнут ого жизненны ми стремл ениями двадцатипятил ет-него чел овека, как Белинский . Нат уры учител я и ученика, пот реб-ности двух разл ичны х общест в, среди кот оры х они дей ствовали, были сл ишком несогл асны . Белинский ск оро от бросил все, что в учении Гегеля могл о стеснять его мы сл ь, и вскоре посл е переезда в Пет ербург явл яется уже дей ствователем совершенно сам ост оя-тельным.

Д ва обст оят ел ьст ва помогл и эт ому переходу, необходимому по натуре самого Бел инского, совершит ься бы стрее, нежели совершил ся бы он без этих обст оят ел ьст в: сбл ижение друзей Ст ан-кевича с г. Огаревы м и его д рузьям и 116 и переезд Бел инского из Москвы в Пет ербург.

215

Первоначал ьны е вл ияния, под которы ми совершал ось развитие г. Огарева и его друзей , бы ли совершенно разл ичны от влияний , которы м подчинял ся кружок Станкевича. Немецкая фил о-софия мало их занимал а, как предмет сл ишком отвлеченный . Их внимание было устремлено на те науки, которы е имеют непосредственное отношение к жизни наций . В то время во франц ии возникали, как противоречие бездушному и убий ственному учению экономистов, новые теории национал ьного бл агосост ояния. Идеи, одушевлявшие новую науку, вы сказы вал ись еще в фантастических формах, и предубежденным или руководившимся своекоры ст -ными побуждениями противникам легко было, оставл яя без внимания здравы е и высокие основны е идеи новых теоретиков и вы-ставл яя в ут рированном виде мечтательные увлечения, которы х в начале не избегает ни од на новая наука, осмеивать системы, им ненавистные п7. Н о под видимыми странностями и под фантастическими увлечениями скры вал ись в этих системах истины и глубокие и

благодетельные. Огром ное бол ьшинство и ученых л ю-дей и европей ской публики, поверив пристрастны м и поверхностным отзы вам экономистов, не хотели понять смысла новой науки, все смеял ись над несбы точными утопиями и почти никто не считал нужны м основател ьно и бесприст раст но изучать их. Г. Ог а-рев и его д рузья занял ись этими вопросами, понимая чрезвычай -ную их важность для жизни. С тем вместе, внимание г. Огарева и его друзей был о занят о ист ориею, особенно новей шею, то есть именно важней шею для жизни частью ее; и так как в последнее время главным театром ист орического развит ия была франц ия, то они интересовал ись преимущественно ее историею. В литературе они также не отдавал и безусл овного предпочтения немцам, зная и ценя французских новы х писателей , которы е тогда еще не господствовал и в литературе, н о уже доказал и, что будут господствовать над нею. Под вл иянием этих занятий составил ись у них твердые и последовательные учено- л итературны е убеждения. Таким образом , деятели мол одого поколения в Москве были раздел ены на два кружка, с двумя разл ичны ми направлениями: в одном господст вовал а гегелева фил ософия, в другом — занятия современными вопросами исторической жизни. Много было пунктов, в кот оры х два эти направл ения могли сталкиваться враждебно; но под видимою прот ивопол ожност ью таилось существенное тождество стремлений , несогл асны х между собою только в том, что было у каждого из них одност оронност ью, недостатком, но одинаково ставивших себе целью деятельность, пл одотворную для развит ия русского общест ва, одинаково считавших единственным средством для дост ижения этой цели оживление нашей л итературы и возбуждение нашей мыслительной деятельности, одинаково имевших свой идеал в будущем, а не в прошедшем, от носившихся между собою, как теория и практика, которы е дол-

ли чувство сущест венного единства, или прот иворечие во вт оро-степенных, но, однако ж, очень важны х вопросах, дол жен был разрешит ься так или иначе, смот ря по тому, дей ствительно ли люди, сл ужившие представителями этих разл ичны х направлений , достой ны были сдел ат ься замечател ьны ми деятелями в ист ории развит ия русского общест ва, и дей ствительно ли принципы , их воодушевл явшие, были пл одотворны . Ист ория говорит нам, что обы кновенноеявление при падении принципа — непримиримая вражд а между его приверженцами из- за второстепенны х вопросов, а при развит ии принципа — д ружное дей ствование людей , согл асны х в главном, как бы ни были важны второстепенные вопросы , их раздел яющие. От вержение узкого самол юбия, гот ов-ность признат ь правду, которой не замечал прежде, и сделать эту указанную другим правду своим задушевны м делом — таково существенное качество истинно замечател ьны х ист орических деятелей .

Люд и, о которы х мы говорил и, были призваны играть дей -ствительно важную рол ь в развит ии нашего общест ва; принципы , их одушевл явшие, дей ствительно бы ли живы и пл одотворны , — потому эти принципы необходимо дол жны были сл иться, эти люди соединиться. И дей ствительно, люди соединил ись с т акою бл агородною искренност ью и самоотречением от своих од ност о-ронностей , принципы сл ил ись в од но общее направл ение с т акою совершенною гармониею, что факт этот принадл ежит к числу самых редких и возвы шающих душу примеров совершенного т ор-жества общей правды над частны ми недоразумениями, общего стремления сл ужить истине над л ичны ми стол кновениями.

Первы е чувства были, нат урал ьно, недружел юбны : обоюд ная

исключител ьность мнений возбужд ал а взаимную неприязнь Те и другие были недовольны д руг другом и долго уд ержива-лись от сношений между собою. Д рузь я Станкевича осуждал и г. Огарева и его друзей за то, чт о они не предают ся изучению немецкой фил ософии и не признают , что вся истина закл ючена в системе Гегеля. Д рузь я г. Ог арева осуждал и круг Станкевича за то, что в нем все мысли направл ены исключител ьно к сл иш-ком отвлеченным воп росам, и в оп росы жизни или ост авл яют ся без всякого внимания, или решают ся в том апатическом смысле, как велит решать их Гегель. Од ни говорил и про других: «они пренебрегают истинными принципами»; эти говорил и про первых: «они проповедуют апатию в жизни и примиряют ся со всеми недостатками дей ствительности, восхищаясь тем, что их система оправды вает все на свете». Разл ичны е внешние обстоятел ьства содей ствовали тому, что личных сношений — которы х не жел ал а сначал а ни та, ни другая партия — очень долго не существовал о между людьми того и другого направл ения 118.

Станкевича уже не был о в Москве, когда г. Огарев вошел в круг, душою кот орого прежде был Станкевич, и ввел за собою 217

своих друзей . Есл и бы Ст анкевич, кроткий и л юбящий , был еще между своих друзей , вероят но, сбл ижение произошл о бы тогда же. Теперь посредником и примирител ем был тол ько г. Огарев. Он один, не имея ни в ком помощников, не успел пересил ить прот ивников, кажд ое свидание кот оры х бы л о жарким спором. Всл едствие од ного из таких сп оров, когда Белинский на все вопросы , имевшие цел ью вы нудить у него признание, что не все в дей ствительности может быть оправд ано разум ом , отвечал , с

обы чною своею неумол имою посл едоват ел ьностью, признанием разумност и всех тех явлений , на кот оры е ему бы л о указано, – всл едствие эт ого сп ора, д оказавшего невозможност ь покол ебать его убежд ения, попытки примирения кончил ись – на время, как увидим, и на очень корот кое время 119.

Межд у тем попытки эти не ост ал ись беспл одны , хот я, пови-димому, привел и к пол ному разры ву. Люд и, споривше с Бел ин-ским и его д рузьями, были изумл ены т ою непокол ебимостью, с какою вст речают ся посл едоват ел ями Гегел я самы е, повидимому, неопровержимы е возражения прот ив системы Гегел я, – т ою лег-кост ью, с какою посл едовател и Гегел я находят вполне удовл етво-рительный дл я себя ответ на все, что, повидимому, д ол жно бы смутить и зат руднят ь их. Прот ивники резул ьт ат ов, до кот оры х доходит гегелева система, увидел и, что Гегел я можно победить т ол ько его собственны м оружием , и принял ись за гл убокое изучение эт ого мыслителя. Они приступил и к нему с сил ами ума совершенно зрел ого, с проницат ел ьност ью, изощ ренною привы ч-кою к самост оят ел ьному мы шл ению и богаты м опы том жизни, наполненной всевозможны ми ст ол кновениям и,– с запасом твердых убеждений , данны х жизнью и ст рог ою наукою. И, как ни т рудно уст оят ь прот ив диал ектики испол ина немецкой фил осо-фии, – этой изумител ьно сильной диал ектики, облекающей всю его систему бронею неразрушим ог о, повидимому, единства, – эти л юди откры л и пробел ы и непосл едовател ьности системы Гегел я, уви*дели погрешност и в ее вы водах, несогл асие принципов ее с резул ьт ат ами, основны х идей с применениями, постигли и од ност оронност ь принципов, – н могли, наконец, сказат ь:

«теперь мы постигаем все, что постигал Гегель, но постигаем яснее и полнее, нежел и он». Таким образом был а, по вы ражению немецкой философии, превзой дена (iibe rw unde n), очищена от од ност оронност и по смы сл у собст венны х своих основны х начал , подвергнут а крит ике и возведена к высшей истине философия Гегел я сильней шими посл едовател ями од ного из направлений , между кот оры ми до т ого времени преград ою бы ла система Гегеля 120. Н о гл убина и строй ность немецких фил ософских систем произвел а сил ьное впечатл ение на умы тех, кот оры е взял ись за изучение философии не ст ол ько по распол ожению к ней , скол ько по необходимое! и откры т ь сл абы е ее ст ороны ; сильней шие из друзей г. Ог арева сами пол учил и фил ософское направл ение; не 218

п о к и д а я своих прежних стремлений , напрот ив, еще более ут вер-дившись в них, они возвел и свои убеждения к общим фил ософ-ским принципам и, увидев, как много вы игры вают оттого их идеи и в прочност и и в строй ности, сдел ались ревностны ми приверженцами немецкой философии, конечно, уж не системы Гегел я, на которой не могли они ост ановит ься, а новой фил ософии, последним переходом к которой была система Гегеля 121.

С другой ст ороны , подобное расширение умственного горизонта совершил ось окол о того же времени и в сильней ших из друзей Ст анкевича. Д о сих пор они, как мы говорил и, были связаны между собою совершенною одинаковост ью понятий и стремлений , так что особенност и отдельных личностей исчезал и в единстве общего наст роения. Харак т еризуя «Московский набл юда-тель». деятельней шим участником и распорядит ел ем кот орого был Белинский , мы бол ьшую часть наших вы писок заимствовал и из предисл овия к речам Гегеля, писанного не Бел инским, а одним из тогдашних его друзей , потому что тогда все эти л юди писали совершенно в одном и том же духе: разница был а тол ько в том, что одни умели писать лучите других, но все, что говорил Бел ин-ский , говорил и все д рузья Ст анкевича, и, наоборот , Белинский

вы сказы вал тол ько то, в чем одинаково- были убеждены все.

Так продол жал ось до приезда Бел инского в Пет ербург. Тут вскоре он сдел ал ся совершенно самобы тен, и теперь мы дол жны говорить уже не об общей деятел ьности прежнего кружка, кот о-рого Белинский был тол ько представителем, а о личной деятельности Бел инского, ставшего во главе нашего л итературного

движения и управл явшего этим движением в союзе с новыми спод виж-никами, присоединившимися к нему не по духу какого- нибудь кружка, а по самобы тному стремл ению к одинаковы м целям, с сохранением личных особенностей нат уры кажд ого из союзников.

В Москве Белинский , под обно своим д рузьям, был совершенно погружен в теорет ические умст вования и обращал очень мал о внимания на т о, что дел ается в дей ствительной жизни. Он твердил, что дей ствительность значител ьнее всех мечтаний , но, подобно своим д рузьям, смотрел на дей ствительность гл азами идеалиста, не ст ол ько изучал ее, скол ько переносил в нее свой идеал, и верил , что идеал этот имеет себе соответствие в нашей дей ствительности, что, по край ней мере, важней шие элементы дей ствительности сходны с теми идеал ами, какие най дены для них в системе Гегеля. Пет ербург, как извест но всем пережившим идеалистический период воззрений , нимал о не удобен дл я сохранения таких мечтаний . В Пет ербурге дей ствительная жизнь настал ько шумна, беспокой на и неот вязна, что т рудно обманы -ваться относител ьно ее сущност и, т рудно не разубед ит ься в том, что она движется вовсе «е по идеал ьному плану гегелевской системы, трудно ост ат ься идеал истом. Пет ербург, с обы чною своею готовностью усл ужит ь новому жител ю всеми возможны ми 210

разочарованиям и, не замедл ил доставить Бел инскому обильные материал ы дл я поверки бл агоскл онны х к дей ствительности выводов гегелевой системы и внушить ему, что фил истерские немецкие идеалы не имеют ровно никакого сходст ва с русскою жизнью. Пришл ось от казат ься от уверенност и, что гегелевы пост роения — верны е изображения дей ствительной жизни, пришл ось крит и-чески посмот рет ь и на дей ствительность и на гегелеву систему *. Резул ьт ат ом этой поверки бы л о, дл я теорет ических убеждений — очищение принципов Гегел я от их од ност оронност и, отвержение фал ьшивого сод ержания, прил епл енного к ним, и вы вод новы х следствий , в духе строгой современной науки; для жизненны х стремл ений — от вержение прежнего квиэт изма, разрушаемого дей ствительностью, сохранение вы сокого убежд ения, что разум и правд а дол жны и будут вл ады чествоват ь в жизни, хот я мы далеки еще от эт ого времени. Белинский убедил ся, что дей стви-тел ьность закл ючает в себе очень много л ожны х и вредны х элементов и, посвят ив всю свою деятел ьность водворению в жизни вл ады чества ума и правды , начал неутомимую, беспощадную борь -бу со всем, что препят ст вовал о дост ижению этой цели. Дл я такой живой нат уры , как Белинский , переход от абстрактной идеал ьност и, доводившей до квиэт изма и апат ии, к живому понят ию о дей ствительности был естествен и легок. Система Гегел я на некот орое время увл екл а его своим величием, и мы ст арал ись показат ь, что увл ечение оправды вал ось новост ью и гл убиною истин, закл ючавшихся в ее основны х идеях; но никогда не удовл ет ворял а она его своим пол ожител ьны м содержанием, он всегда рвал ся вперед, негодуя на стеснител ьное бесст раст ие Гегел я, всегда вносил в эт о хол одное созерц ание патетический жар своей живой нат уры . Т ак ов о же бы л о от ношение к Гегел ю и других сил ьны х людей между д рузьями Ст анкевича. И з вы писок, нами приведенны х, можно видеть, чем особенно увл екал ись они в системе Гегел я, почему особенно д орожил и ею. В каждом т еоре-

* «Москвич очень скоро свыкается с Петербургом, если переедет в него жить. Куда деваются высокопарные мечты, идеалы, теории, фантазии! Петербург, в этом отношении, пробный камень человека: кто, живя в нем, не увлекся водоворотом призрачной жизни, умел сберечь и душу и сердце не на счет здравого смысла, сохранить свое человеческое достоинство, не предаваясь донкихотству, — тому смело можете вы протянуть руку, как человеку. Петербург имеет на некоторые натуры отрезвл яющее свой ство: сначала кажется вам, что от его атмосферы, словно листья с дерева, спадают с вас самые дорогие убеждения; но скоро замечаете вы, что то не убеждения, а мечты, порожденные праздною жизнью и решительным незнанием дей ствительности, — и вы остаетесь, может быть, с тяжелою грустью, но в этой грусти так много святого, человеческого... Чт о мечты! самые обольстительные из них не стоят в глазах дел ьного (в разумном значении этого сл ова) человека самой горькой истины, потому что счастие глупца есть ложь, тогда как страдание дельного человека есть истина, и притом плодотворная і Г будущем...» (Статья Бел инского «Москв а и Петербург» в «Физиол огии Петербурга^»).

220

тическом учении соединяются две стороны : отвлеченное понятие об истине и отношение эт ого знания к живой деятельности.

Гегель ставит знание первою, почти искл ючител ьною целью своей системы; следствия этого знания для жизни стоят у него на втором плане. Этот порядок с самого же начал а был изменен сил ь-ней шими из друзей Станкевича; они с самого начал а говорил и:

«фил ософия Гегеля бл агот ворна для жизни, потому надобно изучать истины, ею открываемы е» – ясно, что дей ствительная жизнь стоит для них на первом плане, отвлеченное знание имеет уже только второстепенную важност ь. Люд и с такими натурами не могли долго удовл ет воряться сист емою Гегеля: тем или другим путем, они должны были вый ти из зависимост и от нее, – и, дей -

ствительно, вышли, кто тем, кто другим путем. Нас здесь занимает Белинский , и мы видели, что его вывело из безусл овного поклонения Гегелю ближай шее знакомст во с дей ствительностью, быть двигателем которой всегда стремил ся и был назначен он. Прежние споры в Москве с друзьями г. Огарева также имели свою долю участия в расширении взгл ядов Бел инского. Правд а, во время самых споров никакие возражения не могли нимал о поколебать его веры в безусл овную справедл ивость вы водов, представляемых системою Гегеля; напротив, как то всегда бывает с людьми сильными и бесстрашны ми в своей последовательности, споры тол ько утвердили его в прежнем образе мнений , заставил и его быть еще последовательнее и ст роже в своих понятиях, внушили ему сил ьней шее - желание настаивать на них и доказы вать неосновател ьность всех сомнений в том, что казал ось ему истиною. Некот оры е из статей , напечатанных Белинским тотчас по переезде в Пет ербург, написаны под влиянием этого полемического одушевления, и мнения, принадл ежавшие всем сотрудникам «Московского набл юдател я», доведены в этих статьях, которы е помещены были в «Отечественны х записках», до край ности, возбудившей изумление и объясняемой только их полемическим происхождением 122. Н о важно было уже то, что возражения, предл оженные Бел инскому его московскими прот ив-никами, сил ьно занимал и его, не были им забыты. Когда первые порывы полемики миновал ись, когда сбл ижение с дей ствительною жизнью начал о изобл ичать одност оронност ь прежнего отвлеченного идеализма, Белинский дол жен был беспристрастнее взгл я-нуть на мнения своих бывших противников, еще так недавно отвергнутые им с высоты идеалистических воззрений . Он увидел, что эти понятия, казавшиеся безусл овному посл едовател ю системы Гегеля узкими и поверхностны ми, горазд о лучше вы дер-живают поверку фактами, нежели выводы, предлагаемые гегеле* вою философиею, и что мыслящий человек ничего иного, кроме этих понятий , не может вывести из жизни. Деятели умственного мира раздел яют ся на два кл асса; одним истина неприятна, если она прежде их вы сказана кем- нибудь другим, – они готовы брат ь 221

привилегию на свои мысли, вероятно, по сознанию того, что производительность их в этом отношении сл аба, – другие забот ятся только об истине, не считая нужным заботиться о привилегиях,– вероятно, потому, что чужды опасения оскудеть умом и обеднеть мыслями; одни не любят отказы ваться от своих ошибок, – вероятно, по сознанию того, что все их претензии – самол юби-вая ошибка: другие чужды этой щепетильности, потому что истина всегда лежала в основании их стремлений . Белинский принадлежал ко вторым. Он при первом же случае с обы чною своею прямотою признал ся, что Петербург научил его ценить воззрения на дей ствительность, о которых прежде он не хотел знать, и что в тех вопросах, о которых шли некогда споры , правда была на стороне людей , отвергавших выводы гегелевой системы, как несообразны е с фактами дей ствительной жизни.

Таким образом, исчезл и причины разделения, еще незадолго до того времени бывшие препятствием дружному дей ствованию лучших людей молодого поколения. Одни, прежде не обращавшие внимания на немецкую философию, сделались теперь ревностными последователями ее, най дя в ее принципах твердое основание для убеждений , которы е были приобретены изучением новой истории и современного быта. Представитель другого направления в литературном движении, Белинский , был приведен наблюдением дей ствительности к разл ичению справедливых начал гегелевой фил ософии от ее односторонних выводов, увидел чрезвычай ную важность тех вопросов, на которые в кругу Ст ан-кевича обращал и слишком мало внимания, и удержал из гегелевой системы только те убеждения, которые выдержали поверку живыми явлениями дей ствительности. Все даровитей шие из бывшего круга Станкевича последовали за ним, есл » не вышли на ту же дорогу самостоятел ьно *. Одност оронност ь обоих направлений совершенно сгладилась.

При таком единстве понятий и стремлений должны были сбл изиться и л юди. Окол о

этого времени возвратил ся из- за границы Грановский . Чем Станкевич был для своего круга, тем он стал равно для друзей Станкевича и г. Огарева. Грановского невозможно было не полюбить всею душою каждому бл агород-ному человеку. Все, что было в Москве благородней шего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него. Где &ыл Грановский , там могло быть только одно чувство — чувство * Читатель понимает, что, говоря здесь исключительно о литературном движении, мы не имеем права упоминать о людях иначе, как по отношениям их к литературе. Без сомнения, в тогдашнем русском обществе на различных поприщах деятельности был о много людей , замечательных ие менее Белинского: положим, что были такие люди и в кругу Станкевича. Но читатель согласится, что мы можем называть представителем втого круга только Белинского ш . Мы вовсе ве имеем охоты возвышать Белинского насчет кого бы то ни было — он в том вовсе не нуждается — а только излагаем его литературную деятельность.

222

братства. Помощником его в этом деле был г. Огарев. Ск оро их влиянию подчинил ись и те, которы е жил и в Петербурге и провинциях.

Влиянием Грановского, Бел инского и других, присоединил ись к их л итературному кругу почти все даровиты е люди мол одого

поколения, уже дей ствовавшие в л итературе или выступавшие на этот путь.

Таким образом , из прежних дружеских кругов Станкевича и г. Огарева, с присоединением новы х деятелей , составил ось одно бол ьшое литературное общест во, главным органом кот орого в литературе, до начал а нашего журнал а, были «Отечественные записки» (с 1840, особенно 1841 д о 1846 г од а); главным дей -ствователем в «Отечественных записках» того времени был Белинский . С ним достой ным образом раздел ял и с самого начала честь быть распространит ел ями новы х и здравы х идей в русской публике некоторые другие люди, о кот оры х мы отчасти уже упомянули, отчасти надеемся сказат ь, — именно, кроме Г ранов-ского, г. Гал ахов, г. Кат ков, г. Кет чер, г. К орш, г. Кудрявцев, г. Огарев и другие. Станкевич умер еще до начал а этого сл ияния,

Кл ючников и Кол ьцов пережил и Станкевича лишь немногими годами ш , как и Лермонт ов, который самостоятел ьными симпатиями своими принадлежал новому направл ению, и только потому, .что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Бел инского и его друзей . Пот ери эти был и вознаграждены присоединением новых людей , которы е или примкнули к Бел инскому, Грановскому, г. Огареву, или были воспитаны их влиянием. Из них надобно назвать, между прочим, г. Анненкова, г. Григоровича, г. Кавел ина, покой ных Кронеберга и В. Мил ют ина, г. Некрасова, г. Панаева и г. Тургенева. Более или менее примыкали к тому же кругу или воспитывались влиянием Бел инского или Г рановского почти все без исключения даровитые люди нового покол ения. Г. Краевский , как редактор журнал а, сл ужившего органом деятельности Бел инского, Грановского, г, Огарева и их друзей , занял очень почетное

место в русской литературе, кот орая, мы с удовол ьствием можем

сказать это, многим обязана ему был а в это время, за то, что он предоставил Бел инскому в своем журнал е пол ожение сообразное в л итературном отношении с преобл адающею важност ью этого лица для журнал а.

Окол о того же самого времени, когда произошл о у нас соединение одност оронних направлений в одну общую, всеобъемл ю-щую систему воззрений , подобное явление происходил о и в Ев -ропе. Немецкие ученые начал и сознават ь, что жизнь имеет свои права не только над деятел ьностью, но и над наукою; франц уз-ские ученые и л итераторы стали понимать необходимость глубоко исследовать общие понятия, о которы х до того времени мало заботил ись. В той и другой ст ране прежние одност оронние уче-223

ния стали уступать место новы м идеям, которы е уже не принадлежали искл ючител ьно тому или другому народ у, а равно были собственностью каждого истинно-современного человека, в какой бы ст ране он ни родил ся, на каком бы язы ке ни писал. Такое направление умов во всех ст ранах образованного мира к одинаковым воззрениям на все существенны е вопросы сл ужил о сил ь-ною поддержкою единства стремлений у всех истинно - современных людей в каждой ст ране. Так и у нас,

изучением новых явлений , возникавших в умственной жизни главных народов Западной Европы и, при всем разл ичии своего происхождения и формы , проникнуты х совершенно одним и тем же духом, укреп-л ял ось единство понятий , которы ми связы вал ись люди с современным образом мыслей .

Но единство понятий и людей у нас только укрепл ял ось, а не рожд ено было внешними вл ияниями. Деятел и, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрял ись тем, что согл асие с ними всех современны х мыслителей Европы

подтверждал о справедл ивость их понятий ; но эти люди уже не зависел и ни от каких пост оронних авторитетов в своих понятиях. Мы уже говорил и, что тот прогресс в понятиях, который сгладил прежнюю разрозненност ь, совершил ся у нас самостоятел ьным образом . Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвел а людей , которы е шли наряду с мыслителями Европы , а не в свите их учеников, как бы вал о прежде. Прежд е каждый у нас имел между европей скими писателями оракул а или оракул ов; одни находили их во французской , другие – в немецкой л итературе. С того времени, как представители нашего умственного движения самостоят ел ьно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинял ось никакому чужому авторитету. Белинский и главней шие из его сподвижников стали людьми вполне самостоятел ьны ми в умственном отношении.

Эт от факт – самостоят ел ьность, которой достигл а русская мысль в Бел инском и главных его сподвижниках, интересен не потому тол ько, что приятен для нашей народной гордости: он важен в истории наших л итературны х мнений потому, что им объ ясняют ся некоторые отличительные качества трудов Бел ин-ского и его союзников, – качества, которы х прежде не имела наша крит ика; им отчасти объ ясняет ся и бы строе распрост ранение л итературны х мнений Бел инского в нашей публике.

Чел овек, мысль кот орого достигл а самостоятел ьности, определительностью своих понятий и верностью их прил ожения всегда превосходит тех людей , кот оры е следуют чужим понятиям, не будучи в сост оянии подвергнуть критике принципы, которы х держат ся. Д о Бел инского наша крит ика была отражением то французских, то немецких теорий , потому вовсе не имела ясности и определ ител ьности в своих основны х воззрениях, а при оценке

существенного смысл а и достоинства л итературных явлений , если

высказывал а много верного, то почти всегда или оставл ял а многое недосказанны м, или примешивал а к верным замечаниям странные недоразумения. Вообще, мнения лучших критиков, предшествовавших Белинскому, очень скоро, в течение каких -нибудь пяти- шести лет, оказы вал ись устаревшими, неосновател ь-ными или односторонними. Так, «Тел еграф» был основан в 1825 году, а в 1829 году человек, читавший статьи Над ежд ина в «Вестнике ЕврЛты », уже не мог без улыбки думать о «вы сших взгл ядах» Пол евого, не мог не убедиться, что Полевой сл ишком неудовлетворительно понимал значение важней ших явлений в современной ему русской л итературе. Суждения самого Над еж-дина представляют странный хаос, ужасную смесь чрезвычай но верных и умных замечаний с мнениями, которы х невозможно защищать, так что часто одна пол овина статьи разрушает ся д ругою пол овиною. Напрот ив, суждения Бел инского до сих пор сохраняют всю свою цену, и верность их вообще такова, что люди, восставшие против него, почти всегда правы были тол ько в том, что заимствовал и у него же самого. В последние годы у нас много говорили о неудовлетворительности понятий Бел инского; в числе этих эпигонов, воображавших, что пошли далее Бел инского, были люди умные и даровиты е; но нужно только сличить их статьи с статьями Бел янского, и каждый убедится, что все эти люди живут только тем, чего насл ушал ись от Бел инского: они толкуют вечно только о том же самом, что говорил Бел ин-ский , и если тол куют иначе, так это только потому, что вдаются или в одност оронност ь, или в очевидное пристрастие. Со времени Бел инского материалы для ист ории л итературы деятельно разрабат ы вают ся; но вообще, каждое новое иссл едование ведет только к новому подтверждению суждений , вы сказанны х им.

Самостоятел ьность его мысли была также одною из главных причин сочувствия, с которы м принимал ись его мнения. Сл абая ст орона людей , повт оряющих чужие мысли, состоит в том, что большею частью они толкуют о предметах, не возбуждающих интереса в публике. Правда всегда правда, но не всякая правда везде и всегда равно важна и равно способна возбудить внимание: у каждого века, у

каждого народ а есть свои потребност и; то, что интересно немцу, част о бывает вовсе не интересно французу или русскому, потому что не имеет прямого отношения к пот реб-ностям его жизни. Над обно говорить о том, что нужно нашей публике в наше время. Прежде наша л итература сл ишком часто говорил а о предметах, имеющих дл я нас сл ишком мало интереса, сл ужа не столько выразительницею наших собственных мыслей , не столько раэрешител ьницею наших собственны х недоумений , скол ько отгол оском чужих суждений о чужды х нам делах. Бел ин-ский всегда говорил о том, что слышать нужно и интересно было именно той публике, "которой он говорил .

В следующей статье нам дол жно будет излагать его деятель -

1 G Н. Г. Чернышевский , т. III

225

НОсть в rtope зрел ого развит ия. Характ еризуя Arftepafypriwe воззрения Бел инского, мы будем обращат ь главное наше внимание на его поздней шие стат ья, пот ому что до самой смерти своей этот человек шел вперед, и чем далее, тем полнее и точнее вы ра-жал ись его мысл и; и, конечно, мы дол жны будем принимать в основание своих соображений самое зрел ое их вы ражение. Но прежде нам ост ается обозначит ь путь, которы м шл о развит ие его воззрений с того времени, как начал и появл яться его статьи в «Отечественны х записках», до той высоты , на которой застигнут он был смертью. В нескол ьких сл овах существенней шая черта

развит ия критики Бел инского с 1840 года может быть определена так: _

Крит ика Бел инского все бол ее и более проникал ась живыми интересами нашей жизни, все л учше и л учше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремил ась к тому, чтобы объ яснит ь публике значение л итературы дл я жизни, а литературе те от ношения, в кот оры х она дол жна стоять к жизни, как одна из главных сил, управл яющих ее развитием.

С кажды м годом в ст ат ьях Бел инского мы находим все менее и менее рассуждений об отвлеченных предметах или хотя о живых предметах, но с отвлеченной точки зрения; все решительнее и решительнее ст ановит ся преобл адание элементов, данных жизнью 6.

СТ А Т ЬЯ СЕД ЬМ АЯ

Путь развит ия, кот оры м шл а крит ика Бел инского в «От ечест -венных записках» и «Современнике», определ яется т ою существенной черт ою, что она все бол ее и бол ее проникал ась живыми интересами нашей дей ствительности и вследствие того ст анови-л ась все бол ее и более пол ожит ел ьною. В примечании мы приводим нескол ько мест из посл едних статей Бел инского, вы ражаю-щих самы е зрел ы е и точны е понят ия его о том, какую преобл ад ающую важност ь дол жна иметь дей ствительность в умственной и нравственной жизни, главным органом которой до последнего времени была (и до сих пор ост ает ся) у нас л итература, а здесь скажем нескол ько [слов] о т ом, как надобно понимать «дей стви-тел ьность» и «пол ожит ел ьност ь», которы м, по современны м понятиям, дол жно принадл ежать такое важное значение во всех от -расл ях и умственной и нравственной деятел ьности *.

* «Есл и бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и в более тесном сближении с жизнью, с дей ствительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости». («Взгл яд на русскую литературу 1846 г.», «Современник», 1847, № 1, Критика, ст р. 1 .)– Итак; зрелость измеряется степенью близости к дей ствительности.

226

«Понятие о дей ствительности совершенно новое», – говорит Белинский («Современник», 1847, № 1, Критика, стр. 18), – и, в самом деле, оно определилось и вошл о в науку очень недавно, именно с того времени, как объяснены были современными нам мыслителями темные намеки трансцендентальной фил ософии, признававшей истину только в конкретном осуществлении. Как и все верховные истины современной науки, этот взгляд на дей ствитель-ность очень

прост, но чрезвычай но плодотворен.

Были времена, когда мечты фантазии ставились горазд о выше того, что представляет жизнь, и когда сила фантазии считалась беспредельною. Н о современные мыслители внимательнее прежнего рассмотрел и этот вопрос и дошли до резул ьтатов, совершенно противопол ожны х прежним мнениям, которы е оказал ись, решительно не выдерживающими критики. Сил а нашей фантазии чрезвычай но ограничена, и создания ее очень бледны и сл абы в сравнении с тем, что представляет дей ствительность. Самое пылкое воображение подавляется представлением о миллионах миль, отделяющих землю от сол нца, о чрезвычай ной быстроте света и электрического тока; самые идеальные фигуры Рафаэл я оказал ись портретами с живы х людей ; самые уродливые создания мифологии и народны х суеверий оказал ись далеко не столь непохожими на окружающих нас животны х, как чудовища, открытые естествоиспытателями; историею и внимательным наблюдением современного быта доказано было, что живые люди, даже вовсе не принадлежащиел к числу отъявленных извергов или героев добродетели, совершают преступления, горазд о ужасней шие, и

подвиги, гораздо более возвышенные, нежели все, чтб было выдумано поэтами. Фант азия дол жна была смириться перед дей стви-тельностью; мало того: принуждена была сознат ься, что мнимые созда ния ее тол ько копии с то го, что п редста вляется явлениями дей ствительности.

«Все движение русской литературы (до Пушкина) заключалось в стремлении сблизиться с жизнью, с дей ствительностью». (Там же, стр. 4.) –

Итак, цель литературного движения есть дей ствительность.

«В отношении к искусству, поэзии, творчеству литература наша всего ближе к той зрелости и возмужалости, речью о которых начали мы эту статью. Так называемую натуральную школу нельзя упрекнуть в реторикс, разумея под этим словом вольное или невольное искажение дей ствительности, фальшивое идеализирование жизни... Не в талантах, не в числе их мы видим собственно прогресс литературы, а в их направлении, их манере писать. Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали дей ствительность, т. с. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом; а теперь они воспроизводят жизнь и дей ствительность в нх истине.

От этого литеоатура получила важное значение в глазах общества». (Там же, стр. 10.)– Итак, положительности противно фальшивое идеализирование; искусство достигает зрелости тогда, когда воспроизводит жизнь и дей ствительность в их истине.

«Вместо того, чтобы думать о невозможном, гораздо лучше, признав неотразимую и неизменную (т. е. не подчиняющуюся фантазиям) дей стви-J5* 227

Но явления дей ствительности чрезвычай но разнородны и разнообразны . Он а представляет много такого, что сообразно с желаниями н потребностями человека, и много такого, что рещитель -но противоречит им. Прежде, когда пренебрегали дей ствительностью, сл ишком гордясь фантастическими богатствами, полагали, что переделать дей ствительность по фантастическим мечтам очень легко. Но, когда фантастическая гордость смирилась, ученые и поэты должны были убедиться в том, что всегда было ясно в практической жизни для людей , одаренных здравым смыслом.

Сам по себе, человек очень сл аб; всю свою силу заимствует он только от знания дей ствительной жизни и уменья пол ьзоваться силами неразумной природы и врожденными, независимыми от человека качествами человеческой натуры. Дей ствуя сообразно с законами природы и души и при помощи их, человек может постепенно видоизменять те явления дей ствительности, которые несообразны с его стремлениями, и таким образом постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний .

Но не всякие жел ания находят себе пособие в дей ствительности. Многие противоречат законам природы и человеческой натуры; ни фил ософского камня, который бы обращал все металлы в зол ото, ни жизненного эл ексира, который бы навеки сохранял нам юность, невозможно добыть из природы ; напрасны и все наши требования, чтобы люди отказал ись от эгоизма, от страстей : тельность существующего, дей ствовать на его основании, руководясь разумом и здравым

смыслом, а не маниловскими фантазиями». (Там же, стр. 14.) «Важность теоретических вопросов зависит от их отношений к дей ствительности... У себя, в себе, вокруг себя — вот где мы должны искать и вопросов, и их решения. Это направление будет плодотворно». (Там же, сгр. 28.)

«Жаль, что источник вдохновения этого таланта (одного us поэтов, кот орою стихотворения были иаданы а 1846 году) не жизнь, а мечта, и'что поэтому он не имеет никакого отношения к жизни и беден поэзиею... На высоте, куда ему так хочется, и пусто, и холодно, и нет воздуха для дыхания.

То ли дело земля! на ней нам и светло, и тепло, на иен все наше и понятно нам, на ней наша жизнь и наша поэзия. Зат о кто отворачивается от нее, не

«Литература наша... постоянно стремилась из реторической сделаться естественною, натуральною. Это стремление, ознаменоданное заметными н постоянными успехами, и составляет смысл, и душу истории нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажем, что ни в одном русском писателе это стремлений не достигло такого успеха, как в Гоголе. Это могло совершиться только через исключительное обращение искусства к дей ствительности, помимо всяких идеалов. Это великая заслуга со стороны Гоголя, этим он совершенно изменил взгляд на самое искусство. К сочинениям каждого из (прежних) поэтов русских можно, хотя и с натяжкою, приложить старое и ветхое определение поэзии, как «украшенной природы»; но в отношении к сочинениям Гоголя этого уже невозможно сделать. К ним идет другое определение искусства — как воспроизведение дей ствительности во всей ее истине».

(«Взгл яд на русскую литературу 1847 г.», «Современник», 1848, № 1, Критика, стр. 17).

228

человеческая нат ура не подчиняется таким, повидимому, превосходным требованиям.

Эт о обстоят ел ьст во, пол агающее очевидную разницу между нашими жел аниями, заставил о пристал ьнее всмот рет ься в те из них, дост ижению кот оры х от казы вают ся сл ужить природ а и люди с здравы м смы сл ом — в самом ли деле необходимо для человека исполнение таких желаний ? Очевидно, нет, потому что он, как мы видим, и живет и даже, при бл агоприят ны х обстоят ел ьствах, бы -вает очень счастл ив, не обл адая ни философским камнем, ни жизненным эл ексиром, ни теми очароват ел ьны ми бл агами и качествами, какими манит его вол шебст во фант азии, заносящей ся за обл ака. А если человек может обход ит ься, как показы вает жизнь, без этих бл аг, кот оры е вы ст авл яют ся фант азиею, будто необхо-

димые для него, — если обнаружил ось уже, что она обманул а чел овека в отношении необходимост и, то нел ьзя был о не запод о-зрить ее и с другой ст ороны : дей ствительно ли прият но был о бы человеку исполнение тех мечтаний , которы е прот иворечат зак о-нам внешней природы и его собственной нат уры ? И при внимательном набл юдении оказал ось, что исполнение таких желаний не вело бы ни к чему, кроме недовол ьства или мучений ; оказал ось, что все ненатурал ьное вредно и т яжел о для человека, и что нравственно здоровый человек, инстинктивно чувствуя это, вовсе не желает в дей ствительности осущест вл ения тех мечтаний , кот о-рыми забавл яет ся празд ная фант азия.

Как най дено был о, что мечты фант азии не имеют ценности для жизни, точно так же най дено бы л о, что не имеют значения для жизни многие надежды , внушаемы е фант азиею.

Прочное насл аждение дается человеку тол ько дей ствитель-ностью; серьезное значение имеют тол ько те жел ания, которы е основанием своим имеют дей ствительность; успеха можно ожи -дать тол ько в тех надеждах, кот оры е возбужд ают ся дей ствитель-ностью, и тол ько в тех делах, кот оры е совершают ся при помощи сил и обстоят ел ьств, представл яемы х ею.

Дост ичь до т акого убеждения и дей ствовать сообразно с ним значит сдел аться чел овеком положител ьны м.

Но част о те самы е, которы е воображают себя людьми положительными, забл ужд ают ся в этом вы соком мнении о себе самым жестоким и постыдным образом , впадая

в особенного рода фант азерст во именно по узкост и своих понятий о дей ствительности.

Например, несправедл иво бы л о бы считать пол ожител ьным человеком хол одного эгоиста. Любовь и доброжел ател ьст во (способност ь рад оват ься счаст ью окружающ их нас людей и ог ор-чаться их ст рад аниями) так же «рожд ены чел овеку, как и эгоизм. Кто дей ствует искл ючител ьно по расчет ам эгоизма, тот дей ствует наперекор человеческой природе, подавл яет в себе врожденны е и неискоренимы е пот ребност и. Он в своем роде т а-229

кой же фант азер, как и тот, кто мечтает о заобл ачны х само-от вержениях; разниц а тол ько в том, что один — злой фант азер, другой — приторный фант азер, но оба они сходны в том, что счастье для них недост ижимо, что они вредны и для себя и для других. Голодный чел овек, конечно, не может чувствовать себя хорош о; но и сытый человек не чувствует себя хорошо, когда вокруг него разд ают ся несносны е для чел овеческого сердца стоны гол одны х. Искат ь счаст ья в эгоизме — ненатурал ь-но, и участ ь эгоист а нимал о не завидна: он урод , а быть уродом неудобно и неприятно.

Точно так же вовсе нел ьзя назват ь пол ожительным и того человека, который , поняв, что силы прид ают ся человеку только дей ствительностью и прочны е насл аждения доставл яются только сю, вздумал бы объ явл ят ь, что нет в дей ствительности т а-ких явлений , кот оры е нужно и возм ожно человеку изменить, что в дей ствительности все прият но н хорош о для чел овека, и что он совершенно бессил ен перед кажды м фактом: это опять своего род а фант азерст во, стол ь же нелепое, как и мечты о воздушны х замках. Равно ошибает ся человек, который хл опо-чет о заменении обыкновенной здоровой пищи амвросиею и не-кт аром, и тот, который утверждает, что всякая пища вкусна и зд орова для чел овека, что в природе нет ядовитых растений , что пустые щи с л ебедою хороши, что невозможно очищать полей от камней и бурьяна, чтобы засеват ь пшеницею, что не дол жно

и невозм ожно очищат ь пшеницу от плевел.

Все эти люди — одинаковы е фант азеры , потому что одинаково увл екаются од ност ороннею край ностью, одинаково от вер-гают очевидны е факты , одинаково хот ят нарушат ь законы природы и человеческой жизни. Нерон, Кал игул а, Тиверий были так же бл изки к сумасшест вию, как ры царь Тоггенбург 12е и индей ский >факир Вителлин, который объ едал ся до того, что каждый день дол жен был прибегать к помощи рвотного, терпел от жел удка не меньше мучений , нежели терпит человек, не имеющий сы тного обеда. Развратник т очно так же лишен лучших наслаждений жизни, как и каст рат . Пол ожит ел ьного в жизни всех этих людей очень мал о. Пол ожител ен тол ько тот, кто хочет быть вполне чел овеком: забот ясь о собст венном бл агосост оянии, л юбит и других людей (пот ому что одинокого счаст ья нет); от казы ваясь от мечтаний , несообразны х с законами природы , не от казы вает ся от полезной деятельности; находя многое в дей ствительности прекрасны м, не от рицает т акже, что многое в ней д урно, и стремится, при помощи бл агоприятны х человеку сил и обстоятел ьств, борот ься против того; что небл агоприят но чел овеческому счаст ью. Пол ожител ьны м чел овеком в истинном смысл е сл ова может быть тол ько человек любящий и бл агород-ный . В ком от природы нет л юбви н бл агородст ва, тот жалкий урод . Шекспиров Кал ибан ,27(недостой ный имени чел овеческо-2.˚ 0

го, — но Таких людей очень мало, может быть, вовсе нет; в ком обстоятельства убивают л юбовь и бл агородство, тот человек жалкий , несчастный , нравственно больной ; кто преднамеренно подавляет в себе эти чувства, тот фант азер, чуждый пол ожител ь-ности и противоречащий законам дей ствительной жизни.

По от вержении фантазерст ва, т ребования и надежды человека делаются очень умеренными; он становится снисходителен и от-

личается терпимостью, потому что изл ишняя взыскательность и фанатизм — порождения болезненной фантазии. Н о из этого вовсе не следует, чтобы пол ожител ьность осл абл ял а сил у чувства и энергию требований , — напрот ив, те чувства и требования, которые вы зы ваются и поддерживают ся дей ствительностью, горазд о сильнее всех фантастических стремлений и надежд: чел о-век, мечтающий о воздушны х замках, и в сот ую долю не так сильно занят своими сл ишком радужны ми мечтами, как человек, заботящий ся о постро йке для себя скромного (л ишь бы

тол ько уют ного) домика, занят мы сл ью об этом домике. О том уж нечего и говорить, что мечтатель обы кновенно проводит время лежа на боку, а человек, одушевленный рассудител ьным жел а-нием, трудится без отдыха для его осуществл ения. Чем дей стви-тельнее и положительнее стремления человека, тем энергичнее борется он с обстоятел ьствами, препятствующими их осуществл е-нию. И л юбовь и ненависть даются и возбужд ают ся в высшей степени теми предметами, кот оры е принадл ежат к обл асти дей -ствительной жизни. Фант аст ическая Ел ена, при всей своей невообразимой красоте, не возбуждает в зд оровом человеке и сл а-бой тени того чувства, кот орое возбуждает ся дей ствительною женщиною, даже не принадл ежащею к числу блистательных красавиц. С другой ст ороны , зверст ва каннибал ов, о кот оры х мы, к счастью, знаем тол ько по сл ухам, далеко не в такой степени волнуют нас, как довол ьно невинные в сравнении с ними подвиги Сквозников- Дмухановских и Чичиковы х, совершаемы е в наших глазах.

[Белинский был человек сильный и решительный ; он говорил очень энергически, с чрезвычай ным одушевлением, но нелепою ошибкою было бы назы вать его, как то делали, бывал о, иные, человеком неумеренным в т ребованиях или надеждах. Те и другие имели у него основание в потребност ях и обстоятел ьствах нашей деятельности, потому, при всей своей силе, были очень умеренны. Нас здесь занимает русская л итерат ура, потому будем говорить о ней . Белинский восхищал ся «Ревизором » и «Мерт вы ми душами». Подумаем хорошенько, мог ли бы восхищат ься этими произведениями человек, неумеренный в своих жел аниях? Неужел и, в самом деле, сарказм Гогол я не знает никаких границ? Напро* тив, стоит вспомнить хот я о Диккенсе, не говоря уже о французских писателях прошл ого века, и мы должны будем признаться, что сарказм Гогол я очень скромен и ограничен. Бел ин-'/31

ский желал развит ия нашей литературе, — но какими пределами ограничивал ись его т ребования и надежды ? Требовал ли он, чтоб наша л итература при наших гл азах стал а так же глубока и богата, как, например, современная французская или англий -ская (хот я и та и другая далеки от совершенст ва)? Вовсе нет: он прямо говорил , что в наст оящее время нечего об атом думать, как о вещи невозможной ; очень хорошо, по его мнению, было уж и то, что наша л итература становится сколько- нибудь похожа в самом деле на л итературу; успехи, ею совершаемы е, были, по его мнению, очень бы стры и похвальны; он постоянно рад овал ся этой бы строт е нашего развит ия, а ведь, по правде говоря, бы строта эта была таки довол ьно медленная: и в 1846 и 1856 году мы еще далеки от этой «зрел ост и», к которой стремимся.

Да, Белинский был человек очень терпеливый и умеренный . Примеров тому можно най ти множество: они на каждой странице его статей . — Напрасно также было бы воображат ь его критиком сл ишком строгим; напрот ив, он был очень снисходителен. Правда, он был одарен чрезвычай но верным и тонким вкусом, не мог не замечать недостатков и высказывал о них свое мнение без всяких пустых прикрас; но если хот я какое - нибудь положительное достоинство находил ось в разбираемом произведении, он готов был за эт о достоинство извинять ему все недостатки, для кот оры х существует хот я какое - нибудь извинение. Едва ли у кого из русских критиков бы л о и стол ько терпимости к чужим мнениям, как у него: лишь бы тол ько убеждения не были совершенно нелепы [и вредны], он всегда говорил о них с уважением, как бы ни разнил ись они от его собственны х убеждений . Примеров тому множество. Укажем на один, о кот ором придется нам говорить — на полемику его с сл авянофил ами, в которой со ст ороны Бел инского пост оянно было горазд о бол ьше доброжел а-тельства, нежели со ст ороны его противников. Он даже видел утешительное явление в том, что числ о приверженцев этой школы увеличивается. (Белинский , впрочем, ошибся в этом случае: ныне оказал ось, что сл авянофил ьст во лишено способности привлекать последователей .) Точно так же он с пол ною готовностью признавал все достоинства произведений сл овесности, которы е были написаны не в том духе, какой казал ся ему сообразней шим с пот ребност ью нашей л итературы , лишь бы тол ько эти произведения имели пол ожител ьное достоинство. Дл я примера напомним его отзы в о романе г. Гончарова «Обы кновенная ист ория».

В прил ожении к настоящей статье мы поместили отры вок из последнего обзора русской л итературы , написанного Белинским.

Он припомнит читателям, что Белинский не признавал «чистого искусства» и поставл ял обязанност ью искусства служение интересам жизни. А между тем, он в том же самом разборе с равным бл агораспол ожением говорит о романе г. Гончарова, в кот

ором видит исключительное стремление к так называемому 232

чистому искусству, и о другом романе, явившемся окол о того

времени, написанном в духе, который наибол ее нравил ся Бел ин-скому 128; он даже более снисходителен к «Обы кновенной истории». Можно также припомнить, с каким чрезвычай ным сочувствием говорил всегда Белинский о Пушкине, хот я совершенно не раздел ял его понятий . Н о беспол езно увеличивать числ о этих примеров, которы х множест во представл яется каждому, сохранившему отчетливое воспоминание о статьях Бел ин-ского.

Мнение, будто бы Белинский не очень был умерен в своих понятиях или сурово пресл едовал всякий образ мыслей , несогласный с его собственным, решител ьно несправедл иво. В этом каждому легко убедиться, просмот рев нескол ько его статей . Ф а -натиков у нас в литературе бы л о довол ьно много; но Белинский не только не имел никакого сходст ва с ними, а, напрот ив, пост оянно вел с ними самую упорную борьбу, какого бы цвета ни был их фанат изм, к какой бы партии ни принадл ежал и они, – даже фанатиков так называемой «тенденции» он осуждал так же строго, как и фанатиков прот ивопол ожного направл ения. [Для примера довол ьно вспомнить о том, как положител ьно вы разил он свое неодобрение собраниям произведений двух молодых поэтов тогдашнего времени, которы е пели о том, как «воспрянет человечество, плачущее кровавы ми сл езами» и о том, как надобно «карать жрецов л жи»,] *

Отчего же могло возникнуть мнение, будто Белинский не был человеком очень умеренных мыслей о нашей л итературе и связанных с нею вопросах, между тем как чтение его статей неоп ро-вержимо убедит кажд ого, что он понимал вещи не иначе, как их вообще понимают почти все здравомы сл ящие люди в наше время? Тут надобно многое приписат ь неосновательным обвине-

ниям, какие взводил ись на него личными его противниками,

которы х самол юбие было оскорбл ено его крит икою: его назы вали они человеком неумеренным по тем же самым побуждениям и точно с т акою же основател ьностью, как и твердили о нем, будто бы он нападал на стары х наших писателей , тогда как, напротив, он восстановл ял их сл аву. Н о этими личными и мелочными расчетами нел ьзя ограничить поводов, по которы м возникл о мнение, признаваемое нами несправедливым.

Требования Бел инского бы ли очень умеренны, но тверды и последовательны, вы сказы вал ись с одушевлением, энергически.

Нет надобности говорить, что самы е резкие суждения могут быть прикрываемы цветистыми фразами. Белинский , человек прямого и решительного характ ера, пренебрегал эт ою хитростью.

* Мы говорим об умеренности Белинского не для того, чтобы хвалить или осуждать его, а просто потому, что умеренность эта факт очень важный н неоспоримый , а между тем, слишком часто опускаемый из виду при суждениях о Белинском.

233

Он писал так, как думал, забот ясь только о правде it употребл яя именно те сл ова, которы е точнее вы ражал и его мысль. Дурное он прямо назы вал дурны м, не прикры вая своего суждения дипломатическими оговорками и двусмысленными намеками. Потому людям, которы м всякое правдивое сл ово кажет ся жестким, как бы ни был о оно умеренно, мнения Бел инского казал ись резкими: что делать, многие прямоту считают всегда резкост ью. Но те, которы е понимают смысл читаемого, очень хорошо всегда понимали, что жел ания и надежды Бел инского были очень скромны. Вообще, он не требовал ничего такого, что не казал ось бы совершенною необходимост ью для каждого человека с развитым умом. Этим и объ ясняет ся сил ьное сочувствие ему в публике, кот орая у нас вообще очень скромна в своих жел аниях.

В спорах с противниками Белинский не имел привычки уступать, и в полемике, кот орую он вел, не было ни одного сл учая, когда спор не кончал ся бы совершенны м поражением прот ивника во всех пунктах; ни один литературный спор не оканчивал ся без того, чтобы противник Бел инского не терял совершенно уважения лучшей

части публики. Н о дол жно только припомнить, с какими мнениями вел он борьбу, и надобно будет признат ься, что иначе сп ор не мог кончаться. Белинский спорил тол ько прот ив мнений , пол ожител ьно вредных и решительно ошибочны х: нел ьзя указат ь ни одного сл учая, когда бы он считал нужны м восст ават ь против убеждений , которы е были безвредны или не нелепы. Ст ал о быть, вовсе не он, а его противники были виноваты в том, если полемика (обы кновенно начинаемая не Бел инским) кончал ась совершенны м их поражением: зачем они защищал и мнения, которы х невозможно защищать и не дол жно защищат ь? Зачем они восставал и против очевидных истин? Зачем они литературные вопросы так часто ст арал ись переносить в обл асть юридических обвинений ? Все сл учаи, когда Белинский вел упорную полемику, подводятся под одно определение: Белинский говорит, что 2 X2 = 4 ; его за это обвиняют в невежестве, безвкусии и небл агонамеренности, намекая, что из провозгл ашаемого им парадокса – парадокс состоит в том, что 2 X 2 = 4 – например, в том, что произведения Пушкина по художественному достоинству выше произведений Державина, а «Герой нашего времени» выше «Бры некого леса» или «Симеона Кирдяпы » 129, – что из эт ого ст рашного парадокса произой дут самые пагубные последствия для русского язы ка, для отечественной л итературы , и что – чего д оброго! –

всему миру грозит смертел ьная опасност ь от такой неоснователь-

ной и злонамеренной выдумки. При защите от таких нападений , конечно, невозможно был о признават ь, что на ст ороне нападающих есть хотя какая- нибудь частица справедл ивости. Есл и бы предметом их негодования вы бирал ось что- нибудь сомнительное, если бы замечал ись Бел инскому какие - нибудь односторонности 334

й ли недосмотры , дело могло бы быть ведено Иначе: Белинский , согл ашаясь или не согл ашаясь на замечания прот ивников, охот -но признавал ся бы, что их сл ова не совершенио лишены зд равого смысла, что мнения их засл уживают уважения: когда он замечал свои ошибки, он не кол ебал ся сам первый обнаруживат ь их. Н о что ост авал ось ему делать, когда, например, один из его прот ивников возмущал ся отсутствием всяких убеждений в статьях Бел инского, когда тот же самый противник утверждал , что Бел ин-ский пишет, сам не понимая смы сл а своих сл ов, – потом твердил, что Белинский заимствует у него свои понятия (когда дело было совершенно наоборот , что очевидно каждому при сличении ст арого «Москвит янина» с «Отечественны ми зап искам и»),– когда другие восставал и на Бел инского за мнимое неуважение к Державину и Карамзину (кот оры х он первый оценил), и т. д.,– тут, при всей готовности быть уступчивым, невозможно было увидеть в замечаниях прот ивников ни искры правды , и невозможно было не сказат ь, что они совершенно ошибочны . Таково же бы вал о пол ожение дела, когда Белинский , в свою очередь, начинал полемику: мог ли он не говорит ь, что мнения, против ко-торы х он восстает, совершенно лишены всякого основания, когда эти мнения были такого род а: «Гогол ь писатель без всякого т а-ланта, – лучшее лицо в «Мерт вы х душах» кучер Чичикова Сел ифан, – гегелева фил ософия заимст вована из «Завещ ания»

Вл адимира Мономаха, – писател и, подобны е г. Тургеневу и

г. Григоровичу, достой ны сожал ения потому, что берут сод ержа-ние своих произведений не из русского быта, – Лермонт ов был подражател ем г. Бенедиктова и пл охо владел стихом, – романы Диккенса произведения уродливой бездарност и, – Пушкин был плохой писатель, – величай шие поэты нашего века Викт ор Гюго и г. Хом яков, – г. Сол овьев не имеет понят ия о русской ист ори и ,– немцы дол жны быть истребл ены, – V II гл ава «Евгения Онегина» есть рабское под ражание одной из глав «Ивана Вы-жигина» 130, – лучшее произведение Гогол я его «Вечера на хуторе» (по мнению одних) или «Переписка с д рузьями» (п о мнению других), остал ьные же г оразд о сл абее, – Англ ия погибл а окол о 1827 года, так что не ост ал ось и следов ее сущест вования, как не остал ось следов Платоновой Атл антиды , – Англ ия единственно живое государст во в Западной Европе (мнение того же писателя, который открыл , что она погибл а), – лукавый запад гниет, и мы дол жны поскорее обновить его мудрост ью Ск ов оро-ды, – Визант ия дол жна быть нашим идеалом, – просвещение приносит вред» 131 и т. д., н т. д. – Можн о ли най ти хот я какую-нибудь частицу правды в таких суждениях? Можн о ли делать им уступки? Восст ават ь против них значит ли обнаруживат ь дух нетерпимости? Когда одному из людей , воображающ их себя учеными, и пол ьзовавшемуся сильным влиянием в журнал е, который имел своею специал ьностью борьбу против Бел инского и 235

«Отечественны х записок», вздумал ось ут верждат ь, что Галилей 11 Ньют он поставил и аст роном ию на ложный путь 132, неужели м ожно бы л о бы вести с ними сп ор таким образом : «В ваших сл овах есть много справедл ивого; мы дол жны сознат ься, что в прежних наших понят иях об аст рономических законах были ошибки; но, согл ашаясь с вами в гл авном, мы дол жны сказат ь, что некот оры е под робност и в ваших замечаниях кажут ся нам не совсем ясны »; говорит ь таким образом значил о бы изменять очевидной истине и делать себя предметом общей насмешки.

Возм ожно ли бы л о говорит ь таким тоном и о тех суждениях, образц ы кот оры х представил и мы выше, и кот оры е в своем роде ничуть не хуже опровержения ньютоновой т еории? Нет , тут невозм ожно соединять от рицание с уст упчивост ью, потому что нет ни малей шей возм ожност и от кры т ь в сл овах противника что- нибудь похожее на правду. От носит ел ьно таких мнений нет средины : или над обно мол чать о них, или прямо, без малей -ших уст упок вы сказы ват ь, что они лишены всякого основания. Разумеет ся, нападения на Гал ил ея и Ньют она можно было оставит ь без внимания — не бы л о опасност и, чтобы кто- нибудь введен был ими в забл уждение. Н о другие суждения не были так невинны — обнаружит ь их неосновател ьность был о необходимо. И з т ого, что Белинский не видел возможност и согл а-шат ься, что Гоголь бездарный писател ь, и пьяного Сел ифана дол жно считать представителем русской народ ност и, следует ли закл ючат ь, что он не имел т ерпимост и?

Люд и, кот оры е восст авал и прот ив Бел инского, нападали на истины сл ишком очевидны е и важны е; сам он восст авал тол ько прот ив т ого, что бы л о решител ьно нелепо и вредно; будучи чел овеком твердых убеждений и прямого характ ера, он вы сказы вал свои мнения сил ьно.

Н о кто смешивает эти качества с неумеренностью мнений , тот совершенно ошибает ся. Напрот ив, мнения Бел инского вы-сказы вал ись с особенною сил ою именно потому, что, в сущности, были оченьумеренны.

Сдел ав эт о необходимое замечание о характ ере общих воззрений Бел инского, мы дол жны были бы теперь занят ься вопросом о т ом, как он смотрел на от ношения л итературы к обществу и занимающим его интересам. Н о в одной из последних статей своих сам Белинский вы сказал свои мнения об этом предмете с т акою пол нот ою и т очност ью, что л учше всего будет представит ь в прил ожении к нашей статье его собственны е сл о-ва. А здесь ост ает ся нам сдел ать т ол ько нескол ько замечаний , кот оры е посл ужат объяснением к предл агаемому отры вку из статьи Бел инского.

Мнения, кот оры е так сил ьно и убедител ьно вы ражены Бел ин-ским в этом отры вке, совершенно прот ивопол ожны идеям т ран-сцендентальной фил ософии, в особенност и системы Гегел я, осно-236

вывавшей все своv эстетическое учение на том принципе, что искусство имеет исключительным 'предметом своим осущест вл е-ние идеи прекрасного; искусст во, по этим идеалистическим понятиям, дол жно бы л о сохранят ь совершенную независимост ь от всех других стремлений чел овека, кроме стремл ения к прекрасному. Такое искусст во назы вал ось чистым искусством.

И в этом сл учае, как почти во всех других, гегелева система останавл ивал ась на пол овине пути и, от казы ваясь от ст рогого вы вода последствий из своих коренны х положений , допускал а в себя уст аревшие мысли, прот иворечившие этим пол ожениям. Так, она говорил а, что истина существует тол ько в конкретны х явл е-ниях, а, между тем, в эстетике своей ставил а верховною ист иною идею прекрасного, как будто идея эт а существует сама по себе, а не в живом дей ствительном человеке. Эт о внутреннее прот иворе-чие, повт орявшееся почти во всех других част ях гегелевой системы, и посл ужил о причиною ее неудовл етворител ьности. Дей стви-тельно существует человек, а идея прекрасного есть тол ько отвлеченное понятие об одном из его стремлений . А так как в человеке,

живом органическом сущест ве, все части и стремл ения неразры в-

но связаны друг с другом, то из эт ого и следует, что основы ват ь т еорию искусства на одной исключительной идее прекрасного, значит впадать в од ност ороннost ь и ст роит ь т еорию, несообразную с дей ствительностью. В кажд ом человеческом дей ствии принимают участие все стремл ения человеческой нат уры ,

хот я бы одно из них и явл ял ось преимущественно заинт ересованны м в этом деле. Пот ому и искусст во производ ит ся не отвлеченным стремлением к прекрасному (идеею прекрасного), а совокупны м дей ствием всех сил и способностей живого человека. А так как в человеческой жизни пот ребност и, например, правды , л юбви и ул учшения бы та г оразд о сильнее, нежели стремл ение к изящ -ному, то искусст во не тол ько всегда сл ужит до некоторой сте -пени вы ражением этих потребностей (а не одной идеи прекра-сног о), но почти всегда произведения его (произведения чел о-веческой жизни, эт ого нел ьзя забы ват ь) созд ают ся под преоб-л адающими вл ияниями потребностей правды (теоретической или практической), л юбви и ул учшения быта, так что стремл ение к прекрасному, по нат урал ьному закону чел овеческого дей ствования, явл яется служителем этих и других сил ьны х потребностей чел о-веческой натуры . Так всегда производил ись все созд ания искусства, замечательные по своему дост оинству. Стремл ения, отвлеченные от дей ствительной жизни, бессил ьны ; потому, если когда стремление к прекрасному и усил ивал ось дей ствовать отвлеченным образом (разры в ая свою связь с другими стремл ениями человеческой природ ы), то не могл о произвест ь ничего замечательного даже и в художественном отношении. Ист ория не знает произведений искусства, которы е были бы созданы искл ючи-тельно идеею прекрасного; если и бы вают и бывал и такие п роиз-

ведения, то не обращ ают на себя никакого внимания современ -ников и забы вают ся ист ориею, как сл ишком слабые, – слабые даже и в художественном отношении.

Таков взгл яд положительной науки, почерпающей свои понят ия из дей ствительности. От ры вок, представляемый нами в прил ожении, доказы вает, чт о окончательный взгл яд Бел инского на искусст во и л итературу был совершенно таков. Он был уже совершенно чист от всякой фантастичност и и отвлеченности.

Н о мы видели, что сначал а Белинский был страстны м последователем гегелевой системы, сил ьную ст орону которой сост ав-ляет стремление к дей ствительности и положител ьности (чем преимущественно и очаровы вал а она Бел инского, как и всех сильных людей тогдашнего мол одого покол ения в Германии и отчасти у нас), а сл абую ст орону то, что это стремление остается неосуществленным, так что почти все содержание системы отвлеченно и недей ствительно. Вскоре после переезда своего в Пет ербург Белинский освобод ил ся от безусл овного покл онения Гегелю; но мысль и испол нение, принцип и вывод следствий – два разл ичны е фазиса, всегда отделенные друг от друга долгим период ом развит ия. Сказат ь: «я понимаю, что дей ствительность дол жна быть ист очником и мерил ом наших понятий », и пересоздать все свои понят ия на основании дей ствительности – две вещи совершенно разл ичны е. Вт орая зад ача, быть может, еще важнее первой и достигается тол ько посредством продол жител ьного труда.

В петербургских журнал ах Белинский дей ствовал окол о восьми лет. Сл едить за всеми постепенностями и подробност ями развития его в это время значил о бы анал изироват ь все его статьи,– по край ней мере сто или пол т ораст а важней ших. Н о и того еще недостаточно: нужно был о бы прибегать к помощи соображений ,

кот оры е могут быть доставл ены тол ько под робною биографиею.

А наши статьи принял и уже и без того объем, горазд о обширней ший , нежели мы предпол агал и, начиная их; собиранием биографических сведений замедл ил ось бы их окончание на неопределенное время; рассмот рение всего написанного Бел инским потребовал о бы сот ни и сотни ст раниц. Пот ому мы тол ько в общих черт ах обозначим главные два периода петербургской деятельности Бел инского: в первой пол овине отвлеченный элемент в его статьях еще довол ьно сил ен; в о второй пол овине он почти совершенно и под конец этой пол овины совершенно исчезает, и система пол ожител ьны х воззрений ст ановит ся совершенно последовательною. Мат ериал ы дл я характ ерист ики первого периода будут нам доставлены обозрением сод ержания нескол ьких статей Белинского, написанны х в первое время по приезде в Пет ербург; подробное рассмот рение посл едних его статей посл ужит средством сделать, по возможност и, полный очерк окончател ьных его понятий о русской л итературе; годичные обзоры русской л итера-233

туры , явл явшиеся пост оянно с 1841 года, и статьи о Пушкине, которы е писал ись в продол жение т рех лет (1843– 1846), будут соединительными звеньями между первы м и вторы м очерком. Таким образом , мы, не упустив из виду важней ших точек зрения, окончим первую част ь наших «Очерков» д о конца ны неш-него года.

Дл я первой книжки «Отечественны х записок» 1840 года Белинский написал разбор комедии Грибоед ова, окол о того времени вышедшей вторы м изданием. Ст ат ья эт а принадл ежит к числ у самы х удачны х и бл естящих. Он а начинает ся изл ожением теории искусст ва, написанны м искл ючител ьно с отвлеченной , ученой точки зрения, хот я [в нем и ведется сил ьная борьба против меч-

тательности, и] все оно проникнут о стремлением к дей ствитель-ности и сильными нападениями на фант азерст во, презирающее дей ствительность. Вот для примера от ры вок, следующий за объяснением (совершенно еще в духе Гегел я), что «произвед е-ния поэзии суть вы сочай шая дей ствительность»:

Есть люди, которые от всей души убеждены, что поэзия есть мечта, а не дей ствительность, и что в наш век, как положительный и индюстриал ьный . поэзия невозможна. Образцовое невежество! Нелепость первой величины!

Чт о такое мечта? Призрак, форма без содержания, порождение расстроенного воображения, праздной головы, колоброд ствующего сердца1 И такая мечтательность нашла поэтов в Ламартинах и свои поэтические произведений в идеально-чувствительных романах, вроде «Аббаддонны »; но раэве Лам ар-тин поэт, а не мечта, — и раэве «Аббаддонна» поэтическое произведение, а не мечта? И что за жал кая, что за устарел ая мысль о пол ожител ьности и индюстриал ьности нашего века, будто бы враждебных искусству? Раэве не в нашем веке явились Бай рон, Вальтер Скотт, Купер, Томас Мур, Уордсворт , Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Гей не, Беранже, Эленшлегер, Тегнер и другие? Раэве не в нашем веке дей ствовали Шил л ер и Гете? Разве не наш век оценил и понял создания классического искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Иидюстриал ьность есть только одна сторона многостороннегол X IX века, и она не помешала ни дой ти поэзии до своего высочай -шего развития в лице поименованных нами поэтов, ни музыке в лице ее Шекспира — Бетховена, ни фил ософии в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, наш век враг мечты и мечтательности, но потому- то он и великий век! Мечтательность в X IX веке так же смешна, пошла и приторна, как и сантиментальность, Дей ствител ьность — вот пароль и лозунг нашего века, дей ствительность во всем — и d верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни. Могучий , мужественный век, он не терпит ничего л ожного, поддельного, слабого, распл ывающегося, но любит одно мощное, крепкое, существенное. Он смело и бестрепетно выслушал безотрадные песни Бай рона и, вместе с их мрачным певцом, лучше решил отречься от всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлого века. Он выдержал рассудочный критицизм Канта, рассудочное положение Фихт е; он перестрадал с Шил л ером все болезни внутреннего, субъективного духа, поры вающегося к дей ствительности путем отрицания.

И зато в Шеллинге он увидел зарю бесконечной дей ствительности, которая а учении Гегеля осияла мир роскошным и великолепным днем и которая еще прежде обоих великих мыслителей , непонятая, явилась непосредственно в созданиях Гете... («Отечественные записки», т. V III, Критика, стр. 11— 12-)

Хот я и говорит ся в этой статье пост оянно, что поэзия нашего времени есть «поэзия дей ствительности, поэзия жизни», но глав-239

ною задачею новей шего искусст ва поставл яется, однако же, задача, совершенно отвл еченная от жиэни: «примирение романт и-ческого с кл ассическим», пот ому что и вообще наш век есть «век примирения» во всех сферах. Сам ая дей ствительность понимается еще од ност оронним образом : она обнимает собою тол ько духовную жизнь человека, между тем как вся мат ериал ьная ст орона жизни признает ся «п ризрачною»: «чел овек ест, пьет, одевает ся — это мир призраков, потому что в этом нискол ько не участвует дух его»; человек «чувствует, мыслит, сознает себя органом, сосуд ом духа, конечною част ью общего и бесконечного — это мир дей ствительности» — все эт о чистый гегелизм.

Н о в объ яснении теории над обно дать применение ее к п роиз-ведениям искусст ва. Белинский вы бирает образц ам и истинно поэт ического эпоса повести Гогол я и потом под робно разбирает «Рев изора», как лучший образец художест венного произведения в драматической форме. Эт от разбор занимает бол ьшую пол овину статьи — окол о 30 ст раниц. Вид но, что Бел инскому нетер-пел иво хотел ось поговорит ь о Гогол е, и это одно уже сл ужит

достат очны м свидетел ьством за направл ение, еще тогда преобл а-давшее в нем. Разбор этот написан превосход но, и т рудно най ти что- нибудь л учше его в

своем роде. Н о комедия Гогол я, кот орая так непреодол имо вы зы вает живы е мысли, рассмат ривает ся ис-кл ючител ьно в художественном отношении. Белинский объ яс-няет, как одна сцена вытекает из другой , почему кажд ая из них необходима на своем месте, показы вает, что характ еры дей ствую-щих лиц вы держаны , верны самим -себе, вполне обрисованы самим дей ствием без всяких нат яжек со ст ороны Гогол я, что комедия пол на живого д рамат изма, и т. д. Объ яснив примером «Рев изора» качест ва художест венного произведения, Белинский уже очень легко доказы вает , что «Горе от ума» не может быть названо художественны м созд анием, он обнаруживает , что сцены этой комедии част о не связаны од на с д ругою, пол ожения и характ еры дей ствующих лиц не вы держаны , и т. д. – сл овом, критика опять ограничивает ся искл ючител ьно художественного точкою зрения. Н а то, какое значение для жизни имеет «Ревизор» и имело «Горе от ума», не обращ ено почти никакого внимания.

Во второй книге «От ечественны х записок» того же года п о-мещен разбор сочинений Марл инского, наделавший в свое время чрезвы чай но много шума. Он написан т акже искл ючител ьно с художественной точки зрения.

Т очно так же почти искл ючител ьно с художественной точки зрения рассмат ривает ся и «Герой нашего времени» Лермонт ова (в книжках 7 и 8-й 1840 г од а). Белинский замечает, что Печорин порожд ен от ношениями, в кот оры х совершает ся развит ие его характ ера, что он дитя нашего общест ва; но этим сказанны м вскол ьзь замечанием и ограничивает ся он, не вдаваясь в объ яс-нение вопроса о том, почему именно такой , а не другой тип людей

производит ся нашею дей ствительностью. Он говорит тол ько с общей исторической точки зрения, равно прилагающей ся ко всякому европей скому обществу, о том, что Печорины принадл ежат периоду рефл ексии, периоду внутреннего распадения человека, когда гармония, вл агаемая в человека природ ою, уже разрушена сознанием, но сознание не достигл о еще полной власти над жизнью, чтобы дать ей новое, разумное единство, новую, вы сшую гармонию. Белинский прекрасно понимает характ ер Печорина, но тол ько с отвлеченной точки зрения, как характ ер европей ца вообще, дошедшего до известной поры духовного развит ия, и не оты -скивает в нем особенностей , принадл ежащих ему, как члену нашего, русского общества. Вот важней шее из того, что говорит он о Печорине, – выписав то место из дневника Печорина, в кот ором он размы шл яет о прелести обл адания мол одою душою, о том, какое развл ечение дл я его скуки и какую от раду для его гордост и доставл яют отношения к княжне Мери, о том, чго нужно же иметь занятие для сил, требующих деятельности, Белинский восклицает:

Какой страшный человек этот Печорин! Потому, что его беспокой ный дух требует движения, деятельность ищет пищи, сердце жаждет интересов жизни, потому должна страдать бедная девушка! «Эгоист, элодей , изверг, безнравственный человек!..» – хором закричат, может быть, строгие моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то из чего хлопочете? За что сердитесь? Право, нам кажется, вы пришли не в свое место, сели за стол, за которым вам не поставлено прибора... Не подходите слишком близко к этому человеку, не нападай те на него с такою запальчивою храбростью: он на вас взглянет, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенных лицах ваших все прочтут суд ваш. Вы предаете его анафеме не эа пороки – в вас их больше, и в вас они чернее и позорнее – но за ту смел ую свободу, эа ту желчную откровенность, с которою он говорит о них. Вы позволяете человеку делать все, что ему угодно, быть всем, чем он хочет, вы охотно прощаете ему и безумие, и низость, и разврат, но, как пошлину за право торговли, требуете от него морал ьных сентенций о том, как должен человек думать и дей ствовать, и как он в самом- то деле и не думает и не дей ствует... И зато ваше инквизиторское ауто-да- фе готово для всякого, кто имеет благородную привычку смотреть дей ствительности прямо в глаза, не опуская своих глаз, называть вещи настоящими их именами и показывать другим себя не в бальном костюме, не в мундире, а а халате, в своей комнате, в уединенной беседе с самим собою, в домашнем расчете с своею совестью. И вы правы, - покажитесь перед людьми хоть раз в своем позорном неглиже, в своих засаленных ночных колпаках, в своих оборванных халатах, люди с отвращением отвернутся от вас, и общество извергнет вас из себя. Но этому человеку нечего бояться: в нем есть тай ное сознание, что он не то, чем самому себе кажется, и что он есть только в настоящую минуту. Да, в этом человеке есть сила ду*а н могущество воли, которых в вас нет; в самых пороках его проблескивает что- то великое, как молния о черных тучах, и он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него. Ему другое назначение, другой путь, чем вам. Его страсти – бури, очищающие сферу

духа: его заблуждения, как ни страшны они, острые болезни в молодом теле, укрепляющие его на долгую и здоровую жизнь. Эт о лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизм и геморрой , которыми вы, бедные, так бесплодно страдаете. Пусть он клевещет на вечные законы разума, поставляя высшее счастье в насыщенной гордости; пусть он клевещет на человеческую 16 Н. Г. Черны шевский , т. 1 1 1 241

природу, видя в неб один эгоизм; пусть к л е в е щ е т на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитие и смешивая юность с возмужал остью,– пусть!.. Настанет торжественная минута, и противоречие разрешится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются в один гармонический аккорд («Отечественны е] вап!искн»], т. XI, Критика, стр. 9– 10).

Д осказав сод ержание ром ана, он прибавл яет :

Бол ьшая часть читателей , наверное, воскликнет: «Хорош же герой !» –

А чем же он дурен? – смеем вас спросить.

Зачем же так неблагосклонно Вы отзываетесь о нем?

За то ль, что мы неугомонно Хлопочем, судим обо всем,

Что пылких дум неосторожность Себял юбивую ничтожность Ил ь оскорбл яет, иль смешит,

Что ум, л юбя простор, теснит,

Что слишком часто разговоры Принять мы рады за дела.

Что глупость ветрена и зла,

Что важным людям важны вздоры,

И что посредственность одна Нам по плечу и не странна?

Вы говорите против него, что в нем нет веры. Прекрасно! но ведь зто то же самое, что обвинять нищего за то, что у него нет золота: он бы и рад иметь, да не дается оно ему. И, притом, разве Печорин рад своему безверию? разве он гордится им? разве он не страдал от него? разве он не готов ценою жизни и счастия купить эту веру, для которой еще не настал час его?.. Вы говорите, что он эгоист? – Но разве он не презирает и не ненавидит себя за вто? разве сердце его не жаждет любви чистой и бескорыстной ? Нет, это не эгоизм: эгоизм не страдает, не обвиняет себя, но доволен собою, рад себе. Эгоизм не знает мучения: страдание есть удел одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлит ее страдание и оросит благодатный дождь, – и она произрастит из себя пышные, роскошные цветы небесной любви... Этому человеку стало больно н грустно, что его все не любят, – и кто же эти «все»? – пустые, ничтожные люди, которые не могут простить ему его превосходства над ними. А его готовность задушить в себе ложный стыд, голос светской чести и оскорбленного самол юбия, ког да он за признание в клевете готов был простить Грушницкому, человеку, сей час только выстрелившему в него пулею и бесстыдно ожидающему от него холостого выстрела? А его слезы и рыдания в пустынной степи, у тела издохшего коня? – нет, все это не эгоизм! Но его – скажете вы – холодная расчетливость, систематическая рассчитанность, с которою он обольщает бедную девушку, не любя ее, и только для того, чтобы посмеяться над нею и чем - нибудь занять свою праздность! – Так; но мы и не думаем оправдывать его в таких поступках, ни выставлять его образцом н высоким идеалом чистей шей нравственности: мы только хотим сказать, что в человеке должно видеть человека и что идеалы нравственности существуют в одних классических трагедиях и морально-сантиментальных романах прошлого века. Судя о человеке. должно брать в рассмотрение обстоятельства его развития и сферу жизни, в которую он поставлен судьбою. В идеях Печорина много ложного, в ощущениях его есть искажение; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многих отношениях, дурное настоящее обещает прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрым движением парохода, видите в нем великое торжество духа над природою? – и хотите потом отрицать в нем вся-242

кое достоинство, когда оь сокрушает, как верно жернов, неост орожны !, попавших

под его колеса: не значит лн это противоречить самим себе? опасность от парохода есть результат его чрезмерной быстроты; следовательно, порок его выходит на его достоинства («Отечественные записки», т. XI, Критика, стр. 33– 34).

Точк а зрения все еще сл ишком отвл еченна; она впол не при-л агается к русской жизни, но т ол ько ровно наст ол ько же, ни-скол ько не бол ее, как и к англий ской , французской и т. д. жизни.

Н о уже одни эти места могли бы сл ужит ь достат очны м ручательством, что Белинский никогда не л юбил ост анавл иват ься на пол овине пути из боязни, что с развит ием соединены свои оп ас-ности, как соединены они со всеми вещами на свете; все - таки эти опасност и, по его мнению, вовсе не так ст рашны , как та нравственная порча, кот орая бы вает необходимы м сл едствием непо-движност и; притом же, они с неизмеримы м избы т ком вознаг ра-жд ают ся положител ьны ми бл агами, какие дает развит ие.

Точка зрения, с которой Белинский рассмат ривал в 1840 году произведения нашей поэзии, д ол жна, как видим, назват ься отвл е-ченною. Н о мы ошибл ись бы, есл и бы вывели из эт ого закл ю-чение, что забот ы об от ношениях л итературы к общест ву не пре-обл адал и уже и тогда в Бел инском. В третьей книге «От ечест -венных записок» т ого же года он посвящает бол ьшую крит иче-скую стат ью разбору двух детских книг: с жаром он объ ясняет , каково д ол жно быть ист инное воспит ание, обл ичает резул ьтаты неразумного воспит ания, какое обы кновенно дает ся детям, и показы вает, как велики обязанност и родителей в от ношении к детям. Не над обно говорит ь, что все эт о проникнут о самы ми гуманными и пл одотворны ми для нашей жизни понят иями. Вот от ры -вок, по кот орому можно судит ь о тоне и сод ержании статьи:

Воспитание! Оно везде, куда ни посмотри, н его нет нигде, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидеть даже во всех сл оях общества, от самого высшего до самого низшего, но как редкость, как исключение нэ общего правила. Отчего же это? Д а оттого, что на свете бездна родителей , множество papas et mamans, но мало отцов н матерей . «Вот прекрасно!» – восклицаете вы: «какая же разница между родителями и отцом и матерью?» – Как какая? – взгляните летом на мух: какая бездна родителей , но где же отцы и матери? Грибоедов давно уже сказал :

Чтоб иметь детей ,

Кому ума недоставало!

Право рождения – священное право на священное имя отца н матери – против этого никто н не спорит; но не этим еще все оканчивается: тут человек еще не выше животного; есть высшее право – родительской любви. «Да какой же отец или какая мать не любит своих детей !» – говорите вы. Так; но позвольте вас спросить, чтб вы называете л юбовью? – как вы понимаете любовь? – Ведь н овца любит своего ягненка: она кормит его своим молоком и облизывает язы ком; но как скоро он меняет ее молоко на злак полей – их родственные отношения оканчиваются. Ведь и г- жа Прост акова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекам старую Еремеевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушал о; она любила его так, что если бы он вздумал ее бить по щекам, она стала бы горько плакать,

16* 243

что милое, ненаглядное детище тол ько обколотит об нее свои ручонки. Итак, разве чувство овцы, кот орая кормит своим молоком ягненка, чувство г- жи Простановок, кот орая, быв н овцою и коровою, готова еще сделаться и лошадкой , чтобы возить в колясочке свое двадцатилетнее дитя, – разве все ато не л юбовь?– Да, любовь, но какая?– любовь чувственная, животная, кот орая в овце, как в животном, отл ичающемся и животною фигурою, имеет свою истинную, прекрасную и восхищающую ст орону, но кот орая в г-же Про-стаковой , как в животном, отличающемся человеческою фигурою, вместо овечьей , – бессмысленна, безобразна и отвратительна. Далее: ведь и Павел Афанасьевич Фамусов любил свою дочь, Софью Павл овну: посмотрите, как он хлопочет, чтобы повыгоднее сбыть ее с рук, подороже продать... Про-д ат ь?– какое ужасное слово!.. отец продает свою дочь, торгует ею, конечно, не по мелочи, но один раз навсегда, и не больше, как для одного человека, который будет называться ее мужем!.. Но ведь это он делает не для себя, а для ее же счастия? – скажут многие. Прекрасно! Но после этого и

разбой ник, который для приданого дочери зарежет перед ее свадьбою нескольких человек, будет прав, потому что сделает это из любви к дочери?

Посл е этого и иная матушка, кот орая, не желая видеть в нищете свою нежно любимую дочь, научит или принудит ее сделать выгодный промысел из своей красоты , – тоже будет права, потому что поступит так из любви к дочери?..

И разве этого не бывает в самом деле? Разве старый подьячий , закореневший в лихоимстве и казнокрадстве, не поставлял первым и священным долгом своего родительского звания передать свое подлое ремесло нежно любимому сынку? Мы опять соглашаемся, что источник всего этого любовь, но какая,– вот вопрос. («Отечественные записки», т. IX, Критика, стр. 4–5.)

Вся стат ья о детских книгах имеет самое живое отношение к нашей дей ствительности. И таких статей най дется у Бел инского очень много уже и в то время.

Нет надобност и говорит ь, что и взгл яд Бел инского в 1840 году на произведения бел л етристики и поэзии мы назы ваем отвл е-ченным тол ько по сравнению с тем, что дано бы л о нам его посл е-дующим развит ием. Есл и же сравним его тогдашние статьи с предшест вовавшею ему крит икою, то най дем, что дл я того времени никто еще не проникал ся элементами нашей дей ствитель-ност и так гл убоко и живо, как и в т о время была уже проникнута ими крит ика Бел инского. Есл и он еще не ост анавл ивал ся искл ю-чительно на факт ах, свой ственных именно нашему, а не какому -нибудь другому бы ту, то пост оянно он касал ся их и на каждой ст ранице зат рогивал частны е вопросы нашей жизни. Доказат ел ь-ства тому пост оянно вст речают ся д аже в сдел анны х нами вы писках, кот оры е привод ят ся у нас в пример отвл еченности. Укажем, для примера, и на то, что, жел ая показат ь подробны м разбором качест ва художест венного произведения, Белинский вы бирает не Драму Шексп ира, как сдел ал бы всякий другой на его месте, а комедию русског о писател я. И з эт ого од ного уже ясно бы ло бы, что явл ения нашей жизни занимают его более, нежели что бы то ни бы л о другое. Н о – и это гл авное – не будем сами судить

отвлеченным образом , а сообрази м пол ожение нашей л итературы и публ ики в т о время, когда Белинский начал писать в «От ечест -венных записках»: мы дол жны будем признат ься, что вопросы , кот оры е дл я наст оящего времени предст авл яют ся отвлеченными, 244

тогда были дей ствительными н живыми, как и теперь для русской публики самый живой и важный интерес имеют еще вопросы , которы е в других ст ранах давно уже счит ают ся или отвлеченными, или мелкими, например, хот я бы литературные вопросы , за которы ми все мы следим с таким живым интересом, и которы е у других народ ов не имеют силы возбуждат ь такого напряженного участия. В каждой стране, у каждого времени свои интересы. Мы , например, радуемся, и справедл иво радуемся, тому, что наши молодые люди, избирающие ученое поприще, снова начинают посещать Европу для довершения своего образования – явление, напоминающее времена Пет ра Вел икого; а французам, англичанам ровно нет никакого дела до того, ездят ли за границу их молодые ученые или не ездят. Правд а, у них числ о таких путешественников во сто раз бол ьше, нежели у нас, – и, однако же, это нискол ько не обращает на себя их внимания. Мы , например, восхищаемся и поучаемся «Горем от ума», «Ревизором », «Мертвы ми душами», как произведениями, в которы х очень полно и верно от разил ась наша жизнь; а французы , англичане, немцы о произведениях своей л итературы , ь которы х жизнь общества была бы воспроизведена в тех границах, как в «Ревизоре» и «Мертвы х душах», сказал и бы, что они от ражают жизнь очень неполно и от ры вочно, – они сказал и бы даже, что эти произведения очень отвлеченные от жизни: ведь находят же немцы, что «Коварст во и л юбовь» Шил л ера произведение д о-вольно отвлеченное, а в нем немецкая жизнь изображена полнее,

нежели русская у Гогол я и Грибоед ова *. О французах и англичанах мы уже не говорим. Дл я них поэтические произведения имеют ныне вообще меньше живого значения, нежели для немцев.

Пот ребност ь стать по своим понятиям в уровень с образованною Европою и теперь у нас составл яет один из важней ших вопросов жизни. Тем живее была она пятнадцать лет тому назад.

Ны не роман Диккенса или Теккерея далеко не возбуждает того интереса у нас, какой бы возбужд ал пятнадцать лет тому назад.

Ны не, вероятно, никто не в сост оянии был бы осилить «Витто -рию Аккором бону» Тика, — а пятнадцать лет тому назад и этот роман казал ся живым и интересным чтением. Переворот этот произведен Гогол ем, Бел инским и писателями, образовавшимися под их влиянием. Н о само собою разумеет ся, что начал о не бы -вает подобно концу, и Белинский дол жен был необходимо начать с того, чтобы знакомить нашу публ ику и л итературу с современными понятиями об искусстве; дол жен был начать с того, чтобы толковать, что такое «художественное произведение», в чем состоят истинные достоинства романа, драмы и т. д., и т. д., — ведь * Читатели видят, конечно, что мы говорим единственно о полноте, а не о художественных совершенствах воспроизведения жизни. Быть может, по форме «Ревизор» живее, нежели «Коварство и любовь»: об этом каждый может думать, как ему угодно.

245

в to время» как он начал писать в «Отечественны х записках», публ ика еще и не сл ы хивал а об этих вещах. «Тел ескоп» читался мало: и, притом, в нем все еще было спут ано в самом поэтическом беспорядке: современны е понят ия с отсталыми, восторженны е похвал ы Гогол ю со статьями г. А. Хид жеу о мал ороссий ском фил ософе Сковород е. «Московског о набл юдател я» не читал почти никто, по сл овам самого Бел инского. Дл я ист ории л итературы

эти журнал ы явл яют ся предшественниками «Отечественны х записок»; но дл я публики «Отечественны е записки» были первым журнал ом, заговорившим о вещах, до того времени неслыханных: о прекрасном, об идее, о разл ичии разумного и непосредственного сущест вования, о дей ствительности в поэзии, и т. д., и т. д. Белинский по необходимости дол жен был начать дело с самого начал а — с потопа и раздел ения язы к, с объяснения того, что на-зы вается л ит ерат урою, что такое назы вается поэтом, с под роб-ных рассуждений о том, чем л итературное произведение отличается от нелепой сказки или взд орного пустосл овия: все это нам нужно еще бы ло узнат ь, все это возбужд ал о сомнения и недоумения, все приводил о одних читателей в вост орг, других в гнев; эти рассужд ения, кажущиеся ныне отвлеченными, были в то время самою живою, насущною пот ребност ью публики. Н о да не возгорд имся мы своими успехами: гордост ь пагубный грех; подумаем лучше о том, какими вопросами до сих пор мы сами интересуемся, будто важней шими и живей шими: ведь книжка журнал а составл яет для самы х живы х из нас самое живое явление — да и то хорош о, потому что дл я многих из нас чуть ли не интересней шая в газетах статья — номенкл атура новых кол -л ежских и надворны х совет ников — да и то хорошо: все- таки привы кают к печатной грамоте, все - таки убежд ают ся, что типографский ст анок хотя для чего- нибудь нужен.

Белинский дол жен был начат ь свое дело с самого начал а, как начинал свое дело Лом оносов — с рассуждений о том, что назы -вается стихотворны м размером и каков дол жен быть стихотворный разм ер; он дол жен был прежде всего объяснить нам, что такое л итература, что такое крит ика, что такое журнал , что такое поэзия, и т. д. — Сп ору нет, что азбука — вещь отвлеченная: живого смысл а еще нет в ее буквах; но для того, кто еще не

знает их, настоятельней шая пот ребност ь состоит в их изучении, и оно составл яет самый живой и дей ствительный вопрос его жизни. Так, для нашей публики был о чрезвычай но хорошо то, что Белинский начал свои критические разборы в &Отечествен-ных записках» не прямо с пол ного погружения в нашу дей стви-тельность, а с общих рассуждений , которы е по сравнению с ха-ракт ером его посл едующих статей могут назват ься отвлеченными, но могут назват ься таким именем т акже тол ько по отвлеченному понят ию о качест вах критики вообще, а не по соображению дей -ствительных обстоятел ьств, которы е, напрот ив, придавал и им 246

самое живое значение. Ст оит т ол ько припомнит ь, какое сил ьное н живое дей ствие производил и они на публ ику и л ит ерат уру, и мы убедимся, чт о именно то бы л о нужно, чт о делал он.

Д а и дл я самой крит ики Бел инского нужно бы л о, чтобы она довол ьно дол го сосред от очивал а свое внимание на теорет ических вопросах: именно тем, что

непокол ебимо утвердил ась в общечел о-веческих понят иях, она приобрел а сил у проницател ьно и верно смот рет ь на явл ения нашей дей ствительности. В одной из посл ед-них своих статей Белинский отвечает на вопрос, возбужденны й искл ючител ьны ми покл онниками нашей народной поэзии: не л учше ли бы л о бы дл я нашей л ит ерат уры , если б она начал ась прямо в духе народ ност и, а не бы л а сначал а прост ы м от ражением западной европей ской поэзии? Н е л учше ли бы л о бы, есл и б Лом оносов, вместо т ого, чтоб изучат ь оды Гюнт ера, изучал наши народны е песни? – Иэ этого не произошл о бы ровно никаких последствий , не т ол ько пол езны х, но и ровно никаких. В том именно и сост оит засл уга Лом он осов а, что он познакомил нас с л ит ерат урою; а если б он вздумал писат ь в духе народ ны х песен (кром е т ого, что эт о бы л о дл я него чист ою невозм ожност ью), он

не дал бы нам ровно ничего нового и инт ересного, и его произведения ост ал ись бы так же чужды ист орическому развит ию нашей л итературы , как песни сибирских казаков о битвах с сил ами богдой скими (богд ы ханскими), сочиненны е в духе песен о Вл а-димире: они ровно ничего к ним не прибавил и и ни на шаг не подвинули нашего развит ия. Тол ько потому и мог впосл едствии Лермонт ов написат ь песню о купце Кал ашникове, что Лом оносов писал оды в роде Гюнт ера, К арам зин повест и в род е Мармон -теля, Пушкин поэмы в род е Бай рона. Конец именно пот ому и конец, что он не похож на начал о, – стал о быть, начал о д ол жно же от л ичат ься от конца, – иначе не бы л о бы нн целей , ни ст ремлений , ни ист ории *.

* «Но каким же чудом – спросят мае – внешнее, абстрактное заимствование чужого и искусственное перенесение его на родную почву, – каким чудом могло породить оно живой , органический плод? – В ответ на это скажем: решение этого вопроса, без сомнения, интересно; но нам нет дела до него; для нас довольно сказать, что так, именно так было, что это ист ори-ческий факт, достоверности которого не может и подумать опровергать тот, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтоб слышать. Писатели, в которых выразилось прогрессивное движение через освобождение литературы русской от л омоносовского влияния, нисколько не думали об этом; это делалось у них бессознательно; за них работал дух времени, которого они были органами. Они вы соко уважали Ломоносова, как поэта, благоговели перед его гением, старались подражать ему – и все- таки больше и больше отходили от него. Разительным пример этого – Державин. Но в том- то и состоит жизненность европей ского начала, привитого к нашей народности Петром Великим, что оно не коснеет в мертвой стоячести, но движется, идет вперед, развивается. Есл и бы Ломоносов не вздумал писать од по образцу современных ему немецких поэтоа и французского лирика Жан- Батиста Руссо, не вздумал писать своей «Петриады» по образцу внргилиеаой «Энеиды », где, вместе с

В критике Бел инского как бы повт орил ась вся ист ория русской л итерат уры . Полевой , Над ежд ин были представител ями каждый тол ько од ного фази са развит ия. К рит ика Бел инского прошл а, как мы видим, нескол ько фазисов, и, начав с отвлеченных понятий , доведенны х д о край ности вследствие споров с д рузьями г. Ог арева, она достигл а совершенной пол ожител ьно-сти. Есл и сравнит ь ст ат ью об «Очерках Бород инского сражения», напечат анную Бел инским в последней книжке «От ечест венных записок» 1839 года, с стат ьею о «Вы бранны х местах из переписки с д рузьям и», напечат анною во 2-й книжке «Современника» за 1847 год, нас удивит безмерное расст ояние, отдел яющее первую от последней ; мы не най дем между ними ничего общего, кроме т ого, что обе написаны с жаром задушевного убеждения, и написаны чел овеком очень даровит ы м; но дух и все содержание одной совершенно прот ивопол ожны духу другой , как «Песня о Кал ашникове» составл яет совершенную прот ивопол ожност ь «Од е на взят ие Хот и н а»; но как между Лом оносовы м и Лермонт овы м най дется связь, если мы будем изучат ь писателей , бы вших им посредниками: нет нигде переры ва или пробел а, всякий новый шаг вперед основы вает ся на преды дущем, так и крит ика Бел инского развивал ась совершенно посл едовател ьно и постепенно: ст ат ья об «Очерках Бород инског о сражения» прот ивопол ожна статье о «Вы бранны х мест ах», пот ому что они сост авл яют две край ние точки пути, прой денного крит икою Бел инского; но если мы будем перечиты вать его статьи в хронол огическом порядке, мы нигде не заметим крут ого перел ома или переры ва: кажд ая туна, засадив его с тритонами и наядами на дно прохладного Белого моря; если бы, говорим мы, вместо всех этих книжных, школярных несообразно-

стей , он обратил ся бы к источникам нашей народной поэзии – к «Сл ову о полку Игоревом», к русским сказкам (известным теперь по сборнику Кирши Данил ова), к

народным песням, и, вдохновленный , проникнутый ими, на их чисто народном основании, решил ся бы построить здание новой русской литературы : чтб бы тогда вышло? – Вопрос, повидимому, важный , но в сущности препустой , похожий на вопросы вроде следующих: что было бы, если "бы Петр Великий родил ся во Франц ии, а Напол еон – в России, или что было бы, если бы за зимою следовала не весна, а прямо лето? и т. п. Мы можем знать, что было и что есть, но как нам знать чего не было, или чего нет? Разумеется, и в сфере истории все мелкое, ничтожное, случай ное могло б быть и не так, как было: но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется, в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям проявления. Петр Великий мог построить Петербург, пожалуй , там, где теперь Шл иссел ь-бург, или, по край ней мере, хоть немного выше, т. е. дальше от моря, чем теперь; мог сделать новою столицею Ревель или Ригу: во всем этом играла большую роль случай ность, разные обстоятельства; но сущность дела была не о том, а в необходимости новой столицы ка берегу моря, которая дала бы нам средство легко и удобно сноситься с Европою. В этой мысли уже не было ничего случай ного, ничего такого, чтб могло бы равно быть и не быть, или быть иначе, нежели как было. Но для тех, для кого не существует разумной необходимости великих исторических событий , мы, пожалуй , го-248

посл едующая статья очень тесно примыкает к предыдущей , и прогресс совершается, при всей своей огромности, постепенно и совершенно логически *•

Годичные обзоры русской л итературы, которы е пост оянно делал Белинский , могут сл ужить для нас соединительными звеньями между первыми статьями и статьями, вы разившими зрел ы е и окончательные его убеждения.

Обозрение за 1840 год («Отечественные] зап[иски]»,

1841 г., № 1) начинается размы шлением о чрезвычай ной бедности нашей л итературы – мысль, кот орою внушена была первая из больших статей Бел инского – «Лит ерат урны е мечтания», напечатанная в «Мол ве». Н о сознание этой бедности уже не вселяет в Бел инского безнадежности: сознание недостатка есть уже залог его исправл ения. Белинский вспоминает о том, как «лет шесть тому назад» было вы сказано сомнение в существовании русской литературы, и, кратко пересказав содержание своих «Литературны х мечтаний » (чт о и было нужно, потому что статья товы признать важность вопроса: что было бы, если б Ломоносов основал новую русскую литературу на народном начале? – я ответим им, что из этого ровно ничего не вышло бы. Однообразны е формы нашей народной поэзии были достаточны для выражения ограниченного содержания племенной , естественной , непосредственной , полупатриархальной жизни старой Руси; но новое содержание не шло к ним', не улегалось в них; для него необходимы были н новые формы. Тогда спасение наше зависело не от народности, а от европеизма; ради нашего спасения тогда необходимо было не задушить, не истребить (дело или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, так сказать, задержать на время ее ход и развитие, чтобы привить к ее почве новые элементы. Пока эти элементы относились к нашим родным, как масло к воде, у нас, естественно, все было реторикою: и нравы и – их выражение – литература. Но тут было живое начало органического сращения, через процесс усвоения, и потому литература от абстрактного начала мертвой подражател ьноел двигалась все к живому началу самобытности». (Современник]», 1847, № 1, стр. 7–9.)

* «Чужое, извне взятое содержание никогда не может заменить, ни в литературе, ни в жизни, отсутствия своего собственного, национального содержания; но оно может переродиться в него со временем, как пища, извне

в нем силу, здоровье н жизнь. Не будем распространяться, каким образом это сделалось с Россиею, созданною Петром, и русскою литературою, созданною Ломоносовым; но что это дей ствительно сделалось и делается с ними – это исторический факт, истина фактически очевидная. Сравните басни Крылова, комедию Грибоедова, произведения Пушкина, Лермонтова и, в особенности, Гоголя,–сравните их с произведениями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общего, никакой связи. Между писателями, которых мы поименовали выше, и между Ломоносовым и его школою дей ствительно нет ничего общего, никакой связи, если сравнить их, как две край ности; но между ними сей час же явится перед вами живая кровная связь, как скоро вы будете изучать в хронологическом порядке всех русски? писателей от Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движение русской литературы заключалось в стремлении, хотя и бессознательном,

освободиться от влияния Ломоносова и сблизиться с жизнью, с дей ствительностью, следовательно, сделаться самобытною, национальною, русскою». («Соврем[енннк]», 1847, № 1, Критика, стр. 3–4.)

249

оставал ась мало известна, а в ист ории развит ия понятий о лите-рат уре была очень важны м факт ом), останавл ивается на объ яс-нении того, чт о назы вается л ит ерат урою, и доходит до закл юче-ния, что у нас есть тол ько начал о л итературы. Дл я сущест вова-ния л итературы необходима публ ика. Он опять объясняет , чт& такое публ ика: это масса людей развит ы х, сил ьно сочувствующих литературе, кот орая вы ражает их твердые убеждения. У нас нет еще и такой публики, но. есть уже начал о ее в немногочисл ен-ных образованны х л юдях, кот оры е рассеяны по России; теперь они еще засл оняют ся массою людей неразвиты х, но скоро их гол ос приобретет уважение в толпе, числ о их увеличится. Далее он объясняет , что такое крит ика и почему критика «Отечественных] записок» возбуждает недоумение других журнал ов, кото-

рые, впрочем, мал о похожи на журнал ы . Развит ие этих элементарны х понятий занимает почти всю статью; в конце ее не более пяти страниц уделены перечисл ению замечательных произведений прошедшего года.

В следующем годичном обзоре (1841 года, «Отечественные] зал [иски]», 1842, № 1) две трети ст раниц посвящены обширному очерку ист ории русской л итературы от Кантемира до Гогол я.

Очерк этот имеет форму разг овора г. А. и г. Б.; г. А., вы ражаю-щий мнения авт ора, говорит много нового сравнител ьно с «Лит е-ратурны ми мечтаниями». Белинский уже видит внутреннюю ист орическую посл едовател ьность в явлениях нашей л итературы; но все- таки содержание очерка имеет очень тесное родст во с «Ли-тературны ми мечтаниями», и общ ая тема вы ражает ся эпиграфом, взяты м из Пушкина:

Сокровища редкого слоьа,

(Замет ят важные умы)

Дл я лепетания чужого,

Пренебрегли безумно мы,

Мы любим муз чужих игрушки,

Чужих наречий погремушки,

А ие читаем книг своих.

– Д а где ж они? Давай те их/ 133

С обзором предыдущего года очерк этот имеет еще более бл изости, так что может назват ься подробны м развитием некото-ры х ст раниц его, кот оры е крат ко исчисл ял и прежних наших писателей , и закл ючение очерка совершенно могло бы быть закл ю-чением и прошлогодней статьи:

Вы говорите, что я нашел в нашей литературе даже внутреннюю историческую последовательность: правда, но все это еще не составляет литера* туры в полном смысле слова. Литература есть народное сознание, выра-

жение внутренних, духовных интересов общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Несколько человек еще не составляет общества, а несколько идей , приобретенных знакомством с Европою, еще менее может назваться национальным сознанием. Наша публика без литературы; потому что в год пять- шесть хороших сочинении на несколько сотен дурны х– еще не лнте-250

ратура; наша литература беэ публики, потому что наша публика что - то загадочное: один читал Пушкина, другой о восторге от г. Бенедиктова, а третий был без ума от мистерий г. Тимофеева; один понимает Гогол я, другой еще в полном удовольствии от Марл ннского, а третий не знает ничего лучше романов гг. Зот ова

и Воскресенского... Театральные судьи равно хл о-пают и «Гамлету» и водевилям г. Коровкина и «Параше» г. Полевого... И не Думай те, чтоб это были люди разных сфер н классов общества. – нет, они все перемешаны и перетасованы, как колода карт... Исторический ход свой наша литература совершила в самой же себе; ее настоящею публикою был сам пишущий класс, и только самые великие явления в литературе находили более или менее разумный отзыв во всей массе грамотного общества... Но будем смотреть на литературу просто, как на постоянный предмет занятия публики, следовательно, как на беспрерывный ряд литературных новостей : что ж это за литература! Да занимай те вы десять должностей , утопай те в практической деятельности, а на чтение посвятите время между обедом и кофе, – и тогда не на один день останетесь вы без чтения. В журнал ах в се -переводы, а оригинального разве трн- четыре порядочные повести в год, да несколько стихотворений , да книг с полдюжины, включая сюда и ученые,– вот и все. Тогда читая в журналах статьи о процветании русской литературы, поневоле восклицаете, протяжно зевая: «Да где ж оии? – давай те их!» («Отечественные] эап[иски]», 1842 г., № 1, Крит[ика], стр. 37–38.)

Н о надежды на будущее вы сказы вают ся решительнее, нежели в прошедшем году:

В нашей грустной эпохе много утешительного. Пора детских очарований теперь миновалась без возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда в один день, зато они часто и пропадают беэ вести на следующий же день... Теперь очень трудно стало прослыть за человека с дарованием: гак много писано во всех рол ах, стол ько был о опытов н попыток, удачных и неудачных, во всех родах, что дей ствительно надо что - нибудь получить от природы, чтобы обратить на себя общее внимание... Пушкин и Гоголь дали нам такие критериумы для суждения об изящном, с которыми трудно от чего- нибудь разахаться... Хорошую сторону современной литературы составляет и обращение ее к жизни, к дей ствительности: теперь уже всякое, даже посредственное дарование силится изображать и описывать не то, что приснится ему во сне, а то, чтб есть или бывает в обществе, в дей -ствительности. Такое направление много обещает в будущем. Но современная литература теряет оттого, что у ней нет головы; даже яркие таланты поставлены в какое - то неловкое положение: ни один из них не может стать первым н по необходимости теряется в числе, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатает; Лермонтова уже нет.

Произведениям минувшего года посвящено в три или четыре раза более места, нежели в прошлый раз. Журнал ы оцениваются подробно, тон, которы м говорит ся о них, г оразд о живее, нежели прежде: тогда Белинский в общих черт ах изл агал свои понят ия о недостатках русской журнал ист ики вообще, теперь касает ся частных достоинств и недостатков каждого журнал а. О многих из вышедших в прошл ом году сочинениях говорит ся уже д о-вольно подробно.

Изл ожив в первы х двух отчетах свой общий взгл яд на русскую л итературу, в третьем (за 1842 год, «Отечественны е записки», 1843 г., № 1) Белинский под робно говорит о русской критике и почти искл ючител ьно занимает ся последним (ст ал о 251

быть, имеющим наибол ее живого инт ереса) периодом ее – ро-

мантическою крит икою. Д о какой степени понят ия его близки к тем, кот оры е вы ражал он в предыдущем году, можно убедиться, сличив с последнею из приведенных нами выписок следующее место из третьего отчета, закл ючающее в себе характе-рист ику новой л итературы сравнител ьно с л итературою романтической эпохи:

Последний период русской литературы, период прозаический , резко отличается от романтического какою- то мужестве иною* зрелостью. Если хотите, он не богат числом произведении, но зато все, что явилось в нем посредствен* кого и обыкновенного, это или не пользовалось никаким успехом, или имело только успех мгновенный ; а все то немногое, что выходило из ряда обыкновенного, ознаменовано печатью зрелой и мужественной силы, осталось навсегда и в своем торжественном, победоносном ходе, постепенно приобретая влияние, прорезывало на почве литературы и общества глубокие следы. Сближение с жизнию, с дей ствител ен остню есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы. Сл ово «идеал» только теперь получило свое истинное значение. Прежде под этим словом разумели что -то вроде не л юбо не слушай , лгать не мешай – какое- то соединение в одном предмете всевозможных добродетелей или всевозможных пороков.

Если герой романа, так уж и собой - то красавец, н на гитаре играет чудесно, и поет отлично, и стихи сочиняет, и дерется на всяком оружии, и силу имеет необыкновенную:

Когда ж о честности высокой гооорит,

Каким- то демоном внушаем —

Гл аза в крови, лицо горит,

Сам плачет, а мы все рыдаем!

Если же злодей , то не подходите бл изко: съест, непременно съест вас живого, изверг такой , какого не увидишь и на сцене Александрий ского театра, в, драмах наших доморощенных трагиков... Теперь под «идеалом» разумеют не преувеличение, не ложь, не ребяческую фантазию, а факт дей ствитель-ности, такой , как она есть, но факт, не списанный с дей ствительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего (а не исключительного, частного и случай ного) значения, возведенный в перл создания, и потому более похожий на самого себя, более верный самому себе, нежели самая рабская копия в дей ствительности верна своему оригиналу. Так на портрете, сделанном великим живописцем, человек более похож на самого себя, чем даже на свое отражение в дагерротипе, ибо великий живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри того человека и что, может быть, составляет тай ну для самого этого человека. Теперь дей ствитель-ность относится к искусству и литературе, как почва к растениям, которые она возращает на своем лоне.

Лит ерат урны м явлениям минувшего года посвящена уже пол овина статьи. О «Мерт вы х дувдах» Белинский не хочет говорить подробно, гот овясь написать о них отдел ьную статью; но то, что говорит он о них, написано с точки зрения, сил ьно напоминающей разбор «Ревизора», сделанный за три года:

Как мнение публики, так п мление журналов- о «Мертвых душах» разделились на три стороны: одни видят в этом творении произведение, которого хуже еще не писывалось ни на'одном языке человеческом; другие, наоборот, думают, что только Гомер да Шекспир являются, в своих прой зве -252

дениях, столь великими, каким явился Гоголь в «Мертвых душах»; третьи (сам Белинский) думают, что это произведение дей ствительно великое явление в русской литературе, хотя и не идущее, по своему содержанию, ни в какое сравнение с вековыми всемирно- историческими творениями древних и новых литератур Западной Европы. Кто эти — одни, другие и третьи, публика, знает, и потому мы не имеем нужды никого называть по имени. Все три мнения равно заслуживают большого внимания и равно должны подвергаться рассмотрению, ибо каждое из них явилось не случай но, а по необходимым причинам. Как в числе исступленных хвалителен «Мертвых душ» есть люди, и не подозревающие в простоте своего детского энтузиазма истинного значения, следовательно, и истинного величия этого произведения, так и в числе ожесточенных хулителей «Мертвых душ» есть люди, которые очень и очень хорошо смекают всю огромность поэтического достоинства этого творения.

Но отсюда- то и выходит их ожесточение. Некоторые сами когда- то тянулись в храм поэтического бессмертия; за новостию и детством нашей литературы, они имели свою долю успеха, даже могли радоваться и хвалиться, что имеют поклонников, — и вдруг является, неожиданно, непредвиденно, совершенно новая сфера творчества, особенный характер искусства, вследствие чего идеальные и чувствительные произведения наших поэтов вдруг оказываются ребяческою болтовнею, детскими невинными фантазиями... Согласитесь, что такое падение, без натиска критики, без недоброжелательства журналов, очень и очень горько?.. Другие подвизались на сатирическом поприще, если не с славою, то не без выгод иного рода; сатиру они считали своей монополией , смех — исключительно им принадлежащим орудием, — и вдруг остроты их не смешны, картины ни на что не похожи, у их сатиры как будто повыпали зубы, охрип голос, их уже не читают, на них не сердятся, они уже стали употребляться вместо какого- то аршина для измерения бездарности... Что тут делать? перечинить перья, начать писать на новый лад? — но ведь для этого нужен талант, а его не купишь, как пучок перьев... Как хотите, а осталось одно: не признавать талантом виновника этого крутого поворота в ходе литературы и во вкусе публики, уверять публику, что все написанное нм] — вздор, нелепость,

пошлость... Но это не помогает; время уже решило страшный вопрос – новый талант торжествует, молча, не отвечая на брани, не благодаря за хвалы.

Творение, которое возбудило столько толков и споров, разделило на ко -терии н литераторов и публику, приобрело себе и жарких поклонников и ожесточенных врагов, на долгое время сделалось предметом суждений и споров общества, – творение, которое прочтено и перечтено не только теми людьми, которые читают всякую новую книгу или всякое новое произведение, сколько- нибудь возбудившее общее внимание, но и такими лицами, у которых нет ни времени, ни охоты читать стишки и сказочки, где несчастные любовники соединяются законными узами брака, по претерпении разных бедствии, и в довольстве, почете и счастии проводят остальное время жизни,– творение, которое в числе почти 3000 экземпляров, все разошлось в какие- нибудь полгода; – такое творение не может не быть неизмеримо выше всего, что в состоянии представить современная литература, не может не произвести важного влияния на литературу. («Отечественные] зап[иски]»,

1843 г., № 1, Крит[ика], стр. 13– 15.)

Бел инского, как видим, еще занимает более всего эстетический вопрос: дей ствительно ли Гогол ь выше всех наших писателей и каковы отношения его к искусству. Главными причинами вражды отсталых писателей против Гогол я он находит литературные расчеты и, очевидно, еще полагает, что отношения Гогол я к нашей жизни не так сил ьно возбужд ают ненависть отсталых критиков, как эти расчеты. Од нако же он уже замечает, что по поводу «Мертвы х душ» не тол ько писатели, но публика раздел ил ась на 253

враждебны е партии, говорит, что «Мертвы е души» вовсе не то, что «сказочки, в кот оры х несчастные л юбовники соединяются законными узами брака».

Отвлеченный элемент кажет ся все еще силен; но прямо за мнением о «- Мертвых душах» следует (ст р. 15) отзы в о собрании стихотворений одного из наших поэтов, который прежними опытами показал способност ь писать прекрасны е антологические сти-хот ворения 134. Белинский в этом отзы ве уже прямо говорит, что без «живого, кровного сочувст вия к современному миру» нельзя быть в наше время замечательным поэтом.

Очерки ист ории русской л итературы , представленные Белинским в первых двух его годичных обозрениях, останавл ивал ись на

поэтах эпохи Пушкина. В четвертом обозрении («Русская лите-рат ура за 1843 г од »,– «Отечественны е записки», 1844 г., № 1) он дает очерк деятельности наших прозаиков, явившихся в по-сл еднюю пол овину пушкинского периода, потому четвертый отчет его явл яется как бы продол жением вт орого. Сравнивая их, можно най ти много парал лельны х мест; от третьего отчета четвертый отл ичается еще меньше по своему духу. Мы не будем представлять примеров тожест ва в направл ении т ою и другого; довол ьно того, что мы уже делали это два раза, и каждый желающий легко может к вы пискам, приведенным у нас в д оказа-тельство бл изости каждого сл едующего отчета с предыдущим, оты скать десятки подобны х мест. Н о Гогол ь занимает в четвертом обзоре более места, нежел и все общее обозрение прошедшего периода прозаической л итературы . Мнение, вы сказанное о нем Белинским в предыдущем году, сохраняет ся совершенно; но особенное развит ие пол учают прежние краткие замечания о том, что «Мертвы е души» дол жны иметь решительное влияние на л итературу и публику; сл ово «дол жны иметь», конечно, уже заменяется сл овом «имеют », и к прежним объяснениям негодования, во многих возбужд енного Гогол ем, присоединяется новое, на кот орое в прошедшем году был сделан тол ько легкий намек,– теперь же оно явл яется на первом плане. Эт а причина – живость и меткость гогол евского комизма:

Прежде сатира смело разгуливала между народом середн белого дня и даже не заботилась об инкогнито, но прямо и открыто называлась своим собственным именем, т. е. сатирою, – и никто не сердился на нее, никто даже не замечал ее гримас и кривляний . Отчего это? – оттого, что никто не узнавал себя в ней ; оттого, что она нападала на пороки общие, которых всякий имеет полное право не принять на свой счет; оттого, что она была книгою, печатною бумагою, невинным школьным упражнением по

классу реторикн... И давно ли нравоописательные, нравственно - сатирические романы, юмористические статьи и статей ки являлись стаями, как вороны на крышах

домов, каркая на проходящих во все воронье горло? – н на них никто не сердился, даже как сердятся летом на докучных мух. Сочинитель гордо называл себя сатириком, гонителем людских пороков, – я гонимые люди без боязни подходили к своему гонителю, к дряхлому, беа-эубому бульдогу, гладили его по толстой и лоснящей ся шее и охотно кор -254

чили его избытком своей трапезы. Отчего ото? – оттого, Что пороки, которые гнал сатирик, были совсем не пороки, а разве отвлеченные идеи о пороках, реторические тропы и фигуры. Это были своего рода бараны и мельницы, с которыми храбро и отважно сражал ся сатирический дон- Кихот,– так же, как добродетель, за которую он ратовал, была для него воображаемою Дульцинеею, а для * других – толстою, безобразною коровницею. Теперь нет сатиры, н только разве какой - нибудь старый сочинитель решится величаться вышедшим из моды именем «сатирика»: теперь пишутся романы и повести без всяких сатирических намерений , целен, – а, между тем, все на них сердятся. Отчего ж эт о?– оттого, что теперь и великие и малые таланты, и посредственность и бездарность – все стремятся изображать. дей ствительных, не воображаемы х людей ; но так как дей стви-тельные люди обитают на земле, и в обществе, а не на воздухе, не в облаках, где живут призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вместе с людьми изображают и общество. Общество также – нечто дей стви-тельное, а не воображаемое, и потому его сущность составляют не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятия, отношения и т. д. Человек, живущий в обществе, зависит от него н в образе мыслен и в образе его дсй ствования. Писатели нашего времени не могут не понимать этой простой , очевидной истины, и потому, изображая человека, они стремятся вникать в причины, отчего он таков или не таков, и т. д. Вследствие этого, естественно, они изображают не частные достоинства или не-

достатки, свой ственные тому или другому лицу, отдельно взятому, но явления общие. Большинство же публики именно там- то и видит личности, где их нет и быть не может. Прежние так называемые сатирики именно списывали с известных им лиц и казались в глазах всех не подлежащими упреку в личностях. И вто очень понятно: сами оригиналы не узнавали себя в снятых с них копиях, потому что сатирики не могли печатно касаться обстоятельств того или другого лица и ограничивались общими чертами пороков, слабостей и странностей , которые, будучи отвлечены от живой личности, превращались в образы без лиц, Притом же, эти сатирики смотрели на пороки и слабости людей , как на что- то принадлежащее тому или другому индивидуальному лицу, как на что- то произвольное, что это лицо могло иметь и не иметь по своей воле и что приобрести или от чего избавиться оно легко могло по прочтении убедительной сатиры, где ясно, по пальцам, указана выгода и сладость добродетели и опасные, пагубные следствия порока. Вот почему эти добрые сатирики брал и человека, не обращая внимания на его воспитание, на его отношения к обществу, и тормошили на досуге это созданное их воображением чучело. В основание своего сатирического донкихотства они положили общественную нравственность, добродушно не подозревая того, что их сатиры, опирающиеся на общественность, ужасно противоречили этой нравственности. Так, например, в числе первых добродетелей они полагали безусловное повиновение родительской власти и в то же время толковали юношеству, что брак по расчету – дело безнравственное, что низкопоклонство, лесть из выгод, взяточничество и казнокрадство – тоже дела безнравственные. Очень хорошо; но что же иному юноше делать, если он с малолетства, почти с материнским молоком всосал в себя мистическое благоговение к доходным должностям, теплым местам, к значительности в обществе, к богатству, к хорошей партии, блестящей карьере; если его младенческий слух был оглашен не словами любви, чести, самоотвержения, истины, а словами: взял , получил, приобрел , надул , и т. п.? Положим, что такому

что в нем пробудил ась л юбовь к достой ной , но бедной , простого звания девушке,– любовь, запрещающая ему соединиться с противною ему богатою дурою, на которой , по расчетам, приказывают ему жениться; положим, что в юноше пробудилось человеческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту или чиновному негодяю; положим, что в нем пробудилась совесть, запрещающая употреблять во зло вверенные ему высшею властию весы правосудия и расхищать вверенные его бескорыстию общественные 255

суммы: что ему тут делать? Сатирик не затруднятся от такого вопроса в, не задумавшись, ответит: «жениться на предмете любви своей , служить честно и верно отечеству...» Прекрасно; но где же повиновение родительской власти, где уважение к родительскому благословению, на веки нерушимому, где страх тяжкого отцовского проклятия?.. И потом, где уважение к общественному мнению, к общественной

нравственности? Ведь общество не спрашивает вас, по любви или не по любви женились вы, а спрашивает, сколько вы взяли за женою и приличная ли она вам партия; общество не спрашивает вас, каким образом сделались вы богачом, когда ему известно, что ваш батюшка не оставил вам ни копей ки, а за супругою вы взяли не бог знает что, или и вовсе ничего не взяли: общество знает только, что вы богач, и потому считает вас очень хорошим — «благонамеренным» человеком... Послушай ся наш юноша сатирика, что бы вышло? — отец его бросил бы, жал уясь на неповиновение и презрение к его власти, потом он прошел бы, с женою и детьми, через все мытарства, через все унижения голодной , неопрятной , оборванной бедности; видел бы к себе презрение общества, а за свою правоту, за свое бескорыстие был бы заклей мен от всех страшными названиями беспокой ного, опасного и «неблагонамеренного» человека, вольнодумца и проч и проч. И неужели вы, «благонамеренные» сатирики, бросите в него камень осуждения, если, истощась и обессилев в тяжелой и бесплодной борьбе, он дой дет до страшного убеждения, что его бедность, его несчастия — необходимые следствия отцовского гнева, заслуженная кара за презрение

общественного мнения и общественной нравственности?.. Но, к счастию или к несчастию, — не знаем, право — такие случаи весьма редки, как исключения из общего правила. По большей части бывает так: юноша не долго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между «завиральными идеями» о бескорыстии и правоте и уважением общества: он женится на ком прикажут дражай шие родители, живет с женою, как все, т. е. прилично содержит ее, воспитывает детей своих, как все, т. е. прилично кормит и одевает их, учит по- французски и танцовать, а после этого первого я важней -шего периода воспитания отдает в учебное заведение, потом выгодно пристраивает в сл ужбу, выгодно женит (или выдает замуж) и, умирая, отказывает им «благоприобретенное» на службе имение. И что же? В начале его поприща все превозносят его, как почтительного сына, в конце поприща — как нежного супруга, примерного отца, «благонамеренного» чиновника, и заключают так: «вот что значит уважение к общественной нравственности! вот что значит родительское благословение, навеки нерушимое!» Итак, наш «благонамеренный » сатирик, бич пороков, самым нелепым образом противоречил самому себе: поставив выше всех добродетелей повиновение не богу, не истине, а эгоистическим расчетам, он в то же время учил юношу следовать свободному выбору сердца, как знамению благословения божия, и запрещал ему торговать священней шими склонностями своей души; поставив выше всякой награды любовь и уважение общества, он в то же время учил юношу оскорбл ять основные правила этого самого общества... Впрочем, он это делал, сам не зная, что делает, и потому его сатиры не производили никаких следствий .

Над обно обрат ит ь внимание особенно на посл еднюю пол овину этого отры вка: она написана в духе совершенной пол ожи-тельности.

Общ ая часть пятого обозрения («Отечественны е записки»,

1845 г., № 1) представляет свод того, что был о говорено во втором и четвертом. Он а может казат ься чистым повторением ска-

занного Бел инским в первых трех обозрениях; но кто внимательнее всмот рится в эти очень сходны е мысли, заметит значител ь-ную разницу между понят иями, какие имел Белинский в 1842,

и какие имел он в 1845. Труднее заметить разл ичие между 1844 и 1845 годами; но и тут есть движение вперед. Чт обы показат ь его в примере, взят ом наудачу, приводим самое начал о пятого обозрения:

Вот уже пятое обозрение годового бюджета русской литературы представляем мы нашим читателям. Обязавшись перед публикой быть верным зеркалом русской литературы* постоянно отдавая отчет во всякой вновь вы -Ходящей в России книге, во всяком литературном явлении, «Отечественные запнздн» не вполне выполнили бы свое назначение — быть полною и подробною летописью движения русского слова, если б не вменили себе в. обязанность этих годичных обозрений , в которых обо всем, о чем в продолжение целого года говорилось как о настоящем, говорится как о прошедшем, и в которых все отдельные и разнообразны е явления целого года подводятся под одну точку зрения. Не ставим себе этого в особенную заслугу, потому что видим в атом только должное выполнение добровольно принятой на себя

обязанности; но не можем не заметить, что подобная обязанность довольно тяжела. Читатели наши знают, что большая часть этих годичных обозрений постоянно наполнялась рассуждениями вообще о русской литературе и, следовательно, о всех русских писателях, от Кантемира и Ломоносова до настоящей минуты; а взгляд на прошлогоднюю л итературу– главный предмет статьи, всегда занимал ее меньшую часть. Подобные отступления от главного предмета необходимы по двум причинам; "во- первых, потому, что настоящее объясняется только прошедшим, и потому, что по поводу целой русской литературы еще можно написать не одну, а даже и несколько статей , более или менее интересных; но о русской литературе за тот или другой год, право, не о чем слишком много или слишком интересно разговориться. И это - то

составляет особенную трудность подобных статей . Легко пересчитывать богатства истинные или мнимые, много можно говорить о них; но что сказать о бедности, близкой к нищете!1 Да, о совершенной нищете, потому что теперь нет уже и мнимых, воображаемы х богатств. А между тем, о чем же говорить журналу, если ему уже нечего говорить о литературе? Ведь у нас литература составляет единственный интерес, доступный публике, если не упоминать о преферамсе. говоря о немногих исключительных и как бы случай ных ее интересах. Итак, будем же говорить о литературе, – и если, читатели, этот предмет уже кажется вам несколько истощенным и слишком часто истощаемым, если юл ки о нем уже доставляют вам только то магиити -ческое удовольствие, которое так близко к усыплению, – поздравляем вас с прогрессом и пользуемся случаем уверить вас, что мы, в свою очередь, совсем ие чужды этого прогресса, и что, в этом отношении, вы не правы, если вздумаете упрекнуть нас в отсталости от духа времени и в наивной запоздалости касательно его интересов... Еще раз: будем рассуждать о русской литературе – предмет и новый и любопытный ... («Отечественные записки», 1845 г., № 1, стр. 1–2.)

Эт а ирония, с кот орою говорит Белинский о своих обозрениях, о своей обязанност и крит ика, – чувство, совершенно различное от сарказм а, с которы м он говорил в 1841 году о русской литературе, сам будучи совершенно довол ен тем, что изобл ичает эту бедность. Теперь он грустит уже не о бедности русской литературы : ему грустно, что надобно рассужд ат ь об этой л итературе; он чувствует, что границы л итературны х вопросов тесны, он тоскует в своем кабинете, подобно Фауст у: ему тесно в этих стенах, уставленных книгами, – все равно, хорошими или дурны -ми; ему нужна жиэнь, а не толки о достоинствах поэм Пушкина или недостатках повестей Марл инского и Пол евого.

17 Н. Г, Чернышевский , т. III

И дей ствительно: глаёный предмет ёгд ст'атьи – ст-ий отворб-ния Язы кова и г. Хом якова, кот оры е привл екали его внимание вовсе не по эстетическим соображениям: нел ьзя же было в самом деле опасат ься, что наши поэты станут образц ы художественности видеть не в произведениях Пушкина и Лермонт ова, а в сти-хот ворениях Язы кова и г. Хом якова, и начнут подражат ь их манере; этой опасност и вовсе «е предвиделось, но важно было отношение стихотворений Язы кова и г. Хом якова к нашей жизни:

Неудовл ет ворител ьность л итературны х вопросов для Бел ин-ского от разил ась в сл едующем году и на самом объеме его обзора: шестой отчет его (.«Отечественны е записки», 1846 г.,

№ 1) очень корот ок в сравнении с предыдущими. В главных част ях своих, он представляет развит ие некоторы х ст раниц предыдущего обозрения, говоривших, что тол ько та мысль может назват ься мысл ью, кот орая имеет тесное родст во с жизнью. Вот, например, отры вок, тесную связь кот орого с предыдущим обозрением легко заметит каждый читатель.

В наше время, – говорит Белинский , – особенно много людей , мечтающих и рассуждающих, о которых,* впрочем, не всегда можно сказать, чтобы они были в то же время и мыслящими людьми. Не жить, а о мечтать а рассуждать о жизни – вот в чем заключается их жизнь.

Между этими «романтиками» бывают люди умные, даже очень, хотя и бесплодно умные. Оки толкуют не о чувствах и не о себе только: они рассуждают вообще о жизни. Стремление весьма похвальное, когда оно имеет прочную основу, практический характер! Но романтики вообще враги всего практического, которое они с

презрением отдали на долю «толпы», не понимая в своем ослеплении, что всякий гений , всякий великий деятель есть человек практический , хотя бы он дей ствовал даже в сфере отвлеченного мышления. Разл ад с дей ствительностию — болезнь этих люден. В дни кипуэтого, только рассуждают о жизни. Некоторые из них спохватываются, но поздно: именно в то время, когда человек не годится уже ни на что лучшее, как только ка то, чтобы рассуждать о жизни, которой он никогда не знал, никогда не изведал. Тол па живет не мысля, и оттого живет пошло; но мыслить, не живя — разве вто лучше? разве это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

Но теперь все ааговорилн о дей ствительности. У всех на языке одна и та же фраза: «надо делать!» И, между тем, все - таки никто ничего не делает! Это показывает, что во что бы ни нарядился романтик, он все остается романтиком. Не понимая этого, романтики обеими руками начали хвататься за маски и костюмы, — и вышел пестрый маскарад, где на один вечер так легко быть чем угодно — и турком, и жидом, и рыцарем. Некоторые, говорят, не шутя надели на себя терлик, охабень, и шапку мурмолку: более благоразумные довольствуются только тем, что ходят дома в татарской ермолке, татарском халате и желтых сафьяновых сапожках — все же исторический костюм1 Назвал ись они «партиями» и думают, что делать — аыачит рассуждать на приятельских вечерах о том, что только они— удивительные люди, и что кто думает не по их, тот бродит во тьме.

Во всем этом видно одно: стремление жить мимо жизни, глубокий внутренний разлад с дей ствительностью. («Отечественные записки», 1846 г. № 1. «Критика», стр. 3—4).

«Взгл яд на русскую л итературу 1846 года» был помещен уже не в «Отечественны х записках», как первые шесть годичных об-258

зоров , а в «Современнике». Н а эт ом внешнем раздел е деятельности Бел инского мы и ост ановимся теперь, потому что в разв и-тии его с 1841 года нел ьзя най ти внутренних круты х поворот ов, по кот оры м можно бы ло бы точно определ ить границы между двумя периодами его самостоятел ьной деятел ьности, указанны ми в начал е нашей статьи.

П р и л о ж е н и е

Отры вки из посл едней статьи Бел инского:

«Взг л яд на русскую л итературу 1847 года».

(«Сов рем ен н и к», 1848 г., № № 1 и 3.)

Остается упомянуть еще о нападках на современную литературу и на натурализм вообще с эстетической точки зрения, во имя чистого искусства, которое само себе цель и вне себя не признает никаких целей . В этой мысли есть основание; но ее преувеличенность заметна с первого взгляда. Мысль эта чисто немецкого происхождения; она могла родиться только у народа созерцательного, мыслящего и мечтающего и никак не могла бы явиться у народа практического, общественность кот орого для всех и каждого представляет широкое поле для живой деятельности. Чтб такое чистое искусство, этого хорошо не знают сами поборники его, и оттого оно является у них каким- то идеалом, а не существует фактически. Ок о в сущности есть дурная край ность другой дурной край ности, т. е. искусства дидактического, поучительного, холодного, сухого, мертвого, которого произведения не иное что, как реторические упражнения на заданные темы. Беэ всякого сомнения, искусство прежде всего должно быть искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направлением общества в известную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если в нем нет поэзии, а нем не может быть нн прекрасных мыслей и никаких вопросов, и все, что можно заметить в нем, это разве прекрасное намерение, дурно выполненное. Когда в романе или повести нет образов и лиц, нет характеров, нет ничего типического. — как бы верно и тщательно ни было списано с натуры все, что В нем рассказы вается, читатель не най дет тут никакой натуральности, не заметит ничего верно подмеченного, ловко схваченного. Лица будут перемешиваться между собою в его глазах; в рассказе он увидит путаницу непонятных происшествии. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать верно с натуры, мало уметь писать, т. е. владеть искусством писца или писаря; надобно уметь явления дей ствительности провести

через свою фантазию, дать им новую жизнь. Хорош о и верно изложенное следственное дело, имеющее романический интерес, не есть роман и может служить разве только материалом для романа, т. е. подать поэту повод написать роман. Но для этого он должен проникнуть мыслию во внутреннюю сущность дела, отгадать тай ные душевные побуждения, заставившие эти лица дей ствовать так, схватить ту точку этого дела, кот орая составляет центр круга этих событий , дает им смысл чего- то единого, полного, целого, замкнутого в самом себе. А это может сделать только поэт. Кажется, чего бы легче было верно списать портрет человека? И иной целый век упражняется в этом роде живописи, а все не может списать знакомого ему лица так, чтобы и другие узнали, чей это портрет. Уметь списать верно портрет есть уже своего рода талант; но этим не оканчиваете* все. Обыкио* венный живописец сделал очень сходно портрет вашего знакомого; сходство не подвергается ни малей шему сомнению в том смысле, что вы не можете не узнать сразу, чей это портрет, а все как- то недовольны им, вам кажется.

17* 259

будто он и похож иа свой оригинал и не похож на него. Но пусть с него же снимет портрет Ты ранов или Брюл ов — и вам покажется, чт о это зеркало далеко не т ак верно повторяет образ вашего знакомого, как этот портрет, потому что это будет уже не только портрет, но и художественное проия -кедение, в котором схвачено не одно внешнее сходство, но вся душа оригинал а. Итак, верно списывать с дей ствительности может только талант и как бы ни ничтожно было произведение в других отношениях, но чем более оно поражает верностию натуре, тем несомненнее талант его автора. Что не все должно оканчиваться верностию натуре, особенно в поэзии, — это другой вопрос. В живописи, по свой ству и сущности этого искусства, одно уменье верно писать с натуры может служить часто признаком необыкновенного таланта. В поэзии это не совсем так: не умея верно писать с натуры, нельзя быть поэтом, но и одного этого уменья тоже мало, чтобы быть поэтом, по край ней мере, замечательным.

Но, вполне признавая, что искусство прежде всего должно быть искусством, мы тем не менее думаем, что мысль о каком- то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющей ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало. Без всякого сомнения, жизнь разде -ляется и подразделяется на множество сторон, имеющих свою самостоятельность; но эти стороны сливаются одна с другою живым образом, я не г между ними резкой разделяющей их черты. Как ни дробите жизнь, оно всегда едина и цельна. Говорят : для науки нужен ум и рассудок, дл.ч творчества— фантазия, и думают, что этим порешили дело начисто, так чго хот* сдавай его л архив. А для искусства не нужно ума и рассудка? А ученый может обой тись без фантазии? Неправда! Истина в том, что в искусстве фантазия играет самую деятельную и первенствующую роль; а в пауке — ум и рассудок. Бывают, конечно, произведения поэзии, в которых ничего не видно, кроме сильной блестящей фантазии; но это вовсе не общее правило для художественных произведений . В творениях Шекспира не знаешь, чему больше дивиться — богатству ли творческой фантазии или богатству всеобъемлющего ума. Есть роды учености, которые не только не требуют фантазии, в которых эта способность могла бы только вредить; но никак этого нельзя сказать об учености вообще. Искусство есть воспроизведение дей -ствительности, повторенный , как бы вновь созданный мир; может ли же оно быть какою- то одинокою, изолированною от всех чуждых ему явлений дея -тельностию? Может ли поэт не отразиться в своем произведении, как человек, как характер, как натура, — словом, как личность? Разумеется, нет, потому что и самая способность изображать явления дей ствительности бея всякого отношения к самому себе — есть опять- таки выражение натуры поэта. Но и эта способность имеет свои границы. Личность Шекспира просвечивает сквозь его творения, хотя и кажется, что он так же равнодушен к изображаемому им миру, как и судьба, спасающая или губящая его героев.

В романах Вальтера Скотта невозможно не увидеть в авторе человека, более замечательного талантом, нежели сознательно- широким пониманием жизни, тори, консерватора и аристократа по убеждениям и привычкам. Личность пб&та не есть что- нибудь безусловное, особо стоящее, вне всяких явлений илвне. Поэт прежде всего — человек, потом гражданин своей земли, сын своего времени.' Дух народа и времени на него не могут дей ствовать менее, чем на Другие. Шекспир был поэтом старой веселой Англии, которая, в продолжение немногих, лет, вдруг сделалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движение имело сильное влияние на его последние произведения, .наложив на них отпечаток мрачной грусти. Из этого

видно, что, родись он десятилетиями двумя позже, гений его остался бы тот же, но характер его произведений бмл. ба другой . Поэзия Мильтона явно произведение его эпохи: сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое. Так сильно дей ствует на поэзию историческое движение обществ.

2ъ0

В ваше время искусство и литература, больше чем когда- либо прежде, сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы стали общее, доступнее всем, яснее, сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов. Эго, разумеется, не могло не изменить общего направления искусства во вред ему. Так самые гениальные Поэты, увлекаясь решением общественных вопросов, удивляют иногда теперь публику сочинениями, которых художественное достоинство нисколько не соответствует их таланту или, по край ней мере, обнаруживается только в частностях, а целое произведение слабо, растя* нуто, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда: Le Meunier d'Angibau lt,

Le Peche de Monsieur Antoine, Isidore *. Но и здесь беда произошла собственно не от влияния современных общественных вопросов, а оттого, что автор существующую дей ствительность хотел заменить утопиею, и вследствие этого заставил искусство изображат ь мир, существующий только в его воображении. Таким образом, вместе с характерами возможными, с лицами, всем знакомыми, он вывел характеры фантастические, лица небывалые, и роман у него смешался со сказкою, натуральное заслонилось неестественным, поэзия смешалась с реторикою. Но из этого еще нет причины вопить о падении искусства: тот же Жорж Санд после Le Meunier d'Angibault написал Теверино, а после Иаидоры и Le Peche de Monsieur Antoine — Лукрецию Фл ориани. Порча искусства вследствие влияния современных общественных вопросов могла бы скорее обнаружиться на талантах низшей степени; но и тут она обнаруживается только в неумении отличать существующее от небывалого, возможное от невозможного, и еще более — в ст расти к мелодраме, к натянутым эффектам. Что особенно хорошо в романах Евгения Сю? — верные картины современного общества, в которых больше всего видно влияние современных вопросов. А что составляет их слабую сторону, портит их до того, что отбивает всякую охоту читать их? — Преувеличения, мелодрама, эффекты, небывалые характеры, вроде принца Ро -дол ьфа,— словом, все ложное, неестественное, ненатуральное, — а все это выходит отнюдь не из влияния современных вопросов, а из недостатка таланта, которого хватает только на частности и никогда на целое произведение. С другой стороны, мы можем указать на романы Диккенса, которые так глубоко проникнуты задушевными симпатиями нашего времени и которым это нисколько не мешает быть превосходными художественными произведениями.

Мы сказали, что чистого, отрешенного безусловно, или, как говорят философы, абсол ютною искусства никогда и нигде не бывало. Если нечто подобное можно допустить, так это раэве художественные произведения тех эпох, в которые искусство было главным интересом, исключительно занимавшим образованней шую часть общества. Таковы, например, произведения живописи итальянских школ в XV I столетии. Их содержание, повиди-мому, преимущественно религиозное; но это большею частию мираж, и на самом деле предмет этой живописи — красота, как красота, больше в пластическом или классическом, нежели в романтическом смысле этого слова. Возьмем, например, мадонну Рафаэл я, этот chef d'oeuvre итальянской жизни XV I века. Кто не помнит статьи Жуковского об этом дивном произведении,-кто с молодых лет не составил себе о нем понятия по этой статье? Кто, стало быть, не был уверен, как в несомненной истине, что это произведение по превосходству романтическое, что лицо мадонны — высочай ший идеал той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцаний » и то в редкие мгновения чистого восторженного вдохновения?^

Автор предлагаемой статьй недавно видел эту картину; Не будучи знатоком" • живописи, он не позволил бы себе говорить об втой удивительной картине с целию определить 4е значение и степень ее достоинства; но как идет только о его личной впечатлении н о романтическом или не ромгГИг«ГЧеском * «Мельник из Анжибо», «Грех господина Антуана», «Изид ор4».— Ред.

261

характере картины, то он думает, что может позволить себе на этот счет несколько

слов. Статьи Жуковского он не читал уже давно, может быть, больше десяти лет, но как до того времени он читал и перечитывал ее со всем страстным увлечением, со всею верою молодости, н знал ее почти наизусть, то и подошел к знаменитой картине с ожиданием уже известного впечатления. Дол го смотрел он на нее. Оставлял , обращал ся к другим картинам и снова подходил к ней . Как ни мало знает он толку в живописи, но первое впечатление его было решительно н определенно в одном отношении: он тотчас же почувствовал, что после этой картины трудно понять достоинства других и заинтересоваться ими. Два раза был он в Дрезденской галле* рее и в оба видел только ату картину, даже когда смотрел на другие и когда ни на что не смотрел. И теперь, когда ни вспомнит он о ней , она словно стоит перед его глазами, и память почти заменяет дей ствительность. Но чем дольше и пристальнее всматривался он в эту картину, чем больше думал тогда и после, тем больше убеждался, что мадонна Рафаэл я и мадонна, описанная Жуковским под именем рафаэлевой , — две совершенно различные картины, не имеющие между собою ничего общего, ничего сходного. Мадониа Рафаэл я — фигура строго классическая и нисколько не романтическая. Лицо ее выражает ту красоту, которая существует самостоятельно, не заимствуя своего очаргтания от какого- нибудь нравственного выражения в лице. На этом лице, напротив, ничего нельзя прочесть. Лицо мадонны, равно и вся ее фигура, исполнены невыразимого благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознанием и своего высокого сана и своего личного достоинства. В ее взоре есть что- то строгое, сдержанное, нет благости н милости, но нет гордости, презрения, а вместо всего этого какое- то не забывающее своего величия снисхождение. Это — как бы сказать — ideal sublime du comme il faut *. Но ни тени неуловимого, таинственного, туманного, мерцающего. — словом, романтического; напротив, во всем такая отчетливая, ясная определенность, оконченность, такая строгая правильность и верность очертаний и вмеете с этим такое благородство, изящество кисти! Религиозное созерцание выразилось а этой картине только в лице божественного младенца, но созерцание, исключительно свой ственное только католицизму того времени. В положении младенца, в протянутых к предстоящим (разумею зрителей картины) руках, в расширенных зрачках глаз его видны гнев и угроза, а в приподнятой нижней губе горделивое презрение. Это не бог прощения и милости, не искупительный агнец за грехи мира, — это бог судящий и карающий ... Из этого видно, что и в фигуре младенца нет ничего романтического; напротив, его выражение так просто и определенно, так уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что видишь. Разве только в лицах ангелов, отличающихся необыкновенным выражением разумности и задумчиво созерцающих явление божества, можно най ти что -нибудь романтическое.

Всего естественнее искать так называемого чистого искусства у греков.

Дей ствительно, красота, составл яющая существенный элемент искусства, была едва ли не преобладающим элементом жизни этого народа. Оттого искусство его ближе всякого другого к идеалу так называемого чистого искусства. Но, тем не менее, красота в нем была больше существенною формою всякого содержания, нежели самим содержанием. Содержание же ему давали и религия, н гражданская жизнь, но только всегда под очевидным преобладанием красоты. Стало быть, и самое греческое искусство только ближе других к идеалу абсолютного искусства, но нельзя назвать его абсолютным, т. е. независимым от других сторон национальной жязни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гете, как на представителей свободного, чистого искусства; но это одно из самых неудачных указании.

Чт о Шекспир величай ший творческий гений , поэт по преимуществу, в этом нет никакого сомнения; но те плрхо понимают его, кто из- за его поэзии не * Возвышенный идеал благородства. — Ред.

ЬИДит богатого содержания, неистощимого рудника уроков И фактов ДАЙ психолога, фил ософа, историка, государственного человека и т. д. Шекспир все передает через поэзию, но передаваемое далеко от того, чтобы принадлежать одной по&зии. Вообще характер нового искусства — перевес важности содержания над важностию формы, тогда как характер древнего искусства — равновесие содержания и формы. Ссылка на Гете еще неудачнее, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажем это двумя примерами. В «Современнике» прошлого года напечатай был перевод гетевского романа Wahlverwandchaf-ten *, о котором и на Руси было иногда толковано печатно; в Германии же он пользуется страшным почетом, о нем написаны там горы статей и целые книги. Не знаем, до какой степени понравился он русской публике, и даже понравился ли он ей : наше дело было познакомить ее с замечательным

произведением великого поэта. Мы даже думаем, что роман этот больше удивил нашу публику, нежели понравился ей. В самом деде, тут многому можно удивиться!.. Девушка переписывает отчеты по управлению имением; герой романа замечает, что в ее копни, чем дальше, тем больше почерк ее становится noxoul на его почерк. «Ты любишь меня!» восклицает он, бросаясь ей на шею. Повторяем: такая черта не одной нашей , но и всякой другой публике не может не показаться странною. Но для немцев она нисколько не странна, потому что это черта немецкой жизни, верно схваченная. Таких черт в этом романе най дется довольно; многие сочтут, пожалуй , и весь роман не за что нное, как за такую черту. Не значит ли это, что роман Гете написан до того под влиянием немецкой общественности, что вне Германии он кажется чем-то странно- необыкновенным? Но Фауст Гете, конечно, везде — великое создание. На него в особенности любят указывать, как на образец чистого искусства, не подчиняющегося ничему, кроме собственных, одному ему свой ственных законов. И, однако ж — не в осуд будь сказано почтенным рыцарям чистого искусства — Фауст есть полное отражение всей жизни современного ему немецкого общества. В нем выразилось все философское движение Германии в конце прошлого и начале настоящего столетия. Недаром последователи школы Гегеля цитировали беспрестанно, в своих лекциях и философских трактатах стихи из Фауста. Недаром также, во второй части Фауста, Гете беспрестанно впадал в аллегорию, часто темную и непонятную по отвлеченности идей . Где ж тут чистое искусство?

Мы видели, что и греческое искусство только ближе всякого другою к идеалу так называемого чистого искусства, но не осуществляет его вполне; что же касается до новей шего искусства, оно всегда было далеко от этого идеала, а в настоящее время еще больше отдалилось от него; но это - то и составляет ето силу. Собственно художественный интерес не мог не уступить места другим важней шим для человечества интересам, и искусство благородно взялось служить им, в качестве их органа. Но от этого оно нисколько не перестало быть искусством, а только получило новый характер. Отнимать у искусства право служить общественным интересам, значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, то есть мысли, делать его предметом какого- то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев. Это значит даже убивать его, чему доказательством может служить жалкое положение живописи нашего времени. Как будто не замечая кипящей вокруг него жизни, с закрытыми глазами на все живое, современное, дей ствительное, это искусство ищет вдохновения в отжившем прошедшем, берет оттуда готовые идеалы, к которым люди давно уже охладели, которые никого уже не интересуют, не греют, ни в ком не пробуждают живого сочувствия.

Платон считал унижением, профанацнею науки приложение геометрии к ремеслам. Это понятно в таком восторженном идеалисте и романтике, гражданине маленькой республики, где общественная жизнь была так * «Сродство душ». — Ред.

проста и немногосложна; но а наше время она не имеет даже оригинальности милой нелепости. Говорят, Диккенс своими романами сильно способствовал в Англии улучшению учебны* заведений , в которых все основано было на беспощадном дранье розгами и варварском обращении с детьми.

Чтб ж тут дурного, спросим мы, если Диккенс дей ствовал в этом случае как поэт? Разве от этого романы ечр хуже в эстетическом отношении? Здесь ясное недоразумение: видят, что искусство и науки ие одно и то же, а не видят, что их различие вовсе не в содержании, а только в способе обра -ботывать данное содержание. Фил ософ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же. Политико- эконом, вооружась статистическими числами, доказывает, дей ствуя на ум своих читателей или слушателей , что положение такого - то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось вследствие таких - то и таких- то причин. Поат, вооружась живым н ярким изображением дей ствительности, показывает. в верной картине, дей ствуя на фантазию своих читателей , что положение такого- то класса в обществе, дей ствительно, много улучшилось или ухудшилось от таких- то и таких- то причин. Один доказывает, другой показывает, оба убеждают, только один логическими доводами, другой — картинами. Но первого слушают и понимают немногие, другого — все. Вы сочай ший и священней ший интерес общества есть его собственное благосостояние, равно простертое на каждого из его членов. Путь к этому благосостоянию — сознание, а сознанию искусство может способствовать не меньше науки. Тут и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не может заменить

искусства, ни искусство науки.

Дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины.

Если мы видим иногда людей даже умных и благонамеренных, которые берутся за изложение общественных вопросов в поэтической форме, не имея от природы ни искры поэтического дарования, из этого вовсе не следует, что такие вопросы чужды искусству и губят его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, их падение было бы еще разительнее.

Плох, например, был забытый теперь роман Пан Подстол ич. вышедший назад тому больше десяти лет и написанный с похвальною целию— представить картину состояния белорусских крестьян; но все же он был не совсем бесполезен, и хоть с страшною скукою, но прочли же его иные.

Конечно, автор лучше достиг бы своей благородной цели, если бы содержание своего романа изложил в форме записок или заметок наблюдателя, не пускаясь в поэзию, но если бы он взял ся написать роман чисто - поэтический , он еще меньше достиг бы своей цели.

СТ А Т ЬЯ ВОСЬМ АЯ

Бы вают писатели, пол ьзующиеся незавидным счастьем ни в ком не возбужд ат ь неудовол ьствия своими сочинениями, не вызывать никого на противоречие себе, не иметь противников. Незавидно это счастье, потому что оно достается тол ько людям пустым, занимающимся единственно рет орическими распрост ранениями банал ьны х фраз. Ист ина тол ько потому и назы вается ист иною, что прот ивопол ожна забл уждению, л жи; а если существует забл уждение, то л юди, его раздел яющие, станут, конечно, возражат ь против истины; если есть л ожь, то люди, ее поддерживающие, станут вооружат ься против человека, ее разруш аю-

щего. Не тол ько в искусстве, не тол ько в нравственны х, фил о-софских, общественны х вопросах ни одна дел ьная мысль не может быть вы сказана, не подавая повода к возражениям, даже 264

в математических науках, стол ь точны х и доказател ьны х, истина никогда не принимал ась без противоречий со ст ороны многих. Ньют онов закон тягот ения дол го казал ся нел епостью бол ьшин-ству аст рономов. «Небесная механика» Лапл аса до сих пор в оз-буждает споры . Тол ько учебники арифметики не находят п ро-тиворечия, потому что все их сод ержание ограничивает ся ося за-тельными истинами. Тол ько писатели без убеждений , без образа мыслей , без сод ержания и смы сл а умеют говорит ь так, что ни в ком не пробужд ают жел ания спорит ь прот ив их пуст осл овия. Белинский , человек с твердыми убеждениями, — чел овек, высказавший много важны х и новы х в нашей л итерат уре истин, не мог не иметь многих прот ивников. Он касал ся живы х воп ро-сов; потому во многих л юдях, интересы кот оры х основы вал ись на господст вующих забл уждениях, вражд а прот ив него доходил а до непримиримого ожест очения. Не широки разм еры русской л итературы , но горы бумаги бы ли исписаны возражениями и обвинениями против Бел инского.

Каждый человек имеет свои недостатки, каждый может ош и-бат ься; у всякого писател я есть свои сл абы е ст ороны . Над обно был о бы предпол агать, что в сот нях обвинений , в т ы сячах в оз-ражений прот ив Бел инского най дутся некот оры е справедл ивы е указания на его недостатки и ошибки: ведь, нат урал ьно, не был же он изъят от общей человеческой участ и не быть непогреши-тельным [— непогрепгительяость сост авл яет , как извест но, ис-кл ючител ьную привил егию одного тол ько Далай - Ламы]. Межд у противниками Бел инского были люди очень умные, напр.,

Н. А . Полевой , были л юди, счит авшиеся учеными (кот оры х не исчисл яем, потому что л юдям, счит ающимся учены ми, нет числ а: их у нас едва ли не бол ьше, нежел и людей грамот ны х). Мног о лет, со всевозможною ст арат ел ьност ью, они искал и у Бел инского ошибок, чтоб иметь случай побранит ь его. К ак бы , казал ось, не най ти? И находил и. Н о удивител ьны были эти находки. О неко-торы х обвинениях мы уже говорил и: эт о чистые выдумки, — например, фраза, будто бы он восст ает против сл авны х наших писателей , когда, напрот ив, он упрочил за ними в ист ории лите-рат уры почетное, быть может, даже сл ишком почетное место *; другая фраза, будто бы его т ребования были сл ишком велики,

когда, напротив, они были чрезвы чай но ум еренны ** – ст ранно * !Именно он, а не кто другой . Нет ни малей шего сомнения, что если бы не указал Белинский истинные заслуги Ломоносова, Державина, К арам-зина, в настоящее время эти писатели не пользовались бы и десятою частью того уважения, каким пользуются теперь, благодаря Белинскому].

** Нет сомнения, что если теперь желания образованней шей части публики таковы, что могут быть удовлетворены очень легко (доказательства тому были даны публикою в последнее время очень осязательным образом), за это надо много благодарить Белянского, всеми силами старавшегося приучить нас предпочитать дей ствительное, хотя б и скромное удовлетворение фантазерским желаниям, и положительно указавшего нам меру разумных требований . 265

и вспомнить о таких несообразны х с факт ами обвинениях. А а то были едва л я еще не самы е л учшие; другие еще г оразд о более ст ранны . Неуд ачност ь всех нападений на Бел инского объ яс-няет ся, впрочем, очень п рост о: во- первых, во всем существенном правда была на его ст ороне, как то всегда бывает в деятельности, служащей дей ствительному п рог рессу; а мелочных недостатков не могли его противники от кры т ь у него, потому что были люди отстал ы е [как Н. А . Полевой] или непроницател ьны е и вообще не понимал и дей ствительного пол ожения ученых вопросов, о кот оры х шл а речь, а жизненны е вопросы понимал и превратны м или прист раст ны м образом . Оттого- т о обвинения, кот оры е вы-сказы вал ись ими, были направл ены совершенно неудачно. Два-т ри примера мы уже видели. Не менее забавно то обвинение, кот орое от носил ось к предмету, изл оженному нами во второй пол овине предыдущей статьи.

Кажды й , кто перечиты вает статьи Бел инского в хронол оги-ческом порядке, видит, что они тесно связаны между собою, что в развит ии его мнений нет ни переры ва, ни внезапны х поворотов, что это развит ие совершал ось правил ьно и совершенно постепенно, почти неул овимым образом ; а, между тем, находил ись л юди, с удивител ьною мет кост ью обвинявшие Бел инского в том, что «ньгне он сам прот иворечит тому, чт о говорил за месяц».

К ак могл о возникнут ь мнение, стол ь очевидно прот иворечившее всем известной т вердост и и посл едовател ьности убеждений Бел инского) Дел о в том, что л юди, не одаренны е изл ишнею прони-цат ел ьностью, вечно ост анавл ивают ся на отдел ьных фразах, не вникая в связь и смы сл речи, и потому им пост оянно грезят ся прот иворечия. В одной статье Бел инского говорил ось, например, что, по сравнению с англ ий скою, франц узскою, немецкою лите-рат урами, русская все еще очень бедна; в другой статье говорил ось, что ныне ст ал а она бог аче сод ержанием, нежел и была прежде. Вот и най дено прот иворечие: Белинский иногда говорит , что наша л ит ерат ура бедна, иногда, что она богата. Таковы - то всегда были прот иворечия, в кот оры х упрекал и Бел инского.

Иногд а он и сам наводил своих обвинителей на подобны е от кры -тия: заметив какую- нибудь ошибку в той или другой из прежних своих статей , он без всякой ложной робост и сам указы вал

эту ошибку. Особенную рад ост ь дост авил его противникам сл е-дующий случай . Когда вышел «Тарант ас» гр. Сол л огуба,, Бел ин-скому сначал а показал ось, что авт ор верит в разумност ь тех преобразований в нравах, пред пол ожения о кот оры х изл агают ся в его книге, и в крат ком извещении о вы ходе «Тарант аса» мнение о книге произносит ся с этой т очки зрения. Когд а Белинский внимательнее вдумал ся в идею «Т аран т аса», ему показал ось, что во многих ст ранны х мнениях м ожно оправдат ь авт ора, предпол ожив, что он вы сказы вает их иронически; потому в большой критической статье о «Тарант асе» (кот орая помещена в следующей т

книжке «Отечественны х зап исок») было сказано: «Берем й азад свои сл ова» – какой превосходный случай кричать о шаткости убеждений Бел инского! А , между тем, стоит тол ько сл ичить рецензию, кот орая отвергал ась крит ическою статьею, с соответствующими местами этой последней , и мы увидим, что разл ичие между ними ничт ожно: если бы сам Белинский не вы сказал , что взгл яд его изменил ся, никто бы того и не мог заметить *.

* В краткой рецензии («Отечественные записки», 1845 г., № 4) говорилось: «Тарантас» графа Соллогуба – сочинение оригинальное и интересное. Это пестрый калей доскоп парадоксов, иногда оригинальных, иногда странных, заметок самых

верных, наблюдений самых тонких, с выводами, иногда поражающими своею истинностью, мыслей необыкновенно умных, картин ярких, художественно набросанных, рассуждений дельных, чувств горячих и благородных. иногда доводящих автора до край ности я односторонности в убеждениях. Это книга живая, пестрая, одушевленная, разнообразная, — книга, которая возбуждает в душе читателя вопросы, тревожит его убеждения, вызывает его на споры и заставляет его с уважением смотреть даже и на те мысли автора, с которыми он не соглашается. Эт о не роман, не повесть, не путешествие, не философский трактат, не журнал ьная статья, но и то, н другое,

А в критической статье, появившей ся через месяц («Отечественные записки», 1645 г., № 5), было сказано:

«Многие видят в «Тарантасе» какое - то двой ственное произведение, в котором сторона непосредственного, художественного представления дей стви-тельности превосходна, а сторона воззрений автора на эту дей ствительность, его мыслей о ней , будто бы исполнена парадоксов, оскорбл яющих в читателе чувство истины. Подобное мнение несправедливо. Те, кому оно принадлежит, не довольно глубоко вникли в идею автора, и объективную верность, с какою изобразил он характер одного из героев «Тарант аса» — Ивана Васил ьевича— приняли за выражение его личных убеждений , тогда как на самом деле автор «Тарантаса» столько может отвечать за мнения героя своего юмористического рассказа, сколько, например, Гоголь может отвечать за чувства, понятия и поступки дей ствующих лиц в его Ревизоре или Мертвых душах. Между тем ошибочный взгляд лучшей части читателей на «Тарант ас» очень понятен: при первом чтении может показаться, будто бы автор не чужд желания, хотя и не прямо, а предположительно, высказать через Ивана Васильевича некоторые из своих воззрений на русское общество, — и тем легче увлечься подобным ошибочным мнением, что необыкновенный талант автора и его мастерство живописать дей ствительность лишают читателя способности спо-кой но смотреть на картины, которые так быстро и живо проходят перед его глазами. Мы сами на первый раз увлеклись резким противоречием, которое находится между этими беспрестанно сменяющимися и беспрестанно поражающими новым удивлением картинами и между странны ми— чтобы не сказать: нелепыми — мнениями Ивана Васильевича. Эт о заставило нас забыть, что мы читаем не легкие очерки, не силуэты, а произведение, в котором характеры дей ствующих лиц выдержаны художественно и в котором нет ничего произвольного, но все необходимо проистекает из глубокой идеи, лежащей в основании произведения. Таким образом, берем назад свое выра-

жение в рецензии о «Тарантасе» (в 4-й книжке «Отечественных записок»), что в нем, вместе с дельными мыслями, много и парадоксов. Тол ько в XV и XV I главах автор «Тарантаса» говорит с читателем от своего лица; и вот — кстати заметить — вти- то главы больше всего сбивают читателя с толку, раздвояя в его уме произведение графа Соллогуба и ужасая его множеством страшных парадоксов. Но мы не скажем, чтоб это были парадоксы, вто 267

Обст оят ел ьст во эт о сам о п о себе вовсе не важно,, и тол ько такой ст рогн5 к себе человек, как Белинский , мог почест ь нужны м указы ват ь ошибку, и незначит ел ьную н незаметную. А если б вздумал ось ему совершенно прикры т ь ее, эт о бы л о бы очень легко: ст оил о т ол ько упот ребит ь в критической статье оборот такого род а: «в предыдущей книжке мы сказал и, что «Тарант ас» на-пол нен парад оксами», и, перефразировав прежнее суждение, п род ол жат ь: «д а, авт ор част о вдает ся в край ности, в од ност орон-ност ь, — эт о тем ст раннее, чт о сам он очень част о и удачно под-смеивает ся над эт ою од ност оронност ью, вы ставл яя с т онкою ирониею нел епость понятий своего героя, Ивана Васил ьевича». скорее мнения, с которыми нельзя согласиться безусл овно и которые вызывают на спор. Последнее обстоятел ьство дает им полное право на книжное существование: с чем можно спорить и что стоит спора, то имеет право быть написанным и напечатанным. Ест ь книги, имеющие удивительную способность смертельно наскучить читателю, даже говоря все истину и празду, с кот орою читатель вполне согл ашается; и наоборот , есть книги, которые имеют еще более удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противопол ожностью их направления с его убеждениями; они сл ужат для читателя поверкою его собственных верований , потому что, Прочитав такую книгу, он или вовсе отказывается от своего убеждения, или умеряет его, или, наконец, еще более в нем утверждается. Такой книге охотно можно простить даже парадоксы , тем более если они искренны и автор их далек от того, чтоб подозревать в них парадоксы. Вот другое дело — парадоксы умышленные, порожденные эгоистическим желанием поддержать вопиющую ложь в пользу касты или лица: такие парадоксы не стоят

опровержения и спора; презрител ьная насмешка – единственное достой ное их наказание»...

Разница, как видим, состоит единственно в том, что прежде Белинскому многие из мыслей , излагаемых Иваном Васильевичем, казались мнениями самого автора; потом ему вздумал ось, что можно предполагать в изложении этих мнений тонкую иронию со стороны графа Сол логуба и что только в двух главах (рассказы вающих воспитание Василия Ивановича и Ивана Васил ье-вича) граф Сол л огуб прямо излагает свои собственные понятия, – только из этих глав можно заключить об истинных мнениях автора: в других случаях кажущиеся парадоксы , быть может, скрывают под собою иронию. Но от этого нового предположения изменяется только суждение о соображениях, руководивших автором «Тарант аса», и только. Взгляд самого Белинского на вещи нимало не изменяется от того, будет ли он спорить против одного Ивана Васильевича, или будет думать, что мысли, высказываемые Иваном Васил ье-вичем, отчасти разделяет н автор «Тарант аса». И, дей ствительно, критическая статья о «Тарант асе» беспощадно опровергает парадоксы, все равно, от лица ли Ивана Васил ьевича, или от лица автора они высказываются. Вот, например, начало разбора X V главы, рассказывающей биографию Василия Ивановича: ирония критика нимало не смягчается тем, что мнения, им опровергаемые, изл агаются прямо от лица автора:

«Изобразив с такою поразител ьною верностью «воспитание» Васил ия Ивановича и сказав, что даже и оно не испортил о его доброй натуры, автор удивляется тому, что все каши деды и прадеды воспитывались так же, как и Василий Иванович, а, между тем, не в пример нам, были отличней шие люди, с твердыми правилами, чтб особенно доказывается тем, что они «крепко хранили не по логическому убеждению, а по какому - то странному (?) внушению (?1) любовь ко всем кашам отечественным постановлениям» (ст р. 179).

Зд есь автор что- то темновато рассуждает; но сколько можем мы понять, под отечественными постановлениями он разумеет старые обычаи, которых наши 268

Читатель согл асится, что посредством этого оборот а легко было бы вы разить все, .что вы ражено в вы писанном нами отры вке критической статьи, и с тем [вместе] сохранит ь совершенное внешнее согл асие этой статьи с прежним отзы вом. Т ак пост оянно и делают почти все писатели. Тол ько немногие, сл ишком твердые в своих основны х убеждениях, сл ишком ясно понимающие, что они идут во всем существенном по прямой дороге, не боят ся сами выставлять на вид все свои ошибки *.

деды и прадеды, дей ствительно, крепко держались. Кому не известно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только с малей шей части своих подданных? Впрочем, добродетель, которая возбуждает такой энтузиазм в авторе «Тарантаса» и которая заключается в крепком хранении старых обычаев, именно из того и вытекала, что наши деды и прадеды, как говорит граф Соллогуб, были точно «люди неграмотные» (стр. 179). Мы не можем прий ти в себя от удивления, не понимая, чему же автор тут удивляется... Эта добродетель н теперь еще сохранил ась на Руси, именно между старообрядцами разных толков, которые, как известно, в грамоте очень не сильны. Китай цы тоже отличаются этою добродетелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невежды и обскуранты. Но еще больше китай цев отличаются этою добродетелью бесчисленные породы бессловесных, которые совсем не способны знать грамоте, и которые до сих пор живут точь - в- точь, как жили их предки с первого дня создания... Вот, если бы автор «Тарантаса» нашел где-нибудь людей просвещенных и образованных, но которые крепко держатся старых обычаев, и удивился бы этому, тогда бы мы нисколько не удивились его удивлению и вполне разделили бы его,..

Мы не будем говорить, как Василий Иванович служил в Казани, плясал на одном балу казачка и влюбился в свою даму; но мы не можем пропустить рацеи его «дражай шего родителя», в ответ на «покорней шую просьбу «послушней шего» сына о благословении на брак: «Вишь, щенок, что затеял; еще на губах молоко не обсохло, а уж о бабе думает». От матери он услышал то же самое. Воля мужа была ей законом. «Даром, что пьяница», думала она,

«а все-таки муж». При этом, автор не мог удержаться от восклицания: «так думали в старину»! Хорош о думали в старину] прибавим мы от себя. Когда милый «тятенька» Василия Ивановича умер от сивухи, добрые его крестьяне горько о нем плакали: картина была умилительная... Авт ор очень остроумно замечает, что

«любовь мужика к барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая»; мы в этом столько же уверены, как и он... Наконец, Василий Иванович женился и поехал в Мордасы ; на границе поместья все мужики, стоя на кол енях, ожидали молодых с хлебом и солью. «Русские крестьяне, — говорит авт ор,— не кричат виватов, не выходят из себя от восторга, но тихо и трогател ьно вы ражают свою преданность, и жал ок тот, кто видит в них только лукавых, бессловесных рабов и не верует в их искренность» (стр. 187). Об этом предмете мы опять думаем точно так же, как сам автор. Есл и б Василий Иванович спросил у своего старосты, отчего крестьяне так радуются, староста, наверное, ответил бы:

.....они

На радости, тебя увидя, пляшут.

• Говоря строго, надобно признаться, что ошибки в настоящем случае не было вовсе и что Белинский не имел основательной причины брать назад прежние слова. Авт ор «Тарантаса», очевидно, подсмеивается во многих случаях над Иваном Васильевичем; но столь же очевидно, что во многих случаях он выставляет его суждения, как основательные и справедливые. Потому обе фразы : «в парадоксах «Тарант аса» скрывается ирония» и «парадоксы эти высказываются, как положительная истина», — обе эти фразы равно могут быть употреблены, равно близки к правде: на одних страницах 269

Ист ория с «Тарант асом », нами рассказанная, был а самым

важны м из тех сл учаев, на кот оры е ссы л ал ись противники Белин* с кого в доказат ел ьство шат кости его мнений ; другие доводы их были еще забавнее; но был о бы сл ишком долго припоминать вти другие сл учаи. Наш а л ит ерат ура вообще имеет еще сл ишком малб опы тности, и тол ько этим объ ясняет ся возможност ь до чрезвычай ности ст ранны х недоразумений и невероятны х промахов, примеры кот оры х так част ы в ней . В самом деле, правдоподобное ли дело, чтобы писател я, подобного Бел инскому, могли обвинят ь в шат кости мнений , когда скорее можно было говорить о чрезвы чай ном упорст ве его? Ни в одной из западноевропей -ских л итератур, более опытных, такое ст ранное недоразумение невозможно.

Мы не без намерения ост анавл иваемся на обвинениях против Бел инского, хот я они по своей совершенной пустоте не засл ужи-вают ни малей шего внимания: дл я характ ерист ики пол ожения нашей л итерат уры они имеют свою цену. Важност ь ист орического явл ения определ яется не т ол ько его безотносител ьны м сод ержа-нием, но и сравнением его с другими окружающими явлениями.

От ст ал ост ь, мел очность или пуст ота направлений , которы е существовал и в русской л итерат уре вне критики Бел инского, заст ав-л яют нас вдвой не д орожит ь эт ою крит икою *.

Чем внимательнее будем мы сравниват ь в хронол огическом порядке все статьи, написанны е Бел инским, тем очевиднее будет об-наруживат ься, что развит ие его понятий совершал ось совершенно «Тарант аса» выставляется нелепым то самое, что на других представляется глубокою мудростью. Противоречие в книге, а не в критике.

Мы наложили дело в том виде, как оно было понято большинством тогдашней публики и литераторов, принявших оговорку Белинского в серьезном смысле. На самом же деле ближе к правде было бы другое понятие о ее смысле. Критическая статья о «Тарантасе» написана очень едко; нелепость мнений Ивана Васильевича обнаруживается в ней самым колким образом. Потому слова: «эти мнения не должны быть приписываемы автору, он сам вместе с нами смеется над ними и написал книгу свою именно с той целью, чтоб обнаружить их нелепость», — слова эти, по всей вероятности, внушены только желанием оказать возможную пощг»ду писателю, эти слова внушены деликатностью, — другого смысла не следовало бы и искать в них. Таким образом, все громкие выходки против Белинского, будто бы в самом деле отказывавшегося от мнения, вы сказанного за месяц, — все эти выходки были, по-настоящему, основаны на недогадливости о смысле его оговорки. Примерами такой недогадливости богата бедная история нашей литературы.

* Нет надобности повторять, что Белинского дол жно считать только деятельней шим представителем направления, считавшего между своими последователями почти всех

даровитых и образованны х русских писателей , и что, говоря «вне критики Белинского были только пустота и отсталость»,

мы говорим только: «вне направления, представителем которого_в критике

был Белинский , нет ничего замечательного или плодотворного», а вовсе не имеем желания уменьшать заслуги других полезных деятелен того времени, разделявших с Белинским честь быть выразителями живых мыслей . Белинский был, как мы уже говорили, только один, первый или деятельней ший иа многих.

270

л огически, постепенны м, почт и неул овимы м образом . Н о и пред-ставл енное в предыдущей статье сравнение шести годичны х отчетов его о русской л ит ературе, в «Отеч[ественны х] записках», сл у-жит уже достат очны м доказат ел ьством тому. Прод ол жат ь это сравнение и на два посл едние отчета, помещенны е в «Соврем ен-нике», бы л о бы изл ишне, потому чт о никто не ут верждал , чтобы в посл еднее время мнения Бел инского изменял ись; напрот ив т ого, под конец его жизни многие ст ал и говорит ь, что Белинский начал повт орят ься, что его новы е статьи не бол ее, как перифразы прежних — мнение, стол ь же основат ел ьное, как и все упреки, рассмот ренны е нами прежде. Повт орим : наша л ит ерат ура так мол ода и неопы тна, что беспрест анно вст речают ся в ней самы е наивные недоразумения, для разъ яснения кот оры х над обно бы вает серьезно и под робно рассужд ат ь о самы х эл ементарны х понят иях. Белинский писал крит ические статьи о русской л итерат уре в продол жение четы рнадцати лет. Он и рассеяны по нескол ьким журнал ам. Читател и журнал ов пост оянно сменяют ся одни д ру-гими. Из пятидесяти человек, чит авших «Отечественны е записки» 1845 года, едва ли один бы л знаком с «Тел ескопом» 1835 года и едва ли пять человек следили за «Отечественны ми] записками» с 1840 года; из десяти человек, чит авших «Современник» 1847 года, едва ли один читал «От еч [ественные] записки» за все предыдущие годы. Возм ожно ли бы л о бы в статье «Отечественных] зап[исок]» 1845 года укл онит ься от необходимого объ яснения того или другого понят ия на том основании, что оно уже объ яснено в «Тел ескопе» 1835 года, когда из людей , для кот оры х писана ст ат ья 1845 года, т ол ько очень немногие бы л и знакомы с этим прежним объ яснением? К рит ическая ст ат ья пишет ся для публ ики, она дол жна иметь в виду, что разл ичны е годы д аже од -ного и того же журнал а имеют пост оянно изменяющий ся круг читателей . От т ого повт орения в крит ических ст ат ьях неизбежны . Так всегда и бывает у всех писателей , занимающихся крит икою. Конечно, есл и соединить в один переплет все статьи Бел инского, многие ст раницы этого сборника будут закл ючат ь повт орения, — но д ол жно помнить, что эти ст атьи были рассеяны по сот ням книг. Избегат ь повторений бы л о бы в крит ическом писателе странны м педанством — без повторений ни од на из его статей не был а бы понят на и для десятой дол и своих читателей . Возьмит е любой сборник крит ических статей авт ора, писавшего в прод ол -

жение многих лет, и вы увидите, чт о пол овина его ст раниц закл ю-

чает повторение сказанного в другой пол овине. У нас теперь в моде крит ические статьи Макол ея — укажем хот я на них: п ро-смат ривая этот сборник, вы в двадцати местах най дете одни и те же рассужд ения о временах Ел исавет ы , о реформац ии в Англ ия, о влиянии на ход англий ской ист ории ост ровит янского пол ожения Англ ии, о вл иянии того обст оят ел ьст ва, что в Англ ии дол го не бы л о постоянной армии, и т. д., и т. д. Н о в Англ ии никому не 27|

может л ритти в гол ову упрекат ь за то Макол ея, говорить, что он повт оряет ся, что он исписал ся; а у нас говорил ось это о Бел ин-ском, и говорившие не под озревал и, что говорят несообразно с здравы м смы сл ом.

Впрочем, мал о сказат ь, чт о повт орения дл я Бел инского были стол ь же необходимы , как, например, для Макол ея: они были для русског о крит ика г оразд о необходимее, нежел и дл я англий ского. Эт о зависит от разл ичного пол ожения и л итературы нашей , и публ ики.

Мнения, кот оры е изл агает Маколей , изл агают ся сот нями д ру-гих англий ских писателей ; они занесены в книги, кот оры е находят ся в библ иотеке кажд ого, имеющего библ иотеку хот я из сот -ни книг (а числ о таких людей в Англ ии в ты сячу раз бол ьше, нежел и у н ас), — и од нако же, Макол ею бы л о необходимо двадцать раз повт орят ь одну и ту же мы сл ь. У нас не то. Мнений , которы е

изл агал ись Бел инским, вы не могли най ти ни в одной русской книге, ни в од ном журнал е, кроме т ого, в кот ором писал он.

| Европей ская публ ика привы кл а к деятельной умственной жизни. Он а приготовл ена ко всякой новой мысли, готова с первого раза заметить и оценить ее. У нас — мы хотели бы сказат ь: у нас то же самое, но факты г оворят совершенно не т о. У нас

д аже ст ары е мы сли, если т ол ько в них есть что- нибудь живое, возбужд ают недоумение, будт о несл ы ханная новость, — вот и свидетел ьство о том, с каким успехом бывал и замечены и оценены эти ст ары е мы сл и, когда явл ял ись в нашей л итерат уре новыми. Нам нужно твердить, твердить и твердить, чтобы в нашем внимании, в нашей памяти ут вердил ось наконец т о, о чем мы читаем.

Не спорим, есть у нас л юди, сост авл яющие искл ючение из эт ого правил а — сл ишком груст но бы л о бы, если бы и того не бы л о — но журнал ьны е статьи пишут ся не дл я людей , сост авл яю-щих искл ючение. А есл и кто вздумал бы сомневат ься в справед-л ивости сказанног о нами, т о очень легко привести доказат ел ьства, не покидая речи о Бел инском: скол ько в посл едние годы было сл учаев, чт о одних писателей хвал ил и, других осужд ал и за новые, будто бы , мысли, а между тем, эти мысли были заимст во-ваны из статей Бел инского, д а, в довершение эффект ност и д ока-зател ьст ва в нашу пол ьзу, обы кновенно принадл ежал и к числу мыслей , кот оры е чаще всего повт орял он. Прим еров легко набрат ь десятки. Укажем т ол ько один ист инно восхитительный : когда бы л а мода на библ иографию, просл авившиеся в т о время библ ио-графы были превозносимы особенно за т о, чт о чрез них крит и-ческая ист ория нашей л ит ерат уры воздвигает ся на основании совершенно новом — на основании разработ ки факт ов, о необходимости которой (буд т о бы) прежд е у нас и не думал и, счит ая (буд т о бы) под робное иссл едование факт ов беспол езны м. К этим похвал ам присоединял ись упреки Бел инскому за то, что он, сам (буд т о бы) пренебрегая разработ к ою факт ов, доказы вал (буд т о 272

бы) беспол езность ее. Говорит ь эт о можно был о, тол ько забы в или вовсе никогда не имея понят ия, что при всяком удобном сл у-чае Белинский твердил о необходимост и разработ ки факт ов, в оз-буждал к ней неутомимо, обод рял каждый скол ько- нибудь сносный опыт в этом роде. Над обно прибавит ь, что он сам неутомимо занимал ся эт ою разработ кою и собрал для ист ории нашей лите-рат уры во ст о раз бол ьше факт ов, нежели кто- нибудь из современных ему или поздней ших писателей по части ист ории л итера-туры. Таких восхитител ьных примеров можно бы л о бы най ти очень много в журнал ах наших за пятидесяты е годы. Эт и ошибки, кажет ся, сл ишком ясно доказы вают , что память у нас довол ьно корот ка, и что сл ишком упорно нужно твердить нам одну и ту же мысль, чтобы она скол ько- нибудь вошл а в наше сознание.

По необходимому усл овию критической деятельности, у Бел инского част о вст речают ся повт орения основны х мыслей , и те(которы е видели в этом неизбежном качестве всякой критики особенный недостаток Бел инского, обнаруживал и тол ько свое незнакомство с понятиями об усл овиях, сообразн о с кот оры ми дол жен дей ствовать критик. Н о те, кот оры е выводили из этих повт оре-ний закл ючение, что в посл едние годы Белинский т ол ько повт орял сказанное им прежде, не прибавл яя ничего нового, что он исписал ся, — эти строгие судьи обнаруживал и, что они не в сост оя-нии даже понимать смы сл а читаемы х статей и в своих суждениях руководят ся тол ько оты скиванием сходны х сл ов. В 1842 году Белинский говорил о значении Лом оносова и в 1847 т акже — этого было для них довол ьно: они решал и, что в 1847 году он не сказал о Лом оносове ничего бол ьше, как т о, что говорил за пять лет.

А, между тем, стоил о бы тол ько сравнит ь соответствующие ст ра-ницы в двух обзорах, н они увидел и бы, что в 1847 году Бел ин-ский , крат ко упоминая о тех ©опросах по поводу Лом оносова, которы е объяснил прежде, главное внимание обращает на вопросы , которы х прежде не касал ся. Общ ег о между двумя этими эпизодами тол ько т о, что они говорят об одном писател е и написаны по одному и тому же общему понят ию о характ ере его сочинений , — они согл асны между собою в общем взгляде на Лом о-носова; но их содержание, частны е мысли, в них развиваемы е, совершенно разл ичны . В 1842 году Белинский доказы вал , что оды Лом оносова внушены не жизнью, а под ражанием иноземной рето -рической поэзии. Почему так бы ло и могл о ли быть иначе при тогдашнем пол ожении русской умственной жизни, об эт ом он не говорил в 1842 году. В 1847 году, крат ко

упомянув, что поэзия Лом оносова есть поэзия подражат ел ьная, Белинский не ост анав-ливается на этом факте, а объ ясняет его необходимост ь, д оказы -вает, что именно по своей подражат ел ьност и оды Лом оносова [и] удовлетворяли пот ребност ям т ого времени, что под ражание явл е-ниям цивилизованной жизни был о тогда для нас необходимей шим и плодотворней шим делом — спрашивает ся: неужел и сод ержание 18 н. Г. Чернышевский , т. Ill 273

этого эпизода не совершенно ново в сравнении с содержанием прежнего эпизод а? Чуд но уст роен свет, и хорошо, что не нашим противникам Бел инского пришл ось решат ь вопрос об отношении, например, Нибура к Тит у Ливию или Ад ама Смит а к Ксенофонту: они т от час бы от кры л и, что англий ский экономист не более, как повторил греческого, а немецкий ист орик — латинского. В самом деле, предметы одни н те же у них: Нибур и Тит Ливий , оба говорят о Ромул е и Нуме, о Цинциннате и Камилле; Адам Смит и Ксенофонт , оба говорят о государственны х доходах и расходах, о земледелии и ремесл ах. К акое нам дело до т ого, что в сочинении одного рассмат ривают ся одни вопросы , в сочинении друг ог о— совершенно другие? Обе книги имеют один общий предмет, одинаковое загл авие — чего же бол ьше? Не ясно ли, что поздней шая из двух книг дол жна быть повторением более ст а-

рой ? зачем вникать в смы сл ? — это дело небезопасное, да и не всякому оно по силам.

Кт о вникает в смысл, не ограничивая своего разумения искл ю-чительно именами и сл овами, тому, конечно, всегда казал ся чист ою нелепостью упрек Бел инскому за повторение ст арого или даже и за неподвижность. Труд но даже поверить, чтобы кому -нибудь могло притти на мысль вы брать такую тему для своих филштпик; а, между тем, Бел инского, дей ствительно, постоянно упрекал и в том, что он вечно повторяет одно и то же, хот я для всякого, читавшего его статьи, поразительней шею черт ою в деятельности эт ого писател я д ол жно бы ло бы представл яться пост о-янное стремл ение его вперед. Вообще, говоря об упреках, какие делались Бел инскому, чувствуешь себя совершенно неловко, — как бы рассужд ал о том, справедл иво ли упрекать Вол гу за то, что вода стоит в ней неподвижно. Чт о делать с таким мнением о неподвижности воды Вол ги? Объ яснят ь его неуместность кажется оскорбител ьны м дл я гл аз и зд равого смы сл а; а, между тем, попробуй те не отвечать, есл и кто - нибудь вы скажет его,— и человек, высказавший этот остроумны й упрек, будет воображат ь, что он ост ает ся прав. А если таких ост роумны х людей много, то на совести вашей будет л ежать тяжелый грех, когда вы оставите их в забл уждении.

Мы приведем еще тол ько один пример в опровержение ст ранного забл уждения, о кот ором упомянул и сей час.

Ряд статей Бел инского о Пушкине, без всякого сомнения, представляет одно строй ное целое; все эти статьи написаны под влиянием одной , мысли, по одному общему плану, и, кажет ся, до сих п ор никому еще не приходил о в гол ову утверждать, чтобы статьи эти в чем- нибудь противоречил и одна другой или чтобы общий план не был в них ст рог о собл юден. Од нако же, перечи-ты вая статьи о Пушкине, из которы х первая помещена в шестой книге «Отечественных] зап[исок]» 1843 года, а посл едняя в одиннадцатой книге 1846 года, невозможно не заметить, что 274

взгляд Бел инского постепенно ст ановит ся все шире и гл убже, а содержание статей все решительнее проникает ся интересами национальной жизни. Т ак , например, а начал е первой статьи значение Пушкина объ ясняет ся преимущественно с художественной точки зрения, а в закл ючении последней статьи сил ьнее, нежел и чисто художественное дост оинст во произведений Пушкина, вы-ставл яется на вид значение его деятельности для нашего общества, в кот ором его поэзиею пробужд ал ась гуманность *. Чет -вертая статья, рассм ат ривающая лицей ские ст ихот ворения Пушкина, занимает ся преимущественно формал ьны м объяснением той связи, в какой манера Пушкина находит ся с манерами предшествовавших ему поэтов. Шест ая, г оворящ ая о «Русл ане и Люд м иле», «К авказском пленнике», «Бахчисарай ском фонт ане», «Брать -ях- разбой нках», ограничивает ся чисто л итературны ми сужд е-ниями об этих произведениях; но в седьмой статье («Цы ганы »,

«Пол т ава») понят ия Ал еко о л юбви уже сл ужат поводом к эпизоду о нравственны х понят иях, а в осьмой и девятой статьях, закл ючающих разбор «Онегина», эпизоды подобного род а занимают уже наибол ьшее числ о ст раниц. Так, перечиты вая статьи, составл яющие, повидимому, совершенно од нород ное

целое, ст рого выполненные по заранее обдуманному плану, мы можем видеть, как расширяет ся круг предметов, говорит ь о кот оры х Белинский считает своею гл авною обязанност ью, и как чисто литературный взгл яд его все бол ее и бол ее оживл яет ся, соединяясь с забот ою о других пот ребност ях общест ва, как самая л ит ерат ура все яснее и яснее явл яется Бел инскому сл ужител ьницею интере-

сов не ст ол ько искусст ва, скол ько общест ва.

Заг ов орив о тех упреках, какие делались Бел инскому, мы хотим покончить с этим предметом, и для т ого дол жны сказат ь нескол ько сл ов от носител ьно обвинения, стол ь же неосновател ь-ного в сущност и, как и все преды дущие, но имевшего, по край -ней мере, тень внешнего правд опод обия для людей , которы е судят об уме и других д арованиях писател я не по его сочинениям, а по формал ьны м обстоят ел ьствам его жизни.

Лавуазье был генеральный от купщик, один из самы х дельных * Вот окончание последней на статен о Пушкине:

«Закл ючаем. Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию как искусство, как художество. Потому он навсегда останется великим, образцовы м мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свой ствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под втим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека. Несмот ря на генеалогические свои предрассудки, Пушкнн по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казал ся ему «человеком». Несмотря .на его пылкость, способную доходить до край ности, при характере сильном и мощном, в кем было много детскн- кроткого, мягкого и нежного, и все вто отразилось в его изящных созданиях».

18* -275

и деятельных по финансовой части директ оров огромного ком -мерческого предприят ия; но он созд ал новей шую химию, и никто в Европе не вздумал отвергать его засл уги науке на том основании, что- де он был промы шл енник, некогда ему было основател ьно занимат ься химиею. Вильгельм Гумбол ьдт был дипломат, был министр; но он написал гениальные сочинения по фил ол огии, — и никто в Европе не думал отвергать досто-

инство этих сочинений на том основании, что- де некогда было Гумбол ьдту основат ел ьно занимат ься фил ол огиею: он писал депеши, вел переговоры и писал резол юции на деловых бумагах. Анкетил ь Дюперрон был мат росом, потом сл угою в Ост - Индии, — но он первый изучил зендский язы к и познакомил Ев -ропу с огнепокл онническою цивил изациею, — и опять никто не вздумал спорит ь прот ив него на том основании, что - де некогда мат росу и л акею занимат ься науками. Яков Бем, получив такое воспитание, кот орое едва научил о его читать и писать, занял ся для своего пропит ания сапожны м мастерством и до конца жизни шил очень хорошие сапоги, но, кроме т ого, написал гениальные фил ософские т ворения, и опять-таки никто в Европе не думает говорит ь, что дол жны быть они плохи, потому - де, что куда же сапожнику быть хорошим фил ософом: его дело тачать сапоги и сучить дратву.

Эт о происходит от недогадл ивости умных и образованны х людей в Европе. Они, бедняжки, не подумали о самом легком и верном средстве судит ь, хорош и ли ученые сочинения такого - то авт ора. А верней шее средст во это сост оит в том, чтобы спросит ь у авт ора: «покажи- ка нам свои дипломы, скажи- ка, где ты кончил курс, какие ученые общест ва принял и тебя в числ о твоих членов, .какую дол жност ь ты занимаешь?» Ест ь дипломы у авт ора, занимает он ученую дол жност ь, — значит, и ученые его сочинения прекрасны .

Эт о правил о с успехом бы л о у нас применяемо к Н. А . Пол е-вому, но еще с бол ьшим успехом к Бел инскому. «Человек - де был не получивший никаких дипл омов, — ну, и значит, не мог основател ьно писать об учены х предметах»,

Белинский не был ни сапожником или мат росом, ни дипломатом или банкиром, никакое житей ское ремесл о не отвлекало его от книг, но у него не бы л о дипл омов; какая же тут может быть ученость, посудите сами.

Д а посмот рите, догадливые судьи, на самые сочинения и решай те вопрос об учености писател я по его творениям.

Эт ого сп особа поверки своих знаний Белинский не может боят ься. Будущие биографы Бел инского расскажут нам, когда и чем именно он занимал ся и как пол ьзовал ся доступными ему средствами дл я приобрет ения знаний , – мы пишем не биографию, нас занимают здесь не л юди, а тол ько их сочинения, – и потому дл я нас довол ьно знат ь, что изучение сочинений Бе -276

л инского самым неоспоримы м образом опровергает всякие сомнения в основател ьности его »нанш2. У нас мало было писателей , которы х можно бы л о бы сравнит ь с ним в этом отношении. Кажется, нел ьзя сказать, чтобы круг в оп росов , обнимаемы х его сочинениями, был тесен, а, между тем, пол ожител ьно видишь, перечитывая его статьи, что обо всех вопросах, каких ни касал ся он, он имел понят ая очень основател ьны е, которы м могли бы позавидоват ь многие ученые писател и.

Чт о же касается его специальной науки – ист ории русской л итературы , он был и до сих пор ост ает ся первым знат оком ее.

В этом отношении никто из наших ученых не мог до сих пор сравнит ься с ним. Вообще, надо признат ься, Белинский , будучи значительней шим из всех наших крит иков, был и одним из за* мечательней ших наших ученых. Эт о факт, неоспоримо доказы * ваемый его сочинениями. Сомневат ься в том значит обнаруживат ь или недостаток научного образования в себе, или свое незнакомство с сочинениями Бел инского.

Дл я иных (впрочем, можно быть уверенны м, очень немногих) может показат ься изл ишнею суровост ью с нашей ст ороны т о, что мы не делали ни малей ших уст упок в пол ьзу людей , осы -павших Бел инского упреками и обвинениями. – неужел и, в самом деле, эти люди были совершенно неправы ? – Совершенно неправы, – и тут нет ничего особенного или ст ранного для л ю-дей , имеющих понятие об ист ории, кот орая очень част о говорит о сл учаях совершенно подобны х, част о показы вает нам, что одна из боровшихся партий был а совершенно права, а все обвинения, взводившиеся на нее противниками, были совершенно л ожны , происходя единственно от .недальновидности, невежества, небл а-гонамеренности и тому подобны х отрицател ьны х качеств. «Но неужели, – могут спросит ь нас далее, – вы хотите доказат ь, что крит ическая деятельность Бел инского – пол ное осуществл е-ние абсол ют ного идеала крит ики?» – Дел о вовсе не в том. К аж-дый писатель сы н своего века, и когда развит ие мысли с течением времени ст ановится выше той степени, кот орая была свой -ственна его эпохе, когда явл яют ся воззрения более полные и глубокие, нежели каковы были его воззрения, тогда, конечно, его произведения перест ают быть совершенно удовл етворител ь-ными. Мы нимал о не сомневаемся в том, что будущее развит ие человеческой мысли дал еко превзой дет своею пол нотою и глубиною все, что произвел а мысль нашего века; мы уверены и в том, что русской л итературе предстоит великое развит ие, и что для того времени, когда наст анет эта эпоха высшего развит ия, будет казат ься неудовлетворительным все существовавшее или существующее ныне в русской л итературе, в том числе и критика Бел инского. Соображая аналогический ход развит ия других литератур, мы можем даже предусмат риват ь, какие именно ст ороны нашей нынешней л итературы будут казат ься сл абыми для того 277

времени, можем предвидеть и то, чем критика, соот&етс?вующй я

духу того времени, будет от л ичат ься от критики Бел инского: она будет г оразд о требовател ьнее, и, сравнител ьно с нею, критика Бел инского будет казат ься сл ишком умеренною в своих т ребо-ваниях, сл ишком укл ончивою или даже сл ишком сл абою по выражению этих требований : предметы, о которы х тогда будет вести речь русская л ит ерат ура, будут важнее, нежели были до сих пор, – потому и крит ика будет находить недостой ным своего внимания многое, что кажет ся в нынешней л итературе делом великой важност и. Н о эта эпоха еще впереди, и скоро ли наст а-нет она, трудно решить: чт о будет, можно предвидеть, скоро ли и каким образом будет, нел ьзя сказат ь. [Мы знаем так же верно, как 2 X 2 = 4, что за ночью последует день, и кто доживет до светл ого дня, конечно будет насл аждат ься сиянием, более ярким и живительным, нежели какой давали светила ночи, которы е озаряют ныне путь наш во мраке.]

Предварител ьны е объ яснения наши кончены, и мы теперь можем приступить к под

робному изл ожению л итературны х мнений Бел инского. В этом деле мы пост оянно будем приводить его собственные сл ова, и труд наш ограничивает ся тол ько вы бором важней ших мест из его посл едних статей . Дл я большей точности, мы не будем даже отступать ни от того порядка, в кот ором писаны были они, ни от т ого поряд ка, в кот ором изл агают ся эти мысли в каждой статье: мы прост о представим извлечение из последних статей Бел инского, зная, что это будет приятнее всего дл я читателей , пол езнее всего для л итературы .

Начинаем наши извл ечения анал изом статьи Бел инского, помещенной в «Пет ербургском сборнике» – «Мы сл и и заметки о русской л итерат уре».

Безотносител ьное дост оинст во нашей л итературы , по мнению Бел инского, еще не очень велико. Эт о понятие важно, потому что

кы , рад уясь своим успехам, сл ишком накл онны воображат ь, что уже недалеко ост ал ось нам до т ого, чтобы стоять на ряду с образованней шими народ ами и отдыхать на воображаемы х л аврах. Необход им о напоминат ь нам, что эта вы сокая мечта не более, как мечта. Есл и мы чем можем по справедл ивости гордит ься, то, без сомнения, л ит ерат урою: она сост авл яет л учшую ст орону нашей жизни; а между тем, и л ит ерат ура наша до сих пор находит ся в сост оянии, бл изком к младенчеству. Но, несмотря на свою сл абост ь, для нас она имеет чрезвы чай ную важност ь:

Какова бы ни была наша литература, во всяком случае, ее значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться: в ней , в одной ей , вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни. Тол ько в ее сфере перестаем мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся к людям и с людьми.

В нашем обществе преобладает дух разъединения: у каждого нашего 278

сословия все свое, особенное – и платье, я минеры, и образ жизни, и обычаи, а даже язык. Дух разъединения враждебен обществу: общество соединяет люден, каста разъединяет ах. Этот дух особностн так силен у вас, что даже я новые сословия, возникшие из нового порядка дел, основанного Петром Ве* лнким, не замедлили принять на себя особенные оттенки. Чему удивляться, что дворянин на купца, а купец на дворянина вовсе не походят, если иногда почти то же различие существует и между ученым и художником?.. У нас еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются верными благородной решимости ие понимать чтб такое искусство и зачем оно; у нас еще много художников, которые и не подозревают живой связи их искусства с наукою, с литературою, с жиэнию. И потому сведите такого ученого с таким художником, и вы увидите, ч*о они будут или молчать, или перекидываться общими фразами... Несомненно то, что у нас есть сильная потребность общества и стремление к обществу; а это уже важно. Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушил а стен, отделявших в старом обществе один класс or другого; но она подкопалась под основание этих стен и если не повалила, то наклонила их на бок, – и теперь со дня на день они все более и более клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы придавать ям тяжесть, которая, по причине подрытого их основания, только ускорил а бы их, н без того неизбежное, падение. И если теперь разделенные этими стенами сословия ие могут переходить через них, как через ровную мостовую, зато легко могут перескакивать через них там, где они особенно пообвалились или пострадали от проломов. Все это прежде делалось медленно и незаметно, теперь делается и быстрее и заметнее – и бл изко время, когда все вто очень скоро и начисто сделается. Железные дороги прой дут и под стенами и черев стены, туннелями и мостами; усилением промышленности и торговли они переплетут интересы люден всех сословий и классов и заставят их вступить между собою в те живые и тесные отношения, которые невольно сглаживают все резкие и ненужные различия.

Но начало этого сближения сословий между собою, которое есть качало образующегося общества, отнюдь не принадлежит исключительно нашему временя: оно сливается с началом нашей литературы. Общественное просвещение потекло у нас вначале ручей ком мелким и едва заметным, но зато из высшего и благородней шего источника – из самой науки и литературы.

Наука у нас и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда как образование только еще не разросл ось, но уже укоренилось. Лист его мелок и редок, ствол не высок и не толст, но корень уже так глубок, что его не вырвать

никакой буре, никакому потоку, никакой силе: вырубите этот лесок в одном месте, ио корень даст отпрыски в другом, и вы скорее устанете вырубать, нежели устанет он давать новые отпрыски и разрастаться...

Говоря об успехах образования нашего общества, мы говорим об успехах нашей литературы потому, что наше образование есть непосредственное дей ствие нашей литературы на понятия и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений , резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий , образовал а род общественного мнения и произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который от обыкновенного среднего сосл овия отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий , сблизившихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви к литературе.

Различие литературного образования общества перешло в жизнь в разделило людей на разл ично дей ствующие, мыслящие и убежденные поколения, которых живые споры и полемические отношения, выходя из принципов, а не из материальных интересов, являют собою признаки возникающей и развивающей ся в обществе духовной жизни. И вто великое дело есть дело нашей литературы!..

Литература была для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей . Она началась сатирою и в лице Кантемира 279

объявила нещадную борьбу невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, а беде, крючкотворству, лихоимству я казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, во как правила к и и в , как моральные убеждения. Каков бы ии был талант Сумарокова, но его сатирические нападки на «крапивное семя* всегда будут заслуживать почетного упоминовения от историка русской литературы. Комедии фон- Визкна были еще более заслугою перед обществом, нежели перед литературою. Отчасти то же можно сказать и об «Ябеде» Капниста. Басня потому так хорошо н принялась у нас, что она принадлежит к сатирическому роду поэзии, Сам Державин, поэт по преимуществу лирический , был в то же время и сатирическим поэтом, как, например, в «Фел ице», а Вельможе» и других пьесах. Наконец пришло время, когда а нашей литературе сатира перешла в юмор, который высказывается в художественном воспроизведении житей ской дей ствительности. Конечно, смешно было бы предполагать, чтоб сатира, комедия, повесть или роман могли исправить порочного человека; но нет сомнения, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробуждению его самосознания, покрывают порочного презрением и позором. Недаром же многие у нас не могут без ненависти слышать имени Гогол я и его «Ревизора» называют «безнравственным» сочинением, которое следовало бы запретить. Равным образом, теперь уже никто не будет так простодушен, чтобы думать, что комедия или повесть может взяточника сделать честным человеком: нет! кривое дерево, когда оно уже выросл о и потолстело, не сделаешь прямым; но ведь у взяточников так же бывают дети, как и у не взяточников: те и другие, еще не имея причин считать безнравственными яркие изображения взяточни* чества, восхищаются ими н незаметно для самих себя обогащаются такими впечатлениями, которые не всегда оказываются бесплодными в их последующей жизни, когда они делаются дей ствительными членами общества. Впечатления юности сильны, и юность то н принимает за .несомненную истину, что прежде всего поразил о ее чувство, воображение и ум. И вот каким образом дей ствует литература уже не на одно образование, но н на нравственное улучшение общества. Как бы то ни было, но этот факт не подлежит никакому сомнению, что только в последнее время у нас начало делаться заметным число людей , которые нравственные убеждения стараются осуществлять на деле, в ущерб своим личным выгодам и во вред своему общественному положению...

Не.,менее этого неоспорим и тот факт, что литература служит у нас точ -кою соединения людей , во всех других отношениях внутренно разъединенных. Мещанин Ломоносов за свой талант и свою ученость достигает важных чинов, и вельможи допускают его в свой круг. Бедный дворянин Державин за свой талант сам делается вельможею, — н между людьми, с которыми сблизила его литература, он нашел не одних меценатов, но и друзей . Казанский купец Каменев, написавший балладу «Громвал », приехав в Москву по делам, пошел познакомиться с Карамзиным, а через него перезнакомился со всем московским литературным кругом. Эт о было назад тому сорок лет, когда купцы хаживали только в передние дворянских домов, н то по делам, с товарами или за должком, об уплате которого смиренно докучали. Первые журналы русские, которых и самые имена теперь забыты, издавались кружками

молодых людей , сбл изившихся между собою чрез общую им всем страсть к литературе. Образованность равняет людей . И в наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором най дется и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, — кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей . Вот истинное начало образованной общественности, созданное у нас литературою! Кто из имеющих право на имя человека не пожелает от всей души, чтоб эта общественность росл а и увеличивалась не по дням, а по часам, как росли наши сказочные богатырн1 Как все живое, общество должно быть органическим, то есть множеством людей , связанных между собою внутренно. Денежные интересы, торговля, акции, балы, собрания, танцы — тоже связь, но только внешняя, следова-280

т«льно не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренно связывают людей общие нравственные интересы, сходстве* в понятиях, равенство в образования и, при атом, взаимное уважение к своему человеческому достоинству. Но все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивалась до енх пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...

Любовь к край ностям в суждениях — одно из свой ств еще не установившей ся натуры русской : русский человек любит или не в меру хвастаться, или не в меру скромничать.

Пристаньте к одной из этих партий , она сей час же произведет вас в великие люди, в гении, тогда как друтая возненавидит и объявит бездарным человеком. Но, во всяком случае, имея врагов, вы будете иметь и друзей . Держась же беспристрастного, трезвого мнения об этом предмете, вы восстановите против себя обе стороны. Одна из них обременит вас своим модным, попугай ным презрением; другая, пожалуй , объявит вас человеком беспокой ным, опасным, подозрительным, ренегатом и будет писать на вас литературные донесения — разумеется, публике... Самое неприятное тут то, что вы не будете поняты, и в ваших словах будут находить то неумеренные похвалы, то неумеренную брань, но не будут видеть в них верной характеристики факта дей ствительности, как он есть, со всем его добром и злом, достоинствами и недостатками, со всеми противоречиями, которые он носит в самом себе. Это особенно прилагается к нашей литературе, которая представляет собою столько край ностей и противоречий , что, сказав о ней что -нибудь утвердительное, тотчас же должно сделать оговорку, которая большинству публики, больше любящему читать, нежели рассуждать, легко может показаться отрицанием или противоречием. Так, например, сказав о сильном и благотворном влиянии нашей литературы на общество, и, следовательно, о ее великой для нас важности, мы должны оговориться, чтобы этому влиянию и этой важности не приписали больших размеров, нежели какие мы разумели, и, таким образом, не вывели бы из наших ело* такого заключения, что мы не только имеем литературу, но еще и богатую литературу, которая смело может стать наравне с любою европей скою литературою. Подобное заключение было бы всячески л ожно. У нас есть литература, и литература, богатая талантами н произведениями, если брать в соображение ее средства и молодость, — но наша литература существует только для нас: для иностранцев же она еще вовсе не литература, и они имеют полное право не признавать ее существования, потому что они не могут через нее изучать и узнавать нас, как народ, как общество. Литература наша слишком молода, неопределенна и бесцветна для того, чтобы иностранцы могли видеть ь ней факт нашей умственной жизни...

Дл я иностранцев интереснее других были бы в хороших переводах те создания Пушкина и Лермонтова, которых содержание взято из русской жизни. Таким образом Евгений Онегин был бы для иностранцев интереснее

Моц арта и Сал ьери, Скупою ры ц аря н Каменного гостя. И вот почему самый интересный для иностранцев русский поэт есть Гоголь. Этот успех понятен: кроме огромности своего художнического таланта, Гоголь строго держится в своих сочинениях сферы русской житей ской дей ствительности. А это - то всего и интереснее для иностранцев: они хотят через поэта знакомиться с страною, которая произвела его. В атом отношении Гоголь — самый национальный из русских поэтов, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причине самой национальности его сочинений , и в лучшем переводе не может яе ослабиться их колорит.

Но и этим успехом не должно слишком заноситься. Дл я поэта, который хочет, чтоб

гений его был признан везде и всеми, а ие одними только его соотечественниками, национальность есть первое, но не единственное условие: необходимо еще, чтоб, будучи национал ьным, он в то же время был н всемирным, то есть, чтобы национальность его творений была формою, телом, плотью, физиономиею, личностью духовного и бесплотного мира общечелове-281

ческй х идей . Другими словами: необходимо, чтоб национальный Поэт иы4Л великое историческое значение не для одного только своего отечества, но чтобы его явление имело всемирно- историческое значение. Такие поаты могут являться только у народов, призванных играть в судьбах человечества все* мирно- историческую рол ь, то есть своею национальною жизнью иметь влияние на ход и развитие всего человечества. И потому, если, с одной стороны, без великого гения от природы нельзя быть всемирно - историческим поэтом, то, с другой стороны, и с великим гением иногда можно быть не всемирно -историческим поэтом, то есть иметь важность только для одного своего народа. Здесь значение поэта зависит уже не от него самого, не от его деятельности, направления, гения, но от значения страны, которая произвела его.

С этой точки зрения, у нас нет ни одного поэта, которого мы имели бы право поставить наравне с первыми поэтами Европы,

Тал ант ы есть повсюду и всегда; но не одни тол ько таланты

нужны для того, чтобы л ит ерат ура имела пол ожител ьное дост о-инство: тол ько содержание придает истинную цену ее произведениям.

Почти каждой образованный француз считает необходимым иметь в своей библиотеке всех своих писателей , которых общественное мнение признало классическими. И он читает и перечитывает их всю жизнь свою.

У нас — что греха таить? — не всякий записной литератор считает за нужное иметь старых писателей . И вообще у нас все охотнее покупают новую книгу, нежели ст арую; старых писателей у нас почти никто не читает, особенно те, которые всех громче кричат о их гении и славе. Это отчасти происходит оттого, что наше образование еще не установилось и образованные потребности еще не обратились у нас в привычку. Но тут есть и другая, может быть, еще более существенная причина, которая не только объясняет, ио частим и оправдывает это нравственное явление. Французы до сих пор читают,* например, Рабл е или Паскал я, писателен X V I и XV II века; тут нет ничего удивительного, потому что этих писателей и теперь читают и изучают не однн французы, но и немцы и англичане — словом, люди всех образованных наций . Язы к этих писателей , а особенно Рабле, устарел: но содержание их сочинений всегда будет иметь свой живой интерес, потому что оно тесно связано со смыслом и значением целой исторической эпохи. Эт о доказывает ту истину, что только содержание может спасти от забвения писателя.

Ист очник, из кот орого возникает богат ая л итература, — богатство и сил а умственной жизни в обществе. У нас этого еще нет:

Вообще, вместе с удивительными и быстрыми успехами в умственном и литературном образовании, проглядывает у нас какая- то незрелость, какая- то шаткость и неопределенность. Истины , в других литературах давно сделавшиеся аксиомами, давно уже не возбуждающие споров и не требующие доказательств, у нас все еще не подвергались суждению, еще не всем известны. Вспомните только, что произведение, верно схватывающее какие - нибудь черты общества, считается у нас часто пасквилем то на общество, то на сословие, то иа лица. От нашей литературы требуют, чтобы она видела в дей ствн-тельности только героев добродетели да мелодраматических злодеев, и чтобы она и не подозревал а, что в обществе может быть много смешных, странных и уродливых явлений . Каждый , чтоб ему было широко и просторно жить, готов, если б мог, запретить другим жить. Явил ся у нас писатель, юмористический талант которого имел до того сильное влияние на всю литературу, что дал ей совершенно новое направление. Его стали порочить. Хотел и уверить публику, что он — Поль- де - Кок, живописец грязной , неумытой и не -причесанной природы. Он не отвечал някому и шел себе вперед. Публика, в 282

отношении к нему, разделилась на две стороны, из которых самая многочисленная была решительно против него, что, впрочем, нисколько не мешало ей раскупить, читать и перечитывать его сочинения. Наконец, и большинство публики стало аа него: чтб делать порицателям? Они начали признавать в кем талант, даже болышж,

хотя, по их словам, идущий « не по настоящему пути, ио, вместе с этим, стали давать знать и намекали прямо, что он, будто бы, унижает все русское, оскорбляет почтенное сословие чиновников, и т. п. Все мнения находят у нас место, простор, внимание и даже последователей . Чтб же вто, если не незрелость и не шаткость общественного мнения? Но, со всем этим, истина и здравый вкус все - таки идут твердыми шагами н овладевают полем этой беспорядочной битвы мнений . Все это доказывает, что н литература и общество каше еще сл ишком молоды и незрелы, но что в них кроется много здоровой жизненной силы, обещающей богатое развитие в будущем.

СТ АТ ЬЯ Д ЕВЯТ АЯ И П ОСЛ ЕД НЯЯ

Продол жаем наши извл ечения из статей Бел инского. Нам остается анал изироват ь два последние его годичные обозрения русской л итературы — на 1846 и 1847 годы. («Соврем енник] »,

1847 г., № 1, и 1848 г., № № 1 и 3.) Ь5 Эти два обозрения вместе

со статьей «Пет ербургского сборника», отры вки из которой привели мы в прошедшем месяце, представл яют довол ьно пол ное вы ражение общих л итературны х воззрений Бел инского. Дл я первого раза эти извл ечения с дост ат очною ясност ью возобновл яют в памяти читателей л ичность гениал ьного нашего крит ика [, — в настоящее время, и это уже д ол жно считаться делом великой важност и: мы много вы играем, если будем даже тол ько помнить, что некогда говорил ось нам, что некогда од обрял ось всеми нами]. Придет время, кто- нибудь скажет нам что- нибудь новое, что- нибудь лучшее [, — а теперь... теперь мы счастл ивы и довольны, когда можем назы вать хорошим хот я т о, что был о хорошо десять лет тому назад. Нечего сказат ь, завидное пол ожение л итературы и критики; нечего сказат ь, великой похвал ы засл у-живают бы стры е успехи общества.]. В нашем обществе, в нашей л итературе есть свежие силы, есть стремл ение вперед, есть залоги для развит ия более живого и широкого, нежели все предыдущее [, — люди живого наст оящего, выступай те же вперед бодрее, решительнее! Говорит е громче и сильнее! Ваши речи уже сл ы шатся между нами, — но как еще невнятны для большим* ства публики речи одних из вас, как неопределенны речи д ру-гих! Одним из вас над обно говорить сл ышнее, другим говорить определительнее, и тогда публ ика пой дет за вами. Говорит е же, и пусть воспоминания о Бел инском утрат ят свои жнвои интерес для современности]. Чем скорее &то будет, тем лучше. А пока,— пока он все еще ост ает ся незаменим дл я нашей л итературы Г, и надобно нам сл ушать то, что говорил он].

283

«Взгл яд на русскую л итературу 1846 года» начинается замечаниями о том, что характ ер современной русской литературы сост оит в более н бол ее тесном сбл ижении с жизнью и дей стви-тел ьностью, и что под обная характ ерист ика может быть уместна тол ько относител ьно л итературы очень молодой , мало еще развившей ся, и начавшей ся в подражание иностранны м л итерату-рам, а не из самостоятел ьной национальной жизни, что отрешение от подражат ел ьност и, постепенное достижение самобы тности есть гл авная черта в ист ории нашей л итературы , что и доказы -вается фактами. Вы писки из этой части обзора были нами приводимы в преды дущих статьях. Наконец , говорит Белинский , в произведениях Гогол я и писателей , им воспитанны х, наша литература явил ась самобы т ною, стал а верным изображением русской дей ствительности и оттого пол учил а в гл азах общест ва важное значение, какого прежде, по отсутствию живого сод ержания, она не имела. В беллетристике ст арое рет орическое направление совершенно бессил ьно; но вне белл етристики оно проявл яет ся так называемым сл авянофил ьством.

Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой . Вот источник так называемого славянофильства, которое мы, впрочем, во многих отношениях считаем весьма важным явлением, доказывающим, в свою очередь, что время зрелости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена детства литературы всех занимают вопросы, если даже и важные сами по себе, то не имеющие никакого дельного применения к жизни. Так называемое славянофильство, без всякого сомнения, касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности. Как оно их касается и как оно к ним относится — это другое дело. Но прежде всего славянофильство есть убеждение, которое, как всякое убеждение, заслуживает полного уважения, даже и в таком

случае, если с ним вовсе не согласны. Много можно сказать в пользу славянофильства, говоря о причинах, вызвавших его явление; но, рассмотревши его ближе, нельзя не увидеть, что существование и важность этой литературной котерин чисто отрицательные, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которою обрекла себя. Поэтому нет никакого интереса говорить с славянофилами о том, чего они хотят, да и сами они неохотно говорят и пишут об этом, хотя и не делают из этого никакой тай ны. Дел о в том, что положительная сторона их доктрины заключается в каких- то туманных, мистических предчувствиях победы Востока над Западом [.которых несостоятельность слишком ясно обнаруживается фактами дей ствительности, всеми вместе и каждым порознь]. Но отрицательная сторона их учения гораздо более заслуживает внимания, не в том, что они говорят против гниющего будто бы Запада [Запада славянофилы решительно не понимают, потому что меряют его на восточный аршин], но в том, что они говорят против русского европеизма, а об этом они говорят много дельном, с чем нельзя не согласиться хотя на половину, как, например, что в русской жиэни есть какая- то двой ственность, следовательно, отсутствие нравственного единства; что это лишает нас резко выразившегося национального характера; каким [s честя их,] отличаются почти все европей -ские народы, что ато делает нас какими- то междоумк&ми, которые хорошо умеют мыслить по- французски, по- немецки и по- англий ски, Ко никак нё умеют мыслить по- русски, и что причина всего этого в реформе Петра Великого.

Все это справедливо до известной степени. Но нельзя остановиться на признании справедливости какого бы т о нн было факта, а должно исследовать его 284

причины, в надежде в самом зле кай ти и средства к выходу из него. Этого славянофилы не делали и не сделали; но зато они заставили если не сделать, то делать это своих противников. И вот где их истинная заслуга. Заснуть в самолюбивых мечтах, о чем бы они ни были — о нашей ли народной славе, ялн о нашем европеизме, равно бесплодно и вредно, потому что сон есть не жизнь, а только грезы о жизни; и нельзя не сказать спасибо тому, кто прервет такой сон. В самом деле, никогда изучение русской истории не имело такого серьезного характера, какой приняло оно в последнее время. Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем. Мы как будто испугались за нашу жизнь, за наше значение, за наше прошедшее и будущее, и скорее хотим решить великий вопрос: Быть или не быть? Тут уже дело идет не о том, откуда пришли варяги — с запада или с юга, из- за Балтий ского, или иа- за Черного моря, а о том, проходит ли через нашу историю какая - ннбудь живая органическая мысль, и если проходит, какая именно; какие наши отношения к нашему прошедшему, от которого мы как будто оторваны, и к Западу, с которым мы как будто связаны. И результатом этих хлопотливых и тревожных исследований начинает оказываться, что, во- первых, мы не так резко оторваны от нашего прошедшего, как думали, и не так тесно связаны с З а -падом, как воображал и. С другой стороны, обращаясь к своему настоящему положению, смотря на него глазами сомнения и исследования, мы не можем не видеть, как, во многих отношениях, смешно и жалко успокоил нас наш русский европеизм насчет наших русских недостатков, забелив и зарумянив, но вовсе не изгладив их. И в этом отношении поездки за границу чрезвы-чай но полезны нам: многие нз русских отправляются туда решительными европей цами, а возвращаются от туда, сами не зная кем, и потому самому с искренним желанием сделаться русскими. Что же все это означает? — Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала междоумками? И неужели они правы, говоря, что нам надо воротиться к общественному устрой ству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михай ловича (насчет этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?..

Нет, это означает совсем другое, а именно то, что Россия вполне исчерпала. изжила эпоху преобразования, что реформа совершила в ней свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать, и что настало для России время развиваться самобытно, нз самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, так сказать, эпоху реформы и воротиться к предшествовавшим ей временам — неужели это значит развиваться самобытно? Смешно было бы так думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, как и переменить порядок годовых времен, заставив за весною следовать зиму, а за осенью — лето. Это значило бы еще признать явление Петра Великого, его реформу и последующие события в России (может быть, до самого 1812 года — эпохи, с которой началась новая жизнь для России), признать их случай ными, каким- то тяжелым сном, который тотчас исчезает и уничтожается, как скоро проснувший ся человек открывает глаза. Но так

думать сродно только господам Маниловым. Подобные события в жизни народа слишком велики, чтоб быть случай ными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла. Вместо того, чтоб думать о невозможном и смешить всех на свой счет самолюбивым вмешательством в исторические судьбы, гораздо лучше, признав- неотразимую и неизмеримую дей ствительность cyujej ствующего, дей ствовать на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом; а не маниловскими фантазиями. Не об изменении того, что совершилось без нашего ведома и что смеется над нашею волею, должны мы думать, а об изменении самих себя на основании уже указанного нам пути высшею нас волею. Дел о в том, что пора нам перестать казаться, а начать быть, пора оставить, как дурную привычку, довольствоваться словами и европей ские формы и внешность принимать за европеизм. Скажем более! пора нам перестать восхищаться европей ским потому только, что оно я«

285

азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно чел овеческое, и, на этом основании, все европей ское, в чем нет человече» cKorov отвергать с такою же внергиею, как и все азиатское, в чем нет челове*. «геекого.

Повторяем: славянофилы правы во многих отношениях; но тем не менее их роль чисто отрицательная, хотя н полезная на время. Главная причина их странных выводов заключается в том, что они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат, хотят видеть плод прежде цвета и, находя листья безвкусными, объявляют плод гнилым н предлагают огромный лес, разросший ся на необозримом пространстве, пересадить на другое место и приложить к нему другого рода уход. По их мнению, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. Они забыли, что в разгаре процесса часто особенно бросаются в глаза именно те явления, которые, по окончании процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впоследствии должно явиться результатом процесса. В этом отношении Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод. Без всякого сомнения, русскому легче усвоить себе взгляд француза, англичанина или немца, нежели мыслить самостоятельно, по- русски, потому что то готовый взгляд, с которым равно легко знакомит его и наука и современная дей стви-тельность, тогда как он, в отношении к самому себе, еще загадка, потому что еще загадка для него значение и судьба его отечества, где всё зародыши, зачатки и ничего определенного, развившегося, сформировавшегося. Разумеется, в атом есть нечто грустное, но зато как много и утешительного в этом же самом! Дуб растет медленно, зато живет века. Человеку сродно желать скорого свершения своих желаний ; но скороспелость ненадежна: нам болёе, чем кому другому, должно убедиться в «той истине. Известно, что французы, англичане и немцы так национальны каждый по- своему, что не в состоянии понимать друг друга, — тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная фил ософия немца. Одни видят в атом наше превосходство перед всеми другими народами, другие выводят из этого весьма печальные заключения о бесхарактерности, которую воспитала в нас реформа Петра: потому что, говорят они, у кого нет своей жизни, тому легко подделываться под чужую, у кого нет своих интересов, тому легко принимать чужие; но подделываться под чужую жизнь не значит жить, понять чужие интересы не значит усвоить их себе. В последнем мнении много правды, но не совсем лишено истины И перво* мнение, как ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажем, что решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто- внешнею жизнию. В Европе есть одно такое искусственное государство, склеенное из многих национальностей ; но кому же неизвестно, что его крепость и сила — до поры и времени?.. Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: и» всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой н большей силе и кре» пости.' В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости» втой силы.- Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свой ' слово, с ною мысль; но каково вто слово, какова мысль, — об втом пета еще; рано нам хлопотать. Наши внуки нли правнуки узнают это без всяких усилий - напряженного разгадывании, потому'что это слово, вта мысль будет сказал а ими... .

Чт о же касается до многосторонности, с какою русский человек понимает чуждые ему национальности, – в этом заключаются равно и его ела* бая и его сильная стороны. Сл абая потому, что этой многосторонности дей -286

стви*ёльно Mnofo noMdrier efo й астоящая независимость от односторонности собственных национальных интересов. Но можно сказать с достовер -ностью, что эта независимость только помогает втой многосторонности; а едва лн можно сказать с какого- нибудь достоверностью, чтобы она производила ее. По край ней мере, нам кажется, что было бы слишком смело приписывать положению то, что всего более должно приписывать природной даровитости. Не любя гадании и мечтании и пуще всего боясь произвольных, личных выводов, мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себе все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания...

...На свете нет ничего безусловно важного или неважного. Против «той истины могут спорить только те исключительно теоретические натуры, которые до тех пор и умны, пока носятся в общих отвлеченностях, а как скоро спустятся в сферу приложении общего к частному, словом, в мир дей стви-тельности, тотчас оказываются сомнительными насчет нормального состояния их мозга. Итак, все на свете только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Как, – скажут нам, – и истина, и д обро-детель– понятия относительные?» Нет, как понятие, как мысль, они безусловны и вечны; но как осуществл ение, как факт, они относительны. Идея истины и добра признавались всеми народами, во все века; но чтб непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому безусловный , или абсолютный , способ суждения есть самый легкий , но зато и самый ненадежный ; теперь он называется абстрактным, или отвлеченным. Ничего нет легче, как определить, чем должен быть человек в нравственном отношении; но ничего нет труднее, как показать, почему вот этот человек сделался тем, чтб он' есть, а не сделался тем, чем бы ему, по теории нравственной фил осо-фии, следовало быть.

Вот точка зрения, с которой мы находим признаки зрелости современной русской литературы в явлениях, повидимому, самых обыкновенных. Присмотритесь, прислушай тесь: о чем бол ьше всего толкуют наши журнал ы? – о народности, о дей ствительности. На чтб больше всего нападают они? – иа романтизм, мечтательность, отвлеченность. О некоторых из этих предметов много было Толков и прежде, да не тот они имели смысл, не то значение. Понятие о «дей ствительности» совершенно новое; на «романтизм» прежде смотрели, как на альфу и омегу человеческой мудрости, и в нем одном искали решения всех вопросов; понятие о «народности» имело прежде исключительно л итературное значение, без всякого приложения к жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно в сфере литературы, но разница в том, что литература- то теперь сделалась эхом жизни. Как судят теперь об этих предметах – вопрос другой . По обыкновению, одни лучше, другие хуже, но почти все одинаково в том отношении, что в решении этих вопросов вндят как будто собственное спасение. В особенности, вопрос о народности сделался всеобщим вопросом и проявился в двух край ностях. Одни смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародии, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе; другие, сознавая потребность высшего национального начала и не находя его в дей -ствительности, хлопочут выдумать свое, и неясно, намеками указывают нам на смирение, как на выражение русской национальности. С первыми смешно спорить; но вторым можно заметить, что смирение есть, в известных случаях, весьма похвальная добродетель для человека всякой страны; для француза, как и для русского, для англичанина, как и для турка: но что она едва ля может одна составить то, что называется «народностью». Притом же этот взгляд, может быть, превосходный в теоретическом отношении, не совсем уживается с историческими фактами. Удельный период наш отличается 287

скорее гордынею и драчливостью, нежели смирением. Татарам поддались мы совсем не от смирения (что было бы для нас не честью, а бесчестием, как и для всякого другого народа), а по бессилию, вследствие разделения наших сил родовым, кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени. Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозвав был «гордым»; а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Димитрий Донской мечом, а не

смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением. Только слабый Феод ор составляет исключение из правила. И вообще, как- то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось сперва Московским царством, а потом Россий скою империею, приосеннв крыльями двуглавого орл а, как свое достояние, Сибирь, Мал ороссию, Белоруссию, Новороссию, Крым, Бессарабию, Лнфл яндию, Эстляндию, Курляндию, Финл ян-дию, Кавказ. Конечно, в русской истории можно най ти поразительные черты смирения, как и других добродетелей , со стороны правительственных и частных лиц; но в истории какого же народа нельзя най ти их, н чем какой -нибудь Людовик IX уступает в смирении Феод ору Иоанновичу?.. Толкуют еще о л юбви, как о национальном начале, исключительно присущем одним славянским племенам, в ущерб галльским, тевтонским и иным западным. Эта мысль у некоторых обратилась в истинную мономанию, так что кто - то из этих «некоторых» решился даже печатио сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью отделались мы не только от татар, но и от нашествия Наполеона. Мы, напротив, думаем, что любовь есть свой ство человеческой натуры вообще и так же не может быть исключительною принадлежностью одного народа или племени, как и дыхание, зрение, голод, жажда, ум, слово. Ошибка тут в том, что относительное принято за безусловное. Завоеватель ьная система, положившая основание европей ским государствам, тотчас же породила там чисто юридический быт, в котором само насилие и угнетение приняло вид не произвола, а закона.

У славян же, напротив, господствовал обычай , вышедший из «кротких и любовных» патриархальных отношений . Но долго ли продолжался этот патриархальный быт и что мы знаем о нем достоверного? Еще до удельного периода встречаем мы в русской истории черты вовсе не любовные – хитрого воителя Олега, сурового воителя Святослава, потом Святополка (убий цу Бориса и Гл еба), детей Владимира, восставших на своего отца, и т. п. Это, скажут, занесли к нам варяги и – прибавим мы от себя – положили этим начало искажению любовного патриархального быта. Из чего же в таком случае и хлопотать? Удельный период так же мало период любви, как и смирения; это скорее период резни, обратившей ся в обычай . О татарском периоде нечего и говорить: тогда лицемерное и предательское смирение было нужнее и любви и настоящего смирения. Пытки, казни периода Московского царства и последующих времен [,до самого царствования Екатерины Великой ,] опять посылают нас искать любви в доисторические времена славян. Где ж тут любовь, как национальное начало? Национальным началом она никогда и не была, но была человеческим началом, поддерживавшимся в племени его историческим, или, лучше сказать, его неисторическнм положением. Пол о-жение изменилось, изменились и патриархальные нравы, а с ними исчезла и любовь, как бытовая сторона жизни. Уж не возвратиться ли нам к втим временам? Почему ж бы и не так, если это так же легко, как старику сделаться юношей , а юноше – младенцем?..

Что составляет в человеке его высшую, его благородней шую дей ствитель-ност ь?– Конечно, то, чтб мы называем его духовностью, то есть чувство, разум, воля, в которых выражается его вечная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается в человеке низшим, случай ным, относительным, преходящим?– Конечно, его тело. Известно, что наше тело мы сыздетства привыкли презирать, может быть, потому именно, что, вечно живя в логических фантазиях, мы мало его знаем. Врачи, напротив, больше других уважают тело, потому что больше других знают его. Вот почему от болезней 288

чисто нравственных они лечат иногда средствами чисто материальными, й наоборот. В этом отношении они похожи на умного агронома, который с уважением смотрит не только на богатство получаемых им от земли зерен, но и на самую землю, которая их произрастил а, и даже на грязный , нечистый и вонючий навоз, который усилил плодотворность этой земли. – Вы, конечно, очень цените в человеке чувство? – Прекрасно! так цените же и этот кусок мяса, который трепещет в его груди, который вы называете сердцем, и которого замедленное или ускоренное биение верно соответствует каждому движению вашей души. – Вы, конечно,] очень уважаете в человеке ум? – Прекрас ч о!– так останавливай тесь же в благоговей ном изумлении и перед этою массою мозга, где происходят все умственные отправления, откуда по всему организму распространяются, чрез позвоночный хребет, нити нерв, которые суть органы ощущения и чувств. Иначе, вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины, или–чтб еще хуже–сочините свои, небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими. Психология, не опирающаяся на физиологию, так же несостоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовольствовалась и этим: химическим анализом хочет ст а

проникнуть в таинственную л абораторию природы, а наблюдением над эмбрионом (зароды шем) проследить [физический процесс нравственного развития]. Но это внутренний мир физиологической жизни человека: все его сокровенные от нас дей ствия, как результат, выказываются наруже в лице, взгляде, голосе, даже манерах человека. А между тем, что такое лицо, глаза, голос, манеры? Ведь это все — тело, внешность, следовательно, все преходящее, случай ное, ничтожное, потому что ведь все это — не чувство, не ум, не воля? — так! но ведь во всем этом мы видим н сл ышим и чувство, и ум, и волю. Ум без плоти, без физиономии, ум, не дей ствующий на кровь и не принимающий на себя ее дей ствия, есть логическая мечта, мертвый абстракт. Ум — эт о человек в теле, или, лучше сказать, человек через тело, словом, л ичность. Посмотрите, сколько нравственных оттенков в человеческой натуре: у одного ум едва заметен из- за сердца, у другого сердце как будто поместилось в мозгу; этот страшно умен и способен на дело, да ничего сделать не может, потому что нет у него воли; а у того страшная воля, да сл абая голова, и из его деятельности выходит или вздор, или зло. Перечесть этих оттенков так же невозможно, как перечесть различия физиономий : сколько людей , столько и лиц, и двух совершенно схожих людей най ти еще менее возможно, нежели най ти два древесные листка, совершенно схожие между собою. Когда вы влюблены в женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ее ума и сердца: иначе, когда вам укажут на другую, которой нравственные качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться н оставить первый предмет своей любви для нового, как оставляют хорошую книгу для лучшей . Нел ьзя отрицать влияния нравственных качеств на чувство любви, но когда любят человека, любят его всего, не как идею, а как живую личность; любят в нем особенно то, чего не умеют ни определить, ни назвать. В самом деле, как бы определили и назвали вы, например, то неуловимое выражение, ту таинственную игру его физиономии, его голоса, словом, все то, что составляет его особность, что делает его не похожим на других и за что именно вы больше всего и л юби-те его? Иначе, зачем бы вам было рыдать в отчаянии над трупом любимого вами существа? — Ведь с ним не умерло то, чтб было в нем лучшего, благородней шего, что называли вы в нем духовным и нравственным, — а умерло только грубо материальное, случай ное? Н о об этом - то случай ном и рыдаете вы горько, потому что воспоминания о прекрасных качествах человека не заменят вам человека, как умирающего от голода не насытит воспоминание о роскошном столе, которым он недавно насл аждал ся. Я охотно соглашусь с спиритуалистами, что мое сравнение грубо, но зато оно верно, а это для меня главное. Державин сказал :

Так! весь я не умру; но часть меня большая,

От тлена убежав, по сме рти станет жить.

19 Н. Р. Чернышевский , т. Ill 289

Против дей ствительности такого бессмертия нечего сказать, хотя они h ца утешит людей , близких поэту; ко что передает поэт потомству в своих созданиях, если не свою личность? Не будь он личность больше, чем кто -нибудь, личность по преимуществу, его создания были бы бесцветны н бледны. От этого творения каждого великого поэта представляют собой совершенно особенный , оригинальный мир, и между Гомером, Шекспиром, Бай -роном, Сервантесом, Вальтер Скоттом, Гете и Жорж-Сандом общего только то, чхо все они — великие поэты...

Но что же эта личность, кот орая дает реальность и чувству, н уму, к воле, и гению и без которой все — или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность? Я много мог бы наговорить вам об этом, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознат ься вам, что чем живее созерцаю внутри себя сущность личности, тем менее умею определить ее словами. Эт о такая же тай на, как и жизнь: все ее видят, все ощущают себя в ее недрах, и никто не скажет вам, что она такое. Так точно, ученые, хорошо зная дей ствие и силы деятелей природы, каковы электричество, гальванизм, магнетизм, и потому нисколько не сомневаясь в их существовании, все - таки не умеют сказать, что они такое. Страннее всего, что все, что мы можем сказать о личности, ограничивается тем, что она ничтожна перед чувством, волею, добродетелью, красот ою и тому подобными вечными и непреходящими идеями; но что без нее, преходящего и случай ного явления, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродетели, ни красоты , так же, как не было бы ни бесчувственности, ни глупости, ни бесхарактерности, ни порока, ни безобразия... Что л ичность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим

абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому бопросу, я скорее готов перей ти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину - то говорят, как такое- то издание такой - то логики... Но, к счастию, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому.

Человеческое присуще человеку потому, что он — человек; но оно проявляется в нем не иначе, как, во- первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она его может вместить в себе, а во - вторых, на основании его национальности. Личност ь человека есть исключение других личностей н, по тому самому, есть ограничение человеческой сущности: ни один человек, как бы ни велика была его гениальность, никогда не исчерпает самим собою не только всех сфер жизни, но даже и одной какой - нибудь ее стороны. Ни один человек не только не может заменить самим собою всех людей (т. е. сделать их существование ненужным), но даже и ни одного человека, как бы он ни был ниже его в нравственном или умственном отношении; но все и каждый необходимы всем и каждому. На этом и основано единство и братство человеческого рода. Человек силен и обеспечен только а обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — национал ьность. Она есть самобытный результат соединения людей , но не есть их произведение: ни один народ не создал своей национальности, рак не создал самого себя. Эт о указывает на кровное, родовое происхождение всех национальностей . Чем ближе человек или народ к своему началу, тем ближе он к природе, тем более он ее раб; тогда он не человек, а ребенок, не.народ, а племя. В том и другом человеческое развивается по мере их освобождения от естественной непосредственности. Этому освобождению часто способствуют разные внешние причины; но человеческое тем не менее приходит к народу не извне, а из него же самого, и всегда проявляется в нем национально.

Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как реторическая фигура; но в дей ствительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается чрез заимствование у другого, он тем 200

не менее совершается национально. Иначе, нет прогресса. В наше время народные вражды и антипатии погасли совершенно. Франц уз уже не питает ненависти к англичанину только за то, что он англичанин, и наоборот. Н а-против, со дня на день более и более обнаруживается в наше время сочув* ствие и любовь народа к народу. Эт о утешительное, гуманное явление есть результат просвещения. Но из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности и делало все народы похожими один на другой , как две капли воды. Напротив, наше время есть, по преимуществу, время сильного развития национальностей . Франц уз хочет быть французом, н требует от немца, чтобы тот был немцем, и только на этом основании и интересу -ется ям. В таких точно отношениях находятся теперь Друг к другу все евро-пей ские народы. А, между тем, они нещадно заимствуют Друг у друга, нисколько не боясь повредить своей национальности. Ист ория говорит, что подобные опасения могут быть дей ствительны только для народов нравственнобессильных и ничтожных. Древняя Эллада была наследницею всего предшествовавшего ей древнего мира. В ее сост ав вошли элементы египетские и финикий ские, кроме основного пелазгического. Римляне приняли в себя, так сказать, весь древний мир и в-се-таки остались римлянами, и если пали, то не от внешних заимствований , а от того, что были последними представителями исчерпавшего всю жизнь свою древнего мира, долженствовавшего обновиться через христианство и тевтонских варваров. Франц узская литература рабски подражала греческой и латинской , наивно грабила их заимствованиями, — и все- таки оставалась национально- французскою. Все отрицательное движение французской литературы X V III века вышло нз Англии, но французы до того умели усвоить его себе, наложив иа него печать своей национальности, что никто и не думает оспаривать у их литературы чести самобытного развития. Не»4| кая философия пошла от француза Декарта, нисколько не сделавшись от этого французскою.

Таково отношение Бел инского к вопросу о народ ност и. Он думает, что в сущност и о ней нечего и забот ит ься пароду, имеющему нравственные силы. Он а так же неотъемлема и несокрушима, как физиол огические особенност и народ а, потому что и сама, подобно им, врожд ена от природы . Мнимая борьба человеческого с национал ьны м, — продол жает он, — в сущност и есть тол ько борьба нового со ст ары м, современного с отжившим.

Ит ак, тол ковать о народ ност и едва ли не значит попусту те-1 рят ь сл ова; но в стремл ении, из кот орого возникл и &ти толки, есть смы сл : он закл ючает ся в том, что каждый народ дол жен занимат ься изучением и ул учшением своей дей ствительной жиз-

ни. Начат ки эт ого направл ения видит Белинский теперь в нашей л итературе, а в этих начат ках — бл изост ь ее к зрел ост и и в оз-мужал ост и. Наш а л итерат ура, с появл ением Гогол я, занял ась делом. «В этом отношении дошл а она до такого пол ожения, что успехи ее в будущем, ее движение вперед зависят бол ьше от объема и кол ичества предметов, доступны х ее заведы ванию, нежели от нее самой . Чем шире будут границы ее сод ержания, чем бол ьше будет пищи для ее деятел ьности, тем бы стрее и пл одо-витее будет ее развит ие».

Эт им оканчивает ся общ ая часть предпосл еднего годичного об* зора русской л итературы . Следующий , последний сбзор («Сов -ременник], 1848, № № 1 и 3) явл яется, в своей общей част и, как бы продол жением преды дущего. Чит ат ел и помнят, 'что на*

19* 291

правл ение, кот орое теперь владычествует в нашей л итературе, пол учил о, при своем появл ении, название натуральной школы, и что десять лет тому назад нат урал ьная школ а была предметом ожест оченны х нападений со ст ороны всех отстал ы х писателей .

Теперь мы видим, что поднял ись прот ив так назы ваемого от ри-цател ьного направл ения тол ки, совершенно подобны е тем, какие прежде поднимал ись против натуральной школы. Вся разница тол ько в заменении термина «нат урал ьная школ а» другим, а предмет неудовол ьствия отстал ы х крит иков ост ает ся один и тот же. Белинский отвечает на все упреки против натуральной школы с пол нот ою, кот орая не оставл яет места никаким сомнениям; он ист ориею доказы вает неизбежност ь нынешнего направл ения литературы , эстетикою совершенную законност ь его, нравственными пот ребност ями нашего общест ва необходимость его:

Натурал ьная школа стоит теперь на первом плане русской литературы; нисколько не преувеличивая дела, по каким- нибудь пристрастным увлече-

ниям, мы можем сказать, что публика, т. е. большинство читателей , за нее: вто факт, а не предположение. Теперь вся литературная деятельность сосредоточил ась в журнал ах; а какие журналы пользуются большею известностью. имеют более обширный круг читателей и большее влияние на мнение публики, как не те, в которых помещаются произведения натуральной школы? Какие романы и повести читаются публ нкоюш особенным интересом, как не те, которые принадлежат натуральной школе, или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повести, не принадлежащие к натуральной школе? С другой стороны, о ком беспрестанно говорят, спорят ; на кого беспрестанно нападают с ожесточением, как не на натуральную школу?

Все это нисколько не ново в нашей литературе, но было не раз и всегда будет. Карамзин первый произвел разделение в едва возникавшей тогда русской литературе. Д о него все были согласны во всех литературных вопросах, и если бывали разногласия и споры, они выходили не из мнений и убеждений , а из мелких и беспокой ных самолюбий Тредьяковского и Сумарокова. Но это согласие доказывало только безжизненность тогдашней так называемой литературы. Карамзин первый оживил ее, потому что перевел ее из книги в жизнь, из школы в общество. Тогда, естественно, явились и партии, началась вой на на перьях, раздались вопли, что Карамзин и его школа губят русский язык и вредят добрым русским нравам. В лице его противников, казалось, вновь восстала русская упорная старина, которая с таким судорожны м н тем более бесплодным напряжением отстаивала себя от реформы Петра Великого. Но большинство было на стороне права, т. е. таланта и современных нравственных потребностей , вопли противников заглушались хвалебными гимнами поклонников Карамзина. Все группировалось окол о него, и от него все получало свое значение и свою значительность, все — даже его противники. 'Он был героем, Ахиллом литературы того времени. Но чтб вся эта тревога в сравнении с бурею, которая поднялась с появлением Пушкина на литературном поприще? Она так памятна всем, что нет нужды распространяться о ней . Скажем только, что противники Пушкина ви-

дели в его сочинениях искажение русского языка, русской поэзии, несомненный вред не только для эстетического вкуса публики, но и — поверят ли теперь этому? — для общественной нравственности!!.. Чт б.же за причина, что противники всякого движения вперед во -все эпохи .нашей литературы говорили одно и то же и почти одними н течи же сл овамЛ? . . . .

Причина. этого скрывается там же, , где надо искать и происхождения натуральной -школы ;— в историй нашей литературы. В лице'|Кантемира русская поэзия обнаружила, стремление и дей ствительности, к жизни, как 292

она есть, основала свою силу на верности натуре. В Державине (его оды «К Фелице », « Вел ьможе », «На счастие » едва ли не лучшие его п ронзве » деиия, по край ней мере, без всякого сомнения, в них больше оригинального, русского, нежели в его торжественных одах), в баснях Хемнице ра и в комедиях Фонвизина отозвал ось направление, представителем которого, по времени, был Кантемир. Сатира у них уже реже переходит в преувеличение и карикатуру, становится более натуральною, по мере того, как становится более поэтическою. В баснях Крыл ова сат ира делается вполне художественною; натурализм становится отличительною характеристическою чертою его поэзии. Зат о он первый и подвергся упрекам за изображения «низкой природы». Наконец, явился Пушкин, поэзия которого относится к поэзии всех предшествовавших ему поэтов, как достижение' относится к стремлению. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характер первых поэм Пушкина, в них уже вошли элементы жизни дей ствительной . Цыганский табор с оборванными шатрами между колесами телег, с пляшущим медведем и нагими детьми в перекидных корзинках на ослах, был тоже неслыханною дотоле сценою для кровавого трагического события. Но а «Евгении Онегине» идеалы еще более уступили место дей ствительности.

Тут уже натуральность является не как сатира, не как комизм, а как

верное воспроизведение дей ствительности со всем ее добром и злом, со всеми сколько идеализированных, выведены люди обыкновенные, но не на посмешище, как уроды, как исключения из общего правила, а как лица, составл яю-щие большинство общества. И все это в романе, писанном стихами! Чтб же в это время делал роман в прозе?

Он всеми силами стремился к сближению с дей ствительностью, к натуральности. Между этими попытками были очень замечательные; но тем не менее все они отзывались переходною эпохою, стремились к новому, не оставляя старой колеи. Весь успех заключался в том, что, несмотря на вопли староверов, в романе стали появляться лица всех сословий , и авторы ст ара-лись подделываться под язык каждого. Эт о называлось тогда народностью. Но эта народность слишком отзывалась маскарадностью: русские лица низших сословий походили на переряженных бар, а бары только именами отличались от иностранцев. Нужен был гениальный талант, чтобы навсегда освободить русскую поэзию, изображающую русские нравы, русский быт, из- под чуждых ей влияний . Пушкин много сделал для этого; но докончить, довершить дело предоставлено было другому таланту. С появления «Миргорода» и «Арабесок» (в 1835 году) и «Ревизора» (в 1836) начинается полная известность Гогол я и его сильное влияние на русскую литературу. Влияние теорий и школ было одною из главных причин, почему многие сначала спокой но, без всякой враждебности, искренно и добросовестно видели в Гоголе не более, как писателя забавного, но тривиального и незначительного, и вышли из себя уже вследствие восторженных похвал, расточавшихся ему другою стороною, н важного значения, которое он быстро приобретал в общественном мнении. В самом деле, как ни ново было в свое время направление Кадамзина* оно оправдывалось образцами французской литературы. Как ни странно поразили всех баллады Жуковского, с их мрачным колоритом, с их кладбищами и мертвецами, но за них были имена корифеев немецкой литературы. Сам Пушкин, с одной стороны, был подготовлен предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себе легки® следы их влияния, а, с -другой стороны, его нововведения оправдывались общим движением во всех литературах .Европы и влиянием Бай -рона— авторитета огромного. Но Гогол ю не было образца, не было предшественников ни в русской , ни в иностранных литературах. Все теории, все предания литературные были против него, потому что он был против них. Чтобы понять eroi надо 'было вовсе выкинуть их из головы, забыть о их существовании; а это для многих значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть..; Чтобы-, яснее. сделать нашу.. мысль, посмотрим,, в.- каких отношениях находится .Гоголь к другим - русским поэтам,] КоИ'ечЯо, и в тех сочинениях Ж

Пушкина, которые представляют чуждые русскому миру картины, без всякого сомнения, есть элементы русские: но кто укажет их? Как доказать, что, например, поэмы: «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Скупой ры царь», «Гал уб», могли быть написаны только русским поэтом, и что их не мог бы написать поэт другой нации? То же можно сказать и о Лермонтове. Все сочинения Гоголя посвящены исключительно изображению мира русской жизни, и у него нет соперников в искусстве воспроизводить се во всей ее истинности. Он ничего не смягчает, не украшает вследствие любви к идеалам или каких- нибудь заранее принятых идей , или привычных пристрастий как, например, Пушкин в «Онегине» идеализировал помещичий быт. Конечно, преобладающий характер его сочинений — отрицание; всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала, н этот идеал у Гоголя также не свой , т. е. не туземный , как и у всех других русских поэтов, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературе этот идеал. Но нельзя же не согласиться с тем, что по поводу сочинений Гогол я уже никак невозможно предположить вопроса: как доказать, что они могли быть написаны только русским поэтом и что их не мог бы написать поэт другой нации? Изображать русскую дей ствительность, и с такою поразительною верностию и истиною, разумеется, может только русский поэт. И вот пока в этом-то более всего и состоит народность нашей литературы.

Литература наша началась подражательностию. Но она не остановилась на этом, а постоянно стремилась к самобытности, народности, из реториче -ской стремилась сделаться естественною, натуральною. Это стремление, ознаменованное заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы. И мы не обинуясь скажем, что ни в одном русском писателе это стремление не достигло такого успеха, как в Гоголе.

Эт о могло совершиться только чрез исключительное обращение искусства к дей ствительности, помимо всяких идеалов. Дл я этого нужно было обратить все внимание на толпу, на массу, изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила, которые всегда соблазняют поэтов на идеализирование н носят на себе чужой отпечаток. Это великая заслуга со стороны Гоголя: но это- то люди старого образования и вменяют ему в великое преступление перед законами искусства. Этим он совершенно изменил взгляд на самое искусство. К сочинениям каждого из поэтов русских можно, хотя и с натяжкою, приложить старое н ветхое определение поэзии, как «украшенной природы »; но в отношении к сочинениям Гоголя этого уже невозможно сделать. К ним идет другое определение искусства, как воспроизведение дей ствительности во всей ее истине. Тут все дело в типах, а идеал тут понимается не как украшение (следовательно, л ожь), а как отношения, в которые становнт друг к другу автор созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением.

Влияние Гогол я на русскую литературу было огромно. Не только все молодые таланты бросились на указанный им путь, но и некоторые писатели, уже приобретшие известность, пошли по этому же пути, оставив свой прежний . Отсюда появление школы, которую противники ее думали унизить названием натуральной . После «Мертвы х душ» Гоголь ничего не написал.

На сцен* литературы теперь только его школа. Все упреки и обвинения, которые прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную

В чем же обвиняют ее? Обвинений не много, и они всегда одни и те же.

Сперва нападали на нее эа ее будто бы постоянные нападки на чиновников.

В ее изображениях быта этого сосл овия одни искренно, другие умышленно видели злонамеренные карикатуры. С некоторого времени эти обвинения замолкли. Теперь обвиняют писателей натуральной школы за то, что они любят изображат ь людей низкого звания, делают героями своих повестей мужоков, дворников, извозчиков, описывают углы, убежища голодной нищеты и часто всяческой бевнраэственности. Чтобы устыдить новых шгсатз*

294

лей , обв иннг ел и с т орж ест в ом ук азыЬают На п рек расьы е врем ена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитриева, избиравших для своих сочинений предметы высокие и благородные. Мы же напомним вм. что первая замечательная русская повесть была написана Карамзиным, и ее героиня была

обольщенная петиметром крестьянка – бедная Лиза... Но там, скажут они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступит самой благовоспитанной барышне. Вот мы и дошли до причины спора: тут виновата, как видите, старая пиитика. Она позволяет изображать, пожалуй , и мужиков, но не иначе, как одетых в театральные костюмы, обнаруживающих чувства и понятия, чуждые их быту, положению и образованию, и объясняющихся таким языком, которым никто не говорит, а тем более крестьяне. Старая пиитика позволяет изображать все, чтб вам угодно, но т ол ько предписывает при атом изображаемый предмет так украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотели изобразить. Следуя строго ее урокам, поэт может пой ти дальше прославленного Дмитриевым маляра Ефрема, который Архипа писал Сидором, а Луку–Кузьмою: он может снять с Архнпа такой портрет, который не будет походить не только на Сидора, но и ни на что на свете, даже ка комок земли. Натурал ьная школа следует совершенно противному правилу: возможно близкое сходство изображаемых ею лиц с их образцами в дей ствительности не составляет в ней всего, но есть первое ее требование, без выполнения которого уже не может быть в сочинении ничего хорошего. Требование тяжелое, выполнимое только для таланта! Как же, после этого, не любить и не чтить старой пиитики тем писателям, которые когда- то умели и без таланта с успехом подвизаться на поприще поэзии? Как не считать им натуральной школы самым ужасным врагом своим, когда она ввела такую манеру писать, которая им недоступна? Это, конечно, относится только к людям, у которых в этот вопрос вмешалось самолюбие; но най дется много и таких, которые по искреннему убеждению не любят естественности в искусстве, вследствие влияния на них старой пиитики. Эти люди с особенною горечью жал уются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначение. «Бы вал о,– говорят они,– поэзия поучала забавляя, заставляла читателя забывать о тягостях и страданиях жизни, представляла ему только картины приятные и смеющиеся. Прежние поэты представляли и картины бедности, ко бедности опрятной , умытой , выражающей ся скромно и благородно; притом же, к концу повести всегда являлась чувствительная молодая дама или девица, дочь богатых и благородных родителей , а не то благодетельный молодой человек, и во имя милого или милой сердца водворяли довольство и счастие там, где были бедность и нужда и благодарные слезы орошал и благодетельную руку – и читатель невольно подносил свой батистовый платок к глазам и чувствовал, что он становится добрее и чувствительнее... «А теперь! посмотрите, что теперь пишут! мужики в лаптях и сермягах часто от них несет сивухою, баба – род центавра, по од ежд е не вдруг узнаешь, какого эт о пола существо: углы – убежище нищеты, отчаяния и разврата, до которых надо доходить по двору, грязному по колени; какой - нибудь пьянюшка-подьячий или учитель из семинаристов, выгнанный из службы, – все это списывается с натуры, в наготе страшной истины, так что если прочтешь – жди ночью тяжелых снов»... Так или почти так говорят маститые питомцы старой пиитики.

В сущности их жалобы состоят в том, зачем поэзия перестала бесстыдно лгать, из детской сказки превратилась в быль, не всегда приятную, зачем отказалась она быть гремушкою, под кот орую детям приятно и прыгать и засыпать... Странные люди, счастливые люди! им удалось на всю жизнь остаться детьми и даже в старости быть несовершеннолетними, недорослями,– и вот они требуют, чтобы и все походили на них1 Да читай те свои старые сказки – никто вам не мешает; а другим оставьте занятия, свой ствен-ные совершеннолетию. Вам ложь – нам истина; разделимся без спору, благо вам не нужно нашего пая, а мы даром не возьмем вашего... Но этому пЬлю-бовному разделу мешает другая причина – эгоизм, который считает себя добродетелью. В самом деле, представьте себе человека обеспеченного, может 295

быть, богатого; он сей час пообедал сладко, со вкусом (повар у него прекрасный), уселся в спокой ных вольтеровских креслах с чашкою кофе перед пылающим камином, тепло и хорошо ему, чувство благосостояния делает его веселым. – и вот берет он книгу, лениво переворачивает ее листы, – и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезает с румяных губ, он взволнован, встревожен, раздосадован... И есть от чего! книга говорит ему, что не все на сеете живут так хорошо, как он, что есть углы, где под лохмотьями дрожит от холоду целое семей ство, может быть, недавно еще знавшее довольство, – что есть на свете люди, рождением, судьбою обреченные на нищету, что последняя копей ка идет на зелено вино не всегда от праздности н лени, но и от отчаяния... И нашему счастливцу неловко, как будто совестно своего комфорта... А все виновата скверная книга: он взял ее для удовольствия, а вычитал тоску н скуку... Прочь ее! «Книга должна приятно развлекать; я и без того знаю, что в жизни много тяжелого и мрачного, и если читаю, так для того, чтобы забыть это!» восклицает он. – Так, милый , добрый сибарит, для твоего спокой ствия и книги должны лгать, и бедный забывать свое горе, голодный свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными

звуками, чтобы не испортился твой аппетит, не Нарушился твой сон... Представьте теперь в таком же положении другого любителя приятного чтения. Ему надо было дать бал, срок приближался, а денег не было; управляющий его, Никита Федоры ч, что-то замешкался высылкою. Но сегодня деньги получены, бал можно дать; с сигарой в зубах, веселый н довольный , лежит он на диване и от нечего делать руки его лениво протягиваются к книге. Опять та же история! Проклятая книга рассказывает ему подвиги его Никиты Федоры ча, подлого холопа, с детства привыкшего подобострастно служить чужим страстям и прихотям, женатого «а отставной любовнице родителя своего барина, [И ему - то, незнакомому ни с каким человеческим чувством, поручена судьба и участь всех Антонов...) Скорее прочь ее, скверную книгу!.. Представьте теперь еще в таком комфортном состоянии человека, который в детстве бегал босиком, бывал на посылках, а лет под пятьдесят как- то очутился в чинах, имеет «малую толику».

Все читают — надо и ему читать; но чт<5 находит он в книге?— свою биографию, да еще как верно рассказанную, хотя, кроме его самого, темные похождения его жизни — тай на для всех и нн одному сочинителю неоткуда было узнать их... И вот он уже не взволнован, а просто взбешен, и с чувством достоинства облегчает свою досаду таким рассуждением: «Вот как пишут ныне! вот до чего дошло вольнодумство! Так ли писали прежде? Штнль ровный , гладкий , все о предметах нежных нлн возвышенных, читать сладко н обидеться нечем!»

Есть особенный род читателей , который [,по чувству аристократизма,] не любит встречаться даже в книгах с людьми низших классов, обыкновенно не знающими приличия и хорошего тона, не любит грязи и нищенств, по их противоположности с роскошными салонами, будуарами и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школе не иначе, как с высокомерным презрением, ироническою улыбкою... Кто они такие, эти феодальные бароны, гнушающиеся «подлою чернью» [.которая в их глазах ниже хорошей лошади?] Не спешите справляться о них в герольдических книгах или при дворах европей -ских: вы не най дете их гербов, они [не ездят ко двору, и] если видали большой свет, то не иначе, как с улицы, сквозь ярко освещенные окна, насколько позволяли сторы и занавески...

«Чт о за охота наводнять литературу мужиками?» восклицают [аристократы известного разряда.] В их глазах писатель — ремесленник, которому как что закажут, та* он и делает. Им и в голову не входит, что, в отношении к выбору предметов сочинения, писатель ие может руководствоваться нк чуждою ему волею, ни даже собственным произволом, ибо искусство имеет свои законы, без уважения которых нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требует, чтобы писатель был верен собственной натуре, своему таланту, своей фантазии. А чем объяснить, что один любит изображать предметы веселые, другой — мрачные, если не натурою, характером и. талантом поэта? Кто 296

чтб любит, чем интересуется, то в знает лучше, а что лучше знает, то лучшй и изображает. Вот самое законное оправдание поэта, которого упрекают аа выбор предметов: оно неудовлетворительно только для людей , которые ничего не смыслят в искусстве и грубо смешивают его с ремеслом. Природа — вечный -образец искусства, а величай ший и благородней ший предмет в природе — человек. [А разве мужик не человек?..] Божественное слово любви и братства не втуне огласило мир. То, что прежде было обязанностию только призванных лиц или добродетелью немногих избранных натур, — это самое делается теперь обязанностию обществ, служит признаком уже не одной добродетели, но и образованности частных лиц. Посмотрите, как в наш век везде заняты все участью низших классов, как частная благотворительность всюду переходит в общественную, как везде основы ваются хорошо организованные, богатые верными средствами общества для распространения просвещения в низших классах, для пособия нуждающимся и страждущим, для отвращения и предупреждения нищеты и ее неизбежного следствия — безнравственности и разврата. Эт о общее движение, столь благородное, столь человече -*. ское, столь христианское, встретило своих порицателей в лице поклонников тупой и косной патриархальности. Они говорят, что тут дей ствуют мода, увлечение, тщеславие, а не человеколюбие. Пусть так, да когда же и где же в лучших человеческих дей ствиях не участвовали подобные мелкие побуждения? Но как же сказать, что только такие побуждения могут быть причиною таких явлений ? Как думать, что главные виновники таких явлений , увлекающие своим примером толпу, не одушевлены более благородными и высокими побуждениями? Разумеется, нечего удивляться добродетели людей , которые бросаются в благотворительность не по чувству любви к ближнему, а из моды, из подражательности, из тщеславия; но это добродетель в отношении к обществу, которое исполнено такого духа, что и

деятельность суетных людей умеет направлять к добру! Эт о ли не отрадное в высшей степени явление новей шей цивилизации, успехов ума, просвещения и образованности?

Могл о ли не отразиться в литературе это новое общественное движение, — в литературе, которая всегда бывает выражением общества! В атом отношении литература сделала едва ли не больше: она скорее способствовала возбуждению в обществе такого направления, нежели только отрааила его в себе, скорее упредила его, нежели только не отстала от него. Нечего говорить, достой на ли и благородна ли такая рол ь; но за нее - то и нападают на литературу иные. Мы думаем, что довольно показали, из каких источников выходят эти нападки и чего они стоят... («Современник]», 1848 г., т. V II, «Русская литер[атура]», стр. 10—26.)

Посл е того Белинский оправды вает нат урал ьную школ у с эстетической точки зрения, развивая истинны е понят ия о сущност и и значении искусст ва. Эт от впнзод был уже представл ен нами в. прил ожении к седьмой главе «Очерков ».

Мы привели в извл ечении все важней шие ст раницы общей части обоих посл едних годичны х обозрений Бел инского. Во второй пол овине того и другого обозрения, где дается оценка замеча- . тельней ших л итературны х явлений предшествовавшего года, особенного внимания засл уживает од на общ ая черт а: ученые труды , преимущественно по русской ист ории, рассмат ривают ся с т акою же подробност ью, как и бел л етристические произведения. Эт ого прежде не был о: об ученых книгах представл ял ись тол ько крат -кие суждения. В самом деле, в посл еднее время деятел ьности

Бел инского одна от расл ь нашей ученой л итературы , именно разра-

ботка русской ист ории, бл агод аря трудам новой исторической школы (гг. Сол овьев, Кавел ин и д р.). пол учил а для общества важност ь, какой не имела прежде. С того времени это общее сочувствие к ученым вопросам постепенно возраст ает , и мало -помал у наше общест во начинает расширят ь круг своих умственных интересов. В последнее время мы даже видели, что журнал , вызывающий к себе внимание публики преимущественно статьями ученого сод ержания, пол ьзует ся в публике вниманием не меньшим т ого, какое обращ ено на журнал ы , успех кот оры х основан преимущественно на белл етристике и беллетристической критике. Пят -надцать, д аже десять лет тому назад едва ли был о бы возможно такое явление. Нет сомнения, что этот новый прогресс в умственной жизни нашей публ ики бл агот ворны м образом от разит ся и на развит ии всей нашей л итературы . Белинский предугадывал это, и вот причина т ого, что в посл еднее время он почел необходимым расширит ь горизонт своих годичны х обозрений , обрагив на труды по русской ист ории стол ько же внимания, как и на произведения изящной сл овесност и. Есл и бы в наст оящее время мы имели крит иков, подобны х ему, конечно, они увидели бы возм ож-ность и необходимость еще бол ее расширит ь круг нашей критики.

Вы писки наши из статей Бел инского были многочисленны и обширны . Легко бы л о бы заменить их изл ожением их сод ержания; но читатель, вероят но, од обряет тот метод, кот орому мы сл едовал и. Наш и статьи имели целью не т ол ько ист орическое изл ожение разл ичны х направлений русской критики: мы хотели также указат ь на основания, от кот оры х не дол жна укл оняться

современная крит ика, если не хочет впадать в бессил ие, мелочность, пустоту. Справедл ивы е понят ия об эт ом были вы сказы -ваемы у нас Бел инским, и на его крит ику до сих под надобно смот реть не тол ько как на замечател ьное ист орическое явление, «о т акже и как на руководительный пример. Наш и собственны е сл ова не имели бы того авт оритет а, какой имеют его сл ова. Кроме т ого, если бы мы не приводил и его мнений его собственны ми сл овами, иным, быть может , вздумал ось бы говорит ь, что мы приписы ваем Бел инскому мнения, кот оры х он не имел: мы уже говорил и, что память у многих из нас очень корот ка. Вы писки из Бел инского предупреждают возможност ь такого сомнения и придают мыслям, кот оры е дол жны быть считаемы справедл и-выми, авторитет, который немногие решат ся отвергать.

Два важны е принципа особенно дол жны быть хранимы в нашей памяти, когда дело

идет о л итературны х суждениях: понятие об от ношениях л итературы к общест ву и занимающим «гл вопросам; понятие о современном пол ожении нашей литературы и усл овиях, от кот оры х зависит ее развит ие. Оба эти принцип* были вы ставл яемы Бел инским, как важней шие основания нашей критики, разъ ясняемы со всерт сил ою его диалектики и пост оян-ное

Но применяемы им к делу, успех кот орого и зависел в значител ь-ной степени от их собл юдения. С т ого времени, как писал Белин* ский , развитие наше не сделал о еще стол ь значител ьны х успехов, чтобы его мысли потерял и прямое отношение к нашему наст оя-щему, и кто забот ит ся об истине, по необходимост и до сих пор держит ся л итературны х воззрений , представителем кот оры х был он в нашей критике.

Во всех от расл ях человеческой деятельности тол ько те на-правл ения достигают бл естящего развит ия, кот оры е находят ся в живой связи с потребност ями общест ва. Т о, что не имеет корней в почве жизни, ост ает ся вял о и бледно, не тол ько не приобретает ист орического значения, но и сам о по себе, без от ношения к дей ствию на общест во, бывает ничт ожно. Когда дело идет о стремл ениях и факт ах, принадл ежащих к сферам материальной , научной и общественной жизни, эта истина признает ся бесспорно всеми. Когда дело идет о живописи, скул ьптуре, архитектуре, также ни один скол ько- нибудь сведущий человек не будет спорит ь прот ив мысли, чт о кажд ое из этих искусств достигал о бл естящего развит ия тол ько тогда, когда это развитие усл овл ивал ось общими т ребованиями эпохи. Скул ьпт ура процветал а у греков тол ько потому, что бы л а вы ражением господствующей черты в их жизни, — вы ражением ст раст ного покл онения красот е форм чел овеческого тела. Гот ическая архитектура созд ал а дивные памятники тол ько потому, что была служител ьницею и вы разител ьницею средневековы х стремлений . Ит ал ьянская школ а живописи произвел а дивные картины тол ько потому, что была вы разител ьницею стремлений общест ва в том веке и в той стране, сл ужил а духу века, сост оявшему в сл иянии кл ассического покл онения красот е чел овеческого тела с заоблачными стремлениями средних веков.

Странны м исключением из общего закона была бы л итерату-ра, если бы могла производит ь что- нибудь замечател ьное, от решаясь от жизни. Н о мы уже говорил и в одной из прежних статей , что таких сл учаев никогда и не бы вал о. Каким же образом может находить себе защитников так назы ваемая т еория «чист ого искусства» (искусст ва небы вал ого и невозм ожного), т ребующая от л итературы, чтобы она искл ючител ьно забот ил ась тол ько о форме? Тут все основано на том, что приверженцы так назы -ваемого чистого искусства сами не замечают истинного смысл а

своих желаний или хотят вводить других в забл уждение, гово

ря о чистом искусстве, кот орого никто не знает и никто, ни сами они, не желает. Н е ост анавл иваясь на общей фразе, кот орою заведомо или без ведома для самих себя прикры вают они свои истинные жел ания, над обно бл иже всмотреться в факты , свидетельствующие о их стремл ениях, над обно посмотреть, в каком духе сами они пишут и в каком духе написаны произведения, одобряемы е ими, и мы увидим, что они забот ят ся вовсе не о 290

чистом искусстве, независимом от жизни, а, напротив, хотят подчинить л итературу искл ючител ьно сл ужению одной тенденции, имеющей чисто житей ское значение, Дел о в том, что есть л юди, дл я кот оры х общественны е интересы не существуют, ко-торы м известны тол ько личные насл аждения и огорчения, независимые от ист орических вопросов, движущих обществом. Дл я этих изящны х эпикурей цев жизнь ограничивает ся тем горизонтом, который обнимает ся поэзиею Анакреона и Горац ия: весел ая беседа за умеренным, но изы сканны м стол ом, комфорт и женщины , — бол ьше не нужно для них ничего. Сам о собою разумеется, что для таких темпераментов равно скучны все предметы, вы ходящие из круга эпикурей ских идей ; они хотели бы, чтобы и л итерат ура ограничивал ась содержанием, кот оры м ог ра-ничивает ся их собст венная жизнь. Н о прямо вы разить такое жел ание значил о бы обнаружит ь край нюю нетерпимость и од но-ст оронност ь, и для прикры т ия сл ужат им фразы о чистом искусстве, независимом, будто бы, от интересов жизни. Но, скажите, разве хороший стол , женщины и прият ная беседа о женщинах не принадл ежат к житей ским фактам наравне с нище-т ою и пороком, зл оупот ребл ениями и бл агородны ми стремлениями? Разве поэзия, если бы решил ась ограничит ься заст ол ь-

ными песнями и эрот ическими беседами, не была бы все - таки вы разител ьницею извест ного направл ения в жизни, сл ужител ь-ницею известны х идей ? Он а говорил а бы нам: «пой те и любите, наслаждай тесь и забавляй тесь, не думая ни о чем бол ьше»; она была бы проповедницею эпикуреизма, а эпикуреизм точно так же фил ософская система, как стоицизм и пл ат онизм, как идеализм и материал изм, и проповеды вать эпикуреизм значит прост о- напрост о быть проповедником эпикуреизма, а не сл ужи-телем чистого искусства.

Ит ак, вот к чему свод ит ся вопрос о так назы ваемом чистом искусстве: не к тому, д ол жна или не дол жна л итература быть сл ужител ьницею жизни, распрост ранит ел ьницею идей , — она не может ни в каком сл учае от казат ься от этой рол и, лежащей в самом существе ее, — нет, воп рос сводит ся прост о к тому: дол жна ли л ит ерат ура ограничиват ься эпикурей скою тенденциею, забы вая обо всем, кроме хорошего ст ол а, женщин и беседы на аттический манер с миртовы ми венками на гол овах собеседников и собеседниц? *От вет , кажет ся, не может быть затруднител ен. Ог рани-чивать л итературу изящны м эпикуреизмом значит до нелепости стеснять ее границы , впадать в самую узкую од ност оронност ь и нетерпимость. Нет нужды на од ност оронност ь отвечать другою од ност оронност ью; за ост ракизм, кот орому защитники так на* Само собою разумеется, мы здесь говорим только о том, какой смысл имеет теория чистого искусства в наше время. Здесь нас занимает настоящее, а не давно минувшее.

300

зы ваемого чистого искусст ва хотел и бы подвергнуть все другие идеи и направл ения л итературы , кроме эпикурей ского, нет нужды платить ост ракизмом, обращенны м прот ив эпикурей ской т енд ер ции, хот я она скорее всякой другой тенденции засл уживал а бы

осужд ения, как нечто празд ное и пошл оват ое. Нет , избегая всяких односторонностей , скажем, что эпикурей ское наст роение духа, сущест вуя в жизни, имеет п раво вы ражат ься и в л итературе, кот орая д ол жна обнимат ь собою всю жизнь. Н о справедл ивост ь требует сказат ь, что вообще эпикуреизм может играт ь важную рол ь в жизни т ол ько немногих людей , распол оженны х к нему по нат уре и обстановл енны х в жизни искл ючител ьно бл агоприят -ными обст оят ел ьст вами; потому и в л ит ерат уре эпикурей ское направл ение может приход ит ься по вкусу тол ько немногим счастливым празд нол юбцам, а дл я ог ром ног о бол ьшинст ва людей т акая тенденция всегда казал ась и будет казат ься безвкусна или даже решител ьно прот ивна. Есл и же речь переходит к наст оя-щему времени, т о над обно замет ит ь, чт о оно решител ьно небл агоприят но для эпикуреизма, как время разум ног о движения [и борьбы], а не празд ного заст оя, и т ак как эпикуреизм в жизни для нашего времени есть замят ие хол одно- эгоистическое, сл едовател ьно, вовсе не поэт ическое, т о и в л ит ерат уре эпикурей ское направл ение нашего времени, по необходимост и, запечатлевается хол од ною мерт венностью. Поэзи я есть жизнь, дей -ствие, [борьба], ст раст ь; эпикуреизм в наше время возможен тол ько для людей бездей ственных, чужды х исторической жизни, потому в эпикуреизме нашего времени очень мал о поэзии. И если справедл иво, что живая связь с разумны ми т ребованиями эпохи дает энергию и успех всякой деятел ьности чел овека, то эпикуреизм нашего времени не может созд ат ь в поэзии ровно ничего скол ько- нибудь замечат ел ьного. Дей ствительно, все произвед е-ния, написанны е нашими современниками в этой тенденции, совершенно ничт ожны в художест венном от ношении: они хол од -ны, натянуты , бесцветны п рет оричны .

Лит ерат ура не может не быть служительницей того или д ру-гого направл ения идеи : эт о назначение, л ежащее в ее нат уре,—

назначение, от кот орог о она не в сил ах от казат ься, если бы и хотела от казат ься. Посл едоват ел и т еории чист ого искусст ва, вы даваемого нам за нечто дол женст вующее быть чужды м житей ских дел, обманы вают ся или прит воряют ся.' сл ова «искусст во д ол жно быть независимо от жизни» всегда сл ужил и тол ько прикры тием для борьбы прот ив не нравившихся этим л юдям направлений л итературы , с целью сдел ать ее сл ужител ьницею другого направл ения, кот орое бол ее приход ил ось этим л юдям по вкусу. Мы видели, чего хот ят защит ники т еории чист ого искусст ва в наше время, и едва ли м ожно думать, чтобы их сл ова могли иметь какое- нибудь вл ияние «а л ит ерат уру, как ск оро смы сл этих сл ов откры т. Нашему времени нет никакой охот ы дл я эпикуре -301

й эма забыть обо всём оСт&льй ом, и л итература, никак не п оя т подчинит ься этому узком у и мелкому направл ению, чуждом; зд оровы м стремл ениям века.

[Как и всякая д ругая достой ная внимания умственная или нравст венная деятельность, л ит ерат ура по самой нат уре не может не быть сл ужител ьницею стремлений века, не может не быть вы разител ьницею его идей . Воп рос сост оит тол ько в том, каким идеям д ол жна сл ужить она, – таким ли, которы е, не имея важного места в жизни века, сообщ ат и л итературе, ими ограничивающей ся, характ ер пустоты , празд носл овия, или тем идеям, кот оры ми движет ся век. От вет на это нимал о не затруднител ен: т ол ько те направл ения л итературы достигают бл естящего развит ия, кот оры е возникают под вл иянием идей сал ьны х я живых, кот оры е удовл ет воряют настоятел ьны м пот ребност ям эпохи. У кажд ого века есть свое ист орическое дело, свои особенные стремл ения. Ж изнь и сл аву нашего времени составл яют два стремл ения, т есно связанны е между собою и сл ужащие дополнением од но другому: гуманность и забот а об улучшении человеческой жизни. К этим двум основны м идеям примы кают, от них пол учают свою сил у все остал ьны е частные стремления, свой ственные л юдям нашего века: воп рос о народ ност и, вопрос о просвещении, государст венны е, юридические стремл ения ожив-л яют ся этими идеями, решают ся на основании их, вообще интересуют собою современного чел овека тол ько по мере связи их с тенденциею к гуманности и ул учшению человеческой жизни.

Д аже отдельные науки приобрет ают или т еряют свою от носи-тел ьную важност ь по мере т ого, в какой степени сл ужат они господст вующим пот ребност ям века. Т о же самое замечаем в судьбе искусст в: если живопись ныне находит ся вообще в д о-вол ьно жал ком пол ожении, гл авною причиною тому надобно считать отчуждение эт ого искусст ва от современны х стремлений . Другие искусст ва более или менее подвергл ись той же участи, как живопись, и по той же самой причине. И з всех искусств, одна т ол ько л итерат ура сохраняет свое могущест во и свое до-ст оинст во, потому что од на она понял а необходимост ь освежат ь свои сил ы живы ми вдохновениями века. В самом деле, все те л юди, кот оры ми гордит ся новая европей ская л итература, – все без искл ючения вдохновл яют ся стремл ениями, кот оры е движут жизнью нашей эпохи. Произвед ения Беранже, Ж оржа Сан -да, Гей не, Диккенса, Теккерея внушены идеями гуманности и ул учшения человеческой участ и. А те тал анты, деятельность кот оры х не проникнут а этими стремл ениями, или ост ал ись безвестны , или приобрел и извест ност ь вовсе не вы годную, не созд ав ничего засл уживающего сл авы . Теперь, например, почти каждому читателю покажет ся нел епостью, если кто вздумал бы признават ь великий тал ант в каком- нибудь Ал ександ ре Дюма

во всех от ношениях и преимущественно в художест венном от ношении», скажет каждый . А между тем, этот писател ь без сомнения наделен от природ ы очень бол ьшим тал антом, – но тал ант этот ост ал ся чужд стремл ениям века, – и резул ьт ат ом бы л о ничт ожест во его произведений .]

Нел ьзя насил ьно дать себе одушевл ения тем, что не в озбуж-дает одушевл ения в нашей нат уре. Ил и врожденны е качест ва темперамента, или опыт жизни, размы шл ение и наука, а не п ро-извол ьное напряжение фант азии приводят чел овека к живому сочувст вию всякой доброй , здоровой и бл агородной идее. Ест ь л юди, неспособны е искренно одушевл ят ься участ ием к тому, что совершает ся сил ою ист орического движения вокруг них: дл я таких писателей беспол езно бы л о бы накл ады вать на себя маску патетического одушевл ения современны ми вопросами, – пусть они прод ол жают быть, чем хот ят : вел икого ничего не произведут они ни в каком сл учае. Н о те писат ел и, в кот оры х природ а или жизнь соединил а с тал антом живое сердце, – те писатели дол жны д орожит ь в себе этим прекрасны м сочет анием тал анта с мы сл ью, д ающею сил у и смы сл тал анту, д ающею жизнь и красот у его произведениям. Они дол жны сознават ь, что их бл а-город ное сердце, их просвещенны й ум ведут их по прямой , по единственной д ороге к сл аве, внушая им пот ребност ь дей ствовать на пол ьзу ист орического развит ия, быть сл ужител ями идей гу-манност и и ул учшения человеческой жизни.

Эт о равно от носит ся к л ит ерат уре каждой ст раны , от Исп а-нии до России, от Швеции до Ит ал ии. Н о кроме общих условий , зависящих от самой нат уры предмета, дл я л итературной дея-тел ьности кажд ого народ а есть свои частны е усл овия, зависящие

от особенны х обстоят ел ьств народной жизни.

[В ст ранах, где умст венная и общест венная жизнь достигл а вы сокого развит ия, сущест вует , есл и м ожно так вы разит ься, раздел ение т руд а между разны ми от расл ями умственной дея-тел ьности, из кот оры х у нас извест на тол ько одна — л ит ерат ура. Пот ому как бы ни стал и мы судит ь о нашей л ит ерат уре по сравнению с иноземны ми л ит ерат урами, но в нашем умственном движении играет она бол ее значит ел ьную рол ь, нежел и лфран -цузская, немецкая, англий ская л ит ерат ура в умственном движении своих народ ов, и на ней л ежит бол ее обязанност ей , нежел и на какой бы то ни бы л о другой л ит ерат уре. Лит ерат ура у нас пока сосредот очивает почти всю умственную жизнь народ а, и потому прямо на ней л ежит долг занимат ься и такими интересами, кот оры е в других ст ранах перешл и уже, так сказат ь, в специал ьное заведы вание других направлений умственной де-ятел ьности. В Германии, например, повест ь пишется почти искл ючител ьно для той публ ики, кот орая не способна читать ничего, «ром е повестей , — дл я т ак называемой «романной публ ики». У нас не то* повесть читается н теми л юдьми, кот оры е т

в Германии никогда не читают повестей , наход я для себя более питател ьное чтение в разл ичны х специал ьны х т ракт ат ах о жизни современного общест ва. У нас до сих пор л ит ерат ура имеет какое- то энцикл опедическое значение, уже ут раченное л итерату-рами бол ее просвещенны х народ ов. Т о, о чем говорит Диккенс, в Англ ии, кроме его и д ругих бел л етристов, говорят фил ософы , юрист ы , публ ицисты , экономист ы и т. д., и т. д. У иас. кроме бел л етристов, яикт о не говорит о предметах, сост авл яющих содержание их рассказов. Пот ом у, есл и бы Диккенс и мог не чувствовать на себе, как бел л етристе, прямой обязанност и быть вы разител ем стремлений века, т ак как не в одной белл етристике могут они находит ь себе вы ражение, — то у нас белл етристу не бы л о бы т акого оправд ания. А есл и Диккенс или Теккерей все<- т аки> счит ают прям ою обязанност ью белл етристики ка-сат ься всех вопросов, занимающих общест во, т о наши бел летри-сты и поэты дол жны еще в т ы сячу раз сил ьнее чувствовать эту свою обязанност ь. Лерм онт ов жал еет о тех временах, когда поэт был необходим народ у во всех важны х делах жизни:

Бывало, мерный звук твоих могучих слов Воспламенял бой ца для битвы;

Ты нужен был толпе, как чаша для пиров,

Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой И отзыв мыслей благородных Звучал , как колокол на башне вековой Среди торжеств и бед народных из.

Дл я нас эт о время еще не прошл о. Бы ть может, Англ ии л егко бы л о бы обой тись без Диккенса и Теккерея, но мы не знаем, как могл а бы Росси я обой тись без Гогол я. Поэт и белл етрист не заменимы у нас никем. К т о «ром е поэта говорил России о том, что сл ы шал а она от Пушкина? К т о кроме романиста говорил * России о том, что сл ы шал а она от Гогол я?

Эт о, как мы вы разил ись, энцикл опедическое значение русской л итературы имеет своим сл едствием то оригинал ьное сост о-яние, в кот ором наход ит ся она относит ел ьно условий своего развит ия.]

В Германии, Англ ии, Фран ц и и , где умственная жизнь развил ась уже на множест во отдел ьны х самостоят ел ьны х отраслей , дальней шие успехи каждой умственной деятел ьности зависят преимущественно от появл ения гениал ьны х людей . В Германии,

например, ныне нет бел л етристов, подобны х Диккенсу и Текке -рею, и в этом сост оит единственная причина жал кого сост ояния немецкой бел л етристики, кот орое и продл ит ся до той поры , пока явят ся гениал ьные писател и. Усл овия, от кот оры х зависит дальней шее развит ие русской л ит ературы , совершенно не таковы . Они л ежат в публ ике. Лит ерат ура может вы зы вать публ ику к умственной деятел ьности, но не может ни 'заменить собою пу-304

блику, ни сущест вовать без поддержки со ст ороны публики.

Мы говорим не о материальной поддержке (хот я и в этом от ношении русская л ит ерат ура находит ся в пол ожении вовсе неудовлетворительном: в пятнадцать лет

вышли тол ько два издания Пушкина, и оба издания вместе не сост авл яют и 10 ООО экзем-пл яров). но о нравственной поддержке, кот орая г оразд о важнее и, к сожал ению, до сих пор еще очень сл аба, чтобы не сказат ь: совершенно ничт ожна. Помещал ись стихи в журнал ах – публ ика читала стихи, находил а, что книжка журнал а без стихов как- то не полна; вдруг журнал ы стали явл ят ься без стихов – публ ика ничего не сказал а против эт ого; пот ом опять появил ись в журнал ах стихи – публ ика нашл а, что, дей ствительно, журнал выигрывает, помещая ст ихот ворения. – Теперь пишутся романы из прост онародного быта – публ ика находит это направл ение полезным. Прекрасно. Н о пусть перестанут писат ься романы из прост онародного бы та, чтб скажет п убл ика?– Теперь публ ика более всего интересуется русскими повестями. Превосходны й роман Тёккерея не читается с т акою жадност ью, как посред -ственная русская повесть; а когда явл яется повесть дей ствительно хорошая, вост орг публ ики беспредел ен. Н о если бы вдруг перестали писаться русские ттовести, к-ак вы думаете, чтб сказал а бы русская публ ика?

[Пожал ел а бы втихомол ку, и ничего не сказал а бы вслух.

В самом деле, ведь можно жит ь не тол ько без повестей , но и без л итературы, – и яе тол ько без л итературы , но и без хлеба, неправда ли? Лебеда и дубовая корка не лишены ни вкуса, ни питательности.

Эт о не дол жно так прод ол жат ься. Скромност ь и мол чал и-вость, конечно, хорошие качества, но во всем вредно изл ише-ство, вредна и в л итературны х делах изл ишняя скромност ь со ст ороны публ ики. «Дал и нам – мы очень рады и бл агодарны ; не дают нам – что ж дел'ать?» К ак «чт о дел ать»? Д ол жно т ре-бовать. Вл асть публики в л итерат урны х делах всесил ьна. Чего хочет публ ика, тем и бывает л итерат ура. Н о жел ание дол жно же быть вы ражаемо, – иначе, как узнат ь его? Кт о молчит, о том предполагают, что он ничего не хочет. Жел ание дол жно быть выражаемо сил ьно, неотступно – тол ько неотступному жел анию нельзя не повиноват ься, а когда оно вы ражает ся сл або, робко, кому нужда обращат ь внимание? Когда л итература или не д о-стигает своего ист инного эяачения, или укл оняется от него, в том всегда бывает виновна т ол ько публ ика, а не кто другой . Общест во не имеет права слагать с себя ответственность за недостатки, от кот оры х терпит. Ведь ему нужно тол ько вы разить твердую, непрекл онную вол ю, чтобы уст ранить всякий недостаток. Не говорите, что нет тал антов – тал анты есть, но что ж будут они делать, не находя нравственной поддержки в публ ике?

А если бы и казал ось вам, что нужны более многочисленные

20 II. Г. ЧеРны ш еяскиЛ, т. И1

305

или бол ее бл естящие тал анты дл я возвы шения л итературы , и за ними не будет ост ановки. Вед ь дело извест ное, что в гениал ь-ных л юдях никогда не бы вал о еще недостатка, если тол ько было

от кры т ое поприще дл я деятел ьности этим л юдям. Не говорите

и т ого, что крит ика д урно испол няет свое дело – в этом опять кто же виноват, если не вы, сост авл яющие публ ику? Ведь критика д ол жна опират ься на публ ику и совершенно зависит от настой чивости ее требований . Есл и вы не требуете неотступно, чтобы крит ика испол нял а свое дело как д ол жно, гл какое же основание имеете вы ожид ат ь от нее чего- нибудь?

Публ ика д ол жна сознат ь свои права на л ит ературу, и тогда л ит ерат ура неукл онно пой дет вперед. Без т ого, влс успехи лите-рат уры случай ны и непрочны .]

Нел ьзя упрекат ь нашу публ ику в отсутствии сочувст вия к л итерат уре; нел ьзя упрекать се и в неразвит ост и вкуса. Нап ро-тив, от особенного пол ожения нашей л итерат уры , составл яющей сам ую живую ст орону нашей духовной деятел ьности, и от сост ава нашей публ ики, к которой принадл ежат все наибол ее развит ы е л юди, в других ст ранах мал о инт ересующиеся бел л етристикою и поээиею, – от этих особенностей происход ит то. что ни одна в мире л ит ерат ура не возбужд ает в образованной част и своего народ а такой горячей симпат ии к себе, как

русская л итература в русской публ ике, и едва ли какая- нибудь публ ика так зд раво и верно судит о дост оинст ве л итерат урны х произведений , как русская. Сам Бай рон не был дл я англ ичанина предметом такой горд ост и, такой л юбви, как дл я нас Пушкин. Изд ание сочинений Бай рона не бы л о для англ ичанина национал ьное дело, каким недавно были дл я нас изд ания Пушкина и Гогол я. Вот вам факты от носител ьно сочувст вия публ ики; а за развит ост ь ее вкуса ручают ся т ы сячи сл учаев. Не говорим об оценке публ икою наших собственны х писателей , кот орая вообще очень справедл ива. Н о какую замечат ел ьную зд равост ь вкуса обнаруживает пост оянно наша публ ика и в оценке иност ранны х писателей !

Фран ц узы восхищают ся до сих п ор Викт ором Гюги и Лам арт и-н ом — кто у нас раздел яет эт у ошибку? Англ ичане до сих пор ст авят Бул ьвера наравне с Диккенсом и Теккереем — у нас кто не видит разниц ы между этими писат ел ями? Нечего нам г ор-диться таким превосход ст вом: оно происход ит единственно от -т ого, что у нас занимает ся чист о л итературны ми вопросами та част ь общест ва, кот орая в Англ ии и Фран ц ии уже не хочет удост оивать ь своим вниманием этих, как там кажет ся, мелочей .

Н о как бы т о ни бы л о, от чего бы т о ни происходил о, не подл ежит сомнению, что наша публ ика обл адает, в нынешнем своем сост аве, двумя драгоценней шими для развит ия л итерату-ры качест вами: горячим сочувст вием к л итературе и замечател ь-но верны м взгл ядом на нее. Нед ост ает нашей публике тол ько од ного: сознания [своих п рав на л ит ературу, а от этого - то и ЯМ

зависит весь усй ех дела: Хорош о идет л ит ерат ура — публ ика в вост орге; дурно идет Лит ерат ура — публ ика молчит.

В мои лета не дол жно сметь Свое суждение иметь.

Д а помилуй те, ведь нам уже чуть ли не пол т ораст а лет, по счету покл онников реформы Пет ра Вел икого, а по счету сл авяно-фил ов чуть ли не две ты сячи лет, — дол го ли же нам еще скром -ничать?

Ост авл яя л итературу без нравственной поддержки, на п ро-извол случай ных обстоят ел ьств, публ ика не имеет права уди-вл яться ее кол ебаниям. Общест венное мнение дол жно был о бы управл ять л ит ерат урою, неот ступно т ребуя, чтобы она был а его вы разител ьницею; но общественное мнение молчит или много -много если шепчет какие- то невнятные речи, — очень нат урал ьно, что л итература зависит от каприза случай ностей , подчиняется вл иянию предрассудков, не имея твердой опоры . Публ ика мал о знает о закул исном пол ожении нашей л итературы ; пол ожение это, по правде признат ься, не может возбужд ат ь другого чувства, кроме сост рад ания. Мы говорим не об интригах самолюбий и мелочных расчет ов, не о кот ериях и личных вражд ах, — все это общая принадл ежност ь кажд ого чел овеческого дела, все это может возвы шат ь или унижат ь т ол ько второстепенны х, незначительных людей и остается без вл ияния на деятельность истинно замечательных тал антов, возвы шающихся над этими д ряз-гами: притом же, эти дрязги довол ьно известны публ ике, — можно сказат ь, тол ько они одни из всех закул исны х обст оя-тельств л итературы и известны публ ике. Н о есть от ношения и обстоятел ьства г оразд о бол ее важны е, о кот оры х публ ика не имеет предчувствия, кот оры е тяготеют над всеми без искл ючения тал антами, и особенно над бол ее замечател ьны ми талантами, и которы е могут быть — и как легко могут бы т ь!— от вращены тол ько более живы м вл иянием общест венного мнения на лит ерат уру. Чт обы публ ика могла знат ь, какого род а' эти обст оя-тел ьства, укажем тол ько два- три обстоятел ьства из этих заку-л исных отношений , — обст оят ел ьст ва еще очень мал оважны е и невинные сравнител ьно с другими.

Знает ли, например, наша публ ика о том, какие знаменитости, какие авторитеты признают ся почти единогл асно в л итера-турном кругу? Читател ь захохот ал бы, если бы ему назват ь имена этих знаменитостей , кот оры х публ ика давно оценил а по достоинству, признав их писател ями бездарны ми или пустыми.

Н о мы не будем назы вать их — л итературное жеманст во так вошло в наши нравы , что невозм ожно и подумать без ст раха о такой дерзост и, — нет сомнения, что и те робкие и общие указания, которы е мы позвол яем себе, уже покажут ся в л итературе

нашей ужасною дерзост ью. Скажем тол ько, что публ ика оши-20* 307

бается, думая, что в л итературном мире наиболее уважают ся те имена, которы е наиболее уважают ся в публике, — как можно? у нас есть великие поэты, замечательные беллетристы, всеми уважаемы е критики, над стихотворениями, повестями, статьями которы х публ ика давно смеется ял и дремлет. Они свы сока трет ируют тех, которы е вы соко стоят во мнении публики, и эти люди сл ушают их советов, восхищают ся их произведениями, чуть не считают себя мелкими людьми сравнител ьно с ними, великими писателями. О, есл и бы публика знал а, каким авторитетам покл оняется литературный мир!

Даровиты й поэт пишет пьесы , на которы х не видно следа пошлой рутины ; даровитый беллетрист написал повесть, укл о-няющуюся от пошлой рутины , — публика придет в восторг от этих произведений , а знаете лн каково бывает мнение л итера-турного мира о них? Они осужд ают ся почти всеми авторитетами эт ого мира. Печат но это осуждение ие вы скажется, — ведь мы умеем быть скромны ми и всем говорить печатные комплименты, — но скол ько сл овесны х осуждений , скол ько словесных мудры х замечаний вы сл ушает от нас писатель, осмеливший ся быть оригинал ьны м! Когда- то мы припомнили читателям курьезный случай : один знаменитый критик и поэт добраго ст арого времени от казал ся поместить в своем журнал е повесть Гогол я и не хотел говорить о «Ревизоре», опасаясь унизить свое достоинство рассуждением о таком глупом фарсе, — подобные суждения каждый день совершают ся в л итературном мире. Рутина господствует в нем. И поверьте, если истинно замечательные <лписателил> пол ьзуют ся каким- нибудь уважением в литературном мире, то вовсе не по доброй воле наших авторитетов,

а вопреки их жел анию и убеждению: тол ько смутные отголоски общественного мнения скл оняют этих авторитетов на некоторые уступки в пол ьзу тал анта и оригинал ьности: без того владыче-ст во посредственности и тривиал ьности было бы безгранично. Знает е ли вы, что сам Гогол ь до сих пор еще не признан в л итературном мире за великого писател я? Есл и бы это было можно, его с удовол ьствием втоптали бы в грязь, и нынешние печатные похвал ы ему почт.и всегда тол ько невольная уступка общественному мнению.

«Эт о невероятно», — ок-азкет читатель. Чт б и говорить, разумеется, невероятно. «К акое жал кое сост ояние литературных мнений !» прибавит чит ат ел ь, — разум еет ся, жал ко было бы оно, если б существовал и д аже одни те причины к сожал ению, которы е указаны нами. Н о вы сказанное нами мал оважно сравнительно с тем, о чем мы скром но молчим, под ражая скромности общества.. Д а, читатель, пол ожение нашей литературы способно возбудить сожал ение в самотд апатическом человеке.

Не торопит есь же осужд ат ь русского писател я: о, если б вы

знал и, как небл агоприятны дл я развит ия его таланта обстоятел ь-

308

ства и от ношения, в кот оры х он дей ствует, вы подивил ись бы не бессил ию, а сил е его; вы подивил ись бы не тому, чт о он идет медленным и кол ебл ющимся шагом, а тому, что он еще хот я как- нибудь идет. Не торопит есь осужд ат ь русског о писател я за недостатки его произведений , читател ь: осуждай те эа них себя.

Вы виновны в жал ком пол ожении русской л ит ерат уры : от вас она ждет и все еще не может д ожд ат ься нравственной под д ерж-ки. Ведь л ит ерат ура бывает сил ьна тол ько тогда, когда опирает ся на публ ику, — а наша публ ика оставл яет се на произвол судьбы . От вас, читатель, зависит развит ие русской л ит ера-туры : вы разит е непрекл онную вол ю вашу, чтобы она развивал ась, и тол ько тогда будет она иметь возм ожност ь разв и-ваться.]

Девят ь лет, прошедшие посл е смерт и Бел инского, были бесплодны дл я ист ории крит ики, и мы ост анавл иваемся на обозрении деятел ьности, Бел инского, пот ому чт о нечего бол ьше ска-зат ь о русской крит ике, л учшим и современны м вы ражением которой ост ают ся до сих п ор его статьи. Н о сл овесност ь наша не совершенно бездей ствовал а в эт о время. Напрот ив, поэты и белл етристы, образовавш иеся в школ е Бел инского или дей ствую-ющие в духе, представит ел ьницею кот орого был а его крит ика, достигл и первенства в нашей л ит ерат уре

т ол ько уже в посл едние годы его жизни или посл е его смерт и. В крит ике не нашл ось людей , способны х продол жат ь начат ое им; но сл овесност ь, как могл а, прод ол жал а развиват ься в направл ении, на кот орое указы вал он. В те годы писател и нового направл ения еще т ол ько завоевы вал и себе прочное пол ожение в л итерат уре; теперь они решител ьно господст вуют в ней . Есл и обст оят ел ьст ва позвол ят нам испол нить во всем разм ере пл ан, по кот орому начаты наши «Очерки» и первая часть кот орог о — обозрение крит ики — нами кончена, то мы дол жны будем обозреват ь, в о второй части нашего т руд а, деятел ьность русских поэт ов и бел л етристов, начиная с Гогол я до наст оящего времени. Отдел ьны е изд ания п ро-изведений некот оры х из этих писателей дост авл яют нам случай определить их значение дл я л итерат уры в отдельных статьях, которы е, однако ж, будут иметь непосредст венное отношение к общей системе наших «Очерков».

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

П р е д и с л о в и е и з д а т е л я

В настоящей книге взрослый читатель не найдет для себя ничего нового о Пушкине. Ее цель — служить для юношества началом знакомства с великим русским поэтом. С этою целию в ней рассказана: а) жизнь поэта, по существующим ныне печатным материалам, причем составитель отдавал предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представлен краткий очерк произведений Пушкина и в) помещено в «Приложении» несколько мелких стихотворений и отрывки из поэм Пушкина, выбранных, разумеется, согласно назначению книги.

Таким образом составленная, книга о Пушкине, по нашему мнению, может служить полезным и занимательным чтением русского юношества как мужеского, так и женского полов.

Из всего вышесказанного видно, что издатель имел в виду детей. И, однако ж, книга не названа детскою. Это сделано не без намерения. Кто потрудится перенестись мыслию к собственному детству и отрочеству, тот, верно, вспомнит, как в то время хотелось ему казаться большим и как отталкивало его одно название детский. Нам случалось видеть детей, особенно в поре перехода к отрочеству, которые именно поэтому не читали хороших книг, тогда как с жадностию бросались на книги сомнительного достоинства, лишь бы на них не стояло: д л я детей.

Итак, мы думаем, что родители и наставники, которые, приобретя нашу книгу, вырвут из нее этот листок прежде, чем отдадут ее в руки своим питомцам, поступят весьма благоразумно: они придадут ей в глазах своих питомцев двойной интерес '.

К изданию нашему приложен портрет Пушкина. Это один из двух лучших портретов, оставшихся после Пушкина: он рисован с натуры А. Брюлловым, гравирован на стали в Лондоне и первоначально был приложен к «Ста русским литераторам».

СПБ. 1856. Июнь.

310

Значение слов «великий поэт». — Кто иимеет право быть назван образованным человеком. — Общее значение литературы в деле образования и изящной в особенности. — Место, ванимаемое Пушкиным в нашей изящной литературе.

«Пушкин — великий поэт», говорит каждый из нас, и эти слова так важны, что надобно постараться как можно лучше вникнуть в смысл их и объяснить себе: что такое значит «великий поэт»? почему великие поэты пользуются общим глубоким уважением? и почему Пушкина все считают великим поэтом?

Объяснив себе это, мы увидим, как необходимо каждому из нас ближе познакомиться с жизнью Пушкина и его сочинениями.

Не нужно доказывать, что образование — самое великое благо для человека. Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить рассказы путешественников о дикарях. Краснокожие индейцы жили и отчасти еще живут в тех же самых землях, которые заняты теперь Северо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими,

малочисленными, нуждающимися во всем необходимом для жизни, и многочисленным», богатыми, имеющими все в изобилии северо-амернкан-цами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что североамериканцы — народ образованный, а краснокожие туземцы — дикари. Другой пример, более близкий к нам: Россия теперь государство могущественное и богатое, потому что русские, благодаря Петру Великому, стали народом образованным; а всего только пятьсот лет тому назад русские были угнетаемы и разоряемы татарами, потому что были еще мало образованны.

Но не довольно того, что просвещение приносит народу и благосостояние, и могущество: оно доставляет человеку такое душевное наслаждение, с которым ничто не может сравниться. Каждый образованный человек чувствует это и всегда скажет, что без образования жизнь его была бы очень скучна и жалка.

Теперь будет совершенно ясно, как важна для всеобщего блага литература, если мы скажем, что из всех средств для распространения образованности самое сильное — литература. Народ, у которого нет литературы, груб и невежественен; чем более и усиливается и совершенствуется, или, как принято говорить, развивается литература, тем образованнее и лучше становится народ.

Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний и, кроме того, привык быстро и.верно соображать, чтб хорошо и что дурно, что справедливо и чтб несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык «мыслить», и, на-34

конец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, то есть приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества — обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств — необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова. У кого мало познаний, тот невежда; у кого ум не привык мыслить, тот груб или тупоумен; у кого нет благородных чувств, гот человек дурной.

В детстве, в первую пору молодости человек учится в школах: уроки наставников имеют ту цель, чтобы сделать юношу образованным человеком. Но когда он выходит из школы, перестает учиться, его образование поддерживается и совершенствуется чтением, то есть, вместо прежних наставников, которых слушал мальчик и юноша, взрослый человек имеет одну наставницу — литературу.

Чтоб исполнить, как должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образования, литература, как мы уже знаем, должна давать ему различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать в нем любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до некоторой степени исполняет все эти условия; но некоторые книги имеют главною своею целью сообщать уму читателя различные познания — • это книги, принадлежащие к так называемой ученой литературе, например, сочинения по истории, по естественным наукам и пр.; другие книги пишутся с тем намерением, чтобы действовать главным образом на воображение и сердце читателя, возбуждая в нем сочувствие к доброму и прекрасному, — это книги, принадлежащие к так называемой изящной литературе. Между полезными действиями, какие производят на читателя книги того и другого рода, есть очень много общего; особенно сходны все хорошие книги в том, что непременно возбуждают в читателе желание думать о том, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны они между собою и в том, что хорошая ученая книга, действуя более всего на ум, действует также и на сердце, а произведения изящной литературы, преимущественно обращаясь к сердцу читателя, в то же время не остаются бесполезны и для его ума, которому сообщают верные понятия о человеческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изя щная л ите ратура очень резко отл ичается от ученой.

Одну сторону этого различия мы уже знаем: главная цель ученых сочинений, как мы сказали, та, чтобы сообщить точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности — в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства.

Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом деле существующие или существовав-312

шие; а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частию создаются воображением самого писателя. Коротко можно

выразить это различие в следующих словах: ученое сочинение рассказывает, что именно было или есть, а произведение изящной литературы рассказывает, как всегда или обыкновенно бывает на свете.

Довольно нам и этих двух замечаний, чтобы видеть, до какой степени изящная литература различна от ученой, хотя есть у них и много общего.

Можно теперь спросить: которая же из двух отраслей литературы важнее? которая больше приносит пользы людям? которая больше содействует распространению и усовершенствованию просвещения? На это образованный человек будет отвечать: обе они равно важны, равно полезны людям. Ученая литература спасает людей от невежества, а изящная — от грубости и пошлости; то и другое дело одинаково благотворны и необходимы для истинного просвещения и для счастия людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошие писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймем, какой высокий смысл заключается в этом слове. Поэты — руководители людей к благородному понятию о жизни и к благород-

ному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее *.

И если Пушкин в самом деле великий поэт, то нельзя не согласиться, что он один из тех людей, которые сделали наиболее добра своим соотечественникам, один из тех людей, которых каждый русский наиболее обязан уважать и любить.

Это в самом деле так. Мы знаем теперь, что от литературы очень много зависит просвещение народа и что без просвещения нет для людей истинного счастия; нам надобно только узнать, какое важное место в нашей изящной литературе занимает Пушкин и как многим она ему обязана, — и мы увидим, что его, по всей справедливости, надобно называть великим поэтом и что каждый из нас должен почитать его человеком, сделавшим очень много добра нашей родине.

* Прежде называли поэтами только стихотворцев, а поэзнею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведениями должно называть все хорошие сочинения по части изящной литературы, все равно стихами ли они писаны или прозою. Впрочем, до сих пор «поэтами» называют в особенности тех писателей, у -которых особенно много или воображения, или задушевной теплоты; те произведения изящной словесности, в которых холодный рассудок преобладает над воображением и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими».

313

Изящная литература появилась у на? лет за восемьдесят до Пушкина, вскоре после благодетельных преобразований Петра Великого, познакомившего русских с просвещенными народами *. Но известно, что почти каждое дело достигает своей настоящей важности медленно. То, что оказывается очень важно

впоследствии, сначала бывает маловажно. Так было с нашей словесностью. Число людей, привыкших к чтению, было в то время очень мало, да и людей, знавших грамоту, было немного. Главная заслуга Ломоносова и писателей, следовавших за ним до начала нынешнего века, состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературою. Из этих писателей, о которых мы всегда должны вспоминать с особым уважением, самыми замечательными, после Ломоносова, были Державин, Фонвизин и Карамзин. Не менее пользы принес литературе Новиков, хотя не был знаменит, как писатель. Державин славился своими стихотворениями (одами), Фонвизин написал две прекрасные комедии («Бригадир» и «Недоросль»), Новиков чрезвычайно много и успешно заботился об увеличении числа книг и распространении круга читателей в России: благодаря его бескорыстным усилиям было издано в пять или шесть лет более книг, нежели прежде было напечатано в пятьдесят; наконец, один из молодых людей, которым покровительствовал Новиков в начале их литературного поприща, обнаружил очень замечательный талант. Это был Карамзин, после Ломоносова второй основатель нашей изящной литературы. Его произведения, написанные очень хорошим и легким языком, читались с таким удовольствием, какого прежде не возбуждали прозаические сочинения. Трудами этих людей образовалась в России «публика», то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться.

Тогда явился Жуковский, который приобрел славу прекрасными переводами английских и немецких стихотворений, особенно переводами многих произведений великого немецкого поэта Шиллера. Таково было положение русской литературы, когда начал пи-

сать Пушкин. Публика уже существовала в России, но была еще немногочисленна; между писателями считалось несколько людей с замечательным талантом, но не было еще такого гения, который приводил бы читателей в восторг, который показал бы русской публике поэзию во всей ее очаровательной красоте. Это сделал Пушкин. И прежде него существовали на русском языке хорошие стихи; но когда явились произведения Пушкина, все увидели, что еще не имели понятия о том, как прекрасны могут быть русские стихи. В самом деле, до Пушкина еще никто не писал * Первая ода Ломоносова, которого обыкновенно называют отцом нашей изящной словесности, была написана в 1739 году.

таким легким и живым языком, з котором соединялись и простота, и поэтическая прелесть; еще никто не умел придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Все эти качества, в которых состоит так называемое «художественное совершенство» пушкинского стиха, очаровали публику и при» влекли к чтению тысячи людей, которые прежде не имели привычки читать. Таким образом, число людей, составляющих публику — иначе сказать, число образованных людей в России — чрезвычайно увеличилось благодаря превосходным 'Произведениям гениального поэта. Но этим не ограничиваются заслуги Пушкина. Сначала более всего поражены были читатели теми художественными достоинствами его стихотворений и поэм, о которых мы уже сказали. Но мало-помалу все начали увлекаться и другим качеством этих произведений. Это важнейшее качество состояло в том, что Пушкин первый стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий русского народа с удивительною верностью и проницательностью. До него почти не имели об этом понятия. Прежние писатели редко избирали пред-

описывали ее неточно и неестественно. Исключением из этого можно назвать почти только одни комедии Фонвизина и басни Крылова. Но Фонвизин не мог увлечь за собою других писателей и был почти забыт в то время, когда явился Пушкин. Басни Крылова также не имели большого влияния на литературу, потому что басня вообще никогда не приобретает господства над другими, более значительными отраслями поэзии. Таким образом, несмотря на примеры, поданные Фонвизиным и Крыловым, в произведениях почти всех остальных тогдашних писателей было очень мало близкого к русскому обществу; потому и литература вообще возбуждала мало сочувствия в обществе, которое не находило в ней почти ничего такого, что живым образом интересовало бы русского человека *. Теперь не то: если хорошие книги являются все еще не очень часто, можно сказать, редко, зато каждая из них возбуждает в тысячах, в десятках тысяч людей самое живое участие. Припомните, например, какой сильный интерес во всем обществе обнаружился недавно по случаю новых изданий Гоголя и самого Пушкина: каждый человек, которого вы встречали в обществе, говорил о появлении этих книг с таким жаром, с такою любовью, с такою радостью, как будто дело лично касалось его самого. И действительно, оно касалось каж*

* Не надобно забывать, что мы говорим собственно только об изящной литературе. В числе ученых сочинений всегда были книги очень интересные. Но круг публики, читающей ученые книги, всегда бывает гораздо мало* численнее той публики, которая читает почти искл ючительно только промз* ведения изящной словесности; изящная словесность, между прочим, необыкновенно важна и потому, что именно она привлекает к чтению и распространяет в обществе любовь к книгам, т. е. к просвещению.

дого из нас, потому что мы все находим высокое наслаждение и большую пользу в чтении подобных книг, говорящих о предметах, важных каждому образованному русскому. Этим распространением сочувствия к литературе общество наше обязано Пушкину более, нежели кому-нибудь. До него книги интересовали из десяти человек одного; ныне из десяти человек разве один какой-нибудь полуневежда не интересуется литературою *.

Влияние Пушкина на литературу было так же сильно, как и впечатление, произведенное им в публике. До него, как мы сказали, наши поэты писали по большей части о предметах, не интересных для русского читателя. После него все

талантливые литераторы начали писать в таком же роде, как и он, т. е. говорить большею частью о предметах, которые близко касаются нас самих и представляют большую занимательность для образованного русского человека.

Таким образом, Пушкин произвел своими сочинениями в нашей литературе важное изменение к лучшему, значительно увеличил число любящих литературу, то есть образованных людей в России, и, кроме этих великих услуг нашему обществу, доставил русской публике очаровательною прелестью своих произведений высокие поэтические, то есть благородные, наслаждения. Ко всему этому надобно еще прибавить, что он первый научил русское общество так уважать литературу и талантливых писателей, как уважаем мы их теперь. И прежде некоторые писатели пользовались в обществе большим почтением – например, Державин и Карамзин – но, вообще говоря, публика смотрела на них с уважением не столько потому, что сама чувствовала, какой сильной любви и признательности заслуживает хороший писатель, сколько потому, что видела милости, которые оказываются Державину и Карамзину. Но Пушкина каждый русский читатель сам любил и уважал в глубине своего сердца, и каждый знал, за что его уважает – за то, что Пушкин великий поэт; и тут каждый понял то, чего не понимал прежде – понял, что великий поэт и вообще великий писатель есть человек, оказывающий большую услугу, делающий много добра своей родине, понял, что литература есть дело очень важное, полезное, заслуживающее величайшего уважения.

Вот как велика была польза, принесенная Пушкиным русской * Вскоре после того, как явились первые поэмы Пушкина, сделалась известною значительной части публики превосходная комедия Грибоедова «Горе от ума», и Грибоедов должен разделять с Пушкиным славу преобразователя литературы. Но, несмотря на всю любовь к благородному автору этой комедии, несмотря на все великие достоинства ее, надобно сказать, что для истории нашей литературы и образования русской публики Пушкин еще важнее, нежели Грибоедов; потому что Грибоедов после «Горе от ума» не написал ничего, а чтобы иметь действие на публику и литературу, деятельность писателя должна быть продолжительна и сочинения его довольно многочисленны.

литературе и публике: он научил публику любить и уважать литературу, возбудил сильный интерес к ней в обществе, научил литератора писать о том, что занимательно и полезно для русских читателей. Потому-то и справедливо считают его первым истинно великим русским поэтом, потому-то ни один образованный русский человек не может произносить его имени без глубокого почтения, без живой признательности.

ГЛАВА II

Рождение А. С. Пушкина. – Его фамильная гордость. – Род Пушкиных и Ганнибаловых. – Историческая деятельность тех и других. – Сергей Львович, отец поэта. – Василий Львович, дядя поэта. – Беседа любителей русского слова и Арзамас. – Комическое посвящение Василья Львовича в арзамасцы.– Марья Алексеевна Ганнибал, бабушка поэта, – Ольга Сергеевна, сестра Пушкина, и послание к ней четырнадцатилетнего поэта. – Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина.] – Ее влияние на питомца. Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года.

Он чрезвычайно гордился тем, что происходит от фамилий, игравших довольно значительную роль в нашей истории, и дорожил памятью с б о я х предков. Чувство это отразилось на многих его произведениях, и если мы не будем знать фамильных воспоминаний, которыми он гордился, то многое в его сочинениях останется для нас темным. Просмотрим же, хотя кратко, что нам известно о предках Пушкина.

Род Пушкиных, не принадлежа к числу особенно знатных или могущественных, с конца XVII века состоял на службе при дворе московских царей, и некоторые члены его успевали достигать почетных званий. Трое из них были Даже боярами – сан, который по своей важности может быть сравнен с нынешними чинами полного генерала или действ, тайного советника. Гаврила Григорьевич Пушкин (в начале XVII века) известен тем, что один из первых между тогдашними сановниками перешел на сторону Лже-Димитрия, и наш поэт дал своему предку значитель* ную роль в исторической трагедии «Борис Годунов».

Гораздо чаще, нежели о предках по отцовской линии; Пушкин упоминает о предках

своих со стороны матери, Ганнибаловых. Родоначальником этой фамилии был негр Ганнибал, любимец Петра Великого. Пушкин заботливо собирал все сведения о жизни этого Ганнибала и хотел написать полную его биографию, но не успел исполнить своего намерения и оставил нам только несколько строк о Ганнибале в статье «Родословная Пушкиных и

«Дед моей матернг– говорит Пушкин, – был негр, сын вла-317

детельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Великому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польскою королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганнибал. В крещении наименован он был Петром: но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 года Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу; во время испанской войны был ранен в голову и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр Первый неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или оставаться во Франции, но что, во всяком случае, он никогда не оставит своего прежнего питомца. Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уже отыскать». На этих исторических данных основан превосходный рассказ, которым начинается неоконченный роман Пушкина «Арап Петра Великого». Главным действующим лицом романа, в котором, судя по началу, Пушкин превосходно

изобразил бы эпоху Петра Великого, был избран Ганнибал.

У Абрама Петровича было два сына. Старший, И ван Абрамович, известен тем, что в царствование Екатерины II участвовал в первой турецкой войне, находясь на флоте, действовавшем в Средиземном море; между прочим, Иван Абрамович отличился мужеством в Чесменской битве, где сожжен турецкий флот, и, в 1770 году, взял Наварин. Пушкин часто упоминает о нем в своих стихах, – например, в следующей заметке, которая одна была бы достаточна для того, чтобы сделать бессмертными имена Абрама Петровича и Ивана Абрамовича.

«Где-то было сказано, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал. крестник и воспитанник Петра Великого, генерал -аншеф, отец Ганнибала, покорившего Наварин, был куплен шкипером... Прадед мой если был куплен, то... достался шкиперу, коего имя всякий русский произносит не всуе:

Сей шкипер был тот шкипер славный,

Кем наша двинулась земля,

Кто придал мощно бег державный Корме родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,

318

\ сходно купленный арап Зозрос усерден, неподкупен,

Ларя наперсник, а не раб.

Л был отец он Ганнибала,

Пред кем, средь гибельных пучин,

Громада кораблей вспылала И пал впервые Наварин!

Брат наваринского героя, младший сын «Арапа Петра Великого», Осип Абрамович Ганнибал, был отец матери Пушкина,

Надежды Осиповны. Южная живость характера была наследована Пушкиным от своего прадеда-африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканский тип его прадеда по матери.

Не зная этих подробностей, легко можно вообразить, что предки Пушкина играли необыкновенно важную роль в русской истории: так любит говорить о них наш поэт и так искусно намекает о их участии в важнейших событиях отечественной истории. На самом же деле род Пушкиных принадлежал к числу довольно старинных фамилий, но важного места в государстве никогда не занимал и славою своею обязан только таланту Александра Сергеевича Пушкина. Что касается до Абрама Петровича Ганнибала, то он был любим Петром Великим, как крестник, но также не пользовался влиянием на государственные дела; Иван Абрамович, сын его, был, как видим, храбрым генералом, но сражался, находясь под начальством других и не занимал никогда места с самостоятельною властью. Обоих этих людей мы знаем также преимущественно потому только, что о них упоминает Пушкин, а не потому, чтобы они заметным образом участвовали в исторических событиях. Познакомясь с предками Пушкина, перейдем к ближайшим его родственникам.

Сергей Львович Пушкин, отец поэта, сначала служил в гвардейском Измайловском полку, но вскоре после женитьбы вышел в отставку и поселился в Москве, откуда на лето все семейство уезжало в свою подмосковную деревню, Захарьино. Богатый и гостеприимный дом Сергея Львовича был часто посещаем лучшими тогдашними писателями, потому что хозяин был человек образованный и любивший литературу, особенно, по обычаю того века, французскую. Сергей Львович даже сочинял французские стихи, легкие и остроумные. Самыми частыми гостями

его бывали Карамзин и Дмитриев; Жуковский и Батюшков также посещали его. Александр Сергеевич был еще так молод в то время, что этим беседам в доме его отца нельзя приписывать особенного влияния на развитие его ума или таланта; но важно то обстоятельство, что с самого малолетства он был в литературном кругу. Рассказывают, между прочим, что однажды, оставив детские игры, ребенок е необыкновенным вниманием слушал рассказы Карамзина; с таким же вниманием слушал он иногда 319

Дмитриева, читавшего свои басни. Подражая примеру отца девятилетний Александр Сергеевич уже сам писал небольшш французские стихотворения.

Брат Сергея Львовича, Василий Львович, также отчасти способствовал развитию склонности к литературным занятиям в своем племяннике. Василий Львович считался в свое время довольно хорошим поэтом и, радуясь тому, что ребенок выучил наизусть несколько его стихотворений, твердил ему, чтоб он читал русских поэтов. Сближение между дядею и племянником было тем легче, что Василий Львович отличался чрезвычайным простодушием, о котором сохранилось много анекдотов. Из них мы расскажем один, довольно забавный и хорошо показывающий разницу между тогдашним и нынешним временем, — разницу, которая произведена талантом Пушкина.

До появления Пушкина число людей, занимавшихся у нас литературою, было невелико; немиогочисленна была и публика, интересовавшаяся их произведениями. При таких обстоятельствах любовь к своему делу охладела бы в большей части писателей, если б они не ободряли и не возбуждали друг друга, соединяясь в тесные приятельские кружки, которые назывались «литературными обществами». В начале нынешнего века в Петербурге было два главных литературных общества: «Беседа любителей русского слова», состоявшая по большей части из людей, не одаренных талантом или уже ослабевавших от старости, и «Арзамас» — общество, составившееся из молодых и даровитых литераторов, которые хотели защищать от нападений «Беседы» Карамзина и Жуковского. Члены «Беседы», привыкнув к старинному слогу, не одобряли ни нового прозаического слога, введенного Карамзиным, ни превосходных произведений Жуковского, который прекрасными стихами переводил стихотворения Шиллера и других немецких и английских поэтов. «Арзамасом» это общество назвалось потому, что поводом к его основанию был шутливый рассказ, в котором осмеивался устарелый язык некоторых литераторов: рассказчик говорил, будто бы однажды, будучи, проездом, в Арзамасе и обедая в тамошней гостинице, он подслушал, как в соседней комнате другой проезжий разговаривал сам с собою, употребляя выражения, вычитанные из некоторых тогдашних книг и журналов: эти смешные и нелепые фразы были выписаны автором рассказа из сочинений писателей, мнения которых он хотел представить в смешном виде. В числе главных членов арзамасского общества были Жуковский, граф Уваров (впоследствии министр народного просвещения) и проч. Василью Львовичу, который в то время уже не был молодым человеком, но любил

молодежь, очень хотелось попасть в арзамасское общество. Члены его, хотя и были приятели Василью Львовичу, вздумали посмеяться над своим пожилым другом, у которого было более добродушия, нежели поэтического таланта, 320

и объявили ему, что он должен беспрекословно подчиниться церемониям торжественного принятия в общество, если хочет участвовать в его собраниях. Добродушный искатель согласился, и

ему устроили следующий прием. Сначала тучный Василий Львович должен был лечь на лавку или диван, и его завалили множеством шуб, под которыми он пролежал час или два, между тем как над ним читали какую-то французскую трагедию; потом страшно измученного страдальца поставили перед огромным чучелом и дали ему в руки замороженного гуся: замороженный гусь — эмблема Арзамаса, сказали ему. В этом забавном положении новопринимаемый должен был выслушать длинную речь, и вдруг чучело упало, и спрятанный за ним мальчик выстрелил из пистолета в Василья Львовича, который в испуге повалился на землю, считая себя уже убитым, хотя, конечно, пистолет был заряжен одним порохом.

Мы рассказываем этот анекдот, как один из примеров, показывающих, что тогда сами писатели смотрели на литературные свои занятия вовсе не с нынешней серьезной точки зрения. Литература тогда была не более, как забавою, приятным отдыхом после разных житейских дел, а не одним из самых важнейших дел, как все думают ныне. В наше время не только лучшие, но и посредственные писатели, собираясь вместе для занятий литературными делами, не будут тратить целый вечер на подобные шутки; да и ни один из людей, называющих себя писателями, не захочет, чтобы с ним шутили таким образом. Все это мы говорим для того, чтобы показать различие между тогдашними и нынешними понятиями. А главным виновником такой перемены был Пушкин: его произведения, возбудив необыкновенный интерес во всех грамотных русских людях, придали нашей литературе важность, которой она не имела прежде.

Но мы заглянули далеко вперед: надобно возвратиться к детству Пушкина, к рассказу о тех обстоятельствах, которые способствовали быстрому обнаружению его таланта.

завидную роль в тогдашнем литературном мире; но, тем не менее, он был коротко знаком с лучшими писателями. Отец великого поэта, Сергей Львович, также был приятель со многими из них. Эти отношения не могли бы внушить любви к литературе молодому Пушкину, если бы не была она вложена в него самою природою, не могли бы они доставить ему с первого раза блестящего положения в литературных кружках, если б не давал ему право на то его необыкновенный и очень рано развившийся талант, но, конечно, до некоторой степени, облегчили ему первые шаги на литературном поприще: Карамзин и Жуковский приветствовали гениального юношу тем с большею любовью, что он являлся к ним как человек, носящий фамилию, не чуждую для их слуха.

21 Н. Г, Чернышевский, т III 321

Из других лиц, близких по родству, особенно много обязан был Пушкин своей бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, ко* торая жила в доме своего зятя, Сергея Львовича. Она учила внука читать и писать по-русски и была вообще очень ласкова к нему. Когда мальчику хотелось избавиться от какого-нибудь принуждения, он бежал к бабушке, садился подле нее, даже залезал в ее рабочую корзину, и по целым часам просиживал с бабушкою, слушая рассказы ее. Марья Алексеевна была женщина умная, много видевшая, много помнившая, и, конечно, многое из ее рассказов осталось навсегда в памяти внука.

Другом детства Пушкина была его сестра, Ольга Сергеевна, которую он нежно любил до конца жизни. Она была только годом старше его, и они вместе учились, вместе играли; ей первой читал десятилетний мальчик первые свои стихи, которые, по

примеру отца, сочинял на французском языке; ей посвящено и первое из русских его стихотворений, известных нам: оно написано в 1814 году; молодому поэту не было еще тогда пятнадцати лет. Приведем здесь несколько стихов из этого довольно длинного «послания», драгоценного для нас как первый памятник поэтической деятельности великого писателя. «Ты хочешь, милая сестра, чтоб я писал к тебе», говорит Пушкин:

Ты хочешь, друг бесценный.

Чтоб я. поэт младой,

Беседовал с тобой И, с лирою забвенной,

Мечтами окрыленный Оставил монастырь *

И край уединенный.

Где непрерывный мир Во мраке опустился...

И я переношусь мыслями к тебе. Что делаешь ты теперь, — продолжает молодой поэт,— читаешь, играешь с своею собачкою или сидишь за фортепьяно?

И вот у ж я с тобой.

И в радости немой Твой друг расцвел душою,

Как ясный вешний день.

Забыты дни разлуки,

Дни горести и скуки,

Исчезла грусти тень.

Но это лишь одна мечта — она исчезает, и я остаюсь один в своей скучной и пустой комнате. Но время летит, и я скоро примчусь к тебе...

* Монастырем Пушкин называет Лицей, где тогда учился.

И е каменных ворот Падут, падут запоры И в пышный Петроград Через долины, горы Ретивые примчат,

Спеша на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы в поэтическом отношении, даже в языке, которым они написаны, встречаются устарелые или неправильные выражения; но «Послание к сестре» должно быть известно каждому из нас, как первое произведение великого нашего поэта.

Мы видели, что отец, дядя и бабушка имели некоторое влияние на детские понятия Пушкина; но сильнее всех содействовала развитию в нем воображения его няня, Арина Родионовна, которой память, увековечил ее воспитанник в своих стихах. Арина Родионовна была так привязана к семейству Пушкиных, что, получив отпускную, не хотела ею пользоваться. Александр Сергеевич чрезвычайно любил ее до конца своей жизни и, когда жил в деревне, постоянно беседовал с нею, как с лучшим из своих друзей. Кроме неусыпной заботливости о своем питомце и самой искренней привязанности к нему, она приобрела право на его благодарность особенно тем, что своими неистощимыми рассказами познакомила его с русскою народною словесностью. Арина Родионовна знала бесчисленное множество сказок и умела прекрасно их пересказывать. Некоторые из лучших произведений Пушкина взяты из этого запаса, например, прекрасное его стихотворение «Жених», заимствованное из предания о том, как девушка, заблудившись в лесу, забрела в притон разбойников и, спрятавшись под лавку, видела их злодейства, а потом узнала

атамана разбойников в своем женихе и уличила его:

Три дня купеческая дочь Наташа пропадала;

Она на двор на третью ночь Без памяти вбежала.

С вопросами отец и мать К Наташе стали приступать.

Наташа их не слышит,

Дрожит гг еде дышит... и пр.

Вообще очень многие описания русских народных нравов и обычаев не были бы у Пушкина так живы и хороши, если б он не был с детства пропитан рассказами из народной жизни. Зато он вспоминает о своей няне очень часто, и всегда с самою трогательною любовью. Он называет ее своею первою музою, то есть говорит, что ее рассказами были навеяны первые его сфем-дения к поэзии:

Наперсница волшебной Старины,

Друг вымыслов игривых и печальных,

Тебя я знЛл во дни моей веемы,

21 * 323

Во дни утех и снов первоначальных.

Я ждал тебя. Б вечерней тишине Являлась ты веселою старушкой И надо мной сидела в шушуне,

В больших очках и с резвою гремушкой.

Ты, детскую качая колыбель,

Мой юный слух напевами пленила И меж пелен оставила свирель,

Которую сама заворожила...

Вот одно из писем, которые посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

«Любезный мой друг Александр Сергеевич! Я получила письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна, вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду вас. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю.

Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшка Александр Сергеевич! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила. Поживи, дружочек, хорошенько — самому слюбится. Я, слава богу, здорова; целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна».

Растроганный до глубины души этою простодушною заботливостью няни о том, чтобы питомец ее «жил хорошенько», этою умилительною любовью, Пушкин пишет:

Подруга дней моих суровых,

Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых Давно, давно ты ждешь меня!..

Ты под окном своей светлицы Горюешь, будто на часах,

И медлят поминутно спицы В твоих наморщенных руках.

Глядишь в забытые вороты На черный, отдаленный путь:

Тоска, предчувствие, заботы Теснят твою всечасно грудь...

Особенно много воспоминаний в душе Пушкина оставили беседы с нянею в 1825 и 1826 годах, когда он совершенно один жил в селе Михайловском и длинные зимние вечера проводил в

разговорах с нянею, которая разделяла его одиночество: то она пересказывала ему «преданья старины глубокой», — и в бумагах Пушкина сохранилось несколько сказок, записанных с ее слов, между прочим, сказки «О царе Салтане», «О мертвой цапевне и семи богатырях», «О купце Остолопе и работнике его Балде», которые потом были переложены им в стихи, — то он сам читал ей свои произведения: пусть другие поэты читают кому угодно свои произведения — говорит он в IV главе «Онегина»,

вспоминая об этих вечерах –

321

Но я плоды моих мечтаний И гармонических затей Читаю только старой няне.

Подруге юности моей.

Арина Родионовна умерла семидесятилетней старушкой, в 1828 году, в самую блестящую эпоху восторга, возбужденного произведениями ее питомца.

ГЛАВА III

Детство до семи лет и лень, которою в эти годы отличался гениальный ребенок. – Учителя и гувернеры Пушкина. – Шиллер, учивший Пушкина русскому языку. – Степень успехов Пушкина в науках. – Страсть к чтению.–Детские произведения. – Лицей. – Лицейские журналы. – Дельвиг.– Державин и торжественный акт 1815 года.

До семи лет будущий поэт не обнаруживал ни особенных дарований, ни даже той живости, которою бывают привлекательны почти все дети. Он был ребенком толстым, неповоротливым, ленивым, так что неподвижностью своею приводил в отчаяние родных. Гулять и играть его заставляли почти насильно; он не любил ни бегать, ни резвиться: сидеть или лежать было единственным его наслаждением. Леность толстого ребенка была

так велика, что однажды, когда старшие взяли его с собою на прогулку, он незаметно отстал об общества и уселся отдыхать среди улицы. Кто-то смотревший из окна соседнего дома увидел эту смешную сцену и улыбнулся. «Ну, нечего скалить зубы!» с досадою сказал ребенок и встал; а без этой помехи он, вероятно, просидел бы долго.

Между тем, принялись учить его. Гувернеров, гувернанток и учителей было много; но, при лености и неповоротливости ребенка, учебные его дела шли довольно плохо и очень медленно. Главный надзор за воспитанием был поручен французу-эмигранту, графу Монфору; кроме того, был другой гувернер француз, Руссло. При их помощи Пушкин сделал навык говорить и писать по-французски, так же легко, если еще не легче, нежели по-русски. Впрочем, мудрено было бы не сделать этого навыка, потому что в семействе Сергея Львовича, как и почти во всех тогдашних знатных домах, совершенно господствовал французский язык. Зато по-английски – в числе гувернанток была и англичанка – Пушкин учился очень плохо. Этот язык он только впоследствии, будучи уже взрослым мужчиною, узнал настолько, что мог читать английские книги; по-нем'ецки старался он вовсе не учиться и успел в этом, но потом очень жалел о незнании немецкого языка. Стоит, по странности случая, заметить то, что русскому языку учил молодого Пушкина немец, фамилия которого была – Шиллер.

325

В самом дел«е, довольно забавно, что величайшего из русских поэтов родному его языку учил иностранец, и еще забавнее, что этому иностранцу случилось быть однофамильцем гениального немецкого поэта. Есть люди, которые из каждого случайного совпадения имен или чисел готовы выводить необыкновенно важные заключения и предзнаменования. Им не мешало бы приложить свои истолкования к этому случаю. Мы не станем заниматься каламбурами и скажем только, что г. Шиллер, если и превосходно знал по-русски, не многому мог научить Пушкина, потому что мальчику и его сестре, воспитывавшимся вместе, все остальные предметы преподавались, по тогдашнему обычаю, на французском языке, и даже говорить между собою и со старшими заставляли детей по-французски. Однако же, как показал опыт, это нисколько не помешало Пушкину остаться чисто русским человеком и писать по-русски так, как не писал до него еще никто.

Вообще, учебные занятия Пушкина и в отцовском доме, и в Лицее, куда он поступил потом, не сопровождались особенно блестящими успехами, и то, что говорит он о Евгении Онегине, относится и к самому поэту, представляя верный очерк тогдашнего воспитания детей в так называемых «хороших фамилиях»: Судьба Евгения хранила:

Сперва nrndame за ним ходила,

Потом monsieur ее сменил.

Ребенок был резов, но мил.

Monsieur L'Abbe * француз убогой,

Чтоб не измучилось дитя,

Учил его всему шутя.

Не локучал моралью строгой,

Слегка за шалости бранил И в Летний Сад гулять цодил.

Он по-французски совершении Мог изъясняться и писал.

Легко мазурку танцовал И кланялся непринужденно.

Чего ж вам больше?– Свет решил,

Что он умен и очень мил.

Мы все учились понемногу, -Чему-нибудь и как-нибудь:

Так воснитаньем, слава богу,

У нас не мудрено блеснуть.

Для довершения сходства с этим очерком надобно заметить, что Пушкин с семи лет сделался мальчиком бойким, живым, развязным; прежняя застенчивость и вялость уступили место резвости, которая часто доходила до шаловливости. Одно только сохранилось в нем неизменным: как ученик, Пушкин всегда, до самого окончания курса в Лицее, был довольно ленив.

* Господин аббат.

Ж

Но если так, то каким же образом успел он приобресть многосторонние познания, без которых невозможно сделаться хорошим литератором? Дело в том, что Пушкин не любил только учить уроков, которые было надобно каждый день приготовлять к завтрашним классам; а любознательности было в нем очень много. Страсть к чтению развилась в нем рано – лет с восьми или девяти. Будучи воспитан на французском языке, он принялся, разумеется, за французские книги, которых у его отца было очень много: Сергей Львович, большой любитель французской литературы, имел хорошую библиотеку. Он старался поощрять в детях любовь к книгам и часто читал вместе с ними лучшие, по его мнению, сочинения, особенно Мольера, которого, говорят, знал почти наизусть. Сын его бросился на книги с жадностью, читал без устали день и ночь и, при необыкновенной своей памяти, на одиннадцатом году был, по выражению дяди, Василья Львовича, уже отличным знатоком французской лите

ратуры.

Страсть к чтению сохранилась у Пушкина до конца жизни.

Редко можно встретить человека, который бы прочел так много книг, как он. Потому и не удивительно, что он был одним из самых образованнейших людей своего времени, хотя в школе и считался посредственным учеником. Не с одним Пушкиным было так: люди с блестящими способностями часто пренебрегают школьным преподаванием, которое кажется для них слишком медленно или не касается предметов, особенно интересующих их ум. Только внимательная и нежная заботливость отца или матери может предохранить их от пренебрежения школьными занятиями, или – но это уже особенно счастливый и редкий случай – какой-нибудь талантливый и любящий наставник заставляет их шаг за шагом итти вперед, не оставляя позади ничего не изученным основательно. И счастлив бывает даровитый юноша, если найдет себе в родителях или наставнике такого любимого руководителя: его образование будет тогда не только обширно, но и основательно – у него будут все познания, нужные человеку для того, чтобы составить себе прочные и

благородные убежде ния, то есть применять отношения всего, о чем случится ему судить, к понятиям справедливости и добра. Иначе он узнает многое, но в числе этого многого больше будет неважного и излишнего, нежели необходимого для истинной образованности, которая состоит в том, чтобы обо всем, что делается в мире, уметь судить, как должно судить человеку просвещенному и благородному.

В произведениях Пушкина мы находим доказательства того, что он был человек с большою начитанностью; но если бы он вместе с этою начитанностью обладал большею основательностью в своих понятиях о многих важных воп росах человеческой жизни, то, без сомнения, достоинство его творений было бы еще выше.

Не от Пушкина зависело, что он не получил образования более солидного; не он был виноват, что его любознательность с самого начала не нашла умного и вполне образованного руководителя, который воспользовался бы ею, чтобы поставить ученые понятия Пушкина на высоту, соответственную величию его таланта. Но, к чести нашего поэта, должно сказать, что, достигнув лет, когда человек начинает сам располагать своими действиями, он неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился над собственным образованием. Он учился всю свою жизнь.

Вместе с любовью к чтению в ребенке обнаружилась и страсть к авторству. Мы говорили, что он начал сочинять стихи, когда ему было не более 9-ти или 10-ти лет и, по примеру отца, сначала писал на французском языке; вероятно, также пример отца внушил ему особенную любовь к Мольеру, и в числе первых произведений Пушкина были небольшие французские комедии, сочиненные по образцу мольеровых. Он читал их сестре.

К сожалению, эти первые опыты не дошли до нас. Сохранилась в памяти его сестры только эпиграмма, которою он сам посмеялся над одною из своих комедий, «L'Escamoteur», которая не понравилась его слушательнице:

Dis-moi, pourquoi I'Escamoieur Est-il siffle par le Parterre?

Helas, c'est que le pauvre auteur L'escamota de Moliere *.

Кроме небольших комедий, Пушкин писал басни и наконец вздумал сочинить эпическую поэму в шести песнях. Сюжетом он выбрал войну карликов и карлиц при старинном французском короле Дагобере. Карлик Толи, влюбленный в карлицу Нитушь,

победив соперников, должен был получить руку миньятюрной красавицы. Но эта поэма погибла, еще не достигши конца: одна из гувернанток заметила тетрадь, над которою прилежно трудился молодой автор, унесла ее и отдала гувернеру, жалуясь на непослушного мальчика, который «проводит время за сочинением подобных пустяков». Гувернер начал читать «Толиаду», как называлась поэма по имени своего героя, и расхохотался. Оскорбленный автор вырвал у него тетрадь и бросил в топившуюся печь.

Мальчику исполнилось двенадцать лет, и родители начали думать, что пора отдать его в какое-нибудь училище. Особенно славился тогда существовавший в Петербурге иезуитский коллегиум, и Сергей Львович поехал в Петербург, чтобы поместить * Скажите, за что партер освистал «Похитителя»? за то, что бедный автор похитил его у Мольера, — Пушкин, читая свои комедии, воображал, что они разыгрываются на сцене, и сестра была для него «публикою» и «партером», решающим успех или падение пьесы.

328

сына в вто заведение. Но в то самое время правительство объявило об открытии высшего училища для дворян — Царскосельского лицея. Директором этого учреждения назначен был один из друзей Сергея Львовича, и двенадцатилетний Пушкин был принят в число воспитанников Лицея.

Годы, проведенные в Лицее, остались навсегда лучшими годами жизни в памяти Пушкина: в Лицее развился его поэтический талант, в Лицее он встретил друзей, особенно Дельвига, которого всегда чрезвычайно уважал и любил. Воспитанники, удаленные от столицы, принужденные довольствоваться собственным обществом, скоро свыклись между собою и на всю жизнь остались людьми, близкими друг другу. Но, кажется, ни в одном

из них эти юношеские чувства не остались так живы, как в Пушкине. Его лирические стихотворения и «Евгений Онегин» наполнены воспоминаниями о Царском Селе и Лицее. Несколько прекраснейших стихотворений его написаны в память годовщины открытия Лицея.

В Лицее, точно так же, как и дома, Пушкин не слишком прилежно готовился к урокам и, несмотря на чрезвычайно сильную память и блестящий ум, считался посредственным учеником. Но, независимо от школьного преподавания, он читал очень много книг по всеобщей истории, французской и русской словесности. Потому шесть лет (1811– 1817), проведенные им в Лицее, были для него не бесполезны и в отношении умственного образования. Что же касается поэтического его таланта, он развивался в это время очень быстро и уже начинал приобретать известность. Между товарищами Пушкина была довольно сильна любовь к литературным занятиям: многие писали стихи, другие переводили разные прозаические статьи с иностранных языков; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы.

К сожалению, тетради эти, столь интересные, затеряны и известны нам только по заглавиям. Так, один журнал назывался «Лицейский мудрец», другой – «Неопытное перо», третий «Пловцы» и проч.

В первые годы своей лицейской жизни Пушкин попрежнему писал стихи на французском языке и только около 1814 года начал писать и по-русски. Мы привели отрывки из «Послания к сестре», первого русского его стихотворения, дошедшего до нас. Но оно не было напечатано. Первым из появившихся в печати произведений его было довольно длинное послание «К другу -стихотворцу», написанное в сатирическом духе, по образцу множества подобных стихотворений того времени: послания были

тогда в моде. Оно напечатано в московском журнале «Вестник Европы» 1814 года, в восьмой книжке2. После того стихотворения Пушкина начали появляться в журналах довольно часто и скоро обратили на себя внимание легкостью языка, с которою часто соединялось и поэтическое достоинство мысли и картин.

329

Многие из товарищей сначала не любили Пушкина за его впиграммы: он тогда уже отличался остроумием и за каждое оскорбление расплачивался колким стихом, которого боялись не одни его сверстники, но и люди гораздо старше его летами. Довольно долго эта легкая вра 1 жда мешала даже единодушному согласию товарищей в том, что Пушкин превосходит их всех поэтическим талантом. Но, ближе познакомясь с молодым поэтом, все полюбили его, потому что в душе Пушкин был очень добр и чрезвычайно благороден. Известность, которую приобрел он в литературе, убедила всех в несомненности его дарования, и в последнее время лицейской жизни Пушкин пользовался уже между товарищами громкою славою.

Из всех товарищей Пушкин особенно был дружен с бароном Дельвигом, привязанность к которому не ослабела в нем до самой смерти Дельвига и доставила Дельвигу большую известность, как превосходному поэту; только после смерти Пушкина, когда уже некому было превозносить до небес стихи Дельвига, публика убедилась, что этот поэт не отличался замечательным талантом. Но Пушкин так сильно был ему предан, что искренно считал его великим поэтом, и влияние Пушкина на мнение публики было так сильно, что почти все верили этому. На самом же деле барон Дельвиг заслужил дружбу Пушкина своею любовью к поэзии и тем, что великий поэт мог откровенно и не без пользы говорить с ним о своих произведениях, как с человеком образованным и не

лишенным вкуса.

Из событий лицейской жизни ярче всего остался в памяти Пушкина торжественный акт 1815 года, который был почтен посещением Державина, с одобрением выслушавшего стихотворение молодого поэта: «Воспоминания в Царском Селе». Вот как рассказывает об этом случае сам Пушкин:

«Державина видел я только раз в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее.

Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцало -вать руку,– руку, написавшую «Водопад» *.

Державин приехал...

Он был очень стар... Экзамен наш очень его утомил: он сидел поджав голову рукою; глаза его были мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности.

Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, поминутно хвалили его стихи.

Он слушал с живостью необыкновенною. Наконец вызвали меня.

Я прочел мои «Воспоминания в Ц. С.», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда * Ода эта, написанная Державиным под влиянием известия о смерти Потемкина-Таврического, принадлежит к числу лучших произведений Державина.

330

я дошел до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом.

Не помню, как я кончил свое чтение; не .помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

После экзамена, «а обеде, граф Разумовский, бывший в то время министром народного просвещения, поздравляя Сергея

Львовича с успехами сына, прибавил: «Однако же, я желал бы обратить вашего сына к прозе».

— Оставьте его поэтом! — с необыкновенным жаром сказал Державин.

Об этих отношениях своих к Державину Пушкин упоминает в превосходных стихах «Евгения Онегина», где рассказывает судьбу своей музы (то есть своего поэтического дарования):

И свет ее (музу) с улыбкой встретил;

Успех нас первый окрылил;

Старик Державин нас заметил И, в гроб сходя, благословил...

Но вот приблизилось время окончания курса (9 июня 1817 года). Пушкин был выпущен с чином десятого класса и через три дня определен в Коллегию иностранных дел. Молодой человек тотчас взял отпуск и поехал в село Михайловское, к своему семейству.

Надобно заметить, что пока Пушкин был в Лицее, его родные переселились из Москвы в Петербург и летом переезжали жить в село Михайловское, находящееся в Псковской губернии. Пушкин до 1820 года, когда должен был уехать на юг России, каждое лето проводил также в Михайловском.

ГЛАВА IV

Пушкин п светском обществе. — Первая его поэма: «Руслан и Людмила».— Пушкин и Бессарабии, в Одессе, на Кавказе, в Крыму. — Поэмы его: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и «Братья разбойники».

По возвращении в Петербург после отдыха в деревне, Пушкин вошел в круг светской жизни: веселый и живой характер его проявлялся тогда во всей силе; но в то же время он не покидал своих литературных занятий, был принят в число членов Арзамасского

общества, о котором мы гэворили, и в 1819 году написал первую из своих больших поэм «Руслана н Людмилу», которая прославила его имя и по прочтении которой Жуковский подарил ему свой портрет с надписью: «Ученику-победителю от побежденного учителя».

Ныне всякий хорошо видит, что эта поэма имеет множество 331

недостатков; но в то время она, действительно, была необыкно' венным явлением по чрезвычайной легкости стиха и по прекрасному языку. Все, что было написано прежними нашими поэтами, казалось тяжелым и неизящным в сравнении с поэмою Пушкина; потому вся публика прочла ее с необыкновенным восторгом. Содержание этой повести в стихах состоит в том, что Руслан, древний русский богатырь, отыскивает свою невесту, Людмилу, которую похитил волшебник Черномор.

Вскоре по окончании «Руслана и Людмилы» Пушкин был послан в Бессарабию и оставался на юге России с 1820 до 1824 года 3. Сначала прибыл он в Екатеринославль, где занемог, так что должен был ехать на Кавказские Минеральные Воды. Когда его здоровье поправилось, он поехал с Кавказа в Крым, осмотрел южный берег его, богатый живописными видами, посетил Бахчисарай, бывшую столицу крымских ханов, и в сентябре 1820 года приехал жить в Кишинев. В конце этого года он ездил в Киев и, по возвращении в Кишинев, окончил (в начале 1821 года) свою поэму «Кавказский пленник», начатую за несколько месяцев. Она написана под влиянием впечатлений, произведенных на поэтическое воображение Пушкина величественною горною природою, и лучшее достоинство ее составляют превосходные и живые картины Кавказа. Вместе с тем на ней отразилось влияние английского поэта Байрона, произведениями которого восхищалась

тогда вся Европа. Пушкин был в то время еще так молод, что неудивительно, если и он подчинялся общему увлечению. Характер в человеке образуется мало-помалу, житейскою опытностью, и Пушкин после «Кавказского пленника» писал еще несколько лет, увлекаясь влиянием Байрона. Байрон – поэт чрезвычайно грустный. В поэмах Пушкина, писанных в байроновском духе, также отразилась отчасти эта грусть, но гораздо слабее, нежели у английского поэта, потому что в сущности она противоречила природному расположению Пушкина, скорее наклонного к беззаботности, любившего жизнь и ее удовольствия, доброго и снисходительного.

В Кишиневе же, в 1822 году, была написана и третья поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан», заключающая в себе воспоминания о Крыме, как воспоминания о Кавказе были высказаны поэтом в «Кавказском пленнике». С каким восторгом были приняты публикою оба эти произведения, можно судить по тому, что через них Кавказ и Крым стали знакомы каждому русскому, между тем как прежде понятия о природе этих стран были почти у всех очень неопределенны.

В половине следующего года Пушкин был переведен на службу в Одессу, где прожил около года. Здесь он начал писать свой роман в стихах «Евгений Онегин», который окончен был уже через несколько лет. Мы скажем об этом произведении после.

В Одессе также была написана поэма «Цыганы», в которой осо -332

бенно хороши описания кочевой жизни цыган. Содержанием этому произведению послужили так же, как и прежним, воспоминания поэта: когда он ездил по Бессарабии, то часто имел случай близко присмотреться к цыганскому быту, а однажды даже посвятил этим наблюдениям несколько дней.

На юге России, именно в Кишиневе, написан Пушкиным также отрывок из поэмы, напечатанный под заглавием «Братья разбойники». Остальные части этой недописанной поэмы автор уничтожил, будучи ею недоволен; а напечатанный отрывок уцелел случайно в руках одного из приятелей автора. Содержание для рассказа взято из анекдота о том, что два колодника, скованные вместе, переплыли через реку. Если это и действительно было, то все-таки остается случаем почти невероятным; а поэтические произведения хороши тогда, когда, прочитав их, каждый говорит:

«да, это не только правдоподобно, но иначе и быть не могло, потому что всегда так бывает».

ГЛ АВА V

Возвращение Пушкина в село Михайловское, потом в Москву и Петербург. – Трагедия «Борис Годунов». – Поэма «Полтава». – Роман в стихах «Евгений Онегин». – Путешествие в Арзерум. – Драматические произведения. – Женитьба Пушкина. – Он поселяется в Петербурге. – Повести в прозе: «Дубровский» и «Капитанская дочка». – Поэма «Медный всадн-ик».

В июле 1824 года Пушкин был возвращен из Одессы в свое село Михайловское, где и прожил два года. Здесь-то, будучи почти постоянно одинок, он чрезвычайно много читал и писал.

Время, проведенное в Михайловском, было в литературном отношении самою деятельною порою его жизни. Здесь написал он несколько глав «Евгения Онегина» и трагедию «Борис Годунов».

С этого времени в произведениях Пушкина уже не заметно увлечения Байроном, под влиянием которого задуманы прежние его поэмы. Напротив, Пушкин проникся особенною любовью к Шекспиру, величайшему из всех драматических писателей, и, отчасти в подражание драмам Шекспира из английской истории, написал своего «Бориса Годунова», в котором довольно близко держался рассказа Карамзина; «незабвенной памяти» Карамзина

и посвящена эта драма. До сих пор она остается единственным в своем роде творением в русской литературе. Пушкин преимущественно на «Борисе Годунове» основывал свою славу, потому что очень долго и внимательно занимался этим произведением.

В сентябре 1826 года Пушкин был возвращен в Петербург, где с того времени и жил почти постоянно, уезжая, впрочем, каждый год на лето и осень в село Михайловское, где написал большую часть своих следующих произведений. Но в 1826 году из Михайловского он проехал прежде в Москву, где его встретили 333

с восторгом и где он прожил до весны 1827 года. Семь лет ужё не бывал он в светском обществе, и от долгой разлуки оно получило для него новую прелесть. Лето провел он в Петербурге, а на осень уединился в свое Михайловское.

В 1828 году написал он, менее, нежели в месяц, поэму «Пол* тава», существенным содержанием которой, как видно уже из заглавия, служит борьба Петра Великого с Карлом XII. Уже прежде этого времени Пушкин с особенною любовью занимался изучением эпохи Петра Великого и еще в предыдущем (1827) году начал большой роман «Арап Петра Великого», в котором, как мы видели, главным лицом хотел выставить своего прадеда Ганнибала. Роман этот остался неоконченным. Позднее Пушкин написал поэму «Медный всадник», посвященную ирсславлению памяти державного основателя Петербурга, и это лучшая из его поэм. Кроме того, в последние годы своей жизни он почти исключительно занимался собиранием материалов для истории Петра Великого.

В 1829 году он испросил разрешение сопровождать нашу армию в победоносном походе против персиян и, проехав через Тифлис, присоединился к войску на берегу Карса-Чая и видел

взятие Арзерума. Памятником этой поездки осталось «Путешествие в Арзерум».

Осенью 1830 года Пушкин дописал «Онегина», который был начат за семь лет. Роман этот был издаваем в свет отдельными главами, и первые три главы, изданные в 1825 году, произвели необыкновенный восторг в публике. Многие так восхищались этим романом, что выучили его наизусть. Главное достоинство «Евгения Онегина», кроме превосходных стихов, состоит в том, что он чрезвычайно верно изображает нравы русского общества. Теперь мы имеем довольно много произведений, более или менее отличающихся этим достоинством, хорошая повесть из русских нравов ныне уже не редкость; но «Евгений Онегин» в свое время был неслыханною и небывалою редкостью. Мы говорили о содержании поэм, писанных Пушкиным до «Онегина»: могут ли они назваться картинами наших нравов? В одной из них изображаются черкесы и Кавказ, в другой – татары и Крым, третья – сказка о приключениях богатырей или витязей, Таковы же были и все почти произведения русской литературы до появления «Онегина». Они отличались от поэм Пушкина только тем, что были написаны не так хорошо, но так же мало изображали нравы и быт русского общества, как и «Кавказский пленник» или «Бахчисарайский фонтан». Исключение остается очень за немногими – за комедиями Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» и за комедиею Грибоедова «Горе от ума». Но «Горе от ума» тогда еще не было напечатано, а комедии Фонвизина не ценились по достоинству, между прочим, оттого, что язык их считался слишком устаревшим. Кроме того, роман Пушкина написан а повествовательной форме, которая гораздо легче для чтения, нежели драматическая. «Евгений Онегин» был первым романом, изображавшим – и превосходно изображавшим –

современное русское общество. Успех его был, можно сказать, беспримерен в русской литературе, а влияние и на развитие литературы и на понятия публики огромно.

Осень этого года провел Пушкин в своем селе Болдине (Нижегородской губернии), где написал, кроме последних двух глав «Онегина», большую часть своих драматических произведений, именно: «Скупого рыцаря», «Каменного гостя», «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери». В Болдине также были написаны повести, изданные под именем «Повестей Белкина». Они были первыми сочинениями в прозе, которые напечатал Пушкин, и уступают в достоинства другим его прозаическим произведениям. «Скупой рыцарь» и «Сцены из рыцарских времен», написанные превосходно, изображают нравы средних веков, а «Каменный гость» – старинные испанские нравы. В этих призведениях верность всех подробностей тому веку и той стране, к которой относится действие, так же удивительна, как и поэтическое достоинство.

В начале 1831 года Пушкин, находившийся тогда в Москве, был чрезвычайно опечален известием о смерти самого любимого из его друзей, Дельвига.

18 февраля того же года он женился на Н. Н. Гончаровой.

Брак был совершен в Москве, где жило семейство невесты. Он прожил в Москве до весны, потом повез свою супругу в Петербург и поселился на лето в Царском Селе.

С этого года начал он заниматься собиранием материалов для истории Петра Великого. Ему было разрешено пользоваться длл того государственными архивами, и он деятельно работал в них. Смерть прервала обширный труд Пушкина, когда он еще только хотел приступить к обработке собранных фактов.

В 1833 году были написаны Пушкиным: повестив прозе «Дуб-

ровский» и «Капитанская дочка» и драматическое произведение в стихах «Русалка», оставшееся после его смерти неоконченным. Содержание «Русалки» взято из сказочного мира, как содержание «Руслана и Людмилы»; но между тем как «Руслан и Людмила;» только по заглавию относится к старинной русской жизни, а на самом деле очень мало проникнута духом нашей Старины, в «Русалке» многие сцены превосходно изображают старинную нашу жизнь в ее истинном виде.

«Дубровский» и особенно «Капитанская дочка» должны назваться лучшими из прозаических повестей Пушкина. «Дубровский» изображает быт наших помещиков в начале нынешнего столетия, а «Капитанская дочка» – эполу пугачевского бунта, историею которого Пушкин занимался в это время.

В 1833 году написана Пушкиным одна из лучших его поэм–

.475

«Медный всадник», сюжетом которой послужило ужасное наводнение, бывшее в Петербурге 7 ноября 1824 года, а героем ее Пушкин сделал Петра Великого, памятник которого, «Медный всадник», в его картине наводнения величественно возвышается над волнами и усмиряет их.

В 1836 году Пушкин начал издавать журнал «Современник», который по смерти основателя продолжал издаваться его друзьями, в том числе Жуковским, князем Вяземским и г. Плетневым, а впоследствии одним г. Плетневым и который, под другою ре» дакциею, существует до сих пор.

ГЛАВА VI

Смерть матери Пушкина. – Тоска овладевает поэтом. – Он желает умереть. – Дуэль. – Кончина Пушкина. – Пенсия его семейству. – Памятник его. – Характер Пушкина. – Его привычки.

В 1836 году Пушкин был огорчен кончиною матери, Надеж-

ды Осиповны. Проводив ее тело в Святогорский Успенский монастырь (в Опочковском уезде Псковской губернии), он, как бы предчувствуя близкую смерть, условился с начальством монастыря, чтоб и ему была приготовлена могила рядом с тем местом,

где положена была его мать.

В самом деле, он не долго пережил это время. В напечатанных до сих пор биографиях поэта не объяснены удовлетворительно причины, заставившие его не дорожить, даже тяготиться жизнью. Но вообще можно сказать, что ее последнее время было наполнено разными огорчениями, которых не в силах был переносить великий наш писатель, одаренный живым и нетерпеливым характером. Он сам, кажется, знал, что так или иначе, но скоро расстанется с жизнью. Рассказывают, между прочим, следующий случай, обнаруживающий, что уже за несколько месяцев до смерти Пушкин тосковал и чувствовал тяжесть на душе. Товарищи Пушкина по Лицею каждый год собирались 19 октября, в годовщину основания Лицея, чтобы вспоминать о прошлом и проводить этот день по-товарищески. Пушкин часто писал к этому собранию стихотворения. Так он сделал и в 1836 году, но не успел совершенно окончить и обделать своего стихотворения к 19 октября и в кругу собравшихся товарищей извинялся, что прочтет им неоконченную пьесу. Помолчав немного, он вынул лист бумаги и начал:

Была пора: наш праздник молодой Сиял, шумел и розами венчался...

Но голос его задрожал, и слезы показались на глазах при этих словах. Он положил бумагу на стол, ушел в угол комнаты и сидел 336

там молча. Другой товарищ прочитал его последнюю лицейскую годовщину.

Душевные беспокойства тяготили Пушкина до такой степени, что он искал смерти и по одному недоразумению, которое можно было устранить, если бы Пушкин дорожил собою, вышел на дуэль с французским подданным Дантесом, жившим тогда в Петербурге. Дуэль была 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно ранила нашего великого поэта, и, после ужасных страданий, Пушкин скончался 29 января, в три четверти третьего часа пополудни. Последние часы его жизни подробно описаны Жуковским.

Неожиданная и слишком ранняя смерть Пушкина поразила горестью всех, кто сколько-нибудь любил русскую литературу, которая лишилась величайшего из всех писателей, какие только являлись в ней до того времени. Печальная толпа день и ночь наполняла комнату, в которой стояло тело Пушкина; общая печаль соединила у гроба его людей всех состояний, всех званий, всех степеней образованности.

Согласно желанию покойного, тело его было, по высочайшему повелению, отвезено для погребения в Святогорский Успенский монастырь, где приготовил он себе могилу подле матери, и на похороны его было пожаловано императором 10 ООО рублей ассигнациями.

Святогорский монастырь находится в четырех верстах от любимого Пушкиным села Михайловского. Над могилою его поставлен памятник из белого мрамора, на четырехугольном пьедестале, сделанном наподобие древних гробниц. На памятнике простая надпись: «Александр Сергеевич Пушкин». Площадка могилы, начинающая зарастать деревьями, находится близ церкви монастыря, по левую сторону алтаря.

По высочайшему повелению, долг Пушкина казне был снят с его имения; супруге поэта была назначена пенсия в 5 ООО рублей ассигн. и, кроме того, детям его в 6 ООО рублей. На издание сочинений Пушкина пожаловано 50 ООО рублей.

Нам остается сказать несколько слов о Пушкине, как человеке. Основными чертами его характера были благородство, мягкость и живость. Благородство было дано ему природою и развито образованностью. Он хотел быть не только чист от всего, что признавал низким или дурным, но держать себя так, чтобы никто не имел права сказать о нем что-нибудь дурное, по его мнению. Потому каждая клевета глубоко огорчала его, как бы ни была глупа и нелепа. Даже причиною его смерти надобно считать то, что в последние годы недоброжелатели его начали распускать относительно его разные пошлые выдумки: щекотливое чувство собственного достоинства в нем было оскорбляемо, он не мог выносить клеветы с тем равнодушием, какого она заслуживает, и жизнь стала для него тяжела. Имея привычки луч-22 н, Г. Чернышевскиг, т, II! 337

шего общества, будучи светским человеком в полном смысле слова, он был очень обходителен и любезен в обществе; но в то же время, постоянно опасаясь несправедливых толков, он старался быть осторожным, и иногда это доводило его до

некоторой скрытности даже с коротко знакомыми. Впрочем, при живости своего характера, он не мог выдерживать этой роли и, забывая о ней, обнаруживал свои истинные мысли и чувства. Как все добрые и вместе живые люди, он был вспыльчив; но гнев скоро уступал место обыкновенной его кротости и мягкости. Все, что встречалось ему в жизни, чрезвычайно сильно действовало на его восприимчивую натуру; даже мелочи, на которые другой не обратил бы внимания, очень часто производили на него глубокое впечатление. О нем более, нежели о ком-нибудь, можно сказать, что он жил впечатлениями, которые приносила настоящая минута. Переходы от грусти к веселости, от уныния к беззаботности, от отчаяния к надежде были у него часты и очень быстры,

В одном он оставался всегда неизменен — в привязанности к людям, которых раз полюбил: трудно найти человека, который был бы таким верным и преданным другом, как Пушкин.

Пушкин хотел быть и был светским человеком, но привычки его всегда были просты. И в жизни он не любил изысканности, принуждения, искусственности, как не любил их в литературе.

Он не терпел ни картин, ни других украшений ь споем кабинете, и когда, на время приезжая в Петербург, останавливался в гостинице, то выбирал скромную квартиру. До сих пор еще мы не имеем подробных .рассказов о том. как любил он проводить время по возвращении из Южной России в Петербург; но что касается жизни его в Одессе и Кишиневе и потом в деревне, он сам в общих чертах рассказал ее в «Евгении Онегине». В Одессе и Кишиневе он искал развлечений в обществе, или бродил по окрестностям города, или читал лежа в постели. В самом деле, он так любил резкие переходы из одной крайности в другую, что ему нравилось только или сильное физическое движение, или совершенный покой. Он даже писал первые главы «Евгения Онегина», лежа в постели. В деревне он вставал рано и тотчас же отправлялся в речку купаться, если дело было летом, а зимою перед завтраком брал ванну со льдом, потом все утро посвящал занятиям, читал или писал. После обеда, если не было гостей, он один играл сам с собою на бильярде, а вечера проводил в нескончаемых разговорах с своею нянею. Страсть много ходить пешком не покидала его и в столице: так, иногда он ходил пешком из Петербурга в Царское Село; а когда он в последнее время жил на даче на Черной Речке и, занимаясь собиранием материалов для истории Петра Великого, должен был каждый день

посещать архивы, то всегда ходил с дачи в город и возвращался на дачу пешком.

Вообще Пушкин был очень крепкого сложения. Это не мешало 338

«му быть мнительным относительно здоровья, и в молодости он воображал себя страждущим чахоткою, воображал даже, что чувствует признаки аневризма в сердце.

Он не был красив лицом; только черные курчавые волосы и блестящие, полные огня и ума глаза его были хороши. Но когда его лицо одушевлялось, в увлечении разговора, он был прекрасен. Заключим эту характеристику чертою, относящеюся к литературе. Теперь великий писатель и у нас, как везде, гордится своим званием писателя. Не так было в то время, когда явился Пушкин, и до конца жизни сохранилась в нем привычка молодости — думать, что имя великого поэта не составляет его самого неоспоримого права на высокое место в обществе. Он даже не любил, чтобы его считали писателем, и это было довольно понятно, потому что только после него научилось русское общество высоко уважать поэтов. Но он любил ободрять молодых писателей, в которых замечал талант. Губер, один из хороших поэтов своего времени, сохранил для нас воспоминание о том, какое живое участие принял в нем Пушкин, когда узнал, что Губер, тогда бедный и неизвестный юноша, переводит «Фауста». Гоголь встретил в Пушкине первого ценителя своих произведений, и самым благородным образом выказался в дружбе к Гоголю характер Пушкина, с любовью ставшего советником молодому человеку, который должен был по его смерти стать его преемником в господстве над развитием русской литературы и русского общества.

Все, что мы знаем о Пушкине, как о человеке, заставляет лю-

бить его; а великие услуги, оказанные им русской литературе, и поэтические достоинства его произведений, по справедливому замечанию одного из литераторов, писавших о жизни Пушкина, заставляют признаться, что он имел полное право сказать о себе и своих творениях:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный;

К нему ж; дарастст народная тропа;

Втпссси выше он главою непокорной Наполеонова гтолпл.

Пет! весь я не умру: душа в заветной лире Мой прах переживет и тленъя убежит,

И славен буду я доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит.

И долго буду я народу тем любезен,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что прелестью живой стихов я был полезен И милость к падшим призывал.

ЖИЗНЬ ЖОРЖА САНДА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

(Hiatoire <1e т a vie. Paris, 7854~IS5fi, X III vol.j П р е д и с л о в и е

Едва ли какое-нибудь явление в изящной словесности последних двух или трех лет имело столь сильный успех, как мемуары Жоржа Санда. Успех этот был вполне заслужен. «Современник» почел своею обязанностью знакомить русскую публику с новым произведением этой писательницы, по мере того как оно [печаталось] в фельетонах одной из парижских газет. Четыре статьи, помещенные в «Современнике» 1854 и 1855 годов («История моей жизни», Жоржа Санда. «Современник», 1854,

№ XII и 1855, № № I, III и V II), представляют почти полный перевод одиннадцати глав первой книги. Но потом мы остановились продолжением этих статей, увидев необходимость дождаться окончания «Записок» и тогда уже, на основании общего впечатления, производимого всем целым, решить, какую форму удобнее избрать нам для передачи их содержания на русском языке.

Такое замедление было вынуждено и объемом и самым тоном «Записок». Казалось, что Жорж Санд намерена дать им громадный размер, без разбора печатая все письма своих родственников, хотя б эти письма и не заключали в себе ничего интересного для публики, даже ничего относящегося прямо к ее собственной жизни; кроме того, рассказ прерывался длинными размышлениями и отступлениями, нимало не любопытными для русской публики. Все это вместе страшно растягивало биографию.

Мы видели, что четыре напечатанные нами статьи не подвинули еще рассказа... не говорим: до рождения автора, – даже до знакомства ее будущих родителей между собою.

Мы прочитали еще том парижского издания, и все еще речь шла о временах, предшествовавших рождению автора; прочли еще том, и все еще тянулись письма ее бабушки, отца или матери, длинные и бесчисленные, тянулись воспоминания о тех временах детства, о которых, по собственному признанию, автор 340

почти ничего не помнит; тянулись общие размышления о воспитании, человеческой жизни, религии и т. д. Переводить все это значило бы утомить читателей и без пользы для кого бы то ни было пожертвовать сотнями и сотнями страниц. Мы решились дождаться окончания «Записок» и тогда, сообразно большему или меньшему интересу, какой будут иметь они в целом, представить читателям более или менее подробный рассказ их содержания. Теперь «Записки» кончены. Они страшно растянуты, особенно в первой и самой большой по объему половине, обнимающей время до выхода Авроры Дюпен (г-жи Жорж Санд) замуж. Целые десятки страниц наполнены иногда скучными письмами или рассуждениями, которые хороши были бы, как отдельные диссертации о том или другом психологическом, нравственном или юридическом вопросе, но бесполезно замедляют биографический рассказ. Итак, вполне переводить «Записки» г-жи Жорж Санд невозможно. Тем не менее, автобиография заключает в себе очень много интересных фактов и прекрасных эпизодов. Иначе и быть не могло. Жизнь Жоржа Санда замечательна не только высоким психологическим развитием: она также богата драматическими [положениями]. Все это вместе сообщает ее «Запискам» высокую занимательность.

Кроме того, Жорж Санд принимала сильное участие в исторических событиях, сближалась со многими замечательными людьми, и ее «Записки» прекрасно знакомят нас с некоторыми из них. Одним словом, успех, какой имели ее «Записки» не в одной французской, но также в немецкой и английской публике, был заслужен. Две трети или три четверти этих «Записок» скучны: но в остальной четверти находим много очень интересных сцен, характеристик и очерков. Мы постараемся извлечь их для читателя из огромной массы утомительных отступлений.

Некоторые отрывки мы будем переводить буквально, и в этих случаях, конечно, удержим «я» автора. Но большею частию мы должны будем пересказывать содержание «Записок», говоря о Жорже Санде в третьем лице. Автор пишет свою биографию в таком тоне, что простое извлечение было бы недостаточно: читать «Записки» Жоржа Санда без критики значило бы часто ошибаться относительно характеров и событий самым простодушным образом; представлять всех людей, о которых она говорит, в том самом свете, в каком представляются они ей, значило бы вводить в заблуждение читателя или возбуждать в нем досаду легковерною наивностью изложения.

В романах Жоржа Санда всегда бывает довольно много экзальтации, следствия которой — иногда излишняя мечтательность, в которой сходятся почти все ее герои и героини, иногда излишняя идеализация природы, людей и событий. В романах эти качества если и действуют на некоторых, впрочем, не очень многих, невыгодным образом, как картина, в которой слишком 341

много пурпуровых и розовых оттенков, то на большинство про* изводили сильное и благодетельное впечатление, противодействуя господствующей мелочности, холодности и пошлому бездушию; потому экзальтация романов Жоржа Санда, будучи недостатком с художественной точки зрения, придавала им новую силу для полезного действия на публику — вознаграждение, слишком достаточное для человека, знающего, что если произведение поэзии ничтожно без художественных достоинств, то без живого отношения к потребностям публики оно не будет заслуживать особенного внимания даже с эстетической точки зрения, как нечто холодное и мертвое.

Но если экзальтация имела свою хорошую сторону в романах Жоржа Санда, потому что была там совершенно уместна и отчасти даже нужна, то в автобиографических записках она производит на читателя впечатление решительно невыгодное: потому что историку надобно судить о людях хладнокровно, ему позволительнее смотреть на них недоверчивыми, нежели восторженными глазами. А человеку, который пишет свою собственную биографию, мы скорее готовы извинить самолюбие, потому что оно <более> откровенно, натурально и сообразно с сущностью его дела, нежели экзальтированное самоотрицание, которое ведет только к недомолвкам и несообразностям. Записки Жоржа Санда страдают всеми недостатками экзальтации, набрасывающей на многое какой-то фальшивый колорит. О себе говорит Жорж Санд — как всегда думают о себе экзальтированные люди — то с некоторым, прикрытым наружностью скромности, самопоклонением, то (и гораздо чаще) с искренним, но несправедливым самоотрицанием. Бабушку, отца и мать воображает и потому изображает она какими-то идеальными существами. Тою же неосновательною, хотя искреннею идеализациею отуманены портреты многих других людей, к ней близких. Все эти главные лица ее «Записок» не те люди, какие живут на белом свете, а полувоздушные существа; если доверчиво принимать все эпитеты и тирады, к ним относящиеся, то лица, действующие в «Записках» Жоржа Санда, имели бы в себе менее истины, нежели вымышленные персонажи ее романов: Буагибо, Кардонне, Жак, Кароль, Индиана, Лукреция Флориани действуют в обстановке более или менее идеальной, и потому действия их и отношения к другим лицам повести имеют внутреннее правдоподобие; это характеры выдержанные, цельные, гармонирующие и сами с собою и с общим колоритом мира, которым окружил их художественный инстинкт романиста. Но обстановка, в которой живут г-жа Дюпен, Морис, Виктория Делаборд, не могла быть изменена сообразно требованиям художественной гармонии; вы понимаете, что самое идеальное лицо, среди людей и отношений, нимало не идеальных, не может действовать идеально, не может сохранить в жизни идеального характера, — и на самом деле в «Записках» беспре -342

станно проглядывают черты и подробности, показывающие вам,

что в действительности многие из людей, изображаемых госпожою Жорж Санд героями и героинями, были не совсем таковы, как их представляет себе и вам автор. Особенно надобно сказать это о ее родственниках: бабушке, отце и матери. Тут идеализация, впрочем, очень естественна. Менее натурально, казалось бы, в

человеке неэкзальтированном стремление выставить или невинными и непорочными, или великими всех других людей, из которых иные очевидно были не совсем чисты и вовсе не велики. Но дело в том, что Жорж Санд хочет воображать, будто не должна обвинять ни в чем никого из виновных перед нею: видите ли, она не имеет права ни на кого жаловаться, все люди вредят другим только по недоразумению или ошибке и т. д. Такие понятия очень благородны, и в них есть много правды; но, будучи доведены до крайности, они становятся не совсем справедливы и придают рассказу натянутость. Прибавим, что если мы будем оправдывать всех и во всем, то не успеем оправдать никого ни в чем.

И потому читатель, который захотел бы смотреть на г-жу Дюпен, ее сына и невестку (бабушку и родителей г-жи Жорж Санд), на г. Дюдевана (ее мужа), на Шопена (знаменитого композитора) и проч. глазами автора, мало-помалу разочаровался бы в них совершенно, и начав тем, что смотрел бы на них слишком наивно, кончил бы тем, что назвал бы их людьми очень дурными. На самом деле они были люди так себе, как большинство людей. Мы не обязаны закрывать глаза, чтобы разделять предубеждения автора в их пользу, и постараемся представить их в натуральном свете, основываясь более на фактах, представляемых автором, нежели на его мнениях. В этой более сообразной с действительностью обстановке личный характер самого автора и его жизнь, если и не явятся нам в ореоле неправдоподобной надоблачности (которая показалась бы вероятна разве немногим, слишком наивным душам), то и не подадут повода предполагать основательность клевет, которыми чернили эту писательницу [грязные или тупоумные люди]: равнодушный рассказ наш, который нельзя упрекнуть в излишней доверчивости, оставляет недоразумениям гораздо меньше места, нежели самые записки автора, который часто затемняет дело, отстраняя на второй план важнейшие обстоятельства излишними рассуждениями о том, чтб или ясно само по себе, или не относится к главному предмету. Надобно вникнуть в эти существенные черты, чтобы сквозь обманчивый колорит экзальтации рассмотреть людей, имевших влияние на развитие и судьбу Жоржа Санда, в их истинном виде.

Тогда мы яснее поймем развитие ее характера, и личность ее представится нам именно такою, какою обнаруживалась в ее поэтических произведениях: это натура чрезвычайно сильная, которая только от неблагоприятных обстоятельств воспитания и ложного положения, какими окружила ее судьба, получила ха-343

рактер отчасти болезненной восторженности, впрочем, не заглушившей здоровых качеств этой здоровой и высокой натуры. Таким образом, личность г-жи Жорж Санд является нам полною представительницею лучшей части поколения, воспитанного во Франции отчасти воспоминаниями о республике и империи, отчасти мистицизмом Шатобриана и Ламартина, отчасти романтизмом.

В нескольких словах напомним читателю содержание переведенной нами части «Записок», положение и характеры лиц, продолжающих действовать в 12-й главе I книги, с которой мы начинаем.

Если обращать внимание только на то, что имело влияние на будущую судьбу писательницы, содержание переведенной нами

части рассказа, очень длинного, может быть сжато в немногих строках. Рассказ не доведен еще не только до рождения Авроры Дюпен (имя, которое носила г-жа Дюдеван до замужества), но и до начала знакомства ее отца, Мориса Дюпена, с матерью, Викториею-Софиею Делаборд. До сих пор автор излагал семейные воспоминания о своих предках — Морице Саксонском (побочною дочерью которого была . г-жа Дюпен, мать Мориса) и г. Дюпене, отце Мориса, который был откупщиком, меценатом энциклопедистов и другом Ж.-Ж. Руссо. Дюпен был уже стариком, когда женился на молоденькой девушке, которая жила с ним очень счастливо, но рано осталась вдовою и посвятила себя воспитанию сына. В революцию она лишилась большей части своего состояния, подвергалась опасностям во время терроризма, будучи подозреваема в сношениях с эмигрантами, потом, спасшись от грозившей погибели при помощи Дешартра, который был гувернером ее сына, Мориса, жила в своем поместье Ногане близ городка Лашатры.

Г-жа Дюпен, которую внучка, ею облагодетельствованная, представляет себе чуть не идеалом женщины, очень горячо любила своего сына, но до конца жизни хотела держать его в такой строгой зависимости от себя, какой могут подчиняться только маленькие дети.

Морис до конца жизни робел перед матерью, но тяготился надзором и старался тайком от нее наслаждаться свободою, которой не смел защищать открыто и откровенно. Он рано поступил в военную службу и, подчиняясь сначала матери, потом жене в домашнем быту, был храбрым солдатом на поле битвы. От связи с горничною г-жи Дюпен у него был побочный сьгн, Ипполит. Г-жа Дюпен воспитывала ребенка в своем доме, прогнав

мать его.

Виктория-София Делаборд, будущая жена Мориса и мать Авроры, была дочь простолюдина, промышлявшего обучением и продажею певчих птиц. Рано оставшись беспомощною сиротою, хорошенькая парижанка не устояла против соблазнов, ее окру-344

жавших, и потом вышла замуж, скоро овдовела и возвратилась к прежнему образу жизни. Когда началось ее знакомство с Морисом, она имела какого-то богатого покровителя. От первого брака была у Виктории дочь Каролина. Женщина благородного и решительного характера, Виктория-София Делаборд, несмотря на увлечения своей молодости, едва ли не более своего бесхарактерного мужа и его матери имеет прав на уважение.

С О Ч И Н Е Н И Я Т . Н . ГР АН О В С К О ГО

Т ом первый. Москва. 1856.

Когда, по смерти замечательного ученого или поэта, даются его друзьями и почитателями обещания издать полное собрание его сочинений, публика не обольщается надеждою, что слова эти непременно будут исполнены; а тому, чтобы обещания исполнились скоро и удовлетворительно, она решительно не верит.

И нельзя не сказать, что такая недоверчивость основательна: публика была слишком часто обманываема подобными обещаниями. Л ет пять заставили ее ж дать дополнительных томов к первому посмертному изданию творений Пушкина (1841 года), и — бож е! — каково было это издание! Л юбители курьезных книг должны дорож ить им, как дивом небрежности и неряшества внешнего и внутреннего, как редкостью, достойною занимать место на ряду с тем знаменитым изданием Виргилия, в котором список типографских и других погрешностей наполнил в полтора раза более страниц, нежели самый текст '. Относительно русской поэзии довольно этого примера. Наука наша еще несчастнее на посмертные издания. Укажем один случай: Прейс, один из первых славянистов Европы, оставил много сочинений; но почти все они хранились еще в рукописи, когда постигла его слишком ранняя смерть. Напечатаны им при жизни были только немногие и небольшие по объему статьи, удивляющие ученостью и глубокомыслием. Важ ность оставшихся в рукописи трудов его была несомненна. Н есколько лет мы постоянно слышали, что рукописи Прейса приготовляются к изданию... вот прошло десять лет, а еще ни одна строка из них не явилась в печати, да и самые слухи об издании совершенно замолкли: довольно, должно быть, того, что поговорили о нем. Таких фактов можно было бы припомнить десятки. Неудивительно после того, что публика мало надеется на посмертные издания.

Тем более чести друзьям покойного Грановского, которые принятую ими на себя священную обязанность исполняют, как 346

видим, ревностно и честно. Первый том обещанного издания уже в руках публики; второй явится через два или три месяца, и, таким образом, еще до истечения года со времени тяжелой потери, нанесенной не только нашей науке, но и общ еству рус» скому смертью автора, друзья его исполнят ту часть своего долга, совершение которой зависит исключител ьно от их усе рдия: два тома эти соединяют в себе все, что было напечатано Грановским при жизни. Остается другая, еще более важная половина дела, напечатать по рукописи Грановского составленную им часть учебника всеобщей истории и, по запискам его слушателей, знаменитые его университетские курсы. Ревность, уже доказанная издателями, ручается за то, что и тут они сделают все зависящее от них для удовлетворения ожиданиям публики. Н адобно надеяться,

что им удастся дать нам полные курсы Г рановского.

Внешний вид издания совершенно удовлетворителен. Цена назначена очень умеренная — три рубля за два большие тома: очевидно, издатели заботятся о том, чтобы

дешевизна книги позволяла большинству небогатых читателей приобретать издание. Прекрасный пример, которого не должны были бы дож идаться другие издатели, возбуж дающие против себя справедливый ропот за то, что слишком высокою ценою препятствуют должному распространению в массе публики книг, наиболее любимых и необходимых каждому образованному человеку. Г. Кудрявцев, на котором лежат главные труды по изданию, как видно из предисловия, и г. Соловьев, разделявший с ним заботы по редакции, приобретают этим прекрасным делом новое право на признательность публики.

Характер предисловия, приложенного к первому тому, заставляет нас сделать догадку, в справедливости которой нельзя сомневаться, принимая во внимание энергию, с какою друзья Грановского заботятся о его памяти. «И звестие о литературных трудах Грановского», написанное г. Кудрявцевым, занимается исключительно характеристикою литературных приемов и привычек покойного историка, нисколько не касаясь его биографии. Это заставляет думать, что жизнеописание его составляет предмет отдельного и обширного труда. В плане издания, объясняемом г. Кудрявцевым, не упоминается о выборе из корреспонденции Грановского, без сомнения, очень важной для его биографии, да и вообще для истории нашей литературы: это служит новым под-' тверждением выраженной выше догадки. Итак, есть основания думать, что жизнь Грановского будет нам рассказана со реею возмож ною 'В настоящее время полнотою. С живейшим интересом будем ожидать этой биографии, а пока воспользуемся теми

сведениями, какие сообщает предисловие, для характеристики привычек Г рановского, как литератора.

Грановский писал гораздо менее, нежели дол ж но было желать.

Чем объяснить это? Ужели только нелюбовью к механическому 347

труду, соединенному с изложением мыслей на бумаге? Так думали иные. Г. Кудрявцев находит это слишком поверхностное объяснение неудовлетворительным и приводит другие, гораздо вернейшие.

В Гра новском (говор и т он) соединил ись два качества, которы е не часто встреча ются вместе: ум его бы л стол ьк о ж е я сный и ж ивой, скол ько и основательный. Е го не удовл етворя л о поверхн остное знание п редмета, первое знак ом ство с ним. Е го не пугали самы е трудны е задачи науки: он л юбил брать их «с боя » (к а к сам ж е он вы ра зил ся в одной своей ста тье), но не довол ь-ствова л ся своею первою победою. Н е останавл ивая сь на первом полученном успехе, он находил в нем лишь новые побуж дения к тому, чтобы усилить занятия предметом. Ч ем бол ьш е зна комил ся он с вопросом , тем больше л юбил угл убл я ться в него. О дн а ж ды выра ботанна я мысл ь не принимала в нем навсегда неподвиж ную ф орм у, за кры тую для вся кого дальнейшего ра з-вития. К а ж дое новое иссл едование, соприка са ющ ееся с предметом его занятий, наводил о его иа новые сообра ж ен ия . О ттого нередко сл учал ось, что Гра -новскии, уж е обдума вш и свои собствен н ы й план, или отка зы ва л ся от него, или отл агал на неопределенное время его исполнение, находя, что он еще не довол ьно соответствова л современным требования м науки. Время, меж ду тем, наводил о наш его учен ого на другие вопросы , и возбуж денна я ими л юбозн а -тел ьн ость вызы вал а его на новые за ня тия . Та к им обра зом , нескол ько обш ирных планов, задуманных им еще во время пребывания за границею, остались неисполненными, хотя дл я них уж е за готовл ено бы л о много материала...

С необы кновенною ж и востью переходя от одн ого вопроса науки к другому,

он ча сто возвра щ а л ся к ним с новы м воодуш евл ением, – н о за то и с бол ь-ш ею взы ска тел ьн остью к самому себе. Н е довол ьно бы л о, чтобы мысль много занимала его: он не преж де приступал к л итературной обра ботке ее, как давши ей созреть в себе и дости гн ув я сн ого понимания ее в самых по-дробн остя х... Гра новский бы л вовсе чуж д того л итера турного легкомыслия, которое спеш ит вся к ую сл учайно на вернувш уюся мысл ь тотча с передать публике... Говор я о Гра н овском , как о писател е, не на добно такж е за бы ва ть его в вы сокой степени симпа тическую природу, постоя н н о обра щ енную ко всем ж ивым явлениям в современности. М ож н о ска зать, что ни одно замечательное явление в умственном мире и в общ ественном бы ту не ускол ьза л о от его внимания. М ы сл ь его устрем л я л а сь всюду, где тол ьк о находила сл ед человеческой дея тел ьности... Н ек оторы е читатели бы л и очень изумлены,

увидев напечатанное в одном ж урнал е, с именем Гра н овского, чтение «О б Океании и ее ж и тел я х»: с какой ста ти бы л о ему говори ть об Океании? Каким обра -зом мы сл ь историка могл а бы ть завлечена в такую неисторическую страну?

Д ел о, однако, объ я сн я ется очень п росто. Где тол ько находил ось какое-нибудь л юдское общ ество, там непременно хотел а присутствова ть и неутомимая мысл ь наш его ученого... Д о нас дош л о лишь одно такое чтение: но читатель мож ет суди ть по нем, какое обш ирн ое изучение предмета а втор обыкновенно полагал в основание своих вы водов. – Е сл и дальний и мал оизвестный свет так много занимал наш его ученого, то мож но себе представить, с каким живым интересом следил он за всем тем, что дел ал ось и происходил о вокруг него. Современны е общ ественны е явления не имели меж ду нами бол ее восприимчивого органа дл я себя . Все, что бы л о в них как отра дного, так и горького, – все это находил о самый искренний и горя чий отзы в в его душе... П онятно, что при такой чувствител ьности к современному, вопросы , предлагаемые наукою о прош л ой жизнил нередко уходил и на задний план. Э то не значит, конечно, чтобы Гра новский теря л их из ви ду; но перед лицом великих современных собы ти й они нередко теря л и тот ж ивотрепещ ущ ий интерес, который тотча с ищ ет себе вы хода в л итера туру... К тому ж е, сообщ ител ьны й от при-

роды , л юбя более всего ж ивое, свободн ое сл ово, он ча сто довол ьствовался
344

этим средством сообщ ения своих мысл ей... О ттого-то, меж ду прочим, Гра -новский предпочитал стол ьк о л юби м ую им ф орму публичных чтений вся -кому другому сп особу изл ож ения своих мысл ей.

Прибавим к этому другие обстоятел ьства, «а которые намекает г. Кудрявцев, – между прочим, что литературная форма у нас очень узка, если можно так выразиться; что Грановский был доволен своим сочинением только тогда, когда успевал сообщить мысли совершенно худож ественную форму, под которою, конечно, надобно понимать не только внешнюю обработку слога, но также полноту и ясность развития мысли, – и нам не будет казаться странным, что Грановский писал мало. Это было следствием того, что он верно понимал свое положение и обязанности. У нас в деле науки почти совершенно нет разделения работ, потому что мало людей, приготовленных к ученому труду. Ученый, одаренный способностями, которые ставят его выше толпы, до сих пор еще находится в .положении, отчасти сходном с положением Л омо-носова: не одно дело, а десять, двадцать дел должен брать он в свои руки, если хочет быть истинно полезен. В Германии, в Ан глии историк может спокойно обрабатывать избранный предмет, не развлекаясь ничем – он служитель науки, и тол ько; весь долг его ограничивается тем, чтобы бы ть трудолюбивым специалистом – остальным потребностям общ ества удовлетворяют другие люди. У нас положение истинного ученого, каким был Грановский, еще не таково. Д о сих пор он служитель не столько своей частной науки, сколько просвещения вообще – задача, несравненно более обширная. И звестно, что западные ученые почти всегда избирают предпочтительным предметом своих занятий одну какую-нибудь часть истории: иной трудится почти исключительно над разработкою греческой истории, другой – римской, третий – истории Италии или Г ер мании, да и то не во всем ее объеме, а преимущественно или в средние века, или в эпоху возрождения, или в новое время. К роме этого небольшого участка, все остальные народы и времена уж е не развлекают его сил и внимания: то – особенные участки, о которых нечего заботиться, потому что они обрабатываются другими деятелями. У нас не то: деятелей так мало, что они еще не могут ограничиться разработкою отдельных частей науки – иначе большая часть ее останется еще совершенно чуж дою, неведомою нашему общ еству; они даже не могут сосредоточить своего внимания на избранной ими специальной науке, – потому что другие, сродные с нею, необходимые для ее успехов отрасли знания не находят еще себе возделывателей; ученый, понимающий свое отношение к потребностям публики, все еще чувствует у нас слишком сильную потребность быть не столько специалистом, сколько энциклопедистом. Н е трудное и почетное в ученом смысле дело – заняться разработкою эпохи феодализма или реформации, греческой или немецкой истории – тут можно создать творения капитальные, которыми
349

данный вопрос двинется вперед для науки, н ученая слава наградит труженика. Н о то ли у нас нуж но? Прежде, нежели заботиться о движении вперед науки, надобно позаботиться о том, чтобы усвоить ее нашему общ еству – подвиг вовсе не блестящий, в научном смысле, подвиг не специалиста, увенчиваемого музою:

К л ио, а просветителя своей нации, за отречение от обольщений личной славы вознагражд аемого тол ько сознанием, что он делает полезное для общ ества дело. Е сть люди, которые думают, будто наше общ ество уже достаточно ознакомилось с наукою в современном ее состоянии, которые даж е удивл я ются богатству и основательности знаний в нашем общ естве. «П ознания у нас, русских, так разнообразны и обш ирны (воскл ицают эти люди, слишком доверчивые к своем у), умственные способности так развиты, ясность и бы строта понятий доведены до такой высокой степени, что изумишься поневол е!» («М оск ов ск и й) сбор| ник]», 1846 г., статья г. Хомя кова : лМнение русских об иностранцах», стр. 151),

Н о в этом изумлении от наших чрезвычайных умственных богатств гора здо больше субъективных, нежели объективных оснований, или, пожалуй, больш е доброй воли, нежели основательности. Н а самом деле у нас очень мало людей, которые следили бы за наукою, — тем больше, разумеется, чести немногим, действительно следящим за нею. Н о обязанность их совершенно не та у нас, как на З ападе, потому что они долж ны действовать в общ естве, находящемся не на той степени умственного развития, как западное общ ество. Та м прогресс состоит в дальнейшей разработке самой науки, у нас до сих пор еще в.том , чтобы полнее усвоивать результаты, которы х уж е достигла наука; там на первом плане стоя т потребности науки, у нас — потребности просвещения.

Грановский понимал это и служил не личной своей ученой славе, а общ еству. Этим объя сня ется весь характер его деятельности. Специальная наука его была история. Чего недостает нам в настоящее время по этой важ ной отрасли знания? Чем мучится паше общ ество? Тем ли, что многие очень важные вопросы в этой науке еще не разреш ены? Н имал о; оно даже не предчувствует сущ ествования этих неразрешенных вопросов, и если слышит, что в науке еще не все сделано, то наивно предполагает нерешенными именно те вопросы, которые давно уже объяснены *.

* Д о какой степени п рости ра ется эта ош ибка , мож но видеть например, из ста тьи «М оск ов ск ого сбор н и к а », о к оторой упомя нул и мы выше. Автор , бессп орн о принадл еж ащ ий к числ у просвещ еннейш их л юден у нас, говорит, м еж ду прочим, что наши ученые дол ж н ы реш ить те важ нейш ие вопросы в йстории, к оторы е не реш ены за па дн ою наукою, и сетует на наших" и стори -к ов "за -то, что не двинул и эти х воп р осов вперед, не ска зал и о них н и чег» нового. К а к овы ж е за да чи, не ра зъ я сненны е, по. мнению автора, наукою? Вот 'он и : «Д ога да л и сь ли мы, что каж дый на род представл я ет такое же ж ивое л ицо, как и каж ды й чел овек, и что внутренний его ж изн ь есть не что Возмож ность подобных недоразумений ясно указывает на то, d чем состоит истинная потребность нашего общества: в настоящее время ему нужно заботиться о том, чтобы короче познакомиться с наукою в ее современном положении. Оно и само требует от своих ученых именно этой, а не какой-нибудь другой услуги: они должны быть посредниками между наукою и общ е-ством. Таков и был Грановский. Н о если мы до сих пор еще слишком мало усвоили себе науку, то главною виною этому в настоящее время должны считаться не какие-нибудь внешние препятствия, как то было до Петра Великого, а равнодушие самого общества ко всем высшим интересам общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходит из круга личных житейских за бот и личных развлечений. Это наследство котошихинских времен, времен страшной апатии. Привычки не скоро и не легко отбрасываются и отдельным лицом; тем медленнее покидаются они целым общ еством. Мы еще очень мало знаем не потому, чтоб у нас не было дарований — в них никто не сомневается, — не потому, чтоб у нас было мало средств — всякий народ имеет силу дать себе все, чего серьезно захочет, — но потому, что мы до сих пор все еще дремлем от слишком долгого навыка к сну. Оттого-то существеннейшая польза, какую может принести у нас обществу отдельный подвижник просвещения, по-иное, как развитие какого-нибудь нра вственного или умственного начала,

осущ ествл я емого общ еством ?» (О б этом давно все твердя т с гол оса Гегеля : трудно найти историческую книгу за последние двадцать лет, в которой бы дело это излагалось неудовл етворител ьно; в настоя щ ее время скучно уж е и говорить о подобны х вещ ах.) «Самы е важ ные явления в ж изни чел овечества остались незамеченными. Та к , например, критика историческая не заметила, что многое утра тил ось и обмел ел о в мы сл я х и познаниях человеческих, при переходе из Элл ады в Рим и от Р има к романизированным племенам З апада». (С того времени, как приня л ись за изучение греческих кл ассиков, каж дому известно, что греки в науке и поэзии бы л и выше римлян, что Гомер выше Виргил ия, перед П латоном и

Ари стотел ем ничтож ен Ц ицерон, как философ и т. д.; а то, что латинские классики неизмеримо выш е средневековых писателей, бы л о всем известно даже в средние века.) «Т а к ра зде-ление И мперии на две пол овины после Д иокл етиана и К онстантина я вл я ется постоянно делом грубой сл учайности, меж ду тем, как очевидно он о происходило от разницы меж ду просвещ ением эл л инским и римским», (Д а у какого же историка представл я ется оно делом грубой сл учайности? И какой историк не понимает и не объ я сня ет, что деление произош л о от ра зности меж ду цивилизацией греческого и римского мира, Восточной и З ападной империи? и т. д., смотр. «М оск овски й сбор н и к », 1846 г., ста тья г. Хом я к ова стр. 157– 160.) В истории очень много неразрешенных вопросов: но к ним нимало не принадлеж ат задачи, на которы е ука зы ва ет русском у историку автор: о предметах, нм исчисляемых, ни русский, ни немецкий, ни ф ранцуз-ский историк не мож ет ска зать ничего сущ ественно нового, потому что они объяснены очень удовл етворител ьно. Говоря о них что-н ибудь различное от настоящих решений, давно данных наукою, мож но ра зве тол ько повторя ть контраверсистов и схол астиков, например, в вопроса х о Византии Ада м а Церникава (Zern ik a w – З ерн иков? Ж ерн а к ов?) – тут будет еще меньше нового и самостоя тел ьного, нежели в согл асии с основательными решениями современной науки.

средством своей публичной деятельности, состоит не только в том, что он непосредственно сообщ а ет знание – такой даровитый народ, как наш, легко приобретает знание, лишь бы захотел – но еще более в том, что он пробуж дает любознательность, которая у нас еще недостаточно распространена. В этом смысле, лозунгом у нас должны быть слова поэта:

Т ы вста ва й, во мраке спящ ий бра т! 2

Наконец, на людях, щедро наделенных природою и высоко развитых наукою, есть у нас еще обя занность, мало развлекающая силы западных ученых. Общ ество дает у нас мало опоры научным и человечным стремлениям; воспитание наше обыкновенно бывает неудовлетворительно: оно не полагает твердых оснований нашей будущей деятельности, не влагает в нас никакого сильного стремления, никакого определенного взгляда на самые простые житейские и умственные вопросы. П отому даже в людях наиболее даровитых и развитых, по уму, знанию и положению имеющих призвание быть деятелями просвещения, по большей части не бывает никаких бодры х и решительных стремлений; мысли их колеблются, перепутываются, деятельность не имеет никакой определенной цели; они часто готовы бывают блуж дать сами в смутном хаосе недоумений, по вол е случая направляясь то туда, то сюда, не приходя и сами ни к чему достойному внимания, не только не проводя за собою других к какой-нибудь возвышенной цели. Д л я них бывает нужен человек, который постоянно возбуж дал бы в них желание искать истинный путь, постоянно указывал бы направление их деятельности, решал бы их недоумения, который был бы для них авторитетом и оракулом. Вообщ е, часто бывает нуж но восставать против слепого увлечения авторитетами; быть может, настанет время, когда люди найдут, что могут обходиться и без авторитетов: тогда люди будут гораздо счастливее, нежели

были до сих пор. Н о пока – и это «пока » продолж ится еще целые века – сила привычки и апатии так еще сильна, что бол ь-ш инство чувствует себя спокойным и уверенным тол ько тогда, когда встречает объяснение стремлениям века и ободрение своим мыслям в каком-нибудь авторитете. Особенно должно сказать это о нашем молодом обществе. О н о не может, кажется, шагу ступить без поддерж ки какой-нибудь сильной отдельной личности. Явление, если говорить правду, само по себе прискорбное; но что ж делать, когда иначе не бывает в известных периодах развития? Поневоле надобно признать, что люди, которые были авторитетами добра и истины, засл уж ивают глубокой благодарности за пользу, которую принесли, за успехи, совершенные под их влиянием и пока невозмож ные без них.

Такова была дол я Грановского в деле нашего развития. Он был одним из сильнейших посредников между наукою и нашим общ еством; очень немногие лица в нашей истории имели такое 352

могущественное влияние на пробуждение у нас сочувствия к высшим человеческим интересам; наконец, для очень многих людей, которые, отчасти благодаря его влиянию, приобрели право на признательность общества, он был авторитетом добра и истины. Все это, как видим, не принадлежит к числу тех специальных заслуг, на которых зиждется слава ученого. А , между тем, в них -то именно и должно состоять истинное значение ученого в нашем обществе. То, что стало уже второстепенным делом на З ападе, у нас еще составляет существеннейший вопрос

жизни; то, чего требует от своих людей З апад, еще не требуется нашим обществом.

Л юди, которые скорбят о том, что наше общ ество, наше просвещение и т. д. как две капли 'воды походят на западное общ ество, западное просвещение и т. д., оскорбл яются фактами, решительно созданными их воображением. Если б мы разделяли их понятия, мы, напротив, повсюду видели бы повод к радости: сходства между нами и З ападом пока еще не заметно ни в чем, если хорошенько вникнем в сущность дела.

Так, например, и Грановский был возможен только у нас. Человек, по природе н образованию призванный быть великим ученым и шедший всю жизнь неуклонно и неутомимо по ученой дороге, не оставил, однако, по себе сочинений, которыми наука двигалась бы вперед (единственное средство к приобретению имени великого ученого на З ападе), — и, между тем, каждый из нас говорит, что он несомненно был великим ученым и исполнил все, к чему призывал его долг ученого. Кажется, такого суждения нельзя обвинять в подражательности западным примерам; мы не знаем даже, можно ли его сделать вразумительным для немца или англичанина, не обрусевшего в значительной степени. Так и во всем: наше общество все мерит своим аршином, а вовсе не французским метром (хотя он гораздо удобнее) и не английским футом (хотя он и введен у нас, на сл овах). З а оригинальность нашу нечего опасаться: сильнее обстоятел ьств времени не будет никто, подчиняется им всякий.

Однако, почему же Грановский писал мало и не оставил сочинений, двигающих науку вперед? П отому, что он был истинный сын своей родины, служивший потребностям ее, а не себе.

Не знаем, сознавал ли он, на какую высоту становится, какую блестящ ую славу снискивает, отказываясь от своей личной ученой славы. По всей вероятности, он и не думал об этом: он был человек простой и скромный, не мечтавший о себе, не знавший самолюбия; надобно даже предполагать, что он и не приносил тяжкой для гордости жертвы, отказываясь от легко исполнимого при его

силах стремления занять почетное место в науке капитальными

трудами. Он просто исполнял свой долг, употребляя свои силы сообразно требованиям занимаемого им положения в русском обществе. Положение было таково, что все лежавшие на нем требования общества и науки существенно исполнялись живым сло -23 И. Г. '[ерггышепский, т. i l l 353

йом, — и литературная деятельность была для него только повторением, только делом досуга и личной, случайной охоты повторить на бумаге то, что уж е достигло своей цели посредством живого слова. Как профессор Московского университета, без всяких сравнений значительнейшего из ученых учреждений России по влиянию на жизнь общ ества и развитие нашего просвещения, Грановский имел круг деятельности едва ли менее обширный, нежели круг действия литературы. Непринужденность изложения, полнота выражения мысли, какая давалась ему живым словом, не существует в литературе. Какое же побуждение мог он иметь для повторения в искаженном виде того, что уже было сообщено публике? Он не нуждался в литературе, как посреднице между ним и публикою. Н о, однако ж, он должен был чувствовать важность литературы, должен был и на нее простирать свое влияние?

И для этого точно так же не имел он надобности писать. Его высокий ум, обширные и глубокие познания, удивительная привле-кател ьность хара кте ра сделал и его це нтром и душ ою наше го л ите-ратурного кружка. Все замечательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или последователями его. Влияние Грановского на литературу в этом отношении было огромно. К о-нечно, возмож ность такого действия через беседу, чрез личные отношения, связывающие людей в один круж ок, обусловливается малочисленностью нашего литературного сословия. Ведь если разобрать хорошенько, у нас в этом отношении и до сих пор существует порядок вещей, мало чем отличный от того, что было во

времена «Б еседы любителей русского слова» и «Арза ма са »: все

наши литераторы и ученые наперечет, каждый из них лично знаком со всеми остальными; это совершенно не то, что в Германии, Франции, Англии, где они считаются сотнями и тысячами, где всеобщее знакомство — вещь невозможная. У нас, если хотите, и вообще наука и литература отчасти семейное дело, и, по патриархальному обычаю, в ней устными разговорами и тому подобными

до-гуттенберговскими средствами ведется многое, что в какой-нибудь Германии может сущ ествовать и обнаружить действие тол ько при помощи типографских чернил.

Таким образом, Грановский удовлетворял всем условиям своего положения, обнаруживал все свое влияние, не нуждаясь в посредстве литературных трудов, которые были для него делом второстепенным. Тем не менее, литературная его деятельность вовсе не так незначительна по объему, как полагали некоторые, не думавшие, чтоб из напечатанного Грановским при жизни составились два большие тома. Ч то касается важности его сочинений и особенно духа, проникающего все их, тут едва ли может быть место спору. Конечно, как и о всем на свете, об ученом достоинстве сочинении Г рановского сущ ествуют мнения, не совершенно согласные. Одни, из благоговения к автору, благородная личность и чрезвычайно плодотворная деятельность которого действитель-354

но заслуживают всевозмож ного уважения, готовы поставить его произведения во всех отношениях слишком высоко; другие, не принимая в уважение особенных требований русского общ ества от науки, находят, что сочинения Грановского не имеют качеств, необходимо требуемых от капитального ученого труда в Германии или Франции. Н о дело в том, что разноречие этих, повидимому, противоположных суждений сущ ествует преимущественно только

в тоне, а не в самой мысли. Одни, по личным чувствам своим к автору, говорят о его сочинениях голосом любви, другие, также по своим чувствам к личности автора, голосом недовольства. Н о и самые жаркие поклонники Грановского хорош о понимают, что собственно в европейской науке его сочинения не могут произвести эпохи, потому что не таково в настоящее время призвание русских ученых; и самые смелые из восставав ших против Г ранов-ского признавали в его сочинениях, кроме мастерского изложения и других литературных достоинств, чрезвычайно замечательную ученость и глубокомыслие *.

Действительно, сочинения Грановского, напечатанные при его жизни (суждение о его университетских курсах мы должны отл ожить до того времени, когда они будут обнародованы), не будучи такоды, чтоб ими производился переворот в науке, как производился он трудами Гизо, Ш л оссера или Н ибура, показывают, од -нако же, в авторе такие качества ума и такое обширное знание, что нельзя не признать его одним из первых историков нашего века, ученым, который был не ниже знаменитейших европейских историков; что в России не имел он соперников, это всегда было очевидно для каждого. Внимательное и строгое рассмотрение собранных ныне его статей убеждает в том. Панегириков Грановскому не нужно, и потому разбор наш будет совершенно чужд хвалебного элемента; но чем он беспристрастнее, тем несомненнее общий вывод, теперь высказанный.

Издатели распределили сочинения Грановского на три отдела:

1) сочинения общего исторического содержания: «О современном состоянии и значении всеобщей истории»; «О физиологических признаках человеческих пород»: «О р'>"'-вом быте v древних германчев». 2) Частные исследования: «Судьбы еврейского народа»; «Волин, И омсбург и Винета»; «Абба т Сугерий»; «Ч е-

тыре исторические характеристики: Тимур, Александр Великий,

Л юдовик IX и Б экон», «Песни Эдды о Н иф лунгах» (оба эти отдела вошли в состав первого том а). 3) Критические статьи, из которых составится второй том. Мы не находим причин отступать от этого порядка в своем обозрении.

Речь «О современном состоянии и значении всеобщей исто -* М ы говорим, конечно, о мнении л юдей зна ющ их в той и другой партии, не обра щ ая внимания на выходки некоторы х несведущ их л юдей, невеж ество которы х бы л о тогда же изобл ичаемо.

2 ?,* 355

рии» была произнесена в торжественном собрании Московского университета в 1852 году. И здатели справедливо почли нужным дать ей первое место в первом отделе, «потому что в ней изложены самые зрелые понятия автора о науке, которая составляла главный предмет его занятий».

И стория принадлежит к числу тех наук, быстрым усовершенствованием которых гордятся новейшие времена. Н адобно даже сказать, что история, как мы ныне понимаем ее, как «изображ е-ние постепенного развития жизни рода человеческого», возникла только в последние времена. Н и классический мир, ни средние века не знали ее в этом смысле. Те ученые, которые назначают самый древний срок возникновению настоящего понятия об истории, называют отцом ее великого Вико (в начале прошедшего века), потому что книга Б оссюэта (в конце X V I I столетия),

«Трактат о всеобщей истории», не имеет значения, которое хотели придать ей некоторые французские историки. Другие, с большею основательностью, относят начало всеобщей истории к заслугам Монтескьё и Гердера. Еще справедливее судят те, которые говорят, что истинное понятие о всеобщей истории развито преимущественно Кантом, его учениками и последователями; но

едва ли не ближе всех к истине то мнение, что только нашему веку • удалось ясно постичь идею всеобщей истории, потому что только с Гегеля, Гизо, Н ибура, Ш л оссера начинается деятельная разработка этой идеи; только в творениях этих великих ученых и их последователей мы находим первые значительные опыты дать человечеству полный и точный рассказ о его жизни. Н о и эти труды, как ни колоссальны по своему значению, все еще далёко не удовлетворительны. Н едостатки их заключаются не в одних частных несовершенствах исполнения, но еще более в недостаточности общ его плана, односторонности и неполноте воззрения на жизнь человечества. Ж изнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, слагается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми до -сталляются житейские радости или скорби. И з этих элементов только немногие до сих пор введены в состав рассказа о жизни человечества. Так называемая политическая история, то есть рассказ о войнах и других громких событиях, до сих пор преобладает в рассказе историков, между тем как на деле она имеет для жизни рода человеческого тол ько второстепенную важность. И сто-рия умственной жизни, да и то только в тесном кругу немногочисленных классов, принимающих деятельное участие в развитии наук и литературы, одна только разделяет с политическою историего право на внимание автора, — да и только в -немногих 35G

сочинениях, до сих пор остающ ихся редкими исключениями в массе исторических книг; да и тут она играет второстепенную роль. И стория нравов обращ ает на себя еще гора здо менее внимания. О материальных усл овиях быта, играющ их едва ли не первую роль в ж изни, составл яющ их коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах ж изни, едва упоминается, да и то самым слабым и неудовлетворительным образом, так что лучше было бы, если б вовсе не упоминалось. Н е говорим уж е о том, что в сущ ности вся история продолж ает бы ть по преимуществу сборником отдельных биографий, а не рассказом о судьбе целого населения, то есть скорее похож а на сборник анекдотов, прикрываемых научною ф ормою, нежели на науку в истинном смысле слова *.

Чем ближе вникаем мы в труды , совершенные поныне для истории, тем более убеж даемся, что ныне мы имеем тол ько идею о том, чем должна быть эта наука, но едва еще видим первые, одн о-сторонние опыты осущ ествить эту идею. Н е будем рассматривать причин, по которым практика так отстала в этом случае от теории: это завлекло бы нас слиш ком далеко; скажем тол ько, что, с одной стороны, затруднением служ ат скудость и необработанность материалов для истории тех элементов ж изни, которые до сих пор упускались из виду. С другой стороны, едва ли не важ -нейшим еще препятствием надобно считать узкость и отвлеченность обыкновенного взгляда на человеческую ж изнь. Ан троп ол о-гия тол ько еще начинает утверж дать свое господство над отвл е-ченною моралью и одностороннею психологиею.

Как все еще не установивш иеся науки, история часто испытывает изменения, состоя щ ие в том, что внимание исследователей постепенно обращ ается то на один, то на другой из элементов науки, которые прежде были забываемы. Речь Грановского имеет * Ч тобы ука за ть пример того, как тесен ещ е гори зон т всеобщ ей истории в лучш их сочинения х, приводим план сочинения Ги зо, к оторы й поня л науку шире, неж ели к то-н и будь из других вел иких и стори ков. З а к л ю ча я первый год свои х чтений об «И стор и и ц и вил иза ции», он делает общ ий обзор содер -ж ания своих лекций и говори т, что предметом их бы л а «пол итическа я и ц ер

-ковная история , история за кон ода тел ьства , ф ил ософ ии и л и тер а туры ». О че-видно, что этою програ м м ою, кроме пол итической истории, за нимающ ей первое место, обним а ется тол ьк о ча сть ум ственной ж изни народа, многие сф еры к оторой оста л и сь нетронуты ми. О материал ьной сторон е ж изни п р о-грамма и не упоминает. Вообщ е, Ги зо ча сто повторя ет, что изл агает и стори ю «внутренней ж изни чел овека и его отнош ений к другим л юдя м »: об истории отнош ений чел овека к природе и не упом ин а ется , а меж ду тем, в природе источники чел овеческой ж изни и вся ж изн ь коренны м обр а зом определ я ется отнош ения ми к природе. Са мо собою ра зум еется , что мы ука зы ва ем на Ги за не за тем, чтобы ук оря ть его за одн остор он н ость, а,, напротив, п отом у,-ч то он в смы сл е, за нимающ ем теперь нас, стои т выш е други х и стори к ов наш его времени. П рогра м ма Ш л оссер а , др угого замечател ьнейш его историка по обш ирн ости взгл я да на содерж а ние своей науки, не щ ю гн м отл ича ется от программы Г изо.

357

своим главным предметом одно из значительнейших приобретений, доставленных истории союзом с естественными науками, которых прежде не хотела она знать. При той чрезвычайной важности, какую играет в жизни и должна приобресть в истории натуральная сторона человеческого быта, понятно, что влияние естественных наук на историю долж но со временем сделаться неизмеримо сильным. В настоящее время еще очень немногие историки предчувствуют это. Грановский принадлежал к числу их. В очерке, который мог быть тол ько плодом глубокого изучения, соединенного с редкою проницательностью, изобразив развитие идеи всеобщей истории до великого Н ибура, давшего в первый раз прочные основания исторической критике, Граиовский сосредото-

П оводом к этому эпизоду послужил ему вопрос о значении человеческих пород, который раньше других разрешен теперь с некоторою степенью удовлетворительности.

З а сл уга Н ибура , — говорит Гра новский, — не ограничилась введением новых и точны х примеров критики. Е щ е будучи юнош ею, и частной переписке своей, он выска зал нескол ько смел ы х и пл одотворны х мыслей о необходим ости дать истории новые, заимствованны е из естествозна ния основы . И сто-рическое значение чел овеческих пород ire уск ол ьзн ул о от его внимания; но ему не привел ось ра звить вполне и прил ож ить к делу свои предполож ения об этом стол ь важ ном предмете... О к ол о того же времени вопрос о породах начал занимать пытливые умы вне Германии. Ф ори ел ь, бра тья Тьерри И другие ученые ста ра л ись объ я сн и ть отнош ения различных народностей, преемственно господствова вш их на почве Ф ра нции и Англ ии. Они озарили ярким светом начало средневековы х народов и общ еств, но не реш ились переступить чрез обы чны е грани исторических иссл едований и оставил и в стороне ф изиол огические признаки тех пород, к оторы х исторические особенности были ими тщ а тел ьно определены. Н а добн о бы л о, чтобы натурал ист подал, наконец, гол ос против такого стеснения нашей науки и указал на свя зь се с ф изиол огиею. В 1829 году Э два рдс издал письмо свое к Ам едею Тьерри о ф изиол огических признаках чел овеческих пород и отнош ений их к истории. Высказанные им по этом у поводу мы сл и бы л и приня ты с общ им одобрением, но до сих пор еще не принесли ж елаемой пол ьзы ... Уступки, сделанные историками новым требова ния м, был и бол ьш ею ча стью внешние. Дальнейшее упря м ство, впрочем, невозмож но, и история , по необходимости, долж на выступить из круга наук ф ил ол ого-юридических, в котором она так дол го была закл ючена, на обш ирное поприщ е естественны х наук... Д ействуя заодно с антропол огиею, она дол ж на обозн а чить границы, до к оторы х достигал и в

ные, данные природою и проя вл енные в движ ении собы тий, свойства ... Н о не одн ою этою тол ько стор он ою граничит история л естествознанием. Е щ е древние заметили реш ител ьное влияние географ ических усл овий, климата и при -родны х определений вообщ е на судьбу народов. М он тескьё довел эту мысль до такой крайности, что принес ей в ж ертву са м остоя тел ьн ую деятел ьность чел овеческого духа. Н есм отря на то, отнош ение чел овека к занимаемой им почве и их взаимное действие друг на друга еще никогда не были удовл етво-рител ьным обра зом объ я снены . Вел икое творение К арл а Р иттера , принимаю-щ его аемл ю яа «хра мину, устроен н ую провидением для воспитания рода чел овеческого», прол ож ил о, конечно, новые пути историка м нашего времени; но многие ли воспол ьзова л ись этими трудны ми путями и предп - 1 члм их ЗпЯ

прежним, пробиты м бесчисл енными предш ественниками тропинкам? Вош ед-ший теперь в употребление обы чай сна бж а ть исторические сочинения геогра -фическими введениями, закл ючающ ими в себе характеристику театра собы -тий, показывает тол ько, что значение и успехи сравнител ьного землеведения обратили на себя внимание историков и заставил и их изменить нескол ько ф орму своих произведений. Самое содерж ание не много выиграло от этого нововведения. Географ ические обзор ы , о к оторы х мы упомянул и, редко соединены органически с дальнейшим изл ож ением. П редпосл ав труду своему беглый очерк описываемой страны и ее произведений, историк с спокойною совестью переходит к другим, более знакомым ему предметам и думает, что вполне удовл етворил современным требования м науки. Как будто действие природы на человека не есть постоя нное, как будто оно не видоизменя ется с каж дым великим шагом его на пути обра зова н н ости? Н ам еще далеко неизвестны все таинственные нити, привя зы вающ ие народ к земле, на кото -рой он вы рос и из которой за имствует не тол ько средства ф изического сущ е-ствования , но значительную часть своих нравственных свойств. Р аспредел е-ние произведений природы на поверхности земного шара находится в теснейшей свя зи с судьбою граж данских общ еств. О дн о растение усл овл ивает

иногда целый бы т народа. И стори я И рландии был а бы , бесспорн о, иная, если бы картоф ель не соста вл я л гл авного пропитания для ее ж ителей...

Вслед затем Грановский указывает на важнейшие места статьи г. Бэра, одного из тех ученых, которыми можем мы гордиться, «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества». Это сочинение не обратило у нас на себя того внимания, какого заслуживает. Грановский и в этом случае, как в очень многих других, показал себя человеком, который далеко превышает других знанием всего, что совершается в науке, и способностью оценивать по достоинству фазисы ее современного развития. Вообщ е, даже большая часть людей, стоящих у нас во главе умственного движения, живут, по меткому житейскому выражению, еще «задним числом» и считают новейшим то, что в движении науки было новым десять или двадцать лет тому назад. Слова Пушкина о русских книгах, что в них «русский ум зады твердит», остаются справедливыми до сих пор, и сочинения Грановского принадлежат к небольшому числу исключений из этого правила: из его слов действительно можно «узнавать судьбу земли» *.

Переходя от фактов, долженствующих служить содержанием истории, к основаниям общ его воззрения на эти факты или методу науки, Грановский опять показывает, что в новейшее время понятия об этом вопросе также уяснились. Попытки спекулятив-* Сокровищ а родного сл ова И где ж мы первые познанья (З а м етя т важные ум ы) И мысли первые нашли?

Д л я лепетания чуж ого Где поверяем испытанья,

П ренебрегли безумно мы. Где узнаем судьбу земли?

М ы л юбим м уз чуж их игрушки, Н е в переводах одичалых,

Ч уж их наречий погремушки, Н е в сочиненья х запоздал ы х,

А не читаем книг своих. Где русский ум и русский дух

Д а где ж они? Д авайте их! З а ды твердит и лж ет за двух.

.....(От рывк и из «А л ьбом а О н еги н а»)

359

Ного построения истории, фаталистическое воззрение и, с дру* гой стороны, стремление ограничиться простым переложением летописных сказаний на современный язык обнаружили свою неудовлетворительность. Какой же метод должна принять история?

Союз с точными науками должен помочь ей и в этом деле, говорит Грановский:

Н и одно из исчисленных нами воззрений на историю не могло привести к точному методу, недоста ток к оторого в ней так очевиден. Усоверш енство-ванный, или, лучше ска зать, созда нны й Н ибуром способ критики приносит величайш ую пол ьзу

при ра зра ботке источников известного рода, но отнюдь не удовл етворя ет потребности в прил ож имом к полному соста ву науки методе. В этом случае история опя ть дол ж на обра титься к естествоведению и заим-ствова ть у него свойственный ему способ исследования. Н ачал о уже сделано в откры ты х законах исторической аналогии. О ста ется итти далее на этом пути, раздвигая, по возмож ности, тесные пределы, в которых до настоящего времени заключена бы л а наша наука. У истории две стороны : в одной явл яется нам свободн ое творчество духа чел овеческого, в другой – независимость от него. Н овы й метод дол ж ен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Тол ьк о таким обра зом мож но достигнуть до прочных основных начал, т. е. до я сного знания законов, определ я ющ их движ ение исторических событий. М ож ет быть, мы найдем тогда в этом движ ении правил ьность, которая теперь ускользает от нашего внимания. В рассматриваемом нами вопросе статистика опередила историю. «В противопол ож ность принятым мнениям, – говорит К етл е,– факты общ ественные, определяемые свободны м произвол ом человека, совер-ш аются с бол ьш ею правил ьностью, нежели факты, подверженные простому действию физических причин. И сходя из этого основного начала, мож но сказать, что нравственная статистика долж на отныне занять место в ряду опытных наук». М ы не в праве ска за ть того же об истории. Пока она не усвоит себе надлежащего метода, ее нельзя будет назвать опытною наукою.

Н о к чему же должна вести человека история? Конечно, наука не может быть подчиняема внешним требованиям, ее истины не должны быть искажаемы в угодность частным и временным интересам. В этом заключается справедливость аксиомы – «цель науки есть самая наука». Н о каждое знание обращается во благо человеку, и рвение, с которым раэработывается та или другая отрасль науки, зависит от того, в какой мере удовлетворяет она той или другой, нравственной или житейской, умственной или материальной, потребности человека. Каждое знание оказывает влияние на жизнь, и история, наука о жизни человечества, не должна остаться без влияния на его жизнь; и кто захочет ныне трудиться над бесполезным для человека?

Современный нам историк не мож ет отка за ться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей. Вопрос о том, какого рода дол ж но бы ть это влияние, тесно свя зан с вопросом о пользе истории вообщ е... Очевидно, что практическое значение истории у древних, основанное на возмож ности непосредственного применения ее уроков к ж изни, не мож ет иметь места при сл ож ном организме новых общест в. К тому же однообразная игра страстей и забл уж дений, искаж ающ ая судьбу народов, привела многих к закл ючению, что исторические опыты проходя т бесплодно, не оставл я я поучител ьного следа в памяти человеческой... Тем не менее, нельзя 3(50

отрицать в массах известного исторического смысла, более или менее ра зви-того на основании сохранивш ихся преданий о прош едш ем... П риведенные нами выше слова К етл е о статистике со временем пол учат прилож ение и к нашей науке. Е й предстоит соверш ить для мира нравственных явлений тот же подвиг, какой соверш ен естествоведением в принадлеж ащей ему обл асти.

Откры тия натурал истов рассеял и вековые и вредные предрассудки, затмевавшие взгл я д человека на природу: знакомый с ее действительными силами, он перестал приписывать ей несущ ествующ ие свойства и не требует от нее не-возмож ных уступок. Уяснение исторических законов приведет к результатам такого же рода. О н о пол ож ит конец несбыточным теория м и стремлениям, наруш ающ им правильный ход общ ественной ж изни, ибо обл ичит их проти во-речие с вечными целями, поставленными человеку провидением. И стория сдел ается, в высшем и обш ирнейш ем смысле, чем у древних, наставницею народов и отдельных лиц и я вится нам, не как отрезанное от нас прошедшее, но как цельный организм ж изни, в котором прош едш ее, настоящ ее и будущее находятся в постоя нном меж ду собою взаимодействии: «И стор и я , – го-иорит американец Эмерсон, – не дол го будет беспл одною книгою. Она вопл о-тится в каж дом разумном и правдивом человеке. Вы не станете более и счис-ля ть заглавия и каталоги прочитанных вами книг, а дадите мне почупство -пать, какие периоды переж иты вами. К а ж ды й из нас долж ен обра титься » полный храм славы. Он долж ен носить в себе допотопны й мир, зол оток век, я бл око знания, поход Аргон а втов, призвание Авра а ма , построение храма, начало христианства, средний век, возрож дение наук, Р еф ормацию, открытие новых земель, возникновение новых знаний и новых народов. Н а -добно, одним сл овом, чтобы история сл ил ась с биограф иею самого читателя, превратилась в личное его воспоминание...»

И за этим воззрением, постигаемым еще немногими, но равно принадлежащим всякому истинно современному историку, Грановский тотчас же выражает сам себя, – быть может, вовсе не сознавая, что говорит уже о себе, характеризует оттенок воззрения, возводимый до просветления грустной науки его кроткою и любящею личностью:

Д аж е в настоящ ем, далеко не соверш енном виде своем, всеобщ а я и стория, более чем всякая другая наука, развивает в нас верное чувство действительности и ту бл а городную терпимость, без к оторой нет истинной оценки людей. Она показывает различие, сущ ествующ ее меж ду вечными, безусл ов-ными началами нравственности и ограниченным пониманием этих начал в данный период времени. Тол ьк о такою мерою дол ж ны мы меря ть дела отживших поколений. Ш ил л ер сказал , что смерть есть великий примиритель. Эти слова могут бы ть отнесены к нашей науке. П ри каж дом историческом проступке она приводит обстоя тел ьства , смя гча ющ ие вину преступника, кто бы ни был он – целый народ или отдел ьное лицо. Д а будет нам позвол ено сказать, что тот не историк, кто не способен перенести в прошедшее ж ивого чувства л юбви к ближ нему и узнать брата в отделенном от него веками иноплеменнике. Т от не историк, кто не сумел прочесть в изучаемых им л ето-писях и грамотах начертанные в них яркими буквами истины: в самых позорных периодах ж изни чел овечества есть искупительные, видимые нам на расстоянии столетий стороны , и на дне са мого греш ного пред судом современников сердца таится одно какое-нибудь лучшее и чистое чувство...

Мы так долго останавливались на этой речи, приводили из нее столько отрывков не потому только, что она действительно принадлежит к числу произведений, каких немного в целой нашей литературе: мы считали также нужным, чтобы читатель имел пе-361

ред глазами пример, на котором мог бы проверять справедливость суждения, которое необходимо высказать прямым образом о собственно ученой стороне сочинений Грановского. Мы упоминали, что некоторые смотрели на нее с недоверчивостью и если не решались, по инстинктивному созна нию своей слабости в научном деле и своей неправоты, высказывать сомнений открыто, то не упускали случаев ввернуть какой-нибудь таинственный намек об этом предмете. Мы помним даже, что один полубездарный компилятор, открывший,

Р а ссудк у вопреки, наперекор стихия м,

что Англ ия обширнее Р оссии, и тем заставивший иных возы-

меть выгодное мнение о его знаниях, – помним, что он в какой-то географической или статистической статейке дерзнул вставить замечание, что Тамерлан был ничтожный человек, которого могут считать достойным внимания истории только тупоумные и безнравственные люди. Вы, может быть, и не догадались, что это был смертный приговор Грановскому, избравшему Тимура предметом одной из своих публичных лекций, читанных в 1851 году. Возраж ать подобным приговорщикам, конечно, не стоит; но нравственное уродство доходит иногда до такой нелепости, что интересно бывает рассмотреть причины, его образовавшие. Ценители литературных произведений разделяются на два класса: одни имеют настолько ума и знания, что могут судить о предмете по его внутренним качествам, понимать сущ ность дела; другие неспособны к этому, по недостаточному знакомству с делом или по непроницательное™ взгляда. Ч то ж остается делать последним, когда они одарены таким самолюбием, что непременно хотят делать приговоры о вещах, сущность которых не доступна их пониманию? Они хватаются за внешние признаки и, например, если дел о идет о поэтическом произведении, руководя тся именем автора: прочтите им «Б ориса Годунова», сказав, что эту драму написал бездарный человек, они решат, что драма плоха; прочтите «Та ньку, разбойницу Р остокинскую», сказав, что роман этот написал г. Л ажечников, и они скажут, что роман хорош. Это люди простые и невзыскательные. Когда речь пойдет об ученых предметах, иные судьи руководствуются более замысловатыми основаниями: ведь ученость дело мудреное. З а то приметы, по которым она узнается непонимающими ее людьми, очень ясны, так что ошибка невозможна: непонятный язык, тяж елое изложение, множ ество бесполезных ссылок, заносчивость автора, присвояющ его себе все, что сделано другими.

Особенно последнее качество полезно: есть люди, которые поверят вам на слово, если вы скажете, что вы первый открыли, что Ал ександр Македонский победил персов, и ж естоко будете изобличать ваших предшественников, которые все

ошибались и не понимали, что Александр М-пкедонскмй был герои, Вы можете :«32

иных уверить даже в том, что не Кол умб, а вы открыли Америку: ведь уверил же в этом очень многих Америк Веспуций. Н о горе вам во мнении этих знатоков, если вы не хотите окруж ать себя ореолом педантизма, если вы с уважением отзываетесь о других ученых, занимавшихся одним с вами предметом, говорите, что истина, ими открытая, действительно есть истина, если вы не вы -ставляете заботливо различия между тем, что в вашем сочинении принадлежит к прежним приобретениям науки и что принадлежит собственно вам, — тогда знатоки, о которых мы говорим, с первого же раза поймут, в чем дело, и догадаются, что вы человек неученый, поверхностный, что вы только переписываете чужие труды, что у вас нет самостоятельного взгляда, и т. д., и т. д.

Очень жаль, что таким знатокам не вздумалось оценить творения Гизо, Августина Тьерри, Маколея: мы узнали бы, что все эти писатели были люди малосведущие, поверхностные компиляторы. Да и Ш лоссер не ушел бы от этого строгого, но справедливого приговора: ведь у него на каждой странице встречается фраза «в этом случае я совершенно согласен с мнением такого -то и лучшего ничего не умею сказать, как повторить его сл ова», после чего следует длинная выписка.

Грановский не напечатал при жизни таких обширных и капитальных сочинений, которые могли бы, по своему значению для науки, быть сравниваемы с творениями великих писателей, нами названных. Н адобно думать, что издание его университетских курсов значительно изменит это отношение. Н о нет надобности ждать, пока его лекции будут напечатаны, чтобы иметь полное право признать в нем не только ученого, имевшего огромное значение для Московского университета, русской литературы, русского просвещения вообщ е, признать в нем не только первого из немногочисленного круга ученых, занимающихся у нас всеобщ ею исторнею, но и одного из замечательнейших между современными европейскими учеными по обш ирности и современности знания, по широте и верности взгляда и по самобытности воззрения. Т а небольшая статья, обзор которой так долго занимал нас, одна может доставить достаточные доказательства тому. Мы нарочно выбрали не другое какое-нибудь сочинение, имеющее более серьезную внешность, а именно эту речь, написанную очень легко и популярно, без всяких внешних признаков учености и глубоко -мыслия, чтобы пример был тем убедительнее. Если в форму академической речи, которая почти всегда остается набором незначительных общ их фраз, Грановский внес глубокое и новое содержание и самостоятельную идею, то тем скорее можно убедиться, что в его трудах более специальных эти достоинства были всегда неотъемлемыми качествами. Взглянем же на ученое достоинство речи, с содержанием которой тот, кто не имел случая прочесть ее прежде, мог ознакомиться через наши извлечения.

Читателю, знакомому с современною историческою литерату-363

рою, хорошо известно, как немногие из нынешних историков успели понять необходимость того широкого взгляда, который внесен в науку Ш л оссером и Гизо. Творения Ранке, Прескотта, Маколея отличаются великими достоинствами; быть может, в некоторых отношениях эти писатели должны быть поставлены выше Гизо и самого Ш лоссера. Н о по той тесной программе, которою они считают возможным ограничивать науку, они принадлежат прежнему направлению, обращавшему внимание почти исключн-тельно на политическую историю. Сам Гегель, этот столь широкий ум, в сущности еще не выходил из ее тесных границ. После таких примеров надобно ли говорить о второстепенных ученых? Почти все они продолж ают держаться рутины. Слабые признаки того, что программа Гизо и Ш л оссера сделается общ ею программою исторических трудов, видим в том, что уже довольно часто один и тот же человек пишет равно основательные сочинения по политической истории и по истории литературы: в пример укажем на Маколея и Гервинуса. Н о эти две отрасли одной науки продолж ают оставаться для него различными науками, из которых одной так же мало дела до другой, как лет тридцать тому назад физиологии мало было дела до химии. И заметим, что такая раз-деленность, так стесняющая горизонт истории, не есть только недостаток выполнения, допускаемый этими историками по трудности в одно время обнять своими исследованиями с равною полнотою ту и другую отрасль исторических материалов: нет, она допускается не слабостью исполнительных сил автора, а преднамеренно принимается его мыслью, как граница, полагаемая идеею самой науки: историк не то чтобы не мог — он просто не находит побуждения, не хочет дать своим исследованиям более широкий объем. Рутина еще очень сильна. Грановский, напротив того, видит, что даже и та более широкая программа науки, которая у Ш л оссера и Гизо до сих пор остается смелым

нововведением, должна быть еще расширена присоединением к политическому и умственному элементам народной жизни натурного элемента; мало того, что он требует расширения границ науки, нынешняя односторонность которой чувствуется очень немногими, он видит,

что она должна стать на новом, прочном основании строгого ме-

тода, которого ей до сих пор недостает. Н адобно ли говорить, что этим предсказанием обозначается начало совершенно новой эпохи в науке?

Н е должно обманываться тем, что Грановский ссылается в этих случаях на г. Б эра, Кетле, Эмерсона: надобно только присмотреться к его речи, чтобы увидеть тут нечто совершенно другое, нежели простое заимствование мыслей у того или другого ученого. Видно, что мысль крепко принадлежит самому Грановскому, и цитаты имеют целью только доказать, что не он один так думает, что мысль, им высказанная, не его личная выдумка, а вывод из нынешнего положения науки, делаемый каждым про-3<W

ницательным человеком. Тол ько у людей, которым инстинкт говорит, что, во всяком случае, несмотря на все видимые уступки своей собственности другим, они останутся довольно богаты, бывает это стремление указывать на людей, высказывавших ту же самую мысль, которая кажется им справедливою. И , действительно, кто вникнет в понятия Грановского, тот увидит, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы им часто гораздо полнее и глубже, нежели теми людьми, на которых он ссылается. П ри-мер у нас перед глазами: для Эмерсона мысль о значении истории далеко не имеет той важности, какую придает ей Грановский.

Н адобно еще заметить, что существенные приобретения наукою делаются не другим каким-либо способом, как тем, что к данной науке прилагаются истины, выработанные другою наукою. Так, химия обязана своими успехами введению количественного метода, заимствованного из математики; нравственные науки ныне подчиняются историческому методу и, без сомнения, много от него выиграют. Это до такой степени справедливо, что новая эпоха в науке создается чаще всего не специалистом, который слишком

привык к рутине и обыкновенно отличается от своих сотоварищей тол ько большим или меньшим объемом, но не сущ е-ственным различием в содержании знания, — преобразователями науки бывают обыкновенно люди, первоначально занимавшиеся другою отраслью знания; так, например, Декарт, Л ейбниц, Кант были математики, Ада м Смит просрессор словесности и логики, и т. д. Причина тому очень проста: человек, приступающий к глубокому исследованию с запасом знаний, чуждых другим ученым, легче замечает в новом предмете стороны, ускользающ ие от их внимания. Свобода от рутины также много значит.

И з специалистов обыкновенно только немногие обладают этими качествами, необходимыми для того, чтобы пролагать в науке новые пути: солидными знаниями в науках, которые не поставлены обычаем в число так называемых вспомогательных наук, и отсутствием рутины. Грановский принадлежал к этим немногим избранникам, и кто внимательно всмотрится в его сочинения, которые, по свидетельству всех знавших его, далеко не могут еще назваться полным отражением его богато одаренной личности, — тот убедится, что и эти немногие и небольшие трактаты дают уже несомненное доказательство того, что Грановский, если бы целью его деятельности была личная слава, мог бы стать на ряду с такими людьми, как Н ибур, Гизо, Ш л оссер. Н о у него была другая цель, более близкая к потребностям его родины: служение отечественному просвещению, — и благословенна память его, как одного из могущественнейших и благороднейших деятелей на этом священном поприще.

Мы не будем теперь подробно разбирать остальных сочинений Грановского, помещенных в первом томе: каждое из них было в свое время основательно рассмотрено нашею ученою критикою,

И разве немногие замечания дол ж но было бы прибавить относительно того или другого в отдельности к сказанному уже в наших журналах. Конечно, теперь, когда эти сочинения возмож но обозревать Л их связи, яснее прежнего становятся идеи, одушевлявшие Грановского, как ученого писателя; но для того, чтобы характеристика их духовного единства была полна и всестороння, надобно дож

даться появления второго тома, или, что будет еще лучше, издания его университетских курсов. Мы так и сделаем: если, давая нам второй том, издатели выскажут, как мы ожидаем, надежду, что печатание университетских курсов не замедлится, мы будет ж дать этих курсов; если же не выскажется эта уверенность, что за вторым томом скоро явится третий и следующие, мы должны будем ограничиться рассмотрением двух изданных томов как отдельного целого. Тогда все -таки наш обзор будет полнее, нежели мог бы быть в настоящее время. И так, теперь мы долж ны сказать тол ько по нескольку слов об отдельных статьях, вошедших в состав изданного тома.

З а «Р ечью о значении истории» следует перевод письма известного натуралиста Эдвардса к Августину Тьерри «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории», с довольно обширными примечаниями и предисловием самого Грановского. В настоящем издании эта статья представляется как бы приложением к «Речи об истории», говорящей, между прочим, об ученом значении письма Эдвардса. Прекрасный разбор этого труда и вместе «Р ечи» Грановского был помещен г. Кудрявцевым в «Отечественных записках» (1853 г., т.

L X X X V I I).

Статью «О родовом быте у древних германцев» мы недавно имели случай рассматривать, говоря о II томе «И сторико-юридического архива», в котором она была помещена З. З десь прибавим

тол ько, что она действительно составила эпоху в прениях о родовом и общинном быте. И сследователи наши увидели необходимость придать более точности своим понятиям об этом важном вопросе нашей истории и заняться ближайшим сравнением форм нашей общины с подобными явлениями у других славянских племен и других европейских народов: тогда только решится, до какой степени надобно считать явления так называемого родового быта свойственными исключительно нашей истории и насколько в них общ его с тем, что представляет история других народов; решится также, которое из двух различных воззрений на эти явления ближе к истине: то ли, которое сущ ествование родового быта признает продолж ающимся до Владимира и Ярослава и даже далее, или то, которое утверж дает, что во времена, с которых начинаются наши исторические предания, родовой быт уж е распался, выделив из себя семью и превратись в союз отдельных семей, общину. Ф акты, указанные Грановским, пролили много света на это дело и полагают конец многим ошибочным мнениям о совер-366

шенном, будто бы, различии славянской общины от общ ин, какие застает история у германских и кельтских племен.

Д о определения своего проф ессором истории при М осковском университете, покойный Грановский, тогда еще ничем не известный молодой человек, написал несколько статей для «Б ибл иоте-ки для чтения». Каж дый знает, каким переделкам редакция этого журнала подвергала печатаемые в нем сочинения, и издатели поступили очень благоразумно, решившись не вносить в собрание сочинений Грановского его статей, помещенных в «Б иблиотеке для чтения», «не будучи в состоянии отделить от них чуж ого нароста и отличить те изменения, которые сделаны в них самою редак-циею ж урнала». Они перепечатали только первую из них: «С удь-бы еврейского народа», чтобы дать пример начальных трудов Грановского по науке, лучшим представителем которой был он у нас впоследствии времени.

Д ва исследования: «Волин, И омсбург и Винета» и «Абба т Сугерий», писанные для получения ученых степеней, имеют много общ его: оба они, в угодность обычаю, облечены ф ормою специа-лизма, которой не любил Грановский, и могут совершенно удовлетворить строгих ценителей внешних признаков учености. Оба одинаково имеют предметом специальные вопросы всеобщей истории, обработку которых Грановский вообщ е не считал делом, долж енствующим лежать на русском ученом, занимающемся всеобщ ею историею. Он выражался об этом так: «О дн о из главных препятствий, мешающих бл аготворному действию истории, закл to-чается в пренебрежении, какое историки оказывают обыкновенно к большинству читателей. Они, повидимому, пишут только для ученых, как будто история мож ет допустить такое ограничение, if&K будто она по самому сущ еству своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каж дого. К счастию, узкие понятия о мнимом достоинстве науки, унижающей себя исканием изящной формы и общ едоступного изложения, возникшие в удушливой атмосфере немецких ученых кабинетов, несвойственны русскому уму, любящ ему свет и простор. Ц еховая, гордая своею

исключительностью наука не в праве рассчитывать на его сочувствие». Официальная цель, с которою написаны оба исследования, поставила Грановского в необходимость сделать уступку обычным требованиям и, сохранив общ едоступность и интересность в изложении, дав своим частным темам такое значение, что они получили непосредственное отношение к историческим вопросам действительной важ ности, он снабдил их аппаратом специальной учености в разных эпизодических отступлениях и многочисленных примечаниях. Рутинисты не могли указать никакого недостатка в этом отношении, хотя и старались найти ею, зная мнение Грановского о рутине. Они были побеждены собственным оруж ием, и когда один из их аколитоз отваж ился было — вероятно, без совета старейшин — выступить гверилья-3R7

сом против «Абба та Сугерия », воображ ая, что разбирать ученые сочинения так же легко, как переписывать чужие лекции, г. Б абст обнаружил крайнюю несостоятел ьность внушений, которым поддался этот отважный ученый.

«Ч етыре исторические характеристики», публичные лекции, читанные в 1851 году, были приняты публикою с обычным восторгом. В самом деле, они соединяют верность ученого понимания с увлекательным изложением; особенно лекция об Александре М а -кедонском возвышается до истинной поэзии: едва ли кто-нибудь изобразил личность гениального юиоши с такою верностью и таким блеском, как Грановский.

Л екциям о Тимуре, Ал ександре Македонском, Л юдовике IX и Б эконе не уступает достоинством статья, заключающая первый том: «П есни Эдды о Н иф лунгах». Г. Кудрявцев справедливо называет этот очерк «мастерским» и указывает на него, как на «образчик того, с какою л юбовью и с каким знанием дела занимался проф ессор изучением литературных памятников в связи с историею».

БАЛЬЗАК

В последних книжках «Revue de Paris» мы нашли прекрасную биографию Бальзака, написанную сестрою знаменитого романиста, Лаурою Сюрвиль, урожденною Бальзак Особенно интересны эти воспоминания, согретые истинною родственною любовью, потому, что изображают нам в Бальзаке именно те основные черты характера, которые обнаруживаются только в семейном кругу, только перед самыми близкими друзьями. Бальзак, подобно почти всем талантливым писателям, имел много завистников и врагов, был предметом ожесточенной клеветы. Люди, имеющие свой расчет в том, чтобы чернить характеры людей, таланта которых не могут помрачить в глазах публики, кричали о Бальзаке, как о легкомысленном и холодном эгоисте; читатели пасквилей, не знавшие личности, против которой направлена была злоба и не отгадывавшие низких причин, направлявших ее, часто верили этим пустым выдумкам. Нам чрезвычайно приятно было в воспоминаниях сестры Бальзака найти новое подтверждение той истины, которая известна по опыту каждому, кого случай ставил в близкие отношения с истинно талантливыми писателями: обыкновенно, сердце этих людей таково, что заставляет или любить, или уважать их как людей: поэзия едва ли может жить в дурном сердце. Г-жа Сюрвиль не скрывает слабостей своего брата: она говорит о них с благородною откровенностью, справедливо будучи уверена, что прекрасными качествами души ее брата слишком достаточно вознаграждались эти ничтожные недостатки его.

Но в каждой строке ее воспоминаний вы видите отражение той нежной дружбы к покойному брату, которую внушают к себе только люди истинно превосходные по душе; каждый факт убеждает вас в том, что Бальзак-человек заслуживал такого же уважения, как и Бальзак-писатель. О жизни Бальзака у нас почти ничего не было писано; от времени до времени повторялись только жалкие анекдоты о его причудах, о том, что у него была целая коллекция тростей, о том, как он тратил деньги на фантасти-24 н* Г. Чернышевский, т. III 369

ческое украшение своего загородного домика в Жарди, и т. п. Поэтому переводим биографию, написанную г-жею Сюрвиль, опу-

ская некоторые эпизоды, служащие только ответом на разные выходки французских фельетонистов: выходки эти почти неизвестны нашей публике, потому и рассуждения по поводу их имели бы у нас мало интереса.

В заключение биографии, мы, для дополнения и поверки той характеристики, которую представляет сестра, приводим относящийся к Бальзаку отрывок из мемуаров г-жи Дюдеван, дружбу которой Бал ьза к высоко ценил, как говорит его сестра.

Брат мой (начинается рассказ г-жи Сюрвиль) родился в Туре 16 мая 1799 года, в день святого Гонория. Это имя понравилось моему отцу, и. хотя оно не было употребительно в нашей фамилии, его он дал сыну. Матушка боялась потерять сына; если сама будет кормить грудью, потому что таким образом уже умер у нее первый ребенок. Маленького Оноре отдали кормилице, которая жила за городом в большом саду. Батюшка и матушка были так довольны заботливостью этой женщины о их сыне, что поручили потом ей кормить и меня, оставив у нее на воспитании брата. Мы с ним возвратились в отцовский дом, когда ему было года четыре.

Дети не играли в то время такой важной роли, какая предоставляется им ныне в семействе: их не выводили на сцену, оставляя расти как случится, заботясь больше всего о том только, чтобы они были послушны к родителям. М-11е Делаге, наша гувернантка, быть может, уже слишком ревностно заботилась об этом, так что сверх послушания внушала нам и страх. Брат долго помнил, как мы трусили, как нас поутру водили поздороваться, а вечером проститься с матушкой.

Оноре был прелестным ребенком: его веселость, его улыбающийся хорошенький ротик, большие карие глаза, светлые и кроткие, его высокий лоб, густые черные волосы заставляли всех прохожих любоваться на него, когда нас водили гулять.

жу несколько слов о наших родителях.

Отец мой, родившийся в 1746 году, был адвокатом и во время революции имел случай спасти нескольких своих друзей. Эти услуги подвергли опасности его самого, и один из членов конвента, его друг, поспешил удалить его с глаз Робеспьера, послав устроивать провиантские магазины для северной армии. Занимая место провиантмейстера, отец мой прожил 19 лет в Туре и в мае 1797 года женился на дочери одного из своих начальников. Кроме провиантской части, он управлял госпиталем, где делал много добра.

В характере моего отца было что-то напоминавшее Монтаия и вместе Рабле. Была у него и задушевная забота — здоровье: он гтарался так устроить свою жизнь, чтобы прожить на свете как можно долее. Учеными соображениями дошел он до того убеждения, что человек должен жить не менее ста лет, а если можно, то и более, и он всячески заботился, чтобы прожить более. Отцовская нежность- усиливала в нем расположение к долговечности. Когда он еще не думал жениться, он отдал большую часть своего состояния в общество застрахования пожизненных доходов, компании Лафаржа. Революция уменьшила остальное его состояние; но крепкое здоровье давало ему надежду, что он переживет всех других акционеров и тогда получит при закрытии кассы общества огромную сумму. Мысль эта до такой степени вкоренилась в нем, что он беспрестанно тверди\ детям: «Берегите эдо-370

ровье — ведь вам достанется несколько миллионов». При каждой потере денег он повторял: «Касса Лафаржа вознаградит все убытки».

Во всем он держал себя оригинально, так что странности его вошли в пословицу. Во всех болезнях человеческих были виноваты, по его словам, отцы, не знавшие правил физиологии. Идеи его об этом щекотливом предмете были очень забавны. «Я не хочу обнародовать их, — прибавлял он, расхаживая по комнате в шелковом шлафроке и с повязкою на голове, по той моде, какая была во время директории, — я не хочу обнародовать своих мыслей об этом: меня назвали бы чудаком (это прозвание его сердило), а дети попрежнему рождались бы чахоточные и слабые. Со времен Сервантеса, который убил странствующих рыцарей, ни одному философу не удалось исправить людей ни от какой вредной привычки».

Но он смеялся над людьми только тогда, когда не мог помочь им; а когда при накоплении больных открывалась в госпитале какая-нибудь эпидемия, он поселялся в госпитале безвыходно.

Память его, наблюдательность и находчивость в ответах были замечательны не менее его странностей. Через двадцать лет он помнил до слова асе, что ему говорили. Семидесяти лет, нечаянно встретив одного из товарищей своего детства, он стал свободно говорить с ним на провинциальном наречии, которого не слышал с четырнадцатилетнего возраста. Однажды, когда при нем читали газетную статью, написанную столетним стариком, он с восторгом сказал: «Вот, наверное, этот человек жил умно и не растратил своих сил излишествами, как делает глупая молодость». Ему возразили, что столетний мудрец каждый день напивается до пьяна. «Ну, что ж, — отвечал он, ни мало не смутясь, — он сократил свою жизнь — вот и

все».

Читатель простит эти подробности. В Китае отцам даются титулы за выслуги сыновей; Бальзак и во Франции должен сохранить от забвения память своего отца.

Когда Оноре стал понимать батюшку, батюшка был прекрасным и еще свежим стариком, ласковым, снисходительным к молодости, рассуждавшим обо всем очень здраво, несмотря на свои странности, стариком добрым и мягким, который делал счастливыми всех окружавших его. Его высокая образованность, солидный разговор, его любопытные рассказы принесли большую пользу сыну, в сочинениях которого часто отражались замечания отца.

Матушка моя, бывшая летами гораздо моложе своего мужа, была женщина чрезвычайно живого ума, неутомимой деятельности, решительного характера. Мужа и детей любила она до самоотвержения.

В моем брате соединялись качества его отца и матери. От отца он наследовал оригинальность, память, наблюдательность, от матери – воображение и деятельность, от обоих вместе – силу и доброту характера.

В детстве все предсказывало моему брату блестящую будущность.

Матушка была из богатого семейства, наследство которого должно было перейти к ней; у отца тоже было значительное состояние: мы жили богато.

Я была двумя годами моложе Оноре. Мы воспитывались вместе и на всю жизнь остались чрезвычайно дружны. Я помню, с какою торопливостью он подбегал ко мне, чтобы помочь взойти на лестницу, когда я была маленьким ребенком; помню, как часто уговаривал он меня позволить ему взять на себя какой-нибудь мой детский проступок, чтобы перенести за меня наказание.

На седьмом году его отдали в Вандомский коллегиум, где он учился семь лет. Каникул в атом коллегиуме не было, и брат не приезжал домой ни разу; но мы ездили к нему каждый год на пасху. Когда ему было четырнадцать лет, директор коллегиума прислал матушке письмо, в котором просил ее как можно скорее приехать к сыну. Оноре был одержим странною болеэнию, похожею на лунатизм: он как будто бы спал с открытыми глазами, часто не слыхал, что ему говорят, и чрезвычайно похудел. С прилежными учениками все это часто случается от излишних занятий; но брат 24 * 371

мой считался лентяем и директор не мог понять его болезни. Но дело в том, что он день и ночь пожирал книги, которые тайком брал из библиотеки коллегиума. Матушка взяла его домой для поправления здоровья, и, действительно, брат скоро поправился.

После того он уже не возвращался в пансион и посещал классы коллегиума как вольноприходящий ученик. В то время он уже начинал говорить, что составит славу своему имени, и за это хвастовство над ним постоянно смеялись. Он не сердился, а тоже смеялся вместе с другими. Мечты его казались родным совершенно напрасны: в нем видели мальчика без особенных способностей, который довольно плохо учится по-латыни и по-гречески.

«Ты сам не понимаешь, Оноре, о чем говоришь», – часто повторяла ему матушка. Он вместо всякого ответа улыбался своею добродушною и вместе хитрою улыбкою.

В конце 1814 года батюшка был переведен провиантмейстером в Париж. Парижские профессора также не замечали в Оноре ничего особенного. На восемнадцатом году он начал слушать курсы в Сорбонне. Я помню, с каким энтузиазмом говорил он о лекциях Вильмена, Гизо, Кузена, Он много работал в публичных библиотеках и, между прочим, тогда уже имел страсть собирать редкие книги, из которых потом составилась у него замечательная библиотека.

Теперь на том доме, в котором он родился, сделана надпись в честь его; но когда брату было семнадцать, даже девятнадцать лет, наши родные не поверили бы, если бы кто-нибудь предсказал им это. Замечательно было, однако ж, то внимание, с которым он слушал умных людей и серьезные разговоры. Он чрезвычайно любил толковать с бедной старушкой, которой матушка дала приют в нашем доме и которая была когда-то приятельницею Бомарше. Брат заставлял ее рассказывать об этом

знаменитом человеке и узнал жизнь его так хорошо, что мог потом сообщить много материалов для биографии, написанной Ломени *.

Батюшка хотел сделать сына юристом. По окончании курса Оноре поступил в контору нотариуса Мервиля, потом через полтора года перешел в контору г. Пасе, где провел столько же времени. Это обстоятельство объясняет, почему в сочинениях брата видно такое знание гражданских законов. У одного из парижских адвокатов я увидела роман брата «Бирото», стоящим на одной полке с юридическими сборниками, и он уверял меня, что часто справляется с этою книгою в делах о банкротстве.

Брат мой учился очень прилежно, занимался в конторе, готовился к дальнейшим экзаменам; но память у него была так хороша, что он находил еще время по вечерам играть с бабушкой в бостон или вист, и бабушка нарочно проигрывала несколько денег, которые он тотчас же употреблял

на редкие книги. Он всегда любил эти игры, напоминавшие ему о бабушке, повторял, играя, ее любимые выражения и был в восторге, когда вспоминал какой-нибудь ее жест.

Иногда он провожал меня на бал, но однажды, упал в кадрили и отказался от танцев навсегда. Он дал себе слово блистать в обществе не теми талантами, как другие молодые люди, и сделаться простым зрителем балов, которые потом так верно описывал.

Двадцати одного года он выдержал окончательный экзамен, и тогда батюшка сообщил ему свои проекты относительно его будущности. Приняв их, Оноре скоро сделался бы богачом: но тогда мысли его были обращены не к деньгам.

Один из людей, спасенных батюшкою во время революции, был в Париже нотариусом. В благодарность отцу он хотел сделать Оноре своим помощником и через несколько лет передать ему контору, доставлявшую огромные доходы.

* Биография Бомарше, написанная Ломени, переведена в «Современнике» 1854 года.

372

Но Бальзаку, мечтавшему о литературной славе, сидеть над контрактами и купчими крепостями! Он наотрез сказал батюшке, что не согласится ни за что на свете.

После жаркого спора батюшка согласился дать ему два года отсрочки, чтобы он мог доказать свою способность к литературе.

В это самое время батюшка получил отставку, потерпел значительные убытки в двух коммерческих предприятиях и переехал жить на дачу, которую купил он в шести лье от Парижа.

Снисходительность моего отца к желанию брата все наши знакомые называли слабостью и осуждали.

«Зачем вы позволяете ему терять дорогое время? Может ли литература

А что сказали бы они, если бы знали все мечты моего брата? Один из ближайших друзей батюшки говорил, что Оноре надо определить на службу, потому что у него хороший почерк: этого достоинства, при связях батюшки, было достаточно, чтобы повести брата вперед по службе.

Матушка думала, что, испытав нужду, Оноре скоро бросит свои затеи. Потому она наняла для него скромную комнату, поставила в ней кровать, стол и несколько стульев и назначила ему очень скудное содержание, которого было бы недостаточно для существования, если бы матушка не поручила старой служанке, оставленной в парижском доме, доставлять брату то, в чем он будет нуждаться.

Вдруг перейти от роскошного образа жизни в одинокую мансарду и терпеть во всем недостаток — такая перемена была тяжела; но он не жаловался, утешаясь своими надеждами, которых не разрушили первые литературные неудачи. С того времени начинается наша переписка, теперь столь драгоценная для меня.

Прошу извинения за семейную болтовню, из которой состоят сообщаемые мною

отрывки. Они писались для сестры и потому заслуживают снисхождения. Мне они кажутся интересными потому, что хорошо рисуют характер моего брата.

В первом письме, исчислив издержки, которых стоило ему обзаведение хозяйством (подробности эти, конечно, имели целью доказать матушке, что ему нужны деньги), он сообщает мне, что у него есть лакей.

« – Лакей? Ты завелся лакеем, брат?

– Да, я завелся лакеем. У него очень странное имя: Сам. И какой ленивец, если бы ты знал. Господин его голодает, а он не подает ему кушать, не умеет даже защитить своего господина от ветра, который дует и в дверь и в окно, насвистывая будто на флейте, но не очень приятным тоном».

Господин начинает делать выговоры лакею: «– Сам!

– чего изволите, сударь?

– Посмотри, какая паутнна в углу! муха так кричит, что не дает мне гюкою. А что это за пыль под кроватью! и посмотри, как загрязнились окна. Лентяй-лакей смотрит и не трогается с места. Бранюсь я с ним,

а все-таки не могу прогнать его».

Во втором письме говорит он о задуманных трудах: он готовит романы, комедии и трагедии. Из всех тогдашних проектов его я помню только комедию «Два философа». Они бранились друг с другом, презирали суету мира и гонялись за нею, но безуспешно и кончили тем, что, потерпев неудачу, мирились и вместе проклинали род человеческий. Рассказав о своих будущих произведениях, Оноре просит, чтобы я прислала ему то издание Тацита, которое есть у батюшки и которое он не может отыскать в парижских библиотеках. Вот отрывок из третьего письма:

«Ты требуешь от меня новостей, ко я ни с кем не вижусь и потому могу писать тебе только о самом себе.

Итак, вот новость.

Вспыхнул пожар в голове одного молодого человека. Пожарная команда не могла потушить огня. Поджигательницей была прекрасная дама, которую юноша не знает, но говорят, что дама эта живет близ моста искусств и называется она – Славою.

Этот юноша, у которого горит голова, рассуждает следующим образом:

Есть у меня талант или нет его, все равно: мне придется терпеть много горя.

Если нет у меня таланта, пропал я, всю жизнь проведу в желаниях, которые не найдут удовлетворения, буду томиться жалкою завистью.

Если у меня есть талант, найдутся у меня враги, клеветники, и тогда г-же Славе придется много плакать».

Через несколько времени он пишет, что выбор его остановился на трагедии «Кромвель». Она будет первым его произведением. Теперь он занимается ею.

Целые месяцы посвящает он обработке этого сюжета. Стих плохо ему дается. Но он работает неутомимо; он уверен в том, что «Кромвель» прославит его.

Наконец, в апреле 1820 года он приехал к отцу с оконченною траге -диею. Он уверен в торжестве, он весь сияет, он желает, чтобы приглашены были несколько друзей присутствовать при чтении трагедии.

Друзья приезжают, чтение начинается, восторг чтеца мало-помалу остывает от всеобщего равнодушия, от скуки или сожаления, написанного на лице всех слушателей.

Я была из числа сожалевших. Тот самый приятель батюшки, который находил, что

лучший талант брата – хороший почерк, и которого брат думал пристыдить своею трагедиен), без церемонии высказывает свое откровенное мнение о трагедии.

Оноре с жаром возражает, говорит противнику, что он не судья в этом деле; но другие слушатели выражают свое мнение: оно высказывается деликатнее, но все согласны, что трагедия очень плоха.

Батюшка в утешение сыну предлагает отдать «Кромвеля» на прочтение человеку, знающему толк в литературе. Сюрвиль, бывший тогда моим женихом, предлагает выбрать судьею профессора словесности Политехнической школы. Брат соглашается. Профессор, со вниманием прочитав трагедию, объявляет, что автор должен заниматься чем ему угодно, исключая литературы.

Оноре поражен в одном пункте, но не лишается надежды победить в других.

«Я не создан быть трагиком – вот и все», – говорит он и берется снова за перо.

Но пятнадцать месяцев, которые он прожил в мансарде, так его истощили, что матушка не отпускает его в Париж, и он остается жить с семейством.

Тогда-то он написал в течение пяти лет более сорока томов, которые сам считает плохими опытами и печатает без своего имени: он не хочет компрометировать имя Бальзака, которое должно непременно сделаться славным.

Я не хочу указывать заглавия этих первых его произведений, потому что он не желал, чтобы публика их знала.

В семействе он был окружен изобилием: матушка о нем чрезвычайно заботилась; но он жалел о своей мансарде, о тишине, которая невозможна в многочисленном семействе, принимающем многочисленных знакомых. Вскоре после того я вышла замуж, и наша переписка возобновилась. Брат пишет гораздо более о матушке и об отце, нежели о себе. В этих письмах есть много портретов и сцен, которые потом узнавала я в его сочинениях.

Он жалуется на то, что гости отнимают у него много времени, говорит, что ему нужно было бы только 1 500 франков в год и тогда он мог бы работать для славы, а теперь пишет дурные романы. Он постоянно говорит 374

о славе, произведения свои судит очень строго: он пишет их только потому, что все-таки за них ему платят деньги. У него множество литературных проектов, у него множество надежд- он мечтает, как он женится, описывает, какова должна быть девушка, которую он полюбит, рассказывает, как счастливо он будет жить с этою воображаемою невестою. Часто находят на него минуты уныния; он приходит в отчаяние от того, что не приобрел еще ни славы, ни денег; но скоро он ободряется и продолжает мечтать. Между тем время идет, родные требуют, чтобы он выбрал себе определенную карьеру. Он должен на что-нибудь решиться. Это было в 1823 году. Брату уже двадцать пять лет.

Тут начинаются неудачи, которыми отравлена была вся его жизнь.

Многие не знают, что брату моему нужно было не менее энергии и изобретательности для борьбы против житейских неудач, нежели для того, чтобы написать сочинения, которыми, как ни судить их, прославил он свое имя.

Люди, хорошо знавшие его жизнь, удивляются тому, что этот человек имел силу, перенося столько неприятностей, столько сделать для славы. Если бы ему с самого начала дали 1500 франков, которые были нужны ему для обеспечения существования, от скольких неприятностей избавлен был бы он. Он был бы богат и счастлив.

Но, быть может, несчастиями и развился его талант? Будучи богат н доволен, сделался ли бы Бальзак таким проницательным исследователем человеческой жизни, все тайны которой теперь обнаружил он?

Приезжая в Париж, Оноре останавливался в квартире, которая осталась за батюшкой. Тут он познакомился с одним из соседей, которому рассказал о своих делах и о необходимости выбрать себе какое-либо занятие, чтобы приобрести независимое положение в семействе. Сосед был деловой человек, посоветовал ему пуститься в промышленные предприятия и согласился дать взаймы денег. Вместе они решили, что

Бальзаку надобно стать издателем. Так Бальзак и сделал. Ему принадлежит первая мысль о компактных изданиях, которые потом обогатили книгопродавцев. Он напечатал в одном томе сочинения Мольера и Лафонтена. Он очень торопился изданием, боясь, чтобы другие, воспользовавшись его мыслью, не предупредили его. Но издание это осталось не распроданным, потому что книгопродавцы по обыкновению не хотели помочь человеку, который вступал в соперничество с ними. Они отказались брать его издания. Денег у брата нехватало на то, чтобы объявлять о своих книгах в газетах. Таким образом издание осталось совершенно неизвестно публике. В целый год не распродал он и двадцати экземпляров. Тогда, чтобы не платить денег за магазин, в котором бесполезно лежали книги, он продал свое издание на бумажную фабрику как негодную макулатуру.

Вместо выгоды первое его предприятие принесло ему убыток. Он запутался в долгах. Если бы он был поопытнее, конечно, он предусмотрел бы, что с незначительным капиталом нельзя начинать обширного дела.

Кредитор, желая доставить брату возможность уплатить долг, познакомил его с одним из своих родственников, содержателем типографии.

Узнав эту промышленность, Оноре вздумал сделаться типографщиком. Он уже мечтал, что будет новым Ричардсоном, который разбогател от своей типографии и прославился своими романами. Кредитор был очень доволен таким намерением брата и очень одобрял его, обещаясь выпросить у батюшки необходимую сумму денег на заведение типографии. Он успел в этом. Батюшка выделил моему брату его часть из имения. Оноре нашел себе знающего дело фактора. Акциз за содержание типографии был в то время очень велик: заплатив 1500 франков правительству, купив шрифты, Оноре увидел, что у него остается очень мало денег. Брат не унывал, но ему нужно было торопиться, чтобы пустить в ход свою типографию. Он принимал все заказы, не разбирая, будет ли заказывающий в состоянии заплатить ему деньги в срок. Таким образом дела его начинают еще более запутываться.

375

Представляется случай купить словолитню очень дешево. Выгоды, приносимые этим заведением, так велики, что брат по совету опытных людей решается приобрести его. Он надеется соединить типографию со словолитнею, найти человека, который даст ему денег под залог заведений или поступит к нему в компанию; но такого человека не находится, потому что известно, что Оноре еще не уплатил долга за свое компактное издание.

Брату угрожает банкротство. Он никогда не мог забыть мучительного положения, в котором тогда находился. Батюшка, видя его затруднительные обстоятельства, в течение некоторого времени поддерживает его деньгами, но потом, опасаясь, что сам разорится вместе с ним, отказывается помогать ему долее. Оноре старается убедить отца, что скоро типография и словолитня начнут приносить значительный доход: но батюшка уже не верит ему. Тогда он ищет покупщиков. Содержатели типографий, зная затруднительность его положения, дают ему самую ничтожную цену. Он принужден, для избежания банкротства, продать одному из своих друзей типографию и словолитню за половину цены. Скоро этот друг разбогател, потому что расчеты Оноре были верны: словолитня начала приносить огромные доходы. Денег, полученных братом, едва хватило на то, чтобы уплатить долги, не терпевшие отлагательства: множество других долгов осталось на нем. Это было в конце 1827 года. Наш батюшка продал свою дачу около этого времени и переселился в Версаль, где я жила с мужем.

Оноре было тогда 29 лет. Он был обременен долгами; уплатить их могло только его перо, цены которого тогда никто не признавал. Все считали моего брата человеком, ни к чему не способным: друзьям казался он легкомысленным писателем ничтожных романов. Если бы он написал какую -нибудь толстую книгу непонятным ни для кого языком, конечно, все исполнились бы уважения к нему. Брат мой, постоянно огорчаемый несправедливостью окружавших его, считал унизительным для себя объяснять и защищать свои поступки, которые были осуждаемы людьми, не понимающими их. Он один шел к своей цели без ободрения и помощи, шел по дороге, усеянной тернием. А когда он достиг своей цели, конечно, все начали твердить наперерыв друг перед другом: «Какой талант! Я давно угадывал его!»

В то время он жил в Париже в улице Турно и писал первый роман, на котором решился выставить свое имя. Этот роман был «Шуаны»2. Обремененный работою, он не

бывал в Версале. Родные жаловались на то, что он забывал их. Я уведомила его об этом неудовольствии. Письмо мое было им получено, вероятно, в горькую минуту, потому что он, обыкновенно терпеливый и кроткий, отвечает мне с досадою:

«Письмо твое отравило у меня два дня и две ночи. Я обдумывал свое оправдание против каждого пункта жалоб в роде записки Мирабо по делу с отцом. Эти мысли уже начали меня одушевлять; но я бросаю свое оправдание: мне некогда оправдываться, сестра, да и не в чем оправдываться.

Меня упрекают в том, что я роскошно меблировал свою комнату; но мебель эта перевезена мною с прежней квартиры, а не куплена теперь.

Я так мало дорожу ею, что если меня посадят в тюрьму за долги, то я буду очень рад- дешевле будет жить.

Посылать письма, ездить к вам в омнибусе, — все это издержки, на которые недостает у меня денег. Я не выхожу из комнаты, потому что берегу платье и обувь. Ясно ли это?

Не принуждайте же меня ездить к вам; не требуйте, чтобы я посещал наших парижских знакомых: визиты для меня невозможны; не забывайте, что единственное мое богатство — время и труд, и что у меня нет денег на самые ничтожные и необходимые расходы.

Если бы вы подумали о том, что я по необходимости не выпускаю из рук пера, не стали бы вы требовать от меня писем.

Да и что я стану вам писать, когда голова утомлена, а сердце измучено?

Я только огорчил бы вас своими письмами. Я должен еще две недели работать над «Шуанами». До тех пор не ждите от меня известий.

376

Не обвиняй меня ни в чем, сестра, ты убьешь меня этим. Если батюшка был бы нездоров, он, конечно, уведомил бы меня. Ты знаешь, что тогда я поскакал бы а Версаль, несмотря ни на какие препятствия.

Мне надобно иметь средства для жизни, сестра, надобно работать, чтобы расплатиться со всеми».

Наконец явились «Шуаны». Роман этот, несмотря на все свои недостатки, обнаруживал в авторе столько таланта, что привлек внимание публики и газет. Ободренный первым успехом, брат с новым жаром принимается за работу.

О .I пишет «Екатерину Медичи». Опять он не выходит из комнаты и не переписывается с нами, опять родные жалуются на него, я опять уведомляю его об этом. На этот раз он отвечает мне более веселым тоном: «Перечитывая ваши выговоры, мадам, вижу, что нужно сообщить вам некоторые сведения о бедном преступнике.

Ваш Оноре, милая сестра, все еще по уши в долгах, без сантима в кармане; бывают минуты, когда готов сен разбить себе голову об стену, хотя и говорят, что у него нет головы.

Теперь он сидит в своей комнате и ведет убийственную битву с дестью бумаги, которую должен победить, покрыв се чернилами так, чтобы возрадо -ился его карман.

Твоего брата называют беззаботным и холодным ветреником. Не верь тому, сестра: он очень добр, у него прекрасное сердце, он готов оказать всевозможные услуги каждому, хотя и не может делать визитов, потому что сапожник перестал верить ему в долг».

Он очень страдал в это время. И если его комната была хорошо меблирована, так это потому, что он хорошо знал Париж. «Если бы у меня и комнате не было мебели, — говорил он, — мне бы не дали ничего за мои романы». Роскошь, за пристрастие к которой его столько упрекали, была для него средством не отдавать своих

сочинений за бесценок. Притом, надобно сказать, что слухи об этой роскоши были очень преувеличены. Увлеченный Вальтер-Скоттом, он хотел сначала посвятить себя историческим романам. «Шуаны», «Екатерина Медичи» были следствием этого намерения. Но потом он перешел к изображению современных нравов. Он называл свои сочинения этюдами нравов и разделил их на несколько серий: сцены частной жизни, деревенские сцены, провинциальные сцены, парижские сцены и проч. Когда в 1833 году пришла ему мысль связать все эти рассказы, так чтобы они обрисовали одну полную картину всего общества,, он пришел в совершенный восторг от этой идеи. Он вбежал в свою комнату, размахивая своею тростью, напевая веселый марш, и закричал: «Поздравь меня, я готовлюсь сделаться гением!» Он рассказал нам свой план, который пугал его самого своею громадностью, и потом начал ходить по комнате. Лицо его сияло восторгом.

— О как это будет хорошо, если только я успею исполнить свою мысль. Пусть близорукие люди теперь называют меня сказочником.

Я вперед наслаждаюсь их изумлением, когда соединятся камни, которые я теперь обтесываю, и внезапно воздвигнется перед их глазами колоссальное здание.

Потом он сел и начал говорить о своих сочинениях, которые судил беспристрастно, несмотря на любовь, которую чувствовал ко всем своим детям, как называл он лица, действующие в его романах. Он рассказывал нам содержание задуманных произведений совершенно так, как будто говорил о действительных событиях,

«— Знаете ли, на ком женится Феликс Деванденес? Его невеста некто мадмуазель Гранвиль. Что же, это для него очень выгодная партия: Гран-оили люди богатые, и то, что рассказывает о них Бетфель, не более как пустая сплетня».

Как матери привязываются к самым жалким из своих детей, так мой

брат имел слабость к тем своим сочинениям, которые имели менее успеха.

377

На другие, которые особенно хвалили, он даже досадовал, зачем они выставляются вперед к невыгоде его детей,

С 1827 до 1848 года мой брат напечатал девяносто семь романов и повестей, которые вместе составляют в компактном издании 10 816 страниц, то есть, по крайней мере, 30 ООО. страниц обыкновенного формата в восьмую долю. А между тем в компактное издание не вошли еще многие его статьи, помещенные в журналах и газетах, не вошли многие из его повестей и первые двенадцать романов, изданных им без подписи своего имени. Подробности о происхождении некоторых из его сочинений не будут, может быть, лишены интереса.

«Эпизод из времен терроризма» был ему рассказан самим действующим лицом этой страшной истории. Брату моему хотелось видеть палача Самсона, узнать, какие мысли образованы в душе этого человека его страшною обязанностью и его позорною жизнью. Директор парижских тюрем доставил ему это свидание. Однажды Оноре встретил у директора незнакомого гостя, человека с бледным, благородным и печальным лицом; по манерам, по серьезному разговору и обширной начитанности, которую незнакомец обнаружил в разговоре, брат мой принял его за какого-нибудь профессора. Этот ученый был Самсон. Узнав его имя, брат умел не выказать ни изумления, ни замешательства и склонил разговор к интересовавшим его предметам. Самсон рассказал ему об ужасных впечатлениях своей жизни. Смерть Людовика X V I оставила в нем навсегда страшные угрызения совести.

(Самсон был роялист.) На другой день после казни он отслужил панихиду за упокой казненного. Быть может, это была единственная панихида, отслуженная в тот день по Людовике X V I 3.

Подобный разговор с Мартеном, знаменитым укротителем зверей, пересказан братом в повести, которая называется «Страсть в пустыне». «Серафита», этот мистический роман, был внушен брату наклонностью матушки к сочинениям Сведенборга и других мистиков.

Брат много путешествовал: он был в Савойе, в Сардинии, в Корсике, в Германии, в Италии, в Петербурге, в южной России, куда ездил два или три раза; я не считаю

его разъездов по Франции. Он посещал все те места, в которых происходило действие его романов. Эти путешествия казались ему необходимыми для соблюдения верности в описаниях. Прощаясь с нами, он обыкновенно говорил: «Я еду в Алансон, в Гренобль, где живут г. Кормон, г. Бенесси...»

С 1827 до 1836 года брат мой жил только тем, что, уплачивая по одним векселям, выдавал тотчас же новые векселя. Были времена, когда долг его страшно возрастал от накопления процентов, так что брат отчаивался в возможности когда-нибудь расплатиться. Он работал столько, что удивлял книгопродавцев и наборщиков.

Но зато с какою радостью вымарывал он несколько цифр в страшном счете своих долгов, который всегда лежал у него на столе, чтобы возбуждать его трудолюбие!

«Когда же наконец после стольких трудов будут оставаться у меня деньги? — часто говорил он мне. — Первый су, который останется после уплаты долгов, я непременно обделаю рамкою и повешу на стене: он расскажет историю моей жизни».

Иногда он приходил ко мне унылый, изнуренный. Я старалась, как могла, ободрять его: но он, не дослушав моих слов, говорил умирающим голосом: «Не утешай меня, это бесполезно, моя жизнь погибла». И этот человек, жизнь которого погибла, начинал плачевным топом рассказывать мне о своих новых затруднениях, но скоро одушевлялся так, что говорил уже с жаром, и вдруг, вынимая из кармана корректуры, садился поправлять их, заключая рассказ печальным восклицанием в прежнем унылом тоне:

«Я погибну, сестра!»

— Вздор! С такими сочинениями, как те, которые поправляешь ты, нельзя погибнуть.

Он подымал голову, лицо его прояснялось.

— Правда твоя, клянусь, правда. Эти книги не дадут погибнуть!

и что же, разве слепой случай не может выручить Бальзака так же, как выручает стольких глупцов? Даже нетрудно и придумать такой случай.

Быть может, вдруг один из моих друзей-миллионеров (ведь есть у меня такие друзья), не зная, куда девать ему свои деньги, вдруг придет ко мне и скажет: я знаю ваш огромный талант и затруднительное положение; вам нужна такая-то сумма, чтобы расплатиться с долгами; вот она, берите, не церемоньтесь, она не пропадет за вами: ваше перо стоит миллионов...

А ведь только и нужно, сестра.

Я всегда старалась выслушивать с полною доверчивостью эти фантазии, которые поддерживали его мужество.

Он принимался доказывать, что случай, которого он ждет, очень возможен.

— Ведь эти люди тратят же столько денег на пустые прихоти. Почему

же не сделать из прихоти доброго дела? Веди оно доставляет столько удовольствия! Ведь приятно будет думать ему: я спас Бальзака. Ведь у людей бывают иногда хорошие движения. Если бы я был миллионер, у меня были бы такие прихоти.

Убедив себя, он начинал ходить по комнате с веселыми жестами.

— Так Бальзак освобожден от оков! Теперь вы увидите, друзья и недруги, каково пойдет он.

Он шел прямо в Институт; а оттуда был уже один шаг до палагы'перов.

И отчего не сделаться ему пером? Ведь сделались такой-то и такой-то.

Потом он делался министром. Что тут необыкновенного? Подобные примеры бывали. Он, кажется, знает людей и жизнь, потому, кажется, он способен управлять людьми.

Министр начинал управлять Франциск»; он открывал и исправлял злоупотребления– и как умно говорил он!– все в его министерстве и во Франции шло превосходно. Туг он вспоминал о банкире-приятеле, который вывел его из затруднительного положения и открыл дорогу к славе.

– Его ожидает прекрасная будущность; о нем будут говорить: этот человек понял Бальзака, дал ему денег под залог его таланта, проложил ему дорогу к заслуженным почестям. Что ж, это, кажется, порядочная честь! С этих облаков он снова падал на землю, но мечты рассеяли, утешили

его. Он поправлял корректуры, читал их нам с восхищением и уходил, смеясь сам над собою.

– Прощайте. Иду домой взглянуть, не ждет ли меня там мой банкир,– говорил он, добродушно смеясь; – а если и нет банкира, то есть на столе у меня работа, которая не оставит меня без денег.

Он постоянно искал средств освободиться от долгов, и эти мысли утомляли его не менее, нежели работа.

Однажды ему вздумалось, что он нашел новый материал, из которого можно делать бумагу. Материала этого было везде много, приобретать его было можно почти задаром. Брат был в восторге, фантазия его уже строила воздушные замки, и за каждым восторгом следовал период уныния, потому что опыты не удапались. К нему приходили утешать, воображая, что застанут его печальным: но он опять уже сиял радостью.

– Ну, что твоя бумага?

– Бумага вздор, не в ней дело. Вообразите себе, римляне были очень плохие рудокопы: в руде, которую они обработали, осталось еще множество богатства. Ведь никому, кроме меня, не пришло это в голову. Члены Института, с которыми я советовался, согласны со мною. Я отправлюсь

в Сардинию обозревать старые римские рудники.

– Ты едешь в Сардинию? где ж у тебя деньги?

– Денег не нужно: я буду ходить там пешком, с котомкой на плечах, будто нищий. Это лучше, потому что не нападут разбойники. Я все рассчитал; мне довольно будет 600 франков.

«79

Найдя 600 франков, он, действительно, отправился и писал из Марселя:

«Не беспокойся, матушка, и скажи Лауре, чтобы она ничего не опасалась за меня: денег у меня достанет, несмотря на мудрые опасения Лауры, Пять суток я просидел на империале. Руки у меня так распухли, что едва могу писать. Завтра, в среду, буду в Тулоне; послезавтра еду в Аяччио – там буду в пятницу; через три дня буду в Сардинии.

Начинаю сомневаться в успехе дела. Во всяком случае, убытки не велики: я издержал всего 10 франков. Теперь сижу в гостинице, грязной до невозможности; но это ничего; можно вымыться. Если не найду руды, несколько дней работы вознаградят весь убыток. Слава богу, перо дает мне порядочный доход.

Прощай, матушка, ты знаешь, я желаю богатства не столько для себя, сколько для близких Мне».

В Сардинии он встретился с разбойниками и рассказывал потом о них очень мило. «Они вообще прекрасные люди и сообщили мне все сведения, какие только были нужны. Надобно им отдать справедливость: они с первого раза поняли, что взять с меня нечего, и, кажется, сами готовы были дать мне денег».

свое имя. Все знали его романы. «Я уже составил себе славу в Корсике,– говорил он нам, – Какая чудная там молодежь! Прекрасная земля!» Образчики руды,

привезенные им, были переданы химикам. Довольно много' времени прошло, пока их исследовали. Целый год он жил надеждою на сардинское богатство, и через год, собрав несколько денег, поехал » Пиемонт заключить с сардинским правительством контракт на разработку рудников. Но, слишком доверчивый по обыкновению, он рассказал по дороге свой проект одному генуэзцу. Следующее письмо объясняет, как генуэзец воспользовался словами брата.

«Милая сестра! Слишком долго было бы писать тебе обо всем в подробности, — напишу тебе кратко.

На дороге задержали меня хлопоты, по делам наших знакомых В***.

Они замешаны в каком-то политическом процессе. Без моего ходатайства пришлось бы им плохо. Но задержка эта совершенно расстроила мой проект. Генуэзец успел заключить с сардинским двором формальный контракт. Он получил миллион выгоды. Надобно было в прошлом году не терять времени.

Но у меня есть теперь другая мысль, еще лучше. По возвращении я переговорю о ней с твоим мужем. Надеюсь, что мое предприятие будет им одобрено. Кончаю письмо, Чернила и перья у меня такие, что писать нет возможности. Вероятно, австрийское правительство заботится об этом. До гаиданья».

Так за разочарованием у брата всегда являлась новая надежда. Обстоятельства не позволили ему во-время воспользоваться мыслью, о которой он упоминает в этом письме. Но она принесла другим людям огромные суммы.

В октябре я получила от него следующее письмо:

«Сообщу тебе приятную новость. Вчера Жерар познакомил меня с тремя немецкими семействами. Он уверяет, что уже целый месяц искали случая познакомиться со мною и что за границею я пользуюсь славою (милая отчизна, как ты неблагодарна!). Они говорили мне: «Продолжайте итти но

вашей дороге, и вы скоро будете главою европейской литературы». Слышишь ли, сестра, европейской литературы! Вот посмеялись бы мои парижские друзья,, если бы рассказать им это. Но я оставил этих добряков-немцев в .приятном заблуждении, что я вполне верю их словам, и, сказать тебе правду, рад был бы слушать их толки до самого рассвета. Нам, писателям, нужно ободрение. Я снова принялся за работу, ложусь в 6 часов, тотчас после обеда, сплю до полуночи. В полночь Огюст будит меня и подает чашку кофе; петом я работаю до 12 часов утра, а затем отправляюсь в типографию для моциона, отношу туда оригинал и читаю корректуры. В продолже -ЗЯО

ние 12 часов много успеешь написать бумаги, и в месяц такой жизни успеваешь наработать довольно много. Бедное перо, как не иступится оно от такого труда! Ему нужно: прославить своего владельца, согласно предсказанию немцев, помочь ему расплатиться с долгами и доставить ему под старость кусок хлеба».

Вот еще письмо, относящееся также к 1833 году:

«Расскажу тебе приятные новости, мой дружочек сестра! Журналы платят мне более прежнего... хе, хе!

Верде говорит мне, что «Деревенский доктор» распродан в одну неделю... ха, ха!

Могу уплатить по векселям, которым кончается срок в ноябре и декабре... хо, хо!

Наконец перепечатывают мои прежние романы. Ecco sore lla!

Стало быть, все идет отлично. Еще несколько усилий, и я восторжествую над всеми затруднениями при помощи слабого орудия — пера!

Эта мысль так радует меня, что я уже начинаю пускаться в разные проекты: выстрою себе в деревне дом, другой дом рядом выстрою для тебя с мужем; дома наши будут окружены садами; мы будем вместе есть фрукты с собственных деревьев... Хорошо ли?

«Серафита» вовлекла его в процесс с «Revue des deux Mondes». Я должна рассказать

об этом деле не потому, чтобы хотела возобновлять старую вражду, но потому, что оно имело слишком большое влияние на жизнь моего брата. Он уже начинал торжествовать над всеми затруднениями, когда этот процесс лишил его содействия газет и журналов, возбудив против него ожесточенную вражду, и снова запутал его дела. «Серафита» печаталась в «Revue des deux Mondes», когда брат узнал, что она перепечатывается в Петербурге ранее, нежели является в Париже. Брат мой думал, что это делается без ведома редактора, и пошел предупредить его. Но редактор объявил, что он продал право печатать роман брата в Петербурге отдельным изданием.

Брат мой удивляется такому поступку. Журналист говорит, что имел право так сделать, и не соглашается ни на какие уступки. Тогда брат принужден сказать, что вопрос этот решится судебным порядком; он чувствовал обязанность защищать права авторской собственности не только для своей выгоды, но и в пользу всех писателей.

Нужно было много решимости, чтобы начать этот процесс, потому что Оноре предвидел его вредные следствия для себя, даже в том случае, если бы суд решил дело в его пользу: «Revue» должно было сделаться враждебно ему. Но брат пренебрег денежною выгодою и начал процесс. Каково же было его удивление, когда он увидел, что другие литераторы являются перед судом хвалить его противника. Оноре защищал их права. Он был жестоко оскорблен таким отступничеством. Справедливость его была очевидна: он выиграл процесс, но нажил себе много врагов. Газеты с ожесточением начали терзать его, и литературная вражда так непримирима, что не совершенно умолкла даже перед его гробом. Он, между тем, мало огорчался всеми этими нападениями, очень часто приносил нам читать те из написанных против него статей, в которых было особенно много жолчи.

— Посмотрите, посмотрите, говорил он, — как все они рвутся на меня.

Кри чите, любезные враги, ваш крик — лучшая рекомендация моим сочинег «иям. Похвалы ваши усыпили бы публику, а ругательства ваши возбуждают ее внимание ко мне. Превосходно! Если .бы я был богат, можно было бы сказать, что я нанимаю их писать в таком тоне.

Мы не разделяли его понятий об этом и огорчались нападениями.

— Как вы недальновидны!— говорил он. — Разве критика может сделать мои сочинения лучше или хуже, нежели они каковы на самом деле ? Время возьмет свое: оно— великий судья. Раньше или позже публика уви* 381

днт, с чьей стороны правда, и тогда брань обратится в пользу оскорбленного.

Здесь я могу поместить письмо его к одному из друзей, которое покажет в характере моего брата новую черту.

«Милый Д**! Сестра сказала мне, что вы огорчены каким-то выражением, нечаянно сорвавшимся у меня с языка. Дурно вы меня знаете, если сомневаетесь в моей дружбе.

Восемнадцать лет тому назад, на пасху — помните ли?— шли мы с вами по Вандомской площади. Я был тогда еще очень молод, но предчувствовал свою будущность; вы сказали, что слава и богатство изменяют людей; я вам отвечал, что слава меня не изменит. Я не солгал тогда. Теперь все, с кем я некогда был дружен, все остаются моими друзьями; если бы вы навещали меня почаще, вы знали бы это. Если я и приобрел некоторую известность, то все-таки я остался попрежнему добрым малым. Во мне только развился эгоизм человека, обремененного работою; 16 часов в день работаю я над своим литературным памятником, и времени для друзей и родных у меня остается мало. Это для меня самое тяжелое самоотвержение. О том, что я совершенно отказался от светских развлечений и наслаждений жизни, я не жалею нимало.

Я был четыре раза у вас и не заставал дома, потому оставляю вам эту записку, которая убедит вас в моих чувствах. Простите, такое долгое письмо для меня уже роскошь».

Если мой брат четыре раза ездил к этому господину, который жил очень далеко от его квартиры, только затем, чтобы уверить его, что он был обманут слухами о

каком-то неосторожном выражении брата, то, конечно, брат мой не был холоден к дружбе.

В 1830 году брату предлагали выбрать его в депутаты. Письма его по этому случаю доказывают, что он основательно понимал политическое положение Франции. Люди, знавшие его в последние годы жизни, были убеждены в его политических способностях, и, быть может, с их мнением согласятся читатели, припомттв многие из его сочинений.

Мысли его были всегда серьезны; что знал он, то знал он основательно; чего не знал, в незнании того откровенно признавался. Потому относительно некоторых подробностей своих романов он советовался со специальными учеными. которым публично высказывал свою благодарность за их участие. Наконец, я думаю, что желание богатства, за которое его столько осуждали, оправдывается подробностями, которые я привела. Ему нужны были деньги прежде всего затем, чтобы избавиться от долгов. Всю жизнь он провел в борьбе с обстоятельствами и возвысился этою борьбою; потому я с гордостью рассказываю о его житейских невзгодах. Для полноты рассказа о неудачах моего брата, я должна erne упомянуть о двух журналах, которые хотел он основать: «Chranir|ue de Paris» и «Revue parisienne». Упрочив свою известность, он надеялся, что журнал, им основанный, может иметь успех. Одна из дам, знакомых матушке, дала ему денег на издержки печатания первых номеров «Хроники». Несколько иэяестных литераторов, бывших его верными друзьями, в том числе Теофил Готье и Леон Гозлен, изъявили готовность помогать ему. Он пригласил также нескольких молодых людей, таланты которых предугадывал, между прочим Ш арля Бернара. Но денег недостало, и «Хроника» должна была прекратиться.

Через несколько лет после этой неудачи он почти один написал три номера «Revue parisienne». Между прочим он поместил в них статьи о Стен-

Между тем нападения на него не только не прекращались, а, напротив, усиливались: литературные враги его, увидев безуспешность прежних выходок, направляли свои батареи на новый пункт и стали обвинять брата в безнравственности. Им удалось ввести многих в заблуждение. Но какой писатель, кроме разве Беркена и Флориэна, не подвергался в свое время 382

упрекам за безнравственность? Это обыкновенная уловка врагов, когда они ничего не могут сказать против литературных достоинств сочинения. Мольер был провозглашен безнравственнейшим человеком за «Тартюфа».

Эти обвинения были очень горьки для моего брата,

— Не хотят видеть общего смысла моих произведений, — говорил он, затем, чтобы удобнее было нападать на частности: говорят, что я вывожу иногда людей очень дурных; в моих романах действуют две или три тысячи лиц: неужели я должен был все их писать одною белою краской? И, притом, разве я изображаю людей не такими, каковы они действительно? Я пишу для мужчин, а не для девиц. Впрочем, я не должен жаловаться, участь всех замечательных людей одинакова — косить терновый венок.

Я изобразила характер моего брата таким, каков он был в наших глазах и каким он является в своей переписке. Какая сильная натура отразилась в этой переписке, о скольких трудах, надеждах и проектах говорит она, какой деятельный ум, какое неутомимое мужество обнаруживаются ею! Если душевные страдания наводили иногда на него уныние, как быстро он побеждал это чувство и с какою энергиею принимался снова за труд!

В свете Бальзак был не таков, каков в кругу семейства: он умел там скрывать свою скорбь и был блистателен.

Несчастия дали ему знание людей. Многие нз выведенных им лиц. списаны с натуры. Зная сходство этих портретов, мы иногда боялись, чтобы люди, служившие для них оригиналом, не узнали себя в его снимках,

— Пустяки, — говорил он, пожимая своими широкими плечами — если бы нравственный портрет мой был написан с вандиковскою верностью, я не захотел бы узнать себя в этом портрете.

Он смело читал свои романы тем самым людям, характер которых изображал. Мы при

этом трепетали от страха, решительно не понимая возможности не заметить сходства. А слушатели, с которых списаны портреты, очень спокойно догадывались, что портреты списаны с таких -то и таких-то их знакомцев.

Я думаю, что не было писателя, который бы так долго и заботливо обдумывал планы своих произведений, как мой брат. Роман со всеми подробностями существовал в голове его прежде, нежели переносился на бумагу. Но вместе с тем он чрезвычайно заботился об отделке: он читал по 11 и 12 корректур каждого листа и на каждой корректуре делал многочисленные поправки.

Люди, знавшие Бальзака с колыбели до могилы, могут засвидетельствовать, что этот человек, столь проницательный и наблюдательный, был прост и доверчив, как ребенок, кроток даже в дни огорчений и отчаяния и так приветлив и снисходителен в дружеском кругу, что жить с ним было чрезвычайно приятно. В часы отдыха он походил на школьника, пользующегося каникулами, занимался цветами, восхищался бабочками, хохотал над каламбурами и завидовал счастливцам, которые умеют говорить их. Сам он, несмотря на все свои усилия, во всю жизнь придумал только два каламбура и смеялся над своею неспособностью.

Многие говорили о его огромном тщеславии, и оно действительно в нем было; но оно было так наивно, что нравилось своим простодушием, И как не простить восхищения своими произведениями человеку, который написал «Деревенского доктора», «Сельского священника» и столько других капитальных сочинений? Но не должно думать, чтобы самолюбие ослепляло его: ему можно было откровенно говорить о недостатках его произведений. Он снаон начинал слушать вас, соглашался с тем, что было в ваших словах справедливого и наконец благодарил вас с полною искренностью. Он сам первый хохотал над своим тщеславием и позволял другим смеяться над этою слабостью. Талант ценил он во всех друзьях и врагах своих. Скольким начинающим авторам помог он, рекомендуя их произведения журналистам! Если его упрекали в эгоизме, эта ошибка происходила только оттого, что он,

постоянно обремененный работою, не мог тратить времени на пустые визиты; но качества его сердца известны его друзьям и молодым литераторам. Прислуга чрезвычайно любила его, хотя он и не мог быть щедр и бьгл очень беспокоен. И з друзей своих ои не изменил ни одному. Часто, увлекшись дружескою беседою, он проводил в разговоре часы, которые должен был употребить на работу; вдруг он вспоминал об этой необходимости и начинал читать себе выговоры: «Чудовище, лентяй! Тебе надобно было бы работать, а ты теряешь время». И он начинал тут же высчитывать, сколько денег потерял он от праздности. Счеты эти доходили до гигантских цифр. Вообще, моего брата любили все, кто хорошо знал его.

Жорж Санд, которая так благородно изобразила его характер и которую называл он милым своим братом Жоржем, ошиблась только в одном, говоря о нем. Напрасно она воображает его человеком суровых правил: он любил развлечения и имел успехи у женщин. Но он был чрезвычайно скромен в подобных случаях.

В одном из его писем я нахожу следующие слова о Жорже Санде:

«Она совершенно чужда мелочных слабостей и завистливости, которая омрачает характер почти всех нынешних писателей. Жорж Санд — благородный друг, и я рад советоваться с нею во всяком затруднительном случае; я нахожу в ней одни недостаток: она не умеет защищать своего мнения».

В различное время дня костюм его бывает то очень небрежен, то очень изящен.

бюст сделан, когда брату моему было 44 года. Давид верно воспроизвел его прекрасный лоб, тонкие линии его лица, но мрамор не мог передать блеска его прекрасных, светившихся умом глаз.

Когда-нибудь можно будет мне подробнее рассказать о последних годах жизни моего брата. Наученный опытом, Бальзак потерял свою прежнюю живость, сделался серьезен, но ие стал мизантропом. Я расскажу и о последних днях его жизни, прерванной в полном развитии сил и таланта, когда близко казалось ему счастие, ког да он, по крайней мере, мог насладиться спокойствием, которого так долго и напрасно искал».

Отчетливо и ярко рисуется этим простым исполненным нежной любви рассказом личность писателя, который терпел так много и от житейских невзгод и от литературной вражды, но всегда сохранял юношескую мягкость характера, привлекательным образом соединяя п ростоду шную доверчивость се рдца с редко ю проницательностью ума. Действительно, читатель этих воспоминаний чувствует, что знаменитый брат мог вполне заслуживать такую горячую любовь сестры и преданность людей, с которыми сближался; действительно, это был человек, в котором самые недостатки — наивное, но, должно признаться, справедливое самохвальство своими произведениями и разорительная страсть к роскошной обстановке своего домашнего быта — должны были казаться милыми. В самом деле, Бальзак привлекал к себе каждого из людей, способных ценить под забавными причудами доброе и прямое сердце. Вот как описывает его Жорж Санд, рассказывая о первом годе своей литературной жизни, еще до появления «Индианы».

«Один из моих друзей, знавший Бальзака, представил ему меня не как провинциальную музу, а просто как почитательницу его таланта. В самом 384

но я уже была поражена оригинальностью его таланта и видела в нем одного из корифеев литературы. Всем известно его наивное самохвальство, совершенно простительное по своей основательности; известна его страсть говорить о своих сочинениях, рассказывать содержание задуманных романов, читать их в рукописи или корректуре всем знакомым. Простодушный и добродушный, он у всех доспрашивался совета, не выслушивал этих советов или кричал и с упорным чувством собственного превосходства оспаривал их. Он говорил только о себе, вечно только о себе. Но однажды, будто забывшись, заговорил он о Рабле, — так удивительно хорошо, что по уходе его мы сказали друг другу: «Нет сомнения, ему суждена вся та слава, о которой он мечтает: он так хорошо понимает других писателей, что сам должен быть гением».

Тогда он жил в улице Кассини, в маленькой очень веселой квартире на антресолях. Потом, когда получил за свой роман «Реаи ile Chagrin» хорошие деньги, он почувствовал было презрение к этой скромной квартире и наклонность покинуть антресоли, но, порассудив, удовольствовался тем, что меблировал комнату свою так, как в старину какая-нибудь маркиза украшала свой будуар, и вдруг пригласил нас кушать у него мороженое, любуясь на шел ко-вые шпалеры и драпри с кружевною отделкою. Я от души хохотала тогда над этою фантазиею, не воображая, что любовь к роскоши обратится у него в серьезную страсть; тогда мне казалось это делом минутной прихоти.

Я ошиблась: пустой каприз кокетливого воображения отравлял всю его жизнь, и для удовлетворения ему он часто лишал себя необходимейших удобств жизни. С того времени он всегда жил в нужде среди излишества и скорее готов был остаться без кофе и без тарелки супа, чем расстаться со своим китайским фарфором и серебряным сервизом.

Он должен был подвергаться баснословным неприятностям и трудам, чтобы только сохранить игрушки, восхищавшие его глаз; фантазер с золотыми мечтами, он воображением жил в волшебных замках; но вместе с тем человек упорной воли, он не боялся никакой борьбы и работы, чтобы осуществить хотя незначительную часть своих снов.

Соединяя ребячество дитяти с могуществом мужа, вечно опасаясь успехов какого-нибудь писаки и никогда не завидуя славе истинного таланта, искренний до скромности и самохвал до хвастливости, доверчивый к себе и другим, чрезвычайно откровенный добряк, чуждый благоразумия, и, однако же, имевший силу совершенно подчиниться благоразумному решению, когда оно являлось в нем, знавший только одну страсть к славе и труду, Бальзак тогда уже был загадкою для всех тех, кого неутомимо мучил объяснениями своего характера и своих романов.

Я мало говорила с Бальзаком о своих литературных планах. Он не поверил бы им или не почел бы нужным подумать, способна ли я исполнить их.

Я не советовалась с ним, потому что он сказал бы, что бережет свои советы для самого себя, и сказал бы это сколько по эгоистической хитрости, столько же и по искренней скромности. Последним словам не должно дивиться: под его наружным тщеславием действительно скрывалась своего рода скромность, как потом я удостоверилась, к приятному своему изумлению; много говорили о его эгоизме, но были у него также порывы преданности и благородства.

В обществе бывал он всегда очень мил; характер у него был веселый и светлый, я ни разу не видала его в скучном расположении духа. Несмотря на свою толстоту, он без отдыха взбегал ко мне на четвертый этаж, врывался в комнату, запыхавшись и не переводя духа, с хохотом начинал кричать и толковать, подбегал к моему столу, схватывал мои бумаги с намерением посмотреть мое сочинение, но тотчас забывая о том, что хотел посмотреть мое сочинение, принимался рассказывать о романе, который он теперь пишет, и толковал о нем без умолку».

25 Н. Г. Черныш евский, т. III 385

Из рассказов сестры и г-жи Дюдеван, кажется, легко вывести верное заключение о характере знаменитого романиста: это был добряк и весельчак, с сильною наклонностью к роскоши, с пыл-

кою жаждою славы, который упрямо накладывал на себя роль расчетливого человека, чтобы достичь славы и богатства; славы он действительно достиг, но богатства люди, подобные ему, не достигают нико гда.

С Т АТ И С Т И Ч Е С К О Е О П И С АН И Е К И Е ВСК ОЙ ГУБ Е Р Н И И ,

изданное тайным советникам И . Фундуклеем.

Три тома. СП Б . 1852.

По какому-то стечению неблагоприятных обстоятельств, которых г. Фундуклей не объясняет подробно, капитальный труд, им изданный, является в свет пятью или шестью годами позже, нежели мог бы явиться без этого случайного замедления. «Статистическое описание Киевской губернии» было окончено еще в 1850 году; но печатание трех первых частей, ныне выпущенных в свет, продолжалось более двух лет, так что .было окончено только осенью 1852 года. После того уже совершенно готовое издание около четырех лет лежало в кладовых и только ныне поступило в продажу. Нельзя не жалеть о том, что в течение нескольких лет публика и наука лишены были возмож ности пользоваться богатым запасом статистических данных, собранных просвещенною заботливостью господина Фундуклея и обработанных господином Журавским и его помощниками в трех огромных квартантах. Нельзя также не чувствовать, что в 1851 году многие из цифр, представляемых этим трудом, имели более свежести, нежели сохранилось в них теперь, через пять лет. Н о, тем не менее, полнота и основательность изданного теперь исследования таковы, что, несмотря на замедление, которое, конечно, огорчало г. Ф унду-клея и г. Ж уравского более, нежели кого-нибудь, «Статистическое описание Киевской губернии» остается одним из самых драгоценных приобретений, сделанных русскою наукою в течение всего настоящего столетия. Это один из тех ничем не заменяемых источников, которые навек остаются главнейшим пособием для изучения предмета, ими излагаемого. Не колеблясь, надобно сказать, что «Статистическое описание Киевской губернии» должно быть по своему ученому достоинству поставлено на ряду с теми славными изданиями, которым принадлежит первое место в науке. Это сборник, в роде знаменитых сочинений Фуррье «S tatistiq u e du departam ent de la Sein e» * (1824– 1845) или * Статистика департамента Сены. – Ред,

25* 387

Шаброля «Rech erch es statistiques sur la ville de Paris» *

(1821– 1829). И если во Франции, столь богатой статистическими сборниками, Фуррье до сих пор остается необходимою справочною книгою, то у нас издание г. Фундуклея еще гораздо менее могл о потерять живую современность для науки от замедления, о котором мы говорили. Изучение этого труда представляет так много интереснейших фактов и соображений, что мы опешим окончить наше предисловие и приступить к изложению содержания самой книги. Сведения, в ней собранные, так многочисленны и важны, что мы не боимся утомить внимание читателя, хотя статья наша будет обширна. Мы уверены, что читатель скорее найдет наше изложение слишком кратким, нежели излишне длинным. В извещении об издании г. Фундуклея, в библиографии предыдущей книжки «Современника», мы уже говорили о том, как были собираемы материалы этого труда и как он составился. Хорош о понимая важность и пользу статистических исследований, г. Фундуклей, занимавший должность киевского гражданского губернатора, употребил все зависящие от него средства для собрания статистических сведений о губернии, которою управлял, а ближайшее заведывание

этим делом и обработка

собранных данных поручены были известному политико -эконому г. Журавскому **. Материалы, служившие основанием труду, извлекались, как говорит «предуведомление», из трех главных источников: 1) официальных документов, представленных статистической комиссии от присутственных мест и чиновников Киевской губернии; 2) из частных письменных документов, которые, по желанию г. Фундуклея, были доставлены конторами различных фабрик, экономических управлений, торговых домов и проч.

Эти сведения дали чрезвычайно много интереснейших фактов.

3) Кроме того, были предприняты особенные изыскания с целью поверять на местах официальные показания, делать извлечения из частных письменных документов, объяснять их изустными показаниями сведущих людей, наконец, наблюдать, как та или другая отрасль экономического быта идет в действительности. Этим средством добыто множество очень важных и достоверных сведений.

Все собранные данные были рассмотрены и проверены самым точным образом, и было употреблено особое старание, чтобы свод их сделать сколь возможно полнейшим.

И, де йствител ьно, русская статистическая л ите ратура едва л и представляет сочинение, которое по своей полноте и точности могло бы равняться с «Описанием Киевской губернии». Только в «Сельскохозяйственной статистике Смоленской губернии» г. Соловьева2 некоторые отделы, наиболее доступные изыска* Статистические изыскания о городе Париже. — Ред.

** В этой книжке нашего журнала г. Журавский поместил статью о железных дорогах. Читатели оценят достоинство этого замечательного исследования 38В

ниям автора (как, например, хозяйственный быт государственных крестьян), изложены с полнотою, близкою к тому, что пред-

ставляет издание г. Фундуклея. Н о план книги г. Фундуклея гораздо обширнее, и почти все части его обработаны с запасом материалов, столь же богатым и достоверным, как те материалы о быте государственных крестьян Смоленской губернии, какими располагал г. Соловьев. При равном достоинстве, один из этих трудов относится к другому, как одна часть к целому.

Издание г. Фундуклея должно составить четыре тома.

I. О б о з р е н и е п л о щ а д и , н а р о д о н а с е л е н и я ,

н а с е л е н н ы х м е с т и п у т е й с о о б щ е н и я . Обозрение поверхности Киевской губернии: ее величина, топографическое и гидрографическое обозрения, климат, геогностическое описание, естественные произведения (стр. 1— 130). Народонаселение: его количество, движение, разделение по состояниям и занятиям, домашний быт сельских классов (стр. 131— 288). Обозрение городов, местечек, селений и путей сообщения (стр. 289— 540). К этой части приложены две карты Киевской губернии: 1) специальная карта, в размере 33 и 31'/г дюймов, по масштабу 10 верст в английском дюйме, и 2) геогностическая карта, по масштабу 25 верст в англ. дюйме, и подробный план города Киева, в размере 17 и 36 дюймов, по масштабу 100 сажен в англ. дюйме.

II. О б о з р е н и е с е л ь с к о г о х о з я й с т в а и п о з е -

м е л ь н о й с о б с т в е н н о с т и . Общее хозяйственное обозрение губернии (стр. 1— 86). Обозрение помещичьих имений (стр. 87— 414). Обозрение имений государственных (стр. 415— 502). Имения военного поселения (стр. 503— 512); поземельные собственности других классов (стр. 513— 534).

III. О б о з р е н и е п р о м ы ш л е н н о с т и и т о р г о в л и . Фабричная, заводская и мелкая промышленность (стр. 1— 314); торговля (стр. 315— 572).

Эти три части, из которых каждая составляет толстый том

в четвертку, теперь наконец выпущены в книжную торговлю.

Время выхода в свет четвертой и последней части, «условливае-мое разными обстоятельствами, ныне определено быть не может», говорит г. Фундуклей. Эта четвертая часть должна заключать в себе «Обозрение местного управления и правительственных учреждений: а) собственное управление; б) правительственные учреждения; в) государственные и общественные повинности; г) государственные и общественные доходы; д) употребление казенных и общественных сумм; е) местное движение и обороты сумм». Нет сомнения, что эта четвертая должна не уступать своею важностию трем первым, и потому нельзя не желать, чтобы она скорее была издана в свет. Этого можно тем более надеяться, что предуведомление, из которого заимствовали мы слова г. Фундуклея о неопределимости срока ее выхода, написано еще 389

в 1852 году, и те обстоятельства, которые наконец дали ему возможность выпустить первые три части, убийственно доселе лежавшие в кладовых, вероятно, облегчат ныне почтенному сановнику издание и четвертой части его «Статистического описания». Обширность плана и богатство фактов, представляемых каждым отделом его, заставляют нас, чтобы не переполнить своей статьи бесчисленными подробностями, сосредоточивать внимание только на некоторых главах сочинения, излагающих стороны быта, наиболее интересные или по своей важности в государственном хозяйстве, или по тому, что в Киевской губернии они развились особенным образом, отличным от того порядка, какой находим в Великой России. В Киевской губернии и других мало -российских провинциях народный быт по многим отношениям отличается от великорусского быта, сходясь с ним во многом другом. Соображение этих особенностей и того, что одинаково

Мы уже знаем, что «Описание», изданное теперь г. Фун-дуклеем, окончено было в 1850 году; труды обработки собираемых материалов начались с 1845 года. Потому цифры, представляемые «Описанием», относятся большею частью к 1840– 1849 годам. С того времени, как мы уже заметили, многие из них должны были значительно измениться, особенно цифры, выражающие ценность различных фабричных и заводских производств. От этого могли увел ичиться ил и уме ньшиться доходы нескольких заводчикйв и торговцев и несколько перемениться занятия фабричных в пяти-шести волостях. Н о в общих чертах экономический быт населения не успел измениться заметным образом: количество земли, приходящейся на каждого работника, способ ее обработки, распределение доходов между различными сословиями, занятия, доходы, расходы и привычки поселянина, ремесленника, купца– все это в 1856 году находится в таком же положении, как было в 1845– 1847 годах. А эти-то именно отношения, остающиеся неизменными до сих пор, важнее всего остального, они-то должны преимущественно занимать нас, и те черты быта, которые мы извлекаем из книги г. Фундуклея, можно сказать вообще, настолько же свежи и современны, как если бы были записаны год или два года тому назад.

При своем благодатном климате и плодородной, черноземной почве, Киевская губерния могла бы доставлять роскошные средства для жизни своим жителям, хотя и принадлежит к числу населеннейших провинций России. На каждую душу всего населения (обоего пола) в 1845 году приходилось, средним числом, по две и три четверти десятины. Эта пропорция земли с лишком в три раза более, нежели в Бельгии, в два с половиною раза бо-

лее, нежели в Англии, слишком в два раза более, нежели во Франции, почти в два раза более, нежели в Австрии, наконец 390

слишком в полтора раза более, нежели в Пруссии, где климзт и почва, конечно, не столь хороши, как в Киевской губернии. Почти равна густотою населения Киевская губерния Португалии и Испании.

Общее число жителей в Киевской губернии, 1 585 047, разделялось, в 1845 году, по сословиям следующим образом:

Дворян.....62967, или на каждых 100 душ 4,08®„

1,09»/, Духовных.....16194 » »

»

100 »

Купцов, мещан и граждан .....192734 » » » 100 » 12,35%

Сельских свободных клас -

с о в.....294127 » » » 100

»

19,02'Vo

Крепостных людей . . 1019 025 » » » 100 1> 63,46»/,

Таким образом, на 1 ООО душ в Киевской губернии считалось людей свободных городских и сельских сословий 366 человек, а крепостных крестьян 634 души.

Сравнивая эти числа с цифрами, сообщаемыми г. М. З аблоц-ким относительно разделения по сословиям народонаселения всей России в 1836 году (см. «Сборн. статист, свед.», книга I), находим, что пропорция дворян в Киевской губернии вчетверо более, нежели вообще в России. Количество крепостных крестьян сравнительно с числом остальных сословий земледельческого класса также почти вчетверо более. Это различие, как ниже

увидим, объясняется относительно дворян — многочисленностью фамилий, происходящих от шляхты, а относительно крестьян — пожалованиями, после присоединения к России.

Пропорция духовенства в Киевской губернии почти та же,

как и в остальной России. Н о пропорция горожан более, именно,

на 1 ООО душ населения приходится:

Поселян Лиц други* состоянии

В Киевской губернии . . . 825 175 В империи вообще • .] 877 123

Это большее число горожан зависит преимущественно от многочисленности евреев в Киевской губернии.

По вопросу о движении народонаселения, достоверные числа за п родолжител ьное число лет найде ны тол ько относител ьно православного населения, в метрических книгах, с 1804 года.

Взяв итоги за сорок лет (1804— 1843) и разделив это пространство времени на два большие периода, по двадцатилетиям (1, 1804— 1823; 2, 1824— 1843), мы получим среднюю цифру для каждого года:

Родившихся Упершх 1111ПиД1ЛО населения

1804—1823 . . 53 446 38 261 15185 1823-1843 . . 57 367 46803 10 564

Иначе говоря: сравнительно с первым периодом, число умирающих увеличилось во втором периоде на 22%, между тем как 391

число родившихся увеличилось на 6V4 %. На сто человек родившихся приходилось:

В Первом периоде.....73 умерших

Во втором ».....82 »

Относительно преобладания тех или других причин смертности в массе населения невозможно было сделать никаких точных вычислений, потому что медицинскими пособиями пользуется только незначительная часть народа. Единственные важные цифры по этому п редмету п редста вля ют табл и цы сме ртности военных чинов в Киевском военном госпитале за десять лет (1835— 1844). Из общего числа 6 400 умерших, от чахотки умерли 1 742 человека (один из четырех); от изнурительной лихорадки 1 045 (один из шести); от спинной сухотки 692 (один из девяти); из других болезней, наиболее часто причинами смерти были гнилая горячка, понос и

водяная: от каждой из них умерло около 600 человек.

В течение четырех лет (1842– 1845) в Киевской губернии было убийств 202, а самоубийств 305. При этом надобно еще заметить, что из числа убийств большая половина была совершена без умысла, вследствие несчастного случая. Потому число несчастных, лишавших себя жизни, было гораздо более, нежели число преступников, решавшихся отнять жизнь у другого. Нельзя не видеть, что эта пропорция поразительным, хотя и прискорбным, образом свидетельствует о доброте и мягкости в массе народонаселения.

Кроме естественных причин большего или меньшего перевеса числа рождающихся над числом умирающих, быстрота, с которою увеличивается население, может зависеть также от переселения. Влияние этого факта в Киевской губернии ничтожно.

Важнее здесь другие обстоятельства: с одной стороны – водворение отставных солдат, а с другой – отдача в рекруты и ссылка. Вот средние числа, по десятилетней сложности:

Ежегодно: водворяется отставных солдат . . . . 918 человек

» в рекругы п оступ а ют.....2458 »

» преступников ссы л а ется.....366 »

Сверх прибыли или убыли населения надобно также обращать внимание на периодический отлив и прилив его (для богомоль -ства, заработков и проч.). И з фактов этого рода важнее других стечение богомольцев в Киев на поклонение св. мощам. Богомольцев, приезжающих (людей достаточного сословия) в Киев, было, в течение 1845 года, 7 650 человек; число простолюдинов, приходящих пешком, с тою же богоугодною целью, изменяется, смотря по урожайности года в России. В неурожайные годы бывает их до 50 000; в урожайные количество это возрастает до 80 000 человек.

Разделение населения в народных переписях по сословиям 392

позволяет видеть, какое именно участие принадлежит различным классам в общей прибыли населения. В Киевской губернии считалось (муж . пол а):

Таким образом, в течение одиннадцати лет число дворян увеличилось на пятьдесят процентов; число купцов и горож ан на двадцать процентов; число государственных крестьян, однодворцев и проч. на восемь процентов; в числе помещичьих крестьян произошла небольшая убыль.

З аметим кстати, что цифры, собранные г. Соловьевым о Смоленской губернии, приводят к тем же выводам: быстрее всего возрастает число дворян; есть сильная прибыль в сословии купцов и горожан; довольно ощутительно приращение между государственными крестьянами, число крепостных крестьян не возрастает *.

От общего обзора массы народонаселения переходя к подроб-

ностям о различных сословиях, прежде всего встречаем несколько любопытных фактов о шляхтичах, число которых еще в 1831 году простиралось в Киевской губернии до 40 091 человек мужеского пола (шестнадцатая часть всей массы населения). «События 1831 года, – говорит «Описание», – показали необходимость решительного переустройства этого сосл овия». Указом 19 октября 1831 года было предписано: «П ривести в известность весь состав польской шляхты и, по рассмотрении прав на дворянство каждого семейства, из доказавших оные образовать настоящее местное дворянство, как в великороссийских губерниях, а не доказавших причислить к податным классам». Учрежденные для того комиссии разделили шляхту «а три разряда: семейства, владевшие крестьянами, хотя б и не были признаны в правах депутатскими собраниями, немедленно были причислены к дворянам; семейства, утвержденные в дворянских правах депутатскими собраниями, но не владеющие крестьянами, должны были представить доказательства своих прав на дворянство и до рассмотрения их избавлены от податей; шляхтичи, не утвержденные депутатскими собраниями и не владевшие крестьянами, обложены немедленно податями. Л иц мужеского пола третьего разряда оказалось 29527.

(Таких же шляхтичей в то же время было внесено в подушный оклад по Волынской

губернии 31 411, а по Подольской 48 545 че-* Г. Соловьев, сличая цифры сословий Смоленской губернии в 1834 и п 1850 годах, нашел, что в течение шестнадцати лет сословие служащих возросло на девяносто один процент, купеческое и мещанское на двадцать процентов, государственных крестьян на шесть с половиною процентов, по* мещичьих крестьян на одну третью часть процента.

393

К у п цов,

К р есть я н

Д в ор я н Д уховн ы х К р есть я н госу д .

м еща н, поыещ. и д р уги х Гор ож а н п осел я н

в 1834 году 23 078 8409 80185 507 500 125 389 в 1845 » 32 522 8 560 97 273 504424 134209 ловек мужеского пол а). И з шляхтичей второго разряда, по рассмотрении их докуме нтов, одни утве ржде ны в дворя нстве, другие причислены к податным сословиям; но дворянские права большей части шляхтичей второго разряда еще рассматриваются.

Таким образом, шляхтичи, через которых дворянское сословие смешивалось с остальными сословиями населения, или причислены к податным состояниям, или к дворянам, и дворянское сословие строго разграничено от других состояний.

Помещиков считалось в 1845 году в Киевской губернии 1 266 человек. В их владении находится более трех четвертей всей земли и более двух третей всего населения губернии.

Б еспоместных дворян в то же время считалось в губернии до 29 300 человек мужеского пола. Н екоторые из них находятся на государственной службе, но несравненно значительнейшая часть (до 28 ООО) живут в селах, занимаясь различными промыслами и сл уж бою у частных людей. Это большею частью шляхтичи 2-го разряда, т. е. внесенные в число дворян до 1831 года депутатскими собраниями. Права их большею частью еще рассматриваются.

Н екоторые из них (говорит «Описание») содержат в аренде помещичьи именья и разные оброчные статьи; но большая часть занимает разные сельские долж ности: смотрителей экономий, конторщиков, писарей, счетоводов, магазинщиков и т. д., — но как число этих мест ограниченно, а семейства дворян 2-го разряда постоянно прибывают, то средства их пропитания с каждым годом становятся затруднительнее, тем более, что служебное поприще для них ограниченно. Однако нужда заставляет многих не быть разборчивыми в промыслах, и ныне во многих уездах есть целые слободы и селения, населенные дворянами, которые состоянием своим и бытом стоят наравне с крестьянами. Такж е можно встретить в Киеве дворян, ищущих мест в услужение.

В сословии торговцев и горож ан считалось мужеского пола в 1845 году: купцов-христиан — 636, евреев — 3 281; мещан-христиан — 25 725; евреев — 65 929.

И з купцов-христиан более половины (358) сосредоточены в Киеве; из купцов-евреев почти две трети (1 839) в Бердичеве.

Вне городов купцы-христиане почти вовсе не живут; но купцов-евреев много (630) рассеяно по местечкам и селениям.

Относительно количества помещичьих крестьян «Описание» сообщ ает нам следующие замечания:

П о ревизии 1834 года число помещичьих крестьян на пашне простиралось: мужеского пола до 501 195 душ, женского — 512 120 душ. В 1845 году число помещичьих крестьян уменьшилось: мужеского пола до 497 930 душ, женского — до 508 074 душ... В статье о приращении народонаселения мы заметили, что оно — наименьшее в классе помещичьих крестьян и в продолжение 48 лет не превышало 13%, т. е. почти по одной четвертой части процента ежегодно, между тем как общая масса населения увеличивалась почти на l/ s%. Это происходит от многих причин и обстоятельств... Наличное же число крестьян в имениях еще менее определено последнею ревизиею, за

10 лет – обстоятел ьство весьма замечательное, объясняемое отчасти побегами крестьян в смежные степные губернии.

394

Не принадлежащие к псЭмещичьим крестьянам, свободные по-

селяне в Киевской губернии носят различные имена, смотря по тому, к какому состоянию принадлежали прежде. Многочисленнее других разряды стар'остинских и экономических крестьян (разные наименования государственных крестьян), однодворцев, военнопоселенцев и бессрочно-отпускных и отставных солдат.

З а обозрением состава населения в статистике, изданной г. Фундуклеем, следует обозрение городов. Сказав несколько слов вообще о городах, местечках и селениях Киевской губернии, мы остановимся единственно на описании Киева.

Население губернии живет в 12 городах, 101 местечках,

1 106 селах, 839 деревнях, 67 хуторах, так что общее число всех поселений в 1847 году простиралось до 2 125.

З а исключением Киева и Бердичева, города мало отличаются от местечек и наружностью и устройством. Почти все еврейское население сосредоточено в городах и местечках, так что они по преимуществу места торговли и промыслов.

В польских владениях города разделялись на коронные, пользовавшиеся большою самостоятельностью по магдебургскому праву, и владельческие, находившиеся в зависимости от помещиков, на землях которых были построены. По присоединении к России, это различие было удержано для городов Киевской губернии, и, например, Киевом управлял и дела его жителей судил магистрат по магдебургскому праву до 1832 года, когда этот привилегированный порядок был заменен обыкновенным устройством русских городов. З а то другие некоторые города до сих пор остаются владельческими, например, Бердичев, принадлежащий князьям Радзивилам, и Л иповец, право владения которым разделилось между несколькими помещиками.

В 1798 году число постоянных жителей в Киеве было 19 ООО; в 1817 году – 23 500; в 1835 году – 29000; в 1845 году – до

50 137; сверх того, постоянно квартировало в Киеве в 1831 –

1845 годах до 13 400 войска. Всего постоянных жителей около 1845 года должно было считать до 64 000. Н а летние месяцы приходит в Киев около 7 000 человек на работу. Число богомольцев, ежегодно приезжающих в Киев, бывает 7 000– 8 000 и приходящих пешком – 50 000– 80 000 человек. Число людей, приезжающих или приходящих в Киев по служебным, торговым и другим делам, простирается до 100 000 человек ежегодно.

И з ярмарок, бывающих в Киеве, знаменита Крещенская, или так называемые «Контракты». Число помещиков и купцов, приезжающих на контракты, так значительно, что в той части города, где преимущественно останавливаются приезжие, при отдаче квартир на год, всегда выговаривается хозяином дома, что во время контрактов жилец должен поместиться в одной или в двух комнатах, а всю остальную квартиру предоставить хозяину

для отдачи приезжим.

395

В числе мастеровых есть несколько иностранцев, работающих для богатой части населения. Все остальные мастеровые, по словам «Описания», знают свое дело очень посредственно. «В их изделиях заметны недоученность, небрежность отделки, совершенное равнодушие к улучшению. Все работают по рутине; заказ по оригинальному рисунку приводит их в величайшее затруднение». Ж аловаться на недостаток работы они не могут.

О распределении удобств жизни между различными сословиями киевского населения дает довольно точное понятие таблица, показывающая число экипажей и лошадей, принадлежавших в 1845 году разным классам жителей:

Д п оря н а м И '1 И И О В Н .

Д ун оя п ы м К уп ц а м Мещ а н а м К р ссгь н ч а м Раан j ili I «а и

Карет, колясок и кабриолетов. . 58167 45 19 -

Лошадей упряжных 2120 231 578 751 190 322 Л ошадей верховых 51------

Таким образом, из более или менее роскошных экипажей дворянам и чиновникам принадлежали более, нежели четыре пятых части всего количества; из всего числа упряжных лошадей – более половины. Верховые лошади исключител ьно принадлежали дворянам и чиновникам.

И з других городов замечателен обширностью своей торговли Бердичев, населенный евреями. Оброчные статьи, признанные собственностью владельцев, на землях которых построен этот город, князей Радзиеилов, около 1845 года приносили до 79 ООО руб. дохода. Н о из этой огромной суммы только незначительная часть поступает действительно в пользу владельцев, потому что на имении лежат большие долги, и оброчные статьи

отдаются кредиторам вместо уплаты.

Пропуская последнюю главу первого тома, о путях сообщения, не представляющих почти ничего замечательного, обращаемся к важной стороне экономического быта Киевской губернии, как и всех вообще провинций империи – земледелию. Расположение сельских усадеб в Киевской губернии, имеющее чисто малороссийский характер, более удобно для сельских работ, нежели великорусский способ постройки, где дворы стоят вплоть один подле другого. З десь дворы очень просторны, при каждом есть огород и обширное место для прогула скота до поры 396

Выгонов на пастбище. По широкому размещению дворов, поля И луга поселянина не слишком отдалены от его жилища. Система хозяйства вообще трехпольная, без удобрения (1, озимое поле,

2, яровое, 3, пар). Плодопеременное хозяйство с удобрением введено у немногих помещиков.

Обработка полей тщательнее и сложнее, нежели в Великороссии, и производится волами, которых запрягают в плуг три пары. Обычая просушивать хлеб в овинах здесь нет.

Масса населения, для которого источником доходов служит земледелие, состоит в Киевской губернии из следующих сословий (цифры относятся к 1845 году):

Кроме того, земледелием занимаются военные поселенцы, сельское духовенство и лица разных сословий, нанимающие землю и обработывающие ее посредством найма (беспоместные дворяне и проч.) или собственным трудом (мещане, однодворцы, отставные солдаты и проч.).

Сравнивая цифры, представляемые таблицею, видим, что количество господской запашки, обработываемой барщиною, составляет почти две пятых части всей обработываемой земли и почти равняется пространству полей, предоставляемых помещиками

крестьянам их: на каждое лицо из класса помещиков достается,

средним числом, сбор хлеба более, нежели с 230 десятин; помещичьи крестьяне на каждую душу пользуются менее, нежели девятью десятых частей десятины; государственные крестьяне пользуются IV2 десятины, так что пропорционально имеют слишком в полтора раза полей более, нежели помещичьи крестьяне; свободные хлебопашцы обработывают почти по три десятины на душу, то есть вдвое более государственных и втрое более помещичьих крестьян.

З а этим общим обозрением земледельческого быта губернии следуют в «Описании» частные обозрения помещичьих имений и потом государственных имуществ. Обе эти главы очень обширны и важны, особенно первая.

Во владении помещиков находится, как мы видели, более

3 500 000 десятин земли (более трех четвертей всего пространства) и более 1 000 000 душ (более двух третей всего населения губернии). Интересно рассмотреть распределение этих поместий между их владельцами. Выше было показано число лиц, владеющих поместьями Киевской губернии, равным 1 266. Н о эта цифра получается через сложение числа помещиков в каждом уезде.

397

К ол и ч ество

4 и сл о душ п ол ей , обр а ба -обое г о п ол а ты ва ющ и хся

о их п ол ь зу

Помещики {с их семействами) • 3 50Э 810098 Свободные хлебопашцы 733 2 0ЭЗ

Помещичьи к р есть я н е.....1 0 % 094 899 466

Государственные крестьяне . . 205 498 309455 А так как многие помещики имеют владения каждый в двух, трех

и более уездах, а потому числятся в общей сумме вдвойне, втройне и более, то действительное количество лиц, между которыми распределено владение поместьями, должно быть менее этой цифры. П о приблизительным вычислениям, «Описание» полагает, что помещиков в Киевской губернии от 600 до 650 человек. Н о так как точных сведений об этом вообще по губернии нет, то и надобно руководиться исчислениями по отдельным уездам, и при этом общее число 1 266 разделяется по степени богатства на четыре класса (1, менее 100 душ; 2, 100– 500 душ;

3, 500– 1 000 душ ; 4, более 1 000 душ) в следующей пропорции: Таким образом, более половины всего количества поместий сосредоточены во владениях 75 человек. Если положить, что богатым помещиком вообщ е должен называться только имеющий не менее 500 душ, то не более одной шестой части помещиков принадлежат этому классу; они владеют более, нежели двумя третями всех поместий. И з остальных, 500 помещиков могут, благодаря своим поместьям (100– 500), пользоваться большим или меньшим довольством в жизни. Д ля остальных помещиков Киевской губернии, имеющих каждый менее 100 душ, именья не могут служить источником значительных доходов. Н о Киевская губерния есть одна из самых обильных большими поместьями и наименее имеет мелких поместьев. В других губерниях число богатых помещиков составляет относительно мелкопоместных владельцев еще гораздо меньшую пропорцию. Например, в Смоленской губернии из общ его числа 5 619 помещиков только 38 принадлежат к четвертому классу и только 74 к третьему, из 100 помещиков только 2 могут назваться людьми более или менее богатыми; напротив, 4 780 помещиков, или из 100 помещиков, более 80 человек, имея каждый менее 100 душ, не принадлежат к числу людей, обеспеченных в жизни доходами с поместий («Статистика Смоленской губернии» г. Соловьева, стр. 133). Количество пахотных и сенокосных земель, принадлежащих в Киевской губернии помещикам 1-го разряда (менее 100 душ у каж дого) – 125 340 десятин; помещикам 2-го разряда (у каждого 100– 500 душ) принадлежит 651 850 десятин; помещикам 3-го разряда (500– 1 000 душ) 441 480 дес.; помещикам, имеющим каждый более 1 000 душ, принадлежит 1 037 430 десятин земли. Сравнивая эти цифры с цифрами населения, принадлежащего каждому разряду, находим, что чем обширнее поместья, тем 398

О бщ ее к ол и ч еств о

Ч и сл о п ом ещ и к ов , и м еющ и х п ри и а дл еж а щи*. ни душ м . и.

менее 100 душ муж еского пола . . .

537 20430

от 100 до 500 душ м уж есюго пола . . 518 131 зоэ

от 500 до 1 000 д у ш.....131 96450

более 1 000 д у ш.....75 253 450

менее приходится земли на каж дую ревизскую душу. Именно, в 1-м классе 6 десятин, во 2-м 5 десятин, в 3-м 4'/г десятины, в 4-м только по 4 десятины на душу. Точно так же и лесными угодьями большие поместья, сравнительно, скуднее малых: в 1-м разряде приходится на душу по 2 3Л десятины леса, в 4-м менее нежели IV2 десятины. Количество рабочего скота совершенно пропорционально количеству земли, потому, сравнительно, в больших поместьях оно менее, а в малых более. Н о у помещичьих крестьян рабочего скота вообщ е так недостаточно, что многие помещики, для обработывания своих полей, принуждены содержать собственный рабочий скот с прибором земледельческих орудий. Этого так называемого «ременентного скота» во многих поместьях содержится по 120 волов (и 20 плугов) на каждые 500 душ крестьян. П о справедливому замечанию «Описания», ременты эти надобно считать последствием худого состояния крестьянских хозяйств (том 2, стр. 107).

По довольно точному исчислению, основанному на многочисленных подлинных отчетах многих значительных имений, средний годичный доход, получаемый всеми помещиками Киевской губернии от хлебопашества, равнялся, по пятилетней сложности (1841—1845) почти 3 '/г миллионам руб. сер. (3 499 300). Сверх того, значительные доходы приносят помещикам свекловичные плантации (142 300 руб.), сенокосы (191 000) и содержание тонкорунных овец (127 350 руб.).

Тонкорунная овца ежегодно дает чистой прибыли, средним числом, по 50 коп. сер. З начительность такой выгоды побуждает расчетливых хозяев заботиться о расширении тонкорунного овцеводства. Н о «Описание» замечает, что в Киевской губеонии эта отрасль сельского хозяйства имеет и свои неудобства. «Содерж а-ние здешними помещиками многочисленных стад тонкорунных овец не совсем соответствует малоземелью их имений относительно к наделению землею крестьян, особенно нуждающихся в сенокосах и пастбищах. От недостатка тех и других, многие хозяйства пеших, огородников и бобылей не в состоянии обзавестись скотом» (т. 2, стр. 166). Тонкорунное овцеводство принадлежит к числу отраслей хозяйств, заметно развивающихся. Так, в 1842 году всего в губернии считалось 200 344 голов, а в 1845 году— 254 628 голов тонкорунных овец. Они принадлежат исключительно только значительнейшим хозяйствам, требуя больших средств для успешного разведения.

Еще значительнее, нежели от овцеводства, доходы пом'ещиков от фабричных заведений. В 1845 году, по приблизительной

оценке, при валовом производстве, простиравшемся до 2 992 890 руб. сер., помещики получили с фабрик и заводов чистого дохода около 750 000 руб. (748 170).

В это исчисление не входят винокуренные и пивоваренные заводы. Хл ебного вина, пива, меда и водок в 1845 году выделано 399

на сумму более 1 800 ООО руб. Чистый доход помещиков от этого производства простирался более, нежели до 450 ООО руб.

Л есов принадлежит помещикам 743 843 десятины, или около трех четвертей всего количества лесов в губернии. В двух поместьях введено правильное лесное хозяйство. З а то в большей части других леса изводятся, по словам «Описания», самым нерасчетливым образом:

Помещики, нуждающиеся в наличных деньгах, обыкновенно всегда готовы добыть их от евреев и охотно продают им свои леса на сруб. В этих сделках, разумеется, ценами владеют те, у которых деньги, то есть евреи, и в пример того, до какой степени они успели уронить эти цены, можно привести формальное условие, заключенное в 1842 году одним радомысльским помещиком с купцом-евреем, на продажу ему 2 376 десятин отличного леса, в котором много корабельного материала, ценою за 3 900 руб. сер. Это почти бесценок, ибо за каждую десятину приходится владельцу леса по

1 руб. 64 коп. В 1846 году тоже продано одним тамошним помещиком

2 000 десятин леса за 11 000 руб. ассигн. (Т ом 2, стр. 179).

«П о отсутствию всякого устройства в помещичьих лесах, – продолжает «Описание» – и по неправильному и в высшей степени нерасчетливому пользованию ими, почти невозможно определить дохода от этой важной части поземельной собственности помещиков». Приблизительно, доход этот надобно оценить в

385 000 рублей серебром.

Кроме прибыли, доставляемой курением вина, помещики полу-

чают очень больш ую выгоду от продажи его, или так называемой пропинации. Вот правила, на которых существует она в Киевской губернии:

В здешнем краю вольная продажа вина и других напитков составляет особую, весьма значительную, статью дохода помещиков, не существующую в великороссийских губерниях. Д оход с винной продажи не должно смешивать с доходом от винокурения. Каждый помещик в праве запретить своим крестьянам употреблять на месте всякое другое вино, кроме продаваемого в его шинках и корчмах.

Д о 1849 года за это право быть откупщиком в своем поместье платилась постоянная пошлина до 58 коп. сер. с ревизской души, и, за вычетом этой подати, чистого дохода шинки и корчмы доставляли помещикам 872 273 руб. П о положению 23 ноября 1849 года, постоянная подушная подать за пропина-цию заменена сбором в казну по 75 коп. сер. с каждого ведра, отпускаемого на продаж у; вследствие того и количество чистого дохода, получаемого помещиками от пропинации, должно измениться.

Сверх всех исчисленных главных источников дохода, получаемого помещиками, сущ ествуют еще другие, второстепенные статьи сборов, доставляющие им, в сложности, более 500 000 руб. чистого дохода.

400

Мы привели только главные выводы из расчетов и изысканий, обширных и сделанных с чрезвычайною добросовестностью и аккуратностью, на основании многочисленных достоверных сведений, доставленных отчасти официальными документами, отчасти бухгалтерскими счетами различных помещичьих управлений и т. д. Н ет сомнения, что во многих случаях все -таки недоставало материалов для того, чтобы числа, выводимые «Описа-

нием», были совершенно непогрешительны; но значительно уклоняться от точной истины они, кажется, не могут. Соединяя в одну таблицу все добытые таким образом цифры, «Описание» представляет следующую оценку чистого дохода помещиков Киевской губернии в 1846 году:

Хл ебоп а ш ество.....

Сахарная свекловица . . . .

Пастбища и сен ок осы.....

Тонкорунное овцеводство . . .

Фабричная промышленность Винокурение, пиво, мед и водка

Л еса.....

Винная продажа

Разные с б о р ы.....

Всего д оход а.....7123 380 р. с.

Таким образом, круглым числом, каждая ревизская душа в Киевской губернии приносит помещику ежегодного дохода несколько более 14 р. сер. З а то, что оценка эта не преувеличена, ручается обыкновенная арендная плата в поместьях, отдаваемых на оброчное содержание, – от 8 до 10 р. сер. с души. П о вычислению г. Соловьева, в Смоленской губернии доход помещика с ревизской души не может быть оценен менее, как в 10 р. 50 к. сер. («Ста т. Смол, губ.», стр. 220). Так

как почва Киевской губернии плодороднее, нежели Смоленской, и сверх того в Киевской губернии сущ ествуют отрасли доходов, не существующие в Смоленской, например, пропинация и свекловица, то и нет сомнения, что доход помещиков, вычисляемый изданием г. Фундук-лея, не превышает истины, превосходя только на 3 р. 50 к. доход, определяемый для смоленских помещиков г. Соловьевым, за умеренность цифры которого ручается обычная величина оброка

в Смоленской губернии — 20 р. сер. с работника (число мужчин в поре рабочего возраста составляет почти половину всего числа ревизских душ). Если уже полагать, что цифры, вычисляемые г. Соловьевым и изданием г. Фундуклея, не совершенно соответствуют доходу, получаемому помещиками, то скорее они ниже, нежели выше действительного дохода.

Таким образом, все количество дохода, получаемого помещиками Киевской губернии с их поместьев, превышает сумму 7 000 000 р. сер.; а средняя цифра дохода с ревизской души 2G Н. Г. Чернышевский, т. III 401

Сахарная свекловица.....• 412300 »

Пастбища и сен ок осы.....191070 »

Тонкорунное овцеводство.....127 350 »

Фабричная промышленность . . • 748170 »>

Винокурение, пиво, мед и водка . . . . 453340 »

Л
еса.....384700
»

Винная продажа]] . 872 250 »

Разные с б о р ы.....509200 »

должна быть полагаема не менее 14 р. сер. Н о это только средняя цифра, общий вывод из фактов чрезвычайно различных. Есть именья, приносящие гораздо более дохода, нежели 14 р. сер. е души, особенно те поместья, при которых существуют заводы и фабрики; другие именья, особенно те, в которых доходы помещика извлекаются только из хлебопашества и винной продажи, дают менее 14 р. с души.

Количество получаемого помещиками дохода от одних и тех же статей и от всех в совокупности (говорит «Описание») бесконечно различно и зависит от множества обстоятельств. Так как доход из каждой статьи извлекается обязанною работою крестьян, а количество этой работы определено законом *, то очень важно здесь искусство употреблять рабочие дни возможно выгоднейшим образом. Н о это искусство, или, собственно, расчетливость, встречается довольно редко между нашими хозяевами. Рассматривая по документам экономических контор годовое производство работ в разных имениях, мы не раз удивлялись огромному количеству рабочих сил, истрачиваемых на предметы, не приносящие положительного дохода. Распоряжения данными силами составляют самую трудную задачу хозяйства на барщине, которое всегда имеет свойство размножать потребности господского двора в имении, уменьшая в той же пропорции чистый доход. Памятно еще время, когда в некоторых имениях недоставало дохода от целых волостей на содержание бесчисленной дворни, охотничьих собак, лошадей и на другие увеселительные заведения владельцев. Теперь такие примеры стали редки: хозяева сделались расчетливее; но, не менее того, рациональное употребление рабочих сил имения еще мало распространено между нашими помещиками.

В этом, как и во многом другом, могут принести им много пользы статистические расчисления. Приводя в известность употребление барщины по предметам, каждый поме щи к легко может обсудить положе ние свое го хозя йства, сократить ненужный расход рабочих сил и употребить их на предметы производительные. Для этого есть достаточные материалы во всех больших и средних имениях: в них ведутся рабочие журналы, в которые записывается ежедневно число рабочих, высылаемых на работы, и на какие именно, также, сколько чего сделано. Особенно в здешнем краю, где барщина регулирована, такие журналы ведутся аккуратно. Д ля примера приводим здесь числа, полученные этим путем, об употреблении барщины в одной довольно

благоустроенной экономии З венигородского уезда. Эти числа любопытны во многих отношениях. (Т . 2-й, стр. 218– 219.)

В самом деле, эти числа любопытны. Нам хотелось бы, чтобы каждый читатель, занимающийся сельским хозяйством, как можно внимательнее рассмотрел огромные таблицы, представляемые «Описанием» относительно употребления рабочих сил в этом имении. Мы решились бы выписать здесь эти интересные таблицы, – хотя бы и пришлось пожертвовать для того двадцатью страницами, – если бы только были уверены, что внимание читателя преодолеет такую массу цифр. Н о нет, такой прием был бы слишком тяжел, и потому мы выставляем только некоторые отдельные факты, по примеру которых читатель может судить о всем порядке благоустроенной экономии.

Поместье имеет 843 ревизских души. Способных к работе в * То есть инвентарями, о которых будет сказано ниже.

4Q2

foM числе 478. Женщин, Способных к работе, 414. И з этом числа, за исключением людей, занятых общественными дол ж но-стями, находящихся в услужении и имеющих особые назначения по хозяйству, остается работников, выходящих на барщину, –

248, а работниц – 257. Н е исправляют барщины, будучи заняты другими обязанностями, 230 мужчин и 157 женщин. Эти последние не остаются без деАа, и мы увидим, какую пользу приносят их работы.

В удобное для полевых работ время остается более половины рук, не занятых ими и употребленных на другие хозяйственные надобности.

Всего рабочих дней в течение года было отбыто 45 ООО. П осмотрим, на какие работы они распределялись.

Для выделки холста, сапогов и ниток употреблено более 11 ООО дней (целая четверть всего количества ра боты). П родук-тов эта работа доставила столько, что они пошли на одежду 85 должностных крестьян и крестьянок, и притом еще недостало этих домашних изделий на одежду этих 85 человек, а надобно было прикупать много и холста, и кожи, и сапогов.

На господские огороды употреблено 7000 дней (более одной седьмой всех рабочих сил). Получены овощи для господского стола и должностных лиц. На продаж у не осталось ничего. Молотьба хлеба производилась двумя способами: 1, молотильною машиною и 2, обыкновенными цепами. Цепами обмол о-чено в 3500 дней 3790 копен хлеба (то есть рабочий день обра-ботывает более одной копны). При молотильне рабочих дней употреблено 5769, обмолочено хлеба 4200 копен, – то есть на рабочий день гораздо менее одной копны, – так что при помощи машины работа шла в полтора раза медленнее, нежели при помощи цепов.

Количество долгов, лежащих на поместьях, не могло быть определено с точностью, по недостатку сведений. И з книг Киевского приказа общественного призрения видно, что количество отдаваемых в залог имений постоянно увеличивается. В 1826–1830 годах он выдал ссуд под залог имений на сумму 406 000 р., в 1841– 1845 годах – на сумму 672 000 р.

Исследовав доходы, доставляемые помещичьими имениями, «Описание» излагает способы управления этими имениями, или, по выражению, которое употреблено в «Описании», – «Способы извлечения помещиками доходов с имений».

Порядок помещичьего управления в Киевской губернии, определенный инвентарями, различен от того положения дел, которое существует в великороссийских губерниях. П одробности, его объясняющие, будут заключать много нового для большинства читателей, не имевших случая близко познакомиться с малорусским бытом; потому мы остановимся на этих известиях.

В провинциях, где введены инвентари, сущ ествуют два спо -26* 403

соба извлечения доходов с Поместий: личное заведывание помещика или его управляющего и отдача поместья в арендное содер

жание.

116 и в арендном содержании – 156.

Когда имением распоряжаются сам помещик или управитель, порядок управления несколько различается, смотря по происхождению помещика. У русских помещиков он не совсем таков, как у польских.

Почти во всех (бол ьш их) имениях, принадлежащих помещикам русского происхождения, управление хозяйством и весь контроль находится в конторе экономической, которою заведывает управляющий имением. Контора обыкновенно разделяется на 3 отделения: на бухгалтерскую часть, которою заведывает бухгалтер; казначейскую с казначеем и общ ую канцелярию, управляемую конторщиком.

В большей части имений, о которых говорим, должности бухгалтера, казначея и конторщика исправляются людьми, приготовленными из собственных помещичьих крестьян; но есть также имения, в которых они замещаются вольными людьми, преимущественно из дворян бедного состояния и довольно посредственных способностей, но для своих обязанностей достаточно сведущих. Все вообще должностные называются официалистами. Распоряжения из конторы отдаются ежедневно по предметам, не терпящим отлагательства, и еженедельно во время общего съезда в воскресенье или субботу всех официалистов на наряд или так называемую сессию: тут каждый представляет отчет в своих занятиях и объяснения причин неисполнения данных прежде распоряжений.

Имение разделяется обыкновенно на экономии, или фольварки. Ими заведывают экономы из вольных людей, большею частью польские дворяне и люди из бывшей шляхты; меньшими фольварками иногда заведывают свои крестьяне, и таких называют прикащиками. При экономах в больших фольварках есть писаря для помощи при досмотре за барщиною, для письмоводства и выписки отработанной барщины. Писаря эти, так же, как и в

Книги, отчетность и вся распорядительная переписка и записка в имениях русских владельцев ведутся на русском языке. Книги выдаются переплетенные и перешнурованные из конторы, за ее печатью. В экономиях они заведены по следующим предметам:

1) Инвентарь и при нем план фольварка. 2) Табель для записки отработанной барщины. 3) Книга прихода и расхода разных продуктов. 4) Кви-тариуш для выдачи квитанций на разные продукты и деньги, поступающие в экономию.

Сверх того: а) Нумерация скирд и умолотная их проба, б) Назначение жалованья и провизии всем служителям, в) Опись всему имуществу, г) Книга для записки недельных нарядов и другая такая же для записки от слова в слово исходящих бумаг.

В больших имениях, которых владельцы польского происхождения, сохранился старинный польский порядок управления имениями. Они разделяются обыкновенно на ключи, в которых учреждаются ключевые управления, подчиненные главноуправляющему всем имением, который называется пелномоцник (упол ном оченный), или комисарж; а помещика называют прын -цыпал. В этих имениях нет контор: управление и ответственность возложены на одно лицо управляющего, при котором есть только канцелярия, заведы -ааемая его секретарем. Рахмистр, или бухгалтер (от польского «раховаць», считать) и кассир суть две отдельные от управления части, получающие 404

предписания главноуправляющего. В должности рахмистра и кассира избираются люди испытанной честности, сведущие и пользующиеся общим уважением, и должности их считаются в имениях высшими, почетнейшими должностями. В должности кассиров в некоторых имениях избираются не иначе, как только за поручительством помещиков или других известных лиц; это, однако ж, весьма редко требуется, и, сколько известно, нигде почти злоупотреблений со стороны помещичьих кассиров не случается.

Кроме рахмистра и кассира, есть еще третья должность, столь же почтенная: это ревизор. Должность ревизора состоит в следующем: наблюдать за целостью господского имущества и за точным исполнением распоряжений, присутствовать при

отправке транспортов с хлебом, водкою и т. п., делать умолотную пробу после уборки хлеба, пробу прядева и т. п.; к нему относятся также расследование по разным злоупотреблениям и ревизии экономий во всякое время.

В имениях средних находятся только экономы, обыкновенно из вольных.

Для проверки отчетности и составления общего расчета нанимаются посторонние люди, знающие бухгалтерскую часть, на несколько времени и для определенной работы; а по окончании ее они удаляются.

В отношении к образу жизни и степени образованности официалистов можно сделать следующие замечания. В домах их можно найти чистоту, которая при скромной мебели даст жилищу вид некоторого достатка. Обыкновенно мебель состоит из одного или двух столиков столяркой работы, столько же диванов, сделанных в виде нар, но обтянутых холстиною и с холстяными матрацами; у стен шесть кресел лучших и столько же простых, комод или шкап такого сорта, как продают на толкучих рынках в Киеве, но который сохраняется как лучшая мебель в доме. Случается видеть у некоторых больше; но надобно знать, что в этих должностях много есть людей из потерявших состояние на поссесиях и владевших собственными имениями. Есть экономы, которые сами имели по 400 и 500 душ и занимали почетные должности по выборам дворянства. У таких, конечно, можно найти остатки лучшей мебели, какой-либо любимый столик, кресло, зеркало, кровать, не проданные иногда с публичного торга или не забранные кредиторами. Там найдете немного и серебра, заветный серебряный поднос или сахарницу и другие вещи, перешедшие, может быть, от дедов. Эти остатки лучшего быта хозяев помещаются часто в простых избах без полу. Многие того мнения, что официалисты живут расточительно и одеваются выше своего состояния.

гим помещикам, и часто можно найти эконома даже лучше образованного (классически), нежели его помещик. Следовательно, по званию, они могут позволять себе одеваться лучше других классов; но на деле даже и этого кет, потому что все, что надевает жена эконома или другого официалиста, сделано из той же самой материи, из которой и мещанки в уездах делают себе платья, с тою только разницею, что материя выбрана с лучшим вкусом и платье сделано с большим уменьем.

К чести вольных официалистов следует отнести то, что все они, как ни малы их средства, стараются помещать в публичные учебные заведения своих детей, из которых весьма многие оканчивают курсы гимназии и университета и все почти проходят курс уездных училищ. Дети официалистов, по окончании учения, большею частию поступают в военную и гражданскую службу, а некоторые остаются при занятиях своих отцов. В помещичьих имениях можно встретить самых бедных и совершенно необразованных экономов, которые, жалуясь на дороговизну нынешнего учения, все -таки на старости отказывают себе во всяких удобствах, чтобы иметь возможность отдать в училище своего сына.

Прежде, когда помещики были богаче и имения больше, должности официалистов были наследственными. После отца вступал на его место сын, а отец, прослуживший известное число лет, получал пожизненный пенсион или кусок земли и дом, что называлось gratiam, а оттого пользующиеся 405

6к> назывались грациалистами. Дети официалйстов воспитывались йли вместе с сыновьями помещика, или главноуправляющего, а получив первоначальное учение, поступали в училища часто на счет помещиков, потому что плата за содержание не превышала в год 40 руб. сер., и то больше хлебом, крупами и салом. Теперь, когда с обстоятельствами помещиков все это изме* иилось, труды по должности не всегда вознаграждаются и положение офи -циалистов сделалось жалким.

Как бы то ни было, только нельзя не обратить внимания на различие в происхождении и в свойствах между официалистами здешних имений и должностными людьми в имениях великороссийских. Некоторая степень образованности первых, дворянское звание большей их части, их опытность, практическое знание дела, близкий надзор и ответственность, которой подлежат, полезны для исправности сельского счетоводства и внутреннего порядка в имениях. Эти же должности в великороссийских губерниях обыкновенно поручаются крепостным крестьянам и дворовым людям, которые, говоря вообще, по своему состоянию, по родственным связям с крестьянами, обязанными барщиной, по неопределенности ее исправления и по недостаточному надзору за ними, часто употребляют во зло данную им власть и

участие в делах; управление их нередко бывает для крестьян обременительно и для помещика убыточно. В этом заключается одно из замечательных различий во внутреннем устройстве между имениями великороссийскими и здешними. Господские повинности крестьян приведены здесь к одной мере и одинакому способу исправления; оттого и управление помещичьими * крестьянами в западных губерниях менее затруднительно и более справедливо, нежели в великороссийских имениях, где не только повинности, но и все внутреннее устройство и хозяйство кмений и крестьян иногда совершенно зависят от произвола владельца или управляющего. Не входя в подробности управления, остановимся на одном предмете, весьма важном в благоустроенном имении, — это учет отработываемых крестьянами дней барщины и уплачиваемых денежных сборов. П о давнему порядку, в большей части здешних имений было заведено в начале года выдавать каждому хозяину книжку, в которую вписано число дней барщины и количество дней и сборов, следующих с него в продолжение года. П о мере отработки первых и уплаты последних экономическая контора, обыкновенно каждое воскресенье, отмечала то и другое в тех книжках и в своих книгах, а в конце года делала по ним общий расчет с каждым хозяином за целый год; оставшиеся за ним неисполненные дни барщины и денежные взносы переносила недоимкою в новую книжку на следующий год, а переработанные

дни или засчитывала, или расплачивалась за них. Этот простой порядок учета повинностей весьма полезен и для экономии и для крестьян. (Т . 2-й, стр. 255–265.)

Кроме официалистов, в каждом большом поместье значительное число крестьян занято постоянными должностными обязанностями и работами — десятских, овчаров, воловиков, плотников и других мастеровых и проч. Вознаграждение за их постоянную служ бу для иных состоит в том, что другой работник из того же семейства совершенно освобож дается от барщины, а иные получают от помещика жалованье. Число их в Киевской губернии не менее 50 ООО человек, т. е. около пятой части всех рабочих мужеского пола.

И х труд, — говорит «Описание», — приносит владельцу доход точно так же, как вольнонаемные работники фермеру в других государствах.

Очень замечательно это стремление здешних хозяйств к производству работ не исключительно барщиной, а в значительной мере собственными сред-406

ствами, постоянными людьми на жалованьи и продовольствии владельца.

При некотором устройстве втого способа работ можно бы и вовсе обходиться без барщины.

Таков порядок господского хозяйства, когда имением распоряжается помещик или его управитель.

Другой способ извлечения помещиками дохода с имений заключается в сдаче их в арендное содержание, или, по-местному, в поссесию. Этот обычай весьма старинный и возник, как должно полагать о всех вообще откупах, от нужды в деньгах владельцев. В старинных актах сохранилось много условий помещиков с дворянами и с евреями на уступку им во временное владение своих поместий или в уплату занятых сумм, или вместо процентов за них. Отдача имений во временное владение посторонним лицам

ставляла владельцам столько удобств, избавляя их от хлопот хозяйства, что этот обычай сделался общеупотребительным в здешнем краю, как и в прочих западных губерниях.

Арендаторами дворянских имений при польском правительстве были частию евреи, частию дворяне, искавшие в этом занятии пропитания и прибытков. Впоследствии евреи устранены от арендования имений и удержали в своих руках винную продажу и другие оброчные статьи. Н о наконец и это участие евреев в управлении имениями уничтожено. Ныне арендаторы большею частию из местных дворян, и все, что сказано выше о состоя -нии официалистов, применяется в равной мере и к поссесорам, с тем, однако, различием, что состояние последних еще менее обеспечено, и из него нередко переходят в экономические должности. И з приведенных в начале статьи чисел видно, что число имений, находившихся в 1847 году в аренде, составляет 12 процентов общего числа имений.

Арендная плата, или так называемая здесь тенута за имения, отдаваемые в поссесию, весьма различна, смотря по местности, почве, выгодам имений, числу желающих взять их в аренду и т. п. Последнее обстоятельство имеет особенное влияние на цены и ставит их в зависимость от владельцев. По размножению класса поссесоров и еще более по исключении их с 1844 года из государственных имений, конкуренция между ними на вакантные поссесии ныне весьма усилилась. Видя в содержании аренды единственный способ пропитания своих семейств, каждый поссесор без места стремится всеми силами удержать за собою открывающиеся аренды и друг перед другом набивает на них цену или соглашается на возвышенные владельцем платы, не будучи уверен, позволят ли ему средства имения выполнить принятые обязательства. Многие из поссесоров имений с почвою, не производящею пшеницы, считают хорошим годом, когда удается исправно выплатить тенуту, прожить с семейством и прокормить свой скот, хотя и без всякого денежного дохода. И для этого, разумеется, поссесор должен употребить все свое искусство и неутомимую деятельность, при строгой простоте

В Киевской губернии нет обычая отпускать крестьян на оброк, потому что помещики не доверяют исправности крестьян в уплате оброчной суммы. Н о есть один замечательный пример среднего положения между барщинным и оброчным. «Удачные результаты» сделки этой между помещиком и его крестьянами, по сл о-вам «Описания», «достойны подражания не только в здешнем крае, но и в великороссийских поместьях».

Владелец местечка Ржищева (имеющего до 2 000 душ), в ви-407

дах улучшить состояние своих крестьян, предложил им «взять самих себя на арендное содерж ание». П о его мысли, это должно было служить для крестьян приготовлением к переходу на оброчное положение. Господские поля остались в прежнем объеме и в отдельности от крестьянских. Они обрабатываются целою общиною; но крестьяне сами продают с них хлеб, из вырученных денег платят помещику определенную сумму, а остаток этой общинной выручки употребляют на общественные надобности или делят между собою. Киевские крестьяне не привыкли жить и работать без надзора, не привыкли к торговым оборотам; потому первые годы нового положения были для них затруднительны, но потом они стали получать от него значительные выгоды. Общинными работами заведуют двое старшин, которых выбирают крестьяне. Помещичьим крестьянам для хлебопашества предоставлено их владельцами п Киевской губернии почти столько же пашни, сколько обрабатывается крестьянами на помещиков, даже несколько более (на 10 десятин господской запашки приходится 11 десятин крестьянской). Н о пропорция лугов и сенокосов, оставленных им в пользование, гораздо менее: при господских хозяйствах состоит

в полтора раза более лугов и сенокосов, нежели при крестьянских. «Описание» замечает, что последнее обстоятельство должно оказывать влияние на благосостояние крестьян, имеющих недостаток в продовольствии настоящего числа своего скота и в способах к его размножению. Всего в сложности на одну душу мужеского пола предоставлено помещичьим крестьянам без малого две с половиною (2,44) десятины усадебной, пахотной, огородной и сенокосной земли, т. е. слишком в полтора раза менее, нежели пропорция, находимая нами у государственных (старостинских) крестьян, где на душу мужеского пола приходится таких земель с лишком по 4 десятины (см. «Описание», т. 2, стр. 422). И з этого общего количества земли помещичьи крестьяне имеют хлебной запашки, средним числом, без малого по две трети (0,64) десятины на душу обоего пола.

Н о пользование землею и хозяйственные выгоды разделены между крестьянами очень неравномерно, не только по различным уездам и поместьям, но и по различным семействам в одном и том же хозяйстве. Семейств, которые имели бы достаточные средства для обработки земли, в каждом поместье не так много, как семейств, не имеющих скота и потому лишенных возможности с успехом обрабатывать землю для себя.

Помещичьи крестьяне в экономическом отношении разделяются на хозяйства по разрядам соразмерно с числом рабочего скота, содержимого ими. Главных разрядов крестьянских хозяйств пять: тяглые, полутяглые, пешие, огородники и бобыли, называемые еще халупниками и кутниками. Тяглые те, которые имеют рабочей скотины не менее одной пары волов. Они подразделяются на плуговые хозяйства, которые могут выставить полный плуг с тремя парами вол ов; четверные, у которых две пары
408

волов. Полутяглыми хозяйствами называются те, которые имеют не более одного вола или одну лошадь. Пешие хозяйства те, у которых вовсе нет рабочего скота; но в некоторых имениях причисляются к этому разряду и такие крестьяне, которые хотя имеют одну какую-либо рабочую скотину, но, по бедности или малосемейности, не употребляются на тяглую барщину. Огородники не' занимаются хлебопашеством и не держат рабочего скота, но имеют оседлость, избу и небольшой участок земли под огородом и конопляник. Б обыли не имеют никакой оседлости, ни избы, ни огорода; они живут при других хозяевах, оседлых, большею частью работниками. По показаниям инвентарей помещичьих имений, число хозяев означенных разрядов в 1845 году было следующее:

Всего хозяев.....172 272

Соединяя тяглых с полутяглыми и бобылей с огородниками, мы получим, что на 100 хозяйств помещичьих крестьян Киевской г; бернии приходится только 30 имеющих ског, 55 хозяйств пеших и 15 хозяйств огороднических и бобылей.

В сложности по целой губернии хозяйств тяглых с полутяглыми менее третьей части общ его числа крестьянских семейств; остальные две трети или вовсе отчуждены от хлебопашества, или принимают в нем незначительное участие по недостатку рабочего скота.

П о всей губернии приходится, средним числом, в помещичьих имениях, на сто крестьянских хозяйств: тяглых 23, полутяглых 7, пеших 55, огородников 9, бобылей 6. Последние два разряда, или пятнадцать процентов, вовсе не занимаются хлебопашеством; пешие, составляющие пятьдесят пять процентов, по большей части сами не обработывают пахотной своей

земли, а отдают ее в наем тяглым, или у них же нанимают рабочий скот. Следовательно, одни тяглые составл яют настоящие хлебопашные хозяйства, которые одни обработывают своим скотом собственные свои земли, земли пеших крестьян и все господские запашки. (Т ом II, стр. 306.)

По расчислению жатв, собираемых помещичьими крестьянами с своих запашек, оказывается, что третья часть хозяйств (тяглые и полутяглые) получают хлеба столько, что несколько более половины его могут продать. Н о остальные две трети всего количества крестьян (пешие, бобыли и огородники) пользуются таким количеством запашки, что на целое хозяйство (круглым числом,

6 душ обоего пола) приходится менее 12 четвертей хлеба; но и это количество достается им далеко не вполне, потому что, не имея собственного скота, они не могут обработывать своих участков собственными силами, а нанимают тяглых и полутяглых пахать эти участки, отдавая им за то половину урожая. Таким образом, пешее хозяйство имеет, средним числом, не более 6 четвертей собственного хлеба, то есть только по 1 четверти на душу.

А как для годичного продовольствия потребно 27г четверти на 409

ДушУ, то и оказывается, что пешие, огородники и бобыли от собственных участков получают «е более двух пятых частей потребного для них продовольствия. Свести концы с концами стараются они, между прочим, тем, что работают у тяглых и полутяглых хозяев во время уборки хлеба.

Ближайшею причиною положения, в котором находятся две трети хозяйств между помещичьими крестьянами, надобно считать, как мы видели, недостаток скота. Н о количество скота находится в зависимости от количества лугов и сенокосов. В настоящее время на каждую десятину этих угодий, находящуюся в пользовании крестьян, они содержат, круглым числом, по 3 головы крупного скота и по 4 овцы — количество, которое уже слишком велико для десятины, так что запас собираемого крестьянами сена едва достаточен был бы для двух месяцев, если б давать скоту надлежащее количество корма.

Денежного дохода крупный скот крестьянам не дает никакого: они не имеют средств заниматься его разведением, потому, когда продают на убой вола или корову, то эти деньги должны употребить на покупку молодого вола, в замену проданного.

Овцы также почти не доставляют им дохода, потому что вся почти шерсть идет на собственные надобности хозяйства и в продажу не поступает. Сверх того, не каждое

хозяйство имеет и овцу.

Свиньи, которым не нужно пастбищ, дают некоторый доход: часть сала и поросят крестьяне продают.

С устранением евреев от шинкарства (в 1844 г.) открылся для четырех почти тысяч (3888) беднейших семейств новый источник существования: помещики назначают шинкарями бобылей и пеших. Шинкарь получает десятую часть из чистого дохода, достающегося содержателю шинка.

Так как собственные запашки и скотоводство не дают двум третям помещичьих крестьян средств для существования, то они должны искать других средств к жизни. Они, как мы говорили, нанимаются убирать поля тяглых крестьян; сверх того, занимаются разными мастерствами. Судя по пропорции знающих то или другое ремесло между поступающими в рекруты из киевских поселян, надобно полагать, что количество мастеровых в селах простирается до 20 ООО человек. «Описание», впрочем, замечает, что, «по ограниченности потребления крестьянами многих изделий ре -месленности и по низкой цене, нельзя полагать, чтобы исключительное занятие одним каким-либо мастерством давало полное пропитание». Многие крестьяне работают на местных заводах, иные

ищут заработки в других местностях, более обильных 'работою. Промышленники отлучаются из своих селений: на долгие сроки по паспортам и билетам уездных казначейств, на кратковременные по билетам своих владельцев или их управляющих; немало также уходит на заработки без дозволения, промышляя, пока местная полиция не отправит их домой. Последнего рода промышленники обыкновенно из беднейших крестьян 410

пеших, огородников и бобылей, В них редко можно встретить желание и волю скопить себе копейку честным трудом. Женщины из числа их лучше и добропорядочнее мужчин; заработанные деньги они тщательно зашивают в свое платье и часто сберегают до дома. Уходя без спроса, они знают, что по возвращении подвергнутся взысканию. Н о зто нисколько их не останавливает. К зиме многие сами возвращаются, но редко кто приносит в семейство заработанные деньги; не многие припасают себе зимнюю одежду; большая часть является оборванными, едва прикрытыми лохмотьями летнего армяка. Перезимовав кое-как дома, на весну они опять расходятся на заработки, увольняясь тем и от барщины. Такое бродяжничество, кроме северных уездов, в большом обычае между бедными крестьянами уездов южных, смежных с херсонскими степями. По дороговизне наемных работ в тамошних местах промышленники снискивают себе выгодные заработки и отлучаются на них целыми семействами, на что много жалуются помещики и арендаторы тех имений. Это бродяжничество уменьшено новым устройством повинностей здешних крестьян в 1847 году, и надобно ожидать, что самовольные их отлучки вовсе прекратятся при более уравнительном распределении крестьянских земель между хозяйствами тяглыми н пешими на основании предположенного облюсгрования помещичьих имений. В Радо -мысльском уезде многие помещики отдавали прежде своих крестьян лесопромышленникам в наем на суда, ка все лето, от льда до льда (таких судорабочих называют здесь ледовиками), и получали за каждого рабочего по 30 руб. сер. Эта операция, выгодная для помещиков, очень невыгодна для крестьянина, потому что он должен оставлять свое хозяйство на все летнее время, когда вольные заработки для него и легче и выгоднее, и взамен того, вместо половины из заплаченных за него 30 руб. сер., следующей за барщину, едва достается им третья часть. Перемена системы хозяйственного устройства крестьян и заботливые старания образованных и благонамеренных помещиков одни могут улучшить нравственный быт. (Том II, стр. 334–335.)

Те особенности, которыми положение помещичьих крестьян в Киевской и других малороссийских губерниях отличается от порядка дел, существующего в Великой России, ведут свое начало от времен, когда Малороссия была соединена с Польшею. Существеннейшие из этих различий касаются способа отправления повинностей, которыми обязаны крестьяне своему помещику.

«Повинности здешних крестьян с давнего времени были определены письменными актами или инвентарями, служившими главным основанием управления имениями и законными документами по сдаче их в арендное содержание, а в имениях коронных ими определялись права временных владельцев при пожаловании тех имений.

Мы можем составить себе довольно точное понятие о барщине и о прочих повинностях

помещичьих крестьян в XV I столетии по изданному королем Сигизмундом-Августом уставу.

П о этому уставу основанием повинности крестьян принят поземельный участок определенной и одинаковой величины в одну волоку пашни, заключавшей в себе 33 морга (около 18 десятин), кроме сенокоса. З а пользование одною волокою назначены постоянные повинности: работою, взносом хлеба натурою и в некоторых случаях деньгами. Следы этого нормального крестьянского участка волоки доныне сохранились в Киевской губернии во мно-4 11

гих уездах, в пропорции наделения плуговых крестьян пахотною землею, до 19 десятин 1 812 квадр. сажен. И самый способ исправления крестьянских повинностей работою, денежными сборами и данями натурою в сущ ности сохранялся до 1847 года в большей части имений тот же, какой определен в X V I столетии уставом о волоках. Повинности и наделение землею изменялись со временем под влиянием особых причин: повинности от распоряжений и надобности помещиков, а величина участков, сверх того, от приращения населения в имениях, от большего или меньшего благосостояния или обеднения крестьян. Таким образом, произошли: с одной стороны, большие тяглые хозяйства плуговые с обширными участками земли, от которых отбывались все их повинности, а с другой стороны, отделились хозяйства пешие, не имеющие скота. Меж ду тем, волоковые, или плуговые хозяйства, не могли всегда оставаться в одном состоянии: многие из них беднели, лишались скота и приходили в невозможность исправлять повинности, сопряженные с владением их участками. Таких хозяев помещики заменяли другими, если было кем заменить вполне, но чаще по необходимости должны были разделять коренные участки волоки на меньшие, чтобы соразмерить их обработку с силами хозяйств, т. е. с числом рабочего у них скота. Отсюда произошли участки разных величин, соответственные состоянию тяглых хозяйств по числу скота четверных, тройных, паровых и поединков.

Вновь отделяющиеся из тяглых семейств всех разрядов хозяйства находили все земли, отведенные в имениях под льны, т. е. для крестьян, занятыми тяглами. Помещики нашли, между тем, средства извлекать доход из вакантных своих земель без кре-стья н – отдачею в наем под пастбища гуртов, собственных стад и т. п., и потому на прибылые хозяйства, не имеющие возможности, по недостатку сенокосов, обзавестись рабочим скотом и исполнять тяглую барщину, отводилась самая малая пропорция земли, и эта пропорция в будущем должна была постоянно уменьшаться по мере прирашения населения в классе крестьян».

(Т ом И, стр. 335– 338).~

Величину повинностей, которыми были обложены крестьяне под польским владычеством, мы знаем из производившихся тогда люстраций. В различных местностях Киевской губернии сумма повинностей, которыми было обязано плуговое хозяйство (имевшее 6 вол ов), оценивалась в 70– 89 злотых; пешее хозяйство (не имевшее вол ов) отбывало повинностей на сумму 18-Л24 злотых. «Описание» полагает, что эти повинности должно назвать довольно умеренными. После перехода Киевской области под русское владычество прежняя система во многом изменялась, отчасти по изменившимся нравам и понятиям помещиков, отчасти от перехода многих больших имений в собственность владельцев русского происхождения, отчасти от других причин, так что, на-412

конец, около того времени, когда были введены инвентаря, почти у каждого значительного владельца был свой особенный порядок распределения повинностей по крестьянам. Все эти различия могут быть, однако же, подведены под четыре главные системы:

I. Барщина, по русскому положению, от каждой рабочей души.

II. Барщина от семейств или дворов (старый польский обычай).

III. Барщина от семейств по расчету рабочих душ.

IV. Барщина сложная: летом от рабочих душ, зимою от семейств. – Две первые системы были преобладающими, первая у русских, вторая у польских помещиков.

На основании подробных расчетов, составленных по хозяй-

ственным книгам 14 больших поместий, «Описание» приходит к следующей оценке работ и повинностей, отправлявшихся крестьянами по каждой из этих четырех систем за каждую десятину земли, предоставленной помещиком в пользование крестьянину:
Хозя й ство С 4 С 2 Б ар!дика

с б вол а м и вол а ми вэл а м н П еш ее

Г. От рабочей души 6 р. 30 к. 8 р. 19 к. 10 р. 79 к. 13 р. 10 к.

II. От двора . . . . 2 р. 33 к. 2 Р. 94 к. 4 р. 31 к. 5 р. 5 к.

II. От даора по расчету душ . . . . — 6 р. 28 к. 12 р. 29 к. 15 р. 9 к.

V. Сложная, от дворов и душ . . . 3 р. 6 8 к. 5 р. 22 к. 6 р. 91 к. 8 р. 36 к.

Эта оценка выведена из расчета рабочих дней, отправляемых по каждой из четырех систем за десятину земли. Так как две первые были наиболее распространены, то и сравнение их между собою особенно интересно.

Сверх постоянной барщины, были еще многие добавочные повинности: налр., употребление женщин на работы в садах и огородах, на обделку льна и пеньки, на пряжу и проч., мужчин— на сте-режение господских строений и полей, на ремесленные и заводские работы и проч.; существовали также различные сборы натурою.

На основании представленных выводов, «Описание» определяет число летних и зимних, тяглых и пеших мужских и женских дней, отбывавшихся по всей губернии; а на основании известных экономических расчетов о числе дней, требуемых обработкою десятины озимого и ярового хлебов, сенокоса и проч., оно вычисляет, какое количество этих дней действительно требовалось на полную обработку всех господских полей. Интересно сравнить эти цифры:

Ч и сл о отбы и а

Ч исл о дн ей , нуж ны х для п ол н ой обр а ботк и ем ы х дней госп од ск и х полей и сен ок осов

Мужских тяглых..... 10 920 775 5 946 461

Мужских пеших 19 838 203 5 730 230

Ж ен ск и х.....30 659 022 5 900 008

Всего . • . . 61 418 ООО 117 576 699]

413

Кроме того, огороднических дней отбывалось не менее 3 370 ООО.

И з сравнения этих циф.р мы видим, что на полную уборку всех господских полей и сенокосов достаточно было не с большим четвертой части всех отбываемых дней, именно половины тяглых и менее третьей части мужских пеших дней и одной пятой части женских дней.

По ценам, какие имеет в каждом уезде Киевской губернии тяглый мужской, пеший мужской и женский день, перелагая количество этих [61 418 000] рабочих дней на денежную их ценность, «Описание» находит, что вся ценность исчисленных барщинных работ простирается до 7 232 350 руб. сер., и что помещичьи крестьяне за каждую предоставляемую им десятину земли отправляли работ в пользу помещика на 5 руб. 89 коп. сер.

Н о сумма доходов, получаемых помещиками, исчислена «Описанием» как мы видели, не в 7 232 350 руб., а только в 7 123 380-разница слишком на 100 000; и не должно удивляться несоразмерности этих двух цифр: напротив, она окажется гораздо значительнее 100 000 руб., когда мы сообразим, что в сумму помещичьих доходов входят многие статьи, ценность которых произ-

водится вовсе не барщиною или только отчасти барщиною. Строго говоря, нет даже

ни одной отрасли дохода помещиков Киевской губернии, которая была бы производима исключительно барщиною. Д аж е земледельческие работы производятся отчасти усовершенствованными (господскими) орудиями, отчасти (господскими) машинами, отчасти господским (ременентным) скотом. Овцеводство, винокурение и заводы требуют, кроме барщины, капиталов и вольнонаемной работы. В числе разных мелких сборов М'Ногие имеют характер добровольных коммерческих договоров, а не обязательной работы. Пропинация и продажа леса — чисто коммерческое дело, доходы от которого доставляются вовсе не обязательною повинностью. П опробуем сделать хотя сколько-нибудь приблизительное вычисление этой части дохода, доставляемого помещикам необязательною работою крепостных крестьян.

Хлебопаш ество, сенокосы и свекловица (полагая, что одна двадцатая часть всех работ исполняется машинами и ременентным скотом) . . 200 00Э руб.

Разные мелкие сборы (полагая, что одна пятая часть дохода имеет коммерческий характер) . 100 003 » Тонкорунное овцеводство, винокурение, фабрики и заводы (полагая пол овику всего дохода процентом на капитал и вольнонаемную работу) 650 000 »

Проттинация и лесная торговл я (весь чистый

И т о г о.....

1257000 i 2 207 000 руб.

414

Эта цифра, по всей вероятности, ниже действительной величины; но даже принимая ее, мы увидим, что обязательная работа, обходясь крестьянам в 7 230 ООО руб., доставляет помещикам не более 4 915 ООО руб. Разница — 2 315 ООО, — около третьей части всей ценности употребленного труда и около половины полученного дохода, — составляет чистую растрату труда, которая легко объясняется приведенными у нас выше замечаниями «Описания» относительно экономического употребления сил в хозяйстве при обязательной работе.

Введением (с 1848 года) «Положения об инвентарях» изложенные нами отношения отчасти изменились:

Весь вышеизложенный порядок отправления крестьянами господских повинностей и самый размер их основывались, по большей части, на старинных обычаях и на изменениях, введенных самими помещиками в своих имениях. Мы показали недостатки старой системы и необходимость ее изменения. Вопрос об этом предмете возник в 1843 году при рассмотрении в высших правительственных местах проекта: «Положение об инвентарях для помещичьих имений в западных губерниях». Сущность его заключается в следующем: «наделять крестьян землею, не ограничивая участков по числу рабочего скота, потому что бедные скотом крестьяне, хотя по местному обыкновению будут обязаны отправлять пешие рабочие дни, но, не получая участка, который обеспечивал бы их пропитание, они будут терпеть каждогодно нужду в самом пропитании и, следственно, никогда не придут в состояние приобрести рабочего скота и улучшить свое положение и хозяйство». Повинности предполагалось «налагать на крестьян не по числу наличных душ и рабочих сил в их семействах, но по количеству и качеству поземельных участков, выделяемых крестьянам, и других выгод, предоставленных им в поместьях для устройства их хозяйства и благосостояния».

На этих главных основаниях предположено было составить общий инвентарь, применяемый ко всем помещичьим имениям. Д ля ближайших соображений всего относящегося к вопросу, был учрежден здесь, как и в других западных губерниях, особый комитет, под названием Инвентарного, кото-

ствовавшие в помещичьих имениях инвентари и представить высшему начальству свои соображения, собранные сведения и собственные предположения для составления по ним полных и положительных правил о порядке введения инвентарей, их состава и средствах исполнения. Инвентарный комитет открыл свои действия в начале 1845 года и в продолжение двух лет собрал, через уездных предводителей дворянства, рассмотрел и представил статистические описания и инвентари всех помещичьих имений Киевской губернии. Число рассмотренных им инвентарей простиралось до 2 210.

По обсуждении высшим местным начальством этих данных составлены были подробные правила для управления здешними помещичьими имениями, которыми преобразован прежний порядок исправления крестьянами господских повинностей, установлено единообразие в их размере и самые повинности значительно сокращены, чем много улучшалось состояние крестьян без ущерба хозяйству помещиков. Эти правила с 1848 года введены в действие во всех здешних имениях. (Том II, стр. 379– 380.)

Н ет сомнения в том, что эта правительственная мера начала уже приносить теперь полезные плоды.

Глава, излагающая состояние помещичьих имений, занимает две трети всего «Описания сельского хозяйства» в издании г. Фундуклея. Остальные главы этого тома, говорящие о госу-415

дарственных нмуществах, о землях, состоящ их под военными поселениями, и о поземельной собственности, принадлежащей разночинцам, гораздо менее обширны и представляют гораздо менее изысканий, потому и мы не будем долго на них останавливаться, спеша перейти к обозрению фабричной и торговой деятельности Киевской губернии.

Государственные имущества в Киевской губернии по своему происхождению разделяются на три главные разряда:

1) Старостинские имения, которые при польском владении составляли коронную собственность, отдававшуюся во временное пользование старостам. Права старост над имениями этими были очень ограничены; но, при ослаблении королевской власти, старосты стали распоряжаться ими как помещики. П о присоединении Киевской губернии к России, поместья эти отдавались также во временное владение заслуженным людям, а в 1839 году переданы в ведомство Государственных имуществ.

2) Имения, поступившие в казну от православных монастырей и римско-католического духовенства.

3) Конфискованные имения.

К 1846 году в заведывании Министерства государственных имуществ состоял о в Киевской губернии 88,605 душ мужеского пола.

В имениях военных поселений в 1845 году считалось 18 995 душ мужеского пола.

Очень замечательна в Киевской губернии колония меннони-стов (в Б ердичевском уезде), как пример благосостояния, возможного для поселян, при тех привычках порядка и деятельности, которые приобретены благодаря образованию, нравственности и покровительству законов. Д овол ьно указать один факт, чтобы оценить выгоды, доставляемые этими условиями. З емл ю свою меннонисты обработывают теми же орудиями, по той же системе, как и другие киевские поселяне, но получают с нее в два с половиною раза более дохода, нежели получается обыкновенно.

П о сведениям, собранным в «Обозрении» за 1842– 1847 годы, из всех отраслей заводской и фабричной промышленности развивалось почти только одно свеклосахарное производство, и тол ь-ко оно имело важность в экономическом быте губернии. Все остальные производства были незначительны. З а то возрастание

Ч и сл о эа п од оз С ум м а п р си а ю л сгв а В 1842 году . . . 15 85 260 руб.

» 1843 » і 20 154460 »

» 1844 » •____40

1 286 670 »

» 1845 »..... 41 2200100 »

* 1846 ».. . 47

2 452100 »

» 1847 »..................56

3 584 600 »

416

Все остальные фабрики и заводы в 1847 году произвели товаров менее, нежели на 1 400 ООО руб. сер., так что в общем итоге – 4 953 655 руб. – свеклосахарным заводам принадлежало почти три четверти всей ценности. И з других промышленных заведений значительнее прочих было в 1847 году производство суконных фабрик (373 300 руб.) которые, впрочем, постепенно упадали (в 1842 году производство их простиралось до 668 500 р уб.), и кожевенных заводов (465 300), которые довольно быстро развивались (в 1842 году производство их было 302 620 руб.).

И з всей суммы выделки фабрик и заводов в 1845 году –

3 500 000 руб. – на заведениях, принадлежащих помещикам, сумма выделки простиралась до 3 000 000 руб. Таким образом, в руках помещиков сосредоточивалось шесть седьмых частей всей фабрично-заводской деятельности.

В счет, представленный выше, не внесены винокуренные заводы, которые произвели в 1847 году около 3 200 000 ведер вина,

пивоварни (окол о 375 000 ведер пива) и мельницы, которые в течение года смололи более 2 000 000 четвертей хлеба. Свеклосахарная промышленность введена была в Киевскую губернию графом Б обринским, устроившим в местечке Смеле завод, который значительностью приносимых им выгод возбудил всеобщ ую охоту заняться этим делом. Исследование о свеклосахарной промышленности сделалось одним из самых полных и точных отделов «Обозрения », благодаря просвещенной готовности заводчиков сообщ ать все нужные сведения и отчеты о своем производстве. Специалисты с бол ьш ою пользою будут изучать это изыскание.

Кроме огромных выгод, получаемых заводчиками, свеклосахарная промышленность доставляет пользу всему населению местностей, в которых водворилась. Та к, между прочим, за одну обработку свекловичных плантаций киевские поселяне в 1846 году получили по вольному найму до 88 000 рублей. Н ет надобности говорить, как важен этот источник денежного дохода для сельского населения, которое до того времени почти не знало никаких других отношений по работе, кроме обязательных повинностей. Приведем факт, свидетельствующий о значительности влияния этого нового положения на благосостояние крестьян.

В Смелянском имении перед открытием завода из 1 031 хозяйства было 167 тяглых, то есть из 100 хозяйств только 16. Через шесть лет по учреждении завода число хозяйств возросл о до 1 117, и в том числе тяглых было 215, то есть на 100 хозяйств приходилось уже 19 тяглых. В тот ж е период времени число рабочего скота у крестьян возросло слишком вдвое (в 1839 году было 890, <i в 1846– 1 827 гол ов).

Н о вот другой факт, еще более замечательный, относящийся к тому же Смелянскому заводу. Н едостаток в работниках, которые находились бы при заводе постоянно, заставил гр. Б обрин-27 Н. Г. Ч ернышевский, т. ИГ 417

Ского перевезти на этот завод из Харьковской губернии до 1 ООО душ принадлежащих ему крестьян и поставить их в положение фабричных, состоящ их на жалованьи. Кроме провианта и жилища, каждый работник получает жалованье по 6 руб. сер. в месяц.

Круглым числом, работами на фабриках и заводах Киевской губернии заняты до 21 ООО работников. Размышления, которыми сопровож даются в «Обозрении Киевской губернии» эти цифры, любопытны по своей справедливости. Сведения о числе фабричных, говорит «Обозрение», очень важны для разрешения многих важных экономических вопросов и, между прочим, вопроса о высоком или низком тарифе:

По нашему мнению, применяя его теоретически к нашему отечеству, надобно более иметь в виду пользу класса промышленников, интересованных в сохранении и процветании отечественных фабрик, нежели выгоды потребителей фабричных произведений, составляющих самый малочисленный, а вместе и достаточный класс

нашего населения. И з приведенного исчисления видим, что для фабричного производства одной губернии нужно до 21 ООО рабочих. Приобретаемая каждым из них плата имеет прямое влияние на благосостояние как самих работающих, так и семейств их; следовательно, полагая, средним числом, до 5 душ семейства на каждого работающего, можно заключить, что до 100 ООО душ интересовано в фабричном производстве одной губернии. Предположив теперь, что, вследствие свободного привоза заграничных фабричных изделий дешевых, прочных и красивых, подобные же изделия здешних фабрик будут вытеснены из торговли, вместе с тем закроются и самые фабрики. Тогда, конечно, многие из питающихся теперь от этих фабрик лишились бы куска хлеба, ничего не выиграв от свободного привоза, ибо простой народ почти вовсе не потребляет фабричных изделий; вся выгода была бы на стороне достаточных классов. Н о это могло бы случиться только тогда, когда все руки, употребляемые на фабриках, работали бы по вольному найму и без раздела заработков: в настоящем же положении фабричной промышленности почти три четверти рабочих из крепостных крестьян не интересованы в сохранении помещичьих фабрик, на которых работа по большей части невыгодна и тягостна. Подрыв и уничтожение этих фабрик было бы, может быть, благом для работающих по неволе. Так сложны и отличны от других народов наши экономические интересы в настоящее время. (Том 3, стр. 295– 296.)

Н е менее приведенных нами размышлений интересны и справедливы замечания, представляемые «Обозрением» относительно чрезвычайной важности так называемых мелких промышленностей, которыми занимаются поселяне в домашнем быту, производя изделия того же рода, какие делаются на фабриках, напр., полотна, сукна, металлические вещи и проч. (Т ом 3, стр. 234– 236.)

В 'этих «ручных» работах «Обозрение» справедливо находит зародыши – правда, в настоящее время еще очень слабые, – возможности как благосостояния для занимающихся ими, так и доставления фабричных изделий многочисленнейшему классу потребителей, которым недоступны фабричные товары. Потому нельзя не разделять желания, чтобы механика обратила внимание на улучшение орудий, которыми производятся эти домашние рабо-418

ты: нет сомнения, что орудия эти можно усовершенствовать так, чтоб, оставаясь принадлежностью домашнего хозяйства поселянина, они давали изделия довольно высокафгдоброты; тогда масса населения получила бы удобства ж изни, о которых не имеет и понятия в настоящее время. Вообще, все исследование о мелкой промышленности принадлежит к числу интереснейших в «О бозре-

нии».

Получить точные сведения о торговых оборотах в Киевской губернии было очень затруднительно, потому что только немногие значительнейшие купцы, имеющие правильную бухгалтерию, могли и хотели доставить статистические известия о своей торговле. Другие до сих пор считают необходимостью сохранять молчание об этом, что, конечно, и нужно для них, потому что, собственно говоря, они ведут свои дела без капитала, единственно при помощи оборотливости. Д о некоторой степени, недостаток сведений, происходивший от этой причины, вознаграждался отчетами фабрик и заводов, по которым видно, каких товаров и на какую сумму было куплено и продано.

В конце X V II I века судоходство по Днепру было незначительно. Главный продукт Киевской губернии, земледельческие произведения, не находил себе почти никакого сбыта. З атрудне-ниями для судоходства по Днепру служат, кроме известных порогов, многочисленные мели. В количестве судов, разгрузившихся и нагрузившихся на Киевской и Каневской пристанях, в 1840 –

1844 годах не было заметно приращения сравнительно с предыдущими годами. Т о же надобно сказать о массе привезенных и вывезенных товаров. Н о с 1844 года судоходство стало заметно расширяться. Тем не менее, сухопутная торговля в 1846 году все еще была гораздо деятельнее речной. Например, в 1847 году торговые обороты были:

В од ою п о Д н еп р у С ухи м п утем Привезено товаров на сум

му д о.....420 ООО р. 2 260 ООО р.

О т п у щ е н о.....840 000 р. 2 80Э000 р.

Впрочем, надобно заметить, что в 1847 году отпуск достигал редкой значительности по слишком высоким ценам на хлеб в Одессе.

Внутренняя торговля в границах самой губернии была, конечно, гораздо значительнее.

Почти вся она находится, как известно, в руках евреев. Х о-рошо или худо такое положение дела? «Полагаем, говори*? «Обозрение», — что этого нельзя назвать решительным злом в настоящее время, когда правительство не только не имеет надобности в содействии евреев по финансовым делам, но даже предприняло ряд полезных мер к сближению их с остальною частию честного населения, к уничтожению между ними тунеядства, не-27* 419

вежества и фанатизма, этих главных причин обмана и недобросовестности, которыми отличались прежде торговые обороты всех евреев, а ныне — только мелких промышленников этого племени. При успешности принятых мер и других, которые укажет дальнейший опыт, надобно ожидать, что в данное время образуется из евреев торгующ ий класс, весьма полезный для края и достойный всякого уважения по своей предприимчивости, верности коммерческого взгляда, расчетливости и изобретательности в средствах развития торговл и».

Улучшение путей сообщ ения будет главным средством для оживления торговли. В настоящее время даже хлеб из Киева в Одессу перевозится на подводах. Д оставка обходится почти по 2 руб. сер. с каждой четверти. Д о какой степени развитие торговли зависит от путей сообщения и в каком положении находятся они в Киевской губернии, достаточно обнаруживает уже один тот факт, что хотя количество ярмарок по губернии во время зимы менее, нежели в какое-либо другое время года, но привоз товаров на зимние ярмарки составляет половину всей массы ярмарочных оборотов.

Многочисленные, очень подробные таблицы привоза, отпуска,

потребления и продажной цены разного рода товаров и дельные, основанные на глубоком изучении предмета замечания, которыми со п ровож да ются эти таблицы, дают главе «о тор говл е » та ку ю же чрезвычайную важ ность для ученого изыскателя, какую имеют почти все другие отделы «Обозрения ». Вообще, издание г. Ф унду-клея будет настольною книгою каждого занимающегося исследованием экономического быта нашей родины. Д ля чести русской ученой литературы надобно желать, чтобы западные экономисты были ознакомлены с этим капитальным трудом, если не посредством полного перевода, чего трудно надеяться при массивности книги, то, по крайней мере, посредством обширного извлечения; а для нашей собственной пользы должно желать, чтобы не замедлилось издание четвертой части этого поучительного трактата.

Д ЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО
Сочинение графа Л. Н. Толстого. СПБ. 1856

ВОЕННЫ ЕРАССКАЗЫ

Графа Л. Н. Т о л с т о г о . СПБ. 1856 Ч

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкий анализ душевных движений, отчетливость и поэзия в картинах природы, изящная простота — отличительные черты таланта графа Тол стого». Такой отзыв вы услышите от каждого, кто только следит за литературою. Критика повторяла эту характеристику, внушенную общим голосом, и, повторяя ее, была совершенно верна правде дела.

Н о неужели ограничиться этим суждением, которое, правда, заметило в таланте графа Тол стого черты, действительно ему принадлежащие, но еще не показало тех особенных оттенков, какими отличаются эти качества в произведениях автора «Д етства», «Отрочества», «З аписок маркера», «Метели», «Д вух гусаров» и «Военных рассказов»? 2 Наблюдательность, тонкость психологического анализа, поэзия в картинах природы, простота и изящество, — все это вы найдете и у Пушкина и у Лермонтова, и у г. Тургенева, — определять талант каждого из этих писателей только этими эпитетами было бы справедливо, но вовсе недостаточно для того, чтобы отличить их друг от друга; и повторить то же самое о графе Толстом еще не значит уловить отличительную физиономию его таланта, не значит показать, что

этот прекрасный талант отличается от многих других столь же прекрасных талантов. Надобно было охарактеризовать его точнее.

Нельзя сказать, чтобы попытки сделать это были очень удачны. Причина неудовлетворительности их отчасти заключается в том, что талант графа Тол стого быстро развивается, и почти каждое новое произведение обнаруживает в нем новые черты. Конечно, все, что сказал бы кто-нибудь о Гоголе после «Миргорода», оказалось бы недостаточным после «Ревизора», и суждения, высказавшиеся о г. Тургеневе, как авторе «Андрея Колосова» и «Хоря и Калиныча», «адобно было во многом изменять и дополнять, когда явились его «З аписки охотника», как и эти суждения оказались недостаточными, когда он написал новые повести, отличающиеся новыми достоинствами. Н о если прежняя оценка 421

развивающегося таланта непременно оказывается недостаточною при каждом новом шаге его вперед, то, по крайней мере, для той минуты, как является, она должна быть верна и основательна.

Мы уверены, что не дальше, как после появления «Ю ности», то, что мы скажем теперь, будет уже нуждаться в значительных пополнениях: талант графа Тол стого обнаружит перед нами новые качества, как обнаружил он севастопольскими рассказами стороны, которым не было случая обнаружиться в «Д етстве» и «О т-рочестве», как потом в «З аписках маркера» и «Д вух гусарах» он снова сделал шаг вперед. Н о талант этот, во всяком случае, уже довол ьно бл истателен для то го, чтобы каждый период его развития заслуживал быть отмечен с величайшею внимательностью. Посмотрим же, какие особенные черты он уже имел случай обнаружить в произведениях, которые известны читателям нашего журнала.

Наблюдательность у иных талантов имеет в себе нечто холодное, бесстрастное. У нас замечательнейшим представителем этой особенности был Пушкин. Трудно найти в русской литературе более точную и живую картину, как описание быта и привычек большого барина старых времен в начале его повести «Дубровский».

Н о трудно решить, как думает об изображаемых им чертах сам Пушкин. Кажется, он готов был бы отвечать на этот вопрос: «можно думать различно; мне какое дело, симпатию или антипатию возбудит в вас этот быт? я и сам не могу решить, удивления или негодования он заслуживает». Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятливость. У новых наших писателей такого равнодушия вы не найдете; их чувства более возбуждены, их ум более точен в своих суждениях. Не с равною охотою наполняют они свою фантазию всеми образами, какие только встречаются на их пути; их глаз с особенным вниманием всматривается в черты, которые принадлежат сфере жизни, наиболее их занимающей. Так, например, г. Тургенева особенно привлекают явления, положительным или отрицательным образом относящиеся к тому, что называется поэзиею жизни, и к вопросу о гуманности. Внимание графа Тол стого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного по

ложения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и

силе сочетаний, представляемых Соображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексиею о настоящем. Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого — влияния общественных- отношений и житейских стол-422

кновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвертого — анализ страстей; графа Тол стого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определительным термином.

Из других замечательнейших наших поэтов более развита эта сторона психологического анализа у Лермонтова; но и у него она все-таки играет слишком второстепенную роль, обнаруживается редко, да и то почти в совершенном подчинении анализу чувства.

И з тех страниц, где она выступает заметнее, едва ли не самая замечательная — памятные всем размышления Печорина о своих отношениях к княжне Мери, когда он

замечает, что она совершенно увлеклась им, бросив кокетничанье с Грушницким для серьезной страсти.

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обол ьстить я не хочу и на которой никогда не женюсь и т. д. — И з чего же я хл опочу? И з зависти к Грушницкому? Бедняжка! он вовсе ее не заслуживает. И ли это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить:

— Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я

обедаю, ужинаю н сплю преспокойно, и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез... и т. д.

Тут яснее, нежели где-нибудь у Лермонтова, уловлен психический процесс возникновения мыслей, — и, однако ж, это все -таки не имеет ни малейшего сходства с теми изображениями хода чувств и мыслей в голове человека, которые так любимы графом Толстым. Это вовсе не то, что полумечтательные, полу рефлективные сцепления понятий и чувств, которые растут, движутся, изменяются перед нашими глазами, когда мы читаем повесть графа Толстого, — это не имеет ни малейшего сходства с его изображе-яиями картин и сцен, ожиданий и опасений, проносящихся в мысли его действующих лиц; размышления Печорина наблюдены вовсе не с той точки зрения, как различные минуты душевной жизни лиц, выводимых графом Толстым, — хотя бы, например, эго изображение того, что переживает человек в минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потом в минуту последнего сотрясения нерв от этого удара:

Тол ько что Праскухин, идя рядом с Михайловым, разошелся с Калугиным и, подходя к менее опасному месту, начинал уже оживать немного, как он увидел молнию, ярко блеснувшую сзади себя, услыхал крик часового: «маркела!» и слова одного из солдат, шедших сзади: «как раз на бастион прилетит!»

Михайлов оглянулся. Светлая точка бомбы, казалось, остановилась на своем зените — в том положении, когда решительно нельзя определить ее направление. Н о это продолжалось только мгновение: бомба быстрее и быстрее, ближе и ближе, так что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистывание, опускалась прямо в средину батальона.

— Л ож ись! — крикнул чей-то голос.

Михайлов и Праскухин прилегли к зеиЛе. Праскухин, зажмурясь, слышал только, как бомба где -то очень бл изко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часом — бомбу не рвало. Праскухин испугался: не напрасно ли он струсил ? мож ет быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипит тут же. Он открыл глаза и с удовол ь-ствием увидел, что Михайлов, окол о самых ног его, недвижимо лежал на земле. Н о тут же глаза его на мгновение встретились с светящейся трубкой в аршине от него крутившейся бомбы.

У ж а с— холодный, исключающий все другие мысли и чувства уж а с,— объял все сущ ество его. Он закрыл лицо руками.

Прошла еще секунда, — секунда, в которую целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний промелькнул в его воображении.

«К ого убьет — меня или Михайлова? или обоих вместе? А коли меня, то куда? в голову, так все кончено; а если в ногу, то отреж ут, и я попрошу, чтобы непременно с хлороформом, — и я могу еще жив остаться. А , может быть, одного Михайлова убьет: тогда я буду рассказывать как мы рядом шли, его убил о и меня кровью забрызгало. Н ет, ко мне ближе... ме ня!»

Т ут он вспомнил про двенадцать рублей, которые был должен Михайлову, вспомнил еще про один долг в Петербурге, который давно надо было заплатить; цыганский мотив, который он пел вечером, пришел ему в голову. Женщина, которую он л юбил , явилась ему в воображении в чепце с лиловыми лентами, человек, которым он был оскорблен пять лет тому назад и которому не отплатил за оскорбление, вспомнился ему, хотя вместе, нераздельно с этими и тысячами других воспоминаний чувство настоящего — ожидание смерти — ни на мгновение не покидало его. «Впрочем, может

быть, не лопнет», подумал он и с отчаянной решимостью хотел открыть глаза. Н о в это мгновение, еще сквозь закрытые веки, глаза его поразил красный огонь, с страшным треском что-то толкнуло его в средину груди; он побежал куда-то, спотыкнулся на подвернувшуюся под ноги саблю и упал на бок.

«Слава богу! я только контуж ен», было его первою мыслью, и он хотел руками дотронуться до груди, но руки его казались привязанными, и какие-то тиски сдавили голову. В глазах его мелькали солдаты, и он бессознательно считал их: «один, два, три сол дата; а вот, в подвернутой шинели, оф ицер», думал он. П отом молния блеснула в его глазах, и он думал, из чего это выстрелили: из мортиры или из пушки? Д ол ж но быть, из пушки. А вот еще выстрелили; а вот еще солдаты — пять, шесть, семь солдат, идут все мимо. Е му вдруг стало страш но, что они раздавят его. Он хотел крикнуть, что он контужен, но рот был так сух, что язык прилип к нёбу, и ужасная ж ажда мучила его. Он чувствовал, как мокро было у него около груди: это ощущение мокроты напоминало ему о воде, и ему хотелось бы даже выпить то, чем это было мокро. «Верно, я в кровь разбился, как упал», подумал он, и все более и более начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавят его, он собрал все силы и хотел закричать; «возьмите меня1» но вместо этого застонал так ужасно, что ему страшно стало слушать себя. П отом какие -то красные огни запрыгали у него в глазах, — а ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни все прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уж е больше не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте оскол ком в середину груди 3.

Это изображение внутреннего монолога надобно, без преувеличения, назвать удивительным. Ни у кого другого из наших писателей не найдете вы психических сцен, подмеченных с этой точки зрения. И, по нашему мнению, та сторона таланта графа Тол стого, которая дает ему возможность уловлять эти психиче-424

ские монологи, составляет в его таланте особенную, только ему свойственную силу. Мы не то хотим сказать, что граф Тол стой непременно и всегда будет давать нам такие картины: это совершенно зависит от положений, им изображаемых, и, наконец, просто от воли его. Однажды написав «Метель», которая вся состоит из ряда подобных внутренних сцен, он в другой раз написал «З аписки маркера», в которых нет ни одной такой сцены, потому что их не требовалось по идее рассказа. Выражаясь фигуральным языком, он умеет играть не одной этой струной, может играть или не играть на ней, но самая способность играть на ней придает уже его таланту особенность, которая видна во всем постоянно. Так, певец, обладающий в своем диапазоне необыкновенно высокими нотами, может не брать их, если то не требуется его партией, — и все-таки, какую бы ноту он ни брал, хотя бы такую, которая равно доступна всем голосам, каждая его нота будет иметь совершенно особенную звучность, зависящую собственно от способности его брать высокую ноту, и в каждой ноте его будет обнаруживаться для знатока весь размер его диапазона.

Особенная черта в таланте графа Тол стого, о которой мы говорили, так оригинальна, что нужно с большим вниманием всматриваться в нее, и тогда только мы поймем всю ее важность для художественного достоинства его произведений. Психологический анализ есть едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту. Н о обыкновенно он имеет, если так можно выразиться, описательный характер, — берет определенное, неподвижное чувство и разлагает его на составные части, — дает нам, если так можно выразиться, анатомическую таблицу. В произведениях великих поэтов мы, кроме этой стороны его, замечаем и другое направление, проявление которого действует на читателя или зрителя чрезвычайно поразительно: это — уловление драматических переходов одного чувства в другое, одной мысли в другую. Н о обыкновенно нам представляются только два крайние звена этой цепи, только начало и конец психического процесса, — это потому, что большинство поэтов, имеющих драматический элемент в своем таланте, заботятся преимущественно о результатах, проявлениях внутренней жизни, о столкновениях между людьми, о действиях, а не о таинственном процессе, посредством которого вырабатывается мысль или чувство; даже в монологах, которые повидимому чаще всего должны бы служить выражением этого процесса, почти всегда выражается борьба чувств, и шум этой борьбы отвлекает наше внимание от законов и переходов, по которым совершаются ассоциации представлений, — мы заняты их контрастом, а не формами их возникновения, — почти всегда монологи, если содержат не простое анатомирование неподвижного чувства, только внешностью отличаются от диалогов: в знаменитых своих 425

рефлексиях Гамлет как бы раздвоается и спорит сам с собою; его монологи в сущности принадлежат к тому же роду сцен, как и диалоги Фауста с Мефистофелем, или споры маркиза Позы с Дон-Карлосом. Особенность таланта графа Тол стого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс, — и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и неистощимым разнообразием, мастерски изображаются графом Толстым. Есть живописцы, которые знамениты искусством уловлять мерцающее отражение луча на быстро катящихся волнах, трепетание света на шелестящих листьях, переливы его на изменчивых очертаниях облаков: о них по преимуществу говорят, что они умеют уловлять жизнь природы. Нечто подобное делает граф Толстой относительно таинственнейших движений психической жизни. В этом состоит,

как нам кажется, совершенно оригинальная черта его таланта.

И з всех замечательных русских писателей он один мастер на это дело.

Конечно, эта способность должна быть врождена от природы, как и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этом слишком общем объяснении: только самостоятельною [нравственною] деятельностью развивается талант, и в той деятельности, о чрезвычайной энергии которой свидетельствует замеченная нами особенность произведений графа Тол -стого, надобно видеть основание силы, приобретенной его талантом. Мы говорим о самоуглублении, о стремлении к неутомимому наблюдению над самим собою. З аконы человеческого действия, игру страстей, сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений мы можем изучать, внимательно наблюдая других людей; но все знание, приобретаемое этим путем, не будет иметь ни глубины, ни точности, если мы не изучим сокровеннейших законов психической жизни, игра которых открыта перед нами только в нашем [собственном] самосознании. Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей. Та особенность таланта графа Тол стого, о которой говорили мы выше, доказывает, что он чрезвычайно внимательно изучал тайны жизни человеческого духа в самом себе; это знание драгоценно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутренних движений человеческой мысли, на которые мы обратили внимание читателя, но еще, быть может, больше потому, что дало ему прочную основу для изучения человеческой жизни вообще, для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений. Мы не ошибемся, сказав, что самонаблюдение должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, приучить его смотреть

Драгоценно в таланте это качество, едва ли не самое прочное 426

ив всех Прав на слабу истинно замечательного писателя. Знание человеческого сердца, способность раскрывать перед нами его тайны — ведь это первое слово в характеристике каждого из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами. И, чтобы говорить о графе Тол стом, глубокое изучение человеческого сердца будет неизменно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написал он и в каком бы духе ни написал. Вероятно, он напишет много такого, что будет поражать каждого читателя другими, более эффектными качествами, — глубиною идеи, интересом концепций, сильными очертаниями характеров, яркими картинами быта — и в тех произведениях его, которые уже известны публике, этими достоинствами постоянно возвышался интерес, — но для истинного знатока всегда будет видно — как очевидно и теперь — что знание человеческого сердца — основная сила его таланта. Писатель может увлекать сторонами более блистательными; но истинно силен и прочен его талант только тогда, когда обладает этим качеством.

Есть в таланте г. Тол стого еще другая сила, сообщающая его произведениям совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замечательной свежестью — чистота нравственного чувства. Мы не проповедники пуританизма; напротив, мы опасаемся его: самый чистый пуританизм вреден уже тем, что делает сердце суровым, жестким; самый искренний и правдивый моралист вреден тем, что ведет за собою десятки лицемеров, прикрывающихся его именем. С другой стороны, мы не так слепы, чтобы не видеть чистого света высокой нравственной идеи во всех замечательных произведениях литературы нашего века. Никогда общественная

нравственность не достигала такого высокого уровня, как в наше благородное время, — благородное и прекрасное, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы свои напрягает оно, чтобы омыться и очиститься от наследных грехов.

И литература нашего времени, во всех замечательных своих произведениях, без исключения, есть благородное проявление чистейшего нравственного чувства. Н е то мы хотим сказать, что в произведениях графа Тол стого чувство это сильнее, нежели в произведениях другого какого из замечательных наших писателей: в этом отношении, все они равно высоки и благородны, но у него это чувство имеет особенный оттенок. У иных оно очищено страданием, отрицанием, п росветлено сознательным убежде нием, я вляется уже тол ько как плод долгих испытаний, мучительной борьбы, быть может, целого ряда падений. Н е то у графа Тол стого: у него нравственное чувство не восстановлено только рефлексиею и опытом жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свежести. Мы не будем сравнивать того и другого оттенка в гуманическом отношении, не будем говорить, который из них выше по абсолютному значению — это дело философского или социального трактата, а не рецензии — мы здесь говорим 427

только об отношении нравственного чувства к достоинствам художественного произведения, и должны признаться, что в этом случае непосредственная, как бы сохранившаяся во всей непорочности от чистой поры юношества, свежесть нравственного чувства придает поэзии особенную — трогательную'и грациозную — очаровательность. Ог этого качества, по нашему мнению, во многом зависит прелесть рассказов графа Тол стого. Не будем доказывать, что только при этой непосредственной свежести сердца можно было рассказать «Д етство» и «Отрочество» с тем чрезвы-

дают истинную жизнь этим повестям. Относительно «Детства» и «Отрочества» очевидно каждому, что без непорочности нравственного чувства невозможно было бы не только исполнить эти повести, но и задумать их. Укажем другой пример — в «Записках маркера»: историю падения души, созданной с благородным направлением, мог так поразительно и верно задумать и исполнить только талант, сохранивший первобытную чистоту. Благотворное влияние этой черты таланта не ограничивается теми рассказами или эпизодами, в которых она выступает заметным образом на первый план: постоянно служит она оживитель -ницею, освежительницею таланта. Ч то в мире поэтичнее, прелестнее чистой юношеской души, с радостною любовью откликающейся на все, что представляется ей возвышенным и благородным, чистым и прекрасным, как сама она? Кто не испытывал, как освежается его дух, просветляется его мысль, облагораживается все существо при сутст вием девственного душою суще ства, подобного Корделии, Офелии или Дездемоне? Кто не чувство вал, что присутствие такого существа навевает поэзию на его душу, и не повторял вместе с героем г. Тургенева (в «Ф а усте»):

Своим крылом меня одень,

Волненье сердца утиши,

И благодатна будет сень Д ля очарованной души...4

Такова же сила нравственной чистоты и в поэзии. Произведение, в котором веет ее дыхание, действует на нас освежительно, миротворно, как природа, — ведь и тайна поэтического влияния природы едва ли не заключается -в ее непорочности. Много зависит от того же веяния нравственной чистоты и грациозная прелесть произведений графа Тол стого.

Эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие теперь особенную физиономию произведениям графа Тол стого, [всегда] останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни выказались в нем при дальнейшем его развитии.

Само собою разумеется, что всегда останется при нем и его т

художественность. Объясняя отличительные качества произведений графа Толстого, мы до сих пор не упоминали об атом достоинстве, потому что оно составляет принадлежность или, лучше сказать, сущность поэтического таланта вообще, будучи собственно только собирательным именем для обозначения всей совокупности качеств, свойственных произведениям талантливых писателей. Н о стоит внимания то, что люди, особенно много толкующие о художественности, наименее понимают, в чем состоят ее условия. Мы где -то читали недоумение относительно того, почему в «Д етстве» и «Отрочестве» нет на первом плане какой-нибудь прекрасной девушки лет восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась в какого-нибудь

также прекрасного юношу... Удивительные понятия о художественности! Да ведь автор хотел изобразить детский и отроческий возраст, а не картину пылкой страсти, и разве вы не чувствуете, что если б он ввел в свой рассказ эти фигуры и этот патетизм, дети, на которых он хотел обратить ваше внимание, были бы заслонены, их милые чувства перестали бы занимать вас, когда в рассказе явилась бы страстная любовь, – словом, разве вы не чувствуете, что единство рассказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условия художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условия,

такого, что заставило бы нас забыть о детях, отвернуться от них. Далее, там же мы нашли нечто в роде намека на то, что граф Толстой ошибся, не выставив картин общественной жизни в «Д етстве» и «Отрочестве»; да мало ли и другого чего он не выставил в этих повестях? в них нет ни военных сцен, ни картин итальянской природы, ни исторических воспоминаний, нет вообще многого такого, что можно было бы, но неуместно и не должно было бы рассказывать: ведь автор хочет перенесть нас в жизнь ребенка, – а разве ребенок понимает общественные вопросы, разве он имеет понятие о жизни общества? Весь этот элемент столь же чужд детской жизни, как лагерная жизнь, и условия художественности были бы точно так же нарушены, если бы в «Д етстве» была изображена общественная жизнь, как и тогда, если б изображена была в этой повести военная или историческая жизнь. Мы любим не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь; но ведь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускает внесение общественных вопросов в произведение; не должно забывать, что первый, закон художественности – единство произведения, и что потому, изображая «Д етство», надобно изображать именно детство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, не Петра Великого и не Фауста, не Индиану и не Рудина, а дитя с его чувствами и понятиями. И люди, предъявляющие столь узкие требования, говорят о свободе творчества! 420

Удивительно, как не ищут они в «Илиаде» – Макбета, в Вальтере Скотте – Диккенса, в Пушкине – Гоголя! Надобно понять, что поэтическая идея нарушается, когда в произведение вносятся элементы, ей чуждые, и что если бы, например, Пушкин в «Ка-

менном госте» вздумал изображать русских помещиков или выражать свое сочувствие к Петру Великому, «Каменный гость» вышел бы произведением нелепым в художественном отношении.

Всему свое место: картинам южной любви – в «Каменном госте», – картинам русской жизни – в «Онегине», Петру Великом у– в «Медном всаднике». Так и в «Д етстве» или «Отрочестве » уместны тол ько те элеме нты, которые свойственны тому возрасту, – а патриотизму, геройству, военной жизни будет свое место в «Военных рассказах», страшной нравственной драме – в «З аписках маркера», изображению женщины – в «Д вух гусарах». Помните ли вы эту чудную фигуру девушки, сидящей у окна ночью, помните ли, как бьется ее сердце, как сладко томится ее грудь предчувствием любви?

П ростя сь с матерью, Л иза одна пошла в бывш ую дядину комнату.

Н адев белую кофточку и спрятав в платок свою густую длинную косу, она потушила свечу, подняла окно и с ногами села на стул, устремив задумчивые глаза на пруд, теперь уж е весь блестевший серебряным сияньем.

Все ее привычные занятия и интересы вдруг явились перед ней совершенно в новом свете: старая, капризная мать, несудящая л юбовь к которой сделалась частью ее души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые мужики, обож ающ ие барышню, дойные коровы и телки, – вся эта все та же, столько раз умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой с л юбовью к другим и от других она выросла, все, что давало ей такой легкий, приятный душевный отдых, – все это вдруг показалось не то, все это показалось скучно, не нужно. Как будто кто-нибудь сказал ей: «дурочка, дурочка! двадцать лет делала вздор, служила кому -то, зачем-то и не знала, что такое ж изнь и сча стье!» Она это думала теперь, вглядываясь в глубину светлого, неподвижного сада, сильнее, гораздо сильнее, чем прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? Н исколько не внезапная любовь к графу, как бы это мож но был о предположить. Н апротив, он ей не нравился. Корнет мог бы скорее занимать ее; но он дурен, бедный, и молчалив как-то. Она невольно забывала его и с зл обой и с досадой вызывала в воображении образ графа. «Н ет, не то», говорила она сама себе. Идеал ее был так прелестен!

Это был идеал, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ее красоты, мог бы ть любимым, – идеал, ни разу не обрезанный, для того, чтобы слить его с какой-нибудь грубой действительностью. Сначала уединение и отсутствие людей, которые бы могли обратить ее внимание, сделали то, что вся сила л юбви, которую в душу каждого из нас вложило провидение, была еще цела и невозмутима в ее сердце; теперь же уж е слишком долго она жила грустным счастием чувствовать в себе присутствие этого чего-то и, изредка открывая таинственный сердечный сосуд, наслаждаться созерцанием его бога тств, чтобы необдуманно излить на кого-нибудь все то, что там был о. Д ай бог, чтобы она до гроба наслаждалась Этим скупым счастием. К то знает, не лучше ли и не сильнее ли оно? и не одно ли оно истинно и возмож но?

«Господи бож е мой! – думала она, – неужели я даром потеряла счастие и мол одость, и уж не будет... никогда не будет? неужели это правда?»

И она вглядывалась в высокое светлое около месяца небо, покрытое белыми волнистыми тучами, которые, застилая звездочки, подвигались к месяцу.

430

«Е сли захватит месяц это верхнее белое облачко, значит, правда», подумала она. Туманная, дымчатая полоса пробежала по нижней половине светлого круга, и понемногу свет стал слабеть на траве, на верхушках лип, на пруде; черные тени дерев стали менее заметны. И , как будто вторя мрачной те ни, осенившей природу, легкий ветерок пронесся по листьям и донес до окна росистый запах листьев, влажной земли и цветущей сирени.

«Н ет, это неправда – утешала она себя – а вот если соловей запоет нынче ночью, то значит вздор все, что я думаю, и не надо отчаяваться»] – подумала она. И долго еще сидела молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все осветилось и ожило, и снова несколько раз набегали на месяц тучки и все померкло. Она уж е засыпала так, сидя у окна, когда соловей разбудил ее частой трелью, раздававшейся звонко низом по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опя ть с новым наслаждением вся душа ее обновилась этим таинственным соединением с природой, которая так спокойно и светло раскинулась перед ней. Она облокотилась на обе руки. Какое-то томительно сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и сл езы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворения, хорошие утешительные слезы, налились в глаза ее. Она сложила руки на подоконник и на них положила голову. Л юбимая ее молитва как-то сама пришла ей в душу, и она так и задремала с мокрыми глазами.

Прикосновение чьей-то руки разбудил о ее. Она проснулась. Н о прикосновение это было легко и приятно. Р ука сжимала крепче ее руку. Вдруг она вспомнила действительность, вскрикнула, вскочила и, сама себя уверяя, что не узнала графа, который стоял под окном, весь облитый лунным светом, выбежала из комнаты...

Граф Толстой обладает истинным талантом. Это значит, что его произведения художественны, то есть в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении. Никогда не говсрит он ничего лишнего, потому что это было бы противно условиям художественности, никогда не безобразит он свои произведения примесью сцен и фигур, чуждых идее произведения. Именно в этом и состоит одно из главных требований художественности. Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого; но зато человек, умеющий понимать истинную красоту, истинную поэзию, видит в графе Тол стом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом.

Этот талант принадлежит человеку молодому, с свежими ж из-неннными силами, имеющему перед собою еще долгий путь – многое новое встретится ему на этом пути, много новых чувств будет еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль, – какая прекрасная надежда для нашей литературы, какие богатые новые материалы жизнь дает его поэзии! Мы предсказываем, что все, данное доныне графом Толстым нашей литературе, только залоги того, что совершит он впоследствии; но как богаты и прекрасны эти залоги!

БИБЛИОГРАФИЯ < ИЗ № 1 «СОВРЕМЕННИКА» >

Основьяненко. Сочинение Григория Данилевского. С портретом Кви пки, снимком его

почерка и домиком Основы. СПБ. 1856. Задумав написать биографию Основьяненка, г. Данилевский обратился к лицам, знавшим покойника, с просьбою сообщить ему, г. Данилевскому, какие-нибудь известия о харьковском писателе. Некоторые из этих почтенных людей были так добрьТ, что отвечали г. Данилевскому письменно; другие сообщили ему несколько писем, полученных или писанных Квиткою. Г. Данилевский напечатал в своей статье эти письма, которая таким образом украсилась несколькими хорошо написанными страничками, содержащими не лишенные интереса и достоверные известия. Другие из бывших знакомых Квитки рассказали г. Данилевскому (по словам г. Данилевского) несколько анекдотов, в том числе два-три любопытные. Г. Данилевский пересказывает эти анекдоты. До какой степени соблюдена в его пересказывании точность, мы не знаем. Мы помним только, что когда-то г. Данилевский поместил в «Московских ведомостях» подробное описание Яновщины, хутора Гоголя, и что потом в «Отечественных записках» было доказано, что в этом рассказе единственным достоверным известием должно считать уверение г. Данилевского, что какой-то чумак, встретившийся ему на дороге, пел песню:

Он, у кума пчолы булы...

а все остальное — сплетение недосмотров, обмолвок и анахронизмов После этого нам кажется, что и новым рассказам г. Данилевского может верить только желающий. Впрочем, если и отбросим их, биография Квитки не потеряет многого, потому что анекдоты эти неважны, да и во всей статье интересны только пять-шесть не длинных писем Квитки, его супруги, Загоскина,

С. Т. Аксакова, г. Плетнева и г. Костомарова. Затем остаются собственные изыскания г. Данилевского; они, повидимому, стоили ему некоторого труда. Если так, охотно похвалим давно уже пишущего юношу за трудолюбие; жаль только, что нельзя похвалить его за основательность. Каждая фраза его показывает,

что он не позаботился порядочно ознакомиться хотя с самыми главными фактами истории нашей литературы, о которой пишет.

Вот, например, как он излагает историю малороссийской литературы до XVIII века:

Древнейшими памятниками степного наречия (?) были, с XI века, отрывки в сказаниях Нестора, Кирилла Туровского, Слова о Полку Игоря, Ефрема Сирина (что за набор имен!), в грамотах князей владимирских и галицких и в поучении Владимира Мономаха (что за хронология!). Организованным является оно в Литовском Статуте и в Словаре Памвы Берынды, в гетманских универсалах и в полных летописях, какова известная летопись Величко. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазепы к дочери Кочубея и два любопытные памятника: Кроника из летописцев стародавних, Феодосия Сафоновича, 1672—1681 года, и Изборник Святослава. (!)

Кому хотя сколько-нибудь знакомы эти имена, тот может подивиться безотчетности в их подборе у г. Данилевского и забавным анахронизмам, которыми наполнен его перечень. Укажем лишь один промах: «Изборник Святослава», памятник XI века,

отнесен к памятникам XV II века. Отысканием других промахов предоставляем заняться самому г. Данилевскому. Это занятие даст ему случай хотя сколько-нибудь ознакомиться с главными фактами и с хронологиею русской литературы. Предупреждаем его только, что на каждой строке своего отрывка он найдет, по крайней мере, пять промахов. Когда г. Данилевский приступит к изданию «Полного собрания своих сочинений», в чем мы не сомневаемся, то мы рекомендуем ему, перепечатывая статью об Основьяненке, исключить из нее и этот отрывок, и все остальное, кроме писем Квитки, его супруги, Загоскина и гг. С. Т. Аксакова, Плетнева и Костомарова, как советуем ему исключить из этого будущего «Полного собрания своих сочинений» и все остальное, что было им написано и напечатано до сих пор. Рекомендуем ему также, прежде, нежели он приступит к составлению обещаемой им биографии Каразина 2, год или два употребить на то, чтобы основательно изучить «Руководство к истории русской литературы», изданное Департаментом народного просвещения: для начинающих эта книга очень хороша.

Когда г. Данилевский познакомится с этим полезным руководством, он, без сомнения, оставит намерение писать обширную статью «о малороссийском философе» Сковороде, потому что он убедится в совершенной незначительности этого

«философа».

А если бы г. Данилевский заглянул в «Историю русской литературы», нами ему рекомендуемую, прежде, нежели принялся за составление своей статьи об Основьяненке, то мы были бы лишены удовольствия читать письма об Основьяненке г. С. Т. Аксакова и других и забавы читать рассуждения самого г. Данилевского об этом предмете. Он узнал бы, заглянув в «Руководство», что Основьяненко вовсе не принадлежит к числу тех деятелей 28 н. Г. Чернышевский, т, ill 433 литературы, которые заслуживают подробных монографий. Объяснимся подробнее, для пользы г. Данилевского, потому что, по меткому выражению одного из наших критиков, посредственные и слабые писатели разделяются на нуждающихся в порицании и на нуждающихся в назидании; г. Данилевский принадлежит к числу последних, и мы не можем отказать в полезном поучении юноше, которого г. Сен Жюльен — от кого слышал он это? — некогда называл учеником и преемником Гоголя3. Основьяненко был человек добрый и почтенный по своей благонамеренности. Но, к сожалению, он был человек довольно ограниченный и вовсе не талантливый. Есть люди, которые, не имея ни особенного ума, ни таланта, пишут романы довольно сносные для своего времени, потому что имеют или образование, или наблюдательность. В пример укажем на автора «Семейства Холмских», автора романа «Дочь купца Жолобова» 4. Если г. Данилевскому известны эти произведения, он согласится, что и по своему внутреннему достоинству они выше, и произвели в свое время на публику гораздо более впечатления, нежели «Пан Халявский» и «Похождения Столбикова» 5, Следовательно, их авторы скорее Основьяненка имели бы право удостоиться подробных монографий. А между тем — не правда ли?—смешно и подумать, что может быть написано 128 страниц о Бегичеве или Калашникове. Следовательно, об Основьяненке писать статью во 128 страниц еще страннее. Для человека, знакомого с этими именами, тут не может быть сомнения. По всей вероятности, г. Данилевскому неизвестны имена Бегичева и Калашникова, и, если хотите, он очень мало теряет от того, как мало потерял бы и тот, кому было бы неизвестно имя Основьяненка.

Но дело в том, что наше назидание, вероятно, еще не совсем убедительно для него; по неизвестности ему Бегичева и Калашникова, он не может быть уверен, что эти безвестные писатели более заслуживали бы прославления, нежели Основьяненко. Нечего делать, надобно изложить сущность дела, без всяких ссылок на факты, неизвестные автору исследования, и убедить его разбором фактов, ему известных.

Читал ли, например, г. Данилевский «Пана Халявского», значительнейшее из произведений Основьяненка? — Читал. — Прекрасно! Что же поражает вас в этом романе с первых же строк самым неприятным образом? Натянутое и нимало не острое остроумие, такого рода: ныне просвещения стало больше — вот. например, мой сосед прорубил в зале своей два новых окна, чтобы просвещения было больше; обхождения ныне нет, потому что, например, наш заседатель, когда у него обедают гости, не обходит вокруг стола с просьбами кушать и пить, как обходили в старину. И заметьте, что каждый из этих каламбуров растянут на целую страницу журнального формата. Можете вообразить, каково впечатление этих семимильных острот на читателя. Растя-434

нутость у Основьяненка изумительная. Олисав, как распространилось просвещение и вывелось обхождение, он говорит, что и воспитание детям ныне дают не такое, как прежде — разумеется, это опять острота — то есть ныне детей не набивают с утра до ночи ватрушками и пампушками, как в старину. Эта острота тянется на четыре страницы журнального формата. Так написан весь роман, так написаны все произведения Основьяненка.

А какое правдоподобие! Начать хотя с того, что рассказчиком романа выведен старик, который, по пословице, в лесу вырос, а беспрестанно этот дикий степняк сбивается на тон, каким мог говорить только человек нынешнего века и порядочного образования; где на свете виданы глупцы, которые бы велели прививать детям натуральную оспу? Где на свете виданы фельдшеры, которые бы послушались такого приказания? Где на свете виданы дьячки-учители, которые доказывали бы зажиточным панычам пользу грамоты тем, что «вот как выучишься, паныч, грамоте, будешь писать поминальные записочки о покойниках и будешь получать за то хороший доход»? Ведь как бы ни был глуп учитель, все же он знает, что паныча этим не прельстишь. Какой малорусс — ведь они получше других народов знают толк в пении — станет хвалить певца «за скрыпучий голос, от которого морозом по коже подирает»? Одним словом, на каждой строке у Основьяненка — несообразности, и, кроме несообразностей, нет ничего: все вяло, приторно, пересолено, жеманно,

натянуто и растянуто. Но, быть может, г. Данилевскому известно, что некоторые хвалят «Сердечную Оксану»? 6 Не советуем ему слушать этих людей: «Оксана» во сто раз приторнее и натянутее «Пана Халявского». И нигде нет у Основьяненка ни тени самостоятельности: большая часть страниц его пропитана самым неловким подражанием Гоголю; на других страницах он подражает то Карамзину (в «Бедной Лизе»), то г. Далю, то Загоскину, то какому-нибудь второстепенному, ныне забытому романисту.

В этой книжке мы высказали свое мнение о бароне Брамбеусе, как ценителе литературных произведений, и сказали, что, если он делал промахи, говоря о произведениях, имеющих художественное достоинство, то над произведениями решительно слабыми он умел подсмеиваться. И слова его об Основьяненке, которыми так возмущается г. Данилевский, совершенно справедливы:

Есть разного рода остроумия более или менее несносные: но самое несносное из всех — это провинциальное остроумие. Эти глубокомысленные наблюдения над человеческим сердцем, делаемые из-за плетня; эти черты нравов, подмеченные между маслобойнею и скотным двором; эти взгляды

на жизнь, обнимающие на земном шаре великое пространство, пять верст в радиусе; этот свет, составленный из шести соседей; эти колкие сарказмы над борьбою изящества и моды с дегтем и салом; эти насмешки над новым и новейшим, которых даже и не видно оттуда, где позволяют себе подшучивать над ними, — весь этот дрянный, выдохлый губернский яд, которого не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенные на приходском оселке; и эти 28* 435

стрелы, пущенные со свистом и валящиеся наземь, в пяти шагах от носа стрелка; и эти смелые удары, с треском падающие, вместо общества, на лужу грязи, которая от них только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимые пороку с той стороны, которой порок никогда не видит у себя, если стоит прямо перед зеркалом. Все вто может казаться очень замысловатым какой-нибудь ярмарке, какому-нибудь уезду, даже целой губернии, но не должно переходить за границы эгого горизонта, под опасением быть принятым за пошлость и безвкусие...7 Напрасно г. Данилевский не принял в уважение этой верной характеристики: с рецензиями барона Брамбеуса о посредственных или плохих книгах не худо справляться; о дурных книгах он говорил почти всегда хорошо, — по крайней мере, лучше и нельзя говорить о них.

Но ведь Основьяненко пользовался уважением в своем кружке? Ну, да, и вполне заслуживал этого уважения, как человек добрый, приятный собеседник, радушный хозяин, как человек, занимавший, и не без пользы для общества занимавший, довольно почетное место в губернском кругу, наконец, как человек, искренно любивший свою родину и желавший успехов ее литературе.

Но ведь он считался одним из лучших писателей на малороссийском языке? Ведь его малорусские повести до сих пор имеют в Малороссии почитателей? Да можно ли полагаться на сужде-

ния их? Ведь это или такие люди, которые ничего лучше «Халяв -ского» и «Оксаны» не читывали, или люди, готовые прощать все возможные недостатки книге, написанной на милом для них наречии. А что касается до значения Основьяненка в ряду авторов, писавших на малороссийском наречии, мы сказали бы, что не заслуживает внимания малорусская литература, если Основья-ненко может в ней считаться, сравнительно с другими, хорошим писателем. Но, к счастию, это вовсе не так: малорусская литература имела писателей действительно замечательных, людей, которые занимают высокое место в русской литературе, и занимали б его и тогда, если бы писали и на обыкновенном литературном языке8; и когда кто-нибудь — только уже не г. Данилевский, надеемся — расскажет нам об этой малорусской отрасли русской литературы, — отрасли, достойной всякого сочувствия, то упомянет кстати, что в числе хороших знакомых того или другого замечательного малорусского писателя был Г. Ф . Квитка, добрый и почтенный человек, любивший литературу и писавший посредственные произведения под именем Основьяненка э.

Лейтенант и поручик, быль времен Петра Великого.

Сочинение Константина Масальского. Две части. СПБ. 1855.

Если вы старик, читатель, вы не обратите внимания на «быль из времен Петра Великого», сочиненную г. К. Масальским: имя этого писателя не соединено с вашими

воспоминаниями; если вы 436

молоды, читатель, вы также не захотите читать «Лейтенанта и поручика», зная, по беглым упоминаниям в журналах о г. Масальском, только то, что он когда-то считался одним из самых посредственных наших романистов; но если вы ни стары, ни молоды, вы – хотя тоже не будете читать «Лейтенанта и поручика» – посмотрите на обертку этой «были» не без некоторого умиления: вы

очень бегло, но и выучив четыре правила арифметики, две -три главы грамматики до глаголов или наречий, басни «Лисица и ворона», «Стрекоза и муравей», начали чувствовать, что в маленьком вашем сердце, в резвой вашей головке поселилась, после прежних потребностей в пряниках и конфектах, в детских играх, после неугомонной шаловливости, неутомимой беготни, новая страсть – читать, читать... не грамматику и не басни Крылова, не «Русскую историю» г-жи Ишимовой – все это скучно, потому что писано для детей – нет, читать книги, писанные «для больших». С какою жадностью бросались вы, десятилетний мальчик, на романы, и какое наслаждение доставляли вам эти увлекательные маленькие томики! это высокое наслаждение доставляли вам не те романы, которыми восхищались ваши тетушки и старшие, «большие» братья: Марлинский, Пушкин, Лажечников, Зенеида Р-ва, Гоголь, Павлов, князь Одоевский, Вельтман, – все это было скучно для вас; но как занимательны были для вас «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона» 1, «Юрий Мило -славский», «Рославлев, или русские в 1812 году», «Таинственный монах, или некоторые черты из жизни Петра I», «Паята, дочь Ледзейки, или литовцы в X IV столетии», и проч., и проч! Ах, как интересны были эти книжечки! Ныне уже не пишут таких книг, скажете вы с истинною грустью о нынешних десятилетних, двенадцатилетних мальчиках и девочках. Нет уже этой немудрой, но грамотной литературы; люди, не имеющие особенного таланта, но довольно начитанные и не лишенные некоторого уменья сочинять складно, не пишут ныне в простоте души, как писалось в старину: нет1 они пишут свысока, гонятся за художественностью, за психологическими тонкостями, за анализом, за юмором, как будто все это их дело, как будто все это им по плечу, – и пишут

вещи бестолковые и скучные для взрослых, непонятные и скучные для детей.

Не так писали в старину: тогда, без всяких хитростей, половину страниц романа выписывали из какой-нибудь хорошей исторической книги – особенно богатый материал доставляла «История» Карамзина – а другая половина наполнялась незамысловатыми, но очень трогательными или до уморительности смешными приключениями каких-нибудь Владимиров, Анастасий и Киршей. «История» Карамзина написана прекрасно, стало быть, нет и спора о том, что одна половина романа была хороша; а другая половина была еще лучше! Припомните только удиви -437

тельио забавную сцену, как, обиженный Копычинским, Юрий Милославский, чуть ли не с револьвером Кольта в руках и с папироской в зубах, в наказание, заставляет хвастливого пана Копычинского съесть, не переводя духа, огромного жареного гуся до последней косточки; пан Копычинский давится, задыхается от объядения, но ест, ест, ест, а Юрий торопит его, наведя свой кольтовский револьвер прямо на лоб наглого труса... ах, как это смешно! А как трогательна судьба Леонида, который борется с своим личным противником Наполеоном и побеждает его! Ведь Леонид и Наполеон были влюблены в одну и ту же девушку, и Наполеон шел в Москву не с другою целью, как только отбить у Леонида невесту и жениться – злодей! от живой жены, Марии-Луизы, – на Полине или Надине, – не помним ее имени, но помним, что дело в 1812 году шло собственно о том, кому «обладать Надиною» или Полиною – Леониду или Наполеону! Помните ли, каким жалким человеком казался этот волокита Наполеон в сравнении с своим соперником, великодушным и храбрым Леонидом? Зато ведь Леонид и победил Наполеона,

потому что, если вы помните, Наполеон был побежден никем другим, как именно Леонидом! Какие замечательные приключения! Прибавьте к этому чистый язык, чистую нравственность, и вы со вздохом скажете: «да, для нынешней малолетней публики уже нет таких прекрасных книжек, какими услаждали нас в детстве добрый Загоскин – гений этой литературы – и другие столь же добродушные и радушные деятели ее: г. Воскресенский, г. Р. Зотов, г. Масальский.

Да, вы не забудете г. Масальского, потому что и он доставил вашему детству столько же сладких часов, как г. Р. Зотов, Как занимательны были его «Стрельцы», «Регентство Бирона». Мы не можем теперь в точности припомнить содержания этих романов, знаем только, что они были хороши; но лучшим его произведением был, по

нашим воспоминаниям, «Черный ящик» 2. Уж одно начало чего стоит! Какой-то молодой провинциал, Карп Силыч, целый век ходивший в чуйке, приехал в Петербург и начинает одеваться по моде, установленной Петром Великим (роман взят из эпохи Петра Великого). Ему принесли кафтан, брюки, жилет, галстух. Он не знает, как приладить эти немецкие штуки на свое туловище; особенно затрудняет его жилет. Уж подлинно, будет жалеть, кто станет надевать эту жалет! восклицает он, наконец решает, что жилет должен застегиваться на спине. После этого надобно, чтобы сюртук и брюки также застегивались на спине, и он надевает все принадлежности костюма задом наперед... Ах, как это смешно! Мы все – и братцы, и сестрицы, и десяток наших маленьких приятелей – целую неделю не могли без хохота вспомнить о том, как Карп Силыч шел по улице в платье, надетом задом наперед, как высокий воротник сюртука подпирал ему бороду, как мальчишки бежали за ним с хохотом

и насмешками, как он пришел к своему нареченному тестю потому что Карп Силыч приехал в Петербург жениться – и как на вопрос хозяина: отчего все платье на нем надето задом наперед? отвечал: «ветром перевернуло на улице!»... Ах, как это смешно! А как страшно, когда – не помним уже кто, Карп Силыч или прекрасный юноша-офицер, влюбленный в красавицу, на которой хочет жениться Карп Силыч – ночью, при блеске молнии, отправляется на пустынный остров или в дремучий лес, –] одним словом, в какое-то место очень страшное, выкопать из-под земли таинственный «черный ящик», в котором х ра нятся груды золота, с участью которого соединена судьба красавицы-невесты! Превосходно! Никогда не бывало и не будет лучшего, занимательнейшего романа для таких читателей, какими в то время были мы, нынешние люди средних лет.

И заметьте, что этот роман написан правильным, грамотным языком. Какая разница с «Совестдралом большим носом», с «Георгом, милордом аглицким», с «Францыском Венецианом», которыми в детстве воспитывался вкус наших дядей и дедов! З О, мы были детьми в счастливое для детей время! Вечную признательность должны мы хранить к гг. Р. Зотову, М. Воскресенскому, К. Масальскому!

Теперь уже не те времена! Что пишут и как пишут люди, наследовавшие талант этих почтенных авторов? Они хотят раскрывать нам сокровеннейшие изгибы человеческой души, пишут психологические рассуждения в лицах, толкуют о развитии, о борьбе страстей; они хотят блестеть остроумною ирониею, хотят прославиться знанием жизни и людей, хотят даже – о, ужас1 – удивлять нас художественными совершенствами своих творений; они хотят быть Гоголями, Гончаровыми, Тургеневыми, Жорж-Сан-дами, Теккереями, Диккенсами! Господа, будьте тем, чем создала вас природа; будьте преемниками г. Р. Зотова, г. К. Масальского, и вы принесете свою долю пользы, и вы будете иметь множество читателей, которые будут хвалить вас. А теперь кто читает и кто хвалит ваши психологические и художественные произведения? Подумайте об этом совете: его исполнение принесет столько пользы вам, столько удовольствия тем читателям, которые еще не доросли до повестей с различными ухищрениями в психологическом и художественном роде. А как легко исполнить этот совет: подражать г. Р. Зотову и г. К. Масальскому гораздо легче, нежели подражать Гоголю, Теккерею или Жорж-Санду! И, если хотите, мы еще более облегчим для вас это дело, рассказав содержание и объяснив манеру романов, приносивших такую пользу в старину. Кстати же, перед нами лежит один из этих романов.

В 1710 году, в Петербурге, в бревенчатой избе сидели Александр (по фамилии Ветрин, по чи-ну лейтенант) и Клавдий (по фамилии Ланов, по чину поручик). «Тому и другому собеседнику было около двадцати семи лет; оба считались редкими красавца-439

ми. Все девушки влюблялись в них с первого раза». Они пьют венгерское и поверяют друг другу свои тайны. Клавдий говорит, что назначен поход к Выборгу; Александр, восхищенный этим, объясняет, что там найдет он свою невесту, шведку, которую узнал, когда она с отцом жила в плену в Петербурге, – теперь пленные отпущены на родину и живут в окрестностях Выборга. Друзья клянутся в вечной дружбе, сливают назад в бутылку остатки венгерского, которое уже было разлито в серебряные чаши, запечатывают бутылку и обещаются не разрывать дружбы, пока не будет ими выпита эта бутылка. Потом описывается очень подробно осада Выборга. Клавдий, фуражируя в окрестностях города, влюбляется в Элеонору, у отца которой покупает хлеб.

Она влюбляется в Клавдия. Он везет к ней своего друга: оказывается, что Элеонора та самая пленная шведка, о которой говорил Александр. Таким образом оба друга влюблены в одну девушку, которая также равно любит их обоих, не зная, кому

отдать преимущество. Друзья часто готовы поссориться, но вспоминают о запечатанной бутылке и мирятся, наконец, оба вместе, делают предложение отцу Элеоноры: «пусть она избирает из нас того, кого более любит». Элеонора говорит, что равно любит обоих. Друзья уезжают домой и решаются бросить жребий: по жребию достается Александру уехать, Клавдию – жениться на Элеоноре. Александр уезжает и, возвратясь через два года, встречает милого малютку – это сын Клавдия; сердечные раны Александра раскрываются. Но вот бежит навстречу другу Клавдий, ведет его насильно в свой дом, представляет его своей жене. Александр поднимает глаза– о, диво! о, восторг! это не Элеонора, а Лиза, о которой не было и помину во все продолжение романа. Элеонора плакала, когда Александр уехал, и Клавдий женился на Лизе, а Элеонору сберег для друга. Вот уж подлинно друг! Да, кстати, где же запечатанная бутылка? Она брошена в Иматру, и, следовательно, дружба Александра и Клавдия уже ненарушима.

Какая трогательная наивность в изобретении романа! Столько же милой наивности и в изложении; идея и форма совершенно гармонируют между собою. Вот, например, сцена между друзьями, когда они, в приятном вечернем разговоре и в халатах, объяснились на сон грядущий относительно страсти, наводящей грусть на обоих. (Начинает речь Клавдий.)

– Саша, слушай, что я тебе скажу: я люблю тебя, это ты знаешь!

Люблю и Элеонору! Я перемогу себя, чего бы мне это ни стоило, помня нашу давнюю, священную для меня дружбу! Я испытаю себя! Я уверен,

– Нет, Клавдий, мой благородный Клавдий! Я не хочу, чтоб ты из-за

меня страдал! Ты первый полюбил Элеонору, ты на нее более меня имеешь права. Пусть буду я страдать, а ты будь счастлив. Ты достоин этого!

– А если я сам хочу страдать, если мне это нравится? Не обижайся,^

Саша, если я тебе скажу, что я тверже тебя, что мне легче будет перенести страдание. Да что тут долго толковать? Я тебе уступаю Элеоно ру.

Ветрии засвистал какой-то марш и с мужественным спокойным лицом начал ходить взад и вперед по комнате.

– Ты мне уступаешь Элеонору... – мрачно проговорил Ланов. – НеТ, а*о невозможно! Этого я не хочу! Разве я не такой же друг тебе, как ты мне?

Я не должен уступать тебе в благородстве, Клавдий! Иначе ты перестанешь уважать меня, а тогда не можешь остаться мне другом! Пусть страдает, пусть разрывается мое сердце. Я забуду Элеонору! Будь счастлив с нею, мой великодушный, благородный друг!

Друзья заплакали и сжали друг друга в объятиях. От сильных чувств, которые их волновали, ни тот, ни другой не мог вымолвить более ни слова. Ветрин снял халат и сапоги и лег в постель. Ланов сделал то же.

Какая умилительная борьба великодушия! Истинно, этот отрывок напоминает заключение басни, которую у казака Луганского немец-гувернер написал для своих воспитанников: «Сия басня научивает, что другой был великодушнее одного, а последний великодушнее первого». И как восхитительно заключается эта патетическая сцена дивным замечанием: «Ветрин снял халат и сапоги и лег в постель. Ланов сделал то же». О, несравненное, гениальное простодушие!

Что лучше этой повести может быть придумано для читателей того интересного возраста, когда от арифметики переходят

к романам, от романов к игре в лапту или в мяч? Она показалась бы чрезвычайно занимательна этим читателям; но – увы! – она не дойдет до рук их, потому что дети не приобретают книг по своему выбору: они только берут книги, какие находят в библиотеках своих взрослых родных и знакомых; а кто из этих родных и знакомых почтет ныне нужным украсить свою библиотеку «Лейтенантом и поручиком»?– И что ныне бедные читатели, равно любящие мяч и романы, найдут в этих библиотеках, за

исключением повестей гг. Гончарова, Григоровича, Л. Н. Т., Тургенева и немногих других? что найдут они, кроме этих повестей, которые слишком не под силу детскому уму и детскому вкусу? Бедные дети нынешнего времени! Пожалейте их, господа подражатели Григоровича и Тургенева! Перестаньте тянуться вслед за этими писателями: это слишком трудно. Оставьте, подражайте лучше г. Р. Зотову и К. Масальскому: они были равны вам по таланту, но писали занимательно, хотя для некоторого класса публики, потому что не имели ваших претензий; подражайте же им, и если люди, перешедшие эпоху простодушия, попрежнему не будут читать вас, то никто не будет и осуждать вас; напротив, многие будут читать вас с удовольствием.

Но нет, это невозможно! В мире не осталось уже ныне романистов и нувеллистов наивных, которые, по выражению реторики Кошанского, «писали, как умели, наудачу»: каждый ныне имеет претензии на глубокомыслие, на наблюдательность, на художественность, не думая о том, что лучше написать «Лейтенанта и по-441

ручика», нежели... однако, к чему приводить примеры) Каждый читатель припомнит десятки их, а писатели, в пример которым ставим мы г. Р. Зотова и г. К. Масальского, вероятно, сами

твердо помнят названия своих произведений.

Меся go слов на 1856, високосный год. С портретом его величества государя императора. СПБ.

0>став Академического календаря на 1856 год почти тот же самый, какой имели календари предыдущих лет. Изменения, сравнительно с «Месяцословом» предыдущего года, незначительны. Они состоят в том, что, вместо статьи прошлогоднего календаря о летосчислении и таблиц народонаселения Российской империи, великого княжества Финляндского и царства Польского по уездам, помещены два новые списка: 1) дни, в которые совершаются крестные ходы в С.-Петербурге, Москве и окрестностях С.-Петербурга; 2) алфавитная роспись святых, находящихся в полном месяцослове, с показанием времени, когда память их празднуется православною церковию. Последняя роспись особенно полезна для справок: «Полный месяцослов» ныне стал довольно редкою книгою, и, действительно, было необходимо перепечатать в «Академическом месяцослове» эту статью, придававшую главное достоинство «Полному месяцослову».

Около восьмисот мужских и двухсот женских имен внесены в этот алфавитный список. Из них многие, особенно мужские имена, встречаются в календаре по нескольку, многие даже по десяти и более раз в течение года. Так, по 11 раз встречаются Антоний, Афанасий, Зинон, Марк, Симеон, Феофил; по 12 раз: Андрей, Кирилл и Михаил; 13 раз — Дионисий; 14 — Георгий; 15 — Василий, Иулиан и Максим; по 17 раз: Григорий, Иаков и Стефан;

19— Павел; наконец, Александр — 21 раз, Феодор — 27,

Петр — 30, а Иоанн даже 61 раз. Из женских имен только Феодора встречается 8 раз, Анна — 9 и Мария — 10 раз.

Крестных ходов совершается в Петербурге ежегодно 8, в окрестностях Петербурга— 11, в Москве— 13.

Из двух лунных затмений 1856 года в Европейской России

будет видимо только частное лунное затмение 1—2 октября (по петербургскому среднему времени, начало его будет в 11 часов 22 мин. вечера, а конец в 2 ч. 28 м. утра). Из двух солнечных затмений (полное, 24 марта, и кольцеобразное, 17 сентября) ни то, ни другое в Европейской России не будут видимы.

Список малых планет, обращающихся между Марсом и Юпитером, в течение 1855 года увеличился четырьмя новооткрытыми астероидами, именно: Шакорнак (в Париже) 6 апреля открыл Цирцею, Лутер (в Билке) Левкотею, и, в один и тот же день,

5 октября, Лутер открыл Фидесу, а Гольсмит (в Париже) Ата-

443

Сравним также ведомости о количестве металлов, добытых в 1853 и 1854 г.

Думы современной России. Александры Ступиной. СПБ. 1855.

Из двенадцати стихотворений, изданных ныне г-жею А. Сту-пиною, едва ли не лучше других следующее:

Счастлив, кто без урагана Океан переплывал,

Чей на высях гор Ливана Взор усталый отдыхал!

Да, кто зрел вас, исполины,

Чей приветствовал вас стих,

Тот божественной картины Обрученный был ;кених.

(выражение довольно темное.)

Кто ж с молитвой головою К вашим кланялся пятам,

Кто потом гулял пятою

По заоблачным главам (эти четыре стиха содержат замысловатую игру словами.)

Тот любимый друг природы,

Тот земли и неба друг

(почему же это? Разве друзья, которые ходят по Ливану и кланяются, друзья неба и земли? Напротив, это самый буйный народ... Виноваты: мы также начали довольно замысловато играть словами.)

Он под песни непогоды С ней венчался, как супруг...

(каким же это образом? и с кем «с нею?» с непогодою, или с землею, или с небом?)

Остальные одиннадцать пьес только немногим уступают этому, свидетельствующему об уменьи г-жи А. Ступиной писать 444

1853 г. 1В54 г.

Золога..... 1 398 п. 21 ф. 93 зол. 1581 п. 24 ф. 74 зол.

Серебра.....983 » И » 19 » 1036 » 25 » 73 »

Платины.....61» 11» 14 » 27» 3»

М еди.....394 549 п. 390 818 п

Свинца.....40 003 * 110916 »

Чугуна.....14 517 524 » 14148 651 »

Стали.....53 974 » 67 522 *

Ж елеза.....12 0920SS ” 11598 805 »

Разных металлических изделий . . 2 268 723 » 2 177 038 »

звучные стихи. Но дело ме в достоинстве стихов, а в том, что воспоминания г-жи А. Ступиной о том, как она жила в Бейруте, ходила по заоблачным главам Ливана и проч., едва ли могут назваться, в строгом смысле слова, «Думами современной России»:

скорее, это думы одной из русских дам о случаях и предметах,

Правила составления употребительнейших в строительном искусстве мастик и проч., сочинение И. Лейхса. Перевод с немецкого. СПБ. 1856.

Книжка Лейхса написана, сколько можем судить, с знанием дела. Переведена она грамотным языком. Жал ь тол ько, что е й дано широковещательное заглавие, занимающее в полном своем составе не менее шести строк; жаль также, что выставленная на обертке цена — 75 коп, сер. — своею несоразмерностью с объемом книжки слишком ясно разоблачает цель многознаменательного заглавия.

Гражданские законы Псковской судной грамоты. Сочинение И. Энгельмана. СПБ. 1855.

Несколько месяцев тому назад, мы говорили об исследовании Псковской судной грамоты, изданном г. Ф. Устряловым, сыном известного историка '; это сочинение было написано на тему, предложенную студентам С.-Петербургского университета от юридического факультета этого университета. Теперь является другое сочинение, удостоенное медали на этом конкурсе. То и другое рассуждения неоспоримо показывают авторов своих людьми, которые уже привыкли трудиться усердно и добросовестно.

Г. Энгельман, ограничивая свое исследование теми пределами, которые определены темою, предложенною от факультета, говорит исключительно о тех статьях Псковской судной грамоты, которые имеют предметом гражданские законы; других ее статей он касается только в случае неразрывной их связи с постановлениями относительно гражданских законов. Объяснения его большею частью основательны и многие из догадок удачны.

Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Составлен синодальным

ризничим, магистром, архимандритом Саввою. Москва. 1855. Патриаршая, или Московская синодальная библиотека есть одна из важнейших в России по количеству и древности своих 445

рукописей; соединенная с нею Патриаршая Ризница также богата утварями и вещами, в высшей степени замечательными. Потому архимандрит Савва, издав краткое описание важнейших вещей и духовных рукописей, хранящихся в этом драгоценном собрании, оказал довольно значительную услугу русским археологам и людям, занимающимся историею литературы. Рукописей, по каталогу библиотеки 1824 года, значится: греческих 467, русских 956; в числе последних находится 96 пергаментных и 20 бомбициновых, писанных на хлопчатой бумаге. Кроме того, жалованных грамот и проч. 208. После 1824 года в библиотеку передано еще несколько рукописей и, между прочим, знаменитый «Изборник Святослава» (1073 г.), один из древнейших памятников кирилловской письменности. Мы будем еще иметь случай подробнее говорить о рукописях Московской синодальной библиотеки, потому что на-днях уже получена в Петербурге первая часть описания славянских ее рукописей, составляемого профессорами А. В. Горским и К. И. Новоструевым.

О пленных по древнему русскому праву. А. Лохвицкого.

Москва. 1855.

Г. Лохвицкий основательно обработал специальный вопрос, им выбранный, внимательно воспользовавшись всеми данными, какие представляются «Полным собранием законов» и различными изданиями Археографической комиссии. Свод известий о состоянии пленников по законам допетровской Руси точен и полон; автор удерживается от всяких общих выводов и не имеет,

повидимому, никаких других претензий, кроме скромного желания

ясно и в систематическом порядке изложить факты. Подобные труды всегда бывают полезны и заслуживают уважения.

Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. Составлены генерал-майором М. О. Без-Корниловичем.

СПБ. 1855.

Просмотрев довольно толстую книгу, изданную г. Без-Корни-ловичем, мы убедились в верности предположения, которое будет внушено каждому читателю самым заглавием «исторических сведений» и т. д. Г. Без-Корнилович не имел в виду исследовать еще недостаточно объясненные вопросы в истории Белой Руси, писал не для ученых: нет, он просто собрал из истории Карамзина, истории «Отечественной войны 1812 года» Михайловского -ДанилЁвского и некоторых других сочинений известия, касающиеся того или другого города, того или другого села в Бело -446

руссии, расположил эти известия по порядку времени и, таким образом, у него составились исторические статейки о Витебске, Динабурге, Могилеве и проч., — статейки, из соединения которых вышла, как мы сказали, довольно толстая книга, по всей вероятности, не бесполезная для тех, у кого под руками нет хорошего собрания книг по русской истории.

Мельница близ села Ворошилова, простонародный рассказ дяди Афанасия. СПБ. 1856.J

О том, до какой степени удалось автору выдержать простонародный и простодушный тон рассказа, читатель может судить из следующего отрывка:

Недалеко от большого села, перейдя на широкое поле, в березовой роще над узкой, но глубокой речкой стояла водяная мельница. Тут же рядом построена была просторная, светлая изба с узорчатыми окнами;

а сверху, между двумя резными столбиками, помещалась хорошенькая светелка. Изба и мельница стояли на краю большого леса, который тянулся вправо и влево на несколько десятков верст, почитай до самой губернии. Мимо этой мельницы пролегала проезжая дорога из села, перебегала через плотину и в лесу уже расходилась в разные стороны.

На мельнице жил старик, не старик, а уже и не молодой человек, крестьянин Иван Терентьев Вырезубов, с хозяйкой Матвеевной и красавицей дочкой Малашей. Опричь семьи, держал Терентьич двух работников и работницу. Надо вам сказать, что Вырезубов был оченно богат, к тому отличный мельник, так что всегда у него было человек пять приезжих из далеких деревень для помолу; но главное — он в рот не брал хмельного и не любил, чтобы и в деле была эта поведенция.

Содержание рассказа довольно просто. Красавица Малаша полюбила ямщика Андрея Голыша; но отец просватал ее за богатого мещанина, который с отцом своим льстился на приданое, а не на девушку. Перед свадьбою случился пожар на мельнице, и Терентьич, вздумав испытать будущих родственников, сказал, что все деньги его сгорели, и попросил взаймы на постройку новой мельницы. Богатые мещане отказали в помощи и отказались от невесты-бесприданницы; но скрипач Яков безродный, отец Андрея, бывший тут, предложил Терентьичу свои последние двенадцать целковых. Раздосадованный мещанами, тронутый добротою бедняка, Терентьич согласился отдать дочь за Андрея и, ударив по рукам с нареченным свояком и зятем, объявил, что пожар вовсе не разорил его, деньги остались целы, мельницу он построит лучше прежнего и принимает к себе полными участниками своего довольства и Андрея и Якова, которые на деле доказали- ему свое расположение.

Рассказ этот написан для народа, с бытом которого дядя Афанасий хорошо знаком.

Православные и другие христианские церкви в Турции.

И. Березина. СПБ. 1855.

Дельно составленная и довольно интересная брошюра. Автор рассматривает причины прискорбного положения христиан в Турции, излагает историю законов, которыми определялись в различные времена их обязанности к турецкому правительству, и обнаруживает отношения, существующие между последователями различных христианских исповеданий. Мнения свои о первоначальной причине настоящего бедственного положения гяуров он излагает так:

Застав Византийскую империю во времена почти общего упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданию от первых воителей ислама, не могла возыметь особенного почтения к истинной религии, представители которой перед глазами мусульман были так слабодушны и развращены: очень естественно, что

свежее, здоровое племя воителей поверило своему мусульманскому превосходству и только в исламе видело спасение (стр. 2). Без всякого сомнения, в настоящем положении восточных христиан виновата более всех сама Порта, потом римские католики, а наконец сами греки (своею взаимною враждою); менее всех виновны туземные христиане (то есть славяне, румыны и прочие), и, между тем, на них -то тяжелее всего обрушиваются печальные следствия раздора. Пламеннее других пылают друг к другу ненавистью римские католики и греки, армяне также враждуют преимущественно с греками (стр. 24). Понятно, что каждое исповедание считает себя и хочет быть первым всюду, что каждая одноверная с ним нация поддерживает его всеми силами; но не можем не оплакивать и не осуждать той безумной вражды, в которую столь часто, к великому соблазну целого мира, впадают соперники, и тех неблагородных и пагубных средств, к которым иногда прибегают они (стр. 38).

Довольно подробная история турецких законов относительно

подданных Оттоманской империи и борьбы между христианами различных вероисповеданий подтверждает эти справедливые мысли.

Описание хронологической машины А. Головацкого, составленное академиком Вишневским. СПБ. 1855.

Каждому занимавшемуся хронологическими изысканиями известно, как много времени отнимает поверка летописных показаний, основанных на пасхалии. Машина г. Головацкого, удостоенная Демидовской премии, имеет целью облегчить приискива -ние всех данных, зависящих от времени празднования пасхи, для каждого данного года. По отзыву академика Вишневского, «практическое употребление машины очень просто»: стоит только навести стрелки циферблата на цифру данного года, и на таблицах машины отмечены будут дни празднования святой пасхи, вознесения, начало великого поста, цифра, определяющая воскресные дни года, и проч. Охотно верим, что машина действует быстро и верно, — и если так, г. Головацкий разрешил довольно трудную 448

задачу практической механики, построив свою «хронологическую машину». Но цена и массивность этого числительного снаряда всегда будут значительным препятствием его распространению между учеными, занимающимися хронологиею. Потому, несмотря на свои достоинства, хронологическая машина г. Головацкого не уничтожает настоятельной потребности в пасхальных таблицах, приспособленных к практическому употреблению для поверки хронологических показаний. Громадные и сбивчивые таблицы г. Хавского — труд почтенный, но не достигающий своей цели. Между тем, составление пасхальных таблиц, какие нужны для наших историков, не представляет ни малейших затруднений. Праздник пасхи, от которого зависят все данные года, переходит по 35 дням года; в каждом из этих случаев год может быть простой или високосный. Таким образом, нужно только составить для каждого из этих 70 случаев полный список всех 365—366 дней года, с обозначением воскресных дней и праздников, как это делается в стенных календарях; каждая из 70 таблиц, напечатанная компактным шрифтом, поместится на одной странице. К этим 70 страницам таблиц нужно прибавить список годов от р. х. до 1800 или 1900 года, с обозначением, под какую из 70 таблиц подходит год в пасхальном отношении, и все справки о каждом данном годе становятся столь же удобными и легкими, как справки о 1856 годе в «Месяцослове» на 1856 год: стоит взглянуть в списке годов, какая таблица представляет пасхальные цифры данного года, потом раскрыть эту таблицу — и перед нами будет готовый полный месяцослов этого года. Проще и легче ничего не может быть, и чтобы составить эти таблицы, довольно двух -трех дней времени. Хорошо было бы, если б кто-нибудь составил и издал такую тетрадку, которая, имея не более 80 страничек, с пользою заменит все пасхальные машины и все фолианты, массивность которых ведет только к затруднениям и ошибкам.

Ложь и правда о войне на Востоке. Сочинение Виктора Жоли, редактора журнала Санхо. Перевел с французского Е. Серчевский. СПБ. 1855.

В прошедшем месяце мы говорили о переводе сочинения, изданного по случаю восточной войны Виктором Жоли, и вот, через месяц, является другой перевод той же брошюрки *. Не явится ли к следующему месяцу третий?

Оба перевода сделаны грамотно; мы заметили только, что правописание иностранных имен более пострадало под пером г. Серчевского: он пишет «Санхо, Кантю, Хатти-Шерив»2, вместо Санчо, Канту, Хатти-шериф. Из этого, однако, мы не выводим никаких заключений в ущерб его переводу, вообще, кажется, довольно правильному.

29 Н. Г. Чернышевский, т. Ill 449

Правила tcoHtomeHHOrO хозяйства или обязанности кучера. Сочинение магистра О. С. Пашкевича. СПБ. 1855.

Вот говорите, что русская литература есть оранжерейное растение, что она не пустила еще глубоких корней в народную жизнь, что наши книги пишутся для горсти читателей, «е имеющих почти ничего общего с массою народа, и проч., и проч. Все эти метафоры, заимствованные из царства растений и относя* щиеся, в прямом смысле, только к миру прозябаемому, оказываются пустыми фразами, рожденными ипохондриею. На-днях вышла книжка «Наставление дворникам» *. Мы, признаемся в проступке, не сочли нужным давать отчет о ней в нашей летописи. Ныне является наставление конюхам, через неделю надобно ждать наставления швейцарам, еще через неделю — наставления трактирным служителям, и т. д. Я вас спрашиваю, г. скептик: для кого же написаны и будут написаны эти книжки, если не для народа? Я вас спрашиваю: не служат ли они несомненным доказательством того, что литература у нас есть дело народной жизни, глубоко пустила свои корни в народную жизнь? Отвечайте же, г. скептик!

Я, кажется, вошел в пафос! Не знаю, до чего бы я увлекся этим одушевлением в защиту нашей литературы от скептиков; но, к счастию, моя горячность охлаждается тем, что «Правила конюшенного хозяйства» — набор общих мест и пустых фраз, давно известных не только людям, имеющим «конюшенное хозяйство», но и людям, от роду не умевшим отличить рысака от иноходца. Веселый карандаш, или свет и тени современности в рисунках.

СПБ. 1856.

Более жалкой спекуляции на пятаки полуграмотных людей мы уже давно не видывали. Не говорим уже о необыкновенно грубом исполнении рисунков, которые, поеидимому, нацарапаны тупым долотом на лубке, самое содержание их — верх коварства. Полуграмотному продадут их за карикатуры, относящиеся к современной войне; а прочитав по складам подписи рисунков, он поймет, что они представляют мальчика, промотавшего деньги на парижской всемирной выставке. Как это случилось, отгадывайте Сами.

Очерк истории православной церкви на Волыни. Сочинение Платона Карашевича. СПБ. 1855.

Автор, без всякого сомнения, употребил довольно времени и труда на составление этого очерка; он, как по всему видно, обра-ботывал его прилежно и добросовестно, и не его вина, если «История православной церкви на Волыни» не представляет множества интереснейших фактов: чего не может дать предмет, 450

того не вложит в книгу трудолюбие аВTqра. История православной церкви на Волыни — не более, как часть истории православия в Малороссии: что происходило в Киеве, то повторялось на Волыни, и только; особенного ничего мы не в состоййи сказать б волынских епархиях, как не можем сказать ничего особенного об истории православных епархий калужской или тульской, тамбовской или орловской. Очень важна и интересна история православной церкви в Великоруссии; но если б мы вздумали писать историю православной церкви в рязанской епархии, нам поневоле пришлось бы делать общие и, по своей общеизвестности, нимало не интересные для науки извлечения из сочинений по истории русской церкви вообще, и потом прибавлять: «то же самое было, конечно, и в тульской епархии»; или: «это изменение, без сомне-

ния, коснулось и тульской епархии»; или, в самом счастливом случае, прибавлять: «мы знаем, что так было и в тульской епар -.хии; это видно из следующей грамоты», и приводить грамоту Никона к тульскому епископу о введении исправленных книг, или грамоту тульского епископа, свидетельствующую, что в Туле были около X V века каменные церкви. Точно таково все содержание книги г. Карашевича. Заимствуя общие обзоры о состоянии малорусской ц ер к ви из сочинений преосвященного Филарета, преосвященного Макария, из Бантыша-Каменского и т. д., он прибавляет на каждой странице: «Это должно относиться и к Волыни», а в некоторых случаях приводит какую-нибудь выписку из «Актов Археографической комиссии», и т. п., — выписку, не говорящую нам ровно ничего нового и не содержащую ничего важного. Если б г. Карашевич избрал предметом своего

рассуждения какой-нибудь вопрос, могущий быть предметом отдельного исследования, труд его, конечно, не остался бы бесплоден для истории, как в настоящем случае.

Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год. составлен К. Ф . Свенске.

Том первый. СПБ. 1855.

Ряд статей, которые под этим заглавием помещал г. Свенске в «Вестнике географического общества», давно уже оценен по достоинству и читателями и журналистами. Ни по одной из наук мы еще не имели такого полного и дельного обзора новейших открытий, какой был составляем ученым автором по географии. Статьи эти теперь собраны в одну книгу, и нам нет надобности рекомендовать ее публике, которая уже отдала ей справедливость. Мы только пользуемся правлением прекрасного труда г. Свенске в виде отдельного сборника, чтобы лредставить читателям беглый очерк успехов географии в последнее время.

Обзор г. Свенске начинается ближайшими к нам странами. Чрезвычайно важных предприятий по составлению и исправлению карт европейских земель в последние годы было множество. Из них назовем, в России: приведение к к о н ц у русско-шведского измерения громадной дуги меридиана между Фугленесом в Норвегии и Измаилом, на пространстве 25°20'; определение долготы главной Пулковской обсерватории от Гринвича; издание «Межевого атласа Российской империи», начатое с Тверской губернии; «Этнографическая карта Европейской России», г. Кеппена; «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», г. Веселовского; «Гидрографическое описание северного берега России», г. Рейнеке; в других европейских странах: большие топографические карты Германии на 359 и Северной Геомании, Реймана и Эсфельда на 200 листах; военная карта Франции на 258 листах; большой атлас Вгликобритании и Ирландии, в масштабе 1 английской мили на 1 дюйм; подробнейшие топографические атласы главных городов Англии (атлас Лондона будет состоять из 900 листов); большая топографическая карта Швеции на 260 листах; подобные же карты Голландии, Бельгии, Испании, Швейцарии.

Из ученых путешествий по Европе особенно важны – в России: уральская экспедиция; путешествие по северной России г. Шренка и покойного Кастрена; по земле донских казаков, г. Кеппена; по прибалтийским провинциям, г. Бера; по берегам Черного моря, графа А. Уварова. Из описаний других малоизвестных европейских стран назовем: путешествия по Далмации и Черногории, Гарднера, Вилькинсона, Коля, Патона; по Сербии, также Патона; по Норвегии, Виттиха, Фооестера; по Исландии, Шлейснера: по Венгрии, Квицмана; по Трансильвании, де-Же-

рандо; по Испании, Уркарта, Дондас-Морри, Госкинса, Мину-толи, Флейшера, Вилькома; 1 по Сардинии. Тняделя; по Греции и Т у о ц и и , Росса, Курциуса, Обри-де-Вера, Риглера, Мэкферлена. Пеоеходя к Азии, заметим путешествия по Сибири покойного Кастрена, г. Миддендорфа, Эрмана; по Аомении – Морица Вагнера; по Малой Азии – г. Чихачева, Росса; по Сирии и Палестине – Линча, Робинсона; по Аравии – Лоттена де-Лаваля; по Мессопотамии – Лейаода, Флетчера, Чесни; по Персии– Вагнера, Фландена; по Бухаре – Лемачна; по Тибету и вообще по китайской половине материка – Гюцлафа, Гюка и Габе; по странам между Ост-Индиею и Китаем – Стрэчи, Томпсона, Гукера; по Синду–Викерн, по Загангскому полуострову– Гюцлафа; список путешествий по Ост-Индии и в Китай был бы слишком длинен.

Точно так же не лдем перечислять путешествий по Алжиру, а из путешествий по Египту и Нубии упомянем только о сочинениях русских ученых: г. Ковалевского и г. Рафаловича. Абиссинию исследовали братья Аббади, Шимпер, Беке; центральную 452

Африку – Ребман, Крапф, Ливингстон, Гальтон, Кольб, Ком-минг, Ричардсон, Овервег, Барт, Пракс, Кноблсхер, шейх Мухаммед эль-Тунзи; португальские владения в Африке – Тамс, Бо-карде; прибрежья Гвинеи и проч. – Галлёр, Буэ-Вильоме,

Форбз, Геккар, Смит, Ир-Пуль.

Автор делает подробные и часто чрезвычайно интересные извлечения из сочинений этих и многих других путешественников, трудами которых столь значительно распространены наши географические и этнографические сведения.

<И З № 3 « СОВРЕМЕННИК А»>

Стихотворения графини Ростопчиной. Том первый. СПБ. 1856 х.

Самое неприятное и самое бесполезное дело на свете – восставать против общепринятых, укоренившихся мнений. Неприятно оно потому, что человек, отваживающийся противоречить всем, приобретает себе множество противников. «Как? ты хочешь быть проницательнее всех? Так, по-твоему, мы все ошибались?

Да ты говоришь парадоксы, да ты говоришь явные нелепости!»

И, если прежде считали этого человека неглупым, он компрометирует репутацию своего ума, даже своего здравого смысла.

Легко бы ему перенести эту неприятность, если бы его отважное противоречие общему убеждению принесло хотя малейшую пользу тому делу, которое он решился защищать, если б он убедил хотя немногих в истине того оригинального мнения, которое он считает справедливым. Но нет, никого не убедит он: все до одного читатели согласно решат, что он странно, непростительно ошибается, и если произведет его смелое восстание против общепринятых суждений какое-нибудь действие, то разве только утвердит публику еще более прежнего в старых мнениях.

Эти слова достаточно убедят каждого читателя, что мы очень хорошо чувствуем трудность и опасность борьбы с закоснелыми предрассудками. Но иногда эти предрассудки бывают столь очевидно неосновательны, столь несообразны с несомненными фактами, что самый осторожный и робкий человек увлекается мыслью: «эти призраки мнений держатся только потому, что ничья рука до них не дотрогивалась; самое легкое прикосновение здравого смысла низвергнет, рассыплет в пыль и прах эти лживые фантомы!» Бывают, говорим мы, случаи, когда нелепость прежнего мнения, правота нового столь очевидны, <Пё борьба против самообольщения публики 'представляется очей» легкою и обещает быть успешною. К небольшому числу таких случаев, бесспорно, принадлежит вопрос о существенном характер*, внутреннем смысле, задушевной идее, – одним словом, о пафосе 453 стихотворений нашей известной писательницы графини Ростопчиной, которая всегда справедливо почиталась одним из украшении русского Геликона. Обыкновенно думали и доныне продолжают думать, что эта замечательная поэтесса изливала в своих стихотворениях чувства и мысли, которые казались ей высокими, правдивыми, глубокими; что ее пафос – пафос увлечения идеями и ощущениями, которые составляют содержание ее стихотворении; все единодушно признавали, что ее поэзия – положительное отражение той жизни, которая казалась и кажется для самого поэта идеалом жизни.

Это мнение положительно ложно. Надобно только перечитать со вниманием прекрасные стихотворения графини Ростопчиной, и очевидна будет его ошибочность.

Критик, с суждениями которого мы не любим расходиться, на, авторитет которого мы любим ссылаться, потому что лучше го авторитета нет у нас, более справедливых суждений мы не найдем ни у 'кого 2 – этот критик заметил, что существеннейшее содержание стихотворений графини Ростопчиной – бал.

Отличительные черты музы графини Ростопчиной – наклонность к рассуждениям и светскость. Исключительное служение «богу салонов» не совсем выгодно. Наши салоны – слишком сухая и бесплодная почва для поэзии. Правда, они даже и зимою дышат ароматом, или, как говорит муза графини Ростопчиной, сыплют аромат; но этот аромат искусственный, возросший на почве оранжерейной, а не на раздолье плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. Бал, составляющий источник вдохновения нашего автора, конечно, образует собою обаятельный мир даже и у нас, – не только там, где царит образец, с которого он довольно точно скопирован; но бал у нас – заморское растение, много пострадавшее при перевозке, помятое,

* вялое, бледное. Поэзия– женщина: она не любят показываться каждый |день в одном уборе; напротив, ей нравится каждый час являться новою, всегда быть разнообразною – это жизнь ее. А все балы наши так похожи один на другой, что поэзия не пошлет туда и своей ассистентки, не только сама не пойдет. Между тем, поэзия графини Ростопчиной, прикована к балу: даже встреча и знакомство с Пушкиным, как совершившиеся на бале, суть собственно описание бала*. Талант графини Ростопчиной мог бы найти

* Приводим здесь это поэтическое воспоминание:

На бале блестящем, в кипящем собранье,

Гордясь кавалером и об руку с ним **,

Вмешалась я в танцы, и счастьем моим

В тот вечер прекрасный весь мир озлащался.

Он с нежным приветом ко мне обращался;

Он дружбой без лести меня ободрял;

Он дум моих тайну разведать желал...

Он выманить скоро доверье умел...

Под говор музыки, украдкой, дрожа,

Стихи без искусства ему я шептала...

Он пылкостью прежней тогда оживлялся,

Он к юности знойной своей возвращался.

Со мной молодея, он снова мечтал...

(Изд. 1856 г., етр. 256).

* Алекслнлром Сергеевичем Пушкиным. Примеч. автора.

454

более обширную и более достойную себя сферу, и сТиХи, подобные следующим, выражают только мнение, кажется, несправедливое в отношении к высокому назначению женщины вообще:

А я, я женщина во всем эначеньи слова,

Всем женским склонностям покорна я вполне;

Я только женщина... гордиться тем готова...

Я бал люблю... отдайте балы мие1

(«Отечественные записки», 1841, т. XVIII, «Библиографическая хроника», стр, 6).

В словах об отношении балов к поэзии есть сзоя справедливость; но — как ни прискорбно нам опровергать суждения критика, который был истинным учителем всего нынешнего молодого поколения, — мы должны откровенно сказать, что он совершенно ошибался, применяя эти общие соображения к стихотворениям графини Ростопчиной. Он, по нашему непоколебимому убеждению, слишком поверхностно взглянул на их «салонное содержание», заметил только общую черту — присутствие бальных мыслей в каждом стихотворении, и ограничился этим. Но этого мало. Надобно было глубже вникнуть в это «салонное содержание», и тогда характеристика вышла бы точнее, основательнее, тОгда и заключения его о таланте графини Ростопчиной были бы совершенно другие. Мы постараемся это сделать и доставить посильный материал для истории нашей литературы, в которой г-жа Ростопчина, по общему мнению и по заключениям критика, должна занимать довольно или даже очень значительное место *.

С этим полезным стремлением мы приступаем к анализу стихотворений графини Ростопчиной. Чтобы изобличить неверность мнений, приведенных нами, надобно только собрать черты для составления полной характеристики того женского лица, которое, в большей части стихотворений нашей поэтессы, является описывающим свои ощущения и мечты. Но гфежде всего напомним читателю, что вообще не следует предполагать, будто каждое * Заключения критика, которого мы цитировали, выражены в следующих словах:

«С 1835 года почти во всех периодических изданиях начали появляться

стихотворения, отмечаемые таинственною подписью Г р-ня Е. Р-на. Но поэтическое инкогнито недолго оставалось тайною. Истинный талант как-то не уживается с инкогнито. К тому же люди — странные создания. Иногда они потому именно и не знают вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнают потому только, что вы его скрываете или делаете вид, что скрываете. Повторяем, главная причина того, что литературное инкогнито графини Ростопчиной скоро было разгадано, заключалось в поэтической прелести и высоком таланте, которым запечатлены ее прекрасные стихотворения».

455

«я», излагающее в лирической пьесе свои ощущения, по необхо -димостн есть «я» самого автора, которым написана пьеса. Taft, у г. Фета есть прелестное стихотворение:

Еще ребенком я была,

Все любовались мной:

Мне шли и кудри по плечам И фартучек цветной...

Есть у него другая прекрасная пьеса:

Зеркало в зеркало, с трепетный лепетом,

Я при свечах навела...

У Кольцова также есть много подобных пьес, например:

Я любила его Жарче дня и огня...

И л и :

Без ума, без разума Меня замуж выдали.

Золотой век девичий Силой укоротали...

Есть такие пьесы и у Пушкина;

Подруга милая, я знаю, отчего

Ты с нынешней весной от наших игр отстала.

Я тайну сердца твоего Давно, поверь мне, угадала...

Конечно, никто не скажет, чтобы г. Фет, Кольцов, Пушкин о себе говорили здесь: «Я навела», «я была», «я любила», «меня замуж выдали», «я угадала». Есть подобные «я», несомненно различные от личности самого лирика, в лирических пьесах Гете и Шиллера, Беранже и Гейне, — одним словом, почти каждого великого поэта.

Мы нарочно выбирали примеры самые неоспоримые, где уже самая грамматика различием родов в глаголе, относящемся к «я», с исторически несомненным полом автора, показывает справедливость нашего положения. Но и там, где грамматика оставляет нас в сомнении, по одинаковости пола автора пьесы и пола выводимого им «я», здравый смысл и несомненные биографические факты часто убеждают, что «я» пьесы не есть «я» автора, и поступки, положения или ощущения, усвояемые первому, нимало не могут быть приписываемы последнему, то есть автору. Так, например, в одном стихотворении у Лермонтова читаем:

Молча сижу под окошком темницы...

Помню я только старинные битвы,

Меч мой тяжелый да панцырь железный.

456

Но положительно известно, что в 1841 году, когда написана эта пьеса, Лермонтов не сидел в темнице или в тюрьме, а сражался за отечество на Кавказе, и никогда не было у него ни меча, ни железного панцыря, а носил он всегда форменную саблю или шашку и мундир, как следует по положению. В известном романсе Пушкина «Черная шаль» читаем, что «я убил какого -то

армянина и какую-то девушку-гречанку» и потом

Мой раб, как настала вечерняя мгла,

В дунайские волны их бросил тела.

Но положительно известно, что Пушкин во всю свою жизнь никого не убивал, что рабов у него не было, а были дворовые люди, и что на Дунае Пушкин никогда не жил, следовательно, не мог с лакеем своим бросать тел в дунайские волны. Мы готовы при-весть миллион подобных примеров из всех без исключения лирических поэтов.

Из этого неоспоримо следует: 1) что «я» лирического стихотворения не всегда есть «я» автора, написавшего это стихотворе ние; 2) что в приписывании самому поэту поступков, положений и ощущений являющегося в лирическом стихотворении «я» надобно поступать с крайнею осмотрительностью и не иначе, как сообразив ощущения и поступки лирического «я» с положительными историко-литературными фактами.

Да не упрекнет нас читатель в педантизме за длинное доказательство столь очевидных положений: мы хотели поставить их вне всякого спора, вне всякого сомнения, придать им достоверность математической истины, потому что ка этих положениях основано наше мнение о пафосе графини Ростопчиной.

Соберем же теперь черты для характеристики того лирического «я», которое является в стихотворениях графини Ростопчиной; докажем, что подобное «я» не может быть идеалом... не говорим: графини Ростопчиной, — но вообще какого бы то ни было поэта; укажем источник заблуждения, господствующего в критике и публике; наконец обнаружим истинные — прекрасные — отношения графини Ростопчиной к этому «я»; и тогда читатели согласятся, что поэтическое значение произведений графини Ростопчиной доселе не было еще оценено по достоинству; что они должны считаться... не говорим: прекрасным, в этом никто не сомневался до сих пор, — но в высшей степени замечательным явлением в истории нашей литературы, — явлением не менее замечательным, нежели стихотворения Лермонтова.

«Я», говорящее о себе в пьесах нашей поэтессы, до страсти любит балы. Эта черта, как мы видели, замечена критикою как черта непривлекательная, но замечена без глубокого анализа, только вообще. Если молодая девушка, только что начавшая выезжать в свет, увлекается два-три года балами, это еще ничего не значит: увлечение молодости, прелесть новизны оправдывают 457

•е. Нет беды, если она две -три зимы потанцует с удовольствием; нет особенного преступления, если она в первые выезды заслушается комплиментов: какая светская девушка не мечтала о первом бале, не мечтала после первого бала? Не бойтесь за нее: ведь это все очень скоро проходит: как только балы .перестанут быть для нее новизною, она будет очень часто скучать на бале, будет находить большую часть кавалеров скучными, и верить никакому комплименту решительно не будет. Из десяти светских девушек так бывает с девятью. Ведь, если смотреть на вещи беспристрастно. надобно сказать, что далеко не все светские девушки и молодые дамы кокетки в строгом смысле слова: ведь и женщины такие же люди, как мужчины, ведь и светские женщины тоже люди. Согласитесь же, если вы не мизантроп, что между людьми редки решительно дурные характеры и совершенно пустые головы; а кокеткою, говоря вообще, может быть только женщина с сухим, дурным сердцем и с пустою головою. И .уж если могла стать женщина кокеткою, останется она кокеткою до конца жизни: такова ее натура. Теперь судите, к обыкновенным ли светским женщинам принадлежит лицо, которому графиня Ростоп

чина дает первое место, уступает первое лицо глагола и местои-

мение «я» в своих стихотворениях. Но ведь нам приходится говорить об этом «я», пока еще загадочном, в третьем лице, и пока будем называть это лицо

неопределенным местоимением «она». «Она» все счастье свое находит только на бале не в продолжение каких-нибудь двух или трех, а в продолжение целых двенадцати лет; с самого начала стихотворений, расположенных по хронологическому порядку, до самого конца первого тома, с 1829 до 1841 , – то же будет и в течение всех остальных лет до настоящей минуты: в рассеянных по журналам стихотворениях всех следующих лет, где только является «она», «она» проникнута мечтами о бале. Вот, например, «она» в деревне, как видно, замужем; у «нее» уже двое детей, – бьет двенадцатый час; «она» восклицает:

Бывало, только ты пробьешь,

Я в полном упоенье,

И ты мне радостно несешь Все света оболыценья.

Теперь находишь ты меня За книгой, аа работой...

Двух люлек шорох слышу я С улыбкой и заботой.

И мне представилось: теперь танцуют там,

На дальней родине, навек избранной мною...

Рисуются в толпе наряды наших дам,

Их ткани легкие, с отделкой щегольскою:

Ярчей наследственных алмазов там блестят Глаза бессчетные, весельем разгоревшись...

Опередив весну, до время разогревшись,

Там свежие цветы свой сыплют аромат.,,

Красавицы летят, красавицы порхают.

Их вальсы Лацкера и Штрауса увлекают Неодолимою игривостью своей...

И все шумнее бал, и танцы все живей!

И мне все чудится! Но, ах! в одном мечтанье!

Меня там нет! Меня там нет!

И, может быть, мое существованье Давно забыл беспамятный сей свет!

И что же привлекательного для «нее» на бале? Не поэтическая сторона его, если он имеет в себе хотя каплю поэзии, не пылкая страсть, не таинственная интрига, – нет, не бойтесь за «нее», – просто наряды, комплименты и вальс; для натур пламенных, которым прощается многое, даже любовь к балам в зрелые лета, бал – место страстных, таинственных разговоров с одним, бал – рай или ад; для «нее» бал – просто развлеченье, очень приятное потому, что там много кавалеров, говорящих очень лестные комплименты:

Когда ровесницам моим в удел даны Все общества и света развлеченья,

И царствуют они, всегда окружены Толпой друзей, к ним полных снисхожденья,

Когда их женский слух ласкает шум похвал,

Их занят ум, их сердце бьется шибко,] –

Меня враждебный дух к деревне приковал,

И жизнь моя лишь горькая ошибка!

Так вот почему «она» восклицает: «Я бал люблю! Отдайте балы мне!» – «Она» с самого начала до самого конца любуется собою, своею красотою, – этим чувством

проникнуто каждое излияние «ее» сердца; «она» описывает свою наружность и на

ряды; «она» даже говорит при случае:

Что мне до прелести румянца молодого?

красота не в румянце; очаровательна та женщина, которая имеет В движеньях, в поступи небрежную сноровку (Стр. 192).

Наконец, «она» просто признается, что любила балы не по страстному увлечению, а просто по тщеславию, что «она жила тщеславием»:

Потом была пора, и света блеск лукавый Своею мишурой мой взор околдовал:

Бал, искуситель наш, чарующей отравой Прельстил меня, завлек, весь ум мой обаял...

Пиры и праздники, алмазы и наряды,

Головокружный вальс вполне владели мной,

Я упивала ся роскошной суетой,

Я вдохновенья луч тушила без пощады Для света бальных свеч... я женщиной была!

Тщеславьем женским я шила! (Стр. 158.)

459

А теперь — говорит «она» — настала пора другая, мечты прошли, «существенность» стала интереснее, нежели «игра воображения»: прежде, говорит «она»:

Я с детским жаром увлекалась Воображения игрой...

Но теперь уж не то:

Я в горний мир не увлекаюсь,

Я песней сердца не пою.

Но к хладу жизни приучаюсь И уж существенность люблю! (Стр. 82—83.)

Но о «существенности» после: нам нужно еще послушать, что «она» говорит на бале. Надобно кстати заметить, что «она» постоянно жалуется на то, что светские мужчины не умеют оценить

сердца, жаждущего любви: они боятся «молвы», и «она» убеждает их не бояться пустых, лживых толков света. Зато, как сострадательно она готова утешать мужчину, который грустит о подобной же неудаче! Вот один пример:

Зачем, страдалец молодой,

Зачем со мною лицемерить?

Нет! хитростью своей пустой Тебе меня не разуверить!

Ты любишь! Это говорят Твоя задумчивость немая,

Безжизненный, унылый взгляд,

Болезнь и бледность гробовая!

Так, твоя любовь несчастна, и ты никому не хочешь говорить этого, ты не хочешь нарушать тайну своей любви!

Ты прав! молчи! но знай, что мною Твоя оплакана судьба! (Стр. 29.)

Вот другой пример:

Скажите, отчего ваш взор Всегда горит тоской сердечной?

Зачем напитан грустью вечной Ваш непритворный разговор?

Зачем таинственные думы Легли на томное чело.

И скорбь оттенок свой угрюмый На вас вперила, как клеймо?

В вас чтогто тайное, родное Красноречиво говорит,

И сострадание святое Меня невольно к вам стремит!

О, если б этим состраданьем

Могла купить я вам покой!

Но я богата лишь желаньем,

4в0

А ке ходатай пред судьбой.

Примите ж все, что в приношеяье Вам дать в порыве умиленья Я, бесталанная, могу:

Души свободной уваженье И сострадания слезу! (Стр. 103–104.)

Будь тверд, не унывай, возьми пример с меня:

Смотри, тверда, сильна, невозмутима я!

Пред бедной женщиной, созданием ничтожным,

Легко волнуемым, и страстным и тревожным,

Себя мужчиною обязан ты явить,

Великодушней ты, смелее должен быть!

Не слушай толк людской и вражьи пересуды!

Пусть люди против нас – сам бог эа нас покуда! (Стр. 366.)

Но что делать, если мужчина разрывает союз сердец? Обыкновенной светской женщине остается одно – страдать и тосковать; «она» делает не так: она, если ей вздумается взгрустнуть о та ком обстоятел ьстве, тотчас же умеет пе реломить себя, п ре возмочь горе; «она» говорит себе:

Опомнись1 призови на помощь силу воли,

Оковы тяжкие героем с плеч стряхни I Сердечных тайных язв скрой ноющие боли И свету прежнюю себя припомяни!

Где ленты и цветы, где легкие наряды?

Блестящей бабочкой оденься, уберись,

И поезжай на бал, спеши на маскарады,

Рассмейся, торжествуй, понравься, веселись!

Придут к твоим ногам поклонники другие, –

Меж них забудешь ты цепей своих позор,

И он, он будет знать1 Затеи молодые Встревожат и его внимательный надзор!

Он в очередь свою узнает страх и муку,

Он будет ревновать, он будет тосковать,

Ты вымктишь на нем страданья, горе, скуку,

Потом простишь его и призовешь опять! (Стр. 393.)

А если и это не удастся– что тогда? Тогда «она» говорит ему следующее:

Свободен ты! и я свободна тоже!

Без ссоры мы с тобою разошлись.

Найдется ли другой, душой моложе И сердцем понежнее, – не сердись 1 Ты так хотел! (Стр. 400 и последняя.)

А когда найдется'другой, душой моложе, как сделать его соучастником своим в отмщении неверному? «Она» будет говорить с ним о поэзии, о своем одиночестве, о том, что мир не понимает высоких стремлений и чувств. Но как вы думаете, что такое для «нее» поэзия, «чистые думы» и т. д.? – Отдых после утомитель-461

ного бала и средство приподняться после различных житейских невзгод:

Когда в шуме света, в его треволнение,

Гонясь за весельем, прося наслаждений,

Умается сердце, душа упадет,–

Тогда в думе чистой приюта ищу я,

Тогда я мечтаю и, душу врачуя,

Поэзия крылья и мощь ей дает. (Стр. 164.)

Вообще, по «ее» мнению, поэзия и мечты – только промежуток меж выездов и балов:

Для женщины...

Есть час спокойствия, мечтанья, дум святых, –

То промежуток ей меж выездов, веселий.

Не бойтесь же, «она» не увлечется поэзиею.или другими высокими стремлениями: она только будет толковать о них с кавалерами, которые «молоды душой» и одарены «нежным сердцем». Иной из этих неопытных юношей расчувствуется и изъявит ей в приличных выражениях свое сочувствие, свою любовь. «Она» будет отвечать ему так:

Но я не такова! Но с ними вместе в ряд вы Не ставьте и меня! Я не шучу собой.

Я сердцем дорожу; восторженной душой Я слишком высоко ценю любовь прямую,

Любовь безмолвную, безгрешную, святую,

Какой вам не найти здесь в обществе своем!

Иной я не хочу! Друг друга не поймем

Мы с вами никогда! Так лучше нам расстаться,

Лишь редко, издали, без лишних слов встречаться!

Хоть я и говорю: Никто и никогда!

Я так неопытна, пылка и молода,

Что, право, за себя едва ли поручусь я!

Мне страшно слышать вас; смотреть на вас боюсь я!

(Стр. 199.)

Теперь нам остается только выписать, без всяких замечаний, два стихотворения, очень замечательные.

НАДЕВАЯ АЛБАНСКИЙ КОСТЮМ Наряд чужой, наряд восточный,

Хоть ты бы счастье мне принес,

Меня от стужи полуночной

Под солнце юга перенес 1 Под красной фескою албанки.

Когда б могла забыть я вдруг Бал, светский шум, плен горожанки,

Молву и тесный жизни круг!

Когда б хоть на день птичкой вольной,

Свободной дочерью лесов,

462

Могла бы я дышать раздольно У ионийских берегов!

Разбивши цепь приличий скучных.

Поправ у ног устав людей,

Итти, часов благополучных Искать у гордых дикарел!

Как знать? Далеко за горами Нашла б я в хижине простой Друзей с горячими сердцами,

Привет радушный и родной!

Нашла бы счастия прямого Удел, незнаемый в дворцах;

И Паликара молодого

Со страстью пламенной в очах! (Стр. 137—138.) ЦЫГАНСКИИ ТАБОР

Когда веселием, восторгом вдохновенный,

Вдруг удалую песнь весь табор запоет,

И громкий плеск похвал, повсюду пробужденный, Беспечные умы цьтганов увлечет,

На смуглых лицах их вдруг радость заиграет,

В глазах полуденных веселье загорит И все в них пламенно и ясно выражает,

Что чувство сильное их души шевелит;

Нельзя, нельзя тогда внимать без восхищенья Напеву чудному взволнованных страстей!

Нельзя не чувствовать музыки упоенья,

Не откликаться ей всей силою своей!

Поют... и им душа внушает эти звуки.

То страшно бешены, то жалобны они;

В них все: и резвый смех, и голос томной муки,

И ревность грозная, и ворожба любви,

И брани смелый вопль, и буйное раздолье.

Но вот гремящий хор внезапно умолкает,

И Таня томная одна теперь слышна:

Ее песнь грустная до сердца проникает,

И страстную тоску в нем шевелит она.

О, как она мила! Как чудным выраженьем Волнует, трогает и нравится она!

Душа внимает ей с тревожным наслажденьем,

Как бы предчувствием мучительным полна!

Но если ж песнь ее, с восторгом южной страсти,

Поет вам о любви, о незнакомом счастьи,

О, сердцу женскому напевы те беда!

Не избежит оно заразы их и власти,

Не смоет слезами их жгучего следа! (Стр. 65–66.)

Мы никак не верили, чтобы апотеоз хора московских цыган и цыганок принадлежал «ей»; но сомневаться невозможно: стихотворение написано от имени женщины. «Она» не только сама увлекается песнями цыган, но думает, что каждая женщина увлекается ими. Удивительная женщина!

463

Мы не думаем, чтобы личность, какою изображает нам себя

«она», могла быть привлекательною. Тем менее мы допускаем, чтобы в ней было что-нибудь поэтическое. Расчет и поэзия, холодное стремление к целям существенности и поэзия — вещи несовместимые. Мы решительно отвергаем, чтобы какой бы то ни было поэт мог сочувствовать подобной женщине. Кто же может сочувствовать ей, в том нет ни капли поэзии. Но графиня Ростопчина сама указывает нам истинную точку зрения на дух своих стихотворений в превосходном «Предисловии», которым украшено новое издание их:

Я не горжуся тем, что светлым вдохновеньем С рожденья бог меня благословил;

Что душу выражать он дал мне песнопеньем И мир фантазии мечтам моим открыл.

Я не горжусь, что с лестью и хвалою Мне свет внимал, рукоплескал порой,

Что жены русские с улыбкой и слезою Твердят, сочувствуя, стих задушевный мой!

Я не горжусь, что зависть и жеманство Нещадной клеветой преследуют меня,

Что бабью суетность, тщеславий мелких чванство Презреньем искренним своим задела я.

Горжусь я тем, что в чистых сих страницах Нет слова грешного, виновной думы нет;

Что в песнях ли своих, в рассказах, в небылицах Я тихой скромности не презрела завет!

Горжусь я тем, что в этой книге новой Намека вредного никто не подчеркнет,

Что даже злейший враг, всегда винить готовый,

Двусмысленной в ней точки не найдет!

Горжусь я тем, что дочери невинной

Ее бея страха даст заботливая мать,

Что девушке с душою голубиной Над ней позволится и плакать и мечтать.

10 сентября 1850 года.

Теперь, надеемся, каждый читатель отгадал нашу задушевную мысль, в доказательство которой написан весь этот разбор, и согласился с нею. Так, вы правы, читатель: графиня Ростопчина – писательница байроновского, лермонтовского, гоголевского направления: она выставляет на позор те уклонения от идеала, которые глубоко возмущают ее благородную, поэтическую, чистую мысль; она клеймит горькою, холодною сатирою без усмешки, без улыбки,–клеймит сатирою, для поверхностного читателя чуждою всякой сатиры, пустоту головы и сухость сердца.

Предмет ее беспощадной иронии – те дамы, которые, к сожалению, существуют в так называемом светском обществе, хотя, к 464

счастию, составляют в нем малочисленное меньшинство, являются только как редкие исключения, – к счастию, говорим мы, потому что, если бы их было много, не могло бы существовать общество. Этих кокеток, которые не похожи на кокеток других стран, которые хвалятся соблюдением жеманных приличий, графиня Ростопчина превосходно заставила излагать свои понятия и ощущения, свои поступки и стремления, олицетворив их, по неизменным законам поэтического творчества, в этой вымышленной женщине, говорящей нам о своем «я». И как справедливы становятся слова графини Ростопчиной о своих стихотворениях, как скоро мы поймем это! Да, действительно, она горькой, несмеющейся иро -ниею глубоко, смертельно оскорбила «жеманство, суету, тщеславий мелких чванство» в этих женщинах, выставив их свету без всяких вуалей, в истинном их виде; да, она глубоко поразила их

своим презрением! И если так, – а иначе быть не может, – то, действительно, чисты ее страницы, потому что проникнуты спасительною мыслью, благородным презрением к фразе и ничтожеству. Нет в них слова грешного, нет виновной думы, – о, нет, и не нарушила она, а защитила она скромность, показав ей в этих небылицах, то есть созданных творческим воображением поэта поступках вымышленного лица, до чего доводят сухость сердца и пустота! Нет в этих страницах намека, который бы мог ввести в сомнение, сделаться вредным своею двусмысленностью: все выражено с такою ясностью, что нет места сомнению, хороши ли или презренны эти вымышленные ощущения, стремления, поступки воображаемого лица; и если девушка с невинною, неопытною, голубиною душою с л и ш к о м живо увлечется вихрем наслаждений и развлечений, столь невинных, повидимому, в начале, но приводящих к столь жалкой «существенности», как посещение цыганских оргий, – если, говорим, неопытная девушка увлечется этими опасными развлечениями, заботливая мать без страха даст ей книгу графини Ростопчиной, – без страха, потому что сильно, но спасительно противоядие и несомненно его действие: ужаснется, содрогнется, голубиная душа девушки, и заплачет она, с голубиною любовью зарыдает о погибших своих сестрах, с ужасом о той страшной опасности, которой сама подвергалась, – и очистится эта голубиная душа пламенным очищением ужаса от всех зародышей порока, какие успели зарониться в нее среди соблазнов неизведанной ею, обольстительной, повидимому, жизни, и навеки будет она чиста от суеты, тщеславия, ведущих к соблазну, и недоступна навеки будет она льстивым искушениям соблазна!

Высок подвиг поэта, решающегося избрать пафосом своих стихотворений изобличение ничтожества и порока, на благое предо-

Этим, без сомнения, надобно объяснять то уважение, которым

30 Н. Г. Чернышевский, т. [III

465

почтили талант и произведения графини Ростопчиной три величайшие поэта трех

поколений: Жуковский, Пушкин и Лермонтов. Мы уже видели, с какою благосклонностью Пушкин слушал ее стихи. Жуковский послал ей книгу, которую Пушкин приготовил для записывания своих стихотворений, и которая найдена была еще белою, девственною после его смерти. Видно, патриарх наших поэтов думал, что графиня Ростопчина достойна быть преемницею Пушкина в нашей поэзии. Любопытное письмо Жуковского об этом напечатано на 231–232 страницах нового издания стихотворений нашей поэтессы. Наконец, кому из нас не памятно дивное стихотворение Лермонтова: «Графине Ростопчиной»:

Я верю: под одной звездою Мы с вами были рождены:

Мы шли дорогою одною,

Нас обманули те же сны...

Во всем мы можем обманываться, но не обманет нас одно: имя графини Ростопчиной будет увековечено этим прекрасным стихотворением.

Как же объяснить, что журнальная критика и масса публики до сих пор не понимали истинного смысла стихотворений графини Ростопчиной? – Очень просто, и вовсе не к выгоде критики и публики, мы должны прибавить, несмотря на все уважение наше к этим органам редко погрешающего здравого смысла и общественного мнения.

Сатиры графини Ростопчиной написаны для предостережения

светских женщин и по необходимости написаны салонным языком: ведь другого языка они не захотели бы слушать, даже не поняли бы; ведь с каждым классом общества надобно говорить на его собственном языке. А известно, как тонка, почти неосязаема ирония салонов. Подумайте сами, могла ли понять журнальная критика, привыкшая к грубому, топорному, смеем выразиться, тону нашей мещанской литературы, наших Гоголей и Кольцовых и им подобных людей, – ведь и сам Пушкин, сам Лермонтов принуждены были говорить очень неделикатно, чтобы сделать свою иронию понятной для нашей публики, – могла ли эта критика* сама говорившая столь резко и привыкшая рубить с плеча, –; могла ли она понять, уловить тонкую, уловимую только для светских людей иронию графини Ростопчиной? Да и кто были критики? Мы очень уважаем их ум и нравственные качества, но должны сознаться, что они воспитывались не в салонах; один был сын купца, другой – семинарист или сын уездного лекаря, третий – мелкопоместный, чуть ли не однодушный уездный дворянин 3. Чего хотите вы требовать от этих людей, когда дело касается светского языка? Теперь, конечно, и вам, и мне, и каждому легко понять смысл стихотворений графини Ростопчиной, когда она сама прекрасно объяснила его в предисловии к новому иэда-466

нию, когда мы имеем свидетельства Жуковского, Пушкина и Лермонтова.

А прежде? признайтесь и вы, читатель, ведь вы не понимали его? Да и где Же вам понять! Мы знаем, кто вы такой, какого тона вы человек! Ведь вы любите Диккенса и Теккерея, этих грубых, хотя и даровитых людей, которые с такою мужицкою прямотою называют каждую вещь прямо по имени, не имея понятия о приличиях в образе выражения.

Но не будем слишком много обвинять себя за прежнее свое заблуждение: мы все искупали его тем, что признавали, – чисто на веру, без ясных для нас проявлений этого таланта, – высокий талант графини Ростопчиной. Мы загладим прежнее наше заблуждение тем, что будем теперь очень ясно понимать все значение этоготаланта.

Кто хочет составить себе точное понятие о степени таланта графини Ростопчиной, должен, конечно, обратить внимание не столько на содержание, сгСолько на художественную форму ее произведений, анализировать, в какой мере форма соответствует идее, и совершенно ли полно и ясно выражается идея в форме. Понимая эту идею, как она разъяснена самою поэтессою в предисловии, и как эта идея является в нашем анализе, непогре -шительная точность которого едва ли оставляет место сомнению, каждый должен будет сказать, что форма вполне соответствует идее, и потому безукоризненно художественна, в самом строгом смысле слова. Вымышленная личность, излагающая нам свои ощущения в стихотворениях, холодна и искусственна в своем выражении, как в своей жизни. Она старается показать, что любит и понимает поэзию и природу, – но на самом деле не может любить их; однако же, как личность, хотя искусственно и фальши-; во, но

довольно развитая и образованная, она умеет иногда употребить красивое или громкое выражение. Само собою разумеется, что, несмотря ни на какую искусственность, природа всегда берет верх над расчетом и преднамеренностью; потому стихи, имеющие поэтическую внешность, перемешаны с гораздо большим количеством стихов сухих, нимало не поэтических. Прежде находили это недостатком; теперь мы, с своей точки зрения, должны признать достоинством, как соответственнейшее выражение природы излагаемых ощущений и мыслей. Да и те стихи, которые на

первый взгляд кажутся поэтическими по блестящей фразеологии, для внимательного читателя оказываются фальшиво-украшенными, а не прекрасными. Наконец, хотя вымышленная личность очень много говорит о пылкости своей натуры, о зное страстей, о кипении чувств, о пламенной любви, но так как она, какова бы ни была ее натура, пресыщена развлечениями и наслаждениями,- то вместо пылкости везде видна вялость, неразлучная спут--ница пресыщения; зноя страстей мы в ней не видим, а только видим женщину, утомленную удовольствиями, но все еще мечтаю -30* 467

щую об удовольствиях, — чувства и сердце ее уже утомлены, работает одно экзальтированное воображение. Потому -то общий колорит стихотворений чрезвычайно удовлетворяет художественным условиям соответствия формы идее: он сух, эгоистичен, экзальтирован и холоден.

Даже самый язык соответствует требованию идеи: он не всегда правилен, изобилует ошибками в употреблении и сочетании слов и в ударениях. Действительно, по свидетельству Пушкина, в его время в салонах не умели правильно говорить и не могли правильно писать по-русски. Ныне, быть может, не то; но ведь лицо, с которым знакомит нас графиня Ростопчина, принадлежит еще, по своему воспитанию, тридцатым годам, и истинный художник не мог вложить в уста этой женщины иного языка, как тот, о котором много раз упоминает Пушкин, говоря о дамах и девицах своего времени.

По художественному достоинству, состоящему в этом полном соответствии формы с идеею, в графинЛ Ростопчиной должен быть признан талант необыкновенный.

Само собою разумеется, что такое заключение основано на выводах наших об истинном смысле ее произведений: кто не при-

ства формы должны представляться в другом свете.

Вестник естественных наук. Москва. 1856. М 1 '.

Мы с удовольствием прочитали первый нумер «Вестника естественных наук» и еще более убедились, что это издание, уже два года выходящее в Москве, — положительно полезно и прекрасно. Рекомендуем его всем любителям, которые хотят вынесть что -нибудь из чтения, обогатить себя сведениями. Да и как оно дешево стоит — всего шесть рублей!

Первый нумер на 1856 год заключает в себе, кроме других статей, в высшей степени поэтическую и интересную статью знаменитого Александра Гумбольдта: «Жизненная сила, или родосский гений». Какая простота, благородство и возвышенность стиля и, притом, как все ясно, тепло, прямо льется в душу! Глубокое и симпатическое сердце набросало эти коротенькие строки... Мы также любовались приложенным к 1-му № портретом Гумбольдта, этого восьмидесяти-шестилетнего служителя науки, более полувека служащего корифеем и представителем всех изумительных движений естествоведения. Счастливое лицо, редкое лицо, которое заставляет перед собой склониться всякого мыслящего человека! Всмотритесь в эту улыбку, в этот возвышенный лоб, который, кажется, так и говорит: «здесь жизненная сила входит во все свои права». Гумбольдт, по справедливости, нравственное мерило всего мышления X IX столетия, высшая грань, до которой до -468

Стигнул нынешний человек. Г. Рулъе, редактор «Вестника», очень может гордиться тем, что такой человек прислал ему свой портрет с собственноручной надписью, и тем одобрением, которое Гумбольдт высказал об его издании. После одобрения Гумбольдта нам остается только напомнить о «Вестнике» тем русским чита-

Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. Книжка 1 (январь). Москва 18561.

Красота цветка, сада всегда действовала и будет действовать на человека, потому что живопись неотразимо действует на душу человека. Это одно из эстетических удовольствий, так же, как литература и музыка. Мы, жители страны берез, можжевельника и елок, не слышавшие никогда, как шумят лавры, пальмы и густолиственные дубы, целым шатром раскинувшиеся в воздухе, не слышавшие даже запахов роскошнейшего растительного царства, – мы, у которых тянутся утомительные кустарники, плетни да метелки вместо дерев, более всего должны стараться пополнить скудость и не приветл ивость се верной природы. Балок, стропил да плетней у нас много; но какое невыносимое повторение, какое невеселое однообразие окраски, подернувшей все одинаковым колером! Поэтому акклиматизирование деревьев и цветов для нас необходимо, необходимы люди, которые бы, силою науки и опыта, обогащали нашу национальную флору, хотя бы с помощью оранжерей, теплиц и искусственных садов. Путешествия ботаников и ученых в отдаленные страны уже обогатили Старый Свет растениями тропических стран. Сколько мы уже видели чуждых нашему климату растений, которые заслуживают внимания по своей красоте и изяществу, живут вне отечественной почвы... Стебель тропического растения, тонкий, благовонный, яркоцветный, карабкается себе по стенкам наших оранжерей и теплиц, ласкает взгляд и радует за успехи науки.

Вот причина того хорошего впечатления, которое произвел на нас первый нумер возобновленного «Журнала садоводства». Это у нас единственный в России садовый журнал, который издается

русскими любителями, в Москве, при просвещенном содействии уже прославившихся на этом поприще гг. ван-Гутта, Вершаф-фельта, Линдена, Тапфа м Вагнера. За журнал этот многие скажут спасибо, потому что цель его – знакомить русскую публику с растениями воздушными и тепличными, с растениями, вновь открываемыми, излагать способы устройства оранжерей, теплиц, парников, разбивки садов, обращать внимание на плодоводство и огородничество, как на отрасли, весьма важные в нашем отечестве. Кроме того, в состав программы журнала, вообще богатой 400

и обещающей много, входят также путешествия ботаников в разные страны света. В кратком предисловии, написанном редактором этого журнала, г. Пикулиным, высказана вся цель этого прекрасного издания, и мы отсылаем читателя к этому предисловию. «Журнал садоводства», судя по первой книжке, несмотря на всю свою специальность, может быть доступен всем и каждому; даже дамы узнают так много о цветах, получат нечувствительно столько знаний об их классе, отечестве, о том, отчего известный цветок называется тем или другим именем, и т. д. Ведь немножко стыдно любить цветы и не иметь хотя маленького научного о них понятия, обо всем спрашивать своего садового немца и его безграмотного помощника, который только посредством русской сметки понял то, о чем толкует хитрый немец... Кроме удовольствия вынести пользу из чтения этого журнала, читатели найдут при нумерах журнала удивительные рисунки растений, которые выписывает редакция от известных иностранных садоводов. При № 1 приложены два иллюминованные рисунка, а именно: изящнейший цветок рододендрон, с темно-розовыми и пурпуровыми крапинами и карминными полосками по краям лепестка, и другой

великолепнейший рисунок растения, интересующего в настоящее

время всех ботаников Европы – Саррацения Друммонда. Красивый и оригинальный вид этого заморского растения, ныне распространенного по Европе, невольно поражает глаз своей мраморной окраской листьев, верхняя оконечность которых покрыта белыми и пурпуровыми пятнами, края обведены красно-лиловым ободком; стебель этого растения поддерживает одинокий пяти-лепестный темнокрасный цветок. Преоригинальное, прекрасивое растение, с такой удивительной окраской листьев! Честь и слава редакции, которая не поскупилась на приложение таких богатых иллюминованных рисунков, да еще присовокупила к ним интересные статьи... Мы не видывали еще таких отчетливых и изящных рисунков при русских изданиях.

Но кроме рисунков и политипажей, первая книжка «Журнала садоводства» представила две интересные статьи: «Картины растительного царства» г. Мина и «Московские сады в XVI11 столетии» г. Забелина. Нам в особенности понравилась статья г. Мина, и мы порадовались за редакцию, которая поняла, что подобные статьи, хотя не заключают в себе ничего нового, необходимы для русской публики, которую можно приучить к интересам специальным только посредством общих, популярных статей. Советуем г. Пикулину не упускать этого из виду, не забывать, что для массы читателей, не посвященных в специальность естествоведения, необходимы общие

очерки, предварительные взгляды и описания, изложенные языком живым и общедоступным для каждого.

Г-я Мин с успехом достигнул этой цели и популярным языком, слегка, но мастерски характеризовал всю красоту, богатство и важность растительного царства.

470

Статья «Московские сады в XVI11 столетии» также читается с большим интересом.

В заключение скажем, что первый нумер «Журнала садоводства» составлен прекрасно. Желаем от души успеха этому изданию, на который оно, бесспорно, имеет право рассчитывать. Видно, что люди с любовью и с знанием дела принялись за издание, с тактом критической оценки при разборе новых растений, которые со дня на день наводняют Европу и — бывает это! — часто под пышным именем растения, привезенного из отдаленной точки земного шара, встречаем старый и давно известный вид растения...

Очерки сибиряка. /, Девичий сон на Новый год. Быль из времен давно-прошедших. СПБ. 1856.

Прочитав на заглавном листке: «Очерки сибиряка» и зная давнишнюю скромность русских сочинителей, которые нередко целые трактаты называют: очерками, абрисами, этюдами и т. д., мы, признаемся, заранее ожидали извлечь из «Очерков» множество любопытных заметок о Сибири. Что -то нам расскажет почтенный сибиряк об этой стране, где все так ново, оригинально, где (не говоря уж об этнографических особенностях) и толстый золотопромышленник, и поручик сибирской гарнизонной стражи, и станционный смотритель, — все имеет свою особенную физиономию, говорит другим языком и с увлечением толкует о звериных шкурах, — что-то нам расскажет наш почтенный сибиряк?

Так думали мы, прочитав заманчивое заглавие: «Очерки сибиряка». Каково же было наше изумление, когда, перебросив заглавный лист, на другом листе мы прочитали другое заглавие: «Девичий сон на Новый год, в стихах». Не может быть! Вероятно, девические сны сибирских барышень представляют что-нибудь особенное, вероятно, им снится не то, что другим барышням, и уж недаром автор прибавил: быль из времен давно-прошедших. Видно, он выкопал какую-нибудь сибирскую легенду!

Прочитав всю книжку, писанную дешевенькими стихами, в роде тех, какими обыкновенно пишут благовоспитанные дети, в день именин своих .мамаш и крестных батюшек, с наивной откровенностью пролепетав: для вас — взошел я на Парнас, — мы не нашли подобной откровенности в неизвестном сибиряке. Г. сибиряк описывает вместо Сибири княжну, описывает львицу модного света (вот тебе и быль из давно-прошедших времен!), раскладывающую накануне Нового года мостик из прутиков. Эти прутики — эмблема мирных женских добродетелей; мостик — лестница, ведущая княжну в объятия милого человека в блестящей каске и в больших замшевых перчатках. А княжна:то, если б вы знали, красавица какая! Господи, как она хороша! настоящий рафинад, как говорит гоголевская сваха. Посудите сами:

471

Груди лебедя, белей Белой пены океана1 Гордо в зеркало глядясь,

Красоте своей дивясь,

Ждет княжна любимца-друга;

Скоро ль он за ней придет.

Ручку белую возьмет,

Скажет: «ты моя супруга /»

Таков портрет княжны. Сердце у ней необыкновенно мягкое.

Как она перетрусилась, когда ей приснилось, что какое -то чудовище с гусарской саблей кинулось на ее любимца-друга, как пронзительно вскрикнула бедная княжна:

«Няньки, мамки, защищайте.

Жениха скорей спасайте...

Он изрубит!» (Стр. 12.)

Как? изрубитГ любимца-друга, ротмистра Юлия изрубит!

Какой вздор, княжна! разве можно изрубить, изгнать ротмистра Юлия из вашего сердца и из русской литературы? Успокойтесь! еще придется вам не раз слышать и читать подобные разговоры: «Ротмистр Юлий!..»— Ах, вы живы! —

И огнем красноречивым Мигом вспыхнула княжна.

«Как! вы знаете? так скоро!

Кто сказал вам?..» — Я!., мне!., нет!..

Робкий был ее ответ.

Охватив горящим взором,

Юлий сел поближе к ней.

«Что же значат восклицанья?..»

— Так, оставьте без вниманья...

Расскажите поскорей,

Что случилось? — И мгновенно,

Точно жемчуг драгоценный,

Слезы пали из очей.

«Боже! слезы!..» — Говорите!..—

«Вы бледны так!!..»— Не томите!..

Каков ротмистр Юлий? Ну, не злодей ли он, посудите сами!

И за что этак морочить бедных русских барышень, которые, в простоте своей, ничего возвышеннее не знают их возвышенного русского слога. О, милый марлинизм, давно отживший, но еще не окончательно похороненный в нашей литературе задних рядов! о, великолепная шумиха слов, фонтаном бьющая из красноречивых уст ротмистра Юлия! Один только он, ротмистр Юлий, решится произнести подобные гремучие, хвастливые фразы, объясняясь в любви этой добренькой княжне, от восторга даже развесившей уши:

Не заботясь о здоровье (это говорит Юлий)

О могиле (?), но, храня Света модною условье.

Поскакал с визитом я_.

472

Я счастливец! вы балъзаы Мне на раны сердца льете.

Вы блаженство мне даете,

Вы несете к небесам 1 Вашим я дышу дыханьем,

Жизнь мила мне только в вас,

С вами жилнь и вечность — час(!

Но скааать, но вас уверить,

Как любовь моя сильна,

И огонь ее измерить –

Нет и меры, нет и слов!

А княжна-то?

Долго вслед она глядела,

Грудь плескалась, грудь горела,

Чей-то голос говорил:

«Как хорош он, как он мил1 Любишь друга?»

|– Обожаю!

Голос молвил из груди.

Да и как, в самом деле, не обожать ротмистра, который, покрутив ус, так выразился насчет ее взгляда:

Не сжигая – жжете им!

И даже что еще выдумал:

Звукам речи задушевной,

То отрадной, то смятенной.

Потрясаете в груди

Струны лучшие мои!

Очень интересно знать, какие там лучшие струны в груди этого ротмистра Юлия, и точно ли есть там подобные струны... Сомнительно! не верьте, княжна! Хотите знать, что за человек ваш ротмистр Юлий? Пустой малый, благонамеренный труп старых романов, лицо, ныне не существующее, ротмистр с медным лбом, ни одной дельной книжки не прочитавший на своем веку, не имевший даже времени рассмотреть хорошенько хоть один план знаменитого сражения, считающий военную науку вздором, ничего не слышавший о маршале Конде, о Тюрене, о принце Евгении, понаслышке знающий великого Суворова, и т. д., и т. д., прямой наследник героев повестей Марлинского, перепрыгивающий, от салонных огорчений, кавказские горы и машущий, от нечего делать, шашкой под самым небом...

Итак, читатель, если вам случится прочитать в газетных объявлениях: «Очерки сибиряка», то знайте наперед, что это деликатная выходка неизвестного автора, написавшего под этим заглавием сказочку о чувствительной барышне и гремучем ротмистре. Вместо того, чтоб ознакомиться с Сибирью, вас схватит в объятия милашка-ротмистр и, приняв вас за поджидаемую княжну, станет тискать вас к своей воинственной груди...

473

Силуэты, сцены в стихах В. П. Попова. СПБ. 1856.

Стихи г. Попова совершенно другого рода, чем стихи автора «Очерков сибиряка». Г. Попов, по крайней мере, не уверяет, что он описывает быль из давно-прошедших времен, напротив, он описывает сцены из современного быта и, притом, в новейшем вкусе. Сатира, злая сатира разлита в поэзии г. Попова! Боже, как он хлещет наше современное ничтожество, как озлобленный герой его, Калитин, глубокомысленно рассуждает о том, что ему стукнуло тридцать лет! Тридцать лет – и человек ничего не сделал, тридцать лет–и все сердится, тридцать лет–и все повторяет одно и то же, тридцать лет – и все говорит с чужого голоса! Положение истинно драматическое, и, признаться, Калитин так искренно жалеет о себе, с таким

презрением отзывается о мишурном свете, об окружающей его пустоте, что мы даже порадовались за него. «Ну, в добрый час,— подумали мы,— вероятно, он тотчас сядет к письменному столу, попросит, чтоб отыскали чернильницу, займет у приятеля-чиновника перо « напишет прошение о ревностном своем желании поступить на службу, или же, что тоже хорошо, займется другим каким-нибудь серьезным делом». Немудрено: человек огорчен, человек в раздражении, что проболтался тридцать лет на своем веку; о-н хочет, вероятно, чем-нибудь заняться, загладить прошлое, и уж недаром он с такой энергией и желчью заговорил, в первом своем монологе, о нашем воспитании, — ведь как заговорил-то! ни дать., ни взять — грибоедовский Чацкий:

Кого я видел пред собою?

Французских кукол длинный ряд.

Они — не с русскою душою И не по-русски говорят.

Потом — все там же, в первом монологе — Калитин так расходился, что стал посреди комнаты и обратился с речью к целой России:

.....Боже мой1

Проснись, России дивный гений, —

Проснись, и мощною рукой Направь ты наше воспитанье,

1 ай чистой правды свет познать И, бросив иго подражанья,

Заставь себе нас подражать.

Эге-ге! человек недюжинный: каких материй касается... видно, Чацкий на александринской сцене очень ему понравился. Что ж! это еще не беда; у Калитина впечатлительная натура, у него хорошая память, он сидел в первых рядах кресел и глотал каждое слово благородного Чацкого... Так, Калитин бранит общество, говорит о нашем жалком воспитании... Очень интересно знать, что будет он делать еще.

474

Ну, что, если, сохрани бог, вн станет все отпускать ядовитые остроты да изливать желчь на очень ограниченного человека, своего приятеля Клиновского, которого он, потому что последнему вздумалось искренно влюбиться, считает круглым дурачком? Так и есть: опять эта скверная желчь, беззубые остроты, старые нападки на суетнрсть женщин, громкие фразы... Досадно: Калитин повторяется, Калитин надувается нестерпимо, Калитин распустил хвост, Калитин во что бы то ни стало хочет удивить знанием света своего ограниченного приятеля. Он смотрит на него свысока, он считает себя Александровской колонной в сравнении с бедным Клиновским; он в душе даже презирает Клиновского, который с таким добродушием прибегает (на третьей странице) на выручку зарапортовавшегося философа и с кротостью говорит: honour, шоп cher!* (Стр. 3.)

Клиновский признается своему желчному другу, что он влюбился в хорошенькую вдову, т. е. Кринецкую, и хочет на ней жениться. С каким презрением отозвался Калитин о женщинах, как отхлестал Кринецкую, эту французскую куколку, которая хоть и блистает,

Зато и курит, и стреляет,

И ездит целый день верхом.

По уходе Клиновского, философ, покачав головой, с презрением произнес:

Смешок Клиновский мне! Чудак, в кого влюбился!

В кокетку страшную!.. А что виной тому?

Все воспитание!

Далось ему это словечко: с языка не сходит! Что станете делать с бедным Калитиным: если человек, например, шляпу себе на голову надел, он, наверное, с усмешкой скажет: все воспитание! увидит у кого-нибудь красивый кисет– все воспитание! сапог, положим, у вас жмет – виноват будет, конечно, не сапожник, а воспитание; влюбились вы – виновато не сердце, а воспитание. Нам почему-то кажется, что, если б, например, кто-нибудь от горячки умер, то Калягин, посмотрев на него мрачно, с негодованием произнес бы:

А чт<5 виной тому?

Все воспитание! Как жалок свет! везде -мученья.

Везде я всем грозит беда!..

Да чтб он за господин такой? Не разумеет ли он – как это ни странно кажется с первого взгляда – под словом воспитание другого слова: женадыма; и уж не ненавидит ли он этих женщин? Он не может не бранить их .очень шибко, и все этак свысока.

* Здравствуй, мой милый! – Ред.

475

Образованы блеск снаружи,

И пустота, меж тем, в сердцах!

А в пансионах часто хуже:

Левиц там учат танцевать,

Болтать немного по-французски,

Неправильно писать по-русски.

Кой-что из бисера вязать!..

К чему такое воспитанье Несчастных девушек ведет?

Ну, так и есть: Калитину, по всей вероятности, насолила какая-нибудь пансионерка, которая кой-что из бисера вязала: он и напустился на воспитание. Милосердный боже1 как легко можно огорчить человека! Погиб Калитин, достойный лучшей доли, погиб ни за копейку, потерян навсегда для дамского общества! Как бы не так! Послушайте, чем разрешились все его ядовитые монологи, чем кончил карьеру этот глупейший из фразеров, пышный на слова, убогий на дело.

Приятель его Клиновский, который смотрит на Калитина чуть ли как не на гениального человека, знакомит его с г-жою Кринецкою, в которую он, Клиновский, влюблен. Вдовушка оказывается премилой особой: очень недурно стреляет из пистолета, верхом ездит порядочно, курит отлично и, с болтливостью светского ребенка, сама признается Калитину:

А если б знали вы. как я Из пистолета в цель стреляю,

Иль на коньках катаюся, я знаю.

Вы ужаснулись бы меня!

Что ж, вы думаете, Калитин осыпал упреками эту, по его выражению, французскую куклу? Нет, он оробел совершенно и едва слышно произнес:

Напротив, должен я признаться.

Что сожалею об одном:

Что не могу быть ездоком.

Чтоб с вами смело состязаться;

Что не могу, как вы, стрелять,

Коньков боюся больше смерти;

Хотя и грустно мне, поверьте.

Но должен я от вас отстать.

Хотя он и скривил рот на манер сатирической улыбки, но, вместо желчи, упреков и негодования на воспитание, он запел тихо, слабо, как малиновка. Вдруг, точно кто-нибудь толкнул его под бок, Калитин опомнился, взъерошил волосы- и, чтоб не ударить в грязь лицом, начал... о чем бы вы думали? о том, какие идеи русские матери развивают у своих взрослых дочерей,— словом, напал на свой конек, на воспитание... и как грозно — послушайте:

Какие в ней,

Гордясь любовию своей.

Она идеи развивает?

4т6

Она старается убить У ней возвышенные чувства,

Она хлопочет в ней развить Необходимое искусство —

Богатых женихов ловить!

И дочь, понявши наставленья,

Для них готова расточать Свои улыбки, взоры, пенье,

Готова целый день бренчать,

Для полноты обвороженъя!

Вот воспитание в домах!

Вероятно, приятель Клиновский, который сидел тут же (перед ним-то более всего и хотел щегольнуть Калитин), подумал: «фу, ты! голова-то, голова у моего друга Калитина! золотая головка... вот отх ватал, та к отх ватал!»

И когда при прощании г-жа Кринецкая, как вежливая хозяйка, сказала 'неугомонному фразеру:

Надеюсь, не в последний раз Вы у меня, хоть в наказанье За ваши колкости...

то наш Калитин, довольный собою, сухо отвечал:

О, я готов у вас

Всегда наказан быть... Прощайте.

Во втором действии «Силуэтов» г-жа Кринецкая сидит одна, в неглиже, и жалуется на то, что она очень устала. Еще бы не устать: танцует до упаду, папироски курит самым свирепым образом, да еще, подобно знаменитой тетушке несравненного Ивана Федоровича Шпоньки, в стрельбе упражняется. Вдруг входит Калитин. Кринецкая в восторге, забыла о своем неглиже и говорит ему нараспев, подкатив глазки:

Скажите,

Что вас давно так не видать?

Калитин.

Деревню в том вините,

Что я не мог у вас бывать.

Кри н е ц к а я .

Ну, как же вы там поживали?

Я думаю, что не скучали?

Калитин.

Я полагал, зеленый луг,

Картины мирные природы Мой усмирят мятежный (?) дух И возвратят былые годы.

Но что ж? Журчание ручья.

Игра пастушеской свирели,

Шум листьев, пенье соловья Мне через месяц надоели.

Кринецкая замечает* ему, отчего же он, философ, не полюбил деревенской поэзии, которая стоит того, чтоб ее полюбить? От* чего он живет трутнем, болтается между небом и землей? От* чего он, наконец, не исполнит хоть долга гражданина, как выражается Чичиков, т. е. хоть, бы женился он, по крайней мере? Боже, как рассердился наш Калитин, как заревел он зверски на вдову! Он просто пришел в бешенство и крикнул на беззащитную женщину:

Вы деревенскою женою Меня хотите наделить?

Нет! Лучше заживо зарыть Себя, чем жертвовать собою,

Чем век безвыходно страдать И, не делясь ни с кем душою,

Средь огородов прозябать!

Позвольте, г-н Калитин, позвольте, ну перестаньте же махать руками и раздувать ноздри, перестаньте: ведь вам тридцать первая весна пошла. Вы изволите говорить, что не желаете прозябать среди огородов; да дело в том, что в столице вы браните мишурный свет, в деревне — шум листьев и пенье соловья: чего же вы хотите, скажите на милость? Поверьте, с вашим дрянным фразерством, школьным озлоблением вы везде будете прозябать — и в деревне, и в столицах. В деревне вы на волос ничего не сделаете доброго., а в столице и подавно: десять лет проживете в Петербурге и ни разу не заглянете в императорскую, публичную библиотеку, не выслушаете ни одного публичного курса хоть одной науки, не заглянете даже из любопытства в университет, а все будете толковать о просвещении да о воспитании и, попрежнему, на диво черни простодушной! (напр., Клинов-

ского), станете обращаться к России со слезами на глазах: Проснись, и мощною рукою Направь ты наше воспитанье!

Эх, почтеннейший! что вы кривляетесь, надуваете се бя и других! Лучше проснитесь прежде сами и поплачьте о себе, а потом уж о России. Ведь вы, сами того не знаете — гнилушка обще* ства, — гнилушка, которая хочет стать на ходули. А вместо этого, как было б почтенно и благородно с вашей стороны (ведь вы же пылаете духом усовершенствования!), если б вы скромно, без шуму занялись чем-нибудь да приохотили б к занятиям и к серьезным разговорам Клиновских, да не фразерствовали, не подымали нос кверху.: тогда б на деле вы доказали ваши слова:

Я твердо верю, что любовь На этом свете существует.

Вот из вашей школы и вышли б тогда хоть два-три порядочных человека, да вы' четвертый. Общес+во, разумеется, вас не .478

Заметило 6; а все -таки стало 6 меньше четырьмя фразерами: й to слава богу. Конечно, автор ваш, г. Попов, считает вас как будто порядочным человеком; да от этого вам не легче: при таком фальшивом взгляде, при необдуманном желании повторять избитые фразы везде, вы будете прозябать, везде останетесь трутнем и

лишним человеком в божьем мире.

Как вы думаете, читатель, чего собственно хочет Калитин?

Вы не верьте его фразам о сем, о другом, о третьем: он желает только одного — отыскать себе супругу:

Которая бы поняла Свое высокое значенье

И исключением была

И з нынешнего поколенья1 (Стр. 20.)

Ведь малого желает добрый Калитин! женщина, которая по сердцу, по душе была бы исключением из нынешнего поколения! И вообразите себе, он отыскал такую женщину: вдовушка Кри-нецкая, лихо разъезжающая на коньках, осчастливила философа и вышла за него замуж. И тот человек, который бранил модных львиц, презирал балы, театры, маскарад, с желчью отзывался о барышнях, кой-что вяжущих из бисера, нападал на распущенность нравов, женился на Кринецкой, стреляющей из пистолета! Вот уж подлинно: по Сеньке шапка.

Мы представляем себе следующую семейную картину: слуга за завтраком опоздал, положим, во-время подать следующее блюдо, и Калитин бросается на него с яростью:

А что виной тому!

Все воспитание! Как жалок свет! везде мученья,

Везде и всем грозит беда!

А вдовушка, прикинувшаяся под конец пьесы исключением из женщин нынешнего поколения, от скуки зарядит себе пистолет, да и бац,'бац, бац! ну! хоть в дагерротип своего муженька, который, вероятно, висит в ее будуаре. Веселенький брак, нечего сказать...

Напрасно г. Попов не придал своей пьесе комического оттенка и вообразил, что Калитин достоин серьезного изображения. Напрасно; сюжет очень недурен, и если б все это представить в юмористическом виде, то вышло б больше оживления и правды.

Теперь вопрос: отчего г. Попов назвал свои сцены «Силуэтами»? Заглавие совершенно нейдет к делу. Не лучше ли было б, если бы г. Попов назвал свою пьесу: Все воспитание! и вдова с пистолетом!! По крайней мере это отвечало б основной идее и было бы под стать изящным заглавиям, которые мы привыкли встречать на афишах Александринского театра.

479

Разведение свекловицы и добывание свекловичного сахаре по совершенно новым методам. Сочинение М. Веллера.

Москва. 1856.

Фабрикация стеариновых, маргариновых, прозрачных, солнечных, сальных и вообще всякого рода свечей. Мельнейера.

Москва. 1855.

Практика золочения и серебрения всех вообще металлов по новейшим открытиям. Составлено Шрейбером. Москва. 1855. По поводу всех этих и множества подобных переводных книжек приходит нам непреодолимое желание повторить еще раз давнишнее замечание: что за охота издателям их компрометировать свои издания широковещательными заглавиями, когда издаваемые книжки сами по себе не дурны, как те, заглавия которых мы выписали? Соглашаемся, что к пустой и нелепой книжонке шарлатанское заглавие очень идет, даже необходимо ей, потому что она и издается только для заглавия, которое имеет целью обманывать неопытных покупателей. Но зачем шарлатанством портить вещь, быть может, недурную, быть может, даже хорошую? Ведь кажется, что это может только повредить ей. Укажем в пример хоть на первое из названных нами руководств. Написано оно с толком;

переведено, положим, очень неизящно, но кому дело до изящества языка, когда речь идет о разведении свеклы и добывании сахара? Лишь бы только можно было понять смысл, — и довольно; а смысл в переводе соблюден. Кажется, в сущности дела дурного ничего -нет: зачем же придавать ему подозрительную наружность, безобразя книжку таким

заглавием:

«Разведение свекловицы и добывание свекловичного сахара по совершенно новым методам, помощию которых свекловичносахарное производство доставляет большую выгоду и каждому землеводу-домохозяину дает возможность, с простыми снарядами, приготовлять для себя потребное количество сахара».

Не явная ли нелепость это обещание дать каждому помещику возможность делать в год 15—20 пудов сахару для домашнего обихода? и какие могут быть указаны в книжке совершенно новые методы? — в книжке таких нелепостей не содержится. Ужели составители подобных заглавий не думают, что нелепое хвастовство отобьет у каждого мало-мальски неглупого человека охоту заглянуть в брошюру с таким шарлатанским заглавием?

Кто поверит, что она может быть недурна? Берем другую, опять-таки недурную книжку:

«Фабрикация стеариновых, маргариновых, прозрачных, солнечных, сальных и вообще всякого рода свечей. Практическое, на новейших опытах основанное руководство приготовлять свечи, сообщать им необыкновенную белизну и яркость света по-480

средством вновь изобретенных светилен, очищать сало до наи -возможной степени чистоты и устраивать свечные заводы по выгоднейшим планам».

У какого рассудительного хозяина будет охота заглянуть в книжку с таким подозрительным заглавием?

По нашему мнению, эти шарлатанства должны вредить успеху. Или издатели думают, что издавать книги у нас можно только для простаков, которых надобно и можно обманывать? Они ошибаются, и напрасно, вредя самим себе, вредят и вообще развитию у нас книжной торговли. Советуем им серьезнее подумать о том, что добросовестность есть не только хорошее каче-

Первое чтение и первые уроки для маленьких детей. Сочинение А. Ишимовой. Часть I. СПБ. 1856.

Имя г-жи Ишимовой, как составительницы детских книг, давно уже приобрело у нас такую известность, что педагогический курс, ею теперь издаваемый, не нуждается в наших похвалах. Мы ограничимся только извещением о содержании первой части «Уроков для маленьких детей».

«Многие матери семейств, — так объясняет в предисловии г-жа Ишимова цель своего нового сочинения, — занимающиеся сами воспитанием детей своих, давно говорят с величайшею rto -хвалою о сочинении французской писательницы, г-жи Тастю «L'education raaternelle* и, сожалея, что у нас нет подобной книги, изъявляли не раз желание иметь, по крайней мере, перевод ее». Достоинство курса г-жи Тастю несомненно (продолжает г-жа Ишимова); но перевод его принес бы мало пользы нашим детям, потому что составительница обращает главное внимание на то, что нужно и интересно для французских детей, а не для русских. Потому г-жа Ишимова решилась из своей книги «Чтение для детей первого возраста» составить такое руководство, которое, будучи применено к потребностям русского воспитания, с выгодою заменило бы для наших матерей-воспитательниц книгу г-жи Тастю.

В первой части, ныне изданной, заключаются уроки чтения, каллиграфии, нумерации и краткая священная история. Все это изложено в виде разговоров между матерью и детьми или в форме маленьких повестей, чтение которых, по мнению г-жи Ишимовой, будет завлекательно для детей. Разговоры и повести дают случай сообщить маленьким читателям первоначальные

* Материнское воспитание. — Ред.

понятия из естественных наук и пр. Все они проникнуты чистейшею нравственностью.

Издание книги, украшенной большим числом прекрасных і виньеток, очень изящно.

Новороссийский календарь на 1856 год, издаваемый от Ришсльееского лицея. Одесса. 1856.

Состав «Новороссийского календаря на 1856 год» в главных чертах тот же, какой имело это издание за предыдущие годы.

В первом отделении помещены месяцословы: православный, армянский, католический и реформатский, календари еврейский и мухаммеданский и некоторые другие календарные и астрономические таблицы; во втором «Российский императорский дом», хронологический список событий Новороссийского края и указатель замечательных предметов в городах этого края, статистические таблицы, новороссийский дорожник, расписание почт и проч.; в третьем новороссийский адрес-календарь.

По еврейскому счислению, наступивший (с 6 января) год есть 5616-й от сотворения мира; по мухаммеданскому – до 20 августа продолжается 1272, а с 20 августа начинается 1273 год гиджры.

В числе замечательных событий Новороссийского края за последние два года (кроме военных действий, хорошо известных каждому) показаны:

1854 год. Права одесского порто-франко продолжены на три года (т. е. по 15 августа 1857 г.). – Учрежден в Одессе комитет для призрения неимущих жителей города.

1855. .Построены на счет пожертвований города Одессы теле -графические башни от Одессы до Очакова. Учреждена линия электрического телеграфа из Одессы до Москвы и Петербурга. – Закрыт при Ришелье век ом лицее институт восточных языков, по случаю учреждения восточного факультета при С.-Петербургском университете.

Из «Новороссийского дорожника» заимствуем некоторые цифры, интересные для соображения пространств, по которым совершались в течение войны движения наших войск:

От Одессы до Балаклавы 514 верст; до Бахчисарая – 460; Евпатории – 492; Еникале–641; Керчи–630; Кишинева–165; Николаева– 121; Очакова– 120; Перекопа – 327; Севастополя– 502; Симферополя–430; Таганрога–745; Херсона–183; Феодосии – 535 верст.

От Херсона до Николаева 62 версты; Очакова– 115; Перекопа– 103; Севастополя–319; Симферополя–246 верст.

От Симферополя до Балаклавы – 83 версты; Бахчйсарая–30; Евпатории – 62; Еникале–211; Керчи–201; Кишинева–595;

Николаева–308; Перекопа– 133; Севастополя–72; Таганрога– 625; Феодосии – 104 версты.

Одесса отстоит от Каменец-Подольска на 455 верст; Киева–.

557; Полтавы–463; Тифлиса– 1 694; Харькова–660 верст.

Симфе рополь отстоит от Каме не ц- Подольска на 884 ве рстьп Киева – 789; Полтавы – 626; Тифлиса– 1500; Харькова –•

649 верст.

Из таблиц, показывающих цену иностранных монет, приводим следующие монеты, не показываемые в «Академическом месяцо-слове»:

Английские монеты: гинея – 6 р. 47'/г коп., соверен–6 р.

26Уг к., крона—1 р. 50Ч 2 к., шиллинг — 30l/i2 коп. сер. Неаполитанский скуди — 1 р. 24 коп., Папской области ску-ди— 1 р. 31 к. сер., сардинский скуди — 1р. 22 к., сардинская лира. 24'/з коп., тосканская лирал-20 к. сер., североамериканский дол* лар — 1 р. 31 Уг коп. сер.

Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Книжка III, изданная под редакцией)

Е. Вердеревского. Тифлис. /555.'

Из трех статей, напечатанных в III книжке «Записок Кавказского отдела географического общества», именно: «О талышин -цах» г. Росса, о «Тушино-пшаво-хевсурском округе» кн. Эристова и «Поездка в Вольную Сванетию» г. Бартоломея, каждая имеет капитальное достоинство, представляя много новых и важных материалов для этнографии Кавказского края. «Поездка в Вольную Сванетию» г. Бартоломея дошла до нас также в виде брошюры, отдельно перепечатанной из «Записок», и составляет предмет особой рецензии в этом же нумере «Современника». Исследование о талышинцах г. Росса представляет, кроме краткого введения, краткую грамматику и сборник слов талышинского наречия — данные, интересные для науки, но не для большинства читателей; потому скажем о ней лишь несколько слов, обращая главное наше внимание на статью кн. Эристова, содержащую общеинтересное описание быта двух из числа племен, населяющих Тушино-пшаво-хевсурский округ, именно о пшавцах и хевсурах.

Округ, занимаемый этими малоизвестными народами, граничит на север с землями чеченцев, на восток с Дагестаном, на юг с Тифлисским уездом. Пшавцы и хевсуры говорят почти одним и тем же наречием грузинского языка, сохранив его старинные формы и слова, которые уцелели в книгах, но давно исчезли из разговорного языка нынешних грузин, которые потому едва мо. гут или вовсе не могут понимать своих соотечественников. Язук пшавцев и хевсуров неоспоримо доказывает, что они вышли в

горы, которые теперь занимают, с юга, из Грузии, по всей веро' ятности, для того, чтобы уйти от турецких и персидских наше* ствий. Небольшой округ, ныне ими занимаемый (около 80 кв. миль), представляет все степени перехода от мертвого царства снегов на хребтах до знойного климата в лощинах, где растут миндальные и миртовые деревья.

Сохраняя смутные воспоминания о вере, которую вынесли из Грузии, хевсуры и гапавцы считают себя христианами и принимают как смертельную обиду, если кто назовет их нехристями; но догматы христианства уже совершенно затемнены у них грубым суеверием и многобожием. Они почитают крест, апостолов Петра и Павла, Михаила архангела, но поклоняются своим языческим богам: богу востока, богу запада, богу душ, с тем вместе признают и Христа бога. Кроме того, есть у них дух земли, духи дубов, духи гор и т. д.; есть и богиня или покровительница людей Тамара (знаменитая грузинская царица). Многие молитвы их — христианские, только искаженные невежеством. Подобно армянам, они не едят заячьего мяса и, подобно мусульманам, свинины; как евреи, празднуют субботу, кроме того, уважают пятницу, как мусульмане, воскресенье, как христиане. В некоторых капищах есть кресты; но еще более народ уважает оправленную в серебро палку, обмотанную платком и украшенную серебряным шаром и железною пикою: это «дроша», род знамени. Дроша есть в каждом капище. Кроме того, каждое капище имеет медные котлы, в которых на праздники варят пиво; часто бывают и серебряные сосуды, иногда очень большой цены. Есть капища, имеющие серебра тысяч на двадцать рублей. Капище недоступно для народа: туда могут входить только жрецы. Кроме жрецов, есть у них колдуны, колдуньи и т. д. Одичавшие потомки грузин сохраняют воспоми-

нания о времени великого поста, о празднике пасхи, но забыли смысл этих установлений. Они верят, что грозу посылает Элиа (пророк Илия), который ездит по небу на огненной колеснице, и просят его о ниспослании дождя; но есть у них для прекращения засухи и другое средство: «пахать дождь»— обряд, состоящий в том, что девушки запрягаются в плуг, стаскивают его в реку и волокут вдоль берега, идучи сами по пояс в воде. На масленицу они переряжаются и ходят по улицам в вывороченных шубах, прикрыв лицо войлоком, в виде маски. Кроме заговоров и колдовства, есть доступные каждому средства предохранить себя от той или другой болезни на целый год. Дело состоит только в том, чтобы победить ту или другую из перелетных птиц, то есть увидеть их в первый раз после весеннего прилета в требуемом положении,— например, если в первый раз увидишь удода, имея голову

причесанную, то будешь целый год безопасен от головной боли. Когда услышишь первый весенний гром, надобно поскорее схватить ка. -мень и бить им себя по спине, приговаривая: «крепись, спина!» После того целый год не будешь чувствовать боли в пояснице.

484

Если увидишь первую весеннюю молнию, держа в зубах кусочек железа: не будут болеть зубы.

Праздники начинаются жертвоприношениями и молитвами; потом народ и жрецы принимаются пировать. Скот для мясных блюд пригоняется мирянами, другие съестные припасы доставляются на пир ими же; пиво отчасти также приносится ими, отчасти варится в самом капище назначенным к тому человеком — да-стури. Обязанность дастури отправляется поочередно мирянами. Дастури целый год живет в капище, не может в течение этого времени «и разу навестить своего дома или видеться с женой, не смеет даже говорить ни с кем, кроме жрецов, чтобы не осквернриться. Пища его — только черствый хлеб с водою. Раз в «еделю он должен, несмотря ни на какое время года, купаться в речке, к которой ходит особою тропою; по этой тропе никто, кроме него, не смеет ходить.

У хевсур невеста обручается жениху еще в детстве, иногда в младенчестве. Брак совершается, когда ей исполнится двадцать лет: тогда посылаются от жениха сваты, которые пробираются к дому невесты тайком. Родители ее сначала отказывают сватам, потом делают пир, и невеста отправляется в дом жениха, который остается пока спрятан где-нибудь у соседа. За невестой приходят, поодиночке, ее родные. Потом приводят жениха, сажают его с невестой у огня, разведенного посредине комнаты, наблюдая, чтобы дым веял прямо в лицо обрученной чете. Жрец читает молитвы, ставит перед женихом и невестой кушанья и пиво, дает им по восковой свече. Они встают. Жрец иголкою прокалывает им концы одежды, потом опять читает молитвы. По окончании обряда молодые в течение двух недель чуждаются друг друга, даже не говорят между собою. Потом молодая отправляется на две недели в дом родителей. Только по возвращении ее оттуда к мужу, молодые начинают жить, как муж и жена. За стыд считается, если молодая родит до истечения трех лет со времени брака. Стыдом также считается мужу спать вместе с женою, кроме первых трех дней брачной жизни. У пшавцев брачные обряды менее многосложны.

У того и другого племени муж может прогнать от себя жену, когда ему вздумается. Ни ему, ки ей это не приносит бесчестья.

Он тотчас же приискивает себе другую жену, а она — нового мужа. При чрезвычайной грубости нравов, жена — не более, как рабыня, хотя браки часто заключаются по любви. Обходиться с женою ласково или кротко — стыд для мужа. Но детей роди-

тели любят и балуют.

Беременная женщина старается, пока только может, скрывать беременность. Не только ей, но и мужу ее не позволяется бывать на праздниках: оба они осквернены. Когда приближаются роды, она уходит, или, лучше сказать, ее выгоняют из дому, в шалаш, построенный на версту от деревни, и покидают совершенно 48S

одну, без всякого пособия. Если роды трудны, что узнается только по слишком сильным и продолжительным крикам родильницы, мужчины подкрадываются к шалашу и дают залп из ружей, чтоб испугать родильницу: испугом, но их мнению, роды облегчаются. На другой день после родов, приносят хлеб к ее шалашу, но в шалаш не входят. В этом одиночестве она проводит сорок дней, потом возвращается в деревню, но не домой: она и ребенок еще считаются нечистыми; они должны, для очищения, прожить две недели в особенном здании.

Когда замечают, что больной умирает, его немедленно вытаскивают из сакли на двор, чтобы мертвое тело не осквернило сакли. Для завывания и причитывания над мертвыми существуют особенные плакальщицы, которые неутомимо трудятся вместе с родственницами, производя в доме невыносимый гвалт и крик.

На похоронах совершается тризна, с воинственными играми, скачкою и стрельбою в цель. После всех обрядов, присутствующие выкуривают по трубке махорки, за упокой души похороненного. Через пять недель и через год совершаются поминки, тем же порядком.

Хевсуры чрезвычайно грубы, надменны и считают себя храбрейшим народом в мире. Действительно, соседние непокорные чеченцы их боятся, и часто они совершают дела изумительной храбрости. Однажды, жители двух деревень, в числе 50 человек,

отбились от нападения десятитысячного полчища. В другой раз,

60 человек хевсуров три дня защищались от 5000 нападающих — и отбились. Верить ли этому? Но хотя бы то были только преувеличенные слухи, они выражают общее понятие о хевсурах. Пшавцы также славятся храбростью.

Дома горных хевсур и пшавцев построены из плитняка, без цемента, в два и три этажа. У других, живущих в долинах, хижины выстроены из бревен. Те и другие одинаково закопчены, загрязнены, наполнены чадом и насквозь пропитаны зловониями всевозможного рода, от людей и домашнего скота, живущего с людьми, так что поражают своею отзратительностью даже человека, привыкшего видеть образ жизни других закавказских туземцев.

Пища их столь же непривлекательна. Довольно сказать, что вонючее мясо предпочитают они свежему; что, зарезав скотину, они собирают кровь, дают ей свернуться и прокиснуть, потом варят и кушают.

Земледелие этих племен в самом жалком состоянии, отчасти потому, что во многих местах только небольшие клочки земли, между голых утесов и ущелий, удобны для хлебопашества; отчасти потому, что эти дикари очень ленивы. Мужчины только пашут. Все остальные работы должны исполнять женщины. Сенокосы вообще очень хороши; скотоводство довольно велико, особенно у пшавцев, между которыми встречаются зажиточные 486

люди. Деньги они зарывают в землю и ни в какие обороты rfe пускают.

Как бы ни был беден хевсур или пшавец, никогда он не попросит милостыни. Гостеприимство у них в полнейшем развитии. Гостю не только подают все, что есть в доме лучшего, — хозяин стоит перед ним на «оленях, потчуя его, играя ему на пандуре, распевая песни для его развлечения. Гость, напившись и наевшись досыта, встает, сажает хозяина и сам начинает угощать его, прислуживать ему в свою очередь.

У того и другого племени существует обычай побратимства. Братающиеся скоблят в вино серебряную монету, оба три раза отпивают по одному глотку и после того готовы с радостию умереть друг за друга. Кроме побратимстза, есть обычай меняться пулями с человеком вражеского племени, — и хевсур или пшавец скорее умрет, нежели согласится выстрелить в того, с кем поменялся пулями.

Кровомщение господствует между ними во всей силе.

Судьи — выборные общиною люди, по большей части старики. При судопроизводстве всегда бывают посторонние люди. Тяжущиеся излагают дело, становясь на колени. Решение судей ненарушимо. Затруднительные тяжбы решаются тем, что одному из тяжущихся велят присягнуть в истине своего показания. Наказания состоят в штрафах, величина которых точно определена обычаем.

Христианство начинает проникать к этим дикарям; правительством нашим построено уже несколько церквей в их стране. Основано даже в одном из их сел училище для 50 мальчиков.

Это краткое извлечение из статьи кн. Эристова может показать читателям, что она п редста вляет довол ьно полный очерк быта и нравов хевсуро-пшавского племени.

Статья г. Росса о талышинцах имеет, как мы сказали, характер совершенной специальности. Грамматика и словарь их наречия, которое до сих пор было совершенно неизвестно ученым, будут очень интересны для людей, изучающих диалекты персидского языка, и даже дают несколько любопытных фактов для филологов, занимающихся сравнительною грамматикою индоевропейских языков. Талышинцы, живущие отчасти в южной части Аенкоранского уезда, отчасти в прилежащем краю Персии, говорят диалектом персидского языка, сохранившим, сколько можно судить по представленным ныне образцам, довольно много старых форм и слов, уже исчезнувших из собственно так называемого персидского языка.

Из протоколов заседаний Кавказского отдела узнаем, между прочим, что Отделом приняты деятельные меры к составлению по одному общему плану кратких грамматических очерков и сборников слов по всем доступным для русских исследователей наречиям Кавказского края (редакция этих трудов возложена на 487

г. Берже) – дело, которое, без всякого сомнения, будет иметь большую цену для науки, если исполнение его хотя отчасти будет удовлетворительно. Кавказские наречия имеют очень большую важность не только для этнографии того края, но и вообще для науки языкознания.

К 1 июля 1855 года Кавказский отдел географического общества имел в своем составе 143 действительных члена и 11 членов-сотрудников, а всего, с почетными членами и находящимися на Кавказе членами Географического (Петербургского) общества,

167 членов.

По отчету, от 1 января по первое июля 1855 года, поступило в распоряжение Отдела 8312 руб. 20 коп. сер., из того числа израсходовано 7365 руб. 75 коп.; затем, к 1 июля 1855 года в кассе, с остаточными от прежних лет суммами, находилось 2074 руб.

8 коп.

В Приложении напечатаны ведомости о движении заграничной торговли Кавказского края за 1852, 1853 и 1854 годы. К ста-

Поездка в Вольную Сванетию полковника Бартоломея в 1853 году. Тифлис. 1855.

Вольная Сванетия – небольшой участок земли, лежащий на склоне Эльбруса,–страна, до последнего времени совершенно быв. шая неизвестною не только ученым, но и жителям окружающих областей. Первый из русских был в ней кутаисский вице-губернатор г. Колюбякин, в 1847 году. Он склонил некоторые общины вольных сванетов принять русское подданство, и после того был назначен туда пристав от русского правительства. Когда князь Микеладзе отправлялся на эту должность в июле 1853 г., Бартоломей, давно интересовавшийся неведомою страною, получил разрешение ехать вместе с ним, чтобы осмотреть Вольную Снане -тию. Благодаря времени года они счастливо переехали через Лат -парский перевал, служащий границею Вольной Сванетии, по безопасному летнему пути. Но этот путь доступен бывает только в продолжение двух летних месяцев: в остальное время года, трещины, его перерезывающие, наполняются хрупким, сыпучим снегом, сравнивающим пропасти с дорогою, и тогда проезд становится невозможным: на каждом шагу путник может погибнуть в пропасти. Когда устанавливается зима, открывается возможность переходить через хребет по другому пути; но этот зимний путь ведет через самый гребень горы, где почти постоянно свирепствует ветер, столь порывистый, что опрокидывает самых сильных людей и бросает их назад по крутому спуску обнаженной скалы. Этот путь так страшен, что только самые отважные туземцы, да и то изредка, решаются проходить здесь. Таким обра-488

зом, в течение десяти месяцев года Вольная Сванетия отрезана от

остального мира. Этого уже достаточно, чтобы понять, как мало сообщения имеет она с прилежащими землями.

Г. Бартоломей, при обзоре Вольной Сванетии, имел в виду преимущественно археологические разыскания: повсюду он осматривал старинные здания, бывшие некогда православными церквами, снимал рисунки с каждой замечательной утвари, сохранившейся от времен христианства, и проч.; «о с тем вместе он подробно описывает местности, им виденные, снимает профили горных очертаний, обращает большое внимание и на нравы туземцев, еще столь мало известные.

Вольные сванеты, подобно хевсурам и пшавцам – одичалые переселенцы из Грузии; они также были некогда христианами и сохранили о прежней вере гораздо более точные воспоминания, нежели хевсуры. У сванетов еще не только уцелели здания церквей, но образа, церковная утварь и богослужебные книги, как сокровища, хранятся в этих обветшавших, но чрезвычайно уважаемых зданиях. Но у них уж давно нет духовенства. Конечно, первою причиною этого надобно считать трудность

сообщения, а второю – постепенно возрастающую грубость нравов. Без назиданий духовенства, без советов людей грамотных, они забыли и догматы и обряды церкви, даже впали в бесчеловечные заблуждения: например, они убивали всех новорожденных своих дочерей; жены у них все украдены, куплены или взяты в плен у соседних племен. Теперь русские растолковали несчастным дикарям, что обычай убивать дочерей богопротивен, и сванеты оставили его. Вообще, эти дикари, столь грубые, должны иметь от природы расположение к чему-то лучшему, как скоро представляется им возможность к тому: некоторые из них сами приходили в соседние города креститься; две общины, самые значительные в Вольной Сванетии, из боязни не допускавшие к себе русских, согласились принять г. Бартоломея, когда им было объяснено, что он не имеет против них злого умысла, встретили его очень радушно, сблизились с ним, очень рассудительно выслушали его совет принять, по примеру других общин, русское подданство – и, таким образом, мирный ученый приобрел своему отечеству 2500 новых подданных.

К описанию путешествия г. Бартоломея приложено много рисунков: видов церквей и сел, снимков с замечательных вещей и надписей, найденных им в церквах, и т. д.; кроме того, несколько чертежей горных хребтов и наконец подробная карта Сванетии. Ученый путешественник сообщает также сборник слов, примеры склонений и спряжений и молитву «Отче наш» на сванетском наречии, которое до сих пор было почти совершенно неизвестно. Нет надобности объяснять, что подробное описание ученого обозрения столь малоизвестной страны, как Сванетия, должно иметь большой интерес для науки.

480

Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 году. И. П. Липранди. СПБ. 1855.

Мы выписали не то заглавие, которое выставлено на обертке брошюры и повторяется на втором из заглавных листов ее, а только то, которое помещено на первом заглавном листе и не выставлено на обертке; действительное же заглавие, напечатанное на обертке и втором лясте, так многосложно, что займет еще вдвое больше строк. Вот оно:

«I. Не голод и не мороз были причиною гибели наполеоновых полчищ. II. Русские или французы зажгли Москву? III. З а-мечание на некоторые выражения, встречающиеся в «Описании Отечественной Войны 1812 года», с присовокуплением списка

сочинений, вошедших в состав излагаемого предмета».

Из этого читатель может заключить, что г. Липранди не хочет следовать обыкновенным техническим приемам, употребляющимся в книжном деле: оглавление своей книги он печатает на обертке, заглавие прячет под обертку. И, действительно, слог его «замечаний», которые должны, собственно, быть обширным критическим разбором некоторых сторон истории 1812 года Михайловского-Данилевского, соответствует этому ожиданию; они носят более следов заботы о содержании, нежели о литературной форме. Но какое нам дело до слога ученого сочинения, если содержание по большей части дельно? а таково оно в книге г. Липранди.

Большая половина ее занята первою статьею, посвященною доказательствам той справедливой мысли, что холод и недостаток в съестных припасах были только второстепенными причинами погибели великой армии наполеоновой; главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы твердая решимость императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев. Никто из русских не сомневается в том; и если Михайловский-Данилевский, в своем «Описании Отечественной Войны 1812 года», иногда, по неосмотрительности, выражается об этом предмете без достаточной точности, то, сколько мы знаем, никто из читателей его истории не был введен в заблуждение этими неточными выражениями. Потому не делаем извлечений из первой статьи г. Липранди, тем более, что убедительность ей придается многочисленными, удачно выбранными и сличенными, свидетельствами из всех важнейших иностранных историков 1812 года, и, при обширности статьи, обзор ее на двух -трех страницах был бы сух и недостаточен.

Гораздо запутаннейшим и темнейшим представляется для русской публики вопрос о том, русские или французы зажгли Москву. На русском языке не являлось еще исследования о нем столь 490

полного, проницательного и беспристрастного, как исследование г» Липранди, и мы, везде строго придерживаясь выражений г. Липранди, представляем полное изложение этой его статьи, более интересной для наших читателей, без сомнения, не нуждающихся в доказательствах того, что русский царь, русский народ и русские войска, а не исключительно только мороз и голод, победили французов в 1812 году, но, быть может, не имевших случая познакомиться с данными, служащими к решению вопроса о причинах московского пожара. Г. Липранди справедливо находит, что в этом случае изложение Михайловского-Данилевского очень неудовлетворительно, выводы его шатки и неосновательны. Этот историк «попеременно приписывает сожжение Москвы то французам, то патриотизму москвичей, стараясь при всяком случае внушить то главное, что тут не было никакого участия со стороны нашего правительства, и как бы оправдаться перед иностранцами, приписавшими истребление Москвы распоряжениям графа Ростопчина. Доводы автора в этом случае не только слабы, но и противоречат одни другим».

«Сжечь столичный город империи (говорит Михайловский-Данилевский) надлежало иметь главнокомандующему Москвы высочайшее повеление. Такового повеления дано не было». Н о,— замечает г. Липранди, — не было дано высочайшего повеления и отдать Москву французам, а ее отдали. Подобных повелений не дают. Граф Ростопчин пользовался полным доверием императора; иначе он не дерзнул бы написать государю в одном донесении: «Я в отчаянии, что Кутузов скрывал от меня свое намерение (отдать Москву без боя), потому что я, не быв в состоянии удерживать город, зажег бы его»; а в другом: «До 30 августа князь Кутузов писал мне, что он будет сражаться. 1-го октября, когда я с ним виделся, он то же самое мне говорил, повторяя: и на улицах буду драться. Я оставил его в час пополудни. В восемь часов он прислал мне письмо, требуя полицейских офицеров для препровождения армии из города, оставляемого им, как он говорил, с крайним прискорбием. Есл и бы он сказал мне это за два дня прежде, то я зажег бы город, отправив из него жителей». — Ростопчин не решился бы говорить в донесениях государю: я зажег бы (продолжает г. Липранди), если бы не был удостоверен, что изъявляемая им патриотическая решимость не будет неприятною и неожиданною для государя. И высочайший манифест, изданный по случаю занятия французами Москвы, заключает многие выражения, дающие понимать, что сожжение Москвы вовсе не казалось чем-то особенным или чрезвычайным. При исчислении бедствий, постигших Россию от нашествия французов и занятия ими Москвы, их грабежей и буйств, в манифесте ни слова не упоминается о том, что они сожгли Москву, чего, конечно, не было бы упущено, если бы это было так действительно, а, напротив, делаются намеки, что событие это было предусмотрено и

491

подготовлено. Вот подлинные слова манифеста: «Москва вмещает в себе врагов Отечества своего, но неприятель не найдет в столице не только способов господствовать, ниже способов существовать». Эти доказательства очень убедительны. И слова Ростопчина и выражения манифеста доказывают решимость правительства. Ясно, что Ростопчин жалеет только о том, что скрытность Кутузова отняла у него время для систематических, всеоб'ьем-

лющих приготовлений к зажжению города вдруг на всем пространстве и в тот же миг, как войска наши его покинули. Кутузов знал об этом намерении, потому что, по словам самого Михайловского-Данилевского, одною из причин, удержавших его от битвы на Поклонной горе, перед Москвою, было опасение, что, «в случае неудачи, зажженная в тылу нашем Москва будет гибельна для отступающих войск»; итак, он знал, что в случае, если Москву надобно будет уступить неприятелю, она будет зажжена. Итак, твердое намерение сжечь Москву существовало, и Ростопчин оправдывается перед государем только в том, что ему оставлено было слишком мало времени для приготовлений к этому. Какие же распоряжения успел он сделать? Сам Михайловский* Данилевский говорит: «Иэвестясь, в восемь часов вечера, от князя Кутузова о намерении отступить от Москвы без сражения, граф Ростопчин велел разбивать бочки с вином, что делаемо было во всю ночь и на следующее утро. Снимались караулы, уходили воинские, городские команды и полиция, а над Москвою носилось варево бивачных огней». Спрашиваю (говорит г. Ли-пранди), что должно заключать из этого рассказа? Снимаются караулы, уходит полиция (еще до выступления армии), и Ростопчин приказывает разбивать бочки с вином. Для чего

это последнее? Конечно, для того, чтобы разгорячить простой народ и подготовить к тому наставлению и примеру, который подал Ростопчин, «приказав (по словам самого Михайловского-Данилевского),

2 сентября, в пять часов утра, одному следственному приставу отправиться на винный и мытный дворы, в комиссариат и на успевшие к выходу казенные и партикулярные барки и, в случае вступления неприятеля, истреблять все огнем». Что разбитие бочек произвело ожидаемое действие на чернь, г. Липранди сам видел и слышал, проезжая, в колонне Дохтурова, мимо нескольких кабаков. «Таковы были причины первых пожаров», заключает сам Михайловский-Данилевский. Какое же после этого остается сомнение в том, кто был первоначальным виновником сожжения Москвы? Но через несколько страниц, забывая о собственных словах, Михайловский-Данилевский ставит сожжение Москвы в вину французам и самому Наполеону, говоря: «Стараясь отклонить от себя нарекание в пожаре, Наполеон учредил комиссию для суждения двадцати шести русских, коих французы называли зажигателями». Учреждение комиссии для прекращения поджогов г. Липранди находит очень естественным, «потому 492

что французы пришли искать в Москве приюта и продовольствия, а не дыму и пепла», о действиях же ее, признаваемых Михайловским-Данилевским несправедливыми, .Говорит: «В определении этой комиссии (о наказании найденных поджигателей), основанном на законах, с соблюдением всех форм, исчислены улики, представлено поличное, заключавшееся во множестве найденных горючих предметов, наконец собственное сознание пойманных на поджогах и показание, что им велено зажигать. Автор неизвестно на чем основывает уверение свое, что это сознание подсудимых выдумано французами. Из двадцати шести человек подсудимых было десять полицейских солдат. Эта .последняя цифра едва ли не должна иметь особенное значение при исследовании о причинах сожжения Москвы».

Бутурлин, издавший свою «Историю 1812 г.» при императоре Александре I (перевод этой книги был даже посвящен императору Николаю Павловичу), прямо говорит, что Москва была сожжена по распоряжению правительства: «Во многих домах приготовлены были сгораемые вещества, и по городу была рас

сеяна толпа наемных поджигателей, под управлением нескольких

офицеров бывшей полиции московской, оставшихся там переодетыми. Толь великое, толь неслыханное пожертвование, каково было сожжение столицы, довольно показывало твердость российского правительства. А как Москва загорелась уже по входе в нее французов, то и не трудно было уверить народ, что неприятель зажег ее». Бутурлин был очевидец.

Если же Ростопчин, в изданной им французской брошюре, отказывался от участия в московском пожаре, то «он мог говорить это по требованию обстоятельств».

Ростопчин, совершив свой подвиг (говорит г. Липранди), как человек умный и истинный патриот, мог по окончании войны, по многий отношениям, а быть может и весьма уважительным причинам, стараться скрыть свое участие в зажжении Москвы. Жители ее, возвратись на пепелища домов своих, в первое время по миновании опасности могли питать негодование к виновнику их разорения и бедствий, хотя бедствия эти потом с избытком вознаградились щедротами государя и последовавшими успехами нашего оружия. Эту последнюю причину отрекательства Ростопчина от своего подвига подтверждают его письма, напечатанные в собрании его сочинений. Почему же Михайловский-Данилевский старался доказать, что правительство не имело участия в сожжении Москвы? — трудно найти удовлетворительную причину этому, говорит, г. Липранди:

Не думал ли он этим возвысить еще более народный русский патриотизм? Но тут-то он и ошибся. Мысль зажечь свой дом при оставлении его могут внушить страсти, вовсе чуждые патриотизму; но сжечь его, повинуясь общему распоряжению властей, есть подвиг истинного патриотизма. Послушное, самоотверженное исполнение распоряжений народом несравненно выше действий, к которым народ увлекается сам собою.

493

Третья статья г. Липранди заключает замечаний относительно

того, что Михайловский-Данилевский напрасно употребляет в столь серьезном труде, как «История 1812 года», неумеренные .выражения, Говоря, например, о Наполеоне, что он «обременен проклятием веков», «присутствием своим осквернил Москву, 'за* пятнал имя свое посрамлением», говоря: «мошенничество Напо* Леона» и пр., называя его маршалов его клевретами, корсиканскими выходцами и пр., называя его войска свирепствующими злодеями, извергами, осатанелыми и т. д. По справедливому мнению г. Липранди, надобно быть умеренным даже говоря и о Враге.

Образцы и формы деловых актов и бумаг, или практическое наставление к составлению и написанию без помощи стряпчего векселей, и т. д. Две части. Москва. 1855.

Не отваживаемся выписывать вполне заглавие книги, которое Заняло бы чуть не целую страницу. Читатели, которым есть надобность до подобных «наставлений», без сомнения, встретятся Не раз с этим многоглаголивым заглавием в книгопродавческих объявлениях. Уведомим их только о том, чего, без сомнения, не будет досказано в объявлениях: две части составляют одну разгонисто напечатанную книгу, которая кажется довольно пухлою только благодаря толстоте бумаги, и вместо цены, означенной на обертке — 2 р. сер., могла бы, без убытка для издателя, продаваться и по 50 коп. сер.

Карманаая почтовая книжка, или сборник почтовых постановлен кий, до всеобщего сведения относящихся. Издание почтового департамента. СПБ. 1855.

Новое издание «Карманной почтовой книжки», напечатанной 8 1849 году, исправленное и дополненное сообразно изменениям, происшедшим с того времени в почтовых постановлениях. Здесь помещены правила о приеме и выдаче корреспонденции

Простой, денежной, страховой и посылочной, об эстафетах, о городской почте, об иностранной корреспонденции, а в приложениях — таксы весового и страхового сбора, расписание городов, между которыми ходят почтовые экипажи, с местами для пассажиров, и правила, сюда относящиеся, также правила для проезжающих на почтовых лошадях, различные списки почтовых контор и почтовых отделений и проч.

К книжке приложены две почтовые карты: 1) Европейской и 2) Азиатской России.

494

Последние следы сэра Джона Франклина, с картою новейших открытий на севере. СПБ. /855.

О судьбе Франклина и об открытиях, сделанных экспедициями, отправленными на помощь ему, так много было писано в наших журналах, что мы должны ограничиться указанием на заглавие этой брошюры, составленной, как видно, человеком, знающим дело.

Элементарный способ решения вопросов относительно сопротивления материалов и устойчивости сооружений, с практическими примерами, чертежами и таблицами. Инженер-подполковника Беспалова. СПБ. 1855.

Книжка г. Беспалова предназначена быть пособием не для архитекторов или подрядчиков, не привыкших к употреблению довольно сложных аналитических формул, а для инженеров, которые хорошо знакомы с математикою. В предисловии автор объясняет пользу своей памятной книжки так:

«Сущность предлагаемого мною способа состоит в том, что силы можно выразить пропорциональными им объемами геометрических тел. и тогда, в смысле статическом, моменты сил заменятся моментами объемов, а в смысле динамическом, — произведениями из объемов на пути, проходимые центрами

При употреблении этого способа, большая часть вопросов, встречающихся в строительной практике, решается посредством элементарных математических действий, без помощи высшего анализа; и, действительно, г. Беспалов употребляет такие формулы. для понимания которых нужно только знание элементарной геометрии и тригонометрии.

Похождения Чичикова, или Мертвые души, поэма Н. Гоголя.

Том первый. Издание третье. Москва. 1855.

Новое издание первого тома «Мертвых душ» ни в чем не разнится с изданиями, сделанными при жизни Гоголя.

Из «Современника» < И З № 4 «СОВРЕМЕННИКА» >

Стихотворения Ивана Никитина. Издал граф Д. Н . Толстой. Воронеж. – СПБ. 1856 – 7364 К

Когда-то у нас литературные репутации создавались и уничтожались журналами; когда-то были очень многочисленны люди, того типа, который двумя-тремя словами очерчен в «Театральном разъезде»:

405

– Ну, что ты скажешь о комедии, которую мы сейчас видели ? – спрашивает один.

– Погоди; теперь еще нельзя говорить: посмотрим, что журналы скажут: тогда и узнаем, хороша ли комедия 2.

Ныне уж не та стала наша публика. Она судит и рядит, не дожидаясь мнения журналов, и часто подсмеивается над ними. Такая перемена невыгодна для критика, который из учителя

публики сделался ныне только ее отголоском и часто может вы--играть, если сделается ее учеником. А мы все -таки очень рады этой перемене. Слава богу, что публика наша научилась быть самостоятельна в литературных вопросах. Положим, если хотите, дела эти не имеют колоссальной важности, но все -таки хорошо быть самостоятельным и в этих делах. Да и для критика нынешнее скромное положение если не блистательно, зато безопасно: публика редко ошибается, и если будешь прислушиваться к ее мнению, не останешься в накладе.

Эта мысль пришла нам в голову вовсе не по поводу «Стихотворений» г. Никитина: по поводу их ничего особенно хорошего не может притти в голову (хотя издатель, граф Д. Н. Толстой, и написал к ним прекрасное предисловие). Но можно приложить и к «Стихотворениям» г. Никитина слова, которыми начинается наша статейка. И не только можно, даже должно: ведь надобно же сказать что-нибудь об этой книжке, о которой без того ровно нечего будет сказать.

Да, редко ошибается (если когда-нибудь ошибается) публика, и хорошо, когда она судит самостоятельно. Многие журналы рекомендовали ее особенному вниманию стихи г. Никитина, вообразив, что открыли в нем поэта-простолюдина с самобытным и необыкновенным талантом. Публика прочла пьесы, о достоинстве которых с таким восторгом ей возвещали, и очень равнодушно сказала: «У г. Никитина есть искусство подбирать прекрасные рифмы и составлять звучные стихи; но поэтического таланта в нем не заметно. Не заметно также, по его стихотворениям, простолюдин он или дворянин, купец или помещик, но видно, что он начитался наших поэтов, стихи которых и переделывает в своих пьесах». Это общее мнение публики разделяли мы и когда-то его выразили, и – признаться ли?– пожалели потом, что, не смягчив наших слов какими-нибудь общими, ничего не говорящими похвалами, не оставили возможности понимать наше суждение так или иначе, как кому угодно. «Почему знать, что может случиться? – думали мы. – Ведь по десяти, пятнадцати слабым пьесам довольно трудно решить, что у человека, их написавшего, нет таланта, и что он вдруг, – не ныне, завтра, – не удивит нас какими-нибудь превосходными созданиями. А тогда и придется нам сознаваться, что мы ошиблись». Но вот прошел год или два.

Г. Никитин издал, или вернее сказать, граф Д. Н. Толстой издал целую книгу, его стихотворений. Значит, г. Никитин считает 496

свои пьесы не какими-нибудь неудачными опытами, а произведениями хорошими, достойными своего таланта, – думает, что, написав их, уже совершил нечто такое, на чем может основать свою известность, или точнее сказать, так думает граф Д. Н. Толстой, издавший его стихотворения, а г. Никитин соглашается с мнением гр. Д. Н. Толстого, потому что иначе бы не дал ему разрешения издавать эту книгу. Прочли мы эту книгу – и улыбнулись над своими сомнениями в основательности и

полной точности нашего прежнего суждения, и еще одним новым фактом увеличился длинный ряд случаев, убеждающих, что публика — очень тонкая и верная ценительница всяких, поэтических и не поэтических, дел. Действительно, в целой книге г. Никитина нет ни одной пьесы, которая обнаруживала бы в авторе талант или, по крайней мере, поэтическое чувство. У него есть только уменье писать стихи. Граф Д. Н. Толстой сознается, что г, Никитин — подражатель. Это еще не заставило бы нас отказать ему в таланте: человек с поэтическим дарованием может находиться под влиянием другого поэта, с более значительным или более развитым талантом. Но мало сказать, что г. Никитин подражает тому или дру-

личных авторов, — и как переделывает? так, что в его стихах не заметно ни малейшего поэтического инстинкта: нет «и мысли, ни чувства, ни даже соотношения между различными строфами одной и той же пьесы. И какие пьесы выбирает он для переделки? Не те, смысл которых был бы ему близок, затрогивал бы если не талант его (которого мы не имеем оснований предполагать), то, по крайней мере, его чувство или мысль. Нет, ему мало нужды до того, каково содержание пьесы: были бы в ней только звучные стихи, — он тотчас же напишет- несколько куплетов, своею формою и словами похожих на эту пьесу, и думает, что эти куплеты, без всякого чувства, без всякой мысли или связи, составляют лирическое стихотворение. Понравится ему звучность стихов в пьесе Лермонтова «Три пальмы», он тотчас пишет:

В глубоком ущельи, меж каменных плит Серебряный ключ одиноко звучит 3,

И Т. Д.

Понравится .звучность стихов в другой пьесе Лермонтова: «Когда волнуется желтеющая нива», он опять пишет:

Когда закат прощальными лучами Спокойных вод позолотит стекло4, и т . Д.

То же делает он с различными пьесами Пушкина и г. Тютчева, г. Щербины н Кольцова, г. Некрасова и г. Фета, г. Полонского и г. Огарева и вообще всякого поэта, лишь бы только звучность 3J Н. Г. Чернышевский, т. Til. 497

стихов какой-нибудь пьесы какого-нибудь поэта показалась ему завидна. Вот, например, стихи, переделанные из г. Майкова:

Буря утихла. Грядой облака потянулись к востоку:

Грома глухие раскаты вдали замирать начинают...6

Тихо ночь ложится На вершины гор,

И луна глядится В зеркала озер 6, и проч.

Вот опять г. Майков:

Оделось мраком поле. На темной лазури сверкает Г ряда облаков разноцветных. Бледнея, заря потухает И Т. Д.

А эти стихи взяты из г. Щербины:

Вот здесь узнаю человека В лице победителя волн,

И как-то отрадно мне думать,

Что я человеком рожден 8.

Опыт подражания Пушкину («Я помню чудное мгновенье»): Бывают светлые мгновенья 9, и т. д.

О переделках из Кольцова мы и не говорим: их целые десятки. Пьеса, которая не была бы заимствована, в которой было бы хотя что-нибудь похожее на самостоятельность, нет ни одной во всех стихотворениях г. Никитина. Сам он не замечает в природе или жизни ничего, не чувствует ничего; но кто-нибудь напишет пьесу из русской жизни, и г. Никитин повторит ее; другой нарисует картину степи или гор — г. Никитин составит описание степи или гор; третий вдохновится

произведениями греческой скульптуры – и г . Никитин напишет о художнике, как
Взглянул он на мрамор – и ярким огнем Блеснули его вдохновенные очи.

И взял он его, и бессонные ночи

Над ним проводил он в своей мастерской.

И камень под творческой ожил рукой.

С тех пор в изумленьи, с восторгом немым Толпа (воронежских жителей?) преклоняет колена пред ним10. Иной напишет картину бури на море – и г. Никитин, живучи в Воронеже, тотчас же вдохновится тем, что На западе солнце пылает,

Багряное море горит,

Корабль одинокий, как птица.

По влаге холодной скользит.

4Од

Сверкает струй за кормою.

Как крылья, шумят паруса,

Кругом неоглядное море,

И с морем слились небеса.

Беспечно веселую песню,

Задумавшись, кормчий поет,

А черная туча на юге,

Как дым от пожара, встает, и т. д.

Вот еще стихотворение, столь гке глубоко прочувствованное: ХУДОЖНИКУ

Я знаю час невыразимой муки,

Когда один, в сомнении немом,

Сложив крестом ослабнувшие руки,

Ты думаешь над мертвым полотном;

Когда ты кисть упрямую бросаешь И, голову свою склонив на грудь.

Твоих ид ей невыразимый труд И жалкое искусство проклинаешь.

Проходит гнев – и творческою силой Твоя душа опять оживлена,

И, все забыв, с любовью терпеливой Ты день и ночь сидишь близ полотна.

Окончен труд. Толпа тебя венчает,

И похвала вокруг его шумит,

И клевета, в смущении, молчит,

И все вокруг колени преклоняет.

А ты – бедняк!– поникнувши челом,

Стоишь один с тоскою подавленной.

Не находя в создании своем Ни красоты, ни мыслк воплощенной.

Это взято, конечно, прямо из южно-русской жизни, потому что, как нас уверяет граф Д. Н. Т-олстой в предисловии, очень хорошо написанном, «учителем Никитина была та широкая, степная природа, которая окружала колыбель его, и те общественные условия, которыми сопровождалось его детство». Признаемся, мы не знали до сих пор, что для воронежских жителей «условиями, сопровождающими детство», бывают корабли, колеблющиеся в гавами, морские бури:, дружба с великими живописцами и созерцание дивных созданий ваяния. Итак, Воронеж есть Рим и вместе Неаполь.

Автор предисловия уверяет нас также, что «немного книг случалось читать» г. Никитину. Это, конечно, надобно понимать только сравнительно с числом книг, прочтенных, например, Шиллером иЛи Гете; а говоря без сравнений, мы видим из стихотворений г. Никитина, что он человек довольно начитанный: не только Пушкин и Лермонтов очень хорошо знакомы ему, но и все другие наши поэты изучены им. А так как есть у него заимствования из пьес, которые были напечатаны только в журналах и не собраны еще авторами в отдельные книги, то нет

32 * 499

сомнения, что г. Никитин читает журналы и следит за нашею литературою вообще. Это прекрасно, и скрывать от публики такую похвальную черту не для чего. Жаль только, что начитанность не заменяет природного поэтического дарования, которого до сих пор не обнаружил г. Никитин, показав только, что умеет составлять из чужих стихотворений звучные стихи. Правда1, из* датель уверен, что г. Никитин имеет «описательное дарование»; но это потому, что издатель, быть может, не так твердо, как г. Никитин, изучил гг. Тютчева, Фета, Щербину, Майкова, Огарева и других наших поэтов, а> также и Кольцова, потому и не мог принять в соображение, что не только каждая картина, во и каждая черта картины у г. Никитина в точности заимствована у того или другого из этих поэтов. Это уже дар образованности, а не природы. Издатель хвалит г. Никитина за то, что у него картины русской натуры и жизни «списаны с натуры с удивительною верностью»; в той же самой степени отличаются верностью итальянской природе и жизни его пьесы итальянского содержания, выписанные нами выше. Это мозаики, составленные по книгам, а не с натуры.

Если у г. Никитина есть зародыш таланта — чему мы были бы очень рады, но чего не решаемся предполагать, видя, что он пишет стихи уже лет семь или восемь (под некоторыми его пьесами выставлен 1849 год) и все еще не выказал его ни одним стихотворением, вылившимся из души, а не пропетым без всякой мысли или чувства, в подражание различным чужим стихам — если б у «его, действительно, был зародыш таланта, мы советовали бы г. Никитину, оставив на время сочинение стихов, ждать, пока жизнь разбудит в нем мысль и чувство, не вычитанное из книг и не заученное, а свое собственное, живое, от которого бьется сердце, а не только скрипит гусиное или стальное перо. Тогда и он, по мере своего таланта, будет поэтом, чего, впрочем, не отваживаемся надеяться: на всем, что написал он, лежит такая резкая печать совершенного отсутствия впечатлительности к чему-нибудь, кроме печатных рифмованных строк, что мы опасаемся, не принадлежит ли он по своей натуре к числу людей совершенно холодных и неспособных к поэзии.

Если опасение наше справедливо, то он не повредит таланту, которого не имеет, продолжая переделывать чужие стихотворения. Но это будет, как до сих пор было, делом совершенно бесплодным. Кому охота из пьес г. Никитина знакомиться с отрывками стихотворений Кольцова или г. Фета и других поэтов, давно знакомых каждому? Напротив, никому не может быть приятно читать, например, следующую «песню»:

Зашумела, разгулялась В поле непогода;

Принакрылась белым снегом Гладкая дорога.

500

Белым снегом принакрылась —

Не осталось следу;

Подняласа пыль и вьюга —

Не видать и свету.

Да удалому детине Буря не забота:

Он проложит путь-дорогу,

Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,

Дальний путь и вьюга.

Если молодца в свой терем Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя Утренней зарею,

Обоймет его стыдливо Белою рукою,

Опустивши ясны очи,

Друга приголубит...

Вспыхнет он, и холод ночи И весь свет забудет.

Или следующую пьесу:

В зеркало влаги холодной Месяц спокойно глядит И над землею безмолвной Тихо плывет и горит.

Легкою дымкой тумана Ясный одет небосклон;

Светлая грудь океана Дышит, как будто сквозь сон.

Медленно, ровно качаясь,

В гавани спят корабли;

Берег, в воде отражаясь,

Смутно мелькает вдали.

Смолкла дневная тревога...

Полный торжественных дум,

Видит присутствие бога В этом молчании ум11.

Ведь эта пьеса пародия на г. Тютчева, а предыдущая — на Кольцова. Какая же надобность в подобных пародиях? А пьес иного рода г. Никитин доселе не печатал еще ни одной.

ГР. д. н. Толстой полагает, что, кто пишет так, как г. Никитин, должен быть признан замечательным поэтом: для нас очень прискорбно, что едва ли кто будет разделять его мнение, тем более Жалеем об этом, что мы сами желали бы разделять его: так оно прекрасно и умеренно высказано и такими благородными чувствами внушено 1г.

501

Графиня Полина. Повесть Авдотьи Глинки. СПБ. 1856.

Г-жа А. Глинка была известна в нашей литературе, как пе* реводчица довольно многих пьес Шиллера, в том числе «Песни о колоколе». Долго нам не случалось слышать о ее новых литературных трудах. Мы думали, что почтенная писательница по* кинула перо — и вдруг... мы видим прекрасную «Графиню Полину», очаровательницу аристократических салонов, обязанную своим грациозным существованием г-же А. Глинке. Встреча столь же приятная, как и неожиданная.

Сколько психологической мудрости, сколько прелестных светских выражений, или, по выражению почтенной повествовательницы, перл слога, рассыпано в этом простом и наставительном рассказе! Мы не помним, чтобы с тех отдаленных времен, когда мы наслаждались повестями почтенного С. Н. Глинки, нам удавалось читать что-нибудь столь отрадное и успокоительное для души. Но и в повестях самого Сергея Николаевича не находили мы такого тонкого знания обычаев и языка высшего общества! Истинно, мы, люди старого доброго времени, над которыми подсмеиваетесь вы, господа молодые люди, имели превосходных писателей, и благодарность, глубокая благодарность наша почтенной г-же А. Глинке, которая осталась верна литературным преданиям нашего века, сохранила палитру своего почтенного однофамильца и родственника и решилась показать нам, людям испорченного вкуса, как писали в златой век нашей литературы, — читайте и учитесь, молодые писатели! Как все просто и невинно, как все живо и верно в ее повести! Тут нет ухищренностей, которыми увлекаетесь вы, но зато и какая прелесть, какая примирительная грация!

«Легко и свободно впорхнула в Английский магазин молодая, блестящая графиня Полина» — так начинается повесть г-жи А. Глинки. 6 «аряде этой графини «обнаруживалась артистическая утонченность: на ней было платье самого нежного цвета гри-де-лен, сверху донизу украшенное пуговицами из перл». Избалованная всеми родными и прикащиками английского магазина, блестящая графиня Полина была нетерпелива и капризна. Недовольная тем, что еще не готов ее браслет, она «закричала с визгливым порывом гнева: Mon Dieu! quelle deception!» * При этом визге, приподнял на графиню глаза «высокого роста молодой человек, серьезное лицо которого выражало ум и какую -то суровость. Он вдруг выпрямился и очень зорко и сурово окинул пышную красавицу с ног до головы иронически-холодньгм взглядом», и ушел из магазина. Вы понимаете, что Полина влюбилась в незнакомца, что он сначала будет пренебрегать ею, как девушкою пуотою и капризною, что неразделенная любовь доведет Полину до дверей гроба, смирит и исправит ее, что незнакомец * Боже мой1 Какой обман! — Ред.

окажется князем, что, узнав о критическом положении Полины, лежащей одною ногою в гробу, о глубокой страсти ее, об исправлении ее от всех возможных недостатков, он вознаградит ее за раскаяние и любовь предложением своей руки с огромными поместьями: все это вы уже вперед знаете, даже знаете, что у князя есть соперник, комический злодей, камергер в парике, интригующий, чтобы отстранить возможность объяснения между Полиною и князем, а у Полины есть наперсница, Лиза, которая объясняет князю достоинства и страдания Полины, а Полине дает наста-

предчувствуете, как будут описаны чувства Полины, ожидающей жениха... нет! вы не угадали немного: отправляющейся с отцом в деревню к жениху, потому что не жених приезжает сватать ее, а пишет ее отцу: «приезжайте ко мне в деревню; я готов жениться на вашей дочери». Этого обстоятельства никто не мог бы предусмотреть; но все равно: ошибка читателя касается только второстепенного пункта, а главное он отгадал, — именно то, что чувства графини Полины, отправляющейся в деревню к жениху, описываются следующим образом:

Мы не последуем за графиней. Все возможные описания счастья не могут подойти под настоящее. Для того, что душа перечувствует в эти счастливые минуты, нет у человека слов. И одно ожидание встречи было для Полины, конечно, выше всех мелочных удовольствий света: это — развитие полной жизни. И мы оставляем нашим читателям дополнить воображением недосказанное нами.

Таким образом, содержание повести наперед известно читателю, едва он успел выслушать от нас, о чем рассказывается в ней на первых двух -трех страницах. Но что ж из того? Разве повесть теряет свой интерес? Нимало; ведь вся важность состоит в том, как развивается автором это содержание, каким прекрасным слогом написана повесть, какими красками рисуются лица, как ведутся разговоры, какие хитрости придумывают Лиза и старый камергер, — одна, чтоб устроить, другой — расстроить свадьбу. Вот что интересно для читателя. Мы удовлетворим его любопытству.

После встречи с незнакомцем, «Полине, без особенной причины, худо спалось. На другой день, черты лица ее повытяну -лись, около глаз были синеватые круги», ей скучно, она едет в «Изделья»— что это такое? — «Изделья»? — так называют

Полина и камергер на своем элегантном языке магазин русских изделий – коварный камергер, чтоб заглушить в зародыше страсть Полины, сказал ей, что незнакомец, ее плениший – «сиделец в Изделья» – Полина делает смотр сидельцам: незнакомца иет меж ними. Она с облегченною душою едет в английский магазин. Незнакомец уж там; он покупает табакерку. Ему предлагают на выбор две табакерки. Он пристально посмотрел на них и –

503

После нескольких минут молчания обратился к купцу и самым чистым французским яаыком спросил у него:

– Как вы находите, которая из двух табакерок лучше?

– Милостивый государь, это дело вкуса и моды; цена им равная.

– Дело не в цене теперь, – прибавил незнакомец:– а я желал бы,

чтоб в подарках руководствовало чувство. Приятно было бы соединить и то и другое.

– Без сомнения, м. г. – Если табакерка для пожилой особы, мне кажется, эта казистее.

Незнакоме ц бе рет п редпочитаемую куп цом табакерку и уходит; а вы узнаете, во-первых, что надобно предоставлять выбор купцу, если хочешь руководствоваться чувством, а во-вторых, что на французском языке вместо «красивее» говорится «казистее».

Полина не узнала ничего о незнакомце и отправилась к Лизе, своей подруге, богатой и одинокой сироте, жившей «с англичанкой, для которой английский матрос был гораздо интересней русской княгини». Из этого вы опять узнаете неожиданную новость, что если девушка хорошего общества остается сиротою, то она живет одна, а не в семействе родственника, опекуна или одного из друзей ее покойного отца; узнаете также из слов об англичанке, что неуменье правильно выражаться может вести

к странной двусмысленности... Это, впрочем, вы уже знали из выражения, что на другое утро после встречи с незнакомцем «черты лица Полины повытянулись, а около глаз были синеватые круги». Вообще, в выборе выражений писателю надобно быть так же осмотрительным, как был осмотрителен незнакомец в выборе табакерки: иначе, пожалуй, скажешь, вовсе того не желая, что-нибудь очень казистое. Однако оставим замечания и посмотрим, что делается с графинею. Она сидит у Лизы; подруги курят, «дают простор языкам» (опять обмолвка: это не значит, конечно, «сплетничают»). Полина везет Лизу к себе. Камергер уж сидит у графа. За обедом «Полину подмывало отмстить Мирскому» (так зовут камергера) за то, что он оклеветал незнакомца, и она отмстила, сказав «с напряжением»: «Вообразите, папа, Мирский выдумал, что я влюбилась в сидельца из «Русского чзделья», – на что Мирский отвечал: «Когда ж я вам говорил такие глупости, графиня! Вы меня слишком обижаете!» Тут опять надобно заметить, что сидельцы не только «Русского изделья», но и мелочных лавочек не говорят так неправильно, как Полина, и так неучтиво, как Мирский. Впрочем, в большом свете все делается не так, как водится в обыкновенном обществе: например, девицы, входя в зал, делают хозяйке дома книксены, кажется, даже цалуют после чаю ручку у хозяйки, прибавляя: «покорно благодарю-с», и вообще любят частичку «с»: «да-с», «вы так сказали-с», «вы, княгиня, авантажны-с»; да, надобно еще заметить, что девицы на языке высшего общества называются «барышнями», а дамы – «барынями». Молодые люди на балах высшего общества занимают барышень раэго -504

ворами о политических событиях во Франции и нравственной философией (см. стр. 58–65). Один из них, окруженный толпою барышень, спрашивающих, как он думает о маскарадах, даже говорит: «в маскарадах вкрадывается многое, о чем неприлично мне здесь говорить», и прибавляет, осматриваясь кругом: «здесь очень многие подурнели оттого, что оказался избыток в нарядах».

Это говорит князь. Полине очень понравились его слова. Она также окинула взором лица окружающих (стр. 64). Утешительно слышать, что свобода обращения е высшем обществе простирается до такого наивного простодушия. Однако, если мы будем так

продолжать, то никогда не кончим. Оставим же всякие замечания и пропустим все превосходные рассуждения князя о том, что девицам не следует читать романов, а надобно как можно более читать стихов, не следует носить на голове гау и употреблять слово шик, и о том, что барышни (дочери князей и графов) существа пустые, и т. д., и т. п. Эти рассуждения наполняют половину книжки. Пропустим даже описание удивительного литературного вечера у Лизы – все барышни и дамы приезжают на этот вечер с пяльцами и сидят, вышивая по канве, а автор стоит вдалеке от них – пропуская все это, посмотрим на Полину, которая примеряет турецкий костюм, по совету Лизы. Она хочет ехать в маскарад, чтобы пленить князя.

С помощью Лизы и горничной, Полина стала одеваться. Лиза мигнула Полине, которая велела подать горничной все свои драгоценности. Они вынули богатый изумрудный убор с брильянтами, серьги, брошь. На голову надели род маленького тюрбана из пунцового бархата, перевитого нитками крупных брильянтов; с одной стороны укрепили белое перо с солитером. Руки, шея унизались ожерельями и браслетами.

И вот через несколько минут очутилась перед Лизой уже не графиня Полина, а драгоценная перла, во всей пышности красоты восточной.

Любуясь ею, сказала она: «Вечером ты будешь еще лучше». Едва выговорила она эти слова и только что Полина, чтобы лучше себя увидеть и показаться,

прошлась по комнате, послышался за дверью какой-то свистящий шопот:

– Можно ли видеть графиню?.. Батюшка прислал меня за нею.

– Да кто тут и что надобно? спросила Лиза.

– Как ate вы меня, княжна, не узнали? Я Мирский. Допустите, если можно.

– Впустить! – отвечала Полина небрежно. – Мирский вошел на цыпочках и остановился в дверях, с разинутым ртом и распростертыми руками. Он не опомнился, почти задохся, увидев это блестящее существо, гурию из магометова рая. Разглядев ближе, он стал на колени и восторженно закричал, сложив руки на груди и кланяясь по-турецки:

– Звезда Востока!.. Забылся!.. Пощадите, графиня!.. Непозволительно быть до такой степени прекрасной, очаровательной if На что вам столько жертв?

Полина улыбнулась, а Лиза подумала: «того -то нам и надо!»

– Батюшка прислал меня к вам. Ему нужно об чем-то поговорить с вами.

– Как же я пойду, Лиза, в костюме? Это смешно!

– Почему же и не так, графиня? – сказал, вздыхая, Мирский, – И батюшка полюбуется вами, и мы воспользуемся: подоле поглядим на вас. Осчастливьте меня хоть теперь, ваше сиятельство!

505

Мирский надел перчатки. Полина молча подала ему руку, и они отправились- через длинную анфиладу комнат к графу. Лиза смотрела ей вслёд с восторгом. Полина в этом костюме казалась выше; голова ее грациозно наклонялась то на одну, то на другую сторону, когда они проходили мимо зеркал.

Какой удивительный тон! какой прелестный слог! Можно вообразить, каково описан самый маскарад, если приготовления к нему рассказаны так хорошо. Но повесть принимает патетический оборот: турецкий наряд и грациозно наклоняющаяся то

в ту, то в другую сторону голова не подействовали на князя: он был холоден, и у Полины, тут же, в маскараде, начался припадок горячки... Наши нервы, расстроенные необычайным ароматом аристократических салонов с блестящими барышнями, не могут выносить этих трагических впечатлений, и мы закрываем повесть г-жи А. Глинки. Пусть любознательный читатель сам приобретет очаровательную «Графиню Полину»: она принесет много милых минут его душе, [быть может разделяющей суровые понятия князя о танцах и барышнях, –] мы можем только

воскликнуть вместе с почтенною повествовательницею:

Вот это мирит] Как облагораживает, возвышает женщину истинный талант! Вот ее действительное призвание — действовать на душу и тем примирять нас со всем пошлым, со всем оскорбляющим, к несчастию, встречаемым так часто в обществе. Пойте мне чаще! Благодарю вас от души за последнее впечатление! (Стр. 94),

Вспомогательная книга для помещиков и сельских хозяев.

Соч. Крейсига. Перевел и дополнил примечаниями С. М. Усов.

Издание третье, вновь пересмотренное и дополненное. СПБ. 1856. Сочинение Крейсига написано преимущественно для северо -восточной Германии, которая по своему климату более, нежели какая-нибудь другая страна Западной Европы, похожа на среднюю и обширнейшую полосу Европейской России. Потому г. Усов считал его более полезным для наших хозяев, чем подобные сочинения, писанные для стран, климатические условия которых очень различны от наших. Успех перевода оправдал его ожидания: вскоре после первого издания, вышедшего в 1836 году, понадобилось второе. Теперь г. Усов полагает нужным сделать третье.

Главное достоинство крейсиговой книги то, что написана она очень просто и практично. Многие советы и наблюдения Крей-

сига вполне прилагаются к нашему быту. Но очень много есть у него и таких вещей, которые невозможны или излишни в нашем хозяйстве. Примечания г. Усова касаются некоторых — впрочем, немногих — из числа последних случаев и не могут быть названы достаточными для того, чтобы сделать «Вспомогательную 506

книгу» верною советницею нашим сельским хозяевам. Кроме того, нам кажется, что, издавая книгу, составленную слишком за двадцать лет (1832), надобно было бы прибавить к прежнему тексту замечания о тех успехах, какие сделаны в течение этого времени практическим сельским хозяйством.

Беседы о сельском хозяйстве, профессора императорского Московского университета Ярослава Линовского. Скотоводство и шелководство. Москва. 1855.

Книга эта служит продолжением прекрасных «Бесед» Линовского о сельском хозяйстве, которые были изданы в 1845 году и, в двух частях, соде ржал и учение о земледелии.

Линовский, умерший так рано, был замечательным ученым, и едва ли кто заменил его до сих пор. Он превосходно изучил на месте все отрасли сельского хозяйства в тех странах Западной Европы, где оно достигло наибольшего развития. Так же хорошо изучил он и наше русское [сельское] хозяйство; будучи одарен умом обширным и практическим, он превосходно понимал, какие улучшения у нас возможны и нужны, по условиям нашего быта, наших почв и климатов. «Беседы» его, изданные прежде, оценены всеми, как превосходная книга по богатству сведений, верности понятий и прекрасному изложению. Такова же напечатанная теперь новая часть их- Мы желали бы, для пользы нашего сельского хозяйства, чтобы скорее изданы были и другие сочинения Линовского, если после него осталось еще что-нибудь, кроме

торый смело рекомендуем вниманию всех занимающихся этими отраслями сельского хозяйства.

О производительных силах России, сочинение тайного советника, члена государственного совета Л. В. Тенгоборского. Части 2-й выпуск 1-й. Перевод И. В. Вернадского. Москва. 1855.

Когда вышла первая часть известной книги г. Тенгоборского в русском переводе, «Современник» говорил о ней подробно, и мы теперь не имеем нужды повторять того, что уже сказано было в нашем журнале. Заметим только, что по своему содержанию вторая часть представляет еще более интереса, нежели первая, излагавшая материальные средства, которыми располагает деятельность русского народа: во второй части дело идет о том, каковы условия быта, при которых население нашего отечества пользуется этими данными ему природою страны средствами, и на какой степени развития стоят различные отрасли народной промышленности.

Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Часть третья. СПБ. 1856.

Говоря о первых двух частях прекрасного труда кн. Долгорукова, мы подробно излагали его цель, план и пользу, какую получит от него наша история '. Третья часть, вышедшая теперь в свет, содержит «четвертую главу третьей книги» – одну из самых обширных в целом сборнике, заключающую родословные «фамилий, имеющих иностранные почетные титла», – именно родословные грузинских, татарских, польских и проч. князей и польских, остзейских и западноевропейских маркизов, графов и баронов. Всех иностранных княжеских родов кн. Долгоруков исчисляет 49, маркизский род– 1 (де-Траверсе), графских–86,

баронских–84, кроме того, 82 отрасли различных титулованных родов, имеющих только дворянское достоинство, но не получивших или утративших титул, которым пользуются их однофамильцы.

Кабинет магпка, или шестьдесят опытов натуральной мапга, и пр., составила М. Ж. СПБ. 1855.

Составительница книжки «посвятила ее удовольствию юношества», то есть дете й 7–10 лет. Посмотрим же, чему научатся дети из миниатюрной книжки г-жи М. Ж. Вот, для примера,

60-й и последний фокус:

Приносите в общество стеклянную трубочку, дополна налитую красноватою жидкостью, состав коей мы объясним далее. Затем просите девицу взять трубочку за нижнюю часть ее левой рукой, которая гораздо ближе к сердцу, чем правая. А сами держите ее за верх. Потом просите всех мужчин по очереди подходить и касаться до трубочки, говоря, что прикосновение человека, к которому девица равнодушна, не произведет ничего; но лишь только дотронется до трубочки человек, не совсем лишний для нее, жидкость, заключающаяся в трубочке, начнет шипеть и пеною выходить наружу.

Вот состав жидкости: в новый глиняный горшок положи и перемешай:

2 лота фернамбуковых опилок, 2 лота квасцов. На них налей четверть бутылки винного уксуса, потом вскипяти это на малом огне.

Способ, чтоб жидкость зашипела, есть следующий: в руке вашей вы держите щепотку поташу; как скоро дотронется до трубки человек, которого хотите вы компрометировать вместе с девицей, вы опускаете щепотку в верхнее отверстие трубочки, отчего жидкость запенится.

Доброму делу, как видите, учит детей г-жа М. Ж.]– «компрометировать мужчин вместе с девицами». Очень хорошо.

Очерки сибиряка. СПБ. 1856.

О первом выпуске «Очерков сибиряка» мы довольно подробно говорили в прошлой книжке «Современника». На этот

раз распространяться не будем. Скажем только одно: второй выпуск написан уже не стихами, а прозою. Неизвестный сочинитель .508

рассказывает теперь какие -то богатырские поэмы, которые так же мало характеризуют Сибирь, как и его Девичий сон под Новый год. Но для того, чтобы что-нибудь напоминало более о Сибири, автор нарядил своего богатыря Белого Уклада в теплую шубу. Врачебно-комнатная гимнастика. Соч. доктора Шребера. С сорока пятью ксилографическими изображениями. Москва. 1856. Если следовать совету почтенного доктора, издавшего свою книжечку в Лейпциге и ныне переведенную на русский язык, то придется с раннего утра до поздней ночи поднимать руки в сторону, кружить ногами, поворачивать туловище, приседать, махать руками и, кроме этого, ничего больше не делать. Если у вас будет другое какое-нибудь занятие, кроме приседания, то вы должны немедленно его бросить, чтоб хватило времени в точности исполнить все предписанное. Этого мало: вам даже недостанет времени, когда пообедать, и вы должны то спину гнуть кругообразно, то

бедерные мускулы напрягать, то приседать, как советует автор, 24 раза вверх и назад, то махать, стоя на одной ноге, не менее 300 раз руками туда и сюда. Трудновато! и все это для того, чтоб пополнить некоторую сумму общего движения и вступить в круг деятельности.

Относительно женского пола автор снисходительнее и строго воспрещает им двигать пилою 30 раз, также «е дозволяет им поднимать колени вперед и переступать через палку; но переминаться на одном месте они могут 100, 150 и 200 раз. Автор большой любезник с дамами, и советует им, в виде поправления здоровья, поднимать плечики, толкать руками вперед, но тут же делает «NB: поднимать ноги в сторону 6, 10 и 16 раз — жен-

Вообще довольно забавно видеть, до какой степени иногда человек может увлечься какой-нибудь idee fixe *. Так, например, почтенный доктор Шребер говорит, что нужно с четырехлетнего возраста заниматься гимнастикой и мальчикам и девочкам, и что оте ц, мать, учител ь и гувернер (желая удостове риться, что дети правильна исполняют эти движения) должны сами делать движения для примера: «иначе, — говорит автор, — дети этим делом пренебрегают, и оно скоро запускается или теряется в бесполезных старых обыкновениях» (стр. 104). Наконец, ученый автор до того увлекается своей наукой, что даже не щадит и седовласой старости. «И старость,]— говорит он, — имеет нужду в движениях. Только тот сохраняет свои двигательные силы (следовательно, важнейшего деятеля всего жизненного процесса), кто прилично ими пользуется». Затем автор нападает и на бедных старух свыше шестидесятилетнего возраста (кажется, их * Навязчивая идея, — Ред.

509

можно было бы пощадить) и советует им переминаться на одном месте 150 раз, вертеть ногами 20, наклонять туловище впереди назад 15, а приседать всего 16 раз. Слава богу, что он хоть де предписывает им ударять топором и поднимать колени впереди как это советует другим особам до шестидесятилетнего возраста включительно.

Автор до того возводит свою науку в перл создания, чт$ о других телесных движениях отзывается с горечью: о верховой езде, фехтовании, о работах в саду и других сильных упражне* ниях. С его стороны очень большая уступка, что он позволяв* ходить людям, хотя он тут же ядовито замечает, что «это сред

ство слишком односторонно и недостаточно».

Судоходство по Шельде. Историко-юридическое исследований А. Наумова. Москва. 1856.

Об основных началах, которые должны руководить законами, относящимися к судоходству по рекам, протекающим через владения нескольких держав, г. Наумов имеет понятия справедливые: это видим иа прочитанного нами введения. Изложение его хорошо, сколько можем судить по этим и немногим другим прочитанным нами страницам. — Этим и должно ограничиться наше суждение о его книге. Мы знаем, что такое суждение недостаточно: оно не касается главного пункта — каково ученое достоинство исследования г. Наумова; но зачем и касаться нам этого пункта, если содержание книги нимало нас не касается? Пусть судят о нем бельгийцы и голландцы; а нам какое дело до истории трактатов о том, имеют ли право голландцы блокировать устья бельгийской реки Шельды? Если исследование об этом написано г. Наумовым хорошо, русская ученая литература ничего не выигрывает от его книги. Во всей области народного права трудно было бы найти предмет, исследование которого представляло бы так мало интереса для русского ученого, как вопрос о том, свободны ли или заперты были, суть и будут устья Шельды. Не знаем, от автора ли зависел выбор предмета; но выбор этот очень странен.

< И З № 5 «СОВРЕМЕННИКАМ

Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. Москва. 1856 г.

К числу утешительных литературных событий, которыми богато последнее время, принадлежит и н®вое издание «Стихотворений Кольцова с портретом автора... и проч.» '.

Оно перепечатано с прежнего без всяких прибавлений или опущений 2.

Что нового можем сказать мы о Кольцове? Жизнь его превосходно рассказана в предисловии, которое написано его другом; она дивно рассказана и самим Кольцовым в пьесе «Расчет с жизнью», посвященной этому другу, В. Г. Белинскому:

Жизнь, зачем ты собой Обольщаешь меня?

Почти век я прожил,

Никого не любя.

В душе страсти огонь Разгорался не раз;

Но в бесплодной тоске Он сгорел и погас.

Моя юность цвела Под туманом густым, –

И что ждало меня,

Я не видел за ним.

Только тешилась мной Злая ведьма-судьба;

Только силу мою Сокрушила борьба;

Только зимней порой Меня холод знобил;

Только волос седой Мои кудри развил;

Да румянецлица Печаль рано сожгла,

Да морщины на нем Ядом слез провела.

Жизнь! Зачем же собой

Обольщаешь меня?

Если б силу бог дал,

Я разбил бы тебя!

В биографии недостает подробностей о последних месяцах жизни Кольцова, проведенных в Воронеже. Обязанность пополнить этот пробел в биографии и вообще сообщить нам подробнейшие воспоминания о жизни Кольцова лежит на его воронежских друзьях. Из них назовем бывшего воспитанника Московского университета А. И. Малышева, сына того доктора, который лечил Кольцова во время его болезни, ухаживал за ним, как за своим сыном.

Или мы должны представить характеристику произведений Кольцова, оценку его произведений? Это опять уже сделано Белинским, и напрасно было бы желание сказать что-нибудь более 511

полное и верное. Мы не можем сделать ничего лучшего, как представить несколько отрывков из его превосходной статьи.

Кольцов родился для поэзии, которую он создал. Он был сыном народа в полном значении этого слова. Быт, среди которого он воспитался и вырос, был тот же крестьянский быт, хотя несколько и выше его. Кольцов вырос среди степей и мужиков. Он не для фразы, не для красного словца, не вообра* жением, не мечтою, а душою, сердцем, кровью любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина. Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни, – знал их не понаслышке, не из книг, не через изучение, а потому, что сам, и по своей натуре, и по своему пол»: жению, был вполне русский человек. Он носил в себе все элементы русского духа, в особенности – страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали, и веселию, и, вместо того,

чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое -то буйное, удалое, размашистое упоение, а если уже пасть, то спокойно, с полным сознанием своего падения, не прибегая к ложным утешениям, не ища спасения в том, чего не нужно было ему в его лучшие дни. В одной из своих песен он жалуется, что у него нет воли,

Чтоб в чужой стороне На людей поглядеть;

Чтоб порой предбедой За себя постоять;

Под грозой роковой Назад шагу не дать,

И чтоб с горем в пиру Быть с веселым лицом;

На погибель итти *—

Песни петь соловьем.

Нет, в том не могло не быть такой воли, кто в столь мощных образах мог выразить тоску по такой воле...

Нельзя было теснее слить своей жизни с жизнью народа, как это само собою сделалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спелым колосом, и на чужую ниву смотрел он с любовью крестьянина, который смотрит на свое поле, орошенное его собственным потом. Кольцов не был земледельцем; но урожай был для него светлым праздником: прочтите его «Песню пахаря» и «Урожай». Сколько сочувствия к крестьянскому быту в его «Крестьянской пирушке» и в песне:

Что ты спишь, мужичок!

Ведь уж лето прошло,

Ведь уж осень на двор Через прясло глядит;

Вслед за нею зима

В теплой шубе идет,

Путь снежком порошит,

Под санями хрустит.

Все соседи на них Хлеб везут, продают,

Собирают казну.

Бражку ковшиком пьют!

Кольцов знал и любил крестьянский быт так, как он есть на самом деле, не украшая и не поэтизируя его. Поэзию этого быта нашел он в самом этом быте, а не в реторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей,

которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительностью содержания. И потому в его песни смело вошли и лапти, я рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи, — и вся эта грязь превратилась у него в чистое аолото поэзии. Любовь играет в его песнях большую, но далеко не исключительную роль: нет, в них вошли и другие, может быть, еще более общие элементы, из которых слагается русский простонародный быт. Мотив многих его песен составляет то нужда и бедность, то борьба из-за копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху.

В одной песне крестьянин садится за стол, чтобы подумать, как ему жить одинокому; в другой выражено раздумье крестьянина, на что ему решиться — жить ли в чужих людях, или дома браниться с стариком-отцом, рассказывать ребятишкам сказки, богатеть, стереться. Так, говорит он, хоть оно и не тово, но уж так бы и быть, да кто пойдет за нищего? «Где избыток мой зарыт лежит?» И это раздумье

разрешается в саркастическую русскую иронию:

Куда глянешь – всюду наша степь;

На горах – леса, сады, дома;

На дне моря – груды золота;

Облака идут – наряд несут!..

Но если где идет дело о горе и отчаянии русского человека, там поэзия Кольцова доходит до высокого, там обнаруживает она страшную силу выражения, поразительное могущество образов.

Пала грусть-тоска тяжелая На кручинную головушку;

Мучит душу мука смертная,

Вон из тела душа просится.

И какая же вместе с тем сила духа и воли в самом отчаянии:

В ночь, под бурей, я коня седлал,

Без дороги в путь отправился –

Горе мыкать, жизнью тешиться,

С алою долей переведаться...

И после этой песни, «Измена суженой», прочтите песню: «Ах, зачем меня» – какая разница! Там буря отчаяния сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здесь грустное воркование горлицы, глубокая, раздирающая душу жалоба нежной женской души, осужденной на безвыходное страдание...

Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить ее от содержания значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы значит уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи с формою и формы с идеею бывает достоянием только одной гениальности. Простой талант всегда опирается или преимущественно на содержание, и тогда его произведения недолговечны со стороны формы, или преимущественно блистает формою, и тогда его произведения эфемерны со стороны содержания; но главное, и в том и в другом случае, богатые мыслию или щеголяющие внешнею красотою, они лишены оригинальности формы, свидетельствующей о самобытности мысли. Здесь-то всего яснее и открывается, что обыкновенный талант основан на способности подражания, на способности увлечения образцами, – и в этом заключается причина недолговечности, а чаще всего

и эфемерности таланта. И потому оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство гениальности, есть черта, которая отделяет гениальность от простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя в языке поэта, не должна быть искусственною или изысканною; тогда она увлекает только на минуту и потом тем более делается предметом осмеяния и презрения, чем больше сперва имела успеха. 33 н. Г. Чернышевский, т. III 513

Поэт должен быть оридпнален, сам не вная, как, и если доджей о чем-нибудь заботиться, так это не об оригинальности, а об истине выражения: оригинальность придет сама собой, если в таланте его есть гениальность. Истинная оригинальность в изобретении, а следовательно и в форме, возможна только при верности действительности и истине.

Кольцов никогда не проговаривается против народности, ни в чувстве, ни в выражении. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадает в сантиментальность, даже и там, где оно становится нежным и трогательным. В выражении он также верен русскому духу. Даже в слабых его песнях никогда не найдется фальшивого русского выражения; но лучшие его песни представляют собою изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени русской поэзии. С этой стороны, язык его столько же удивителен, сколько

и неподражаем. Где, у кого, кроме Кольцова, найдете вы такие обороты, выражения и образы, какими, например, усыпаны, так сказать, две песни Лихача-Кудрявича? У кого, кроме Кольцова, можно встретить такие стихи:

Грудь белая волнуется,

Что реченька глубокая –

Песку со дна не выкинет.

В лице огонь, в глазах туман...

Сверкает степь, горит заря...

На гумне – ни снопа,

В закромах – ни зерна,

На дворе, по траве,

Хоть шаром покати.

Из клетей домовой Сор метлою посмел И лошадок, за долг,

По соседям развел.

Ильу сокола Крылья связаны,

Иль пути ему Все заказаны)

Не держи ж, пусти, дай волюшку Там опять мне жить, где хочется,

Без таланта – где таланигся,

Молодым кудрям счастливится?

Отчего ж на свет Глядеть хочется,

Облететь его Душа просится?

Мы не выбирали этих отрывков, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее значило бы большую часть пьес Кольцова в одной и той же книге напечатать вдвойне.

Мы не говорим уже о неподражаемом превосходстве собственно лирических песен – талант Кольцова был по преимуществу лирический; но не можем не указать на повествовательный характер пьес; «Измена суженой», «Деревенская беда», «Бегство», обе песни Лихача-Кудрявича и на страстнодраматический характер пьес: «Хуторок» и «Ночь».

Из написанного о Кольцове заметим еще статью покойного В. Майкова (брат поэта), помещенную в двух последних книжках 514

«Отечественных записок» за 1846 год. Она направлена, повиди-

мому, против статьи Белинского, но в сущности представляет развитие мыслей, высказанных Белинским, и некоторые места в ней прекрасны.

Вообще, скажем мы, по энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов; по совершенной самобытности Кольцов может быть сравнен только с Гоголем.

Искусство продлить человеческую нсизнь (Макробиотика). Сочинение Х. В. Гуфеланда. Перевел и дополнил П. Заблоцкий. Издание третье. СПБ. 1856.

Классическое творение Гуфеланда имеет у нас успех, которого достойно, В четыре года три издания! Едва ли это не единственный пример в новейшей нашей литературе. Дай бог только, чтобы пример г. П. Заблоцкого внушил и другим нашим

ученым желание испытать, может ли у нас вознаграждаться труд, употребленный на перевод классических произведений европейской науки и по другим отраслям, кроме медицины и естественных наук. Медицинская наша литература, сравнительно с литературою всеобщей истории, нравственных и государственных наук, довольно богата. Если публика, имея книгу доктора Чару -ковского и многие другие хорошие популярные сочинения о медицине и гигиене,требуеттретьего и, конечно,потребует четвертого издания книги Гуфеланда, то ужели она оставила бы в подвалах книжных магазинов творения великих европейских историковл юристов, политико-экономов, и проч., и проч., эти знаменитые сочинения, которых содержание имеет еще гораздо более интереса, нежели могут иметь медицинские книги? Ужели наша публика оставила бы без внимания, например, классические сочинения по всеобщей истории, написанные увлекательно и говорящие о предметах, о которых на русском языке теперь решительно нечего про-

читать?

Г. П. Заблоцкий, делая третье издание «Макробиотики», вновь пересмотрел перевод и к прежним своим дополнительным замечаниям прибавил еще статью о кумысе.

Жизнь адмирала Ф . Ф . Ушакова Р. Скало веко го.

Часть I. СПБ. 1856.

Адмирал Ушаков прославил свое имя при императрице Екатерине II победами над турецким флотом в Черном море, при императоре Павле Петровиче успешными действиями против •французов на Средиземном море и в Аохнттелаге. Жизнь и подвиги этого замечательного человека г, Скаловский рассказывает 33* 515

очень подробно, главным образом на основании официальных документов, хранящихся в Главном морском архиве, и многочисленных бумаг, сохранившихся у наследников адмирала. В первом томе биография доведена до завоевания острова Корфу, в 1799 году.

Ф . Ф . Ушаков родился в 1745 году. Отец его, небогатый тамбовский помещик, отдал сына в Морской кадетский шляхетный корпус. По окончании курса Ф . Ушаков два года прослужил в Балтийском флоте, а в 1768 году переведен в Черноморский, тогда еще только возникавший. По окончании первой турецкой войны, в 1775 году, возвратился он на службу опять в Балтийский флот; в 1783, уже в чине капитана, был послан в Херсон и назначен командиром корабля. Потемкин, заметив его храбрость и распорядительность, поручил ему, во вторую турецкую войну, начальство над флотом. Ушаков оправдал доверие князя победами у Керченского пролива (18 июля), у Хаджибея (28 и 29 августа 1790) и у мыса Калиакрии (31 июля 1791). Это были первые победы, одержанные недавно созданным Черноморским флотом. Совершенное разбитие турецкого флота в последней битве и близкая опасность, угрожавшая Константинополю, так устрашили султана, что немедленно послано было приказание верховному визирю возобновить переговоры о мире, которые за несколько дней велено было ему прервать. Долго памятен был туркам паша Ушак. Когда Турция, оскорбленная экспедициею генерала Бонапарте в Египте, объявила, в союзе с Россиею и Англиею, войну Французской республике, Ушакову было приказано итти через Дарданеллы в Архипелаг и Ионийское море для изгнания оттуда французов. Острова Чериго, Занте, Кефалония и другие были быстро очищены от неприятельских гарнизонов; но сильнейшим пунктом, в котором, под защитою грозной крепости, сосредоточивались главные силы французов, был остров Корфу. Порт Корфу тогда был укреплен пятью фортами, и главная цитадель считалась столь же неприступной, как Мальта и Гибралтар. До 650 орудий защищали стены, построенные на высоких скалах. Французский гарнизон состоял из 3000 человек, имел полугодовой запас провианта и в изобилии снабжен был боевыми снарядами. Ушаков ггочел удобнейшим начать нападение с острова Видо, прикрывающего мыс, на котором выстроена крепость. 18 февраля 1798 года сделана была атака на этот сильный форт. Корабли наши подошли к его стенам рано поутру. К 9 часам утра канонада достигла разрушительной силы, к 11 часам неприятельские батареи были большею частью сбиты. Тогда высадили на берег до 1500 человек русского десанта. Французы защищались храбро, но были .побеждены быстрым натиском наших солдат и матросов- форт был взят. Более 400 пленных достались в руки победителей; не многие успели спастись на лодках в крепость Корфу.

То же самое утро назначено было и для нападения на форты,

соединенные на острове Корфу с главною крепостью. Оно увен-

чалось также полным успехом. Укрепления св. Сальвадора и св. Авраама были взяты штурмом. Французский генерал, командовавший крепостью, увидел невозможность дальнейшего со> противления и немедленно объявил русскому адмиралу, что сдается на капитуляцию. Таким образом, крепость, считавшаяся непобедимою, была покорена русским оружием. 2931 человек военнопленных, в том числе 4 генерала, 510 пушек, 105 мортир, 21 гаубица, 5495 ружей, несколько военных судов, сотни тысяч ядер и патронов были нашими трофеями. Победитель был награжден за славный подвиг чином адмирала, и сам Нельсон поздравлял его с победой.

Блокада крепости Костромы, или Русские в 1608 году. Исторические сцены в трех отделениях и трех картинах. Сочинение А. П. С — на. СПБ. 1856.

Счастлив тот, кого природа создала плохим ученым, несчастлив, кого создала она плохим романистом или драматургом! Например, чье остроумие не будет изостряться над новым произведением г. А. П. С—на? Ч И сколько уже раз жестоко смеялись над ним! А чем лучше его «Исторических сцен» многие книги и книжки с учеными заглавиями? Ровно ничем. То же пустословие, та же гладкость языка, та же витиеватость слога, та же ре -торика в мыслях, которые навязаны одна за другую без всякой надобности. А, между тем, кто решается без подобающего уважения к «познаниям» и т. д. ученых авторов говорить об этих книжках? Да откуда вы узнали, что у автора ученых книжек бывает всегда больше знаний, нежели у г. А. П. С—на? Одному известно, что Дант написал суровую эпопею, которую можно назвать апофеозою средних веков; другому известно, что в 1608 году поляки осаждали Кострому; один с восторгом открывает вам, будто важную новость, что статуи Фидиаса были идеально

прекрасны; другому известно, что Григорий Отрепьев, иазвав себя Лжедимитрием и Самозванцем, женился на Марине; одному знакомы имена Кантемира и Ломоносова, другому — Пожарского и Минина. Спрашиваем, «а чьей стороне перевес по обширности знаний? Вы говорите: однако же, заметно, что одному равно доступны все века и народы, а другой ограничивается тесным кругом отечественных воспоминаний. Нимало. Г. А. П. С—н не упоминает .в «Блокаде Костромы» о Данте и Фидиасе только потому, что понимает, как опытный автор, неуместность подобных рассуждений в его «Исторических сценах», а если бы захотел, мог бы говорить о них не хуже, нежели кто другой: разве он не доказал этого своею книгою «Жизнь Вильяма Шекспира, английского поэта и актера; с мыслями и суждениями об этом человеке 517

русских писателей: Н. А. Полевого, П. А. Плетнева, А. А. Якубовича, и иностранных: Гете, Шлегеля, Гизо и Вильмена»?

Знаете ли вы эту книгу? В ней о Шекспире говорится с таким же красноречием, какое встречаем мы в иных книжках при рассуждении о Кантемире: «Поэт в душе, человек, в котором от начала рождения закован был Везувий; вековой представитель прекрасного и наслаждений, проявление целой высокой мысли, брошенной на землю на удивление векам, мир всеобъемлемости, — Шекспир утопал в океане пылкого воображения». Как вам нравится эта возвышенность слога, чреватого глубокими мыслями?

И, однако же, г. А. П. С—на. несмотря на его несомненные познания, несмотря на возвышенность его слога, без церемонии каждый называет плохим писателем, — потому, видите ли, что ведь он не считается ученым человеком,—и этот же самый судья, столь строгий в отношении г. А. П. С—«а, делается снисходителен, осторожен, почти подобострастен, когда приходится ему оценивать какое-нибудь рассуждение о Хераскове или Сумарокове, о Кантемире или Пушкине, которое в ученом отношении ничем не отличается от книги г. А. П. С—на «Жизнь Вильяма Шекспира». О, верх несправедливости! «Но то писал человек ученый1».

Да кто бы ни писал книгу, не все ли равно, если книга не имеет никакого достоинства? И чем доказана его ученость? Быть может, она и есть у него, да мы какое основание имеем предполагать в авторе то, чего не заблагорассудил он обнаружить в своих сочинениях? Быть может, и г. А. П. С —н обладает гигантскою ученостью, только не находит нужным обнаруживать ее, полагая, что красноречие заменяет собою все — и труд, и знание, и мысль?

Нет, мы не способны – по крайней мере в настоящее воемя – смеяться над г. А. П. С–ным и его «Блокадою крепости Костромы». мы уклоняемся от всяких суждений о нем; пусть читатель судит сам о неученых и ученых авторах, одаренных красноречием А. П. С–на. Мы только выпишем заглавия трех отделений и картин, на которые разделил он свои «исторические сцены».

Отделение 1. Картина 1. Все за веру и родину!

Отделение 2. Картина 2. Геройство русской боярыни.

Отделение 3. Картина 3. Огненная могила.

Содержание и художественные достоинства пьесы видны из последней сцены. Поляки пляшут краковяк в доме боярыни Образцовой-Хабаровой. В подвальном этаже дома устроен пороховой погреб.

В половине краковяка боярыня Образцова-Хабарова тихо входит слева, бледная, с распущенными волосами; в руках у ней горящий факел. Ляхи'ие вамечают ее, краковяк продолжается.

О б р а з ц о в а - Х а б а р о в а . Пируйте, пируйте, друзья! Дапев imp иашли вы по вину, да по снадобьям, – дорог он по душам христианским! Весело вам теперь бесноваться! как-то запляшете вы под мою музыку 1 (Яр.№*

ваегся в средину поляков. Краковяк останавливаеУся. все в изумлении.) Злодеи! слушайте! Не опозорить вам нашей родины! Не насмеяться вам нал 518

честью русской боярыни! Все готово! Дело сделано! Пора! (Бросает факел в окно; спустя минуту следует страшный верыв, – стоны, вопль, молчание.) Красноречиво, как видите, и даже грамотно; чего же больше требовать от бедной пьески без всяких претензий, когда и в сочинениях, предъявляющих огромные притязания на ученое значение, не бывает иногда других достоинств?

Значение Пушкина в истории русской литературы (введение в изучение его сочинений).

Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета экстраординарным профессором русской словесности Николаем Буличем 9 октября 1855 года. Казань.

Мы никогда не могли победить в себе некоторого предубеждения против молодых ученых, занявшихся в последние годы разработкою истории русской литературы. Не то чтоб мы не ценили пользы, какую приносят их труды: напротив, только тот, кому судьба дала жребий писать рецензии, вполне понимает, как эти труды полезны, потому что они ему -то именно и должны служить пособием; и не то чтобы мы не умели уважать прекрасных дарований и обширных знаний, которыми обладают эти люди: напротив, никто не уважает их так глубоко, как рецензент, которому обыкновенно приходится скорбеть о том, что далеко не все писатели обладают этими качествами: после десятка пустых книжек и статей, одиннадцатая, если она хороша, кажется ему превосходною, и он готов бывает за эту отраду благодарить ее автора с восторгом, непонятным и смешным для человека, который читает книги по собственному выбору, стало быть, читает постоянно книги, которые не наводят на него скуки и тоски. Не потому чувствовали мы всегда какое-то предубеждение к специалистам, занимающимся историею нашей литературы, что не уважали их, а потому, что знание делает этих людей слишком требовательными: от каждого, кто хочет писать об истории литературы, требуют они, чтоб он изучал свой предмет серьезно, не отделывался пустыми фразами, общими местами. К чему такая суровость? она вовсе не гуманна; уступчивость, по нашему мнению, важная добро» детель. Пусть каждый пишет как и что ему угодно, хотя бы даже пустые фразы: значит, лучшего он не умеет написать, и осуждать бедняка не за что Есть и другая причина недоверия нашего к этим специалистам: они увлекаются любовью к своему предмету до того, что приходят в восторг от каждого, кто говорит с ними о библиографии, верят ему на-слово, что он занимается историею литературы, готовы хвалить самую пустую книгу, если только автор наговорит им, что он библиограф. Это тоже недостаток: библиография прекрасное дело, но только тогда, когда ею занимаются серьезно, и ученые замашки не должны служить 519

защитою, если книга с такими замашками пуста. Справедливость должна быть выше

самой любви к библиографии.

Это все мы говорим к тому, что теперь представился случай, вполне оправдывающий наши отчасти мрачные чувства к молодым специалистам. Вперед знаем, что новое сочинение г. Булича не понравится им, пожалуй, вызовет даже улыбку на их суровых устах. Не найдя в нем ни малейших следов разработки фактов, столь упорно ими требуемой от каждого будто бы во имя науки (да разве наука нуждается в каждом встречном?), они решительно осудят эту маленькую книжку, забудут даже – о, как люди злы! – что сами хвалили первое сочинение г. Булича «Сумароков и современная ему критика», в котором видели библиографические стремления; объявят это несчастное новое произведение того же самого ученого, конечно, в два года не успевшего утратить своих знаний, – объявят, говорим, это новое сочинение не выдерживающим самой снисходительной критики, набором общих мест, никому не нужных, и громких фраз, ничего не говорящих, – и мало ли чего могут они насказать в своем негодовании за то, что новое произведение г. Булича покажется им не похоже на первое.

Но мы им скажем: милостивые государи, библиографы молодого поколения! вы беретесь решительно не за свое дело. Послушайте нас, которые, быть может, не занимались разработкою истории русской литературы, но зато твердо помним изученные когда-то нами правила реторики. Судить о новой книге г. Булича наше дело.

Речь, произносимая в торжественных собраниях, где находятся люди всякого возраста и образования, должна быть приспособлена к разумению каждого. Вы знаете, что Карамзин был хороший русский писатель, а иной не знает: ему надобно рассказать об этом. Вы знаете, что Пушкин написал «Евгения Онегина», а для иного будет великою новостью, если сказать ему это. Вы знаете, что русские – народ храбрый, а иной и этого не зна... виноваты, мы заговорились: конечно, каждый знает, что русские – народ храбрый, но и об этом поговорить не мешает; хорошо также припомнить и Данта, и Гомера, и Александра Македонского, и Фидиаса, и всех прочих, кого знаешь: иному слушателю их имена Тоже могут быть новостью. Таким образом составив речь, вы принесете почти каждому слушателю какую-нибудь пользу, а кому не принесете пользу, тому доставите удовольствие. Но не забудьте, что вы пишете торжественную речь: торжественная речь пишется высоким слогом, – иначе не бывало от плиниева пане-

гирика Траяну до наших дней. Так и поступил г. Булич. Начинает он следующим образом:

В наше время, в годину великой борьбы, когда отечество наше на кровавых полях битв, перед целым светом, отстаивает независимость начал своих и вековую честь исторического существования, когда возвышенным порывом 520

звучит грудь каждого русского человека, отрадно русскому сердцу обратиться к одному из тех великих людей своей родины, которые в области мысли, в области прекрасной художественной деятельности составляют честь русского народа, гордость и славу его, и т. Д 1 Потом он поговорил о Пушкине, все тем же высоким слогом, потом об искусстве вообще, потом изложил всю историю русской литературы от Ломоносова до Пушкина, потом опять поговорил о Пушкине и заключил все таким образом:

Лавры поэзии сплетались у нас всегда с лаврами брани *. Ломоносов, Державин, Жуковский и Пушкин пели военные громы и славу русского оружия. И мы вызываем теперь всеми силами души из плодотворного лона нашей России будущего певца, мы громко зовем его, участника будущей славы, поэта грядущих надежд и стремлений народных, поэта грядущего величия, за которое говорит нам само сердце наше.

От начала и конца перейдем к средине. Автор излагает теорию искусства, а потом историю русской литературы. Теорию искусства мы пропустим: даже при изложении обыкновенным нынешним слогом, этот предмет у многих писателей дает повод к превосходным тирадам, а когда писатель придерживается высокого слога, то и подавно. Мы лучше прямо возьмемся за историю русской литературы и 'послушаем, что такое говорится о Кантемире. Говорится о нем не много, но и не мало, почти на трех страницах:

В диких, но благородных звуках Кантемира слышится великое время,

вызвавшее его сатиру. Эта пестрая смесь слов и понятий, занесенных из разных мест, порожденных новыми потребностями общественными, этот неустановившийся склад речи и чуждый русскому уху размер стиха вполне выражают то время работы, когда из разобранных кирпичей старого здания складывалось новое, которому исполинская мысль и воля зодчего прочили такую великую и прекрасную будущность. Тотчас же вслед за этою первою работою раздались звуки русской поэзии. Естественно, что в этих первых слабых порывах ее трудно искать и невозможно найти художественного выражения мысли — прекрасной формы. Вполне изящная форма вырабатывается трудною работою, до нее достигают целой историей развития искусства, и она является только тогда, когда найдется для нее достаточное содержание в жизни, окружающей художника. Только тогда содержание празднует свой гармонический союз с формою, и создание является перед очами человека стройное и блестящее, полное жизни и красоты. Не готовыми и сразу изящными явились в скульптуре прекрасные типы древних богов и богинь Греции. Содержание, которое дало им такую роскошную форму, мифология должна была сама выдержать целый процесс в сознании древнего язычника, пока вылилась в свойственную ей и вполне совершенную форму. Эгинские мраморы, выражая соьою колебанье идей мифологических, очень далеки еще от идеальных созданий Фидиаса... и т. д.

* Брань в высоком слоге всегда значит война, и потому двусмыслия тут нет. Фраза означает, очевидно: «все наши поэты писали оды на победы», а вовсе не то, чтобы поэты у нас всегда подвергались разным неприятностям, как то: выговорам и проч. Этот смысл имела бы фраза тол ько в низком тлоге.

521

И т. д., еще около двух страниц. Посмотрим, что говорят: автор о Жуковском:

Трудно мужу, искусившемуся жиэиигo, начать снова мечтательную жизнь юноши, увлекаться вновь давно разлетевшимися идеалами, плакать полрежнему горячими слезами молодости. Его положение будет и ложно в смешно. Как человек не возвращается на обратный путь жизни, так и народ, не в состоянии воротить своего минувшего, отживших и вымерших начал, Средние века были юношескою порою европейского человечества; они необходимы были для его воспитания. Здесь, как в юности человека, все было не* стройно, все было неопределенно. Благородный порыв рыцарского уваже -ния к женщине, забытой и презренной древним миром, сменялся грубыми увлечениями феодальной силы; поэзия трубадуров и миннезингеров, вся прф* никнутая стремлениями сердца, раздавалась в замках баронов, перед кото* рыми дрожали толпы жалких вассалов. Самое чувство в средних веках на имело определенных и точных границ: оно было порыванием к чему-то незнаемому и неясно сознанному. Личности человека открывался широкий произвол, и вот почему почва средних веков была плодородна для поэзии. Средние века имели свою собственную могучую поэзию в гигантской эпопее Данта, которая может быть названа апофеозою средних веков. Суровый флорентинец заключил в широких рамах своей поэмы все, что составляло сущность этой исторической эпохи. В ней и борьба светской и духовной власти, составлявшая большею частию всю историю средних веков; в ней и энергические личности Гвельфов и Гибеллинов, уносивших даже в могилу свои земные страсти и политические убеждения; в ней и нежная, мечтательная, без всякого вожделения и раздела, любовь к Беатриче; в ней и наука средних веков, в которой... и т. д.

И т. д., пока будет написано 74 страницы, если хотите, действительно наполненные одними общими местами и реторическими фразами, но написанные очень красноречиво и возвышенным слогом. Вы удивляетесь, откуда берется столько громких слов при таком скудном запасе мыслей и фактов? Как откуда? «Источники изобретения» указываются ппавилами науки красноречия. Что такое источники изобретения? Вот что: мне нужно поговорить о Пушкине. Я ничего особенного не помню, а трудиться, собрать

факты и обдумать предмет мне нет времени или охоты. Я поступаю следующим образом: Пушкин имел предшественников,— поговорим о них, изложим все, что помнится нам об истории русской литературы; поговорим и о литературе вообще, поговорим и о греках — ведь у них тоже была литература, поговорим и о средних веках — ведь у них тоже была своя поэзия, и т. д., и т. д., поговорим обо всем, что приходит на ум — и будет хорошо.

Я ныне пишу речь о значении Грибоедова в русской литературе и непременно вставлю в нее следующее прекрасное описание, когда буду говорить о современном русском

красноречии. Оратора я сравню с павлином.

О п а в л и н е

Расширив хвост свой разностию цветов, гордится, когда онтг беспрестанно переменяются и приобретают тем новую приятность. Сие особливо бывает в прекрасных и радуге подобных кружках,

522

которые он На конце каждого пера Показывает. Ибо где прежде сверкали рубины, уже тут по малом наклонении золото блистает; с одной стороны лазорью, с другой багряностью; на солнце жемчугом, в тени изумрудами взор увеселяют.

Мысли очень хороши. Язык несколько устарел, это правда, но его можно будет подновить *.

Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, составленное Ст. Тарасовым. Москва. 1856.

Книга г. Тарасова составлена по официальным данным; потому цифры, ею представляемые, должны служить основанием всех статистических соображений о настоящем состоянии промышленности Московской губернии. Конечно, для читателей будет интересно познакомиться с этими важными данными: Москва с своею губерниею — центр всей русской мануфактурной деятельности.

Общему статистическому обозрению у г. Тарасова предшествует исторический очерк развития московских мануфактур, и точно такое же правило соблюдается автором при обозрении каждой отдельной отрасли промышленности.

Москва сделалась средоточием нашей индустрии после падения Новгорода. В XV I—XVII столетиях она, ведя торговлю с Западною Европою через Архангельск, имела уже обширные сношения с Азиею через Казань, Макарьев и Нижний-Новгород. Мануфактуры наши, как известно, основаны Петром Великим.

В 1773 году Московская губерния имела 90 фабрик. Но особенно развилась в Москве промышленность после издания охранительного тарифа 1822 года.

В 1853 году, к которому относятся сведения, собранные г. Тарасовым, в Московской губернии считалось 1485 фабрик; ткацких и набивных станов — 63 673; фабричных рабочих— 117 677 человек; товаров произведено на сумму 55 975 694 р. 28 коп. Цифры эти распределялись между столицею с ее уездом и 12 другими уездами ее губернии таким образом:

523

Фа бр и к и за-ВО .00

Ста- юв Ра бот ни ков Сумма

производства

М'iСКiа и ее у е з д 939 29 651 58 324 36 813 818 р. с*

Уе з д ы :

Д м и п о ч с к ч й . . 40 1016 5955 23Ю915 »

431677 » »

Волок «дамский • . 21 572 711 36 366 » г)

Можайский . . . 17 139 96Э 2Я1210 » »

Рузсш й.....13

352 2105 543065 »

%

Верейский . . . . 12 9Э 1827 842 737 » i>

3 'енигоооодский . 48 1069 3883 1 332 095 »

Подольский.• . 13 393 1539 59Э HIS »

»

Се р пу хов с к ой • • 66 119'.9 12 059 3 243 Я52 »

Коломенский . . . 48 5918 6344 1 299 Ш »

»

Бронницкий . . . 59 2285 4887 1 297 370 »

»

Богородский | - . 154 9810 17 522 6 886 009 »

Из этого видим, что в юго-западных уездах промышленность развита несравненно сильнее, нежели в северо-восточных. Видим

также, что Москва с своим уездом производит, по ценности, почти две трети всех товаров; Богородскому уезду принадлежит почти одна восьмая, Серпуховскому — одна пятнадцатая, Дмитровскому — одна двадцать пятая часть всех производимых фабричных ценностей.

По различным отраслям промышленности общая сумма производимых ценностей распределяется так:

Фабрики и заведения

Ваточные, бумагокрасильные, бумаготкацкие

и набивные.....

Ш ерстяные.....

Бумагопрядильные.....

Шелковые и полушелковые.....

Шерсто-бумажные.....

Металлические, как-то: золотопрядильные, медные, бронзовые, колокольные, железные, проволочные, игольные, чугунно-литейные и проч.....

Кожевенные.....

Табачные.....

Химические.....

Из других отраслей промышленности более, нежели в 500 000 р., оценивается производство стеариновых заводов и экипажных заведений; от 250 000 до 500 000 — фабрик писчей бумаги, механических и оптических заведений, мыловаренных, салотопенных, пивоваренных и водочных заводов, воскобойных и парфюмерских заведений, фарфоровых и кирпичных заводов. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. С портретом Н. В. Гоголя. СПБ. 1856.

Два года тому назад в нашем журнале был напечатан «Опыт биографии Н. В. Гоголя», заключавший в себе множество драгоценных материалов для изучения жизни и характера нашего великого писателя С того времени автор, посвятивший себя этому

прекрасному делу, неутомимо и, как видим, счастливо работал, собирая новые материалы.

Он ездил в Малороссию, был в родовой деревне Гоголя, виделся с почтенною матерью автора «Мертвых душ», Марьею Ивановною Гоголь, услышал от нее много воспоминаний о сыне, получил позволение пользоваться письмами Гоголя к ней и сестрам. Племянник Гоголя и издатель его сочинений, Н. П. Трушков-ский, также познакомил его с своею огромною коллекциею писем 524

Фабрики и заведения

Ценность

производства

Ваточные, бумагокрасильные, бумаготкацкие

13247 997 р и набивные.....

10424 940 »

Бумагопрядильные.....7 568 953 »

Шелковые и полушелковые.....5 865 192 »

Шерсто-бумажные.....4237 468 *

Металлические, как-то: золотопрядильные, медные, бронзовые, колокольные, железные, проволочные, игольные, чугунно-ли-

3 383 313 » тейные и проч.....

1754958 »

1578409 »

Гоголя. С. Т. Аксаков, который лучше всех других друзей Гоголя знал его, не только сообщил автору «Опыта биографии» письма Гоголя, но и составил для него извлечение из «Истории своего знакомства с Гоголем», которая пока еще должна оставаться в рукописи 2. А. С. Данилевский, князь В. Ф. Одоевский,

М. П. Погодин, г-жа А. С. См(ирно']ва, М. С. Щепкин и многие другие из близких знакомых Гоголя предоставили в его распоряжение корреспонденцию свою с Гоголем и воспоминания о нем.

Ф. В. Чижов написал записку о своих встречах с Гоголем. Благодаря этим богатым материалам, биография в новой редакции приобрела объем втрое больший того, какой имела прежде, и теперь явилась в двух довольно толстых томах. Дополнения к прежней редакции далеко превосходят ее своею массою. Конечно, не ®се из них имеют одинаковую цену; но нет ни одного, которое не было бы интересно в том или другом отношении, а многие решительно неоценимы по своей важности, особенно материалы, полученные от г-жи М. И. Гоголь, от С. Т. Аксакова, А. С. Данилевского, А. С. См[ирно]вой и М. С. Щепкина. Почти все хронологические пробелы, оставленные в биографии Гоголя письмами Гоголя к М. А. Максимовичу и П. А. Плетневу, служившими главным пособием при составлении «Опыта биографии», восполнены теперь обильными извлечениями из новых материалов, и автор имел полное право считать новую редакцию своего труда совершенно новым трудом. Он выразил этот взгляд тем, что в настоящем издании дал своему сочинению новое заглавие. В первом томе «Записок о жизни Н. В. Гоголя» новых материалов не менее, нежели сколько перешло в него прежних, из «Опыта биографии», а второй том, обнимающий время с 1842– 1844 годов до кончины Гоголя, почти весь составился из новых материалов: в «Опыте биографии» этот период занимал не более 50 страниц. Конечно, материалы, столь богатые, еще далеко «е полны.

Сам автор чувствует это живее, нежели кто-нибудь; потому-то и выпустил он из заглавия своей книги слово «биография», говоря тем, что время для полной биографии Гоголя еще не пришло. Но если и в прежней редакции труд его представлял довольно данных для пояснения некоторых важных вопросов о судьбе и

характере человека, после «Мертвых душ» напечатавшего «Выбранные места из переписки с друзьями», то в настоящем своем виде «Записки о жизни Н. В. Гоголя» еще положительнее объясняют и эти вопросы и многие другие факты, которых не касался «Опыт биографии». Полноты и совершенной удовлетворительности в нашем энании Гоголя, как человека, нет еще и теперь; но многое в его жизни мы знаем теперь несравненно точнее, яежели прежде. Новое издание — или новая книга — тем вернее достигает своей цели, что от своего лица автор не прибавил ничего. Он понял, что дело собирателя фактов важнее и выше всяких размышлений на готовые темы, и, перепечатав «Опыт биографии», обогатил его 525

единственно фактами, а те фразами. Он понял свою .роль. Желаем,, чтобы через два года потребовалось новое издание его книги, и чтобы в вти два года счастие благоприятствовало ему, как собирателю материалов, не менее, нежели благоприятствовало в предыдущие два года.

Пока не будет издана вполне вся обширная корреспонденция Гоголя, «Записки о его жизни» останутся богатейшим источником для изучения судьбы и личности автора «Мертвых душ» и «Ревизора». Да и тогда, когда полное издание корреспонденции отнимет ученую цену у «Записок», как сборника писем, достоинство многочисленных эпизодов, записанных автором со слов матери и друзей Гоголя, останется неприкосновенным.

Нужно посвятить довольно долгое время изучению такой книги, чтобы дать полный разбор ее; теперь мы ограничимся немногими замечаниями относительно некоторых отдельных фактов, из числа объясняемых новыми прибавлениями, и нескольким» извлечениями из этих прибавлений.

У С. Т. Аксакова хранятся шесть черновых тетрадей, в которых заключаются подлинники многих произведений Гоголя, писанных до 1836 или 1837 года. Они показывают, по словам автора «Записок», что в то время «Гоголь долго обдумывал то, что желал написать, обдумывал до тех пор, пока его вымысел обращался как бы в сложившуюся песню. Он вписывал свое сочинение в книгу почти без помарок, и редко можно найти в его печатных повестях какие-нибудь дополнения или поправки против черновой рукописи. Часто его сочинения прерываются, чтобы дать место другой повести или журнальной статье; потом, без всякого обозначения или пробела, продолжается прерванный рассказ и перемешивается с посторонними заметками или выписками из книг». Тогда, как видим, Гоголь творил легко и беззаботно, не мучась ни сомнениями о достоинстве написанного, ни желанием довести обработку произведения до того, чтобы на каждом слове лежала печать гениальности, чтобы произведение вышло непременно «колоссальное», и чтобы каждая черта в нем была достойна колоссальности целого. Тоскливая дума об обязанностях, налагаемых на него саном «гения», не томила его — он и не думал о том, гений он или нет. «Вы, говоря о моих сочинениях (пишет он матери в 1835 году), называете меня гением. Как бы то «и было, но это очень странно для меня: доброго, простого Человека, может быть не совсем глупого, имеющего здравый смысл — и называть гением! Нет, маменька, этих качеств мало, чтобы составить его: иначе, у нас столько гениев, что и не про-толпиться». Тогда он еще не поклонялся самому себе. Не то было впоследствии. От этого последующего самообожания и происходят главным образом то, что он так долго не издавал второго тома «Мертвых душ»: он боялся, как бы не уронить себя, ему все казалось нужным переделывать и поправлять, чтобы произведе-526

ние вышло как можно «колоссальнее». Это не болезнь: вто просто вгоистическая слабость, которой подвергаются иногда гениальные люди, когда увидят, что стали в общественном мнении на неизмеримую высоту. Этому чувству подвергся и Гете, который поступал с «Фаустом» совершенно так же, как Гоголь с «Мертвыми душами». Слабость эта, конечно, вредна для самого человека и нимало не похвальна, но вовсе еще не доказательство болезни или упадка в его таланте: Гете до конца жизни умственно и физически был здоров как нельзя лучше. В малых размерах она заметна на всех людях, считающих себя оракулами своего муравейника: куда ни обернемся, везде увидим таких людей. Даже между нашими нынешними писателями найдутся такие олимпийцы, и они, однако же, очень здоровы телом и не утратили нимало своего таланта, насколько имели его,

В этих черновых тетрадях есть несколько отрывков из неоконченных произведений и, между прочим, довольно значительный по объему отрывок (первое действие вполне, за исключением небольшого пробела, и начало второго действия) трагедии из английской истории. Автор «Записок» напечатал его в числе приложений к своей

книге, поместив другие отрывки, меньшего объема, в текст книги. Заглавие драмы остается неизвестным, потому что в черновых тетрадях Гоголь не надписывал заглавий. Действие происходит в эпоху нападений датских морских удальцов на Англию, во времена Альфреда, который и есть главное лицо пьесы. Идея драмы была, как видно, изображение борьбы между невежеством и своеволием вельмож, угнетающих народ, среди своих мелких интриг и раздоров забывающих о защите отечества, и Альфредом, распространителем просвещения и устроителем государственного порядка, смиряющим внешних и внутренних врагов. Все содержание отрывка наводит на мысль, что выбор сюжета был внушен Гоголю возможностью найти аналогию между Петром Великим и Альфредом, который у него невольно напоминает читателю о просветителе земли русской, положившем основание перевесу ее над соседями, прежде безнаказанно ее терзавшими. Его Альфред несомненно был бы символическим апотеозом Петра. Если Гоголь сам не захотел докончить или напечатать эту драму, то, конечно, придавал ей менее значения, нежели своим другим произведениям. Но ошибся бы тот, кто, основываясь на нелепых повериях о невежестве и т. д. Гоголя, вздумал бы предположить, что он не сладил с предметом, ему мало известным, и что написанный им отрывок есть что-нибудь уродливое в историческом или художественном отношении. Напротив, в нем видно положительное достоинство, и, сколько можно судить по началу, в этой драме мы имели бы нечто подобное прекрасным «Сценам из рыцарских времен» Пушкина. Простота языка и мастерство в безыскусственном ведении сцен, уменье живо выставлять характеры и черты быта не изменили Гоголю и в этом слу-527

чае. Историческая верность строго выдержана. В той же тетради находятся рецензии, из которых составилось библиографическое отделение в первой книжке пушкинского «Современника» (1836). Некоторые из этих рецензий доселе приписывались Пуш-

кину. В основании журнала Гоголь принимал очень деятельное участие, как видим из письма его к г. Плетневу в 1846 г. Вот начало:

«Современник» даже и при Пушкине не был тем, чем должен быть журнал... Впрочем, сильного желания издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы. Получив разрешение на издание его, он уже хотел было отказаться. Грех лежит на моей душе: я умолил его. Я обещал быть верным сотрудником.,. Моя настойчивая речь и обещание действовать его убедили.

Напечатав «Ревизора», Гоголь уехал из России, и только в последние годы своей жизни решился снова поселиться в отечестве. Кроме мысли поправить здоровье, за границею удерживал его расчет, что это лучше для его литературной деятельности. Из «прекрасного далека», по его выражению, он лучше понимал и живее представлял себе русскую жизнь. Туманность фраз, в которых он выражал это побуждение, заставляла многих обманываться относительно истинного их смысла. Из сравнения фактов, обнародованных ныне биографом Гоголя, смысл этот становится очевиден. Вот. например, что писал он М. С. Щепкину весною 1836 года, когда г. Щепкин хлопотало постановке на московскую сцену «Ревизора», который только что явился на петербургской:

Мочи нет. Делайте что хотите с моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама так же надоела, как хлопоты о ней. Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я так дерзнул говорить о служащих людях; полицейские против меня; купцы против меня; литераторы против меня. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один чело-

(Письмо от 29 апреля 1836 г.)

...Еще раз повторяю: тоска! тоска! Я устал душою и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий! Бог с ними со всеми! мне опротивела моя пьеса. Я хотел бы бежать теперь бог знает куда, и предстоящее мне путешествие, пароход, море и другие далекие небеса могут одни только освежить меня. Я жажду их, как бог знает чего.

(Письмо от 25 мая).

Надобно прибавить к этому отчасти уже данные прежнею редакциею, отчасти новые письма Гоголя о неприятностях, которые предшествовали изданию «Мертвых душ», надобно прибавить многие другие факты того же рода, – например, то, что 528

в 1839 году ехал он в Петербург совершенно здоровый и веселый, а по приезде туда, вследствие различных столкновений и неприятностей, тотчас же лишился хорошего расположения духа, – и тогда мы согласимся с очень простым замечанием автора «Записок», что «Гоголь жил за границею для собственного спокойствия»: этим словом объясняется все, даже и смешная для многих фраза его, что покинул он Россию затем, чтобы вернее и лучше описывать ее. Художнику нужна некоторая степень душевного спокойствия: иначе, ему очень трудно писать, и еще труднее писать беспристрастно.

Те стороны гоголева характера и образа мыслей, следствием которых были «Выбранные места из переписки с друзьями», сделались разительно заметны для его близких знакомых еще с 1840– 1841 годов; развитию их содействовал какой-то особенный случай, до сих пор остающийся необъясненным, вероятно находившийся в связи с жестокою болезнью, которую он вынес в это

время, как писал (если только под «болезнью» надобно понимать не одни душевные страдания). Первое письмо, полученное от него после этого загадочного перелома С. Т. Аксаковым, странно отличалось от прежних тоном и содержанием, в духе «Выбранных мест». После того это настроение духа постоянно господствовало в Гоголе, – и, однако же, оно не помешало ему докончить и напечатать I том «Мертвых душ». Автор «Выбранных мест», как видим, вовсе не убивал в Гоголе прежнего великого писателя, не заставлял его в художнической деятельности изменять прежнему автору «Ревизора». Каждый помнит, что публика и литераторы обвиняли Гоголя в двуличности, притворстве, ханжестве, когда в 1847 году явились «Выбранные места». В том же самом винили его в 1841 году (перед изданием «Мертвых душ») ближайшие и лучшие его друзья, семейство гг. Аксаковых, когда он начал присылать им странные письма в духе этой книги. Они откровенно высказывали ему свое грустное подозрение и упрекали его, как видно, за все то, что позднее осуждала публика.

Вот как оправдывается перед ними Гоголь:

Скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Внутренне я не изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаясь и не колеблясь в мнениях главных. И теперь могу я сказать, что в существе своем все тот же.

(Письмо к С. Т. Аксакову, от 16 мая 1844 г.)

В письме к другой особе, упомянув с прискорбием, что лучшие друзья стали его чуждаться, он продолжает:

Это до сих пор неразрешимая загадка, как для них, так и для меня. Но настоящего сведения об этих делах не дала мне до сих пор ни одна живая душа. Вот уже два года я получаю такие странные и неудовлетворительные намеки, и так противоречащие друг другу, что у меня просто голова идет

подлое дело, и в чем состоит именно его поАлость. А между тем мне все, что нн есть худшего, было бы легче понести этой страшной неизвестности. (Письмо к А. О. См[ирнов]ой , ог 24 октября 1844 г.)

И однако же, понимая, что его осуждают, он не покидал своей новой роли и, несмотря ни на что, напечатал «Выбранные места», хотя друзья умоляли его не делать этого. Справедливы ли были его оправдания? Действительно ли образ понятий, выразившийся «Выбранными местами», был искренним его убеждением, а не маскою, надетою по расчету? И действительно ли этот образ мыслей не был в нем новостью, а с детства постоянно жил в нем, и только сильнее прежнего овладел его душою вследствие различных душевных страданий? Надобно думать, что это было действительно так. Все в том убеждает: многочисленные проблески подобного настроения в прежних сочинениях и прежних письмах, и природная наклонность, которая очень обыкновенна между малороссами, и твердость, с какою он его держался, самая смерть его и многие другие факты.

Путешествие в Иерусалим было решено в его уме еще в 1842 году, если не раньше.

Ханжество возможно только для людей с сухим сердцем, которые рассчитывают каждый шаг свой для достижения пользы, и не пренебрегают никакими выгодами, особенно денежными. Хладнокровие к деньгам может служить лучшим доказательством, что человек не ханжа. В Гоголе было это качество. При всей своей нищете, он очень легко прощал своим знакомым ошибки, имевшие следствием потерю денег, проходивших через их рукч.

Он, не имевший никакого обеспечения для жизни, беспрестанно больной и при болезни нуждающийся в деньгах, уступил сестрам

свою часть наследства; нищему и больному отказаться от порядочного имения, в обеспечение участи сестер — это черта не дурная. Ханжа не мог бы тут поступить иначе, как выбрать на свою долю все лучшие участки, обсчитать и обобрать девушек, не знающих толку в денежных делах. Часть своих доходов, почти постоянно скудных, он употреблял на то, чтобы помогать нуждающимся. Что же касается его понятий о необходимости или из* лишестве просвещения, они хорошо доказываются фактом, который до сих пор был очень мало известен. В конце 1844 года он вздумал, что часть суммы, выручаемой от продажи его сочинений, надобно обратить на помощь «молодым талантливым людям, воспитывающимся в Петербургском университете». Сумма эта должна была проходить через руки посредника, одного из друзей Гоголя, и этот посредник должен был, конечно, хранить в глубокой тайне имя жертвователя. Тот, который избран был служить посредником в раздаче денег, почел такую мысль безрассудстзом со стороны человека, во всем нуждающегося, и просил совета у одной из уважаемых Гоголем особ, А. О. См[ирнов]ой; вместе 530

они старались отклонить Гоголя от его намерения, говоря, что им кажется это не только безрассудным делом, но и внушением дурного, самолюбивого чувства. Дело осталось неисполненным, потому что посредник не соглашался принять деньги, передаваемые ему для раздачи. Относительно Московского университета результат был удовлетворительнее для жертвователя, хотя С. Т. Аксаков, которого Гоголь просил быть посредником, также сначала старался доказать ему, что лучше бросить эту мысль.

В Москве до сих пор хранятся у одного из друзей Гоголя банковые билеты на 2500 р. сер., положенных в приращение процентами «для помощи бедным талантливым студентам Московского университета». В то самое время, когда шло дело о печатании «Выбранных мест», он хотел издать в пользу бедных «'Ревизора» с прибавлением новой пьесы «Развязка ревизора». Друзья отклоняли его от этого намерения, потому что находили «Развязку» еще более неуместною в печати, нежели «Выбранные зе -ста». Дело затянулось, и падение «Выбранных мест» заставило Гоголя отказаться от «Развязки», а вместе и от нового издания «Ревизора». Друзья Гоголя были чрезвычайно огорчены намерением Гоголя издать «Выбранные места» из тех странных писем, которые присылал он им с 1841 года. Приводим относящийся к этому делу отрывок из мемуара, составленного С. Т. Аксаковым для «Записок о жизни Гоголя».

В конце 184 6 года, по время жестокой моей болезни, дошли до меня слухи, что в Петербурге печатается «Переписка с друзьями»: мне даже сообщили по нескольку строк из разных ее мест. Я пришел в ужас и немедленно написал к Гоголю большое письмо, в котором просил его отложить выход книги хоть на несколько времени. На это письмо я получил от Гоголя ответ уже в 1847 году. Вот он:

«Неаполь, 1847, января 20, нов. ст.

Я получил ваше письмо, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Благодарю вас за него. Все, что нужно взягь из него к соображению, взято. Сим бы следовало и ограничиться, но, так как в письме вашем заметно большое беспокойство обо мне, то я считаю нужным сказать вам несколько слов. Вновь повторяю вам еще раз. что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я был только скрытен, потому что был неглуп — вот и все. Причиной нынешних ваших выводов и заключений обо мне (сделанных как вами, так и другими) было то, что я, понадеявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрелость свою, отважился заговорить о том, о чем бы следовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои

не придут в такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вот вам вся история моего мистицизма. Мне следовало еще несколько времени поработать в тишине, еще

жечь то, что следует жечь, никому не говорить ни слова о внутреннем себе и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого ответа моим друзьям насчет сочинений моих. Отчасти неблагоразумные подталкивания со стороны их, отчасти невозможность видеть самому,, на какой степени собственного своего воспитанья нахожусь, были причиной появления статей, так возмутивших дух ваш. С другой стороны, совершилось все это не без воли божией. Появление книги моей, содержащей переписку со многими замечательными людьми в России (с которыми 34* 531

я бы, может быть, никогда не встретился, если бы жил сам в России и оставался в Москве), нужно будет многим, несмотря на все непонятные места, во многих истинно существенных отношениях. А еще более будет нужно для меня самого. На книгу мою нападут со всех углов, со всех сторон и во всех возможных отношениях. Эти нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне более меня самого и покажут мне в то же время вас, то есть моих' питателей. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело. Но это вам покуда не будет понятно; возьмите лучше это просто на веру: вы чрез то останетесь в барышах. А чувств ваших от меня не скрывайте никаких. По прочтеиии книги, тот же час, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, как есть, на бумагу. Никак не смущайтесь тем, если у вас будут вырываться жесткие слова: это совершенно ничего: я даже их очень люблю. Чем вы будете со мной откровеннее и искреннее, тем в больших останетесь барышах. Руку для того употребляйте первую, какая вам подвернется. Кто почетче и побойчее пишет, тому и диктуйте. Секретов у меня в этом отношении нет никаких---

Друг мой, вы не взвесили как следует вещи, и слова ваши вздумали под-кре плять словами самого Христа. Это может безошибочно делать один тол ь-ко тот, кто уже весь живет во Христе, внес его во все дела свои, помышления и начинания, им осмыслил всю жизнь свою и весь исполнился духа христова. А иначе — во всяком слове Христа вы будете видеть свой смысл, а не тот, в котором оно сказано.

Но довольно с вас. Не позабудьте же: откровенность во всем, что ни относится в мыслях ваших до меня.

Из этого ответа видно (говорит С. Т. Аксаков), что если мое письмо и поколебало Гоголя, то он не хотел в этом сознаться: а что он поколебался, это доказывается отменением некоторых распоряжений его, связанных с изданием «Ревизора с развязкой». На них я нападал всего более, но об этом говорить еще рано. Между тем мне прочли кое-как два раза его книгу (я был еще болен и ужасно страдал). Я пришел в восторженное состояние от негодования и продиктовал к Гоголю другое, небольшое, но жесткое письмо. В это время N* N* в письме ко мне, сделал несколько очень справедливых замечаний. Я послал и его письмо вместе с своим к Г оголю. Вот его ответ на оба письма:

«1847 г., 6 марта. Неаполь.

Благодарю вас, мой Добрый и благородный друг, за ваши упреки; от них хоть и чихнулось, но чихнулось во здравие. Поблагодарите также доброго N* N* и скажите ему, что я всегда дорожу замечаньями умного человека, высказанными откровенно. Он прав, что обратился к вам, а не ко мне.

В письме его есть точно некоторая жестокость, которая была бы неприлична в объяснениях с человеком, не очень коротко знакомым. Но этим самым письмом к вам он открыл себе теперь дорогу высказывать с подобной откровенностью мне самому все то, ч т о высказывал вам. Поблагодарите также и милую супругу его за ее письмецо. Скажите им, что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя. Мы уже так странно устроены, что до тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это. Замечу только, что одно обстоятельство не принято ими в соображение, которое, может быть, иное показало бы им в другом виде; а именно: что человек, который с такой жадностью ищет слышать все о себе, так ловит все суждения и так умеет дорожить замечаниями умных людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человек не может находиться в полном и совершенном самоослеплении. А вам, друг мой, сделаю я маленький упрек. Не сердитесь: уговор был принимать не сердясь взаимно друг от друга упреки. Не слишком ли вы уже положились на ваш ум и непогрешительность его выводов? Делать замечания — это другое дело; это имеет право делать всякий умный человек 532

и даже просто всякий человек. Но выводить из своих замечаний заключение обо всем человеке, – это есть уже некоторого рода самоуверенность. Через несколько времени после своего отца, послал Гоголю строгий разбор его книги К. С. Аксаков. Гоголь защищался следующим образом:

«Июля 3 (1848) Васильевка.

Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. Так как вы были откровенны и сказали в вашем письме все, что было на душе, то и я должен сказать о тех ощущениях, которые были во мне при чтении письма вашего. Во-первых, меня несколько удивило, что вы, наместо известий о себе, распространились о книге моей, о которой я уже не полагал услышать что-либо по возврате моем на родину. Я думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению. Я, однако же, прочел со вниманием три большие ваши страницы.

Вот мысль, которая пришла мне в голову в то время, когда я прочел слова письма вашего: «Главный недостаток книги есть тот, что она – ложь». Вот что я подумал. Да кто же из нас может так решительно выразиться, кроме разве того, который уверен, что он стоит на верху истины? Как может кто-либо (кроме говорящего разве святым духом) отличить, что ложь и что истина? Как может человек, подобный другому, страстный, на всяком шагу заблуждающийся, изречь справедливый суд другому в таком смысле? Как может он, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, с начала до конца, какую бы то ни было душевную исповедь, он, который и сам есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что в ваших суждениях о моей книге не может также закрасться ложь? В то время, когда я издавал мою книгу, мне казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло несколько времени после издания, мне стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Разве не может случиться того же и с вами? Разве и вы не человек? Как вы можете сказать, что ваш нынешний взгляд непогрешителен и верен, или что вы не измените его нйкогда?

Мы видим, Гоголь уже сознается, что многого в своей книге стыдится. Никакие оправдания и извинения не помогли: надобно было согласиться, что книга, с равным негодованием принятая всеми образованными людьми, действительно принесла своему автору позор. Тогда он писал к бедному уездному священнику отцу Матвею, бывшему ему посредником при вспоможениях бедным – отец Матвей также осудил «Выбранные места»–следую-щие слова:

Все слова ваши – святая истина... Скажу вам нелицемерно и откровенно, что виной множества недостатков моей книги не столько гордость н самоослепление, сколько незрелость моя. Я начал поздно свое воспитание,– в такие годы, когда другой человек уже думает, что он воспитан. Обрадовавшись тому, что удалось в себе победить многое, я вообразил, что могу учить н других, издал книгу, – и на ней увидел ясно, что я – ученик. Желание и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу, а как вышла моя книга, я увидел на ней то же, что есть во мне и гордость и самоослепление, и много того, чего бы я не увидел, если бы не была издана моя книга... вы сами, верно, знаете, что от людей близких не услышишь осуждения.

Но когда раздадутся со всех сторон крики по поводу какого-нибудь публичного нашего действия и разберут по нитке всякую речь нашу и всякое

слово, и когда, руководимые и личными нерасположениями и недоразумения

ми, станут открывать в нас даже и то, чего нет, тогда и сам станешь искать 533

в себе того, чего прежде и не думал бы искать. Есть людя, которым нужна публичная, в виду все* данная оплеуха. Это я сказал где -то в письме, хотя к не знал еще тогда, что получу сам эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мне оплеуха. Я не имел духу заглянуть в нее, когда получил ее отпечатанную; я краснел от стыда и закрывал лицо себе руками, при одной мысли о том, как неприлично и как дерзко выразился я о многом...

Что же до влияния на других, то мне как-то не верится, чтобы от книги моей распространился вред на них. За что богу так ужасно меня наказывать? Нет, он отклонит от меня такую страшную участь, если не ради моих бессильных мйлитв, то ради молитв тех, которые ему молятся обо мне и умеют угождать ему, – ради молитв

моей матери, которая из-за меня вся превратилась в молитву.

Фраза из «Выбранных мест», применяемая здесь к себе Гоголем, была публично брошена в глаза ему одним из наших критиков, более всех остальных содействовавшим утверждению колоссальной славы Гоголя, как автора «Ревизора» и «Мертвых душ». В его полной негодования статье о «Выбранных местах* было сказано, после всех жарких опровержений:

«Теперь вопрос: зачем написана эта книга?

Это так же трудно решить, как и то, зачем написаны автором эти строки: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех оплеуха!»

(« Современник». 1847. № 2. Библиография, стр. 124.)

Эта критика чрезвычайно сильно подействовала на Гоголя, вероятно, сильнее всего, что когда-либо он слышал в осуждение себе. Она послужила причиною, что Гоголь написал в оправдание себе «Авторскую исповедь». Но «Авторская исповедь» есть

уже вторая, позднейшая редакция оправдания; прежде, Гог.„ль хотел дать ему форму обширного письма, – письмо это было им изорвано, но издатель «Записок» нашел разорванные лоскутки, сложил их, и таким образом восстановил очень важный факт для истории нашей литературы 3.

Публика давно решила спор, признав «Выбранные места» пятном на имени Гоголя, как писателя. Приговор так единодушен и положителен, опирается на таких бесспорных фактах и внушен такими справедливыми понятиями об обязанностях писателя, чю нет возможности противоречить ему. Но публика не знает еще – не знаем и мы – Гоголя, как человека, на столько, чтобы с достаточною точностью решить, должно ли это пятно клеймить его как человека, по внешним соображениям или обстоятельствам решившегося играть роль, жалкие стороны которой он понимал, но надеялся прикрыть блеском своей славы; и\и его книга свиде-тел ьствует тол ько о слабости характе ра, не выде ржавше го обол ь-щений славы, но искреннего в своем заблуждении, думавшего переучить всех, заставить всех силою своего таланта и славы признать справедливым то, что прежде казалось им несправедливым; или, наконец, он предвидел насмешки, которым подвергнется, но совершал высокий, как ему казалось, подвиг, подвергая себя на-534

падениям, лишь бы только исполнить долг, возлагаемый на него совестью. Поступал ли он в этом деле как Чичиков, или гордец, или энтузиаст? Кажется, и то, и другое, и третье вместе, но с решительным перевесом на стороне двух последних элементов – гордого самообольщения и особенно энтузиазма. Энтузиазм его несомненен. Как велико было участие расчета? И было ли оно?

Об этом пока ничего еще нельзя сказать решительного, кроме только того, что искренность его убеждений едва ли подлежит сомнению; и что если в нем, как во всяком человеке, к чистым побуждениям примешивались расчеты, то все -таки в основании лежало бескорыстное (хотя ошибочное и по своим следствиям вредное) убеждение, а не расчет; что, совершая поступок, повредивший его литературной славе и могший иметь вредное влияние на литературу, он в сущности действовал как честный (хотя и заблуждающийся) энтузиаст. Должно жалеть о нем, но едва ли возможно, несмотря на слабости, развитые в нем различными отношениями, не уважать его, потому что натура его была, как то по всему видно, чрезвычайно благородна и в самом падении сохраняла свою высоту. Кого из пылких людей жизнь не увлекала часто в поступки, недостойные их характера? И, каковы бы ни были некоторые поступки Гоголя и даже некоторые стороны его характера, все-таки нельзя не видеть в нем одного из благороднейших людей нашего века. Лейпциг и Ватерлоо не мешают нам признавать в Наполеоне величайшего полководца своего времени. С жизнью не всегда сладит самый сильный человек, – а Гоголь, при чрезвычайно пылкой натуре, был одарен, как по всему видно, довольно слабым характером. На столько мы уже знаем этого человека, чтобы извинять ему все, в чем еще не можем оправдать его; и все вероятности убеждают нас, что многого мы не можем еще оправдывать только потому, что многого еще не знаем. Гоголь принадлежит к числу людей, которые тем более выигрываютл чем ближе узнаешь их.

Возвращаясь к его обширному оправдательному письму, должны мы заметить, что в сущности защита его против критика, изобличавшего «Выбранные места», ограничивается тем же аргументом, который противопоставлял он г. К. Аксакову:

«не ваше дело судить об этом; человеку не дано силы безошибочно различать истину от неправды; вы обижаете меня вашими подозрениями; вы не знаете моих побуждений; вы не поняли моей книги; вы не имеете столько знаний, чтобы судить о подобных вещах; я в вас не признаю авторитета» и т. п. — доводы, к сожалению, очень слабые. Более сильных Гоголь и не мог представить, пока дело шло о том, что напечатано в книге; книгу его нельзя оправдать: она лжива. Можно только понять из его жизни, каким образом дошел он, вовсе не по своей воле, до странных заблуждений, которые казались ему истиной — и теперь это уже довольно ясно.

5 %

Мы не воспользовались еще и десятою частью тех новых материалов, которые хотели указать читателю, как особенно важные в «Записках о жизни Гоголя». Но чрезвычайная важность их уже видна из немногих примеров, нами приведенных.

Повторяем: «Записки о жизни Н. В. Гоголя», по высокому интересу содержания, заслуживают самого внимательного изучения со стороны каждого, хотя сколько-нибудь интересующегося историею нашей литературы.

Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Том /.

СПБ. 1856 \

Книжный магазин Давыдова и Комп. предпринял опыт дешевого компактного издания современных русских беллетристов, и ныне представляет публике начало своего предприятия. Покуда мы успеем сказать только о наружности издания и перечислить его содержание. Наружность довольно красивая, объем значительный (362 стр. в 12 д.), цена 1 р. сер. Содержание 1-го тома: «Полинька Сакс», повесть А. Дружинина.

«Дурочка Дуня», А. Майкова.

«Необдуманный шаг», рассказ Н . Станицкого.

«Из Байрона» (два стихотворения), Л *.

«Прохожий», рассказ Д. Григороеича.

Три стихотворения Н. Некрасова.

«Дневник лишнего человека», повесть И. Тургенева.

«Переписка двух барышень», Н. Станкевича.

По заглавиям статей читатель видит, что «Легкое чтение» предлагает ему вещи, уже бывшие однажды в печати. Действительно, такова цель издателей: они желают соединить в своем издании повести и рассказы русских писателей, разбросанные в журналах и заслуживающие перепечатки. Вопрос, стало быть, в том: удовлетворителен ли выбор издателей, или, яснее, д о с т у п -н ы ли им произведения тех русских писателей, которыми интересуется публика? Ответ на это в вышеприведенном содержании первого тома и в нижеследующем оглавлении второго, который изготовляется к выходу. Содержание 2-го тома:

«Иван Савич Поджабрин», повесть И. А. Гончарова.

«Дант в Венеции», стихотворение Л.

«Не в свои сани не садись», комедия А. Н. Островского.

«На Черном море» (1855), стих. Я. П. Полонского.

«Капризная женщина», повесть Н. Н. Станицкого.

«Срубленный лес» (отрывок), стихотв. Н. А. Некрасова.

«Соседка», повесть Д. В. Г ригороеича.

«Вечерние визиты», рассказ А. В. С. ***.

«Записки маркера», рассказ гр. Л. Н. Толстого.

536

Мы убеждены, что издание Давыдова и Комп. приобретет себе огромную массу читателей, если состав его будет всегда так блистателен, как в двух первых томах. Обращаем внимание читателей на дешевизну издания, так как эта попытка у нас совер

шенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою

деятельность, – попытка, которую весьма приятно было бы видеть поддержанною со стороны публики: за 400 компактных страниц текста, написанного известными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, действительно, дешево.

С И З № 6 «СОВРЕМЕННИКА)»

Сочинения Н. В. Гоголя. Томы V и VI. Москва. 1856.

Перепечатывая вторым изданием прежние четыре тома «Сочинений Гоголя», г. Трушковский объявил, что надеется со временем присоединить к ним пятый том, в котором будут собраны не вошедшие в прежнее издание статьи Гоголя, помещенные в «Арабесках» и разных периодических изданиях. Вместо одного тома, г. Трушковский дает теперь два, присоединив к этим статьям «Выбранные места из переписки с друзьями» и несколько неизданных произведений и отрывков, найденных в бумагах Гоголя. «Таким образом, – говорит г. Трушковский, – эти шесть томов, вместе с «Мертвыми душами», составят почти полное собрание сочинений Гоголя». Действительно, только «почти», но еще не совершенно полное. Из напечатанных произведений Гоголя пропущены издателем две статьи, указанные г. Геннади («Список сочинений Гоголя», «Отечественные записки», 1853, № 9);

1) Разбор «Утренней зари» в «Москвитянине», 1843, и 2) «Письмо к М. С. Щепкину из Венеции, о постановке пьесы: «Дядька в затруднительном положении». Кроме того, г. Кулеш указал, что Гоголю принадлежат многие из рецензий, помещенных в пушкинском «Современнике»; без сомнения, некоторые другие статьи могли бы быть указаны друзьями Гоголя и библиографами, например, г. Тихонравовым, которому обязаны мы открытием Ганца Кюхельгартена». Из ненапечатанных отрывков в издание г. Трушковского не вошли отрывки, отысканные и напечатанные г. Кулешем в «Записках о жизни Н. В. Гоголя». Нет сомнения, что лри внимательном разборе бумаг, сохранившихся у родственников и друзей Гоголя, найдется еще многое. Содействие библиографов,– особенно г. Тихонравова, могло бы, как видим, быть полезно для г. Трушковского. Со временем, конечно, опущения, теперь сделанные, будут пополнены; но для публики и самой литературы было бы лучше, если бы за один раз дали нам все что отчасти уже найдено, отчасти могло бы быть найдено. Пересмотрим пока то, что вошло в изданные два тома. Пятый 537

том разделен на *ри отдела: 1) статьи из «Арабесков», 2) две статьи из «Современника» 1836– 1837 годов: «О движении жур* нальной литературы» и «Петербургские заметки», 3) неизданные сочинения: «Отрывок неизвестной повести», «Развязка Ревизора», «Отрывок из Мертвых душ». В шестом томе перепечатаны «Выбранные места из переписки с друзьями», и к этим письмам, под именем «Юношеских опытов», присоединены: поэма «Ганц Кюхельгартен», стихотворение «Италия», два отрывка из повести «Страшный кабан» и отрывок «Женщина».

Со временем о каждом из этих произведений и отрывков мы будем говорить подробно, когда будем рассматривать всю литературную деятельность Гоголя. Теперь же, ограничиваясь извещением о содержании вновь изданных томов, взглянем только на статьи, которые являются в печати в первый раз.

«Отрывок из неизвестной повести» принадлежит, по замечанию издателя, к самым ранним произведениям Гоголя и написан им, быть может, еще до «Вечеров на хуторе». Сюжет повести заимствован из малороссийской истории, из времен казацких войн с поляками. Главное действующее лицо знаменитый предводитель казаков Остраница. В художественном отношении отрывок слабее «Вечеров на хуторе», но тем не менее многие страницы его

таковы, что могли быть написаны только автором «Тараса Бульбы». Приводим две

небольшие сцены из первой главы.

Все православные собрались к обедне на светлый праздник.

Между народом особенно заметен высокий казак с смелым, одушевленным, но покойным лицом. С церковной паперти слышится крик. Народ бросается узнать, в чем дело, — дело в том, что жиды, которым отданы на откуп русские церкви, обижают старика, принесшего к церкви пасху, для освящения.

Три жида отбирали у дряхлого, поседевшего, как лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что он не вносил за них денег. За старика вступилось двое стоявших около него; к ним пристали еще, и наконец целая толпа готовилась задавить жидов, если бы тот же самый широкоплечий, высокого росту, чья физиономия так поразила находившихся в церкви, не остановил одним своим мощным взглядом. «Чего вы, хлопцы, сдуру беснуетесь?

У вас, видно, нет ни на волос божьего страха. Люди стоят в церкви и молятся, а вы тут чорт знает что делаете. Гайда по местам!» Послушно все, как овцы, разбрелись по своим местам, рассуждая, что это за чудо такое, откудова оно взялось и с какой стати ввязывается он, когда его не просят, и отчего он хочет, чтобы слушались. Но это каждый только подумал, а не сказал вслух. Взгляд и голос незнакомца как будто имели волшебство: так были повелительны. Один жид стоял только не отходя, и как скоро оправился от первого страха, незванною помощью, начал было снова приступать, как тот же самый и схватил его могучею рукой за ворот так, что бедный потомок Израилев съежился и присел на колени. — «Ты чего хочешь, свиное ухо? Так тебе еще мало, что душа осталась в галанцях? Ступай же, тебе говорю, поганая жидо -вина, пока не оборвал тебе пейсики». После того толкнул он его, и жид рас -стлался на земле, как лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бежать; спустя несколько времени, возвратился с начальником польских улан. Это был довольно рослый поляк, с глупо дерзкою фиэиономиею, которая всегда почти отличает полицейских служителей. «Что это? Как это?,. Гунство, теремтете?

Зачем драка, холопство проклятое? Лысый бес в кашу с смальцем! Разве? Что вы?.. Что тут драка? Порвала бы вас собака!..» Блюститель порядка не знал бы, куда обратиться и на кого излить поток своих наставлений, приправляе* мых бранью, если бы жид не подвел его к старому козаку,. которого волосы, вздуваемые ветром, как снежный иней серебрились. «Что ты, глупый холоп, вздумал? Что, ты драку начал, драку? Пасе мазепято, гунство! Знаешь ты, что жид? Гунство проклятое!.. Знаешь, что борода поповская не стоит подошвы?.. Чорт бы тебя схватил в бане за пуп!.. У него оломец краше, чем ваша холопска вяра...» Тут он схватил за волосы старца и выдернул клок серебряных волос его...

Глухое стенание испустил старый козак.

« — Бей еще! Сам я виноват, что дожил до таких лет, что и счет им потерял. Сто лет, а может и больше, тому назад меня драли за чуб, когда я был хлопцем у батька. Теперь опять бьют. Видно, снова воротились лета мои. Только нет, не то, не в силах теперь и руки поднять. Бей же меня!..*

При сих словах стодвадцатилетний старец наклонил свою белую голову на руки, сложенные крестом на палке, и, подперевшись ею, долго стоял в живописном положении. В словах старца было невероятно трогательное. Заметно было, что многие хватились рукою за сабли и пистолеты, но вид стольких усатых уланов на лошадях и несколько слов, сказанных незнакомцем, заставили всех принять положение молельщиков и коеститьгя.

«— Что ты врешь, глупый мужик, теоемтете! Чтобы я ня тебе руки поганил, гунство пооклятое! Лысый бес рогатый тебе в Kamv! Глошко! возьми от него пагху! Пусть его одним овсяным сухарем разговеется. Вишь, г у н с т в о проклятое!» говорил блюститель ппавосудия, подвигаясь к ряду девичьему и ушипнуп о д н у из них за руку. «Что аа доака? Ох, славная девка! Вишь драку!.. Ай да Парадка! Ай да Пидорка! Вит*!, глупый м у ж и к ... порвала бы его собака!.. Ай, ай. ай! Сколько тут жиру!..» Блюститель порядка верно себе позволил нескромность, потому что одна из девушек вскрикнула во в~е горло.

В это время пасхи были освящены и обедня кончилась, и многие уже стали расходиться. Несколько только народу обступило козака. так заинтересовавшего

толпу, который между тем подходил к исправлявшему звание алгпиаяила.

« – Славный v тебя vc, пан!» проговпоил он, подступив к нему близко.

« – Хороший! У тебя, холопа, не будет такого», произнес он, расправляя его рукою. – «Славный! Только не туда ты, пан. крутишь его. Вот куда нужно крутить!» Мощный козак дернул сильною рукгчо так, что половина уса осталась у него. Старый волокита захрапел и заревел от боли. Лицо его сделалось цвета вареной свеклы. «Рубите его, рубите лайдака!» – кричал он, но почувствовал себя в руках высокого козака и, увидя насмешливые лица всех, стал искать глазами своих воинов. Малеванный шут струсил...

« – Как же тебе, пан, не совестно бить такого старика! А если бы твоего старого отца кто-нибудь стал бесчестить так попоено при всех, как ты обесчестил старейшего из всех нас? Что тогда? Весело тебе было бы терпеть это? Ступая, паи! Если бы ты не у короля в службе был, я бы тебя не выпустил живого». – Выпущенный пленник побежал, отряхиваясь. За ним следом повалил народ. Между тем козак, отвязавши коня, привязанного к церковной ограде, готовился сесть, как был остановлен среднего роста воином, поседевшим человеком, который долго не отводил от него внимания и заглядывал ему в глаза с таким любопытством, как иногда собака, когда видит идущего хлеб. «Добродию! ведь я вас знаю». «Может быть и правда.»

«Ей-богу знаю. Не скажу, таки точно знаю. Ен-богу знаю! Чи вы С)страница, чи вы Омельченко?» «Может, и он». «Ну так! Я стою в церкви и говорю: вот. тот, что стоит возле его, то Остраница. Ей, ей, Остраница. Да может быть и нет. может быть и не Остраница. Нет, Остраница. Ей, тебе так показалось. Ну как нет? Остраница да и Остраница. Как только послушал Голос; ну тогда и рукою махнул. Вот так точнехонько, покойный батюшка.

Пусть ему легко икнется на том свете! Так же разумно, бывало, каждое слово ответит».

Остраница узнает в старике удалого казака Пудька. Они вместе едут на хутор Остраницы. Проезжая мимо площади, Пудько замечает, что народ весь столпился в кучу. «Верно что-нибудь произошло между народом», говорит он своему спутнику.

В самом деле, на открывшейся в это время из-за хат площади, народ сросся в одну кучу. Качели, стрельба и игры были оставлены. Остраница, взглянувши, тотчас увидел причину: на шесте был повешен, вверх ногами, жид, тот самый, которого он освободил из рук разгневанного народа. На ту же самую виселицу тащили храбреца с оборванным усом. Остраница ужаснулся, увидев это. «Нужно поспешить», – говорил он, пришпорив коня. «Народ не знает сам, что делает. Дурни! Это на их же головы рушится.– Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народ! Разве этак по-козацки делается?» произнес он, воэвыся голос. – «Что смотреть его!» послышался говор между молодежью. «В другой раз хочет у нас вытащить из рук». – «Послушайте, у кого есть свой разум». – «Он правду говорит»,–говорило несколько умеренных. «Молоды вы еще, я вам расскажу, как делают по-козацки. Когда один да выйдет против трех, то бравый козак против десяти – еще лучше! Один против одного не штука. Когда ж три на одного нападут, то все не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется, для святого праздника не скажу срамного слова. Как же хочете теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитного, как будто на какую крепость страшную? Спрашиваю вас, братцы», продолжал Остраница, заметив внимание, – «как назвать тех?..» – «А чем назвать его», заговорили многие вполголоса. «Что ж есть хуже бабы, или того, что он постыдился сказать, мы не знаем?» – «Э, не к тому речь, паноче, своротил», произнесло в голос несколько парубков. «Что ж? Разве мы должны позволить, чтоб всякая падаль топтала нас ногами?» – «Глупы вы еще, не велик ус у вас», продолжал Остраница. При этом многие ухватились за усы и стали подкручивать их, как бы в опровержение сказанного им. «Слушайте, я расскажу вам одну присказку. Один школяр учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово божье. Верно, он был придурковат, а может быть и лень тому мешала. Дьяк его поколотил дубинкою раз, а после в другой, а там и в третий. «Крепко бьется проклятая дубина», сказал школяр, принес секиру и изрубил ее в куски. «Постой же ты», сказал дьяк, да и вырубил дубину, толщиною в оглоблю, и так погладил ему бока, что и теперь еще болят. Кто ж тут виноват, дубина разве?» – «Нет, нет», – кричала толпа: «Тут виноват король!..»

Радуясь, что наконец удалось успокоить народ и спасти шляхтича,

Остраница выехал из местечка и пришпорил коня сильнее, и услышал, Что его нагоняет Пудько. Как-то тягостно ему было видеть возле себя Другого. Множество скопившихся чувств нудило его к раздумью. Свежий, тихий весенний воздух и притом нежно одевающиеся деревья как -то расположили в такое состояние, когда всякий товарищ бывает скучен в глазах вечно упоительной природы. И потому Остраница выдумал предлог отослать вперед Пудька в хутор и ожидать его там; а сам, сказав, что ему еще нужно заехать к одному пану, поворотил с дороги.

Этим распоряжением Пудько, кажется, не был недоволен, или, может, только принял на себя такой вид, потому что через это нимало не изменял любимой привычке своей говорить. Вся разница, что, вместо Остраницы, он все это пересказывал своему гнедко... «О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнедко! Он тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на ляхов, он славную им дал перепойку. Дали б и они ему перцу» когда бы не улизнул на Запорожье. А правда, не важно жид бол? тается на виселице. А пана напрасно было затянули веревкою за шею.

Правда, у него недостает одной клепки в голове, ну да что ж делать? Он от короля поставлен. Может, ты еще спросишь, за что ж жида повесили, ведь и он от короля поставлен? Гм! ведь ты дурак, гнедко! Он за то 540

враг Христов, нашего бога святого». Тут он ударил хлыстом своего скромного слушателя, который, убаюкиваемый его россказнями, развесил уши и начал ступать уже шагом. «Оно не так далеко и хутор, а все лучше рань-

ше поспеть. Уже давно пора, хочется разговеться святою пасхою. Говори, мол, мне не пасхи, мне овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овес, и пшениц» дам вволю, и сивухою попотчивают. Я давно хотел у тебя спросить, гнедко, что лучше для тебя, пшеница или овес? Молчишь? Ну и будешь же век молчать, потому что бог повелел только человеку, да еще одной маленькой пташке...»

При этом он опять хлестнул гнедка, заметив, что он заслушался и стал выступать попрежнему...

Очевидно, повесть оставлена недоконченною потому, что Гоголь нашел в «Тарасе Бульбе» сюжет, более удобный для осуществления его идеи — представить Запорожье и казачество в полном разгаре борьбы за веру и народность. Некоторые эпизоды «Тараса Бульбы» сохранили следы близкого родства с найденным теперь отрывком.

«Развязка Ревизора», написанная в 1847, представляет мало новых мыслей, после «Театрального разъезда» и «Выбранных мест». Гоголь выводит на сцену артистов, игравших в пьесе, и трех любителей театра, отдавая главную роль — «главного комического актера» — г. Щепкину, которому актеры подносят венок за игру его в роли городничего. Любители театра высказывают о «Ревизоре» мнения, сходные с теми, какие уже были подмечены Гоголем в «Разъезде»; главный комический актер разрешает их недоумения размышлениями в духе «Переписки с друзьями». Гоголь заходит так далеко, что хочет даже выставить «Ревизора» не комедиею из общественных нравов, а аллегориею. Один из любителей театра говорит, что автор оскорбляет зрителей, изобличая своею комедиею их недостатки, заставляя зрителей видеть в самих себе нравственных уродов. «Нет, возражает ему главный комический актер, автор имел вовсе не ту цель:

Нет, Семен Семеныч, не о красоте нашей должна быть речь, но о том,

чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не окончилась бы такой трагедией, какою кончилась эта комедия, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться! Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая застаЛ вит нас вдруг и разом взгдгн|й- во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повеленью он послан и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же от«фоется такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, который в несколько раз хуже всякого другого города, в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чи* новники, воруя казну

собственной души нашей! В начале жизни взять ревизора, и с ним об руку переглядеть все, что ни есть в нас, настоящего ревизора, не подложного! не Хлестакова! Хлестаков – щелкопёр, Хлестаков ветреная светская совесть, продажная обманчивая совесть, Хлестакова подку-541

пят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти. С Хлестаковым под руку ничего не увидишь в душевном городе нашем. Смотрите, как всякий чиновник с ним в разговоре вывернулся ловко и оправдался. Вышел чуть не святой. Думаете, не хитрей всякого плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая пошлая какая-нибудь привычка?

Так ловко перед нами вывернется и оправдается, что еще пвчтешь ее за добродетель, и даже похвастаешься перед своим братом и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный город, как в нем всё прибрано и чисто!» Лицемеры наши страсти, говорю вам, лицемеры, потому, что сам имел с ними дело.

Нет, с ветреной светской совестью ничего не разглядишь в себе, и ее самую они надуют, и она надует их, как Хлестаков чиновников, и потом

пропадет сама, так что и следа ее не найдешь. Останешься, как дурак-городничий, который занесся уже было ни весть куда, и в генералы полез, и наверняка стал возвещать, что сделается первым в столице, и другим стал обещать места, и потом вдруг увидел, что был кругом обманут и одурачен мальчишкою верхоглядом, вертопрахом, в котором и подобья не ' было с настоящим ревизором. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, нет, господа, все, кто ни держитесь такого же мненья, бросьте вашу светскую совесть. Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем.

Это натянутое объяснение, конечно, нимало нейдет к делу и замечательно только своею странностью. Вообще, «Развязка Ревизора» есть следствие того же настроения духа, которое побуждало Гоголя напечатать «Завещание» и «Выбранные места»; пьеса эта так же слаба, как худшие страницы в «Выбранных местах».

Отрывок из «Мертвых душ» был напечатан в 1-й книжке «Русского вестника». Произведения, собранные издателем под названием «Юношеских опытов», все напечатаны Гоголем до издания «Вечеров на хуторе», но могут считаться почти совершенно неизвестными публике, кроме стихотворения «Италия», которое недавно было приведено г. Тихонравовым в одной из его статей.

О том, что «Ганц Кюхельгартен» поэма очень слабая даже и для тогдашнего времени (1829 г.), не может быть ни малейшего спора; но она интересна в том отношении, что по сюжету не походит на тогдашние кровавые поэмы с небывалыми злодействами и трескучими катастрофами: Ганц, увлеченный идеальными стремлениями, начинает тосковать в скромной и тихой доле, которую дает ему судьба; он покидает любящую его кроткую невесту, чтобы предаться науке, искусству, утолить жажду кипучей юношеской деятельности, но, утомленный бесплодною погонею за

мечтами, возвращается в свои мирный и прозаическим городок, к

своей милой Луизе, и поэма кончается веселою свадьбою; и насколько поэма Гоголя в художественном отношении ниже других тогдашних поэм, настолько же сильнее их она тем, что есть в ней некоторые проблески чего-то похожего на сочувствие к действительной жизни, а не к одним только вычитанным из непонятого Байрона мелодраматическим грезам.

Отрывки из рассказа «Страшный кабан», напечатанные в «Литературной газете», должны быть поставлены выше отрывка 942

из исторической повести, о которой говорили мы выше, – если бы «Страшный кабан» был докончен, он был бы разве немногим слабее «Сорочинской ярмарки» или «Ночи перед рождеством». История балтийских славян А. Гильфердинга.

Том /. Москва. 1855.

Людям, занимающимся славянскою филологиею, имя г. Гильфердинга известно по двум сочинениям, которые отличались более странностью тенденции, нежели основательностью изыскания. Не подлежит ни малейшему сомнению, что славянский

язык имеет ближайшее сродство с другими европейскими языками индо-европейского семейства: литовским, немецким, латинским, греческим; все они вместе составляют западную ветвь индо-европейского семейства; другие языки того же племени – санскритский, зендский и персидский, принадлежат к восточной его ветви; с ними европейские языки находятся уже не в таком близком родстве, как между собою. Это истина, такая же очевидная для каждого филолога, как для каждого из нас то, что Москва есть европейский город, а Бенарес – азиатский. Но г. Гильфердингу вздумалось, что ближайшее родство с индийцами есть почетнейший титул, каким только может украшаться какой бы то ни было

народ, и он решился доставить нам эту честь, – намерение доброе, но противоречащее положительным выводам науки. Г. Гиль-фердинг отверг все правила, которые в деле филологических исследований необходимы, чтоб не сбиться с прямого пути, и написал две книги в доказательство того, что славянский язык нб европейский, а азиатский язык; чтобы Европа, лишаясь одного из лучших своих языков, не осталась в убытке, он доказывал в то же время, что она должна отнять у Азии персидский язык '. Не знаем, считает ли теперь он свою цель уже достигнутою, или убедился в бесполезности желания и в невозможности достигнуть ее, только за двумя книгами, сочиненными им в доказательство азиатства славян, не являются следующие пять или шесть книг, которые он хотел написать в дальнейшее подтверждение вышеобъяснещюго доброго намерения. Вместо того, он занялся, как теперь видим, «Историею балтийских славян».

Это дело гораздо полезнее для русской публики, да и для науки, нежели противные научной очевидности рассуждения о ближайшем родстве славян с браминами. Но и тут г. Гильфердинг имел отчасти умысел, которого нельзя похвалить: он хочет запугать нас немцами, хочет научить нас, что от немцев следует нам держать себя подальше, а то – долго ли до беды? – как раз они погубят нашу славянскую народность, онемечат нас. Он представляет тому поразительный пример в судьбе балтийских славян. Сколько их было! – лютичи, бодричи, стодоряне, поморяне, – и 543

все говорили по-славянски; и какой народ был! – воинственный и храбрый, сносливый и упорный, честный, в семейном союзе крепкий, добродушный, гостеприимный, человеколюбивый; и какие города у них были! – Рана, Колобрег, Гданск, Аркона, Щетин, Радигощ, – какие у них идолы были! – Триглав, Белбог,

Чернобог, Радигость, Яровит, Святовит, да еще не просто Святовит, а Сварожич; и какие пироги пекли они Святовиту!– из сладкого песта, круглые, вышиною почти в человеческий рост... и что же теперь? нет ни Триглава, ни Святовита Сварожича,– пироги из сладкого теста правда есть, но уже не в человеческий рост вышиною, – и Щетин называется Штеттином, а Гданск Данцигом, и не умеют потомки поморян и стодорян говорить по -славянски, и будто истые немцы пьют пиво вместо славянского меда.

А отчего погибли балтийские славяне? Не оттого только, что были побеждаемы немцами, но еще больше оттого, что полюбили немецкие нравы и сами исказили свою народность. «Предмет близок нам, – говорит г. Гильфердинг в предисловии, – есть много поучительного в судьбе балтийских славян, ибо не одна только внешняя сила погубила их: сильнее оружия германцев действовало внутреннее зло, искажение коренных начал славянской жизни». Предмет вовсе не близок нам, – думаем мы, – если близость его полагать в сходстве нашего положения с положением балтийских славян в IX –XII веках, и никакого поучения не можем мы извлечь из их судьбы, а могли бы извлекать его для себя разве немецкие колонисты в Саратовской губернии, Новороссийском крае и т. д.: не русским грозит опасность онемечиться – она от нас так же далека, как опасность отуречиться или омордвиниться; во всем русском царстве нет ни одного русского человека, дети или внуки которого могли бы сделаться немцами; напротив, люди немецкого происхождения мало-помалу принимают нашу народность; например, г. Гильфердинг, как по всему видно, чисто русский человек, никак не менее всех наших Ивановых, Андреяновых, Поповых или Калашниковых, а, между тем, фамилия г. Гильфердинга доказывает, что его предки были немецкого происхождения. Какое же тут сходство с балтийскими славянами? Те сами онемечивались; а живучи между нас, русеют иноплеменники, к обоюдному удовольствию коренных русских и самих русеющих иноплеменников.

Вот совершенно другое дело вторая причина «близости к нам предмета», также указываемая нам г. Гильфердингом: «балтийские славяне были братья русского народа», – это указание основательно. Мы рады выслушать подробный рассказ о судьбе своих братьев. Но не мешает при этом заметить, что онемечившиеся потомки

балтийских славян, населяющие восточную часть Пруссии, Мекленбург и пр., совершенно довольны своею участью, забыли о всякой вражде с немцами и даже считают себя немцами с такою 544

же основательностью, как мы, согласно с самим г. Гильфердингом. считаем г. Гильфердинга вполне русским. А если сами потомки балтийских славян не имеют ныне охоты сердиться на немцев, то мы с г. Г ильфердингом уж и подавно не имеем основания сердиться на немцев, за то, что они онемечили поморян, череспенян, до -ленчан и глинян. Пора говорить хладнокровно о том, что было за тысячу или за восемьсот лет. Можно, кажется, не оскорбляя никого, сознаться, что если немцы, во время войны с балтийскими славянами, делали им много вреда, то и балтийские славяне не оставались у немцев в долгу. Мы советуем г. Гильфердингу оставить вражду к немцам: иначе — чего доброго — явится по его примеру какой-нибудь историк, который будет враждовать против русских и в том числе против г. Гильфердинга за то, что ныне муромцы говорят по-русски — ведь они потомки муромы, которая, в то самое время, когда балтийские славяне говорили по -славянски, говорили не по-славянски, а по-муромски.

Но хорошо, по крайней мере, то, что г. Гильфердинг от фантастических изыскании перешел к занятию предметом серьезным;

еще лучше то, что в новой его книге гораздо менее произвольных толкований, нежели в первых сочинениях, — ныне он соблюдает правила науки, которым не подчинялся прежде. Желаем, чтобы этот шаг вперед не был последним и чтоб г. Гильфердинг вполне убедился, что беспристрастная истина — лучшее поучение и русскому, и немецкому, и всякому другому народу.

Новое сочинение показывает в г. Гильфердинге человека трудолюбивого и умевшего приобресть довольно обширные знания по своей специальности. Важных ученых открытий в истории балтийских славян до IX века, которым кончается первый том, мы не заметили в его книге; но некоторые частные догадки его справедливы. Надобно надеяться, что мы будем иметь в нем хорошего и деятельного славяниста.

< И З № 7 «СОВРЕМ ЕННИКАМ

Понятия Гопкинса о народном хозяйстве. С английского. В ***. Москва. 1856.

«Сочинение, предлагаемое в настоящем переводе, принадлежит к наиболее удачным опытам изложения главных положений науки о народном богатстве, в самой простой и удобопонятной форме», говорит издатель перевода, г. И. Вернадский, в предисловии.— Оно до такой степени приспособлено к понятиям большинства современных читателей, прибавляет «библиографическая заметка», подписанная буквами И. В., что его «с равною пользою 35 Н. Г. Чернышевский т. Ш . 545

может читать и человек, получивший некоторое образование, и круглый невежда или дитя». — Сообразно тому, дополняет в предисловии г. И. Вернадский, «некоторые из издаваемых рассказов были .помещены в детском журнале «Звездочка». — Посмотрим же, чему Гопкинс может научить большинство современных чита-

телеи и детей.

Гопкинс думал, что если бы не было на свете излишней роскоши, то не было бы и крайней бедности. Волшебница, по его желанию, уничтожает всю роскошь в мире. Что же выходит? Бедняки, которые до сих пор снискивали пропитание тем, что работали в мастерских, где делаются великолепные экипажи, ткутся тончайшие батисты и кружева, и т. д., остаются без работы и умирают с голоду. Тогда Гопкинс бросается к ногам волшебницы и умоляет ее привести дела в прежний порядок, — волшебница взмахнула жезлом — опять появляются великолепные дома, богатые экипажи, кружева и т. д., и снова все «приняло вид довольства и счастия». — Нравоучение изложено, как видим, очень популярно: роскошь не источник нищеты, а, напротив, истинное благодея ние для бедня ков; тол ько благода ря ей бедня ки имеют средство существовать на свете. Еще осязательнее выражена эта мысль «Благотворителем» г. Н. Ф . Павлова («Русский вестник», № 9-й):

В увеселениях безвредных Спектаклей, балов, лотерей,

Весь год я тешил в пользу бедных Себя, жену и дочерей.

Для братьев сирых и убогих Я вовсе выбился из сил;

Я танцовал для хромоногих,

Я для голодных ел и пил.

Рядился я для обнаженных,

Для нищих сделался купцом.

Для погоревших, разоренных Отделал заново свой дом.

Моих малюток милых кучу

Я человечеству обрек:

Плясала Машенька качучу,

Дивила полькою Сашок.

К несчастным детям без приюта Питая жалость с ранних лет,

Занемогла моя Анюта С базарных фруктов и конфет.

Я для слепых пошел в картины И отличался как актер,

Я для глухих пел каватины,

Я для калек катался с гор.

546

Ведь мы не варвары, не турки:

Кто слезы отереть не рад?

Ну, как не проплясать мазурки,

Когда страдает меньший брат?

Во всем прогресс по воле неба;

Закон развития во всем:

Людей без крова и без хлеба

Все больше будет с каждым днем.—

И с большей жаждой дел прекрасных Пойду, храня священный жар,

Опять на все я за несчастных —

На бал, на раут, на базар!

Кто ж, кроме Гопкинса, поверит фокусам волшебницы? Книжка, изданная г. Вернадским, приспособлена «к понятиям большинства современных читателей»; стало быть, современные читатели считаются круглыми невеждами, которые верят в колдунов, которых можно забавлять волшебными сказками (очень лестное и деликатное предположение!); но и круглые невежды не лишены

хотя природного здравого смысла, а он говорит, что роскошь разорительна каждому: это известно из ежедневных примеров. Это знают и дети, для которых также предназначена книжка: древняя история объяснила им, что пока Цинциннаты и Регулы пахали землю, Рим был могуществен, а когда явились в Риме Лукуллы и Апиции, вся Италия обратилась в пустыню и Римская держава погибла. Неужели, в самом деле, политическая экономия противоречит здравому смыслу, житейскому опыту и истории? Вовсе нет. Волшебница обманула Гопкинса, явясь перед ним истолковательницею политической экономии; она запугала его галлюцинациею.

В самом деле, производство предметов роскоши дает пропитание только незначительному числу работников, а не большинству их, как уверяет волшебница; масса работников во всех странах занята производством предметов первой необходимости: хлеба, мяса, холста и хлопчатобумажных тканей, инструментов и машин и пр., и из их скромного заработка половина, если не больше, берется роскошью для прихотей незначительного по числу меньшинства-. При уменьшении роскоши, общественное благосостояние возвышается потому, что капитал и труд обращаются на усиление производства предметов первой необходимости. Тогда и работники, прежде занимавшиеся производством предметов роскоши, легко «находят себе занятие при усиленном производстве предметов первой необходимости. Напротив, при увеличении роскоши, от [сельского хозяйства и необходимых обществу работ отнимаются руки в капиталы на служение тщеславию, прихотям, бесплодным 6 экономическом Отношении. Эти истины науки, конечно, известны F. Вернадскому, пользующемуся у нае известностью одного из лучших экономистов, и тем более странно, что он одобряет книгу,

35* 547

в которой на первых же страницах защищаются односторонние

Посмотрим, не вознаградит ли за ошибочность первой сказки основательность второй. Гопкинс, разочаровавшись в своем желании заменить растрату экономических сил на роскошь обращением их на полезный для общества труд, думает, что, по крайней мере, хорошо было бы, если бы заработная плата повысилась, потому что в настоящее время она (в Англии) недогтаточна. Волшебница исполняет и это желание. Гопкинс и другие работники получают платы вдвое больше, — и что же? цены на все товары поднялись вдвое. Гопкинсу и его товарищам нет никакой выгоды, потому что, вдвое больше получая, они должны вдвое больше платить за все. — Волшебница опять обманула нерасчетливого Голкинса: от двойного повышения заработной платы цена товаров не поднимется вдвое, а только в гораздо меньшей пропорции. Это легко доказать. Нормальная цена товаров определяется издержками производства; они слагаются из двух элементов: 1) заработной платы, 2) процентов с капитала, употребляемого на производство. Из 10 000 р. сер., доставляемых продажею товаров известной фабрики, разве 5000 выплачивается рабочим; остальная часть ценности идет на проценты употребленного капитала. Положим теперь, что заработная плата повысилась вдвое. Тогда общие издержки производства повысятся в полтора раза (10 000 заработной платы, 5000 процентов с капитала,— всего 15 000). Цена товаров поднимется тоже только в полтора раза. Гопкинс, в качестве работника, прежде получал 100 р., теперь получает 200 р. сер. Предметы, которые он прежде покупал за 100 р. сер., теперь он купит за 150 р.; а 50 р. останутся у него в кармане, и он может приберечь их на черный день или приобресть за них житейские удобства, которых не имел прежде. Это давно объяснено наукою.

Волшебница обманывает бедного Гопкинса своими фокусами. Английская книжка, изданная теперь в русском переводе г. Вернадским, написана вовсе не за тем, чтобы изложить науку в истинном ее виде, а просто с тою целью, чтобы правдою и неправдою доказать английским фабричным, что напрасно мечтают они о средствах к улучшению своего положения: положение фабричных рабочих не может быть улучшено. В Англии распространять такое безотрадное и несправедливое убеждение нужно для политических видов некоторых партий, противящихся всем улучшениям, — тех самых партий, которые хотели бы восстановить законы против католиков, запретить ввоз иноземного хлеба, которые защищают продажность офицерских чинов в английской армии и подкупы на парламентских выборах. Книжка написана с односторонней и лживой целью/Она излагает понятия, неосновательность которых давно доказана. Мы жалеем о том, что выбор переводчика был так ошибочен: жалеем также, что ученый 548

издатель книжки, г. Вернадский, не заметил необходимости исправить, по возможности, эту ошибку прибавлением замечаний, которыми бы обнаружилась лживость фокусов, придуманных автором английской книжки для ослепления людей, не знакомых с полиЛ тическою экономиею.

Статистическое описание Киевской губернии, изданное тайным советником, кавалером Иваном Фундуклеем. Три тома. СПБ.

1852.

Хотя печатание трех первых томов громадного труда, изданного г. Фундуклеем и чрезвычайно драгоценного по богатству представляемых им данных, было окончено еще в 1852 году, как видим из заглавного листа, но поступили в продажу эти три тома только на-днях, почти четыре года пролежав в кладовых. Спешим известить читателей о выходе в свет этого важного сборника, оставляя за собой приятную обязанность в непродолжительном времени говорить подробно о капитальном труде, изданном г. Фундуклеем.

Г. Фундуклей уже заслужил признательность наших ученых двумя прекрасными изданиями: «Обозрение Киева в отношении к древностям» (Киев, 1847 г.) и «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии» (Киев, 1848 г.). Изданное теперь сочинение доставляет ему новые права на общую благодарность. Занимая в продолжение тринадцати лет должность киевского гражданского губернатора, г. Фундуклей имел для этого дела средства, каких не может иметь частный человек, и воспользовался своим положением самым благородным и полезным для науки образом. По его поручению, многие лица трудились над доставлением или обработкою статистических материалов; главным распорядителем труда и редактором сочинения был известный наш экономист г. Журавский. Материалы не только извлекались из всех официальных документов, но также собирались из сведений, нарочно для этой цели доставляемых, по желанию г. Фундуклея, многими частными лицами (помещиками и управителями имений, заводчиками, фабрикантами и проч.), и, наконе ц, добывались посредством особо назначаемых исследований. Масса материалов, собранных таким образом, громадна.

Из вышедших ныне томов, первый содержит обозрение площади Киевской губернии, ее населения, населенных мест И путей сообщения; второй – обозрение сельского хозяйства и поземельной собственности; третий–обозрение промышленности и торговли. Четвертый том, еще не изданный в свет, будет заключать обозрение местного управления и правительственных учре

ждений.

De I'or et de Г argent etc., par Narcbs Tarassenko Otreschkoff.

Paris. 1856. (О золоте и серебре, их происхождении, количестве их, добытом во всех странах известного света, с отдаленнейших времен до 1855 года, нынешнем накоплении этих металлов в главнейших государствах и их взаимном отношении по весу и ценности. Сочинение Тарасенко-Отрешкова, камергера двора его величества императора всероссийского, статского советника, члена императорского Экономического общества, Московского общества сельского хозяйства и общества сельского хозяйства Южной России и проч. Том первый. Париж. 1856.)

Открытие богатых золотых приисков в Калифорнии и Австралии, значительно увеличив массу золота, находящегося в обращении, заставило многих ученых, занимающихся государственным хозяйством, опасаться, что если новооткрытые прииски не истощатся в скором времени, то золото упадет в цене и быстрое понижение его ценности произведет экономический кризис.

В последние пять или шесть лет являлось очень много сочинений об этом вопросе. Один из наших соотечественников, г. Тарасенко-Отрешков, пожелал принять деятельное участие в этих исследованиях. Первая часть его сочинения, теперь изданная на французском языке, заключает в себе сведения о добывании золота и серебра и о количестве этих металлов, ныне находящемся в обращении. Его известия о способах добывания благородных металлов в России представляют несколько подробностей, интересных для западных ученых, и потому книга его, во всяком случае, имеет положительные достоинства.

Во второй части своего труда г. Тарасенко-Отрешков намерен изложить соображения о влиянии, какое будет иметь настоящее увеличение массы золота на ценность этого металла и на

экономические отношения. С изданием этой части точнее определится ученое значение сочинения, и до того времени мы отлагаем суждение о нем.

Рассказы и воспоминания охотника. С. Аксакова. Издание второе, с несколькими новыми заметками. Москва. 1856.

В предисловии к первому изданию этой книги почтенный автор «Записок ружейного

охотника» говорил:

« Есть что-то не выразимо уте ш ител ьное и обол ьстительное в мысли, что, передавая свои впечатления, возбуждаешь сочувствие к ним в читателях, преимущественно охотниках до каких -нибудь охот. Вот причина, заставляющая меня писать: я признаюсь в ней откровенно, а равно и в желании, чтобы книжка моя имела такой гае успех, &ак и прежние мои охотничьи заметки». Желание его исполнилось, и второе издание книги, встреченной общими похвалами, служит тому доказательством.

,550

Общий курс истории средних веков. Сочинение М. СтасюлевйЧ». СПБ. 1856.

Не отличаясь никакими положительными достоинствами,

«курс» г. Стасюлевича, однако ж, заслуживает одобрения потому, что лучше многих других руководств, которыми пользуются преподаватели всеобщей истории, не имеющие возможности ввести в употребление между своими учениками сочинение г. Лоренца. Факты изложены у г. Стасюлевича сухо, бесцветно, но все-таки он сделал некоторое различие между мелочными подробностями и существенно важным и не слишком обременил свое руководство излишними именами и цифрами. Важные события выставлены у него не так рельефно и ясно, как того было бы можно требовать, но все -таки не совершенно закрыты длинными перечнями ничтожных походов и стычек. И если вообще «курс»

г. Стасюлевича написан по той же неудовлетворительной системе, как прежние наши учебники всеобщей истории, то написан с несколько большим знанием и искусством. Многие из преподавателей, вероятно, будут и этим довольны.

Южно-русские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Том /. Киев. 1856.

В маленькой книжке, изданной под этим заглавием г. Белозерским, напечатано шесть небольших сочинений, относящихся к истории Малороссии и отысканных издателем в рукописных сборниках XV 11—XV III столетий. Четыре первые статьи имеют летописный характер, именно: 1) «Черниговская летопись», 1587— 1700 годов (стр. 11—44); 2) «Краткое лето изобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание, что в каком годе в Украйне Малороссийской деялось», 1506— 1783 годов (стр. 53— 106); 3) «Хронология высокославных ясневельмож-ных гетманов» (стр. 109— 124), и 4) «Именная перепись малороссийских гетманов», 1505—1782 годов (стр. "129— 140). К этим хронологическим перечням приложением служат: 5) «Слово во время бездождья и глада и всякоя пагубы», относящееся к концу XVII века, и 6) «Лямент людей побожных, що ся стало в Литовской земли», написанный несколько раньше «Слова». Эти материалы, остававшиеся доселе неизданными, представляют несколько фактов и указаний, которые не будут бесполезны для исследователя малорусской истоии. Из шести напечатанных в I томе статей важнее других JMs?№ 1 и 3: «Черниговская летопись» и «Хронология ясневельможных гетманов».

551

Руководство статистики европейских государств. Составлено ординарным профессором императорского С .-Петербургскою университета и проч. Игнатием Ивановским. СПБ. 1856,

Сочинение г. Ивановского, с высочайшего разрешения, посвящено августейшему имени благополучно царствующего государя императора. Это разрешение, а также и известность, какою пользуется ученый автор, ручаются за достоинство его «Руководства».

В Статистике г. Ивановского гораздо менее цифр и таблиц, нежели бывает обыкновенно в сочинениях подобного рода. Автор, конечно, имел при этом в виду сделать свое руководство удобным для классного преподавания и не желал обременять учащихся численными данными, которые с таким трудом удерживаются памятью. Зато он, повидимому, особенно заботился о передаче общих статистических и политико-экономических понятий в надлежащей полноте и ясности, и хорошо достиг этой цели.

< И З № 8 «СОВРЕМЕННИКА» >

О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала.

Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета ординарным профессором политической экономии и статистики Иваном Бабстом 3 июня 1856 года. Казань. 1856.

Привычка заставляет нас, наученных горькими опытами, не ожидать от «торжественных речей» ничего другого, кроме пышных и пустых фраз, кроме велеречивого многословия, кроме безжизненных общих мест. К счастию, не такова «Речь» г. Баб -ста. Это произведение, можно сказать, образцовое по дельности и благородству мысли, по живости изложения, по обилию интересных и поучительных фактов. Рекомендуем эту прекрасную «Речь» вниманию каждого образованного читателя. Нам хотелось бы, чтоб вся публика познакомилась с нею, и так как брошюра г. Бабста напечатана, без сомнення, только в незначитель-

ном числе экземпляров, то мы считаем своею обязанностью сообщить читателям хотя некоторые отрывки из нее, как прекрасные примеры благородного применения науки к жизни. Примеры эти, к сожалению, еще редки у нас; но тем большего внимания заслуживают немногие опыты, представляемые в этом роде нашею ученою литературою.

Еще очень недавно (так начинает г. Бабст) мы отпраздновали, м. г., радостное известие о заключении мира. Мы знаем, как благодетельно по-552

действовал на наше сельское хозяйство, нашу торговлю и промышленность один только слух о близости этой радостной минуты великого народного примирения. Вздохнул свободнее и помещик, имея надежду на сбыт хлеба и на хорошие цены, потянулась к нам вереница купеческих прикащиков для закупа продуктов наших родимых нив и полей, встрепенулись и зашумели наши фабрики, прекратившие работы, и толпы коммерческих агентов появились уже в наших портах и промышленных центрах для закупа наших продуктов. Встречая с радостию мир, не возмутим нашего счастья сетованием о прошедших страданиях, а возблагодарим войну за те великие плоды, которыми мы отчасти уже начинаем пользоваться. Тяжкие народные борьбы и страдания заставляют народы осматриваться, проверять свою пройденную жизнь, проверять учреждения, изменять их и поправить свои ошибки. Воспользуемся же дружно, м. г., спасительными опытами войны и плодами ее. Она и в экономическом нашем быту раскрыла нам также во всей их наготе недостатки и упущения наши. Она указала нам на недостатки в путях сообщений, на монопольный характер многих сторон нашей промышленной деятельности, на отсутствие кредита, на исключительно еще почти естественный характер народного и государственного хозяйства, на медленное обращение капиталов, наконец, на недостаток в них. Возблагодарим ее за то, что она нам указала на все означенные темные стороны. Нам предстоит теперь только не дрогнуть перед ними, но с ними бороться и одолеть

их. Подобно нашим доблестным витязям, отстаивавшим грудью российские пределы, пускай отстаивает честь родины каждый из нас: и купец, и земледелец, и мужи закона и науки. Ополчимся все дружно и дружно станем действовать для распространения нравственного образования, для умножения нашего богатства...

Прежде всего науке приходится бороться с тупыми, устарелыми предрассудками, с недоверием большинства, привыкшего к рутине, — большинства, выражающего на каждом шагу свое недоверие, неуважение, а нередко и злобу к теории. Нет почти ни одного вопроса, ни одного явления в народном хозяйстве, где бы теория не встретила упорного сопротивления и где бы нам не пришлось вступать в бой с отживающими уже формами народного хозяйства, но за которые говорят вековая давность, привычка, рутина и неподвижность — эти постоянные признаки отживающих форм. Подобные препятствия встречала политическая экономия везде. Везде против нововведений и реформ, вызываемых • изменившимся содержанием народной жизни и условий народного хозяйства, выступали защитники старого быта, ветхих форм; но зато везде в Европе была эта борьба облегчена тем, что там существует полемика, что каждый заживо затронутый в своих интересах выступает на защиту своих мнений словом, что там экономическое образование составляет необходимую принадлежность образованного большинства; наконец, тем, что там вообще образование разлито шире, чем у нас. Предрассудки, недоверие к теории, рутину найдем мы везде. Везде, где только существует человеческое общество, везде встретим мы Две великие партии, на которые оно дробится: приверженцев старины и рутины, не доверяющих теории, и партию прогресса, сознающую необходимость реформы. Но дело

в том, что нигде уже не найдем мы зато такого неуважения к теории и науке, как у нас; не услышим уже подобных слов, что не дворянское дело заниматься хозяйством, не услышим похвал нашей внутренней торговле, по душе, без всякого счетоводства, без книг, где редкий купец, редкий помещик в состоянии сделать баланс своим оборотам, не услышим уже подобных мнений,

которые питает у нас большинство даже образованного народонаселения, хранившего детское убеждение, что, запретив вывоз хлеба, Россия может голодом принудить Западную Европу к уступкам, не найдем уже людей, как у нас в захолустье, которые бы удивлялись, что случайно заехавший к нам образованный купец так живо интересуется иностранными газетамиЛ тогда как в Дворянском собрании лежат они почти нетронутыми, не найдем и представителей финансового управления, высказывающих мнение, что, умно-553

жив налог на соль, необходимо получишь больше дохода от увеличившегося потребления. В таких словах видны уже и не нападки на теорию, а совершенное непонимание первых начал народного хозяйства; здесь приходится учить, здесь только всеобщее образование, учение может вызвать общество на прямую дорогу.

Распространение здравых экономических понятий, м. г., составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. Пора, наконец, перестать жить зря, как говорится, делать все зря. Наступает для нас пора проверить все, что мы сделали, что совершили, и достойно ли совершили.

Пора нам задать себе вопрос, так ли мы воспользовались и обширным пространством нашей родины и громадными богатствами, кроющимися в ее недрах и выпавшими по воле провидения на нашу долю. Русская история еде* лада громадные успехи в последнее время; предоставим даровитым ее деятелям следить за судьбами русского человека в течение его долгой исторической жизни. Пора и экономистам проверить историю экономического быта русского человека, проследить историю его пищи, одежды, жилья, проследить все, чего он желал, чего хотел, чего добивался и как добивался, чего, наконец, успел достигнуть, и каковы успехи нашего экономического быта.

Тогда, вероятно, реже встретим мы эту самоуверенность в нашем превосходстве, это китайское самодовольствие и эту возмутительную леность ко всем улучшениям экономического быта. Тогда не встретим мы странного убеждения, что без нас и нашего хлеба, без нашего леса или сала не может

обойтись Западная Европа, что она зависит от нас, и что в нашей воле морить ее голодом или дать наесться досыта; а, между тем, английский поденщик продолжает есть хлеб, какой у нас ест только высшее сословие, и ежедневно потребляет полтора фунта мяса, тогда как наш крестьянин ест его по праздникам редко и круглый год довольствуется хлебом, о котором уже с XVII ст. в Западной Европе и не знают. Не хвастовство, не самоуверенность приведут нас к добру, а истинный патриотизм и беспристрастное, благородное сознание в своих недостатках. Пора нам перестать быть Расплю -евыми, уверяющими, что сельское хозяйство оттого в Западной Европе хорошо, что ведь с голоду они все это делают. Мы, что ли, уж так богаты?

Ежели кто припомнит голодные наши годы и все, что ему приходилось видеть на дорогах и в деревнях, тот сознается, что подобного голода в Западной Европе и быть не может, при ее экономическом развитии, при ее богатстве, путях сообщений и других улучшениях экономического быта.

Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного материального направления нашего века, и преимущественно Западной Европы; нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве.

Но где же более видим мы корыстолюбия, бесчеловечия, как не в народах неразвитых и экономически необразованных? да и где мы найдем, не у нас ли, патриархальность нравов и золотой век, о котором мечтают поэты? Не в житье ли, старом житье Степана Михайловича Багрова видим мы патриархальность нашего экономического быта, не в наших ли купеческих сделках по душе, где чаще всего бывают банкротства, чаще, нежели где-нибудь на Западе, где книговодство и счетоводство обеспечивают всех и каждого?

Нам указывают на широту нашей жизни, на ее размашистость, на расчетливость западной жизни. Но последняя проистекает оттого, что каждый и должен и обязан жить сообразно с своими средствами, не может позволить себе излишества, не может захватить чужой порции, да средняя -то

порция каждого и больше и лучше.

Могущественнейшее средство к возвышению государственного благосостояния, — продолжает ученый профессор, — заключается в увеличении капитала, которым располагает нация; но капитал приносит действительную пользу только тогда, когда не 554

остается лежать мертвым и не растрачивается для суетных целей, а энергически употребляется на предприятия, истинно полезные для народного благосостояния:

Для ленивого, для беспечного народа капиталы — это мертвые силы, и накопление их, равно как и силы, направленные на последнее, считаются, пожалуй, бесплодною тратою* Нужно, чтобы в самом народе крылись и убеждения и сознание необходимости бережливости и труда, без которого невозможно накопление капиталов. Что пользы было Испании, когда все со* кровища Нового Света прилили к ней? Она не стала от них богаче, потому что с приливом сокровищ не усилилась народная деятельность. Дурные государственные учреждения, исторические условия, при которых развивалась Испания, подавили в народе смысл и желание к труду, и она осталась бедна. Много есть, значит, условий, при которых образуются и накопляются капиталы. Энергия и стремление к накоплению последних не одинаковы у разных народов, но зависят от самых разнообразных причин: от бережливости народной, от обеспеченности его собственности, от производительности его труда, от отношения между его производительным и непроизводительным народонаселением, от более или менее быстрого обращения ценностей, от степени нравственного и умственного образования народного. Капиталы — результат бережливости. Чем развитее народ, чем он трудолюбивей, тем он обыкновенно бережливее. По песчинкам накопляются капиталы, но каждая песчинка пропитана трудовым потом рабочего сословия, и все силы верховной власти, вся задача умного и благомыслящего правительства должны быть направлены на то, чтобы драгоценные сии песчинки не

развеяны были по ветру и не прилипли бы к нечистым рукам.

Первое и главное условие для поощрения бережливости и накопления народного капитала, это — полное обеспечение труда и собственности,

Когда мы уверены, что плоды наших трудов, будь они результаты труда вещественного или невещественного, не пропадут, тогда все мы готовы трудиться, тогда народная производительность делает чудеса, и капиталы вещественные, равно как и нравственные, быстро умножаются. Где мало безопасности, где мало уверенности в пользовании плодами своей бережливости, там ничтожно и стремление к последней. Солдат в военное время, моряки и в особенности китоловы всегда чрезвычайно расточительны и беспорядочны. Домовитость, мудрое скопидомство могут быть только в таких народах, где каждый уверен в своей безопасности и где вследствие такой уверенности деятельность каждого отдельного лица получает большие размеры, н где в целом народе заметно стремление копить, чтобы умножить свое богатство и улучшить свое материальное положение. Мы часто слышим нападки на врожденную лень и беспечность некоторых народов, на отсутствие всякого Ьмысла к улучшению своего быта. Это отчасти справедливо. Но нельзя согласиться, чтобы лень и беспечность были уделом целого народа, и нельзя предположить, чтобы в целом народе существовало полное отсутствие желания улучшить свой быт. Это невозможно, и мы должны скорее искать объяснения того грустного явления в условиях, среди которых живет известный народ. Когда избытки народа так малы, что и копить их нечего, когда он даже и в них не уверен, потому что каждую минуту его трудолюбие может быть потревожено произвольными наездами баши-бузуков самого разнообразного рода, где же тут может быть возможность бережливости?

Лучше пропить последнюю копейку, чтобы она только другому не досталась. Все же она как будто не пропала. Когда промышленник не может на -чать ни одного предприятия, не рискуя потерять своего капитала, когда заимодавец тщетно преследует своего должника, переезжающего преспокойно из одного города в другой, где же тут может быть бережливость, где же тут

возможность быстрого накопления капиталов? Практики, вероятно, улыбнутся, читая эти строки, и укажут на громадные капиталы, обращающиеся в нашей торговле, укажут на громкие имена наших аристократов торговли;

555

но нам не приходит а голову отрицать существования капиталов в России.

Они есть; но их все-таки мало. Высота процента служит лучшим тому доказательством; а он у нас очень высок. Причина же высоты роста двоякая: или у нас мало капиталов и, значит, мало еще стремления к накоплению, или же капиталы есть, и тогда высокий рост происходит от высоты страховой пре-,мии — от недостатка безопасности; а где нет безопасности, там не может быть к бережливости. При таком отсутствии безопасности не могут развиться и главные побудительные причины накопления — предусмотрительность и забота об общем благе. Народы на низкой степени нравственного развития почти не знают предусмотрительности.

Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют гибельно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала. Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того гибельного влияния на народное богатство, как произвольное управление. Чего не перенесли благословенные страны Малой Азии, каких ни испытали они переворотов, — и постоянно вновь обращались в земной рай, покуда не скрутила их турецкая администрация! Что было с Францией в XVI11 столетии, когда над земледельческим народонаселением тяготела безобразная система налогов и когда вдобавок еще, под видом последних, каждый чиновник мог смело и безнаказанно грабить? Против воров и разбойников есть управа; но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место доходным производством? Тут иссякает всякая энергия труда, всякая забота о будущем, об улучшении своего быта.

дительного употребления плодов бережливости. Было время, когда господствовало общее мнение, что правительство может потребить весь капитал народный, что такое потребление будет даже полезно, ежели только все истраченные капиталы разойдутся в народе. Это невольно напоминает нам правило самосского тирана Поликрата, уверявшего, что друзья его гораздо довольнее, когда он отдает им назад, что у них награбил, нежели когда он оставляет их в покое. Такие самосские понятия не исчезли и до сих пор.

Мы и теперь часто услышим, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, ежели только деньги остаются в государстве. Но что, если бы все капиталы, издержанные в продолжение всеобщего мира в Европе на громадные морские и военные силы, были употреблены на производительное и для народа полезное дело, разве результаты были бы те же? Употребить миллион на фабрику или на другое промышленное предприятие и истратить миллион на потешный огонь, хотя бы даже и в том и другом случае деньги остались в народе, не одно и то же. До пышного фейерверка народный капитал представляет две ценности: миллион в деньгах и миллион в ценностях, предназначенных для потешного огня; но после него 1 ООО ООО в деньгах остался, но другой миллион исчез навсегда, за исключением только той прибыли, ко -горая осталась в руках людей, занятых приготовлением торжества. Каждая ненужная трата, каждый лишний расход имеют точно такое же вредное действие. Употреблять двух работников, где достаточно одного, держать легионы чиновников, где в них вовсе нет такой нужды, не менее вредно.

Так, мы знаем, что в некоторых областях Австрии расходы на чиновников поглощают половину доходов областей, где они имеют свои места, а все расходы на чиновников, равно как и большая часть государственных расходов, это суммы, совершенно уже погибшие для капитализации, и все они потребляются по большей части непроизводительно. Всякая лишняя трата, всякая лишняя издержка вредны для капитализации, и вот почему все силы умного и заботливого правительства должны быть постоянно направлены на то, чтобы не издерживать ничего лишнего и, с другой стороны, чтобы дать

всю возможность частным лицам беспрепятственно и безопасно пользоваться копейкою, приобретенною трудом и потом. «Каждая копейка, говорит пословица, алтынным гвоздем прибита».

556

Мы указали уже, что одно из главных условий накопления капиталов и умножения народного богатства — это правильное и производительное его потребление; а для этого всего прежде нужно раскрыть все пути, дать самую широкую возможность к быстрому обращению капиталов. Чем быстрее обращаются капиталы, тем они приносят более дохода, тем они производительнее. Капитал, обращающийся три раза в год, более приносит выгоды и пользы, нежели капитал, обращающийся только раз.

Бросив взгляд на экономический быт разнородных обществ Европы, мы придем к одному заключению, что те общества беднее, где медленнее обращение ценностей, где менее развит кредит, где пути сообщений хуже. Громадные успехи, совершившиеся в Австрии и Венгрии с 1848 года, вызваны были благодетельными мерами правительства, проведением линий железных дорог и основанием обширных кредитных учреждений. Говоря здесь о материальных успехах в экономическом быту Австрии, нельзя не упомянуть здесь о ее великом финансовом муже Бруке, вышедшем, подобно Кольберу, из купеческой конторы, внесшем новые силы и новую жизнь в экономический быт империи. Он указал на великую истину, что удобство сообщений — главное условие для дружного содействия всех производительных сил народа, что умножение материального богатства Австрии не может итти в уровень с материальным развитием остальной Европы, ежели в одних областях ее много промышленных сил, в других много суровья, но когда ни то, ни другое не могут удобно сообщаться и размениваться, — и сеть железных дорог прорезывает уже по его указанию и настоянию Австрийскую империю, а обширные кредитные учреждения начинают уже живить народную промышленность.

Но как же помочь делу, когда нация имеет недостаток в соб-

ственных капиталах или эти капиталы скрываются или расточаются, не употребляясь на полезные предприятия? Капитал не прикован ни к какой стране: он не знает границ, разделяющих государства и народности. Нужно только одно: силою не отгонять капитала, не убивать кредита, и сам собою капитал прильет из стран, изобилующих им, в страны, которые в нем нуждаются:

Против иностранных капиталов и прилива их к нам случалось нам часто слышать грозные речи. Говорят о какой-то постыдной зависимости от иностранцев, о потерях в звонкой монете, которою мы должны будем уплачивать проценты, ущербе народному хозяйству, когда иностранец, наживший себе в России состояние, уезжает пользоваться плодами своего труда на родину и увозит наши капиталы. Но вглядимся поближе, попристальнее в это утешительное и многознаменательное явление переселения капиталов, взглянем прямо, а не сквозь плохие очки старых теорий и воззрений, и явление представится нам совершенно в ином виде.

Чем дешевле нам обходится удовлетворение какой-нибудь экономической потребности, тем для нас это выгоднее, потому что стоит нам меньше усилий. Ежели один из факторов производства дорог, то его стараются достать подешевле. В стране с высокой заработной платой очень рады дешевым работникам, при дороговизне капиталов, т. е. высоком росте, стараются приобрести их из-за границы. Правительство, производя заем за границей и получая там необходимые ему капиталы за 5%, поступает гораздо бережливее, нежели занимая у себя дома по 8 или 6. Мы богаты землею, богаты естественными продуктами, но бедны капиталами, необходимыми для усиления нашего производства, для обработки богатых и разнообразных произведений нашей родины: очевидно, значит, что нам гораздо выгоднее воспользоваться чужими дешевыми капиталами. Ежели Россия занимает на полезное предприятие капиталы за границей и платит ежегодно 3 и 4 процента,

« сама получит от производительного употребления 10%, то, конечйо, иы вее-такн будем в выигрыше, и в этом отношении иностранный ваеы на «Московскую железную дорогу был, во всякой случае, выгоднее займа внутреннего. Международное движение капиталов и помещение иностранных капиталов в больших промышленных предприятиях — одна из самых характеристических сторон, нашей эпохи. Английские капиталы давно уже начали свою космополитическую деятельность. Капиталы английские давно уже пополняют передержки в государственных расходах, питают и живят промышленность континентальной Европы. Многие из французских железных дорог построены при содействии их, и наконец, не далее, как в прошлом Году, австрийское правительство уступило и передало большую часть своих линий железных дорог, как отстроенных, так и проектированных, уступило несколько значительных

рудников и горных заводов обществу английских, французских и немецких капиталистов. Уступить главные линии своих дорог, богатые рудники и часть государственных имуществ частной компании казалось и в Австрии делом безрассудным и возбудило в приверженцах старой финансовой рутины и казенных предприятий ропот и неудовольствие; но не так думал и думает Брук. Как купец и промышленник, он понимает очень хорошо, что каждое казенное промышленное предприятие плетется всегда медленно и вяло, и что только частные предприятия приносят все возможные выгоды. Не забудем также и еще одного важного обстоятельства, что продажей дорог и рудников австрийское правительство получило в свои руки значительный капитал, который дал ему возможность поправить и привести в порядок свою систему ассигнаций, от беспорядка которой страдает до сих пор еще австрийское народное хозяйство. Призвав иностранные капиталы, австрийское правительство получило, значит, двоякую пользу: дало толчок дремлющим производительным силам богатой страны и спаслось само от банкротства. Призыв иностранных капиталов нисколько, одним словом, не вредит государству, но только приносит пользу, конечно, ежели их употребляют только производительно. Всякий же заем для цели непроизводительной вреден, потому что народное богатство не умножается, но уменьшается, и народ должен нести на себе всю тяжесть уплаты процентов, которые уплачиваются вдобавок из прежде существовавшего капитала. Такое выгодное перемещение капиталов возможно только при содействии кредита, и когда все разнообразные ветви народной промышленности чувствуют в нем необходимость, когда они без кредита не могут подняться и распустить крылья, тогда задача каждого правительства должна состоять в доставлении всех возможных средств для развития и расширения кредита. Не трудно найти причины, отчего кредита в народе мало, и у правительства всегда в руках средства, у него всегда и сила и возможность поднять кредит или, чего боже избави, задавить его скромные начатки. Чахнет же кредит, как и всякая сторона экономической жизни, тогда, когда частная деятельность и промышленность стеснены, когда народной промышленности навязывают устаревшие экономические законы и правила.

Но под капиталом разумеются не одни только деньги, не одни материальные богатства:

Есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать себе в силах, лежащих извне, опоры, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сии высокие качества нравственного достояния народного, этого неоцененного запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве. Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности ква -558

«еров, известной целому миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного

отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на Востоке до неутомимого духа к спекуляции северо-амернканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют с самых молодых лет презрение к честному труду, презрение к честности и образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его, — там, конечно, не может быть честности; а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство. И, действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления? Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит:

Но ежели честность, м. г., и народная нравственность так много содействуют умножению народного богатства, то не забудем, что вместе с цивилизацией усиливаются в народе и дух предприимчивости и трудолюбие. Никакие поощрения, никакие правительственные меры не в состоянии вызвать в народе двух этих необходимых для его благосостояния качеств, ежели только народная собственность не обеспечена, ежели у народа нет возможности дать полного развития всем своим

промышленным силам, ежели его деятельность стеснена на каждом шагу вмешательством в его промышленные дела, и он не может без спросу с места двинуться, без платежа предпринять чего-нибудь. Но для того, чтобы в народе возбудить, вызвать благородный дух предприимчивости и уважения ко всякому полезному труду, возбудить честность и чувство правоты, для этого, м. г., необходимее всего широкое, всепроникающее образование.

Возблагодарим же нашего державного миротворца за мир, под сенью которого да развивается у нас истинное и благородное образование, да развивается народное богатство, да крепнет в народе чувство чести и правоты. Высочайшее разрешение приема неограниченного числа студентов в универ-

ствования за границу указывает нам путь, которым хочет державный вождь вести народ свой, и радостно отзывается на его призыв каждое сердце истинного патриота, истинно образованного русского гражданина. Без образования, без распространения полезных знаний нет возможности для материального благосостояния народов, нет возможности умножения народного богатства, а без последнего нет у народа и средств к образований' и к нравственному развитию.

Мы уверены, что читатели будут нам благодарны за сообщение этих прекрасных слов; не сомневаемся в том, что приведенных нами отрывков достаточно для того, чтобы оправдать живое сочувствие, с которым говорили мы о достоинствах «Речи» г. Баб -ста. Дай бог, чтобы подобные произведения чаще и чаще являлись в нашей литературе'.

Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные Генерального штаба капитаном Аничковым. Части I и И. СПБ.

1856.

Г. Аничков говорит в предисловии к своим «Очеркам», что не хочет писать полной истории достопамятной Крымской экспедиции. Цель его гораздо скромнее: он только сводит в один связ-W9

ный рассказ показания наших и иностранных газет, поверяя их обнародованными реляциями наших главнокомандующих и объясняя изображениями местностей. В первой книжке он описал таким образом битвы при Альме, Балаклаве, Инкермане и Черной, во второй— осаду и оборону Севастополя, доведя свои рассказ до штурма 6 июня. Надобно сказать, что г. Аничков вообще хорошо исполняет свою программу, и из его брошюрок можно составить себе более отчетливое понятие о ходе военных действий, нежели из отрывочных реляций и газетных известий. Но само

собою разумеется, что его рассказ не заменяет прагматической истории Крымской экспедиции и только заставляет с большим нетерпением ожидать появления в свет сочинения, которым занимается генерал Е. П. Ковалевский. Отрывок из этой истории, помещенный недавно в «Современнике» ,, показывает, что г. Ковалевский обогатит нашу военную литературу книгою, в высшей степени замечательною как по обилию и достоверности фактои, так и по высокому достоинству изложения.

Руководство к гальванопластике. Составил Ф. Даль. Перевел с шведского гвардии поручик К. Вельдт. СПБ. 1856.

Исследование стекловаренного производства и современного состояния его в России. Андрея Чугунова. Казань. 1856.

Обе эти книги составлены дельно. «Исследование стекловаренного производства» показывает в г. Чугунове человека, хорошо изучившего свой предмет и в теории и в практике. Его сочинение, без сомнения, принесет пользу хозяевам и управителям наших сте клянных за водо в.

Руководство к правильному воспитанию детей в первом возрасте. Составлено для образованных матерей доктором Ма тн еом С немецкою перевел А. Кашин. СПБ. 1856.

Доктор Маутнер, как по всему видно, опытный детский врач; его советы основаны на многочисленных наблюдениях, подкреплены и объяснены сотнями примеров, вообще здравы и удобоисполнимы. Перевод хорош, издание книжки недурно.

История православной христианской церкви, составленная священником, магистром А.

Рудаковым. СПБ. 1856.

Написанная с тою целью, чтобы быть руководством при преподавании церковной истории в средних учебных заведениях, книжка г. Рудакова удовлетворяет своему назначению. Язык ее прост и понятен, а обозрение фактов довольно полно.

Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Том II.

СПБ. 1856.

Мы предполагали, что издание, предпринятое г. Давыдовым, будет иметь успех; и, действительно, первый том «Легкого чтения» был принят публикою с одобрением, которого и заслуживал по удачному своему составу и доступной всем цене. Второй том, по всей вероятности, будет пользоваться таким же успехом, потому что достоинством содержания не уступает первому. В нем помещены:

«Иван Савич Поджабрин». Очерки И. А. Гончарова.

«Дант в Венеции». Стихотв. Л *

«Капризная женщина». Рассказ И. Станицкого.

«Срубленный лес». (Отрывок.) Стихотворение Н. А. Некрасова. «Не в свои сани не садись». Комедия А. Н. Островского.

«На Черном море» (1855). Стихотворение Я. П. Полонского. «Соседка». Повесть Д. В. Григоровича.

«Вечерние визиты». Очерки уездной жизни. А. В. С — ча.

«Записки маркера». Рассказ графа Л. Н. Толстого.

В третьем томе, который выйдет в этом месяце, будут напечатаны, между прочим:

«Антон Горемыка». Повесть Д. В. Григоровича.

Пять стихотворений А. А. Фета.

«Жена часового мастера». Рассказ Н. Станицкого.

«К отцу». Стихотворение А •— ого.

«Красильников», Повесть А. Печерского.

«Один, опять один я». Стихотворение Т. А.

«Осенняя скука». Драматическая сцена Н. А. Некрасова.

Таким образом, первые три тома «Легкого чтения» дают шест-

надцать повестей, рассказов и драматических пьес гг, Гончарова, Григоровича, Дружинина, Некрасова, Островского, Печерского. С ***, Станицкого, С[танкеви]ча, Толстого, Тургенева, — и шестнадцать стихотворений: гг. Д ***5 Майкова, Некрасова,

А —ого, Полонского, Т. Л. и Фета.

Некоторые из этих произведений являются в «Легком чтении» в новом виде; особенно должно заметить это о повестях г. Тургенева «Записки лишнего человека» и гр. Толстого «Записки маркера». Перечитывая их, мы нашли в той и другой пьесе несколько новых прекрасных сцен, и оттого они теперь производят впечатление более полное и цельное.

< ИЗ № 9 «СОВРЕМЕННИКА» >

Стихотворения Н. Огарева *. Москва. 1856.

Господин Огарев никогда не пользовался шумною популярностью. Правда, критика всегда с почетом говорила о нем, когда ей приводилось перечислять «лучших наших поэтов в настоящее .30 Н. Г. Чернышевский, т. Ill 561

время»; правда, публика всегда уважала талант господина Огарева, и ей даже полюбились некоторые из стихотворений, подписанных его именем, — кто не помнит прекрасных пьес: «Старый дом», «Кабак», «Nocturno», «Младенец» (Сидела мать у колыбели), «Обыкновенная повесть» (Была чудесная весна), «Еще любви безумно сердце просит», «Старик, как прежде, в час привычный», «Проклясть бы мог свою судьбу», и многих других?

Так; но, тем не менее, публика наша, еще в такой свежести сохранившая наивную готовность увлекаться, не увлекалась поэзией г. Огарева, и наша критика, в последние годы творившая себе стольких кумиров, не рассыпалась перед г. Огаревым в тех непомерных панегириках, на которые бывала она так щедра в последние годы. Произведения г. Огарева не делали шуму. Ему

многочисленной части публики.

Нет вероятности, чтобы даже и теперь, когда стихотворения его, до сих пор остававшиеся рассеянными по журналам, собраны в одну книгу, положение его в современной литературе изменилось. Без сомнения, все журналы похвалят его, — но умеренно; публика будет читать его книгу — также умеренно. Все скажут: «хорошо»; никто не выразит восторга. Поэт не будет ни огорчен, ни удивлен. Он и не требует себе шумной славы: он писал не для нее, не рассчитывал на нее, быть может, и не думал, что имеет права на нее.

Поэт может быть доволен. Но мы, — мы не хотим быть довольны за него этою полуизвестностью, этим одобрением без горячего чувства, этим почетом без лаврового венка. Мы не восстаем ни против нынешней публики, ни даже против нынешней критики: быть может, та и другая правы с своей точки зрения.

Но мы должны сказать, что через тридцать, через двадцать лет,— быть может, и ближе, — это изменится. Холодно будут тогда вспоминать или вовсе не будут вспоминать о многих из поэтов, кажущихся нам теперь достойными панегириков, но с любовью будет произноситься и часто будет произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык.

Г. Огареву суждено занимать страницу в истории русской литературы, чего нельзя сказать о большей части из писателей, ныне делающих более шума, нежели он. И когда, быть может, забудутся все те стихотворения, которым пишем и читаем мы похвалы, будет повторяться его «Старый дом»:

Старый дом, старый друг, посетил я Наконец в запустеньи тебя,

И былое опять воскресил я,

И печально смотрел на тебя.

Двор лежал предо мной неметеный.

Да колодезь валился гнилой,

562

И в саду не гауиел лист зелбныи— Желтый тлел он на почве сырой.

Дом стоял обветшалый уныло, Штукатурка обилась кругом,

Туча серая сверху ходила И все плакала, глядя на дом.

Я вошел. Те же комнаты были —

Здесь ворчал недовольный старик;

Мы беседы его не любили —

Нас страшил его черствый язык.

Вот и комнатка: с другом, бывало,

Здесь мы жили умом и душой;

Много дум золотых возникало В этой комнатке прежней порой.

В нее авездочка тихо светила,

В ней остались слова на стенах:

Их в то время рука начертила,

Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье былое,

Дружба светлая выросла там...

А теперь запустенье глухое,

Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,— На кладбище я будто стоял, —]

И родных мертвецов вызывал я,

Но из мертвых никто не восстал...

«Конечно, «Старый дом» прекрасен; но в наше время было написано довольно много других пьес, которые надобно поставить выше его, или по мысли, или по отделке. За что же ему суждено прожить дольше, нежели всем им?» Не знаем, есть ли в нынешней русской литературе произведения более прекрасные; но дело в том, что «Старый дом» принадлежит истории, как принадлежат ей вообще жизнь и произведения г. Огарева: счастье, или, вернее сказать, достоинство, которое достается на долю немногим избранникам. Да, г. Огарев имеет право занимать одну из самых блестящих и чистых страниц в истории нашей литературы. Мы отчасти излагаем эти права, говоря в «Очерках гоголевского периода» о развитии русской литературы в сороковых годах и о соединении в «Отечественных записках» (1840— 1846) замечательнейших людей тогдашнего молодого поколения. Но там, конечно, мы говорим не в частности о г. Огареве, а вообще о школе, к которой принадлежал он. Здесь мы пользуемся случаем, чтобы в поэзии его показать отпечаток школы, в которой воспитался его талант 2.

Знали ли вы когда-нибудь восторженную дружбу? Если не владело вами это чувство хотя в поре молодости, вы, быть может, 36* 563

улыбнетесь. Но нет, не спешите смеяться: смеяться и мы любим, но не над тем, что было необходимо и оказалось благотворно в историческом развитии. Патрокл не Дафнис 3, созданный праздностью: он необходимое лицо в «Илиаде». Сколько известно, никто не доказывал противного. Да и Троя, если не им взята, то без него не была бы взята 4. Быть может, теперь наше развитие имеет довольно твердые опоры и без восторженных чувств (а быть может, по недостатку их и замедлилось оно). Но то несомненно, что двадцать лет тому назад энтузиазм этот был очень сильным

деятелем в нравственном развитии нашего общества, или, чтобы выразиться точнее, лучших его представителей; и преимущественно его энергическому стремлению обязана своею силою деятельность людей, которым, в свою очередь, мы обязаны тем, что в настоящее время имеем хотя какую-нибудь литературу, хотя какие-нибудь убеждения, хотя какую-нибудь потребность мыслить. Но мы, кажется, отклонились от предмета: ведь мы хотели говорить об одной из сторон поэзии г. Огарева, Чтобы найти переход к ней от этого эпизода, скажем, что этим энтузиазмом проникнут был и г. Огарев. Честь ему за то, что он остался верен своему чувству: доказательство верности — стихотворение, которое поставлено первым в его книге, как бы заменяя посвящение:

ДРУЗЬЯМ

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,

Мы в жизнь вошли с неробкою душой,

С желаньем истины, добра желаньем,

С любовью, с поэтической мечтой;

И с жизнью рано мы в борьбу вступили,

И юных сил мы в битве не щадили.

Но мы вокруг не встретили участья,

И лучшие надежды и мечты,

Как листья средь осеннего ненастья,

Попадали и сухи и желты, —

И грустно мы остались, между нами Сплетяся дружно голыми ветвями...

В лирической поэзии личностью автора затмеваются обыкновенно все другие личности, о которых говорит он. У г. Огарева напротив: когда он говорит о себе, вы видите, что из-за его личности выступают личности тех, которых любил или любит он; вы чувствуете, что и собою дорожит он только ради чувств, которые

питал он к другим. Даже любовь, под которою чаще всего скрывается себялюбие, у него чиста от эгоистического оттенка. Тем более у него преданности в дружбе, которая и вообще часто отличается от других чувств человека сильнейшим участием этого качества. Когда г. Огарев говорит о своих друзьях, он говорит действительно о них, а не о себе; да когда говорит и о себе, то всегда чувствуется отсутствие всякого себялюбия, чувствуется, что наслаждение жизни для такой личности заключается в том, чтобы 564

жить для других, быть счастливым от счастья близких и скорбеть их горем, как своим личным горем.

Действительно, таковы были люди, тип которых отразился в поэзии г. Огарева, одного из них.

И вот, между прочим, одно из качеств, по которым она останется достоянием истории: в ней нашел себе выражение важный момент в развитии нашего общества. Лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева, лицо типическое. Вот как оно обрисовано перед вами сполна в прекрасной пьесе «Монологи»:

I

И ночь и мрак! Как все томительно-пустынно!

Бессонный дождь стучит в мое окно,

Блуждает луч свечи, меняясь с тенью длинной,

И на сердце печально и темно.

Былые сны! душе расстаться с вами больно;

Еще ловлю я призраки вдали,

Еще желание кипит в груди невольно;

Но жизнь и мысль убила сны мои.

Мысль, мысль! как страшно мне теперь твое движенье,

Страшна твоя тяжелая борьба!

Грозней небесных бурь несешь ты разрушенье, Неумолима, как сама судьба.

Ты мир невинности давно во мне сломила, Меня навек в броженье вовлекла,

За верой веру тьг в душе моей сгубила, Вчерашний свет мне тьмою назвала.

От прежних истин я отрекся правды ради,

Для светлых снов на ключ я запер дверь,

Лист за листом я рвал заветные тетради,

И все, и все изорвано теперь.

Я должен над своим бессилием смеяться И видеть вкруг бессилие людей,

И трудно в правде мне внутри себя признаться, А правду высказать еще трудней.

Пред истиной покой исчез 6,

И гордость личная, и сны любви,

И впереди лежит пустынная дорога,

Да тщетный жар еще горит в крови II

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата И мысль и сердце, ношу чувств и дум!

Насмейся надо всем, что так казалось свято,

И смело жизнь растрать на пир и шум!

Сюда, сюда бокал с играющею влагой!

Сюда, вакханка! слух мне очаруй Ты песней, полною разгульною отвагой!

На золото продай мне поцалуй,.

Вино кипит, и жжет меня лобзанье...

Ты хороша, о, слишком хороша!

Зачем опять в душе проснулося страданье

И будто вздрогнула душа?

Зачем ты хороша? забытое мной чувство.

565

Красавица, зачем волнуешь вновь?

Твоих томящих ласк постыдное искусство Ужель во мне встревожило любовь?

Любовь, любовь!., о, нет, я только сожаленье, Погибший ангел, чувствую к тебе...

Поди: ты мне гадка! я чувствую презренье К тебе продажной, купленной рабе!

Ты плачешь? Нет, не плачь. Как, я тебя обидел? Прости, прости мне — это пар вина;

Когда б я не любил, ведь я б не ненавидел. Постой, душа к тебе привлечена.

Ты боле с уст моих не будешь знать укора.

Забудь всю жизнь, прожитую тобой,

Забудь весь грязный путь порока и позора, Склонись ко мне прекрасной головой,

Страдалица любви, страдалица желанья!

Я на душу тебе навею сны,

Ее вновь оживит любви моей дыханье,

Как бабочку дыхание весны.

Что ж ты молчишь, дитя, и смотришь в удивленьи, А я не пью мой налитый бокал?

Проклятие! опять ненужное мученье Внутри души я где-то отыскал!

Но на плечо ко мне она склоняся, дремлет,

И что во мне – ей непонятно то.

Недвижно я гляжу, как сон ей грудь подъемлет,

И глупо трачу сердце за нйчго!

Чего хочу?.. Чего?.. О, так желаний много,

Так к выходу их силе нужен путь,

Что, кажется порой, их внутренней тревогой Сожжется мозг и разорвется грудь.

Чего хочу? – всего, со всею полнотою!

Я жажду знать, я подвигов хочу1 Еще хочу любить с безумною тоскою,

Весь трепет жизни чувствовать хочу!

А втайне чувствую, что все желанья тщетны,

И жизнь скупа, и внутренне я хил;

Мои стремления замолкнут безответны,

В попытках я запас растрачу сил.

Я сам себе кажусь, подавленный страданьем, Каким-то жалким, маленьким глупцом,

Среди безбрежности затерянным созданьем, Томящимся в брожении пустом...

Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,

А чашу жизни пьем мы по глоткам;

О том, что выпито, мы все жалеем боле,

Пустое дно все больше видно нам;

И с каждым днем душе тяжеле устарелость. Больнее помнить, и страшней желать.

И кажется, что жизнь – отчаянная смелость,

Но биться пульс не может перестать.

И дальше я живу в стремленьи безотрадном,

И жизни крест беру я на себя И весь душевный жар несу в движеньи жадном, За мигом миг хватая и губя.

И все хочу!.. Чего?.. О, так желаний много.

Так к выходу их силе нужен путь,

Что, кажется порой, их внутренней тревогой Сожжется мозг и разорвется грудь.

IV

Как школьник на скамье, опять сижу я в школе И с жадостью вяимаю и молчу;

Пусть длинен знанья путь, но дух мой крепок волей. Не страшен труд – я верю и хочу.

Вокруг все юноши: учительское слово,

Как я, они все слушают в тиши;

Для них все истина, им все еще так ново,

В них судит пыл неопытной души.

Но я уже сюда явился с мыслью зрелой.

Сомнением испытанный боец,

Но не убитый им.., Я с призраками смело И искренно расчелся наконец;

Я отстоял себя от внутренней тревоги,

С терпением пустился в новый путь И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги – Свободна мысль, и силой дышит грудь.

Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый? Отныне власть твою разрушил я,

Болезненную власть насмешки устарелой;

Я скорбью многой выкупил себя.

Теперь товарищ мне иной дух отрицанья;

Не тот насмешник черствый и больной,

Но тот всесильный дух движенья и созданья,

Тот вечно юный, новый и живой.

В борьбе бесстрашен он, ему губить – отрада,

Из праха он все строит вновь и вновь,

И ненависть его к тому, что рушить надо.

Душе свята, так, как свята любовь.

Быть может, многие из нас приготовлены теперь к тому, чтобы слышать другие речи, в которых слабее отзывалось бы мученье внутренней борьбы, в которых раньше и всевластнее являлся бы новый дух, изгоняющий Мефистофеля, – речи человека, который становится во главе исторического движения с свежими силами; но когда-то мы услышим такие речи?– да и в самом ли деле многие из нас приготовлены к тому, чтобы слышать и понять их?

И те, которые действительно готовы, знают, что если они могут теперь сде лать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников, и больше, нежели кто-нибудь, почтут деятельность своих учителей. Онегин сменился Печориным, Печорин – Бельтовым и Рудиным.

Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждем еще этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на нее; мы ждем такого

человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед 567

жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями

И вот потому-то, между прочим, что он один из представителей свсей эпохи, г. Огареву принадлежит почетное место в истории русской литературы – слава, которая суждена очень немногим из нынешних деятелей. Есть у него и другие права – о них мы

Но мы все говорим об историческом значении деятельности г. Огарева, а еще не сказали своего мнения о чисто поэтическом достоинстве его стихотворений. Правда, кто знает, что такое истинная слава, тот право на доброе слово истории поставит выше всякого блеска. Но ведь историческое значение поэта должно же отчасти основываться на чисто поэтическом достоинстве его произведений. Мы не касались этой стороны произведений г. Огарева, потому что надеемся через несколько времени поместить статью, в которой будет разобран поэтический талант г. Огарева. Областные учреждения России в XVII пеке. Сочинение Б. Чичерина. Москва. 1856.

Г. Чичерин начинает свою ученую деятельность блистательным образом. Первый напечатанный им труд – о развитии сельской общины1 – возбудил общий интерес: все заговорили о г. Чичерине; многие не соглашались с его выводами, но все соглашались в том, что автор статьи должен быть человек замечательного таланта. Споры его с «Русскою беседою» о народном воззрении в науке и исследования о несвободных состояниях 2 соответствовали своими достоинствами тем ожиданиям, какие внушены были первою статьею. Обширный трактат, о котором теперь должны мы говорить, самые строгие ценители признают капитальным трудом. В несколько месяцев г. Чичерин составил себе известность, какую обыкновенно разве в несколько лет приобретают люди даже очень даровитые; с первого раза он стал в первом ряду между людьми, занимающимися разработкою русской истории. Успех редкий и, что еще лучше, успех совершенно заслуженный 3. Мы ничего не имеем возразить против общего мнения и публики и специальных ученых в пользу г. Чичерина: оно справедли-

во. Скажем более: как ни высоко уважается теперь талант г. Чичерина, но ему, как нам кажется, предстоит в будущем пользоваться еще более громкою известностью. Труды г. Чичерина доказывают, что он обладает всеми качествами, нужными для того, чтобы со временем,–и, по всей вероятности, в скором времени,– приобресть знаменитость, какая достается на долю только очень немногим избранникам. В его сочинениях обнаруживается свет-568

лый и сильный ум, обширное и основательное знание, верный взгляд на науку, редкая любовь к истине, благороднейший жар души; он имеет дар прекрасного изложения. Если, при таких силах, он не сделается в скором времени одним из корифеев наших, то разве в том случае, когда покинет ученую деятельность. Если же он будет продолжать трудиться для науки с тою ревностью, как начал, то, без сомнения, деятельность его составит эпоху в развитии науки, которую он избрал главным предметом своих занятий.

Значит ли это, что мы не находим никаких слабых сторон в исследованиях г. Чичерина? – нет; труды, которые до сих пор им изданы, отличаясь редкими и высокими достоинствами, имеют, конечно, и свои недостатки, но самые эти недостатки такого рода, что еще более ручаются за будущность его таланта, носят в себе залоги высших достоинств: они происходят, как по всему видно, главным образом оттого, что он еще не вполне пользуется своими силами, еще верит в сообразность с его собственными понятиями тех решений, какие были даны тою или другою из наших исторических школ, – словом, еще полагается во многом на авторитет того или другого из наших историков.

Это очень натурально: до сих пор г. Чичерин занимался исследованием только частных, хотя очень важных вопросов. Ему еще не представлялось случаев подробно рассматривать общих понятий о развитии русской исторической жизни, обыкновенно принимаемых ныне; он принимает эти общие понятия без ближайшей поверки. Так делают и многие другие исследователи, занимающиеся частными изысканиями. Но, между тем, как другие спокойно подчиняются в направлении своих исследований духу школы, авторитет которой принимают, г. Чичерин обнаруживает в своих частных

изысканиях независимый взгляд. Из этого иногда возникает, быть может, еще незаметное для него, несогласие между его взглядом и духом школы, терминологию которой он употребляет, иногда терминология, которой он считает нужным держаться, получает в его сочинениях новый смысл. Таким образом, г. Чичерин иногда не избегает некоторой сбивчивости в изложении своих понятий, которые не находят себе соответствия в терминологии, принятой им без точного исследования. Конечно, это недостаток, но недостаток, возникающий не от слабости, а от избытка сил; и не трудно предвидеть, к чему приведут противоречия, которых теперь не избегает г. Чичерин, соединяя результаты своих исследований с понятиями, взятыми из прежних школ: мало-помалу он увидит необходимость подвергнуть критике те общие воззрения на русскую историю, которые сначала оставались вне круга его частных изысканий; увидит, что его исследованиями потрясаются те основания, на которые прежде он полагался, – и постепенно образуется у него самостоятельная точка зрения на ход событий русской истории. Это произойдет 569

само собою, если foAbieo г. Чичерин намерен специально посвятить свои дарования разработке русской истории.

И достоинства и нынешние недостатки его исследовании доказывают, как мы сказали, что он не из тех людей, которые живут

вые пути в науке.

К такому убеждению пришли мы, прочитав исследование г. Чичерина об областных учреждениях России в XVII веке. Только там, где автор, принимая без ближайшего разбора общие воззрения прежних исторических школ, берет на себя ответственность за идеи, не им самим выведенные из строгого разбора фактов, можно и, кажется нам, должно с ним спорить. Но когда он является самостоятельным исследователем фактов, трудно не соглашаться с ним вполне.

Начнем с тех понятий в книге г. Чичерина, которые кажутся нам или не совершенно справедливыми, или изложенными не совершенно удовлетворительною терминологиею.

Автор считает учрежде ние вое вод применением «госуда рствен-ных начал» к областному управлению. Нам казалось вернее бы заменить выражение «государственные начала» просто – ну хоть бы словом «централизация в областном управлении». Понятия «государство» и «централизация» совершенно различны. В Англии, в Северной Америке централизации нет; а государства эти и сильны и благоустроенны. Централизация является необходимою формою только там, где существует партикуляризм, Где части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремле* иями, если только были со времени Ярослава какие-нибудь провинциальные стремления, – которых, надобно сказать, вовсе не видно, и которых потому не должно предполагать: распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями, делом потомков Ярослава или, пожалуй, и самого Ярослава, но не

следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей. Как только присоединяется тот или другой удел к Москве, дело кончено: тверитянин, рязанец – такой же истый подданный московского царства, как и самый коренной москвич; он не только не стремится отторгнуться от Москвы, даже не помнит, был ли он когда в разрозненности от других московских областей: он знает только одно–что он русский. При такой силе национального чувства, государственное единство нимало не нуждалось в поддержке централиза-циею управления. [Она возникла по другим причинам, которые известны г. Чичерину не менее, нежели нам. Причины эти можно 570

подвести под одно общее выражение: стремление власти к расширению своих границ – стремление, замечаемое во всех странах и во всех веках.]

Мы предлагаем заменить выражение «государственные начала» понятием «централизация» не потому, чтобы последнее слово было совершенно удовлетворительно своею точностью; оно все еще слишком широко: централизация, государственная и областная, была и есть во многих странах, а нам нужно было бы найти выражение, которое применялось бы именно к русской истории, – и если

господину Чичерину или кому другому удастся найти более точное определение централизующего принципа, от которого зависело развитие русской жизни, мы будем тому очень рады; но пока мы будем употреблять хотя слово централизация, за недостатком более точного выражения: «централизация» все -таки гораздо определительнее, нежели «государственные начала», потому все-таки оставляет менее простора для недоразумений, каким

Г. Чичерин, конечно, не нуждается в наших пояснениях, чтобы видеть, до какой степени m o t v t измениться понятия о смысле различных явлений русской истории, когда точнее определяются принципы, управлявшие развитием этих явлений.

Так, например, если воеводы признаются представителями государственного начала в областном управлении, то все областные учреждения, замененные воеводами, признаются противоречившими государственному началу, национальному интересу. Если же воевод считать только представителями централизации, учреждение воевод и падение других учреждений являются в ином свете. Нам кажется, что с характером воззрений, принадлежащих самому г. Чичерину, гораздо более гармонирует понятие о воеводах просто как о представителях централизации в областном управлении.

В числе воззрений, не столько принадлежащих самому г. Чичерину, сколько принимаемых им по авторитету различных исторических школ, есть еще одно довольно важное, с которым мы не хотели бы соглашаться. Это воззрение состоит в том, что, при падении учреждений, главная вина падения всегда заключается в несоответственности с потребностями прогресса, при возвышении учреждений всегда главною причиною возвышения бывают потребности прогресса. К сожалению, факты не всегда соответствуют такому понятию об историческом движении. Мы нимало не принадлежим к приверженцам какой бы то ни было старины; мы не сомневаемся и в том, что если нет слишком сильных причин, извращающих натуральное развитие народной жизни, то жизнь идет вперед, и позднейшие явления бывают Совершеннее предшествовавших им. Но часто бывает и иначе. Если историческое движение ные народы подвергаются часто влиянию неблагоприятных обстоятельств. В пример, довольно указать на историю Испании. Понятие о прогрессе имеет свои ограничения в жизни народов. Еще чаще такие несоответственные прогрессу явления замечаются, когда мы берем исключительно одну сторону народной жизни. Потому едва ли может соответствовать истине такое построение истории отдельной нации, в котором решительно каждое важное явление в каждой отрасли народной жизни представляется возникающим и упадающим сообразно правилу прогрессивного развития. А именно таково построение, принимаемое без ближайшей критики г. Чичериным. Нельзя сомневаться, что заменение воевод другими учреждениями было делом прогресса: факты подтверждают то; но действительно ли надобно видеть прогресс в учреждении воевод, мы не можем сказать утвердительно.

Пределы статьи не позволяют нам приводить выписок из актов и летописей, подтверждающих замечания, кратко нами высказанные; но читатель в книге самого г. Чичерина найдет множество фактов, которые доказывают, что учреждение воеводского управления было следствием не государственного начала вообще, которое не нуждалось в воеводах, а скорее делом административной централизации. Мы должны также, чтобы не увеличивать чрезмерно нашу рецензию, отказаться от нескольких более частных замечаний: почти все они, как мы уже сказали, относятся только к тем мнениям, которые приняты г. Чичериным на веру, без ближайшего рассмотрения, и которые, по всей .вероятности, будут опровергнуты проницательным анализом самого автора, как скоро представится ему случай подробнее исследовать их. Что же касается тех отделов книги, которые посвящены самостоятельному

исследованию частного вопроса, избранного автором, то есть форм и духа областных учреждений XVII века, мы можем только отдать полную справедливость добросовестности его труда и верности его взгляда, с которым невозможно не соглашаться. Постараемся в нескольких словах изложить результаты изысканий г. Чичерина, справедливость которых несомненна.

Первоначально князья, имея право суда и управления в подчиненных им областях, смотрели на это право единственно как на источник дохода для себя и для обогащения людей, которые служили им. Судебная и административная власть была средством «кормления» служилых людей. Определенных учреждений в этом деле не существовало: все зависело от частных распоряжений– и назначение судьи-правителя (кормленщика), и округ его ведомства, и степень власти. Сколько доходов получит судья-правитель, это было уже его собственным делом; он затем и назначался, чтобы «кормиться». Произвол его ограничивался, правда, некоторыми

постановлениями. Но постановления эти вообще не имели силы: они отменялись по произволу в частных случаях, да и сами по себе были недостаточны. Должно было.

572

кроме того, ограничиваться отчасти ведомство, отчасти самоуправство назначаемых лравнтелей-судей властью, присвоенною в некоторых делах выборным людям; но власть эта была также слишком слаба, чтобы служить действительною преградою произволу, и, как бессильная и бесполезная, теряла действительное, а потом даже и формальное значение.

Таково было положение областного управления в начале XVII века, когда повсюду стали назначаться воеводы, до того времени посылавшиеся только в немногие города по особенным обстоятельствам, преимущественно на военное время. «В смутное время, в начале XV II века, когда войны и мятежи распространились по всей земле, и всюду было необходимо присутствие военной силы, воеводы являются почти во всех городах; со времен Михаила Федоровича они составляют общее учреждение всей России».

Таким образом, сам г. Чичерин дает нам удовлетворительное объяснение происхождения воеводского управления, Воеводы первоначально были временными правителями округов, находившихся на военном положении. В этом качестве, разумеется, они имели чрезвычайную (дискреционную) власть. Когда все области были на военном положении, такие полномочные правители явились повсюду; власть их была удержана и тогда, когда обстоятельства, подавшие повод к их установлению, миновались — явление, очень обыкновенное в истории почти каждого народа: власть стремится к всегдашнему удержанию объема, приобретенного по поводу скоропреходящих обстоятельств. Такое точное объяснение напрасно стали бы мы делать бесполезным, относя его к слишком отвлеченному понятию «государственного начала»: оно, очевидно, относится к более определительному понятию « п о л н о м о ч н о й централизации».

Быстро все другие учреждения исчезают или подчиняются власти воевод, или изменяют свой характер сообразно духу преобладающей воеводской власти.

В понятии государственного начала вообще лежит идея стремления к постоянному, прочному, легальному порядку; напротив того, диктатура, хотя и составляет одну из форм государственного быта, по самой сущности своей противоположна этой идее постоянства и определительности: потому -то мы находим совершенно соответствующими сущности того стремления, из которого возникло упрочение и распространение по всем обла-

стям России воеводского управления, ту неопределительность и беспорядочность, которая составляла отличительный характер воеводского учреждения; все усилия высшего правительства поставить власти вое вод какие -либо определенные п ределы оставались безуспешны, потому что несовместны были с е%мым принципом, из которого возникло и которым поддерживалось воеводское управление — принципом полномочия.

573

В учреждении воеводского управления все было делом произвола и случая, начиная от пределов округа, поручаемого воеводе, до пределов вручаемой ему власти. Иной воеводский округ обнимал целую обширную область, иной был очень невелик; иные воеводы имели сношения прямо с московскими приказами, иные были подчинены другим воеводам и, будучи подчинены им, иногда с тем вместе зависели прямо от приказов. В больших городах у воеводы были товарищи, один или двое, как случится, в одном и том же городе, а иногда в том же самом городе бывал воевода и без товарищей. Отношение воеводы к своим товарищам бывало различно: то он ничего не мог сделать без их совета, то поручались им отдельные части управления, то Е о е в о д а повелевал своими товарищами. Определенных правил на эти отношения не существовало. В малых городах бывал один воевода, без товарищей.

Так как мы не можем в равной подробности изложить содержание всех отделов книги г. Чичерина, то ограничимся только главнейшим отделом — «о воеводах больших городов». К воеводам приписных городов вообще можно приложить все, что известно о воеводах главных городов, только с тою разницею, что они были подчинены, в большей части случаев, не прямо московским приказам, а воеводам главных городов;

но дух управления

и характер власти был один и тот же. Все другие областные учреждения далеко уступали своею важностью воеводам, которым обыкновенно и подчинялись. Потому о характере областных учреждений в XVII веке можно составить себе достаточное понятие, рассмотрев только воеводство главных городов.

Прежде всего повторим, что общих правил, которые бы постоянно действовали, не было ни в назначении, ни в границах власти воевод, ни в чем другом, относящемся до них: все определялось частными распоряжениями, так что были только случаи более частые и случаи менее частые. Мы будем, говоря о харак» тере воеводской власти, определять ее сообразно с более частыми случаями; но не должно забывать, при каждом определении, что оно применялось далеко не ко всем воеводам и не постоянно, а везде и во всем бывали частые случайные исключения, не подходившие под более обычный распорядок: все зависело от обстоятельств и от воли назначавших или от личного положения назначаемых.

Воеводы избирались из числа просителей, хлопотавших о получении воеводского места; в челобитных они писали: «прошу отпустить покормиться». Воеводство было обыкновенно жалованьем за военную службу и отдыхом от нее. [Так, однажды царь Алексей Михайлович, посылая воеводу в Кострому, имел целью дать ему средство бажить 500 рублей. Но человек возвратился из КострЬмы, нажив только 400 рублей, — удостоверившись в том, царь послал его на значительнейшую поживу в другой 574

Город. В приказах, от которых назначались воеводы, было приведено в систему, какую взятку должен дать проситель, чтобы получить воеводство в известном городе. Кто платил взятку, тот и получал место. Продавцы мест не давали в обиду определенных ими воевод, и потому воеводы не боялись никаких жалоб.] Воеводы посылались на срок, на два или на три года: этого срока было достаточно, чтобы «покормиться». Притом, сдача дел и казенного имущества преемнику была единственною несколько серьезною отчетностью, и бессрочность была бы совершенною безотчетностью. Обыкновенно и двух лет не удерживался воевода на месте (в Шуе в течение 76 лет сменилось 52 воеводы): челобитчиков, просившихся на эти места, было так много, что приказы не затруднялись сменять назначенных людей новыми. При назначении воеводе давался наказ для руководства в управлении. Общей системы для этих наказов не существовало: иногда они бывали очень подробны, иногда ограничивались немногими указаниями. Прежними наказами воеводе предоставлялось руководствоваться, когда нужно, по его собственному усмотрению; да и тот наказ, который давался ему самому, не был для него обязателен: «буде в сих вышеписанных статьях (говорилось в наказах) что явится к нынешнему делу и времени к исправлению несогласно, и чего будет делать не мочно и казне убыточно, и воеводам чинить в тех статьях по своему правому рассмотрению». Иногда — впрочем, редко — предписывалось о недоуме-* ниях спрашивать разрешения приказов, обыкновенно же разрешалось «делать как бог вразумит». Таким образом, давался полный простор произволу воеводы.

Приехав на место, воевода принимал дела и казенное имущество от своего предшественника; но ответственность обыкновенно лежала тут на дьяках, по частой безграмотности воевод и незнакомству их с делами и счетами. Приказы получали отчеты, но не могли уследить по ним действий воевод- потому сдача дел при смене была в сущности единственною отчетностью, да и за ходом

этих сдач приказы не модеш уследить, потому что новые воеводы или их дьяки не всегда сообщали о том приказам.

Если при сдаче финансовые дела оказывались в порядке, за упущения и злоупотребления по другим частям воевода не подвергался ответственности, разве в случае особенного челобитья на него царю.

Ведомству воеводы подлежали «всякие дела», так что вообще не было определенных границ воеводской власти: воевода заве -дывал делами духовными, иностранными, военными, разрядными, поместными, судебными, полицейскими и финансовыми. Но в подвластности воеводам дел каждого рода было множество изъятий или случаев столкновения с другими властями. Так, например:

По духовным делам — вое водам за п ре щалось вме ш и ваться в 575

«духовные дела и духовный чин»: церковь была независима от светской власти. Но

часто воевода заведывал постройкою церквей, раздачею церковным причтам земли и жалованья, обыкновенно поверял отчетность монастырей при смене настоятелей; ему предписывалось вообще давать епископу своих стрельцов и пушкарей для помощи против ослушников, а иногда — без собственного розыска не делать того; иногда воеводе поручался даже надзор за поведением священников, иногда — за исполнением церковных обрядов со стороны прихожан; иногда воеводы управляли монастырскими вотчинами.

По иностранным делам — воеводам пограничных городов то разрешалось, то запрещалось сноситься с иноземными державами и их чиновниками.

По военным делам, которые были сосредоточены в руках воевод, их власти не подлежали монастырские крепости (а иногда и подлежали). Такое же то изъятие от власти, то предостав-

ных и поместных.

В судопроизводстве одни и те же гражданские дела то решались воеводами, то отсылались воеводами в приказы, то решались приказами мимо воевод, которыми должны были бы решаться: все зависело либо от усмотрения воеводы, либо оттого, воеводе или московскому приказу вздумает подать жалобу свою истец. Уголовные дела подлежали воеводе, где не было губных старост, или губным старостам, если не было для этих дел особенных сыщиков. Все зависело от случая: беспрестанно то отнимались у воевод уголовные дела и поручались губным старостам, то уничтожались губные старосты и дела их передавались воеводам. Иногда уголовные дела в округе одного воеводы поручались заведыванью воеводы другого округа. Воеводы иногда казнили, иногда не могли казнить смертью, иногда посылали, иногда не обязывались посылать в Москву ведомости о наказанных преступниках. Целые классы и отдельные лица были изъяты из общей подсудности; но и тут не было постоянных или ясных правил, так что вопрос о подсудности был очень запутан.

Дела, подлежащие ведомству воевод, были чрезвычайно разнородны. Вообще, когда и случалось, что воевода не всеми отраслями администрации и судопроизводства заведывал сам, то он должен был вмешиваться во все, при перевесе своей власти над другими учреждениями и при недостатке точных границ в распределении дел по разным родам. Но главною его заботою был сбор податей; а все остальные дела были уже второстепенными в сравнении с этим важнейшим для государства.

Система податей была чрезвычайно разнообразна и запутана. Подати и установлялись и изменялись по отдельным распоряжениям, без всяких общих соображений; точно так же опре-

делялся и порядок их сбора. И тут, как везде, существовало мно-576

жество изъятий и временных и местных правил или исключений. Тут была полнейшая свобода собственному усмотрению воеводы, потому что ответственность за сбор падала на него и была единственною важною его ответственностью: недобор в податях взыскивался с него, за недобор ему грозили опала и наказание.

В делах питейного и таможенного сбора бывали обыкновенно сначала, под надзором воеводы, особенные выборные головы и целовальники (впрочем, иногда их назначал сам воевода, иногда они присылались из Москвы), — и тут ответственность за недоборы и упущения падала на них, а не на воеводу, которому они, однако, были подчинены; но, мало-помалу, таможни и кабаки были — впрочем, не везде — изъяты от власти воеводы, хотя преследование корчемства и контрабанды осталось в его ведомстве.

Таким образом, к ведомству воевод принадлежали все дела областного управления; но были в областном управлении и другие власти, кроме воевод. Ясного разграничения в ведомствах не существовало, повсюду было множество изъятий и временных мер, так что областное управление в XVII веке представляется совершенным хаосом, — и над всем этим хаосом возвышалось в областях только обыкновенное разрешение воеводам поступать, когда покажется нужно, по собственному усмотрению, как лучше для выгод казны.

Такую же запутанность встречаем мы в подчиненности воевод московским приказам, в делопроизводстве и отчетности их, если только можно назвать отчетностью почти совершенное отсутствие контроля и всякой определительной ответственности. Подле

воевод, почти всегда в подчинении власти их, суще-

ствовали некоторые учреждения, основанные обыкновенно на выборах: таможенные и кабацкие головы и целовальники, губные и земские старосты и целовальники; но не было ни определительности в порядке выборов, ни самостоятельности избирающих и избираемых; часто, вместо выборов, назначение делалось из Москвы или властью воеводы; все было подчинено власти или доступно вмешательству воеводы. Потому, на деле, выборные учреждения не имели силы и сохраняли (когда сохраняли) свое существование только тем, что проникались тем же самым духом, который господствовал в воеводском управлении.

Таковы были областные учреждения России в XVII веке, и только с Петра Великого начинает появляться определительный порядок в этом хаосе.

Мы изложили выводы, к которым приводит самостоятельное исследование г. Чичерина: против этих выводов невозможно сделать никакого сколько-нибудь значительного возражения, которое могло бы назваться основательным.

Нет надобности говорить, как важен вопрос, объясняемый прекрасным трудом молодого историка. От вопроса о состоянии 37 Н. Г. Чернышевский, т. III 577

России в XVII веке зависит решение вопроса о необходимости реформы Петра Великого и о том, много ли зародышей благоустроенного развития представляет историческая жизнь наша до Петра Великоф. Благодаря г. Чичерину, вопрос этот решен относительно одной из важнейших сторон народной жизни — от-носителвдо порядка дел, существовавшего в селах, городах и областях русских.

Надобно желать, чтобы столь же основательные и проницательные исследователи рассмотрели другие стороны народной жизни в XVII веке. Г. Забелин представил превосходные исследования о некоторых сторонах домашнего быта 4. Остается еще широкое поле для других подобных исследований о том же периоде. Хорошо было бы, если б у нас являлось больше таких людей, как г. Забелин и г. Чичерин, являлось побольше ученых, столь даровитых и живых.

Но наш отчет о труде г. Чичерина был бы слишком неполон, если бы мы, высказав, в чем, по нашему мнению, не должен был соглашаться г. Чичерин с понятиями, чуждыми его собственному направлению, и пересказав собственные его выводы, с которыми нельзя не соглашаться, не дали читателю возможности видеть, до какой степени простирается ныне самостоятельность понятий г. Чичерина и на сколько еще допускает он в свое изложение чуждую ему терминологию. Отчасти с этою целью, отчасти для того, чтобы читатели, еще не имевшие случая познакомиться с его трудами, убедились в высоких достоинствах, какими отличаются его произведения, мы представляем довольно обширную выписку из его книги. Мы берем страницы, в которых высказывает он сам «заключение», общий вывод из своего исследования:

Государство было исходною точкою всего общественного развития России с XV века. Возникшее на развалинах средневековых учреждений, оно нашло вокруг себя чистое поле; не было мелких союзов, крепких и замкнутых; отдельные личности, бродящие с места на место и занятые исключительно своими частными интересами, одни противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сделалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было ему устроить общий союз, а частные должны были служить ему орудием. Поэтому на всех учреждениях лежал государственный характер, и так как прежде всего нужны были государству материальные средства, то и задача управления была преимущественно финансовая. Этим XVII век отличается от XVIII, в котором целью управления сделались также промышленность и образова-

Средства нового государства были, однако же, ничтожны: ему недоставало людей и оно сделало государственную службу повинностью сословий. Ему недоставало денег, и оно учредило множество местных повинностей в пользу государства. Ему недоставало, наконец, и административных средств, и оно восполняло их ответственностью подданных. Таким образом, надзор за местными правителями был почти невозможен; поэтому ответственность за сборы возложена была как на местных жителей, которые обязаны были выбирать «верных» сборщиков, так и на самих сборщиков и правителей, которые отвечали на успех своим лицом и имуществом. Точно так же и 578

богатство отдельных лиц мало. подлежало олияяшо государства, которое не имело

средств ни узнать количество имущества подданных, ни удержать их на местах, ни даже принудить их к уплате податей. Поэтому уплата была возложена на целые общины, которые отвечали за всех членов и сами уже взыскивали с них деньги. Эта система повинностей проникла, таким образом, во все отношения: земские люди несли службы, отправляли повинности, отвечали за сборы, отвечали даже за поведение всех живущих среди них подозрительных людей, хотя не имели iТа них никакого влияния.

Ничтожность государственных средств, незначительное влияние центральной власти на областное управление делали необходимым усиление власти воевод. Поэтому всякого рода дела сосредоточивались в их руках, к чему, с другой стороны, вели младенческое состояние правительственных учреждений и самая запутанность администрации.

Эти три черты областного управления: государственный характер учреждений, система повинностей и соединение всех дел в руках воевод, характеризуют всю эпоху, простирающуюся от возникновения государства в XV веке до времен Екатерины II; только начальство над постоянными войсками отнято было у воевод при Петре. Но Московское государство

имело свои особенности, которые резко отличают его от петровских времен.

В основании всех этих обязанностей лежит самый способ законодательной деятельности: в Московском государстве почти все совершалось не на основании общих соображений, а частными мерами; оно управлялось не законами, а распоряжениями. Главным руководством в областном уп равлении служили наказы, которые давались должностным лицам; но эти наказы вручались отдельно каждому лицу; содержание их было чрезвычайно разнообразно; изложенные в них правила далеко не обнимали собою всех случаев, и обыкновенно они не были даже обязательны для правителей. Общего же наказа не было до времен Петра Великого. Этот ход законодательства определил собою весь характер областного управления того времени.

Первым следствием было то, что административные учреждения не были повсеместными: одним округом управляли воеводы, другим городовые при-кащики, третьим губные старосты, в четвертом были одни земские власти. Губные дела заведывались где воеводами, где губными старостами, где сыщиками; в одних местах были земские судейки, в других их вовсе не было.

То же можно сказать и о множестве других учреждений.

Самые меры были отрывочны; законодательство не составляло системы, исходящей из общего начала и проникающей во все частности. По мере появления случайной практической потребности делалось в одном месте одно распоряжение, в другом иное; прежние учреждения оставались подле новых, которые часто им противоречили, и все это вместе составляло беспорядочную массу самых разнородных и отрывочных распоряжений. Таким образом, -в учреждениях XVII века можно видеть следы всех прежних систем управления: жалованные грамоты и привилегии, кормы, частное поручительство, родственные отношения в службе напоминали средневековую жизнь; от системы XVI века остались земские судейки, губные старосты и городовые прикащики, самостоятельно управлявшие отдельными округами. Все это перемешивалось без всякого порядка, без всякой системы.

Способов управления было много, и каждый избирался по местному удобству и случайным соображениям. Не было для каждого дела единого, общего, законного способа, определенного государственными потребностями; частные виды решали все, и если от этого выигрывало иногда местное удобство, то целое управление делалось от этого необыкновенно сложным и запутанным. Одно и то же дело поручалось иногда одному лицу, иногда другому; ведомство, права и взаимные отношения должностных лиц определялись самыми разнообразными постановлениями, без руководствующих норм; различные системы управления — коллегиальная, бюрократическая, приказная, верная, земская, заменялись одна другою бел всякого установленного правила. Спо -ЗГ ''70

собы действия были также различны и весьма часто определялись, иногда в очень важных случаях, не общим законом, а усмотрением местных властей. Наконец и самое подчинение было весьма разнообразно: одни и те же дела эаведывались то одним приказом, то другим.

Отсюда проистекало неравенство во всех сферах областного управления. Развитое государство, установляя общественный порядок, уравнивает все явления общественной жизни и подводит их под общие категории, определяемые государственными потребностями. Но таких общих категорий или разрядов не было в Московском государстве; все явления оставались в том случайном виде, какой они получили, возникая каждое отдельно от других.

Е с л и в каком-нибудь месте неравенство было слишком ощутительно и слишком затрудняло управление, происходило частное уравнение. Иногда же все неравные явления располагались по известной лествице, которая, сохраняя неравенство, придавала ему, однако же, некоторую правильность. Так про -и з о ш л и : лествица городов, лествица воеводской части, которая выражалась в некоторых преимуществах одних воевод перед другими, лествица подьячих в приказной избе. Но обыкновенно даже и этого не было; неравенство оставалось в случайном беспорядке, без всякого определяющего правила. Таким образом, областное деление осталось в том хаотическом виде, в каком оно было при постепенном образовании Московского государства; происходили только частные уравнения, которые еще более увеличивали пестроту. То же самое можно сказать и о степени власти правителей: она определялась не общими категориями, а случайными соображениями, различными не только по местности, но и по времени. Одному давалось более прав, другому менее; получивший больше прав в одном разряде дел получал их меньше в других; воевода значительного города в некоторых отношениях имел менее власти, нежели воевода ничтожного города. То же должно сказать и о подчинении воевод одних другим, равно как и о подчинении других местных правителей и сборщиков. Самые штаты были различны, как по местности, так и по времени, или, лучше сказать, правильных штатов вовсе не было: в один город посылалось то больше правителей, то меньше, на основании случайных соображений. Так же неравны были, наконец, и права отдельных союзов и лиц: права даровывались им жалованными грамотами, по особенной царской милости или за деньги, так что одни имели более прав, другие менее, некоторые же их вовсе не имели, и все это не на основании каких-либо государственных видов, но единственно потому, что одни сумели их выпросить, а другие нет. Это был остаток средневековой системы частных привилегий.

Такое неравенство установлялось самими указами, которые имели в виду только частные цели. Но во многих случаях закон вовсе не определял отношений, и тогда все решалось уже собственным усмотрением правителей и случайными местными обстоятельствами. В Московском государстве не было общих юридических начал, строго определяющих и разграничивающих права и обязанности лиц; отсюда происходила юридическая неопределенность, '.'оторая господствовала в администрации. Вообще точность юридических правил может происходить из двоякого источника: из частных прав и из государственного начала. Но в администрации Московского государства было весьма слабое развитие частного права; оно предполагает самостоятельную жизнь частных союзов, а в древнем России частные союзы, вследствие отсутствия союзного духа, были очень непрочны и получили некоторую крепость

Только там, где дело касалось до личных прав отдельных людей, например, в местничестве, были и строгие юридические правила и развитая юридическая казуистика. В мелких же союзах юридической жизни почти не было, И даже те права, которые они приобретали жалованными грамотами, безнаказанно нарушались воеводами, а нередко даже самим центральным правительством, которое, между тем, подтверждало прежние грамоты. С другой стороны, и государственное начало не могло еще установить точных юр иди -5«0

ческих правил. Оно было слишком мало развито; все решалось частным удобством, все делалось частными мерами, распорядительным образом. Лич* ное усмотрение имело гораздо более значения, нежели законное правило; общих соображений, общей системы вовсе не было. Поэтому весьма много отношений оставались совершенно неопределенными. Устанавлялась, например, коллегияльная форма управления, но отношения лиц и способ решения дел не определялись законом; производились выборы, но правила выборов, способ подачи голосов предоставлялось определить самим избирателям; не было даже законного большинства, и все несогласия решались не установленными правилами, а частными распоряжениями.

Так же неопределенно было и разграничение ведомств, прав и обязанностей правителей. Не было сознательного различия между центральною властью и местною; одни и те же дела, на совершенно одинаковом основании, производились то теми, то

другими, и это решалось не только случайными соображениями, частными правами, но и просто прихотью просителя, который мог подавать просьбу и в московский приказ и местному правителю. Самое подчинение было часто очень неопределенно; в некоторых делах, особенно в финансовых, довольно часто определялась степень власти местных правителей, но во многих случаях их отношения к приказам оставались совершенно неопределенными, и они действовали по собственному

усмотрению. Им предписывалось отсылать в приказы те дела, «которых за чем вершить не мочно» и писать «по часту о всяких делах», а вследствие этого они делали донесения, как им вздумывалось. Даже и в тех случаях, когда им именно приказывалось доносить в Москву о каком-нибудь деле, они нередко пренебрегали этою обязанностью и в продолжение целых годов не посылали ни донесений, ни отчетов. Это отсутствие иерархического порядка выражалось и в отношении подчиненных правителей к своим местным качальствам, К первым посылались из Москвы грамоты иногда через начальников, иногда мимо их; сами подчиненные делали донесения иногда своим начальникам, иногда мимо их московским приказам, иногда тем и другим bMecte.

Не более порядка было и в разграничении отдельных систем управления и ведомств различных должностных лиц. Одни и те же дела находились в ведомстве различных правителей, которых взаимные отношения не были точно определены законом. В особенности это проявлялось в отношениях воевод к земским властям. Об отношениях их к верным сборщикам были еще некоторые постановления в наказах таможенным и кабацким головам, хотя и здесь многое оставалось неразрешенным, и самые постановления были разнообразны. Но отношения воевод к земским старостам и целовальникам и к земским судейкам до последней четверти XVII века оставались без всяких законных определений. Они заведывали одними и теми же делами; но права их н обязанности вовсе ие были разграничены. Иногда только отдельным общинам давались жалованные грамоты, определявшие некоторые их права; но и те часто нарушались воеводами.

С другой стороны, не было юридического определения самих должностей. Известная должность не установлялась для известного разряда дел, но одно и то же дело поручалось, по усмотрению, то одному, то другому, то чретъему лицу, и, наоборот, в одних руках соединялись дела самые разнородные, часто не имевшие никакой связи между собою. Не было юридического анализа, разделяющего дела на известные разряды, и каждая долж-ностг» носила более характер поручения, нежели постоянного государственного учреждения.

Наконец, и самые округи, на которые простиралось ведомство правителей, не были точно разграничены: один воевода посылал в округ другого своих подчиненных, которые сами делали нужные распоряжения. Земские округи, установляемые для платежа податей и для отправления повинностей, изменялись беспрерывно, без всякого твердого основания. Не было юридически определенных, прочных местных союзов, которые бы служили постоянными 581

единицами для сбора податей и отправления повинностей, но частное удобство определяло, с какого округа должны быть взимаемы сборы.

Понятно, что при такой юридической неопределенности личному произволу было обширное поприще. К этому присоединялись: отсутствие законных форм делопроизводства, запутанность управления и недостаток административных средств, которые не дозволяли правительству иметь точные сведения о состоянии местного управления; наконец, дальность расстояния и трудность сношений. Последствием всего этого было то, что злоупотреблениям не было конца: не только тайное лихоимство, но явное нарушение законов, открытый и явный грабеж и насилия были явлением очень обыкновенным. Для предупреждения этих зол правительство должно было прибегать к самым стеснительным мерам, к частым переменам правителей, что, с другой стороны, не было выгодно для управления и, собственно, даже приносило мало пользы. Поэтому подчиненные должны были иногда прибегать к самовольным поступкам, которые правительство дозволяло, потому что невозможно было вынести злоупотреблений.

Из всего этого можно вывести, что в областном управлении Московского государства видно отсутствие единообразного повсеместного, систематического законодательства, отсутствие общих разрядов и категорий, отсутствие юридических начал, — словом, отсутствие государственной системы. Все совершалось распоряжениями, частными мерами, на основании частных соображений. Но такой

порядок возможен только в частном хозяйстве, где личный надзор хозяина служит лучшим руководством в управлении; в обширном же государстве такой надзор невозможен, и необходимы твердые, постоянные правила, вытекающие из государственных потребностей и стесняющие личный произвол.

Вообще, при развитии государственного организма, ход законодательства может быть двоякий: практический и теоретический. Практическое законодательство отправляется от частных потребностей и соображений и медленно, незаметно изменяет старый порядок вещей: теоретическое же, напротив того, отправляется от общей системы и прилагает ее к жизни, разрушая старый порядок и заменяя его новым. Практический ход имеет ту выгоду, что он не вдруг изменяет привычки, не нарушает обычных форм, в которые люди уже вжились веками, не сбивает с толку и правителей и управляемых. Но зато, с другой стороны, из чисто практического хода может выйти самая безобразная, беспорядочная и запутанная система законодательства. Все прежние постановления держатся, пока могут, потеряв смысл, противореча новым, без всякой связи с другими; то, что прежде было разумным, делается бессмысленным, прежнее благодеяние обращается в гнет, и внуки страдают от остатков отцовских учреждений. Новые постановления делаются без всяких общих соображений, без всякой системы; общий порядок приносится в жертву частному удобству, управление осложняется и запутывается до бесконечности, произвол является всюду, и злоупотреблениям нет конца... Поэтому, если при изменении старого порядка вещей сначала преобладает практический ход законодательства, то самая безвыходность положения ведет к необходимости теоретического преобразования. Последнее отправляется также от практической потребности установить порядок и стройность в государственном организме; оно временно нарушает привычки, производит смятение, иногда даже, при недостатке практического взгляда, вводит учреждения несвоевременные или противные народному духу; но эти частные неудобства выкупаются водворением общественного порядка, установлением единства и

Из всех исторических народов одни римляне умели удивительным образом сочетать теоретический ход с практическим; на основании теоретических воззрений, они медленно, незаметно изменяли одну законодательную систему в другую. Поэтому их законодательство служит образцом для всех народов.

Но римляне изменяли свои нзциояальные учреждения, составлявшие строй -582

пую систему, в учреждения общечеловеческие, составлявшие также стройную систему разумных юридических начал. Новые же народы должны были вывести систему государственного организма из хаотического беспорядка средневековой жизни. Это были две противоположные крайности: средневековая жизнь с своими частными правами, с мелкими союзами, с обособлением каждой частной сферы, с бесконечным раздроблением частей и неисчерпаемым разнообразием общественных явлений; новое государство с началом общественного блага и порядка, с подчинением всех частностей общему праву, с нераздельностью частей, с единообразным систематическим законодательством, с правильным устройством государственного организма. При таком изменении общественной жизни, новые народы шли различными путями: одни, находясь под влиянием средневековых учреждений, разно -образных и частных, пошли путем практическим; другие, основываясь на новом начале, дали законодательству направление теоретическое. Образцом первых служит Англия, где государство сложилось, как связь местных и частных союзов, как сделка различных элементов общественной жизни средних веков. Потому английское законодательство, основанное на частных правах и привилегиях, на местных постановлениях, на древ-них законах, которые изменяются только вследствие настоятельной практической необходимости, представляет такой беспорядок, такое отсутствие всякой стройности и системы, такое множество безобразных явлений, как никакое другое европейское законодательство. Но в Англии это искупается развитием личных прав

и основанного на них чувства законности. Каждый сознает право, как свое, и подчиняется ему с любовью. Этого развития личных прав нет в других западных европейских законодательствах, которые развивались теоретически. Там изменения совершались на основании общих государственных потребностей, которые сознавались теоретически и вводились в жизнь вследствие этого сознания: нередко это делалось систематическими преобразованиями и даже насильственными переворотами. Это в особенности можно сказать о Франции, где законодательство получило вследствие того необыкновенную стройность, так что ее административные учреждения послужили образцом для всей Европы.

Московское государство по существу своему принадлежало к тому разряду, где законодательство должно было развиваться путем теоретическим. Оно возникло не из условного соединения мелких союзов, не из сделки различных общественных элементов, но образовалось вследствие новых понятий об общественной жизни, об общественном порядке и о верховной власти. Менее, нежели где-нибудь, было в нем прочных мелких союзов; поэтому более, нежели где-нибудь, было в нем потребности в государственной системе. Онъ развилось не на основании частных прав, а на основании государственных нужд и польз; все совершалось правительством, все установлялось сверху; поэтому все должно было делаться на основании систематических воззрений. Общие юридические нормы должны были заменить недостаток юридического сознания в народе.

Однако ж, этого не было; в законодательстве Иоанна IV видна попытка установить государственную систему: в Судебниках, в Уложении, в Новоторговом уставе видна государственная мысль; но вообще все управление основано было на частных распоряжениях; общих соображений не было, и все делалось практическим, бессознательным образом. Это происходило оттого, что Московскому государству недоставало теоретического образования. Только сознательная теория, только разумные юридические положения

чисто практический ход может привести к этому разве в продолжение многих *веков. Объясним это примером: при бесконечном разнообразии предметов управления, нужно разделить их на известные отрасли, чтобы дать управлению правильное устройство. Но частные изменения никогда не приведут к такому разделению; разнородные явления, смешанные в жизни, будут смешаны и в управлении; общий порядок, о котором нет ясного сознания,

583

будет всегда приНесеи в жертву частному удобству. Систематическое разделение можно, следственно, сделать только теоретически, отправляясь не от того, что есть, а от того, что должно быть; потом уже следует приложить его к жизни, применяясь к практическим потребностям народа. То же должно сказать и об устройстве армии: нужно теоретическое знание военного искусства для того, чтобы привести ее в желанное состояние. При всяком систематическом устройстве государственных учреждений необходимо, следственно, теоретическое образование, и когда является потребность одного, является потребность и другого. Западные народы получили свое теоретическое образование из римского права, на почве которого они возникли; Россия должна была получить его от западных народов. Поэтому, когда Петр Великий дошел до сознания о необходимости государственной системы, к которому привела его современная ему жизнь, он прежде всего поехал на Запад, перенял западное образование и существенною целью поставил себе сближение России с западными государствами.

Петр Великий не ввел никаких новых начал в областное управление: он только привел в порядок существующее. Попытка его установить правильное разделение областного управления, которое прежде того все сосредоточивалось в руках воевод, была преждевременна и потому не удалась. После его смерти воеводы попрежнему соединили всю власть в своих руках; но управление получило уже правильную организацию. Результатом преобразования было, следственно, систематическое устройство управления. Этим определяется его значение, которое прямо вытекало из потребностей того времени

и из характера государственных учреждений XVII века. Преобразования Петра Великого составляют третью эпоху в развитии областных учреждений Московского государства: в XVI веке установлены были общественные повинности и устроено основанное на них земское начало; в XVII веке развито было правительственное начало; в XVIII веке весь государственный организм получил правильное, систематическое устройство.

Нам кажется, что не только достоинство этих прекрасных страниц зависит исключительно от .тех элементов, которые принадлежат здесь самому г. Чичерину, но кажется также, что эти самостоятельные элементы, если и не совершенно освобождены от чуждых примесей, то уже заметным образом преобладают над ними. Остальное совершится временем, и совершится, как видно по силам, какие обнаруживает автор, в непродолжительном времени.

Г. Чичерин посвятил свою книгу «памяти Тимофея Николаевича Грановского», которого, в превосходном, полном глубокого чувства предисловии, называет своим наставником и руководителем. Грановский, вероятно, гордился таким учеником, как г. Чичерин, и исследование, посвященное теперь памяти благого учителя, как «дань искренней любви и признательности» – достойная дань.

Дворяне-благотворители. Сказание В. Порошина. СПБ. 1856.

Вероятно, многим из читателей случалось слышать рассказы о замечательном поступке князей Ширинских-Шихматовых, отпустивших на волю своих крестьян. Имея в руках акты, относящиеся к этому прекрасному поступку, г. Порошин справедливо 584

поставил себе священною обязанностью обнародовать эти документы, заслуживающие полного внимания, и объяснить их сведениями, которые доставлены ему были, по его настоятельной

просьбе, одним из братьев, совершивших подвиг высокой справедливости. «История, – говорит г. Порошин, – не имеет целью что-либо доказывать; но она освещает природу мира и человека, свойство вещей и образ их действия. Показывая, что было на самом деле, она убедител ьно решит вопрос о том, что возможно или не возможно; а последствия событий, ею же развиваемые, свидетельствуют и о том, что должно быть. Когда последствия благоприятны, заключаем, что дело хорошо обдумано, что оно зародилось от здравых, благих начал, и тем оцениваем самые эти начала». (Предисловие.) «Общее благо требует (продолжает автор), чтобы развитие народных сил и дарований не встречало напрасных преград- чтобы не тщетно сеял небесный сеятель; чтобы семена его, взойдя, не увядали, а множились; чтобы черствая земля их не подавляла: sit illis terra levis! *. Все, что способствует преуспеянию жизни человеческой, восстановляя правду общежития, ведет гражданское общество к прямой его цели; а цель его – совершенствоваться и совершенствовать. Само собою разумеется, что общие, в этом деле, преобразования исходят, преимущественно, от власти, право-правящей обществом; но и частные усилия, к тому же клонящиеся, заслуживают внимания и уважения» (стр. 16–17).

В 1803 году, положено было начало новому, в государстве Российском, званию «свободных хлебопашцев». По всеподданнейшему ходатайству графа Сергия Петровича Румянцева, ему и всему дворянскому сословию предоставлено было право «увольнять людей своих в это звание, по добровольному с ними соглашению и с утверждением за ними участка земли или и целой дачи». Тридцать лет спустя, по 8-й ревизии, считалось 65 190 муж. пол. душ свободных хлебопашцев, число, надо сознаться, слишком малое, вовсе не соразмерное с многолюдством некоторых других состояний народа. Итак, последствия не соответствовали ни ожиданиям графа Румянцева, ни

тем «выгодам, для всех частей государственного хозяйства и политической силы», которые он, в высокой благонамеренности своей, учреждению сему приписывал. Знаем, что в жизни народа все совершается медленно, так медленно, что иногда лишь правнукам тех, которые начали преобразование, суждено покоиться под сенью чаемых от него великих наслаждений права, благоустройства или просвещения. Однако же, треть столетия не час, не день, и тридцать лет, в истории всякого учреждения, должны обозначить положительными фактами всю свойственную тому учреждению энергию.

К сожалению, о последствиях изданного в 1803 году закона есть только отрывочные, неполные сведения. Мы не можем показать здесь общее число всех отдельных случаев увольнения, ниже разнообразные условия, в силу которых оно последовало, ни обстоятельства, которыми сопровождалось, и чем в каждом месте кончалось. Можем только догадываться, что, во всех подобных случаях, до приведения дела в окончательный вид, довольно было толков, недоумений, разногласий между сторонами и соприкосновенными лицами. Были, конечно, и споры с прежним владельцем, еще более с его * Да будет нм земля легка!– Ред.

585

наследниками, при исполнении условий; наконец, вследствие их неисполнения со стороны крестьян, употреблена, вероятно, не раз крайняя строгость ва -кона – обращение неисправных в Прежнее положение, из которого они были уволены. Все это известно лишь немногим, в виде частных, преходящих случаев, обреченных забвению. Не менее темно, хотя крайне любопытно было бы знать, какое влияние имела на участвующие стороны эта перемена; какие произошли оттого, для них и для их

сограждан, с течением времени, последствия в экономическом, нравственном и других отношениях. Важное для всех решение подобных вопросов очень трудно, если сообразить недостаток частных наблюдений, безгласность прямых в деле участников, недосуг тех, которые могли сделать про себя какие-либо заметы; наконец, разность взглядов и понятий о качестве, пользе и вреде общественных преобра-

зований, о самой цели общежития.

Слабое действие закона 1803 года объяснить нетрудно. Нельзя, конечно, приписать это неполноте его или неясности. Напротив того, цель указана очень ясно; главные нормы увольнения определены логически; все существенно важное высказано в законе. Последующие указания мало чем его пополнили. Но, хотя указ был обнародован, он не в равной мере сделался известен обеим сторонам, которые имел в виду законодатель. По всем уважениям, право предложения условий было непосредственно ближе к одной из тех сторон, а она ни в своем прошедшем, ни в настоящем законоположении не находила особого повода к перемене. Новизна же легко возбуждает опасения.

В древнем Египте были письмена двоякого рода: священные и народные. Если бы у нас, в начале столетия, при заветном, монументальном языке закона, могло иметь место простое слово о предметах общественной жизни, нет сомнения, что *оно, развивая с свойственною ему плодовитостью благие начала учреждения, доказало бы пользу его для всех и каждого, обсудило бы средства исполнения, в применении к каждой местности, победило бы равнодушие и нерешительность, от одного неведения проистекающие. Мы полагаем, что уже повсеместное оглашение состоявшихся в течение времени договоров, если б было сделано своевременно, могло бы быть сильным средством для возбуждения других к подобным действиям, служа им и напоминанием, и примером, и образцом. Таким образом, число воспользовавшихся законом ныне составляло бы уже не тысячи, а миллионы душ.

Один очень замечательный случай увольнения, сделавшись более других гласным, возбудил слегка любопытство многих, но, не быв достаточно обследован, мало принес доселе существенной пользы. В 1836 году, в Можайском уезде Московской губернии, два помещика, братья Павел и Алексей Александровичи, князья Ширинские-Шихматовы отпустили крестьян своей вотчины на волю, в звании свободных хлебопашцев.

В 1848 году г. Порошин обращался к кн. А. А. Ширинскому-

Шихматову с просьбою о сообщении ему копии с увольнительной записи и объяснении относительно некоторых подробностей этого дела. Теперь, по кончине князя А. А. Шихматова, г. Порошин напечатал эту запись, ответы и завещание его, с объяснительными замечаниями. Из всего этого и составилась интересная брошюра, о содержании которой мы отдаем отчет.

Из принадлежавших им 127 ревизских душ, князья Шихма-товы уволили 88 душ, передав им и всю землю, состоявшую при двух деревнях, населенных этими крестьянами. Поместья эти были совершенно чисты от долгов, и крестьянам не приходилось делать никаких взносов за свое увольнение, кроме того, что при освобождении обязались они платить своим освободителям по 586

300 руб. сер. в год (по 3 руб. 40 коп. с души) до кончины этих бывших помещиков.

Остальные 39 душ, оставшиеся неуволенными по беспорядоч -ности своей жизни или неустроенности хозяйства, были переселены из освобождаемых деревень в другое село.

Великой похвалы заслуживает также, что еще задолго до освобождения крестьян, с той самой поры (1817 г.), как братья-помещики поселились в своих деревнях, заведена была ими сельская школа для обучения мальчиков чтению, закону божию с христианским нравоучением, разным сведениям, полезным для общежития, четырем правилам арифметики и выкладке на счетах и письму. Учителем был один из помещиков, Алексей Александрович. По увольнении крестьян, князь А. А. Шихматов, постоянно живший в селе, продолжал заниматься обучением в школе, при помощи некоторых из бывших воспитанников.

Само собою разумеется, что благосостояние и нравственность поселян после их увольнения быстро и значительно улучшились.

Доказательствами тому могут служить следующие факты: 1) народонаселение быстро возрастает (1,60% по среднему выводу за 11 лет); 2) из новорожденных не было ни одного незаконнорожденного.

Прощание помещиков с отпускаемыми на волю крестьянами (говорит г. Порошин) было, по свидетельству очевидцев, умилительно: «князья смиренно просили у крестьян прощения, если в чем согрешили; многие тронуты были до слез» (стр. 46). Завещание князя Алексея Александровича, в котором он выражает «друзьям своим», как он называет бывших своих крестьян, последние свои желания и дает последние советы, написано с такою искреннею теплотою и таким понятным для простого человека языком, что одно уже могло бы служить достаточным свидетельством того, что завещатель и хотел и умел приносить пользу своим «друзьям»-поселянам.

Брошюра, изданная г. Порошиным, должна считаться довольно замечательным явлением в нашей литературе. Дай бог, чтобы она нашла себе отголосок в публике.

Сочинения Ульянова. В двух частях, с 16 картинками. СПБ.

1856.

По всему заметно, что г. Ульянов не получил литературного образования, не имеет понятия о слоге, не знает, как ныне принято писать; он «сын природы». Неудивительно, что он пишет стихи, очень странные в наше время, — например:

Что так жалобно воркуешь,

Сизокрылый голубок?

Ты о чем, скажи, тоскуешь,

Свой повесивши носбк? и т. д.

587

Правда, стихи эти не отличаются особенными достоинствами,

имеют, конечно, свои недостатки; быть может, следует их считать даже совершенно плохими. Но что ж из того? Справедливо ли было бы смеяться над г. Ульяновым, человеком без литературного образования, когда сплошь да рядом пишутся почти такие же забавные произведения записными нашими поэтами, — и не только пишутся, но еще и нравятся иным также записным литераторам? Правда, из записных поэтов никто не напишет «Что так жалобно воркуешь» и т. д., напротив, они даже посмеются над такою старомодностью; но мы уверены, что у иных, даже очень высоко превозносимых поэтов, если поискать хорошенько, найдутся такие стихотворения, как, например:

Я тайну твою, друг, подметил случайно И вздох твой летучий вполне разгадал.

Он в сердце моем, будто эхо, печально Откликнулся, И вот что я в нем прочитал... и т. д. или такие, как, например, «Песня воинам, взявшим Карс»: Здравствуйте, ребятушки,

Здравствуйте, друзья,

С песенкою воинской В стан пришел к вам я... и т. д.

За что же осуждать г. Ульянова? Правда, у него нет таланта; но один ли он виноват в этом грехе? Разве есть талант у иных стихотворцев, которыми многие восхищаются? Правда, у него нет и литературного навыка; но тем больше чести ему, что он без всякого образования пишет часто совершенно так же, как пишут иные поэты, которые и в университетах бывали, и в образованном кругу обращаются, и о свободном творчестве умеют поговорить или помолчать с многозначительною улыбкою.

Г. Ульянов, кроме лирических стихотворений, написал еще поэму в стихах и повесть в прозе.

«Сочинения» г. Ульянова надобно было бы причислить к серобумажной литературе; но

у кого, после вышеизложенных соображений, достанет духу на такой строгий приговор?

Русская грамматика В. Классовского. СПБ. 1856.

Г. Классовский, известный в качестве ученого сочинителя несколькими брошюрками о теории страстей, о душевных болезнях и грамматическими исследованиями в филологическом вкусе, оставил, как видим, ученые претензии на построение различных глубокомысленных теорий, — не знаем, на время ли или навсегда, и издал обыкновенную грамматику, вроде тех, какие были «даны г. Ивановым, Половцевым и многими другими. Нельзя тому 588

не радоваться: новый труд г. Классойского, Не возбуждая изумления, не заслуживает и насмешки. Жаль только, что в нем все еще слишком много тонкостей и мудростей: таковы следы прежней Привычки! От души желая, чтобы г. Классовский остался на скромной, но безопасной дороге, на которую вступил, мы советуем ему при дальнейших педагогических трудах менее мучить детей излишними и до крайности тонкими подразделениями: детская грамматика чем проще, тем лучше. Недурно также было бы, если б он отбросил излишне оригинальные термины вроде: «вид бескратный начинательный», «вид бескратный окончательный», и т. д. Тогда его грамматические руководства будут столь же годны для преподавания, как грамматики г. Иванова или г. Половцева. Ученостью перед детьми щеголять не нужно, а хитрыми тонкостями мучить их не должно.

Словарь сельско-хозяйственных растений. Составлен И. Палимпсестовым. Одесса.

Хозяева южной России, конечно, будут благодарны известному нашему агроному г. Палимпсестову за толстый том, кото-

Новороссийского края известные сочинения «Le bon Jardinier» и «Neuestes Garten-Jahrbuch».

Плен у Шамиля. Правдивая повесть Е. Вердеревского.

СПБ. 1856.

Рассказ г. Вердеревского, печатавшийся первоначально в одном из петербургских журналов заключает в себе много интересных сведений и написан гораздо лучшим языком, нежели иной читатель может предположить, взглянув на длинное заглавие книги: «Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и восьмидневном (в 1854– 1856 г.) пребывании в плену у Шамиля семейств: покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. В трех частях. Соч. Е. А. Вердеревского».

Труды восточного отделения императорского Археологического общества. Часть 2-я. СПБ. 1856.

Некоторые из статей, вошедших в состав этого тома «Трудов восточного отделения Археологического общества», были изданы отдельными брошюрами, например, биографии Френа и Дорджи 589

Банзарова; из других важно: «Обозрение памятников древности в Малой Азии», составленное ученым нашим путешественником П. А. Чихачевым; много интересного представляют «Истор»че-ские известия о Ко«анском ханстве, от Мухаммеда Али до Ху -даяр-Хана», г. Вельяминова-Зернова.

Сенсация и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'Этраиже. Три части. Издание второе. Тамбов. 1856.

Что за неожиданная встреча! Г-жа Курдюкова намерена воскреснуть от долгого и, как мы полагали, непробудного сна и вос-

хищать новое поколение публики своими остроумными рассказами! Признаемся, никак не ждали мы дожить до такого чуда, как второе издание «Сенсаций г-жи Курдюковой»!

Ужели она воображает, что читатели ныне стали добродушнее прежнего и захотят слушать утомительную болтовню, от которой затыкали уши прежде? Напрасная

надежда! 1 Жаль нам почтенную барыню, хотели мы замолвить о ней доброе слово, вздумали испытать, нельзя ли найти хотя какую -нибудь забаву в ее болтовне, начали вслушиваться.., лучше было бы и не начинать! Ни искры встроумия или юмора, ни тени хитрого или наивного простодушия, ни капли смысла или наблюдательности! А претензий на остроумие гибель. И все остроумие вертится на смеси французских слов с русскими, и эта старая, слишком старая шутка с самодовольством растягивается на целые три книги, – правда, очень тощие, но все три книги! Ужасно! Читать три книги, чтобы дойти наконец до стихов:

Чтоб зевающий читатель Не сказал: «канд финира-т-эль?»

Чего боже сох рани!

Знайте же, «ке се фини».

Нет, уж в тысячу раз остроумнее «Энеида, вывороченная наизнанку» Осиповым, да и стихи у Осипова едва ли не лучше, нежели в «Сенсациях г-жи Курдюковой».

О выборе стихотворного размера. Начала логического образования слов. Москва. 1856.

Неизвестный автор употребил много труда на разрешение вопроса «о выборе стихотворного размера». К сожалению, он не подумал, что для решения частного вопроса нужно иметь основательные знания в той науке, которой принадлежит этот вопрос. Автор вздумал проследить отношения мысли к слову, чувства к ритму и не счел нужным приобрести основательное знакомство 59 Э

ни с филологиею, ни с учением о версификации; он пускается также в философские рассуждения и, как по всему видно, не почел за нужное познакомиться и с этою наукою. Потому все его труды остались совершенно напрасными. Он воображает, что доказал, будто бы:

«Убеждать следует анапестом (потому что в слове убеждать – ударение на третьем от начала слоге).

Высказывать горе или ужас – хореем (потому что в словах горе, ужас – ударение на первом из двух слогов)», и т. д.

Стало быть, о Петербурге надобно писать анапестом, –Л в слове Петербург ударение на третьем от начала слоге,'–] о Лондоне – хореем, о Мексике – дактилем.

Но о чем же писать ямбом? как о чем? а «любовь» разве не ямбическое слово? Итак:

Если чувства излияния выражаются ямбом, то, вследствие родства между волною звуков и чувством, ямбические волны должны пробуждать в нас ощущения, подобные чувствованиям излияния, или, по крайней мере, должны располагать нас к таким чувствованиям; а потому объяснение в любви, написанное стихами ямба, легче всего найдет путь к сердцу. (Стр. 12, второй нумерации.)

После такого открытия, конечно, автор «может сказать, как Кузен: итак, мы решили предложенную себе проблему: выполнить условия науки, то есть вывести науку из наблюдений и дать ей прочное основание, то есть укрепить ее началом абсолютным, – другими словами, мы совершили два дела: нашли a posteriori правила, которые имеют значение a priori.» (Стр. 14, той же нумерации.)

Именно, так. А мы нашли правило a priori, которое подтверждается примерами a posteriori:

«Печатать книги о предметах, в которых ничего не понимаешь, значит жестоко компрометировать себя».

С И З № 10 «СОВРЕМЕННИКА)»

Записки Сибирского отдела императорского Русского Географического общества. Книжка /. СПБ. 1856.

Основание Сибирскому отделу Русского географического общества положено было в 1851 году. Вслед за учреждением особого отделения Общества, под именем

Кавказского, в Тифлисе, предположено было открыть подобный отдел в Иркутске, из членов, имеющих постоянное пребывание в Восточной Сибири,» и других, посторонних лиц, которые бы изъявили желание участвовать своими трудами в общем деле. Этот проект удостоился 6 июня 1851 года высочайшего утверждения, при чем разрешено
591

было выдавать ежегодно, в пособие Сибирскому отделу, 2 ООО руб. сер. из государственного казначейства. Занятия членов и отдельные экспедиции, которые снаряжались отделом для изучения местностей, особенно интересных в географическом отношении, доставили значительное количество любопытных географических описаний и мелких заметок, которые отчасти уже нашли место в изданиях Общества. Наконец, постоянно увеличивавшееся число подобных материалов и другие обстоятельства еще в 1854 году подали мысль покойному секретарю Географического ббщества В. А. Милютину предложить Сибирскому отделу издание особенного сборника, в роде «Записок», издаваемых отделением Общества на Кавказе. Такое издание, исключительно посвященное сочинениям о Сибири, было бы постоянным органом деятельности этого специального отдела, и мысль о нем приведена была в исполнение. В вышедшей теперь книге мы имеем

В «Записках» приняты три главные подразделения: 1) исследования и материалы; 2) летопись отдела, т. е. сведения о его занятиях со времени основания; 3) смесь, составляемая из мелких заметок и известий. Кроме того, в приложениях будут помещаемы подробные ведомости о добыче золота на частных приисках, метеорологические наблюдения и т. п.

Такова история и план издания. Успех других предприятий и достоинства прежних изданий Географического общества могут быть порукою, что и в настоящем случае должно ожидать если не всегда блестящих, то удовлетворительных результатов. Распространение сведений о таком крае, какова Сибирь, еще мало описанная и исследованная, страна с огромной будущностью впереди, есть дело, имеющее все права на внимание и сочувствие образованной публики; надеемся поэтому, что начатое издание найдет себе много читателей, живо интересующихся предметом.

В первом отделении вышедшей книги помещены следующие статьи: 1) «Описание реки Иркута от Тунки до впадения в Ангару», члеиа-сотрудника Н. Бакшевичд; 2) «Описание Жиган-ского улуса», члена-сотрудника протоиерея Хитрова; 3) «Описание дороги от Якутска до Среднеколымска», действительного члена И. Сельского, и 4) «Краткий геогностический очерк прибрежий реки Амура», члена-сотрудника И. Аносова. Г. Бакше -вич подробно описывает направление горных хребтов, имевших влияние на образование русла реки Иркута, и преимущественно занимается объяснением местности в геогностическом отношении; потому статья носит несколько специальный характер. К сочинению его приложена карта течения Иркута, с показанием горных пород, сопровождающих его берега. Заметим, впрочем, любопытное описание быта жителей села Тункинского, лежащего невда-

леке от главных верховьев реки. Жиганский улус, описываемый г. Хитровым, составляет часть Верхоянского округа и располо-592

жен по берегам Ледовитого моря, по обе стороны реки Лены; он принадлежит к числу краев Сибири, наименее известных по ошг-саниям путешественников и ученых. На огромном пространстве этого улуса население очень редко и простирается только до 2 700 человек якутов и тунгусов; русских около 200. Описание г. Хитрова, вероятно, исполненное по программе, отрывочно, но довольно полно указывает физические особенности страны. Жаль только, что автор поскупился на этнографические заметки, которые были бы, без сомнения, очень интересны. Якуты и тунгусы здешнего края, почти совершенно лишенного так называемых даров природы, находятся на низшей степени человеческого развития; в образе жизни их много патриархального, но эта патриархальность не всегда может возбуждать сочувствие к себе. Этот образ жизни и соседство туземцев имеют влияние и на русских, до такой степени, что, по словам г. Хитрова, «по физиономии, образу жизни, языку и нравам, здешних русских и тунгусов следует причислить к якутам (т. е. основному населению края): так во всем слились они с этими последними», — явление чрезвычайно занимательное. Заимствуем несколько эпизодов из статьи г. Хитрова о характере быта туземцев Жиганского улуса.

Из всех стран Якутской области — говорит автор — этот край наиболее отличается простотою нравов, чистотою, добросовестностью и патриархальною жизнию. В летнюю пору все вышесказанные племена (т. е. русские, якуты и тунгусы) по нескольку

семейств вместе кочуют с своими стадами оленей по болотистым и обнаженным тундрам близ берегов Ледовитого моря и питаются от промысла диких оленей. Два или три искусных стрелка каждый день отправляются с ружьями или луками к оленьим табунам и убивают по нескольку штук. Воротясь домой, они извещают свой табор, что там и там подстрелены ими олени. Тотчас добычу привозят в табор, и мясо этих оленей разделяется по числу наличных членов, а кожа, по общему приговору, дается кому-нибудь одному. По-туземному, этот дар называется нимат.

В праве на нимат соблюдается очередь, в которую не включается только сам промышленник.Таким образом, убьет ли он в течение лета сто штук, или одну — польза для него одинакова, т. е. он не получает себе ничего и не имеет никакого права нигде претендовать на то. Такой обычай основан у туземцев на тех понятиях о промысле божием, что стрелок убивает добычу не собственным искусством, а по соизволению божию, и не для себя, а для всех вообще, и если бы промышленник начал спор о том, то должен навсегда лишиться своего таланта в охоте. Звери будут убегать от его, глаз изменять ему, и самое оружие лишится своей силы. Другой, не менее оригинальный обычай существует между туземцами — помогать единоплеменникам. Случается, что волки нападают на стадо оленей, истребляют его наповал, и бедняк якут или тунгус, среди беспредельных и безжизненных тундр, подвергается опасности умереть от голода и холода. При первой возможности он обращается к своим родовичам с просьбою о помощи. Они ему тотчас же дают до тридцати оленей, я бедняк живет опять своим домом и в своей семье, благодаря бога. Я знаю одного якута, которому такие пособия оказаны были три года.

Читая эти строки, невольно вспоминаешь споры некоторых из наших ученых с защитниками древнего русского родового или общинного быта, видящими в этих несозревших формах граж-38 Н.'Г. Чернышевский, т. III 593

действенности явления беспримерные, которые могли быть созданы только славянскою мыслью. На это мнение не без основания возражали те, которые думали, что подобные формы быта составляют довольно обыкновенную ступень в развитии общественного устройства, что они возможны у других народов столько

же, сколько у наших предков, и что некоторые отличия их удовлетворительно объясняются разными внешними условиями.

В наше время еще сохраняются эти формы у иных диких народов в различной степени развития; и их изучение могло бы дать верную точку зрения на предмет, который иначе предоставляется в жертву бесконечной логомахии. Из приведенного выше отрывка нельзя не видеть, что следы общинного быта до сих пор находятся в образе жизни якутов, и, притом, с такими строгими чертами, которым можно столько же удивляться, как и некоторым другим проявлениям общинного начала. Что это не зависит даже от особенного духовного развития, которое бы возвышало этих дикарей до такого понятия об общине, в этом убеждаемся, читая далее безыекуственный рассказ г, Хитрова.

Характер все вообще имеют вежливый и гостю стараются угодить сверх угощения подарками. Мужчины занимаются только звероловством и рыбною ловлею, а женщины и девицы исправляют более тяжкие работы, как -то: в зимнюю пору строят юрты, хвоят их мхом, замазывают глиною и обмораживают снегом, рубят и колют дрова, носят воду и ходят за оленями... Особенных церемоний при родинах и поминках не бывает. Для первого случая убивают оленя и угощают соседей. К колыбели малютки (мужеского пола) привешивают нож, огниво, лук, кремень и трут: этими вещами выражают эмблему ратного человека. Свекор во время родов не может быть в одной юрте с своею невесткою-родильницею; но он или она должны выйти в другую юрту, и очень нередко случается, что родильницу во время самых мук выводят в холодную ровдужную урасу (шалаш из жердок, покрытых древесной корой), где она, разрешившись уже от бремени, лежит до 5—6 дней... Есть и еще при этом обычаи, оскорбительные для чувства и благопристойности пола. На поминках также убивают оленя и мясом этого животного угощают всех присутствующих в печальной процессии. На годовщинах не бывает этой роскоши: тогда родственники теплят только перед иконами свечи

лее уже не живут, опасаясь дьявольского наваждения.

Оставляем другие не менее характеристические черты быта якутов Жнганского улуса. В этих туземцах странным образом соединяются чрезвычайная грубость и неразвитость с большою чистотою нравов и добродушием. «Правда, — говорит автор,

– по неимению на их языке грамоты, они не знают молитв и слабое имеют понятие о догматах православной веры; но зато в них преобладает вера». Статья г. Хитрова написана, сколько можно судить, с хорошим знанием предмета: автору близко знакомы и физические особенности страны и образ жизни туземного населения. Желательно, чтоб в статьях подобного рода обращалось более внимания на этнографическую сторону описываемого края: 594

она необходима для ученого географа, а для читателя-неспециалиста едва ли не более всего интересна.

В другом роде занимательна статья г. Сельского, которая составлена им по очерку пути из Якутска в Нижнеколымск, сообщенному г, Виноградовым. Это–.заметки путешественника, который говорит только о том, что видел на пути: о дороге, горах, реках, переправах, станциях и отдыхах; но, несмотря на такое, повидимому, сухое и монотонное содержание, заметки читаются очень легко и с большим интересом. Автор очень обстоятельно рисует все трудности, встречаемые здесь смелым путешественником, который принужден ехать и по лесам, где должен лавировать в чаще кривых деревьев, и по крутизнам высоких гор, и по льду рек, который проламывается под ногами лошадей, и по болотам и зыбунам, и, притом, ехать 2 500 верст верхом, потому что о санях или телеге здесь невозможно и думать, и, в заключение, вместо покойного отдыха, ночевать на открытом воздухе, при сорока градусах мороза: так называемые «поварни», играющие здесь роль станционных домов, едва ли удобнее ночлега под открытым небом, потому что путник страдает в них вдвойне, от холода и от дыма. Бедная и негостеприимная природа этого края делает самое путешествие подвигом со стороны человека: оттого рассказ приобретает почти романическую занимательность. В заключении своего описания автор говорит:

Средколымск от Якутска лежит прямо на северо-восток. По почтовому дорожнику считают от одного до другого места 2100 верст. Это исчисление неверно: тот, кто имел несчастие проезжать эти пустыни, снисходительнейшим образом полагает расстояние до 2500 верст, прибавляя в летнее время еще до 200 верст. Но что это за дорога! собрание наитруднейших подвигов, беспрестанных опасностей, неудобств всякого рода. Глубокие снега, пурги и едва выносимый холод-зимою; грязи, топи, бадараны (густо-грязные места), зыбуны (места около озер, покрытые мхом и мелким кустарником, под которыми скрывается вода, иногда на значительную глубину) и комары – летом, утомят и гениальное терпение. Безлюдье, мертвый вид природы, опрокинутые скалы, россыпи гор, корявый лес, опаленный пожарами или вырванный ветром, бесчисленное множество горных рек и речек, тьма озер и болот, недостаток в самых необходимейших для жизни вещах, пища чисто-отшельническая, неимение крова для защиты от холода и дождей, жестокая стужа и жгучее солнце сменяют только мучения одного рода другими. Бурные реки грозят смертию, бадараны и зыбуны – опасностями. Дымная, холодная поварня или вонючая юрта якута служат пристанищем, а во многих местах кров небесный заменяет кровы земные, и неисправность почтосодержателей венчает эту длинную роспись страданий... В десять и двадцать дней езды на душу непривычного находят мысли такие тяжелые, черные, что невольно содрогнешься от них в минуты спокойные.

Коротенький «Очерк прибрежий Амура» состоит из перечета геогностических наблюдений, произведенных автором на всем

чение Амура, его ширину, искривленья и т. д. Наблюдения г. Аносова приводят к самым благоприятным выводам о том,

38* 595

какое значение может приобрести впоследствии край при-Амур-ский. Образцы горных пород здешней местности, по словам автора, представляют большую аналогию с забайкальскою почвою и могут заключать в себе те же разнообразные богатства ископаемого царства, какими природа так щедро наделила Нерчия -ский край; но так как Амурская страна обладает лучшим климатом и лучшими средствами сообщений, то, без сомнения, она привлечет множество горных промышленников и заводчиков. «Берега Амура, – оканчивает автор, – могут принять миллионы обитателей, щедро награждая пришельцев богатствами из своих недр; а горные кряжи при заселении края дадут пищу деятельному уму и благодарный труд для горного поколения». Все эти выводы вполне согласны с теми ожиданиями, которые более и более распространяются в последнее время, и нет причин сомневаться, что надежды будут оправданы результатами.

В смеси помещены следующие небольшие статейки: «Воспоминание о Шелехове», знаменитом основателе первых русских поселений в Северной Америке и учредителе Российско-Американской Компании; кроме нескольких биографических сведений о нем, здесь помещено описание памятника, воздвигнутого в 1800 г. на могиле его в Иркутске, с надписями, сочиненными Державиным и Дмитриевым; «Ответ на вопрос Гумбольдта о появлении тигра в северной Азии», г. Сельского, который считает появление тигра в этом краю чистой случайностью, а не обыкновенным фактом, и приводит немногие примеры в пояснение своих мнений; «О древних развалинах, найденных около

крепости Тунки в 1809», г. Мордвинова; «Взгляд на распространение православной веры в Якутской области»; «Описание сходящихся вершинами рек, впадающих в Охотское море и реку Колыму», г. Н, Чихачева, и, наконец, извлечение из отчета о действиях частных золотых промыслов Енисейского округа за 1854 год, с подробными ведомостями приисков, где указаны время открытия россыпей и начала разработки, их пространство в квадратных саженях, количество промытого песку, добыча золота и т. д.

Изложенное нами содержание первой книжки «Записок» может дать читателю понятие о достоинстве этого нового издания Географического общества: кроме чисто-географических материалов, имеющих научный интерес, оно представляет немало и общезамечательного чтения. Сообщая характеристики мало известных краев Сибири и описание местностей, привлекающих теперь всеобщее внимание, оно может восполнить заметный недостаток в нашей географической литературе, и если последующие выпуски «Записок» будут составлены так же, как вышедшая теперь книга, то можно вперед обещать им удовлетворительный успех в публике.

596

Римские женщины. Исторические рассказы по Таиитд.

П. Кудрявцева. С рисунками. Москва. 1856.

В этой книге собраны статьи г. Кудрявцева, помещенные под тем же заглавием в «Пропилеях». Мы не имеем нужды повторять теперь единогласного мнения о мастерских рассказах г. Кудря вце ва, которые жи во передают читател ю тра гические судьбы последнего поколения Цезарей и в то же время прекрасно знакомят с знаменитым историком начала Римской империи.

Книга г. Кудрявцева посвящена памяти Грановского. Это снова

дало автору повод сказать несколь-ко теплых слов о покойном профессоре, имя которого одинаково дорого и для его бывших слушателей и для товарищей, особенно тех, кто более других был близок к нему.

Собрание стихотворений В. Бенедиктова. Три тома. СПБ. 1856. Литературная карьера была несчастна для г. Бенедиктова.

Главною бедою его, из которой произошли все последующие неприятности, надобно считать то, что первая книжка стихотворений, изданная им в 1835 году, доставила автору многочисленных почитателей и почитательниц. Каким образом могла она произвесть такое впечатление, мы никогда не понимали и до сих пор не понимаем, потому что даже те качества, которыми восхищались поклонники г. Бенедиктова, вовсе не имеют чрезвычайного блеска, которым извинялось бы обольщение: великолепия в стихе нет, сладострастие в картинах женской красоты и чувственной любви очень холодно и вяло. Одного только нельзя отрицать: язык, действительно, исхищрен и кудреват до неимоверности, а метафоры неправдоподобно смелы и бесчисленны. Только на этом и мог основываться успех. Но, как бы то ни было, успех этот был пагубен г. Бенедиктову, обратив на него внимание читателей с развитым вкусом и критики. Счастливы г. Тимофеев, г. Бернет, фон-Лизандер, Якубович и другие: они прошли незамеченными, за то и мало терпели от насмешек, — а г. Бенедиктову, по какому-то губительному счастию, суждено было наделать шуму, — и шум этот вызвал голос критики и образованной части публики... Завидна участь скромных лилий, поблекнувших в безвестности, т. е. Якубовича, Стромилова, Гогниева и других.

Подвергся г. Бенедиктов и другому несчастию в самом начале своего поэтического

поприща. Одному ученому ценителю изящ

ного, знаменитому своими многочисленными промахами, почему -то

вздумалось красноречиво объявить, что г. Бенедиктов есть по преимуществу поэт мысли *. Это был самый странный из всех возможных промахов. Статья была так поразительна своею несообразностью с рассудком, что до сих пор никто из читавших ее. m

life может забыть о ней, хотя прошло с того времени уже два дца ть один год.

Эти два пагубные обстоятельства, в которых г. Бенедиктов был нимало «е виноват, нанесли ему бесчисленный и бесконечный вред. Являлся ли нумер журнала, являлся ли какой-нибудь сборник с стихотворениями разных служителей Феба и, между прочим, стихотворениями г. Бенедиктова, — о стихах Коптева, Кропоткина, Крешева и т. д. или великодушно умалчивалось, или слегка упоминалось, что они плохи, — Коптев, Кропоткин, Крешев писатели темные: с них взыскивать нечего; но о стихах г. Бенедиктова нельзя было не говорить: ведь он писатель, имеющий толпу поклонников и поклонниц, раскупивших три издания первой части его стихотворений... И начинала критика разбирать новое стихотворение г. Бенедиктова... И каковы были эти разборы!

Вот, например, отрывок из статьи «Отечественных записок», написанной о третьем томе «Ста русских литераторов»: 2 Г. Бенедиктов снабдил свой портрет пятью стихотворениями. Посмотрим на них и начнем с первого.

Лебедь плавает на воде «в державной красоте», и у него завязывается с поэтом преинтересный разговор; г. Бенедиктов спрашивает его:

Что так гордо, лебедь белый,

Ты гуляешь по струям?

Иль свершил ты подвиг смелый?

Иль принес ты пользу нам?

Жизнь мою переплывая, (?)

Я в водах омыт от зла, (?)

И не давит грязь земная Мне свободного крыла.

Отряхнусь — и сух я стану;

Встрепенусь — и серебрист; (?)

Запылюсь — я в волны пряну;

Окунусь н снова чист,

Читатель, может быть, спросит, что значит «переплывать свою жизнь», и, пожалуй, не найдет смысла в этой фразе; может быть, также не поймет, как можно омываться водою от зла кому-нибудь, а тем более лебедю, который, как животное, злу не причастен, а разве грязи, которую вода, действительно, имеет способность смывать; еще, может быть, читателю покажутся смешными последние четыре стиха, как реторическая стукотня пошлого тона, а второй стих непонятен. Но мы советуем вам не быть слишком строгими и придирчивыми в не забывать, что ведь все это говорит птица. Животное, которому простительнее, нежели людям, говорить вздор.

Далее, лебедь, видя, что г. Бенедиктов благосклонно слушает его болтовню и не останавливает его, утверждает решительную нелепость, будто человек никогда не слыхивал лебединого крика (который поэты величают пеняем) на том основании, что Лебединых сладких песен Недостоин человек.

598

Вследствие сего обстоятельства, он, реченный лебедь, и поет только для неба, да

и то лишь в предсмертный час свой. Но пение не мешает лебедю заблаговременно распорядиться своею духовною. Во-первых, он дает поэту «чудотворное* перо иа своих «крылий»,

И над миром, как из тучи,

Брызнут молнии созвучий С вдохновенного пера.

Теперь ясно, отчего одни поэты поют сладко, а другие так отвратительно; первые пишут лебединым пером, а вторые — гусиным. Конечно, если хотите, хороший поэт и гусиным пером будет писать недурно, но все не так, как лебединым, потому что, владея этим «чудотворным» орудием, он делается «певучим наследником* лебедя. Avis au poetesl * Потом лебедь завещает для изголовья милой девы мягкий пух с мертвенно-остылой груди, в которой витал летучий дух!!., И этому пуху дева, в немую ночь, вверит, из-под внутренней грозы, роковую тайну пламенной слезы,

И, согрет ее дыханьем,

Этот пух начнет дышать И упругим колыханьем Бурным перьям отвечать.

Подумаешь, сколько хорошего может наделать один лебедь! А все отчего? оттого, что он отряхнется — и станет сух, встрепенется — станет серебрист, запылится — и поскорее в волны, окунется — и как ни в чем не бывал! Оттого он и песни поет небу и перо дарит поэту, а пух — красавице! А затем... но пусть он вам сам скажет, что будет с ним затем: он так хорошо говорит, что хочется и еще послушать его:

Я исчезну, — и средь влаги,

Где скользил я, полн отваги,

Не увидит мир следа;

А на месте, где плескаться Так любил я иногда,

Будет тихо отражаться Неба мирная звезда.

Но что же из всего этого? какой результат, какой смысл, какая мысль, какое, наконец, впечатление, в уме читателя? Ничего, ровно ничего, больше,

чем ничего, — стихи, и только... Чего ж вам больше? Не все же гоняться за

смыслом— не мешает иногда удовольствоваться и одними стихами. Однажды, в поэтическую минуту, внимание г. Бенедиктова привлекла —

От женской головы отъятая коса,

Достойная любви, восторгов и стенаний,

Густая, черная, сплетенная в три грани,

Из страшной тьмы могил исшедшая на свет,

Не измененная под тысячами лет,

Меж тем, как столько кос, с их царственной красою,

Иссеклось времени нещадною косою.

Надо согласиться, что было над чем попризадуматься, особенно поэту.

Не диво мне, — говорит г. Бенедиктов, — что диадемы не гниют в земле:

В них рдело золото — прельстительный металл!

Он время соблазнит н вечность он подкупит — •

II та ему удел нетления уступит.

* Вниманию поэтов! – Ред.

599

Эта удивительная фраза о соблазне времени и подкупе вечности золотом, как будто бы время – женщина, а вечность – подьячий, – эта несравненная фраза дает надежду, что г. Бенедиктов скажет когда-нибудь, что гранит и железо запугивают или застращивают время и вечность, и эта будущая фраза, подобно нынешней, будет тем громче и блестящее, чем бессмысленнее. Итак, неудивительно, что золото не гниет в земле: но как же коса-то уцелела?

Ужели же она

Всевластной прелестью над временем сильна?

И вечность жадная на этот дар прекрасный Глядела издали с улыбкой сладострастной?

Час от часу не легче! Вечность доступна обольщению, подкупу! вечность сладострастна! Какая негодница!.. Но что ж дальше? Дальше общие места по реторике г. Кошанского: где глаза этой косы, которые сводили с ума диктаторов, царей, консулов, мутили весь мир, в которых были свет, жизнь, любовь, душа, в которых «пировало бессмертие» (??!!!..) и т. п. Где ж они?

И тихо выказал осклабленный скелет На желтом черепе два страшные провала.

Откуда же взялся череп? Ведь дело о косе, «отъятой от женской головы»? Подите с поэтами! спрашивайте у них толку!..

В третьем стихотворении г. Бенедиктов бранит толпу, и надо сказать, довольно недурно, если б только он поостерегся от персидских метафор, вроде следующих: «полотно широкой думы пламенеет под краской чувства», «гром искрометной рифмы» и т. п. вычурностей пошлого тона. В четвертом стихотворении г. Бенедиктов рассказывает нам, как невинно и духовно взирал он на грудь«девы стройной»:

Любуясь красотой сей выси благодатной.

Прозрачной, трепетной, двухолмной, двураскатной,

Он чувство новое в груди своей питал;

Поклонник чистых муз – желаньем он сгорал Удава кольцами вкруг милой обвиваться,

Когтями ястреба в пух лебедя впиваться.

Какие сильные, а главное, какие изящные и благородные образы!..

Нельзя не согласиться, что г. Бенедиктов – поэт столько же смелый, сколько и оригинальный. У него есть свои поклонники, и мелкие рифмачи даже пишут к нему послания стихами, в которых не знают, как и изъявить ему свое удивление. Нашелся даже критик, который поставил его выше всех поэтов русских, не исключая и Пушкина. Само собой разумеется, что предмет поклонения всегда бывает выше своих поклонников; а так как почитателей таланта г. Бенедиктова даже и теперь тьма-тьмущая, то и нельзя не согласиться, что г. Бенедиктов есть в своем роде замечательное явление в русской литературе, как были в ней замечательны, например, Марлинский и г. Языков. Конечно, подобная «замечательность» ненадежна и недолговре-

менна, но все же она имеет свое значение, потому что основана не на одном

только дурном вкусе эпохи или значительной, по большинству, части публики, но также и на таланте своего рода. Но мы уже не раз говорили, что есть таланты, которые служат искусству положительно, и есть другие, которые служат ему отрицательно: произведения первых приводятся эстетиками, как примеры истинного и правильного хода искусства; произведения вторых служат для примеров ложного и фальшивого направления искусства. Это бывает не с одними лицами, но и с народами; для образцов изящного вкуса смело пользуйтесь греками, для образцов

дурного вкуса смело обращайтесь к китайцам, и у последних берите только лучших художников и лучшие произведения. Муза г. Бенедиктова — женщина средней руки, если хотите, недур-600

ная собою, даже хорошенькая, но с пошлым выражением лица, бойкая, вертлявая и болтливая, не без грации и достоинства, страшная щеголиха, но без вкуса; она любит белила и румяна, хотя могла бы обходиться и без них, любит пестроту и яркость в наряде и, за неимением брильянтов, охотно бременит себя стразами; ей мало серег: подобно индейской баядере, она готс - 2 носить золотые кольца даже в ноздрях. Все это относится только к выражению в поэзии г. Бенедиктова. Разложить стихотворение г. Бенедиктова на составные элементы, пересказать его содержание из него же взятыми и нисколько не измененными фразами, всегда значит обратить его в пустоту и ничтожество («Отечественные записки», 1845 г., № 9, «Критика», стр.

13—15).

А вот другой отрывок из разбора Альманаха «Метеор»; он также из «Отечественных записок» за тот же год.

В «Метеоре» доставило нам истинное удовольствие, до слез развеселило нас стихотворение г. Бенедиктова: «Тост». Не можем отказать себе в наслаждении поделиться с читателями нашим весельем.

Чаши рдеют, словно розы,

И в развал их вновь и вновь

Винограда брызнут слезы.

Нервный сок (?) его и кровь.

Эти чаши днесь воэдымем И, склонив к устам края,

Влагу светлую приимем В честь и славу бытия,

Общей жизни в честь и славу.

За ее всесветный трон,

И всемирную державу Поглотим струю кроваву До осушки стклянных дон|

Стихотворение это столько же огромно, сколько и прекрасно: всего нельзя выписать; ограничимся лучшим:

Жизнь, сияй1 Твой светоч — разум.

Да не меркнет под тобой Свет сей, вставленный алмазом В перстень вечности самой!

Удивительно! Разум сперва является светочем жизни, потом уходит под жизнь и наконец делается алмазом и попадает в перстень вечности! Какая глубокая мысль — ничего не поймешь в ней! Господа современные русские стихотворцы, объясните нам смысл этой глубокой мысли: тысячи пудов российских стихотворений в награду.

Венчан лавром или миртом —

Наподобие сих чаш,

Буди налитчереп наш Соком дум и мысли спиртом)

Браво! брависсимо! Наподобие чаш, налить черепа живых (физически) людей соком дум и спиртом мысли: какая счастливая, оригинальная мысль! Жаль только, что она будет в подрыв откупам и погребам.

Пьем за милых — вестниц рая —

За красы их, начиная С полных мрака и лучей Зажигательных очей,

Томных, нежных и упорных,

601

Цветом всячески-цветных,

Серых, карих, адски-черных И небесно-голубых!

За здоровье уст румяных,

Бледных, алых и багряных Этих движущихся струй,

Где дыханье пламенеет,

Речь дрожит, улыбка млеет.

Пышет вечный поцелуй!

В честь кудрей благоуханных,

Легких, дымчатых, туманных,

Светло-русых, золотых,

Темных, черных, рассыпных,

С их неистовым извивом,

С искрой, с отблеском, с отливом,

И закрученных, как сталь,

В бесконечную спираль!

Далее поэт настаивает в своем намерении восчествовать юных дев и добрых жен,

Сих богинь огне-сердечных,

Кем мир целый проведен Чрез святыню персей млечных,

Колыбели и пелен.

Этих горлиц, этих львиц,

Расточительниц блаженства

И страдания цариц!

Молниеносными чертами рисует потом поэт географию и анатомию России:

Чудный край! через Алтай,

Бросив локоть на Китай,

Темя вспрыснув Океаном,

В Балт ребром, плечом в Атлант (!)

В полюс лбом, пятой к Балканам Мощный тянется (?!) гигант.

Потом поэт, прийдя в вящший восторг, предлагает выпить сока дум и спирта мысли –

В славу солнечной системы,

В честь и солнца и планет,

И дружин огне-крылатых,

Длиннохвостых, бородатых,

Быстрых, бешеных комет.

Наконец ему показалось, что земля Мчится в пляске круговой В паре с верною луной, – что «все миры танцуют»...

Жалеем, что не могли выписать этого дивного дифирамба вполне: в нем «ще осталось столько соку дум и спирта мысли!.. Прав, тысячу раз прав г. Щевырев, доказавший, что до г. Бенедиктова в русской поэзии не было мысли и что Державин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин – поэты без мысли. Да, только с появлением книжки стихотворений г. Бенедиктова русская поэзия преисполнилась не только мыслию, но и соком дум и спиртом мысли...» («Отечественные записки», 1845 г, № 5, «Библиография», стр. 13–15).

602

Не ужасны ли эти насмешки? Положим, что они справедливы;

но чем же виноват г. Бенедиктов в том, что его стихотворения заслуживают таких насмешек?

Еще прискорбнее читать пародии на стихотворения г. Бенедиктова, потому что решительно не видишь, чем стихотворения его отличаются от пародий, на них написанных. Вот, например, пусть человек, которому бы не было памятно, какие из шести приведенных нами стихотворений – подлинные стихотворения, а какие – пародии на них, – пусть такой человек различит пародии от стихотворений:

I

Есть мгновенья дум упорных,

Разрушительно-тлетворных,

Мрачных, буйных, адски-черных,

Сих :– опасных, как чума, –

Расточительниц несчастья,

Вестниц зла, воровок счастья И гасительниц ума!

Вот в неистовстве разбоя В грудь вломились, яро воя –

Все вверх дном! И целый ад Там, где час тому назад Ярким, радужным алмазом Пламенел твой светоч, разум!

Где любовь, добро и мир Пировали честный пир!

Ад сей – в ком из земнородных От степей и нив бесплодных Сих отчаянных краев,

Полных хлада и снегов –

От Камчатки льдяно-реброй

До брегов отчизны доброй, –

В ком он бурно не кипел?

Кто его – страстей изъятый, Бессердечием богатый –

Не восчествовать посмел?

Ад сей – ревностью он кинут В душу смертного. Раздвинут Для него широкий путь В человеческую грудь...

Он грядет с огнем и треском,

Он ласкательно язвит,

Все иным, кровавым блеском Обольет и превратит Мир в темницу, радость — в муку, Счастье — в скорбь, веселье — в скуку Жизнь — в кладбище, слезы — в кровь, В яд и ненависть — любовь!

Полон чувств огнепалящих,

Вопиющих и томящих,

Проживает человек В страшный миг тот целый век!

603

Нет, красавица, напрасно Твой язык лепечет мне,

Что родилась ты в ненастной,

Нашей хладной стороне.

Нет, не верю: издалека Ветер к нам тебя завлек;

Ты жемчужина Востока,

Поля жаркого цветок!

Черный глаз и черный волос —

Все не наших русых дев,

И в речи кипит твой голос,

А не тянется в распев;

Вольной зыбью океана Грудь волнуется твоя,

И извив живого стана —

Азиатская змея.

Ты глядишь, очей не жмуря,

И в очах горит смола,

И тропическая буря Дышит пламенем с чела.

Фосфор — в бешеном сверканье — Взгляды быстрые твои,

И сладчайшее дыханье Веет мускусом любви, —

И какой-то силой скрытной Ты, волшебница, полна, Притягательно-магнитной Сферой вся обведена.

Сын железа — северянин,

Этой силой отуманен,

На тебя наводит взор —

И пред этим обаяньем,

Ограждаясь расстояньем,

Еле держится в упор.

Лишь нарушься только мера, Полшага ступи вперед, Обаятельная сфера Так и тянет, так и жжет!

Нет, не верю: ты не близко Рождена; твои черты Говорят: султанша ты Ты Зюлейка, одалиска.

Верх восточной красоты!

III

С эффектом громовым, победно и мятежно Ты в мире пронеслась кометой неизбежной И бедных юношей толпами наповал,

Как молния, твой взор и жег и убивал!

Я помню этот взгляд фосфорно-ядовитый И локон смоляной, твоим искусством взбитый, Небрежно падавший до раскаленных плеч,

И пламенем страстей клокочущую речь, Двухолмной груди блеск и узкой ножки стройность. Во всех движениях разгар и беспокойиость (ХН II

И припекавшие лобзаньями уста –

Венец красы твоей, о дева-красота!

Я помню этот миг, когда, царица бала,

По льду паркетному сильфидой ты летала И как, дыхание в груди моей тая,

Взирая на тебя, страдал и рвался я,

Как ныне рвуся я, безумец одинокий,

Над сей могилою, заглохшей и далекой.

IV

Есть чувство адское: оно вскипит в крови И, вызвав демонов, вселит их в рай любви, Лобзанья отравит, оледенит объятья,

Вздох неги превратит в хрипящий вопль проклятья. Отнимет все – и свет, и слезы у очей,

В прельстительных кудрях укажет свитых змей,

В улыбке алых уст – гиены осклабленье,

И в легком шопоте – ехиднино шипенье.

Вот, вот прелестница! Усмешка по устам Ползет, как светлый червь по розовым листам,

Она – с другим – нежна! Увлажена ресница;

И наглый взор его сверкает, как зарница,

По прелестям ее, как молния, скользит По персям трепетным, впивается, язвит,

По складкам бархата стремительно струятся И в брызги адские у ног ее дробится;

То брызжет ей в лицо, то лижет милый след.

Вот руку подала! Изменницы браслет Не стиснул ей руки... Уж вот ее мизинца Коснулся этот лев из модного зверинца,

С косматой гривою! Зачем на ней надет Сей светло-розовый мне ненавистный цвет? Условья нет ли здесь? В вас тайных знаков нет ли, Извинченных кудрей предательские петли?

В вас, пряди черных кос, подернутые мглой?

В вас, верви адские, залитые смолой,

Щипцами демонов закрученные свитки,

Снаряды колдовства, орудья вечной пытки?

V

О, как быстра твоих очей Огнем напитанная влага!

От них — и тысячи смертей И море жизненного блага!

Они, одетые черно,

Горят во мраке сей одежды:

Сей траур им носить дано По тем, которым суждено От них погибнуть без надежды. Быть может, в сумраке земном Их пламя для того явилось,

Чтоб небо звезд своих огнем Перед землею не гордилось,] — Или оттоль, где звезд ряды Крестят эфир лучей браздами, Упали белых дг.е звезды 605

И стали черными звездами. Порой в них страсть: ограждены Двойными иглами ресницы,

Они на мир наведены И смотрят ужасом темницы,

Где через эти два окна Чернеет страшно глубина, —

И поглотить мир целый хочет Та всеобъемлющая мгла,

И там кипящая клокочет Густая черная смола;

Там ад- но муки роковые Рад каждый взять себе на часть. Чтоб только в этот ад попасть, Проникнуть в бездны огневые. Отдаться демонам во власть, Истратить разом жизни силы.

Перекипеть, перегореть,

Кончаясь, трепетать и млеть И, как в бездонных две могилы.

Все в те глаза смотреть, смотреть.

VI

Вот она, звезда Востока,

Неба жаркого цветок!

В сердце девы страстноокой Льется пламени поток!

Груди бьются, будто волны,

Пух на девственных щеках И, роскошной неги полны,

Рдеют розы на устах;

Брови черные дугою И зубов жемчужный ряд,

Очи — звезды подо мглою —

Провозвестники отрад!

Все любовию огнистой,

Сумасбродством дышит в ней,

И курчаво-смолянистый На плече побег кудрей...

Дева юга! Пред тобою Бездыханен я стою:

Взором адским, как стрелою.

Ты пронзила грудь мою!

Этим взором, этим взглядом –

Чаровница – ты мне вновь Азиатским злейшим ядом Отравила в сердце кровь!

Из этих шести стихотворений три принадлежат г. Бенедик-

тову, другие три написаны как пародии на его манеру. Но читатель, не знавший предварительно, которые именно стихотворения относятся к первому, которые к последнему классу, наверное, не 606

будет в состоянии избежать ошибок при различении подлинных стихотворений от пародий. Это очень огорчительно.

Двадцать лет постоянно быть предметом бесчисленных разборов, подобных тем, какие приведены выше – судьба, которая может поселить сострадание в душе самого сурового судьи.

Нам очень тяжела была необходимость говорить о стихотворениях г. Бенедиктова, потому что мы не видели возможности изменить суждение, которое бесчисленное количество раз было произносимо различными журналами о достоинстве его произведений. Но мы надеялись, что найдем, по крайней мере, какую-нибудь возможность смягчить это суждение. Из сожаления о грустной судьбе этих стихотворений, мы перечитывали изданные теперь три тома, расположив себя к величайшей снисходительности, проникнувшись желанием найти в них что-нибудь, кроме недостатков, которые столько раз уже были замечаемы другими рецензентами.

Наши поиски не были совершенно напрасны: мы нашли три или четыре стихотворения, в которых г. Бенедиктов, оставляя обыкновенные свои темы, обращается мыслью к событиям, совершающимся вокруг нас, – из мира «извинченных кудрей», «фосфорных очей» и адских страстей, выражаемых натянутыми метафорическими гиперболами, переходит в мир чувств, знакомых обыкновенным людям. Нам приятно было убедиться, что г. Бенедиктов иногда выказывает в этих случаях чувства и желания, достойные уважения. Особенно примирительно может действовать на читателей та пьеса, которою заключаются в третьей ча-

сти оригинальные произведения г. Бенедиктова. СТАНСЫ ПО СЛУЧАЮ МИРА Вражды народной кончен пир,

Пора на отдых ратоборцам!

Настал давно желанный мир, –

Настал, – и слава миротворцам!

Довольно кровь людей лилась...

О, люди, люди! вспомнить больно!

От адских жерл земля тряслась И бесы тешились... довольно!

Довольно черепы ломать,

В собрате видеть душегубца,

И знамя брани подымать Во имя бога-миролюбца!

За мир помолимся тому,

Из чьей десницы все приемлем,

И вкупе взмолимся ему,

Да в лоне мира не воздремлем!

Не время спать, о братья, – нет!

Не обольщайтесь настоящим!

607

Жених в полу нощи грядет:

Блажен, кого- найдет не спящим.

Царь, призывая вас к мольбе За этот мир, любви словами Зовет вас к внутренней борьбе Со злом, с домашними врагами.

В словах тех шлет он божью весть –

Не пророни́те в них ни звука!

Слова те: вера, доблесть, честь,

Законы, милость и наука.

Всем будет дело. Превозмочь Должны мы лень, средь дел (Зумажншх Возросшую. Хищенье – прочь!

Исчезни племя душ продажных!

Ты, малый труженик земли.

Сознай, что в деле нет безделки!

Не мысли, что грехи твои За тем простительны, что мелки!

И ты, сановник, не гордись 1 Не мни, что злу ты недоступен,

И неподкупным не зовись,

Коль только златом неподкупен!

Не лихоимецли и ты,

Когда своей чиновной силой Кривишь судебные черты За взгляд просительницы милой?

Коль гнешь рычаг своих весов Из старой дружбы, из участья,

Иль по ходатайству больших,

Или за взятку сладострастья?

Всяк труд свой в благо обращай! Имущий силу делать – делай!

Имущий словеса – вещай,

Греми глаголом правды смелой! Найдется дело и тебе,

О, чувств и дум зернометатель! Восстань и ты к святой борьбе,

Вития мощный и писатель!

Восстань, – не духа злобы полн,

Восстань не буйным демагогом,

Не лютым двигателем волн. Влекущим к гибельным тревогам: Нет! гласом добрым воззови,

И зов твой, где бы ни прошел он, Пусть духом мира и любви И в самом громе будет полон!

608

Огнем свой ополчи глагол Лишь на нечестие земное,

И – с богом – ратуй против зол! Взгляни на общество людское: Увидишь язвы в нем; им дан Лукавый ход по жилам царства,

И против этих тайных ран Нет у врачей земных лекарства. Пороков мало ль есть таких, Которых яд полмира губит,

Но суд властей не судит их И меч закона их не рубит!

Ты видишь; бедного лиша Последних благ в последнем деле, Ликуя, низкая душа Широко дремлет в тучном теле. Пышней, вельможней всех владык, Добыв чертог аристократа,

Иной бездушный откупщик По горло тонет в грудах злата.

Мы видим роскошь без границ И океан долгов бездонных,

Мужей, дошедших до темниц От р&ззорительниц законных. Нередко видим мы окрест И брачный торг – укор семействам, И юных жертвенных невест, Закланных дряхлым любодейством. Зрим в вертоградах золотых,

Среди цветов, в тени смоковниц, Любимцев счастия пустых И их блистательных любовниц. Толпа спешит не в храм творца;

Она спешит, воздев десницу, Златого чествовать тельца Иль позлащенную телицу.

Но есть для вас, сыны греха,

Но есть для вас, земли кумиры,

И гром и молния стиха,

И бич карающей сатиры, –

И есть комедии аркан, –

И, как боец, открыв арену, Новейших дней Аристофан Клеона вытащит на сцену.

Глас божий, мнится, к нам воззвал И указует перст судьбины,

Й

а встанет новый Ювенал сдернет гнусные личины!

39 Н. Г. Чернышевский, т. III 609

Правда, художественного достоинства в этой пьесе довольно

мало: она растянута, некоторые удары автора не попадают в цель, и вообще пьеса кажется прозою, переложенною в стихотворный размер; но первые и некоторые из средних строф заслуживают похвалы 'по мысли, а в последних трех даже выражение замечательно сильно. Из другой пьесы подобного содержания –

«К России», написанной г. Бенедиктовым также в последнее время, недавно были приведены в «Современнике» лучшие строфы («Современник]», 1855, № 12, «Заметки о журналах»).

В третьем томе есть еще пять-шесть стихотворений, которые хотя не имеют особенных достоинств, но лучше других тем, что написаны языком не слишком напыщенным. Эти немногие стихотворения и особенно пьеса «К России» и «Стансы по случаю мира», вероятно, оправдают нас перед читателями в том, что мы хотим высказать сЕое мнение о степени таланта г. Бенедиктова без насмешек над

напыщенностью его языка, который уже слишком достаточное число раз бывал в наших журналах предметом шутки.

Несмотря на все наше желание смотреть на произведения, г. Бенедиктова самыми благорасположенными глазами, мы никак не можем видеть в них хотя бы слабых следов поэзии. Чувства в них нет; они носят на себе слишком очевидные признаки, что все в них — придуманное, сочиненное; от самых сладострастных картин веет холодом; на самых гиперболических выражениях лежит тяжелый отпечаток недостатка фантазии. Поэтическая фантазия состоит не в том, чтобы придумывать небывалые метафоры и гиперболы, — иначе, в известной книге «Не любо не слушай» было бы гораздо больше поэзии, нежели в Шекспире и Гомере.

Она не состоит и в том, чтобы описывать подробно все принадлежности женского организма: иначе, в «Руководстве к повивальному искусству» опять-таки было бы гораздо больше поэзии, нежели в Шекспире и Гомере. Поэтическая фантазия состоит в том, чтобы предмет немногими чертами изображался живо и точно; а этого качества решительно нет в стихотворениях г. Бенедиктова. Хотя бы даже оставить без внимания все натянутые и неловкие выражения, все-таки стихотворения г. Бенедиктова остаются холодны, картины его сбивчивы и безжизненны. Потому надобно, к сожалению, решительно сказать, что поэтического таланта у г. Бенедиктова мало.

Такое заключение, повидимому, неутешительно, — но только повидимому; на самом же деле, оно очень успокоительно и совершенно примиряет нас с стихотворениями г. Бенедиктова. По нашему убеждению, нельзя упрекать его ни в чем, напрасно преследовать его насмешками и т. д. — все это совершенно бесполезно. Напрасно говорить, что он злоупотреблял своим талантом или шел по ложному пути — для него не было никакой дороги в царстве поэзии. Прежде, когда у него были почитатели, из числа 610

людей с неразвитым вкусом, конечно, нужно было разоблачать недостатки его произведений, чтобы вывести этих заблуждавшихся людей из ошибки, вредной для их развития. Но теперь эта надобность, кажется, уже миновалась. Время успеха давно прошло для г. Бенедиктова.

Но, однако же, некогда успех его был громаден в известной части публики, — должен же был на чем-нибудь основываться этот успех? Мы уже сказали, на чем он основывался: на неразвитости вкуса. Прибавим и другую причину — стихотворения г. Бенедиктова привлекали своими физиологическими подробностями. Они возбуждали интерес точно такого же рода, как та картинка, на которую засмотрелся Акакий Акакиевич, идя по Невскому проспекту: дама надевает на ногу чулок предмет интересный, хотя

бы рисунок и был довольно плох.

Статья наша окончена. Остается только сказать, что из шести стихотворений, приведенных нами, г. Бенедиктовым написаны второе, четвертое и пятое, а стихотворения, поставленные на первом, третьем и шестом месте — пародии.

Стихотворения графиня Ростопчиной. Том второй. СПБ. 1856. Рассматривая первый том нового издания'произведений поэтессы, мы подробно высказали свое мнение как о характере ее произведений, так и о степени ее таланта. Не имея теперь сказать об этих предметах ничего нового, мы только выпишем из второго тома стихотворений графини Ростопчиной несколько пьес: мы берем их почти без выбора, потому что выбор бесполезен.

ЗВЕЗДЫ ПОЛУНОЧИ

Кому блестите вы, о звезды полуночи?

Чей взор прикован к вам с участьем и мечтой,

Кто вами восхищен? Кто к вам подымет очи,

Не засоренные землей?

Не хладный астроном, упитанный наукой,

Не мистик астролог вас могут понимать!

Нет! для изящного их дума близорука:

Тот испытует вас, — тот хочет разгадать.

Поэт, один поэт с восторженной душою,

С воображением и страстным и живым Пусть наслаждается бессмертной красотою И вдохновением пусть вас почтит своим!

Да женщина еще, — мятежное созданье,

Рожденное мечтать, сочувствовать, любить, —

На небеса глядит, чтоб свет и упованье В душе пугливой пробудить.

39 Г: 611

ПАХИТОС

Fumer ... river... et puis... on va si totn alorst*

X. X.

Пахитос, — отрада лени, Европейский наргиле,] — Страсть новейших поколений. Повод дедушкам к хуле,— Пахитос!., предмет раздора И в гостиных и в семьях, — Соучастник разговора,

И наперсник наш в мечтах, — Дым твой полон откровений, Много тайн в твоей золе, Пахитос, отрада лени, Европейский наргиле!

Львиц причудливое знамя,

Ты безгрешно тешишь их,

Ты игрушка им,— и пламя На замен огней других!

Друг испанки черноокой,

Ты при счастьи, средь скорбей Жизни праздной, одинокой Сокращаешь скуку ей!

Ты пристал и ручке нежной.

И коралловым устам,

Думе грустной и мятежной И смеющимся глазам!

Я не львица удалая,

Не испанка под фатой, —

Но блаженствую, вдыхая.

Пахитос, чад легкий твой!

Мне сдается, суеверной,

Что разрозненным друзьям Ты символ в дали безмерной.

Связь двум мыслям, двум мечтам...

Дым твой полон откровений,

Много тайн в твоей золе,

Пахитос, отрада лени,

Европейский наргиле!

ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР

Полночь звучит... Сюда несите чашу.

Благоуханный дайте ром...

Все свечи вон!.. Пусть жженка прихоть нашу Потешит радужным огнем!

Зовите табор к нам!.. Чтоб песнью чудно-шумной Нас встретил исступленный хор,

Чтоб дикой радостью, чтоб удалью безумной Был поражен и слух и взор!

* Курить... грезить... и тогда так далеко уходишь! — Ред. 612

Велите петь цыганке черноокой Про страсть, про ревность, про любовь,

Про всё, про всё, что в жизни одинокой Волнует ум, сжигает кровь!..

И мы послушаем тот вечный сердца ропот, —

И оживится хладный прах,

Забытых нами снов — проснется страстный шопот В давно заглохнувших сердцах!..

Давно, мои друзья, любимых песен звуки,

Давно не тешили меня;

Но русской речи склад в чужбине, в дни разлуки Припоминала часто я.

О, как хотелось мне любимое веселье Лет свежей юности вкусить И, после странствия, возврата новоселье Подобным пиром огласить!

Оно исполнилось, тоскливое желанье, —

Поют мне песни старины!

Простонародных слов и ладов сочетанья Кипучей жизнью как полны!..

В восторженной душе очнулося былое С минувшей радостью, тоской, —

И сердце, как тогда, безумно молодое Забилось с прежней быстротой.

Внимаю жадно им, знакомцам незабытым,

Люблю радушный их привет,

И предпочту его поклонам знаменитым,

В которых правды, смысла нет!

Здесь есть поэзия, в поющей сей картине Есть страсть, есть воля, есть порыв;

Разнообразный хор таинствен, как судьбина, —

Как беззаботность, он гульлив.

Для чувства робкого, для тайных упований Поет он сладкий гимн любви;

Для сердца грустного в нем отклик есть страданий, Что хочешь, каждый назови!..

И нас немного здесь, — но каждый понимает По-своему ответный глас;

И верно, углубясь в мечту, припоминает Какой-нибудь заветный час...

Предаться можем мы свободно увлеченью Очаровательных минут:

Ни взор завистливый, ни злость, ни осужденье В наш тесный круг не попадут,

И мы доверчиво друг другу смотрим в очи,

Без опасенья, без препон...

Жаль, быстрые часы блаженной этой ночи Промчатся, как чудесный сон!

НА ЛАВРОВЫЙ ВЕНЕЦ,

поднесенный мне земляками о саду вплы

д'Э стс, 9 Тиволи

Не мне, друзья, не мне венец лавровый...

Такая честь не подобает мне!

Дар вашей дружбы я принять готова, —•

613

Им радуюсь в душевной глубине, —

Но, как символ таинственно-высокий,

Мне чужд сей лавр!., мне до него далеко!.. Смотрите, где мы!!.. Вот стоят палаты Старинные, чудесные... и в них Когда-то двор державный и богатый Торжествовал пиры князей своих,—

Род д'Эсте угощал своих клевретов,

Воителей, художников, поэтов.

И вспомните, чии стопы ходили По сим аллеям!., чей эдесь глас звучал...

Чьи песни здесь Элеонору чтили!

Здесь страстный Тассо жил... любил... мечтал!..

Не мнится ль вам, что под лавровой сенью Мы встретимся с его туманной тенью?.'. Скажите: там, меж тополей шумящих,

Как будто шорох не слыхали вы?..

Меж мраморных фонтанов, здесь блестящих, Вы не видали облик головы?..

О, тише(.. Воздадимте в умиленьи Страдальцу и певцу благоговенье!

Что я пред ним?.. Что я в стране сей славной?.. Дитя сует и баловень мечты, —

Поэт полупустой и легконравный.

Любящий бал, наряды и цветы...

Лишь женщина... во всем значенья слова!..

Не мне друзья, не мне венец лавровый.

ПЕСНЬ ВОЗВРАТА *

Я с гордостью свой путь припоминаю, —

Его с восторгом детским соверша:

В стране красот классических была я, —

И там сказали мне: «Ты хороша!»

В отчизну мысли и ума пришла я, –

И там поэта пылкая душа

Нашла друзей, ценителей, хваленья...

И поняла, что в славе есть значенье.

Довольна я!!.. Да, женщина, поэт Равно своей поездкой насладились;

Обоих угостил широкий свет,

Обоих ожиданья совершились!

Воспоминанья двух прожитых лет Мне дороги... с душой моей сдружились,

Как сладкий, чудный, незабвенный сон;

Лишь жаль, что слишком скоро прерван он!..

* Пьеса эта довольно велика по объему; оттого мы могли привести только некоторые строфы. Кстати заметим, что. она написана в 1846 году, через семнадцать лет после начала поэтической деятельности графини Ростопчиной.

614

ОТВЕТ НЕКОТОРЫМ БЕЗЫМЕННЫМ СТИХОТВОРЕНИЯМ (1854)

Сам бог сказал: «Чти мать свою!»

И грех тебе, о сын лукавый,

Когда, враг материнской славы,

Позоришь бранию неправой Ты мать родимую твою!

Когда в лжемудрости надменной И честь и совесть погубя,

Разишь рукою дерзновенной Грудь, воскормившую тебя!..

И грех и стыд вам, лже-поэты,

Клеветники Руси святой,

Что в день и в час сей роковой Одни в разладе вы с толпой,

Ее любовью не согреты;

Что вас она не увлекла Восторгом православной битвы,

Что нечестивая хула Ответ ваш на ее молитвы!..

И грех и стыд, и горе вам,

Что смеет ваш язык коварный,

Ваш злобный стих высокопарный,

Шептать укор неблагодарный

Отчизны преданным сынам;

Что с вражьей зоркостию ока Окинув Русь во все концы,

В ней лишь предлоги для упрека,

Добра в ней не нашли, слепцы!

Она же, наша Русь святая,

Вас не казнит, не проклянет, —

Но лихом вспомнит вас народ!

Из века в век, из рода в род Пройдет молва о вас худая,

Позорным прозвищем клеймить Вас будет верное преданье И малым детям в поруганье Век имя ваше будет жить!..

В поэтическом отношении все выписанные нами стихотворения могут быть названы одинаковыми. Но относительно содержания первая пьеса отличается от других тем, что в ней одна мысль кажется сомнительною: гр. Ростопчина, быть может, не совершенно близка к истинным понятиям о вещах, утверждая, что астрономы не смотрят на звезды.

< ИЗ № 11«СОВРЕМЕННИКА»>

Стихотворения Н. Некрасова. Мо-сква. 1856.

Читатели, конечно, не могут ожидать, чтобы «Современник» представил подробное суждение о «Стихотворениях» одного из своих редакторов.

615

Мы можем только перечислить здесь пьесы, вошедшие в состав изданной теперь книги. Вот их список:

«Поэт и гражданин», «В дороге», «Влас», «В деревне», «Огородник», «Извощик», «Так, служба, сам ты в той войне», «На улице», «Вино»,

«Тройка», «Забытая деревня», «Школьник», «Псовая охота», «Гадающей невесте», «Пьяница», «Нравственный человек», «Маша», «Секрет», «Княгиня», «Прекрасная партия», «В больнице», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит», «Филантроп», «Современная ода», «Отрывок из путевых записок графа Гаранского», «Саша», «Муза», «Новый год», «Ты всегда хороша несравненно», «Памяти приятеля», «Перед дождем», «Тяжелый крест достался ей на долю», «Ах, были счастливые годы», «Блажен незлобливый поэт», «В неведомой глуши, в деревне полудикой», «Мы с тобой бестолковые люди», «Свадьба», «Воспоминание», «Письма», «14 июня 1854 года», «Петербургское утро», «Пускай мечтатели* осмеяны давно», «Самодовольных болтунов», «Чуть-чуть не говоря: ты сущая ничтожность»,

«За городом», «Безвестен я, я вами не стяжал», «Влюбленному», «Еду ли ночью по улице темной», «Я за то глубоко презираю себя», «Так это шутка», «Несжатая полоса», «Я посетил твое кладбище», «Старые хоромы», «Да, наша жизнь текла мятежно», «Застенчивость», «Внимая ужасам войны», «Я сегодня так грустно настроен», «Когда из мрака заблужденья», «Старики», «На родине», «Буря», «Последняя элегия», «Давно отвергнутый тобою», «Если мучимый страстью мятежной», «Отрывок», «Сознание»,

«В черный день», «Я не люблю иронии твоей», «Т...ву», «Прости», «Как ты кротка, как ты послушна», «Замолкни, Муза мести и печали».

Читатели заметят, что многие из этих пьес не были еще напечатаны. Некоторые из бывших напечатанными являются ныне в виде более полном, нежели как были напечатаны прежде.

Из тех, которые не были напечатаны, мы приведем здесь пьесы: «Поэт и гражданин», «Забытая деревня», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» *.

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН Г р а ж д а н и н (входит)

Опять один, опять суров,

Лежит — и ничего не пишет.

Прибавь: хандрит и еле дышит — И будет мой портрет готов.

Г р а ж д а н и н

Хорош портрет1 Ни благородства, Ни красоты тут нет, поверь,

А просто пошлое юродство, Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Г р а ж д а н и н Да глядеть обидно.

616

Поэт

Ну так уйди.

Г р а ж д а н и н Послушай: стыдно1 Пора вставать! Ты знаешь сам, Какое время наступило;

В ком чувство долга не остыло, Кто сердцем неподкупно прям,

В ком дарованье, сила, меткость, Тому теперь не должно спать... Поэт

Положим, я такая редкость,

Но нужно прежде дело дать.

Г р а ж д а н и н

Вот новость] Ты имеешь дело.

Ты только временно уснул, Проснись: громи пороки смело...

АI Знаю: «вишь куда метнул!»

Но я обстреленная птица...

Жаль, нет охоты говорить (берет книи Спаситель Пушкин! — вот страница! Прочти — и перестань корить.

Г р а ж д а н и н (читает)

«Не для житейского волненья,

Не для корысти, не для битв,

Мы рождены для вдохновенья,

Для звуков сладких и молитв».

По э т (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..

Когда бы с Музою моей Я был немного поумней,

Клянусь, пера бы не взял в руки!

Г р а ж д а н и н

Да, звуки чудные... Ура!

Так поразительна их сила,

Что даже сонная хандра С души поэта соскочила.

Душевно радуюсь – пора!..

И я восторг твой разделяю,

Но, признаюсь, твои стихи Живее к сердцу принимаю...

Поэ т

Не говори же чепухи!..

Ты рьяный чтец, но критик дикий.

Так я, по-твоему – великий,

Повыше Пушкина поэт?

Скажи, пожалуйста?!.

617

Г р а ж д а н и н Ну, нет1

Твои поэмы бестолковы,

Твои элегии не новы,

Сатиры чужды красоты, Неблагородны и обидны,

Твой стих тягуч. Заметен ты.

Но так без солнца звезды видны.

В ночи, которую теперь Мир доживает боязливо,

Когда свободно рыскал зверь,

А человек бродил пугливо, –

Ты твердо светоч свой держал;

Но небу было неугодно,

Чтоб он под бурей запылал,

Путь освещая всенародно. Дрожащей искрою, впотьмах,

Он чуть горел, мигал, метался... Моли, чтоб солнца он дождался И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда Не видно солнца ниоткуда,

С твоим талантом стыдно спать; Еще стыдней в годину горя Красу долин, небес и моря И ласку милой воспевать...

Гроза молчит; с волной бездонной В сияньи спорят небеса,

И ветер ласковый и сонной Едва колеблет паруса, –

Корабль бежит красиво, стройно, И сердце путников спокойно,

Как будто вместо корабля Под ними твердая земля...

Но гром ударил; буря стонет,

И снасти рвет и мачту клонит, – Не время в шахматы играть,

Не время песни распевать!

Вот пес – и тот опасность знает И бешено на ветер лает:

Ему другого дела нет...

А ты что делал бы поэт?

Ужель в каюте отдаленной Ты стал бы лирой вдохновенной Ленивцев уши услаждать И грохот бури заглушать?

Пускай ты верен назначенью,

Но легче ль родине твоей,

Где каждый предан поклоненью Единой личности своей? Наперечет сердца благие,-Которым родина свята. Бог-помочь им!., а остальные?

Их цель мелка, их жизнь пуста. Одни – стяжатели и воры, Другие – сладкие певцы, fija

А третьи... третьи – мудрецы:

Их назначенье – разговоры. Свою особу оградя,

Они бездействуют, твердя: «Неисправимо наше племя,

Мы даром гибнуть не хотим,

Мы ждем: авось поможет время И горды тем, что не вредим!» Хитро скрывает ум надменной Себялюбивые мечты,

Но... брат мой! кто бы ни был ты, Не верьсей логике презренной) Страшись их участь разделить, Богатых словом, делом бедных, И не иди во стан безвредных, Когда полезным можешь быть!.. Не может сын глядеть спокойно На горе матери родной,

Не будет гражданин достойной К отчизне холоден душой –

Ему нет горше укоризны...

Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь,

Иди и гибни безупречно – Умрешь не даром: дело прочно, Когда под ним струится кровь... А ты, поэт, избранник неба, Глашатай истин вековых,

Не верь, что неимущий хлеба Не стоит вещих струн твоих!

Не верь, чтоб вовсе пали люди:

Не умер бог в душе людей,.

И вопль из верующей груди Все гда доступен будет е й!

Будь гражданин! служа искусству, Для благ а ближнего живи,

Свой гений подчиняя чувству Всеобиимающей Любви;

И если ты богат дарами,

Их выставлять не хлопочи:

В твоем труде заблещут сами Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень Убогий труженик дробит,

А из-под молота летит И брызжет сам собою пламень!..

П о в т

Ты кончил? чуть я не уснул.

Куда нам до таких воззрений!

Ты слишком далеко шагнул.

Учить других — погребен гений, Потребна сильная душа,

А мы с своей душой ленивой, Самолюбивой и пугливой,

Не стоим медного гроша.

Спеша известности добиться,

619

Боимся мы с дороги сбиться И тролкой торною идем,

А если в сторону свернем — Готовься хоть бежать со света!..

Куда жалка ты, роль поэта! Блажен безмолвный гражданин: Он, музам чуждый с колыбели, Своих поступков господин,

Ведет их к благородной цели,

И труд его успешен, спор...

Г р а ж д а н и н

Не очень лестный приговор.

Но твой ли он? тобой ли сказан? Ты мог бы правильней судить: Поэтом можешь ты не быть,

Но гражданином быть обязан.

А что такое гражданин? Отечества достойный сын. —

Ах, где же он? Кто не сенатор,

Не сочинитель, не герой.

Не предводитель, не плантатор, Кто гражданин страны родной? Где ты? откликнись! Нет ответа. И даже чужд душе поэта Его могучий идеал!

Но если есть он между нами, Какими плачет он слезами!!.. Ему тяжелый жребий пал,

Но доли лучшей он не просит:

Он как свои на теле носит Все язвы родины своей.

Гроза шумит и к бездне гонит Надежды шаткую ладью,

Поэт клянет, или хоть стонет,

А гражданин молчит и клонит Покорно голову свою;

Когда же... но молчу. Хоть мало,

И в наши дни судьба являла Достойных граждан: знаешь ты Их участь— преклони колени! Лентяй! смешны твои мечты И легкомысленные пени;

В твоем сравненьи смыслу нет.

Вот слово правды беспристрастной: Блажен болтающий поэт И жалок гражданин безгласной.

П о в т

Немудрено того добить,

Кого уж добивать не надо.

Ты прав: поэту легче жить –

В правдивом слове есть отрада.

Но был ли я причастен ей?

Ах, в годы юности моей Печальной, бескорыстной, трудной, 620

Короче: очень безрассудной –

Куда ретив был мой Пегас!

Не розы – я вплетал крапиву В его размашистую гриву И гордо покидал Парнас; без отвращенья, без боязни Я шел в тюрьму и к месту казни;

В суды, в больницы я входил.

Не повторю, что там я видел...

Клянусь, я честно ненавидел, Клянусь, я искренно любил!

И что ж?.. мои послышав звуки,

Что было делать? Безрассудно Винить людей, винить судьбу...

Когда б я видел хоть борьбу. Бороться стал бы, как ни трудно,

Но... впрочем, главная беда:

Я молод, молод был тогда!

Лукаво жизнь вперед манила,

Как моря вольные струи,

И ласково любовь сулила Мне блага лучшие свои –

Душа пугливо отступила...

Но сколько б ни было причин,

Я горькой правды не скрываю И робко голову склоняю При слове: честный гражданин.

Тот роковой, напрасный пламень Доныне сожигает грудь,

И рад я, если кто-нибудь В меня с презреньем бросит камень. Бедняк! и из чего попрал Ты долг священный человека?

Какую подать с жизни взял,

Ты – сын больной больного века?.. Когда бы знали жизнь мою,

Мою любовь, мои волненья...

Угрюм и полон озлобленья У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной Та песня первая была!

Склонила Муза лик печальной И, тихо зарыдав, ушла.

С тех пор не часты были встречи: Украдкой, бледная, придет И шепчет пламенные речи И песни гордые поет.

Зовет то в города, то в степи, Заветным умыслом полна;

Н о.....

И мигом скроется о-на.

Не вовсе я ее чуждался,

Но как боялся! как боялся1 Когда мой ближний утопал В волнах существенного горя – 621

То гром небес, то ярость моря Я добродушно воспевал.

Вйчуя маленьких воришек Для удовольствия больших, Дивил я дерзостью мальчишек И похвалой гордился их.

Под игогм лет душа погнулась, Остыла ко всему она,

И Муза вовсе отвернулась, Презренья горького полна. Теперь напрасно к ней взываю – Увы1 сокрылась навсегда,

Как свет, я' сам ее не знаю

И не узнаю - никогда.

О, Муза1 гостьею случайной Являлась ты душе моей,

Иль песен дар необычайной Судьба предназначала ей?

Увы!кто знает?рок суровый Все скрыл в глубокой темноте.

Но шел один венок терновый К твоей угрюмой красоте,..

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

I

У бурмистра Власа бабушка Ненила Починить избенку леса попросила; Отвечал: нёт лесу, и не жди – не будет! «Вот приедет барин – барин нас рассудит, Барин сам увидит, что плоха избушка,

И велит дать лесу» – думает старушка.

II

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,

У крестьян землицы косячек изрядный Оттягал, отрезал плутовским мане ром – «Вот приедет барин: будет землемерам!» Думают крестьяне: «скажет барин слово–] И землицу нашу отдадут нам снова I»

III

Полюбил Наташу хлебопашец вольный;

Да перечит девке немец сердобольный, Главный управитель. «Погодим, Игната,

Вот приедет барин!» говорит Наташа. Малые, большие. – дело чуть за спором –

«Вот приедет барин!» повторяют хором...

IV

Умерла Ненила; на чужой землице

У соседа-плута – урожай сторицей;

Прежние парнишки ходят бородаты,

622

Хлебопашец вольный угодил в солдаты,

И сама Наташа свадьбой уж не бредит...

Барина все нету... барин все не едет!..

V

Наконец однажды середи дороги Шестернею цугом показались дроги:

На дрогах высоких гроб стоит дубовый,

А в гробу-то барин; а за гробом – новый.

Старого отпели, новый слезы выте р,

Сел в свою карету – и уехал в Питер.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французскою: Trois mois dans la Pairie. Essais de Poesie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au developpement _ des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat,

Par un Russe; comte de Garansky. 8 vol. in –4°. Paris. 1836.)

Я путешествовал недурно: русский край •

Оригинальности имеет отпечаток;

Не то, чтоб в деревнях трактиры были – рай.

Не то, чтоб в городах писцы не брали взяток, –

Природа нравится громадностью своей.

Такой громадности не встретите нигде вы:

Пространство широко раскинутых степей-Лугами здесь зовут ; начнутся ли посевы –

Не ждите им конца I Подобно островам Зеленые леса и серые селенья Пестрят ровнину их, и любо видеть вам .

Картину сельского обычного движенья...

Подобно муравью трудолюбив мужик; .

Ни грубости их рук, ни лицам загорелым Я больше не дивлюсь: я видеть их привык В работах полевых чуть не по суткам целым.

Не только мужики здесь преданы труду,

Но даже дети их, беременные бабы,

Все терпят общую, по их словам, «страду»,

И грустно видеть, как иные бледны, слабы!

Я думаю, земель избыток и лесов Способствует к труду всегдашней их охоте;

Но должно б вразумлять корыстных мужиков,

Что изнурительно излишество в работе.

Не такова ли цель – в немецких сюртуках Особенных фигур, бродящих между ними-1

.....Какие реки здесь!

Какие здесь леса! Пейзаж природы русской Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь С', природы рейнской, не только что с французской! Во Франции провел я молодость свою;

Пред ней, как говорят в стихах, все клонит выю,

Но все ж по совести и громко признаю,

Что я не ожидал найти такой Россию!

623

Природа не дурна: в том отдаю ей честь,–

Я славно ел и спал, подьячим не дал штрафа...

Да, средство странствовать и по России есть –

С французской кухнею и с русским титлом графа!

Но только худо то, что каждый здесь мужик Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть Безбожно возмущал; одну и ту же повесть Бормочет каждому лукавый их язык:

Помещик не живет, а немец-управитель

Непьющий человек, н о.....

Ужели господа в России таковы?

Я к многим заезжал: иные, точно, грубы • –

Муж ты своей жене, жена супругу вы,

Но есть премилые: прилично убран дом,

У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,

Хозяин с Францией и с Англией знаком,

Хозяйка не заснет без модного романа;

Ну все как водится у развитых людей,

Которые глядят прилично на предметы И вряд ли мужиков трактуют, как свиней...

Я также наблюдал – в окно моей кареты –

И быт крестьянина: он нищеты далек!

По собственным моим владеньям проезжая,

Созвал я мужиков; составили кружок И гаркнули: «ура!» С балкона наблюдая,

Спросил: «довольны ли?..» кричат: «довольны всем!» – И управителем? – «Довольны...» О работах Я с ними говорил, поил их – и затем,

Бекаса подстрелив в наследственных болотах,

Поехал далее... Я мало с ними был,

Но видел, что мужик свободно ел и пил.

Плясал и песни пел; а немец-управитель Казался между них отец и покровитель...

Чего же им еще?.. А если, точно, есть

Любители.....

Которые, забыв гуманность, долг и честь,

Пятнают родину и русское дворянство –

Чего же медлишь ты, сатиры грозный бич?..

Я книги русские перебирал все лето:

Пустейшая мораль, напыщенная дичь –

И лучшие темны, как стертая монета!

Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?

Правительство казнит открытого злодея,

Сатира действует и шире и смелей,

Как пуля находить виновного умея.

Сатире уж не раз обязана была Европа (кажется, отчасти и Россия)

Услугой важною.....

62 <

С И З № 12 «СОВРЕМЕННИКА)»

Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения.

С портретом А. С. Пушкина. СПБ. 1856 *.

Детей обыкновенно хвалят, но хвалят более по привычке, по какой-то нежной лести, нежели по ясному убеждению в их доброте, уме и других хвалимых качествах. В самом деле, мы не всегда умеем ценить по достоинству, например, ум детей, – по крайней мере, мы вообще слишком мало доверяем ему, – мы или мучим его затверживанием сухих правил и мертвых слов, смысла которых не объясняем детям, «потому что они еще дети, не поймут они этого», или, когда хотим доставить им приятное чтение, болтаем с ними о таких вещах и таким языком, что умное дитя тотчас же заметит в наших словах приторное ребячество и будет подсмеиваться над этим неловким и скучным ребячеством. Мы

думаем, что детский рассудок слаб, что детский ум непроницателен; о, нет, напротив, он только неопытен, но, поверьте, очень остер и проницателен. Ведь научается же двенадцатилетний мальчик понимать алгебраические отвлеченности, которые и взрослому не всякому объяснишь. Если детский ум в состоянии понять квадратные уравнения, бесконечные дроби, ньютонов бином, то можно ли сомневаться в том, что он поймет такие живые, объясняемые наглядными примерами понятия, как, например, поэзия, литература, поэт, и т. д.? Ведь согласитесь, что из нас, взрослых людей, найдется вдесятеро больше имеющих сносное понятие о поэзии, искусстве, нежели имеющих хотя какое-нибудь понятие о неполных квадратных уравнениях? Стало быть, первые понятия гораздо легче охватываются пониманием, нежели последние. Да, нужно только умеючи приняться за дело, и с детьми можно говорить и об истории, и о нравственных науках, и о литературе, так что они будут не только узнавать мертвые факты, но и понимать смысл, связь их. В этом отношении мы вообще недовольны книгами для детского чтения: они слишком – извините за выражение – оскорбляют детей недоверчивостью к их уму, отсутствием мысли, приторными сентенциями. К чему эта преднамеренная пустота, преднамеренное идиотство? Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только

объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми, и умел говорить человеческим языком. С этой стороны, мы довольны книжкою, заглавие которой выписали. Надобно детям узнать, кто был Пушкин и что он писал. Да почему же надобно знать это? Потому, что он был великий поэт, — и книжка объясняет своим читателям, что такое просвещение, литература, поэзия, поэт, великий человек, и объясняет эти понятия в их настоящем смысле, нисколько не искажая их, и посмотрите, как доступно уму двенадцатилетнего

ребенка это объяснение таких возвышенных предметов:

40 Н. Г. Чернышевский, т. III 625

«Пушкин — великий поэт», говорит каждый из нас, и эти слова так важны, что надобно постараться как можно лучше вникнуть $ смысл их и объяснить их: что такое значит «великий поэт»? почему великие поэты пользуются общим глубоким уважением? и почему Пушкина все считают великим поэтом?

Объяснив себе это, мы увидим, как необходимо каждому из нас ближе познакомиться с жизнью Пушкина и его сочинениями.

Не нужно доказывать, что образование — самое великое благо для человека. Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить рассказы путешественников о дикарях. Краснокожие индейцы жили и отчасти еще живут в тех же самых землях, которые заняты теперь Северо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всем необходимом для жизни, и многочисленными, богатыми, имеющими все в изобилии северо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что северо-американцы — народ образованный, а краснокожие туземцы — дикари. Другой пример, более близкий к нам: Россия теперь государство могущественное и богатое, потому что русские, благодаря Петру Великому, стали народом образованным; а всего только пятьсот лет тому назад русские были угнетаемы и разоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

Но не довольно того, что просвещение приносит народу и благосостояние, и могущество: оно доставляет человеку такое душевное наслаждение, с которым ничто не может сравниться. Каждый образованный человек чувствует вто и всегда скажет, что без образования жизнь его была бы очень скучна и жалка.

Теперь будет совершенно ясно, как важна для всеобщего блага литература, если мы скажем, что из всех средств для распространения образованности самое сильное — литература. Народ, у которого нет литературы, груб и невежественен; чем более усиливается и совершенствуется, или, как принято говорить, развивается литература, тем образованнее и лучше становится народ.

Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык «мыслить», и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, то есть приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества — обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств — необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова. У кого мало познаний, тот невежда; у кого ум не привык мыслить, тот груб или тупоумен; у кого нет благородных чувств, тот человек дурной.

В детстве, в первую пору молодости, человек учится в школах; уроки наставников имеют ту цель, чтобы сделать юношу образованным человеком. Но когда он выходит из школы, перестает учиться, его образование поддерживается и совершенствуется чтением, то есть, вместо прежних наставников, которых слушал мальчик и юноша, взрослый человек имеет одну наставницу — литературу.

Чтоб исполнить, как должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образования, литература, как мы уже знаем,' должна давать ему различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать п нем любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до некоторой степени исполняет все ати условия; но некоторые книги имеют главною своею целью сообщить уму читателя различные познания — это книги, принадлежащие к так называемой ученой литературе, например, сочинения по истории, по естественным наукам и пр.; другие книги пишутся с тем намерением, чтобы действовать главным образом на

воображение и сердце читателя, возбуждая в нем сочувствие к доброму и нрекрас-бному, – это книги, принадлежащие к так называемой изящной литературе.

Между полезными действиями, какие производят на читателя книги того И другого рода, есть очень много общего; особенно сходны все хорошие книги в том, что непременно возбуждают в читателе желание думать о том, что справедлиоо, прекрасно и полезно для людей. Сходны они между собою и в том, что хорошая ученая книга, действуя более всего на ум, действует также и на сердце; а произведения изящной литературы, преимущественно обращаясь к сердцу читателя, в то же самое время не остаются бесполезны и для его ума, которому сообщают верные понятия о человеческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень резко отличается от ученой. Одну сторону этого различия мы уже знаем: главная цель ученых сочинений, как мы сказали, та, чтобы сообщать точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности – в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства. Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом деле существующие или существовавшие; а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частию создаются воображением самого писателе- Коротко можно выразить это различие в следующих словах: ученое сочинение рассказывает, что именно было или есть, а произведение изящной литературы рассказывает, как всегда или обыкновенно бывает на свете. Довольно нам и этих двух замечаний, чтобы видеть, до какой степени изящная литература различна от ученой, хотя есть у них и много общего. Можно теперь спросить: которая же из двух отраслей литературы важнее? которая больше приносит пользы людям? которая больше содействует распространению и усовершенствованию просвещения? На это образованный человек будет отвечать: обе они равно важны, равно полезны людям. Ученая литература спасает людей от невежества, а изящная – от грубости и

пошлости; то и другое дело одинаково благотворны и необходимы для истинного просвещения и для счастия людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошие писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймем, какой высокий смысл заключается в этом слове. Поэты – руководители людей к благородному понятию о жизни и к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее *.

И если Пушкин, в самом деле, великий поэт, то нельзя не согласиться, что он один из тех людей, которые сделали наиболее добра своим соотечественникам, один из тех людей, которых каждый русский наиболее обязан уважать и любить.

Интересно предисловие этой книги, заключающее в себе мысль, очень оригинальную и, по нашему мнению, верную.

В настоящей книге взрослый читатель не найдет для себя ничего нового о Пушкине. Ее цель – служить для юношества началом знакомства с вели* Прежде называли поэтами только стихотворцев, а поэзиею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведениями должно называть все хорошие сочинения по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны или прозою. Впрочем, до сих пор «поэтами» называют в особенности тех писателей, у которых особенно много или воображения, или задушевной теплоты; те произведения изящной словесности, в которых холодный рассудок преобладает над воображением и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими». (Примечание автора.)

40* 627

ким русским поэтом. С этой целью в ней рассказана а) жизнь поэта, по существующим ныне печатным материалам, при чем составитель отдавал предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представлен краткий очерк произведений

Пушкина и в) помещено в «Приложении» несколько мелких стихотворений и отрывков из поэм Пушкина, выбранных, разумеется, согласно назначению книги.

Таким образом составленная книга о Пушкине, по нашему мнению, может служить полезным и занимательным чтением русского юношества как мужеского, так и женского полов.

Из всего вышесказанного видно, что издатель имел в виду детей.

И, однако ж, книга не названа детскою. Это сделано не без намерения.

Кто потрудится перенестись мыслию к собственному детству и отрочеству, тот, верно, вспомнит, как в то время хотелось ему казаться большим и как отталкивало его одно название детский. Нам случалось видеть детей, особенно в поре перехода к отрочеству, которые именно поэтому не читали хороших книг, тогда как с жадностию бросались на книги сомнительного достоинства, лишь бы на них не стояло: для детей.

Итак, мы думаем, что родители и наставники, которые, приобретя нашу книгу, вырвут из нее этот листок прежде, чем отдадут ее в руки своим питомцам, поступят весьма благоразумно: они придадут ей в глазах своих питомцев двойной интерес.

Портрет Пушкина, приложенный к книжке, гравирован на стали в Лондоне. Внешний вид книжки можно назвать изящным.

Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Том IV.

СПБ. 1855.

Успех «Легкого чтения» возрастает с изданием каждого нового тома, как и надобно было ожидать. Нет сомнения, что вышедший теперь четве ртый том будет сильно соде йствовать дал ьне йшему увеличению успеха сборника, предпринятого г. Давыдовым; за то ручается выбор пьес, вошедших в состав этой части «Легкого чтения». В ней заключаются: «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих», г. Даля; «Агарь», стихотворение г. Полонского;

«Десять дней в Севастополе», г. Берга; шесть стихотворений графа А. Толстого; «Где тонко, там и рвется», комедия г. Тургенева; «Портретист», повесть г. Станицкого; «Бобыль», рассказ г. Григоровича; восемь стихотворений г. Щербины; «Зюльма», рассказ г. Ковалевского.

В пятом томе, который, вероятно, не заставит долго ждать себя, обещаны: два стихотворения Пушкина (не вошедшие в издания его сочинений); «Неудавшаяся жизнь», повесть г. Григоровича; «Помещик», рассказ г. Тургенева; «Идеалист», повесть г. Станкевича; «Признания труженика», стихотворение Н ***; «Недосказанная фраза», рассказ г. П — ва; «Рыбная ловля», поэма г. Майкова; «Нянюшка», сцены г. Михайлова.

628

История России в рассказах Для детей. Сонине,нис Александры Ишимовой. Издание четвертое, исправленное и пополненное.

Три части. СПБ. 1856.

Известность этой книги так велика, что отзыв о новом ее издании может состоять только из простого извещения: каждый из наших читателей, вероятно, когда-нибудь имел в руках «Историю России» г-жи Ишимовой: кто не помнит, как хорошо соответствует .весь характер рассказа ее о событиях нашей родины эпиграфу книги, взятому из Жуковского:

О родина святая!

Какое сердце не дрожит,

Тебя благословляя!

О золоте и серебре. Сочинение Н. Тарасенко-Отрешкова.

Часть первая. СПБ. 1856.

Г. Тарасенко-Отрешков (камер-юнкер двора его величества императора всероссийского, статский советник, член императорского вольного Экономического общества, Московского общества

сельского хозяйства и общества Южной России, как означает он сам себя на заглавном листе книги) решился, по выражению Сумарокова, «своими трудами принести честь своему отечеству» пред лицом -всей Европы, и потому издал в Париже на французском диалекте первую часть своего сочинения «О золоте и сеоебре, происхождении их и ,пр., и пр.» – заглавие книги так же длинно, как и обозначение ее автора. (См. «Современник]», № 7, 'библиография.) Это похвально. Не желая обидеть и своих соотечественников, не знающих по-французски, он издал теперь ту же самую первую часть по-русски. Это еще похвальнее. Но всего похвальнее было б, если б он первую часть напечатал только по-французски, а вторую– только по-русски. Тогда, без всякого сомнения, все русские, восхищенные второю частью, выучились бы по-французски, чтобы прочитать первую, а все французы, очарованные первою частью, выучились бы по-русски, чтобы прочитать вторую.

ЗА М ЕТК И О Ж УРНАЛАХ Декабрь 1855 и январь 1856 года.

Читатели, без сомнения, ожидают от нас мнения о новом журнале, основание которого возбудило в публике надежду, что русская литература будет иметь одним хорошим периодическим изданием больше, нежели имела в предыдущие годы; и мы, конечно, замедлили бы исполнением своей обязанности перед читателями, если бы не поспешили отдать им отчет о впечатлении, которое произвели на публику первые книжки «Русского вестника». Составлять решительное мнение о характере нового издания по двум первым его нумерам было бы преждевременно. Этого еще не сделала публика, не будем делать и мы. Надобно дать журналу срок более продолжительный, нежели один месяц, чтобы совершенно установиться, вполне определительным образом выразить свое направление, показать, какими силами он обладает в своих постоянных сотрудниках, чем хочет и чем. может быть. Это отсрочка, всегда справедливая, тем необходимее в настоящем случае, что первые книжки «Русского вестника» не содержат статей, которые могли бы назваться прокламациями принципов и надежд журнала.

Начнем с внешности. Формат журнала, близкий к формату «Отечественных записок» и «Современника», красив; бумага хороша; шрифт так называемый «тонкий». Вообще, наружность журнала недурна.

Программу «Русского вестника» читатели знают по объявлениям, и нам нет нужды повторять ее здесь. Журнал считает у себя два отдела: в первом, не имеющем особенного названия, совмещаются беллетристика, большие статьи ученого и критического содержания. Второй отдел, под именем «Современной летописи», содержит «политическое» и «учено-литературное» обозрение и «театральные заметки». Третьим отделом можно считать «Приложение», определенное для перевода иностранных романов. Первая книжка, очень выгодным для журнала образом, открывается неизданным отрывком из IX главы первого тома 630

«Мертвых душ». Это первоначальная редакция рассказов о расспросах со стороны чиновников города N у Коробочки и Соба-кевича относительно загадочной личности и намерений Чичикова. Сами по себе, страницы этого отрывка своим достоинством не совершенно соответствуют другим страницам поэмы, и Гоголь, с своим тонким вкусом, вероятно, заметил, что довольно подробные сцены, первоначально им написанные, содержат как бы повторение тех положений и описаний, которые уже даны читателю в предыдущих главах, и потому значительно сократил этот эпизод в окончательной редакции (стр. 372–374 нового издания), отбросив все черты, уже достаточно раскрытые в других сценах. Сравнение отброшенного автором и напечатанного ныне отрывка с соответствующими местами «Мертвых душ» интересно для того, кто хочет удостовериться, как строг сделался Гоголь к себе после издания «Ревизора».

Замечательна также именем своего автора статья, которою открывается вторая книжка: это – «Об Океании и ее жителях», покойного Т. Н. Грановского, – лекция, записанная с его слов в 1852 году и поправленная автором. После прекрасных и в высокой степени справедливых воспоминаний о Грановском, написанных многими из ближайших друзей его, нам нет нужды говорить о том, какое сильное и благодетельное влияние имел Грановский на нашу литературу, на утверждение любви

ко всему доброму и прекрасному во всех, кто знал его; а большая часть тех молодых ученых и литераторов, имена которых мы все произносим с уважением, принадлежала к этому числу. Нет надобности говорить, как много содействовали его лекции развитию нескольких поколений воспитанников Московского университета, славою и гордосгию которого был он в последнее время, хотя желал быть только полезным, отказавшись от славы. Он знал, что ученая слава у нас, еще так мало привыкших отличать ученость от гелертерства, скорее всего достигается выказыванием мелочных сведений и сухого пристрастия к мелочным вопросам. Но он слишком горячо любил науку и литературу, слишком ревностно стремился быть истинно полезным нашему просвещению и обществу, чтобы заботиться лично о себе. Он слишком живо сознавал, что у нас нужнее двигатели просвещения, любви к благу и истине, посредники между наукою и нами, нежели люди, обращающие свои силы преимущественно на разработку второстепенных вопросов науки, и не хотел

своей личной ученой славе принесть того, к чему чувствовал при-

щее время. Но добрая слава пришла к нему и дала ему, скромному, самоотверженному подвижнику добра, одно из первых мест в истории русского просвещения во второй четверти X IX века.

С этой точки зрения, объясняющей всю деятельность Г ранов-ского, надобно смотреть и на немногочисленные сочинения, им изданные. Они – отрывки из его лекций или разговор с друзьями, (531

и сохраняют характер, который имели его лекции, то есть характер истинной, высокой учености, без тех внекнних, формалистических прикрас гелертерства, которые, будучи вредными для публики по своей утомительности, смешны и жалки для истинно ученых ценителей по своей научной малоценности или плоскости, но кажутся важны и ослепительны для полу-ученых дилетантов и бездарных гелертеров. Но публика оценила по достоинству свежесть мысли и увлекательность изложения в статьях Грановского, и истинно ученые люди видели в них высокую самостоятельность и верность основных воззрений, полную соответственность обширного и глубокого знания с самыми строгими требованиями истинно ученой критики, которым могут удовлетворять знаниями своими лишь немногие люди, стоящие во главе науки. Они знают, что если бы Грановский был французом или англичанином, то мог бы стоять наряду с первыми современными историками. Но он был русский и сознательно действовал в духе своего положения, сообразно потребностям своей родины. Во Франции Грановский был бы Огюстеном Тьерри; на кафедре русского университета Огюстен Тьерри был бы Грановским.

«Русский вестник», основание которого тесно связано с воспоминаниями о Грановском, исполняет свою прямую обязанность, обещаясь сообщать публике «выдержки из его лекций, записан-

ных его слушателями», и чем полней сдержит он это обещание, тем более заслужит признательности от публики. Желаем видеть в нем десятки тех лекций, первою из которых является «Чтение об Океании и ее жителях». Это сжатое, быстрое, чрезвычайно популярное по изложению, но глубокое по научному достоинству обозрение результатов научных исследований о происхождении, истории быта океанийских островитян до прибытия европейцев, их положении в то время, влиянии, которое имеет на них соприкосновение с европейцами. Тут нет щегольства ученостью; но, читая каждую страницу, вы чувствуете, что она плод глубокого изучения, что автором прочитаны сотни книг по этому предмету, соображены и приведены к истинному значению тысячи фактов, десятки мнений, и все подчинено мысли проницательной и самостоятельной. И следствие всего этого сообщение читателю взгляда на предмет столь же простого, как и глубокомысленного, столь же нового, как и справедливого, и возведение частного вопроса о судьбе Океании к общему вопросу о цивилизации. Если бы подобных статей являлось у нас больше, быстро подвигалась бы вперед наша образованность.

Кроме комедии г. Островского, о которой мы будем подробнее говорить впоследствии, помещена в «Русском вестнике» довольно большая повесть г-жи Евгении Тур: «Старушка». Она может иметь свои недостатки, но не принадлежит к числу слабейших произведений этой писательницы, хотя не идет в разряд с первыми и лучшими. В приложении переводится английский роман «Не-632

вестка». Упомянем в нескольких словах и об ученых статьях «Русского вестника». «Древняя Русь» г. Соловьева излагает общий взгляд ученого исследователя на весь

исторический ход развития общественной и умственной жизни русского народа. Это — хоро-

чинений. Первая статья г. Кудрявцева о «Карле V» читается с пользою и удовольствием. Г. Кудрявцев имеет предметом объяснить русским читателям странную решимость Карла V оставить престол и рассказать последние годы его жизни, проведенные в монастыре,—факты, поразительные своею загадочною оригинальностью и удовлетворительно объясненные только в последнее время изданием новых актов и, по поводу их, нескольких хороших монографий. Мы уверены, что и следующие статьи будут так же хороши, как первая. Две статьи г. Каткова «О Пушкине», пови-димому, составляют введение к очень полному разбору творений Пушкина. Надобно ожидать дальнейшего развития мнений автора, чтобы точным образом характеризовать дух этих статей. —

С большим удовольствием увидели мы во второй книжке перевод статьи Маколея о войне за наследство испанского престола. Говоря о достоинствах Маколея, одного из первых между современными историками, значило бы говорить то, в чем убежден каждый читатель.

Из четырех помещенных в № 2 стихотворений нам понравились пьесы г. Н. Огарева «Первая любовь» и «Кокетке». Публике, вероятно, приятно встретиться с поэтом, который так мало печатал в последние годы. Из остальных стихотворений одно принадлежит г. К. Аксакову, другое г. М. Дмитриеву.

«Политическое обозрение», без сомнения, будет иметь интерес для многих читателей «Русского вестника».

«Учено-литературное обозрение» будет, повидимому, вместе с известиями о различных новых открытиях, постоянно содержать отчеты о замечательных русских книгах и по некоторым отраслям знания будет иметь сотрудниками известных специалистов. Так, в первой книжке находим довольно большой и связный обзор но-

вейших трудов по части прежней археологии, написанный г. Леонтьевым; по русской археологии и в той и в другой книжках подобные же обзоры, написанные г. Буслаевым. Если с несомненною основательностью таких статей будет постоянно соединяться осторожность говорить тол ько о п редметах обще интересных, избе гая мелочей, занимающих только немногих читателей, этот отдел, конечно, будет увеличивать достоинство журнала.

Простимся на время с новым нашим сотоварищем по литературе, повторяя высказанное уже нами при первом известии о нем желание ему успеха и с удовольствием прибавляя, что, по всей вероятности, успех его будет и оправдан и упрочен его благородным направлением и литературными достоинствами.

633

Февраль 1856 года.

«Московитянин», долго медливший объявлением о том, что будет продолжаться в следующем году, порадовал нас, известив своих читателей, что не намерен прекращать своего существования, бывшего и остающегося не бесполезным для русской литературы. Вместе с объявлением о предполагаемом продолжении своего журнала в наступившем году, г. Погодин выдал 19 и 20 нумера (в одной книжке) его за прошедший год. Кроме «Крымских писем» г. Берга и двух сцен из «Мессинской невесты» Шиллера, переведенных г. Ф. Миллером, заметим в этой (октябрьской) книжке «Москвитянина» интересную статью г. Костомарова:

«Иван Свирговский, украинский гетман X VI века». Впрочем, мы заговорили об октябрьском двойном нумере «Москвитянина» не ради этих статей, а потому, что г. Погодин обогатил его истинною драгоценностью для каждого интересующегося русскою литературою: письмами, полученными им от Гоголя с 1832 по 1840 год.

Из корреспонденции Гоголя, вообще интересной, не было еще об-

народовано ничего столь важного, как эти письма. Они чрезвычайно во многом поясняют нам и обстоятельства жизни, и самый характер Гоголя, и по справедливости должны быть причислены к самым капитальным материалам для его биографии, даже для составления верного взгляда на некоторые места его

сочинений, до сих пор остающиеся загадочными. Здесь не место вдаваться в отрывочные замечания и мелочные исследования. Скажем только два-три слова о впечатлении, которое производят эти письма, и поспешим поделиться с читателем любопытнейшими отрывками. Мы всегда были того мнения, что Гоголь, казавшийся большинству людей, видевших его в обществе, человеком сухим и т. п., был наделен натурою кипучею, пламенною. Только из такой натуры могли родиться его творения. В письмах, ныне напечатанных, все дышит движением, порывом, все горит огнем. Этого убеждения довольно, чтобы понять если не все, то почти все странности в его поступках, поражавшие многих до того, что иные хотели приписывать их болезни, другие – какому-то эгоистическому расчету. Последнее предположение, признаемся, всегда возмущало нас, как несообразное ни с понятием о впечатлительности характера, без которой невозможно жизненное направление, ни с высоким благородством души, без которого также невозможно было бы создать «Ревизора» и «Мертвые души». Кто неспособен понимать, что такое страстная натура, тот никогда не поймет Гоголя. Впрочем, для него это и не будет горем, потому что и творения Гоголя для такого человека – книга с семью печатями, а имя автора этой книги–пустой звук. При страстной натуре неизбежны увлечения и ошибки; но и в самых увлечениях отчасти она чиста и в самых ошибках возвышенна и симпатична. Раннею мечтою Гоголя была жажда славы, и жажда, не утолявшаяся не только достижением

посредственного успеха, – нет, не удовлетворявшаяся никаким успехом. Люди с мелочным самолюбием не поймут этого, но без неутолимости, ненасытности жажды нет истинной жажды славы.

Такое славолюбие дается самою натурою: его не сообщат ни похвалы, ни успехи, если оно не пожирало душу раньше всяких похвал и успехов. Гоголь был одарен этим орлиным стремлением к неизмеримой высоте: ему все казалось мало и низко, чего достигал он или что создавал он. Кого из мелких людей, кого даже из очень даровитых юношей не удовлетворил бы громадный успех первого произведения, какой имели «Вечера на хуторе») Кто не порадовался бы на свое первое произведение, удостоившееся столь громких похвал от «великого» Пушкина? Гоголь, двадцатитрехлетний юноша, писал в 1833 году:

Вы спрашиваете об Вечерах Диканьских. Чорт с ними! я не издаю их.

И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, – но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих вечеров, и вы только напомнили мне об этом. Впрочем, Смирдин отпечатал полтораста экземпляров 1-ой части, потому что второй у него не покупали без первой.

Я и рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности, покамест что -нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется, великое не выдумывается. Пожалейте обо мне и пожелайте мне!

Обнимая и целуя вас, остаюсь ваш Гоголь.

Февраля 20-то

Я не знаю, отчего на меня нашла тоска. Корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание. Как-то не так теперь работается! Не с тем вдохновенно полным наслаждением царапает перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу из Истории, уже вижу собственные недостатки. То жалею, что не взял шире, огромней объему. То вдруг зиждется совершенно

новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один друг. Но не могу, не в силах. Чорт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется наружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на-днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради; и сколько злости, смеху, соли!.. Но вдруг остановился.»

А что из того, когда пьеса не будет играться. Драма живет только на сцене.

Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу не конченное произведение? — Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный... Но что комедия без правды и злости? И так за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена, шумит аплодисмент; рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — История к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей.

Укажите мне человека с такою жаждою совершенства, и я вам скажу: он или не создаст ничего, или создаст нечто великое, он 635

иди Тантал, или Прометей. Через пять лет, он, уже творец «Ревизора», говорил:

1838 г. Август 20. Неаполь.

У меня забилось сердце, когда я прочитал твою записку, где ты говоришь, что будущею весною будешь в Италии. И так мы увидимся. Обнимемся может быть еще раз. Благодарю тебя за это. О себе ничего не могу (сказать) слишком утешительного. Увы, "Здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О друг! если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому.., Много думал я совершить... Еще доныне голова моя полна, а силы, силы — но бог милостив. Он верно продлит дни мои. Сижу над трудом, о котором ты уже знаешь, я писал к тебе о нем, но работа моя вяла, нет той живости. Недуг, для которого я уехал, и который было казалось облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморои -дальная болезнь вся обратилась на желудок. Эта несносная болезнь. Она меня сушит. Она говорит мне о себе каждую минуту и мешает мне заниматься. Но я веду свою работу, и она будет кончена, но другие, другие...

О друг! какие существуют великие сюжеты. Пожалей о мне! — Но я с тобою увижусь. Я к тебе теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты был так добр, что предлагал мне сделать заем, если я нуждаюсь.— Мне не хотелось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведен до того. Если ты богат, пришли вексель на 2000. Я тебе через год, много через полтора, их возвращу. Сочинение мое велико, у нас же товар продается по величине, и потому я думаю за него получить столько, что в состоянии буду заплатить этот (долг) в конце ovivigero года. Мои обстоятельства денежные плохи, и все мои родные терпят то же, но чорт побери деньги, если бы здоровье только; год как-нибудь смогу, с помощью твоей... как-нибудь проплетется.

Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо к римскому банкиру Валентини на его имя, еще лучше кредитивным письмом, и письма ко мне адресуй тоже банкиру Валентини в Рим.

1838 г. Декабрь 1. Рим.

Я получил твое письмо, милый мой, писанное тобою от сентября на имя Валентини вместе с секундами векселей.

Благодарю тебя, добрый мой, верный мой! Много, много благодарю тебя. Далеко, до'самой глубины души тронуло меня ваше беспокойство о мне! Сколько любви, сколько забот! З а что это меня так любит бог? Но грустно вместе с этим мне было видеть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать...

Боже! я не достоин такой прекрасной любви. Ничего не сделал я! Как

беден мой талант! Зачем мне не дано здоровье? Громоздилось кое -что в этой голове и душе, и неужели мне не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь: я плохо надеюсь на свое здоровье. Но в сторону об этом. Мне было очень грустно узнать из письма твоего, что ты живешь не без неприятностей и огорчений... Литературные разные пакости и особливо теперь, когда нет тех, на коих почиет надежда, в состоянии навести большую грусть, даже может быть отравить торжественные и вдохновенные минуты души. Ничего не могу сказать тебе в утешение. Битву, как ты сам знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооружен одною только шпагой, защитницей чести, против тех, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться в руках буянов. Но мы можем, как первые христиане в катакомбах и затворах, совершать наши творения.

Удивительно ли, если подобный человек, всегда считавший созданное им ничтожным сравнительно с тем, что думал еще создать в будущем, назвал, в минуту скорби, всю свою деятельность чем-то ничтожным и неудачным? Кто не носил в своей груди 636

смертельной тоски совершенства, тот не совершит ничего колоссального, по крайней мере на поэтическом поприще. И какою грустною, какою страшною обстановкою окружены у Гоголя эти высокие помыслы: изнурительная, не дающая даже мысли покоя и силы болезнь, и нищета... вечная нищета, и, быть может, убийственнее всего, вражда от тех, кого любил, для избавления которых от пошлости и низости страдал qh душою, и необходимость бежать от этой вражды, и страстная дума на чужбине о милой родине.

Мая 10-го 1836 г. СПБ.

После разных волнений, досад и прочего, мысли мои так рассеяны, что я не в силах собрать их в стройность и порядок. Я хотел было ехать непременно в Москву и с тобой наговориться вдоволь. Но не так сделалось. Чувствую, что теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов, должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне. Что против меня уже решительно восстали теперь все сословия, я не смущаюсь этим, но как-то тягостно, грустно, когда видишь против себя несправедливо восстановленных своих же соотечественников, которых от души любишь. Когда видишь, как ложно, в каком неверном виде ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило. Что сказано верно и живо, то уже кажется пасквилем. Выведи на сцену двух -трех плутов, тысяча честных людей сердится, говорит: мы не плуты. Но бог с ними. Я не от того еду за границу, чтоб не умел перенести этих неудовольствий. Мне хочется поправиться в своем здоровье, рассеяться, развлечься и потом, избравши несколько постояннее пребывание, обдумать хорошенько труды будущие. Пора уже мне творить с большим размышлением.

Мая 15. СПБ.

Я получил письмо твое. Приглашение твое убедительно. Но никаким образом не могу. Нужно захватить время пользования на водах. Лучше пусть приеду к вам в Москву обновленный и освеженный. Приехавши, я проживу с тобою долго, потому что не имею никаких должностных уз, и не намерен жить постоянно в Петербурге. Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне эно всеобщее невежество, грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и оплеванного писателя действует на них же самих, и их же водит за нос. Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Он зажигатель, он бунтовщик!» н кто же это

говорит? Это говорят люди опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтобы понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными, и которых свет, по крайней мере русский свет, называет образованными. Выведены на сцену плуты, и все в ожесточении, зачем выводить на сцену плутов. Пусть сердятся плуты, но сердятся те, которых я не знал вовсе за плутов. Прискорбна мне эта невежественная раздражительность, признак глубокого, упорного невежества. Столица щекотливо оскорбляется тем, что выведены нравы шести чиновников провинциальных, что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ее собственные нравы. Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы: меня заботит моя печальная будущность. Провинция уже слабо 637

рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны. Но жизнь петербургская ярка перед моими глазами, краски ее живы и резки в моей памяти. Малейшая черта ее — и как тогда заговорят мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвещенные с громким смехом и участием, то самое возмущает я$елчь невежества. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и верную черту — значит в переводе опозорить все сословие и вооружить против него других или его подчиненных. Рассмотри положение бедного автора, любящего между тем сильно свое отечество и своих же

соотечественников, и скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его? Москва больше расположена ко мне, но от чего? Не от того ли, что я живу в отдалении от ней, что портрет ее еще не был виден нигде у меня, что наконец... но не хочу на этот раз выводить все случаи. Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне. Прощай. Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения, и возвращусь к тебе верно освеженный и обновленный. Все что ни делалось со мною, все было спасительно для меня. Все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким

провидением на мое воспитание. И ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой. Он верно необходим для меня. Целую тебя несчетно. Пиши ко мне, еще успеешь.

Женева. Сентября 22/10.

Здравствуй, мой добрый друг! Как живешь? что делаешь? Скучаешь ли? веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да ленишься? Бог в помощь тебе, если занят делом. Пусть весело горит перед тобою свеча твоя!.. Мне жаль, слишком жаль, что я не видался с тобою перед отъездом. Много я отнял у себя приятных минут... Но на Руси есть така.» изрядная коллекция гадких рож, что невтерпеж мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню.

1840 г. Генваря 25 (в Москве).

О, выгони меня ради бога и всего святого вон в Рим, да отдохнет душа моя1 Скорее, скорее. Я погибну. Еще может быть возможно для меня освежение! Не может быть, чтобы я совсем умер, чтобы все возвышенное застыло в груди моей без вызова. Спаси меня и выгони вон скорее, хотя бы даже я сам просил тебя повременить и обождать.

Рим. Октября 17, 1840.

Со страхом я гляжу сам на себя. Я ехал бодрый и свежий на труд, на работу. Теперь... Боже! Столько пожертвований сделано для меня моими друзьями — когда я их выплачу! А я думал, что в этом году уже будет готова у меня вещь, которая за одним разом меня выкупит, снимет тяжести, которые лежат на моей бессовестной совести. Что передо мною впереди? Боже! Я не боюсь малого срока жизни, но я был уверен по такому свежему, доброму началу, что мне два года будет дано плодотворной жизни. И теперь от меня скрылась эта сладкая уверенность. Без надежды, без средств восстановить здоровье. Никаких известий из Петербурга: надеяться ли мне на место при Кривцове? По намерениям Кривцова, о которых я узнал здесь, мне нечего надеяться, потому что Кривцов искал на это место европейской знаменитости по части художеств. Он хотел иметь немца Шадова, директора

Дюссельдорфской академии художеств, которому тоже хотелось, а потом даже хотел предложить Овербеку... Но бог с ним, со всем этим. Я равнодушен теперь к этому. К чему мне это послужит. На квартиру, да на лекарство разве? на две вещи равные ничтожностью и бесполезностью. Если к ним не присоединится наконец третья, венчающая все, что влачится на свете.

Часто в теперешнем моем положении мне приходит вопрос: зачем я ездил в Россию? по крайней мере меньше лежало бы на моей совести. Но как 638

только я бспомню о моих сестрах, — нет, мой приезд не бесполезен был. Клянусь, я сделал мног<5 для моих сестер. Они после увидят это. Безумный, я думал, ехавши в Россию: ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего всякого рода родных плевел, теперь я обновлен, и все это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Все дурное изгладилось в моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих, и я в моем болезненном состоянии поминутно делаю упрек себе: зачем я ездил в Россию. Теперь не могу глядеть я ни на Колизей, ни на бессмертный купол, ни на воздух, ни на все, глядеть всеми глазами. Глаза мои видят другое, мысль моя развлечена. Она с вами. Боже! как тяжело мне писать эти строки. Я не в силах более. Прощай. Боже благослови тебя во всех предприятиях, и предоставь наконец тебе поле широкое, великое, без препятствий. Ты рожден и определен на

большое плаванье. Я хотел бы наскоро переписать куски из Ревизора, исключенные прежде, и другие переделанные, чтобы поскорей хотя его издать, и заплатить великодушному, как и ты, Сергею Тимофеевичу, и этого не мог сделать. Впрочем я соберу все силы и может быть на той же неделе управлюсь с этим. Я не имею никаких известий из Петербурга.

Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковский женится? Я не могу никак этому верить. Прощай. Целую тебя миллион раз1 Друг!

Обними Шевырева за меня несколько раз. Я бы писал к нему, но не в

силах. К Сергею Тимофеевичу] я бы тоже хотел писать... но что мне писать теперь. Я не в силах... Мне бы хотелось скрыть от моих друзей мое положение. — Письмо мое издери в куски: я храбрюсь всеми силами.

Говорят иные, будто у Гоголя было эгоистическое, неспособное привязываться сердце: скажите, такое ли убеждение внушают вам эти письма? Но вот еще письмо после получения вести о смерти Пушкина:

1837. Март 30. Рим.

Я получил письмо твое в Риме. Оно наполнено тем же, чем наполнены теперь все наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русский, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мие были все толки, я плевал на презренную чернь; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим.

Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему. И это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! Что труд мой? Что теперь жизнь моя?.. Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вечную участь поэтов на родине? Или ты нарочно сделал такое заключение после сильного тобой приведенного примера, чтобы сделать еще разительнее самый пример. Для чего я приеду? Не видал я разве дорогого сборища наших просвещенных невежд. Ты пишешь, что все эти люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были делать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что сам монарх (буди за то благословенно имя его) почтил талант. OI когда я вспомню наших судий, меценатов, ученых, умников... сердце мое содрогается при одной мысли. Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел 639

решиться. Или ты думаешь, мне ничего, что мои друзья, что вы, отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой,«нашей родной русской земли1 Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему. И наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства, предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить саоей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость... людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить — нет, слуга покорный. В чужой земле я готов все перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело. Но в своей — никогда! Мои страдания тебе не могут вполне (быть) понятны: ты в пристани, ты как мудрец можешь пере -несть и посмеяться. Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы, сложить мне голову свою на родине. Если ты имеешь желание ехать освежиться и возобновить свои силы, увидеть меня — приезжай в Рим. Здесь мое всегдашнее пребывание. На июнь и июль еду в Германию на воды, и, возвратившись, провожу здесь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздух и забываю весь мир. Напиши мне что-нибудь про ваши московские гадости. Ты видишь, как сильна моя любовь: даже гадости я готов слышать из родины.

Ужели все это поддельные чувства? Попробуйте подделаться так, и мы увидим, успеете ли вы обмануть нас хотя на один день; но если вы наложите на себя роль на всю жизнь, – неужели это возможно? Нет, натура ежеминутно будет вырываться наружу

из-под личины.

И характер и самая судьба Гоголя представляют чрезвычайно много общего с характером и судьбою Руссо, этого нищего, оклеветанного, бежавшего от родины и нежно, тоскливо любящего родину, подозрительного, неизмеримо и справедливо гордого, чрезвычайно скрытного и не умеющего ничего скрыть, пренебрегающего всем и всеми, нуждающегося во всех, впадавшего во многое непростительное и пагубное для других менее высоких по природе своей натур и все -таки оставшегося чистым в душе, невинным и наивным, и, при всей своей наивности, и хитреца, и глубочайшего сердцеведца, загадочного для современников, очень понятного для потомства, гениального и благородного мизантропа, полного нежной любви к людям. Оба они, если хотите, были странные люди; но, – говорит Гоголь, – оба они имели право быть такими, какими были, потому что были необыкновенными людьми, и по уму, и по душе.

1840. Декабря 28. Рим.

Утешься! Чудно милостив и велик бог: я здоров. Чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением «Мертвых Душ». Вижу, что предмет становится глубже и глубже. Многое совершилось во мне в немногое время; но я не в силах теперь писать о том, не знаю почему, может быть потому самому, почему не в силах был в Москве сказать тебе ничего такого, что бы оправдало меня перед тобою во многом. Когда -нибудь, в обоюдной встрече, может быть на меня найдет такое расположение, что слова мои потекут, и я с чистой откровенностью ребенка поведаю 640

состояние души моей, причинившей многое вольное и невольное. О! ты должен знать, что тот, кто создан сколько нибудь тиирить и глубине души, жить и дышать своими твореииями, тот должен быть странен во многом.

нужны целые страницы. Как это тягостно иногда! Но довольно. Целую тебя! Письмо твое утешительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоен. Свежий воздух и приятный холод здешней зимы действуют на меня животворительно. Я так покоен, что даже не думаю вовсе о том, что у меня ни копейки денег. Живу кое-как в долг. Мне теперь все трын трава.

Мы не боимся наскучить читателю выписками, потому соберем еще отрывки, касающиеся такого эпизода в служебной деятельности Гоголя, обыкновенные слухи о котором всегда казались нам странны. Сличив отзывы самого Гоголя с некоторыми местами в «Авторской исповеди», припомнив некоторые общие истины о легкости удовлетворить многим требованиям, если только захотеть удовлетворять им, о том, как легко овладевают апатия и отвращение человеком с пылкою натурою, когда он встречает равнодушие и т. д., мы будем снисходительнее судить об этом эпизоде в жизни Гоголя.

Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны, не гляди также на статью о средних веках в Д. журнале. Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорить несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое.

Я с каждым месяцем и с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки.

Не думай также, чтоб я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь! у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку. Отчего же передо мною раздвигается природа и человек. Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия; что значит не встретить отзыва. Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И от того я решительно бросаю теперь всякую художническую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю в даль, я вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитою (sic) через год. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народ бесцветный... Но в сторону все

это.

Я рас...лея с университетом, и я через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года, годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит: что я не за свое дело взялся; в эти полтора года я много вынес оттуда, и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня. Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает, вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большей силою, и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая, а неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и проч. Я тебе одному говорю это, другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну, наконец, решаюсь давать на театре.

41 Н. Г. Чернышевский, т. ш '

641

Примеры удивительной меткости, проницательности взгляда л чрезвычайной верности понимания людей и житейских дел рассеяны на каждой странице писем. Приведем только одно суждение, высказанное по поводу намерения г. Погодина написать драматические пьесы из эпох Бориса Годунова и Петра Великого.

Если вы хотите непременно вынудить из меня примечания, то у меня только одно имеется. Ради бога прибавьте боярам несколько глупой физио -гномии. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны...

Дакая смешная смесь во время Петра... один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет делать новомодный поклон, и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника...

Какая проницательность исторического взгляда!

Искренно благодарим г. Погодина за напечатание драгоценных писем Гоголя и надеемся увидеть продолжение этой чрезвычайно любопытной корреспонденции в следующей книжке «Москвитянина».

Апрель 1856 года.

От «Русского вестника» публика ожидала хороших ученых статей и не ошиблась в этом предположении: в двух первых томах он дал читателям много хороших ученых трудов, из которых иные справедливо заслужили общее внимание. Не будем перечислять всех статей по различным отраслям науки; назовем только важнейшие, или по интересу содержания, или по именам авторов, или по тому и другому вместе. Главнейшим образом, «Русский вестник», подобно всем нашим журналам, интересуется разработкою истории русской литературы и русской истории; так и должно быть, потому что публика «ыне по преимуществу интересуется этими предметами.

Характер общего воззрения, которым «Русский вестник» намерен руководиться при рассмотрении вопросов, касающихся истории нашей литературы, определился, кажется, с более или менее достаточною для его читателей ясностью направлением статьи г. Каткова, «Пушкин». Автор занят исследованием художественной стороны в произведениях нашего великого поэта, определением и уяснением законов творчества, которые с особенною точ-

ностью могут быть подмечены в его таланте. При этой высокой точке зрения, конечно, историческая связь художника с его веком, биографические мелочи и общественное значение его созданий имеют только второстепенное значение, и все клонится к разрешению чисто эстетических задач. Большая часть рецензий, помещенных в «Русском вестнике», подтверждают своим характером уверенность, возбуждаемую этой капитальной статьей журнала: он хочет быть органом художественной критики. Конечно, литера-642

тура наша может от этого только выиграть, и каждое определенное, твердое, верное себе направление имеет цену уже потому, что в основании его лежит убеждение. Статья г. Анненкова «О значении художественных произведений для общества» очень верно соответствует направлению, выражаемому эстетическим исследованием г. Каткова. По истории литературы «Русский вестник» представил прекрасную статью г. Савельева, известного нашего ориенталиста: «Н. И. Надеждин». Г. Савельев в последнее время был в близких отношениях к покойному редактору «Телескопа», н воспользовался оставшимся после него отрывком автобиографии, чтобы высказать несколько верных и теплых замечаний о литературной деятельности и личных качествах этого замечательного писателя. Превосходно написан и чрезвычайно интересен отрывок из воспоминаний нашего знаменитого романиста И. И. Лажечникова: «Знакомство мое с Пушкиным».

По русской истории заметим статьи г. Соловьева «Древняя Русь» и «Август-Людвиг Шлёцер», г. Д. Милютина «Суворов», г. П. К- Щгого «Правление царевны Софии» и г. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России». О каждой из них мы должны сказать по нескольку слов, а исследование г. Чичерина, касающееся вопроса очень важного и в высшей сте-

ные от общепринятого доселе взгляда, заслуживает подробного рассмотрения, и мы готовы были бы посвятить ему не несколько слов, а несколько десятков страниц.

«Древняя Русь» г. Соловьева – общий взгляд на исторические отношения России к Западной Европе; глазная мысль автора, что наш народ всегда гтремился быть одним из европейских народов, хорошо известна была публике, как одно из основных понятий г. Соловьева. [Будучи поставлена, после отрывка из «Мертвых душ», первою статьею в первой книжке «Русского вестника», статья г. Соловьева приобретала значение как бы выразительницы европейских симпатий начинаемого ею журнала].–«Август-Людвиг Шлёцер» – не исследование о значении трудов этого ученого по русской истории, а биографическое введение к этому исследованию, без сомнения, приготовляемому автором. Г. Соловьев рассказывает жизнь Шлёцера, до отъезда из России, в 1767 году. Статья эта принадлежит к числу лучших в «Русском вестнике». Д. А. Милютин дал журналу не менее, если еще не более занимательную главу из первой части своей «Истории итальянских войн». Личность Суворова очень верно понята и ясно очерчена в этом обзоре его жизни до назначения главнокомандующим русской армии, посланной в Италию. «Правление царевны Софии», г. Щ-ого, возбудило общее внимание догадками о том, кто этот г. Щ-ий, загадочная подпись которого в первый раз является в нашей литературе, под статьею, отличающеюся если не глубоким изучением источников, то хорошим рас-41 * 643

сказом, если не новым взглядом на людей и события, то, во всяком случае, удачным выбором эпохи, очень важной и мало разработанной нашими историками. Когда любопытство, возбужденное

именем автора, остыло, многие от одной крайности перешли к другой и стали отнимать у рассказа все достоинства. Это несправедливо: статья г. Щ-ого, конечно, не есть капитальное произведение великого исторического таланта или глубокой учености, но она написана живо и хорошо.

Важнейшая в научном отношении статья, из всех доселе помещенных «Русским вестником» – «Обзор исторического развития сельской общины в России», принадлежит молодому ученому, также, если не ошибаемся, в первый раз выступающему на литературное поприще Нам кажется, что труд г. Чичерина имеет существенные недостатки, но, тем не менее, надобно ожидать от деятельности автора прекрасных результатов для науки, лишь бы только он продолжал трудиться, как начал, продолжал сочувствовать не мелочным, хотя блестящим, подробностям внешней истории, а великим вопросам нашего исторического быта: для первых всегда найдется довольно компиляторов и рассказчиков, вторые нуждаются в даровитых исследователях. Первая статья г. Чичерина встречена живым сочувствием каждого просвещенного читателя, одобрением всех замечательных специалистов. Желать надобно, чтобы это побудило его итти по дороге, на котооую вступил он решительно и удачно, а других молодых ученых – следовать его примеру. Достоинства исследования г. Чичерина так несомненны, что мы не боимся высказать откровенное мнение о тех сторонах его труда, которые вызывают критику.

Г. Чичерин был возбужден к своему исследованию, как видно, мнением о патриархальном происхождении нашей сельской общины, высказанным в известной книге барона Гакстгаузена.

У него родилось желание проверить изучением фактов это пояя -тие, показавшееся ему несправедливым. Он стал искать в истории подтве рждения или опрове ржения доказательств, приводимых

Гакстгаузеном, — нашел, что их можно опровергнуть, опроверг и удовлетворился этим, полагая, что опровергнуть слова Гакст-гаузена значит доказать неосновательность мнения, разделяемого знаменитым путешественником. Он остановился на Гакстгаузе-не — это была, нам кажется, первая ошибка с его стороны. Ав1 тор «Путешествия по России» авторитет в сельском хозяйстве; политической экономии, если угодно, в этнографии и многом другом, касающемся современного быта, но не в истории. Он излагает вопрос, обративший на себя внимание г. Чичерина, только мимоходом, не развивая в надлежащей полноте и точности доказательств, на которых основывается мнение, кажущееся ему справедливым. Эта неполнота и неточность опровергаемого писателя послужили причиною неполноты и неточности и в опровержении. Если бы г. Чичерин, начав с Гакстгаузена, не остановился на нем, ОИ

а перешел к нашим историкам, он нашел бы истинных своих противников, от победы над которыми и зависит успех его дела, потому что у них мнение о патриархальном происхождении русской общины подкрепляется гораздо сильнейшими доказательствами, нежели у немецкого экономиста. Он нашел бы тогда необходимость сообщить более строгости и самым приемам, употребляемым у него при решении вопроса. Теперь же многие существенно важные для решения вопроса факты, выставленные нашими историками в таком виде, которым подтверждается патриархальное происхождение нашей общины, он оставляет без внимания, о некоторых других высказывает понятия, едва ли согласные с нынешним состоянием русской истории, и вообще полагает доказанным многое вовсе не доказанное, и, наоборот, лишенным доказательств многое кажущееся ныне положительно доказанным. От

того и результаты его исследования, в которых несомненно есть

тельно преувеличенными. Не считаем научным доводом той мысли, которою, будто твердейшим аргументом, заключается его статья: «сравнивать наши общины с патриархальными общинами других народов значит отрицать в нас историческое развитие» — это вовсе не аргумент: во-первых, наука должна стремиться не к тому, чтобы доказать ту или другую приятную или неприятную для нас мысль, вносимую в науку извне, а просто к открытию истины, какова бы она ни была; во-вторых, неподвижность сельских общин вовсе не есть доказательство неподвижности всего нашего исторического существования: известно, что общий ход исторического движения состоит в расширении его круга; начинается оно с передовых классов общества и достигает низших слоев народа, что совершается очень медленно. И в Англии и во Франции народ еще недавно и очень мало вовлечен в историческое движение; тем естественнее полагать, что у нас оно еще и не касалось сельского быта, и факты доказывают, что историческими деятелями у нас доселе были только высшие сословия и, отчасти, города: о народе история упоминает редко, разве в исключительных случаях, как в 1612 году, да и то для того только, чтобы тотчас же опять забыть о нем. Удивительно ли после того, что историческое движение очень мало касалось внутреннего быта сельских общин? Так и думают обыкновенно, полагая, что они составляют остаток патриархального быта. Г. Чичерин приходит к совершенно другим выводам, которые выражены им в следующих положениях:

Из исторического обзора сельских учреждений мы можем вывести следующее:

1. Что наша сельская община вовсе не патриархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством, под непосредственным влиянием государ-

2. Что она вовсе не похожа на общины других славянских племен, сохра* нивших свой характер посреди исторического движение. Она имеет свей 645

особенности, но они вытекают собственно из русской истории, не имеющей никакого сходства с историею западных славянских племен.

3. Что наша сельская община имела свою историю и развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России. И з родовой общины она сделалась владельческою, а из владельческой государственною. Средневековые общинные учреждения не имели ничего сходного с нынешними: тогда не

было ни общего владения землею,

ии ограничения права наследства отдельных членов, ни передела земель, ни ограничения права перехода на другие места, ни соединения земледельцев в большие села, ни внутреннего суда и расправы, ни общинной полиции, ни общинных хозяйственных учреждений. Все ограничивалось сбором податей и отправлением повинностей в пользу землевладельца, и значение сельской общины было чисто владельческое и финансовое.

4. Настоящее устройство сельских общин вытекло из сословных обязанностей, наложенных на земледельцев с конца X V I века, и преимущественно из укрепления их к местам жительства и из разложения податей на души.

Если бы эти положения были подтверждены решительными доказательствами, все наши понятия о внутренней истории русского быта совершенно изменились бы, чему, сказать кстати,

нельзя было бы не радоваться, потому что новые, вводимые мне нием о недавнем происхождении нынешней сельской общины, представляли бы гораздо более приятного личным желаниям почти каждого из нас. Но дело в том, что г. Чичерин, исключительно занимаясь Гакстгаузеном, недостаточно, как нам кажется, опроверг мнение о патриархальном происхождении нашей сельской общины, только разделяемое немецким путешественником, но во-

все не им основанное и опирающееся на многочисленных фактах, не приводимых, конечно, у Гакстгаузена и не рассмотренных в статье нашего исследователя. Кроме того, как нам кажется, г. Чичерин допустил в основных своих понятиях некоторую неясность, чему причиною опять изложение Гакстгаузена, который, как мы сказали, не имел намерения углубляться в исторический вопрос, чуждый его специальности. Г, Чичерин скромно говорит, что «не имел претензии «аписать полную историю сельской сбщины, а хотел только выставить на вид некоторые исторические данные, могущие служить к уяснению этого важного вопроса». Мы, ограниченные тесным пространством трех -четырех страниц в беглом журнальном обозрении, еще менее можем предъявлять претензию на полный разбор его прекрасной статьи, обильной и новыми фактами и новыми взглядами; мы хотим также только высказать некоторые замечания относительно ее существенных положений. «Наша община не родовая, она не образовалась сама собою из естественного союза людей», потому что в- нее вторглись чуждое элементы, именно, она подпала под ©ласть чуждого ей князя и его дружины. Но автор не исследовал, в каком отношении эти владельцы стали к внутреннему быту общины. Касались ли они ее внутреннего устройства, или довольствовались тем, что собирали подать, брали ратников на время похода и'присвоили себе право судить, по старым обычаям? Все доказывает, что они ограничива-646

лись этою заботою о собственных правах и выгодах, этими чисто внешними отношениями, и, если община исполняла свои обязанности к владельцу, она ведала свои домашние дела как хотела. «Земля стала собственностью князя и других владельцев, а не общины». Что ж тут важного для общинного начала? и ныне земля составляет собственность государства или помещика, а не

общины; за крестьянами, ее населяющими, признается только право пользования ею, а не собственности, — но делить ее между собою по старому общинному началу никто им не мешает, — ни государственная администрация, ни помещик. Так и всегда было. В какие бы руки ни переходила высшая власть над землею, которую населяют и непосредственно обработывают поселяне, они все-таки обработывали и делили ее между собою по старому обычаю. Владелец в это не вмешивался, потому что это не касалось его интересов. Правда, прямая выгода побуждала его, кай побуждает и ныме, часть земли, находящейся в его владении, брать в собственное пользование и обработывать ее посредством натуральной повинности, возлагаемой им на поселян, или отдавать в наем. Г. Чичерин, находя в древних памятниках факты, указывающие на обычай отдавать землю в наем, видит в них доказательство, что в X IV —XVI или X II—XV веках (наугад определяем эпоху, к которой надобно относить по его теории падение общины, потому что он сам не определяет ее точным образом) община совершенно исчезла. Это несправедливо. Никто не думает, чтобы когда-нибудь все пространство русской земли делилось между членами общин: напротив, за выделением каждому участка для обработки, всегда оставалось множество земли; она принадлежала племени, или общине; потом, когда явились владельцы, принадлежала владельцу, как ему принадлежала и земля, предоставленная в обработку общине,

живущей под его властью; и если эта часть земли, не принадлежащая к участку, обработываемому общиною, отдавалась в наем, это нисколько не мешало внутреннему порядку общины, которая оставленные ей земли все -таки делила между своими членами. Право найма существовало и в патриархальной общине, — этого никто не думал отрицать. Продажа и покупка разных участков земли отдельными лицами также не мешает признавать, что общинное владение продолжалось. Никто не думал отрицать, что подле общинных земель издавна возникли частные владения. Напротив, историки наши говорят об этом положительно и находят, что количество земли, состоящей в частной собственности, постепенно увеличивалось; но все-таки большая половина обра-ботываемой земли оставалась в общинном владении (если община была независима от частного владельца) или, по крайней мере, в обработке у общины с прежним обычаем дележа (если община находилась под властью частного лица). Третью причину утверждать, что родовая община в X 111 —XVI веках исчезла у нас,

автор находит в переселениях крестьян, которые тогда не были крепки земле: родственники могли расходиться, чуждые друг другу люди сходиться. Это опять ничего не доказывает. Никто не думал утверждать, чтобы общинность владения землею в каком-нибудь селе Иванове или Петрове в XVI или XV веке зависела от того, что все поселяне, живущие в нем, считают себя потомками одного и того же лица, Ивана, жившего в XII веке, или Петра, жившего в IX веке. Они могли быть совершенно посторонние друг другу люди и знать, что не находятся в родстве— и все-таки они по старому обычаю делили землю. Ученые, думающие, что община наша имеет патриархальное происхождение, не то полагают, чтобы до X V II века не существовало на Руси никаких отношений, кроме родовых: напротив, они показывают, как мало-помалу развивались отношения, чуждые родовому быту, и говорят только, что, по старому обычаю, при отсутствии причин поступать иначе, на эти новые отношения переносились формы и учреждения родового быта. Так было и с общинным началом. Принимая в общину постороннего человека, ему

давали в X V веке участок земли, как то делается и ныне. Притом автор, повидимому, представляет себе, что до укрепления поселян за землею переселения отдельных лиц с одного жительства на другое происходили в таком обширном размере, какого они наверное не имели. Нельзя предполагать, чтобы до конца X V I века поселяне наши «предавались», как он выражается, «кочевой жизни», и чтобы на Юрьев день дороги покрывались бесчисленными обозами переселенцев. Без особенных, чрезвычайно сильных причин, без крайней необходимости земледелец не решится на переселение: оно очень трудно для него. И чем внимательнее вникнем в данные, сохраненные для нас актами, летописями, песнями, записками иностранцев, тем тверже убедимся, что распоряжения об укреплении поселян за землею были вызваны не столько желанием прекратить бродяжничество, сколько другими соображениями, о которых упоминает и г. Чичерин. Самое приведение в исполнение этой меры доказывает, что число действительно пользовавшихся прежним обычаем было не слишком значительно и что масса населения вначале приняла новую меру довольно равнодушно, более как формальность, нежели как существенное изменение в материальном положении. Следствия обнаружились уже через несколько лет, как то указано, между прочим, и г. Соловьевым в «Обзоре событий конца X V I и начала X V II столетий». А когда поселяне решались переселяться, это чаще всего делалось не отдельными людьми, а целыми волостями или селами. Причины были общие для всех жителей села или волости — недостаток земли, или обременительность условий, или слух о лучших условиях. Да и ныне подобные факты совершаются большею частью сообща всеми поселянами, а не отдельными искателями приключений. Словом,

ближайшее соображение фактов убеждает, что число новых пришельцев в общине никогда не могло быть так значительно, чтобы расстроивать ее: община сидела на месте, а когда двигалась— что случалось редко и не с многими общинами — то двигалась вся вместе, и через переселение изменялись только ее местожительство и внешнее отношение к владельческой власти, а не внутренние отношения между поселянами, ее составлявшими. Таким образом, доказательства, на которых основывается заключение г. Чичерина о совершенном упадке общинных отношений между членами самой общины в X III—X V веках, не представляются убедительными. Община не разрушалась; она только потеряла значение в общей государственной жизни, не имела влияния на исторические события, — это бесспорно; но эти события не коснулись ее внутреннего устройства, потому что никому не было охоты обращать на него внимание. Г. Чичерин, кажется, смешал эти существенно различные факты, и внешнее бессилие и бездействие принял за смерть. Но если бы община умерла в XVI веке, каким образом и когда могла бы она воскреснуть, и притом воскреснуть в

совершенно прежнем виде? Г. Чичерин считает ее восстановление следствием мер, принятых правительством с финансовою целью: подати вернее уплачиваются целою волостью, нежели отдельными лицами. Но, во-первых, эти причины существовали и прежде; во-вторых, где доказательства того, что общинное владение землею восстановлено административными мерами? Таких указов нет; напротив, общинное владение постоянно упоминается в узаконениях, как старинный обычай.

Да и когда обычное право (les coutumes), если оно умерло в жизни, восстановлялось письменным законоположением? Этому нет ни одного примера не только в русской, но и ни в какой, другой истории. Характер письменного всегда нововведение, и что касается вопросов владения – всегда до сих пор во всех странах – все более и более строгое развитие прав личной собственности. И, наконец, каким образом созданная мерами правительства с финансовою целью в X V II–X V III веках русская община могла бы походить своим внутренним устройством на патриархальную общину других славянских племен? Г. Чичерин просто отрицает это сходство, не представляя доказательств своему отрицанию. Он имел бы основание отрицать только тогда, если бы сравнил внутреннее устройство русской, сербской и пр. общин; а этого-то именно он и не сделал. Словом, если он хочет, чтобы наука приняла его мнение об исчезновении у нас сельской общины в X III–XV веках и возрождении ее административными мерами в X V II–X V III столетиях, он должен представить новые доказательства, которые опровергали бы понятия наших историков и факты, ими выставленные на первый план в истории нашего внутреннего быта. Если сделает это, наши специалисты, конечно, первые порадуются тому, что их ошибка будет открыта, 649

потому что истина для ученого, преданного своей науке, дороже всего. Но мы должны сказать, что опровергнуть понятие о нашей общие, как остатке глубокой древности, а не создании X V II –

X V III столетий – дело очень трудное и едва ли возможное.

Мы прямо высказали наше мнение о положениях, которые старается доказать г. Чичерин, потому что никакие противоречия не отнимут у [его статьи важного достоинства: она – первое подробное исследование о вопросе, чрезвычайно важном; и если решение, предлагаемое автором, не будет принято наукою, то, без сомнения, специалисты отдадут справедливость тому, что труд его представляет много материалов для истории русской общины, особенно внешних ее отношений к владельцам; существенное же

значение для русской истории несомненно приобретет она тем, что послужит исходною точкою для новых изысканий, – и, судя по качествам, какие обнаружил автор в своем труде, надобно желать, чтобы он принял участие в этих дальнейших изысканиях.

По всеобщей истории читателями «Русского вестника» была замечена статья г. Кудрявцева «Карл V». О лекции покойного Грановского «Океания и ее жители» мы уже имели случай говорить.

Май 1856 года.

– Радушно приветствовали мы «Русскую беседу» и радовались основанию этого журнала, будто приобретаем в нем союзника по убеждениям, сподвижника в общем деле. А между тем, известно было, что убеждения, разделяемые «Современником» со всеми другими журналами, пользующимися большим или меньшим сочувствием в огромном большинстве просвещенных людей нашей земли, отвергаются «Русскою беседою», как ошибочные; известно было, что «Русская беседа» и основывается именно с тою целью, чтобы противодействовать влиянию наших мнений, если возможно – уничтожить его. Как же радоваться появлению противника? Или мы надеялись, что «Русская беседа» будет не такова, как того все ожидали, судя по программе, что она смягчит предполагаемую резкость своего протеста, будет удаляться борьбы? Нет, этого нельзя было надеяться. Программа и имена многих сотрудников слишком ясно убеждали, что «Русская беседа» начнет открытую и сильную борьбу. Ее воинственность обнаружилась еще до появления первой книги журнала, спором его редакции с «Московскими ведомостями» о народном воззрении в науке. «Русский вестник», которому ближе петербургских журналов могли быть известны намерения нового журнала, также объявлял, что предвидит неизбежность жарких прений с «Русскою беседою». Первая книга ее не замедлила оправдать эти предвестия. Все статьи, сколько-нибудь выражающие дух журнала, такосы, что ни одна из них не

могла бы быть напечатана 650

itn в «Русском вестнике», ни в «Отечественных записках», ни 6 «Современнике». «Русский вестник», по своему местному положению чувствующий на себе ближайшую обязанность обращать особенное внимание на «Русскую беседу», уже начал с нею серьезное прение: первый же нумер его, вышедший после появления «Русской беседы», содержит уже сильное возражение на важнейшую статью «Русской беседы», и мы должны сказать, что в этом случае мнения, выраженные «Русским вестником», кажутся нам совершенно справедливыми. Нет сомнения, что «Русская беседа» будет защищаться и нападать, что названные нами выше петербургские журналы должны принять участие в жарких прениях и, конечно, по характеру своих убеждений, станут не на стороне «Русской беседы».

И, однако же. мы от искреннего сердца повторяем свое приветствие «Русской беседе», желаем ей долгого, полного силы существования. Это потому, что мы считаем существование «Русской беседы» в высокой степени полезным для нашей литературы вообще и в частности для тех начал, против которых восстает она, которые для нас дороже всего, которые мы защищали и всегда будем защищать. Будем говорить откровенно: искрен* ность;– лучшее правило в жизни; «Русская беседа» сама обещает искренность и, конечно, готова принять ее от других. Разногласие между убеждениями славянофилов *, органом которых хочет быть « Русская беседа», и убеждениями людей, против которых они восстают, касается многих очень важных вопросов. Но в других, еще более существенных стремлениях противники совершенно сходятся, мы в том убеждены. Мы хотим света и правды, – «Русская беседа» также; мы, по мере сил, восстаем против пошлого, низкого и грязного, – «Русская бе* седа» также; мы считаем коренным врагом нашим в настоящее время невежественную апатию, мертвенное пустодушие, лживую мишуру, – «Русская беседа» также. И, каковы бы ни были разногласия, мы уверены, что «Русская беседа» в сущности точно так же понимает все эти слова, как и мы. Согласие в сущности стремлений так сильно, что спор возможен только об отвлеченных и потому туманных вопросах. Как скоро речь переносится на твердую почву действительности, касается чего-нибудь практического в науке или в жизни, коренному разногласию нет места; возможны только случайные ошибки с той или другой стороны,

* Упйтребляем это название потому, что сами сотрудники «Русской беседы» принимают его, но остаемся при мнении, которое выразили недавно, что прозвание это кажется нам произвольным и не довольно точным. Во-первых, симпатия к славянским племенам не есть существенное начало в убеждениях целой школы, называемой этим именем. Во-вторых, кто же из образованных людей не разделяет ныне с нею этой симпатии? В-третьих, имя «славянофилов» уже изношено и отчасти измельчало: мы не хотели бы для гг. Аксаковых, Киреевских, Кошелева, Самарина, Хомякова, кн. Черкасского имени, напоминающего о Шишкове.

651

от которых и та и другая сторона с радостью откажется, как скоро кем-нибудь из чьих бы то ни было рядов будет высказано более здравое решение, потому что тут нет разъединения между образованными русскими людьми: все хотят одного и того же.

В самом деле, чего хотим мы все? увеличения числа учащихся и выучивающихся; усиления научной и литературной деятельности; проложения железных дорог; разумного распределения

экономических сил, и т. д. – Мы уверены, что каких бы начал ни держался человек в сфере отвлеченных вопросов, он так же будет отвергнут и «Русскою беседою», как и нами, если не хочет всего этого. Возьмем вопросы более частные. Чего, например, требует «Русская беседа» в сфере научной деятельности? Полнейшего и основательнейшего знакомства с европейскою наукою *, усиленной разработки всех отраслей науки, касающихся русского мира, преимущественно русского быта и истории. Прекрасно. Мы все хотим того же самого, и «Русская беседа», конечно, не оскорбит никого из грамотных людей русских подозрением, что он не разделяет этих желаний. В чем же несогласие между нами и славянофилами? В вопросах, которые могут быть очень важны для Германии или для Франции, но которым у нас не пришло еще время служить достаточным основанием для разъединения здравомыслящих людей. Это вопросы теоретические, пока еще вовсе «е имеющие у нас приложения к жизни, – вопросы, ведя спор о которых (насколько возможен у нас спор о них), можно и должно у нас не разрывать рук, соединяемых в дружеское пожатие согласием

относительно вопросов, существенно важных в настоящее время для нашей родины.

Так мы думаем и так всегда будем думать, пока «Русская беседа» не изменит делу просвещения и житейской правды, за которое теперь, несмотря на все неумеренные (и, по нашему мнению, решительно преждевременные) инвективы против людей, думающих об отвлеченных вопросах иначе, нежели она, – стоит она почти во всем существенно важном.

Будет ли она продолжать стоять за просвещение? Надеемся, основываясь на том, что издатель журнала – г. Кошелев, к числу главных сотрудников принадлежат гг. Аксаковы, Самарин, Хомяков, кн. Черкасский. Но постоянно ли будет оправдываться

наша надежда, зависит от того, их ли мнения будут преобладать в журнале. Это необходимо для того, чтобы журнал приобрел симпатию в публике и литературе, и, искренно желая того, откровенно выскажем, что «Русской беседе» предстоит внутренняя * Обращаем внимание читателей на то, что в статьях лучших участников «Русской беседы» это требование выражено с отсутствием всякой двусмысленности. Этого для нас довольно. Нужна ли нам европейская наука? Вот в чем вопрос, а не в том, изъята ли она в своем нынешнем виде от всяких недостатков н во всем ли уже достигла совершенства, – этого никто не думает и в Западной Европе, никто из умных людей не думает и у нас.

652

борьба для сохранения в литературе места, которое назначается ей ожиданиями публики. В первой книге, вместе с статьями, заслуживающими одобрения и от тех, которые противоречат им, нашла себе место статья, которая кажется приличною не «Русской беседе», а разве покойному «Маяку». Этого мы не хотели ожидать, и хотели бы думать, что это случайная ошибка. Если бы г. Филиппов только хвалил как ему угодно комедии г. Островского, тут не было бы беды; но зачем примешивать странные толки о посторонних делу предметах, которые он совершенно не хочет понимать? Его рассуждения слишком противоречат общему духу самой «Русской беседы». Правда, «Русская беседа», в предисловии, которое сообщено нами читателю в предыдущей книге журнала, предупреждает, что в ней мы встретим людей, «которые более или менее разногласят между собою в мнениях касательно важных и отчасти жизненных вопросов», но кружок которых все -таки связан «единством коренных, неизменных убеждений». Нам кажется, что единство между г. Филипповым и, например, г. Самариным или гг. Аксаковыми едва ли может существовать в чем-нибудь существенно важном

Союз их с ним ненатурален. Дело другое, если б он захотел сделаться их учеником, – это было бы и естественно и хорошо; тогда только мы успокоились бы за «Русскую беседу». Полагая, что это так и случится, не будем говорить о статье г. Филиппова, называющей грехом все, что происходит в мире не по правилу, предлагаемому стихом из одной русской песни:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная! 2 Мы думаем, что о делах земных, каковы наука и литература, рассуждать с г. Филипповым совершенно бесполезно; считаем обязанностью заметить только, что и он не должен бы говорить о них: ведь это суетные и тленные земные занятия, несовместные с его точкою зрения. Надеясь, что он поймет всю справедливость этой истины и не будет говорить ничего, или заговорит другим, более приличным русской литературе тоном в следующих книгах журнала, мы не будем принимать его статью в соображение при нашем мнении о «Русской беседе»; но крайность, в которую неосторожно вовлек он «Русскую беседу», служит доказательством, что новый журнал должен точнее и строже определить границы своего направления. С целью содействовать ему в этом, мы обратим внимание его участников на те обстоятельства и вопросы, от точного взгляда на которые много зависит успех общего нам с ними дела – содействия развитию родного просвещения, и плодотворность самых споров « Русской беседы» с ее противниками, если должны быть постоянные споры,

С того времени, как славянофилы, некогда смешиваемые и, может быть, смешивавшие сами себя с различными сотрудниками «Москвитянина» и тому подобных журналов, выступили сомкну-653

тою партиен) в «Московских сборниках» 1846 и 1847 годов, прошло около десяти лет. Многими важными событиями и переменами ознаменованы эти годы и вообще в европейской, а тем более в русской жизни. Всякий, каковы бы ни были его

убеждения, получил много уроков, увидел исполнение многих своих надежд, испытал много разочарований. Многое, что было – с какой бы то ни было точки зрения – своевременно и уместно в 1846 году, с той же самой точки зрения должно представляться несвоевременным в 1856 году. Кто хочет, чтобы его требования имели основание в действительности, кто не хочет сражаться с химерами, скорбеть о недостатках, уже давно исправленных, должен принять во внимание положение вещей в настоящем, а не то, как ему представлялось положение вещей в 1846 или 1847 гг.

Нам кажется, например, что в настоящее время твердить о необходимости народности в изящной литературе – дело совершенно излишнее: русская изящная литература стала народна на столько, на сколько позволяют ей обстоятельства, и если в ней есть недо*-статки, то уже, конечно, не от подражания Западу, а от влияния совершенно других обстоятельств, чуждых намерению и желанию писателей. В этом случае славянофилы, кажется, согласны с нами. По крайней мере, так думает г. Самарин, – надеемся, и другие участники «Русской беседы» разделяют его довольство нашею изящною литературою в этом отношении. «Но в нашей науке недостает народности, нет русского воззрения в нашей науке», – говорит г. Самарин, которого в этом случае надобно считать представителем мнения «Русской беседы» вообще. Надобно, говорит он, чтобы русская наука приняла в себя столько же народности, как в изящной литературе. Итак, мерою народности в науке хотят принимать степень влияния народности на нашу изящную литературу, – кажется, так; мы не имеем нужды изменять в каком бы то ни было смысле мнения славянофилов, потому приводим в выноске слова г. Самарина *.

* Мы должны отдать г. Самарину справедливость, что мнение своих Противников излагает он верно; он заставляет их говорить так: «Мысль, по существу своему, бесстрастна и бесцветна, и потому ученый, не умевший или не хотевший очистить себя от представлений, понятий и сочувствий, прилипающих невольно к каждому человеку от той среды, к которой он принадлежит, не может быть достойным служителем науки. Кто вносит случайное и частное в область мировых идей, тот выносит из нее, вместо общечеловеческих истин или верного отражения предметов в сознании, представления неполные, образы изуродованные и прихотливо расцвеченные».

И вслед за этими словами начинает он изложение своих мнений таким образом:

«Совершенно то же говорилось и печаталось у нас еще недавно о художестве. Поэзия есть воспроизведение идеи или сущности явления в живом образе. Идей – достояние всего человечества, а форма, хотя и взятая из области случайного, очищается от всего случайного и просветляется насквозь идеею; следовательно, в художественном творчестве участие народности незаконно. Это последнее применение общего понятия об отношении челове-654

Если все дело состоит в этом, то, признаемся, мы не видим достаточных причин с таким жаром требовать, будто чего-нибудь нового, признания прав народности на участие в науке. В самом деле, чем ограничивается полнейшее влияние народности на изящную литературу? 1) Степень внимания, обращаемого литературою на те или другие предметы, соразмеряется со степенью важности, какую имеют эти предметы в народной жизни; потому литература занимается преимущественно изучением своего родного быта; 2) форма художественного произведения должна быть совершенно народна. Все это давным-давно существует и в русской науке, насколько существует русская наука. Огромное большинство наших ученых все силы свои посвящает разработке оте-

чественной истории, этнографии, фауны, флоры и т. д. Теми отраслями науки, которые имеют предметом нечто общее для нас и для иноземцев, занимается только меньшинство, которого, конечно, не захочет уменьшить «Русская беседа», потому что и без того знакомство наше с европейским просвещением еще слабо и поверхностно, по справедливому сознанию «Русской беседы».

Стало быть, надобно желать не того, чтобы пропорция ученых, занимающихся изучением России, увеличивалась насчет ученых, знакомящих Россию с Западною Европою, а только того, чтобы число тех и других увеличивалось, чего и желает каждый из нас.

Что же касается народности в форме науки, то, как известно, форма в деле науки далеко не имеет того существенного значения, как в искусстве: наука требует от

формы только двух качеств, чисто внешних: во-первых, чтобы изложение удовлетворяло читателя так называемыми качествами слога, во-вторых, чтобы оно было сообразно степени образования и познаниям той публики, для которой предназначается.

Относительно слога или манеры изложения — ужели надобно говорить о таких вещах? впрочем, так как мы хотим собственно ческого к народному теперь устарело и откинуто вместе с бесчисленным множеством всяких предубеждений... Было бы позволительно предоставить времени произвести такую же реакцию и против теперешнего гонения на народность в деле науки; но мы мало ценим успех от пресыщения, и потому, не избегая и не откладывая спора, приступаем прямо к уяснению возбужденного нами вопроса. Недоразумения лежат на нем, как отвердевшие слои наносных понятий».

Итак, дело кажется не подлежащим сомнению: г. Самарин, говоря от имени всей школы, требует для народности в науке тех же прав, которые уже даны ей в искусстве. Обращаем также внимание читателя на слово «недоразумения»: нам кажется, что если «Русская беседа» действительно

останется верна научной точке зрения г. Самарина, а не образу мыслей г. Филиппова, то действительно основанием спора окажутся взаимные недоразумения, а не существенное разномыслие, и спор о различии начал прекратится. как скоро мнимые противники объяснятся друг с другом. Объяснения с г. Филипповым, конечно, не приведут к согласию; тут различие, действительно, лежит в сущности понятий. Или нам (и г. Самарину) должно забыть то, что мы знаем, или г. Филиппову узнать многое, на что не обращал он внимания. Последнее и легче и лучше.

655

уяснить вопрос, то нс будем оставлять без внимания и мелочей, которые иногда подают повод к серьезным, повидимому, недоразумениям — относительно слога надобно согласиться, что в нем сильно отражается народность: известно различие между немецким и французским изложением ученых вопросов,—нам кажется, что и русские ученые имеют общую манеру в этом случае: она занимает средину между французскою и немецкою. Но если кому-нибудь кажется, что слог в наших ученых сочинениях еще не так резко самостоятелен, как формы нашей поэзии, каждый уступчивый охотно оставит это мнение без противоречия: стоит ли спорить о реторике? То же надобно сказать и о приспособлении изложения науки к понятиям и степени образованности читателей: это каждый старается делать, и спорить против того, что русская книга должна быть приспособлена к потребностям русских читателей, никто не будет. Него же больше требовать от науки в пользу народности? «А народное воззрение?» — Но в чем же оно состоит, кроме качеств, нами указанных? Гизо и Мишле—оба французы; что у них общего, кроме общих качеств французского слога? В воззрении Мишле гораздо больше сходства с воззрением, какое имеет Маколей, нежели с Гизо. Надобно вникнуть в это, и мы убедимся, что главным основанием различия в ученом

воззрении бывает степень общего образования, на которой стоит автор, а не народность его, партия (ученая или политическая), к которой он принадлежит, а не язык, которым он говорит. Влияние французской народности на французскую науку, немецкой на немецкую оказывается очень незначительно, если народность не смешивать с учеными и другими убеждениями и с степенью общего образования, и не ограничивать влияния народности теми качествами изложения, которые указали мы выше. Убеждения существенно одинаковы во всех странах при одинаковой степени образованности и при одинаковом благородстве характера. Мы очень хорошо знаем, что разумеют под «русским воззрением» люди мало образованные: они выражаются так потому, что не знают о существовании и во Франции, и в Англии, и в Германии совершенно подобных воззрений между людьми мало образованными, которых и везде очень много. Но мы решительно не знаем, чем может отличаться воззрение г. К. Аксакова или г. Самарина от воззрения, какое имеет каждый ставший в уровень с веком человек, какой бы нации он ни принадлежал. Есть, правда, одно, чем они отличаются не от иноплеменников, а от многих из нас: именно, они заботятся о введении в науку русского народного воззрения, между тем как другие думают только о том, чтобы развивать свое воззрение сообразно настоящему положению науки. Но что ж делать! у каждого из нас есть свои любимые заботы, желания, если угодно, мечты, к которым псе другие люди, кроме немногих друзей, остаются довольно холодны. В этом отношении нужно соблюдать взаимную терпимость: любимая

темп 656

есть у каждого ученого своя. Иногда над этою человеческою слабостью можно посмеяться, не переставая сочувствовать друг другу; но что касается лично нас, мы находим, что любимая тема писателей, нами названных, нимало не забавна, потому что расположение к ней вызывается фактом серьезным и грустным: наука наша находится действительно в состоянии, которого вовсе еще нельзя назвать блистательным. Правда, знанию прошедшего и настоящего России иностранцы учатся у нас; но всему остальному должны еще мы учиться у них, а сами мы не внесли еще в науку ничего нового. Все согласны в объяснении этого факта: просвещение у нас еще слишком мало распространено в обществе; истинно ученых людей у нас еще мало, все наши умственные*силы еще поглощаются гигантскою задачею распространения просвещения в нашем отечестве, удивительно ли после того, что нам еще недосуг заниматься капитальными трудами для ведения вперед общечеловеческой науки? Подождем времени, когда у нас будет оставаться досуг для разработки философии, всеобщей истории и других наук, возделывание которых не лежит исключительно на нас; тогда, исполин в свою прежнюю задачу: «просветиться», мы будем работать и на пользу общечеловеческой науки не хуже немцев и французов, а, может быть, и лучше, если верить шопоту высокой народной гордости, живущей в каждом из нас. К этому фактическому объяснению, принимаемому всеми серьезными людьми, некоторым угодно прибавлять догадку, что мы можем ускорить приближение срока для своего деятельного участия в развитии общечеловеческой науки, если будем заботиться о внесении в нашу науку «народного воззрения». Положим, что эта догадка ошибочна,— в ней нет еще важного проступка: никому не запрещается строить гипотезы, разумеется, под тем условием, чтобы не враждовать к людям, не принимающим гипотезу, пока она не оправдана фактами. Положим, что она справедлива, — никто не может претендовать на людей, не принимающих ее, пока она не подтверждена фактами; сущность гипотезы в том и состоит, что принятие или отвержение ее—дело личной воли, а не обязанности. Убедить в справедливости гипотезы нельзя никакою полемикою или диалектикою: надобно подтвердить ее фактами. Итак, по нашему мнению, гг. Самарин, К. Аксаков и другие избрали бы самый верный и краткий путь, если бы озаботились проведением «народного воззрения» в капитальных ученых трудах: 1) показать фактически, в чем может состоять требуемое ими «народное воззрение» в науке, кроме указанных нами выше качеств изложения; 2) доказать самым делом, что при помощи заботы о «народности воззрения» русскому ученому легче двинуть вперед общечеловеческую науку, нежели при помощи обыкновенного метода и обычных ученых средств. Пока это не будет показано и доказано фактами, всякие похвалы народному воззрению кажутся нам лишенными действительного содержания и основания.

42 Н. Г. Чернышевский, т. Ill 657

Но, с другой стороны, пока люди, принимающие гипотезу, которой мы не принимаем, будут обо всем, что принадлежит миру действительности и сфере положительной науки, сохранять убеждения, приличные образованному человеку нашего времени, мы не перестанем сочувствовать этим людям во всем, кроме их мечты, которая, принадлежа к миру мечтаний, не имеет в наших глазах особенной важности и не может для нас служить поводом к серьезному разногласию. Один астроном утверждает, что на луне есть жители, другой не принимает этой гипотезы. Они могут вести об этом речь «умную, но праздную», по выражению г. И. Аксакова, и, однако же, это не мешает последнему отдавать справедливую ложвалу положительным услугам, какие первый может оказывать науке, одинаково интересующей обоих.

Итак, каких же положительных услуг общему нашему делу ждем мы от «Русской беседы», если она останется верна направлению, за которое ручается имя издателя и лучших сотрудников и некоторые статьи первой книги их журнала? Во всем, что касается положительных, а не отвлеченных вопросов, она, кажется нам, будет говорить верно и здраво, как говорят все истинно просвещенные люди в наше время; участники этого журнала располагают значительным запасом знаний и ревности к делу просвещения*; они люди серьезные, люди с горячими и твердыми убеждениями: как же не радоваться, что они нашли орган для своей литературной деятельности? Во всем, что имеет действительное значение для науки и жизни, они будут действовать в пользу просвещения: чего же требовать больше? Споры о гипотезах не принесут вреда ничему существенно важному, если обе спорящие стороны будут помнить, что гипотезы должны иметь только второстепенную важность сравнительно с чистыми выводами из фактов действительности; а в этих выводах более или менее согласны все образованные люди. Гипотезы, даже ошибочные, имеют и хорошую сторону (под условием, конечно, не увлекаться ими до презрения к фактам): они возбуждают деятельность мысли. Особенно важна эта выгода в тех случаях, когда

мысль, слишком привыкшая к рутине и апатии, нуждается в возбудительных средствах, чтобы проснуться из полудремоты. Таково именно кажется нам положение нашей литературы, и мы ожидаем от гипотезы, выставляемой славянофилами, оживления для нашей умственной деятельности: многие, прежде не думавшие, начнут думать, — а это в настоящее время важнее всего.

Споры, лишь бы только велись о предметах, «вызывающих на * Просим не забывать, что мы имеем в виду не всех участников «Русской беседы», а таких людей, которые похожи на гг. Аксаковых, Кошелева, Самарина, Хомякова. Каждый журнал и каждая школа имеют слабые стороны и сотрудников, которые не содействуют увеличению славы журнала. Но

размышление», а не о каких-нибудь мелких дрязгах, и лишь бы велись благородно, оживляют литературу.

Желаем «Русской беседе» благоденствия и процветания!

«А опасность, угрожающая от нее вашим убеждениям?» —

Опасность вовсе не так велика, как могут думать иные, предубежденные против «Русской беседы»: от истинных славянофилов нельзя ожидать, чтоб они хотели Ко дням Кошихина Россию возвратить,

чтоб они стали проповедывать отчуждение от общечеловеческой образованности. Мы верим, когда г. Самарин говорит от лица их:

Потребность народного воззрения многие принимают за желание, во что бы то ни стало, отличиться от других, как будто бы в этом отличии заключалась цель направления. Им кажется, что ученый, садясь за свой рабочий стол, задает себе задачу выдумать, изобрести русское народное воззрение, например, хоть на феодализм. Нельзя же ему повторять, что сказали Гизо или Гриммы: то были немцы! И созданный воображением труженик, несчастная жертва воображаемых дурных советов, грызет перо, потирает себе лоб и губит время в бесплодной погоне за оригинальностью. Но вольно же в такой форме представлять себе участие народности в развитии науки! Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего, при внутренней пустоте, не поведет к расширению области знания. Этого никогда никто и не утверждал... Здравое понятие о народности ограничивается, с одной стороны, боязнью исключительности, с другой — боязнью слепого подражания. Эта последняя боязнь, бесспорно имевшая основание в первоначальных приемах науки, пересаженной в Россию из Западной Европы, теперь начинает исчезать.

«Имевшая», а не «имеющая»: итак, по словам г. Самарина,

славянофилы находят, что восставать против слепого подражания иноземцам в науке уже прошло у нас время, и уже не боятся за нашу народную самостоятельность; итак, по их мнению, мы уже имеем в науке столько самостоятельности, сколько позволяет нам степень наших познаний. Если так думают славянофилы, они думают справедливо. Подобно г. Самарину, г. К. Аксаков говорит, что «странно было бы нападать из любви к народности на общечеловеческое: это значило бы отказывать своему народу в имени человеческом. И конечно таких нападений нельзя ожидать от «Русской беседы». Прекрасно! мы вполне верим такому образу мыслей в гг. К. Аксакове и Самарине, и желаем только, чтобы «Русская беседа» никогда не покидала этой точки зрения.

Трудно после этих объяснений понять, в чем должно состоять требуемое г. Самариным и г. К. Аксаковым «народное воззрение в науке»: ни тот, ни другой не обратили внимания на то, чтЪ сущность требования выражается в его осуществлении, и не позаботились уяснить для нас теорию свою практическими приложениями ее к каким-нибудь определенным вопросам. А теория без практики почти неуловима для мысли, и общие понятия, ими высказываемые, неопределенны в своей отвлеченности. Нам кажется, что сущность их требования состоит .в том, чтобы мы поняли необходимость критики в науке и не увлекались предрассуд-42 * 659

ками и пристрастиями, по крайней мере, чуждыми нашим нравам, если нельзя всегда предостеречься от предрассудков, всосанных с молоком матери, хотя и эти

предрассудки не лучше других и также должны быть отстраняемы каждым из нас в деле науки.

В предисловии к «Русской беседе» также встречается слово «критика». О, если дело идет только о том, что надобно все принимать с строгою критикою и беспощадно отбрасывать предубеждения,

то это дело прекрасное; мы прибавили бы только, что каждое дело надобно называть его настоящим именем, и, например, чувствуя потребность «критики в науке», прямо и говорить, что требуется «критика в науке», а не «народное воззрение» или восточное начало. Само собою разумеется, впрочем, что критика хороша только при соблюдении некоторых научных условий; из них важнейшие: 1) основывать свои суждения о том, что справедливо и что несправедливо, на идеях, выработанных современною наукою, а не на каких-либо субъективных симпатиях, не на мертвой букве какой-либо книги и не на предрассудках, которые сами не выдерживают критики; 2) ни под каким видом, ни для каких целей не игнорировать и не искажать фактов. Если «Русская беседа», верная словам гг. Самарина и К. Аксакова, в своей «критике науки» будет соблюдать эти постуляты, эти категорические императивы науки, она скажет нам очень много хорошего, хотя скажет мало такого, что бы не было уже (и очень недурно) высказано в Западной Европе, потому что 'Европа очень любит критику в науке и занимается ею очень небезуспешно.

Не знаем, во всем ли согласятся с нами гг. К. Аксаков и Самарин, — вероятно, не во всем, потому что трудно найти двух людей, которые думали бы совершенно одинаково, хотя бы они принадлежали и к одной школе, а не к различным; но надеемся, что точек сходства в нашем и их образе мыслей найдется довольно много, быть может, более, нежели серьезных поводов к разногласию. Некоторые другие участники «Русской беседы», вероятно, найдут неудовлетворительными многие из объяснений, удовлетворительных для ученых, нами названных. Наконец, с г. Филипповым мы можем соглашаться только в двух пунктах: в том, что терпение — прекрасное качество, и в том, что смирение — высокая добродетель; но так как эти вопросы принадлежат не литературе,

а законам благоустройства и благочиния, то можно, пожалуй, сказать, что мы с ним не сходимся ровно ни в чем, когда речь идет о литературе. Это различие между разными соучастниками «Русской беседы» делать необходимо: иначе, если мысли г. К. Аксакова смешивать с мыслями г. Филиппова, или наоборот, дело совершенно запутается.

Но мы все говорим о направлении «Русской беседы», а ничего еще не сказали о содержании первой ее книги,— это потому, что интерес публики возбуждается собственно направлением «Русской беседы», а не частными достоинствами или недостатками 6G0

статей, вошедших в состав ее первой книги. О них достаточно будет сказать несколько слов. С лучшими из стихотворений мы уже познакомили читателя в предыдущем номере нашего журнала; кроме их, в отделе изящной словесности помещено одно стихотворение Жуковского и две его статьи в прозе: «О меланхолии» и «О привидениях». Дух, которым они проникнуты, тот же, как и в остальных сочинениях Жуковского о психологических предметах. Кроме того, г. П. Киреевский поместил несколько русских песен из своего сборника. В отделе критики заметим статью г. Г—ва «О семейной хронике» г. С. Аксакова: в ней рассеяно много умных мыслей; две небольшие статьи г. Кошелева отличаются [здравым взглядом и] большим знанием дела [:трудно не убедиться его доказательствами, что средоточием, из которого должны расходиться железные дороги по всем краям России, «а-добмо избрать Москву]. О статье г. Самарина: «Два слова о народности в науке» и небольшой статейке г. К. Аксакова: «О русском воззрении» мы говорили подробно. Они служат как бы программою «Русской беседы», — и если она останется верна этой программе, то, без сомнения, приобретет общее уважение, чего

Июнь 1856 года.

И стихотворениям, и повестям, и драмам бывает иногда, как людям, счастье, ничем, повидимому, не заслуженное. Скажите, например, за что все чувствительные сердца в старинные годы выбирали для аккомпанемента своих вздохов непременно или:
Стонет сизый голубочек,

Стокет он и день и ночь... или:

Взвейся выше, понесися,

Сизокрылый голубок...1

между тем, как в то же самое время были сотни других песенок, ничуть не уступавших ни «сизокрылому голубку», ни «сизому голубочку» своею чувствительностью и гораздо лучше написанных? За что изречение Суворова дало бессмертие именно «Пригожей поварихе», а не другому какому-нибудь плохому роману? 2 Чем, наконец, и в наши времена комедия «Чиновник» заслужила то особенное счастье, что возбудила живые споры в обществе и подала повод к появлению двух замечательных разборов, из которых один читатели пробежали в предыдущей книжке нашего журнала, а первая половина другого, принадлежащего Н. Ф. Павлову, помещена в № 11 «Русского вестника»?3 Русская драматическая литература не очень богата прекрасными новостями; но каждый скажет, что всякий год ставится у нас на сцену если не больше, то уж никак не меньше десятка новых пьес, отличающихся гораздо большими литературными достоинствами, нежели 661

последняя пьеса графа Соллогуба. И, однако Ht, они проходят без шума; а «Чиновнику» досталась громкая слава. Или эта комедия обратила на себя общее внимание тем, что поразительно плоха? —

и того нельзя сказать о «Чиновнике»: он, правда, очень слаб в художественном отношении, но бывают сотни пьес еще гораздо слабее его — й, однако же, о них не говорят, а о нем говорят. Странное счастье, незаслуженное счастье «Сизому голубочку», «Пригожей поварихе» и «Чиновнику»!

Так ли? В самом ли деле незаслуженное? Не на первый ли только взгляд кажется, будто все эти три произведения получили свою известность только благодаря капризу случая? Ведь случайно ничего не бывает на белом свете — ужели только «Сизый голубок» и «Чиновник» составляют исключение из общего правила? Вероятно, известность их основана же на чем-нибудь.

О «Сизом голубке» нам некогда пускаться в изыскания; но что «Чиновник» наделал шума не без причины, знает каждый: благо, дело еще недавнее. В комедии графа Соллогуба есть несколько горячих слов против злоупотребления, которое возбуждает общее негодование. Потому-то и возбудила она к себе общее внимание. Так. Но этим самым объяснением и запутывается дело. Если некоторые прекрасные фразы «Чиновника» вызвали единодушные аплодисменты, то за что же критика напала на эту комедию так безжалостно? Положим, что пьеса слаба, очень слаба; но ведь не говорят же о самых слабых пьесах так строго, как говорит о «Чиновнике» Н. Ф. Павлов. Его разбор написан чрезвычайно едко. Неужели пьеса не заслуживала пощады за свои громкие фразы? Отчего такой гнев?

Оттого гнев, что высокие притязания не могут не возбуждать желчи, когда ими обнаруживается только незнание дела и неуменье взяться за него.

В чем эти высокие притязания, эта неправда, нам не нужно говорить: читатели знают, какой вопрос ставит «Чиновник» и как решает его. В главных мыслях, критика г. Н. Ф. Павлова сходится с тем, что было высказано в нашем журнале по поводу пьесы графа Соллогуба. Надимов, столь самодовольный, с такою гордостью выставляющий себя в пример всем, так презрительно отзывающийся о всех, кроме себя, провозглашающий во всеуслышание, что Россия в нем нуждается и погибнет без него,— этот Надимов не знает ни России, ни людей, ни самого себя; он ни к чему не способен, он поступает хуже всех тех, против которых восстает. Надобно же разоблачить такого человека, надобно же доказать, что он сам не понимает того, о чем твердит. И если он выступает на сцену с намерением сделать других подобными себе, то надобно же сказать, что он жестоко ошибается, считая себя образцовым человеком, и что истина, случайно примешиваемая им к суетным похвалам самому себе, искажаясь в его устах в угоду его самолюбивым мечтаниям, перестает быть истиною.

662

С этой целью написан разбор Н. Ф. Павлова, как и разбор, помещенный в «Современнике». Но г. Павлов идет далее. Обнаруживая, что идея комедии фальшива, он подробною эстетическою критикою доказывает, что фальшивость основной идеи по« губила и художественное достоинство пьесы.

Чрез это его разбор получает новое достоинство: в нем приобретает русская литература прекрасный пример истинной художественной критики, понятия о которой так затемнились после смерти Белинского.

Художественность состоит в соответствии формы с идеею; потому, чтобы рассмотреть, каковы художественные достоинства произведения, мадобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи, потому что форма будет также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее. Для решения последнего вопроса надобно просмотреть, действительно ли все части и подробности произведения проистекают из основной его идеи. Как бы замысловата или красива ни была сама по себе известная подробность — сцена, характер, эпизод, — но если она не служит к полнейшему выражению основной идеи произведения, она вредит его художественности. Таков метод истинной критики. У нас в последние годы все эти коренные понятия запутались и затемнились. Люди, наиболее толковавшие о художественности, решительно сами не знали, что такое художественность. Они, забыв обо всем, на что должна обращать главное свое внимание критика, вообразили, будто художественность состоит в красивой отделке подробностей, в украшении произведения заботливо сделанными картинками и ловко обточенными фразами. О том, имеют ли смысл эти украшения, нужны ли они для выражения идеи, существует ли, наконец, в произведении какая-нибудь идея, они и не думали спрашивать.

По их понятиям, чем более походит литературное произведение на хорошо обточенную игрушку с приятно звенящими бубенчиками, тем оно художественнее. Они совершенно возвратились к невинной поре триолетов и буриме. Если бы воскресли Буало и Лагарп, они обняли бы этих мастеров разбирать достоинства «красот пиитических»; сам Толмачев и даже сам Бургий не отказали бы в полном своем одобрении их тонкому вкусу.

Но публика не способна ныне восхищаться литературными игрушками, еще менее способна уважать рассуждения о достоинствах отделки бубенчиков на игрушках. Критика лишилась не только уважения, даже внимания читателей. Она стала скучна. Кому охота смотреть на то, как переливают из пустого в порожнее?

Одного слова «художественность» стало уже довольно, чтобы навести тоскливейшую зевоту на самого бесстрашного читателя. 663

Не пора ли прекратить эту забаву? довольно времени погублено на нее; довольно надоела она всем.

Пора критике вспомнить, что она должна быть не пустословием об игрушечных бубенчиках. Чем же она должна быть? Незачем пускаться в длинные рассуждения о том, чем должна быть критика, — укажем на разбор «Чиновника», написанный г. Н. Ф. Павловым: вот истинно художественная критика, вот та критика, которой требует публика, потому что в ней находит мысль и дело, а не пустые речи о красотах побрякушек.

Каждый помнит еще превосходные письма г. Н. Ф. Павлова по случаю издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя 4. Разбор «Чиновника» стоит, в своем роде, этих писем. Больше мы ничего не скажем в похвалу его новой статьи, потому что трудно приискать другую похвалу выше этой.

Вы хотите говорить о художественности? Посмотрите же, как понимает художественность г. Павлов, как он, ни на минуту не забывая об идее произведения, каждую подробность спрашивает: «скажи мне прежде, зачем ты здесь? дала ли тебе общая мысль комедии право являться передо мною в этой комедии? Нужна ли ты для воплощения идеи? Не противоречишь ли ты ей, вместо того, чтобы оправдывать ее и оправдываться ею? Только тогда, если ты докажешь это, я спрошу, красива ли ты». И когда каждая сцена, каждый характер поочередно обличается в несообразности с идеею целого или в излишности для нее, он неумолимо говорит: «быть может, эта частность отличается щегольскою отделкою, все равно: будь она красива или некрасива,— она неуместна, фальшива, противохудожественна». Быть может, например, салон

графини описан очень изящными и подробными чертами, быть может, вся внешность

аристократизма выставлена в лице графини очень точно; но чувства и поступки графини носят ли на себе отпечаток аристократизма? Узнаем ли мы из комедии графа Соллогуба, как чувствуют и поступают дамы высшего общества? —

Нет. Нет? Так зачем же она графиня? зачем же ее аристократический салон? Это рама без портрета, это надпись без предмета, к которому должна относиться, в этих подробностях .нет художественного смысла, автор испортил ими свою комедию, в которой они излишни и фальшивы:

Вообще надо заметить, что тут действует какая-то графиня допотопная, а не графиня современная нам. Иные писатели любят присвоивать себе, преимущественно перед другими, знание всех тонкостей в светском круге, называемом, если хотите, высшим обществом. Знание это, благодаря нашим нравам, нашей физиологии и счастливо или несчастливо сложившимся историческим событиям, достигается легко и нисколько не сопряжено с теми препятствиями, которые были отличительною чертою народов Запада, Не было и нет мудрости познакомиться с графиней, с убранством ее комнат, с се гардеробом, проникнуть к ней в душу, исследовать движения ее ума, определить понятия, привитые ей веком. Нужен только талант. Но, повторяем, в сочинениях иных писателей не заметно дельного желания изучить предмет, кото-664

рый, по благоприятному стечению обстоятельств, находится под рукою.

К несчастшо, все, чт<> носит у нас правильно или неправильно имя образованности: познания, общественное положение, знакомство с известною средою людей, все употребляется часто средством .для одного чванства перед другими. При внимательном взгляде нередко можно увидеть там на дне ничего более, как пустое тщеславие. «Я профессор в этой науке не потому, чтобы имел особенные способности, а потому, что ежедневно упражняюсь в ней, я ежеминутно там, где вас нет». Это щегольство, основанное на

Тот не знает высшего общества, кто знает его затем только, чтоб сказать другим, что они его не знают, как не может назваться образованным человеком тот, кто читает книгу затем только, чтоб похвастать ею. Да, ко многим изображениям этого общества примешивалось у нас почти всегда тайное чувство хвастовства, — и что же вышло? писатель превратился в модистку с Невского проспекта, в столяра, в бронзовых дел мастера. Нарядить графиню по моде, поставить перед ней вазу с цветами, убрать ее стол разными безделками, посадить ее в кресла, обитые бархатом, заставить непременно ездить верхом, постлать ковер, вынуть у нее из головы всякую мысль, а из сердца всякое путное чувство — это значит изобразить светскую женщину, графиню. Но, боже мой, этот рецепт уже известен давно, это уже невыносимо скучно и страх надоело. Ведь в светской женщине, в графине, несмотря на то, что она графиня, может также быть воображенье, тонкость ума, живость чувства, какое-нибудь понимание того, что дышит, движется, мыслит и чувствует около нее. Ошибитесь, ради бога, в ее туалете, нарушьте требования моды, оставьте в покое письменный стол, верховых лошадей, избавьте нас от ковров, от мебели, но схватите душу светской женщины, уловите направление ее мысли, представьте влияние окружающих обстоятельств на ее природный характер. Что это за графиня? зачем увлекать ее от нас, готовых с такою нежностью любоваться ею, в сферу давно забытых индейских каст, и насильственно разрывать у нее все точки соприкосновения с мелкими чиновниками, когда ни век, ни она сама, как она есть в самом деле, не требуют такой разрозненности. Нет, неправда, что современная графиня, как новорожденное дитя, не знающее ни людей, ни их отношений, испугается губернаторского чиновника; неправда, что задумается посадить его. Современная графиня не так труслива и не так младенчески добродетельна. Не только в деревне, но и в Петербурге она примет чиновника с ласковым словом, с очаровательным взглядом, посадит и тогда, когда

он будет не щегольски одет, протянет ему даже в ином случае, судя по важности дела, два нежные пальчика, согласно обычаю, перенятому нами у англичан. В деревне, особенно, графини не так недоступны и не так легкомысленны, как многие воображают. Там они становятся очень обходительны со всеми, кто нужен, расчетливы, иногда скупы; они, напротив, спешат знакомиться с полезными чиновниками и, должно сказать к чести современных графинь, часто умеют обделывать свои практические дела гораздо лучше, чем мужчины. Вы видите, что светская женщина на бале легка, как зефир, и верите ей! Такой взгляд a vol d'oiseau может вести к важным заблуждениям. Нет, это не графиня из нынешнего Петербурга или из нынешней Москвы, а маркиза из древних записок Saint-Simon. Виноват! маркизы были все-таки умнее нашей графини.

Надимов говорит графине великолепные фразы об отечестве, священном долге, самоотвержении и проч. Хороши ли они сами по себе, до этого художественной критике будет дело только тогда, когда она узнает, уместны ли, нужны ли здесь они. Кто этот Надимов? Зачем он здесь? О том ли он должен говорить, о чем теперь разглагольствует, рисуясь перед графиней?– Нет.

665

Нет? Так он говорит неуместно и фальшиво. Да и вообще имеет1 ли он право приписывать себе те качества, которыми хвалится?

Чем он их доказал? – Ничем. Ничем? о, так он самохвал, ни больше ни меньше; а идея произведения требует, чтобы он был человеком дельным, – стало быть, его лицо противоречит идее комедии, оно противохудожественно, оно губит комедию.

Милая графиня не поняла ни единого слова. Да и на что ей рассуждения о службе? она переходит к вопросу, который ей ближе, к вопросу о счастьи, к вопросу о любви, и если Надимов, для беседы с нею, забыл свою обязанность, то она, становясь на его место, превращается в чиновника, приступает

к следствию и допрашивает немилосердно:

– А счастья вы не ищете? Кого же вы любите? .

Н а д и м о в . Я-с, графиня? да я живу любовью, я постоянно счастлив в любви.

Графине становится это неприятно. Он живет уже, а не начинает жить; следовательно, эта любовь не относится к ней. Надимов продолжает:

– Да-с, я счастлив в любви с тех пор, как догадался, где надо искать

ее. Я нашел такую любовь, на которую положиться можно, которая наверно и, никогда не изменит.

Г р а ф и н я. Какую же это?

И графиня и мы заинтересованы чрезвычайно. Любопытство наше воз* буждено до неимоверности. Мы пылаем нетерпением узнать поскорее эту чудную женщину, ниспосланную небесами, в их благости, губернаторскому чиновнику, приехавшему по делу о затопленных лугах Дробинкина, эту восхитительную любовь, которая наверно и никогда не изменит. Надимов называет нам ее. Судите же о горечи нашего разочарованья! Это обман. Это не живая дама с миловидным лицом и в нарядном платье, а дама-идея, идея огромная, уничтожающая, это Россия.

– Любовь к нашему отечеству, любовь к России, – говорит Надимов.

Этого чувства на всю жизнь хватит и с избытком даже.

И у графини и у нас опускаются руки. Надимов любит Россию и, как кажется, сколько это проглядывает из его слов, уверен немного во взаимности, хотя до него великие люди жаловались большею частью на холодность и неблагодарность отечества: Аристид был изгнан, Велисарий умирал с голоду. Любовь к России – чувство похвальное! Да, его хватит на целую жизнь и не на одну даже, это правда. Н о зачем г. Надимов говорит об этом? зачем так торжественно, с таким лирическим вступлением? разве это какая-нибудь диковинка? разве любить Россию есть привилегия, дарованная исключительно ему и приобретенная какими-нибудь усилиями? разве предполагается, что графиня не любит тоже России? Давать чувствовать такое предположение было бы неучтиво. Разговор между образованными людьми

основан на взаимных уступках, на взаимном благоволении друг другу. Графиня очень ограниченная женщина; но не может же Надимов сказать ей: я умен. Не может потому, что и графиня, какова она ни есть, должна приниматься за умную. Он умен, умна и она. Не хочет ли Надимов намекнуть ей, что вот Мисхорин, которого он сейчас видел, не любит России, а я люблю? Конечно, Мисхорин хотя щегольски, но несколько пестро одет; да, во-первых, Надимов не довольно хорошо его знает, а, во-вторых, ронять в мнении графини заочно кого бы то ни было не идет человеку щегольски и весьма просто одетому. Для чего же, повторяем, говорит г, Надимов о

своей любви к России, если предполагается и должно по совести и из учтивости предположить, что любят ее и графиня и Мисхорин, и те, которые налицо, и те, которые еще за кулисами? Я люблю, а графиня скажет: и я люблю; после этого следует: ты любишь, мы любим. Что ж это за разговор? это повторение грамматики, спряжение действительного глагола и ничего более.

Любовь к отечеству не заслуга, не преимущество, не достоинство. Это 666

чувство инстинктивное, невольное. Любишь и потому, что не любить не можешь, и потому, что вне отечества никуда не годишься и никому не нужен. Не любить было бы гораздо мудренее, чем любить. Человек живет во'вре-мени и в пространстве, иначе на земле и жить нельзя. Отечество есть именно пространство, одно из условий его существования. Все, что в нас есть, духовный и физический состав, все образовалось на этой почве, в этом воздухе; все, что заимствовали мы из-под чужого неба, приобретено нами по милости той же почвы и того же воздуха. Да и кто не любит отечества? где эти люди, эти народы? есть такие, которые умирают с тоски по нем. Не станем прибегать к пошлым возгласам о благодарности: в любви к отечеству таится идея более существенная и более истинная —идея необходимости. Поэтому, покинем ли мы Петербург и выберем своей резиденцией город Усть -сысольск, определимся ли на службу в писцы станового пристава, или пойдем положить голову за Россию, нам всем равно любезную и равно дорогую,

мы не имеем права становиться на ходули и высовываться из необозримой массы обыкновенных людей, провозглашая громогласно, что таем любовью к своему отечеству. Даже прибыв в имение графини или княгини, по жалобе Дробинкина о двух или трех стогах сена, мы должны совершить этот подвиг, не уверяя других, что спасаем Россию или приносим ей пользу. Этого требует чувство уважения к себе, чувство нравственного приличия, этого требуют и законы смешного. Вы вступили в должность муравья и тащите песчинку на огромную гору, — прекрасно, но что же из этого? неужели это должно послужить поводом к диссертации о любви к отечеству? Впрочем, г. Нади -мов и песчинки-то не тащит: до сих пор он только разговаривает; а как пример соблазнителен, то мы боимся, что в губернии, где он поселился, будет большое запущение в делах. Все закипят любовью и перестанут писать. Видно, любовь, даже и к отечеству, отвлекает человека от занятий.

Но. нам скажут, он отказался от удовольствий столицы, пренебрег наслаждениями богатства, заехал в какую-то трущобу, принес жертву. Это опять не исключительное положение. Заметим мимоходом, что в губерниях служит много чиновников, которые и живали в Петербурге, и богаты, и путешествовали. Что касается до жертвы, тут вопрос важнее. Чтоб жертва получила общественное значение, для этого нужны ее плоды, нужно не собственное мнение, а мнение других. Иногда нет средства отличить черту самоотвержения от побуждений эгоизма. Приехать из Петербурга в губернию можно от сплина, от нечего делать, от неудач, из мелкого честолюбия выказать себя. Г. Надимов любит как-то огромно. Любить вею Россию не легко.

Отчего бы не ограничиться какою-нибудь из ее частей? Полюбить бы хоть одну губернию. Россия так обширна, что есть из чего выбрать. Вот, например, в эту минуту, как он изъясняется в своей нежности к целому, части этого целого, то есть понятые или окольные люди, без которых нельзя составить законного удостоверения о затопленных лугах, лежат на траве или сидят, пригорюнившись, у конторы на завалине, оторванные от своих работ, в ожидании, когда будет угодно губернскому чиновнику спросить их, бог

знает зачем и бог знает о чем. Они, вероятно, также любят Россию, но, одаренные большим знанием светских условий, любят молча. — Мы говорили до сих пор, не касаясь важного опровержения, которое может быть нам сделано. Г. Надимов может возразить, что его любовь особенного рода, не та, какую мы излагали: он любит лучше и разумнее, чем эти несчетные миллионы людей. Точно, инстинктивное чувство любви к отечеству переходит иногда в другую, высшую степень, в сознание, возводится в идею, и, правда, человек приобретает право скагзагв громко: я люблю Россию. Но sa это право должно заплатить дорого. Оно дается не многим. Это достояние исторических лиц, способствовавших развитию, просвещению, благоденствию и славе отечества. Тут любить мало: надо еще уметь любить, надо видеть ясно цель, куда любовь ведет, и находить в душе своей средства для достижения цели. Надо знать, почему люблю и для чего люблю. Тут уже все помыслы человека, все .его шаги, все действия обращены на служение одной, всепоглощающей идее. С ним уже не беспокойтесь, не наряжайте графинь н не 667

ставьте бронзовых безделок на их столики. Для него и нарядна, и прекрасна, и молода одна Россия. Ее только образ будет носиться у его изголовья. Да, существует любовь разумная, любовь не инстинктивная, любовь -идея, но много ли сердец, способных биться ею?

Вот это можно, действительно, назвать художественною критикою. Таких статей не могут писать Надимовы, будут ли чиновниками или драматургами, или критиками. Против таких разборов они не устоят. Тут говорит человек, и имеет право говорить, потому что понимает, в чем дело, и, между прочим, понимает, что та кое художестве нность и чего надобно тре бовать от л ите ратур-ного произведения. Больше таких статей давайте нам, господа русские критики, и вы увидите, будет ли уважать вас публика.

Вы, быть может, умеете хорошо писать,—публика не знает этого, потому что — греха нечего таить — она не читала ваших мнимохудожественных разборов, быть может, и прекрасно написанных. Не читала потому, что вы думали, будто можно заинтересовать ее рассуждениями об узорах, цветочках и кудерьках. Как бы хороши ни были эти кудерьки и узоры, и какими бы красными словами, какими бы кружевными периодами ни объяснялись их грациозные изгибы и хитросплетения, какое кому дело до всех этих прикрас?

У вас, быть может, есть талант и вкус. Вы думали, что этого довольно. Нет, кроме того, нужна дельная мысль, нужно знание дела. Вы пишете хорошо, и вас никто не поблагодарил ни одним словом за все ваши красноречивые страницы, и вы сами не были довольны друг другом: так сильна потребность дела и правды, что даже мысль: «он занят тем же, чем я», не могла пересилить в вас сознания: «он занят пустяками». И вот, сравните с своими искусными периодами те простые или, быть может, даже неловко написанные отрывки, которые мы приводим ниже, и скажите: не в тысячу ли раз живее и лучше красноречивых рассуждений о художественности токарных изделий и филигранных прикрас эти небрежные, чуждые литературной отделки слова? Отчего ж разница? Ведь предметы, о которых вы пишете, гораздо живее и интереснее, нежели сухие вопросы, о которых идет там речь? Ведь вы пишете о поэзии, и ведь в поэзии жизнь и страсть— и, однако же, все, и вы сами первые, дремали и умирали от скуки над этими толками о поэзии. А вот люди, которые и не претендуют равняться с вами в искусстве сочинительства, пишут о предметах гораздо менее увлекательных — о воспитании детей, о должности старшего офицера на каком-нибудь фрегате: кажется, читателю позволительно бы зевнуть над рассуждениями о таких сухих материях, и, однако ж, кто не пробежит с интересом тех выписок, которые мы сейчас приведем? Отчего ж это? Едва ли не оттого, что слова этих людей служат выражением дельной мысли, а не прикрытием пустоты.

— Кстати, «Морской сборник», о котором часто случается 668

слышать разговоры в обществе, и разговоры всегда в одном и том же духе полной признательности к замечательным достоинствам этого издания, без сомнения, занимающего первое место между нашими специальными журналами, — в последнее время приобрел еще более живости и разнообразия. Мы не будем перечислять всех заслуживших одобрение публики статей его, а хотим только заметить одну из тех особенностей, которые наиболее содействуют оживлению журнала. Нередко в нем помещается целый ряд статей об одном и том же предмете, писанных различными авторами, смотрящими на вопрос с разных точек зрения: один предлагает на обсуждение своим сотоварищам по занятию мысли, внушенные ему опытом жизни и службы; другой разбирает эти мысли, приводит новые доказательства в подтверждение их или делает замечания, возражения; автор статьи, подавшей повод к этим замечаниям, выражает о них свое мнение, признавая их справедливость или разъясняя те пункты, которые первою статьею не были определены с достаточною подробностью. Иногда и еще новые лица принимают участие в этой беседе, которая всегда ведется в «Морском сборнике» со всею откровенностью литературного дела и со всею деликатностью разговора людей, просвещенных наукою и житейскою опытностью. Ни с той, ни с другой стороны не бывает ни ложных уступок из лицеприятия, ни полемического увлечения: каждый говорит твердо и вместе спокойно. Таким образом, мнение одного разъясняется и дополняется мнением другого, и одна только несомненная истина остается результатом беседы, иногда очень живой и занимательной.

Мы укажем два случая, которые могут служить прекрасными примерами пользы, доставляемой истине откровенным разменом мыслей.

В одном дело идет о вопросе, общем для всех,—о воспитании; другой ближайшим образом относится к морскому делу, но имеет своим предметом отношения, повторяющиеся во всех сферах общественной жизни, и потому едва ли уступает первому своим интересом для каждого читателя, к какому бы званию ни принадлежал этот читатель.

В № 1-м «Морского сборника» за нынешний год была помещена статья г. Бема «О воспитании», написанная прекрасно. А втор с большим знанием дела говорил о цели воспитания, об отношениях семейного воспитания к общественному, о том, какие предметы должны входить в круг общего преподавания, и о степени относительной важности каждого из них, о различных методах преподавания и воспитания. И з людей, прочитавших это рассуждение, почти каждому,— в том числе, признаемся, и нам, — казалось, что статья касается всех главных сторон предмета, и что если можно о том или другом из объясненных автором вопросов думать не совершенно одинаково с ним, то едва ли можно указать вопрос, которого он не коснулся бы. Но в предисловии к статье 660

г. Бема Морской ученый комитет, заведующий изданием «Сборника», предлагал каждому читателю высказать свое мнение об этом важном для всех предмете. «Морской ученый комитет, — говорило предисловие, — обращается ко всем, кому дорого отечественное воспитание, особенно же к родителям и воспитателям, с покорнейшею просьбою о доставлении в редакцию «Сборника» своих замечаний, возражений, взглядов по поводу этой статьи, имеющей предметом одну из насущнейших потребностей всякого,

а тем более — еще юного — русского общества».

Приглашение, сделанное так благородно, не осталось без ответа, и в следующих книжках «Морского сборника» явилось несколько статей по поводу рассуждения г. Бема. Мы не будем рассматривать достоинств или недостатков каждой из них: наша речь клонится только к тому, чтобы сказать, что в одной из этих статей была указана совершенно новая точка зрения на предмет, была выставлена на вид истина, о которой слишком часто забывают, но которая имеет существеннейшую важность в этом деле.

Заслуга напомнить об этой истине принадлежит г. Далю. Его «Мысли по поводу статьи: о воспитании», напечатанные в майской книге «Морского сборника», заслуживают величайшего внимания, как по своей справедливости, так и по редкой откровен-1 ности, с какою сообщил он нам результаты своей известной наблюдательности. Вот отрывки его прекрасного размышления, или, скорее, рассказа:

Не столько в сочинениях о воспитании, сколько на деле, весьма нередко упускается из виду безделица, которая, однако же, не в пример важнее и полновеснее всего остального: воспитатель сам Должен быть тем, чем он хочет сделать воспитанника, или, по крайней мере, должен искренно и умилительно желать быть таким и всеми силами к тому стремиться.

Проследите же несколько за нравственною жизнию воспитателей, познайте, с какою искренностью и с каким убеждением они следуют не на словах, а на деле своему учению, и у вас будет мерило для надежд ваших на все их успех и.

Если бы, например, воспитанники, по общей молве, рассказывали друг ДРУГУ, что-де такой-то воспитатель наш беспутно промотал все, и свое и чужое, и спасся от окончательного крушения в мирной пристани, в заведении, при котором состоит, не отказываясь, впрочем, и ныне кутнуть на чужой счет, где случай представится, — но делает это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другом, что он, как хороший хозяин, был в свое время всегда избираем товарищами для заведывания общим столом и также счел за лучшее удалиться под конец с этого поприща и от доверчивых товарищей и вступить в новый и более чужой круг: если бы рассказывали о третьем, что он ставит в поведении полные баллы всем воспитанникам, которые не берут казенных сапогов, а ходят в своих; о четвертом, что беседуя в классах о разных пустяках, при внезапном входе начальника, с удивительным спокойствием и находчивостью продолжает беседу тем же голосом, и тем же выражением, но отрывая прежнее пустословие свое на половине слова, переходя к продолжению преподавания, которого прежде того и не начинал — словом, если бы воспитанники были такого или подобного мнения о воспитателях своих: каких вы бы ожидали от того последствий? Поверите ли вы, что из рук таких

воспитателей выйдут молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

670

Что вы хотите сделать йз ребенка? Правдивого, честного, дельного человека, который думал бы не столько об удобстве и выгодах личности своей, сколько о пользе общей, – не так ли? Будьте же сами такими: другого наставления вам не нужно. Незримое, но и неотразимое, постоянное влияние вашего благодушия победит зародыши зла и постепенно изгонит их. Если же вы должны сознаться, в самом заветном тайнике души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки ие одинаковы, приноравливаясь к обстоятельствам, что облыжность свою вы оправдываете словами: живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать; что вы наконец и в воспитатели попали потому только, что без хлеба и без места жить нельзя, словом: если вы в тайнике совести своей должны сознаться, что вы желаете сделать нз воспитанника своего совсем не то, что вышло из вас, добрый человек, вы в воспитатели не годитесь, каких бы наставлений вы ни придерживались, чего бы ни начитались. Не берите этого греха на душу; несите с собой, что запасли, и отвечайте за себя.

Если бы, например, воспитатель по врожденным или наследственным свойствам своим, на деле, стоял на трех сваях – авось, небось да как-нибудь– а на словах неумолчно проповедывал: добросовестность, порядок и основательность, то что бы из этого вышло? Верьте мне, и воспитанники его станут, в свою очередь, поучать хорошо, а делать худо.

Если бы воспитатель не находил в себе самом основательных причин, для чего ему отказываться от обычных средств жизни, то есть: прокармливая казенного воробья, прокормишь и свою коровушку, то какие убеждения он в этом отношении невольно и неминуемо передаст воспитаннику?

Если бы воспитатель свыкся и сжился, может быть, и бессознательно, с правилом: не за то бьют, что украл, а за то, чтоб не попадался, то какие понятия он об этом передаст другому, младшему? Какие правила, конспекты, программы, курсы и наставления на бумаге и на словах могут совершить такое чудо, чтобы воспитанники со временем держались понятий и убеждений противоположных?

Всего этого к коже не пришьешь. Если остричь шипы на дичке, чтобы он с виду походил на садовую яблоню, то от этого не даст он лучшего плода: все тот же горько-слад, та же кислица. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, как оно пускает свой корень в землю.

С чего вы взяли, будто из ребенка можно сделать все, что вам угодно, наставлениями, поучениями, приказаниями и наказаниями? – Внешними усилиями можно переделать одну только наружность. Топором можно оболванить как угодно полешко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лаком, но древесина от этого не изменится: полено в сущности осталось поленом.

Воспитатель должен видеть в мальчике живое существо, созданное по образу и подобию творца, с разумом и со свободной волей. Задача состоит не в том, чтобы изнасиловать и пригнести все порывы своеволия, предоставляя им скрытно мужать под обманчивою наружностью и вспыхнуть со временем на просторе н свободе: нет! задача эта вот какая: примером на деле и убеждениями, текущими прямо из души, заставить мальчика понять высокое призвание свое, как человека, как подданного, как гражданина, заставить страстно полюбить– как любит сам воспитатель, не более того – бога и человека, а стало быть, и жить в любви этой не столько для себя, сколько для других...

Мальчик, сызмала охочий копаться над какою-нибудь ручною работой, слушая в заведении, где воспитывался, физику, вздумал сам построить электрическую машину. В течение нескольких месяцев собирал он и копил гривенные доходы свои и, отправившись на каникулы к дяде, с жаром принялся за это дело. И спит и видит свою машину. Накупив на толкучем несколько стеклянных стоек – остатки какой-то великолепной люстры или паникадила, и разбитое зеркало толстого стекла, он около двух недель про-671

возился за обделкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами да зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить в средине дыру.

С этим-то запасом подмышкой он, по окончании каникул, отправился обратно в заведение счастливый и довольный, и, притом, пеший, потому что гривенник, отпускаемый ему на извозчика, ушел на строительные припасы.

Ему надо было пройти Исакиевскую площадь. Только что успел он поровняться с домом, стоявшим тогда рядом с домом графини Лаваль, как над ним раздался громкий голос: «Мальчик! Эй мальчик! поди сюда!» Взглянув на помянутый дом, мальчик наш встретил в растворенной форточке знакомое и страшное лицо воспитателя, которому, однако же, он лично знаком не был, и прозвания он его не знал, потому что был из другого класса. «Поди сюда, мерзавец1 что ты это несешь?» Робкий детский голос пробормотал что-то неслышное при стуке карет по мостовой. Тот, перекрикивая и стук карет этих, повторил вопрос свой до нескольких раз и, наконец, рассыпавшись бранью, приказывал самым настоятельным образом бросить стекло и сверток на мостовую. «Брось! брось сейчас, мерзавец!» кричал он, выходя из себя, а пойманный с поличным стоял навытяжку неподвижно под окном, хлопая глазами, молчал, но стекло свое крепко прижимал подмышку. Расстаться с этим стеклом, бросить его на мостовую — это вовсе не вмещалось в голове мальчика, он слов этих не понимал. «Так я ж тебя!» закричал тот в отчаянном негодовании своем и, захлопнув форточку, вероятно, поспешил насчет поимки и представления под караул ослушника.

Но этот бедняк, с электрическою машиной подмышкой, сам не зная, что делает, бросился без памяти бежать в Галерную улицу, кинулся на первого извозчика, дрожа всем телом, переправился на перевоз, запрятал стекло с принадлежностями в самое скрытное, никому не доступное место, и только через месяц, когда всякая молва и розыски по этому страшному делу миновали, снова принялся за работу и благополучно окончил свое произведение. Помяну еще о другом случае.

В то время, в заведении, где мы воспитывались, в Новый год всегда давался маскарад, на который мы являлись — готовясь к этому задолго — в шпалерных кафтанах, пеньковых париках и бумажных латах, со львиными головами на оплечьях, из хлебного мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайком и приносила в маскарадную залу свою пирамиду — великолепное бумажное здание, расписанное и раскрашенное, пропитанное маслом и освещенное изнутри, где бедный фонарщик сидел, как в бане, задыхаясь от жару и чаду. Я сказал не без умысла: «изготовляла тайком»,'— пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, как ради того, что подобное занятие — как вообще всякая забава или занятие, подающее повод к отвлечению от учения и к неопрятности и сору в спальнях — строго запрещалось. Между тем, когда, с крайним страхом и опасением, удавалось ' скрытно окончить такое бумажное египетское произведение к сроку, принести и поставить его на место и осветить, то все воспитатели низших, средних и высших разрядов не без удовольствия ходили вокруг бренного памятника, отыскивали и свои вензеля, с иносказательными венками и украшениями, любовались этим и громко хвалили художников, отда-

вая преимущество той или другой роте.

Вы спросите, может быть, какой же смысл и толк в поступках этих? — а вот, послушаем дальше.

Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностью и изяществом своей пирамиды; в первой роте составлен был заговор перещеголять на этот раз вторую. Сделали общий сбор. Гроши и гривны посыпались отовсюду. Помню, что один мальчик, вовсе безденежный, не захотел, однако же, отстать от товарищей и, продав богачам утреннюю булку свою за три дня, по грошу каждую, внес три гроша в общественное казначейство. Опытные художники взялись за дело. Изготовленная лучина отнесена была на чердак, картузная бумага была склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнее было ее спрятать; вырезки разных видов для картин, вензелей и украшений 672

розданы для работы по рукам, и каждый прятал свою у себя, как и где мог, чтобы не возбудить подозрения. Все принялись за работу так дружно, так усердно, что недели за две или за три до срока знаменитая пирамида поспела. Надо было собрать лучинковые леса, пригнать чехол, и, наконец, оставалось только смазать маслом просветы.

Но в декабре ка чердаке холодно, особенно в одной куртке. Решено было собрать пирамиду наскоро в умывальне, в такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и, притом, расставив, из предосторожности, часовых, как делают

журавли, воруя хлеб, да обезьяны, опустошая сады и огороды. Беготня, суматоха, крик, радость – у главных зодчих более десяти помощников, у каждого помощника по десяти подносчиков – дело кипит... но внезапно входит дежурный воспитатель, которого называли внуком тогдашнего директора и очень боялись... Не берусь описывать подробностей происшедшего побоища; негодование, неистовство этого человека превзошло всякое понятие. Много розг было охлестано тут же, на месте – это бы еще ничего – да беспримерное в летописях маскарадных здание, пирамида в семь аршин вышины, была изломана, истоптана ногами и сожжена

тут же в печи.

Однако, почесав затылки, погоревав и опомнившись, предприимчивые и решительные строители не упали духом: давай собирать что осталось; иное было тут и там, иное успели во-время выхватить и спасти от конечного истребления, и – через неделю поспела новая пирамида, ни в чем не уступавшая первой. Она красовалась на маскараде 31 декабря 1817 года. Первенство осталось на сей раз за нею, за первой ротой. Это подтвердили все, обхаживая вокруг и любуясь необыкновенно пестрыми и кудрявыми вензелями. Подтвердил даже и сам внук директора, который был так незлопамятен, что, во уважение общей радости и удовольствия на маскараде, и не поминал о том участии, какое принимал он в сооружении этого знаменитого здания.

Теперь, кончив рассказ, я вас спрошу: что это такое? чего вы ожидаете от такого воспитателя? Но вы опять отвечаете мне, что это либо выдумка злословия, либо пример, который в пример не годится, потому что представляет неслыханное исключение. Итак, возьмем что-нибудь обиходное. Начальник, при воспитаннике, спрашивает в сомнении: исполняется ли такое-то правило, или приказание? И воспитатель удостоверяет его в этом самым положительным образом, не смигивая глазом, хотя и лжет наголо. Воспитанник знал дома два чужих языка и позабыл их в заведении наполовину, а воспитатель уверяет радушного посетителя на испытании, что мальчик выучился этим языкам здесь.

Воспитатель ходит в церковь или водит туда мальчиков по положению, при начальнике даже много и часто крестится, по понятия и убеждения его о вере и вечности не могут укрыться от тех, с кем он проводил по нескольку часов в день, если бы это и были малолетки. Облыжность, ханжество, бесчестность, самотничество, в каких бы мелких и скрытных видах и размерах оно ни проявлялось, прилипчивее чумы и поражает вокруг себя все, что не бежит без оглядки. Но, может быть, всего этого нет и не бывало и быть не может, все это выдумка и клевета? Вот такое -то отрицательное

Не будем спорить, я ищу и желаю совсем иного. Выкиньте все примеры мои, как непригодные к делу, и вставьте свои, то есть случаи, вам самим известные. Поройтесь в памяти: вы их найдете. Подведите к ним мое или, пожалуй, также свое заключение – и оно ничем не будет разниться от того, что сказано, по глубокому и полному убеждению, в этой статейке. Воспитатель, в отношении нравственном, сам должен быть тем, чем он хочет сделать воспитанника, – по крайней мере, должен искренно и умилительно желать быть таким и всеми силами к тому стремиться.

Но вы скажете: ангелов совершенства нет на земле, мы все люди; для 43 Н. Г. Чернышевский, т. HI 673

Лтого-то я, сказ!»й: «Воспитатель должен быть таким», прибавил: «или искренно хотеть быть таким и всеми силами к тому стремиться». Будь же он прям и правдив, желай и ищи добра: этого довольно. Ища он случал в присутствии воспитанников, но без похвалы, без малейшего тщеславия, сознаваться в ошибках своих, – н один подобный пример направит на добрый путь десятки малолетков.

Вот в чем заключается наука нравственного воспитания.

Не менее статьи г. Даля интересны замечания неизвестного автора, подписавшегося буквою П., об обязанностях старшего офицера на корабле. Г. П. в одной из книжек «Морского сборника» выразил свое мнение, что одним из необходимейших качеств старшего офицера должна быть деликатность в обращении с младшими офицерами. Г. Н. Р. сделал на это несколько возражений, которые тоже помещены были в «Морском сборнике».

В последней (июньской) книжке этого журнала г. П. отвечает своему противнику следующим образом:

Старший офицер должен бытл человек опытный, привыкший жить на свете и обращаться с людьми, – человек, обладающий этим качеством,

редко позволит себе забыться, редко отступит от однажды принятого правила. Он очень хорошо понимает, как сильно должно быть его моральное влияние на подчиненных, и потому -то именно будет осторожен не только в своих действиях, но и в каждом выражении, в каждом слове. И это вовсе не так трудно, как кажется с первого взгляда: все дело заключается в привычке, и наконец эта привычка так сродняется с человеком, что он иначе и действовать не может. Конечно, основательный старший офицер не сделает, например,-такого промаха: однажды, на одном из военных судов, стоявшем на якоре, старший офицер вышел наверх и обратился с вопросом к вахтенному лейтенанту, где находится их десятка.

– Держится у фор 1 нтевня, подкрашивает потоки под клюзами, – отвечал вахтенный лейтенант.

і – Так ли это? – заметил старший офицер.

– Если я говорю, значит, уверен в этом, – отвечал лейтенант.

Однако ж, старший офицер не удовольствовался этим ответом и тут же, подозвав вахтенного урядника, спросил его, где десятка и что она делает. Пусть г. Н. Р. скажет по совести, имел ли право вахтенный лейтенант обидеться такой выходкой старшего офицера. И он, действительно обиделся; в то время старшему офицеру не сказал ни слова, но тогда же, в кают -компании, рассказал, да и в настоящее время рассказывает всем этот случай, конечно, уже не с тем, чтобы похвалить старшего офицера. И точно, этот старший офицер подобными выходками дошел до того, что офицеры терпеть его не могли и искали случая не служить с ним на одном судне.

Каким бы запасом снисходительности ни был наделен вахтенный лейтенант, от подобных проделок всякий запас истощится. Я рассказал факт в пример тем случаям, которые бывают у нас сплошь и рядом. Замечательно, что если некоторые делают подобные вещи с умыслом, из какого -то странного расчета, то есть многие, которые поступают точно так же бессознательно,

не думая о том, что они делают.

Напрасно также г. Р. старается убедить, что младшие должны быть

снисходительны к старшим и извинять им их ошибки. Это теория, которую мы слышим постоянно уже много лет и слушаем именно, как теорию, которая по нссчастию, как это часто бывает, вовсе не сходится с практикой. Старшие, как люди опытные, имею г несравненно больший запас рассудительности. Вспоминая свои молодые годы, случаи, в которых сами они иногда находились, они всегда и от души извинят молодого офицера за его ошибки, за минутную горячность. Напротив того, любой офицер, еще 674

не наученный опытом, не в состоянии владеть собою так, чтобы скоро мог справиться с затронутым самолюбием, с раздраженной щекотливостью. Ему постоянно кажется, что его оскорбляют умышленно, что хотят отнять у него частичку его прав, взять над ним моральный перевес или, как они выражаются, сесть на шзю, и этого молодой человек не прощает своему начальнику. Если к этому он еще находчив и скор на ответы, то начальник необходимо должен быть с ним как можно осторожнее в выражениях, замечание или выговор делать без всяких излишних комментарий, чтобы не наткнуться на ответ, на который, в свою очередь, не скоро найдешь возражение. Забудь старший офицер или командир систему хладнокровия и спокойного достоинства, и с иим могут быть случаи вроде следующего. На одном из судов, во время плавания, понадобилось сделать какое -то исправление за бортом, около шкафута. Для этого нужно было подвесить эа бортом люк, и исполнение этой работы поручили стоявшему на баке вахтенному мичману. Мичман, очень милый и образованный молодой человек, быстрый и находчивый на ответы, но еще очень неопытный в морском деле, привыкший служить спустя рукава, приказал принести люк и, поручив нескольким матросам подвесить его, как было нужно, сам продолжал очень спокойно прогуливаться по шкафуту, равнодушно посматривая на работающих матросов. Само собою разумеется, что матросы, не видя за собою присмотра, не находили нужным торопиться и занимались работой своей con. amore *, с приличными

разговорами. Но как всякая работа должна

когда-нибудь кончиться, то и тут, минут через пятнадцать, концы были привязаны, и люк опустился за борт. К несчастито, в разговорах, матросы не обратили внимания на то, как привязывали концы, и люк, спущенный за борт, моментально перевернулся на ребро. Конечно, между матросами не обошлось без попреканий: Сидор упрекал Матиску, тот сваливал вину на Захарку. Как бы то ни было, а пришлось люк снова вытащить на палубу и перевязать концы. На судне этом имел флаг один из уважаемых всеми адмиралов, славный офицер и превосходный человек, но вспыльчивого, горячего характера, привыкший видеть с молодых лет, что на военном судне всякая, даже пустая работа исполняется быстро и отчетливо. Стоя на юте, адмирал долго следил за проделкою с несчастным люком, но удерживался, ожидая, чем кончится эта история. Когда люк перевернулся и его снова потащили на палубу, адмирал не выдержал: взбешенный равнодушием молодого мичмана, он в два прыжка уже был на шкафуте и, обращаясь к мичману, с досадой, быстро спросил его: «Если работа, которая на каждом порядочном судне кончается в пять минут, здесь делается в полчаса, то такая работа, на которую там понадобится полчаса, здесь во сколько времени будет кончена?..»– «В три часа!» – отвечал спокойно мичман.–

«Не разговаривать!» – крикнул адмирал и, быстро поворотясь, ушел в каюту, между тем как находившиеся наверху офицеры едва удерживались от смеха, возбуждаемого в них таким быстрым и неожиданным решением арифметической задачи. Случай этот долго был предметом разговоров в кают -компании, и, конечно, молодому мичману не было недостатка в поощрениях и похвалах со стороны товарищей; а, между тем, подобные случаи непременно ведут к упадку дисциплины. Проще было бы призвать молодого флич -мана на шканцы и, не задавая вопросов тройного правила, сделать выговор, и, пожалуй, чтобы разбудить или возбудить его деятельность, заставить «го облазить все марсы и салинги, чтобы осмотреть, все ли там в порядке.

Вот это я называю: не тратить даром слов, а во-время употребить власть. Понуканье людей криком: «живей!» неминуемо поведет к шуму.

Я объяснял уже, что если работа не выполняется моментально, то этому должна быть какая-нибудь причина и, тогда сколько ни кричите, дело скорее не сделается. Однако ж, при обыкновенных случаях, вахтенный лейтенант, видя, что люди работают вядо, конечно, не только может, но и должен их * С любовью. ! – Ред.

торопить. Пусть же и будет слышен только его голос, а старшему офицеру кричать незачем; он может подсказать вахтенному лейтенанту, что работа йдет вяло, и приказать ему прикрикнуть на матросов. Плохие результаты бывают, когда все имеющие на то право начнут возвышать голос и кричать: «живей!» Того и гляди, что повторится случай, бывший на корабле, где, во время уборки парусов, один из лучших матросов упал с грот-брам-реи на палубу и разбился вдребезги, и это произошло от того, что, начиная с адмирала, все сердились, кричали: «живей!», заторопили, засуетили матросов, и марсовые бросились крепить брамсель прежде, нежели внизу успели выбрать на марки брам-брасы, так что рей ходил ходуном; а брам-брасы не выбрали во-время потому, что все суетились, и, желая показать свое рвение, вертелись перед глазами начальникои, а о важных вещах забыли, как это обыкновенно бывает.

Надо надеяться, что в настоящее время подобные примеры будут реже с каждым годом: дела не могут остаться в таком положении; но я говорю О том, чему все мы, еще очень недавно, были очевидными свидетелями. Июль 1856 года.

Много хорошего представляет нам наша литература. Мы можем быть недовольны в ней тем, другим, можем из-за того иногда даже досадовать на нее, даже выражать свою досаду на ее несовершенства горькими упреками, – а все-таки много в ней хорошего, все-таки большею частью лучших минут своей жизни каждый из нас обязан тем высоким наслаждениям, тем благородным чувствам, которые доставляла ему литература, все -таки литера-

А скажите, чем выразили мы свою признательность тем людям, которые вложили жизнь в нашу литературу?

Эти мысли разбудил во мне недавний случай.

На-днях привелось мне быть на кладбище. Оно зеленело, могилы пестрели цветами, играла молодая жизнь на гробах, и сияла природа вечной красотой, по выражению поэта. Несколько грустных, толпы равнодушных лип встречались мне: одни пришли навестить близких, другие — и большая часть— от нечего делать, полюбоваться на памятники. Мне было тяжело. Я шел дальше и дальше, из аристократической части кладбища, туда, где лежат бедняки. Реже и реже перерывались мраморными и чугунными памятниками ряды крестов, реже и реже встречались люди. Вот я в краю кладбища, совершенно пустом и безмолвном. Погруженный в мысли, я машинально брел по пустынным тропинкам... я забылся... Вдруг чей-то твердый и полный какой-то торжественности голос вызвал меня из раздумья.

— Вот могила NN, которой хотел ты поклониться '.

Я поднял глаза: перед простым черным крестом остановились, шедшие по другой тропинке, поперек моей дороги, двое мужчин: старший, человек лет сорока пяти, указывал взглядом этот крест младшему, юноше лет двадцати.

«Так вот она, могила моего бедного друга, которую так напрасно искал я много раз, о которой напрасно спрашивал общих наших знакомых, бывших здесь во время его смерти!»

Я подошел ближе. На кресте было, действительно, написано имя моего покойного друга. Вместе с юношей, я поклонился этой

могиле.

— А! вы тоже уважаете NN! — сказал мне старший: — да, это был человек, как говорит Гамлет. Вот, сын уж давно просил меня показать ему это место, — да я насилу мог отыскать; а через пять лет и вовсе нельзя будет найти: видите, крест уж пошатнулся. И над могилой такого человека нет памятника!

Мне стало неловко и стыдно за себя и за всех нас, так много, так бесконечно много обязанных этому другу... Без посторонней помощи я не мог бы найти и могилы его, а через пять лет и не найдет его могилы юноша, ставший человеком, благодаря ему...

Кто ж этот покойник? что ж особенного сделал он, что отец привел сына поклониться его могиле? Вы угадываете, кто был он: просто, писатель, не более, как писатель, всю жизнь остававшийся ничтожным бедняком. Он только мыслил и писал, — более он ничего не делал, даже не сделал себе порядочной карьеры, даже не приобрел себе обеспечения в жизни, даже славы — так ему казалось — не приобрел своему имени... и действительно, в последнем случае едва ли не был он .прав: ни от кого не слышал он себе привета и ободрения; только небольшой кружок преданных ему людей благоговел перед его светлым умом, перед его благородным сердцем, да публика любила то, что писал он, не заботясь и почти не зная о том, кем это писано. Да, пожалуй, и славы не приобрел он себе, — по крайней мере, при жизни.

Так; но тысячи людей сделались людьми, благодаря ему. Целое поколение воспитано им. А слава? многие стали славны только потому, что он упомянул о них, многие другие только потому, что успели понять две -три его мысли. Другие, лучшие, стали славны потому, что учились у него, пользовались его советами.

И когда я перечитываю наши нынешние журналы, я всегда вспоминаю о нем. Вот ученая статья — она производит эффект в публике, приобретает автору уважение в кругу ученых — отчего это? оттого, что она писана под влиянием его мысли, писана на тему, которую и указал и объяснил он; вот критическая статья, которую называют все умною и благородною,— опять-таки все, что есть в ней хорошего, подсказано им, и автор не считает нужным даже намекнуть о том; напротив, он даже усиливается говорить о нем свысока, как о человеке, правда, умном, но увлекавшемся, малообразованном и поверхностном: видно, чувствует автор, что нужно ему отстранить это имя, чтобы казаться самому чем-нибудь; видно, знает автор, что при нем он ничто. Вот повесть, которую называют прекрасною — опять это только плод его уче-677

ния: он указал и мысль и форму, в которую должна облечься эта •мысль... Повсюду

он/ Им до сих лор живет наша литература!..

А что сделали мы, литераторы, в доказательство своей признательности к тому, кто был общим воспитателем всех лучших между нами? Ровно ничего. Мы не потрудились даже подумать, что потомство обвинит нас, когда не отыщет его бедной могилы 2. Я не осуждаю его друзей. Пусть они извиняются человеческою слабостью – в самом деле, их можно было извинять. Он умер во время страшной болезни, когда каждый трепетал за себя, когда никто не был уверен поутру, что доживет до Еечера. В боязни за себя, они могли забыть о нем – о чужих ли могилах думать, когда самому надобно готовиться к ответу за свою жизнь? 3

Но потом, когда болезнь миновалась, когда сердца успокоились от страха грозившей каждому опасности, можно бы вспомнить о том, кому каждый обязан своим нравственным развитием и своею известностью, если имеет ее.

Нет, видно, у каждого из его друзей так много личных забот,

Впрочем, что за беда, если тесный кружок людей близких не хочет вспомнить о том? Есть у него другие друзья, более многочисленные и более верные: его читатели. Теперь они знают, кому обязаны оживлением нашей литературы; теперь они чаще и чаще говорят о нем. Они исполнят то, что не было в свое время исполнено друзьями его.

Публика?– будто публика, в самом деле, так свято исполняет всегда долг признательности? Не случается ли и ей ограничиваться только прекрасными словами, не приводя их в исполнение? Ведь вот скоро двадцать лет минует с кончины Пушкина: двадцать лет каждый с благоговением называет его основателем новой нашей литературы и говорит о нем с таким прекрасным, с таким святым жаром, – а где памятник великому поэту, которого, кажется, все признают достойным вечной славы? 1 Литература наша, невзирая на все свои недостатки, представляет много хорошего, – это факт, которого нельзя отрицать, с каким бы скептицизмом ни смотреть на нее. В прошлый раз мы говорили о прекрасном начале обширной статьи, написанной г. Павловым по поводу комедии графа Соллогуба. Начало каза-» лось нам так хорошо, что, признаемся, мы не без некоторого опасения за свое впечатление стали читать окончание этой статьи, помещенное в 14-ой книжке «Русского вестника». Той, взятый автором, был так силен и высок, что нелегко было выдержать- его до конца.

Но чтение статьи самым отрадным образом опровергло этц 678

Сомнения: вторая половина разбора еще лучше, если только возможно, нежели первая. В первой части статьи разбор остановился

на той сцене комедии, с которой начинаются служебные подвиги злополучного Надимова,– во второй статье все внимание критика обращено на них. В каждой сцене оказывается, что с художественной точки зрения поступки г. Надимова разрушают всякое правдоподобие в комедии, которая гибнет через него в литературном смысле, и, в дополнение к тому, со «Сводом законов» в руке критик доказывает, что каждое слово, каждое понятие этого самохвала, мнимого чиновника, законопреступно, отчасти по незнанию закона, еще чаще по неуважению к нему, в угождение варварским понятиям, в которых он, сам того не замечая, совершенно сходится со взяточниками, потому что личные свои желания и пристрастия ставит выше закона. И когда, в своем забавном тщеславии, Надимов оскорбляется тем, что ему предлагают взятку, критик охлаждает его неосновательное негодование словами: «Да ведь вы, г. Надимов, ведете себя, как взяточник,– ведь вы ясно выказываете пристрастие к одной из тяжущихся сторон, не хотели выслушивать объяснений противника, старались запугать этого противника, брали на себя власть выше той, какая даца вам законом, вы о.тдаете под суд людей, которые по закону не подвергли себя судебному следствию; вы входите в приятельские сделки то с тем, то с другим из лиц, о которых вы должны производить следствие; вы собственной властью прикрываете и прощаете преступления,– словом, ведете себя, как человек, который казнит и милует не по закону, а по произволу,– вы делаете все то, что делает взяточник. Чем же вы отличаетесь от него? и как вас не почесть за взяточника?» А когда Надимов начинает разглагольствовать, что он гнушается взяточниками и истребит их своим примером и своею службою, г. Павлов гово-рит'ему: «вы сами не знаете, что делаете, восставая против взя

ток: ведь это we отдельное явление, которое можно уничтожить,

не касаясь произвола, – нет, взятки – следствие тех самых обычаев, которых держитесь вы, г. Надимов; взятки – только ничтожный симптом той страшной болезни, которою охвачен, проеден до костей весь ваш организм. Взятки – не одинокое преступление: они – неизбежное следствие того порядка вещей, благодаря которому вы живете и щеголяете, – понятий, которые вам нравятся, – следствие, которое должно с вашей точки зрения казаться совершенно невинным. Корень, на котором растет этот цветок, нужно вырвать, а на цветок бесполезно и нападать, если беречь корень: не один этот цветок, а сотни подобных растут на этом корне. За что рвать именно один этот невинный цветок?

Да и что проку, если сорвете этот цветок? Взамен вырастет другой, еще получше сорванного:

Для вас взятки – порок, преступление. Да, это так; взяточник есть мытарь, торгующий правдой в ее святых храмах. Взгляд справедлив, но 679

узок для объема исторических явлений. Нет преступлений цельных, нет преступлений без доли заблуждения. Если видеть в старинном разврате, в народном бедствии один ряд преступлений, то легко утешиться и незачем поднимать большого шума. Преступления не страшны. Они, по свойствам человеческой природы, составляют в человеческом обществе исключения, на них восстает большинство, они прячутся от глаз, краснеют и живут тайною. Превратите только взяточника чисто в преступника и завтра взяток не будет. Страшно заблуждение. Оно обнимает массы и ие боится божьего света. Вы выступили на борьбу со взяточниками, с людьми; но что люди? существа кратковременные, доступные чувству страха, расположенные к послушанию, когда оно требуется настойчивой волей, С людьми легко справиться; на них есть казнь закона, железо и огонь. Перед вами другой враг, более опасный; этот враг – понятие. Оно бесстрашно, непокорно, несговорчиво и, к несчастию, долговечно. Вы вытесните взяточника и станете на его

место; а понятие тотчас пополнит эту убыль и в вашем сыне воспитает нового, который будет предметом удивления для старых. Вы возмущаетесь, вы негодуете, вы приходите в ужас, что продается правосудие; а понятие всту пит в сде лку с вашей совестью, сочинит слово «благодарность» и уверит вас, что между этим безукоризненным словом и взятками проведена самая непроходимая граница, протянут самый тонкий волос. Понятие предусмотрительно, осторожно и никогда не одиноко. Оно живет общей жизнью с другими, однородными понятиями. Они тесной семьей вместе проходят века и вместе гибнут, но не порознь. Взятки не жена и дети, не нищета и нужда, – их берут и холостые и богатые; взятки – особенное воззрение на жизнь и человека; взятки не причина, а следствие, не болезнь, а один из ее признаков.

Давно ли, испрашивая помещения в общественную должность, проситель писал в просьбе: «прошу отпустить покормиться»? Управление рассматривалось как кормление, как доход, которым можно быть сь;ту. Воеводства и приказные дела назывались «корыстовными» делами. Государственный вопрос молчал перед материальною потребностью лица. И тот, кто просился кормиться, и те, которые отпускали его на кормление, нисколько не думали, что в общественном деле интерес частного желудка есть интерес второстепенный. Нам скажут, что способ кормления определялся, и, следовательно, был законен. Иногда определялся, иногда нет; но что до этого? Самое воззрение делало невозможными правила, что и подтверждается историей. Если управляемые рассматривались, как материал для удовлетворения аппетита управляющих, если на первом плане стояло целью, чтоб воевода был сыт, то как не предположить, что он не беспрестанно был голоден? С тех пор государственные учреждения изменились. Просвещенные законодатели России спешили передавать ей в новых постановлениях иные начала, иные истины.

Но нравы, но воззрения не догнали государственных учреждений. Рука не смеет уже писать: «отпустите покормиться», – а в голове прежнее понятие еще живо. Предки думали, что место дается единственно за тем, чтобы

кормиться, и миогие из потомков сохранили свято завещанное наследие.

У многих, верных преданию, цель та же – кормление, а все остальное, что написано, кажется им написано так, для одной церемонии. Бумага изменилась, – понятие осталось, потому ли, что история вообще невыносимо долго выработываег свои идеи, потому ли, что с изменением законов не возбудилась деятельность

мысли, или, наконец, потому, что старое воззрение со всеми своими подробностями приятнее слабости человеческой.

Воображение пленялось приобретением новых истин права, а душа влеклась к той поэтической неопределенности, где давался широкой простор воле. Закон исполнил современную задачу: он определил для службы другую цель, другую причину и кормление, как оно совершалось некогда, назвал взятками, преступлением. Но быт около этого закона, – быт, благоприятствующий прежнему воззрению, сберегался тот же. На самую жизнь накладывались не те обязанности, какие излагались в законе, не то требова-680

лось от нее, не те идеи были в обращении: от этого самая жизнь находилась в постоянном и естественном противоречии с законом. Г. Надимов, увлекаясь тоже воображением, не понимает, что делает, когда восстает на взятки. Он не берет их, но, нападая на них, поднимает руку на себя. Последуем за ним в чудный мир фантазии, поддадимся ее волшебному обаянию и постараемся отгадать, как бы это стали жить люди без взяток, какой бы у них совершался жизненный процесс, какими наслаждениями пользовались бы они и каким подвергались бы лишениям? Ах, г. Надимов! необдуманность, необдуманность губит многое на свете. Жизнь без взяток что за жизнь? ведь это полное развитие чувства законности, это, как его необходимое следствие, уважение на каждом шагу, во всех мелочах, к личности человека, и даже понятых... Видите ли, к каким последствиям ведет такого рода общественное положение. Ведь оно расстроило бы вас первого. Теперь вы приехали свидетельствовать мельницу; но вам скучно, занятие не по

и вы заходите к графине, вы с ней беседуете, гуляете; вот сейчас она предложит вам завтракать. Если кто-нибудь осмелится вам напомнить, что понятые давно собраны, вы скажете: «пусть подождут». Подойдет Дробин -кин– вы ему очень учтивым образом заметите, что вы чиновник, что я обсуживать и говорить вы хотите одни, а он проситель, следовательно, существо бессмысленное и бессловесное. Все это чрезвычайно приятно и удобно. Теперь, по милости взяток, многие подумают про вас: вот красноречивый человек, человек убеждений, человек-огонь; а тогда, без взяток, о чем бы вы повели беседу? с чем вы тогда явились бы на сцену перед графиней, чем бы тронули ее ветреное сердце? З а что же вы нападаете на взятки, когда им обязаны столькими удовольствиями?

Против понятия оружие одно – понятие новое, которое надо поставить на месте старого. Понятие добывается не фразами, не ребяческими выражениями желаний, надежд и порицаний, а тяжелым трудом мысли, просвещением. С великою робостью, от страха, чтобы слова наши не были перетолкованы в превратном смысле, мы вопреки г. Надимову, решаемся сказать, что честный человек, сотни, тысячи честных людей, как случайность, как явление, которое может быть и не быть, бессильны в борьбе с закоснелым понятием. Одной честности, этого высокого качества, к сожалению, мало. Нужны люди честные и вместе мыслящие. Только мысль делает завоевания не случайные, а прочные, одна мысль может создать среду, где нельзя будет двигаться взяточнику. Г. Надимов придумал разные государственные меры для искоренения взяток, образцы и горючие слезы; но меры эти, превосходные сами в себе, оказываются, после нескольких тысячелетий опыта, недействительными. Вы поставьте человека в невозможность брать взятки, и он их брать не будет; а возможность этой невозможности существует для взяток точно так же, как и для других наших действий. Объяснимся примером, если уже г. Надимов такой охотник до них. Он позван на бал. Закон не определяет ни покроя его платья, ни цвета, ни материи, и каким бы шутом ни нарядился он, за это не положено никакого наказания. Отчего же

г. Надимов не явится на бале в сюртуке и в пестром галстухе? почему лучше согласится нарушить постановление писаного закона, чем обычай, введенный и поддерживаемый какою-то непостижимой силой, которая не лишает прав состояния и не ссылает в Сибирь? Вот что, конечно, в малом и ничтожном виде называется взглядом на жизнь. Так люди смотрят, так думают, так привыкли думать. Пестрый галстух и сюртук на бале признаны, неизвестно, надолго ли, неприличными: извольте переуверять и оспаривать.

Для важных исторических явлений, для взяток, существует также возможность подобного взгляда, и на основании истинном, не выдуманном человеческою прихотью. Судья берется отправлять правосудие, а за деньги называет правду ложью и ложь правдою. Тут логическая нелепость очевидна, ее основание шатко: поколебать его, однако ж, трудно. Но средство есть, оно вытекает уже из самой бессмысленности явления. Должно только 6 8 1

искренно желать достижения предполагаемой цели и не скорбеть о тех понятиях, которые, живя одной жизнью с понятием о взятках, должны умереть с ним одною смертью. Г. Надимов обходится со взятками как-то легко, храбро, не воображая, что у них есть своя история, география и евоя теория. Это не отрывок, не клочок из жизни, а целая жизнь, благообразно устроенная и приведенная в систему на известных местностях. Мы уже так тесно познакомились с г. Надимовым и получили к нему такое расположение привычки, что, желая ему добра, советуем продолжать горячиться против взяток с графиней и полковником, а ни под каким видом не сходиться и не вступать в спор с каким-нибудь умным и закоренелым взяточником.

Г. Надимов не знает, какую неотразимую диалектику встретит он, какое научное понимание дела, какие неотвержимые доводы и даже какие добродетели. Дойдет до службы, до отправления должности, — тут, прошу не прогневаться, пожалуйте денег; а взгляните на взяточника с другой стороны, в других отношениях: он и добрый отец семейства, и теплый друг, и честный человек, который вас не обманет и не продаст. Да, г. Надимов! много и

таких взяточников. Поэтому надо нападать не на взятки: они, как мы уже сказали, не причина, а следствие, плод неверного воззрения, ложного понимания, давшего простор необузданности своекорыстных побуждений. Если вы хотите вложить перст ваш в свежую рану и поразить взятки, то во всеоружии рыцаря вступите в бой с рутиной, пошлостью и бессмыслием, которое всякую мысль считает противозаконной тревогой, а всякое посягательство на невежество нарушением общественного благоустройства; с этим невежеством, которое подпирает варварские привычки, которое, при помощи обыденной сметливости, хочет отгадывать результаты наук; без учения, без приготовлений берется за все, делает все кое-как, решает с плеча все вопросы, и этот способ действия смеет называть русским умом, а всякого невежественного представителя мнимого русского ума — русским человеком... Да, взятки не произвольное преступление нескольких дурных людей, а старый обычай, тесно связанный со многими другими обычаями, столь же важными и вредными, с многими коренными понятиями о жизни, еще преобладающими в невежественной массе, от нравов которой, как бы гордо ни смотрели мы на нее, зависит все. В подтверждение глубокой справедливости этого замечания, прекрасно развитого г. Павловым, нам хочется привести следующий случай, сообщаемый «Анекдотами о Петре Великом»

Штелина. (Издание 3-е, Москва, 1830, часть 4-я, стр. 107— 110):

Никита Демидович Демидов почитал за неверность, если, видя, что делающееся противно воле и указам государевым, не донесет о том его величеству. Таким образом, узнав, что статский действительный советник Василий Никитич Татищев, по делам до решения его доходившим, брал взятки, не мог не объявить об оном монарху. Великий государь объявлению Сему верил: ибо ведал, что Демидов не донесет ему неправды, и в чем бы не был он точно удостоверен. Но как же однако поступил он с Татищевым?

Он призывает его к себе и спрашивает: правду ли объявляет на него Демидов? Правду, государь, ответствует сей: я беру; но в том ни перед богом,

ни перед вашим величеством не погрешаю. Лихоимство есть грех, достойный наказания, продолжает Татищев; а мзда за труды не грех, и апостол говорит: «Мзда делающему не по благодати, но по долгу». Монарх, несколько оста -новясь, велел ему изъяснить сие. Татищев продолжал:

1. Судья должен смотреть на состояние дела: то если и ничего он взял, а против закона сделал, повинен будет наказанию; а если еще сделает сне и изо мзды, тогда к законопреступлснию присовокупится уже и лихоимство, и повинен он будет сугубого наказания. Когда же право и порядочно сделает, и от правого из благодарности его что возьмет, не может за то 68 ?

осужден быть. 2. Если мзду за труд пресечь, и только одно мздоиМстЬо судить, то более вреда государству и раззорения подданным последует; ибо судья должен за получаемое жалованье сидеть в приказе только до полудни, » которое на решение всех нужных просьб конечно не достанет времени ; а после обеда трудиться должности его нет. 3. Когда, видя, чье дело сомнительное и запутанное, никогда внятно его исследовать и о истине прилежать причины не имея, будет день ото дня откладывать; а челобитчик с великим от того убытком волочиться и всего лишиться

принужден будет. 4. Дела в канцеляриях решаются по реэстрам по порядку, н случается, что несколько дел впереди весьма не нужных; а последнему по реэстру такая нужда, что если ему дни два решения продолжится, то может несколько тысяч убмтка понести, что по купечеству нередко случается. Итак, государь (продолжал г. Татищев), если я вижу, что мой труд не втуне будет, то Я не токмо после обеда, но и ночью потружуся, а для того и карты, н собак, и беседы, и всякие другие увеселения оставлю; и не смотря на реэстры, нужнейшие прежде ненужного решу, чем как себе, так и просителю пользу принесу, никого другого не обидя; следовательно, в таком случае за мзду, взятую за труды, ни от бога, ни от вашего величества осужден быть не могу».

Видите, как рассуждал один из лучших и честнейших людей

времени Петра Великого? Да, трудно было бы с ним поспорить верхоглядам, кричащим против взяток едва ли не потому только, что не получают их по своему незнанию делопроизводства. И сам Петр Великий, как вы думаете, что он отвечал Татищеву?

Вот что:

Великий государь слушал все сие, не перебивая речи, и по выслушаняи сказал: Сие правда и для совестного (т. е. справедливого) судьи невинно. Да, все тут зависит от понятий об отношениях судьи к обществу, о произволе и законности. Да, видно, что, по понятиям, против которых не мог еще бороться сам Петр Великий, взяточник мог быть и добросовестным судьею и честным человеком. Так и нынче судят многие: взятки вовсе не беззаконие, а невинная благодарность, — и г. Надимов весь проникнут понятиями, из которых следуют такие суждения. Какое же право имеет он восставать против взяток?

Злополучный г, Надимов! таким-то образом терзается каждый шаг его, такие -то назидания навлекает он на себя каждым словом. И поделом ему, потому что он тип людей, слишком размножившихся у нас в последнее время, тип мнимых джентльменов с низенькою душонкою, рассуждающих о честности высокой фразами, в которых, что ни слово, то несообразность или ложь. И, в довершение всех ударов, получает он самый убийственный для него: ему доказывают, что он вовсе не джентльмен, не человек высшего круга, хороших манер, а просто франт дурного тона, наглостАо старающийся прикрыть свое незнакомство с правилами хорошего тона! о, ужас!

Разбор «Чиновника», написанный г. Павловым, останется в памяти публики, и если бы побольше являлось таких статей, счастлива была бы наша литература.

G83

Кажется, судьба хотела, чтобы наши заметки в этой книжке были продолжением того, о чем говорили мы в прошлый раз. Окончание статьи г. Павлова было замечательнейшим явлением в нашей журналистике за прошлый месяц; другая статья, обратившая на себя общее внимание, помещена в «Морском сборнике» и служит продолжением различных рассуждений о воспитании, о которых мы говорили в предыдущем нумере. Это «Вопросы жизни. Отрывок из забытых бумаг, выведенный на свет неофициальными статьями «Морского сборника» о воспитании», знаменитого нашего хирурга г. Пирогова.

Охотники спорить, пожалуй, захотели бы заметить в статье господина Пирогова некоторые частности, относительно которых возможно держаться не того воззрения, какое кажется справедливым автору. Но, в таком случае, несогласие было бы более о словах, нежели о деле. О сущности дела, о коренных вопросах образованному человеку невозможно думать не так, как думает г. Пирогов. Вот эти коренные мысли, в высокой степени справедливые: воспитание главною своею целью должно иметь приготовление дитяти и потом юноши к тому, чтоб в жизни был он человеком развитым, ! благородным и честным. Это важнее всего. Заботьтесь же прежде всего о том, чтобы ваш воспитанник стал человеком в истинном смысле слова. Когда это основное, общее направление к знанию и правде уже достаточно утверждено в нем, тогда, — и только тогда, а не раньше, — пусть он сам под вашим руководством выбирает себе специальную дорогу, к которой наиболее расположен и способен. Если вы будете поступать иначе, с самого раннего детства заботясь только о том, чтобы сделать из вашего воспитанника офицера, и, притом еще, именно инфан -терийского или кавалерийского, морского или инженерного офи

цера, или чиновника, или, притом, чиновника именно такого, а не

другого министерства, и, для большей аккуратности, именно по таким-то и таким-то, а не по другим должностям, – вы сделаете очень важную ошибку, следствия которой будут вредны и для вашего воспитанника и для общества. Вы, не дождавшись, пока у человека развился рассудок и характер, скуете его на всю жизнь, втол кнете е го на узкую дорогу, с которой уж нет ему выхода, и итти по которой он почти всегда оказывается неспособен, потому что ведь выбор был лелом слепого произвола, каприза с вашей стороны, а не разумного соображения его наклонностей и способностей. Что ж окажется в результате? Множество специалистов, не способных именно к своей специальности и не способных ни к чему иному, и мало людей, истинно знающих свое дело, а еще меньше того людей развитых, образованных и имеющих благородное направление. Да и чего же иного можно ждать? Жизнь – тяжелая борьба; в ней много и соблазнов и недоумений; а вы позаботились ли о том, чтобы приготовить юношу к честной борьбе с соблазнами, к светлому взгляду на недоумения? Нет, вы хло-684

потали только о том, чтобы механически вбить ему в голову какое-нибудь ремесло: чему же дивиться, если он не выдерживает житейской борьбы с соблазном, против которого не вооружили вы его ни развитостью ума, ни благородными убеждениями, и если редко он остается человеком чистым? Вы, не дождавшись развития его наклонностей и способностей, дали ему в руки ремесленный инструмент, что же удивительного, если он оказывается потом и неспособен и не склонен хорошо владеть этим инструментом, который ему вовсе не по рукам? Вы хромого сделали кровельщиком, глухого музыкантом, бессильного труса кучером: что ж чудного, если и кровельщик ваш, и музыкант, и кучер – все одинаково плохо исполняют свое дело? А если бы поступили

вы разумно, подождав, пока можно будет различить качества этих людей и пока они поймут, к чему они годны, тогда и результаты были бы не те: тому глухота не помешала бы сделаться хорошим кровельщиком, другому трусость – хорошим скрипачом, третьему хромота – хорошим кучером. Произвол ваш не дал развиться людям и перепутал специальности – в результате получилось: неспособность, невежество и отсутствие твердой честности. А поступайте иначе, сообразно здравому смыслу и природе – и все должно пойти гораздо лучше.

– Кто и не хотел бы, должен согласиться, что тут все – чистая прапда, – правда очень серьезная и занимательная не менее лучшего поэтического вымысла. Теперь читатель знает общую мысль «Вопросов жизни» г. Пирогопа; познакомим его с некоторыми отрывками размышлен ш нашего гениального специалиста.

Эпиграф статьи г-,с.-!ь удачен:

– К чему вы готовите ,-Л ;г?го сына? – кто-то спросил меня.

– Быть человеком, – отвечал я.

– Разве вы не знаете, – сказал спросивший – что людей собственно нет на свете? Это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

– Правда это или иет?

Вот и начало статьи, не менее прекрасное:

Мы живем, как всем известно, в девятнадцатом веке, по преимуществу практическом.

Отвлечения, даже и в самой столице их, Германии, уже не в ходу более.

А человек, что ни говори, есть, действительно, только одно отвлечение. Зоологический человек, правда, еще существует с его двумя руками и держится ими крепко за существенность; но нравственный, вместе с дру

Правда, языческая древность была не слишком взыскательна. Она позволяла иметь все возможные нравственно-религиозные убеждения: можно было ad. libitum сделаться эпикурейцем, стоиком и пифагорийцем; только худых граждан она не жаловала.

Несмотря на все наше уважение к неоспоримым достоинствам реализма 685

Настоящего времени, Нельзя, однйко же, йе согласиться, что Древность как-io более дорожила нравственною натурою человека.

Правительства в древности оставляли школы без надзора и считали себя не в праве вмешиваться в учения мудрецов. Каждый из учеников мог пролагать, впоследствии, иов'ые пути и образовать новые школы. Только жрецы, тираны и зелоты от времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философов, если их учения уже слишком противоречили по -верьям господствующей религии: да и то это делалось по интригам партий и каст.

Язьшество древних, не озаренное светом истинной веры, заблуждалось, но заблуждалось, следуя принятым и последовательно проведенным убеждениям.

Если эпикуреец утопал в чувственных наслаждениях, то он делал это, основываясь хотя и на ложно понятом учении школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслаждения н избегать неприятного значит быть мудрым».

Если стоик делался самоубийцею, то это случалось от стремления к добродетели и идеалу высшего совершенства.

Даже кажущаяся непоследовательность в поступках скептика извиняется учением школы, проповедывавшей, что «ничего нет верного на свете, и что даже сомнение сомнительно».

на известных нравственно-религиозных началах и убеждениях, проявляется все-таки самый существенный атрибут духовной натуры человека – стремление разрешить вопрос жизни о цели бытия.

Теперь нет этой последовательности, нет этой честной верности своим нравственным убеждениям, потому что воспитание обыкновенно и не заботится о приготовлении воспитанника к честной последовательности в жизни: оно только учит мастерству, – и юноша, не имеющий ни правил, ни понятий, кроме принадлежащих его ремеслу, вдруг становится среди общества, которое предлагает ему принять тот или другой из взглядов на цель и правила человеческой жизни. Каковы ж эти взгляды? Вот для примера, некоторые из них:

Вот, например, первый взгляд, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о том, что необъяснимо. Это, по малой мере, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетит и сон. Время же нужно для трудов и наслаждений, аппетит – для наслаждений и трудов, сон – опять для трудов и наслаждений, труды и наслаждения для счастия.

Вот третий взгляд – старообрядческий. Соблюдайте самым точным образом все обряды и поверья. Читайте только благочестивые книги, но в смысл не вникайте. Это главное для спокойствия души. Затем, не размышляя, живите так, как живется.

Вот четвертый взгляд – практический. Трудясь, исполняйте ваши служебные обязанности, собирая копейку на черный день. В сомнительных случаях, если одна обязанность противоречит другой, избирайте то, что вам выгоднее или, по крайней мере, что для вас менее вредно. Впрочем, предоставьте каждому спасаться на свой лад. Об убеждениях, точно так же, как и о вкусах, не спорьте и не хлопочите. С полным карманом можно жить и без убеждений.

Вот пятый взгляд, также практический в своем роде. Хотите быть счастливыми, думайте себе что вам угодно и как вам угодно, но только строго

соблюдайте все приличия и умейте с людьми уживаться. Про начальников и нужных вам люден никогда худо не отзывайтесь и ни под каким видом G8G

им не противоречьте. При исполнении обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвение не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть что вы думаете. Если не хотите служить ослами друтиЛ, то сами на других верхом ездите: только молча, в кулак себе, смейтесь.

Вот шестой взгляд, очень печальный. Не хлопочите: лучшего ничего не [придумаете. Новое только то на свете, что хорошо было забыто. Что будет, то будет. Червяк на куче грязи, вы смешны и жалки, когда мечтаете, что вы [стремитесь к совершенству

и принадлежите к обществу прогрессистов. Зритель и комедиант поневоле, как ни бейтесь, лучшего не сделаете. Белка в колесе, вы забавны, думая, что бежите вперед. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачем жили.

Вот восьмой взгляд, и очень благоразумный. Отделяйте теорию от практики. Принимайте какую вам угодно теорию, для вашего развлечения, но на практике узнавайте, главное, какую роль вам выгоднее играть; узнав, выдержите ее до конца. Счастие — искусство. Достигнув его трудом и талантом, не забывайтесь; сделав промах, не пеняйте и не унывайте. Против течения не плывите.

Спрашивается: что выйдет из юноши, поставленного среди таких понятий о жизни, без всякого приготовления к борьбе с ними? Примеры мы видели и видим, — и, чтобы они, по крайней мере, не повторялись в будущем, воспитание должно изменить свой характер, и не к ремеслу только, а прежде всего к чест -Мъй борьбе с соблазнами жизни должно оно готовить нас:

Приготовить нас с юных лет к этой борьбе значит именно:

Сделать нас людьми.

То есть, тем, чего не достигнет ни одна наша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас, с самого нашего детства, негоциантов, солдат, моря-

ков, духовных пастырей или юристов.

Человеку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое внимание и всю волю, в одно и то же время, на занятия, требующие напряжения совершенно различных свойств духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

На чем основано приложение реального воспитания к самому детскому возрасту?

Одно из двух: или в реальной школе, назначенной для различных Возрастов (с самого первого детства до юности), воспитание для первых возрастов ничем не отличается от обыкновенного, общепринятого.

Или же воспитание этой школы с самого его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно к достижению одной изве» стной, практической цели.

В первом случае нет никакой надобности родителям отдавать детей до юношеского возраста в реальные школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно, назначили своего ребенка еще с пеленок для той или другой касты общества.

Во втором случае можно смело утверждать, что реальная школа, имея преимущественною целию практическое образование, не может в то же самое время сосредоточить свою деятельность на приготовлении нравственной стороны ребенка к той борьбе, которая предстоит ему впоследствии, при вступлении в свет.

Да и приготовление это должно начаться в том именно возрасте, когда в реальных школах все внимание воспитателей обращается преимущественно на достижение главной, ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только о том и полагает всю свою работу,

687

Отвечайте мне, положив руку на сердце, можно ли надеяться, чтобы юноша в один и тот же период времени изготовлялся выступить на поприще, не самим им выбранное, прельщался внешними и материальными выгодами атого, заранее для него определенного, поприща и, вместе с тем, серьезно и ревностно приготовлялся к внутренней борьбе с самим собою и с увлекательным направлением света?

Не спешите с вашею прикладною реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку: наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый

внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанник реальных школ, но зато на него можно будет вернее положиться: он не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку, дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки и юристы; а главное – у вас будут люди и граждане.

Значит ли это, что я предлагаю вам закрыть и уничтожить все реальные и специальные школы?

Нет1 я восстаю только против двух вопиющих крайностей.

Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью их детей, назначая их, едва выползших из колыбели, туда, где, по разным соображениям и расчетам, предстоит им более выгодная карьера?

Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?

Кто дал право отцам, матерям и воспитателям властвовать самоуправно над благими дарами творца, которыми он снабдил детей?

Кто научил, кто открыл, что дети получили врожденные способности и врожденное призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами им назначают? – Уже давно оставлен варварский обычай выдавать

дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован; заказное их венчание с наукой празднуется и прославляется, как венчание дожа с. морем!

И р'азве нет другого средства, другого пути, другого механизма для реально-специального воспитания? Разве нет другой возможности получить специально-практическое образование, в той или другой отрасли человеческих знаний, как распространяя его насчет общего человеческого образования?

Вникните и рассудите, отцы и воспитатели!

Когда мы припомним, какое важное значение дмел и продолжает иметь во всех образованных европейских государствах вопрос о необходимости общего воспитания и о степени участия, которое может быть уступлено специальным наукам в высшем преподавании, и вспомним, в каком смысле решается повсюду этот спор, вспомним, например, о том, много ли военных школ существует во Франции, славной своею воинственностью, мы оценим и высокий интерес и чрезвычайную справедливость этих мнений о необходимости, чтобы общечеловеческое образование играло главную роль в воспитании, – мнений, которые с такою силою высказывает, – не забудем, – человек, который всеми единогласно признан знаменитейшим из всех наших ученых в настоящее время. Если он – слава наших специалистов – говорит, что специализм обманчив, вреден и для общества и для са-6Л8

мого обрекаемого на специализм, когда не основан на общем образовании,– кто у нас может сказать: «я лучший судья в этом деле, нежели г. Пирогов?» кто имеет у нас право не принять в уважение его мнения? Слова г. Пирогова, без сомнения, будут иметь сильное и благодетельное влияние на образ мыслей в нашем обществе. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и реши-

тельное выражение таких здравых убеждений; полная честь и «Морскому сборнику» за помещение таких статей.

Август 1856 года.

В августовской книжке «Отечественных записок» напечатана шестая и последняя часть романа г. Григоровича «Переселенцы»1 Скоро это замечательное произведение явится отдельною книгою, и тогда мы будем иметь возможность подробно говорить о нем и, по поводу его, обозреть всю литературную деятельность г. Григоровича 2. Здесь мы можем только вскользь коснуться некоторых мыслей, вызываемых прекрасным рассказом, начало которого было встречено публикою с тем интересом, какой всегда

возбуждают произведения автора «Деревни», «Антона-Горе-мыки» и «Рыбаков», а последние части которого все более и более приковывали к себе живое сочувствие читателя.

Была мода на романы из простонародного быта. Мода, как всегда, так и в этом случае, излишествами своими привела к сомнениям, за увлечением последовало охлаждение, и теперь так же трудно заинтересовать публику простонародным рассказом, как легко было пять-шесть лет тому назад привлекать ее внимание модным выбором простонародного сюжета. Успех повестей, изображающих нравы наших поселян, основывался преимущественно на достоинствах рассказов г. Григоровича; в охлаждении, которое было возбуждено недостатками многочисленных его подражателей, г. Григорович не виноват, и публика справедливо освобождает его от всякой ответственности за чужие грехи: перестав читать простонародные рассказы писателей, бросившихся на эЛу дорогу в надежде разделять успех г. Г ригоровича, публика с прежним интересом читает и перечитывает новые произведения г. Григоровича: она очень хорошо чувствует разницу между «Переселенцами» и, например... но к чему утруждать себя припоми-

нанием примеров, о которых никому не хочется вспоминать?

И никто из забываемых описывателей простонародного быта не может роптать на несправедливость своей судьбы. Зачем они, если имеют талант (человек без таланта, конечно, ни в чем не виноват),— зачем они не захотели подумать о том, что составляет главное достоинство простонародных рассказов г. Г ригоро-вича, и зачем воображали, что, копируя или утрируя только внешние особенности его произведений, могут ожидать прочного 4t Н. Г. Чернышевским, т. III 689

успеха? Внутренняя пустота скоро отгадывается, и никакие улов -ки не прикроют и не прикрасят ее. Зачем эти подражатели, не понимая г. Григоровича, подделывались под его манеру? зачем они воображали, будто бездушным подражанием манере можно создавать прекрасное? Зачем они не 'приняли в соображение, что г. Григорович силен потому, что знает и любит народ, и воображали, будто все дело состоит в крестьянских именах и в замене обыкновенных русских слов такими диковинками, каких читателю с бритой бородой и слышать не приводилось? Зачем они действовали так, будто гоголевы «Вечера на хуторе близ Диканьки» были обязаны своими успехами заимствованию малорусских слов из «Лексикона» Памвы Берынды?

Г. Григорович знает деревенский быт средней полосы нашего царства и нимало не думает сам себе дивиться или хвалиться пе, -ред другими тем, что он знает его, как житель Петербурга вовсе не дивится тому, что знает Петербург, как человек, служивший на Кавказе, вовсе не дивится тому, что знает кавказские обычаи; да и скажите, в самом деле, что такое за диво быть в русском царстве человеком, хорошо знающим сельскую жизнь? Каждый помещик, каждый чиновник земской полиции, каждый сельский

священник очень хорошо знает нравы поселян. Хвалиться тут ровно нечем. Ведь русская деревня для нас не Австралия, которой не видал никто из наших соотечественников. Г. Григорович находит, что поселяне — такие же люди, как и мы, и большею частью люди добрые и неглупые; потому он любит их, и когда видит, что они терпят нужду или притеснение, ему становится жаль их. Всем этим своим чувствам он вовсе не думает дивиться или хвастаться ими; да и что, в самом деле, удивительного в этих чувствах? каждый благородный и не близорукий человек, который знает наших поселян, любит их и жалеет о невзгодах, какие встречаются в их быте.

Каждый л ите ратор с самостоятел ьным талантом бе рет сюжеты для своих рассказов из того круга жизни, который интересует его и хорошо ему знаком. Так поступил г. Григорович: он суал писать рассказы из сельского быта, и выбор его был решен не какими-нибудь мелочными соображениями, не заботою о нововведениях или похвальбою, или расчетами на особенный успех,— из таких соображений в поэзии никогда ровно ничего не выходит, потому что талант истинный не подчиняется им. Вовсе нет: г. Григорович стал писать повести из сельского быта потому, что близко знает этот круг и интересовался им; тут было не более, как исполнение поговорки: «что у кого болит, тот о том и говорит». Писал ли кто-нибудь по-русски до г. Григоровича хорошие повести из великорусского сельского быта или нет, это для г. Григоровича было решительно все равно. Он сам чувствовал влечение описывать сельский быт, чувствовал, что может описывать его, — на этом влечении таланта было основано все.

690

И вот явились «Деревня», «Антон-Горемыка» и т. д. Автор нимало не делал насилия своему таланту, когда писал их: быбор предмета был направлен любовью к поселянам. Автор нимало не щеголял ни своим знанием крестьянского языка, ни тем, что бывал в курных избах; он только верно описывал хорошо знакомый ему быт. Видно было, что он любит поселян, как людей, и сочувствует их интересам. Очень натурально, что повести, написанные с талантом н знанием, оживленные сочувствием автора к изображаемым людям, имели успех. Успех основывался на существенных, неотъемлемых достоинствах произведений.

Но люди догадливые относительно средств всеми правдами и неправдами добиться литературного успеха, тотчас же сообразили, в чем дело. Они догадались, что успех повестей г. Григоровича основан не на достоинстве повестей, а только на том, что в повестях описываются не такие люди, как мы с вами, а совершенно невиданные никем – какие-то чудаки с бородами и в онучах, и говорят эти чудаки-мужики вовсе не таким языком, как мы с вами, а каким-то чудным, неслыханным языком. Таким-то легким образом был найден рецепт для приобретения литературного успеха: публика восхищается странными нравами мужичков и диковинным их языком – начнем же угощать ее этими блюдами, и разделим успех г. Григоровича, а пожалуй, достигнем и большего успеха, потому что перещеголять его в поражении публики диковинными нравами и языком вовсе нетрудно: он далеко не вполне пользуется теми обильными материалами диковинных особенностей, какие могут быть найдены в сельском быте. Покажем ей, что мы умеем говорить по-мужицки гораздо лучше г. Григоровича, что мы – если уж на то пошло – знаем крестьянский быт, как свои пять пальцев.

И принялись удивлять публику своим знанием крестьянского быта и мужицкого языка.

И, действительно, удивили, – только не в том смысле, как

рассчитывали. В произведениях, писанных на новую тему людьми, не лишенными таланта, публика удивилась пустоте и бесцветности при наружной эффектности, а в произведениях людей бездарных – огромности претензий и страшной фальшивости тона. Впрочем, последними качествами поражали иногда и рассказы известных писателей.

Расчеты на успех оказались ошибочны, и ошибка была так груба, что трудно даже извинить ее.

В самом деле, неудачные подражатели г. Григоровича вообразили, что публика восхитилась в его повестях новизною; но ужели огромное большинство русских читателей не знало крестьянского быта и не слыхивало крестьянского языка? Неужели «Деревня» произвела эффект вроде того, какой производят рассказы о японцах и жителях Ван*Дименовой земли? Нимало: каждый читатель сам знал очень хорошо русских мужичков и, быть 44* 691

может, половина читателей провели жизнь в самых тесных сношениях с ними. – Или печатные рассказы о мужиках были новостью, когда явилась «Деревня»? Если публика знала крестьянский быт, то, быть может, по крайней мере, литература чуждалась его описаний? Нимало: от «Фрола Силина» Карамзина 3 до героев Загоскина тянется непрерывный ряд литературных мужиков, и в то самое время, когда начал писать г. Григорович, были очень известные рассказчики, вся деятельность которых была посвящена описанию простонародного быта. Стало быть, по той сфере, из которой взято содержание «Деревни», повесть г. Григоровича вовсе не была новостью.

Правда, было в ней нечто новое, но вовсе не мысль описывать крестьянский быт: ново было то, чго крестьянский быт описывался верно, без прикрас, что в описании был виден сильный

талант и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзии. Этим качествам подражатели не вздумали подражать, потому, вероятно, что не считали их важными, не чувствуя присутствия их в себе. Но эти качества, упущенные из виду славолюбивыми соперниками г. Григоровича, и были причиною, что его произведения сделали и продолжают делать такое сильное впечатление на публику, между тем, как люди, писавшие до него и вслед за ним о тех же самых мужиках, оставлены или вовсе не приняты публикою.

Но что такое талант, чув.ство, поэзия, верность картин? о таких пустяках не думали подражатели: ведь, по их мнению, мужики понравились публике, как диковинка, заняли ее странностями языка и нравов. Этими-то качествами мужиков и хотели они выиграть, выказывая удивительнейшее, по собственному мнению, уменье владеть языком и подмечать особенности обычаев поселян. Действительно, мужики у них заговорили так, что не употребляли ни одной фразы, которая имела бы смысл на обыкновенном русском языке (которым, между прочим, говорят и крестьяне, не имеющие средств объясняться на иных языках), не произносили ни одного слова, не исковеркав его; да и то была еще милость, когда только коверкали обыкновенные слова, а не вовсе отказывались от них, заменяя их неслыханными в народе русском речениями, заимствованными из «Словаря областных наречий». Нравы этих диковинных поселян также не имели ничего общего с обыкновенными человеческими или русскими нравами: не говоря уже о чувствах или понятиях, даже в затылке почесывали мужички уж наверное никак не пальцами, а кулаком, да еще на особенный манер сложенным, и ложку со щами подносили ко рту не обыкновенным порядком, а с какими-нибудь особенными извитиями рук и ухмыляниями лица. И на каждое диковинное словечко своих мужичков, на каждое несообразное с обычною логикою понятие, на каждый странный жест их, автор радовался, сам дивясь чудному своему знанию всех никем дотоле 692

не подмеченных особенностей народного быта и языка. Г. Григорович никогда не достигал такой высоты: у него мужики и говорили, и думали, и поступали по-человечески, отличаясь в языке и обычаях от остальных русских не более того, как отличаются действительные, живые русские поселяне, которые и говорят и думают о житейских делах почти так же, как и всякий другой человек, не получивший книжного воспитания. Мы уж сказали, отчего происходила эта разница: г. Григорович не изумляется своему знакомству с поселянами, не находит нужды щеголять этим знакомством, он привык видеть в поселянах людей таких же, как и мы с вами, читатель, или, быть может, и несколько лучших, нежели большая часть из нас; он — какая редкость!— он и любит их просто, как людей, а не как чудаков, странности которых могут давать литераторам поживу для курьезных описаний. Если в каком-нибудь уезде поселяне произносят «хурушу» вместо «хорошо», это, по его мнению, такая же драгоценная для поэзии и такая же восхитительная для него находка, как «харашо», которое произносим мы вместо «хорошо». Но для многих из его подражателей поселянин, в самом деле, диковинка, знанием которой не могут они довольно нащеголяться, и на употреблении «хурушу» основаны и надежда их на славу и любовь их к поселянам.

Без знания и без любви что может сделать даже замечательный талант? А если, притом, и талант у литератора, требующего себе отличий за снисходительное знакомство свое с мужиками, не слишком велик, что ж удивительного, когда рассказы его из сельского быта так же пусты, аффектированы и скучны, как пусты, скучны и аффектированы были бы его повести из аристократического быта?

Да и что хорошего может произвести насилование своего таланта? Г. Григорович тем и силен, что пишет простонародные рассказы по влечению собственной натуры, не насилуя таланта, а давая ему полный простор. А последователи его начали описывать поселян не по влечению таланта, а по разным посторонним соображениям, насилуя талант.

Есть л юди, которые л юбят тол ковать о свободном творчестве — почему ж не толковать и об этом предмете? дело хорошее, лишь бы только толкующий сам понимал, о чем толкует, и не смешивал свободного творчества, «апример, с пустословием, которое относится скорее к прозе, и, лритом, очень пошлой прозе, нежели к поэзии. Свободное творчество состоит в том, чтобы поэт не насиловал своей природы: природа внушает одному сатиру, другому идиллию, — пусть каждый из них пишет что ему внушает природа таланта. Но если сатирик начнет гнуть свой талант, чтобы хочешь, ме хочешь — написать идиллию, тут уже не будет ровно никакой свободы творчества, а просто-напросто будет насилование таланта, и идиллия выйдет хуже всякой пародии на идиллию. Для Гоголя свободою творчества было пи-693

сать о Чичиковых и Ветрищевых, а изображать Улиньку и Кос-танжогло было чистым насилованием таланта; Диккенса — «Пик-вщсский клуб» и «Тяжелые времена» — разно плоды свободного творчества, как и Пушкину «Онегин» не менее «Каменного гостя» внушен свободным творчеством. Уж более двух тысяч лет прошло с того времени, как высказана была истина, что верховным правилом разумной жизни должно быть

«слушайся природы» – secundum naturum vivere. Пора нам понять эту истину. И в поэ-

зии она так же бесспорна, как во всем остальном.

Правда и то, что у одних натура сильна, здорова и влечения ее дельны, у других – натура дрябла и влечения ее пусты. Конечно, людям последнего разбора непонятны здоровые влечения и дельные мысли. К числу таких людей принадлежат, между прочим, и те, которые воображали, что прочной литературной славы можно достичь у нас, не имея сильных и благородных стремлений, что публика каша прельстится фразами без смысла, формою без живой идеи. Эти люди, особенно те из них, которые потерпели крушение собственных литературных надежд, могут быть недовольны г. Григоровичем, во-первых, за то, что ему досталась известность, которой напрасно искали они, во-вторых, и за то, что в его произведениях есть всегда живая мысль, необходимости которой никак не могли понять они. Но мнение таких людей вовсе не закон ни для г. Григоровича, ни для русской публики: она, что ни говорите, таки умеет ценить людей и награждает своим сочувствием только тех писателей, которые служат правде, служа поэзии, потому что без правды нет и поэзии.

Горька участь литераторов, которые, несмотря на все хлопоты, не успели приобресть славы, за которою гнались или еще продолжают гнаться; но кто ж виноват в том, что участь их горька? Зачем они так узко и поверхностно поняли литературу, воображая, что ока может быть пустослозием?

Кто, например, виноват, если рассказы из простонародного быта вообще не разделяли того успеха, которым постоянно пользовались произведения г. Григоровича? Неужели охлаждение публики надобно считать причиною неуспеха многих писателей, в подражание г. Григоровичу водивших нас по избам и нивам? – Но ведь это охлаждение не простиралось же никогда на произведения г. Григоровича, и, например, последний роман его был читаем всеми с величайшим одобрением. Отчего же такая разница? Отчего г. Григорович без всякого труда приковывает к себе внимание публики, когда многих других повествователей о сельском быте не хочет она и слушать?

Г. Григорович не забавляет себя и публику набиранием странных слов и странных обычаев (чем ограничиваются другие): в его «Переселенцах» есть живая мысль, есть действительное знание народной жизни и любовь к народу; у него поселяне выводятся не затем, чтобы исполнять должность диковинных чуда-694

ков с неслыханным языком: нет! они являются, как живые люди, которые возбуждают к себе полное ваше участие. В этом и причина постоянного успеха его повестей и романов из сельского быта.

Мы не будем пересказывать содержание «Переселенцев»: кто не читал еще этого романа, конечно, прочтет его. Мы не будем и перечислять сцен, особенно хорошо исполненных или характеров, очерченных особенно удачно, потому что это исчисление было бы слишком длинно. От хилого и телом и духом Тимофея Лапши, которого помещик переселяет в саратовские луга из вотчины, где Лапшу не любили за то, что у него брат Филипп скрывался в бегах и промышлял воровством, до жены Тимофея, Катерины, которая бьется, как рыба об лед, чтобы как-нибудь поддержать хозяйство, и до маленького Тимофеева сына Пети, которого Филипп отчасти выманивает, отчасти силою отнимает у отца и продает нищим; от агронома и филантропа-помещика Сергея Ва-сильича Белицына, который очень хорошо рассуждает об обязанностях помещика и о своих великолепных планах, и разоряется, устроивая в Петербурге прекрасные балы, до молодого гуртовщика Карякина, который хвастается тем, что не боится

своего тятеньки, – почти все характеры обрисованы с обыкновенным мастерством г. Г ригоровича, так что выставляются живыми людьми. Заключение из своего рассказа выводит сам автор в следующей сцене:

Уэнав о смерти Тимофея Лапши, хозяйство и здоровье которого было окончательно убито переселением, и о горькой участи его семьи, супруга Сергея Васильича, Александра Константиновна, надолго задумалась. Сергей Васильнч, вместе с нею выслушавший рассказ старосты, тоже сидел молча.

– О чем ты думаешь? – спросил наконец муж, прикасаясь ладонью к руке жены.

– Я думаю об этой бедной женщине и ее детях, думаю также о помещиках... таких, как мы... – вымолвила Александра Константиновна.

Сергей Васильич сильно потер лоб ладонью и опустил голову.

– Надо сознаться, Serge, оба мы поступили непростительно йпромет- -чиво, – подхватила Александра Константиновна: – нет, мы живем совсем не так, как бы нам следовало!

– Что ты хочешь этим сказать? – краснея, проговорил муж.

– Я хочу сказать, – кротко возразила Белицына:– что если уж существует наше положение–положение помещика, оно налагает на нас, помещиков, обязанности... строгие, святые обязанности – право, так! Это не пустое слово,

не фраза. Сколько раз думала я: если б владели мы только землями да лесом, наша беспечность была бы простительна, нас можно было бы извинить за наше незнание; но ведь в руках наших живые люди, мы имеем соуни семейств, судьба которых в нашем полном распоряжении... – с горячностью подхватила она:– как христиане, как граждане, наконец, просто как честные люди, можем ли мы быть беспечными? Имеем ли мы право бросить этих людей на произвол судьбы, не знать их жизни, их потребностей?.. Наше равнодушие, наше невежество п отношении к быту этого народа, который круглый год, всю сыою жизнь для нас трудится и проливает пот свой,–

наше равнодушие и незнание постыдно и бесчестно!.. Мы наряжаемся, пляшем, безумно тратим деньги, уважаем и принимаем за серьезное то, что в сущности вздор, и почти презираем то, к чему обязывают нас совесть, религия и все человеческие чувства... Сердце возмущается и страшно делается, как подумаешь обо всем этом! Нет, мы живем не так, далеко не так, как бы следовало!..

Но мы считаем лишним досказывать то, что говорила Александра Константиновна. Мысль, которая одушевляла ее, и без того понятна, –] мысль, по нашему мнению, в миллионы раз дороже самого пылкого, блестящего красноречия.

Во все время, как говорила Белинына, Сергей Васильич не поднял головы. Когда она кончила, он продолжал сидеть в том же положении. Видно было, однако ж, что слова Александры Константиновны произвели на него сильное впечатление. Доброе лицо его выражало столько грусти, что, взглянув на него, Белииьша быстро подошла к мужу и взяла его за обе руки.

Она подумала, не зашла ли уж слишком далеко в своем увлечении, не оскорбила ли как-нибудь нечаянно мужа, который, в сущности, был главным виновником проекта о переселении и подал повод к ее упрекам.

– О чем ты думаешь?– спросила она с ласковой улыбкой.

– О чем я думаю? – вымолвил Сергей Васильич, подымая голову, при чем жена увидела слезы на глазах его: – я думаю, что ты во сто тысяч раз умнее и честнее меня – вот что я думаю ., Начинай же то дело, о котором ты говорила! – подхватил он с воодушевлением: – начинай это дело, с богом, и я твой верный, неизменный помощник!..

Александра Константиновна, женщина умная и, действительно, хорошая, видит необходимость взять управление в свои руки, мало-помалу приводит в порядок расстроенное хозяйство и успевает облегчить участь поселян.

Некоторые читатели заметят, что эта идея может подать по-

вод к спорам – тем лучше: лишь были бы у нас хотя споры о чем-нибудь дельном, и это было бы уже важным шагом вперед. Но людей, которые желают спорить с Александрою Константиновною, мы, прежде всяких споров, просим обратить внимание на слова, которыми начинается ее монолог: «если уж существует наше положение»,– говорит она – она говорит не о своих идеалах, а только о своих обязанностях при настоящем положении; но как она думает об этом положении, она того не говорит, и, по всей вероятности, у ней есть об этом свои мысли, и, быть может, мысли, не оставляющие места никаким спорам.

Те, которые с интересом следят за развитием мнений так называемых славянофилов, нетерпеливо ожидали выхода второй книги «Русской беседы», надеясь найти з ней трактат И. В. Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии». Трактат этот должен был пояснить, как именно ныне понимается, если не всеми славянофилами, то многими и, кажется, последовательнейшими из них, теоретический вопрос об общих началах знания,–вопрос, которому славянофилы придают чрезвычайную важность.

Вышла вторая книга «Русской беседы», и помещен в ней трактат И, В. Киреевского... но мы не можем говорить о] нем,, как намеревались: находя многое в нем верным и прекрасным (особенно 696

идею, что одних отвлеченных понятий недостаточно для живого решения вопросов жизни, потому что ум человека не есть еще весь человек, а жить нужно всему человеку, и не одним рассудком, а также любовью), находя, что вся статья, напечатанная теперь *, проникнута духом благородным и чистым от фанатизма или нетерпимости, – находя наконец в изложении статьи силу мысли, не совсем обыкновенную и возбуждающую к себе невольное уважение, как возбуждает уважение всякий сильный ум, – потому, имея сказать многое в похвалу статьи, мы, однако же, находим в ней ошибки, которые нам кажутся важными, и, как следствие ошибок, некоторые мнения, как нам кажется, не соответствующие или нынешнему состоянию науки, или потребностям жизни. Конечно, мы не могли бы оставить эти мнения без замечаний. Но над свежею могилою, недавно поглотившею Киреевского, неуместны и неприличны были бы не только споры, даже все, что могло бы походить на спор. Да и к чему теперь возражать, опровергать? К сожалению, нет уже надобности защищать против Киреевского те из наших убеждений, справедливость которых не признавал он –] к сожалению, говорим мы, потому что не в развитии тех или других мнений, могущих возбуждать несогласия, состояло главнейшее значение Киреевского, а в развитии стремлений благородных и полезных для нашего общества, столь мало еще проникнутого потребностью мыслить, жаждою истины. Жажда истины, деятельность мыслн – зародыш и залог всего благого; а в Киреевском была эта жажда истины, он пробуждал в других деятельность мысли. Потому, во всяком случае,' он был полезен и нужен у нас.

«Русская беседа» посвящает несколько страниц воспоминанию о Киреевском. Страницы эти проникнуты искренностью глубокого чувства и написаны .прекрасно. Мы берем из них те мысли, в которых совершенно согласны с мнениями или чувствами, высказываемыми от имени «Русской беседы» о ее покойном сотруднике.

Сердце, исполненное нежности и любви; ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной душ и; ка кая-то особе нная мя гкость чувства, да вавшая особе нную п релесть разговору; горячее стремление к истине; необычайная тонкость диалектики в споре, сопряженная с самою добросовестною уступчивостью, когда противник был прав, и с какою-то нежною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращение от всего грубого и оскорбительного в жизни, выражении мысли или отношениях к другим людям; верность и преданность в дружбе, готовность всегда прощать врагам и мириться с ними искренно; глубокая ненависть к пороку и крайнее снисхождение в суде о порочных людях; наконец безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подо* Киреевский успел обработать только половину трактата, которым занимался в последнее время жизни, только первую, критическую часть своего исследования; вторая часть, которая должна была содержать догматическое построение начал его собственной системы, осталась не написанною. 697

зрения на себя, но искренно страдавшее от всякого неблагородства, замечей -ного в других людях: таковы были редкие и неоцененные качества, по которым Иван Васильевич Киреевский был любезен всем, сколько-нибудь знавшим его, и бесконечно дорог своим друзьям. Смерть его останется неисцелимою раною для многих.

Но потеря Ивана Васильевича Киреевского важна не для одних личных его знакомых и не для тесного круга его друзей: нет! она важна и незаменима для всех его соотечественников, истинно любящих просвещение и самобытную жизнь русского ума. Не много оставил он памятников своей умственной деятельности – несколько листов составляют весь итог его печатных трудов; но в этих немногих листах заключается богатство самостоятельной мысли. Нашему убеждению будет, конечно, сочувствовать всякий, кто с разумом прочел или теперешнюю статью Ивана Васильевича Киреевского, или те, которые напечатаны в «Москвитянине» и в «Московском

сборнике».

Слишком рано писать его биографию; скажем только, что жизнь его украшена была с первой молодости приязнию Пушкина, горячею дружбою Жуковского, Баратынского, Языкова и (слишком рано увядшей надежды

Но придет время, когда наука оценит его достоинство и определит его место в движении русского просвещения. Выводы, им добытые, сделавшись общим достоянием, будут всем известны; но его немногие статьи останутся всегда предметом изучения по последовательности мысли, постоянно требовавшей от себя строгого отчета, по характеру теплой любви к истине и людям, которая везде в них просвечивает, по верному чувству изящного, по благоговейной признательности его к своим наставникам, предшественникам в путях науки даже тогда, когда он принужден их осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствию не высказанным требованиям всего человечества, алчущего животворящей правды.

Память твоя да будет с праведною похвалою, наш усопший брат!

Скажем и мы от себя:

Да будет память твоя с праведною похвалою, честный и полезный деятель русской мысли, человек замечательный по высоким качествам ума и благородным достоинствам сердца!

Сентябрь 1856 года*

Часто случалось нам слышать недоумения относительно причин, которым надобно приписать чрезвычайный успех «Семейной хроники» г. Аксакова. От некоторых людей, заслуживающих всякого уважения по развитости своего вкуса, мы слышали даже осуждение всем нашим журналам, от «Русской беседы» до «Русского вестника» и «Современника», за тот восторг, с каким отозвались все критики о книге г. Аксакова. — «Спора нет, — говорили эти люди, — «Семейная хроника» написана [хорошо, можно, пожалуй, согласиться, что она написана даже очень хорошо] , — но выставлять «Семейную хронику» книгою необыкновенных, изумительных достоинств,] —] дело решительно несправедливое, а в эту ошибку впали все журналы. По какому случаю

модушны в истине? Не упоминаем о критической статье одного из них, объявившего, что с «Семейной хроники» начинается новая эпоха для нашей литературы, что у самого Гоголя лучшие места в первом томе «Мертвых душ» написаны под влиянием этой книги, отрывки из которой читались ему в рукописи; что все наши поэты и нувеллисты должны учиться и будут учиться слогу и чувствам, искусству писать и уменью понимать русскую жизнь у г. Аксакова. Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, духом партии. Но чем извинить другие журналы, которые говорили о книге г. Аксакова тоном, разве немного уступающим в восторженности тону этой статьи? Ведь в их разборах также виделось необыкновенное удивление достоинствам «Семейной хроники»; они также как будто отдавали г. Аксакову первенство над всеми нашими нынешними писателями, говорили об нем, как о художнике, перед которым надобно преклоняться. Все это ошибочно. «Семейная хроника», в Литературном отношении, имеет недостатки...» И эти строгие ценители исчисляли литературные недостатки книги г. Аксакова, быть может, сами так же преувеличивая их, как преувеличивал достоинства книги критик, находивший, что она должна преобразовать всю машу литературу, для которой начинается -новая эпоха с появления «Семейной хроники».

Нет надобности оправдывать журналы, которые, быть может, уже достаточно оправдываются езоим единодушием. Во всяком случае, чрезвычайный успех «Семейной хроники» остается фактом, и слишком строгие ценители, мнение которых мы привели выше, едва ли не впадают сами в ошибку, слишком много зани

маясь вопросом о том, как велики именно лнтературные достоин-

ства книги г. Аксакова: интерес, возбужденный «Семейною хроникою», основывался не исключительно на этих достоинствах: гораздо важнее было другое обстоятельство — то, что книга эта удовлетворяла слишком сильной потребности нашей в мемуарах, — потребности, находящей себе слишком мало пищи в нашей литературе. Конечно, если книга эта, интересная как мемуары, имела, притом, и замечательные литературные достоинства, по крайней мере, в некоторых частях (чего никто не

отрицает) тем лучше; но будь она написана хотя бы не более как только не совсем дурным слогом, успех ее был бы разве немногим меньше того, какой она имела при всех своих настоящих литературных достоинствах.

В самом деле, у нас вовсе нет мемуаров, относящихся до близкого к нам времени, относящихся до современной эпохи – решительно нет. А потребность в таких мемуарах очень сильна. Только из одной беллетристики мы можем литературным образом расширять наше знание о том, что недавно делалось или делается вокруг нас. Но дело ясное, что одна беллетристика недостаточна в этом случае. Мемуары везде являются во множестве, везде чи-699

таются с жадностию, везде приносят много и пользы и наслаждения; у нас только нет и нет мемуаров. «Да где же они? Давайте их!»

Г. Щедрин хочет пособить этому недостатку: он начал печатать в «Русском вестнике» (книжка 16-я) рассказы, которые называет «Губернскими очерками». Мы смотрим на эти рассказы, как на отрывки из мемуаров, – так, вероятно, смотрит на них и сам автор. Ни ему, ни нам нет никакого дела до требований, каким могут подлежать рассказы о приключениях и лицах, создаваемых фантазиею. В литературном отношении у нас только одно

условие относительно мемуаров: чтобы они были написаны недурно, – не более; совершенств и красот мы в них не ищем, – напротив, эти красоть' иногда только мешают существенному достоинству мемуаров – точной правдивости рассказа. «Губернские очерки» г. Щедрина совершенно удовлетворяют этому условию: никто не скажет, что рассказ автора не хорош. Большего публика и не потребует. Мы не имели еще случая слышать, какой успех имеют в публике «Губернские очерки», но вперед можно быть уверенным, что [успех этот не уступит успеху «Семейной хроники»].

Г. Щедрин рассказывает нам свои воспоминания из жизни в некоем городе Крутсгорске; но что это за город Крутогорск? имя, кажется, выдуманное. Если хотите, имя точно выдумано: почему же иногда и не придумать какого-нибудь имени, для собственного удобства и пользы читателей: дело не в имени, а в деле.

Посмотрим же, что выдумщик г. Щедрин рассказывает о выдуманном городе Крутогорске. Но прежде всего узнаем местность, к которой относит г. Щедрин свои выдумки. В других местностях, может быть, ничего такого и не бывает, как в Круто -горске.

В одном из далеких углов России есть город, который как-то особенно говорит моему сердцу. Не то, чтобы он отличался великолепными зданиями; нет в нем садов семирамидиных, ни одного даже трехзтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы-то всё немощеные; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успоконвающее душу в тишине, которая царствует на стогнах его. Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания.

И, в самом деле, из этого города даже дороги дальше никуда нет, как

будто здесь конец миру: куда ни взгляните вы окрест – лес, луга, да степь, степь, лес и луга; где-где вьется прихотливым извивом проселок и бойко проскачет по нем телега, запряженная маленькою резвою лошадкой, и опять все затихнет, все потонет в общем однообразии...

В этом далеком от нас городе люди живут очень патриархально, но с большими претензиями на светскость и подражание Петербургу. Так, например, хозяйка считает уже своею обязанностью занимать гостей, приехавших с визитом (визиты сви-700

репствуют в Крутогорске), там женщины уже не прячутся от мужчин; мало того: знатные лица уже сажают на стулья людей, приехавших к ним с визитом, а не разговаривают с ними, держа их в стоящем положении; гости, с своей стороны, стараются вести с дамами разговоры любезные и занимательные:

Вот наступает воскресенье: весь город, с раннего утра, в волнении, как будто томим недугом. На площади шум и говор, по улицам езда страшная. Чиновники, не

обуздываемые в этот день никаким присутственным местом, из всех сил устремляются к его превосходительству поздравить с праздником. Случается, что его превосходительство не совсем благосклонно смотрит на эти поклонения, находя, что они вообще не относятся к делу; но духа времени изменить нельзя: «помилуйте, ваше превосходительство, это Лам не в тягость, а в сладость!»

– Сегодня отличная погода, – говорит Порфирий Петрович, обращаясь к ее превосходительству.

Ее превосходительство слушает с видимым участием.

– Только жарко немножко-с, – отзывается уездный стряпчий, слегка привставая на кресле; – я, ваше превосходительство, потею...

– Как здоровье вашей супруги? – спрашивает ее превосходительство, обращаясь к инженерному офицеру, с очевидным желанием замять разговор,

принимающий слишком интимный характер.

– Она, ваше превосходительство, всегда в это время бывает в таком положении...

Ее превосходительство решительно теряется.

Общее смущение.

– А у нас, ваше превосходительство,– говорит Порфирий Петрович: – случилось на прошлой неделе обстоятельство. Получили мы из Рожновской палаты бумагу-с. Читали мы, читали эту бумагу – ничего не понимаем, а бумага, видим, нужная. Вот только и говорит Иван Кузьмич: «позовем, господа, архивариуса – может быть, он поймет». И точно-с, призываем архивариуса. Прочитал он бумагу. Понимаешь? спрашиваем мы. – «Понимать не понимаю, а отвечать могу». Верите ли, ваше превосходительство, ведь и в самом деле написал это бумагу а палец толщиной, только еще непонятнее первой. Однако, мы подписали и отправили.

Общий хохот.

– Любопытно, – говорит его превосходительство:– удовлетворится ли Рожновская палата?

– Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? ведь им больше для очистки дела ответ нужен: вот они возьмут да целиком нашу бумагу куда-нибудь и пропишут-с, а то место опять пропишет-с; так оно "н пойдет...

Жизнь в городе, где обхождение так любезно, а разговоры так поучительны, конечно, очень приятна; потому и у г. Щедрина остались о ней самые светлые воспоминания:

Да, я люблю тебя, далекий, никем не тронутый край! Мне мил твой простор и простодушие твоих обитателей! И если перо мое нередко коснется таких струн твоего организма, которые издают неприятный и фальшивый звук, то это не от недостатка горячего сочувствия к тебе, а потому собственно, что я не желал бы слышать эти звуки, которые грустно и болезненно отдаются в моей душе. Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем

более, что предполагает полное сочувствие к добру и истине. Смею думать, что все мы, от мала до велика, видя ту упорную и непрестанную борьбу 701

со злом, предпринимаемую теми, в руках которых хранится судьба России, – все мы обязаны, по мере сил, содействовать этой борьбе и облегчать ее.

Из трех рассказов, которые следуют у г. Щедрина за общею картиною нынешнего состояния Крутогорска, два имеют одинаковое заглавие: «Прошлые времена». Оба они заимствованы из бесед с одним и тем же старым уездным служакой, от лица которого и ведутся эти рассказы в Записках г. Щедрина. Из этих двух рассказов мы и сделаем несколько выписок. Старый служака жалеет о прежних временах, когда все было проще и дружелюбнее, нежели ныне; в его беседах есть что-то идиллическое, напоминающее предания поэтов о золотом веке:

«...Нет, нынче не то, что было в прежнее время: в прежнее время народ как-то проще, любовнее был. Служил я теперича в земском суде заседателем, триста рублей бумажками получал, семейством угнетен был, а не хуже людей жил. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-есть надо, ну и место давали так, чтоб прокормиться было чем... А отчего? оттого, что простота во всем была, начальственное снисхождение было — вот что!

Много было у меня в жизни случаев, доложу я вам, случаев истинно любопытнейших. Губериия наша дальняя, дворянства этого нет: ну, и жили мы тут, как у Христа за пазушкой; съездишь, бывало, в год раз, в губернский город, поклонишься чем бог послал благодетелям и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтоб под суд попасть или ревизии там какие-нибудь, как нынче: все шло себе как по маслу. А вот вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что нынче лучше: народ, дескать, меньше терпит, справедливости больше, чиновники бога знать стали, А я вам доложу,

Брали мы, правда, что брали — кто богу не грешен, царю не виноват? да ведь и то сказать, лучше, что ли, денег-то не брать, да и дела не делать? Как возьмешь, оно и работать как-то сподручнее, поощрительнее. А нынче, посмотрю я, все разговором занимаются, и все больше насчет этого бескорыстия, а дела не видно.

Жили мы п те поры, чиновники, все промеж себя очень дружно. Не то, чтоб зависть или чернота какая-нибудь, а всякий друг другу совет и помощь дрдает. Проиграешь, бывало, в картишки целую ночь, все дочиста спустишь, — как быть? ну и идешь к исправнику. Батюшка, Демьян Иваныч, так и так, помоги! Выслушает Демьян Иваныч, посмеется начальнически: «вы, мол, такие-сякие, приказные и деньгу-то сколотить не умеете, все в кабак да в карты!» А потом и скажет: «ну, уж нечего делать, ступай в Шарковскую волость подать сбирать». Вот и поедешь: подати-то не соберешь, а ребятишкам на молочишко будет.

И ведь как это все просто делалось! не то, чтоб истязание или вымогательство какое-нибудь, а приедешь этак, соберешь сход. — Ну, мол, ребятушки, выручайте! Царю-батюшкс деньги надобны: давайте подати.

А сам идешь себе в избу, да из окошечка посматриваешь: стоят ребятушки да затылки почесывают. А потом и пойдет у них смятение, вдруг все заговорят и руками замахают, да ведь с час времени этак-то прохлаждаются. А ты себе сидишь, натурально, в избе да посмеиваешься, а часом й готского к ним вышлешь: «будет, мол, вам разговаривать — барин сердится». Ну, тут пойдет у них суматоха пуще прежнего: начнут жеребий кидать. Это значит идет дело на лад, порешили итти к заседателю, не будет ли бджеская милость обождать до заработков.

— Э-э-эх, ребятушки, да «как же с батюшкой царсм-то быть! ведь ему деньги надобны: вы хошь бы пас, своих начальников, пожалели!

И все это ласковым словом, не то, чтобы по зубам да за волосы:

«Я, дескать, взяток не беру, так вы у меня знай, каков я есть окружный!» нет, этак лаской да жаленьем, чтоб насквозь его, сударь, прошибло!

— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать?

Ну, натурально, в ноги,

— Обождать-то для-че не обождать? это все в наших руках, да за что ж я перед начальством в ответ попаду — судите сами.

Пойдут ребята опять на сход, потолкуют, потолкуют, да и разойдутся по домам, а часика через два, смотришь, сотский и несет тебе за подожданье по гривне с души, а как в волости-то душ тысячи четыре, так и выйдет рублев четыреста, а где и больше... Ну, и едешь домой веселее.

А то вот у нас еще фортель какой был — это обыск повальный. Эти дела мы приберегали к лету, к самой страдной поре. Выедешь это на следствие и начнешь весь окольный народ сбивать; мало одной волости, так и другую прихватишь — всех

тащи. Сотские же у нас были народ живой, тертый – как есть на все руки. Сгонят человек триста, ну, и лежат они на солнышке. Лежат день, лежат другой; у иного и хлеб, что из дому взял, на исходе, а ты себе сидишь в избе, будто взаправду занимаешься. Вот как видят, что время уходит – полевая-то работа не ждет – ну, и начнут засылать сотского: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить в чем следует». Тут и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего ж им удовольствие не сделать, а коли больно много артачиться станут, ну, и еще погодят денек-другой. Главное тут дело характер иметь, не скучать бездельем, не гнушаться избой да кислым молоком. Увидят, что человек-то дельный, так и поддадутся, да и как еще: прежде по гривенке, может, просил, а тут – шалишь! – по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросишь их всех скопом:

– Каков, мол, такой-то Трифон Сидоров? мошенник?

– Мошенник, батюшка, что и говорить, мошенник!

– А ведь он лошадь-то у Мокея украл? он, ребята?

– Он, батюшка, он, должно.

– А грамотные из вас есть?

– Нет, батюшка, какая грамота!

Это говорят мужички повеселее: знают, что, значит, отпуск сейчас им будет,

– Ну, ступайте с богом да вперед будьте умнее.

И отпустишь через полчаса. Оно, конечно, дела немного, всего па не-скол ько минут, да вы посудите, скол ько тут вытерпи шь: сутки двое -трое сложа руки сидишь, кислый хлеб жуешь... другой бы и жизнь-то всю проклял– ну, ничего таким манером и не добудет.»

Много было хороших дельцов в старое доброе время, – вот, например, городничего Фейера нельзя не похвалить: человек был знающий и к службе усердный.

«Начальство наше все к нему приверженность большую имело, потому кай собственно он из воли не выходил и все исполнял до точности: иди, говорит, в грязь – он и в грязь идет, в невозможности возможность найдет, из песку веревку совьет.

По той единственной причине ему все его противоестественности с рук и сходили, что человек он был золотой. Напишут это из губернии – рыбу непременно к именинам надо, да такую, чтоб была рыба, кит не кит, а около того. Мечется Фейер как угорелый, мечется и день и другой – есть рыба, да все не такая, как надо: то с рыла вся в именинника вышла, скажут личность, то молок мало, то пером не выходит, величественности совсем не имеет. А у нас в губернии любят, чтоб каждая вещь в настоящем виде была. 703

Задумается Фейер да и загадит всех рыболовов в сибирку. Те чуть не плачут.

– Да помилуйте, ваше благородие, где ж возьмешь этаку рыбу?

– Где? а в воде?

– В воде-то, знамо дело, что а воде; да где ее искать-то в воде?

– Ты рыболов? говори, рыболов ли ты?

– Рыболов-то я точно, что рыболов...

– А начальство знаешь?

– Как не знать начальства! завсегда знаем.

– Ну, следственно.

И являлась рыба, и такая именно, как быть следует, во всех статьях.

Прислан был к нам Фейер из другого города за отличие, потому что наш город торговый и на реке судоходной стоит. Перед ним был городничий старик, и такой слабый да добрый. Оседлали его здешиие граждане. Вот приехал Фейер на городничество и сзывает всех заводчиков, а у нас их не мало – до пятидесяти штук в городе -то.

– Вы, мол, так и так, платили старику по десяти рублев, ну, а мне, говорит, этого мало: я, говорит, на десять рублев наплевать хотел, а надобно мне три беленьких с каждого хозяина.

Так куда тебе, и слушать не хотят.

– Видали мы-ста этих щелкоперов...

Он было вспыхнул.

– Ну, говорит, так не хотите по три беленьких?

– Пять рубликов, – кричат:– ни копейки больше.

– Ладно, говорит.

Через неделю глядь, что ни на есть к первому кожевенному заводчику с обыском: «кожи-то, мол, у тебя краденые». Краденые не краденые, однако, откуда взялись и у кого купил, заводчик объясниться не мог.

– Ну, говорит: не давал трех беленьких давай пятьсот.

Тот было уж и в ноги, нельзя ли поменьше, так куда тебе, и слушать не хочет.

Отпустил его домой, да не одного, а с сотским. Принес заводчик деньги, да все думает, не будет ли милости, не согласится ли на двести рублев. Сосчитал Фейер деньги и положил их в карман.

– Ну, говорит, принеси остальные триста.

Опять кланяться стал купец, да нет, одеревенел человек, как одеревенел, твердит одно и то же. Попробовал, еще сотню принес, – и ту в карман положил, и опять:

– Остальные двести!

И не выпустил-таки из сибирки, доколе все сполна не заплатил.

Видят парни, что дело дрянь выходит: и каменьями-то ему в окна кидали, и ворота дегтем по ночам обмазывали, и собак цепных отравли-вали – неймет ничего! Раскаялись. Пришли с повинной, принесли по три беленьких, да не на того напали.

Нет, говорит: не дали, как сам просил, так не надо ж мне ничего, коли так.

Так и не взял: смекнул, видно, что по раэноте -то складнее, нежели скопом.»

Мы не будем решать в точности, каковы литературные достоинства этого рассказа: надобно ли только назвать его недурным или положительно хорошим, или прекрасным, – для нас, вероятно и для публики, это второстепенный вопрос: главное то, что мемуары г. Щедрина интересны. Мы уверены, что публика наградит своим сочувствием автора за то, что он вздумал поделиться с нею г.воими записками о губернской жизни.

В том же нумере «Русского вестника» есть другая статья,

также заслуживающая внимания и одобрения. Это – небольшая «Заметка», написанная г. Безобразовым «по поводу статьи г. члена Вольного экономического общества, статского советника Бланка: «Русский помещичий крестьянин».

Статья г. Бланка обнаруживает незнакомство автора с предметом, о котором взялся он судить очень смело. Незнание вовлекло его в важные ошибки; а так как «Труды»

Вольного экономического общества, в которых напечатана его статья, расхо-

дятся в значительном числе экземпляров, и потому ошибочные понятия г. Бланка могли бы многих ввести в заблуждение, то г. Безобразов поступил прекрасно, предупредив своею «Заметкою» возможность недоумения относительно вопросов, слишком легкомысленно обсуживаемых г. Бланком. Возражения написаны с благородным негодованием на излишнюю решительность тех людей, которые без всяких знаний берутся судить и рядить о важных ученых и практических вопросах, да еще и вопиять против людей, которые, изучив предмет, смеют думать иначе. Еще больше возбуждает негодование г. Безобразова низкое понятие г. Бланка о русском народе (к которому принадлежат крестьяне).

Г. Бланк (говорит автор «Заметки») начинает свою статью выражением сожаления о распространении иностранцами и за ними некоторыми русскими ложной идеи , будто невольничество или рабство одно ц то рке, что крепостное состояние... В этом отношении мы можем совершенно успокоить автора: сколько нам известно, никто, сколько-нибудь знакомый с историей и значением названных понятий, ни в Западной Европе, ни в России, никогда не выражал подобной мысли и потому не занимался столь страшною в глазах автора пропагандою, точно так же, как никто не принимает за одно и го же мещанство и дворянство в России и буржуазию и феодальную аристократию в Европе. Если и были делаемы подобные сравнения, то только для уяснения различий в развитии и внутреннем строении общественных сословий у нас и на Западе. Притом же, указываемое автором заблуждение было бы, как мы увидим ниже, весьма странно, потому что крепостное состояние — явление вовсе не чуждое Западной Европе; оно было, хотя с несколькими отличиями от русского, у всех европейских народов. Автор говорит:

«Это последнее учреждение (крепостное состояние), совершенно оригинальное, составляет исключительную собственность нашего отечества, не будучи вовсе похоже ни на состояние невольничества на Востоке и в английских и других колониях Азии, Африки и Америки, ни на рабство, бывшее в

Римской империи и потом в прочих государствах Западной Европы.

Чтобы опровергнуть его суждения, основанные на одном совершенном незнании, г. Безобразов делает выписку из экономического словаря Коклена и Гильйом:ена. Отрывок этот в состоянии убедить каждого, что западные экономисты очень хорошо знают различие между рабством и крепостным состоянием, и так же осязательно показывает, что крепостное состояние существовало некогда во всех европейских государствах, стало быть, вовсе не есть явление, которое можно было бы (подобно г. Бланку) считать свойственным исключительно русской народности. Далее г. Бланк рассуждает о западных пролетариях, о смутах, которые 45 н. г. Чернышевский т., iii 705

Производятся этими пролетариями, о том, что крепостное право предохраняет нас от- пролетариата. Г. Безобразов очень справедливо замечает на это:

Как ни убедительны слова автора, ио е ними весьма трудно согласиться. Почему же, спросим мы его, нет у нас пролетариата не только в одном крепостном состоянии, во и во всех других, не только сельских, но и городских сословиях? почему же нет и тени его в звании всякого наименования государственных поселян, в звании обязанных, государственных крестьян, поселенных на собственных землях? Автор видит причину спасения нашего отечества от язвы пауперизма не там, где она действительно находится: эта причина в самом характере нашего общественного устройства и хозяйственного порядка, в самом способе владения землей, одинаково действующем посреди всех без изъятия званий сельских жителей в нашем народном быте, ограждающем и сельского и городского жителя, какого бы они ни были состояния, от безнадежной нищеты и бездомства, и наконец (и это главное) в излишке земли против потребностей народонаселения. При всей нашей готовности верить в самое искреннее попечение наших помещиков о благосостоянии вверенных им крестьян, мы не думаем, чтобы, при других

условиях, они были в силах его обеспечить. Не лишним также считаем мы, если не припомнить автору, то заметить здесь, что сельское население в З а -падной Европе далеко не принимало того участия в печальных вкономиче -скнх и политических событиях Западной Европы, как городское; напротив того, оно было всегда лучшим представителем охранительных элементов во всех государствах и только изредка и, так сказать, вследствие всеобщей заразы было затронуто

пауперизмом и духом возмущения, гнездившимся преимущественно в городском рабочем классе.

Г. Бланк, пускаясь в исторические фантазии, воображает, будто бы крепостное право всегда существовало в русской земле; по своему незнанию, он смешивает немногочисленных холопов (дворовых служителей), существовавших в старину, с поселянами, которые не имеют с ними ничего общего и прикреплены к земле только уже в ко.нце X VI века, всего каких-нибудь двести шестьдесят лет тому назад. Г. Безобразов выписками из статей г. Чичерина «О несвободных состояниях в России» снова обнаруживает грубость ошибки г. Бланка, очевидную, впрочем, для всякого, хотя в уездном училище учившегося русской истории по книжке г. Устрялова. «Заметка» оканчивается следующим образом:

До сих пор рассуждения автора статьи Русский помещичий крестьянин о разных выражениях из древнего русского права и быта, или, лучше, игра этими выражениями, были только игрою и могли вызвать только улыбку сожаления со стороны читателя о понапрасну истраченных досугах между сельскими занятиями; но как злоупотребление всякою игрою может повести иной раз к весьма печальным результатам, так и автор приходит после своего исторического очерка к заключению, которое, мы, по крайней мере, отказываемся называть шуткою, ибо убеждены, что такое заключение в руках людей опытных может сделаться далеко не шуткою. Вот оно, приводим его собственными словами автора:

«Итак, вот высокая идея связи власти с повиновением, основанной на взаимных выгодах, на заботливости о благосостоянии подчиненного лица и вместе с тем об исполнении им своего долга; твердыня, на которой создано ломещичье и крепостное состояние в России, существующее тысячелетне',

706

человеколюбивейшая политика, обеспечивающая продовольствие народа на самой власти, им управляющей, на самых капиталах, заключающихся в земле, ими же обработываемой ; патриархальный семейный союз, бессмысленно осуждаемый только эгоистами, желающими избавиться от священных обязательств, которые они имеют относительно рабочего класса, или людьми, не имеющими поземельной собственности или пренебрегающими ею или, наконец, слепыми подражате\ями и превозносителями некоторых западных идей, заслуживших, под блеском ложной филантропин, исторический патент разрушения, неустроицы, варварства, грабежей и разврата. Укажите хотя на одно учреждение в мире, с которого были бы сколком оригинальные учреждения России о кабальных и потом крепостных крестьянах, проистекшие из ее народной опытности и самобытности, естественные по ее местоположению и значению, как государства преимущественно земледельческого, как житницы Европы, — неизменно с усовершенствованиями пережившие и удельную систему, и вече, и владычество иноплеменных татар, и бедственные времена междуцарствия, и все перемены, которым подвергалось древнее русское законодательство вообще».

После вышесделанных нами указании на порядок прикрепления помещичьих крестьян к земле и выписок из исследований об образовании крепостного состояния в России, — как эти указания и выписки ни кратки, мы можем сказать уже автору: нет, крепостное состояние, окончательно утвержденное законодательством не ранее начала X V III столетия, не твердыня могущества России, существующая тысячелетие, нет, не оно дало силы русскому народу выдержать и удельную систему, и иго татар, и многие другие порабощения; это не учреждение, коренящееся в древнем русском патриар-

хальном союзе, — нет! это государственная мера, необходимо вызванная потребностями государственного благоустройства в X V II веке, точно так же, как было сообразною с потребностями времени государственною мерою и прикрепление в средневековой России других сословий, бояр и служилых людей из вольных слуг, и как было государственною же мерою, сообразною с потребностями другого времени, наделение дворян, при Екатерине Великой, разными правами и преимуществами и дарование городскому сословию жалованной грамоты.

В остальной части своей статьи г. Бланк всеми силами превозносит ныне существующий у нас в помещичьих имениях порядок хозяйства и отношений землевладельцев к крестьянам. Многое бы хотели мы сказать, но воздерживаемся до другого раза. Говоря о русском крестьянине, автор не находит других слов для изображения естественных его наклонностей, как: леность, пьянство, разврат,

воровство, бродяжничество, буйство, непокорность, своеволие и т. д. – не можем умолчать о том тяжком чувстве, которое оставила в нас эта характеристика. Как? Неужели вы не могли отыскать на вашей палитре, столь щедрой для описания печального положения западного пролетария, других, более успокоительных для глаз, красок, когда стали говорить о русском крестьянине? Но этот народ, вы сами же нам сказали, вынес на себе удельную систему, иго татар, бедствия междоусобия, и вынес на своих плечах; он вынес на них и много других тяжелых для нас испытаний; он же стоял на бастионах Севастополя; он же и теперь, с беспредельною покорностью перед своею судьбою, терпеливо возлагая свою участь на милость бога и царя, и твердо во всем на нее уповая, непоколебимо идет тою же своею серою полоской и с тем же невоамутимым спокойствием во дни славы, как и во дни бедствий России, та щит по родимой земле свою неуклюжую соху. Неужели нельзя было представить более утешительную картину жизни русского крестьянина и, вспоминая все то, чем он обязан помещику, можно было не вспомнить и всего того, чем мы ему обязаны?

Наконец да позволено будет нам одно последнее размышление. Не •Гг' 707

воспоминаниями о холопстве и кабале древней России и разрытием могил,, давно заросших и новыми цветами и новыми терниями, может улучшить помещик быт вверенных его попечению крестьян и подвинуть собственное и их благосостояние. Нет! подобные воспоминания не только бесплодны, но могут быть даже вредны: ибо, смотря назад, мы не можем в то же время смотреть вперед.

В дополнение к статье г. Костомарова о древнем русском стихотворении «Горе-Злочастие» помещаем здесь заметку о том же предмете, написанную одним из наших ученых. Стихотворение, открытое г. Пыпиным, имеет особенную важность для истории нашей литературы именно потому, что представляется единственным образцом эпического рассказа из частного быта, Г. Буслаев, в своей статье о «Горе-Злочастии», интересной потому, что в ней помещены многие отрывки из рукописи, не признает этого качества за стихотворением, которое было напечатано в нашем журнале. Вопрос важен для литературы, и во взгляде на него мы вполне согласны с мнениями г. Костомарова и автора следующей заметки.

Октябрь 1856 года.

Читатели знают из газет, что редакцию «Библиотеки для чтения» принял на себя г. Дружинин, и, конечно, разделяют нашу уверенность, что теперь русская литература будет иметь одним хорошим журналом более. Мы не сомневаемся в том, что новый редактор придаст новую жизнь старшему из наших литературных журналов: в том ручаются и известные достоинства г. Дружинина, как писателя, и независимое положение его в литератур-

ном кругу, и общее уважение, которым он пользуется от всех своих собратов по литературе. «Современник» имел в г. Дружинине одного из постоянных своих сотрудников в течение всех десяти лет своего существования, и мы должны при настоящем случае выразить ему за то искреннюю признательность: справедливость требует признать, что г. Дружинину наш журнал обязан многим. Продолжительные и тесные отношения «Современника» с г. Дружининым уверяют нас, что он один из тех людей, которые наиболее способны оживить и возвысить во мнении публики журнал. Его обширная начитанность, его близкое знакомство с иностранными литературами, его тонкий вкус и верный такт, его неутомимая деятельность, – качества, столь драгоценные и столь редкие, – служат прочными ручательствами за то, что журнал, им управляемый, пойдет по прекрасной дороге. Многочисленные литературные связи г. Дружинина должны быть обеспечением ?.а то, что отныне у «Библиотеки для чтения» не будет недостатка в материалах, достойных внимания и одобре -ия публики.

Программа, объясняющая, чем хочет и надеется быть «Би-708

блиотека для чтения» под управлением нового редактора, написана с тактом, который производит самое выгодное впечатление, и в таком тоне, который внушает доверие к надеждам и обещаниям обновляющегося журнала. Журнал не отказывается от своего прошедшего, в первом периоде которого так много было блеска, но вполне признает необходимость принять существенные изменения, сообразно настоящему развитию нашей литературы. «Новые деятели нового литературного поколения (говорит объявление), принимая на себя заботы о журнале, много лет считавшемся во главе всех современных ему русских периодических изданий, не могут держаться

тех самых оснований, на которых «Библиотека для чтения» издавалась двадцать лет назад, в период наибольшего своего успеха. Воззрения изменились с тех пор, просвещение много двинулось вперед, журнальное дело приняло иной ход и иные условия, самый взгляд на литературу понес великие изменения; все эти обстоятельства не могут не обусловливать собой воззрений нозой редакции. Со всем тем, всякий журнал имеет свое прошлое, с которым никогда не следует разрывать литературной связи. Как ни изменились наши мнения о деятельности «Библиотеки для чтения» в первые годы ее основания, мы вполне сознаем, что журнал имел полное право на успех, имел свою физиономию, о которой не забудет новая его редакция. «Библиотека для чтения» была журналом истинно независимым от всех литературных партий, служила посредницей между русскими читателями и деятелями иностранных словесностей и отличалась не только разнообразием, но и общедоступностью статей, в ней помещавшихся. Этих самых оснований будет тщательно держаться новая редакция. Она озаботится полнотою всех отделов, обратит особенное внимание на нетронутые еще сокровища старой и новой иностранной словесности и станет стремиться к тому, чтобы каждая статья в журнале могла быть занимательною для каждого читателя. Критическая часть издания приобретет полную независимость, может быть, даже смелость, исходящую из этой самой независимости. Отделяясь от всех литературных партий, мы не ставим себя к ним во враждебное отношение. Глубоко сочувствуя всякой деятельности на пользу отечественного просвещения, мы не можем даже понять возможности мелкой полемики в нашем журнале. Как бы смелы мы ни были в наших отзывах, нам никогда не случится забыть, что мы

спорим не с врагами, а с литературными товарищами, по разным дорогам идущими к одной и той же общей цели.»

Нельзя не признать, что программа эта написана с достоинством и прямотою, с умеренностью и, вместе, твердостью. «Библиотека для чтения» будет отныне журналом с самостоятельными мнениями, эти мнения будут выражаться с благородною смелостью, чуждою мелочной придирчивости, но столь же чуждою и робкой шаткости. Читатели, знающие г. Дружинина, ко -709

яечно, уверены в том, что это и не может быть иначе в журнале, им управляемом. «Библиотека для чтения» не будет отголоском того или другого из остальных наших журналов, «о не будет враждебна ни к одному из добросовестных мнений, хотя бы и не разделяла их; даже на тех из сотоварищей по литературе, мнения которых должна будет опровергать для проведения собственных убеждений, она будет смотреть не как на врагов, а как на товарищей по стремлению к общей цели, при всей разности в понятиях о достижении этой пели, – словом, она хочет иметь своим девизом «независимость и терпимость, твердость убеждений и доброжелательство». Какая программа может быть лучще и благороднее? – А тон объявления и имя нового редактора, повторяем, ручаются за неуклонное исполнение этой благородной программы

Но какими же силами владеет в своих сотрудниках новая редакция «Библиотеки для чтения» для доставления своему журналу живости и разнообразия, для обеспечения его литературных и ученых достоинств? – Список новых участников *, приобретенных журналу новою редакциею, дает на это ответ совершенно удовлетворительный. Тут мы видим имена, принадлежащие людям самых различных литературных партий – ручательство за то, что журнал будет занимать среди их независимое положение, – и почти все эти имена пользуются более или менее выгодною известностью – ручательство за то, что в хороших статьях журнал не будет иметь недостатка.

Исчислив главных своих сотрудников и объяснив важнейшие улучшения, которые вводит в каждом отделе журнала, новая редакция «Библиотеки для чтения» заключает свою программу, обещая «деятельность честную и постоянную, и упорную», символом которой будет служить эпиграф всего издания, взятый из Гете: Ohne Hast, ohne R ast– «без отдыха, без торопливости».

Можно и должно верить подобному обещанию такого писателя, как новый редактор «Библиотеки для чтения». Но он просит судить о тех улучшениях, которые даются «Библиотеке для чтения» его управлением, не по одним только обещаниям в будущем, но и по тем результатам, которые отчасти уже достигаются им в настоящем. Последние книжки «Библиотеки для чтения» за 1856 год, издаваемые новою редакциею,– говорит программа,–

«дадут публике возможность судить как об улучшениях по журналу, так и о том литературном характере, от которого уже не будет уклоняться «Библиотека для

чтения».—По окончании года, мы выскажем общее впечатление, которое произведет на нас обо* Оба редактора «Современника» почли своею обязанностью быть сотрудниками «Библиотеки для чтения», новый редактор которой приобрел великое право на их благодарность как прежним своим постоянным и в высшей степени полезным сотрудничеством, так и тем, что остается и теперь, попрежнему, постоянным сотрудником «Современника» 2.

7 1 0

зрение всех нумеров, изданных новою редакциею, а теперь пока скажем, что первый из этих нумеров, октябрьская книжка «Би-бл иоте ки для чте ния», свидетел ьствует о деятел ьности новой редакции выгодным образом. Состав книжки очень разнообразен,

многие статьи живы и интересны. Статья редактора о великом реформаторе Пруссии, друге императора Александра I, бароне Штейне, заслуживает особенного внимания. Из трех стихотворений г. Некрасова, напечатанных в этом нумере «Библиотеки», мы позволяем себе выписать здесь одно:

Ш КО ЛЬНИ К

Ну, пошел же, ради бога!

Небо,ельник и песок —

Невеселая дорога...

Эй, садись ко мне, дружок I Ноги босы, грязно тело И едва прикрыта грудь...

Не стыдися! Что за дело?

Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку —

Так, учиться ты идешь.

Знаю, батька на сынишку Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха Отдала четвертачок,

Что проезжая купчиха Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый И з отпущенных?.. Так что ж Случай тоже уж не новый:

Не робей, не пропадешь!

Скоро ты узнаешь в школе.

Как архангельский мужик,

По своей и божьей воле,

Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете...

Кто-нибудь свезет в Москву:

Буде шь в униве рситете.

Сон свершится наяву!

Там уж- поприще широко —

Знай работай да не трусь...

Вот за что тебя глубоко Я люблю, святая Русь!

Не бездарна та природа.

Не погиб еще тот край.

711

Что выводит средь народа Столько славных череа край.

Столько славных, благородных.

Сильных любящей душой Посреди тупых, холодных И напыщенных собой.

Мы уверены, что в следующем году «Библиотека для чтения» будет иметь в публике успех, заслуживаемый улучшениями, какие сообщаются этому журналу новою его редакциею, и вперед радуемся этому успеху. Но не все думают, подобно нам, что один журнал должен радоваться успехам других. У иных всякое улучшение в чужом журнале возбуждает чувство болезненного раздражения, совершенно напрасного. Вот, например, едва только мы объявили, что со следующего года гг. Григорович, Островский, Толстой и Тургенев будут помещать свои новые произведения исключительно в нашем журнале, как один из русских журналов воскипел величайшим негодованием и наполнился желчными выходками против нас и иаших сотрудников. Эту роль угодно было принять на себя, к сожалению, «Отечественным запискам», – к сожалению, говорим мы, потому что, уважая прекрасное прошедшее этого журнала, мы не хотели бы видеть, чтобы он изменял прежнему своему достоинству и становился в положение, которого никто не одобрит.

Октябрьская книжка «Отечественных записок» посвящает «Современнику» несколько десятков страниц. Поход начинается длиннейшею филиппикою г. Галахова против одного из эпизо* дов статьи г. Лайбова о «Собеседнике любителей российского слова»; предполагая, вероятно, большие достоинства в этой филиппике, «Отечественные записки» поместили ее в отдел критики. Затем, в «Литературных и журнальных заметках» следуют выходки против шестой статьи «Очерков гоголевского периода», против объявления о том, что господа Григорович, Островский, Толстой и Тургенев с наступающего года будут помещать свои статьи исключительно в «Современнике», и наконец, вновь против статьи г. Лайбова. Словом, батареи гремят... Причина этого грома ясна. Но подумали ль «Отечественные записки» о том, какую роль они принимают на себя? Ведь они становятся относительно «Современника» в то самое положение, в каком некогда угодно было стоять «Северной пчеле» относительно «Отечественных записок». Объяснять ли свойство этой роли? Оно в старые годы было прекрасно объясняемо «Отечественными записками», когда они подвергались добросовестным нападениям правдолюбивой газеты за то, что были журналом, не похожим на журналы, издававшиеся издателями «Северной пчелы». Напомним «Отечественным запискам» их прежнее благородное время, их прежние справедливые и прекрасные слова. Они совершенно при-712

лагаются к настоящему случаю; только – увы – то, что говорилось тогда «Отечественными записками» о «Северной пчеле»,

записках».

Сентябрь месяц – время подписки на журналы, время крика и тревог в известной стороне русской журналистики. Журнальцы или газеты, для которых наука, искусство, литература – не более, как слова, сидящие в их программах, ждут не дождутся этого блаженного времени. Целый год чахнут они от недостатка пищи и только в это время начинают как будто оживать. Слышите ли, как они теперь начинают рассказывать всевозможные выдумки о журналах, которые, гордецы, и знать не хотят их; как уверяют, что те журналы, суду которых публика верит и на которые подписывается, никуда не годятся... Словом, в это время газеты воскресают и начинают заниматься тем, что на их языке называется литературою и что на обыкновенном языке называется сплетнями. Это факт замечательный; на него непременно должен обратить свое внимание будущий историк так называемой русской литературы, должен сообщить его всему образованному миру. «Русские журналы», – скажет он с горькою улыбкою, – «большею частью спят в продолжение года; они просыпаются только от сентября до декабря месяца и, проснувшись, начинают говорить о подписчиках, выдумывая друг на друга разные сплетни». З а такое открытие будущему историку скажет спасибо Европа, в которой до сих пор не бывало и нет еще ничего подобного. Кто не знает, что везде есть журнальные споры, везде

есть полемика, где только есть литература? Но эти споры имеют источником своим разноречие в ученых или литературных убеждениях двух сторон; от прений между этими сторонами выигрывает или наука, или общество; у нас же, – извините,– дело идет о предмете гораздо интереснейшем – о числе подписчиков чужого журнала, о чужих приходах и расходах...

На этом поприще с честию и славою всегда подвизалась «Северная пчела» преимущественно перед всеми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она в сентябре месяце. К этому мы так же привыкли, как к ежедневной смене дня ночью, и, признаемся, начали уже удивляться,

что в нынешнем году «Северная пчела» как будто изменила неизменному закону своего существования – молчала в то время, как почти все журналы объявили о подписке на будущий год- мы уже беспокоились о здоровье «Северной пчелы» и думали, что русская журналистика лишилась одного из своих родимых пятнышек, так резко обозначающих ее физиономию. Но опасения наши исчезли с появлением 207 нумера (18 сентября) этой газеты.

Нет, жива «Северная пчела»! опять воскресли ее объявления о подписке на журналы! 207 нумер ее обогащает новым: фактом рассказ будущего историка русской литературы, выясняя ему одну из самых занимательных торговых и нравственных сторон нашей журналистики.

Всем известны отношения «Северной пчелы» к «Отечественным запискам» всем известно, как еще до появления первой их книжки, «Северная пчела» в 25 статьях доказывала, что этот журнал (еще не появившийся) никуда не годится и умрет при самом своем начале. Известно также, как оправдались эти предсказания и как с тех пор «Северная пчела», всегда больная чужим здоровьем, преимущественно страдала и страдает от цветущего здоровья «Отечественных записок». В продолжение трех лет она не переставала повторять, и прямо и косвенно, те же самые фразы, увещевая читателей, ради всего святого, не подписываться на «Отечественные записки», дерзавшие так откровенно высказывать свое мнение о ней самой и о сочинениях ее издателей. Но представьте же непокорство этой своенравной публики: она с каждым годом, как бы на зло увещаниям «Северной пчелы», подписывалась на большее число экземпляров «Отечественных записок» и наконец простерла дерзость свою и охоту читать этот журнал до того, что «Отечественные записки» не только здраво и невредимо -просуществовали три года, 713

мо объявили об издании на четвертый год, да еще и с новыми улучшениями («Отечественные] аап[нски]», т. XVIII, «Библиографическая] хрон[ика]», стр. 63–64).

Тут нужно только поставить на место «Отечественных за-

писок» – «Современник», на место «Северной пчелы» – «Отечественные записки», на место «трех лет» и «объявления на четвертый год» – «десять лет» и «объявление на одиннадцатый год», на место «сентябрь» – «октябрь», – все остальные подробности не нуждаются ни в малейших изменениях, чтобы прямо1 применяться к настоящему случаю.

Но подобными нападениями тот ли достигается результат, который имеется в виду? Опять просим «Отечественные записки» припомнить, вред или пользу приносили им нападки «Северной пчелы». В былое время «Отечественные записки» хорошо понимали это. «Современник» приобрел честь служить единственным журналом, в котором будут помещать свои произведения четыре литератора, пользующиеся особенною любовью публики, – он гордится этою честью, он объявляет о том, он хочет, чтобы все читатели знали это, – что же делают «Отечественные записки»? начинают шумно толковать о том самом, что так приятно для «Современника». Спрашивается: во вред или в пользу «Современнику» послужит шум, поднимаемый «Отечественными записками»? Конечно, чем больше будут толковать о том, что гг. Григорович, Островский, Толстой и Тургенев будут со следующего года помещать свои произведения исключительно в «Современнике», тем большую услугу окажут нашему журналу. Бывало, точно такие же услуги оказывала «Северная пчела» «Отечественным запискам», и пусть «Отечественные записки» вспомнят, с каким чувством принимали они ее хлопоты о распространении rod известности. Вот подлинные слова старых «Отечественных записок» об этом предмете. Каждая фраза, каждое слово этого прекрасного замечания вполне и буквально применяются к шуму, поднимаемому «Отечественными записками» о нашем журнале. Вероятно, немногие из читателей

подозревают истинные отношения

«Северной пчелы» к «Отечественным запискам»: большая часть убеждена, что между обоими этими изданиями существует вражда непримиримая, ненависть заклятая. Так должно бы, казалось, заключать по наружности... Но, милостивые государи, наружность обманчива, особенно наружность журнальных перебранок, которых настоящее значение может быть объяснено только временем. Время мало-помалу объяснило и отношения наши к «Северной пчеле»; скрывать долее истину опасно, ибо дальнейшая мистификация может быть бесполезною: читатели сами скоро будут в состоянии обличить ее. Впрочем, прозорливейшие из них давно уже поняли, в чем дело, и давали нам это чувствовать: они видели, что «Северная пчела» всегда состояла по особым поручениям при «Отечественных записках» с самого начала издания этого журнала, и не только никогда не старалась вредить ему, но с неутомимым усердием распространяла его известность до отдаленнейших концов читающего мира. Было бы неблагодарностью с нашей стороны молчать об услугах и не изъявить этой газете признательности,—особенно теперь, 7J4

иоГда мы уже пользуемся этими услугами пять лет... Пять лет усердной службы — это, право, стоит награды, и вот, при окончании пятого года издания «Отечественных записок», долгом считаем принести «Северной пчеле» нашу искреннюю благодарность за все то, что сделано ею в течение этого времени в нашу пользу. А сделано ею многое, и очень многое. Вспомните: прежде еще, нежели мы успели объявить о намерении своем издавать журнал, «Северная пчела» предварила об этом публику несколькими статьями без всякой с нашей стороны просьбы и тем заинтересовала читателей увидеть поскорее новый журнал; после появления программы, она неутомимо хлопотала о том, чтобы все узнали эту программу, и каждый день твердила о ней каждому из своих читателей; по выходе первой книжки журнала, она тотчас напечатала оглавление статей ее, с разбором каждой из них, и потом начала еженедельно и ежедневно толковать об «Отечественных записках», и только об одних «Отечественных записках», как будто бы, кроме их, не было в России ни одного журнала. Такое постоянное обращение к одному и тому же изданию в продолжение целых месяцев и целых годов постоянно заинтересовывало публику, возбуждало в ней желание читать журнал... Словом, «Северная пчела» ни разу не изменяла своей обязанности в отношении к «Отечественным запискам» и делала в пользу их все, что только могла делать. Большего мы и не имели права от нее требовать. Постоянно пять лет была она на страже наших интересов и служила на пользу нашу верой и правдой, по крайнему своему разумению. Умудренная многолетним опытом, она знает, как важно для всякого журнала напоминать о нем публике в то именно время, когда он объявляет подписку на следующий год, когда он объясняет предполагаемые им улучшения; она понимает, что чем большее число читателей будет знать это, тем выгоднее для журнала, — и вот она усиливает свою деятельность осенью и, по выходе объявления о продолжении «Отечественных записок», толкует о них ежедневно однажды навсегда принятым тоном, хлопочет неутомимо о распространении подписки на этот журнал... Спасибо, и еще раз спасибо доброй газете! Так поступала она в продолжение пяти лет, так поступает до сих пор, и, мы уверены, не рассердится на нас за откровенное объяснение перед публикою настоящих ее к нам отношений. Мы, и без того уже, долго молчали о том; благодарность наша не в силах долее скрываться, и мы решились публично засвидетельствовать ее. Это, по нашему мнению, нисколько не должно уменьшить, а, напротив, увеличить усердие «Северной пчелы», которую мы * убедительно просим и на этот раз не прекращать своих напоминаний об открывшейся теперь подписке на издание нашего журнала в 1844 году. Мы были бы в отчаянии, если б «Северная пчела» отложилась от «Отечественных записок»; такой усердной помощницы не найти нам... Но нет! мы чувствуем, «Северная пчела» создана для услуг «Отечественным запискам»; изменить этому назначению — для нее значило бы умереть... («Отечественные записки», т. X X X , «Смесь», стр. 118— 120.)

Удивительна точность, с какою все обстоятельства борьбы

«Северной пчелы» против «Отечественных записок» повторялись и повторяются в борьбе «Отечественных записок» против нашего журнала. Все буквально сходно: как «Северная пчела», еще до появления первой книги «Отечественных записок», осыпала их бесцеремонными выходками, точно так же, в свою очередь, «Отечественные записки» еще до появления первой книги «Современника» уже восставали против начинающегося журнала *; как неутомимо хлопотала «Северная пчела» о распространении * Смотр [и] «Сев[ерную] пчелу» за последнюю половину 1838 года и «Отечественные] зап[иски]» за последнюю половину 1846 года.

известности «Отечественных записок» в течение пяти лет, так неутомимо «Отечественные записки» хлопочут уже десять лет о распространении известности «Современника», и с такою же пользою для нашего журнала. Верная служба их нам вдвое продолжительнее, потому мы имеем двойную обязанность выразить к «Отечественным запискам» ту же самую благодарность, какую они выражали некогда «Северной пчеле»:

Лестное внимание к нам со стороны «Северной пчелы» и верная долговременная служба ее «Отечественным запискам» трогают нас до глубины души, и мы, в конце года, обязанностью считаем свидетельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бывает нумера втой газеты, в котором не говорилось бы, прямо или косвенно, об «Отечественных] записках». Будем надеяться, что в следующем году усердие «Северной пчелы» не ослабнет («Отечественные! запГиски]», т. X X X I, «Смесь», стр. 128).

Но – говорили в старину «Отечественные записки», несмотря на всю свою глубокую признательность к усердной служительнице – необходимо бывало иногда противоречить ей, потому что излишнее усердие ее к своему делу вовлекало ее иногда в ошибки, о которых невозможно было молчать:

Но как ни умеем мы чувствовать услуг, нам оказываемых, однако ж, дорого ценя истину, не можем иногда не поправлять ошибок, делаемых «Северною пчелою» в статьях об «Отечественных записках». В усердии своем к нашим пользам, эта добрая помощница наша иногда говорит больше, нежели сколько требует от нее ее обязанность, – а это может вводить публику в заблуждение. Наш долг – останавливать такое слепое усердие и вводить его в надлежащие границы.

Читатели знают, что мы давно – с начала нынешнего года, когда принуждены были посоветовать «Отечественным запискам» не продолжать удивительных статей г. В. Б. – ва о мнениях «Современника» (в чем «Отечественные записки» и послушались нашего совета) – не обнаруживали ни малейшей охоты рассуждать с «Отечественными записками», хотя этот журнал решительно в каждом нумере делал несколько прямых или косвенных выходок против нашего журнала (как некогда «Северная пчела» против «Отечественных записок») 3. Читатели поверят нам, что мы не чувствуем особенного расположения к тому и в настоящее время. Точно таково было некогда расположение «Отечественных записок» относительно ответов на выходки «Северной пчелы».

Если мы когда-либо доходили до каких-нибудь объяснений (с ратниками «Сев[ерной] пчелы»), то не иначе, как отвечая на их выходки и придирки.

И вот уже несколько месяцев, как в «Отечественных] записках» совсем не появлялось такого рода объяснений, из чего, однако ж, отнюдь не должно заключать, чтобы им не на что и некому было отвечать, ко что они не хотели только обращать внимания на немощные усилия своих почтенных доброжелателей. Подобная умеренность только еще более раздражала их, и они с большею настойчивостью напрашиваются на наше благосклонное внимание. Что делать? Надо на время отложить гордость в сторону: в жур-716

ничество сообразно с вашим достоинством, но и с теми, которые не перестают заговаривать с вами, по неумению растолковать вашего молчания. Пусть будет так: tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandinl.. («Отечественные] зап[иски]», т. X X X V I, «Смесь», стр. 108.)

Все это теперь буквально применяется нами к «Отечественным запискам», и в особенности слова: «Tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin» 4. Мы вовсе не хотели бы говорить, но «Отечественные записки» напрашиваются на ответ. Пусть они толковали бы, что «Современник» плохой журнал, что его не стоит читать, не стоит на него подписываться, – мы молчали бы, как молчали до сих пор и как теперь не считаем нужным отвечать на выходки «Отечественных записок» против «Очерков гоголевского периода».

«Очерки гоголевского периода» не подписаны фамилиею автора, стало быть, только редакция «Современника» могла бы оскорбляться не совсем деликатными выражениями «Отечественных записок» об этих статьях, – а редакция «Современника» не может огорчаться упреками журнала, забывающего о приличии, особенно, когда знает причину его гнева (объясненную выше, при помощи старых ответов «Отечественных

записок»). О нас пусть говорят «Отечественные записки» все, что им угодно; но «Отечественные записки» касаются не только нас, но и сотрудников, нами уважаемых. Этого мы не можем оставить без ответа.

Tu l'as voulu, George Dandin.

Некоторые из наиболее уважаемых публикою литераторов согласились и обещались помещать свои статьи исключительно в «Современнике». Этою честью «Современник» должен гордиться: как ни толкуйте факт, с какой стороны ни смотрите на него, ничего вы в нем не найдете такого, что можно было бы осудить.

В иностранных литературах мы найдем тому множество приме-

ров. Из англичан, Маколей писал исключительно для «Edinburgh Rewiew», Диккенс для «Daily News», Теккерей для «Punch'a»; из французов, Жорж Санд исключительно для «Revue des deux Mondes»; из немцев, Гейне исключительно для «Allgemeine Zeitung». Кажется, пять названных нами писателей составляют цвет европейской современной литературы,— кажется, нет из новых писателей во Франции, Англии, Германии еще никого, кто мог бы быть поставлен на ряду с ними, жак по первоклассному таланту, так и по чистоте своих литературных отношений. Кажется, ясно: все знаменитости европейской литературы делали то же самое, что теперь намерены делать гг. Григорович, Островский, Толстой и Тургенев, т. е. входили с одним из периодических изданий своей родины в соглашение такого содержания, чтобы быть сотрудниками исключительно этого журнала. И что тут странного? Это необходимо вытекает из самой сущности их положения в литературе. Почему, например, Теккерей писал 717

исключительно й Журнале «Punch»? между прочим, потому, что объявление о своем исключительном участии в этой газете было для него вернейшим средством избавиться от докучл и вости какого-нибудь «Blackwood's Magazine», издатель которого не давал ему ни минуты свободного отдыха неотступными просьбами об осчастливлении «Blackwood's M agazin'a» помещением своего рассказа, между тем, как Теккерей не питал особенной симпатии к «Blackwood's M agazin'y». Ясно ли, что Теккерею уже по одной этой причине было необходимо сделаться сотрудником исключительно «Punch'a» ?— ведь каждый человек, писатель или не писатель, должен принимать меры для отвращения от себя неотступных просьб, нимало не приятных. Конечно, издатель «Blackwood's M agazin'a» чувствовал досаду на Теккерея за то, что этот знаменитый писатель избрал не его журнал, а другое периодическое издание для помещения своих трудов; но у Тек-керея были на то очень основательные причины. Во-первых, «Blackwood's Magazine», некогда пользовавшийся уважением публики, потерял это уважение через то, что стал помещать слишком много дурных стате й: что за охота Теккерею я вляться перед публикою в обществе какого-нибудь бездарного Броуна или обскуранта Блека, наполняющих ныне своими изделиями «Blackwood's Magazine»? Были и другие причины, отвращавшие Теюкерея от «Blackwood's Magazin'a» и привлекавшие его к участию в «Punch'e». У Теккерея есть друзья — эти друзья помещают свои произведения в «Punch'e», и их (людей талантливых) беспощадно бранит и чернит «Blackwood's Magazine», выходя при этом за границы всякого литературного приличия и восхваляя различных бездарных своих сотрудников. Скажите, что за удовольствие Теккерею печатать свои произведения в журнале, который вовсе не литературным образом бранит его друзей, талантливых писателей, пользующихся уважением каждого порядочного человека в Англии? Были и другие причины, столь же уважительные. Например, Теккерей, как известно, друг просвещения, «Punch» защитник просвещения, а «Blackwood's Magazine» иногда сильно грешит в этом отношении, вероятно, сам не понимая того, но все -таки грешит против просвещения. Словом сказать, когда «Blackwood's Magazine» начал восставать против Теккерея за то, что этот писатель не помещает своих прекрасных рассказов в его журнале, то вся публика приняла сторону Теккерея, и «Blackwood's Magazine» скоро увидел, что лучше ему, «Blackwood's M agazin'y» молчать об этом деле. Этим, впрочем, история не кончилась: издатель «Blackwood's Maga-

zin a» человек опытный в литературно-коммерческих делах, хотя

иногда увлекающийся своими гневными чувствами, но человек рассудительный. Он знает, что журналу всего более вредит то, когда он решается чернить писателей, уважаемых и любимых публикою, особенно, если публика догадывается, по каким со-718

ображениям это происходит. Он понял, что за выходки против Теккерея публика

лишит своего последнего доверия «Blackwood's Magazine», что он, «Blackwood's Magazine», сделал страшно невыгодную для себя ошибку, обнаружив свою досаду на Теккерея, что единственное средство исправить свой неловкий промах и заставить публику забыть оскорбления, несправедливо нанесенные ее любимому писателю, это начать, скрепя сердце, превозносить Теккерея больше, нежели когда-нибудь, — и через год после раздраженных выходок «Blackwood's Magazine» обратился в ревностнейшего поклонника прекрасных произведений Теккерея. Поступая таким образом, издатель «Blackwood's Magazine» доказал, что он человек с тактом: в самом деле, только л юди, лишенные та кта, не уде ржи ва ются от выраже ний свое й досады тогда, когда эта досада может повредить им самим в общем мнении.

В русской литературе также часто бывали примеры, подобные тому, о котором идет речь. Например, когда основалась «Библиотека для чтения», многие из наших лучших литераторов (в том числе Пушкин) обещали свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не мог видеть в тъм ничего, кроме хорошего. Но самые многочисленные примеры исключительного сотрудничества в одном журнале представляет история «Отечественных записок» в блестящее время их существования,, о котором мы всегда вспоминаем с величайшим уважением. Кто имел право негодовать на Лермонтова за то, что он помещал

свои произведения исключительно в «Отечественных записках»? Напротив, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь как великому поэту, так и г. Краевскому, редактору «Отечественных записок». Если такой писатель, как Лермонтов (думала публика, и думала справедливо), настолько уважает журнал г. Краевского, что хочет иметь дело исключительно с ним, это самым выгодным образом свидетельствует в пользу г. Краевского. С другой стороны, о характере Лермонтова свидетельствует самым выгодным образом то обстоятельство, что он печатает свои произведения в журнале г. Краевского, которого уважает, и не соглашается печатать их в «Северной пчеле». Точно так же исключительно в «Отечественных записках» печатали свои произведения другие лучшие наши литераторы тогдашнего времени, и «Отечественные записки», быть может, согласятся, что в таком обстоятельстве не было ничего предосудительного для литераторов, желавших быть исключительно сотрудниками этого журнала. Довольно ли убедительны для «Отечественных записок» эти примеры и объяснения? Поймут ли «Отечественные записки», что они становятся в самое невыгодное положение, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помещать свои произведения исключительно в «Современнике»? Поймут ли «Отечественные записки», что на факт столь простой и натураль-7J9

ный, защищаемый примером всех знаменитостей европейской литературы и историею самих «Отечественных записок» в блестящее время их существования, невозможно нападать без того, чтобы нападающий не уронил себя в общем мнении?

Мы вовсе не имеем охоты продолжать этих объяснений, как не имели охоты и начинать их (по тем самым чувствам, которые некогда прекрасно были выражаемы «Отечественными запис-

ками» относительно «Северной пчелы»). Мы предоставляем «Отечественным запискам» полнейшую свободу говорить что угодно о нас самих, но одного мы не позволим делать безнаказанно: бросать неблагоприятную тень на тех писателей, которые делают честь нашему журналу помещением в нем своих произведений. Тут мы на каждый кривой намек будем отвечать фактом, на каждое объяснение — разъяснением дела, и не уступим ни шагу. Надеемся, положение дела таково, что общее мнение будет на нашей стороне, как было оно некогда на стороне «Отечественных записок» против«Северной пчелы».

Приводим выходку «Отечественных записок» против писателей, которые обещались помещать свои произведения исключительно в «Современнике». Пусть судит читатель, много ли в ней остроумия и правды.

Русский язык удивительно богат. Давно известно, что он совмещавЛ в себе все превосходные качества других языков, что на нем можно выражать свои мысли о каких угодно предметах, начиная с самых возвышенных и оканчивая самыми низкими. Даже знаменитые стихи Пушкина, что ... гордый наш язык К почтовой прозе не привык,

кажутся теперь анахронизмом. В русском языке — этом неисчерпаемом сокровище всевозможных слов и оборотов, легко отыщутся точные речения для замены речений

иностранных, которых у нас много и которые, собственно говоря, нет надобности и переводить, потому что они понятны всем, мало -мальски грамотным людям.

Новейшее, если не последнее, доказательство неистощимого богатства нашего языка мы видим в объявлении «Об издании «Современника» в 1857 году («Московские ведомости», № 114). В нем, между прочим, сказано:

«Взаимный обмен мыслей, здесь (в «объявлении») изложенных, имел

своим последствием обязательное соглашение между редакциею «Современника» и несколькими литераторами...»

«Обязательное соглашение!..» да что ж это иное, как не контракт? Двумя русскими словами заменено здесь одно иностранное, и не только заменено, но и определено в точности. Можно было, пожалуй, распространить это определение, как и распространяют его французы, говоря, что контракт — c'est une convention par laquelle une partie s'engage a faire ou ne pas faire quelque chose, ou plus specialement l'acte meme qui forme la preuve litterale de l'engagement contracte*, но какая в том надобность? Французы, по * Это условие, по которому одна сторона обязуется сделать что-нибудь или не сделать чего-нибудь или, в более специальном смысле, самый акт, который составляет письменное доказательство заключенного соглашения. — Ред.

бедности языка своего, принуждены bon gre mal gre * пускаться в длинные объяснения и перифразы. Богатый язык наш не имеет в том никакой надобности: он гордо произносит: обязательное соглашение! и каждый понимает, чтб это значит, хотя бы подле атих слов и не стояло в скобках слово контракт.

Какая милая светскость в этих французских фразах! «Отечественные записки» могут вспомнить, каковы были их суждения о подобных остротах «Листка для светских людей»: этот несчастный журнален, на который некогда с таким справедливым состраданием смотрели «Отечественные залиски», писался совершенно таким же языком и достоинство его юмора было совершенно таково же, как в строках, которыми начинается филиппика против «обязательного соглашения»б. Попробуем объяснить «Отечественным запискам», в чем они ошиблись, увлекшись несправедливою досадою.

Итак, продолжают «Отечественные] зап[иски]», «заключен

Если бы и действительно это было дело неслыханное, из того не следует еще, что это дело дурное, а только то, что это дело новое. Первая железная дорога, первая печатная книга — все это были дела неслыханные до того времени, и, однако же, дела очень хорошие. Но действительно ли взаимные обязательства между литераторами и журналистами новость в нашей литературе? Каждому известно, что вовсе не новость. Журналу всегда необходимо сотрудничество нескольких лиц; журнал всегда бывает делом общего труда, а общий труд невозможен без взаимных обязательств между лицами, его разделяющими. Кажется, все это просто и неоспоримо? Кажется, все это по собственному опыту известно каждому русскому литератору или журналисту с того времени, как существуют у нас порядочные журналы. А кому неизвестно, может узнать хотя бы из биографии Пушкина, приложенной к новому его изданию. Чему же дивятся «Отечественные записки», если некоторые из наших лучших литераторов вступили с «Современником» в такие отношения, в какие вступал Пушкин с одним из тогдашних журналов? Мы несколько раз перечитывали статейку «Отечественных записок» и никак не могли найти в ней ясного выражения относительно предмета их удивления и жалобы. Все ограничивается какими-то смутными возгласами. Мы не удивляемся этой темноте: кто чувствует, что жалоба его неосновательна, досада несправедлива, всегда старается запутать и затемнить дело; но кто не смеет ясно выражать своей жалобы (чувствуя, что она неосновательна), должен быть не слишком щедр на упреки другим, особенно, когда эти другие заслужили общее уважение. Кто не только без всякого права оскорбляет тем* Волей-неволей. — Ред.

ны&ш намеками людей, уважаемых обществом не только за их талант, но и за высокую безукоризненность их душевного благо -родства, тот подвергает себя опасности

показаться обществу человеком другого рода.

Клевета пятнает в общем мнении не того, на кого клевещут, а того, кто клевещет.

Предоставляем нравственному чувству читателей судить о следующих выражениях «Отечественных] записок».

К литератору преимущественно относится строгий приказ русской пословицы: «давши слово – держись». Он больше, чем кто-либо другой, обязан быть рабом своему слову. Он до того ему крепок, что в другой крепости или в другом рабстве не видит ни малейшей нужды. Давая слово, он вместе с ним кладет и честь свою, потому на каждое свое слово смотрит как на parole d'honneur *. Поэтому «обязательное соглашение», в отношении к литераторам – странный плеоназм, бросающий грустную тень на обе обязывающиеся стороны. Разве соглашение или согласие, произнесенное просто-напросто голосом, то есть выраженное изустно, не есть своего рода обязательство? Чем же другим может быть оно в благородном звании литератора?

Пропускаем остроумную тираду о дружбе Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, которые не обязывали друг друга никакими контрактами – юмор этой тирады столь же хорош, как и начало статейки – но смысл ее непостижим здравому уму, – и читаем далее:

Предки наши, не знавшие ни иностранного слова «контракт», ни перевода его на русский язык «обязательное соглашение», говорили коротко и ясно: «кто изменит своему слову, тому да будет стыдно». Отчего мы не подражаем их достохвальному примеру? Неужели оттого, что – страшно даже вымолвить – мы потеряли стыд? – Или почтенная краска древнего

которая избрала своим девизом название комедии Островского: «Свои люди – сочтемся!»

Просим «Отечественные] записки» вспомнить, о каких людях они говорят подобные вещи; просим этот журнал подумать о том, сообразно ли с здравым смыслом предполагать, что каждый порядочный человек в грамотной России не примет, как личное оскорбление себе, оскорбление, наносимое писателям, которыми гордится русская литература?

Мы говорим прямо:

«Отечественные] записки» поступили неблагоразумно, дав свободный разтул досаде, возбужденной в них тем, что они лишились надежды иметь своими сотрудниками гг, Григоровича, Островского, Толстого и Тургенеза.

* Честное слово. –] Ред.

На темные намеки мы отвечаем указанием фактов, известных всем.

Если «Отечественные] записки» будут продолжать свою неблагоразумную тактику, мы не отступим ни перед какими объяснениями; на каждый намек мы будем отвечать фактом – факты все говорят в пользу писателей, неблагоразумно оскорбляемых «Отечественными] записками», и если этот журнал заставит нас сделать эти факты известными публике, то это обнародование не доставит особенной радости «Отечественным запискам». Мы советовали бы не подавать к тому нового случая. Пусть припомнят «Отечественные записки», какой удар нанесли они себе в 1846 году, неосторожно подняв шум о деле, вовсе для них невыгодном.

Этот случай несомненно повторится, если «Отеч [ественные] записки» будут и в настоящем деле действовать так же неблагора-

Повторяем. Мы не желали начинать этих объяснений и не желаем продолжать их. Но мы не позволим безнаказанно оскорблять писателей, делающих честь нашему журналу помещением в нем своих произведений...

Вражда «Отечественных записок» к «Современнику» вводит их в ошибки, пагубные для них. Новое подтверждение тому представляет помещенная в октябрьской книжке

статья г. Галахова «Были и небылицы», направленная против исследования г. Лай-бова «О Собеседнике любителей российского слова» («Современник», 1856, № 8).

Не можем оставить без ответа этой страшно длинной выходки. Того требует правило, высказанное нами выше.

Статья г. Галахова имеет ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно из смирдинского издания «Сочинений императрицы Екатерины II» и «Сочинений Державина»*. Теперь спросим: выиграл ли г. Галахов, вызвав нас на этот ответ? Не выиграла ли, напротив, статья г. Лайбова от его неудачных нападений, и какого результата достигли «Отечественные записки» помещением статьи г. Малахова?

Декабрь 1856 года.

Год, с которым готовимся мы проститься, принес много хорошего нашему отечеству. При самом начале его, благая воля государя подала нам надежду на мир, желаемый всею Европою, благотворный для нас; эта надежда не обманула нас, — и мир был заключен в самое благоприятное для примирения время, на условиях, самых выгодных. Мир, который должны благословлять * Дальше следует ответ Галахову, написанный Добролюбовым. (См. текстологический комментарии). — Ред.

46* 723

мы все, снова открыл свободный путь нашей заграничной торговле, оживил промышленную деятельность внутри государства; восстановил наши сношения с другими образованными народами, наконец, что всего важнее, дал время и возможность к исправлению всего того, что нуждается в улучшении. Затем — торжество коронования и сопровождавший его милостивый манифест, — манифест, возвративший утраченные блага стольким людям, облегчивший массу народа трехлетнею льготою от рекрутских наборов. За манифестом последовали преобразования и улучшения по многим отраслям национальной жизни и, — быть может, важнейшее из всех этих улучшений, — принятие мер к построению обширной сети железных дорог

С оживлением всех отраслей национального нашего существования, и литература наша в оканчивающемся теперь году была жипее, интереснее, богаче мыслями и замечательными явлениями, нежели когда-нибудь. Все слухи, доходившие до литературного нашего мира из провинций, были согласны в том, что на всех концах России литературный интерес пробудился в замечательной степени. Повсюду в публике были толки и прения по поводу той или другой повести, того или другого стихотворения, той или другой журнальной статьи. Так оживилось сочувствие к литературе в провинциях. То же было и в столицах, — это каждый литератор знает по опыту.

Всякая живая мысль, всякое дельное слово принималось публикою с горячим одобрением; эта симпатия должна была действовать на литературу, — и, действительно, литература старалась оправдать требования и надежды публики; с справедливою гордостью может она сказать, что в истекающем году была, хотя до некоторой степени, достойна ее внимания.

В начале года, она обогатилась двумя новыми журналами, из

которых каждый имеет свою несомненную важность, и каждый приносит большую пользу нашему умственному развитию, — один положительным образом, другой, быть может, почти только отрицательным — возбуждая к беспристрастнейшему исследованию затрагиваемых им вопросов — но все же приносит пользу и этот второй. Читатели видят, что мы говорим о «Русском вестнике» и о «Русской беседе».

Различны были ожидания, возбужденные тем и другим, — и, надобно сказать, в значительной степени эти ожидания были обмануты, — одним журналом к лучшему, другим — не так, чтобы оттого увеличился его интерес.

Литературно-ученые мнения редакции «Русского вестника» и писателей, которых ожидали видеть главными его сотрудниками, были хорошо известны по их деятельности в других журналах, до основания «Русского вестника»; мнения эти не могли иметь инте* реса новизны. Никто не сомневался в том, что «Русский вестник» будет журналом почтенным, все были уверены, что он даст много 724

хороших стате й, особе нно стате й ученого соде ржа ния; сотрудничество многих профессоров Московского университета, который столь справедливо считается средоточием ученой жизни в России и бывшие питомцы которого так справедливо сохраняют на всю жизнь любовь к нему, – это сотрудничество повсюду возбуждало самое горячее участие к новому журналу. Надежды на него были, как видим, довольно велики. Но слышались от многих и предположения, до некоторой степени ослаблявшие нетерпеливость ожиданий, – теперь, когда эти предположения прекрасно опровергнуты журналом, мы не находим нужды умалчивать о них. От многих можно было слышать мнение, что «Русский вестник» не будет иметь самобытного, только ему принадлежащего характера, что он будет двойником того или иного из тех журналов, которые прежде имели его редактора и главных сотрудников своими сотрудниками. Некоторые прибавляли, что новый журнал, быть может, не избежит сухости. Мы с самого начала не считали справедливыми этих предположений и потому приветствовали появление «Русского вестника» с полною уверенностью, что он докажет неосновательность сомнений. И, действительно, ему удалось достичь того. Нет надобности говорить, как определился характер «Русского вестника»: основные черты его физиономии достаточно ясны для каждого. Благодаря своему характеру, он утвердил за собою общее сочувствие. Столь же удачно, как бесцветности, он умел избежать и сухости, так что принадлежит теперь к числу не только наиболее распространенных в публике, но и наиболее читаемых журналов.

Мы хотели бы подробнее и точнее характеризовать физиономию «Русского вестника», но тут пришлось бы, конечно, нам не оставаться при одних похвалах, а указать также и некоторые стороны, которые нуждаются в улучшении и, без сомнения, будут улучшены, – эти замечания были бы немногочисленны, но все -таки их нельзя было бы совершенно устранить при полной характеристике журнала, – но после странной и соЁершенно несправедливой выходки против «Современника», которую угодно было сделать « Русскому вестнику» в прошедшем месяце, мы не хотим делать и этих немногих замечаний, не желая, чтоб кто-нибудь мог истолковать их в неприязненном смысле2. Потому, отказываясь на этот раз от суждения о том, чем наиболее и чем менее силен «Русский вестник», скажем только, что вообще этот журнал пользуется общим уважением совершенно справедливо и значительно содействовал оживлению нашей литературы в прошедшем году. «Русский вестник» в некоторых отношениях превзошел ожидания, с которыми был встречен, хотя эти ожидания были велики. «Русская беседа» до сих пор не успела дать публике того, что все надеялись найти в ней. Около десяти лет, славянофилы не имели своего органа в литературе; естественно было думать, что новый журнал их скажет после долгого безмолвия что-нибудь замеча-725

тельное. Приверженцы славянофильских мнений в публике немногочисленны; большинство и не готовилось сочувствовать «Русской беседе». Но все интересовались новым журналом: вероятно, десять лет прошли не бесплодно для славянофилов, как не бесплодно прошли они для развития всей нашей литературы; прежде славянофилы не могли сами себе объяснить, чего именно они хотят, что они думают; их доктрина страдала неопределенностью, непоследовательностью. Теперь, вероятно, она определилась, стала понятнее для ума человеческого, если не стала справедливее. Любопытно послушать, что такое они скажут. Так говорят все. Некоторые, в том числе и мы, имели ожидания более благоприятные.

Не знаем, со времен фонвизинского Иванушки существовали ли на Руси люди, которым все в Западной Европе было бы восхитительно, которые воображали бы, что французский язык – единственный порядочный язык на свете, что на Западе все люди счастливы, что на Западе нет многого дурного и отвратительного. В наше время из людей сколько-нибудь образованных нет ни одного, который бы считал Западную Европу земным раем. Истинно образованный русский (точно так же, как истинно образованный француз, немец и так далее) видит в Европе очень много хорошего, но с тем вместе и очень много дурного. Мы осмеливались полагать, что образованные люди везде сходятся в своих понятиях о дурном и хорошем. Мы полагали, одним словом, что

разница между славянофилами и людьми, не разделяющими их мнений, может существовать только в том, что последние смотрят на вещи беспристрастнее, что последние менее преувеличивают свое доброе, менее обманываются относительно своих недостатков. Но мы никак не полагали, чтобы кто-нибудь из образованных людей находил дурное хорошим или наоборот. Потому мы полагали, что когда славянофилы будут осуждать Западную Европу, можно будет сказать «вы преувеличиваете истину, но если отбросить преувеличения, в ваших словах найдется

очень много правды»; что таково же будет отношение их мнений о России к беспристрастным мнениям. Словом, мы надеялись, что с ними можно будет во многом соглашаться, во многом другом противореча им. Многие смеялись над нашею надеждою. Признаемся, до сих пор «Русская беседа» не успела доказать, что те, которые смеялись над нашею надеждою, были неправы. До сих пор «Русская беседа» не сказала еще ничего такого, с чем бы можно было согласиться, хотя отчасти. Нельзя с нею ни в чем согласиться не потому, чтобы она исключительно говорила мысли, из которых каждая сама по себе несправедлива, – нет, в самой неосновательной доктрине, если только она достигла некоторой ясности и связности, всегда можно открыть что-нибудь похожее на правду, можно найти хотя незначительную частицу истины, с которой можно согласиться.

726

Но в «Русской беседе» мы до сих пор не могли найти ничего такого, с' чем бы можно было согласиться, потому что не могли найти ровно ничего сколько-нибудь ясного.

Как же? Ведь они много говорят о многих важных вопросах?

Но что говорят!– самые разнородные понятия у них смешиваются в одно, самые противоположные явления сливаются в одно

представление. Например: «наука должна искать истину и доказать справедливость тех убеждений, которыми мы дорожим» – какое же тут понятие о науке? Скажите что-нибудь одно; скажите: «наука должна искать истину» – с вами надобно будет безусловно согласиться; или, пожалуй, скажите: «наука должна доказать справедливость убеждений, которыми мы дорожим» – это понятие будет ошибочно, но все -таки в нем будет какой-нибудь смысл, можно будет видеть, что вам нужна не наука, а за-щищение всего, что вам нравится; но если вы рядом ставите обе фразы: «наука должна искать истину и доказать справедливость убеждений, которыми мы дорожим», – если вы так говорите, можно ли понять, что вы разумеете под наукою? точно ли науку, или защищение того, что вам нравится?

Та же самая история повторяется до сих пор во всем, о чем бы ни заговорили славянофилы: возьмите какое угодно понятие из тех, которые особенно часто повторяются ими, и попробуйте разгадать, что они под ним разумеют, – вы увидите, что вечно соединяют они под ним два совершенно различные представления. Потому интерес, с которым ожидалось появление «Русской беседы», совершенно исчез. Она перестала обращать на себя внимание.

Кроме «Русского вестника» и «Русской беседы», мы должны упомянуть еще о третьем новом журнале – «Сыне отечества» 3. «Сын отечества» своим литературным отделом отчасти походит на то, чем была «Библиотека для чтения» в последние годы. Зато «Библиотека для чтения» под конец года совершенно обновилась и, без всякого сомнения, будет занимать в литературе более видное место, нежели какое занимала в последние пятнадцать лет.

Все вообще журналы наши, старые и новые, в этом году имели более жизни, нежели прежде. Поэзия, беллетристика, отделы

вольно много представили даже блестящих явлений.

В этом году мы читали четыре произведения г. Тургенева: повести «Рудин», «Переписка» и «Фауст» и пьесу «Завтрак у предводителя».

Роман г. Григоровича «Переселенцы» и повесть его «Пахарь». «Севастополь в августе месяце», «Двух гусаров» и «Метель» графа Толстого.

Можно припомнить еще несколько повестей или рассказов, не лишенных достоинств. Из них одобрение всех читателей заслужили «Губернские очерки» г. Щедрина.

727

Мы не будем здесь делать оценку того или другого из этих произведений в отдельности; скажем только, что общий баланс нашей беллетристики за этот год, сравнительно с предыдущими, очень удовлетворителен.

«Оды Горация», переведенные г. Фетом, «Герман и Доротея»

Гете, в его же переводе, «Фауст», переведенный г. Струговщико -вым, наконец, «Лир», переведенный г. Дружининым (в этой книжке «Современника»), — все это было помещено в наших журналах за нынешний год.

Но всего заметнее оживление русской литературы отразилось на ученых и критических статьях. Тут прежде всего должны мы назвать превосходный этюд о нравах русского общества, написанный г. Павловым по поводу комедии графа Соллогуба «Чиновник». Потом заметим статьи г. Чичерина, — имени нового, но уже всем очень хорошо знакомого в нашей литературе, и статью г. Костомарова об истории Малороссии до Богдана Хмельницкого4. Но не столько отрадны достоинства нескольких отдельных статей, сколько разнообразие и интерес, которым вообще отли-

чался ученый отдел наших журналов. Мы не ошибемся, если скажем, что наша молодая литература обнаруживает решительное стремление к сближению с жизнью.

В пример, укажем два-три вопроса, близкие к жизни, из тех, которые занимали журналистику в нынешнем году.

В самом начале нынешнего года, привлек на себя общее внимание вопрос о железных дорогах. Из журналов он перешел в газеты, и до сих пор часто встречается в той или другой из них статейка по этому делу. Люди, совершенно чуждые обыкновенного литературного кружка, принимали участие в прении: видно было, что вопрос заживо затрогивал каждого, так или иначе, и каждый спешил высказать свое мнение, принести новый довод в пользу мысли, кажущейся ему справедливою, или новое опровержение мысли, которую считал ошибочною. Нельзя было без особенного участия следить за этим всесторонним обсуждением дела, важного для общества. Конечно, много было выражено тут мнений, происходивших единственно от непривычки нашей думать о политико-экономических вопросах; многие голоса возвышались совершенно понапрасну, не имея сказать ничего дельного; но вообще прение было ведено наставительно и довольно глубоко. Спорили и о том, до какой степени нужны нам железные дороги, еще больше о том, какой доход могут они приносить у нас в вознаграждение затраченного капитала, и о том, какими капиталами надобно строить их, русскими или иностранными, и о том, каково должно быть направление линий, наиболее необходимых. Следствием прений было разъяснение многих недоразумений, распространение здравых понятий о деле железных дорог и настоятельной необходимости, при недостатке русских капиталов, допустить в замену их иностранные. Теперь из людей, читающих что -

нибудь, вы очень мало найдете таких, которые не приготовлены к принятию истинного решения вопроса, задуманного правительством.

Несколько позднее начался в журналах и газетах спор о преимуществах высокого или низкого тарифа. Он был иными, особенно из противников низкого тарифа, веден с раздражением, напрасным с ученой точки зрения, быть может, свидетельствовавшим о непривычке нашей к ведению прений, но с тем вместе свидетельствовавшим о близкой связи этого вопроса с жизненными интересами нашего общества.

Упомянем еще о прениях по вопросу относительно воспитания. Они были вызваны предложением «Морского сборника», подавшего тем прекрасный пример признания пользы, какую может принести всестороннее обсуждение затруднительных вопросов. Много раз мы ставили «Морской сборник» образцом для всех подобных ему журналов, и теперь скажем, что он продолжает приобретать все больше я больше права на признательность русской публики энергическим исканием чистой истины.

Появление «Русской беседы» заставило некоторых обратиться к исследованию вопроса о народности в науке. Большинство публики, совершенно соглашаясь с справедливостью понятия, что наука должна искать общечеловеческой истины, а не оправдания местных и временных односторонностей, находило, однако же, что туманные мечты о какой-то особенной народности в науке, не имея ровно никакого положительного содержания, едва ли заслуживали того, чтобы и заниматься их опровержением. Тем не менее, некоторые из статей, написанных по поводу «Русской беседы», в доказательство того, что наука не должна иметь ничего общего с случайными пристрастиями и предубеждениями, обращали на себя внимание замечательными достоинствами.

Опытом из нынешнего года подтверждается истина очень известная, но не многими понимаемая во всем ее значении: развитие литературы находится в самой тесной связи с усилением умственной жизни в обществе.

Мы указали только немногие из тех вопросов, которые были подняты и более или менее основательно исследованы нашими журналами в течение нынешнего года; многие другие, или не столь важные, или не довольно обсужденные, не попали в этот краткий перечень главных предметов умственного движения, находивших себе отголосок в наших журналах за настоящий год. Но и эти немногие воспоминания могут уже быть доказательством, что пробуждение интереса в публике к нашим периодическим изданиям было не случайно: оно зависело от пробуждения в обществе умственной деятельности.

ЗА ГРА НИ ЧНЫ Е ИЗВЕСТИЯ С И З № 7 «СОВРЕМЕННИКА)»

Бонапартизм и его разнообразные проявления во Франции. – Наводнения в южных провинциях. – Филиппика против роскоши. – Быт рабочего класса в Париже. – Книги Лаэара, Мендра и Г юссона. – Августин Тьерри. – Театральные новости. – Празднование мира в Лондоне. – Пересмотр английского перевода библии. – Новое здание библиотеки при Британском музее.– Новые явления в литературе. – Проект железной дороги в Индию. – Санталы. – Перевод «Потерянного рая» Мильтона на итальянский язык. Главнейшие американские журналы. – Статистика Соединенных Штатов.

Бонапартизм с каждым днем приобретает во Франции все более и более значения. Крестины императорского принца праздновались с самым строгим соблюдением предписанного церемониала, имевшего целию выставить государственную важность этого события. Тут все было рассчитано заранее, и речь папского легата, как не входившая в программу, не существовала для публики от грома музыки, огласившей своды храма богоматери при первых словах кардинала. Проект закона о регентстве императрицы французов ведет к той же цели политики Людовика-Напо* леона – упрочить престол Франции исключительно за своим семейством. Полярная экспедиция двоюродного брата императора служит также выражением, хотя и косвенным, этой политики.

Но праздники и иллюминации, сопровождавшие крестины, чудеса роскоши, выказанные двором и столицей по этому поводу, чрезвычайное стечение в Париж иностранцев и провинциалов, конфекты, сыпавшиеся на улицы с аэростатов, как из рогов изобилия, колоссальные бомбоньерки, спускавшиеся на парашю* тах, – весь этот шум и гам ликующей столицы, при виде раке*, бенгальского огня, золота, бархата и брильянтов, тем сильнее дали заметить другую сторону медали, когда опомнясь от мину** ного упоения и восторга, французская нация стала лицом к лицу с раззоренными представителями своих южных провинций.

Юг Франции понес тяжкие потери от разлива рек. Лион, Сент Этьенн, Авиньон, Тур и все плодоносные пространства земли по 730

берегам Роны и Луары опустошены совершенно, поля размыты, жилища разрушены, скот потоплен. Пособия пострадавшим, назначенные самим императором (125 000 фр.) и законодательным корпусом (2 000 000 фр.), лишь в слабой степени облегчат зло и едва ли в состоянии будут предотвратить общую нищету и голод в лучших местностях государства. Франции нужно серьезно подумать о мерах народного продовольствия, особенно после тех странных результатов и убытков, к которым привели там все законоположения о таксе на печеный хлеб.

Между тем, наперекор этим печальным урокам судьбы, вслед

На всех концах столицы ежедневно возникают новые магазины с мебелью, бронзой, шелковыми, туалетными и мебельными материями, драгоценными вещами, фарфорами, антиками, редкостями и пр., и пр. Наряду с кофейнями и съестными лавочками, портными и модистками, обойщики получают мировую важность и возбуждают к своей профессии безграничное уважение.

И не нужно посещать дворцы или отели знатных людей, чтобы иметь понятие о парижской роскоши: бульвары с своими магазинами представляют на каждом шагу образцы той изысканной, тщеславной расточительности, против которой вооружаются все благомыслящие люди и от которой так сильно, но безмолвно страдает класс бедных потребителей.

Кровати из розового дерева, разукрашенные бронзой, фарфором, камеями, эмалью; шкапы с пружинами и выдвижными зеркалами, которые со всех сторон отражают в себе одевающуюся даму; мозаичные шифоньерки, бюро, к которым совестно подойти с мыслию о серьезном деле, диваны, располагающие к восточной лени и сладкой дремоте, наконец туалеты дам, которые тратят на наряды по тридцати, сорока тысяч франков, кружева лореток, которые не знают счета деньгам и границ мотовству и роскоши,— все это невольно оскорбляет порядочных женщин, ограниченных в денежных средствах, все это наводит на печальную мысль о торжестве наглости и бесстыдства и о постоянных лишениях, с которыми соединена судьба честного труженика. Потому -то люди, в сущности благородные, но не довольно сильные характером, чтобы переносить тяжкую долю посредственности, пускаются часто в спекуляции, рискуют своим состоянием, добрым

именем, а прежде всего семейным счастием, о котором не может

быть и речи, когда штофные обои и эластичные рессоры фаэтона считаются первым условием разумных и сердечных наслаждений, При таком положении дел и при возрастающей дороговизне жизни, быт рабочего класса в Париже вызывает на самые серьезные размышления. Работники, пристроенные к мастерским, приготовляют себе, посредством известных денежных взносов, вспомоществование на случай болезни и пособие на похороны. Упла-731

чивая по два франка в месяц, изувеченный или больной работник получает от общества взаимного обеспечения (Association gene-rale de l'Assurance -mutuelle) по три франка в день на пропитание с семейством. Если он умирает, его прилично хоронят, и он избегает удела беспомощных людей — быть изрезанным в какой-нибудь хирургической аудитории и погребенным в общей могиле столичных пролетариев.

Но в подобных учреждениях для женщин из рабочего класса в Париже большой недостаток *, и что же прикажете делать швее, которая, работая целый день над фестонами оборки или солдатскими рубашками, получает, с своим материалом, от десяти до пятнадцати су? Этого едва достанет на хлеб и воду, на вязанку дров в зимнюю пору; а квартира, а белье, платье, обувь?.. Мудрено ли, что, при хорошенькой наружности, швея, ослабляя мало-помалу свои нравственные правила, меняет чердак на уютный и комфортабельный аппартамент в бельэтаже, соломенный стул — на п ружи нный оттома н, — мудре но ли, что, п роме няв дешевую, сто раз мытую кисею на алансонские кружева и бессонные ночи за тусклым огарком и работой на бессонные ночи в оперном маскараде или загородной оргии, она свыкается с новым своим положением и, несясь в щегольском фаэтоне на модное

гулянье, окидывает скромных гризет, москателыциц и чиновниц

теми презрительными взглядами, против которых писалось и пишется во Франции столько гневных и красноречивых фельетонов? Удержаться ог нравственного падения, посреди нужды и морального индиферентизма общества, конечно, подвиг, достойный всякой похвалы; но многие ли способны на этот подвиг? и сколько, быть может, душевной борьбы, раскаяния, отвращения и тупого отчаяния испытает иная женщина прежде, чем сделается модной лореткой, героиней маскарада и Бала-Мабиль, ужасом для скромных матерей семейств и сюжетом для вдохновения драматургов и фельетонистов!..

При таких обстоятельствах, когда вопросы о быте рабочего класса в Париже и о материальных средствах города вообще возникают с возрастающей настойчивостью, когда беспрерывные перестройки стирают там с лица земли целые кварталы и улицы, — книги, разбирающие с той или другой стороны столицу Франции, получают занимательность не для праздных лишь читателей, не для одних туристов, желающих познакомиться с внешним видом города: добросовестный труд в этом роде был бы важным социальным приобретением и указал бы меры к возвышению благосостояния рабочего населения.

О Париже написано множество книг, написано с разными целями: для городского начальства, для иностранцев, для мест* Благотворительное учреждение для призрения женщин еетъ в предместья ста. Антония.

732

ных жителей, для историков и т. д.; но в этом числе очень мало хороших

сочинений.

Теперь явился в свет объемистый труд Лазара, под названием Перечень парижских улиц, (Diction na i re des rues de Paris).

Это большой том in-4, главную часть которого занимает, рас-

положенная в алфавитном порядке, история улиц и находящихся на них зданий. Книга составлена очень тщательно и приспособлена преимущественно к потребностям местных жителей. При тех беспрестанных перестройках, которым Париж подвергался в последнее время, скоро невозможно будет, без помощи подобных книг и планов, иметь понятие даже о главных из существовавших улиц, и местности, ознаменованные важнейшими историческими происшествиями, сделаются достоянием народной мифологии.

Важный недостаток книги Лазара заключается в том, что к ней приложены исторические планы города самых малых размеров, тогда как подробный атлас, обозначающий пространство и вид столицы в известные эпохи, составлял бы существенную принадлежность подобного издания. Притом же, книга эта занимается исключительно материальною стороною города, тогда как главное значение Парижа заключается не в улицах и монументах его, а в том неизмеримом влиянии, отчасти благотворном, отчасти вредном, которое он оказывал на Францию и вообще на образованный мир. ,

Потому появление сочинения Мендра: История Парижа и его влияния на Европу (Histoire de Paris et de son influence en Europe) возбудило общее любопытство.

Здесь автору предстояло победить много трудностей, потому что, рассуждая о значении Парижа и влиянии, оказанном им на те или другие события, он легко мог смешать то, что принадлежит исключительно Парижу и вытекло из особенностей его характера, с тем, что составляет достояние всей Франции. Это такие нравственные факты, которые мудрено исследовать во всей точности и представить, без преувеличения, со всеми их последствиями. Описать влияние, оказанное Парижем на идеи и лите-

и муниципального устройства, посредством роли, которую он играл во время Реформации и религиозных войн, посредством разных учреждений, академий, торговых и ремесленных заведений, журналов, посредством своих нравов и моды, сделавшейся законодательницею для всех высших сословий, — без сомнения, чрезвычайно мудрено, Население Парижа состоит из разнородных элементов, посреди которых настоящие парижане как бы исчезают. Жители провинций и иностранцы с разных концов света превращаются в этом центре в такое племя, которое, определяя космополитские свойства города, имеет способность усвои-вать себе и переработывать все чуждое и вместе с тем оказывать 733

обратное влияние на весь свет, вызывая его к подражанию. Но ошибется тот, кто подумает, что подобные вопросы затронуты в книге Мендра: книга эта представляет лишь род политической истории Франции, с довольно произвольным перечнем того, что случилось собственно в Париже, и с присовокуплением скудных рассуждений о муниципальном устройстве столицы в тот или другой период времени. Между тем, влияние города на идеи народа, на искусство, науки, администрацию, на распространение французской литературы, — одним словом, все, что преимущественно действует на человечество и находит для себя материальное выражение лишь в политической истории, — все это пройдено молчанием; автор не дает даже понять, чтобы он хоть сколько-нибудь думал об этой главной стороне избранного им предмета. Таким образом, книга не достигает своей цели; содержание ее не соответствует заглавию и не удовлетворяет читателя ни как историческое сочинение, ни как картина нравов.

Для познания материальной стороны парижской жизни мо-

жет служить недавно изданное сочинение Гюссона, под заглавием: О размерах потребления припасов в Париже (Les consom-mations de Paris). Автор этой книги служит начальником отделения в одном из городских учреждений и потому мог пользоваться всеми официальными источниками. Он рассматривает в подробности все припасы, которые потребляются в Париже, и основывается в своих выводах на цифрах городских сборов. По каждой статье представлены у него исторические очерки известного рода торговли или промысла и самых законоположений по этим предметам.

Здесь говорится о происхождении и приготовлении товаров, о подразделении их, о ценах на припасы в то или другое время, и из всего этого выводится заключение, сколько Париж расходует ежегодно на предметы первой потребности. Автор берет в расчет рыночные и оптовые цены, прикладывает к ним барыши, извлекаемые торговцами, и приходит к следующим результатам:

Рыночная ценность припасов, продаваемых в Париже, представляет цифру 433 миллионов франков; присоединив к этому 90 миллионов франков барышей в пользу торговцев, получим всего 523 миллиона франков, что составит, средним числом, по 497 франков 44 су на человека.

Как ни значительна эта цифра, однако, она ниже действительной, потому что, с одной стороны, барыши торговцев на деле превышают принятые в настоящем расчете; с другой стороны, исчисление делалось здесь на основании цен 1851– 1853 годов. На нынешние, высокие цены автор смотрит как на временные, долженствующие измениться.

Во всяком случае, этого расчета уже достаточно, чтобы дать понять, как тяжела для населения столицы подобная дороговизна

жизни; к этому присоединяется еще постоянное возвышение цен

на квартиры, зависящее от беспрестанных перестроек, которой подвергается столица Франции. Бедные люди не знают, как им устроиться; народ тысячами выселяется в прилежащие к Парижу деревни и потом теряет по нескольку часов в день на ходьбу, отыскивая в городе работу.

Но, не говоря уже о бедняках, даже люди с порядочным состоянием более и более затрудняются находить себе квартиры, которые бы соответствовали их средствам и потребностям; а так как страсть к разрушению и перестройкам все увеличивается и как значительные пространства, на которых стоят теперь дома, скоро превратятся в площади и улицы, то нельзя даже определить хорошенько, чем все это кончится.

Город всячески старается возвышать сумму своих доходов: сборы увеличиваются, установляются новые налоги – на собак, кареты, лошадей и пр. Но невозможно, чтобы он скупал земли, ломал и перестраивал здания на собственные средства. Прежде все надеялись, что городские сборы будут понижаемы и мало -помалу уничтожатся, по мере того, как уплатятся городские долги. Долги эти уплачены еще в 1852 году, а, между тем, сборы все увеличиваются, и теперь уже нет и речи об уничтожении их.

В какой степени этот порядок вещей стесняет город и его промышленность, в какой мере обременительны подобные сборы сами по себе и по вредному влиянию их на торговлю и промыслы, от введения в дело перекупщиков и барышников и от попыток противопоставить этому искусственному злу еще более искусственные средства (как, например, надзор правительства за продажею печеного хлеба и управление делами булочных), – обо всем этом автор мог бы более чем кто-либо написать подробную и основательную статью. Он оказал бы тем важную услугу не

одному Парижу, но вообще всем городам, которые в системе налогов вздумали бы следовать примеру столицы Франции; но дело в том, что служебное положение г. Гюссона не позволяет ему разработывать избранный предмет с этой стороны. Он говорит с энергией и увлечением о том благодетельном влиянии, которое оказало бы на быт рабочего класса и на успехи промышленности освобождение производительного труда от налогов; но в то же время он старается оправдать две погрешающие против этой системы меры, принимаемые парижским городским начальством: именно, сохранение цехов булочников и мясников. Существование этих последних остатков цехового устройства влечет за собою разного рода вредные последствия: дороговизну жизни, невозможность предпринять какие-либо улучшения, укоренение злоупотреблений и чрезвычайные расходы. Все средства, употреблявшиеся для смягчения этого зла, не только никому не приносили пользы, но вели даже еще к большим беспорядкам. Два года тому назад вздумали, например, удержать хлеб в Париже в известной постоянной цене, при помощи особой кассы,

которая в дорогое время обязывалась вознаграждать булочников за дешевую продажу хлеба, а, наоборот, в дешевое время должна была получать с пекарей тот излишек,

который оказывался бы в цене, назначенной по таксе, в сравнении с обыкновенною рыночною ценою. Эта попытка продавать хлеб одним су на фунт дешевле вольной цены повела к значительным убыткам для городской кассы, которая ищет теперь занять по этому поводу 40 миллионов франков. Между тем, город не хочет, кажется, покинуть этой системы и, без сомнения, войдет еще в большие долги; уплата процентов по займам падет также на потребителей в виде городских сборов, и жизнь будет становиться все дороже и дороже, тогда как освобождение промысла пекарей от всяких стеснительных мер повело бы само собою, вследствие одной лишь конкуренции и без всяких пожертвований со стороны города, к приготовлению более дешевого хлеба.

Таким образом, нельзя не пожалеть, что г. Гюссон, прекрасно понимающий этот вопрос, не мог разработать его в своей книге с желаемой полнотою и беспристрастием, тем более, что книга его вполне поучительна и представляет такой богатый запас статистических сведений, какой едва ли можно собрать удовлетворительно для какого-либо другого города, кроме Парижа. Франция потеряла в последнее время много замечательных людей, в том числе одного из даровитейших историков – Авгу* стина Тьерри, автора Рассказов о временах Меровингов, Десяти лет исторических исследований, и пр.

Исполняя обещание, данное читателям, скажем теперь несколько слов о жизни и трудах Тьерри.

Тьерри родился в Блуа, в 1795 году, в бедном семействе, которое употребляло последние деньги на воспитание двух братьев: Августина и Амедея. Августин учился реторике, когда ему попался в руки том сочикений Шатобриана, в котором драматически описывается сражение франков с римлянами в Батовских болотах. Чтение этой книги решило карьеру молодого Тьерри.

• Выйдя из коллегии, в 1811 году, он поступил в Нормальную школу и скоро сделался провинциальным учителем. Около 1814 года, прервав сношения с университетом, он сделался приверженцем Сен-Симона, а в 1817 году начал заниматься редакцией «Censeur europeen», лучшего либерального журнала того времени. При этом должно припомнить, что в области истории авторитетами тогда были Милло, Гарнье и Анкетиль, которые заставляли Хлодвига носить парик, Фредегонду – пудриться и королеву Бланку – надевать фижмы. Августину Тьерри суждено было произвести в истории переворот по пути, подготовленному Шатобрианом, и, возвышаясь над летописцами и пошлыми рассказчиками, притти к новым, живым научным данным.

Очерк своих произведений и план исторической реформы 736

Тьерри изложил в письмах, которые печатались в «Courrier francais» 1821 года. С тех лор, распрощавшись с светом, он с ревностью бенедиктинца погрузился в изучение текстов, ища в них преимущественно разрешения задачи о ьторжеиии германских племен. Плодом этих трудов были два произведения, столь же замечательные по форме, сколько важные по внутреннему содержанию, – произведения, сделавшие переворот в исторической литературе: История завоевания Англии норманнами (l'Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands), появившаяся в 1825 году, и Письма об истории Франции (Lettres sur l'Histoire de France), изданные в 1827 году. Автору не было еще тогда и тридцати лет; но уже и в эту пору господствующею страстью его была привязанность к науке. Эта страсть вызвала его на следующую фразу, которую мы читаем в одном из его предисловий: «Если бы мне пришлось снова выбирать карьеру, я бы выбрал ту же, которая привела меня к настоящему положению. Будучи слепым и страдая без .надежды получить облегчение, я могу, без опасения возбудить сомнение в искренности моих слов, удостоверить, что в свете есть н-ечто лучшее вещественных наслаждений, богатства и самого здоровья: это – преданность науке».

Августин Тьерри дорого поплатился за попытку разрушить уродливые формы истории и разработать историю либеральных

начал французского народа. Зрение его, от чтения рукописей, все более и более утомлялось, а уединенная и суровая жизнь разрушала его организм. Напрасно предпринимал он путешествие на юг Франции, в сопровождении друга своего г. Фориеля. По возвращении своем, он стал искать для себя секретаря. Ему представили молодого человека, Армана Карреля. Под руководством Тьерри, будущий редактор «National» приобрел первые исторические сведения, которые применены

были им потом к делу последних революций. В 1830 году Августин Тьерри призван был занять место в Институте по отделению Надписей и Словесности. Ученое сословие, из уважения к его необыкно*вен«ым дарованиям, постоянно предоставляло ему премию в десять тысяч франков, установленную бароном Гобером.

Августин Тьерри скоро принужден был оставить Париж, где климат разрушительно действовал на его здоровье. Он жил потом в Везуле, вместе с братом Амедеем, служившим префектом Верхней Сены, и в Лкжсёле. Амедей Тьерри известен также, как писатель, своей Историей Галлов (Histoire des Gaulois).

В Люксёле Августин Тьерри встретился с Юлией Керангаль, благородной бретонской девушкой. Ее тронуло несчастное положение гениального писателя, и она решилась соединить свою судьбу с его судьбою. Не говоря уже о прекрасном сердце г-жи Тьерри, женщина эта отличалась необыкновенным умом и, участвуя в исторических трудах мугка, сделалась известною и 47 Н. Г. Чернышевский, if III 737

Собственными сочинениями. Супруги Тьерри, в течение лета, часто живали в долине Монморанси, близ Эрмитажа, прославленного Жан-Жаком Руссо, и занимали там маленький коттедж, отделанный в итальянском вкусе. Гениальный страдалец проезжал по этим местностям в ручной коляске, умственно созерцая ландшафты, перед ним расстилавшиеся; иногда же переносил его из комнаты в комнату особый приставленный для того слуга. Вся нижняя часть его тела была 'поражена и оставалась всегда покрытою плащом. Зато голова его была очаровательна. Она поднималась с широких плеч и украшена была густыми черными волосами, начавшими седеть прежде времени. Глаза Тьерри были открыты и недеятельность их заметна была лишь по тусклому и блуждающему взгляду его. Бюст его оставался в здоровом состоянии; но на руках у него действовали только большой и указательный пальцы. Со времени издания Писем об истории Франции Тьерри ничего уже не писал сам.

Перед смертью своей Августин Тьерри жил на зимней квартире, на Монпарнасском бульваре. На похоронах его собралось много знати, ученых и литературных знаменитостей. Брат покойного предводительствовал погребальным кортежем.

Кроме Тьерри, из замечательных лиц во Франции сошли со сцены Поль Моле-Жентильом, романист и драматический писатель, и Бине (Жак-Мария-Филипп), президент Академии наук, математик, профессор астрономии во Французском коллеже, бывший инспектор классов в Политехнической школе и пр. Моле-Жентильом умер от апоплексии, 42 лет. На театрах играются многие из его пьес и, между прочим, Графиня Наваль (Comtesse de Navailles), имевшая успех.

Бине родился в Ренне, в 1786 году. Будучи человеком религиозным и монархистом, он считался одним из политических оптимистов Реставрации. С 1830 года он избрал для себя ученое поприще и уже не оставлял его. Бине написал значительное число Мемуаров о разных важнейших вопросах из области математики и астрономии и участвовал в редакции Небесной механики. В Институт он поступил лишь в 1848 году, хотя давно уже считался кандидатом в члены по отделению Геометрии.

В Париже, на сцене Большой оперы, дебютировала новая певица m-lle Моро-Сенти. Она рекомендована была Обером для оперы Бронзовый конь, которую хотели поставить на этой сцене. Потом предназначили ее для опер: Божество и баядерка, Вильгельм Телль, Флорентийская роза; наконец она появилась перед публикою в Сицилийских вечернях.

Моро-Сенти, по отзывам журналов, обладает прекрасною на-ружностию; голос ее довольно обширного размера, но она не форсирует его и не кричит. У нее прекрасная вокальная метода, в игре много выражения и страсти.

Г-же Жорж Санд нет удачи на сценическом поприще. Пере-738

делка ее из Шекспира, под названием Comme i l vous plaira *, постановка которой на французском театре, не считая платы автору, стоила более пятнадцати тысяч франков, приносила дирекции каждый раз, несмотря на дожди и участие г-жи Арну-Плесси, довольно значительные убытки, так что, после десяти или двенадцати представлений, сопровождавшихся для публики невыносимою скукой и энергической зевотой, произведение это предано, кажется, совершенному забвению. С большим успехом давали на этой сцене Амфитриона Мольера, пьесу, которая we была играна уже 8 или 10 лет, и Жоконду гг. Фуше и Ренье, о которой мы говорили в свое время с читателями и которая игралась уже в Петербурге.

Пьеса Октава Фелье под названием Деревня (Le Village), несмотря на простоту обстановки и незатейливость сюжета, очень понравилась парижанам. Эта пьеса также знакома петербургской публике. Вот содержание ее:

Нотариус Дюпюи удалился в деревню и наслаждается полным семейным счастием. Но к нему приезжает один из его друзей, Рувьер, который рассказами о своих путешествиях и жизни, полной приключений, сбивает с толку бывшего нотариуса и внушает ему смелое желание странствовать. Г-жа Дюпюи скоро узнает о намерении мужа, покоряется его решимости с полным самоотвержением и тем самым обезоруживает друзей. Рувьер теперь сам старается отклонить Дюпюи от путешествия и в заключение остается разделять с ним сельское уединение.

В пьесе Ученые жены (Les Femmes savantes) дебютировала m-lle Эдиль Рикье, со сцены Гимназии. Это актриса с прекрасною наружностию, полная грации и благородства в игре и манерах.

На сцене Водевиля шла пьеса Ауи Люрина и Раймонда Де -ланда, под названием: Женщины, расписанные собственною рукою (Femmes peintes par elles-memes). Жюли Боде»ь явилась тут в платье, на юбку которого употреблено было до шестидесяти аршин тафты. Понятно, что дамы заинтересовались и платьем, и пьесой, и артисткой, которая умеет носить подобные платья, и даже швеей, которая умеет тратить такое огромное количество материи.

Вообще, пользуясь летним ненастьем, театры получали довольно хорошие сборы.

Цирк с Темпльского бульвара переведен в Елисейские поля |и под руководством г. Дежана много выиграл в последнее время. Здесь прекрасные паяцы и наездницы. Представление начинается в восемь и оканчивается в десять часов. Это очень удобно и неутомительно.

На сцене другого цирка, императорского театра этого имени,

•* Как вам будет угодно. — Ред.

играют драму Огюста Люше, под названием: La Marchande du Temple *. По отзывам журналов, в этом произведении много силы, жизни, одушевления, веселости и прекрасных подробностей.

На Итальянском театре давал недавно большой концерт контрабасист Боттезини. Публики собралось очень много, и артист был принят прекрасно. Его упрекают только за то, что он издает на своем инструменте всевозможные звуки, кроме тех, которые свойственны исключительно этому инструменту: он играет на виолончеле, на скрипке, на гармонике, на чем угодно, а, между тем, вы не услышите от него ни одной настоящей контрабасной ноты.

В этом концерте участвовали Фреццолини и еще баритон-дилетант Винтер, которому предсказывают блестящую артистическую карьеру.

29 (17) мая в Англии, и особенно в Лондоне, происходило торжество по случаю заключения мира. Утром в этот день газеты бы а ч наполнены предостережениями публике против беспорядков, которые могли случиться в толпе, а на другой день рассыпались в похвалах лондонским жителям за то спокойствие и благоразумие, с которыми они участвовали в празднике.

С северо-запада, по Реджент-парку, Оксфордетриту, Реджен-стриту, Чарингкроссу, Странду, Вейтголлу, мимо казарм конной гвардии. Сен-Джемского парка, Поллмолла и клубов, чрез Джем-стрит, Пиккадилли, Гринпарк и Гайдпарк тянулись бесконечные толпы народа. Впрочем, замечательного разнообразия, изобретательности, присутствия поэтического элемента или влияния фантазии во всей этой праздничной обстановке видно не

было.

Изречение Джона Булля: We are practical people **, оправдывалось на деле. Королева пожелала, чтобы торжество в честь мира совпадало с празднованием дня ее рождения, и практический смысл народа тотчас понял, как извлечь для себя из этого желания материальную выгоду. Букв V и A было много заготовлено для

ежегодного празднования рождения и именин королевы, и теперь из слова Victoria составить слово Victory *** оказывалось очень удобно. Латунные и жестяные звезды (stars), приспособленные для газового освещения, произвели бы недурной эффект; но дело в том, что они появлялись уже и прежде, на тех же самых местах и в том же сочетании друг с другом, как и в день последнего торжества. Подобные созвездия относились к прочим родам иллюминации, как 9 к 1. За весьма малыми исклю чениями, к числу которых принадлежал отель лорда Варда в * Торговка с Тэмпльского буль'вара.– Ред.

** М ы практический народ, – Ред. fr*1* Победа. •– Ред.

740

Парк-Лэне, отели нобльменов вообще были проще, скромнее и патриархальнее иллюминованы, нежели купеческие магазины и лавки. Лорд Пальмерстон, граф Дерби и лондонский епископ выставили на домах своих по Пиккадилли и Сен-Джемс-скверу лишь несколько висячих шкаликов, корону и буквы V и A. Они вспомнили, вероятно, как замечает одна газета, что величие неразлучно с простотою и скромностию и что первый император французов носил обыкновенно серый сюртук. Более разнообразным комбинациям на транспарантах подвергалась буква P, то красуясь в одиночестве, то образуя слова Peace, Pax * или фразы вроде следующих: Welcome peace **; Esto perpetua pax ***: Peace, may it bless our country****, при чем

проявлялся и некоторый скептицизм, как, например, в фразе:

'May it be a lasting one! *****. Лондонская компания омнибусов, на доме в Странде, избрала своим девизом прославление единства; но, выставив надпись Unity is strength******, она, конечно, думала более о своих интересах, нежели о двух подружившихся государствах. На Армейском и Флотском клубах, в Поллмолле, красовалась надпись: Unitate fortior *******, и под нею: Victoria. Наконец, замечательно, что г. Коллетт (известный артист) перед своим домом на Бельгравстрите вывесил следующую нецеремонную надпись: «В знак скорби, по случаю бесславного мира, как последствия постыдно веденной войны!» Не менее выразителен был поступок продавца зонтиков на Оксфордстрите: он покрыл товар свой флером и выставил два флага с надписями: «Карс и Голодная смерть (starvation)».

На окнах одного дома виднелись изображения вдовы, оплакивающей мужа, и матери, потерявшей сына. Спереди этого дома висело длинное черное суконное покрывало, с надписью: «Оплакивают падших храбрецов»; при входе в дом стояло шестнадцать траурных подсвечников, и под ними сделана надпись: «Ночники для мертвых».

С тех пор, как лондонские дипломатические салопы стали заниматься «итальянским вопросом», а английская и французская журналистика начала представлять грозные политические статьи, это движение оказало сильное влияние на находящихся в Англии изгнанников из разных итальянских государств. Эмигранты, которые для выполнения своих планов надеялись «а помощь Англии, Франции и Сардинии, не хотят разувериться в том, что что-то приготовляется в пользу Италии. Эта часть политических * Мир. i – Рел.

** Добро пожаловать, мир! – Рел.

*** Д а будет постоянный м ир!– Ред.

**** Пусть мир осчастливит нашу страну!– Ред.

***** Пусть о-н будет продолжительным! – Ред,

«.'***** Единение – сила. – Ред.

******* От единения больше силы. – Ред.

741

беглецов придает особенное значение составлению англо-итальянского легиона, который она считает выражением сильной угрозы врагам Италии. Потому эмигранты не перестают трудиться для упрочения дружбы с Англией' и в религиозном отношении и стараются заключить союз с англиканской пропагандой, в видах распространения протестантских идей в Италии, – вследствие чего английское духовенство,

представляющее вместе с правительством значительную силу, чрезвычайно интересуется итальянским переворотом.

Английское Библейское общество поддерживает, с своей стороны, это протестантское направление, сообщенное эмигрантами, и обе стороны сходятся в чувстве непримиримой ненависти к Риму. Изгнанники стараются уверить английское духовенство, что революция Италии была бы более религиозной, нежели политической, и хитрость эта им удается. В доказательство того приводят, что, при содействии эмигрантов, 10 ООО библий в итальянском переводе посланы из Лондона в Геную для распространения потом по всей Италии. Таким образом, итальянские эмигранты нашли себе сильную поддержку в самых верхних слоях общества. В половине мая изгнанники устроили собрание в одном ресторане на Лейстер-сквере, где все соучастники появились с итальянскими кокардами. Переговоры начались в первом этаже дома, при запертых дверях, и продолжались до поздней ночи. Странным казалось при этом присутствие многих эмигран-

тов, которые из пьемонтских владений прибыли чрез Геную и Францию с сардинскими паспортами.

Наряду с народными протестациями против запрещения воскресной музыки в парках, другое проявление свободомыслия заключается в приготовленном Нижнею палатою адресе королеве, касающемся полного пересмотра перевода библии. Основания этого адреса положены на митинге Английского Библейского института 1 апреля нынешнего года. Адрес этот — за подписью президента Института, Вильсона, и распадается на три части. Здесь излагаются причины ходатайства, зависящие от свойства самого перевода.

Принятый в Англии перевод библии сделан был еще в то время, когда филология находилась в младенчестве (1611 г., в царствование Иакова I). По словам адреса, в простом переводе допущены важные ошибки. В этом может убедиться всякий, кто текст принятого английскою церковью перевода Нового завете сличит с трудами новых библейских толкователей в Англии, например, Самуэля Шарпса, известного египтолога и филолога *.

В сочинении, изданном этим ученым под заглавием Критические * С а м у э л ь Ш а р п е — племянник Самуэля Роджерса, о котором мы говорили уже с читателями. Египетский отдел Сейденгемского хрустального дворца составлялся по указаниям Шарпса.

74?

Замечания на английский перевод Нового завета ('Critical Noies on the Englioch translation of the New Testament), указывается, какими грубыми, совершенно искажающими смысл, ошибками наполнен английский перевод библии.

В «Times» было в последнее время много статей, рассуждавших о Британском музее. Даже парламент, по предложению лорда Джона Росселя и его друзей, занимался этим предметом.

В нумере на 22 мая толковали о необходимости централизации библиотеки Музея и о том, что прочие коллекции требуют более эстетического и приятного на взгляд распорядка.

Библиотека Музея была до сих пор бесполезным складочным местом ученых пособий, хранилищем слитков золота и серебра, драгоценною кассою, от которой ключи потеряны. Там есть все для утоления умственного голода и жажды; но нужно слишком много напряжения, чтобы сорвать плод с этого древа познания добра и зла. Английский формализм и «рутина», всепожирающий сфинкс английской жизни, делают это древо почти недоступным. Но Англия теперь на пути к «реформе» (не к той реформе, впрочем, которая ознаменовала тридцатые годы), и представители власти решились, кажется, строить для искусств и науки дворцы,— строить их с большим вкусом и знанием дела, чем какие заметны в Павильоне Георга IV в Брайтоне или в Национальной галлерее на Трафалгар-сквере.

По словам «Times», новая зала для чтения при Британском музее находится возле нынешнего здания Музея; она окружена длинным коридором и завершается куполом, которого внутренний разрез только на два фута ниже купола Пантеона. «Times» говорит, что этот купол, в сравнении с куполом Пантеона, представляет даже более

выгодное освещение, более привлекательности в плане и более учености в производстве постройки. Для занимающегося в зале соединены всевозможные удобства: каждый посетитель будет получать особый пюпитр, стул, лампу с абажуром и стол, довольно большой для того, чтобы поместить все необходимые книги и карты. Кругом по стенам залы устроятся полки, на которых уставится 35 ООО томов, к этим полкам будут подходить по легким железным галлереям. Все это пространство будет нагреваться самым удобным образом.

Но в прекрасном здании библиотеки, по словам «Times», не будет ни живых красок по стенам, ни произведений живописи и скульптуры, ни лепных украшений. «Лондон — бесцветная столица!» жалобно восклицает газета. «Наш город производит на зрителя такое же впечатление, как ландшафт, нарисованный сепией». В Англии все серо и мрачно — drab-coloured *. Там не умеют придавать полезному красоту и грацию. Теперь там более * Тускло по краскам. — Ред.

743

суровости и простоты во внешности, чем было 150 лет тому назад. Вообще, английские нравы — загадка.

В Лондоне Лонгмон и К 0 издали сборник под названием: «Справочная книга британского консула» (The British Consul's M anual). Книга эта может служить важным пособием для консулов разных наций. Автор ее г. Тузон, секретарь австрийского генерального консульства в Лондоне, с неутомимым терпением перебирал и сличал материалы, касавшиеся этого предмета, и извлек из них наиболее необходимое. Все, что касается прав и обязанностей консула, его общественного положения и отношений к торгующему сословию, все узаконения различных государств по части торговли и мореплавания,— все это изложено в объеме 572 печатных страниц, при чем сжатость не мешает подробности и определительности сообщаемых сведений. Автор приводит имена 87 писателей, трудами которых он руководствовался при составлении своей книги.

Книга начинается историческим очерком происхождения консульств. Отсюда мы узнаем, что первый английский торговый консул был Леонардо Строцци в Пизе (1485 г.); за ним следовали: Чензио де-Менезада Лескес в Кандии (1522 г.) и Бенуа Джустиниани в Окно (1531 г.). Г. Тузон одобряет систему ан-

чили своим консулам приличное содержание и тем избавляют их от необходимости прибегать к 'посторонним занятиям, для добывания себе куска хлеба. Напротив того, германские и австрийские консульства в Америке и Азии находятся в самом жалком положении, при чем способности, степень образования и самые поступки их агентов слишком далеки от того, чтоб внушить тувем -цам уважение к нациям, которые эти агенты представляют.

18 лондонских журналов, в том числе «London Times», «Athenaeum», «Morning Herald»,«Civil Service Office», «Mercantile Gazette», «Journal of Commerce», «Economist» и т. д., отозвались о труде г. Тузона с самой лучшей стороны.

В литературном мире Англии мало замечательных явлений.

Начал издаваться новый ежемесячный журнал: «The London University». Он занимается переводами из Шиллера.

Другие обозрения толкуют о памфлете Монталамберта. хваля, или порицая его, смотря по тому, к какой партии принадлежат. Третий выпуск сочинения Майгью о Лондоне представляет подробное и любопытное описание большой образцовой тюрьмы в Пентонвилле. Малютка Доррит Диккенса тянется без всякой видимой причины, кроме той, чтобы наполнить известное число листов 1.

Диккенс купил себе под летнюю резиденцию Гадсгилль, прославленный Шекспиром.

Появился последний том биографии Томаса Мура, написанной лордом Джоном Росселем.

744

В «Times» помещена статья о представленном проекте железной дороги в Индию. О проекте этом упоминал в Нижней палате председатель Индейского отделения (Вернон Смит). Проект

исходит от лица, пользующегося большим авторитетом, именно от Макдональда Стефенсона, и «Times» говорит об этом предприятии с живым участием. Вот в чем дело:

Дорога будет продолжением среднеевропейских линий и поведет чрез Белград и Константинополь. В Скутари она начнется снова и пойдет в Исмид, оттуда по долине реки Сахарна к Сев-ригиссуру, потом к Аксераю и Куринским горам, далее к верховьям Евфрата, на Багдад и Бассору к Персидскому заливу. «Times» замечает: «Трудности, представляемые местностию, не очень .значительны. Для половины дороги по долине Евфрата материал доста влять будет легко. Насчет возможности выполнения этого проекта почти нет сомнения».

В Бассору послан инженер для съемок, и публика скоро узнает результат его исследовани й.

Проект продолжения линии чрез Индию « И нду «Times» считает тумасбродством. Вражда населения Белуджистана и невежество тамошних жителей представили бы в этом случае, по мнению газеты, еще более серьезные препятствия, чем горы и степи.

Расстояние от Скутари до Персидского залива составляет 1 300 английских миль. По исчислению «Times», построение дороги обойдется в 10 000 фунтов стерлингов с каждой мили. Основываясь на опыте индейского и восточного пароходства, газета ожидает и для дороги успеха, особенно, если это предприятие найдет поддержку в правительстве.

Стефенсон полагает, что построение дороги сократит расстояние между Англией и Индией до семидневного пути.

Содержание, получаемое английскими чиновниками в Ост индии, очень значительно: так, например, губернатору выдается в месяц 10 666 рупий, членам совета (Council) 5 333, старшему

Но, к чести этих лиц, должно сказать, что многие из них, вместо того, чтобы все свои доходы употреблять на прихоти или копить деньги из привязанности к золоту, обращают их в пользу страны, обеспечившей их благосостояние.

Один из таких примеров представляет живущий в Шотландии гражданский чиновник бенгальской службы, который несколько лет тому назад назначил премию в 300 фунтов стерлингов за «лучший опыт изложения индейской философии по системам Веданта, Нжая и Санки я», положил эту сумму в банк гг. Горов в Лондоне и поруками (Trustees) избрал кентерберийского * Рупия равняется 16 германским грошам, или 50 коп. сер.

745

архиепископа и епископов лондонского и оксфордского. Составленная этими лицами испытательная комиссия из двух профессоров Кембриджского университета. Милля и Вевелля, и известного Гораса Геймана Вильсона, профессора санскритского языка в Оксфорде, не признала ни одного из поданных до конца 1854 года сочинений достойным премии, и потому в прошлом году назначен на этот предмет новый срок, который окончится в декабре 1857 года, с тем, что хотя от сочинения и требуется, чтобы оно было написано на английском языке, но к соискательству допускаются не одни уроженцы Великобритании и Ирландии.

В Милане вышел перевод «Потерянного рая» Мильтона, сделанный Беллати *. Попытка эта достойна серьезного внимания, потому что библейско-пуританский характер поэмы нелегко поддается переводу, особенно на итальянский язык. Антонио Беллати не новичок в искусстве переводить. В 1828 году он издал

«Saggio di poesie allemanne» (Опыт германской, поэзии, которого второе издание сделано в Милане в 1832 году). Здесь заключались произведения Гете, Шиллера, Бюргера,-Якоби,

Гёльти, Маттисона, Тидге, Салиса, Уланда, Эберта. Это был прекрасный сборник с биографическими очерками. Но само собою разумеется, что перевод «Потерянного рая» представляется трудом несравненно более замечательным. Беллати долго

борolся с трудностями подлинника, и многие из них победил очень счастливо. Весь тон произведения выдержан прекрасно; стих отличается умеренностию в движении, и если попадаются места тяжелые **, периоды слишком растянутые, то должно вспомнить, что и в подлиннике встречаются периоды по пятнадцати и двадцати стихов; притом же, итальянская поэзия любит вообще некоторую сложность и запутанность в построении периодов. Чтобы дать понятие, в какой степени Беллати успел в своей попытке. сделаем две выписки.

Для примера возьмем сперва то место (I, 283), где описывается, .как сатана приближается к берегу, неся на плечах тяжелый щит, который напоминает собою облик месяца, отражающийся в оптическом стекле Галлилея:

«Gia Io g ran nemico Movea verso la spiaggia; il ponderoso Scado ton do, massicco, smisurato,

D 'eterea tempra avea jjittato a teredo:

Il crand'o;be pendea dalle sue spnlle.

Al a lima simil, qi and e ne cnardn L 'ampio }j-| o')o l'arlcfiee Тоьс-а'.'.о

* Il Paradiso perduto di Miltun, Traduzione di Antonio Bellati. — В прошлом году некоторые места поэмы Мильтона переведены были Маффеи. ** Байрон находил это свойство и в подлиннике поэмы Мильтона;

«A little heavy, but no less divine» (Don Juan, III, 91).

746

Di Fiesole sul colle, od_!n Valdarno La sera a discovrirne entro' le macchie Per virtu di crisialli nuove (erre,

E fiurni, monti»*.

Изображение первой человеческой пары (IV, 295) Лередано им в следующих стихах:

- «Non erano eguali e ditfe.ente Avean col sesso e qualitade e forma:

Egli ad alti pensieri, eg'li al valore Era formato ed ella alla do'cezza,

Ed alla grazia che soave alletta;

Era cre>to l'uom solo per Dio,

Ed ella era per Dio creata in lui**»

* В подлиннике сказано таким образом:

He scarce had ceased when the superior fiend Was moving' toward the shore; his ponderous shield,

Ethereal temper, massy, large, and round,

Behind him cast; the broad circumference Hung- on his shoulders like the moon, whose orb Through optic glass the Tuscan artist views,

A t evening from the top of Fesole,

O r in Valdarno, to descry new lands,

Rivers, or mountains, in her spotty globe.

Т . е.: едва он (Вельзевул) перестал говорить, как сатана направил стопы к берегу, забросив за спину тяжелый, из воздушного раствора, плотный, громадный, круглый щит; обширная плоскость щита, лежавшая на плечах сатаны, походила на месяц, которого диск представляется в оптическом стекле тосканского ученого (Галлилея), когда он вечером делает наблю-

дения с вершины Фезоле или в Вальдарно, желая открыть на запятнанной поверхности светила новые земли, реки или горы.

Бернгард Шуман, издавший в 1855 году немецкий перевод «Потерянного рая» вместе с «Возвращенным раем» (Paradise regnined) передал эти стихи таким образом:

ЬСаиш schwieg er, als der Feinde Haupt dem Ufer Sich zubewegte. Sein gewicht'ger Schild Von Aetherstoff gediegen, breit und rund,

Hieng auf den Schultern ihm, cfem Monde gleichi Naeh dessen Scheibe der toscan'sche Kunstler Vom Gipfel Fieso'e's vom Thai Valdarno Durch das geschliffne Glas am Abend schaut,

Um auf der flock'gen Kugel neues Land Und Strome und Geberge zu endeaken.

*:s В подлиннике говорится:

— thougt both

Not equal; as their sex not equal seemed;

For contemplation he and valour formed;

For softness she, and sweet attractive grace,

He for God only, she for God in him.

Т. е.: хотя они и не представляли между собою сходства так же, как различались полами: он создан для размышления и доблестных подвигов, она для нежности, приятной и привлекательной грации; он сотворен непосредственно богом, она — богом же, но через посредство его.

747

Беллати задает себе вопрос, может ли Мильтон найти теперь читателей, и, кажется, остается в сомнении. Впрочем, Италия до сих пор считается отечеством эпоса, и ни у одного народа нет такого терпения, необходимого для создания эпической поэмы, как у итальянцев, несмотря на их живой характер.

Главные журналы 2 Соединенных Штатов суть те, которые издаются в Нью-Йорке, политической и коммерческой столице Северной Америки.

Первое место занимает «New-York Herald», журнал консерваторов и защитников невольничества. Быв постоянным поборником идей демократической партии, этот журнал ратует нынче против правительства за отказ, полученный будто бы его главным редактором от Пирса, у которого он просил места посланника.

Затем следует «Tribune», принадлежавший некогда радикальной ветви партии вигов, но стремящийся теперь к уничтожению рабства.

«Daily Times» отличается от предыдущего журнала более резким характером своей полемики. Теперешний главный редактор этого журнала, г. Раймонд, был прежде помощником редактора «Courier and Enquirer», Теперь он вице-губернатор штата Нью-Йорка.

«Courier and Enquirer» принадлежит генералу Джемсу Ватсону Веббу. Некогда этот журнал был сильным приверженцем демократической партии; но во время борьбы Джаксона с Банком 3 он отделился от этой партии и сделался главным органом вигов. Когда виги скрылись с политической сцены, Courier перешел на сторону консервативной партии, придерживаясь в то же время католицизма. С тех пор как большая часть консерваторов из вигов поглощены но-нотингами (know-nothings) 4, его убеждения на этот счет несколько изменились.

«Evcnig-Post», выходящий под редакцией поэта Бриантa, ветерана американской журналистики, есть самое старое из нью -йоркских повременных изданий. Он был предан демократической партии до тех пор, когда вопрос о невольничестве привел эту партию в расстройство. Теперь он склоняется к демократическому слиянию.

«Journal of Commerce», сообразно названию своему, есть издание чисто коммерческое. Когда он удаляется от обычной нейтральности по политическим вопросам, то ратует, большею частию, за демократию и протестантизм.

«Express» и «Commercial Adwertiser», принадлежавшие некогда к консервативной партии вигов, поддерживают теперь ту отрасль но-нотингов, которая защищает невольничество. Провинциальные журналы в Соединенных Штатах имеют лишь местное значение. Из этого числа должно, впрочем, исключить те, которые издаются в правительственных резиденциях и 748

которые сообщают самые достоверные отчеты о прениях Конгресса, «Union» есть орган правительства, а «National intelligence» — орган консерваторов.

Замечательно, что умеренная демократическая партия, начиная с 1832 года, почти не находила себе в ныо-йоркокой журналистике официального представителя, хотя было время, когда демократия была господствующим элементом в этом городе.

С другой стороны, один из известнейших журналов Новой Англии, «Boston-Post», прославился именно упорством, с которым защищал демократию в городе, проникнутом вигизмом, и начало рабства посреди населения, противного невольничеству. По поводу размолвки между Англией и Северо-амер»кан-скими штатами оба государства старались, посредством газетных статей, показать свету, какими средствами они располагают на случай войны.

В этом отношении любопытны, между прочим, следующие статистические данные о разных штатах Союза.

Население штатов, по новейшим исследованиям, составляло: 749

3 ОЭ0 987 7 339 047

. . . . 3 952 837 4 202 418 . . . . 4 303 522 5 045 761 . . . 5 397 518 6951713 327108

. . . . 92298 189 126 58127

23329716 27114 287

Народное богатство подразделено таким образом: ю с а

1850 1855 доллары доллары

.....1012 986102 1178 098747

2387 491021

Ю жно-атлантические штаты . . . .

.....1266 552 334 1304128824

.....1252 873 948 1639126449

.....679404 529 1 926 515 811

.....21 923173 56 982 320

..... 11486116 19750000

23 000000

5 854 666 886 8 535 093172

В сложности, приращение народонаселения и богатства уси-швалось по направлению к западу, в следующей пропорции: Нассленіз Богатство »

»

»

Торговля Союза с Британской Америкой представляла слС' дующие цифры:

Годы В hi поэ. Дохдоры Привоа. Доллоры

1851 ..... 12014923 6 693122

1852 .....10 509 016 6110229

1853 ..... 13140642 7 550718

1854 .....24556924 8 928560

1855 ..... 27806020 15136784-

Большая часть торговли производилась с Канадой, так что в 1855 году вывоз туда простирался до суммы 18 720 354 дол -лоров, а привоз оттуда представлял цифру 8 142 314 дсллоров ".

С И З № 8 «СОВРЕМЕННИКА» >

Казимир Бонжур. — Г-жа Ж ирардень.— Новые французские книги. — Д ея-тельность Германии по части теории искусства. — Новый журнал Ш азлера.— Книга Цана. — Жары и запустение в Лондоне. — Новый проект для отыскания Франклина. — Объяснение китайской революции.

Французская драматическая литература понесла потерю в лице г. Казимира Бонжура, пользовавшегося когда-то известностью. Казимир Бонжур был прежде учителем, а потом поступил на службу в Министерство финансов. Здесь он написал первую свою пьесу Мать-сопернии,а (La mere rivale), которая, точно также, как и другое произведение его — Деньги (L'Argent), отзывалась чиновничьим слогом. В Счастливом муже (Le Mari a bonnes fortunes) представлялось уже больше живости, более яркого дарования, что заставило начальство автора предположить в нем неспособность к служебным занятиям. По выходе в отставку он написал еще пять или шесть пьес, которые не оправ-

дали, впрочем, общих ожиданий. Когда наступила революция 1830 года, Казимиру Бонжуру, сделавшемуся известным не столько своим талантом, сколько по случаю принужденной отставки от службы, предложили место префекта, от которого он, однажо, отказался. Он довольствовался должностью библиотекаря, в которой и кончил жизнь. В последние годы он дал свету заметить о своем существовании изданием романа Несчастие богача и Счастие бедняка (Le Malheur du riche et le Bonheur dll pauvre). Попытки его поступить в Академию оставались без успеха.

Недавно появился в печати сборник журнальных статей, написанных по случаю смерти г-жи Жирардень; но в это издание не вошло лучшее сочинение об этой писательнице, автор которого, г. Таксиль Делор, известен в области легкой, фельетонной литературы.

* «Allgemeine Zeitung*), « Athenaeum1), ('Independance Belge1», «Revue В rita-nique'», «Revue des deux Mondes»), «Illustration» и пр.

750

Вот что говорит он, между прочим, о деятельности г-жи Жирардень: «Мудрено найти в нашей литературе что-нибудь более трудное для выполнения, чем эта ежедневная история нравов, театра, идей, мод и удовольствий утонченного общества. Ничто не тре бует от ума п исателя стол ько прони цательности, легкости и вместе глубины, как подобная работа. И продлить существование этих мимолетных заметок, описывающих так называемую современность, долее минуты, видевшей их рождение, значит осуществить одну из труднейших литературных задач».

По поводу сочинения г. Чихачевд: Климатологические изыскания в Малой Азии, и записки об отом труде, поданной г. Бе -

керелем в Парижскую Академию наук, был обсуждаем вопрос об истреблении лесов. По указаниям автора, истребление лесов в Малой Азии понизило там среднюю температуру лета, возвысило 'Среднюю температуру зимы и было причиной появления

болот. Это заключение подкреплено множеством фактов. Но для правильного определения последствий, могущих произойти от истребления лесов, необходимо сообразить многие топографические условия, так как в двух разных местностях уничтожение лесов может сопровождаться диаметрально противоположными явлениями. Таким образом, вопреки примеру, приводимому г. Чихачевым, может случиться, что от оскудения лесов лето сделается более сухим и жарким, а зима более холодною, так что обнажение почвы земли повлечет за собою более значительную разницу между крайними температурами лета и зимы. Относительно большей или меньшей влажности почвы, уничтожение лесов ведет также к весьма различным результатам. Говоря вообще, леса защищают почву от солнечных лучей, которые теряются в густой листве, позволяют парам сгущаться в тени дерев и, таким образом, сохраняя влажность, поддерживают растительную силу.

Г. Буамон, которого физиологические и психологические исследования пользуются большою известностью, издал недавно книгу, в которой излагает собранные им данные о статистике самоубийства *.

В предисловии к этой книге он говорит:

«Рассмотрев примеры самоубийства в древности, в средние века и в нынешнее время, мы приходим к следующему заключению: 1) Время отдаленной древности, по свойству господствовавшего тогда религиозного и философского учения, имевшего характер пантеистический, в особенности содействовало развитию самоубийства; 2) напротив того, в средние века, утверждение религиозных чувств и философского спиритуализма много Du"Suicide ci <!e !a Folie .Suicide». Par Л. Bricrre de Boismont. Paiis Bailliere.

75J

способствовало ограничению самоубийства; 3) в .новейшие времена возрастающее неверие, скептицизм и равнодушие дали опять толчок развитию этого преступления».

По указаниям автора, число случаев самоубийства представляло с 1834 по 1843 год следующие цифры: во Франции — мужчин 17 904, женщин 6 969, всего 24 873; в Париже — мужчин 3 215, женщин 1 380, всего 4 595. Самоубийцы в Париже подразделяюсь, относительно средств к существованию, следующим образом: богатых было 126; людей достаточных 571; зарабатывающих себе насущный хлеб 2 ООО; людей стесненных в средствах 256; разорившихся 159; бедных 1 173; не приведенных в известность 310.

Вопреки общепринятому мнению, число самоубийств в течение летних месяцев превышало число подобных же случаев в зимние месяцы. Из 4 595 самоубийств 1 491 совершены в первые четыре месяца года, 1 837 во вторые четыре месяца и 1 267 в остальные четыре месяца.

Но кроме того, что самоубийцы выбирают для прекраще ния своей жизни лучшую пору года* они большею частью совершают это преступление не ночью, а при дневном свете. Из 4 595 самоубийств в Париже 2094 были совершены среди белого дня, 766 вечером, 658 ночью; об остальных же 1 077 не собрано удовлетворительных данных.

Г. Буамон представляет ряд таблиц, доказывающих, что число случаев самоубийства во Франции и особенно в Париже и

других больших городах постоянно увеличивается.

Повторение примеров самоубийства в более значительной пропорции против возрастания народонаселения не подлежит, по мнению автора, никакому сомнению.

В числе различных причин, способствующих развитию самоубийства в Париже, одну из главных автор относит к биржевым спекуляциям. Эта спекулятивная игра чрезвычайно увеличилась со времени уничтожения правительством публичных игорных домов.

Вообще, книга г. Буамона проливает яркий свет на одну из печальных сторон жизненной статистики.

В то время, как чисто-литературная деятельность Германии находится в застое и не производит вовсе замечательных творений поэтических, романов и театральных пьес, в Берлине процветает отдел истории и критики искусства. Довольно назвать ученые

статьи Франца Куглера, этюды Ваагена о художниках Англии и Франции, Историю архитектуры Вильгельма Любке,

Письма об искусстве (Kunstlerbriefe) Гуля, труды и лекции Кисса, чтобы дать понятие, какую высокую степень эстетическая литература занимает в столице Пруссии. Между тем, посреди этой пытливой деятельности, недоставало только издания, которое служило бы посредником между трудами ученых и герман-752

ской публикой. Недостаток этот решился восполнить молодой писатель Макс Шазлер, близко знакомый с историей живописи и следивший за всем, что касалось деятельности и направления современных школ. Отсутствие политического единства, заставляющее Германию, в случае кризиса, беспокоиться за свою самобытность, приносит ей много пользы в отношении умственной деятельности. Благодаря существующей организации Германии, там нет почти ни одного сколько-нибудь значительного города, в котором не было бы первостепенных артистов; притом, каждый город отличается самобытною деятельностью. К несчастию, эти артисты слишком изолированы друг от друга, слишком чужды один другому, школы не обмениваются мыслями и добытыми данными, в особенности публика недостаточно посвящена в занятия профессоров и учеников; а потому, когда предстоит случай издать какое-нибудь капитальное творение, Германия как будто бывает к тому не приготовлена. Например, если бы во время Парижской всемирной выставки в Берлине или Мюнхене нашелся довольно значительный журнал, который вызвал бы артистов на соревнование, если бы художники нашли для себя поощрение в литературе, то, конечно, германский отдел выставки представил бы совершенно другие результаты. Диоскуры *, сборник, издаваемый г. Шазлером, будет иметь це-лию исполнение именно подобных обязанностей. Он поставит себе задачей сближать различные школы, сличать произведения искусства, обращать внимание публики на все замечательное, выводить наружу неведомые сокровища, одним словом, вносить в область искусства жизнь, одушевление. Он обещает также заниматься промышленностию и отношениями ее к искусству рисования. Таким образом, издание г. Шазлера будет руководить публику в изысканиях по части искусств и в самом наслаждении художественными произведениями. Этого сборника вышло уже нескол ько тетрадей.

Назад тому лет тридцать, Вильгельм Цан предпринял издание огромного труда о живописи в Помпее, Геркулануме и Ста-биях. Будучи молод и страстно предан своей работе, Цан поселился в тех самых местах, которые избрал предметами своих ис

следований: он провел там двенадцать лет, и плодом его усилий явился замечательный труд, который он только что окончил.

Когда первые выпуски его появились в 1828 году, Гете приветствовал их с энтузиазмом. Обратив на это издание общее внимание Веймара, Берлина, Иены и всей северной Германии, Гете написал о нем „ статью в Венских летописях, и покровительство, оказываемое им автору, чрезвычайно ободряло его посреди трудов. Вообще, издание Цана было одним из тех немногих пред* «Die Dioskuren». Zeitsehrift fur Kunst. Kunstindustne und kunstlenches Leben, von Dr. Max Schasler. Berlin. 1856.

48 if. Г. Чернышевский , т. ИГ 7 5 3

метов, которые возбуждали в дряхлом уже поэте довольно сильную симпатию. Коллекция писем Гете к Цану составила бы целый том; последнее из них адресовано в Неаполь от 10 марта 1832 года, за двенадцать только дней до кончины знаменитого писателя.

Сочинения Цана изданы под следующим заглавием: Лучшие украшения и замечательнейшие картины в Помпее, Геркулануме и Стабиях, с очерками и рисунками *. Г. Цан вместе и археолог и живописец; его оживленные снимки с произведений древнего искусства сопровождаются объяснительным текстом на немецком и французском языках. Притом, у автора много изобретательности. Чтобы вернее передать характер помпейской живописи, он придумал отпечатывать рисунки вместе с красками, и рисунки эти даже теперь возбуждают удивление в знающих людях.

А. Гумбольдт, вполне умеющий оценивать всевозможные произведения ума, старался выставить важность изобретения Цана; Парижская Академия художеств также выразила ему свое полное сочувствие. Цан подразделил свой труд на три части, из которых последняя только что окончена. Первая, заключающая в себе около сотни рисунков, появилась между 1828 и 1829 годами,

вторая между 1841 и 1845, третья начата в 1848 году.

Рассматривая произведение Цана, всякий поймет восторженность Гете: нельзя не удивляться красоте, значительности и идеальному величию картин, списанных автором. Римская живопись, столь мало известная нам, является тут со всеми своими сокровищами. Здесь глазам зрителя представляется целый музей изящных произведений. Подобное издание займет почетное место во всех больших библиотеках. Впрочем, труд Цана, по самому существу своему, не может тотчас же рассчитывать на большую популярность, хотя рано или поздно, конечно, найдет доступ в массу публики.

Лондон сильно страдает от летних жаров и удушливой атмосферы. Среди общего запустения и пыли, почти единственный привлекательный уголок представляет Сейденгемский хрустальный дворец. Выставка цветов, бывшая там в нынешнем году, уже два раза собирала вокруг себя десятки тысяч зрителей. Растения, воспитанные заботливостию страстных любителей и искусных садовников, великолепные азалии с пунцовыми и белыми цветами, фантастические гераниумы, носящие имена Коб-дана и Кассандры, аэриды (ofine rubra), эпидендры и розы всевозможных сортов обратили внутренность дворца в самый счастливый оазис. К цветочной выставке присоединялась выставка плодов, где виднелись виноградные лозы, душистые ананасы (p'ne apphs), персики и проч.

* Die s:honslen Orna ncnte un I insrkwurdisf.sten G?inalde mis Pompeji. Hercu-lanum und Stabiae, nebst einijren Grundrisscn und Ansicliten», von Wilhelm Zahn. Berlin, 182B–1836,

75-1

Прелесть этих даров Флоры и Помоны возвышалась еще более присутствием большого общества самых изящных, самых

Монументальных изменений внутри дворца почти совсем нет, и памятники, поставленные там в честь мира, сделаны из картона, хотя и представляют гранит.

Первому лорду казначейства подана от имени людей, пользующихся большим значением, записка, в которой они ходатайствуют о дозволении предпринять новые поиски за остатками кораблей Lrebus и Terror, на которых, как известно, Франклин, вместе с своим экипажем, оставил Англию. Вот что сказано, между прочим, в этой записке:

«Оставаясь в убеждении, что корабли ее величества Erebus н I error, или их остатки, затерты льдами на небольшом расстоянии от того места, где найдены доктором Рэ некоторые вещи, принадлежавшие сэру Джону Франклину или людям его экипажа, мы, нижеподписавшиеся, почтительно просим вас, милорд, разрешить отправить экспедицию, с целию поддержать честь нашего отечества и разъяснить тайну, во-збудившую сочув* ствие образованного мира.

Это предположение поддерживается многими из людей, производивших арктические изыскания. Видя, что настоящая экспедиция ограничится известным, определенным пространством, они убеждены, что проект удобоисполним и не сопряжен с большими пожертвованиями.

Мы никак не думаем, чтобы британское правительство, оказавшее так много стараний при отыскании пути, по которому ехал Франклин, прекратило свои исследования теперь, когда определена уже местность, где должны находиться корабли или их остатки,– тем более, что подобные исследования прольют новый свет на географию арктических стран и рассеют мрак, которым покрыты еще странствования и судьба наших соотечествен-

Хотя большинство пришло к заключению, что из экипажа Франклина не осталось в живых ни одного человека, но есть также люди с авторитетом, которые держатся про.тивного мнения.

Впрочем, оставляя в стороне рассуждения и переходя прямо к вопросу о возможности отыскать корабли экспедиции Франклина или следы существования этих кораблей, заметим, что ни экспедиция вниз по Бак-Рейверу, ни экспедиция, достигшая недавно острова Монреаля, не могут удовлетворительно выполнить тот план, который у нас в

виду. Непрочность лодок из березовой коры, на которых г. Андерсон производил свои изыскания, опасности, представляемые рекою, бесплодие страны, окружающей ее устье, и неизбежный недостаток съестных припасов не позволили даже начать должным образом исследование, 48* 755

которое может быть удовлетворительно выполнено лишь экипажем военного корабля, не говоря уже о моральном влиянии вооруженного отряда, который будет находиться по соседству, пока туземцы не заслужат полной доверенности.

Многие исследователи арктических стран выразили убеждение, что, вероятно, есть несколько дорог, по которым винтовой корабль мог бы так близко подойти к месту, что совершенно устранил бы всякое сомнение.

Не осмеливаясь утверждать, который именно из этих планов должен быть принят в руководство, мы просим вас, милорд, разрешить без замедления такого рода экспедицию, которая, по мнению Комитета арктических путешественников и географов, могла бы всего лучше соответствовать предположенной цели. Если Франция, после напрасных усилий узнать что-либо верное

о судьбе Лаперуза, лишь только услыхала, что открыты вещи, принадлежавшие этому путешественнику, как немедленно снарядила особую экспедицию для собрания всех предметов, принадлежавших его кораблям, — то мы уверены, что арктические исследования, сделавшие столько чести нашему отечеству, не будут оставлены в ту именно минуту, когда разъяснение странствований и судьбы наших потерянных мореплавателей, повидимому, уже в наших руках.

В заключение мы просим, чтобы настоящее предприятие, которое всего успешнее могло бы быть выполнено британским правительством, не было отдано на руки посторонним людям другой нации, или вдове оплакиваемого нами собрата».

В вышедшей недавно книге Томаса Тейлора Медоуза * заключается много любопытных сведений о Китае, и данные, сообщаемые здесь, носят на себе печать несомненной истины. Автор начал изучать китайский язык с ноября 1841 года. В продолжение десяти лет с половиной он исправлял должность переводчика в Кантоне и Шангае и был посылаем с особыми поручениями сперва на острова Лучу, а потом в экспедицию, для исследования движений таэ-гинпских мятежников, близ Нанкина. Тут ему представился благоприятный случай ознакомиться с нравами и обычаями народа, который занимает «Срединную империю» и составляет численностью своею третью часть всей человеческой семьи. Притом же, автор — самобытный мыслитель: он не довольствуется собиранием фактов, а, распределяя и сличая их друг с другом, выводит из них новые идеи.

Сочинение, которое рассуждает о философии, нравственности и тому подобных серьезных предметах, конечно, не предназна-* The Chinese and their Rebellions, viewed in connection with their National Philosophy Ethics Legislation and A dm inistration. To which is added and Essay

756

чается для поверхностного чтения, но в книге г. Медоуза встречаются уже слишком длинные и запутанные периоды; изложение иногда тяжело, подобно умствованиям германских метафизиков, попадаются новые, нарочно выдуманные слова (напр, ci -vilisade, Occidentals, barbarization), которых гораздо благоразумнее было бы не употреблять вовсе.

За всем тем, несмотря на эти недостатки, книга Медоуза заслуживает быть прочитанною всяким, кто желает получить верное понятие о народном характере китайцев.

Чтобы понять нынешнюю китайскую революцию, нужно изучить национальные свойства китайцев. Китайцы признают основное начало — вечный закон, методу или необходимость, которые предшествовали появлению всего вещественного. Этот закон действует ломощью двух орудий — Янг, положительного вещества, и Ин, отрицательного вещества; от совокупного действия этих двух веществ рождаются пять стихий и четыре времени года, а от взаимного влияния стихий и времен года происходит все существующее в видимом мире.

Далее, есть духовное, бестелесное начало, называемое Ли.

Слово это означает управлять; оно выражает душу материи – господствующее начало вселенной, в человеке указывает на разум. В каждом человеке заключается особый Ли, который есть составная часть Ли, управляющего вселенной, подобно тому, как мельчайшие капли воды суть составные части океана.

Говоря обыкновенным языком, китайцы убеждены, что вселенная существовала от вечности и что хотя она подвержена постоянным изменениям, но не может быть окончательно разру-ное начало, с которым не соединяется, впрочем, идея о личности. Они не признают божества и, рассуждая о небе и небесной воле, разумеют тот же неизменный закон или начало, о котором было упомянуто выше. Этот закон исполняет все обязанности божества, потому что, будучи сам по себе абсолютною истиной и совершенной гармонией, он требует, чтобы человек поступал совершенно сообразно с его действиями, и тогда человек бывает вполне добродетельным. Тот же самый закон за нарушение своих предначертаний наказывает злополучием и лишениями, сопровождающими человека на пути к пороку. Таким образом бедствия служат доказательством, что великий закон, деятельность которого выражается в совершенной гармонии и мире, нарушен. Из этого китайцы выводят следующее заключение: «Если благоденствие народа служит убедител ьным доказател ьством, что п равител ь-ство его есть орудие или провозвестник небесной воли, или вышеупомянутого закона, то, наоборот, несчастия и злополучие народа доказывают, что правительство действует не в духе закона». Вот почему автор мог сказать с полным правом: «Из всех народов, достигших некоторой степени образования, китайцы наименее 757

способны произвести революцию и наиболее склонны к возмущениям».

Революция суть противодействие и зв е с т н ы м началам, а китайцам нет дела до их правительственных начал. Между тем, мятеж восстает против людей, и как засухи, эпидемические болезни, землетрясения, войны, грабежи, – одним словом, всевозможные бедствия, зависящие от естественных или социальных причин, убеждают китайцев, что их правительство оскорбило верховный закон, то возмущение получает в их глазах совершен-

ное оправдание. Вот почему настоящим беспорядкам в Китае нельзя даже предвидеть конца. Хотя маньчжуры, как чуждое племя, никогда не пользовались популярностью в Китае, но главною причиною возмущения и беспорядков была несчастная война с Англией, распространившая пламя раздора до Кванг-си и внушившая Гунг-тси-сейену надежду возродить Китай.

В истории обращения китайского реформатора и первых подвигов его есть много сходства с тем, что рассказывалось о Магомете. Подобно арабскому пророку, Гунг-тси-сейен, повидимому, человек с нежным нервическим телосложением и характером, склонным к мечтательности. Его так же, как и арабского пророка, посещали видения, и в продолжение нескольких лет немногие приверженцы его состояли лишь из членов его семьи.

Г. Медоуз считает его и других «поклонников бога» за людей, поступающих по убеждению, и полагает резкое различие между их сочинениями, основанными на протестантском переводе библии, и позднейшими сочинениями других реформаторов, исполненными ненавистного богохульства. Гунг-тси-сейен и его друг Ли обратились в христианство и крестились летом 1843 года. Осенью 1850 года новая секта пришла в столкновение с правительством и приняла воинственный вид.

Начиная с октября 1850 по март 1853 года, тае-пинги составляли одну армию и переходили из места в место, постоянно разбивая императорские войска, разрушая город за городом, но не занимая никакой постоянной позиции. Таким образом, они проникли на север чрез провинции Кванг-си, Гу-нан и Гу-пиг. Завоевания их тщательно обозначены на карте, которая приложена к книге. 19 марта 1854 года мятежники взяли Нанкин и умертвили 20 000 маньчжуров, составлявших городской гарнизон.

С этого времени они заняли постоянную позицию, захватив

южную столицу и центральные области Китая, именно, большую часть провинций Гу-нана, Гу-пига, Кинг-си и Гвуй-гванга, где они остаются до сих пор. Обладание Чин-Кингом предоставляет им владычество над Большим Каналом; в то же время они безотчетно распоряжаются на Янг-це-кинге, или Большой реке, на несколько сот

миль по ее течению; кроме Нанкина и других больших городов, Ву-чанг, величайший город в Китае, также находится в их власти. Армия, которую они послали к северу про-758

тив Пекина, достигла Тсинг-гае, в семидесяти пяти милях от столицы, но была прогнана оттуда армией маньчжуров и диких монголов.

По понятиям китайцев, в пользу мятежников говорят, во-первых, их первоначальные успехи, во-вторых, жестокости, которыми маньчжуры ознаменовали свое владычество.

Китайцы думают, что человек по природе своей добр и непорочен, потому что существо его есть результат великого закона и находится в гармонии с ним. Притом Ли, или ум, есть правящее начало материи и человека в особенности. Потому люди должны быть управляемы на основании рассуждений, доступных уму, а не помощию жестокостей, разрушающих тело. Если правитель жесток, то он этим самым подписывает свой приговор; а маньчжуры своими варварскими истязаниями нарушали этот основной закон управления.

Какой бы ни был исход этого возмущения, автор все-таки не советует посторонним государствам вмешиваться в дела Китая.

Если тае-пинги, действительно, достойны независимости, то они, без сомнения, завоюют ее

*, Athenaeum, AUgemeine Zeitimjr, Inde, etulance Belge, Illustration, Revue des deux Mondes, W estminster Review.

ВАРИАНТЫ «ОЧЕРКОВ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА»

В критических статьях, или лучше сказать статейках Пушкина (статейках, говорим мы, потому что почти все они очень невелики по объему) всегда блещет тонкий и верный вкус великого нашего поэта. Иначе и быть не могло: как ни важно участие бессознательного элемента в поэтическом творчестве, как ни достоверна всеми ныне признаваемая истина, что без этого элемента непосредственности, составляющей сущность того, что называется талантом, невозможно быть великим поэтом, но равно достоверно и то, что при самом великом даре бессознательного творчества поэт не произведет ничего великого, если не одарен также замечательным умом, сильным здравым смыслом и тонким вкусом.

То же самое, что о критических статьях Пушкина, надобно сказать и о журнальной деятельности людей, составлявших его литературную партию. Все эти деятели нашей критики отличались вкусом, подобно ему, как и вообще походили на него многими прекрасными чертами своего литературного характера, — например, готовностью отдавать должное каждому, с благородною нелицеприятностью.

Таким образом, Пушкин и его сподвижники владели двумя важнейшими качествами, нужными для того, чтобы оказывать сильное влияние на мнения читающей публики. И однако же публика продолжала преимущественно поддаваться влиянию других суждений, — каковы были эти господствовавшие мнения, мы старались показать подробными характеристиками 'критической части журналов, предшествовавших эпохе .приобретения «Отечественными записками» полного господства в литературе, или

в качестве продолжателей прежней эпохи, усиливавшихся отстоять хилеющие направления против литературных мнений этого журнала. Не может быть и сомнения в том, что Пушкин и его сподвижники понимали литературные явления тридцатых годов гораздо вернее, нежели судили об этих явлениях журналы, мнения которых мы характеризовали. Почему же эти верные по -760

пятня не приобретали господства в литературе и массе публики? Ответ готов у каждого читателя: журнал, бывший органом пушкинского направления в критике, был слишком мало известен публике, как довольно мало известна ей была и «Литературная газета» Дельвига, предшествовавшая этому журналу, «Современнику» 1836— 1846 годов. Подробное объяснение этого явления, по самому заглавию наших «Очерков», лежит вне пределов нашей задачи, оно относится к истории пушкинского направления в нашей литературе; потому из многих причин этой малоизвестности кратко укажем только одну, касающуюся специально критической части этого журнала. Для быстрого распространения каких бы то ни было мнений в публике необходимо высказывать их настойчиво, упорно, громко, с жаром увлечения,

неутомляющегося скучными для самого критика повторениями и распространениями, не пренебрегающего ни подробным разбором книг и статей, которые важны только по своему значению для публики, а не по внутреннему интересу для искусства, ни спорами с людьми, вступать в споры с которыми вовсе не приятно и не почетно. Одним словом, критика, как всякая общественная деятельность, имеет много сторон, тем более полезных для публики, чем неприятнее они для самого деятеля. Критик, который хочет сохранить в своей деятел ьности стол ько же внутре ннего довол ьства п редметом своих рассужде ний, скол ько может сох ранить его ученый, стол ько же

гордого спокойствия, сколько может сохранить его поэт или беллетрист, – такой критик пишет для немногих. Пушкин и его сподвижники знали это; они не хотели писать для большинства, для так называемой массы публики, и довольствовались спокойным сочувствием избранных читателей, думая, что качество вознаграждает за количество. Это было ими положительно высказываемо много раз.

Таким образом, несмотря на несомненные достоинства критики пушкинского направления, она не имела – потому что не хотела иметь – обширного влияния. Кто вздумал бы писать историю развития литературных мнений не в обществе, а в кругу дилетантов, который довольствовался тихою и замкнутою для остальной массы общества жизнью, тот нашел бы много материалов для отрадного и светлого в критической деятельности этого избранного круга; нашел бы, что многие истины, введение которых в сознание большинства совершилось только после жестокой борьбы, всегда признавались школою Пушкина и тихо разливались чрез ее критику в избранном кругу. Это составит прекрасный эпизод будущей истории нашей литературы. Мы теперь собираем материалы только для одной главы, если можно так выразиться, – для главы «о распространении справедливых литературных идей в массе публики»; отрадный эпизод о пушкинской критической школе лежит, как видят читатели, вне пределов нашей задачи и без того уже слишком обширной; мы могли только вскользь упо -761

МЯНуть о нем и неохотно покидая журнал, беглый анализ только двух статей которого уже обнаружил нам в конце предыдущей статьи столько верных и благородных воззрений на литературу, мы должны остановиться на другом журнале, который был для массы публики первым распространителем господствующих ныне

понятий о русской литературе.

Читателям известно, что эта заслуга принадлежит критике, которой органом были в течение семи лет (1840– 1846) «Отечественные записки», потом около года наш журнал, и о которой потом -затерялся слух. Мы будем говорить о ней, следовательно преимущественно об «Отечественных записках», которые долго и славно единовластительствовали в русской литературе. Читателям известно, что отношения «Отечественных записок» к вашему журналу были не всегда дружелюбны, или, лучше сказать, постоянно недружелюбны. Полемика доходила иногда и до совершенной враждебности. Но читатели конечно должны ожидать, что в t < i m отделе «Очерков», к которому мы теперь приступаем, не найдут ни малейшего отголоска этих отношений: мы пишем не историю журнальной полемики,– следовательно неуместно было бы обращать здесь (внимание на споры, не имевшие влияния на характер мнений, происходившие от причин чисто случайных. Притом же, эта полемика относится ко времени, которого мы здесь не касаемся, ограничиваясь блестящею эпохою «Отечественных записок», когда в этом журнале соединялись труды всех тех людей, которые после разделились между «Отечественными записками» и «Современником». После 1847 года, русская критика вообще заметно ослабела: она не шла уже впереди общественного мнения,– она была счастлива, если успевала быть хотя поздним и хотя слабым отголоском его; она не имела влияния, она подвергалась влиянию,–потому вовсе не имеет той важности для истории литературы, как предшествовавшая ей критика 1840– 1847 годов, которая одна владела огромным влиянием, одна сохранила доселе свою жизненность; все остальные направления в нашей критике последних двадцати лет были тунеядными растениями, возник

шими на ее почве, из нее заимствовавшими всю свою жизненную

силу, если обладали некоторым призраком жизни; все, что явилось в нашей критике вне ее, было пустоцветом; потому одна она должна называться критикою и ей одной принадлежит имя «критики гоголевского периода нашей литературы»,–пусть же это название, при отсутствии собственного имени, будет служить ей собственным именем.

Стремления критики 1840– 1847 годов, или как мы согласились называть ее, критики гоголевского периода, кажутся нам, как и всякому здравомыслящему человеку настоящего времени, вполне справедливыми; мы все привязаны к ней горячею любовью преданных и благородных учеников. И если каждый из нас, – каждый человек, любящий свою литературу и следивший 762

за ее развитием, признает, что это «мы» относится и к нему, – если у каждого из нас есть предметы столь близкие и дорогие сердцу, что говоря о них, он старается наложить на себя холодность и спокойствие, старается избегать всяких выражений, в которых выражались бы его чувства, наперед уверенный, что и при всей возможной для него холодности, речь его будет очень горяча; если, говорим мы, у каждого из нас есть такие дорогие сердцу предметы, то критика гоголевского периода занимает между ними, наравне с Гоголем, одно из первых мест. Потому -то говорить о ней мы будем как можно холоднее: в настоящем случае нам ненужны и почти противны восклицательные знаки и восторженные фразы: есть такая степень уважения, преданности, сочувствия, любви, когда всякие похвалы отвергаются, как нечто невыражающее всей полноты чувства, как нечто неуместное, излишнее.

Будем же говорить самым холодным тоном; потому что дело идет о слишком дорогих для нас предметах.

До последнего времени, люди, писавшие о нашей литературе, не отдавали должной справедливости заслугам Надеждина. О нем говорили очень редко, да и то вскользь, и почти всегда эти беглые отзывы были неблагоприятны ему. Только в прошедшем году заговорил о нем наш журнал. Излагая историю развития понятий о значении Пушкина, мы объясняли основания, по которым Надеждин, писавший в 1828– 1830 годах под именем экс-студента Надоумко, произносил строгий приговор всей тогдашней литературе. Это был едва ли не первый голос в защиту энергического критика, многими забытого, всеми другими осуждаемого. Тогда мы не нашли себе товарищей в деле восстановления доброй памяти этого имени. И когда, назад тому три месяца, во второй статье наших «Очерков» мы упоминали о нем, наш голос попрежнему оставался единственным, возвышающимся в честь ему. Не думали мы тогда, что смерть осуждаемого и полузабытого писателя так скоро явится печальною восстанови-тельницею общего уважения к нему в нашей литературе. Теперь нет нужды защищать его: все соединились в похвалах умершему, которого не чтили при жизни. Прекрасная статья о нем, напечатанная в № 5 «Русского вестника» г. Савельевым, встречена общим одобрением и сочувствием... жаль только, что хвалы не проникают в могилы.

Если бы здесь должно было представить полную оценку всей многосторонней ученой деятельности Надеждина, мы отказались бы от такой задачи, превышающей силы не только наши, но и каждого отдельного человека из нынешних наших писателей или ученых. [Есть многие отрасли знания, в которых у нас не най-763

дется ученого, равного ему специалиста, равного] [По многим

отраслям]. [Много могли бы мы перечислить отраслей науки, в каждой из которых не найдется у нас специалиста, равного ему обширностью знаний. А в нем эти знания, которых достало бы для пр>юбретения ученой] [А он, кроме того, что знал, был один первым специалистом по этим наукам] [глубоко изжил еще], [совершил по многим другим труды, которыми двинуты] [из которых каждым двинул вперед] [расширил область знания]. Богословие и церковная история, философия, эстетика, политическая история, литературы всех народов, русская история, классическая и славянская филология, археология, – десятки других отраслей знания были глубоко изучены им. По многим из этих наук, мы не имеем равного ему специалиста, по всем другим он был равен первым нашим специалистам обширностью и глубиною знаний, по каждой из них оставил труды, которые или подвинули вперед ее знание в России, или подвинули вперед самую науку – последнее должно сказать почти о всех отраслях науки, касающихся России. Если исполнится высказанное многими желание, чтобы издано было полное собрание его сочинений, мы увидим, что их изучение...

(Н а этом рукопись обрывается).

III

Условия, в которых действовала критика гоголевского периода, были, как видим, столь новы, что по необходимости возлагаемой самою сущностью дела, она должна

была раскрывать собою для нашего литературного сознания совершенно новое содержание, Понятия, на которых она должна была опираться, факты, о которых должна была судить, до такой степени превышали своею глубиной и значительностью все, о чем прежде могла говорить русская критика, что опять по необходимости должны были померкнуть и исчезнуть в наших глазах все предшествовавшие ей периоды нашей критики, как [слишком] маловажные в сравнении с нею. Если б было иначе, это значило бы, что у нас в гоголевский период не было критики, соответствующей требованиям времени, достойным образом исполняющей свое назначение. Она была, исполнила свое назначение достойным образом, – и действительно, в этом роде никогда еще наша литература не имела ничего подобного ей по могуществу и блеску. Но если положение, приготовленное для критики гоголевского периода развитием нашей литературы, было очень выгодно, то и Требования, возлагаемые на нее этим положением, были очень значительны: нужны были огромные силы, чтобы удовлетворять им. Но дело известное, что у истории никогда не бывает недостатка в человеке, какого требуют обстоятельства. Потому нашелся и тогда человек, какой бмл нужен для русской критики.

764

Человека этого – будем называть его автором статей о Пушкине – невозможно не признать гениальным. Мы не слишком щедры в употреблении этого эпитета. Гениальных людей на свете до сих пор известно очень немного. В людях с самыми блестящими, повидимому, качествами ума оказываются большею частью признаки некоторой ограниченности, не в том, так в другом отношении. Исключений мало; и, например, в новой русской литературе их не более двух: кроме указанного нами человека, Гоголь – и только. Вероятно, Кольцов стал бы третьим в этом ряду, если бы прожил долее, или обстоятельства позволили его уму развиться ранее. Гениальный человек производит на вас впечатление совершенно особенного рода, какого не производят самые умные, самые даровитые из других людей: вы видите в нем такой ум, которому ясны самые трудные вопросы, который даже не замечает, что в них есть трудность. Когда он говорит,

и для вас становится ясно и просто все; вы дивитесь не тому, что

он разрешил вопрос, а тому, что вы сами не разрешили этого вопроса без всякого труда: ведь стоило только взглянуть на дело простыми, вовсе не мудрыми глазами. Камень летит к земле, стало быть земля притягивает его к себе – и открыт закон тяготения, дело так просто, что и думать, кажется, тут не над чем. Поставить яйцо на остром конце – штука самая нехитрая, а вопрос об Америке был не труднее того, как признал сам Колумб. Каждый офицер, кажется, мог бы знать не хуже Наполеона, что решение войны зависит от сосредоточения всех сил на главном пункте. Каждый человек, читавший на своем веку хоть одну книгу, мог бы, кажется, догадаться, что все в мире изменяется, что одна крайность влечет за собою другую, что все живое растет – а в открытии этих истин заключается едва ли не главная тайна гегелевой философии. Необычайная простота, необычайная ясность – удивительнейшее качество открытий гениального ума. Но дело в том, что он берется за существеннейшую сторону вопроса, от которой все зависит, а из всех вопросов опять берется за самый существенный в деле, от которого зависит понимание всех остальных, – оттого-то и ясен для него каждый вопрос, каждое дело. Удивительно, подумаешь, как и мне, и вам, и каждому не случается каждый день делать гениальных открытий: ведь, кажется, будь всякий из нас на месте Колумба, или Ньютона, или Наполеона – у каждого достало бы ума догадаться о том, о чем они догадались. И за что называют их гениальными людьми? – просто, они были люди не без здравого смысла. И, если хотите, это так: гений – просто человек, который говорит и действует так, как должно говорить и поступать на его месте человеку с здравым смыслом. Гений – ум, развившийся совершенно здоровым образом, как высочайшая красота – форма, развившаяся совершенно здоровым образом. Если хотите, гению и красоте не нужно удивляться; скорее надобно было бы ди-765

Виться тому, что совершенная красота и гений так редко встречаются между людьми: ведь для этого человеку нужно только развиться, как ему по натуре всегда следовало бы развиваться. Непонятно и мудрено заблуждение, тупоумие, потому что оно противуестеетвенно; а гений прост и понятен, как истина, – ведь естественно человеку видеть вещи в их истинном виде.

Такое впечатление совершенной простоты и ясности производит критика гоголевского периода. Она провела в наше литературное сознание самые простые истины, ныне для каждого здравомыслящего человека ясные, как светлый день. Но значение этих истин

очень велико: они произвели решительную эпоху в нашей умственной жизни. По своему значению для развития русского общества, деятельность человека, который был органом этой критики, занимает в истории нашей литературы столь же важное место, как произведения самого Гоголя.

Автор статей о Пушкине»– был одарен редким красноречием: написанные наскоро, не пересмотренные, не исправленные, ег« статьи по увлекательности изложения, все бесспорно принадлежат к лучшему, что только до сих пор есть в нашей прозе; едва ли кто-нибудь писал у нас так, как он. Многое из написанного им может быть по силе и прелести изложения сравнено с лучшими страницами подобного рода у величайших европейских писателей. Впрочем, и тут нет ничего удивительного: истинное красноречие дается человеку вместе с благородною натурою и энергическим стремлением к истинному и доброму. Великие ораторы были красноречивы потому, что душа у них была великая и благородная. Надобно ли упоминать о могучей силе его диалектики?

Ведь это опять всегдашнее качество людей с великим умом. Надобно ли говорить об идеальном благородстве его характера? Ведь это опять необходимый дар природы людям, которых обрекает она жить только для провозглашения высоких идей добра, которые не знают ни счастья, ни покоя, ни желаний вне одного стремления служить благу своей родины, людей, о которых можно сказать, как о нем:

Он знал одной лишь думы власть,

Одну, но пламенную страсть...

Мы не знаем, назначала ли его природа исключительно к критической деятельности: гениальной натуре доступны бывают многие поприща, она действует на том, которое в данных обстоятельствах находит самым широким и плодотворным; нам кажется, что в Англии этот человек был бы парламентским оратором, в Германии того времени – философом, во Франции-пуб-лицистом; в России он сделался автором статей о Пушкине. Вообще говоря, по общей физиономии всех трех первоклассных наших критиков – Полевого, Надеждина и автора статей о Пушкине мы можем заключать, что замечательный критик не ро-766

дится, а делается критиком, вследствие особенных условий, представляемых ему сосредоточением жизненных интересов -его страны на литературных вопросах. То же говорит нам пример знаменитых германских критиков прошедшего и нынешнего столетия. Служению эстетике они обрекли себя добровольно, обдуманно, не потому чтоб сочинять именно рецензии было для них особенно приятным делом, а просто потому, что это был лучший из доступных им путей к действованию на жизнь общества. Таковы были Лессинг, Мерк, Шлегели. И однако же, – странное,

поводимому, дело, – именно эти люди, для которых эстетические

вопросы были второстепенным предметом мысли, занимавшим их только потому, что искусство имеет важное значение для жизни, а художественное достоинство необходимо литературному произведению для высокого значения в литературе, – именно эти люди имели на развитие литературы, не только по содержанию, но и в отношении художественной формы, решительное влияние, какого не достигал ни один критик, думавший преимущественно о художественных вопросах. Этот повидимому странный закон объясняется тем, что необходимый для критика дар природы – эстетический вкус есть только результат способности живо сочувствовать прекрасному в соединении с проницательным здравым смыслом. Эти качества в очень высокой степени принадлежали автору статей о Пушкине, – потому не будем удивляться, что он отличался чрезвычайно тонким вкусом. Людей с тонким вкусом встречается много; но были у него качества более редкие: беспристрастие и твердость. Он готов был отдать каждому должное, забывая всякие личные отношения; но несмотря на пылкость характера, редко расточал излишние похвалы, на которые критика обыкновенно бывает так щедра относительно писателей, принадлежащих к одному с нею литературному лагерю. Одним словом, характер его критики был таков, что внушал полное доверие и читателям и писателям.

Все это необходимые условия для могущественного влияния критики. Но жизнь и силу им давала страстная любовь ко всему живому и благому. Без этой любви все остальные достоинства были бы бесплодны. Во всем этом мы повторяем голос общего мнения, с которым едва ли кто вздумает не согласиться. Но теперь мы должны коснуться и того вопроса, в ответе на который несогласны с довольно многими из

людей, нами уважаемых.

Имел ли автор статей о Пушкине столько знаний, сколько тре-

бовало высокое место в литературе, усвоенное ему природными дарованиями? Повидимому ответ на это дается самым достоинством его критики и тем, что из всех литературных битв он выходил победителем, хоть часто имел противниками людей, слывущих великими учеными. Какого еще спрашивать лучшего доказательства на то, что он обладал знаниями, для него нужными?

И однако же, некоторые в том сомневаются. Когда было ему 767

время приобресть обширные знания? – говорят они: он всегда был так обременен работою для приобретения насущного хлеба, что не мог дать себе основательного ученого образования. Мы сами лично знали его, прибавляют иные: нам положительно известно, что он не был человеком ученым. Отвечаем на эти сомнения из уважения к некоторым из людей, введенных ими в странное недоразумение.

Автор статей о Пушкине не читал в подлиннике ни греческих классиков, ни Тассо, ни Шекспира; – он не знал санскритского языка и чешского нар.ечия; не мог отличить славянского манускрипта XI века от манускрипта X III века, – кому эти знания кажутся необходимыми, тот может жалеть о его необразованности. Но мы заметим, что если мерить русских ученых по строгим требованиям так называемой основательной западной учености, то очень немногие (конечно мы не говорим о специалистах: математиках, естествоиспытателях, медиках, филологах и т. п., между ними много людей, истинно ученых: но разумеется не такой учености требуют от литератора) имеют право на имя ученых людей, и мы положительно утверждаем, что именно те люди, ко -торые наиболее толкуют об учености и хвалятся своею ученостью и прослыли за великих ученых, оказываются на деле очень плохими учеными. Из наших ученых (кроме специалистов) мы знаем

только одного, который действительно заслуживал имя человека

с европейскою ученостью, – это был покойный Надеждин. Другие мнимые великие ученые могут сказать о себе, если будут откровенны:

Мы все учились понемногу Чему-нибудь, и как-нибудь...

именно, они знают кое-что и кое-как, – и за то им честь, потому что прежде и таких людей у нас было очень мало. Но они не должны упрекать других в недостатке того, чего не имеют сами. Итак, вопрос становится определеннее: дело идет не о том, имел ли автор статей о Пушкине такую ученость, какой обладают некоторые из европейских литераторов, а только о том, наши так называемые великие ученые имеют ли основание думать, что он уступал им основательностью знаний. На это можно отвечать решительно: не имеют никакого основания. Чем он занимался, о чем он говорил, что ему было нужно знать, то знал он очень хорошо, как очень немногие у нас. Если бы спор шел о предметах малоизвестных, мы не приняли бы на себя отважности говорить с такою уверенностью; но сомневаются в чем? – хорошо ли бн знал гегелеву философию, на которой основывались его общие воззрения; хорошо ли он знал русскую литературу, о которой судил; были ли ему известны иностранные литературы на столько, на сколько нужно знать их русскому критику? – не нужно иметь чрезвычайных познаний или особенной смелости, чтобы 768

судить, действител ьно ли доказал тот ил и другой л ите ратор свои основательные знания в подобных предметах– ведь это спор не о китайском языке. Мы решительно думаем, что люди, которые, зная критику автора статей о Пушкине, сомневаются, достаточно ли ему известны были иностранные литературы и гегелева фило-

софия, обнаруживают только собственное незнание в этих предметах. Еще забавнее сомнения, относящиеся к русской литературе, которой никто не знал так хорошо, как он. Нам кажется, что толковать о недостаточности его знаний могут только или люди малообразованные, или педанты, еще менее имеющие права на имя образованных людей. Доказать это самым подробным образом очень легко, если только будет надобно, – но мы хотим надеяться, что в этом не будет нужды.

Надобно сказать, что надлежащему его развитию много помогли те самые обстоятельства его судьбы, которые для некоторых служат основанием к недоразумению, которого мы коснулись: дело в том, что автор статей о Пушкине был

человек бедный, предоставленный с очень ранней молодости самому себе, и что до двадцати двух или трех, быть может, до двадцати пяти лет, когда сблизился он с Станкевичем, никто не заботился о его развитии. Нужда, как известно, прекрасная школа для тех немногих, которые способны пройти эту школу. А еще лучшая школа для умного человека то, когда его голова не набивается с малолетства различными кривыми толками, которые потом так трудно бывает исправить. Выучиться легче, нежели разучиваться и переучиваться. Он с свежими силами, с непритупленным софизмами чувством истины начал свое образование, когда был уже в юношеских летах: прежде учился он мало, следовательно и забывать ему было нужно только немногое. Это важная выгода. Потому и натурально, что он постигал истину быстрее, нежели кто-нибудь.

Он сам дал себе образование – потому и натурально, что он дал себе такое образование, какое было ему нужно. Он не имел возможности уопокоивать себя предубеждением, которому так часто поддается большая часть людей, получивших так называемое основательное образование: «это мне уж известно; это я давно уж знаю» – потому очень естественно было ему приобресть знания действительно основательные и полные, в той мере, как то было нужно. И в самом деле, несмотря на положительные доказательства того, что средства к образованию, которые он имел, были скудны, очень мало найдется людей, которые обладали бы такою основательною и прочною образованностью. В том нет сомнения, что многое в этом отношении, как и вообще во всем развитии автора статей о Пушкине, надобно приписать влиянию Станкевича и его друзей.

Иметь более или менее обширные знания – еще не особенная редкость или важность. Важнее быть человеком с прочным образованием. Но еще гораздо важнее для писателя, который имеет 49 Н. Г. Чернышевский, т. III 769

.решительное влияние на публику, Гораздо важнее иметь тверду 1о и стройную систему воззрений, в которой одно понятие не противоречило бы другому, одно положение не опровергалось бы другим. У нас это встречается очень редко, при запутанности и бессвязности понятий, которые вливаются в нас воспитанием и обществом. Вообще говоря, «почти у каждого из нас в образе мыслей есть что-то хаотическое, смутное. Человеку, привыкшему к логической последовательности, трудно даже понять, каким образом в одной голове могут соединяться понятия и привычки совершенно несовместимые. Даже лучшие умы не свободны от этого недостатка,– в пример укажем на Пушкина. С одинаковою искренностью писал он страницы, совершенно разноречащие по своему духу, так что повидимому автор одной тирады должен был бы ненавидеть автора другой, – а между тем, обе написаны одним человеком, который и не понимал, что жестоко противоречит сам себе. Еще резче эта хаотичность понятий в

Гоголе: она так велика, что многие могли объяснять ее только недобросовестностью или умственной болезнью. С нашими так называемыми мыслителями та же самая история. Даже в Надеждине, едва ли не сильнейшем из них, очень заметен этот общий недостаток. Шаткость понятий и бессвязность, хаотичность мнений – самая общая черта у нас. Обыкновенно даже наиболее развитые люди сами не знают, к чему ведет принимаемое ими основание, из каких посылок выведено отвергаемое ими следствие. Исключение составляют и теперь очень немногие люди, а пятнадцать или двадцать лет тому назад число их было еще гораздо менее. Автор статей о Пушкине был так счастлив, что не только развил в себе стройный и твердый образ воззрений на литературные вопросы, – этому чрезвычайно много помогли обстоятельства, о которых упомянули мы выше, – но и распространил его в публике, которая теперь в свою очередь начала иметь прекрасное влияние на литературу, – и не допускает ее уклониться от прочных оснований, положенных автором статей о Пушкине, по крайней мере не позволяет уклониться так далеко, как, без охранения со стороны публики, могло бы это случиться при стремлении многих талантливых писателей возвратиться на прежнюю, до-гоголевскую колею.

Все эти редкие качества ума ,и характера, которыми природа наделила автора статей о Пушкине, были посвящены, как мы уже указали в предыдущей статье, служению одн&й высокой идее – служению на пользу родной страны, без страха и лицеприятия. Любовь к родине, мысль о благе ее одушевляла каждое его слово,– и только этим страстным увлечением объясняется и непреклонная, неутомимая энергия его деятельности, и его могущественное влияние на публику и литературу.

Постараемся теперь обозреть эту деятел ьность в ее последовательном развитии.

770

< о СОЧИНЕНИЯХ гоголя >

...Они (критические статьи. – Ред.) не являлись, конечно, не по недостатку желания критики высказать свои понятия о Гоголе– напротив, очевидно, что критика сочувствовала ему более, нежели кому бы то ни было из [великих] русских писателей, – но по трудности изложить эти понятия в такой форме, какая требовалась русскою публикою,–хотя, иовидимому, ничего не было легче и проще, как написать эти статьи, постоянно обещаемые и никогда не являвшиеся, потому что определенное понятие о значении Гоголя составить .гораздо легче, нежели, например, о неуловимом, эфирном характере поэзии1 Пушкина: здесь не нужно было освобождать и себя и читателей от каких-нибудь неточных взглядов, как это приходилось делать, говоря о Пушкине – напротив, можно сказать, что верное понятие об отличительных чертах деятельности Гоголя уже было не только в критике, но и в публике. Сам Гоголь, прекрасно охарактеризовавший себя во многих местах своих сочинений, исполнил большую часть задачи, предстоявшей критику. Оставалось только развить эти мысли, высказать их с необходимыми пояснениями, высказать сильно и жарко – но это самое и было затруднительно. Таким образом, о Гоголе не было написано ясных и подробных статей, как о Пушкине; суждения о нем ограничивались рецензиями, прекрасными и верными, но не достаточно обширными и ясными. Еще не успели они достичь той массивности, которая необходима для прочного действия на нерешительные умы, как явились «Выбранные места из переписки с друзьями» – и Гоголь, к сожалению, стал в новые отношения к литературе и публике, противоположные прежним. Критика должна была доказывать, что эти отношения ложны. Без сомнения, это было только временною необходимостью, которая, будучи раз исполнена с надлежащею твердостью, не могла впоследствии мешать критике обратиться с прежнею или еще более жаркою любовью к «Ревизору», «Мертвым душам» и другим дивным произведениям Гоголя. Но вскоре после выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» в русской критике водворилась мелочность и вялость, продолжающая господствовать до сих пор. Тут уже нечего было ожидать широкой и проникающей в массу оценки Гоголя, то есть целой литературной эпохи, можно сказать, целой исторической эпохи в развития русского самопознания, но и более сподручные явления не были оценены надлежащим образом – не только о Гоголе не была в силах сказать ничего замечательного критика последних годов– что дельного и нужного успела она сказать о гг. Григоровиче или Писемском, о гг. Полонском, Фете или Щербине? Потому последним памятным для публики приговором о Гоголе остались суждения, вызванные его «Перепискою с друзьями». Они не могли производить впечатления, выгодного для литературного 49
* 771

Значения Гоголя. Убеждение в его величии было во многих его почитателях ослаблено этими последними впечатлениями, а во всех почти остается, как было десять лет тому назад, робким, нерешительным, не имеющим веры в собственную основательность инстинктивным сочувствием, еще ожидающим себе доказательств и внушения несомненности* от критики.

Если бы нынешняя критика могла, то должна была бы исполнить относительно Гоголя обязанность, которой не успела исполнить современная ему критика, оставившая нам впрочем прекрасные указания, которые нуждаются только в развитии. Мы не уверены, что и это будет ею сделано, как должно. Тем менее

можно ожидать удовлетворительной оценки Гоголя от нашей

статьи, которая и по спешности, с которою написана, и по самому объему, не более как простое извещение о выходе в свет творений писателя, замечательнейшего из всех, каких доселе представляла русская литература. Мы только должны сказать, каково новое издание его повестей и драматических произведений, перепечатанное с издания 1842 года, и дать читателям отчет в содержании произведений, которые под названием «Сочинений Н. В. Гоголя, найденных после его смерти», являются ныне в печати в первый раз.

Четыре тома «Сочинений» – точное повторение прежнего издания – в этом состоит их существенное достоинство. Мы слышали многих, находящих неизящным формат и шрифт нового издания, которые сохранены совершенно те же, какие были в прежнем. так что на вид трудно отличить их одно от другого. Выбор шрифта и формата нисколько не зависел от нынешнего издателя, г. Трушковского, который нашел более двух томов «Сочинений» уже отпечатанными, еще при жизни самого Гоголя, и по

необходимости должен был докончить издание точно так, как оно было уже начато. Конечно, издание 1842 года и новое дагерротшшое повторение не могут быть названы образцами типографского изящества, но в этом отношении не уступают они большей части русских книг. Притом, сочинения Гоголя имеют достаточно внутренней привлекательности, чтобы быть драгоценными в каком бы то ни было издании. Точно так же и второй том «Мертвых душ» по необходимости должно было напечатать шрифтом и в формате двух изданий первого тома, чтобы не вводить раэнока-либепности в одну и ту же книгу.

Этот второй том «Мертвых душ» заключает в себе пять

глав, которых старые черновые тетради нечаянным счастием уце-

лели от сожжения; и, кроме того, так называемую «Авторскую исповедь» Гоголя. Необыкновенный интерес, возбужденный во всей-русской публике этими рукописями, интерес, которому не было примеров с того времени, как явилось лет тридцать тому назад «Горе от ума» — служит лучшим доказательством того, как драгоценно для всех «ас имя великого писателя- Едва ли 772

даже должны мы говорить об этих только что напечатанных произведениях, как о новых для публики. Они новы только для критики, которая действительно еще не имела случая рассуждать о них.

ЧтО же должно сказать об этих произведениях? Достойны ли они великого таланта Гоголя по литературным своим качествам? И, принадлежа той эпохе жизни автора, которая ознаменовалась «Перепискою с друзьями», напоминают ли они прежнего Гоголя, или только сочинителя этой переписки? Каково было направление художественной деятельности его после страшной перемены в его личных отношениях к своим почитателям?

И действительно ли его «Авторская исповедь» есть нелицемерная исповедь и насколько уясняет нам она загадочную личность великого писателя, бывшего также не совсем обыкновенным человеком по уму и характеру?

На ияти-шести страничках нашей статьи невозможно обстоятельно исследовать этих вопросов. Но читатель в праве сказать, что мы не должны были и упоминать имени Гоголя, если хотим совершенно уклониться от них, и хотя в кратких намеках мы должны отвечать на них.

Пять глав второго тома «Мертвых душ» уцелели только в черновой рукописи. Это обстоятельство, уже само по себе отни

мающее возможность положительно решить, ниже, наравне или

выше первого тома «Мертвых душ» в художественном отношении было бы их продолжение, окончательно обработанное автором, не так еще важно, чтобы заставить нас совершенно отказаться от суждения о том, потерял или сохранил всю громадность своего таланта Гоголь в эпоху нового настроения, выразившего [ся] «Перепискою с друзьями». Но общее суждение о всем, сохранившемся от второго тома, делается невозможным потому, что этот отрывок сам в свою очередь есть собрание множества от -грывков, написанных в различное время под влиянием различных настроений мысли, и, как кажется, написанных по различным общим планам сочинения, наскоро перечерканных без пополнения вычеркнутых мест, отрывков, еще не приведенных в соответствие между собою, разделенных пробелами, часто гораздо более значительными, нежели самые отрывки, наконец, тем, что -многие из напечатанных ныне страниц были, как видно, отброшены в сторону самим автором, как неудачные, и заменены или должны были быть заменены другими, написанными совершен jiq вновь и погибшими для нас. Все это заставляет рассматривать •каждый такой отрывок порознь и произносить суждение о на пяти

главах «Мертвых
душ».....

этой потери единственного интереса, который возбуждал еще его к жизни. Тентетников проводил время следующим Лобразом:

Набирать петитом стр, 8Г 9, 10 от ф): до S, потом стр, 34,

773

35, 36, 37 и одну сторону с стр. 38 до слав: «в осветившихся комнатах, т. е. от знака фл до S. и далее, стр. 39, 40,

41 отфлдо S.

Разведав от прислуги о любви Тентетникова к Бетрищевой и ссоре с ее отцом, Чичиков вздумал помирить их и устроить свадьбу, чтобы совершенно втереться в благосклонность и к Тентетникову и к Бетрищеву, склонить их на продажу мертвых душ, а если можно, извлечь из друзей и другие выгоды, какие представятся. Он приступил к делу следующим образом: набирать стр. 46, 47, 49, 50, 51 и отфлдо S.

с таким опустившимся, потерявшим всякую волю человеком, как Тентетников, легко было сладить; посмотрим, каков человек Бет -рищев и как Чичиков успел забрать в свои мягкие руки этого упорного и упрямого человека, привыкшего, повидимому, командовать ©семи, его окружающими: набирать стр. 56, 57, 58, 59, 60, 61 от знака до S.

Услышав имя Тентетникова, дочь генерала вошла в комнату набирать стр. 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69 от знака доБ.

И Чичиков приступает к изложению своих просьб, на которые, конечно, не получит отказа от очарованного генерала.

После таких отрывков невозможно и думать о том, что Гоголь когда-нибудь мог сделаться недостойным своей великой и благородной славы. Что же сказать, например, о речи генерал-губернатора, этой речи, столь знаменательно заключающей собою неоконченные страницы великого произведения и уже знаменательно прерывающейся на средине возвышеннейшего воззвания? Чичиков пойман в составлении подложного завещания; но в его деле замешано столько людей, что ужас обнимает благородного начальника, и он, созвав своих подчиненных, говорит им, что судьба их всех в его руках, что он может предать их всех заслуженной участи. Но, продолжает он, я предлагаю вам в последний раз возможность спастись. набирать стр. 240, 241, 242 от знака фл до S.

Тут нечего хвалить: кто не преклонится перед человеком, последними словами к нам была эта речь, тот недостоин :быть читате-

лем Гоголя.

«Авторская исповедь», которая напечатана в виде приложения ко второму тому «Мертвых душ», представляет чрезвычайно важные материалы для уяснения не только странной, обнаруженной «Перепискою с друзьями», перемены в отношениях Гоголя к публике и критике, но и вообще для характеристики чрезвычайно оригинальной и загадочной личности Гоголя. Статья эта написана по поводу неблагоприятных для автора отзывов о «Переписке с друзьями» с целью служить ему оправданием, объяснением происхождения его книги и органической связи, соединяющей это странное явление с его прежними произведениями, которых отрицание видела критика во многих письмах. Было бад и 774

слишком долго и быть может трудно входить здесь 6 раэбор того, насколько основательны оправдания Гоголя и насколько справедливо было осуждение, заслуженное его книгою. Но весь тон этой статьи убеждает, что исповедь, в ней заключающаяся, добросовестна, что в ней Гоголь искренно, без всяких прикрас, изображает свою личность, как сам понимал ее. Тяжелая обязанность, им на себя принятая, не может быть исполняема иначе как в патетическом настроении духа, и потому все слова его проникнуты жаром увлечения, которому многое, быть может, представляется в слишком темных красках — таковы всегда бывают искренние признания — они необходимо бывают проникнуты характером самоотрицания, самообвинения даже тогда, если делаются с целью оправдания. И, быть может, Гоголь представляет себя во многих отношениях худшим, нежели каков он был на самом деле. И однако же быть может потому, что сила самоотрицания дается только высотою и силою нравственной личности человека, вы, прочитав эту странную исповедь, говорите: «Как велик и благороден был этот человек, несмотря на все свои слабости и странные заблуждения!» Впечатление, произведенное исповедью Гоголя, можно сравнить с тем суждением, которое вы невольно произносите, дочитав «Confessions» Руссо, в которых так беспощадно отдает он на общий позор свои

пороки и ошибки: «Да, прав был этот человек, гордо и смело говоря: каков бы я ни был, но я был одним из лучших людей в мире!» Правда, Гоголь был горд и самолюбив, но он имел право быть горд своим умом, своим страстным желанием блага родной земле, своим гением, своими заслугами перед всем русским обществом. Он сказал нам, кто мы таковы, чего недостает нам, к чему должны стремиться, чего гнушаться и что любить. И вся его жизнь была страстною борьбою с невежеством и грубостью в себе, как и в других, вся была одушевлена одною горячею, неизменною целью,— мыслью о служении благу своей родины.

Но искренна ли эта исповедь? Ведь Гоголя называют человеком скрытным, даже любившим притворяться, пускать пыль в глаза? Ну да, он сам говорит, что, подобно всякому человеку с глубокой натурой и великим умом, не любил выдавать на превратный людской суд своих задушевных мыслей. Но содержание и тон «Авторской исповеди» ручаются за глубокую правдивость признаний. Высказав их в часы увлечения желанием представить свою жизнь и стремления, ею управлявшие, в истинном свете и тем оправдаться от обвинений, его подавлявших, он говорит: «Как случилось, что я должен обо всем входить в объяснение с читателем, этого я сам не могу понять. Знаю только то, что никогда, даже с наиискреннейшими приятелями, я не хотел изъясняться насчет сокровеннейших моих помышлений... Но, начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что

сочинения теоно связаны с делом моей души».., И вот, увлекшись по своей страстной натуре, он рассказал нам все: как с первой юности самым задушевным его желанием было служить родине; как он сначала понимал это служение, как гражданскую службу по какому-нибудь ведомству, как бился, чтобы найти в этой службе место по себе, как, мучимый постоянною тоскою, возбуждаемою и природным расположением характера, и житейскими опытами и всем окружающим, он, чтобы убить свою тоску, начал писать, передавая бумаге все, что его мучило, и усиливаясь хохотать сквозь слезы, ...каж просветлело перед ним сознание, что эти (Произведения, налисанные не в надежде авторской славы, разоблачая перед его соотечественниками их собственное положение, составляют уже служение на пользу общую, и он со страстью предался этому служению; как потом, опять мучимый сознанием, что мало приготовлен к этому служению, мало знает и человека, и идеал, на который должно указывать человеку, и родину, которую изображает, он нача, \ учиться и размышлять, не превратно ли он взялся за дело своего учения, мы не хотим рассматривать; и как при этом 'было не впасть в тяжелые ошибки человеку, которому ни образование, ни окружавшее его общество не указывало ни истинной исходной точки, ни истинного пути? И чем сильнее был ум этого человека, тем резче были и его заблуждения, чем с большею ревностью стремился он, тем более вовлекался в ошибки... Но дело в том, что стремление его было пламенно, неутомимо, что цель, к которой он стремился, была благородна и высока — и мы, жалея об ошибках, осуждая их следствия, не можем не преклоняться перед прекрасною, пламенною и благородною личностью этого нового Фауста, пожираемого жаждою высокого и благого знания и благородной дея-

Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной.

(Н а этом рукопись обрывается)

< РАЗГОВОР ОТЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО, А БОЛЕЕ НЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯМ»!

... Легко было бы привести десятки других примеров. Но к чему обременять излишними доказательствами истину, которая, кажется, довольно ясна сама по себе, без всяких аргументации?

Я хотел только сказать вам, милостивый государь, что для пользы самих литераторов надобно желать, чтоб хотя изредка доходил до их слуха голос публики, не посвященной в тайны литературного кружка, ничего не знающей о справедливых, быть может, но чуждых объективному достоинству литературного 776

произведения для публики соображениях и обстоятельствах, которые, как мы, читатели, замечаем, имеют иногда влияние на мнения журналистов. Я понимаю, что близкое знакомство с личным характером автора, с различными обстоятельствами и условиями, от которых зависело развитие идеи, осуществленной в произведении и даже самый вид этого произведения, может во многом объяснять журналисту значение рассматриваемой повести или пьесы. Не сомневаюсь также, что привычка отдавать

читателям основательный отчет в своих мнениях развивает в писателе, постоянно занимающемся критикою, тонкость вкуса и си> стематическую стройность понятий. Одним словом, охотно соглашаюсь я, что постоянные рецензенты наших журналов имеют большие преимущества над читателем, находящимся вне сношений с людьми, принадлежащими к литературному кругу. Но с

тем вместе предполагаю, милостивый государь, что вы не найдете моих слов совершенно ошибочными, если я скажу, что соприкосновение с мнениями таких читателей может приносить критике довольно значительную пользу. Правда, литературный кружок представляет собрание людей, замечательнейших по уму и образованности, в высокой степени одаренных благородством характера и любовью к истине; представляет, можно сказать, цвет народного самосознания. Но вы, милостивый государь, должны согласиться со мною, что всякое, даже самое лучшее, общество людей, тесно связанных одинаковым родом деятельности, подвергается опасности впадать в односторонность и исключительность, если его мнения не будут освежаться постоянным приливом свежих мыслей от массы всей нации. Это, можно сказать, несомненная истина. Для нас, публики, столь же осязательно, что соприкосновение литературы и литераторов с публикою не так живо и деятельно, как бы того надобно желать. Не решаюсь оправдывать в том публику: коренная решительная власть и в этом деле, как во многих других, принадлежит ей, и, конечно воля публики (или, точнее говоря, недостаток воли в публике) — причина коснения, если смею так выразиться, в котором находится наша литература. Все зависит от твердого желания публики. Скажи она: «я хочу, чтобы было иначе» — и литература наша, конечно, оживилась бы. Но не оправдывая вполне публику, замечу, однако, что и литераторы, в особенности же журналисты, до некоторой степени неправы: они, кажется, не все возможное делают для возбуждения в публике более живого сочувствия к литературе. Например, хотя б сослаться на те отношения между публикою и литературой, о недостатке которых завел я речь: если бы журналисты и вообще писатели усиленно вызывали читателей к сообщению им впечатлений, производимых в публике различными явлениями нашей словесности, вызов не остался бы ни совершенно безответен, ни совершенно бесплоден. Поверьте, что г. *** или г. *** нашли бы людей, же-777

лающих поделлться с ними своей симпатиею к их произведениям или недовольством на некоторые недостатки их деятельности, если бы читателя были ободрены на такое дело уверенностью, что г. *** и г. *** не считают себя жителями Олимпа, вознесенными выше соприкосновений с простыми смертными. Даже и опасение явиться непрошенным корреспондентом и подвергнуться насмешливой улыбке за свое жаркое сочувствие не всех останавливает, если верить г. Чистомазову, недавно возвратившемуся в наш город из Петербурга, где имел он случай сблизиться с некоторыми литераторами. От одного из них г. Чистомазов слышал, что г. *** действительно получал от своих читателей довольно много писем, ободря вших его к п родолже нию его деятел ьности, и, быть может, не оставшихся без влияния на энергию этой полезной деятельности. Еще более нашлось бы желающих выражать свои мнения о любимых публикою писателях, если бы публика знала, что писатели того желают. Еще гораздо больше найдется читателей, которые стали бы выражать журналистам впечатления, производимые в них книжками журналов, если бы журналы того хотели, — потому что, не играя в нашей жизни слишком важной роли, литература имеет однако же для публики гораздо более значения, нежели предполагают многие любимые нами писатели, и, быть может, предполагаете вы сами, милостивый государь. Г. Чистомазов вывез из Петербурга довольно бездушный и бесцеремонный тон суждений о литературе и литераторах, — и на поверку оказалось, что он заимствовался им от писателей, с которыми сближался. Он теперь сам уверен и хочет уверить нас, что писатель — нечто вроде Вестриса или г. Перро, известных балетмейстеров; что писатели—собратья г. Дрекслеру, нашему токарных дел мастеру, который приготовляет нам очень изящные корзиночки, табакерочки, тросточки и гребеночки. Мы восхищаемся тонкою работою г. Дрекслера, вы аплодируете прекрасному искусству г. Перро, — и тем кончается дело. Иных понятий я и не ожидал от писателей, с которыми сближался г, Чи-стома'зов, потому что действительно и сам не вижу большой разницы между изделиями г. Дрекслера и произведениями людей, которые сообщили моему знакомому такое воззрение «а поэзию,— а личность и деятельность каждого есть основа его мнений. Не знаю, милостивый государь, какое впечатление производят на вас подобные мнения, но не могу удержаться от естественного предположения, что когда есть в литературном кругу люди, думающие таким образом о сущности занятия, ими избранного, составляющего их призвание, то и остальные, не разделяющие их понятий, должны отчасти ощущать на себе их вредное действие, в том отношении, что привыкают видеть высокое значение литературы отвергаемым. — «Если писатели, которых я знаю

за людей умных и образованных, сами считают литературу, – свое собственное занятие, основание своих прав на более или менее 778

почетное место в обществе, – Только грациозным пересыпанием из пустого в порожнее, только обтачиванием фраз и нанизыванием жумчуга (по персидскому выражению), – если между самими писателями существуют такие понятия, то как же должны смотреть на литературу читатели, для которых уважение к ней не связано с правами собственной личности на общее уважение?»– (так должен думать каждый из литераторов, понимающих литературу как дело жизни, а не безделье красивого пустословия)– «если сами писатели придают литературе так мало значения, то в глазах публики она должна иметь его еще менее. Потому, не ошибочна ли моя задушевная мысль считать свои литературные стремления чем-то серьезным? Не напрасно ли я стараюсь говорить с публикою о том, что волнует мою душу? Понимает ли меня читатель, как своего друга, как собрата, требующего у него опоры и в свою очередь старающегося дать ему опору на бодрый путь по трудному полю битв жизни?» И, конечно, такие сомнения и опасения относительно здравого смысла и здорового сердца читателей не могут не охлаждать до некоторой степени благородного одушевления, которое одно дает силу достойно исполнять тяжелый долг святого призвания благородным и могучим словом действовать на разум и сердце своих сограждан. Милостивый государь! Я не имею ни права, ни претензии говорить от лица публики, но позвольте мне, одному из русских читателей, подать голос за себя и за многих других читателей, с которыми сближала меня жизнь. Между образованными людьми гг. Чистомазовы встречаются редко, – да и те исправляются, как скоро в них пробуждается душа. Людей, бездушных по природе, очень мало; а всякий, у кого в груди бьется сердце, а не лежит кусок дерева, в жилах течет кровь, а не вода, – всякий живой человек ищет жизни и мысли, а не грациозного пустословия.

И, поверьте, милостивый государь, всякое живое явление в литературе пробуждает в огромном большинстве публики гораздо более сочувствия, нежели...

Впрочем, я останавливаюсь здесь. Боюсь увлечься в пафос, не знаю, как вы его примете, – быть может вы посмеялись бы над одушевлением провинциала, а если не посмеялись бы, не сочтите за оскорбление, что я усуммилея: ведь вы, гг. литераторы

и журналисты, иногда сомневались же в нас, ваших читателях,–

я могу привести на то доказательства из любого журнала. Примите же уверение в искренней преданности, – не моей лично и вам лично: какая вам нужда до моей преданности или непреданности? а в преданности каждого живого человека в русском обществе каждому благородному русскому писателю.

Один из многих Тверь.

20 февраля 1856 года.

779

P. S. Йеречитав письмо перед отправлением на почту, вижу, что кончил его на самом начале, а в сущности дела еще и не коснулся. Сущность же дела состоит в следующем. Повесть г. Тургенева «Рудин» произвела очень сильное впечатление на всех порядочных людей, с которыми случалось мне встречаться в эти дни. Но дело опять-таки не в том. Дело в том, что она оживила и освежила меня. Вы (в февральской книжке «Современника») обещались поговорить о ней в следующем нумере вашего журнала. Признаюсь вам, суждения наших журналов о г. Тургеневе до сих пор ,не удовлетворяли меня. Они как будто не знали, какое огромное значение в русской литературе имеет г. Тургенев, по своему влиянию на публику, да и на развитие самой литературы. Я, признаюсь вам, боялся, что вы не оцените всего достоинства последней его повести. Я хотел сказать вам: «говорите об огромном его значении смелее, решительнее; не бойтесь обвинений в увлечении, не бойтесь преклониться перед благородным писателем, которому так много обязаны мы все. Публика раньше вас оценила г. Тургенева, и стыдно вам будет не сделаться в этом случае ее органом, если опоздали быть ее руководителем».

Чтобы показать вам, каковы мнения публики, я записал один

из разговоров, возбужденных между людьми, которых я вижу, появлением «Рудина». В

своем письме хотел я дать вам подробные замечания о мнениях, высказанных различными людьми в продолжение разговора о самых этих людях – потому что образ понятий каждого из нас зависит от его личности, – о причинах и обстоятельствах, заставляющих одного думать так, а другого иначе, и подвергнув все мнения строгой критике, высказать мое собственное суждение о «Рудине» и его авторе. Все это осталось не исполненным, и разговор посылается вам без всяких комментарий, – это невыгодно для моего самолюбия, потому что мое мнение не получило достаточного развития (в разговоре я принимал, как увидите, только самое ничтожное участие); но главная цель моя достигнута: вы имеете перед собою мнения нескольких читателей и можете видеть, как, за исключением гг. Чистомазо -вых, которых у нас очень мало, думает о г. Тургеневе вся остальная публика, то есть девяносто девять из ста образованных читателей. Представителями этого огромного большинства являются три человека, с тремя радикально различными взглядами на нашу литературу: во многом они не согласны между собою, но в одном совершенно сходятся: «из действующих ныне литераторов наших, нет ни одного, заслуга которого перед публикою равнялись бы заслугам г. Тургенева». Осмелюсь дать вам совет, нескромность которого извиняется его справедливостью: когда будете писать о «Рудине», не забудьте указанного мною факта – из действующих ныне писателей нет никого, чьи заслуги перед публикою равнялись бы заслугам г. Тургенева.
Журналисты 780

Слишком долго не хотелй Принимать й соображение этого факта,–> почему, я не знаю и не хочу знать; знаю только, что он должен быть основанием всех суждений о г. Тургеневе, и что чем выше

понятие ваше о значении произведений г. Тургенева, тем оно истиннее и тем ближе к мнению каждого живого человека в русской публике.

РАЗГОВОР ОТЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО, А БОЛЕЕ

НЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Комната средней величины. Вокруг чайного стола сидят:

С м и р н о в , мужчина высокого роста, атлетического сложения, львиной осанки, с широкой грудью, .с очень умными глазами и выражением чрезвычайного добродушия \на прекрасном лице.

Б у л ь д о г о в , человек среднего роста, довольно мизерной наружности и скверного характера; лицо его часто вспыхивает, но только на минуту, – постоянное выражение его – холодность и рассеянность; чем резче и оскорбительнее его слова, тем тише и апатичнее голос. В е д рин, наружность которого не описывается, по известности ее для памятливых читателей *. Наконец Я, хозяин, лицо бледное и неинтересное. Все они – люди от 25 до 35 лет; и коротко знакомы между собою. Бульдогов моложе. Ведрин старше всех.

Ч и с т о м а з о в (очень изящный молодой человек, с умным и честным лицом, с манерами очень выдержанными, превосходно умеющий владеть собою даже в минуты восторга,– которых впрочем он никогда не испытывал), входя: А, вы, здесь, Смирнов!

Очень рад. Я намерен, господа, принесть на Смирнова жалобу вашему достоуважаемому трибуналу (подает руку Смирнову, потом очень просто, по-дружески, Бульдогову и мне; Ведрину жмет он руку с какою-то особенной развязностью, сквозь которую проглядывает робость).

С м и р н о в (с улыбкою, полною удовольствия от встречи с Чистомазовым, пожимая его руку). Чем же я виноват перед вами, наш добрейший и милейший джентльмен?

Ч и с т о м а з о в . Во-первых, тем, что вчера заставили нас всех скучать и женироваться, пригласив к себе, по непростительному слабодушию, столько нелепых джентльменов. Во-вторых, тем, что ныне поутру доставили мне еще три часа скуки.

С м и р н о в . Это каким образом?

Ч и с т о м а з о в . Зачем вы рекомендовали мне «Рудина», как что-то замечательное? Без ваших слов, я не стал бы читать * Этою фразою мы заменили описание наружности Ведрнна. – Ред. (примечание Н. Г. Чернышевского.)

эту неудачную, — как теперь убедился горьким испытанием, — повесть. Бульдогов, отдаю вам на жертву Смирнова.

Б у л ь д о г о в . А если у меня не раскроется рот против него?

Ч и с т о м а з о в . Тем хуже для вас: вы губите свою репутацию.

С м и р н о в . Послушайте, однако, Чистомазов: ужели «Ру -дин» действительно вам не нравится? Это удивительно!

Чистомазов спокойно и с достоинством делает утвердительный жест.

Б у л ь д о г о в (•сквозь зубы, будто про себя). Еще бы! Разумеется, ему «Рудин» должен не нравиться.

С м и р н о в (с жаром). Но послушайте: вы человек со вкусом; как же может вам не нравиться эта прекрасная повесть?

Ч и с т о м а з о в . Вероятно, потому и не нравится, что я, как вы говорите, человек со вкусом. Вы судите по увлечению, по снисходительности. Я сужу по требованиям изящного вкуса.

Я ищу художественных достоинств.

Я. — Неужели «Рудин» не имеет художественных достоинств?

Ч и с т о м а з о в . К сожалению, очень мало. Мне это очень

прискорбно. Я в Петербурге имел случай много слышать о Тургеневе и заочно полюбил его, как человека, очень приятного в обществе, и как истинного джентльмена. Но я должен сказать, что «Рудин» его слаб в художественном отношении.

С м и р н о в . Почему же?

Ч и с т о м а з о в . В нем очень мало того, что называется художественностью.

Б у л ь д о г о в . Позвольте спросить: что вы называете художественностью ?

Ч и с т о м а з о в . Это слово имеет очень ясный смысл. Взгляните на картину Жерара Дова — какая изумительная отделка <в каждой подробности! Как чисто и тонко обрисована каждая ничтожнейшая морщинка, каждая едва заметная жилка! Кажется, вы видите поры на этом лице. Взгляните на ландшафт Миериса— как отчетлив и красив каждый листок! Как игриво пробирается сквозь листы луч солнца! Как он трепещет в воде! — Вот что я называю художественностью.

Б у л ь д о г о в . Хорошо же вы ее понимаете. Сам Буало не удовлетворялся этим.

С м и р н о в (вопросительно смотрит на Ведрина, как бы ожидая, не захочет ли ,он сказать чего-нибудь. Ведрин молчит. Тогда Смирнов начинает с жаром). Согласимся на минуту с понятиями Чистомазова. В них есть значительная доля правды.

Но с этой стороны, мне кажется, можно защитить « Рудина». Отчетливо исполненных картинок в нем довольно, — (обращаясь ко мне): Дайте-ка...

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ «ФАУСТА»

Русская литература имеет два перевода первой части «Фауста»: один был сделан Вронченкою, другой — Губером. Стих в переводе Губера недурен, но смысл подлинника передан очень неудовлетворительно. Вронченко точнее держался подлинника, но, к сожалению, стих его перевода тяжел и самый язык очень неправилен. Потому мы .думаем, что г. Струговщиков оказывает нашей литературе важную услугу, давая ей новый перевод, достоинства которого оценят читатели.

[Читателям, как мы думаем, тем приятнее будет видеть перевод г. Стругов щикова в этой книжке, что он служит как бы дополнением к повести г. Тургенева, в которой упоминается о первой части «Фауста».]

Мы почли не бесполезным приложить к переводу г. Струговщикова несколько кратких примечаний, поясняющих смысл тех мест, которые требуют комментария.

Ред.

ПРОЛОГ

Идея пролога внушена Гете первыми стихами книги Иова.

М е ф и с т о ф е л ь

Так называется в легенде, послужившей основанием для трагедии Гете, диавол, которому продает свою душу Фауст. Происхождение этого имени темно. Обыкновенно производят его от Mephitis (моровое поветрие). Если такое производство справедливо, вторую половину слова легко объяснить греческим словом ophelein — быть приятну. В таком случае «Мефистофель» значило бы: тот, которому приятно убивать людей. Нет надобности говорить, что у Гете Мефистофель — выражение безграничного отрицания (в теории и в жизни), скептицизма. Скептицизм есть

зло, страдание, но он не губит сильного душою человека. Так и Мефистофель не в силах погубить Фауста. Отрицания ведут только к новым, более чистым и верным убеждениям. Так и Фауст, по мысли Гете, выраженной в прологе, должен выйти из борьбы с Мефистофелем как победитель его, выйти еще более прежнего достойным служителем верховной истины. Господь, предающий его на искушение Мефистофелю, ведает, что Фауст только очистится этим искушением.

«Он духом чист, хотя в нем веры нет». В подлиннике: «Хотя теперь он служит мне в сумраке, но скоро выведу я его к ясности». Чистый дух (то есть, по смыслу Гете, выражение разума) предчувствует, что человеку (Фаусту) должно достичь истины и добра силою отрицания, безграничного сомнения. С отрицанием, скептицизмом разум не враждебен: напротив, скептицизм служит 783

его целям, приводя человека путем колебаний к чистым и ясным убеждениям.

«Так только стоит согласиться». В подлиннике: «Какое пари хотите держать, что я отниму его у вас, если только вы дадите позволение повести его моим путем?» Скептицизм восстает против разума, хвалится, что может одолеть разум и лишить чело» века всех благородных стремлений, лишь бы только найти к нему доступ. Но разум не боится результата этого испытания. Кстати: первый монолог Мефистофеля начинается в подлиннике словами: «Так как ты приближаешься и расспрашиваешь меня обо всем, да и вообще любишь видеть меня, то я и вмешался в толпу этой челяди», и он начинает говорить о человеческой жизни, между тем как прежде говорилось о законах природы. В мыслях о природе нет места скептицизму: там все совершается в дивной гармонии. В человеческой жизни не так: наблюдая ее, невольно готов бываешь усомниться во всем, — и в добре и в истине. Потому-то Мефистофель и обращает внимание исключительно на человеческую жизнь—она рождает его. Но человек выше бездушной природы, и потому Мефистофель гордо смотрит на тех, которые довольствуются созерцанием природы, не занимаясь человеком.

«И по мне, чтоб кровь играла с молоком». В подлиннике: «Благодарю вас (что вы уступаете мне Фауста на время его земной жизни), потому что до мертвых я не большой охотник». «Сперва реши, потом хвались задачей». В подлиннике: «Хорошо, предоставляю его тебе. Оторви его дух от начала, его произведшего, низведи его долу своим путем, если успеешь овладеть им: и да постыдишься ты, если должен будешь сознаться, что добрый человек в неясном своем стремлении верно отгадывает прямой путь», то есть: природа человеческого духа восторжествует над тобою, сколько ты ни мучь его; овладеть им вполне ты (отрицание, скептицизм) не можешь; натура человека ведет его к добру и истине.

«Твой путь открыт». В подлиннике: «Во всяком случае, можешь смело являться передо мною. Я не имею ненависти к подобным тебе».

«За злом добро, за тьмою свет виднее». В подлиннике: «Человек слишком наклонен утомляться деятельностью, он слишком любит безграничный покой. Потому-то я

охотно даю ему товарища, который раздражает и возбуждает его, не зная себе покоя, как чорт. А вы, истинные сыны божии, радуйтесь жизненно -богатою красотою! Создающееся, вечно деятельное и живое, объемлет вас милыми узами любви, и дайте мыслью прочность колеблющимся явлениям жизни!» То есть: отрицание, ске пти-цизм необходим человеку, как возбуждение к деятельности, которая без того заснула бы. И именно скептицизмом утверждаются истинные убеждения.

784

Н о ч ь (в к а б и н е т е Ф а у с т а) .

«Вот книга Ноетрадама». Пострадал* – известный астролог.

Макрокосм, на языке магии – вселенная. Созерцание вселенной успокоительно и отрадно: она возвышает дух человека своим величием и восторгает своею гармониею. Но восхищение это непродолжительно: вселенная подавляет человека своею необозримостью; он не может возвыситься до того, чтобы чувствовать себя гражданином целого мироздания; он житель земли, и к земле влекутся его мысли из своих заоблачных полетов. Созерцая символ духа земли, Фауст чувствует его близость, его доступность.

Но и быть гражданином всего земного шара – свыше сил человека: он не может оторваться от своей страны, от своего времени, – Фауст не выносит союза, на который вызвал духа земли; он снова падает пред необъятностью этого духа, который исчезает, обличив ничтожество Фауста.

Вагнер– famulus Фауста, как известно, представитель тех людей, которым, по их ограниченности, недоступно сомнение и по сухости натуры не нужна полнота жизненных наслаждений. Вагнер доволен всем, ничего не отрицает. Зато какие жалкие понятия о вещах он имеет! Famulus назывался в средние века бедный студент, обыкновенно уже не молодых лет, который исправлял разные домашние дела профессора, прислуживал ему в ученых занятиях и т. д., и за то имел у него квартиру, стол и освобождался от платы ему за слушание лекций.

«Бумажной мудрости сухому ползуну». В подлиннике: «Сухому существу с пресмыкающимся (чрезвычайно ограниченным)

умом».

Вагнер выведен в этой сцене, конечно, затем, чтобы сильнее высказалась невозможность для Фауста ограничиться теми успокоительными, но чрезвычайно узкими и пошлыми идеями и чувствами, которыми утешаются люди, подобные Вагнеру. Он не может остановиться на том, чем удовлетворяется Вагнер, ему нужна истина более глубокая, жизнь более полная, потому-то он и необходимо должен войти в союз с Мефистофелем, то есть отрицанием.

Сознание своего бессилия так тяжело для Фауста, что он с наслаждением думает о смерти; но врожденная привязанность к жизни останавливает его: перед ним в решительную минуту воскресают светлые воспоминания детства. Ночь, в которую совершается первая сцена трагедии, – ночь перед пасхой, звон колоколов вызывает в Фаусте мысли о том, чему он в детстве верил (хоры ангелов и жен), о светлом времени детства и первой молодости. Да, жизнь очаровательна для живого человека! Фауст не может отказаться от нее.

60 Н. Г. Чернышевский, т. III 785

З а г о р о д с к и м и в о р о т а м и .

Фауст не может отказаться от жизни. Но прежняя кабинетная жизнь невыносима для него: ему нужна другая жизнь, другие отрады. Он думает найти их в обыкновенном обществе. Но тут пробуждаются новые, сильнейшие сомнения: Фауст не может быть членом общества – он чувствует, что не умеет быть полезен для людей, как бы ему хотелось: его считают превосходным че-лове ком, уди вля ются е го самоотве рже нию, благода рят за благодеяния, а он мучится мыслью, что вместо добра, которого он хотел, его действия принесли только вред людям. Тут-то и является

ему Мефистофель, то есть рождается в душе Фауста безусловное отрицание всего,

что прежде считал он целью своей жизни.

«Я и отец, за темные дела». В подлиннике: «О, если бы ты мог читать в моей душе, как мало заслуживали мы с отцом такую славу!» «Так нежну лилию порой» и т. д. «Нежная лилия», «лев», «царица молодая» (в подлиннике: красный лев, лилия и молодая царица) –] алхимические термины, употреблявшиеся в медицине. Красный лев – алхимический элемент, из которого рождалось золото; лилия такой же элемент, из которого рождалось серебро; царица молодая– философский камень–рождалась от соединения (выражаясь алхимическим термином: бракосочетания) красного льва с лилиею.

«От севера и жалит и язвит» и т. д., то есть: северный ветер приносит стужу, восточный–засуху, южный–зной, западный– дожди и наводнения.

«Вон черный пес во мраке рыщет» – легенда, на которой основана трагедия, говорит, что Мефистофель принимал на себя вид собаки.

Мефистофель является Фаусту, когда он убедился, что не только знать истину, но и быть полезным для людей не может он. Из человеческого общества, в котором Фауст думал найти отраду, уносит он в свой кабинет зародыш полнейшего отрицания. Н о ч ь (с н о в а в к а б и н е т е Ф а у с т а) . Мефиетофель-скаптицизм прокрадывается к Фаусту так, что он сам этого не замечает, пока, чтобы успокоиться от недоумений смущенного духа, не обращается мыслью к богу. Тут только Мефистофель, не терпящий святого имени, является Фаусту в своем настоящем образе, т. е. Фауст видит, что потерял даже веру в бога, что от наблюдения человеческой и своей собственной жизни (что выражено сценой за городскими воротами) поколебалось его убеждение не только в собственных силах (как прежде), но также и убеждение в разумности порядка вселенной, поколебались идеи добра и правды.

«Что разуметь под словом» и т. д. В подлиннике: «Вот уже 786

я и недоумеваю. Я не могу так высоко ценить «слово». Надобно перевесть иначе, если я озарен светом духа. В начале был разум.

Но должно обдумать эту первую строку, чтобы не ошибиться от поспешности. Разве разум производит все? Надобно было бы сказать: ib начале была сила. Но не успел я еще дописать этого слова, а уже чувствую, что оно неудовлетворительно. Но вдохновение помогает мне, я понимаю, и с уверенностью пишу: в начале было бытие (действительность, факт, die That)».

Соломонов ключ – кабалистическая книга, в которой, между прочим, находятся формулы для заклинания стихийных духов. Фауст воображает, что Мефистофель подчинился его заклинанию, т. е. что человек может оставаться господином над духом отрицания, однажды пробудившимся в нем. Он устежоивается этою надеждою (засыпает под обаятельные напевы своей мечты), а между тем, отрицание уже ускользает нзнпод власти его (Мефистофель уходит из комнаты, в которой воображает запереть его Фауст) и является уже независимо от его воли силою. (Мефистофель приходит – в следующей сцене – как свободный дух, который соглашается служить Фаусту, имея в виду только собственные свои выгоды).

Странствующими схоластиками назывались в средние века побродяги, занимавшиеся различными учеными шарлатанства-ми– преимущественно чернокнижием. Это сословие имело такую дурную славу, что было несколько . раз отлучаемо от церкви собраниями немецких епископов.

«Всем смерть, а смерти все боится». В подлиннике: «Все, что имеет начало, заслуживает погибели»; непреложно только одно вечное – законы природы и стремления человеческого духа. Пентаграмма-кабалистический знак, пятиконечная звездочка. Мефистофель мог войти через порог потому, что линии, образовавшие обращенный наружу угол звездочки, не были плотно сомкнутъ!.

К а б и н е т (сцена договора).

Отрицание овладевает Фаустом. Он предается Мефистофелю потому, что теперь для него все равно: нет для него ясных примет, по которым можно было бы различать добро от зла, истину от лжи; его высокие стремления к истине и благу, к наслаждениям, упоение которых проникало бы все его существо, и к деятельности,

которая была бы вполне благотворна для людей, – все эти стремления остались неудовлетворенными, неисполненными, и утрата прежних надежд отозвалась в нем нестерпимым страданием. Он решился покинуть эти стремления, как ложиые и бесполезные.

Но как покинуть их, как забыть о них? – разве чад страстей заглушит мучительную потребность истины и блага. Таков совет Мефистофеля. Фауст согласен – для него, кажется ему, осталась 50 * 787

одна отрада – самозабвение. Он хочет испытать, не дадут лй ему страсти этой отрады.

Но Мефистофель только тогда овладеет Фаустом, если в самом деле страсти (односторонние увлечения) доставят Фаусту самозабвение, если он будет очарован ими, если в самом деле угаснет в нем потребность высших стремлений, исчезнет потребность наслаждений полных и полной истины.

Таков договор. Человек остановится на отрицании только в том случае, если оно удовлетворит ему, а пролог уже сказал нам, что это невозможно.

«Уж если так, мне дерево давай» и т. д. В подлиннике: «Укажи мне плод, который истлевал бы прежде, нежели будет сорван (то есть который не увядал бы в моих руках, который вкушал бы я свежим с дерева жизни), укажи мне деревья, с каждым днем зеленеющие новыми листьями» (то есть которые не наскучили бы мне однообразием, на которых не было бы ни одного увядшего листа – то есть дай мне наслаждения свежие, вечно новые, не пресыщающие).

«Я с жизнию прощаюсь сам». В подлиннике: «Пусть будет то моим последним днем» (то есть тогда я отдаюсь тебе вполне, отказываюсь от жизни, о какой мечтал прежде, отказываюсь от всех своих высших стремлений, нравственно умираю).

«И время на косу падет». В подлиннике: «И пусть тогда исчезнет для меня время» (то есть прекратится моя жизнь, иду я в твое царство – царство нравственной смерти).

«На жизнь или на смерть прошу две строчки». В подлиннике: «Заклинаю тебя жизнью и смертью, дай мне записочку».

«В безустали прямой делец мужает». В подлиннике: «Только в неутомимой деятельности мужает человек».

«Пускай для образца создаст вам идеал». В подлиннике:

«Пусть он сочинит из вас идеал» (а я не берусь за то, чтобы вместить в тебя все совершенства).

Итак, Мефистофель становится неотлучен от Фауста. Прежде всего он издевается над прежними его занятиями – мистифирует пришедшего к Фаусту ученика, внушает юноше презрение к наукам, в которых можно найти (по его мнению) только тупоумные нелепости или пустословие, – одно шарлатанство ведет к существенным выгодам. (Заметим, что Мефистофель осмеивает в нау-

ках только действительно нелепые стороны и школьное педантство, – стало быть, его отрицание ведет к развитию наук.)

«Но мне, клянуся бородою». В подлиннике: «Но мне, с длинною моею бородою».

П о г р е б А у е р б ах а.

Первая страсть,, которою Мефистофель хочет довести Фауста до забвения высоких потребностей его натуры, – самая низкая 788

из сильных физических страстей – грубое, грязное пьянство.

Но Фаусту оно отвратительно. Первая попытка Мефистофеля решительно неудачна.

Конечно, мы поняли бы трагедию Гете односторонним образом, если бы кроме одной общей мысли – провести Фауста (человека в его стремлении к истине) через

искушения жизни, не видели и другой мысли в выборе различных сцен этой драмы:

Гете хотел, чтобы ib его творении отразились все направления, все сферы жизни. В первой части он исполнил одну половину плана — изобразил частную жизнь. Во второй он хотел изобразить государственную жизнь, развить свои понятия о значении науки, искусства. К сожалению, вторая часть, написанная или переделанная им уже во время нравственной его дряхлости, вышла неудачна, и только первая часть плана] — изображение частного быта — исполнена, действительно, гениальным образом. «Сударыня ласточка» и т. д. У Гете Фрош поет народную немецкую песню: «Взвейся, госпожа ласточка, поклонись моей милой десять тысяч раз».

«Как патер ожирела». В подлиннике: «Как доктор Лютер».

Первый стих песни, которую поет Мефистофель, в подлиннике: «Жил был король».

К у х н я в е д ь м ы ,

Мефистофель ведет Фауста в кухню ведьмы с двоякою целью. Пьянство не понравилось Фаусту; но он жаждет любви: волшебный напиток ведьмы возвратит ему молодость и свежесть сил для наслаждения этим чувством. Но с тем вместе кухня ведьмы представляется вместилищем грубого суеверия, прикрашиваемого шарлатанством. Быть может, стремление Фауста к истине отуманится хитросплетенными речами и песнопениями, в которых бессмыслие облечено пышными фразами, так что может казаться глубокою мудростью. Но и эта попытка напрасна: Фауст до того презирает бессмысленную символистику, что даже не слушает ее; ему отвратительно видеть и нелепую обстановку, которою считает нужным окружать себя ведьма. — В своих сходбищах с бесами и в своих волхвованиях ведьмы пародировали религиозные обряды.

Морской кот с кошкою и детенышами выбраны быть служителями ведьмы, как безобразные животные. Мефистофель очень приятно чувствует себя среди их грубого фетишизма. Он любезничает и проказничает с ними. И они и ведьма говорят много фраз без смысла — невежественные поклонники их церемоний должны терять последний смысл, отыскивая смысл в этом сумбуре, «Двух ваших воронов не вижу». По немецким преданиям, диавола сопровождают два ворона.

«Напрасное старанье: дух истины сокрыт» и т. д. В подлин-789

нике: «Высокая сила познания от всего света сокровенного! Тому, кто не мыслит, дается она без всякого труда».

«Приятеле мой в больших чинах». В подлиннике: «Приятель мой выдержал много экзаменов».

У л и ц а .

В грубых страстях и обманах Фауст не нашел ничего, кроме

отвратительного для себя. Но любовь овладевает им с страшною силою. Найдет ли он в этом высоком чувстве полное удовлетворение потребностям своей натуры? Заставит ли оно его отказаться от всех других высоких стремлений? Нет; одностороннее увлечение любовью не дает человеку полного счастья. Известно, что в имени Маргериты Гете увековечил воспоминание о первой своей любви.

П р о г у л к а .

«Старуха за стряпчим». В подлиннике: «За духовником».

«На такой де, сударыня, предмет благотворительный есть комитет». В подлиннике: «Церковь».

Д о м с о с е д к и М а р т ы .

«Одни в большой пустился свет». В подлиннике: «Уехал рыскать по свету».

«И хоть бы мне свидетельство иметь», т. е. о смерти мужа, «чтобы можно было поскорее снова выйти замуж».

Л е с и п е щ е р а .

Фауст ощущает все блаженство любви, — но удовлетворяет ли оно его, может ли он успокоиться в этом чувстве? Нет, вместе с блаженством оно вносит в его сердце борьбу и страдание, — он мучится опасением последствий, он терзается, разделенный жаждою страстного наслаждения и обязанностью не подвергать позору свою милую. Он уже не может решиться, должен ли видеться с нею. Его уже начинает беспокоить совесть. Притом же, — хоть он и скрывает это сам от себя, ему уже отчасти скучно подле Гретхен. Но жажда наслаждения берет верх, — он снова спешит к Гретхен.

С а д с о с е д к и М а р т ы .

И не только Фаусту начинает быть скучно подле Гретхен, не только совесть упрекает его, — являются положительные поводы

к недовольству Гретхен: она не может разделять его понятий, 790

она хочет, чтобы он возвратился к понятиям, пора которых уже пережита Фаустом, к которым он уже не может возвратиться, — она требует, чтобы он для нее отказался от приобретений, сделанных его мыслью, — это невозможно.

«Не возносясь душою». В подлиннике: «Но ты не алчешь их». «Не осуждай меня, прекрасное созданье». В подлиннике: «Не толкуй ложно моих слов, моя милая» (т. е. не выводи из них, что я положительно не верую).

«Чудак! зачем подспорье мне?» В подлиннике: «Да ведь именно в этом и радость моя».

У к о л о д е з я .

Сибилла—старуха, промышляющая ворожбою и устройством любовных интриг,

«Безделка с узелкам гуляет». В подлиннике: «Гадкое дело». «Прийдется босиком на исповедь пройтись» и т. д. Обряды, которыми наказывал обычай девушку, которая лишилась чести. Она должна была стоять на церковной паперти, босая и в так называемом «грешном рубище»; когда потом выходила она замуж, не смела надевать венок, какой надевали невесты, бывшие честными девушками, — если же она решалась на эту дерзость, молодые люди срывали с нее венок. Девушки сыпали ей по дороге в церковь рубленую солому. Обычаи эти сохранились до сих пор в южной Германии.

Ч а с о в н я .

Молитва Маргериты внушена церковным католическим гимном «Stabat mater dolorosa».

Н о ч ь . У л и ц а п е р е д д о м о м М а р г е р и т ы .

«Тут знаешь, почему не спишь» (на Вальпургском празд-

нике) — на шабаше ведьм происходят сцены разврата. Вальпургиина ночь — с 30 апреля та 1 мая, — 1 мая в старину католическая церковь праздновала память святой Вальпургии. Причина, почему шабаш ведьм отнесен народным поверьем к ночи на 1 мая, состоит в том, что этот день в язычестве был одним из торжественнейших праздников.

«Скажи, зачем тайком» — песня эта .переделка песни о Валентиновом дне, которую поет у Шекспира Офелия.

«Проклятый .мышелов» — присловье, основанное на предании о гамельнском мышелове, который выманивал мышей своими песнями. Гете написал песню этого мышелова, которой он хвалится, что выманивает вслед за собою не одних мышей, но и красоток.

791

В н у т р е н н о с т ь с обора.

«Ты мать родную погубила»– снотворное снадобье, которое давал Мефистофель для усыпления матери Маргериты, было ядовито.

«Dies irae, dies ilia» – католический церковный гимн. Вот перевод его:

День гнева обратит в пепел вселенную.

Когда воссядет на престоле судия, откроется все тайное и ничто не останется безнаказанным.

Что скажу тогда я, бедный (или бедная), чьего заступничества буду просить я, когда и праведник едва спасется?

Что окажу я тогда, бедный?

В а л ь п у р г с к а я ночь.

Шабаш ведьм и нечистых духов – это картина разгульнейшего разврата,

Фауст, кая убийца Валентина, должен бежать от преследова-

ний закона. Маргерита одна, беззащитная, лишенная всякой отрады, а ее ждет позор – связь ее с Фаустом должна обнаружиться. Фауст пытается забыться от терзаний тоски о судьбе Гретхен в излишествах одуряющего разгула, но грязный цинизм все-таки отталкивает его, и среди сцен дикой оргии носится перед его глазами мертвенно-бледный образ страдалицы, которую погубил он. Он не может ни успокоиться, ни забыться, – он должен спасти ее.

Шабаш вед им собирается на Брокене, высочайшей вершине Гарца. Мефистофель ведет туда Фауста.

Блудящие огоньки, по немецкому поверью – души людей, не удостоившихся спасения, особенно младенцев, умерших без крещения. Они принадлежат царству нечистой силы.

Уриан – имя диавола.

Баубо – бесстыдная ведыма, предание о которой перешло в поверья средних веков из греко-римской мифологии. «Поросятницу ль седлает» – Баубо едет верхом на супоросой свинье.

В рядах лиц, мелькающих перед Фаустом на шабаше, например, отставного генерала, экс-министра и т. д., слышатся пародии на нелепые толки, какие повторяются в действительном мире – все нелепое, безумное собралось на Брокен, чтобы высказаться и разгуляться с полною бесцеремонностью.

Лилит – по талмудическим сказкам первая, отверженная за свои проступки жена Адама– суеверие обратило в ведьму, являющуюся по ночам. В косе Лилиты живут легионы бесов.

Смысл грубых шуток относительно яблок и дупла легко отгадывается.

792

Проктофантазмист – карикатура мелочных преследователей суеверия, которые ратуют против предрассудков, не понимая ос

нований, на которых держатся эти предрассудки, а только голословно осуждая их нелепость, и дивятся безуспешности своей борьбы.

Красный мышонок – отвратительный цинизм – народное поверье говорит, что у ведьмы изо рта часто выпрыгивают красные мышенята и даже кошки.

Едва Фауст прикоснулся к развратнице-ведьме, как с отвращением оттолкнул ее – и с новою силою пробудилась в нем мысль о той невинной, которую погубил он. Она в оковах – она, быть может, казнена за детоубийство...

За «Вальпургскою ночью» следует у Гете интермеццо «Сон в Вальпургскую ночь, или золотая свадьба Оберона и Титании», навеянное фантастическими драмами Шекспира.

Оно не имеет связи с первою частью трагедии и по своему исключительно аллегорическому характеру принадлежит уже второй части. Потому г. Струговщиков справедливо опустил эту постороннюю, произвольно вставленную сцену.

П а с м у р н ы й день.

Эта сцена в подлиннике написана прозою, – вероятно, для того, чтобы сильнее было впечатление, производимое ритмическим движением следующей (последней) сцены, чтобы и внешнею формою отличить раздумье (в Пасмурном дне) от драматизма последней сцены.

Плаха, около которой в радости беснуются ведымы, – конечно, ожидает Маргериту – убийцу матери, убийцу брата, убийцу своего дитяти.

Т е м н и ц а .

Песни Маргериты – «Моя мать, б...., отравила меня» – переделка народной песни, которая <ЛпоетсяЛ> в кабаках и тому

подобных местах – это отголосок развратных преступников и преступниц, с которыми осуждена сидеть в тюрьме несчастная Мар -герита. Бедная девушка близка к помешательству. Позор и страдания, муки совести, казнь и ад, – под этим страшным бременем изнемогает ее бедный ум.

Примечания.

ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1 «Очерки гоголевского периода русской литературы» занимают среди других критических выступлений Чернышевского исключительное место.

В своей работе он стремился не только напомнить учение Белинского, но и дать сж атую историю русской общественной мысли тридцатых] – сороковых годов, показать, что истинными преемниками Белинского были революционные демократы. С необыкновенным искусством обходя цензурные препятствия, Чернышевский писал о революционной традиции, к которой он сам примыкал. Чернышевский объявил беспощадную войну сторонникам «чистого» искусства. О б этом он особенно много говорит в последней главе, где подводит окончательные итоги своего исследования. Литературная борьба демократов с либералами велась в довольно своеобразной форме; было принято говорить о борьбе пушкинского и гоголевского направления.

П од первым подразумевалось чисто эстетическое направление литературы, под вторым – общественно-крити ческое. Конечно, было совершенно неправильно по существу трактовать Пушкина как поэта «чистой формы» и вкладывать его богатейшее творчество в узкие рамки «эстетического» направления, – «пушкинское начало» и «гоголевское начало» стали условными обозначениями. Л ибералы прикрывались именем Пушкина, в противовес им революционные демократы подчеркивали значение гоголевской школы.

В «Очерках» современники сразу услышали боевой клич. И з жур-

налов на статьи Чернышевского отозвались «Отечественные записки». В № 10 за 1856 год («Ж урнальные заметки») дан резкий отзыв о шестой главе «Очерков», где говорится о критике Белинского и Герцена. По-настоящему принял бой А. В. Дружинин, поместивший в «Библиотеке для чтения»

(1856, № № 11, 12) большую статью «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения». Он противопоставляет удесь гоголевскому направлению – пушкинское, говорит о необходимости «артистического» понимания задач литературы, умаляет роль Белинского.

Ряд откликов вызвали «Очерки» Чернышевского в переписке современников. В то время как Л . Толстой и В. Боткин высказывались о них определенно отрицательно, И. С. Тургенев занял двойственную позицию. Он пишет (Панаеву, Б откину), что хотя Чернышевский н обращается нецеремонно с живыми людьми, отчего многие могут струсить, но статья «прекрасна* я многие страницы его искренно тронули. Толстому он пишет: «Теперь о статьях Чернышевского. Мне в них не нравится их бесцеремонный и сухой тон, выражение черствой души, но я радуюсь возможности их

появления, радуюсь воспоминаниям о Белинском, радуюсь тому, что, наконец, произносится с уважением его имя» («Тол стой и Тургенев», «Переписка», изд. Сабашниковых,

М.. 1928, стр. 2 0 -2 1).

794

2 Астрся – в греческой мифологии дочь З евса и Фемиды, богиня справедливости. Выражение «век Астреи» равносильно по смыслу выражению «золотой век».

3 Перевод В. Жуковского элегии английского поэта Г рея «Сельское кладбище* был впервые напечатан в «Вестнике Европы» Карамзина, 1802,

№ 24; баллада Жуковского «Светлана» появилась в 1813 году.

4 То есть со времени смерти Белинского.

® Цитата из «З аписок сумасшедшего» дана с некоторыми пропусками и неточностями.

6 Подробного разбора второго тома «Мертвых душ» Чернышевский

7 Имеется в виду Белинский.

8 Речь генерал-губернатора в «Мертвых душах» встретила такую оценку, вероятно, в связи с тем, что Чернышевский был увлечен яркою картиною чиновничьих преступлений, какие там даны, и «силою благородного негодования» Гоголя против общественных язв старой России.

9 Для понимания этого места необходимо иметь в виду то, что говорит Чернышевский в предисловии к «Л ессингу»: ...Надобно признаться, доля литературы в историческом процессе, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не так значительна, чтобы заслуживать особенного внимания. Действительно, литература почти всегда имела для развития человеческой жизни только второстепенное значение... Исключений из этого обыкновенного порядка, случаев, когда литература являлась действительно главною двигательницею исторического развития, очень немного. («Современник», 1856, IX, 68– 69). Совершенно таким же «исключением

из общего порядка» представлялась Чернышевскому и русская литература; по историческим условиям развития русского народа литература тридцатых – сороковых годов X I X века, в лице прежде всего Гоголя и Белинского, явилась могущественным фактором прогрессивного общественного развития.

10 Автор статей о Пушкине здесь и дальше – В. Г. Белинский. По цензурным условиям, при ужасающей реакции, воцарившейся в России после 1848 года, имя Белинского стало запретным и совсем не упоминается

в журналистике 1848– 1855 годов. Чернышевский, поставивший себе в «Очерках гоголевского периода» целью напомнить русскому обществу о Белинском, не сразу мог назвать его: в первых трех очерках он называет его «автором статей о Пушкине» или каким-нибудь другим иносказательным термином; впервые великий критик назван по имени в четвертом очерке.

11 В «Литературной газете», 1830, № 5, помешен отзыв о романе «Юрий Милославский», принадлежащий Пушкину. Отзыв этот в общем благоприятен Загоскину.

12 «Якуб Скупалов, или исправленный муж. Нравственно-сатирический роман современных нравов в 4 частях». Роман этот, принадлежащий

П. П. Свиньину, вышел в 1830 году.

13 В отзыве Чернышевского о В. Т. Нарежном заключается недооценка этого писателя, нередко, действительно, «неуклюжего» по своей литературной манере, но тем не менее сыгравшего заметную роль в развитии русского реалистического романа н определенно воздействовавшего на Гоголя.

14 З десь приводится ряд цитат из известного стихотворения Некрасова 1852 года

«Блажен незлобивый поэт...», вызванного смертью Гоголя.

15 «Юридический характер» – то есть характер политических доносов.

18 «Русский вестник» – ежемесячный журнал, издававшийся в 1841–

1844 годах в Петербурге Н. И . Гречем. Греч привлек к участию в журнале Н . А. Полевого, который и стал фактическим руководителем «Русского вестника».

17 Под «лучшими и вернейшими учениками» Гегеля Чернышевский подразумевает левых гегельянцев и прежде всего Людвига Фейербаха.

18 «Молодой противник» Полевого – В. Г. Белинский.

19 «Несколько слов о современной русской критике», «Русский вестник»,

795

20 Имеется в виду прежде всего Аполлон Григорьев с его стихотворением «И скусство и правда» в «Москвитянине», 1854, № 4.

21 Б рошюра «Николай Алексеевич Полевой», автором которой был Белинский, вышла в 1846 году в Петербурге.

22 Резко отрицательное отношение к творчеству Виктора Гюго, выраженное во многих местах «Очерков», было у Чернышевского устойчивым. Он упоминает о Гюго в своих сибирских письмах. В письме от 25 апреля 1877 года говорится: «Драмы Виктора Гюго – нелепая дичь,

как и его романы и лирические его произведения. Нетерпим он мне. И я даже полагаю, что у него нет таланта, а есть только дикая заносчивость воображения». Через 6 лет, 10 августа 1883 года, Чернышевский пишет: «Виктор

Гюго не стоит и чтения, не только труда переводить; это взбалмошный ритор, не поэт» («Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 157; вып. III, стр. 227).

23 Строка из баллады Шиллера «Торж ество победителей» в переводе Жуковского.

24 «Русский вестник», 1842, № 6.

25 З десь есть неточности. Первоначальный набросок статьи «Ж изнь» относится к 1832 году, статьи «О б архитектуре нынешнего времени» – ко второй половине 1833 года. Д ля печати обе эти статьи, так же как и статья «Скульптура, живопись и музыка» (а не «поэзия »), набросанные, действительно, в 1831 году, были отделаны в 1834 году.

26 С этим отзывом можно сопоставить то, что говорит Чернышевский

о Григорьеве в письме к Тургеневу от конца 1856 года. В этом письме он резко высказывается против представителей современной критики и советует Тургеневу не обращать внимания на их мнение. «Когда вы приедете сюда, в Петербург, если вы захотите говорить со мною, я вас попрошу указать мне во всем, что написано Боткиным, Дружининым, Дудышкиным... хотя одну мысль, котооая не была бы или банальною пошлостью, или бестолковым плагиатом. По-моему, уж лучше Аполлон Григорьев – он сумасшедший, но все же человек (положим, без вкуса), а не помойная яма» (Н . Г. Чернышевский, «Л итературное наследие», т. II, стр. 358).

27 Общий очерк Сенковского «Скандинавские саги» напечатан в «Б иблио-теке для чтения», 1834, т. I, перевод «Эдмундовой саги» – в томе 2. Под русским переводом саги в «Б иблиотеке для чтения» был напечатан и исландский текст.

28 Сенковский выступил с резкой полемикой против книги Гаммера-Пурнителя «Sur les origines russes» в статье «Письмо Тютюнджи-Оглы-Мустаф а-Аги», настоящего турецкого философа, к одному из издателей «Северной пчелы» («Северная пчела», 1827, № № 129– 133). В распространенном виде его статья вышла в 1828 году в Петербурге на французском языке в ограниченном количестве экземпляров. В тринадцатом томе «Энциклопедического лексикона» Плюшара Сенковскому явно принадлежит не подписанная статья «Гаммер», где о немецком ориенталисте дается

уничтожающий отзыв.

29 Насмешки над Шамполлионом, нашедшим способ читать египетские иероглифы, находятся в книге Сенковского «Подвиги барона Брамбеуса. I. Фантастические путешествия барона Б рамбеуса» (СП Б ., 1833).

30 Автор этой статьи доказывает, что Сенковский подражал различным произведениям европейской литературы; Статья «Б арон Брамбеус и

юная словесность» подписана: «Н . П -щ -в». З а этим псевдонимом скрывался Н . И . Павлищев.

31 Отзыв Сенковского о поэме В. Р. З отова «Последний Хеак» напечатан в «Библиотеке для чтения», 1842, том 53, в отделе «Литературная летопись».

32 «Д ва отрывка из драматической грезы» Доминикино Фети, или непризнанный гений» — пародия Н ового Поэта (И . И. Панаева) на драматическую фантазию Н . В. Кукольника «Торквато Тассо». Пародия эта напечатана в «Соэременнике», 1847, т, I, н. 2, «См«сь» стр. 164— 170.

796

33 «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею» — поэма

И. П. Мятлева. См. рецензию Чернышевского на эту книгу (в этом томе).

34 Н е совсем точно, что отзыв Сенковского об «Ара бесках» был довольно благосклонный. Это еще можно сказать относительно повестей, входящих в этот сборник Гоголя, но о статьях «Ара бесок» Сенковский отозвался самым отрицательным образом.

33 «Б иблиотека для чтения», 1835, книга IX.

35 Очевидно, имеются в виду Булгарин и Греч.

37 В 1845 году три номера «Москвитянина» вышли под редакцией И. В. Киреевского.

38 Самая остроумная из пародий принадлежит Герцену (вероятно, именно

ее и имел в виду Чернышевский). Это — «Путевые заметки г. Ведрина», напечатанные в «Отечественных записках», 1843, № 9 — чрезвычайно удачная пародия на «Д орож ный дневник» Погодина, печатавшийся в течение 1843 года в «Москвитянине», а в 1844 году вышедший отдельной книгой («Год в чужих краях». Дорожный дневник, 4 тт., М., 1844).

39 Статья И . Киреевского цитируется неточно.

40 Стихотворение Хомякова «М ы род избранный», помещенное в первом томе славянофильского «Московского сборника», сразу обратило на себя неблагосклонное внимание московского генерал-губернатора З акревского и Третьего отделения. Второй том «Московского сборника» был запрещен.

41 «Поездка в Кирилло-Б елозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. Шевырева. 1847» (М ., 1850).

42 Шевырев пропагандировал идею, что в русском стихосложении может быть такая же октава, как в итальянском, причем предлагал производить такие же слияния гласных (соединяя воедино слово, кончающееся гласным звуком, и следующее слово, начинающееся гласным), какие свойственны итальянскому языку. Он давал и образчики такого нового стихосложения, переведя в октавах 7-ю песню «Освобож денного Иерусалима» Та ссо. Октавы Шевырева выходили очень неуклюжими и часто вызывали насмешки в литературе.

43 И з стихотворения Шевырева «Ж елезная дорога» («Москвитянин»,

1842, № 3, ч. 2, стр. 7— 10).

44 Первая строфа из стихотворения Шевырева «14 и 18 ноября» («Москвитянин»,

1853, № 23, ч. 1, стр. 163– 166).

45 Статья Шевырева о Бенедиктове была помещена в «Московском наблюдателе», 1853, № 11.

46 «Сын отечества» – журнал, выходивший в Петербурге в 1812– 1852 годах. В разное время он появлялся ежемесячно, по два раза в месяц и еженедельно. Редакторы и издатели его менялись, но большею часть своего существования он был в руках Греча и Булгарина. В 1842 году, к которому

47 «Эконом. Хозяйственная общеполезная библиотека» – еженедельное издание, выходившее в Петербурге в 1841– 1853 годах (фактически последний номер за 1853 год вышел уже в 1855 году). Редактором его был сначала один Булгарин, потом Булгарин совместно с Вл. Бурнашовым.

48 «Рыцарь без имени»– конечно, Белинский.

49 В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1 8 0 3)

А. С. Ш ишков открыл кампанию против языковой реформы Карамзина и с яростью обрушился на карамзинистов, призывая их вернуться к славянскому языку и отказаться от заимствований из французского языка, пагубных, по его мнению, и для русского языка и для русских нравов.

84 Повидимому, это возведение совершенно бесцветного А. В. Никитенко в звание вождя «натуральной школы» объясняется со стороны Шевырева только тем, что Никитенко в 1847 году был официальным редактором" «Современника», хотя нисколько не влиял на содержание и направление журнала.

797

61 «Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы» Шевырева печатался в «Москвитянине», 1848, № № 1 и 2.

52 «Памятные листки ошибок в русском языке, встречаемых в произведениях многих русских писателей» И . Г. Покровского печатались в «Москвитянине», 1852 (№ 2 4) и 1853 (№ № 3,5,6, 9, 10, 17, 21, 22, 23). Своею мелочною придирчивостью Покровский вызвал протесты и насмешки в печати.

63 Строка из оды Ломоносова «Н а день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны 1759 года и на победу над королем прусским».

64 «Ответы на рецензии первых доух выпусков книги «И стория русской словесности, преимущественно древней». Ответ «Сыну отечества». «Москвитянин», 1848, JMs 1.

65 Шевырев, прожив несколько лет в Италии, имел слабость на каждом шагу, очень часто совершенно некстати, вводить в свои статьи итальянские впечатления.

56 В изданиях Пушкина последнего времени (например, в издании Академии наук, т. I, 1937, стр. 224) эти две строчки из стихотворения Пушкина «З аздравный кубок» печатаются именно так, как предлагал Шевырев: Бранной пабавы

Л юбит не я

Автограф этого стихотворения не сохранился. Н о сохранилась копия, сделанная чужой рукой с собственноручными поправками Пушкина. В этой тетради Пушкин строки «Бранной забавы любит не я» заменил следующими: Бранной забавы Мы не друзья.

Этот вариант, конечно, и следует считать окончательным, как последнюю редакцию самого Пушкина. Совершенно понятно, что первая редакция, неправильная грамматически, представлялась Чернышевскому абсолютно неприемлемой.

К этому следует прибавить, что вариант Бранной забавы Л юбит не я

был напечатан впервые в 1827 году в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год». Б ез сомнения, это было известно Шевыреву, и он предлагал не свой домысел, а восстановление того вида, какой стихотворение имело в названном альманахе. Ч то касается до варианта «Бранной забавы любить нельзя» в первом

посмертном собрании сочинений Пушкина, то его следует считать совершенно произвольным.

57 «З агадка», заданная Шевыревым, так и осталась не разрешенною: какой литературный образ, якобы повлиявший на Лермонтова, он имел в виду — неизвестно.

68 «Мертвые души», глава IX. Слова дамы, приятной во всех отноше-

69 Первые строки из баллады Ж уковского «Старый рыцарь».

60 Стихотворение Лермонтова 1840 года, не имеющее названия и начинающееся этими строками.

61 Своеобразное место, занимаемое Баратынским в русской поэзии, определяется как раз его органической склонностью к размышлению и рефлексии. «Гамлет-Б аратынский», определял его Пушкин за эту склонность.

62 Чернышевский приводит с небольшим изменением строчку из стихо--. творения Шевырева 1830 года «Чтение Д анте»:

798

Ч то в море купаться — то Д анта читать:

Стихи его тверды и полны,

Как моря упругие волны1 Как сладко их смелым умом разбивать I Как дивно над речью глубокой Всплываешь ты мыслью высокой:

Ч то в море купаться — то Данта читать.

Стихи эти в свое время неоднократно были предметом насмешек в литературе.

CJ Все названные писатели — крайние реакционеры.

64 О б отношении Гоголя к Гофману см. в книжке В. Виноградова «Гоголь и натуральная школа» (Л ., 1925).

03 Описка Чернышевского; имя Д юрера был о не Ал ьберт, а Ал ьбрехт. в6 В «Современнике» напечатано с явным искажением смысла: «Я и не доволен прежнею твоею ж изнью». Эта ошибка повторялась и в последующих изданиях «Очерков».

67 Князь П. А . Вяземский в 1855— 1558 годах был товарищем министра народного просвещения. П оэтому Чернышевский и заявляет, что он мог бы критиковать его в случае надобности, но воздерживается от похвал: эти

похвалы могли бы быть приняты за лесть.

68 «Современник», 1836, т. II.

69 В «З аписках о Н екрасове», относящихся к восьмидесятым годам, Чернышевский писал: «Я имел о деятельности Петра Великого мнение, существенно различное от мнения того круга замечательных людей, в котором сформировался образ мыслей Н екрасова (Б елинский, Герцен, их друзья). Я и теперь полагаю, что Мегмет-Ал и не был полезен для Египта.

Не считаю полезной для Турции деятельность Махмуда II. В те времена

я не судил о них мягче, нежели теперь» (Е . Ляцкий, «Чернышевский в редакции «Современника», «Современный мир», 1911, X , 166). Однако данное место «Очерков» противоречит приведенным словам Чернышевского. Очевидно, то отрицательное отношение к деятельности Петра I, о котором он говорит, сложилось у него уже позже 1856 года.

70 Чернышевский приводит эти строки Пушкина в том виде, какой придал им для цензуры Ж уковский. Как известно, пушкинский текст Оыл рной:

И долго буду тем любезен я народу,

Ч то чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал.

Подлинный текст Пушкина стал известен только в 1881 году.

71 Строчка, взятая (с маленьким изменением) из посвящения поэмы «Войнаровский» К. Ф . Рылеева:

Как Аполлонов строгий сын,

Ты не увидишь в них искусства;

З а то найдешь живые чувства –

Я не поэт, а гражданин.

72 З десь подразумеваются три статьи Чернышевского в «Современнике»

1855 года по поводу издания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова.

73 Н . И . Надеждин умер 11 января 1856 года.

74 «Сонмище нигилистов. Сцена из литературного балагана» – «Вестник Европы», 1829, № 1. Слово «нигилисты» употреблено Надеждиным

в смысле: люди, ничего не знающие, ни в чем не разбирающиеся.

799

75 «Вестник Европы», 1829, № 10.

76 Строчка из басни Крылова «К онь и всадник».

77 «Эда », «Б ал » и «Н алож ница» – поэмы Е. А . Баратынского, «Чернец. Киевская повесть» и «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» – поэмы И. И. Козлова,

78 Атеней – «журнал наук, искусств н изящной словесности», издававшийся в Москве профессором М. Г. Павловым в 1828–1830 годах. Выходил два раза в месяц.

79 Статья Бенигны (Н . А . П олевого) «Н овости и перемены в русской журналистике на 1829 год», «Московский телеграф», 1828, ч. 23, № 20.

80 Каченовский явился в цензурный комитет с официальной жалобой на цензора, пропустившего статью Полевого.

81 В статье Чернышевского о Пушкине (по поводу издания его сочинений под редакцией Анненкова).

82 Вторая строка эпиграммы приведена неверно: нужно не «под Ролле -ном», а «над Ролленом».

83 См. собрание сочинений В. Л Пушкина, изд. Смирдина, СПБ.,

1855, стр. 150– 151.

84 Очевидно, имеется в виду стихотворение В. Л . Пушкина 1830 года «А . С. Пушкину».

80 «Р усский зрител ь»– журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов, выходивший два раза в месяц (очень нерегул ярно) в Москве в 1828– 1830 годы под редакцией Д . П. Ознобишина и К. Ф . Калайдовича. В нем участвовали князь Вяземский, С. Н . Глинка, Надеждин и др.

86 «Московский телеграф», 1830, № 10, стр. 224–238.

87 Объявление о книжной лавке Курносова – «Московский телеграф», 1832, № 1 1 .

88 Ф . В. Булгарина, имя которого Чернышевский вообще избегает называть в «Очерках», как слишком презренной личности, сотрудника Третьего Отделения,

89 «Торж ество друж бы, или оправданный Александр Анфимович

Орл ов» – «Тел ескоп», 1831, № 13, и «Н есколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем »– «Тел ескоп», 1831, № 15.

90 Строчка взята из «Певца во стане русских воинов» В. А. Ж уков-ского, причем допущено небольшое изменение. У Ж уковского:

З латые игры первых лет.

91 Статья Надеждина «Б орис Годунов. Сочинение А . Пушкина. Беседа старых знакомцев» была помещена в «Телескопе», 1831, ч. 1, № 4. Н е-точно, что он один оценил «Б ориса Годунова»: драма Пушкина вызывала восторг еще тогда, когда поэт ее читал в Москве в рукописи. В литературе высоко оценили «Б ориса Годунова» Д . В. Веневитинов, И . В. Киреевский и др.

92 «И сторическая эпиграмма» Е. А. Б аратынского напечатана в «Московском телеграфе», 1829, № 7, апрель.

93 Поставленный Чернышевским вопрос о влиянии Надеждина на Белинского позже неоднократно обсуж дался в литературе. Чернышевский решил этот вопрос положительно, признав главной заслугой Надеждина то, что он был «образователем автора статей о Пушкине». З а эту заслугу Чернышевский склонен многое простить Надеждину и высоко поднять его. Противниками этого мнения были М. Филиппов («Р усское богатство», 1894, № 9),

И. Иванов («И стория русской критики») и особенно С. Венгеров, много говорящий об этом в комментариях к «Л итературным мечтаниям» в I томе собрания сочинений Белинского. Вопрос об отношениях Белинского и Надеждина вновь рассматривался П. Коганом (в статье о Надеждине в «Очерках по истории русской критики» под редакцией А. Луна-

в аргументации Венгерова и заканчивает ее таким совершенно правильным доводом:

«...Н есмотря на свои монархические взгляды, на известный общественный индифферентизм, Надеждин, по сравнению с Полевым, представляет некоторый шаг вперед в истории нашего сознания. Его смутные искания принципов «новой поэзии», которая не похожа вполне ни на романтизм, ни на классицизм и в которой не трудно уловить зародыши будущего реализма, – эти искания, несомненно, пролагали дорогу Белинскому и нашей последующей общественной критике».

94 Первоначальный текст этого примечания, помещаемый здесь, Чернышевский несколько расширил после сделанных Панаевым редакционных указаний. В новой редакции (см. текстологические примечания) он главным образом распространился об ученых заслугах протоиерея Павского.

Г. П. Павский, выдающийся гебраист и филолог, занимал кафедру еврейского языка в Петербургской духовной академии с 1814 года по 1835.

С 1819 года он был профессором богословия в Петербургском университете.

В начале сороковых годов петербургский и московский митрополиты подняли вопрос о «неправоверии» Павского, проявленном им в переводе некоторых книг библии на русский язык; вследствие этого Павский был отстранен от преподавания закона божьего при дворе, и с него было взято синодом особое письменное исповедание его веры. Только после смерти Николая I окончилась опала Павского.

95 С предельною в цензурных условиях ясностью Чернышевский говорит здесь о Фейербахе, у которого философия «сливается с антропологиею».

96 Через два года по поводу Станкевича высказался Д обролюбов в статье «Николай Владимирович Станкевич» («Современник», 1858, книга IV.

См. также «Полное собрание сочинений Добролюбова в шести томах»,

т. III, 1936, стр. 62– 78). Статья Д обролюбова была вызвана книгой

97 З десь впервые Чернышевский называет Белинского по имени вместо различных описательных выражений.

95 С. П. Шевырев. Он отказался напечатать в 1835 году в журнале «Московский наблюдатель» повесть Гоголя «Н ос». См. статью Белинского «Литературные и журнальные заметки» в «Отечественных ааписках»,

1842, № 12.

99 Знакомство Станкевича с Белинским относится к 1831 году, сближение к 1832 году.

100 П о всей вероятности, говоря об «именах, еще более выразительных», Чернышевский имел в виду М. А. Бакунина (Герцен в «Московском наблюдателе» не участвовал).

101 В журнале («Современник», 1856, книги 1 и 2) и в первом отдельном издании («П овести и рассказы», 1856, ч. III) роман кончался свиданием Рудина с Лежневым; последними его словами были слова: «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!» Сцена гибели Рудина на баррикадах появилась впервые только в издании 1860 года («Сочинения», издание Основского, т. IV).

102 Переводы К. С. Аксакова из Гете и Шиллера, помещенные им

в «Московском наблюдателе», а также и в других местах – см. «Сочинения К. С. Аксакова т. I, П., 1915, стр. 129– 157.

103 Одобрительно, но более сдержанно отозвался через два года

о поэзии Красова (и Клюшникова) Н . А. Д обролюбов в статье «Николай Владимирович Станкевич».

104 Впоследствии Чернышевский не обращался к повестям П. Н . Кудрявцева.

103 Повести и рассказы П. Н . Кудрявцева, печатавшиеся им в разных журналах под псевдонимом «А. Н естроев» или «А. Н .» («Катенька Пылаева», «Флейта», «Последний визит», «Сбоев», «Б ез рассвета» и Др.), уже

61 Н. Г. Ч ерны ш евскнП , т. III 801

После efo сМерТН были выпущены отдельным изданием («П овести и рассказы», 2 ч., М ., 1860). Чернышевский, отводящий Кудрявцеву место непосредственно после Пушкина, Лермонтова и Гоголя, преувеличивал значение есо довольно скромного таланта. Белинский, очень хорошо относившийся к. Кудрявцеву, как человеку, неоднократно высказывался о его произведениях в. восторженных выражениях, но с течением времени осознал преувеличенность своего увлечения.

106 Намек на то, что общественные взгляды А. А. Бестужева (Марлин -ского), видного декабриста, не нашли отражения в его художественном творчестве.

107 Автором предисловия к «Гимназическим речам» Гегеля, как и переводчиком этих речей был М. А. Бакунин. Чернышевский, конечно, не мог назвать по имени Бакунина, находившегося в 1856 году в Шлиссельбурге.

108 С этим определением войны 1812 года, как спасительной для русского народа, следует сопоставить такое замечание Чернышевского:

«Суворов, конечно, был гениальнее Кутузова и Барклая-де-Толли, но дело, совершенное Барклаем и Кутузовым, бесконечно превышает своим историческим значением все дивные подвиги Суворова» («Л ессинг», Предисловие, «Современник», 1856, IX, стр. 70).

109 Повидимому, Чернышевский здесь имеет в виду высказывание Фейербаха.

по Б еа сомнения, Чернышевский говорит здесь о Павле Васильевиче Анненкове.

111 Автором «Хроники русского в Париже» в «Современнике» был Александр Иванович Тургенев.

112 Чернышевский говорит здесь о попытках «примирения» науки с религиею.

113 И з стихотворения Л ермонтова 1838 года «Д ума» («Печально я гляжу на наше поколенье...»).

114 «Великая внутренняя борьба» – французская буржуазная революция конца XV III века.

115 Наиболее крайние проявления увлечения односторонне понятым Геге-

л ем– статьи Белинского «Менцель, критик Гете», «Б ородинская годовщина» и «Очерки Б ородинского сражения».

116 З десь и дальше, говоря об «Огареве и его друзьях», Чернышевский имеет в виду прежде всего Герцена, имя которого он не мог назвать по цензурным причинам. Огарев в 1856 году выехал за границу, но еще не перешел на положение эмигранта: официальное распоряжение об его изгнании из России состоялось только в декабре 1861 года.

117 П од «Н овыми теориями национального благосостояния» Чернышевский подразумевает теории французских утопических социалистов. В буржуазной литературе больше всего насмешек вызывали идеи Фурье.

118 Внешние обстоятельства, мешавшие личным сношениям, – это высылка из Москвы Герцена и Огарева.

119 В «Б ылом и думах» рассказывается об этом знаменитом споре Белинского, проявившего «неумолимую последовательность», с Герценом:

«З наете ли, что с вашей точки зрения, – сказал я ему, думая поразить

его моим революционным ультиматумом, – вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать.

– Без всякого сомнения, – отвечал Белинский, – и прочел мне «Б оро-динскую годовщину» Пушкина.

Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами. Р аз-молвка наша действовала на других, круг распадался на два стана. Бакунин хотел примирить, объяснить, заговорить, но настоящего мира не было, Белинский, раздраженный и недовольный, уехал в Петербург и оттуда дал по нас последний, яростный залп в статье, которую назвал «Бородинской

годовщиной».

Ш

Я порвал с ним тогда все сношения» (А. И, Герцен, Полное собрание сочинений и писем, том XIII, стр. 15– 16).

120 О том, как Герцен воспринял философию Гегеля, рассказывается в «Былом и думах».

121 Эта «новая философия» – философия Фейербаха. Герцен в «Былом

и думах» рассказал о сильнейшем впечатлении, которое произвел на него при первом же знакомстве этот мыслитель (Полное собрание сочинений и писем, том XIII, стр. 20),

122 См. выше приведенную цитату из «Б ылого и дум» (примеч. 119), где говорится, что статья «Б ородинская годовщина» была «последним яростным залпом» по Герцену.

123 О Герцене и Бакунине Чернышевский не мог говорить по цензурным причинам, на

что он здесь и намекает.

124 Относительно Клюшникова Чернышевский ошибся: он умер

16 февраля 1895 года. Ошибка естественная: в начале сороковых годов Клюшников покинул Москву, поселился у себя в именьи, в Харьковской губ., перестал печататься и порвал связи со всеми прежними знакомыми.

I2j В том, что говорит Чернышевский в шестой главе «Очерков» о кружках Станкевича и Герцене, он очень близко следует «Былому и думам» Герцена — тем главам, которые появились в первой книжке «Полярной звезды» (1855). Именно об этом говорит В. П. Боткин в письме к Тургеневу от 10 ноября 1856 года. «Статьей Чернышевского, о которой ты упоминаешь, были здесь все недовольны, главное потому, что она служит как бы комментарием к запискам другого автора. Такая наивная откровенность вовсе неуместна» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. «Неизданная переписка/), «Academia», 1930, стр. 104— 105), «З аписки другого автора» — это, конечно, «Былое и думы». Кроме того, следует иметь в виду как источник для Чернышевского в шестой главе н устные сообщения ему Анненкова,

126 Рыцарь Тогенбург — герой баллады Шиллера с тем же названием, переведенной В. А. Жуковским.

127 Калибан — действующее лицо драмы Шекспира «Б уря».

128 «Другой роман» — это «К то виноват» Герцена; это произведение печаталось в «Отечественных записках» 1845 и 1846 годов (тт. 43 и 45) и в «Современнике», 1847, № 1. Белинский говорил о нем и о романе Гончарова в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» («Современник», 1848, № № 1 и 3).

129 «Брынский лес» — историческая повесть Загоскина, «Симеон ' Кир-дяпа» (Русская быль X I V век а)— повесть Н- А. Полевого,

130 Роман Ф, В. Булгарина.

131 З десь Чернышевский сводит вместе мнения различных критиков Гоголя — Полевого, Сенковского, Шевырева, Булгарина и др.

132 А. Студитский, о котором шла речь выше.

133 И з «Альбома Онегина».

134 Аполлон Майков, первое издание «Стихотворений» которого вышло в 1842 юду.

13э Ошибка: надо № № 1 и 4.

136 И з стихотворения 1838 года «П оэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»). Цитата неточная. У Лермонтова не «ты нужен был толпе», а «он нужен бил толпе». Последние две строки у Лермонтова читаются так: Звучал, как колокол на башне вечевой Во дни торжеств и бед народных.

51 * 803

АЛ Е К С АН Д Р СЕ Р ГЕ Е ВИ Ч П УШ К И Н . Е ГО Ж И З Н Ь И СОЧ И Н Е Н И Я. * В изданий 1856 года между портретом Пушкина и титульным листом был лист, на котором стояло: «Чтение для юношества. А. С. Пушкин, его жизнь и сочинения». Очевидно, этот лист и рекомендовал Чернышевский

вырвать, как и предисловие издагеля.

1 Чернышевский ошибся: стихотворение «К другу стихотворцу» было напечатано в «Вестнике Е вропы», 1814, № 13. В номере же восьмом была помещена такая заметка: «П росим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием: «К другу стихотворцу», как и всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса».

3 З десь, как и дальше, в рассказе о ссылке Пушкина в Михайловское, Чернышевский должен был. считаться с цензурными возможностями для детской книги.

СО Ч И Н Е Н И Я Т . Н . ГР АН О В С К О ГО , Т О М ПЕРВЫ Й.

1 Первое посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина вышло в

11 томах под редакцией В. А. Ж уковского и других друзей Пушкина. Наиболее видную роль в его редактировании, кроме Ж уковского, играл П. А. Плетнев. Первые восемь томов были напечатаны в 1838 году в типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, а три последние в 1841 году в типографии Глазунова. Это издание отличалось очень большими недостатками.

2 Строчка взята из стихотворения А. С. Хомякова «Н очь», помещенного в «Русской беседе», 1856, I. Хомяков в своем стихотворении говорит о пробуждении в нравственно-религиозном смысле; Чернышевский, цитируя эту строку, переосмыслил ее.

3 Рецензия Чернышевского в «Современнике», 1855, № 9.

Б АЛ Ь З АК .

1 Биография Бальзака, написанная его сестрой, позже вышла отдельным изданием.

2 Роман Бальзака «Шуаны, или Бретань в 1799 году», вышел в 1829 году.

3 В этом месте рассказа сестры Бальзака заключается недоразумение.

вика X V I , потому что тот умер в 1793 году, вскоре после казни крроля.

Свои обязанности он передал сыну, Анри Сансону (1767– 1840), который казнил Марию-Антуанетту, принцессу Елисавету, герцога Орлеанского и др. Может быть, этого Сансона и видел Бальзак? Вообще обязанность парижского палача была наследственной в семье Сансонов в семи поколениях (с 1688 до 1847 года).

С Т АТ И С Т И Ч Е С К О Е О П И С АН И Е К И Е ВСК ОЙ ГУБ Е РН И И изд. И . Фундуклеем.

1 Ошибка Чернышевского. Автором статей в «Современнике» о железных дорогах был не статистик Дмитрий Петрович Журавский, а инженер Дмитрий Иванович Журавский (1 6 2 1 – 1890).

2 Я. Соловьев, «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии», М., 1855. З а это сочинение Географическое общество дало Я. А • Соловьеву золотую медаль.

804

Д Е Т С ТВ О И О Т Р О Ч Е С Т В О Л. Н . Т О Л С Т О ГО .

ВОЕ Н Н Ы Е Р АС С К АЗ Ы Л . Н . Т О Л С Т О ГО .

1 Статья Чернышевского была вызвана выходом в свет в 1856 году двух первых отдельных изданий Тол стого – «Д етство и отрочество» и «Военные рассказы». Личные отношения Чернышевского и Тол стого были в это время весьма неудовлетворительны. Толстой был настроен враждебно к Чернышевскому, считал вредным его влияние в «Современнике» и не скрывал этих мнений, – например, писал об этом Некрасову. Чернышевский безусловно был осведомлен об этом. Те мнения по общим вопросам, которые выражал в 1856 году Толстой в литературных кружках, были глубоко антипатичны демократу Чернышевскому. Н о ни классово враждебная Чернышевскому идеология Толстого, ни личные выступления последнего против молодого критика не помешали последнему дать чрезвычайно объективную статью о Толстом. Очень проницательно определяет он здесь сильные стороны Тол -стого – глубину психологического анализа и чистоту нравственного чувства.

«М ы любим не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь», говорит Чернышевский, и доказывает, что в данном случае обвинения неосновательны. Знаменательное предсказание о Тол -стом, которым Чернышевский заканчивает статью, является образцом замечательного художественного понимания и высокой критической проницательности. Среди критических статей Чернышевского статья о Тол -стом должна быть поставлена на одно из первых мест.

2 Все названные здесь произведения были первоначально напечатаны в «Современнике» 1852– 1856 годов.

3 «Севастополь в мае месяце».

* Цитата не совсем точна. У Тургенева:

Крылом своим меня одень,

Волненья сердца утиши, –

И благодатна будет тень Для очарованной души.

Б И Б Л И О ГР АФ И Я Основьяненко, Г р. Данилевского.

1 Статья Г. П. Данилевского «Хутор близ Диканьки» была напечатана

в «Московских ведомостях», 1852, № 124 (с исправлениями перепечатана в «Русском инвалиде», 1853, № 26). Различные ошибки Данилевского указаны в статье «Выправки некоторых биографических известий о Гоголе» – «Отечественные записки», 1853, Ne 2.

2 Данилевский позже действительно написал биографию В. Н . Каразина.

3 Сен-Жюльен в 1853 году печатал в «Journal de Saint-Petershourc» серию статей под заглавием «Causeries russes». В одной из этих стате й (1853, № 89) он поместил неумеренную похвалу Г. П. Данилевскому, против которой сам Данилевский принужден был протестовать в «Петербургских ведомостях».

4 Роман Д . Н . Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нра-

вов и образа жизни, семенной и одинокой, русских дворян» (6 частей) был выпущен анонимно первым изданием в 1832 году. Роман писателя-сибиряка И. Т . Калашникова «Д очь купца Ж олобова. Роман, извлеченный из иркутских преданий» (4 части) появился в 1831 году. Оба романа пользовались а свое время известным успехом и выдержали по нескольку изданий.

5 Русский роман Квитки-Основьякенки «Пан Халявский» вышел первым изданием в 1840 году, роман «Ж изнь и похождения Петра Степанова, 805

сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XV III века – в 1841 году.

6 «Сердешна Оксана» – повесть Квитки на украинском языке, впервые появившаяся в альманахе Гребенки «Л астовка» – в 1841 году, В следующем году повесть была дана в русском переводе в «Москвитянине».

7 Статья Сенковского, выдержку из которой приводит Чернышевский, напечатана в «Б иблиотеке для чтения», 1841, 1 («Л итературная летопись»).

8 Чернышевский подразумевает здесь Т . Г. Шевченко.

9 Чернышевский несправедливо сводит к нулю литературное значение Квитки, значительное влияние которого на последующую украинскую литературу несомненно.

Лейтенант и поручик, К. Масальского.

1 Романы «Л еонид, или черты из жизни Наполеона I» и «Таинственный монах, или некоторые черты из жизни Петра I» принадлежат Р. М. З отову.

«П ята, дочь Л едзейки или литовцы в X I V столетии» – переводный с польского романа Бернатовича (4 ча сти).

2 П овесть К. П. Масальского «Черный ящик» впервые вышла в 1833 году.

3 «И стория о храбром рыцаре Францыле Венциане и прекрасной королевне Ренцывене» и «П овесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской

маркграфини Фредерики Л уизы» – весьма распространенные лубочные романы, заимствованные из западно-европейской литературы. «Автором » второго из них, появившегося еще в X V I I I веке, был Матвей Комаров. К такому же типу лубочных романов относятся и «Похождения ожившего нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совестдрала, большого носа» (перевод с польского, М., 1781). Это образчик так называемого «пл утовского» романа.

Гражданские законы П сковской судной грамоты.

Сочинение И. Энгельмана. СПБ., 1855.

1 Рецензия Чернышевского на названное исследование Ф . Устрялова помещена в «Современнике», 1855, № 8.

Мельница близ села Ворошилова. Простонародный рассказ дяди Афанасия.

1 Псевдоним «дяди Аф анасия» принадлежит беллетристу, А. С. Аф а-насьеву (Ч уж бинскому).

Лож ь и правда о войне на Востоке. Ж о ш

'Рецензия Чернышевского на книгу В. Ж оли «Л ож ь и действительность Восточной вой н ы »,– «Современник», 1855, № 12.

2 Хатти-шериф (или гати-шериф) – султанский указ.

Правила конюшенного хозяйства или обязанности кучера. О. С. Пашкевича -1 Наставление дворникам. Правила, извлеченные из свода законов и приказов С.-П етербургского полицеймейстера. СП Б ., 1855.

Обзор главнейших путешествий и географических открытий. К. Ф . Свенске 1 Ошибка Чернышевского. В книге Свенске (стр. 119) названо путешс-ствие по Испании Циглера в издании Ф р. Флсйшера.

806

Стихотворения гр. Ростопчиной. Том первый.

1 Чернышевский неоднократно высказывался о произведениях графини Е. П. Ростопчиной. Совершенно естественно, что его отношение к представительнице консервативно-дворянских тенденций в литературе и защитнице «чистого искусства» было резко отрицательным. Таким оно было и у Добролюбова, написавшего в 1857 году рецензию на роман в письмах Р ос-топчиной «У пристани». В этой рецензии Д оброл юбов прибегает к тому же

приему вышучивания Ростопчиной, что и Чернышевский: он делал вид, что принимает главную героиню романа, выражающую в сильной степени взгляды и стремления самого автора, за сатирическое изображение, и хвалит Ростопчину за тонкость и меткость ее сатиры. г В. Г. Белинский.

3 Сын купца – Н . А. Полевой, сын уездного лекаря – Белинский. «Мелкопоместный, чуть не однодушный уездный дворянин» – вероятно,

О. И. Сенковский, происходивший из бедной шляхетской семьи. Странно, что вместо последнего Чернышевский не назвал сына священника (Н . И. Н а-деждина). Может быть, он опасался, что некоторые читатели смогут это понять, как намек Чернышевского на себя самого.

Вестник естественных наук. 1856, № 1.

1 «Вестник естественных наук» – журнал, издававшийся Московским обществом испытателей природы в 1854– 1860 годах.

Журнал садоводства, книжка 1.

1 «Журнал садоводства» издавался в Москве Российским обществом любителей садоводства в 1838– 1859 годах и затем в 1861 – 1863 годах. Силуэты, сцены в стихах В. Н. Попова.

1 И з стихотворения Лермонтова «Н е верь себе».

Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Книжка III.

1 «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества» – журнал, издававшийся в 1852– 1884 годах. Выходил в неопределенные сроки отдельными книжками (преимущественно н Тифлисе). Стихотворения Ивана Никитина.

1 Отрицательное отношение к Никитину, как к холодному версификатору и подражателю, разделялось и Д обролюбовым – но лишь до известной степени. Поэме Никитина «Кулак» Д оброл юбов дал в 1858 году оценку довольно благожелательную. По поводу нового издания стихотворений Никитина 1860 года Д обролюбов дал отзыв в общем близкий к тому, что говорил Чернышевский, но все -таки с некоторыми смягчениями и оговорками.

1 «Театральный разъезд» Гоголя Чернышевский цитирует неточно.

3 Начало стихотворения 1850 года «К л юч».

4 Стихотворение 1850 года, не имеющее заглавия, начинающееся приведенными у Чернышевского сі роками.

с Начало стихотворения «Вечер после лож дя» (н первоначальной редакции).

с Стихотворение 1849 года, не имеющее заглавия и начинающееся приведенными у Чернышевского строками.

I Начало стихотворения 1850 года «Н очь» (цитата неточна. У Никитина: «Оделося сумраком поле»).

8 Начало последней строфы стихотворения 1851 года «Н а западе солнце пылает».

807

9 Стихотворение 1851 года, не имеющее заглавия и начинающееся приведенными словами, Трудно понять, в чем Чернышевский усматривал подражание пушкинскому «Я помню чудное мгновенье».

10 И з стихотворения «Мрамор».

II Стихотворение 1851 года «Н очь на берегу моря».

12 Сильно задетый статьей Чернышевского, Никитин излил свои чувства в обширном письме к Краевскому от 20 августа 1856 года (И . С. Никитин, Полное собрание сочинений в одном томе под редакцией М. О. Гершензона, издание А. С. Панафидиной, М., 1912, стр. 292– 294).

Российская родословная книга, иэд. кн. Долгоруковым. Часть третья.

1 Рецензия Чернышевского на первые две части «Российской родословной книги» Долгорукова помещена в «Современнике», 1855, № 2. Стихотворения Кольцова.

1 Чернышевский часто говорил о Кольцове, он всегда очень высоко оценивал творчество этого поэта. Данную статью он почти ограничивает обширными цитатами из Белинского, но заключительное обобщение он дает свое: «П о энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Л ер-монтов, по совершенной самобытности Кольцов может быть сравним только с Гоголем». В «Очерках гоголевского периода» он говорит, что в новой русской литературе только два человека могут быть названы гениями: Белинский и Гоголь. «Б ыть может, Кольцов был бы третьим в этом ряду, если бы прожил долее или обстоятельства позволили его уму развиться ранее».

Как и для Белинского, Кольцов для Чернышевского – «сын народа в полном значении этого слова». Для него важно, что Кольцов, выступивший в тридцатые годы, сумел сказать свое собственное слово, выразить чувства и чаяния широких народных масс.

2 При жизни Кольцова его стихотворения издавались только однажды – в 1835 году.

Издателем был Н . В. Станкевич: в книгу вошло только восемнадцать стихотворений. В 1846 году стихотворения Кольцова со статьей Белинского были изданы Н . Некрасовым и Н . Прокоповичем. Перепечаткой мтого издания и было издание 1856 года (Солдатенкова и Щепкина).

Блокада крепости Костромы. А . С. С-иа.

1 А. П. С-н – псевдоним Александра Павловича Протопопова (1814–

1867), по сцене и в литературе Славина, весьма посредственного артиста Александринского театра.

Ничтожное произведение Славина дало Черныше вскому повод высказать лишний раз свое отвращение к бесплодному гелертерству и формальной «учености».

Значение Пушкина в истории русской литературы. Речь Булича.

1 В своей автобиографии Н . Н . Булич признает основательность неблагоприятного отзыва Чернышевского об его актовой речи. «О речи о Пушкине 1855 года сделал весьма неблагосклонный отзыв в «Современнике»

1855 года (ошибка: 1856. – М . К .) Н . Г. Чернышевский, и хотя в июньской или июльской книге «Отечественных записок» А. Д . Галахов и заступился за меня, но мне досталось поделом за риторику, и я благодарил критика, с которым мы часто виделись, за хороший урок» (С. А. Венгеров, Критико -

Запаски о жявва Н . В. Гоголя.

1 «Опыт биографии Н . В. Гоголя, со включением до сорока его писем» был напечатан в «Современнике», 1854 г., тт. 43 и 44, и в том же году вышел отдельным изданием. Автор его, как и «З аписок о жизни Николая Васильевича Гоголя», был П. А. Кулиш, который в то время по цензурным условиям не всегда мог выставлять свое имя.

2 «И стория моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова была впервые напечатана в «Русском архиве», 1890, № 8.

3 По совершенно понятным причинам Чернышевский говорит здесь только

О впечатлении, произведенном на Гоголя статьей Белинского в «Современнике», умалчивая о. гораздо большем впечатлении, которое Гоголь получил от знаменитого письма к нему Белинского. Именно на это письмо Гоголь и написал около 10 августа 1847 года ответ, потом изорванный им. Этот ответ напечатан в IV томе писем Гоголя под редакцией Шенрока; стр. 32– 41.

Для легкого чтения. Том I.

1 Сборники «Для легкого чтения» редактировались Н . А. Некрасовым.

С 1856 по 1859 год вышло 9 томов.

История балтийских славян. А . Гильфердинга.

1 Имеются в виду книги Гильфердинга «О б отношении языка славянского к языкам родственным» (М ., 1853) и «О сродстве языка славянского с санскритским» (СПБ ., 1853). Рецензия Чернышевского на эти книги помещена в «Современнике», 1854, № 10.

О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала.

Речь проф. Бабста.

1 Не довольствуясь этой рецензией, Чернышевский в 1857 году поместил в № 10 «Современника» новую рецензию, воспользовавшись тем случаем, что речь Бабста вышла вторым изданием.

1856, V.

Стихотворения Н . Огарева.

1 Выход в свет стихотворений Огарева дал Чернышевскому возможность еще раз, как он уже это сделал в «Очерках гоголевского периода», напомнить читающему обществу о кружке Герцена и его значении. Чернышевский, высоко ценивший стихотворения Огарева, не останавливается

на их художественной стороне: для него важно «в поэзии его показать отпечаток школы, в которой воспитался его талант», подчеркнуть, что «Старый дом» (то есть дом, в котором жил в юности Герцен) принадлежит истории, как принадлежат ей вообще жизнь и произведения Огарева. В 1856 году Чернышевский уже далеко ие был солидарен во всем с Герценом: он пошел дальше его. Н о он считал необходимым воздать полную дань благодарности своим предшественникам. Про тех представителей молодого поколения, которые были готовы пойти дальше первых людей 40-х годов, он говорит: «они знают, что если они могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому 809

только, что дорога проложен* и очищена для них борьбою их предшественников, и более, нежели кто-нибудь, почтут деятельность своих учителей».

2 Школа, в которой воспитался талайт Огарёва,'— кружок Герцена.

3 Дафнис — герой сицилийских сказаний, сын Гермеса, изображается в «пастушеской» романе «Дафнис и Хл оя ».

• 4 Выделяя особо мотив дружбы в творчестве Огарева, ЧернышеЬский прибегает к легко разгадываемому аллегорическому языку. Патрокл — друг героя троянской войны Ахилла. Н е названный, но подразумеваемый Ахилл — это Герцен, чьим «П атроклом» был Огарев.

5 В таком искаженном по цензурным условиям виде эта строка напечатана в издании Солдатенкова 1856 года. В действительности строка имела

такой вид:

Перед истиной нагой исчез и иризрак бога.

u В дальнейшем Чернышевский не возвращался к творчеству и деятельности Огарева. Это и понятно, принимая во внимание, что в 1856 году Огарев стал эмигрантом.

Областные учреждения в России в XVII веке. Б, Чичерина.

1 «Обзор исторического развития сельской общины в России», — «Р ус-ский вестник», 1856, 1. См. отзыв Чернышевского об этой статье в «З а -метках о журналах» за апрель.

2 «О народности в науке», — «Русский вестник», 1856, № № 5 и 9; «Несвободные состояния в древней Р уси», — «Русский вестник», 1856, № 3.

3 Работа Чичерина «Областные учреждения в России в XV II веке» была закончена еще в 1853 году. Юридический факультет Московского университета отказался принять эту работу в качестве диссертации, потому что, по словам декана факультета Баршева, «древняя администрация России представлена была в слишком непривлекательном виде». Та же неудача постигла Чичерина и в Петербургском университете. Книга могла появиться в печати лишь после окончания николаевского царствования.

4 Ряд статей И. Е. Забелина по отдельным вопросам о быте русских царей и цариц X V I — XV II веков печатался в «Отечественных записках»

1851 — 1858 годов. В отдельном издании «Домашний быт русских царей» в X V I — X V II веках вышел в 1862 году. «Домашний быт русских цариц» —

в 1869 году.

Плен у Шамиля. Е. Вердереаского.

1 «Кавказские пленницы, или плен у Шамиля» Е. Вердеревского первоначально

печатались в «Отечественных записках», 1856, ч. 104.

Сенсации и замечания г-жи Курдюковой.

1 «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этран-ж с» — юмористическая поэма Ивана Петровича Мятлева (1796— 1844). Первое издание ее вышло в трех томах в 1840— 1844 годах.

Собрание стихотворений В. Бенедиктова.

1 Имеется в виду Шевырев,

2 Эта и следующая цитата взята из статей Белинского.

Стихотворения Некрасова.

1 Книга стихотворений Некрасова вышла в свет в го врбмя, когда Некрасов был за границей и «Современником» руководил Чернышевский.

Т о обстоятельство, что Чернышевский перепечатал в «Современнике» три стихотворения из сборника Некрасова, вызвало целую бурю против жур-810

нала (в особенности негодовали в реакционных кругах за перёпечатку «Поэта и гражданина»). В 1886 году Чернышевский в письме к Пыпину подробно изложил эту историю. Явно преувеличивая свою вину, он, между прочим, пишет: «Это дело моей неопытности и несообразительности имело чрезвычайно тяжелое влияние и на «Современник» и на судьбу «Стихотворений Некрасова»... Беда, которую я навлек на «Современник» этою перепечаткою, была очень тяжела и продолжительна. Цензура очень долго оставалась в необходимости давить «Современник»— года три, это наименьшее; а вернее будет думать, что вся дальнейшая судьба «Современника» шла под возбужденным моей перепечаткою впечатлением необходимости цензурного давления на него... О том, какой вред нанес я этим безрассудством лично Некрасову, нечего и толковать: известно, что целые четыре года цензура оставалась лишена возможности дозволить второе издание его «Стихотворений»...

(Н . Г. Чернышевский, «Л итературное наследие», III, 494— 495).

Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения.

1 Автором книжки «Александр Сергеевич Пушкин. Е го жизнь и сочинения» был сам Н. Г. Чернышевский. Книжка перепечатана в этом томе.

3 АМ Е ТК И О Ж УР Н АЛ АХ.

Апрель 1856.

1 В 1855 году Чичерин написал «Восточный вопрос с русской точки зрения», но статья эта распространялась лишь и рукописном виде, напечатана

она была только в 1861 году за границею.

Май 1856.

1 Статья Тертия Филиппова в нервом номере «Русской беседы» посвящена драме Островского «Н е так живи, как хочется». Статья Филиппова в значительной части состоит из о-бщих рассуждеиий об основах семейной жизни, о браке, который автор рассматривает с обскурантно-христианской точки зрения. Чернышевский прав, говоря, что развиваемая Филипповым идеология была бы вполне под стать ультрареакционному «Маяку».

_ 2 Эту песню цитирует в своей статье Филиппов, восхищаясь заключенной в ней мыслью о необходимости для жены в семье смирения и покорности. Июнь 1856.

1 Стихотворение «Стонет сизый голубочек», ставшее распространенным романсом, принадлежит И. И. Дмитриеву. Песня «Взвейся, выше ионесися» приписывается поэту XV III века Н. П. Николеву.

2 «Пригожая повариха» — популярный в свое время неоконченный авантюрный роман М.

Д . Чулкова.

3 Статья Н . Ф . Павлова, действительно очень удачная, вызвала большие похвалы и в других журналах. Вот, например, что писали о ней «О те-чественные записки», «Н е рекомендовать мы хотим эту статью публике: без сомнения, статья давно уже прочтена всеми, кого только может интересовать и предмет, подпавший суждению, и самое суждение, далеко выходящее из ряда обыкновенных и принадлежащее к дорогим приобретениям критической литературы нашей. Равным образом мы не хотим оценять ее достоинства, которые так поразительны и блистательны, что не имеют надобности в постороннем разъяснении» (1856, X , отдел III, стр. 72).

Письма Н . Ф . Павлова к Гоголю по поводу книги последнего «Выбранные места из переписки с друзьями» напечатаны в «Современнике», 1847, VI. 811

Июль 1856.

1 П од NN подразумевается В. Г. Белинский.

2 Отметим, что в 1856 году Чернышевский, вместе с Пыпиным, Некрасовым, Д обролюбовым и др., подписался в «книге пожертвований на надгробный памятник В. Г. Б елинскому» («Сборник Пушкинского дома»,

1923 год, стр. 189– 190).

3 П од «страшною болезнью» Чернышевский подразумевает реакцию после революционных событий 184-8 года в Западной Европе.

4 Памятник Пушкину был воздвигнут (в М оскве) через 24 года после горячего воззвания Чернышевского (в 1880 г.).

Август 1856.

1 Роман Григоровича «Переселенцы» вышел отдельным изданием в 1857 году. Специальной статьи о литературной деятельности Григоровича Чернышевский не написал.

2 В 1856 году Чернышевский во всех своих отзывах неизменно ставит очень высоко произведения Григоровича и Тургенева на темы из крестьянской жизни. П озж е это отношение резко изменилось. См,, например, его знаменитую статью 1861 года «Н е начало ли перемены?»

3 В рассказе Карамзина «Ф л ор Силин, благодетельный человек» (1791) изображается трудолюбивый и зажиточный «поселянин», оказывающий благодеяния своим близким, например, в неурожайный год раздающий даром свой хлеб голодающим.

Октябрь 1856.

1 Ч тобы понять характер этого хвалебного отзыва о Дружинине, необходимо иметь в виду письмо Чернышевского к Н екрасову от 5 ноября 1856 года. Он пишет там: «В заметках о журналах – панегирик Д руж инину, новому редактору Б иблиотеки – я написал это с двумя целями так обширно и витиевато: 1) чтобы доказать вам мою приверженность к Друж.

2) чтобы был контраст между похвалами Совр-а улучшениям Библиотеки, радостью нашею будущим его успехам и между зложелательством Отеч. зап. к Совр. – потому что за похвалами Библиотеке следует в моих заметках суровое осуждение Отеч. зап., поместившим в № 10 грязную выходку такого смысла, что писатели, обязавшиеся печатать исключительно в Совр. – люди бесстыдные и бесчестные. Н а это нельзя было не отвечать: я отвечал с такою ж естокостью, которая превзойдет все ожидания «Отеч. зап». Дальше в атом письме Чернышевский снова возвращается к Дружинину: «Кстати о Д руж .: он будет в Библ. защищать свободное творчество и беспощадно разить таких безумных, как я. Н а это есть намеки даже в объявлении его о подписке на 1857 г. Тем не менее я питаю к нему самую нежную дружбу, и стрелы его, конечно, не так остры, чтобы возбуж дать во мне потребность ответа. С «Совр.» он хочет хранить приязнь, негодуя исключительно ка меня, – ну, пусть негодует, а я всегда буду отзываться о нем хорошо при всякой возмож ности» (Н . Г. Чернышевский, «Л итературное наследие», II, 344, 345). Истинное отношение к Дружинину вырази л ось в письме Чернышевского Тургеневу, писанном приблизительно

в то же время, как и выше цитированное письмо к Некрасову. Он говорит там, что во всем, написанном Боткиным, Дружининым и Дудышкиным, нельзя найти ни одной мысли, которая не была бы или банальной пошлостью, или бестолковым плагиатом («Л итературное наследие», II, 358).

2 В последних двух книжках «Современника» за 1856 год имя Дружинина еще продолжает появляться в журнале: в одиннадцатом номере напечатана его критическая статья о стихотворениях Полонского, в двенадцатом номере – перевод «Корол я Л ира». После 1856 года участие Дружинина в 812

«Современнике», естественно, было почти только номинальным: в 1860 году (N i 2) появились отрывки его перевода «Корол я Ричарда III», в 1862 году – весь этот перевод целиком (№ 5, приложение).

3 Чернышевский неправильно расшифровал подпись. Статья «Взгляд на русскую критику» в первом номере «Отечественных записок» за 1856 год с подписью «Г. Б -в-в» принадлежала Г. Е. Благосветлову. СтаТья посвящена «Современнику» за все время его существования. Благосветлов доказывает,

что критика этого журнала не имела никогда никаких руководящих принципов,

противоречила себе на каждом шагу, представляла отзывы о сочинениях, которых не читала, дала сотни рецензий, которые должны быть названы галиматьей, и хвалила или унижала писателей под влиянием личных побуждений. В статье говорится, что в первом периоде журнала критика «Современника» была гораздо добросовестнее, чем во втором периоде, начинающемся с 1847 года (т. е. с того времени, когда там стал писать Б елинский). «Пусть критика дорожит своими убеждениями, или пусть она исчезнет вовсе», – таков совет дает Благосветлов редакции «Современника». Об этой клеветнической статье говорится в «З аметках о журналах» «Современника» 1856,

№ 2 (стр. 217– 218). Совершенно правильно указывается здесь, что Г. Б - б - в смешал воедино три впохи «Современника» – пушкинскую, плетневскую и новейшую. «...Деятели одной эпохи упрекаются в противоречии тому, что говорили деятели другой эпохи; сводятся мнения за восемнадцать лет разных лиц, от Пушкина и Гоголя до Анненкова, Боткина, Галахова, Гаевского, Дудышкина, Некрасова, Панаева, Тургенева, Чернышевского и других, писавших и пишущих критические и библиографические статьи в ныне шнем «Современнике» – эти мнения сводятся, и противоречия, встречающиеся в них, возбуждают то удивление автора, то усмешку, то благородное и горячее негодование».

4 «Ты этого хотел, ты сам этого хотел, Ж орж Д анден!» И з комедии Мольера «Ж орж Данден или одураченный муж».

6 «Л исток для светских людей» – еженедельник, выходивший в Петербурге в 1839–1844 годах. С этим «светским» изданием был связан единством редакции еще «Журнал разного рода шитья и вышивок».

Декабрь 1856 г.

1 Парижский мир, о котором здесь говорится, был подписан 18 марта 1856 года (старого стиля).

2 В «Русском вестнике» 1856, ноябрь, книжка вторая, в объявлении о подписке на 1857 год упоминается об «обязательном соглашении» четырех авторов с «Современником». Редакция особо выделяет Тургенева, напоминая, что он давно уже обещал «Р усскому вестнику» новую повесть «Призраки», о чем и просил объявить подписчикам. «З ная лично г. Тургенева и имея основания уважать его не только как литератора, но и как человека, мы уверены, что в его глазах данное слово должно быть обязательнее самого формального обязательства, а потому мы не сомневаемся, что он, рано или поздно очистит себя и нас перед нашею публикою. Он может быть покоен: успех «Р усского вестника» от этого не до такой же степени увеличится, чтобы причинить значительный ущерб «Современнику». См. негодующее письмо Чернышевского к Некрасову от 5 декабря 1856 года по поводу этой выходки Каткова (Чернышевский, «Л итературное наследие», II, 348).

3 «Сын отечества», «журнал политический, ученый и литературный», выходил в Петербурге еженедельно с апреля 1856 года до 1861 года. И зда -телем-редактором

его был А , В. Старчевский. С «Сыном отечества», выходившим в 1812– 1852 годы, он не имел ничего общего, кроме названия.

4 Н . И . Костомаров, «Б орьба украинских казаков с Польшею в первой половине XV II века до Богдана Хмел ьницкого»,– «Отечественные записки», 1856, книга 9.

813

З АГР АН И Ч Н Ы Е И З В Е СТИ Я .

1 Этот отзыв Чернышевского о романе Диккенса «Крошка Доррит» для него не типичен: вообще он ставил творчество Диккенса очень высоко.

2 Чернышевский, по устаревшему теперь словоупотреблению, называет «журналами» газеты.

3 В 1829 году избранный президентом Джаксон начал энергичную борьбу против монополии Центрального банка Северо-Американских Соединенных Ш татов. Он привлек этой борьбой на свою сторону широкие массы населения и в 1832 году был переизбран президентом. В 1836 году Джаксон наложил свое вето на постановление конгресса о продолжении привилегий банку. В результате банк должен был ликвидироваться: вместо него возникло

множество частных кредитных учреждений.

4 Но-нотинги – политическая партия в С Ш А, выступившая на сцену в 1852 году (другое ее название – «Американская партия »). Своей основной целью партия ставила борьбу с тем, что новые эмигранты в Соединенные Ш таты получали сразу политические права американских граждан. Одно время партия но-нотингов была очень сильной, и, когда она на президентских выборах выставила своего кандидата, то казалась имеющей шансы провести его. Однако скоро но-нотинги сошли на-нет; вместе с остатками вигов, они вошли в состав республиканской партии.

Р АЗ Г О В О Р О Т Ч А С Т И Л И Т Е Р АТ У Р Н О ГО ,

А Б О Л Е Е Н Е Л И Т Е Р АТ У Р Н О Г О С О Д Е Р Ж АН И Я .

1 Неоконченная статья Чернышевского о «Рудине», заключающая высокую оценку этого романа, вполне совпадает по своему тону со всеми высказываниями Чернышевского о Тургеневе за 1856 год. Позднейший полный разрыв между Чернышевским и Д обролюбовым – с одной стороны, Тургеневым– с другой стал намечаться только в 1857 году. Пока же Чернышевский не только очень высоко ставил Тургенева, как писателя, но и относился к нему хорошо как к человеку. О последнем убедительнее всего говорит письмо Чернышевского к Н екрасову от 5 декабря 1856 года. Рассказав об одном литературном выступлении Каткова против Тургенева, он продолжает: «Я не знаю, приятна ли будет вам вражда с Катковым, потому пока удержался от ответа, но, признаюсь, оскорблен обидою Тургеневу более, нежели обидою, которая была бы написана мне самому. Пусть бранят кого хотят, но как осмелиться оскорблять Тургенева, который лучше всех нас, и, каковы бы ни были его слабости (если излишняя доброта есть сл абость), все-таки честнейший и благороднейший человек между всеми литераторами?» («Л итературное наследие», II, 3 4 8).

В участниках диалога о Тургеневе, данного Чернышевским в статье.

Нет оснований искать изображений каких-нибудь реальных лпи: это обобщ е-ния, а не портреты.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ

КОММЕНТАРИИ *.

О ЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКОГО П Е РИ О Д А РУССКОЙ Л И ТЕРА ТУ РЫ .

(стр. 5– 309)

Рукопись «Очерков гоголевского периода» хранится в Центральном государственном литературном архиве в виде автографа Чернышевского всего на ста сорока пяти

листах в полулист писчего формата, из них один лист в четвертку. Подзаголовки статей, имеющиеся в полном собрании сочинений 1906 г., рукописи и в «Современнике» отсутствуют.

С т а т ь я п е р в а я – на семи листах'– сохранилась не полностью: имеется лишь окончание, начиная со слов; «Вы говорите, что ошибка»

(стр. 36, 23 строка).

С т а т ь я в т о р а я – на двадцати четырех листах – сохранилась полностью.

С т а т ь я т р е т ь я – на шестнадцати листах – сохранилась не полностью, а в трех отрывках: 1) начиная со слов: «После всех фактов, приведенных выше» (стр. 114, 6 строка) до слов: «Заключим же» (стр. 121,

16 строка снизу), 2) начиная со слов: «То, что сказали мы о характерах»

(стр. 122, 17 строка снизу) до слов: «Ради этих немногих отступлений»

(стр. 124, 1 строка) и 3) со слов: «И я недоволен прежнею твоею жизнью», говорит ему Вагнер» (стр. 124, 7 строка снизу) до конца статьи. В нескольких местах рукопись исправлена рукою И. И. Панаева (см. разночтения и вставки о Вяземском на стр. 127, 16 строка снизу, и о Плетневе, стр. 131, строка 18).

С т а т ь я ч е т в е р т а я – на двадцати тести листах – сохранилась пс целиком. Начало представляет собою вариант текста, напечатанного в «Современнике», до слов: «Много было достоинств» (стр. 136, 11 строка); после этого рукопись утрачена до слов: «даже идее общечеловеческой правды» (стр. 138, 19 строка). В приложениях к статье первоначально в рукописи было дано 4 отрывка, обозначенные цифрами I, II, III и IV, но затем Чернышевский вычеркнул отрывок II, озаглавленный: «Полтава, поэма Алек -саядра Пушкина. СПБ. 1829» и обозначенный вместе с отрывком I: «Отрывки из статей экс-студента Никодима Надоумки». К вычеркнутому отрывку относится карандашная пометка Чернышевского: «выпущено мною по недостатку места». В I отрывке «Приложений» в рукописи отсутствует текст статьи Надоумко, он заменен карандашным указанием Чернышевского к типографии о наборе из «Вестника Европы» соответствующего текста.

* Составлены Н. М. Чернышевской, за исключением комментариев к статье «А. С. Пушкин. Его жизнь и сочинения», написанных М. М. Клевен -ским, которому принадлежит и подготовка текста этой статьи.

Сюда же относится замечание Чернышевского: «NB. Набирать по обыкновен -ному нынешнему правописанию, употребляя, как водится, вместо буквы V (ижицы. – Н . Ч.) букву в или и, а вместо буквы в, і, в, где нужно, буквы т, и, э.

Отрывок III («Извлечение из «Нового живописца») в рукописи вычеркнут карандашом, но в «Современнике» опубликован с небольшим изъятием, восстановленным нами в тексте.

Варианты этой статьи даны в приложениях к настоящему тому.

С т а т ь я п я т а я – на восемнадцати листах – носит на себе пометы красным карандашом И. И. Папаева. Все отмеченные им места вошли в «Современник» в исправленном виде. Исправления делались Чернышевским и в виде рукописных вставок, приложенных к основной рукописи, и на полях корректурных гранок, хранящихся вместе с рукописью в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись дает полный текст статьи, корректура также, за исключением небольшой вырезки, начиная со слов: «с того самого, на чем остановился Надеждин» (стр. 183, 21 строка снизу), и кончая словами: «помещенная в «Молве» (стр. 183, 16 строка). Рукопись и корректура заключают в себе обширный отрывок о Белинском, который, будучи вычеркнут в корректуре, не вошел в «Современник» и был заменен в нем текстом, начинающимся словами: «Главным деятелем критики гоголевского периода был Белинский» (стр. 182, 21 строка снизу) и кончающимся словами: «удачно ли, сильно ли высказывалась мысль» (стр. 183, 24 строка снизу). Часть этого текста была впервые опубликована в IV томе избранных сочинений Н. Г.

Чернышевского (ГИ З, 1930, стр. 502–503), как вариант к главе IV, остальное (см. приложения) было опубликовано в № 25–26 «Литературного наследства» (1936 г., стр. 140– 145) Г. Берлинером.

С т а т ь я ш е с т а я – на двадцати трех листах – представлена полностью.

С т а т ь я с е д ь м а я – на пятнадцати листах – представляет полный текст Чернышевского, но выписки из статей Белинского (из «Отечественных записок» и «Современника») в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных им мест.

С т а т ь я в о с ь м а я – на десяти листах – заключает в себе полностью текст Чернышевского и частично выписки из статей Белинского. К последним относятся: 1) со слов: «В краткой рецензии» (стр. 267, 1 строка примечания) и кончая словами: «(«Отечественные записки», 1845 г., № 5), было сказано» (стр. 267, 15 строка примечания); 2) со слов: «Разница, как видим, состоит» (стр. 268, 27 строка снизу), и кончая словами: «прямо от лица автора» (стр. 268, 10 строка снизу); 3) со слов: «Говоря строго, надобно признаться» (стр. 269, 8 строка снизу), и кончая словами: «бедная история нашей литературы» (стр. 270, 11 строка снизу). Остальные выписки из Белинского в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского о наборе отмеченных мест.

С т а т ь я д е в я т а я и п о с л е д н я я ' – рукопись на тринадцати листах – дает текст Чернышевского, но выписки из статей Белинского (из «Современника») в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных им страниц. Хранящаяся в Институте литературы Академии наук (Ленинград) цензорская корректура «Статьи девятой и последней» свидетельствует, что изъятия из рукописи, сделанные для «Современника», объясняются требованиями цензуры. Поэтому мы даем полный текст по рукописи, сверенной с корректурой. Изъятый текст частично был опубликован в № 46 «Литературной газеты» 1940 г.

А. К. Котовым.

«Очерки гоголевского периода» первоначально печатались в «Современнике». Первая статья помещена в № 12 за 1855 год, а остальные в журнале за 1856 год: вторая статья – в 1-м № , третья – во 2-м № , четвертая – в 4-м № , пятая – в 7-м № , шестая – в 9-м № , седьмая– в 10-м №, вось-м ая– в 11-м № и девятая – в 12-м №. При воспроизведении текста «Современника» исправлены имеющиеся там явные опечатки.

816

Статья первая.

(стр. 5– 43)

Стр. 38, 25 строка. В рукописи к словам «квасной патриотизм» имеется подстрочное примечание:

Кстати, заметим, что выражение «квасной патриотизм» изобретено самим же Н. А. Полевым, – см. Моск. Телегр., 1830 г., часть 31, Новый Живописец, № 1, стр. 14.

Стр. 40, 9 строка. В рукописи: «мудрые московские варяго-руссы».

Стр. 40, 10 строка. В рукописи: в «Переписке с друзьями» [да и то разве только отчасти1, притом же

Стр. 41, 17 строка. В рукописи: другую [Это свидетельствует только, что прежде он чувствовал сильнейшее давление]. Он может Стр. 43, 9 строка. В рукописи к этой строке имеется подстрочное примечание: Предисловие к «Очеркам русской литературы», стр. IX и след.

Статья вторая.

(стр. 43– 75)

Стр. 44, 9 строка. В рукописи слова «на суждения об этих писателях» отсутствуют.

Стр. 44, 21 строка. В рукописи: После слова «истиною» следует: Чьим

органом стала в последнее время «Библиотека для чтения», мы не знаем: кажется, ничьим; но как бы то ни было, в этом журнале критические статьи ныне часто содержат

Стр. 44, 2 строка снизу. В рукописи: это грустно: Гне только не принесть пользы, но и не оказать решительно никакого положительного влияния, хотя бы даже вредного] иметь столько силы

Стр. 45, 14 строка. В рукописи: Публика наша [ищет в журнале не только мнений, но и фактов] хочет иметь

Стр. 45, 17 строка снизу. В рукописи: после слов: «замечательною начитанностью», следует: Многое знал он слишком поверхностно во многих случаях

Стр. 46, 5 строка снизу. В рукописи: нет [признаков необычайного ума] [гениальности, какие видны в подобных статьях, например, у Пушкина) такой силы ума, какая видна [у Пушкина и Гоголя (как журналистов)] даже у лучших

Стр. 47, 4 строка. В рукописи: нимало ослеплены насчет этого остроумия, сознавая в себе более силы даже и в этом отношении. Но у них остроумие

Стр. 47, 10 строка. В рукописи: остроумием [подобно тому, как теперь многие второстепенные писателя щеголяют простонародностью] [Односторонность] Исключительность

Стр. 47, 7 строка снизу. В рукописи: самого Пушкина. Барона Брамбеуса нельзя ставить по остроумию наряду не только с этими замечательными людьми и Марлинским, но и с забытым в наше время Воейковым (издателем «Славянина», « [Литературных прибавлений» и автором «Сумасшедшего дома»). Почему же

Стр. 49, 4 строка. В рукописи: падения журнала и, отчасти, расстройства аел самого издателя. (Зачеркнуто карандашом И. И. Панаева.)

Стр. 51, 19 строка. В рукописи: совершенно ничего, [и уже смешался в памяти нашего поколения с толпою людей, которые, по выражению Лер-

монтова] и в той жатве

Стр. 51, 23 строка. В рукописи: простым и пошлым делом

Стр. 51, 15 строка снизу. В рукописи: самые дешевые. [В самом деле,

все было у него принесено в жертву стремлению лакомить читателей

остроумием. Но что же он избирал предметом своего остроумия? — все равно,

что-нибудь: остроумие хорошо, когда служит оружием для какого-нибудь

52 Н. Г. Чернышевский, т. III 817

дела, иначе оно будет производить каламбуры, бу-риме, триолеты] — и будет ничтожно, по ничтожности своей цели;]

Смешно осуждать

Стр. 52, 10 строка. В рукописи: Гоголь [и все, кого мы вспоминаем одаренным гигантски высоким мнением о себе людей, — кого мы вспоминагм с признательно<Сстмо>] поставил

Стр. 52, 19 строка. В рукописи после слов: «кого не любит», следует:

Мы положительно убеждены, что этой уверенности не было у барона Брамбеуса, и почти убеждены, что у него не доставало и этой любви. И за то мы не осудим его, хотя думаем, что он ошибался, не будучи уверен в нас и не любя нас, — насильно мил не будешь, насильно пригож не покажешься. Не виним его за то, потому что если с его стороны была ошибка, то нельзя не признаться, что мы сами подали

повод к ней.

Стр. 53, 20 строка. В рукописи после слов; «уверенность в собственных силах», следует:– все это не привело бы еще ни к чему вредному для его ученой деятельности, если б он не вздумал быть действователем в литературе, которой не уважал, для публики, которой также не уиажал, – уверенность в собственных силах и счастливые обстоятельства,

Стр. 53, 1 строка снизу, В рукописи после слов: «1835 г., том 2», следует: и подписанную буквами Н. П-щ-в. – Слова: «Там приведены доказательства», в рукописи отсутствуют.

Стр. 54, 16 строка. В рукописи: перемешивать нелепым образом, например, «Московского наблюдателя» называть

Стр. 58, 8 строка. В рукописи после слов: «есть свои пределы», следует: и в умном человеке невозможно предположить охоту обманывать в тех случаях, когда обман был бы слишком очевиден – называть Тимофеева Пушкиным умный человек может только тогда, когда сам не замечает различил.

Стр. 58, 15 строка снизу. В рукописи после слов: «молодой Кукольник», следует: (Нечего сказать – стоит поднимать из могилы великого человека, чтобы заставить его восхищаться «Торквато Тассо» I)

Стр. 59, 23 строка. В рукописи после слов: «над публикою и автором»,

следует: – , но, воля ваша, умный человек не может решиться на то, чтобы

дурачить публику столь грубым образом, – он слишком компрометирует этим

свой собственный вкус. Нет, смысл статьи может быть

Стр. 61, 9 строка. В рукописи: Полевой), | и редактор переделывал его

статьи не к лучшему, но оба эти года резко отличаются от остальных

большею дельностью и большим вкусом в критике] напрасно

Стр. 73, 20 строка снизу. В рукописи после слов: «повторял их слова»,

следует:, – конечно, утрируя, по коренному обычаю всех подражателей и

учеников, чтобы придать им вид некоторой оригинальности. И он поступал

в этом очень рассудительно и расчетливо.

Стр. 74, 16 строка. В рукописи: славу романиста при недостатке художественною таланта

Стр. 74, 11 строка снизу. В рукописи; истинной гордости и какой-то нравственной силы

Стр. 75, 13 строка. В рукописи: слов Гоголя. [Мы не знаем, была ли статья Гоголя поправлена Пушкиным, – некоторые выражения в ней, пови-димому] [и если была, то в какой степени. Но в настоящем своем виде].

И если из нашей характеристики Статья третья.

(стр. 75– 132)

Стр. 114, 14 строка. В рукописи: столь [своеобразно] глубоко понимавший [существенное содержание поэзии Пушкина – т. е. . эскизность?] [вещи, гораздо более близкие к разумению, например поэзию Пушкина, характер?] содержание и столь 818

Стр. 114, 25 строка. В рукописи: Диканьки [т. е. на хуторе близ Ди-каньки?]

Стр. 114, 26 строка. В рукописи: обращать ее [жизнь или бессмыслицу?]

Стр. 114, 26 строка. В рукописи: неизъясняемую [т. е. неизъяснимую?]

Стр. 115, 6 строка снизу. В рукописи: Удивительно! [Мы не совсем точно выразились, сказав, что Шевырев совершенно не заметил в «Мир» городе» грустного элемента]

Заметим еще

Стр. 126, 17 строка снизу. В рукописи: Мы [исполнили самую неприятную часть своей задачи] сделали

Стр. 126, 17 строка. В рукописи: которые не [понимали Гоголя, как и вообще не понимали русской литературы, — или новейшего времени (Н. А. Полевой) или и всякого времени. Теперь от этих отсталых или никогда не приставших к истине мнений и людей мы переходим к мнениям людей, которые понимали и ценили Гоголя, потому что вообще понимали и ценили все лучшее в русской изящной словесности]. Отрадно вспомнить

Стр. 127, 28 строка. В рукописи: понимали [и высоко ценили] произведения Гоголя.

Стр. 127, 16 строка снизу. Взятое нами в прямые скобки зачеркнуто И. И. Панаевым.

Стр. 127, 11 строка снизу. В рукописи: уклониться от неловкою положения, сказав вместо характеристики, что кн. Вяземский был достойный. (Зачеркнуто И. И. Панаевым и заменено им текстом, вошедшим в «Современник».)

Стр. 131, 18 строка. В рукописи: на нее ссылался. Причины подобного же рода заставляют нас отказаться от характеристики г. Плетнева, как отка -дались мы от очерка критической деятельности кн. Вяземского, Мы опять скажем только (зачеркнуто И. И. Панаевым и заменено им текстом, пошедшим в «Современник»).

Стр. 131, 16 строка снизу. В рукописи строки, поставленные в прямых скобках, вычеркнуты И. И. Панаевым.

Статья четвертая.

(стр. 132—177)

Стр. 138, 26 строка. В рукописи: русской жизни [Отсюда проистекает ее энтузиазм к Пушкину, как первому гениальному художнику, познакомившему нас с поэзиею, столь могущественно действующею на нравственное развитие общества, еще сильнейший отсюда] [еще более] Эта идея Стр. 138, 11 строка снизу. В рукописи: мало [, даже гораздо менее, нежели гениальных поэтов или ученых] [о истории каждого народа мы встречаем их только]. В [самых] людях

Стр. 138, 8 строка снизу. В рукописи: отношении [не будем приводить своих домашних примеров, чтобы «гусей не раздразнить», ни иноземных, потому что всякое сравнение между нами и западными] [но вникните в характер самых знаменитых иноземных ученых, поэтов или мыслителей: едва отыщете вы между ними] [большею частью, удивляясь уму знаменитого поэта]. Исключений

Стр. 139, 6 строка. В рукописи: к себе, ведь это так просто, что толковать тут не о чем; ведь поставить

Стр. 139, 8 строка. В рукописи: думать нечего. [Но дело в том, что эти' простые решения дают новое направление целой науке или целому периоду истории и что из миллионов людей только у одного нашелся такой простой и здравый ум, чтобы влглянуть на дело с настоящей точки.] Ведь каждый

глупец 52* 810

Стр. 139, 7 строка снизу. В рукописи после слов: «здравомыслящего человека», следует: Но значение этих истин очень велико: они произвели решительную эпоху в умственной жизни нашей публики.

Стр. 141, 8 строка. В рукописи после слов: «превышающей силы», следует: не

только наши, но и каждого из нынешних наших писателей или ученых. По громадности знаний он был единственным у нас человеком.

В целой Европе таких людей найдется очень немного. По многим Стр. 141, 16 строка. В рукописи: проницательный [Он был человек вроде Шлоссера или Нибура. Но по особенному положению нашей науки, в которой слишком мало деятелей, он не мог ограничить] и потому Стр. 141, 17 строка снизу. В рукописи: науке в России [и каждый тогда увидит, что Надеждин – едва ли не ученый, которым мы можем гордиться перед Европою, как Сперанский, его однофамилец – государственный человек] [которым когда-нибудь будем гордиться мы перед Европою] [едва ли до сих пор производила Россия ученого, равного Надеждину] У одною человека не достанет на то сил, и, если от нас требовалась полная оценка всей его многосторонней ученой деятельности, мы с робостью отступили бы перед этою неисполнимою для нас задачею. Но границы нашего труда возлагают на нас обязанность приготовить только один из многих камней для пьедестала, на котором станет величественная фигура этого страдальца. Мы должны

Стр. 143, 23 строка. В рукописи после слов: «начинается так», следует:

[Первый имеет эпиграфом стихи Ювенала:

Stella ost dementia, cum tot ulique Votibus occurras, periturae parure chartas

не знаем, многие ли из этих, против кого направлены были статьи Надоумко, поняли этот эпиграф: «Глупо жалеть тленную бумагу, когда у нас, куда ни повернись, повсюду видишь столько превосходных поэтов» – глупо жа-

леть тленную бумагу – в этих словах уж заключается едкое двусмыслие: не о бумаге, на которой он пишет, говорит Надоумко, что жалеть ее не нужно, – ведь она тленная, – нет, тленная бумага – прославленные поэмы многочисленных наших поэтов, равно считающихся великими, * – этих поэм не нужно щадить; ведь они тленны. Начало статьи достойно эпиграфа:]

Напрасно восклицают

Стр. 146, 8 строка. В рукописи после слов: «они забыты», следует:

Кто решится ныне перечитать «Эду*-

Стр. 146, 24 строка. В рукописи после слова: «красота», следует: и мы положительно уверены, что не только у нас, даже в истории любой европейской литературы не много найдется критиков, одаренных такими способностями к блестящему и полезному исполнению принятой ими на себя роли, как Надеждин. Мы не думаем, чтобы нужны были дальнейшие доказательства этой истины, очевидной для всякого непредубежденного человека, который пробежит хотя одну из его критических статей,] – какую угодно, от первой до последней: выбирайте какую угодно: каждая отмечена печатью высокого критического дарования. Н а всякий случай Стр. 146, 25 строка. В рукописи после слов: о «Борском», следует: и о «Полтаве». Первый разбор, в меткости и справедливости которого конечно < никто> не захочет сомневаться, приготовит предубежденного читателя (если еще есть предубежденные) к беспристрастному суждению и о втором разборе, который предавался насмешкам и негодованию в течение почти тридцати лет. Нам пора

Стр. 150, 13 строка снизу. В рукописи: обижаемого племянника, – вот отрывок (Далее лист рукописи оторван и подклеен к другому, начинающемуся словами: «Посмотрим теперь, как восставал...», т. е. указываемый Чернышевским отрывок не сохранился – он вырезан автором и заменен другим текстом, вошедшим в «Современник». – Ред.).

Стр. 151, 25 строка. В рукописи посЛе слйв: «ответа Надоумке» слёДуе^

даже без прямых нападений на него. Наконец

Стр. 157, 12 строка. В «Современнике» очевидная опечатка: общего

изумления.

(Исправлено по рукописи. – Ред.)

Стр. 157, 19 строка снизу. В рукописи: тратились все лучшие наши силы Стр. 157, 1 строка снизу. В рукописи после слов: «Бахчисарайского фонтана», следует: и «Цыган» — как оно и справедливо в художественном отношении. Но он все-таки

Стр. 158, 16 строка. В рукописи: зоилом. [Был ли он, как тогда утверждали, шарлатан, выдававший мысли немецких философов за свои собственные? Действительно ли его мнения были только повторением того, что говорили А с t и Штуцман? — Остается другое]

Статьи Надоумки были печальны

Стр. 159, 15 строка снизу. В рукописи после слов: «Это факт», следует: , которым можно гордиться русской науке, и узнав Стр. 159, 12 строка снизу. В рукописи: Это был ум великий — вот все Стр. 160, 8 строка. В рукописи: не слыхивали [начал требовать, чтобы поэтическое произведение было не искусным набором слов и рифм, картинок и сцен, а воплощением поэтической идеи] об идее Стр. 160, 15 строка. В рукописи: «Горе от ума» [А между тем время шло. Надеждин основал журнал. В нем развивал он прежние свои мысли, — прежние наши литераторы и критики косились на него. Но вот, через пять, шесть лет, начала выступать около Надеждина маленькая школа из молодого] [Он оставался по прежнему] [А между тем время шло. Надеждин основал журнал. Каково же было отношение критики «Телескопа» к статьям Н аде<ждина>]

[А между тем Надеждин основал журнал. — Критика «Телескопа» была продолжением статей Надоумко. Она отличалась от них только тем, что] Статьями Надоумки

Стр. 161, 4 строка снизу. В рукописи после слов: «стремлении вперед», следует: , которое наконец доводит его < д о > образа мыслей, совершенно чистого от внутренних противоречий. Немногим

Стр. 164, 1 строка снизу. В рукописи после слов: «оценены и они», следует: когда явятся достойные его продолжатели. Но и теперь мы знаем, что Надеждин — едва ли не единственный человек во всей истории нашей литературы, в котором огромные, глубокие знания и великий ум соединялись в такой степени, что его имя с честью может быть поставлено на ряду с именами великих европейских ученых. И когда европейцы спрашивают вас: кто из ваших соотечественников может быть порукою за то, что ваш народ одарен силами не только учиться у Европы, но со временем и принять деятельное участие в дальнейшем развитии общечеловеческой науки? Мы' смело можем отвечать: Надеждин

Стр. 176, 6 строка. В рукописи после слов: «с тобою», следует:

О чем печаль?

Не от любви ль?

Л. Бедная, бедная русская литература!

Ф. Так ты грустишь о русской литературе? Ха, ха, ха! Позволь же дочитать тебе стихи, мною начатые:

...Ах, всей душой Тебя мне жаль]

Л. Право, твои шутки 821

Статья пятая.

(стр. 177 — 198)

Стр. 177, 1 строка снизу. В рукописи: по пути прогресса.

Стр. 178, 4 строка. В рукописи: От этих начал глубоких и вполне справедливых

(Исправлено в корректуре. — Ред.)

Стр. 178, 12 строка. В рукописи: его предложений и в выводах Стр. 178, 14 строка. В рукописи: Чтобы видеть, какое неизмеримое пространство отделяло.

(Исправлено в корректуре, там же подчеркнуто на полях красным карандашом. – Ред.)

Стр. 178, 8 строка снизу. В рукописи: московского, протоиерея Г. П. Пав-ского и преосвященного

Стр. 178, 20 строка снизу. В рукописи: двенадцать или четырнадцать лет.

Стр. 179, 8 строка. В рукописи: видно, не изучал, считая (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 179, 9 строка. В рукописи: Шеллинга. [Словом, он ввел в нашу литературу элемент немецкой философии в той степени развития, которая в самой Германии уже давно обветшала и уступила место] понять Г егеля

Стр. 178– 179, 1 – 16 и 1–4 строки снизу. Вся подстрочная сноска в рукописи отчеркнута карандашом И. И. Панаева на полях, им же в тексте подчеркнуты слова: «протоиерея Г. П. Павского», и сделан значок вставки после «Ф. А. Голубинского». Таким образом, текст «Современника» представляет собою редакцию, созданную Чернышевским под влиянием этих указаний Панаева (развитие темы а заслугах духовных лиц в истории просвещения).

В «Современнике»: в истории богословия. Протоиерей Г. П. Павский, оказавший незабвенные услуги богословским наукам в России, заслуживает величайшего нашею уважения и как мыслитель: в последнее время очень много было говорено о его трудах по русской филологии, чрезвычайную важность которых все признают. Но филология послужила ему только развлечением от занятий богословием и философиею, дающих ему ещ,е гораздо более прав на славу между нашими учеными. Всем известны заслуги протоиерея Ф. А. Голубинского, знаменитою профессора философии в Москов-

Стр. 179, 21 строка. Фраза, начинающаяся словами: «Без всякого преувеличения надобно сказать», отсутствует в рукописи, но "вставлена в корректуре.

Стр. 179, 27 строка снизу. В рукописи: систему Шеллинга. Их трудами закончилось развитие немецкой философии, которая только у них носит характер логической последовательности.

Без всякого преувеличения (Исправлено в корректуре. •– Ред.)

Стр. 180, 5–7 строки. В рукописи фраза, заключенная в прямые скобки, отчеркнута на полях красным карандашом Панаева и вычеркнута в корректуре. Весь последующий отрывок до конца абзаца отсутствует в основном тексте рукописи, но дан в приложениях-вставках к ней и включен на полях в корректуру.

Стр. 181, 6 строка. Вместо отрывка от слов «Около 1835 года» и до конца абзаца в рукописи первоначально стояла фраза: Особенно важна в атом отношении новая школа, главными представителями которой гг. Соловьев и Кавелин.

Фраза эта в рукописи отчеркнута красным карандашом Панаева, (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 181, 9 строка снизу. В рукописи: эпоху Карамзина. Нельзя забыть и того, что в литературах Западиой Европы совершились великие измене-822

ния. Немецкая утратила весь свой блеск. Во французской явился Жорж Санд, в английской – Диккгнс.

С ло во м , все кругом (Исправлено в корректуре. – Ред.).

Стр. 182, 5 строка снизу. В рукописи: ничьей личностью. [Не будь Уатта, паровые машины изобрел бы кто-нибудь другой. Не будь на свете

ни Уатта, ни Фультона, все -таки имели бы мы паровики и пароходы: дело, совершенное этими людьми, не их личное дело, а дело времени и исторической необходимости. То же самое надобно сказать и о критике] Личность тутявляется

Стр. 183, 23 строка. После слов «высказывалась мысль» в рукописи имеется вставка, не включенная в текст «Современника»: И мы постоянно будем видеть, что

постоянно он был только одним из числа многих, совершенно одинаково с ним думавших о все* важных литературных вопросах. Стр. 186, 10 строка. В рукописи: быть опасным врагом, его пора было Стр. 187, 12 строка. В рукописи: не опасны. Но если наша публика достигла такого понятия о них, то конечно только благодаря неутомимой борьбе с романтизмом, какую вела критика гоголевскою периода.

Но борьба

(Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 187, 21 строка снизу. В рукописи: вместо «совершенно новое» было «более широкое и значительное» (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 189, 1 строка. В рукописи: Борьба с этим романтизмом, необходимая и благодетельная борьба, должна быть

Стр. 189, 4 строка. В рукописи: оказала великую услугу (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 189, 21 строка. В рукописи: Если б эти вопли были справедливы (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 189, 30 строка. В рукописи: Полевого, стихотворений г. Бенедиктова и т. п. Конечно, для иных

Стр. 190, 15 строка. В рукописи: «Телескопом», и наступило время оценить прошедшее нашей литературы без всякого пристрастия. Откуда же взялось мнение (Исправлено в корректуре. – Ред.)

Стр. 190, 4 строка снизу. В рукописи: жесткостью. [Вообще, литературное выражение мысли редко бывает выражением мысли новой для своего времени: обыкновенно, печать только облекает систематическою формою

мысль, уже давно существующую в умах.] А кто знает

Стр. 191, 15 строка. В рукописи: за то многие сердечно негодовали.

Стр. 192, 5 строка снизу. В рукописи: ие ее дело. [Не будем упоминать о романтических критиках Марлинском и Полевом, которые положительно утверждали, что русской литературы нет – положим, что они были люди очень смелые: не будем говорить и <Со> бароне Брамбеусе – положим, что он шутил в этом случае, как во многих других, хотя тут он вовсе не шутил, – укажем только на Дельвига, не отличавшегося, как известно, особенною наклонностью к отрицанию.] Известно, что Стр. 197, 10 строка. В рукописи: стремлений лучшей тогдашней молодежи.

• Стр. 197, 24 строка. В рукописи: силою святого энтузиазма Статья шестая.

(стр. 198–226)

Стр. 200, 6 строка снизу. В рукописи: Ключникова (– О –), в которых потом все признавали замечательный элегический талант; и нескольких других

Стр. 200, 1 строка снизу. В рукописи: об этом талантливом поэте.

Стр. 200, 21 строка- В рукописи: достоинству должны быть поставлены в истории русской прозы [гораздо выше произведений графа Сологуба, например, «Аптекарши», «Медведя», [«Двух калош», других произведений. 823

доставивших несколько позднее гр. Сологубу [вполне заслуженную] очень громкую известность и для своего времени бывших действительно прекрасными]. Нестроев – писатель

Стр. 201, 19 строка снизу. В рукописи после слов: «наших литераторов», следует: До Гоголя и «Отечественных Записок» вся история нашей литературы коротко и ясно совмещается в двух примерах: Державин был очень озадачен и огорчен, когда ему растолковали смысл псалма, переложенного им в прекрасные стихи, полные, повидимому, глубокого чувства:

Восстал всевышний бог и т. д. *.

А Пушкин до конца жизни не понимал Байрона, которому так горячо, повидимому, сочувствовал в течение многих лет.

Стр. 208, 6 строка снизу. В рукописи: человечества. [Только такие определенные ответы на вопросы об определенных фактах признал Гегель] Таков смысл

Стр. 208, 24 строка. В рукописи после слов: «и примиренным», следует не зачеркнутый текст, опущенный в «Современнике»: Чтобы постичь все величие Гегеля, надобно читать его; но и тех немногих замечаний, которые приведены нами, уже достаточно, чтобы понять, и, если бы то было нужно, оправдать восторг, возбужденный его философиею во всех даровитых и жаждавших истины людях молодого поколения и в Германии, и у нас.

Теперь мы богаты юными и не юными мудрецами, которые (с чужого, и притом не слишком разумного голоса) презрительно отзываются о немецкой философии. Время той философии

Стр. 208, 26 строка. В рукописи: для Германии [и для тех из нас, которые в свое время увлекались ею]. При помощи Стр. 209, 1 строка. В рукописи: сохранит великое историческое Стр. 209, 2 строка. В рукописи после слов: «науке жизни», следует не зачеркнутый текст, опущенный в «Современнике»: а для тех наций, которые еще не достаточно проникшись идеями немецкой философии ог Канта до Гегеля, изучать ее и в особенности систему Гегеля до сих пор необходимо, потому что это изучение – необходимая пропедевтика для того, чтобы оценить по достоинству новую науку и сделаться готовым к разумному принят о истинно современного воззрения на мир и жизнь **.

Таково было

Стр. 209, 16 строка. В рукописи после слов: «очень многим», следует не зачеркнутый текст, опущенный в «Современнике»: она утвердила их в убеждении, что истина – выше и дороже всего в мире, что всякое снисхождение к лжи, какими бы благовидными предлогами ни прикрывалась ложь,

преступно и пагубно; она утвердила их в стремлении- строго исследовать каждое понятие, каждое явление, не полагаясь на мнения, составленные односторонним образом; утвердила их в благородной решимости не колеблясь * Читателей, забывших об этом курьезном случае, мы убедительно просим прочитать в Смирдинском издании Державина этот гимн и примечание, объясняющее его историю.

** Влияние немецкой философии на науку во Франции и Англии постоянно усиливается; из французских ученых наиболее знаменитые историки и мыслители почти все обязаны большею частью своей славы тому, что в большей или меньшей степени подчинились идеям, которые развиты немецкою философиею; в последнее время, заметно стали подчиняться их влиянию и те, которые прежде оставались чужды этому прогрессу.

В Англии, которая особенно не благоволила к немецкой философии, эта наука быстро разливается. Сочинения немецких мыслителей деятельно переводятся на английский язык. Так, например, в одном нумере «Westminster Review» мы нашли известие о появлении сочинений Канта, Фихте, Гегеля и некоторых позднейших немецких философов в английском переводе. Факты эти ясны без всяких рассуждений.

824

высказывать без всяких прикрас результаты своих, исследований, освободив их от опасения, что истина когда-нибудь может быть источником чего бы то ни было недоброго, – убедив их, что истина всегда бывает спасительна для людей, как бы горька ни казалась, какие бы вопли ни возбуждала против себя со стороны людей ослепленных или не любящих правды; наконец гегелева философия вселила в своих русских последователей глубокое сознание, что действительность достойна внимательнейшего изучения, потому что истина достигается только строгим, всесторонним исследованием действительности, а не произвольными умствованиями или сладкими мечтами,

Не говорим уже о том, что изучение Гегеля укрепило в них благоговение к науке, –

это чувство, в котором так нуждается наше общество и наша

Действительно, та наука, зародыши которой скрывались в основных мыслях гегелевой философии, заслуживает благоговения, потому что целью своею имеет благо человека; и гегелева система достойна всякого уважения за то, что служила переходом от схоластических, бесплодных умствований или фантастических систем, не выдерживающих поверки здравым смыслом, к здравой, чуждой всяких самообольщений и потому могущественной, благой науке жизни. Гегелева система так неизмеримо превышала все предшествовавшие и современные ей учения, что восторг, ею возбужденный, был совершенно натурален, и невозможно было удержаться от безусловного увлечения ею тем из людей молодого поколения, которые приступили к изучению Гегеля с одною общею жаждою истины, без готовой уже системы специальных убеждений, выработанной предварительным знакомством с другими, более ограниченными, но зато и более точными стремлениями.

Станкевич и его друзья не посвящали своих сил специальному изучению какой-либо частной науки прежде, нежели взялись за изучение философии; они всецело отдались Гегелю и приняли его систему без всяких колебаний, без всяких ограничений, как полную и совершенную истину, какою и провозглашала себя эта система.

Но мы уже говорили

Стр. 213, 14 строка снизу. В рукописи: Беранж« и Жорж Санд составляли

Стр. 213, 7 строка снизу. В рукописи: Кузен [, Лерминье], Гизо

Стр. 215, 9 строка. В рукописи: молодом поколении французских поэтов

и мыслителей

Стр. 215, 27 строка. В рукописи: от собственного мнения из боязни Стр. 215, 18 строка снизу, В рукописи: многими страницами его статей в «Московском Наблюдателе» — страницами,.— написанными Стр. 216, 22 строка. В рукописи: вопросами, [о которых не хотели тогда знать ни защитники односторонней политической экономии, ни так

называемые либералы] понимая

Стр. 220, 1 строка. В рукописи: разочарованиями и толчками, — не замедлил

Стр. 221, 10 строка. В рукописи к словам «второстепенную важность» сделана сноска:

Припомним слова «Предисловия к речам Гегеля»:

«Счастие не в отвлеченном сне, а в живой действительности; примирение с действительностью (т, е, возвращение от мечтаний к действительности) во всех сферах жизни есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гёте — главы этого возвращения из смерти в жизнь. Будем надеяться, что новое поколение ощутит наконец в себе законную потребность быть действительными русскими людьми».

И Гёте, в том стихотворении, которое мы привели выше, говорит о возвращении от абстрактной жизни к природе и действительности, как высших источниках всякого блага:

О, прочь мечтанье, хоть сладко оно!

Здесь все так любовью и жизнью полно!

825

Стр. 222, 7 строка снизу. В рукописи: к литературе [Потому, с точки зрения, которая дана самым содержанием этих статей, человек исчезает для нас, как скоро прекращается его деятельное участие в нашей литературе] Без сомнения

Стр. 223, 17 строка. В рукописи: надеемся сказать. С самого начАлй

периода, о котором теперь мы будем говорить, сподвижниками Белинского,

Грановского и других бы/iu г. Боткин, г. Галахов

Стр. 223, 20 строка. В рукописи: Кольцов и Красов пережили

Стр. 223, 21 строка. В рукописи: Лермонтов, который [впрочем только

отчасти примкнул к кругу Белинского и Грановского] самостоятельными

Стр. 223, 17 строка снизу. В рукописи слова «или Грановского» отсутствуют.

А. Майков и покойный брат его, В. Майков, г. Фет; в Москве почти все Стр. 223, 12 строка снизу. В рукописи: обязана была в это время твердости его характера и тому, что он, признав достоинства Белинского, предоставил ему в своем журнале положение, сообразное [с важностью его таланта] в литературном отношении

Стр. 224, 4 строка. В рукописи: не писал. [Никогда еще идея общечеловеческой цивилизации не была так ясна, как в наши времена.] Такое направление

Стр, 224, 21 строка. В рукописи: разрозненность направлений, совершился

Стр. 226, 12 строка. В рукописи: определена так: [Развитие Белинского, как самостоятельного мыслителя, состояло в том, что все более и более проникался он живыми [потребностями] интересами русской действительности и все сильнее и сильнее убеждался в теснейшей связи литературы с другими стремлениями человеческого духа и]

Критика Белинского Статья седьмая.

(стр. 226—264)

Стр. 231, 20 строка снизу. В рукописи: красавиц [Гарпии и фурии, при всем своем [гнусном] изумительном безобразии, далеко не [волнуют меня так] возмущают [меня] нас так, как довольно невинные в сравнении с ними тараканы [очень обыкновенная дюжинная сплетница] [черненькие люди, которых] [живые Чичиковы, которых нельзя]. С другой стороны Стр. 234, 12 строка. В рукописи: сильное влияние ew на публику, которая Статья восьмая.

(стр. 264—283)

Стр. 273, 4 строка снизу. В рукописи: по своей подражательности,

не-национальности оды Ломоносова и удовлетворяли потребностям Стр. 276, 1й строка снизу. В рукописи: сочинения прекрасны. Нет дипломов и формулярного списка о службе по ученой части — значит, и ученые сочинения не могут быть хороши.

Это правило

Стр. 276, 9 строка снизу. В рукописи: посудите сами. [Было еще и другое обстоятельство. В Западной Европе знанием иностранных языков не удивишь никого, и ученой знаменитости этим не приобретешь, — там знание иностранных языков очень распространено. У нас не то. Мы поняли, что знание иностранных языков открывает свободнейший путь к образованности, но не поняли еще того, < ч то > это средство, а не цель, и что говорить на несколько (так в подлиннике. — Ред.) иностранных языках не есть еще быть человеком образованным. Зато, как бы в горькое изобличение пустоты 826

нашего понятия об образованности, у нас было несколько замечательных ученых, не говорив<ших>...]

Да посмотрите

Стр. 278, 12 строка. В рукописи: нельзя сказать. Мы знаем так же верно, как 2 X 2 = 4, что за [зимою последует весна, — но раньше или позднее начнется она, какою погодою, при каких обстоятельствах начнется — этого нельзя предвидеть. И когда начнется весна, — кто доживет до той эпохи, конечно, скажет, что зимнее солнце уступало весеннему и яркостью и теплотою, — но когда] ночью последует

день [и тогда мы при свете солнца увидим, что светильники, озарявшие темноту ночи, уступали] и кто доживет до светлою дня, конечно, будет наслаждаться сиянием, более ярким и живительным, нежели какой давали светила ночи, которые озаряют ныне путь наш во мраке [— но что будет, то будет, а теперь, мы не имеем света более яркого и живительного, и только эти светочи озаряют наш путь.] Предварительные объяснения Статья девятая и последняя.

Стр. 283, 13 строка снизу. В рукописи: успехи общества. [Но нет! — мы увлеклись] [Наше безусловное осуждение настоящему слишком прискорбно для наших надежд] [А должно же настать другое время — в] В нашем обществе

Стр. 283, 10 строка снизу. В «Современнике»: нежели все предыдущее.

Пусть воспоминания о Белинском утратят большую часть нынешнего живого своего интереса для современности. Чем скорее это будет, тем лучше.

А пока, — пока он все еще остается незаменим для нашей литературы.

Стр. 298, 24 строка снизу. В рукописи: читатель угадывает и вероятно

одобряет причины, побудившие нас избрать тот метод

Стр. 298, 7 строка снизу. В рукописи: Три важные принципа

Стр. 298, 3 строка снизу. В рукописи: ее развитие, наконец, понятие

о том, что твердость убеждений и терпимость равно необходимы тому, кто

хочет приносить своими талантами пользу литературе. Все эти принципы

были выставляемы Белинским

Стр. 299, 9 строка. В рукописи: блестящего развития, которые вытекают из господствующих стремлений эпохи, находятся в живой связи Стр. 299, 10 строка снизу. В рукописи: о форме, не оживляя форму идеею, оживляемою стремлениями века? Тут Стр. 300, 2 строка снизу. В рукописи: время, нимало не касаясь того [имела ли она когда-либо] какие стремления прежде находили себе выражение в требовании, чтобы искусство поставило себя независимою .деяте,гь -ностью. Здесь

Стр. 303, 17 строка. В рукописи: живое сердце, сочувствующее вопросам века, — те

Стр. 304, 5 строка. В рукописи: просвещенных народов. [Чтобы сколько -нибудь объяснить нашу мысль, укажем хотя один пример. Во всех землях идет борьба, борьба между обскурантизмом и просвещением.] То, о чем Стр. 304, 2 строка снизу. В рукописи, вместо фразы «Они лежат в

публике»: так как она служит энциклопедическим выражением всей умственной жизни нашего общества, то и успехи ее зависят ближайшим образом от расширения круга, в котором движется эта живнь. Чем шире будут ею границы, тем живее и блистательнее будет наша литература. Нет надобности говорить, от кого зависит исполнение этого условия — от публики.

Литература

Стр. 305, 13 строка. В рукописи: помещая стихотворения. — Да если вам угодно было, чтобы стихотворный отдел существовал, почему ж-вы: не требовали ею восстановления, когда он был уничтожен?—Теперь'

ПИШУТ СЯ

Стр. 305, 16 строка. В рукописи: скажет публика? Потребует ли она от 827

литературы неотступно, чтобы это направление не было покидаемо? Ничего она не потребует, ничего не скажет. — Теперь публика Стр. 306, 1 строка снизу. В «Современнике»: сознания своего влияния на литературу. Потому литература зависит от каприза случайностей.

Стр. 307, 8 строка. В рукописи: еще скромничать? [А впрочем, не лучше ли нам,

для своего оправдания, начинать счет с 1812 года или с какой-нибудь эпохи еще позднейшей? Чем позднее, тем ближе будет к истине. Мы готовы считать даже хотя с вчерашнего или даже завтрашнего дня,– [с 1912 года, так как настоящее время отнесется еще к эпохе предшествующей] [конечно не беда если] В таком случае, конечно, мы можем не стыдиться за нашу скромность, «ибо скромность есть лучшее украшение юноши» [тем более дитяти].

Оста вляя л ите ратуру

Стр. 307, 11 строка снизу. В рукописи: с другими. [Знает ли, например, наша публика, что в литературе господствуют о достоинстве литературных произведений совершенно не те мнения, какие существуют в ней, публике?] Знаетли

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН, ЕГО Ж ИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

Впервые напечатано отдельным изданием без имени автора в Петербурге в 1856 г. Цензурное разрешение – 21 августа 1856 г. (цензор В. Бекетов). Книжка печаталась в типографии главного штаба по военно-учебным заведениям. К ней был приложен портрет Пушкина. В 1864 г. книжка вышла вторым изданием (на титульном листе– 1864, на обложке – 1865).

В текст этого издания внесены некоторые незначительные изменения. Перепечатано в собрании сочинений Чернышевского 1906 г., том X, ч. 2, стр. 198–226. Автограф не сохранился. Мы печатаем по изданию 1856 г.

По окончании текста следовало не помещаемое здесь «Приложение. Несколько мелких стихотворений Пушкина и отрывки из его поэм». Выбор был сделан следующий:

Возрождение. – Приметы. – Муза. – Птичка. – Коварность. – Зимний вечер. – Пророк. – Стансы. – Утопленник. – Анчар. – Что в имени тебе моем? – Делибаш. – Брожу ли я вдоль улиц шумных. – Поэту. – Мадонна. – Царскосельская статуя. – Полководец. – Пир Петра Великого. – Памятник. – Отрывок из поэмы «Полтава». – Медный всадник (отрывок). – И з «Бориса Годунова» (Ночь. Келья в Чудовом монастыре). –

Из «Евгения Онегина» (X X X V –X L – приезд Лариных в Москву, и X X X ,

X X X I, X X X II, X X X V I, X X X V 11 -д у э л ь).

Ж ИЗНЬ ЖОРЖА САНДА.

П р е д и с л о в и е .

(стр. 340–345)

Первоначально опубликовано в «Современнике», 1856, № 4, стр. 162–

167. Перепечатано в полком собрании сочинений 1906 г., т. X, ч. 2, стр. 98–102.

Сверено с рукописью, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись – автограф на шести полулистах писчего формата (инв. № 1594).

Ссылка Чернышевского в начале предисловия на предварительную публи-

кацию четырех статей под заглавием «История моей жизни, Жоржа Саида» в двенадцатой книжке «Современника» .за 1854 год и в первой, третьей и седьмой за 1855 год заключает в себе ошибку. На самом деле «История моей жизни» печаталась в первой, второй, третьей и седьмой книжка\ «Современника» за 1855 год.

828

Стр. 340, 5 строка. В рукописи; произведением великой писательницы Стр. 340, 6 строка. В «Современнике»: оно писалось в фельетонах.

Стр. 341, 6 строка. В рукописи: меньшему внутреннему достоинству и интересу.

Стр. 341, 18 строка. В рукописи после слов: «быть не могло», следует: Как бы ни судили мы о некоторых недостатках произведений г-жи Жорж Занд, но она – едва ли

не гениальнейшая писательница новейшей Европы, после смерти Гёте, Байрона и Вальтера Скотта. Как бы ни судили мы о некоторых недостатках ее характера, но она принадлежит к числу благороднейших и энергичнейших личностей нашего времени. Жизнь такого человека не может не быть интересна, как психологический роман, хотя бы и не была обильна событиями. А жизнь Жоржа Занда Стр. 341, 20 строка. В «Современнике»: драматическими событиями.

Стр. 341, 17 строка снизу. В рукописи:.– Многие отрывки мы будем (Исправлено в рукописи И. И. Панаевым. – Ред.)

Стр. 341, 7 строка снизу. В рукописи после слов: «наивностью изложения», следует: Мы упомянули о недостатках романов г-жи Жорж <СЗанд>, упомянули и о том, что ее личный характер имеет слабые стороны; ее автобиография страдает теми же самыми недостатками. Мы говорим не о нелепых криках против мнимой безнравственности романов г-жи Жорж Занд и ее образа жизни: эти глупые крики личных и еще более политических врагов ее не заслуживают ничего, кроме презрения, по своей тупоумной пошлости. Кто не уважает высокую личность гениальной писательницы, тот ее не по»

ведения глубоко нравственны, тот не имеет понятия о нравственности. Но есть у Жоржа Занда другие недостатки, которые замечаются именно людьми, наиболее сочувствующими высокой идее и художественной красоте ее произведений: в ее романах.

В романах Жоржа Запда

Стр. 343, 16 строка снизу. В рукописи: основательность низких клевет.

Стр. 343, 15 строка снизу. В рукописи: чернили великую писательницу.

Стр. 343, 5 строка снизу. В рукописи: развитие характера знаменитой писательницы.

Стр. 343, 3 строка снизу, В рукописи: сильная и благородная, в которую вложена природою любовь ко всему истинному, простому и естественному, и которая

СОЧИНЕНИЯ Т. Н. ГРАНОВСКОГО.

Том первый.

(стр. 346– 368)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 6, стр. 1–28; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 400–420.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

БА Л ЬЗА К .

(стр. 369–386)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 1–24. Рукопись на пяти листах в полулист писчего формата заключает в себе предисловие и заключение полностью, а. из самого перевода биографии Бальзака, написанной его сестрою, в рукописи сохранилось только начало,, со слов «Брат мой» (стр. 370) и кончая словами: «Память его, наблюдательность и находчивость в ответах были...» (стр. 371).

Предисловие и заключение представляют собою автограф, а перевод биографии Бальзака писан рукою О. С. Чернышевской и в некоторых местах

исправлен рукою Н. Г. Чернышевского. 829

Текст сверен с рукописью, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве (инв. № 4155), недостающая часть его печатается по «Современнику».

М. К. Лемке ошибочно приписывает перевод «Бальзака» Н. А. Добролюбову (см. Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова, изд. А. С. Пана-фчдиной. СПБ.,

1912, т. I, стр. 223). Перевод принадлежит Н. Г. Чернышевскому, что подтверждается, во-первых, указанием самого Чернышевского в списке его статей, а во-вторых, наличием рукописи-автографа, заключающей в себе предисловие и часть воспоминаний о Бальзаке.

Стр. 369, 19 строка. В рукописи: сердце этих людей таково, что [приносит человеческой натуре столь же чести, сколько и поэтический талант их, — потому что дурное сердце недост...] заставляет или любить Стр. 370, 10 строка. В рукописи: его сестра.

[Для читателей вероятно интересно будет нрипомнить и то, какое впечатление произвел Бальзак на одного из наших писателей, которому нельзя отказать ни в проницательности, ни в житейской опытности, и они не осудят нас за то, что статья наша окончится отрывком из путешествия г. Погодина: среди множества страниц, странных своим характером, подавших справедливый повод к превосходной пародии Ведрина, есть в воспоминаниях г. Погодина несколько заметок, не лишенных некоторого интереса. Рассказ о свидании с Бальзаком принадлежит к числу этих заметок.]

СТА ТИ С ТИ Ч ЕС К О Е О П И С А Н И Е КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(стр. 387— 420)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 25—64; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 470— 501.

Д ЕТС ТВ О И О ТРО ЧЕС ТВ О Сочинение гр. Л. Н, Толстого.

ВО ЕН Н Ы Е РА С С К А ЗЫ гр. Л. Н . Толстого.

(стр. 421—431)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 25—64; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 638—647. Сверенный с рукописью текст впервые опубликован в IV томе избранных сочинений (Гиз, 1930), стр. '463 — 475.

Рукописи-автограф на четырех листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись сохранилась не полностью: в ней отсутствует начало статьи и до слов: «развита эта сторона психологического анализа» (стр. 423, 5 строка).

Выдержки из «Военных рассказов», из «Легкого чтения» и «Современника» отсутствуют в рукописи, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест.

Стр. 425, 15 строка снизу. В рукописи: в другую. [Особенно прекрасны и часты эти проблески в драмах Шекспира. Кто не восхищался знаменитым] Но обыкновенно

Стр. 426, 15 строка снизу. В «Современнике» ошибочно напечатано: «общественном». Исправлено по рукописи.

Стр. 427, 9 строка. В рукописи: качествами, [современностью] глубиной идеи, интересом [событий] концепций, [яркими] сильными Стр. 428, 17 строка. В рукописи после слова «чистоту» — карандаш-830

Иая пометка Чернышевского с указанием о наборе стр. 379—381 из «Легкого чтения». В «Современник» эта выдержка не вошла. После этого в рукописи идет следующий отрывок, также не вошедший в «Современник» и помещаемый нами в комментариях, так как он по содержанию связан с выброшенным текстом:

Эту страницу, подобных которой по [верности и глубине] [трагической] силе [чувства] и удивительной истине найдется не много в нашей литературе, можно было написать только сохранив всю свежесть чувств «непривычного человека».

Но благотворное

Стр. 431, 12 строка снизу. В рукописи: Толстого [— эту изящную простоту их,

тонкость и верность его кисти]; но зато Стр. 431, 10 строка снизу. В рукописи: поэта с великим талантом. БИБЛИОГРАФИЯ.

Основьяненко. Сочинение Г. Данилевского.

(стр. 432—436)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 1—6; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906 г.), стр. 277—281.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Лейтенант и поручик. Сочинение К. Масальского.

(сгр. 436—442)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 6— 12; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906 г.), стр. 281—286.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Месяцослов к>а 1856, високосный год.

(стр. 442—444)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 12— 15; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906 г.), стр. 286—288.

Думы современной России. А. Ступиной.

(сгр. 444—445)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 15— 16, перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906 г.), стр. 2 8 8-289.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Правила составления мастик. Сочинение И. Лейхса.

(стр. 445)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 16; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 289. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

831

Гражданские законы Псковской судной грамоты.

Сочинение И. Эвгельмава.

(стр. 445)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1656, № 1, стр. 16; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 289. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современникам.

Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Составлен архим. Саввою.

(стр. 445—446)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 16— 17; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 289—290.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

О пленных по древнему русскому праву. А. Лохвицкого.

(стр. 446)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 17, перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 290. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. Составлены М. О. Без-Кориловичем.

(стр. 446–447)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 17– 18; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 290. Рукописи и корректуры нг сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Мельница близ села Ворошилова. Простонародный рассказ дяди Афанасия. (стр. 447)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 18– 19; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 290–291.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится но тексту «Современника».

Православные и другие христианские церкви в Турции. И. Березина.

(стр. 448)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 19; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 291–292.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника).

Описание хронологической машины А. Головацкого.

(стр. 448–449)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, Ne 1, стр. 19–21; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906),

стр. 292–293. 832

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Ложь и правда о войне на Востоке. В. 2Коли.

(стр. 449)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 21;. перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 293. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Правила конюшенного хозяйства. Сочинение О. Пашкевича.

(стр. 450)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 21–22: перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 293. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Веселый карандаш.

(стр. 450)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 22; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 294. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Очерк истории православной церкви ма Волыни.

Сочинение П. Карашевича.

(стр. 450– 451)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 22–23; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 294. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Обзор главнейших путешествий н географических открытий.

(стр. 451–453)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 1, стр. 23–24; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 295–296.

Рукописи и корректуры ire сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Стихотворения гр. Ростопчиной, т. I.

(стр. 453– 468)

Первоначально опубликовано и «Современнике» 1856, № 3, стр. 1 – 18, перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 296–310.

Рукопись-автограф на 12 листах в полулист писчего формата. Хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 453, 13 строка. В рукописи после слов: «укоренившихся мнений», следует: Человек, пишущий эти строки, убедился в том собственным опытом, горьким, нанесшим его сердцу и самолюбию самые неисцелимые раны опытом. Да, он помнит, каким неприятностям он подвергся, когда... Не бойтесь, впрочем: он не будет раскрывать перед вами ощущений своего сердца; он не лирический поэт, он умеет удержаться от ненужных читателю, быть может невыгодных для него самого откровенностей и излияний. О, как он благодарит судьбу, обделившую его способностью писать лирические стихотворения: он удержался от излишних откровенностей с публикою, и если было или 63 Н. Г. Чернышевский, т. III 833

есть что-нибудь мелочное, смешное и жалкое в его ощущениях, в его радостях и скорбях, публика по крайней мере не будет знать того. Это великое счастье.

В самом деле, предположим, например, что автору этих строк шестьдесят лет (он нарочно, чтобы не .выдать читателю своих сердечных тайн, делает предположения, нимало не сообразные с действительною историею его жизни: на самом деле он имел удовольствие родиться в том самом году, который

выставлен под первым стихотворением графини Ростопчиной, именно в 1829 году); предположим, что с самой ранней молодости, с той поры, когда человек, жаждущий любви, требует любви к себе во имя своих пылких чувств, своей безграничной готовности любить, не по причине своего красивого лица или своего красивого фрака, – предположим, говорю я, что с той самой поры автор этих строк только и мечтал, что о своей красоте, о своей грациозности, о том, что другие молодые люди не умеют и не могут одеться на бал так изящно, как он (опять предположение вымышленное: автор вовсе не красив лицом); предположим, что, объясняясь в любви в первый раз (заметьте, в первый раз), он высказался так: mademoiselle! je vous aime, et vous – ohl Sans doute, vous m'aimez, mademoiselle, parce que voyez, comme je suis joli, – n'est-ce pas? Et non seulement je 6uis tres joli, je suis un comme il faut, – n'est-ce pas? Convenez, mademoiselle, que je suis tres joli et comme il faut, oui, j'en suis convaincu. Eh bien, mademoiselle, cet homme si joli vous dit, qu'il vous aime. Vous en etes enchante[e], mademoiselle, n'est-ce pas? Oui, sans doute, je le vois bien. Oh, que vous etes bienheureuse, mademoiselle! * – представим себе, что до и сего часа, далеко прешедши возраст зрелого мужества, автор этих строк величайшим наслаждением себе находит вальсировать и волочиться за хорошенькими – (предположения, опять нимало не сходные с действительною жизнью автора, который не умеет говорить по-французски, и написал вышеприведенное объяснение в любви только при помощи лексикона, не умеет вальсировать и по застенчивости своей перед женским полом походит на Ивана Федоровича Шпоньку), предположим все это, – и я вас спрашиваю: ну, хорошо ли

было бы для меня, автора этих строк, если б я разъяснил все эти свои качества перед публикою в своих стихотворениях?

И каково было бы поэтическое достоинство моих стихотворений? Что бы вы подумали обо мне и о моих стихотворениях, читатели? Да, опасно, очень опасно писать лирические стихотворения! – И не только писать лирические стихотворения, но и писать о лирических стихотворениях] – вот, едва коснулся я этого предмета, как вы уж и узнали, что я не умею вальсировать, что я не умею говорить по-французски, что я похож на Ивана Федоровича Шпоньку, что я некрасив лицом... Как видно, человеку без поэзии в душе нельзя коснуться этого рода поэзии, не вовлекаясь в ненужные читателю и невыгодные для самого пишущего откровенности о своем я, ни для кого неинтересном; оставим же лучше этот щекотливый предмет, и возвратимся к развитию нашей первой мысли о том, что восставать против укоренившихся мнений – дело самое неприятное и бесполезное.

Неприятно

Стр. 457, 20 строка снизу. В рукописи после слов: «графини Ростопчиной», следует: мнение, столь противоречащее закоснелым предрассудкам, что мы должны непобедимыми доказательствами оградить каждый пункт, чтобы не оставить читателю никакой возможности коснеть далее в закоренелых предубеждениях, с которыми – увы!– столь неохотно расстается, в которых– увы!– столь упорно старается удержаться привыкший к ним человек. Соберем

* Мадмуазель! Я вас люблю, и вы – о, без сомнения, мадмуазель, вы меня любите, потому что вы видите, как я красив – не так ли? И я не только очень красив – я очень приличный человек, не так ли? Согласитесь, мадмуазель, что я очень красив и приличен, да, я в этом убежден. Ну, мадмуазель, человек очень красивый говорит вам, что он вас любит. Вы в восхищении, мадмуазель, не так ли? Да, без сомнения, я это вижу. О, как Вы счастливы, мадмуазель! – Ред.

834

Стр. 457, 16– 15 строка снизу. В рукописи после слов; «какого бы то ни было поэта», следует: и не только не может быть идеалом, но не может возбудить ни малейшего сочувствия ни в каком человеке, кто бы он ни был: мужчина или женщина, благородное или пустое существо, все равно, укажем Стр. 461, 6 строка. В рукописи после слов: «И сострадания слезу! (стр.

103– 104)», следует: Об этих утешениях коварный свет может сказать, что вообще он« часто становятся опасны и для утешаемого или для. утешитель-

ницы, – но какое дело до глупых толков света, который ничего высокого не понимает?

Будь тверд

Стр. 462, 15 строка снизу. В рукописи ггослс слов: «вас боюсь я!

(Стр. 199.)», следует:

Возможно ли говорить с более тонким и верным расчетом: «Я не хочу, чтобы вы обладали мною: мы должны расстаться: впрочем, не запрещаю вам видеться со мною; только изредка, потому что я боюсь за себя, я не поручусь за себя: я так молода и пылка». Что будет после двух или трех подобных разговоров? Читали ли вы Боккачио? У него едва ли найдете сцену, веденную с таким искусством, с такою завлекательностью. Но совершенно подобная <с.цена!> есть в Roman Comique, Скарроиа, – где т-гое Bouvillon разговаривает с молодым человеком, – превосходная сцена! Различие только в том, что Скаррон вовсе не думает вас располагать в пользу своей героини, – она у него толста и стара, а в награду за свою невинность и предупредительность получает сильный щелчок дверью по лбу.

Теперь

Стр. 463, 1 строка снизу. В рукописи после слов: «Удивительная женщина», следует: Подобных женщин нет и у самого Скаррона; но они есть в I'Oeil de Boeuf – читали ль вы I'Oeil de Boeuf? Если ис читали, тем >>учше для вас: ваше воображение не загрязнено еще.

Вот до чего может увлечься женщина!

Мы

Стр. 464, 2 строка. В рукописи привлекательною – сам Скаррон говорит противное о мадам Bouvillon. Тем менее

Сто. 464, 6 строка. В рукописи: женщине, мог описывать ее, не впадая в тон Ювенала. Кто же

Стр. 464, 7 строка. В рукописи после слов: «ни капли поэзии», следует:

Мы не думаем также, чтобы стихотворения, в которых выставлялась бы подобная женщина, как нечто идеальное, могли уступать в назидательности для юношества «Декамерону» Боккачио. Напротив, они далеко превосходят его. Они могут быть сравнены только с «Cent nouvelles». Но графиня Стр. 467, 14 строка. В рукописи после слов: «этого таланта», следует:

[лавная черта его, как мы теперь убедились– необыкновенная объективность, подобная которой может быть найдена только у Вальтера Скотта, Гете и Шекспира. Мы не сравниваем графиню Ростопчину с этими мировыми поэтами по силе таланта вообще, – это было бы неуместно и преувеличенно, – но мы хотим сказать, что она также умеет совершенно скрыть свои объективные движения и воззрения за вымышляемыми ею лицами. Она создает их – и предоставляет совершенно на вашу волю судить о них, как хотите, сама ни малейшею улыбкою, ни малейшим жестом неудовольствия не выражая, сочувствие или негодование возбуждено ими в душе ее. Шекспир создал своего Фальстафа, поставил его живым человеком перед вами, – и этого довольно: судите Фальстафа, как хотите, Шекспир не подсказывает вам суждения, как то случается даже у Пушкина, объективнейшего из наших поэтов. Так графиня Ростопчина создает силою своего творческого воображения светскую кокетку, с местными красками цинизма и жеманства: это вымышленное лицо высказывает вам свои чувства и стремления, рассказывает свои поступки, объясняет фактами свои принципы, – автор ни одним словом не подсказывает вам своего мнения об этом лице:, оно живое стоит перед вами, и этого довольно, думайте о нем, что хотите. И в обоих случаях авторы правы: лицо создано так полно, черты его так ясны, что нечего опасаться ошибки в су.ж-53* 835

дении со стороны зрителя. Мы надеемся, что этого сближения по одной черте таланта не поймут превратно, не захотят обвинять нас в том, что мы сравнили графиню Ростопчину с Шекспиром: мы говорим только, что оба они, по своему преобладающему стремлению к объективности, принадлежат к одной и той же группе, как к другой, противоположной группе, в которой преобладает субъективность, принадлежат, например, Шиллер, Байрон, г. Фет, г. Полонский, Жуковский, г-жа Бакунина, г. Федор Глинка. Надеемся, из этого сопоставления не следует, чтобы мы ставили г. Федора Глинку наравне с гг. Фетом и Полонским, или г-жу Бакунину с Шиллером. Мы только говорим, что это писатели одного характера, – субъективного, – что, надеемся, справедливо; но само собою разумеется, что этим вовсе не отрицается различие между ними по степени талантов.

Кто хочет

Стр. 468, 15 строка. В рукописи после слов: «своего времени», следует: Представлять примеры мы считаем излишним, потому что сделали уже довольно выписок. Но чтобы читатель посредством сравнения мог яснее почувствовать, до какой степени выдержан в стихотворениях графини Ростопчиной требуемый художественными условиями тон, мы здесь приводим наудачу одно стихотворение г-жи Жадовской. Г-жу Жадовскую никто не называл особенно замечательною писательницею; не думаем и мы видеть в ее пьесах особенную силу таланта, – но в них есть искренность, чувство, безыскусственность, и потому есть и нечто поэтическое. Припомните, например, эту пьесу:

Ты скоро меня позабудешь,

Но я не забуду тебя;

Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,

А я – никого, никогда!

Ты новые лица увидишь И новых друзей изберешь,

Ты новые чувства узнаешь И, может быть, счастье найдешь;

Я – тихо и грустно свершаю,

Без радостей, жизненный путь;

И как я люблю и страдаю,

Узнает могила одна!

Тут нет ничего гениального, – если хотите, стихотворение даже довольно слабо; но в нем есть нечто поэтическое, нечто прелестное, – потому что есть искренность чувства. Припомните другое, на другой мотив:

Я все еще его, безумная, люблю!

При имени его душа моя трепещет;

Тоска попрежнему сжимает грудь мою,

И взор горячею слезой невольно блещет, и пр. –

опять тут не видно необыкновенной силы таланта, но тут слышен голос

страсти. Припомните третье:

Меня гнетет тоски недуг;

Мне скучно в этом мире, друг;

Мне надоели сплетни, вздор,

Мужчин ничтожный разговор,

Смешной, нелепый женщин толк, и т. д. –

тут опять есть нечто поэтическое – неподдельность тоски. Можете таким образом перебрать все стихотворения г-жи Жадовской, и в каждом из них вы найдете поэзию, потому что они действительно выражают неподдельные чувства женской души.

У графини Ростопчиной на каждую из этих трех тем вы найдете по не-?36

скольку десятков пьес, – но ни в одной ничего похожего на качества, которые так ясны в стихотворениях г-жи Жадовской. Так строго выдержан художественный колорит стихотворений графини Ростопчиной, это объективное соответствие выражения с нзтурою выражаемых ощущений и мыслей вымышленного лица, ощущений и мыслей женщины, потерявшей женственность.

По художественному

Стр. 468, 18 строка. В рукописи после слов: «признан талант», следует: громадным; как художник, она должна быть поставлена наряду с Пушкиным и Лермонтовым, если не выше их: у Пушкина и у Лермонтова иногда идея изменяет форме, или форма идее; у графини Ростопчиной никогда.

Само собою

Стр. 468, 22 строка. В рукописи после слов: «в другом свете», следует:

рений графини Ростопчиной могла быть принята читателями хотя с малейшим оттенком колебания. Наше мнение не гипотеза. Оно опирается на несомненных фактах, – во-первых, на мнении Жуковского, Пушкина и Лермонтова о таланте графини Ростопчиной; во-вторых – что еще важнее, на положительном свидетельстве самой поэтессы в ее прекрасном предисловии: невозможно думать, чтобы она ошибалась,

говоря о существенном характере своих произведений; – автор этих строк, по общей ему, как он имел неосторожность выразиться в начале разбора, увлекшись лиризмом, – по общей ему с Иваном Федоровичем Шпонькою скромности и стыдливости, готов был бы, даже рад был бы согласиться с скептиком, который вздумал бы спорить с нами, предполагая, что графиня Ростопчина не понимала очень хорошо того, какие чувства и с какими чувствами она описывает, – но ведь это предположение неправдоподобно, даже решительно нелепо. А потому рецензент никак не может высказать другого мнения, как то, которое выведено в этой статье из фактов, исторически достоверных.

Вестник естественных наук, 1856, № 1.

(стр. 468–469)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 18– 19; перепечатано во И томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 310–311.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Журнал садоводства, книжка I.

(стр. 469– 471)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 19–21; перепечатано во II томе Полного собрания сочинений (СПБ., 1906),

-стр. 311–312.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Очерки сибиряка. 1. Девичий сон на Новый год.

(стр. 471– 473)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 21–24; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 313–315.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Силуэты. В. П. Попова.

(стр. 474–479)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 24–31; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 19U6), стр. 315–321.

837

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Разведевие свекловицы. М. Веллера.

Фабрикация свечей. Мельнейера.

Практика золочения и серебрения всех вообще металлов. Шрейбера. (стр. 480– 481)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 31–32; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 321–322.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Первое чтение и первые уроки для маленьких детей.

Сочинение А. Ишимовой.

(стр. 481–482)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 32–33; перепечатано

во II томе полного собрания сочинений, стр. 322–323. Сверено с рукописью (автографом), хранящеюся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Новороссийский календарь на 1856 год.

(стр. 482–483)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 33–34; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 323– 324.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Записки Кавказского отдела Русского географического общества.

(стр. 483–488)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 35–40; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 324– 328.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Поездка в Вольную Сванетию полковника Бартоломея.

(стр. 488–489)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 40–42; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 328–330.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Со -ременника».

Некоторые замечания... о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 году. И. П. Лнпранди.

(стр. 490–494)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 42–47; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 330–333.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Образцы и формы деловых актов в бумаг.

(стр. 494)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 47; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 333–334.

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Карманная почтовая книжка.

(стр. 494)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 47–48; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 334. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Последние следы сэра Д я . Франклина.

(стр. 495)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 48: перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 334. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Элементарный способ решения вопросов относительно сопротивления материалов и устойчивости сооружений. Беспалова.

(стр. 495)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 48; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 334—335.

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Н. Гоголя.

(стр. 495)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 48;

перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 335. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Стихотворения Ивана Никитина.

(стр. 495— 501)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 49—56; перепечатано во И томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 349—354.

Рукопись-автограф на четырех листах в полулист писчего формата.

В рукописи статья кончается словами; «едва ли кто будет разделять его мнение». Остальное добавлено в «Современнике».

Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве. Стр. 498, 22 строка. В рукописи; целые десятки [; из г. Некрасова взяты также многие стихотворения].

Графиня Полина. Повесть Авдотьи Глинки.

(стр. 502— 506)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 62—67; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 355—358.

839

Рукопись-автограф на трех листах в полулист писчего формата. Хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 505, 8 строка. В рукописи: окружающих (стр. 64). [Мы знали, что в высшем обществе держат себя непринужденно, однако не предполагали, чтоб эта свобода в обращении простиралась до такой прекрасной откровенности.] Утешительно

Вспомогательная книга для помещиков и сельских хозяев. Соч. Крейсига. (стр. 5 0 6 -5 0 7)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 68; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 359.

Беседы о сельском хозяйстве Я. Линовского.

(стр. 507)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 68—69; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 359. Рукопись-автограф хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

О производительных силах России. Сочинение Л. В. Тенгоборского.

(стр. 507)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 69; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 360.

Рукопись-автограф хранится о Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Российская родословная книга, изд. П. Долгоруковым. Часть 3-я.

(стр. 508)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 69; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 360. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Кабинет магика. Составила М. Ж.

(стр. 508)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 70; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 360—361.

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Очерки сибиряка.

(стр. 5 0 8 -5 0 9)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 70; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 361. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника»,

840

Врачебно-комнатная гимнастика. Сочинение д-ра Шребера,

(стр. 509— 510)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 70—72; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 361—362.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится но тексту «Современника».

Судоходство по Шельде. А. Наумова.

(стр. 5 10)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 4, стр. 72; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 362. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Стихотворения Кольцова.

Москва. 1856.

(стр. 5 1 0 -5 1 5)

Первоначально опубликосано в «Современнике» 1856, No 5, стр. 3—8.

В полное собрание сочинений (СПБ., 1906) не вошло. Впервые сверенный с рукописью текст напечатан в сборнике «Звенья», № 3, М., 1934, стр. 565—576.

Рукопись-автограф на одном полулисте писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Выдержки из статьи Белинского в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест.

В рукописи начало статьи (до слов: «Что нового можем сказать мы о

Кольцове?») читается так:

В жизни нынешней русской публики бывают иногда ощущения, события, впечатления – как бы это выразить точнее? Одним словом, бывают факты, до такой степени оригинальные, до такой степени принадлежащие исключительным обстоятельствам, что впоследствии времени трудно будет постичь их. Кому, например, через пятьдесят лет не будет казаться удивительно, что в прошедшем году важнейшими событиями нашей литературной жизни были новые издания сочинений Пушкина и Гоголя? Ведь все эти произведения были давно прочитаны и перечитаны каждым в прежних изданиях, – что ж тут, повидимому, особенного, если сочинения любимых публикою авторов выходят вторым изданием, когда разошлось первое? Ведь, кажется, подобные случаи должны бы относиться только к типографскому делу, а не событиям литературной жизни. А между тем, для нас это действительно было важным литературным событием. Странный факт!

К числу литературных событий этого рода принадлежит и новое издание «Стихотворений Кольцова с портретом автора и проч.». Книжка в 10 печатных листов, первое издание которой очень давно было распродано все до последнего экземпляра, так что трудно было достать хотя бы старый, избитый экземпляр ее за 10, за 15 рублей серебром, – эта книжка, столь требуемая публикою, выходит наконец вторым изданием – что тут удивительного? И между тем, это, неоспоримо – одно из важных и самых отрадных событий в нашей литературной жизни за настоящий год.

Новое издание перепечатано с прежнего без всяких прибавлений или опущений.

Искусство продлить человеческую жизнь.

Сочинение Х. В. Гуфеланда.

(стр. 515)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 9; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 371.

Жизнь адмирала Ф . Ф . Ушакова. Р. Скаловского.

(стр. 515– 517)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 9– 11; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 371–372.

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется. Блокада крепости Костромы. Сочинение А. П. С – на.

(стр. 517– 519)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 17– 19; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 373–374.

Рукопись-автограф хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений ке имеется.

Значение Пушкина в истории русской литературы. Речь Н . Булича.

(стр. 519– 523)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 20–24; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 374–378.

Рукопись-автограф на двух листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 522, 7 строка снизу. В рукописи: описание [, – первое, когда буду говорить вообще о сладких песнях поэзии, – поэта я сравню с соловьем, а второе,] когда буду говорить о современном русском красноречии – оратора я сравню с павлином.

[1. О п е н и и с о л о в ь я .

«Коль великого удивления сие достойно! В толь маленьком горлушке нежной птички толикое напряжение и сила голоса! Ибо когда вызван тепло-

тою вешнего дня взлетает на ветвь высокого древа, внезапно то голос без отдыху напрягает, то различно перебивает, то ударяет с отрывом, то крутит к верху и к низу, то вдруг приятную песнь произносит, и между сильным возвышением урчит нежно, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет, утомленно, стремительно, густо, тонко, резко, тупо, гладко, кудряво, жалко порывно, глупо, надуто, глупо-надуто.].

2. О п а в л и н е .

Статистическое обозрение промышленности Московской губ.

Составлено Ст. Тарасовым.

(стр. 523– 524)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 24–26; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 378–379.

Рукопись-автограф на одном полулисте писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 523, 12 строка снизу. В рукописи: Дмитровский 50.

Стр. 523, 6 строка снизу. В рукописи: / 333095.

Стр. 524, 18 строка снизу. В рукописи: жестяные, пуговичные.

Стр. 524, 16 строка снизу. В рукописи: кирпичных заводов.

[В заключение, исчислим, по спискам г. Тарасова, значительнейшие чэ

щ

фабрик и заводов Московской губернии, именно те, ежегодное производство которых оценивается более нежели в 100 ООО р.

И мя владельца Отрасль промышленности Москва и Московский уезд.

Сумма производства Алексеев С. А.

Шерстопромывательная . . . . 150 000 Вишняков В. Т. Шерсто-прядильная . . . . 196 ООО

Алексеев С. А.

Алексеев И. В.

205 000

Г анешины.....

440 000]

Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя.

Гетр. 524– 536)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 26– 39; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 380–390.

Рукопись-автограф, на 5 листах в полулист писчего формата, с незначительными помарками. Текст отрывка из мемуаров С. Т. Аксакова и трех писем Гоголя к Аксаковым, так же как часть письма к о. Матвею, в рукописи отсутствуют, будучи заменены соответствующими указаниями Н. Г. Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест. Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 526, 1 строка. В рукописи: Он понял свою роль прекрасно, исполнил свою обязанность добросовестно. Просим его продолжать начатое и желаем

Стр. 526, 12 строка. В рукописи после слов: «неприкосновенным», следует: Многие объяснения фактов, принадлежащие самому автору, также всегда будут принимаемы беспристрастным исследователем в соображение, как удачные и справедливые, если и найдутся причины не согласиться с некоторыми другими из его догадок и понятий, впрочем не многими.

Словом, «Записками о жизни Н. В. Г оголя» автор заслужил себе право на полную признательность и публики, и специалистов: он дал нам труд капитальный, почетный, добросовестный, во многих отношениях незаменимый; в настоящее время его книга представляется таким богатым сборником известий о Гоголе, что в сравнении с нею все остальные источники этих сведений (кроме, разумеется, сочинений самого Гоголя) незначительны [Спра-

ведливость требует сказать, что в нашей литературе нет другого, столь обширного и важного сборника биографических материалов для жизни какого бы то ни было...] Нужно посвятить

Стр. 534, 17 строка снизу. В рукописи: литературы. [Приводим этот интересный отрывок его книги

Боргесом набирать отмеченное карандашом на стр. 105, потом стр.

106– 113, от знака до Публика давно

Стр. 536, 5 строка. В рукописи: «Записки о жизни Н. В. Гоголя» – труд капитальный, каких в нашей литературе очень немного, и, по высокому интересу содержания, [эта книга заслуживает] самого внимательного Для легкого чтения. Том I.

(стр. 536– 537)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 39–40; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ, 1906), стр. 390–391.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

843

Сочинения Н. В. Гоголя. Томы V и VI.

(стр. 537– 543)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 6, стр, 41–49; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр 391–397.

Рукопись-автограф на 2-х листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве.

Стр. 538, 20 строка. В рукописи: Остраница [По слогу и тону, в котором более беззаботной шутливости, нежели в «Тарасе Бульбе», отрывок приближается к «Вечерам на хуторе»]. В художественном отношении История балтийских славян. А. Гильфердинга.

(стр. 543– 545)

Впервые опубликовано в «Современнике» 1856, № 6, стр. 52–55; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 397–399. Рукопись-автограф на двух листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Понятия Гопкинса о народном хозяйстве.

(стр. 545–549)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 5–9; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 433–435.

Рукопись-автограф на трех листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Статистическое описание Киевской губ., изданное И. Фундуклеем.

(стр. 549)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 9– 10; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 435–436.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

De l'or et de l'argent... par N. Tarassenko-Otreschkoff.

Гст-р. 550)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 10– 11; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 436.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Рассказы и воспоминаяня охотишка. С. Аксакова.

(стр. 550)

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

844

Общий курс истории средних веков. М. Стасюлевичй.

(стр. 551)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 11; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 437. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Южно-русские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Том I.

(стр. 5 51)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 11– 12; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 437. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

Руководство статистики европейских государств.

Составлено И. Ивановским.

(стр. 552)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 20.

В полное собрание сочинений (СПБ., 1906) не вошло.

Рукопись-автограф на одном полулисте писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. На этом же листе помещена рецензия Чернышевского на «Рассказы и воспоминания охотника» С. Аксакова. Разночтений не имеется.

О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь проф. И. Ьабста.

(стр. 552– 559)

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Отрывки из «Речи» Бабста отсутствуют в рукописи, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест. Разночтений нет. Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве. Военно-исторические очерки Крымской экспедиция. Аничкова.

(стр. 559– 560)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 36–37; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 509. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись на двух листах в полулист писчего формата, содержит еще ряд рецензий, (см. «Руководство к правильному воспитанию детей», Маутнера).

Стр. 560, 13 строка. В рукописи: занимается теперь Е. П. Ковалевский. Руководство к гальванопластике. Ф. Даля. Исследование стекловаренного производства. А . Чугунова.

(стр. 560)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 37.

В полное собрание сочинений (СПБ., 1906) не вошло.

Рукопись-автограф на одном листе с рецензиями на книги; «История христианской православной церкви» Рудакова, «Для легкого чтения», т. II, «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции», составленные... Анич-845

ковым, «Русская грамматика» Классовского и «Руководстве к правильному воспитанию детей» Маутнера. Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

Руководство к правильному воспитанию детей. Маутнера.

(стр. 560)

В полное собрание сочинений (СПБ., 1906) не вошло.

Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись на двух листах в полулист писчего формата заключает в себе ряд мелких рецензий еще на книги:

«Для легкого чтения», т. II, «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции», «Русская грамматика» В. Классовского, «Руководство к гальванопластике» Ф. Даля, «Исследование стекловаренного производства»

А. Чугунова и «История христианской православной церкви» А. Рудакова, Разночтений нет.

История православной христианской церкви. А. Рудакова.

(стр. 560)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 37.

В полное собрание сочинений (СПБ., 1906) не вошло.

Рукопись-автограф на одном листе с рецензиями на «Руководство к гальванопластике» Ф. Даля, «Исследование свекловаренного производства»

А. Чугунова и др.

Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

Для легкого чтения. Том II.

(стр. 561)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 38. Перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 509—510.

Рукопись-автограф хранится в Центральном государственном литературном архиве и существенных разночтений не содержит.

Стихотворения Н. Огарева.

(стр. 56/—568)

Первоначально напечатано в «Современнике» 1856, Ns 9, стр. 1—9;

перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906),

томнике: «Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Эстетика. Критика». Гослитиздат, 1934, стр. 448—451.

Рукопись-автограф на четырех листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Последний абзац статьи в рукописи отсутствует. Он прибавлен И. И. Панаевым в «Современнике», о чем пишет сам Панаев В. П. Боткину в письме от 28 сентября 1856 г. («Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 388—389).

I. Стр. 561, 2 строка снизу. В рукописи: с почетом упоминала о нем.

II. Стр. 561, 3 строка снизу. В рукописи: не пользовался особенною популярностью.

Стр. 567, 5 строка снизу. В рукописи: преемника. [Надеялись мы, быть может, на других, и в недавнее время, как в старину, создавали мы, быть может, кумиров, от которых ждали слова свежего и сильнейшего. Но до сих пор наши надежды обманывались самым жалким образом.] Мы ждем еще 846

Стр. 568, 2 строка. В рукописи после слов: «своими убеждениями», следует: Н а до сих пор мы еще не дождались этого, и тот тип, который воспроизводится между прочим поэзиею г. Огарева, остается еще в нашей литературе идеалом, дальше которого не повели ее передовые наши люди. Некоторые из них, — мы могли бы назвать двоих, — одного прозаика, другого поэта — идут вперед, по всей вероятности поведут за собою и литературу; мы могли бы сказать, что по некоторым благородным и свежим качествам таланта можно еще не оставлять надежды на деятельность третьего... Но то, что будет, когда-то еще будет, а теперь наша литература еще не вышла из момента развития, представителем которого в лирической поэзии служит г. Огарев.

И вот потому-то

Областные учреждения России в X V II в. Сочинение Б. Чичерина.

(стр. 5 6 8 -5 8 4)

Рукопись на 15 листах в полулист писчего формата, наполовину — автограф, наполовину писана рукою жены Н. Г. Чернышевского, О . С. Чернышевской (большая часть — выписки из книги Чичерина).

Стр. 569, 22 строка. В рукописи: вопросов. [Общих воззрений на развитие

исторической жизни русского народа он еще не касался своим проницательным анализом, еще не представлялось ему случая подвергать самостоятельной критике]. Ему

Стр. 569, 13 строка снизу. В рукописи: иногда [принимает на себя ответственность за чужие понятия, которые, при внимательнейшем рассмотрении, оказываются несогласными с его собств...] [заставляет читателя ошибаться в существенном смысле его слов] [иногда, как нам кажется, не совершенно точно высказывает свои выводы и подает повод к сомнениям или бывает пр...] не избегает

Стр. 569, 9 строка снизу. В рукописи: избытка сил [г. Чичерин не удовлетворителен, как последователь той или другой из прежних школ, потому что он не из тех людей, которые способны оставаться последователями чужих понятий; ему предстоит другая судьба: совершенно самостоятельно анализировать факты и выводить из них понятия, чем кончатся недоумения и ошибки, которых иногда он не избегает теперь] ; и не трудно предвидеть

Стр. 572, 14 строка. В рукописи: утвердительно. [Еще одно замечание.

Вообще, г. Чичерин умеет прекрасно пользоваться источниками. Но мы не знаем, как он смотрит на вопрос о полноте [и достоверности] источников, которыми пользуется. Некоторые из наших историков — кажется, совершенно справедливо, — находят, что большая часть тех сборников, которые теперь служат основанием наших разысканий о московском периоде, значительно отличаются своим характером от подобных изданий прошедшего века, в которых было менее односторонности, и что потому...]

Пределы статьи

Дворяне-благотворители. Сказание В. Порошина.

(стр. 584– 587)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 33– 36; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 554–556.

Рукопись-автограф хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

847

Сочинения Ульянова,

(стр. 587– 588)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 37–38; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 557. Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений не имеется.

Русская грамматика В. Классовского.

(сгр. 5 8 8 -5 8 9)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 38; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 558. Сверено с рукописью-автографом, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Рецензия написана на одном листе с рядом других рецензий: «Для легкого чтения», т, II, «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции», «Руководство к гальванопластике» Даля и др. Существенных разночтений не имеется.

Словарь сельско-хозяйственных растение. И. Палимпсестова.

(стр. 589)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 38: перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 558. Рукопись-автограф занимает третью часть листа, посвященного, кроме этой рецензии, еще двум: «Плен

у Шамиля» и «Труды восточного отделе* ния Археологического общества». Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Плен у Шамиля. Повесть Е. Вердеревского.

(стр. 589)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 38—39; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 558. Рукопись-автограф занимает третью часть листа, заключающего в себе также рецензии: «Словарь сельско-хозяйственных растений» и «Труды... Археологического общества». Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Труды восточного отделения Археологического общества. Часть 2-я.

(стр. 589— 590)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 39; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 558-559.

Рукопись-автограф занимает третью часть листа, заключающего в себе рецензии на «Словарь сельско-хозяйственных растений» и «Плен у Шамиля». Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

Сенсации и замечания г -м Курдюковой эа границею, дай л'Этранже.

(стр. 590)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр, 39—40; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 559. Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

848

О выборе стихотворного размера*

(стр. 5 9 0 -5 9 1)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9, стр. 40; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 559—560.

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Х ранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

Записки Сибирского отдела Русского Географического общества, кн. 1.

(стр. 591—596)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 10, стр. 41—47; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 578—583.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Римские женщины. П. Кудрявцева.

(стр. 597)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 10, стр. 47—48; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ.. 1906), стр. 583. Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Собрание стихотворений В. Бенедиктова.

(стр. 597—611)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 10, стр. 54–72; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 583–597.

Рукопись-автограф на пяти листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Выписки из «Отечественных записок» в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест.

Стр. 598, 13 строка. В рукописи: стихотворений, – нужно же вразумлять этих заблудших, что они портят свой вкус стихотворениями г. Бенедиктова...

Стр. 598, 14 строка. В рукописи после слов: «г. Бенедиктова», следует:

А тут еще припоминалась знаменитая критическая статья, доказывавшая, что г. Бенедиктов по преимуществу поэт мысли, что он внес в русскую поэзию мысль, которой в ней прежде не было, что он выше всех наших поэтов, не исключая Пушкина, что с него начинается новая эпоха в нашей литературе... Горе, горе! скольким неприятностям иной человек подвергается без всякой вины с своей стороны!

Приходила ли кому охота писать пародии – Крешев, Кропоткин, Коитев опять были безопасны, как люди темные, а г. Бенедиктов, как писатель известный, разделял с другими известными писателями привилегию быть предметом для пародий. Но другим известным писателям пародии нимало не вредили, потому что, кроме недостатков, осмеиваемых пароднею, есть у них и неотъемлемые достоинства; каждый читатель, посмеиваясь над пародиен), видел, однако, разность между сю и стихотворением Огарева, Фета, – а пародии на стихотворения г. Бенедиктова ничем не отличались от самых стихотворений г. Бенедиктова.

Двадцать лет продолжается эта грустная история, – действительно грустная, потому что г. Бенедиктов, не будучи виноват в своей известности, терпел насмешки без всякой вины.

И каковы были

64 Н, Г. Чернышевский, т, III 849

Стр. 610, 9 строка снизу. В рукописи после слов: «у г. Бенедиктова так же мало», следует: как у самых безвестных стихотворцев. Версификатор он довольно хороший, быть может, немногим хуже Бернета и Тимофеева или г. фон-Лизандера. Но это уже высшая похвала, какую можно сделать ему: сказать, чтобы он хорошо владел стихом, решительно невозможно – в этом мы убедились, просматривая сделанные им переводы – все они не выше, а многие ниже посредственности. Мы сравнивали некоторые из переведен -

ных им пьес с другими переводами, принадлежащими таким стихотворцам,

Стихотворения гр. Ростопчиной. Том II.

(стр. 611–615)

Первоначально опубликовано в «Современнникe» 1856, № 10, стр. 72–77; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 598–602.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Стихотворения Н. Некрасова.

(стр. 615– 624)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 11, стр. 1– 12: перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 617 (без стихотворений Некрасова).

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Список стихотворений Некрасова и самые стихотворения в рукоп иси отсутствуют: они заменены соответствующими указаниями Чернышевского к типографии. Рукопись

хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь я сочинения.

С портретом А. С. Пушкина. СПБ., 1856 г.

(стр. 625– 628)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 12, стр. 43–47; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 648–651.

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Отрывки из рецензируемой книги в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест. Рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных

разночтений не имеется.

Для легкого чтения. Том IV.

(стр. 628)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 12, стр. 48–49; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 651. Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Существенных разночтений не имеется.

История России в рассказах для детей. Сочинение А. Ишимовой.

(стр. 629)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 12, стр. 49.

В полное собрание сочинений 1906 г. не вошло.

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Рецензия написана на странице, занятой, кроме нее, рецензией на книгу Н. Тарасенке -850

Отрешкова «О золоте и серебре». Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

О золоте и серебре. Н. Тарасевко-Отрешкова.

(стр. 629)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 12, стр. 49–50; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 651–652.

Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата. Рецензия занимает пол-листа, посвященного, кроме нее, рецензии на «Историю России в рассказах для детей» А. Ишимовой. Хранится в Центральном государственном литературном архиве. Разночтений нет.

ЗАМ ЕТКИ О Ж УРНАЛАХ.

Декабрь 1855 в январь 1856 г.

(стр. 630–633)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 2, стр. 219–222; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ,, 1906),

стр. 345–348.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Февраль 1856 г.

(стр. 634– 642)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 3, стр. 80–90; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 336–344.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «'Современника ».

Апрель 1856 г.

(стр. 642–650)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 5, стр. 109– 118; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 363–370, с ошибочным отнесением в оглавлении к «Современнику» № 4.

Рукопись-автограф на шести листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. «Заметки» в «Современнике» принадлежат не целиком Чернышевскому, а начало их (стр. 105– 109 по «Современнику») писаны Чернышевским под диктовку Некрасова. В собственноручном списке статей Чернышевского, составленном в 1861 году, указывается, что здесь ему принадлежит написанное «О Р[усском] Вестнике, стр. 109– 118», а в таком же списке 1862 года помечено; «Где о Русской Беседе».

Стр. 648, 19 строка. В рукописи: и ныне [, для этого вовсе не нужны родственные связи, а только воля общины, находящей удобным для себя иметь нового участника в отправлении повинностей, или воля владельца, который впрочем и не мог] Притом Май 1856 г.

(стр. 650–661)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 6, стр. 235–

256; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 421–431.

54* 851

Рукопйсь-авТограф на девяти листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. По указанию Чернышевского в трех собственноручно им составленных списках, ему принадлежит написанное о «Русской беседе»; в списке 1861 года указаны стр. 244 – 256 по «Современнику». Эти указания подтверждаются содержанием рукописи. Июнь 1856 г.

(стр. 661–676)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 119–

138; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 457–469.

Рукопись-автограф на шести листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись сохранилась не полностью. Выписки из «Морского сборника» и из «Русского вестника» в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями к типографии о наборе отмеченных отрывков. На обороте четвертого листа рукописи имеется карандашная записка Чернышевского к заведующему типографией «Современника» Карлу Ивановичу Вульфу:

«Если можно, я просил бы Вас, Карл Иванович, приготовить для меня корректуру к 12'/а часам утра завтра, т. е. в понедельник. Я тогда зайду в типографию – мне хочется показать фельетон Николаю Алексеевичу.

Ваш покорнейший слуга Н. Чернышевский».

Во II томе полного собрания сочинений (1906) не опубликован конец статьи об обязанностях старшего офицера на корабле. В рукописи текст Чернышевского отсутствует, но даны его указания на набор из июньской Унижки «Морского сборника»: «Набирать боргесом из «Морского сборника» июнь, часть неофициальная:

225 и 226 от х до хх, 227–230 от х до хх,

231–232 от х до хх, 233–234 от х до хх».

На принадлежность этого разбора Чернышевскому имеется также ссылка в «Заметках о журналах». Январь 1857».

Стр. 662, 2 строка. В рукописи: громкая слава [. – хорошая ли, дурная ли, а все таки слава.] Или эта комедия

Стр. 662, 28 строка. В рукописи: гнев, что прикрашенная блестками правды неправда хуже чистой лжи; что высокие притязания Стр. 668, 8 строка. В рукописи: человек, а не попугай, и имеет право Июль 1856 г.

(стр. 676– 689)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 205–221; перепечатано в полном собрании сочинений (СПБ., 1906), т. II, стр. 519–531.

Рукопись-автограф на семи листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись сохранилась не полностью. Судя по рукописи, «Заметки» принадлежат Чернышевскому целиком, за исключением публикации письма А. Островского от 4 июля 1856 г. из г. Калязина. Выписки из «Вопросов жизни» Пирогова в рукописи отсутствуют. Они заменены указаниями к типографии о наборе отмеченных мест.

Стр. 678, 5 строка. В рукописи: ничего. [Мы старались забыть о нем, чтобы самим нам казаться важнее в своих глазах и друг перед другом.]

Мы не потрудились.

Стр. 678, 12 строка снизу. В рукописи после слов: «вечной славы», следует: Ужел и народная признател ьность будет все гда та к безде йстве нна? Ужели не воздвигнет она памятника поэту – любимцу Русской земли?

Не пора ли было бы подумать об исполнении этого священного долга?

Стр. 685, 26 строка. В рукописи: отрывками, которые выбираем почти наудачу из множества равна прекрасных.

Август 1856 г.

(стр. 689–698)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 9 , стр. 111– 133; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 561–577.

Рукопись-автограф на 11 листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Выписки из романа Григоровича «Переселенцы» в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями к типографии о наборе соответствующих отрывков.

По указанию Чернышевского в списках статей, составленных в 1861 и 1888– 1889 гг. ему принадлежат стр. 122– 133. Руководствуясь этим прямым указанием, мы не включаем предшествующего текста, помещенного во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906) на стр. 561–569. Сентябрь 1856 г.

(стр. 698–708)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 10, стр. 254–

266; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 603–616.

По указанию Чернышевского в списке статей, составленном им в 1888– 1889 гг., конец «Заметок» (о «Горе-Злочастьи») после слов: «автора следующей заметки» писан А. Н. Пыпиным. Поэтому мы не включаем его в текст. В рукописи сохранилось только окончание той части статьи, которая писана Чернышевским, начиная со слов:

«Из трех рассказов, которые следуют у г. Щедрина» (стр. 702, 4 строка), и кончая словами: «Заметка» оканчивается следующим образом» (стр. 706, 16 строка снизу). Выписки из рассказов Щедрина и из статьи Безобразова в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных мест. В конце рукописи карандашная пометка Н, Г. Чернышевского: «Отделив чертою, поместить статью уже набранную и начинающуюся моею припискою (о Горе-злочастьи, в дополнение к статье Костомарова, помещенной в науках)». Слова, поставленные Чернышевским в скобках, обведены в рукописи еще круговой чертою. Отсюда устанавливается текст Чернышевского в «Заметках». Рукопись-автограф на одном листе в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Там же имеются корректурные гранки «Заметок» на одном листе, помеченные «Окт[ября] 2 [1856 г.]», с поправками И. И. Панаева и с его пометой на полях: «Почтеннейший Николай Гаврилович, я счел нужным, по причинам, которые я изложу вам при свидании, сделать небольшие смягчения касательно Аксакова и Буслаева — и потому посылаю вам эти корректуры, прося вас перенести эти смягчения в вашу исправленную корректуру. Панаев». В полном собрании сочинений издания 1906 г. «Заметки» напечатаны по первоначальному тексту корректуры, без исправлений И. И. Панаева и без оговорок об этом в примечаниях к тексту. Корректура также не охватывает всей статьи полностью — имеется только начало, обрывающееся на словах: «своими записками о губерн[ской жизни]» (стр. 704,

2 строка снизу)

Стр. 698, 6 строка снизу. В «Современнике»: написана прекрасно,] — но выставлять

(Это исправление сделано И. И. Панаевым в корректуре. В полном собрании сочинений (1906 г .)— первоначальный текст. — Ред.).

Стр. 700, 12 строка. Фраза: «совершенств и красот мы в них не ищем, — напротив, эти красоты часто только мешают существенному достоинству мемуаров», в корректуре вычеркнута И. И. Панаевым, но вошла в «Современник», очевидно, по настоянию Чернышевского.

Стр, 700, 18 строка. В «Современнике»: быть уверенным, что они не пройдут незамеченными.

853

(Эта поправка внесена в корректуру И. И. Панаевым. — Ред.)

Стр. 702, 12 строка. В рукописи: о золотом веке:

Здесь выписка № 1 (Помета Н. Г. Чернышевского. — Ред.)

Здесь вставить выписку № 2 .— (Помета Н. Г. Чернышевского. — Ред.)

Иван Петрович из всякой беды умел вывернуться,— потому что настигали иногда людей беды и в то золотое время, — и не только сам вывертывался, других выручал,'— прекрасный был человек:

Здесь вставить выписку Ne 3. — (Помета Н. Г. Чернышевского. — Ред.)

Да, таких людей, как Иван Петрович, хороших служак [знавших свое

дело, в те золотые времена было довольно; вот, например, городничий Фейер

отлично знал свое дело]

Поместить рядом выписки № 4 и 5. (Помета Н. Г, Чернышевского. —

Ред.)

Мы не будем решать

Стр. 706, 2 строка. В рукописи: от [язв] пролетариата Октябрь 1856 г.

(стр. 708– 723)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 11, стр. 152–

176; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 618–637.

Рукопись-автограф на две надцати л истах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Выдержки из «Отечественных записок» в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных им мест. По указанию Чернышевского в списке его статей, составленном в 1861 г., «Заметки» принадлежат ему, «кроме стр. 170– 176, кот[орые] пис[аны] Добролюбовым». В списке статей, составленном в 1888– 1889 г., Чернышевским помечено: «Начало о Дружинине писано не мной».

Однако рукопись с самого начала писана рукой Чернышевского, в том числе и о Дружинине, но из рукописи же видно, что стр. 170– 176 по «Современнику» действительно не принадлежат Чернышевскому. На это

указывает отсутствие самого текста и помета Чернышевского после первого абзаца на стр. 170 [по «Современнику»]: «Здесь вставить писанное in 4-to не моею р[укою]». Конец статьи писан опять Чернышевским, начиная со слов: «Теперь спросим: выиграл ли г. Галахов, вызвав нас на ответ?»

В полном собрании сочинений (СПБ., 1906) перепечатано целиком из «Современника» с указанием в примечании на принадлежность Добролюбову вышеуказанной части «Заметок».

Кроме рукописи, текст проверен еще по корректурным гранкам, хранящимся в Центральном государственном литературном архиве. Они занимают 3'/а листа и помечены: «31 октября [1856]». На полях первого листа гранок помета И. И. Панаева: «Исправить как отмечено [по моим] ;<указаниям>. И. П.» Исправленный Панаевым текст вошел в «Современник». Но сличение текста с рукописью приводит к заключению, что до Панаева была еще корректурная правка, должно быть, авторская, в результате которой из текста были выброшены некоторые места. Наконец, следует предположить еще третью правку, так как в печатный текст «Современника» вошли разночтения по сравнению с рукописью я корректурой. На полях первой же гранки еще посторонней рукою надписано: «Весьма нужное». Гранки обнимают собою весь текст «Заметок», то есть и то, что написано Добролюбовым. Текст последнего также подвергся исправлениям и изъятиям И. И. Панаева. Ответ Добролюбова Галахову в настоящем издании не включен в текст «Заметок», а приведен ниже в текстологическом комментарии.

Стр. 708, 5 строка снизу. В корректуре зачеркнут Панаевым выделенный курсивом текст: литературные связи г, Дружинина, умевшего sac/iy -854

жить определенное уважение от всех наших лучших писателей, ручаются за то

Стр. 712, 24 строка. В корректуре: Октябрьская книжка «Отечественных Записок» ратует против «Современника».

Текст исправлен в корректуре Панаевым.

Стр. 712, 28 строка. В рукописи и корректуре: вероятно, капитальные достоинства в этой филиппике, равно замечательной по остроумию суждений и деликатности выражений. «Отечественные записки».

Стр. 712, 12 строка снизу. В корректуре: батареи гремят... За что такая немилость? За то, что гг. Григорович, Островский, Толстой и Тургенев будут помещать свои произведения исключительно в «Современнике». Что сказать об этом? Подумали ль

Стр. 717, 13 строка. В рукописи к словам: «против «Очерков гоголевского периода», относится следующая сноска:

Заметим только, что «Отечественные] записки» с прекрасною деликатностью называли автора этих статей «пауком» и т. п., что они советуют всякому «благонамеренному критику» держаться талейранова правила «дар слова дан человеку для того, чтобы

не выражать своих мыслей», и т. д.

Все это хорошо.

Стр. 717, 18 строка снизу. В рукописи: осудить. [Журнал старается быть достойным внимания публики, потому заботится, чтобы иметь своими сотрудниками хороших писателей – чем тут возмущаться? –] В иностранных Стр. 717, 8 строка снизу. В рукописи: отношений. [Кажется, наш список полон, – но пусть нам укажут, если мы опустили кого-нибудь из первоклассных современных литераторов, – и мы докажем, что и он подобно пяти названным нами помещал свои произведения исключительно в том или другом журнале, –] Кажется, ясно

Стр. 717, 1 строка снизу. В рукописи: в литературе. [Все журналы дорожат приобретением сотрудничества знаменитого писателя, –] Почему, например

Стр. 720, 10 строка. В рукописи после слов: «о нас самих», следует: – пусть они доказывают, например, что стихотворения одного из редакторов «Современника», ныне изданные, очень дурны,] – пусть они объясняют низкими целями наше сочувствие к тем писателям, деятельности которых обязаны были «Отечественные] записки» уважением, которым некогда пользовались в русской публике – во всем этом полная их воля. Но Стр. 720, 17 строка. В рукописи после слов: «Северной пчелы», следует: Нападая, по увлечению различными соображениями, на дело чистое и простое, только самые опытные в таком занятии люди умеют говорить плавно, остроумно, бойко, – а те, у которых уважение к чувству правды не совершенно заглушено, тяготятся в подобных случаях сознанием неловкости своего положения, говорят нескладно, неискусно. Это чувство, как по всему видно, тяготело над «Отечественными] записками» при нападении на писателей, которые обещались помещать свои произведения исключительно в «Современнике» – филиппика написана неискусно, она шутит неудачно, негодует невпопад – видно, что рука, ее писавшая, не приобрела того апломба, с которым ратуют против и с т и н ы и чернят достойных уважения людей знатоки этого искусства, – пусть судит читатель, много ли остроумия, много ли едкости в этой неловкой филиппике:

Русский язык

Стр. 721, 13 строка. В рукописи после слов: «обязательного соглашения», следует: Продолжение равняется началу своими достоинствами, – но мы чувствуем, что неделикатно было бы требовать остроумия от челове ка, стесненного сознанием неловкости своего положения; он сам должен чувствовать, что речь его неловка и натянута; и мы по естественному снисхождению к затруднительности его положения, не будем смеяться над ним за этот недостаток– мы обратимся к его мыслям, не глумясь над неловкостью их выражения, – всякое желание посмеяться уступает место чувству сострадания при виде такого бессилия в гневе. Попробуем же без всяких насмешек,

855

с приличною снисходительностью к слабости, объяснить «Отечественным] запискам», в чем они ошиблись, увлекшись несправедливою досадою.

Итак

Стр. 721, 1 строка снизу. В рукописи: уважение, когда каждый грамотный человек в грамотной России привык глубоко чтить имена этих грубо

оскорбляемых людей. Кто

Стр. 723, 19 строка. В рукописи после слов: «своих произведений...», следует: Это правило, о котором мы предуведомляем «Отечественные] записки», будет соблюдаться нами строго, пока «Отечественные] записки» поймут, что полемика, ими неблагоразумно начатая, вредна для них, и не оставят своей систематической и несправедливой вражды против нашего журнала.

Вражда

Стр. 723, 25 строка. В рукописи после слов: «1856, № 8)», следует:

Г. Галахов, увлекшись враждою прогив «Современника», написал дурную статью,

наполненную несправедливых придирок. «Отечественные] записки», увлекшись тою же враждою, напечатали ее, хотя она очень скучна и лишена всяких достоинств — вражда против «Современника», как видно, может заменять собою, по мнению «Отечественных] записок», всякие достоинства.

Не можем

Стр. 723, 30 строка. В рукописи: Державина», — ученость, как видим, необыкновенно обширная.

Затем в «Современнике» напечатан следующий текст ответа Галахову, принадлежащий Добролюбову:

Г. Галахов напечатал 43 страницы, которых цель— «доказать односторонность или неверность выводов», заключающихся в нескольких строках статьи г. Лайбова в «Современнике» и относящихся к «Былям и небылицам» императрицы Екатерины. Такая: честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: он лицо совершенно неизвестное в литературе, а г. Галахов успел уже приобрести известность, как между учащимися — своею хрестоматиею и разными статьями, так <Сил> между учеными — признанием, что в составлении своей хрестоматии он руководствовался «Чтениями о словесности» г. Давыдова. (См. «Отечественные] эап[иски]» 1843 г., № 7.)

Г. Галахов прежде всего выбрал из статьи г. Лайбова по нескольку строк, с шести страниц, оставив в стороне связь мыслей и все, чем они

доказываются. (Метод, за употр-ебленйе которого всегда хвалили «Отечественные] записки» добросовестных своих оппонентов «Северной пчелы»). Затем, решаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галахов сначала толкует весьма пространно о том, что императрица Екатерина всегда была верна своим основным принципам (против чего никто и не говорил ни слова); потом исчисляет пороки, которые императрица осмеивала в своих комедиях: неплатеж долгов, мотовство, щегольство, легкость семейных отношений. Затем следуют 10 страниц о стараниях императрицы положить предел иностранному воспитанию в России, потом еще столько же о суеверии и тайных обществах. После того говорится еще о вопросах Фонвизина, о самой форме «Былей и небылиц», о их языке, из всего рассуждения выводится, что «Были и небылицы» истинная характеристика тогдашнего общества и что на них можно смотреть как на свод всего, что писала Екатерина II до и после 1783 г...

Доказывает г. Галахов свою мысль весьма оригинальным способом: он делает десятки выписок из комедий императрицы, из «Наказа», из сатир Кантемира и Сумарокова, из переписки Дидро с Гриммом, Екатерины с Циммерманом и Вольтером, Вольтера и Даламбером и пр., все для того, чтобы доказать, что у нас был известный порок, напр., суеверие, и затем победоносно представляет одну заметку «Былей и небылиц», чтобы доказать, что и они об этом говорили. Приведя около десятка подобных заключительных выписок во всей статье, г. Галахов думает, что дело его кончено, и что противник его уничтожен окончательно. Но тому, кто внимательно прочитал статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критик говорит совсем 856

не о том, о чем следует, и сражается с ветряными мельницами. Прием, им употребленный, похож на то, как если бы мы, стараясь доказать, что, напр., Гоголь был стихотворец, а не прозаик, начали бы толковать о Гомере,

Данте, о Ломоносове, Державине, Пушкине и пр. и, сказав, что все они писали стихи, в заключение решили бы, что Гоголь, написавший «Ганца

Но, оставив в стороне странный способ г. Галахова рассуждать об одном предмете, говоря совершенно о другом, мы видим много неверного, неопределенного и ложно понятого в самых его положениях. Он вооружается особенно против тех слов г. Лайбова, что «сам автор смотрел на «Были и небылицы» как на плоды досуга и говорил в них обо всем, что ему приходило в голову». Эти слова он называет без всякой церемонии — бессмысленными («Отечественные] зап[иски]» 1856 г., № 10, Крит]ика], стр. 45), на Том основании, что императрица отличалась верностью своим принципам и пристрастием к своим идеям, без которого не бывает ни великих деятелей, ни великих дел. Вполне уважаем в г. Галахове этот благородный порыв благоговения к великой монархине и вполне согласны с его мнением о том, что Екатерина II всегда верна была своим идеям. Но мы думаем, что ее величие и слава нимало не нуждаются в том, чтобы беглые заметки ее считались по своей важности и

серьезности равными «Наказу». Слава ее не помрачается, а возвышается еще более, когда мы смотрим на ее дело с точки зрения истины и справедливости, к которым такую любовь выказывала она сама. Если бы ее произведения были дурны, и тогда она бы потребовала, чтобы ей сказали о них правду; тем менее могла бы она потерпеть преувеличенные отзывы о значении того, чему она сама не придавала никакого значения. Людовик X IV писал слабые стихи,] – и разве помрачается этим его величие? Петр Великий занимался точеньем; но разве вещи, выточенные им, должны непременно отражать в себе великие идеи преобразователя России и занимать важное место в истории токарного искусства? А «Были и небылицы» были точно так же отдыхом для Екатерины, как для Петра – точекье.

С этим согласен и сам г. Галахов (стр. 81). А можно ли требовать от человека, чтобы он, в часы отдыха, занимался важным делом, по строго определенному плану и системе? Не естественно ли, что плод этого досуга будет не более, как забавная игрушка, и, если это литературное произве-

дение, что в нем дело будет перемешано с бездельем? Да и как не заметить этого с первого раза, при чтении «Былей и небылиц»? Это видно в тех выписках, которые представлены в статье г. Лайбова... Конечно, императрица не противоречила здесь самой себе, не шла против своих убеждений; но ведь об этом никто и не говорил.

Г. Лайбов упрекается также за то, будто он верит рассказу автора «Былей и небылиц» об употреблении их на обертку и на папильотки, и из этого будто бы выходит, что автор их сам не придавал им значения (стр. 79).

Но здесь г. Галахов, как и в других случаях, возражает на собственные мысли, а не на слова своего противника, которые он нг хотел даже привести в своей выписке (стр. 43) так, как следует для полноты смысла. После рассказа о папильотках у него тотчас выписаны слова: «и это не ирония», и пр., а в подлиннике они относятся совсем не к тому. В подлиннике сказано, что когда кто-то в письме просил автора «Былей» изобразить человеческое тщеславие, тогда он отвечал, что перемытаривать свет он не намерен, и пр. (см. «Современник]» № 8, стр. 66). Здесь, в самом деле, видно, что автор «Былей» не хотел даже и браться за серьезное изображение порока в своих легких, беглых заметках, в которых именно (повторим слова статьи «Современника») все написано как бы импровизацией, без особенного плана и заботы о том, чтобы составить стройное целое.

Точно так же опрометчиво поступил г. Галахов и в следующей выписке, взятой им совершенно отдельно от предыдущих мыслей. Г. Лайбов разбирает те попытки на представление характеров, которые видим в некоторых местах «Былей», и находит, что осмеиваются– самолюбивый, нерешительный, лгун 857

и проч. («Современник», стр. 67.) Здесь он и замечает, что большая часть этих описаний характеров, с их намеками и остротами, очень общи, а гораздо более характерного в мимолетных, случайных заметках. Все это очень естественно и как нельзя лучше соглашается с общим положением автора, что «Были и небылицы» не имели значения серьезной сатиры, а были просто беглыми заметками обо всем, что автору их приходило в голову, и, между прочим, иногда, конечно, и о вещах более или менее серьезных. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнения, так что, прочитав выписку, думаешь, что г. Лайбов резко противоречит себе. Заметим еще, что против степени характерности беглых заметок в «Былях» г. Галахов не говорит ии слова, а, между тем, гордо обещался опровергнуть выводы, представленные им из статьи г. Аайбова, «начиная с первого и оканчивая последним». Восстает г. Галахов особенно еще против той мысли, что «Были и небылицы» не были характеристикой общества. Он говорит: они заключаются в указании и осмеянии общественных недостатков, тогда господствовавших, тех самых, с которыми имели дело и другие сочинения императрицы, явившиеся и прежде и после «Былей и небылиц», и ее правительственные уставы и учреждения, и произведения современных писателей. Отсюда вытекает прямое заключение, – вопреки заключению г. Аайбова, – что «Были и небылицы»– живая и меткая сатира (но то же самое, только с большим ограничением, утверждает и г, Лайбов, говоря, что в «Былях и небылицах» есть сатира и, вероятно, меткая и живая), но из темных явлений русской жизни «Были» представляют очень немногие, и то не важнейшие. Они более обращаются к внешней стороне жизни, они не заботятся о том, чтобы обнять все дурное, что представляется в обществе, потому что они именно написаны под влиянием минутного расположения духа, в веселый час, во время отдыха, а не с серьезной целью. Автор отказался описать мздоимца и ябедника, он не хотел затрогивать человеческою тщеславия; равным образом ни г. Лайбов, ни г. Галахов

не представили нам, что «Были и небылицы» изображали ханжество, ласкательство, подслуживанье и выслуживанье пред высшими, грубость и жестокость с низшими, отсутствие собственных убеждений, животное равнодушие к высшим вопросам и т. п. А ведь нельзя не согласиться, что, при молчании об этих недостатках, вышла бы плохая характеристика общества, и если б императрица хотела писать характеристику, она бы, конечно, обратила на них более внимания, нежели на все

остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда в русском обществе. Доказательство представляет тот же «Собеседник», в котором помещены «Были и небылицы». И з совокупности заметок этого журнала, действительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сделал г. Лайбов во второй статье своей. Сказать же, что характеристика общества заключается в «Былях и небылицах», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастун» Княжнина или «Говорун» Хмельницкого представляют полную характеристику общественных недостатков.

Но какие же новые черты отыскал г. Галахов в «Былях», черты, которые были бы упущены из виду г. Лайбовым и могли изменить взгляд на это сочинение? Никаких. Он только распространил ненужными выписками из комедий императрицы и пр. то самое, о чем упомянул и г. Лайбов. Стоит сравнить все содержание статьи г. Галахова с 67–68 страницами статьи г. Лайбова в № V III «Современника», и каждый увидит, что г. Галахов ничего сколько-нибудь важного не прибавил к тому, что мы узнали о «Былях и небылицах» от г. Лайбова, у которого сказано было: «в первой же статье «Былей» осмеиваются: самолюбивый, нерешительный, лгун, мот, щеголиха, вздорная баба, мелочной человек... Во второй находятся насмешки над пренебрежением к литературе... Далее насмешки над человеком, который некстати высказывает свое недовольство, над женой, не любящей мужа, над девушкой, которая белится, и пр. ...автор вооружается против пристрастия к иноземному, особенно французскому, против того, когда человек тянется, чтобы выйти из свое го состоя ния, п ротив непостоя нства, часто ме ня ю ще го за веде н-ный порядок, против умничанья, которое он называет скучным...» Г. Галахов 858

счел нужным распространить все это выписками; но так как «Были» давали ему материала очень мало, то он начал выписывать из комедий, из Полного собрания законов, из «Словаря достопамятных людей», из «Историй Московского университета», и пр., и пр., воображая, что он представляет характеристику «Былей и небылиц». Да ведь делать эти выписки–дело совсем не

трудное. Г. Лайбов, конечно, сумел бы наделать их не менее г. Галахова, тем более, что смирдинское издание русских авторов и «Наказ» Екатерины II (главные материалы г. Галахова) у всякого под рукой. Таким образом, легко было бы, вместо шести страниц, выписать о «Былях» сорок три, и, следовательно, о всем «Собеседнике», вместо ста, семьсот страниц. Но г. Лайбов не в праве был сделать этого, говоря об одном из сочинений Екатерины II, а не об общем характере литературы. Если бы он писал статью о «нравах русского общества в век Екатерины», тогда, конечно, он мог выписывать все, что можно найти о них в современной литературе. В настоящем же случае он, по нашему мнению, хорошо сделал, что помнил, о чем он пишет.

Г. Галахов сам заметил неуместность своих рассуждений и оправдывает их тем, что «историко-литературное рассуждение должно выяснить вопрос вполне, поставить его в соотношение и с мерами правительственными и с произведениями словесности». Он говорит, что «нельзя оградить себя одними «Былями», что «нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у нас, в самом деле, было в прошлом столетии пристрастие к французскому воспитанию, что действительно были суеверия, были масонские общества, что точно были люди, не плативщие долгов, мотавшие, дурно исполнявшие семейные обязанности! Да помилуйте, кто же в этом сомневается? Это уже дело решенное. Ваша задача должна состоять только в том, чтобы показать, что я как отразилось в «Былях и небылицах». И вы, несмотря на щедрые выписки, успели представить из «Былей и небылиц» не более характерных черт, нежели г. Лайбов.

Г. Г алахов не понимает, откуда вывел г. Лайбов, что в веселом тоне «Былей» выразился блестящий век Екатерины, век веселий, век празднеств и пр. («Отечественные записки», стр. 82). Самое это мнение о веке Екатерины он считает ложным (стр. 44). Почему господин Г алахов отвергает качество, всеми признанное за этим блестящим веком и оставившее столь яркие следы и в тогдашней литературе и в воспоминаниях современников, этого он не считает нужным объяснять. Он,

очевидно, не хочет обратить внимания на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мере, столько же было писано од на празднества, сколько и на победы, что веселое направление выражалось во всем. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конец оды Державина на смерть Мещерского, и тогда слова г. Лайбова о веке Екатерины представились бы не более, как перифразом ее заключительной строфы.

Но всего интереснее рассуждение г. Галахова о тогдашнем воспитании. Несколько страниц об этом порождены тремя строками одного из примечаний г. Лайбова («Современник», № 9, стр. 64), где сказано; «Замечательно, что во время издания «Собеседника», несмотря на частные выходки некоторых журналов, в литературе нашей еще господствовало полное доверие и уважение к французам и их учению». Хотя перед этим ничего не говорилось о воспитании, но г. Галахов вообразил, что учение именно употреблено здесь в смысле школьных уроков, и написал грозную страницу, в которой упоминает и о Фонвизине, и о сатирических журналах 1769–74 г.

(которые оговорены были и г. Лайбовым), и даже о комедиях Сумарокова.

С маленькой натяжкой он мог бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень веры» Стефана Яворского. Г. Лайбов говорит о философских учениях, а г. Галахов воображает, что дело идет о детских учителях.

В доказательство того, что воспитание наше стремилось к народности с самого восшествия на престол императрицы Екатерины, он приводит много мест из «Полного собрания законов» и из «Наказа» и говорит, что Бец-кий работал в этом духе по идеям императрицы. Но странно, как г. Галахсв, умея приводить букву, не может вникнуть в истинный смысл и дух того, из 859

чего он приводит. Как будто официальная бумага – такое литературное произведение, которое прямо вам и объясняет внутренний характер всего дела. Совсем нет: здесь нужно добраться до сущности некоторыми соображениями. И, раскрыв «Собрание учреждений и предписаний о воспитании в России» (Спб., 1789 г.), совсем нетрудно сообразить дело, видя, что тут беспрестанно толкуется о греках, персах и римлянах, приводятся выписки из Локка, Саншеса, Гюма, Монтаня, припоминаются мнения Ришелье, помещаются вегециевы наставления, указывается на книгу о законах и домостроительстве Датского королевства, для пополнения и разъяснения изложенных здесь правил, говорится, что воспитательный дом учреждается по примеру Голландии, Франции и Италии, высказывается безусловное восхищение кассельским и лионским госпиталями для бедных, и пр., и пр. Г, Галахов в защиту своей мысли приводит также слова из официальной речи Сумарокова на открытие Академии художеств (стр. 60) и замечает, что Сумароков как бы повторяет здесь мысли Бецкого. Н о вот что тот же Сумароков говорил о Бецком в частной беседе: «есть де некто г. Тауберт: он смеется Бецкому, что он робят воспитывает на французском языке. Бецкий смеется Тауберту, что он робят в училище, которое недавно заведено при Академии, воспитывает на языке немецком, А мне кажется, и Бецкий, и Тауберт – оба дураки: должно детей в России воспитывать на языке российском» («Сем. Пор. Зап.», стр. 436). Вот какая может быть разница между самым делом и официальным представлением его: не худо г. Галахову заметить эту разницу.

Теперь спросим

Стр. 723, 10 строка снизу. В рукописи после слов: «статьи г. Галахова?», следует: – того, что представили своим читателям плохую статью.

Вообще, мы думаем, что «Отечественные записки» берут на себя в отношении к «Современнику» ту роль, какую играла относительно «Отечественных] записок» в блестящую эпоху их существования «Северная пчела», и что эта роль может принести «Отечественным] запискам» столько же чести, сколько приносила «Северной пчеле».

Декабрь 1856 г.

(стр. 723– 729)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, №12,

стр. 293–300; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ.,

1906), стр. 653–658.

Рукопись-автограф на пяти листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве; в «Современнике» помечена: «Декабрь»; в полном собрании сочинений – «Ноябрь»; в рукописи– «Ноябрь и декабрь». Сохранилась не полностью: отсутствуют отрывки текста: 1) на стр. 728, строка 24, начиная со слов: «В самом начале Нынешнего года» и кончая словами: «разъяснение многих недоразумений» (стр. 728, 4 строка снизу), и 2) на стр. 729, строки 18–29, начиная со слов: «Появление «Русской беседы» и кончая словами: «замечательными достоинствами». Этот пробел происходит от дефекта рукописи, лист которой наполовину оторван.

Стр. 723, 3 строка снизу. В рукописи после слов: «самых выгодных», еле--дует: и почетных при данном положении обстоятельств. Уже одно недовольство, при обнародовании мирных условий распространившееся в обеих воевавших с нами странах, могло бы, в случае нужды, служить неоспоримым свидетельством, что условия эти были для нас выгоднее, нежели для них.

[В самом деле, мы в сущности не лишились ничего]. Мир, который Стр. 724, 21 строка. В рукописи: статьи, – явилось даже несколько новых книг, заслуживших общее внимание, чего давно уж не было. Так оживилось

Стр. 725, 11 строка снизу. В рукописи после слова: «смысле» – сноска: Признаемся, мы не ожидали, чтобы «Русский вестник» почел приличным воевать в своем объявлении о подписке на следующий год против других жур-860

налов, – да, вероятно, теперь и сам он видит странность своей досады; в последнем предположении мы не станем и говорить о неловкости этого странного нападения.

Стр. 726, 5 строка. В рукописи: для развития всего нашего общества, всей нашей литературы.

Стр. 726, 7 строка. В рукописи: думают; [они знали только, что на Западе им что-то не нравится] их доктрина.

Стр. 726, 20 строка, В рукописи : раем. Просвещение и в Западной

Европе еще не одержало совершенной победы над невежеством, добро над

злом. Истинно образованный русский

Стр. 726, 24 строка. В рукописи после слов: «и хорошем», следует: что единственная разница между ими может существовать только в том, что один ожидает в Европе (как и везде) победы добра над злом, света над тьмой; другой считает Западную Европу страною, отжившею свой век; один полагает, что семена добра у нас будут возрастать по разумным историческим законам, другой увлекается надеждою, что для его любимой страны, его отчизны может найтись исключительный, совершенно гладкий и очень краткий путь развития. Мы полагали

Стр. 726, 9 строка снизу. В рукописи: были неправы [«Русскую беседу» напрасно было бы винить за преувеличения, за пристрастия, напрасно было бы соглашаться с нею в чем-нибудь.]

До сих пор

Стр. 726, 7 строка снизу. В рукописи; хотя отчасти [до сих пор она не сказала еще ничего такого, что заслуживало бы опровержения–.] Нельзя с нею Стр. 726, 5 строка снизу. В рукописи: несправедлива – не потому, чтобы в самых принципах славянофильства не лежала некоторая доля правды, хотя искаженной или преувеличенной, – нет

Стр. 726, 1 строка снизу. В рукописи: истины, очистив которую от примеси лжи, можно выставить как пункт], с которой Стр. 727, 3 строка. В рукописи после слов: «сколько-нибудь связною или ясного», следует: Доктрина славянофильства до сих пор остается туманным хаосом, в котором ровно ничего не могут определенно различить те самые, которые объявляют себя последователями этой доктрины.

Они говорят, например, о науке. Нет сомнения, что они любят науку и заслуживают за то великой похвалы. Но что такое разумеют они под этим

словом? Они сами не знают. Они не удовлетворяются западною наукою — почему? — они сами этого не знают; они хотят какой-то другой науки — какой? — опять они сами этого не знают.

Они говорят, например, что народность есть великая и священная сила — но что разумеют они под народностью? — Опять та же история: они сами того не знают.

Как не знают? Ведь они много говорят о науке и о народности? Но что говорят!

Как же?

Стр. 727, 5 строка. В рукописи: Но что говорят! — [Западная наука для них равно выражается в Канте и Жюль Жанене, де Местре] самые Стр. 727, 13 строка. В рукописи: какой-нибудь смысл [стало быть хотя какое-нибудь, положительное или отрицательное отношение к истине,—] можно будет

Стр. 727, 22 строка. В рукописи: повторяются в их доктрине, и попробуйте

Стр. 727, 24 строка. В рукописи после слова: «представления», следует: Попробуйте узнать, чего они хотят, чем они довольны или недовольны — опять та же история. Они хотят вещей несовместимых — Они недовольны следствием, принимая причину, или наоборот.

Словом, доктрина славянофилов, насколько она до сих пор видна в «Русской беседе», не представляет ровно ничего, кроме хаоса; нет в ней ни одной 861

ясной черты, нет у ней ни принципа, ни цели, которые бы ясны были для самих славянофилов.

Она ни на шаг не подвинулась с того времени, как выражала<Ссь> в «Московских сборниках». Потому-то все и были обмануты в своих ожи-да<![ни]>ях найти в «Русской беседе» что-нибудь имеющее интерес для мысли. До сих пор ничего нет в ее доктрине, кроме тумана.

Вероятно, когда-нибудь она прояснится для своих последователей, но публика ошиблась в своих надеждах, что это время уже пришло.

Потому интерес

Стр. 727, 22 строка снизу. В рукописи после слова: «внимание», следует: Но во всяком случае, хорошо, что она существует. Во-первых, все-таки одним журналом у нас больше — уж и то хорошо; во-вторых — когда-нибудь поймут же славянофилы, чего они хотят — н вот, у них уж готов орган для выражения этого открытия; в-третьих, некоторые из сотрудников «Русскэй беседы» люди даровитые или основательные, и потому в ней, независимо от направления, было несколько статей хороших, не говоря уж о прекрасных стихотворениях г. И. Аксакова; в-четвертых, если «Русская беседа» не могла ни в каком смысле разрешить тех вопросов, которыми занимаются славянофилы (не могла решить даже и в славянофильском духе — ничего ясного не было о них сказано) — то все же она затрагивала их, и это было поводом к возбуждению мысли.

Кроме «Русского вестника»

Стр. 728, 4 строка. В рукописи после слова: «удовлетворителен», следует: в ней заметно более простора вдохновению, менее рутинной принужденности; конечно, всего этего еще мгло, чтобы совершенно соответствовать потребностям публики; конечно, все еще недостает нашей беллетристике той глубины и широты содержания, какой можно было бы желать, — но все-таки она теперь находится в лучшем положении, нежели была прежде, — сравним ее произведения в нынешнем году с тем, что представляла она три-четыре года назад, и мы прийдем в восторг от ее богатства. Мы несомненно сделали шаг вперед. [Лишь бы продолжалось так, как идет теперь, а если чего не достает еще]

«Оды Горация»

Стр. 728, 21 строка. В рукописи после слов: «с жизнью», следует: Об этом сближении, конечно, больше говорят, нежели приводят в исполнение, более воображают, нежели говорят. Но все -таки оно делает несомненные

успехи.

В пример.

Стр. 729, 19—30 строки. Весь этот абзац, начиная со слов: «Появление «Русской беседы» и кончая словами: «внимание замечательными достоинствами», в рукописи отсутствует вследствие ее дефектности: половина листа оторвана и не сохранилась. В сохранившемся начальном отрывке рукописного текста перед абзацем, начинающимся словами: «Опытом из нынешнего года», в рукописи разночтение:

...случайно: оно зависело от пробуждения в обществе умственной деятельности, — дело, которому наши журналы честно служили, по мере средств, представляемых настоящим развитием русской литературы.

Стр. 729, 10 строка снизу. В рукописи конец (вместо последнего абзаца «Современника») таков: Наш коренной порок— апатия, остаток азиатской умственной лени, которой мы слишком долго предавались. В нашем обществе есть уже люди, мысль которых пробуждена до такой степени что дремота им невозможна нн в каком случае. Но эти люди составляют еще исключение, довольно редкое. В целом составе общества мысль еще < н е> достигла такого сильного развития, чтобы бодрствовать постоянно, самобытною силою,— живость, с которою она движется, совершенно зависит еще от обстоятельств. Впрочем, не одно русское, а решительно все общества до некоторой степени,— иные больше, другие меньше, — оправдывают пословицу: гром не ударит, мужик не перекрестится — вот, например, англичане — бесспорно, они самый деятельный и самый настойчивый народ в Западной Европе, а между тем 862

и они дремали относительно устройства своей армии, пока не грянул Гром,— пока не замерзла половина этой армии в Крыму и не была истреблена другая половина в битвах, обнаруживших неспособность Раглана и его товарищей. А теперь, когда гром: войны замолк, они снова начинают дремать, и почти перестали заботиться о знаменитой «административной реформе», которая так необходима казалась им полтора года тому назад. Обстоятельства имеют большое влияние на пробуждение общества от

Нет сомнения, что в этом отношении мы много обязаны войне: она заставила нас протереть глаза, она вызвала всеобщее живое участие своими грозными катастрофами, геройским мужеством наших войск: общество оживилось этим участием, во всех концах и углах России началось движение, источником которого была благородная народная гордость. Но все сферы жизни так тесно между собою связаны, что при пробуждении ума в одном направлении, и во всех направлениях начинает он обнаруживать более бодрости.

Таким образом, войну и произведенное ею возбудительное впечатление на умы должно считать непосредственным источником оживления нашей литературы.

Что ж далее? Неужели надобно ожидать, что по мере того, как военные впечатления ослабляются с течением времени, будет снова овладевать апатия нашею умственною жизнью, и литература, подчиняясь общему направлению к дремоте, также потеряет часть этой энергии, которая теперь радует нас?

Дело известное, что будущее зависит от обстоятел ьств, из которых многие не могут быть предусмотрены. Почему знать? — быть может явится гений, подобный Гоголю или Пушкину — и поддержит интерес к литературе; быть может где-нибудь в другой стране явится гений, подобный Байрону, и оживив собою всемирную литературу, пробудит отражением своих идей и в русской литературе какое-нибудь новое направление;— быть может, — чтобы делать сферу своих предположений все шире и шире, — в русской или всемирной истории начнут совершаться какие-нибудь великие, вдохновительные события — мало ли каких благоприятных случаев можно предположить? —

Но ни на один из них нельзя рассчитывать; напротив, гораздо вероятнее, что ничего особенного не произойдет, и жизнь довольно долго будет итти медленным,

спокойным шагом.

Как бы то ни было, можно предугадывать только, что произойдет по силе данных обстоятельств и отношений, если ход развития не будет изменен

какими-нибудь непредвиденными влияниями. Правдоподобные заключения о будущем могут быть основываемы только на фактах настоящего. Сейчас мы указали эти факты.

Но кому не нравится заключение о судьб<!ах!> литературы, о будущем, к которому ведут они, может, если ему угодно, остановиться на мысли, что литература также есть факт, что настоящая энергия ее есть также факт, и должен также иметь свою долю влияния на общий характер развития умственной жизни: литература пробуждена жизнью, приобрела, благодаря ей, известную степень силы, – теперь, став силою, она в свою очередь оказывает влияние на умственную ж изнь;– дитя, вскормленное отцом, становится поддержкою отцу.

Итак, все зависит от разрешения двух вопросов; захочет ли литература употребить свое могущество на оживление умственной <Сдеятельности> общества, чтобы, возбуждая ее, постоянно находить в ней прочную опору для себя? И если захочет, то как велико ее могущество?

Что она будет хотеть, – в том нет никакого сомнения: все прошедшее нашей литературы с Гоголя ручается за то; она не изменит призванию, которому всегда честно служила. Но затруднительно определительным образом отвечать на вопрос о степени ее могущества. Можно сказать только, что она не так ничтожна, как может иногда казаться. В следующем году, конечно, будем мы иметь более данных для положительного ответа.

863

ЗАГРАНИЧНЫ Е ИЗВЕСТИЯ.

< И з № 7 «Современника» >

(стр. 730–750)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 7, стр. 99– 118; перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 438–456.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

Стр. 749, 9 строка снизу, В «Современнике» неверный полсчет:

23, 323, 714 27, 114, 227

Стр. 749, 8 строка снизу. В «Современнике» неверный подсчет:

6, 024, 866, 886 8, 625, 083, 172 < И з № 8 «С©временника»>

(стр. 750– 759)

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1856, № 8, стр. 21ъ–230. перепечатано во II томе полного собрания сочинений (СПБ., 1906), стр. 511–518.

Рукописи и корректуры не сохранилось. Воспроизводится по тексту «Современника».

ПРИЛОЖ ЕНИЯ.

«ВАРИАНТЫ «ОЧЕРКОВ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА».

(стр. 760– 770)

Мы здесь даем три варианта, обозначенные «I», «II», «III». I и II относятся к 4-й С Т a ib e . (I вариант представляет собою начало 4-й статья.)

III вариант взят из пятой статьи. В рукописи Чернышевский еще говорит о «критике гоголевского периода»; в тексте - «Современника» здесь впер_ые названо имя Белинского. – В прямых скобках помещены зачеркнутые в рукописи места.

I

Стр. 760, 14 строка. В рукописи: Все эти [люди, начиная с Дельвига и] деятели

Стр. 760, 8 строка снизу. В рукописи: предшествовавших [«Отечественным запискам», именно «Русского вестника», с которым одинаков был «Сын отечества», когда издавался Н. А. Полевым, «Библиотеки для чтения» и «Московского наблюдателя» (за первые годы) с его более значительным продолжением «Москвитянином» (также за первые годы)] эпохе приобретения

было и «Литературною газетою» и «Современником» 1836–1846 годов] было ими положительно высказываемо Стр. 762, 6 строка. В рукописи: о русской литературе [Читателям известно, что эта заслуга принадлежит критике, органами которой были «Отечественные записки» и потом, около года, наш журнал. После того в русской литературе почти все изменилось, многое к лучшему, иное – и очень многое – быть может не к лучшему, но все -таки изменилось, Прежние поэты и беллетристы или почти сошли со сцены, или пишут мало,– во всяком случае, наполовину забыты публикою; из писателей, которые ныне] [Было время, когда «Отечественные] [этот журнал был единовласти -телем в русской литературе – об этом-то блестящем его времени мы и должны говорить. После этого переменилось многое в русской литературе,– и имена]

864

Читателям известно

Стр. 762, 18 строка. В рукописи: мы пишем не историю журнальной полемики, – [читатели видели, что мы не приводим фактов, даже не историю журналистики] следовательно III

Стр. 766, 22 строка. В рукописи: рода у [Лессинга и Руссо, которые считаются лучшими,] величайших

Стр. 766, 25 строка. В рукописи: доброму. [И сам Демосфен] Великие ораторы

Стр. 767, 15 строка. В рукописи: Эти люди [наравне с философами! имели

Стр. 767, 21 строка. В рукописи: прекрасному [качество, в недостатке которого редко можно упрекнуть каждого человека] [качество, которого не замечается только в людях с сухим холодным сердцем] [в людях вялых и мертвых по натуре] в соединении с проницательным Стр. 769, 13 строка. В рукописи: нужды.

[Надобно же соединиться стольким качествам в одном человеке! Редкий случай! – Может быть, подобные случаи действительно очень редки, но что все эти качества соединились в авторе статей о Пушкине, дело опять-такш очень простое: именно такого, а не другого человека требовали обстоятельства, и, не будь его, явился бы на его месте кто-нибудь другой, подобный ему, – или место осталось бы не занято, и нам не о чем было бы говорить].

Надобно сказать

Стр. 770, 11 строка снизу. В рукописи: до-гоголевскую колею.

[Итак, мы дошли до вопроса о системе литературных воззрений в критике гоголевского периода, и постараемся изложить по возможности ясно и точно этот предмет, важнейший в истории нашей литературы, – только Гоголь, как мы сказали, равняется своим значением для общества и литера* туры значению автора статей о Пушкине.

Факт, столь значительный, как критика гоголевского периода, не мог возникнуть внезапно, в одно прекрасное утро, как являются только литературные грибы; не мог возрасти из ничего – так надуваются собственною пустотою только литературные мыльные пузыри, которых мы видывали довольно, и которые лопались в глазах насмешливо улыбающейся публики, несмотря на все крики своих записных поклонников, – которые, впрочем, на другой же день забывали о их эфемерном существовании. Критика гоголевского периода росла долго, прежде нежели достигла своего полного развития, – предшественником «Отечественных записок» был

«Телескоп», образователем автора статей о Пушкине – покойный Надеждин, один из замечательнейших людей в истории нашей литературы. Человек необычайного ума и громадной учености, человек, какого не являлось между нашими учеными со времен Ломоносова].

Все эти редкие качества < о СОЧИНЕНИЯХ гоголя>

(стр. 771– 776)

нышевского (Гиз, 1930, стр. 353–356) – не полностью, а кончая слозами: •«произносить суждение о пяти главах «Мертвых душ» (стр. 773, 5 строка снизу). Вторая половина статьи использована в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования под ред. В. В. Гиппиуса». Л. 1936, стр. 487–489. Рукопись-автограф на пяти листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве. Она представляет собою разрозненные листы, перенумерованные Чернышевским: 3, 4, 8, 9 и 10. Утрачены: начало статьи, ее середина после слов: «и произносить суждение о не пяти главах «Мертвых душ», до слов: «этой потери единственного Интеле Н| Г, Чернышевский, т. III 866

реса». Конец рукописи также не сохранился, она обрывается на словах:

«твои заслуги перед родиной», без заключительного знака препинания.

На полях 3-го листа рукописи (по нумерации Чернышевского) имеется его карандашная пометка: «Из статьи о сочинениях Гоголя, которая не была напечатана, а только подала повод х «Очеркам гоголевского периода» – в 1-ю статью их из этой вошло примечание о II томе «Мертвых душ».

На полях 8-го листа рукописи, где начинаются указания Чернышевского типографии о наборе отмеченных отрывков из «Мертвых душ», имеется карандашная пометка Чернышевского:

«Не заменить лн эти выписки другими, более замечательными местами?

Во всяком случае, некоторые из отмеченных мест надобно исключить, потому что их слишком много – у меня отмечено столько, что всего вышло бы около 13 стран[иц] «Современника» – я предполагал, что Вы выберете половину или даже мекее».

< РА ЗГО В О Р О ТЧА СТИ ЛИ ТЕРА ТУ РН О ГО , А БОЛЕЕ Н Е Л И ТЕРА ТУ РН О ГО СОДЕРЖ АНИЯ. >

(ст* 776–732)

Печатается по рукописи (автографу), хранящейся в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись сохранилась не полностью. Она состоит из трех с половиной полулистов писчего формата и обрывается на

На обороте вгого оборванного листа сплошь зачеркнуто карандашом:

«...[этих] крупных и частых капель ливня, между < тем > трава, за минуту взволнованная ветром, пробегающим перед падением дождя, не шевелится, при совершенной тишине. Этут гул и ропот дождя, эти дороги, дымящиеся пылью и слегка пестреющие под резкими ударами крупного минутного ливня... Каждый из этих штрихов очерчен рукою мастера. [Найдите мне [подобную? картину лучше этой]. Ни в «Георгинах», ни у английских лэкистов не найдете вы картины, которая была бы лучше этой.

Чистомазов. Но дело в том, что подобных картин в «Рудине» слишком мало.

Смирнов. Однако ж, их наберется не один десяток [как только действие повести переносится из комнаты на открытый воздух]: природа является повсюду как фон картины и очерчивается с любовью и удивительным мастерством, когда это нужно или возможно по ходу рассказа.

Бульдогов. Ну, иному хотелось бы, чтобы и в драматических местах рассказа вместо драмы были пейзажи. [Только знаете ли, что я вам скажу?]

У меня был приятель, который ежечасно и повсеместно чертил миленькие картинки, –

как только подвернется ему под руку лист бумаги, сейчас украсит его лошадиной мордою или ландшафтом.

П РИМ ЕЧАНИЯ К П ЕРЕВОДУ «ФАУСТА».

Гетр. 783– 793)

Первоначально опубликовано в сборнике «Звенья» № 2 (М., 1933), стр. 97– 117.

Рукопись-автограф на девяти листах в полулист писчего формата хранится в Центральном государственном литературном архиве вместе с листом корректурных гранок, помеченных 2 октября <Г 1856 т.Л>.

Корректура не охватывает собою текста рукописи в полном объеме, – она кончается словами: «Уехал рыскать по свету». Рукопись же представлена

целиком. В основу публикации положена корректура, как последний авторизованный текс', с восстановлением в основном тексте статьи мест, вычеркнутых редакционным карандашом И. И. Панаева. На обороте 2 листа рукописи 806

пометка Чернышевского к типографии: «Завтра поутру рано будет прислано еще несколько примечаний. К вечеру кончу их. Н. Чернышевский.

P. S. Иван Иванович <Панаев. – Ред.~> также говорит, что Ин<Состран-ного?> Ф ел<ьетона?> не нужно».

На обороте 6 листа (4 по нумерации Чернышевского) карандашная его заметка к типографии: «Конец будет готов (три страницы) <С3/в листа зачеркнуто.– Ред.Л> к 4 часам дня вместе с корректурами Фауста. N3- Стихотворение Николая Алексеевича непременно нужно прочесть мне в корректуре – набрано ли оно? Его ведь нужно поместить в этот нумер».

Стр. 783, 8 строка. В рукописи текст Чернышевского, приведенный нами в прямых скобках, вычеркнут карандашом И. И. Панаева и исправлен:

Мы очень рады, что удовлетворяем желание, возбуждаемое в читателе рассказом г. Тургенева, помещенным в этой книжке, прочесть Гетева «Фауста», представляя тут же перевод г. Струговщикова,

В корректуре весь абзац Панаева вычеркнут красным карандашом.

Стр. 783, 7 строка снизу. В рукописи: искушением.

«Он духом чист, хотя в нем веры нет» – в подлиннике: «Человек заблуждается, пока стремится», то есть: «нужды нет, что Фауст заблуждается (ответ господа Мефистофелю) – пока человек стремится к истине и добру, он еще не обладает ни истиною, ни добром, в его понятиях и действиях могут быть ошибки, но только это стремление, хотя и неразлучное с ошибками, приводит к истине и добру».]

«Он духом чист

Стр. 783, 2 строка снизу. Слова: «отрицания, безграничного сомнения» – корректурное исправление. Первоначально в рукописи: достичь истины и добра силою его разума.

Стр. 785, 1 строка. В рукописи:

[Н о ч ь.

Фауст не олицетворение отвлеченной силы, как Мефистофель и другие действующие лица, он живой человек, подобно Гретхен, Марте, Валентину и проч. Но с тем вместе он является в трагедии представителем общих стремлений человеческого духа в известную эпоху его развития, – представителем стремлений и борьбы, возникающих не из случайных обстоятельств времени и места, а рождаемых самою натурою человека, как скоро он достигает той поры, когда перестает подчиняться в своих понятиях внешнему авторитету] [Ночь.

Фаусту невыносима жизнь, какую вел он до сих пор: он алкал знания, и узнав все,

что открыто наукою, видит, что]

«Вот книга Нострадама».

56 Н. Г. Чернышевский, т. Ш.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://chernyshevskynikolai.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!